ОЧЕРКИ ИСТОРИИ СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

—

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ СССР

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ:

академик **Н. М. Дружинин** *(председатель),*
доктор исторических наук
А. Л. Сидоров *(зам. председателя),*
академик **А. М. Панкратова,**
члены-корреспонденты АН СССР:
М. В. Нечкина, Б. А. Рыбаков, С. Д. Сказкин,
доктора исторических наук:
М. П. Ким, А. А. Новосельский, П. Н. Третьяков,
Л. В. Черепнин,
кандидат исторических наук
Л. М. Иванов

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА
1955

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ СССР

ПЕРИОД ФЕОДАЛИЗМА

XVII в.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ:

доктора исторических наук

А. А. Новосельского,

кандидата исторических наук

Н. В. Устюгова

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА

1955

ВВЕДЕНИЕ

История Русского государства XVII в. стала предметом изучения сравнительно поздно. Первые сколько-нибудь обстоятельные изложения и монографические исследования этого столетия относятся ко второй половине XIX в. В историографии предшествующих периодов есть лишь общие характеристики и оценки XVII века в истории России.

Виднейшие представители дворянской историографии конца XVIII и начала XIX в. князь М. М. Щербатов и Н. М. Карамзин резко противопоставляли время Петра I предшествующим столетиям. Оба историка представляли интересы господствующего класса крепостников, но М. М. Щербатов был выразителем притязаний его аристократической части, а Н. М. Карамзин порицал притязания «мятежной аристократии», подвергавшей, по его мнению, опасности самое существование Русского государства, и выражал интересы крепостников-дворян. Оба эти автора испытывали страх перед всякими новшествами, нарастанием классовой антифеодальной борьбы, за которыми они чувствовали угрозу революции, и считали самодержавие и крепостничество незыблемыми основами Русского государства.

М. М. Щербатов подчеркивал отсталость России в период, предшествовавший Петру I: «Торговли ни внутренней, ни внешней не было...». «Не было ни фабрик, ни рукоделий, и простейшие вещи получали от чужестранцев». Не только народ «не имел никакого просвещения», но и многие знатные бояре не знали грамоты и т. п. [1] Вместе с тем М. М. Щербатов находил в допетровской Руси простоту и крепость нравов, которые, по его мнению, составляли силу государства. Петр I сделал много для продвижения России вперед, но положил начало тому «повреждению нравов», которое с особенной силой обнаружилось ко времени Екатерины II [2].

В представлении Н. М. Карамзина XVII век является непосредственным продолжением предшествующего столетия. Он признает, что Европа к этому времени «далеко опередила нас в гражданском просвещении». По мнению Н. М. Карамзина, заслуживало особенной похвалы то, что в XVII в. обновлялось и делалось «только необходимое, согласное с понятиями народными и ближайшее к существующему». «Сие изменение

---

[1] *М. М. Щербатов.* Соч., т. II, СПб., 1898, стр. 13—16.

[2] Там же, стр. 138 и сл.

делалось постепенно, тихо, едва заметно, как естественное возрастание, без порывов и насилия»; Петр I «мощною рукою схватил кормило государства. Он сквозь бурю и волны устремился к своей цели, достиг, и все переменилось!». Вводя иностранные обычаи, Петр I «искоренял древние навыки». В этом, как говорит Карамзин, заключается «вредная сторона его блестящего царствования»[1].

Таким образом, Щербатов и Карамзин, будучи идеологами дворянства, искали в старине обоснования своих реакционных воззрений.

Новый этап в развитии русской историографии вообще и во взглядах на историю XVII в. представляют воззрения декабристов. Декабристы проявляли глубокий интерес к истории России и в ее трактовку внесли новые и передовые для того времени идеи. Будучи идейными преемниками Радищева, декабристы страстно критиковали и решительно отвергали крепостничество. Они единодушно осудили реакционную феодальную идеологию Карамзина и других дворянских историков. Не умея правильно оценить прогрессивное значение государственной централизации и восставая против самодержавия, декабристы первыми отметили роль сословно-представительных учреждений в истории России XVI — XVII вв., хотя и расходились в оценке этой роли. Очень важно также, что декабристы настойчиво подчеркивали связь XVII века с эпохой петровских реформ, чем значительно опережали официальную историографию[2].

Декабрист А. О. Корнилович в своем исследовании «Известия об успехах промышленности в России и особенно при царе Алексее Михайловиче» довольно подробно описал экономическую политику правительства в XVII в., подготовившую реформы Петра I[3].

Славянофилы, подобно Щербатову и Карамзину, резко противопоставляли Московскую Русь новому периоду, начинающемуся эпохой Петра I. Наиболее отчетливо эта точка зрения высказана К. С. Аксаковым. Московская Русь, по утверждению Аксакова, была воплощением начал самобытного развития русского народа. Она была сильна, говорит Аксаков, «добровольным союзом и отношениями» земли и государства, причем «внешняя правда» была присвоена государству, а «внутренняя правда — земле; неограниченная власть — царю; полная свобода жизни и духа — народу; свобода действия и закона — царю, свобода мнения и слова — народу». К. С. Аксаков утверждал, что «до Петра помещичьи и вотчинниковы крестьяне были люди свободные и полноправные», что «крепостное состояние есть дело преобразованной России». При Петре I «переломлен был весь строй русской жизни, переменена была самая система»[4].

---

[1] *Н. М. Карамзин.* Записка о древней и новой России. СПб., 1914, стр. 21—24.

[2] *С. С. Волк.* Исторические взгляды декабристов.— «Вопросы истории», 1950, № 12, стр. 38, 47—48, 51, 56 и др.

[3] *Н. П. Макухина.* Исторические взгляды декабриста А. О. Корниловича. М., 1954, стр. 24, 30, 64—65 и др. (Рукопись).

[4] *К. С. Аксаков.* Сочинения исторические.— Полное собр. соч., т. I, М., 1889, стр. 30—31, 46—47, 62, 284, 488—489.

Решительную борьбу со взглядами дворянско-крепостнических историков, представителей официальной историографии, вели революционные демократы.

Разбирая книгу Жеребцова по истории цивилизации в России, Н. А. Добролюбов подверг критике всю систему славянофильских взглядов на историю. Критикуя взгляды Жеребцова на историю русской цивилизации, Н. А. Добролюбов пишет: «Во взгляде этом прежде всего поражает нас искусственная точка зрения. Берутся свои отвлеченные принципы, и под них подводится живое народное развитие». «Прежде всего ставят над народом собственные условные идейки и затем смотрят только на то, в какой степени удовлетворяет он этим идейкам. И какой мертвечиной схоластики веет от самых идеек этих!»[1] «К счастью, положения г. Жеребцова совершенно ложны, с начала до конца, и едва ли могут ввести в заблуждение читателя, имеющего хоть какое-нибудь понятие о естественном ходе истории»[2]. Славянофильские взгляды на русскую историю лишены всякой научности и представляют собой навязывание прошлому того, чего там не было, но что вытекало из реакционной идеологии славянофилов[3].

С наибольшей полнотой взгляды революционных демократов на XVII столетие выражены Н. А. Добролюбовым в его рецензии на сочинение Н. Г. Устрялова «История царствования Петра Великого»[4]. Н. А. Добролюбов не дает периодизации русской истории вообще и характеристики XVII в. как особого периода. Но разбор сочинения Н. Г. Устрялова и оценка им деятельности Петра I дали Н. А. Добролюбову повод высказать ряд суждений о предшествующем периоде.

Критика труда Н. Г. Устрялова, данная Н. А. Добролюбовым, направлена против государственной школы в целом. «У самого Карамзина мы находим,— пишет Н. А. Добролюбов,— что вся история народа пожертвована строгому и последовательному проведению одной идеи — об образовании и развитии государства Российского». «Государственным воззрениям» историков Н. А. Добролюбов противопоставляет свои и с большой глубиной доказывает, что история должна быть историей народа, если только она имеет «притязание на серьезное ученое значение»[5].

Н. Г. Устрялов утверждал, что «светлой» стороной древней России было «зрелое, самобытное развитие государственных элементов».

---

[1] *Н. А. Добролюбов.* Русская цивилизация, сочиненная г. Жеребцовым.— Полное собр. соч., т. III, М., 1936, стр. 236, 240—241, 253.

[2] Там же, стр. 260.

[3] Там же, стр. 254: «С этакими господами нечего уже делать: их не урезонишь, потому что они не хотят убеждения, не хотят правды, а видят и знают только то, что им выгодно».

[4] *Н. А. Добролюбов.* Первые годы царствования Петра Великого. (История царствования Петра Великого. Н. Устрялов. СПб., 1858, три тома).— Полное собр. соч., т. III, стр. 114—212.

[5] Там же, стр. 120—121.

«Благотворное развитие основных элементов» Н. Г. Устрялов усматривал в «правлении крепком, единодержавном, заботливо охранявшем неприкосновенность закона»; в церкви, находившейся «в наилучших отношениях к миру и к верховной власти»; в «дворянстве знаменитом, блестящем, не уступавшем никакому другому доблестью и заслугами»; в «единстве веры, языка, управления», составлявших основу «могущественной державы, готовой по первому мановению царя восстать на своих врагов» и т. п.

Против этой официальной «теории» — «самодержавие, православие, народность» — Н. А. Добролюбов и направил всю силу своей критики, поскольку это допускали цензурные условия. «Часто мы видим в истории,— говорит он,—что или государственные интересы вовсе не сходятся с интересами народных масс, или между государством и народом являются посредники, вроде каких-нибудь сатрапов, мытарей и т. п., не имеющие, конечно, силы унизить величие своего государства, но имеющие возможность разрушить благоденствие народа». Н. А. Добролюбов разоблачает идеализацию старины, «основных элементов», благотворным развитием которых восторгается Н. Г. Устрялов, и рисует картину невежества высших и низших слоев общества, самоуправство и лихоимство властей, плохое устройство войска, косность и закоренелую спесь правящих кругов и т. п. Только снаружи все было благополучно, «внутри все было расстроено, искажено, перепутано, лишено всякой чести и справедливости»[1]. «Предшественники Петра старались поддержать старину и, видя зло, думали поправить его, починивая кое-где старую систему. Несмотря на то, старая система все падала, все становилась хуже, все более и более возбуждала негодование народа, который чувствовал необходимость нового, но не знал, где и как его искать»[2]. Ход дела угрожал «страшным, беспорядочным взрывом, предвестием которого служило все царствование Алексея Михайловича»[3].

Таким образом, Н. А. Добролюбов своей критикой разоблачал всяческие реакционные взгляды на историю и развивал новые передовые взгляды на историческую науку как историю народа, как правдивое исследование прошлого русского народа.

Передовой характер исторических воззрений революционных демократов становится особенно очевидным из сопоставления их со взглядами крупнейших буржуазных историков второй половины XIX в.

Изложение истории Русского государства XVII в., данное С. М. Соловьевым, было основано на новом документальном материале, что представляло для того времени значительное научное достижение.

С. М. Соловьев рассматривает XVII век как период подготовительный к эпохе преобразований Петра I. «При первых трех государях новой династии мы видим уже начало важнейших преобразований». Эти преобразования захватывают различные стороны жизни: войско, торговлю,

[1] *Н. А. Добролюбов.* Указ. соч., стр. 123—127.

[2] Там же, стр. 136.

[3] Там же, стр. 127.

промышленность. Новый вид принимают внешние сношения, сознается необходимость просвещения. «Преобразователь воспитывается уже в понятиях преобразования, вместе с обществом приготовляется он идти только далее по начертанному пути, докончить начатое, решить нерешенное. Так тесно связан в нашей истории XVII век с первою половиной XVIII: разделить их нельзя»[1].

Правильно отмечая наличие связи XVII в. с периодом реформ Петра I, С. М. Соловьев в характеристике этого столетия оставался на идеалистических буржуазно-либеральных позициях. Для него XVII век был временем утверждения надклассового государственного начала. Классовую борьбу, столь характерную для XVII в., он рассматривал как проявление противогосударственных сил. Носителем этого противогосударственного начала было прежде всего казачество как пережиток «богатырского» периода русской истории. С. М. Соловьев не видит в крестьянстве основной движущей силы народных восстаний XVII в. Крестьяне, по его мнению, были способны лишь к пассивному сопротивлению, выражавшемуся в побегах. Возбудителем же восстаний были казаки, «богатыри древности», не желавшие подчиняться государственному, «земскому» началу[2]. С. М. Соловьев, будучи идеалистом, не видел и не мог видеть, тем более правильно определить характер экономических сдвигов и классовой борьбы, происходивших в стране в XVII в. Даже его замечания о связи XVII в. с эпохой Петра I сводятся в основе своей к чисто идеалистическому утверждению, что «сознание экономической и нравственной несостоятельности» подготовляло реформы Петра I[3].

Наиболее резкое выражение взгляды историков буржуазно-либерального направления нашли в работах Б. Н. Чичерина. По мнению Б. Н. Чичерина, только «с XV в. начали развиваться понятия государственные», и можно говорить о государстве на Руси[4]. «До того времени это общество—гражданское общество, если хотите, но имени государства ему нельзя дать...»[5].

Государство — это надклассовая и благодетельная сила, которая со времени своего возникновения начинает творить историю России. «Образование государства, — говорит Б. Н. Чичерин,— вот поворотная точка русской истории...»[6].

Первой и основной задачей возникшего государства было обуздание «всеобщего брожения». Государство прежде всего стало приковывать

---

[1] *С. М. Соловьев.* История России с древнейших времен. Изд. «Общ. польза», кн. 1, стб. 5—6.

[2] Там же, кн. 3, стб. 661—663.

[3] Там же, стб. 733, 758.

[4] *Б. Н. Чичерин.* Обзор исторического развития сельской общины в России.— В кн.: «Опыты по истории русского права», М., 1858, стр. 26—27.

[5] *Б. Н. Чичерин.* Еще о сельской общине (Ответ г. Беляеву).— Там же, стр. 70.

[6] *Б. Н. Чичерин.* Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей.— Там же, стр. 380—381.

все сословия к государственному тяглу Если рассматривать закрепощение крестьян «в связи с другими явлениями жизни, в связи с предыдущей историей, мы убедимся, что в этом не было ничего исключительного и несправедливого. Это было укрепление не одного сословия в особенности, а всех сословий в совокупности; это было государственное тягло, наложенное на всякого, кто бы он ни был. Все равно должны были всю свою жизнь служить государству, каждый на своем месте: служилые люди на поле брани и в делах гражданских, тяглые люди — посадские и крестьяне, отправлением разных служб, податей и повинностей, наконец, вотчинные крестьяне, кроме уплаты податей и отправления повинностей, также службою своему вотчиннику, который только с их помощью получал возможность исправлять свою службу государству»[1]. Итак, по мнению Чичерина, государственность на основе всеобщего закрепощения — вот основное достижение древней Руси.

В XVII столетии с наибольшей полнотой «высказалась старая Россия; после страшного напряжения сил в эпоху междуцарствия она показала на деле все, что она могла произвести собственными средствами». Однако в том же XVII столетии уже обнаруживаются и черты нового; это столетие «стоит на рубеже между тем, что обыкновенно называют старою Русью, и новою, между исключительно-национальным развитием и перенесением на отечественную почву европейского образования». В это время имеются налицо «все черты эпохи переходной», «смесь разнородных элементов, столкновение старого с новым, прошедшего с будущим». Словом, Русь XVII в. —«рассыпанная храмина»[2].

Антинаучность воззрений Б. Н. Чичерина заключается прежде всего в том, что он сводит всю историю к истории государства, что государство в его представлении носит надклассовый характер. Для понимания реального смысла исторических взглядов Б. Н. Чичерина необходимо связать их с его политическими взглядами, а эти взгляды заключались в том, что он, будучи умеренным либералом, допускавшим совместимость монархической власти с выборными законодательными органами, был в то же время сторонником сильной власти и яростным врагом социализма; вследствие этого вся система взглядов Б. Н. Чичерина приобретала реакционное значение.

В. О. Ключевский — крупный буржуазный историк — делает шаг вперед по сравнению с предшествующей буржуазной историографией в оценке и характеристике истории России XVII в. Он больше, чем его предшественники, уделяет внимания экономическому развитию и признает наличие классовой борьбы в Русском государстве в XVII в.

В. О. Ключевский называет XVII век «эпохой народных мятежей в нашей истории». Самый значительный из них — «мятеж Разина на поволж-

---

[1] *Б. Н. Чичерин.* Холопы и крестьяне в России до XVI в.— В кн.: «Опыты...», стр. 191, 227—228.

[2] *Б. Н. Чичерин.* Духовные и договорные грамоты... — Там же, стр. 376, 386.

ском юго-востоке, зародившийся среди донского казачества, но получивший чисто социальный характер, когда с ним слилось им же возбужденное движение простонародья против высших классов»[1]. В. О. Ключевский отличает народные движения XVII в. от народных движений XVIII в. В XVII в. это были «мятежи», направленные против правительства, бояр, воевод и приказных людей. В XVIII в. «они принимают социальную окраску, идут против *господ*»[2]. Очевидно, что признание социального характера народных движений XVII в. не было доведено В. О. Ключевским до отчетливой оценки их как классовой борьбы и было противоречивым.

Повторяя идею, давно усвоенную в русской историографии, В. О. Ключевский считает весь XVII век «эпохой, подготовлявшей преобразования Петра Великого». Развивая эту правильную мысль, Ключевский доводит ее до необоснованного утверждения, будто начертанная в XVII в. программа преобразований в некоторых отношениях шла дальше преобразований Петра I[3].

Н. П. Павлов-Сильванский, буржуазный историк периода кризиса буржуазной историографии, делает шаг вперед в определении этапов развития Русского государства. Он определяет историю России от середины XVI до XIX в. как период сословного государства, распадающийся на две эпохи: эпоху московской сословной монархии и петербургского абсолютизма. Эпохе московской сословной монархии свойственны, как и на Западе, сословно-представительные учреждения — наши земские соборы, в которых государственная власть искала опоры в моменты затруднений. «И там и здесь, как только власть достаточно окрепнет, она, идя к абсолютизму, отбрасывает ставшую ей ненужной подпору представительных собраний»[4]. Сословной монархии соответствует «социальный феодализм» в виде сеньориального права крупных феодалов.

Оценка XVII века, данная Н. П. Павловым-Сильванским, носит формально-юридический характер и не вскрывает развития производительных сил и производственных отношений.

Состояние полного кризиса буржуазной историографии в начале XX в. с наибольшей силой выразилось в трудах Н. А. Рожкова. Марксизм уже давно произвел переворот в науке. Россия сделалась родиной ленинизма. В. И. Ленин и И. В. Сталин в своих трудах дали ряд конкретных указаний, осветивших многие этапы русского исторического процесса. Между тем Рожков, заимствуя из нового круга идей отдельные понятия и формулы, продолжал традицию уже пережившей себя буржуазной историографии.

Н. А. Рожков в своей работе «Город и деревня в русской истории (Краткий очерк экономической истории России)» указывает чрезвычайно

---

[1] *В. О. Ключевский.* Курс русской истории, ч. III, М., 1937, стр. 258.

[2] Там же, стр. 13.

[3] Там же, стр. 386, 393—394.

[4] *Н. П. Павлов-Сильванский.* Феодализм в древней Руси. СПб., 1907, стр. 124, 140, 147 и др.

важную перемену в хозяйственной жизни Руси второй половины XVI и XVII вв., заключавшуюся в том, что «система натурального хозяйства», господствовавшая в предшествующие периоды русской истории, «стала подтачиваться и разрушаться: на смену ей зарождалось и все более выдвигалось вперед денежное хозяйство, когда значительная часть населения работает уже не для собственного потребления, а для продажи»[1].

Правильно отмечая хозяйственные сдвиги, происшедшие в стране в XVII в., Н. А. Рожков недооценивает роль классовой борьбы и тем самым становится на позиции экономического материализма. Кроме того, он повторяет неправильные теории В. О. Ключевского о происхождении крепостного права, Б. Н. Чичерина о закрепощении сословий, П. Г. Виноградова о феодализме как политическом порядке и т. п.

В позднейших работах Н. А. Рожков под влиянием «школы» М. Н. Покровского углубил свои ошибки.

По утверждению Н. А. Рожкова, к середине XVI в. совершилось падение русского феодализма под действием развития «торгового капитализма». «Гегемоном восточно-европейского торгового капитализма» стало дворянство как более приспособленное, чем феодальная аристократия, к новым экономическим явлениям. Весь период с середины XVI в. до конца первой четверти XVIII в. Н. А. Рожков и определяет как период «дворянской революции». Дворянство шло к власти, проводя политику всеобщего закрепощения сословий, в том числе и собственного «самозакрепощения»[2].

Представление о «торговом капитализме» как особом историческом этапе сближает Н. А. Рожкова с М. Н. Покровским. Н. А. Рожков дает в корне неправильное представление о классовом строе всего периода, не видит основного деления общества — крепостников-помещиков и крепостных крестьян[3], классовая борьба между которыми «...составляет основную черту феодального строя»[4], повторяет старую теорию тяглого строя Русского государства.

Неправильным, антимарксистским представлением о XVII веке как эпохе «торгового капитализма» и «дворянской революции» объясняются нечеткие и противоречивые характеристики народных движений у Рожкова. В XVII в. «новый государственно-дворянский закон» (Уложение 1649 г.) столкнулся со стариной, «пошлиной», «феодальными юридическими преданиями». Внешним выражением этого противоречия были «злоупотребления власть имущих, не отвыкших еще от феодальной старины, и происходившие отсюда бунты, восстания народных масс»[5].

---

[1] *Н. А. Рожков.* Город и деревня в русской истории. СПб., 1902, стр. 31—35, 40, 45—46 и др.

[2] *Н. А. Рожков.* Русская история в сравнительно-историческом освещении, т. IV, ч. 1, Пг., 1923, стр. 66, 81, 229—230; т. V, Пг., 1923, стр. 269, 272.

[3] См. *В. И. Ленин.* Соч., т. 29, стр. 438.

[4] См. «История ВКП(б). Краткий курс», Госполитиздат, 1955, стр. 120.

[5] *Н. А. Рожков.* Указ. соч., т. IV, ч. 1, стр. 292—293.

Восстание под предводительством С. Т. Разина для Рожкова было восстанием казацкой голытьбы. Это был «бунт, прямое продолжение восстания Болотникова, направленный против крепостного права и государства и во имя казацкого идеала», не лишенный и старообрядческой идеологии[1].

Вся система взглядов Н. А. Рожкова на XVII век (период «дворянской революции» и «торгового капитализма») должна быть отвергнута полностью; она явно противоречит определению, данному В. И. Лениным XVII веку как новому этапу развития все той же феодальной формации.

М. Н. Покровский, окончательно сформулировавший свои взгляды уже после Великой Октябрьской социалистической революции, создал «школу», которая принесла большой вред исторической науке и была осуждена партией и советской общественностью.

М. Н. Покровский считал XVII век временем «укрепления торгового капитализма», который определял собой развитие страны во всех отношениях. Торговый капитализм в XVII в., по утверждению М. Н. Покровского, вырастал на примитивной экономической основе. «Натуральный оброк, казавшийся вымирающим явлением за сто лет раньше, как нельзя быть более обычен в имениях середины XVII века»[2]. «Первые три четверти этого века,—говорит М. Н. Покровский,— носят в этой области определенно выраженный реакционный или, если угодно, реставрационный характер. Последний термин лучше подходит, ибо суть дела заключалась именно в реставрации, в возобновлении старого, в оживлении и укреплении таких экономических черт, которые веком раньше казались отжившими или, по крайней мере, слабеющими»[3]. Это утверждение М. Н. Покровского находится в полном противоречии с конкретным историческим материалом[4]. М. Н. Покровский дает искаженную картину состояния торговли в XVII в.: значение внешней торговли он преувеличивает, а внутренней в такой же степени преуменьшает. «Эпоха торгового капитализма» в схеме М. Н. Покровского оказалась в XVII в. без торгового класса[5]. Определяющее значение отводит М. Н. Покровский торговому капитализму и в сложении самодержавной монархии и всего аппарата централизованного государства[6]. В различные периоды своей деятельности М. Н. Покровский изменял отдельные формулировки, но основное содержание его взглядов на ведущую роль торгового капитала в эконо-

---

[1] Там же, стр. 171, 313—314.

[2] *М. Н. Покровский.* Русская история с древнейших времен, т. II, М., 1933, стр. 78.

[3] Там же, стр. 77.

[4] *К. В. Базилевич.* «Торговый капитализм» и генезис московского самодержавия в работах М. Н. Покровского.—Сб. «Против исторической концепции М. Н. Покровского», ч. 1, М.—Л., 1939, стр. 162.

[5] Там же, стр. 167—170.

[6] *М. Н. Покровский.* Русская история в самом сжатом очерке. М., 1933, стр. 70; *К. В. Базилевич.* Указ. соч., стр. 172.

мическом развитии Русского государства в XVII в. и в сложении государственного аппарата сохранилось в неизменном виде.

В изложении истории XVII в. в своей «Русской истории с древнейших времен» М. Н. Покровский полностью опустил восстание под предводительством С. Т. Разина, что отражает влияние буржуазной схемы, воспринятой им у В. О. Ключевского[1]. В «Русской истории в самом сжатом очерке» М. Н. Покровский коротко говорит о восстании С. Т. Разина, но характеризует его как восстание «казацко-крестьянское», причем более казацкое, чем крестьянское. Восстание это М. Н. Покровский связывал «с развитием торгового капитала» и отрицал обусловленность его нарастанием крепостнического угнетения. Таким образом, в оценке XVII века и, в частности крестьянских восстаний, М. Н. Покровский стоит на позициях экономического материализма и дает восстаниям трактовку, идущую вразрез с классическими характеристиками крестьянских движений В. И. Ленина и И. В. Сталина[2].

Краткий обзор домарксистской историографии мог лишь бегло затронуть основные направления исторической мысли, касающиеся XVII века как особого периода русской истории. Рассмотрение этих направлений скорее учит тому, чего надо избегать, чем дает пример того, чему надо следовать при изучении истории XVII в. Большее значение имеют написанные в досоветский период монографии. Среди них преобладают монографии по истории государства и его учреждений и отчасти истории социальной—истории крестьянства, городов и дворянства. Слабо разрабатывалась экономическая тематика; вопиющий пробел представляет тематика по истории классовой борьбы и истории народов России.

Советская историческая наука, исходя из указаний классиков марксизма-ленинизма, на основе изучения нового конкретного материала поставила и исследовала в той или иной степени ряд коренных проблем истории СССР XVII в.

Прежде всего советские историки остановили свое внимание на изучении развития производительных сил и производственных отношений. Большие успехи были достигнуты в области исследования истории промышленности, в меньшей степени — в области истории земледелия. Появились капитальные исследования по истории крестьянства и посадских людей и их классовой борьбы. На этой основе достигнуто более глубокое понимание проблемы складывания всероссийского рынка.

Некоторых успехов в виде отдельных монографий и обобщающих трудов советская историография достигла в области изучения внешней политики. Появились отдельные работы по истории культуры.

---

[1] *М. В. Нечкина.* Крестьянские восстания Разина и Пугачева в концепции М. Н. Покровского.— Сб. «Против исторической концепции М. Н. Покровского», ч. 1, стр. 245—246.

[2] *М. Н. Покровский.* Русская история в самом сжатом очерке, стр. 59—60; *М. В. Нечкина.* Указ. соч., стр. 247—255.

Значительные достижения советская историография имеет в исследовании истории отдельных народов СССР и прогрессивного влияния на них русского народа; это нашло отражение как в монографических трудах, так и в обобщающих курсах. Наконец, начаты и продолжаются опыты построения сводных работ по истории СССР в целом[1].

Таким образом, не только построение марксистской концепции истории XVII в., но и заполнение пробелов по изучению конкретных вопросов является задачей советской исторической науки. Все последующее изложение и представляет собой опыт построения истории России XVII в. в соответствии с учением марксизма-ленинизма и с учетом всего ценного что можно взять из дореволюционной и советской историографии.

* * *

Исходным положением для общей характеристики XVII века как особого периода русской истории является высказывание В. И. Ленина в его работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?». Отмечая наличие остатков феодальной раздробленности, известной изолированности различных областей друг от друга в эпоху Московского царства, В. И. Ленин говорит: «Только новый период русской истории (примерно с 17 века) характеризуется действительно фактическим слиянием всех таких областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это вызвано было... усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок. Так как руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы, то создание этих национальных связей было ничем иным как созданием связей буржуазных»[2]. Анализ этого положения дает возможность раскрыть наиболее характерные черты русской истории XVII в.

XVII век представляет собой важный этап в развитии производительных сил. Домашняя крестьянская промышленность, составляющая «необходимую принадлежность натурального хозяйства», сохраняет свое значение, но уже не она характерна для промышленного развития в это время. Характерным является высокое развитие ремесла, т. е. работы на заказ, все большее сосредоточение его в городах, специализация его по отраслям и районам и, наконец, что наиболее важно, постепенный, но неуклонный переход ремесленного производства от работы на заказ к работе на рынок. Развитие ремесла до уровня мелкого товарного

---

[1] Редакция не приводит списка этих исследований, так как все они использованы в настоящем томе «Очерков» и указаны в подстрочных примечаниях. Обобщающих же работ, характеризующих общую линию развития русского исторического процесса в XVII в., до сих пор нет, и первым опытом такой работы является настоящий том «Очерков истории СССР».

[2] *В. И. Ленин.* Соч., т. 1, стр. 137—138.

производства в ряде важнейших отраслей и представляет собой новую и основную характерную черту состояния промышленности в России в XVII в.

Более того, промышленное развитие России в XVII в. не останавливается на уровне мелкого товарного производства. Возникают мастерские с применением наемного труда в отдельных отраслях производства. Правда, эти явления еще недостаточно изучены; мастерские («заводы») еще очень невелики, хотя и довольно многочисленны; крепостнический строй, все более утверждавшийся, являлся сильнейшим тормозом развития промышленности; однако, хотя и медленно, спорадически, торговый капитал начинает обращаться к организации промышленного производства, что свидетельствует о раннем этапе первоначального накопления.

Гораздо нагляднее выступает в XVII в. мануфактура, являющаяся «...промежуточным звеном между ремеслом и мелким товарным производством с примитивными формами капитала и между крупной машинной индустрией (фабрикой)»[1]. Общие условия феодализма, еще очень крепкого и далеко не исчерпавшего всех своих возможностей, оказывали влияние на организацию мануфактур и мешали выявлению прогрессивных сторон мануфактурного производства. Первые русские мануфактуры, задуманные как предприятия капиталистического типа с эксплуатацией вольнонаемного труда, превращались в предприятия, в значительной мере эксплуатировавшие и принудительный труд. Удельный вес мануфактурного производства во всей промышленности России XVII в. был еще очень незначителен. С полным основанием к мануфактуре XVII в. в России можно применить слова Маркса, что «Она выделялась как архитектурное украшение на экономическом здании, широким основанием которого было городское ремесло и сельские побочные промыслы»[2].

Если в пореформенное время мелкое товарное производство и мануфактура характеризовались застойной техникой и были опутаны всяческими остатками средневековых традиций, то во много крат сильнее должны были отражаться на них феодально-крепостнические порядки в XVII в. Тем не менее замедленность развития новых, более высоких форм производства в XVII в. не уничтожает их прогрессивного значения, выражавшегося в постепенном разрушении натуральной замкнутости, в развитии широких рыночных связей.

Мелкие производители втягиваются в рыночные отношения. Появляются специалисты торговцы-скупщики, подчиняющие себе непосредственных производителей, «...рынком для сбыта изделий служит не мелкий сельский базар или ярмарка, а целая область, затем вся страна, а иногда даже и другие страны»[3]. В XVII в. растущий класс купечества, представители верхушки которого располагали иногда весьма значительными ка-

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч. т. 3, стр. 336.
[2] *К. Маркс.* Капитал, т. I, Госполитиздат, 1955, стр. 376.
[3] *В. И. Ленин.* Соч., т. 3, стр. 288.

питалами, связывает своей оживленной и энергичной деятельностью самые отдаленные области страны. Начинает слагаться всероссийский рынок.

Происходившие в стране экономические сдвиги проявлялись и в области сельского хозяйства. Изменения в сельском хозяйстве с особенной наглядностью обнаруживают глубокую противоречивость развития Русского государства в XVII в. Рутинность и примитивность агротехники, свойственные земледелию эпохи крепостничества, сохранялись в полной мере. Вместе с тем расширение рыночных связей выразилось в том, что все большее количество продуктов сельского хозяйства (хлеба, пеньки, льна и продуктов животноводства) начинает выбрасываться на внутренний рынок. Образуются хлебные рынки. Эти продукты сельского хозяйства поступают отчасти на внешний рынок. Хлеб идет также на винокурение. В деревне начинают играть все бо́льшую роль торговцы-скупщики. Хозяйство крепостников-феодалов, особенно крупных землевладельцев, приспособляясь к развитию рыночных отношений, приобретает в известной мере предпринимательский характер. В этом отношении типична фигура боярина Б. И. Морозова, организовавшего в своих вотчинах железоделательную мануфактуру, крупное поташное производство, винокурение и торговлю хлебом.

Некоторый рост товарности сельского хозяйства в XVII в. достигался в первую очередь за счет усиления эксплуатации закрепощенного крестьянства, а также за счет распространения земледелия на новые обширные территории южных уездов, Поволжья и Сибири, что имело очень большое народнохозяйственное значение. Распространение земледелия на новые территории было обусловлено, во-первых, тем, что окрепшее дворянское государство быстро раздвигало свои границы, во-вторых, тем, что усиление феодального гнета внутри страны выталкивало массу тяглых людей на окраины государства, куда они и несли земледельческую культуру. Земледельческая культура начинает усваиваться входившими в состав Русского государства нерусскими народностями.

Социальный строй Русского государства в XVII в. представлял собой типичное для средневековья пестрое переплетение сословий и классов[1]. Необходимо оговориться, что в социальном строе Русского государства XVII в. произошли значительные изменения, выразившиеся в упрощении его структуры, в более резком обособлении господствующего класса феодалов от остального населения, в более четком отделении городского (посадского) населения от сельского, в слиянии различных прослоек сельского населения в одну закрепощенную тяглую массу. Однако основные общественные классы сохраняли средневековые черты, продолжали развиваться в рамках средневекового сословного деления и оставались «классами-сословиями».

В XVII в. класс феодалов достиг больших успехов в отношении своей консолидации.

---

[1] См. *Ф. Энгельс.* Крестьянская война в Германии. Госполитиздат, 1952, стр. 32.

Древняя феодальная знать, претерпевшая сильные потрясения еще в XVI в., продолжала отступать перед дворянством, все более закреплявшим за собой господствующее положение во всех сферах жизни. Уездное дворянство, разрушая рамки территориальной замкнутости своей «городовой» организации и производя непрерывный нажим на правительство, проникало в среду столичных чинов и смешивалось с ними. Происходил процесс взаимопроникновения служилых людей двух основных категорий — столичных и городовых.

Старая система служилых «чинов» постепенно отмирает. Очень ускорила этот процесс новая организация войска. Происходит известное уравнение сословных привилегий различных прослоек господствующего класса феодалов и его «одворянение». Одновременно проводится четкая грань между этим классом и «приборными» служилыми людьми, через посредство которых раньше возможно было проникновение в среду дворянства лиц из тяглых слоев населения. Подготовляется переход категории «приборных» служилых людей в состав тяглых классов. Дворянство все в большей степени овладевает основным богатством страны — землей за счет захвата черных и дворцовых земель, земельных владений приборных служилых людей и «дикого поля», а также за счет поглощения условного «поместного» землевладения и смешения его с вотчинным, что отвечало общему экономическому развитию страны. Таким образом укреплялась основа экономического господства класса феодалов — феодальная собственность на землю[1].

Внутренние противоречия между различными прослойками класса феодалов приводили иногда к открытой борьбе, как это было, например, во время восстания в Москве в 1648 г. К концу столетия господствующий класс феодалов, в значительной мере преодолев внутренние противоречия, пришел более сплоченным и усилившимся, чем он был в начале этого века.

Посадское население добилось крупных успехов в утверждении своей монополии в торгово-промышленной деятельности, выразившихся в конфискации беломестных слобод и дворов в 1649—1652 гг. Развитие русского города в этом направлении вполне соответствует тому положению Энгельса, что в средние века плебейская оппозиция, поскольку она выступает самостоятельно, «...требует восстановления монополии городского ремесла в деревне...»[2]. Внутреннее противоречие заключалось в том, что класс купцов, «руководителей и хозяев» процесса создания всероссийского рынка, по выражению В. И. Ленина, замыкался в сословные рамки.

Сословный характер реформы 1649—1652 гг. соответствовал общему средневековому строю русского общества того времени. Однако

---

[1] См. *И. Сталин.* Экономические проблемы социализма в СССР. Госполитиздат, 1952, стр. 41.

[2] *Ф. Энгельс.* Крестьянская война в Германии, стр. 30.

посадская реформа, нанося сильный удар по остаткам феодальной раздробленности в виде беломестных слобод крупных светских и духовных феодалов и в целом укрепляя города, имела прогрессивное значение. Русский город, несомненно, рос и развивался. Правительство уже было вынуждено идти на сближение с верхушкой купечества и привлекало из его среды лиц на руководящие правительственные посты, использовало их в качестве финансовых агентов. Интересы верхних слоев купечества, при сохранении безусловного господства дворянства, начинали оказывать заметное влияние на правительственную экономическую политику в духе протекционизма и меркантилизма и отражались на внешнеполитических мероприятиях правительства.

Внутри сословия посадских людей происходило заметное имущественное и социальное расслоение. Кроме верхушки капиталистов — гостей и торговых людей привилегированных гостиной и суконной сотен, на посадах выделялись «лучшие» люди, эксплуатировавшие бедноту своих посадов. Большие изменения наблюдаются в положении основного класса производителей — крестьянства.

В организации крепостнического сельского хозяйства, в формах эксплуатации в XVII в. можно отметить две довольно отчетливо проявлявшиеся тенденции: распространение формы оброчной ренты (натуральной и денежной) в центральных уездах страны и распространение крепостнического барщинного хозяйства в украинных уездах; это явление относится преимущественно к последней трети XVII в.

Изменение форм феодальной ренты означало известное приспособление крепостнической эксплуатации к новым экономическим условиям и вместе с тем усиление эксплуатации крестьянства. В течение XVII в. класс феодалов, опираясь на всю мощь государства, добивался установления вечной и потомственной крепостной зависимости. Уложение 1649 г. представляет в этом вопросе важную историческую веху. Новые формы «поряда» вольных людей в крестьяне, ставшие господствующими на большей части территории страны во второй половине XVII в., вели к установлению вечной крепостной зависимости поряжавшихся в крестьяне от владельцев. Крепостная зависимость распространялась на новые массы черносошных и дворцовых крестьян, на новые территории украинных уездов и Поволжья. Основные, наиболее многочисленные категории людей холопского состояния начали подвергаться такой же эксплуатации в сельском хозяйстве, как и крестьяне. Введение подворного обложения в 1679—1681 гг. в значительной степени способствовало слиянию различных прослоек сельского населения (крестьян, холопов, посаженных на землю, бобылей, монастырских детенышей и др.) в одну закрепощенную массу тяглых людей.

Несмотря на усиление закрепощения, в деревне происходил рост имущественного неравенства. Уже при натуральной ренте, как говорит К. Маркс, непосредственный производитель приобретает больше простора для хозяйственной деятельности, и яснее обнаруживаются различия в

экономическом положении отдельных непосредственных производителей[1]. Эти явления достигают еще большего развития при распространении денежного оброка. Денежный оброк предполагает значительное развитие торговли, городской промышленности, товарного производства и денежного обращения; «...превращению натуральной ренты в денежную не только непременно сопутствует, но даже предшествует образование класса неимущих поденщиков, нанимающихся за деньги». Среди наиболее обеспеченных оброчных крестьян «...развивается по необходимости обыкновение эксплуатировать за свой счет сельских наемных рабочих...». Эти элементы сельского населения начинают богатеть и выделяться из общей массы крепостного населения[2].

Конечно, имущественное неравенство в деревне имеется и на ранних стадиях феодализма. «Лучшие», зажиточные тяглые крестьяне всегда существуют наряду с беднотой; наемный труд в той или другой степени всегда применяется в сельском хозяйстве. Однако в XVII в., в условиях более развитых форм товарно-денежных отношений, имущественное расслоение, естественно, должно было усиливаться и приобретать новый вид. Превращение имущественного расслоения в городе и деревне XVII в. в расслоение социальное еще требует детального и пристального изучения. Однако уже сейчас установлено, что отдельные представители крестьянства, занимаясь торгами и промыслами, достигали весьма значительного благосостояния, начинали эксплуатировать наемный труд и в качестве скупщиков подчинять себе мелких производителей. Беднейшие слои составляли многочисленный контингент лиц, работавших по найму. Разоренные крестьяне и обедневшие посадские люди часто бросали участки и дворы и искали пропитание путем продажи своей рабочей силы, в чем сказывался процесс первоначального накопления. В документах XVII в. можно очень часто встретить термин «батрак»; конечно, формы найма в сельском хозяйстве еще носили ясно выраженный феодальный характер. Начинает зарождаться рынок рабочей силы из обедневших людей города и деревни и все увеличивавшегося численно оброчного крестьянства.

Экономические сдвиги, наметившиеся в XVII в., нашли отражение во всех сферах общественной, политической и культурной жизни Русского государства. То обстоятельство, что новые экономические явления возникали и развивались в недрах феодального строя, лишь обостряло классовый антагонизм, свойственный этому строю. Класс феодалов и феодальное государство были еще достаточно сильны, чтобы не только удержать господствующее положение, но и использовать в своих интересах новые развивавшиеся производительные силы. Усиливая нажим на эксплуатируемые массы, класс феодалов и феодальное государство вызывали все усиливавшееся сопротивление угнетаемых классов. Вот почему для XVII века, начинающего новый период русской истории, характерно особенное обострение классовой борьбы во всех ее формах.

[1] См. *К. Маркс.* Капитал, т. III, Госполитиздат, 1950, стр. 808—809.
[2] Там же, стр. 812; см. *В. И. Ленин.* Соч., т. 3, стр. 143—148.

В XVII в. произошел ряд очень крупных открытых народных восстаний в деревне и городе. Особенно богато ими царствование Алексея Михайловича, заслужившее название «бунташного времени». Изучение этих народных движений убедительно обнаруживает основную тенденцию их развития, заключающуюся в том, что с течением времени достигается все бо́льшая четкость в расстановке движущих сил в классовой борьбе. Городские движения 1648 г. отличались наибольшей сложностью состава движущих сил. Последующие народные движения, начиная с Псковского восстания 1650 г., приобретают бо́льшую классовую однородность. В Крестьянской войне под предводительством С. Т. Разина размежевание борющихся между собой классов становится еще более четким. Такая тенденция развития классовой борьбы в XVII в. выясняется с полной очевидностью при сопоставлении народных движений второй половины XVII в. с восстанием И. И. Болотникова.

Годы открытых восстаний прерывались иногда промежутками кажущегося затишья. Но протест народных масс не прекращался, он только выражался в других, более скрытых формах: в массовых побегах крестьян на окраины, постоянных, рассеянных проявлениях классовой борьбы в деревне в виде погромов и поджогов владельческих усадеб, всякого рода расправ с владельцами, наконец, в форме раскольничьих движений.

Обострялась классовая борьба и внутри черносошной деревни. Рядовые крестьяне и беднота боролись против засилья богатых крестьян, «горланов» и «ябедников», захватывавших земли, кабаливших бедноту ростовщическими операциями, угнетавших крестьян несправедливой раскладкой тягла, а также против тяжелого фискального гнета. Крестьяне обычно обращались к правительству с челобитными, но иногда классовая борьба выражалась в открытых выступлениях против «лучших» людей и представителей правительственной власти.

В течение XVII в. происходили также многочисленные восстания нерусских народностей. Для правильной оценки этих национальных движений необходимо учитывать прежде всего несомненное цивилизующее влияние русского народа на все историческое развитие нерусских народностей. Все более крепнувшее общение с русским народом было для этих народностей благом. Для некоторых из них, кроме того, вхождение в состав сильного Русского государства устранило угрозу истребления более сильными соседями. В то же время царизм и русские феодалы подвергали низшие слои покоренных народностей, уже страдавшие от угнетения своих собственных господствующих классов, тяжести феодально-колониальной эксплуатации, тормозили их развитие.

Вследствие этого оценка национальных движений XVII в. не может быть во всех случаях одинаковой. «Несомненная революционность громадного большинства национальных движений,— говорит И. В. Сталин,— столь же относительна и своеобразна, сколь относительна и своеобразна возможная реакционность некоторых отдельных национальных

движений»[1]. Большинство национальных движений XVII в. было направлено против колониального угнетения, против ограбления покоренных народностей. Антиколониальные движения, вынуждавшие правительство в какой-то мере регулировать эксплуатацию нерусских народностей, должны быть признаны относительно прогрессивными. Но в отдельных случаях эти движения, когда они организовывались представителями местных эксплуататорских классов из стремления обеспечить свои интересы всеми средствами, вплоть до отделения от Русского государства, не могут не быть признаны реакционными. Уже в XVII в. на примере национальных движений сибирских народностей можно наблюдать превращение антиколониальных движений в антифеодальные движения в союзе с угнетенными классами русского народа. Замечательно, что и в других случаях русский народ играл ведущую роль, привлекая и приобщая покоренные народности к борьбе против общих угнетателей, против феодального государства.

Однако «...не хрупким и не случайно созданным было крепостное право и крепостническое поместное сословие в России, а гораздо более «крепким», твердым, могучим, всесильным, «чем где бы то ни было в цивилизованном мире». Не «без сопротивления», а с величайшим сопротивлением уступало оно частички своих привилегий»[2]. Классовая борьба была ожесточенной. Класс феодалов и централизованное феодальное государство, перестраиваясь и укрепляя аппарат управления, подавляли стихийные возмущения угнетенных масс, пользуясь слабостями, свойственными таким движениям. Феодальное государство активно помогало сохранению и укреплению своего базиса.

Сохранение классом феодалов-крепостников своего господствующего положения в изменяющихся экономических условиях, в условиях усилившейся крепостнической эксплуатации и резко обострившейся классовой борьбы потребовало соответствующего приспособления всего государственного аппарата, его укрепления и централизации. Феодалы пытались идеологически обосновать крепостнический строй и придать ему видимость «беспристрастной справедливости», чтобы «коиждо от великих и четырех чинов — освященный, и служивый, и торговый, и земледельный в своем уставе и в царском повелении твердо и непоколебимо стояли и ни един бы ни от единого ничим же обидим был...»[3]. В действительности речь шла о том, чтобы государство последовательно выполняло свою функцию — внутреннюю (главную) — «...держать эксплуатируемое большинство в узде...»[4].

В течение XVII в. в государственном строе России происходил ряд характерных изменений. Общее направление этих изменений — развитие

---

[1] *И. В. Сталин.* Соч., т. 6, стр. 143.
[2] *В. И. Ленин.* Соч., т. 18, стр. 554.
[3] ЦГАДА. Столбцы Московского стола, № 310/3, л. 7.
[4] *И. Сталин.* Вопросы ленинизма, изд. 11-е. Госполитиздат, 1952, стр. 644.

самодержавия (абсолютизма, неограниченной монархии) как такой формы правления, когда царь осуществляет права верховной власти всецело и нераздельно без всякого участия народа. «Развитие русского государственного строя за последние три века, — говорит В. И. Ленин, — показывает нам, что он изменял свой классовый характер в одном определенном направлении. Монархия XVII века с Боярской думой не похожа на чиновничье-дворянскую монархию XVIII века. Монархия первой половины XIX века — не то, что монархия 1861—1904 годов. В 1908—1910 гг. явственно обрисовалась новая полоса, знаменующая *еще один шаг* в том же направлении, которое можно назвать направлением к буржуазной монархии... Новая полоса, таким образом, не случайность, а своеобразная ступень в капиталистической эволюции страны»[1].

XVII век представляет собой лишь самое начало нового периода, когда буржуазные связи и отношения только начинали создаваться. Но уже и тогда происходили изменения в государственном строе, общий смысл которых с такой глубиной разъяснил В. И. Ленин.

Развитие абсолютизма в XVII в. было связано с одновременным падением и ослаблением важнейших средневековых институтов. Сословно-представительный строй, достигший наибольшего расцвета в первой четверти XVII в., затем начинает отмирать. С середины столетия постепенно прекращается практика созыва земских соборов, так как класс феодалов нашел в самодержавии свою надежную опору и защиту, и царская власть более не нуждалась в этих соборах.

Церковь, один из самых типичных средневековых институтов, подверглась сильным ударам. Дворянство снова возбудило вопрос о конфискации церковных владений; это мероприятие не было тогда осуществлено, но уже одна посадская реформа причинила чувствительный урон церковным владениям в городах. Приостановился рост земельных владений церкви. Некоторый ущерб был нанесен церкви в вопросе о подчинении церковников по гражданским делам суду светской власти. В лице патриарха Никона церковь потерпела решительное поражение в столкновении со светской властью из-за притязаний на руководящую роль в государстве.

Происходили постепенная бюрократизация Боярской думы, в которой усиливалась роль думных дворян и дьяков, и дальнейшее падение правительственной роли Думы за счет создания наряду с ней новых учреждений (Ближней думы, Тайного приказа, Расправной палаты).

Развивался и укреплялся как центральный, так и местный аппарат управления. Делались попытки сосредоточить управление несколькими приказами в одних руках, слить приказы и организовать контроль за деятельностью правительственных учреждений (Тайный приказ, Счетный приказ и др.). Распространением на всю территорию государства воеводской власти достигались большее единообразие и централизация местного

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 17, стр. 47.

управления. Воеводская власть почти полностью поглотила и подчинила себе органы управления, уцелевшие местами от XVI в.

Укрепление самодержавия в XVII в. выразилось также в постепенном преобразовании старинного поместного войска в армию нового строя. Опираясь на новую армию, принимавшую вид регулярной и достигавшую огромного по тем временам размера, самодержавная власть могла не только подавлять народные восстания внутри страны, но и вести широкую внешнюю политику.

Уложение 1649 г. законодательным путем утверждало в первую очередь суровые санкции против всяких покушений на незыблемость основ феодального крепостнического государства. Уложение охраняло господствующую православную церковь как высшую опору феодального государства от «богохульников и церковных мятежников». Жестоко карались покушения на «государскую честь и здоровье» и нарушение безопасности и спокойствия царского двора. Понятие политического преступления распространялось на закрепощенных крестьян и холопов, выступавших с «изветами» против их владельцев, кроме «великих дел». Смертью карались всякие выступления «скопом и заговором» не только против особы государя, но и против представителей правительственной власти [1].

В государственном строе в XVII в., особенно во второй его половине, ясно выступают черты абсолютистского государства.

Хотя и незавершенный, но далеко продвинувшийся процесс централизации государства и его укрепления выразился в том, что русское правительство в XVII в. могло энергично и очень последовательно осуществлять внешнюю (не главную) функцию государства — «...расширять территорию своего, господствующего класса за счет территории других государств, или защищать территорию своего государства от нападений со стороны других государств» [2].

Во внешней политике Русского государства в XVII в. очень ярко выступает ее преемственность от предшествующего периода. Государство упорно стремилось разрешить внешнеполитические задачи, вставшие перед ним в самом начале сложения его в централизованное государство.

Смоленская война 1632—1634 гг. представляет собой энергичную, но неудавшуюся попытку разрешить первоочередную задачу — исправить нетерпимое положение на западных границах, создавшееся в результате Деулинского перемирия 1618 г. По окончании Смоленской войны правительство в течение по крайней мере полутора десятилетий производило дорогостоящие работы по укреплению обороны южных границ от татарской агрессии, далеко продвинуло границы к югу и в 1654 г. снова возобновило войну с Польшей вместе с украинским народом, подняв-

---

[1] «Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 г.», М., 1907 (далее — «Уложение 1649 г.»), главы I—III.

[2] *И. Сталин.* Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 644.

шимся на освободительную борьбу против гнета магнатско-шляхетской Польши.

Одновременно в этой войне русское правительство неудачно пыталось решить вторую важнейшую внешнеполитическую задачу — пробиться к Балтийскому морю. Однако разрешение ее требовало предварительного доведения до конца борьбы с Польшей, так как попытка пробиться к морю резко нарушала равновесие в Европе и затрагивала интересы крупнейших держав; противодействие этих держав (в первую очередь Франции) в значительной мере помешало успеху войны со Швецией (1656—1658).

Условия Андрусовского перемирия 1667 г. создали решительный перевес сил Русского государства над Польшей, что, в частности, выразилось в помощи русского правительства Польше против турок и татар. В 1686 г. впервые было достигнуто сотрудничество России и Польши, заключен «Вечный мир» — важная веха в истории русско-польских отношений.

Война 1654—1667 гг. вызвала изменение всей ситуации на юге. Русское государство пришло в столкновение с агрессивной Турцией. Борьба с Крымом переросла в открытую русско-турецкую борьбу. В войне 1676—1681 гг. Русское государство с успехом выдержало единоборство с Турцией.

Во второй половине XVII в. Русское государство приобрело значение влиятельного фактора в международных отношениях Европы.

Продвижение в Сибири привело к расширению государственных границ до Тихого океана. Русское государство столкнулось с рядом народов Азии и, в частности, с Китаем, с которым оно установило границы по Нерчинскому мирному договору 1689 г. и завязало на очень длительный срок мирные экономические отношения.

Включение в состав государства многих народностей явилось продолжением развития Русского государства как государства многонационального.

Усиление Русского государства в XVII в. в результате прогрессивного экономического и политического развития сделало его центром притяжения для народов, связанных с русским народом историческим прошлым, единством происхождения или культурной близостью. Эти народы, страдавшие под чужеземным игом, ждали своего освобождения при помощи сильного Русского государства и готовы были принять русское подданство. Осуществившееся в XVII в. воссоединение Украины с Русским государством имело огромное значение. Неоднократные попытки Молдавии принять русское подданство, аналогичные же попытки и постоянное тяготение к России Грузии — убедительное доказательство возросшей международной силы и влияния Русского государства.

Внешняя политика Русского государства в XVII в., несмотря на ее большой размах, не разрешила полностью тех задач, которые перед ним стояли. Попытка борьбы за выход в Балтийское море потерпела неудачу. Причина этого заключалась в том, что господствующий класс феодалов

не смог преодолеть в должной мере технико-экономической отсталости страны, чему препятствовал еще во многом архаический феодально-крепостнический строй.

Развитие русской культуры в XVII в. отражало внутренние процессы, происходившие в стране. Развитие техники ремесленного производства в значительной степени было совершенно самобытным. Установлено, что в производстве оружия русские мастера в некоторых отношениях опережали Европу. Однако в течение всего XVII в. преодоление технической отсталости совершалось медленно.

Заслуживает внимания распространение грамотности среди дворян и посадского населения, особенно заметное во второй половине XVII в. При этом школы начинают возникать не только по указаниям правительства, но и по инициативе самого населения.

Происходит «обмирщение» литературы. Возникают новые литературные формы — бытовые повести и сатира. Их сюжеты берутся из жизни дворянства и посадского населения. Новое, более прогрессивное идейное содержание характеризует лучшие литературные произведения XVII в. Черты реализма в литературе в известной степени обусловлены влиянием народного творчества.

В народном творчестве отражаются обострение классовой борьбы, крупнейшие политические события этого периода и т. д.

Черты реализма проявляются и в изобразительном искусстве (школа Симона Ушакова). Самобытностью творчества отмечены работы русских архитекторов, создавших замечательные здания оригинального стиля. Новая архитектура, как с несомненностью доказано, имела глубокие корни в народном деревянном зодчестве.

С особенной силой самобытное народное творчество проявилось в резьбе по дереву, кости и камню и в ювелирном искусстве.

XVII век отмечен в истории русского народа началом сложения его в нацию. На основе образования всероссийского рынка, как говорит В. И. Ленин, развивались национальные связи[1]. В XVII в. уже имеются налицо факторы (формирующийся национальный рынок, экономические и культурные национальные центры), которые«...ликвидируют хозяйственную раздробленность данного народа и стягивают разобщенные доселе части этого народа в одно национальное целое»[2]. Общность языка, являющаяся одним из важнейших признаков нации [3], становится в XVII в. совершенно очевидной. Общность языка особенно наглядно обнаруживается в единстве по всей территории Русского государства делопроизводственного языка, близкого к живой разговорной русской речи, и в довольно широком проникновении элементов народной речи в литературу.

---

[1] См. *В. И. Ленин.* Соч., т. 1, стр. 137—138.

[2] *И. В. Сталин.* Соч., т. 11, стр. 336

[3] См. *И. Сталин.* Относительно марксизма в языкознании, Госполитиздат, 1950, стр. 11—14.

Единство русской культуры, подготовлявшееся уже в предшествующие столетия, из потенции начинает превращаться в действительность.

Таковы наиболее характерные черты истории XVII века как начала нового периода русской истории, продолжающего свое непрерывное развитие в XVIII в. В XVII в. товарное производство достигает заметных успехов, и на основе этих успехов начинает слагаться всероссийский рынок. Однако развитие товарного производства находилось еще в той стадии, когда оно лишь подготовляло некоторые условия для капиталистического производства и приводило к зарождению капиталистических отношений в рамках еще прочного и не исчерпавшего всех своих возможностей феодального строя.

* * *

В составлении настоящего тома приняли участие: Н. Г. Аполлова, К. В. Базилевич, А. И. Баранович, С. В. Бахрушин, Н. А. Бердзенишвили, Н. Г. Бережков, С. К. Богоявленский, Б. А. Васильев, С. Б. Веселовский, Я. Е. Водарский, В. Г. Гейман, И. Б. Греков, Б. О. Долгих, В. Д. Дондуа, С. Т. Еремян, А. И. Заозерский, Я. Я. Зутис, В. М. Курицын, Е. Н. Кушева, В. А. Ледяев, А. Н. Мальцев, А. А. Новосельский, И. П. Петрушевский, В. А. Прокофьев, Л. Н. Пушкарев, Е. М. Руссев, А. Н. Свирин, П. П. Смирнов, А. Н. Сперанский, Н. Н. Степанов, М. Н. Тихомиров, С. А. Токарев, Н. В. Устюгов, Н. С. Чаев, Л. В. Черепнин, А. В. Чернов, А. Г. Чиняков, В. И. Шунков, Ю. М. Юргинис и А. И. Яковлев. Карты составлены: А. Я. Гиммельфарб, карта Крестьянской войны под предводительством С. Т. Разина — К. В. Кудряшовым, карта Сибири — Б. О. Долгих, карта Кавказа — С. Т. Еремяном. Редакция карт принадлежит К. В. Кудряшову. Иллюстрации подобраны Н. А. Баклановой. Указатели составлены А. Н. Устюговой. Организационная работа по тому и техническая подготовка текста к печати выполнены Т. С. Майковой.

НАЧАЛО СКЛАДЫВАНИЯ ВСЕРОССИЙСКОГО РЫНКА И БУРЖУАЗНЫХ СВЯЗЕЙ В РОССИИ. ПЕРЕХОД К АБСОЛЮТИЗМУ (1618–1689)

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЕ СИЛЫ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТРОЙ

1

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Сельское хозяйство в Русском государстве XVII в. продолжало развиваться в тех же направлениях, которые определились еще в предшествующем столетии. Однако некоторые явления, раньше только намечавшиеся, теперь ясно обнаружились как характерные черты.

Краткий период некоторого подъема сельского хозяйства в самом конце XVI в., после пережитого страной хозяйственного упадка в 70—80-х годах, был снова прерван сначала голодом 1601—1603 гг., уничтожившим более людей, чем самая сильная эпидемия, а затем иностранной интервенцией. Эти события, длившиеся до 1618 г., вызвали разорение, по интенсивности и территориальному распространению не уступавшее разорению XVI в.

Временем наибольшего хозяйственного упадка следует считать конец 1610-х годов. Показателем упадка сельского хозяйства было сокращение пахотной земли, увеличение перелога и рост бобыльства. Наглядным примером могут служить данные по владениям Троице-Сергиева монастыря, расположенным в 20 уездах Замосковного края. В 1592—1594 гг. в этих владениях было 23 823 четверти[1] пашни в одном поле (37,3%) и 40 тыс. четвертей перелога (62,7%); крестьянских дворов было 3988 и бобыльских — 502 двора. По данным 1614—1616 гг., в тех же владениях было всего 990 четвертей пашни в одном поле, т. е. 2%, и перелога 54 тыс. четвертей, т. е. 98%. Крестьянских дворов осталось только 623 и бобыльских 426. Иными словами, размеры пашни сократились более чем в 20 раз, а численность крестьян и бобылей — более чем в четыре раза[2].

Различные уезды государства были разорены неравномерно. Территорией наибольшего опустошения были уезды, расположенные к западу от меридиана Москвы: Звенигородский, Можайский, Верейский, Рузский,

---

[1] Четверть (или четь) равнялась полудесятине.

[2] *Ю. В. Готье.* Замосковный край в XVII в. М., 1937, стр. 115—116.

Волоколамский, Ржевский, Старицкий. В этих уездах количество «живущей пашни», по данным писцовых книг 20-х годов, не превышало 4,8%. К этой же группе наиболее разоренных уездов относились заокские уезды (Мещевский, Мосальский, Серпейский и др.), рязанские и украинные (Алексинский, Болховский, Белевский, Тульский и др.). Степень разорения всех этих уездов наглядно показывают также цифры бобылей, представлявших собой в массе обедневших крестьян. По писцовым книгам 20-х годов, в заокских уездах насчитывалось 58% бобылей, в рязанских — 57%. Из северных уездов наиболее разоренными оказались уезды, расположенные по большим торговым путям и привлекавшие интервентов своей населенностью и богатством: Вологодский, Тотемский, Устюжский и Сольвычегодский. Сильно пострадали Заонежские погосты, где еще в 40-х годах XVII в. наблюдался наибольший среди всех северных уездов процент бобылей (20)[1]. К востоку и северо-востоку от Москвы размеры опустошения значительно снижаются: именно на эти территории опиралось народное ополчение Минина и Пожарского и отсюда оно черпало ресурсы для борьбы с интервентами. Здесь встречаются районы, почти не затронутые разорением, например отдаленные лесные черные волости Галицкого, Костромского и других уездов.

Меньше пострадали понизовые города: в них, по писцовым книгам 20-х годов, было 16—20% бобылей.

После 1618 г., когда была ликвидирована интервенция с Запада, и установилось относительное спокойствие на южной окраине государства, подвергавшейся весь предшествующий период непрерывным нападениям татар, начался процесс восстановления сельского хозяйства. Этот процесс сопровождался возвратом на старые места населения и его приростом[2]. Процент бобылей неуклонно падал; к последней четверти XVII в. он снизился в несколько раз по сравнению с приведенными выше цифрами, т. е. бобыли восстанавливали свою тяглоспособность и снова переходили в категорию крестьян.

Наличие огромной массы перелога, поросшего лесом «в кол, в жердь и в бревно», следует рассматривать как показатель лишь временного упадка сельского хозяйства, но не возвращения к подсеке и перелогу как преобладающим системам земледелия[3]. Повсюду с течением времени перелог снова распахивается, и к середине столетия «живущая пашня» составляла в Замосковном крае около половины, а местами даже более половины всех учтенных писцовыми книгами земель.

---

[1] *Е. Д. Сташевский.* Очерки по истории царствования Михаила Федоровича, ч. 1, Киев, 1913, стр. 31—33.

[2] *Ю. В. Готье.* Указ. соч., стр. 162—167. См. здесь данные об изменении численности населения в Замосковном крае.

[3] *В. М. Слободин.* История систем земледелия от возникновения его на территории СССР до Октябрьской социалистической революции (Автореферат докторской диссертации), Свердловск, 1952, стр. 19.

1. Чертеж г. Данкова с окружающим

Централ

1. Чертеж г. Данкова с окружающими его земельными владениями приборных служилых людей, 1

Центральный государственный архив древних актов

ающими его земельными владениями приборных служилых людей, 1673 г.

нтральный государственный архив древних актов

приборных служилых людей, 1673 г.

х актов

Развитие производительных сил в области сельского хозяйства в XVII в. достигло несомненных успехов по сравнению с предшествующим столетием. Но необходимо заметить, что эти успехи были достигнуты не столько за счет интенсификации земледелия, сколько за счет распространения его на новые территории. Усилившееся феодальное государство успешно раздвигало свои границы. Развитие земледелия на новых территориях в качестве необходимого условия требовало относительной безопасности для земледельца. Правительство, строя отдельные опорные пункты или сплошные укрепленные линии для защиты государства от нападения степняков-кочевников, содействовало хозяйственному освоению новых территорий. Но даже при этих условиях земледелец в окраинных уездах часто был вынужден, выходя на пашню, быть готовым к отражению внезапного нападения. Развитие земледелия на окраинах государства осуществлялось силами трудового населения. Крестьяне и холопы, приток которых сюда вызывался усилением закрепощения и феодальной эксплуатации внутри страны, составляли основной контингент, из которого правительство черпало живые силы для заселения новых городов, во множестве возникавших в XVII в.

Распространение народной колонизации на окраины происходило неравномерно; оно особенно усилилось во второй половине века. В южном направлении колонизация долгое время не заходила за линию рек Сейма и Быстрой Сосны, ее задерживали сильные татарские вторжения 30—40-х годов по Калмиусскому, Изюмскому и Муравскому шляхам[1]. В 40—50-х годах народная колонизация достигла Белгородской укрепленной черты и, перейдя ее, слилась здесь с колонизацией, шедшей из Украины[2]. Гораздо быстрее и энергичнее происходило заселение юго-восточной части Белгородской черты, от Воронежа до Тамбова и далее на Верхний и Нижний Ломовы. В районе Лебедяни, Доброго и Сокольска уже с начала XVII в. было много крупных населенных пунктов. Построение здесь в 30-х годах укрепленной черты усилило движение населения в прилегавшие уезды. В 50—60-х годах сыском беглых была обнаружена значительная масса пришлого населения в пределах Рязанского, Ряжского, Козловского, Тамбовского и Лебедянского уездов. В 70-х годах движение населения распространилось за границы этих уездов и проникло в области Хопра и Медведицы; в 90-х годах уход населения в эти районы принял массовый характер[3]. В конце 50-х и в 60-х годах обнаружился также сильный приток пришлого населения в Поволжье. Общее количество возвращенных отсюда беглых крестьян исчислялось тысячами.

---

[1] *А. А. Новосельский.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.—Л., 1948, стр. 293—307.

[2] *Д. И. Багалей.* Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. М., 1887, гл. IV, стр. 197—377.

[3] *А. А. Новосельский.* Побеги крестьян и холопов и их сыск в Московском государстве второй половины XVII в.—«Труды Ин-та истории РАНИОН», сб. статей, вып. 1, М., 1926, стр. 332 и сл.

Но движение населения не останавливалось на территории поволжских уездов и переходило за Симбирскую и Закамскую черты; оно проникало и южнее, в частности в Башкирию.

Население двигалось и в восточном направлении. Особенно сильный приток его заметен во второй половине XVII в. в Кунгурском уезде.

Наконец, сразу же после построения первых городов начался прилив населения в Сибирь. Правительственные меры по заселению Сибири (перевод поселенцев из европейской части государства и ссыльных) не дали сколько-нибудь ощутимых результатов. Основная масса русского населения в Сибири образовалась из самовольных «сходцев», преимущественно из крестьян поморских уездов. Во второй половине XVII в. правительство даже пыталось приостановить движение населения в Сибирь, но не достигло цели. По правительственному подсчету, в 1699 г. в Сибири считалось 25 тыс. русских семей. В 1710 г., по неполным данным, в одном лишь Тобольском уезде числилось не менее 30 тыс. крестьян мужского пола. Силами этого крестьянского населения, а также посадских и приборных служилых людей и было создано земледелие в Сибири[1].

В глубокой древности на юге Сибири в районах среднего и нижнего Алтая, а также в Минусинской котловине существовало высоко развитое плужное земледелие с применением оросительной системы, с возделыванием проса, ячменя и пшеницы. Но политические потрясения совершенно разрушили в давние же времена это развитое земледелие. Русские застали в более северных районах Сибири (Тобол — Иртыш) весьма слабые очаги примитивного мотыжного (у тобольских татар — пашенного) земледелия, наряду с корнекопанием лишь в незначительной степени дополнявшего в основном промысловое или же скотоводческое хозяйство коренного населения. Прибывавшим сюда русским приходилось строить земледелие заново.

Земледельческие районы в Сибири создавались по Великому сибирскому пути из Приуралья к Тихому океану. Самым ранним и важным земледельческим районом был западный Верхотурско-Тобольский район (в уездах Верхотурском, Тюменском, Туринском и Тобольском). Здесь, в основной житнице Сибири, к концу XVII в. было сосредоточено 75% всех сибирских крестьян-дворохозяев. Далее очаги земледелия располагались по течению рек, образовавших путь на восток, с некоторыми ответвлениями к северу и югу от него. Так, небольшие земледельческие островки образовались у Нарыма и Кетского острога. Несколько крупнее был Томско-Кузнецкий земледельческий район по р. Томи (к началу XVIII в.— до 1750 дворохозяев). Более значительными очагами сибирского земледелия были Енисейско-Красноярский и Илимо-Ангарский районы. Енисейская пашня долгое время была основой снабжения хлебом всего северо-востока Сибири. Размер посева в этих районах к концу XVII в. дости-

---

[1] *В. И. Шунков.* Очерки по истории колонизации Сибири в XVII—начале XVIII вв. М.—Л., 1946, стр. 20, 22, 33, 45—46, 51—53 и др.

гал не менее 7,5 тыс. десятин в одном поле. Наиболее восточным районом, где сложилось устойчивое русское земледелие, был район вокруг Нерчинска, основанного в 1658 г. Общая площадь возделываемой земли в Сибири к концу XVII в. превышала 100 тыс. десятин, что давало до 4 млн. пудов всякого хлеба в год.

Земледелие в Сибири в XVII в. сосредоточивалось преимущественно в таежной полосе и лишь в некоторых местах подходило к границам сибирского чернозема. Причина этого заключалась в том, что систематические нападения кочевников, в первую очередь монгольских феодалов, препятствовали продвижению земледелия в области чернозема. Развитие земледелия в Сибири потребовало от русского крестьянина героических усилий[1].

Распространение земледелия на новые территории имело не только важное народнохозяйственное, но и большое культурное значение. Русский крестьянин, насаждая земледелие, давал пример, которому начинали следовать нерусские народности.

Очень наглядно этот процесс наблюдается в Башкирии. Население Осинской и Казанской дорог, хотя и не на всей их территории, перешло в XVII в. к земледелию и сенокошению; в течение XVII в. земледелие достигло здесь большого развития. Существенное влияние на распространение земледелия имело соседство оседлого земледельческого населения Поволжья. На территории Сибирской и Ногайской дорог Башкирии основной формой хозяйства оставалось кочевое скотоводство, во второй половине XVII в. сенокошение и земледелие здесь только зарождались[2].

* * *

Важный для характеристики состояния сельского хозяйства в XVII в. вопрос о системах земледелия, ввиду недостаточной его изученности, может быть освещен лишь в общих чертах. Писцовые книги, основной источник по истории сельского хозяйства этой эпохи, давая исчисление пахотных земель «в одном поле, а в дву потому ж», предполагают повсеместное господство трехполья, что в действительности и было. Однако доказано, что эта формула писцовых книг не отражает всего фактического разнообразия систем земледелия, которые применялись в XVII в. в различных областях громадной страны. Писцовые книги механически

[1] *В. И. Шунков.* Географическое размещение сибирского земледелия в XVII в.— «Вопросы географии», сб. 20, М., 1950, стр. 203—238; *З. Я. Бояршинова.* К вопросу о развитии русского земледелия в Томском уезде в XVII в. — «Материалы по истории земледелия СССР», сб. 1, М., 1952, стр. 246—250; *В. Н. Шерстобоев.* Земледелие Северного Предбайкалья в XVII—XVIII вв. — «Материалы по истории земледелия СССР», сб. 1, стр. 281, 291—292; *В. И. Шунков.* Очерки по истории земледелия Сибири (XVII в.) (Рукопись докторской диссертации), стр. 12—401.

[2] *Т. Б. Бельская.* Земельные отношения в Башкирии в XVII в. (Автореферат канд. диссертации). М., 1950, стр. 6—7.

распространяли прием исчисления пашни в трех полях, сложившийся в центральных областях государства, где утвердилось уже давно трехполье, на такие местности, где имелись существенные отклонения от трехполья или применялись другие системы[1].

Можно утверждать, что после «разорения» начала XVII в. Замосковный край в целом скоро возвратился к трехполью. В 60—70-х годах в хозяйстве Тайного приказа повсюду применялось трехполье, а иногда делались попытки введения пятиполья. Однако даже в Замосковном крае низведение перелога до минимума и даже исчезновение его не означало обязательно перехода к трехполью, а могло быть переходом к двуполью или пестрополью[2]. Весьма вероятно, что в лесистых местностях Замосковья практиковалось и подсечное земледелие.

На Севере, где подсечное земледелие сохранилось до XIX в., необходимо допустить еще более широкое его применение в XVII в. На выбранном участке лес вырубался и выжигался, затем на нем снимали в течение двух-трех лет обильный урожай и снова забрасывали. В целом в поморской деревне существовали гораздо более сложные земледельческие порядки. Недостаток удобной земли рано заставил северного крестьянина экономить ее и бережно относиться ко всякому расчищенному участку. Многочисленные половничьи порядные показывают, какой огромный труд вкладывался в разработку под пашню и сенокосы земли, покрытой лесом. Почти обязательным условием этих порядных было наблюдение за тем, чтобы вновь расчищенные участки не зарастали, чтобы по «закрайкам» полей не допускалось разрастание порослей, затенявших хлеба, чтобы копались и поддерживались в порядке «водяные борозды» для осушки участков. Типичным для поморской деревни XVII в. было наличие среди ее угодий, кроме огорода и хмельника, земли «присельной» или «горней», на которой обычно применялось трехполье, и отхожей пашни, лесной «росчисти», подсеки. «Присельная» земля, наиболее удобная, а иногда даже единственно пригодная для посева, тщательно обрабатывалась (пары «троили» и «четверили»), охранялась и огораживалась, на отхожей велось подсечное хозяйство. Лишь иногда эти подсеки бывали «однохлебными пашнями», т. е. на них производился один посев и один сбор урожая, а затем участок забрасывался под заросль[3]. Таким образом, даже на Севере трехполье было основной и ведущей системой земледелия.

---

[1] *С. Б. Веселовский.* Сошное письмо, т. II, М., 1916, стр. 365, 368 и др.

[2] *А. А. Кауфман.* Отзыв о сочинении Н. Н. Нордмана. Статистика в русской истории. Опыт статистической обработки писцовых Новгородских оброчных книг ок. 1498 г.— «Отчет о 53 присуждении наград гр. Уварова», СПб., 1912, стр. 94.

[3] *М. М. Богословский.* Земское самоуправление на русском Севере в XVII в. т. 1, М., 1909, стр. 161—168; *М. А. Островская.* Земельный быт сельского населения русского Севера в XVI—XVIII вв. СПб., 1913, стр. 247—249, 345; *Г. Н. Образцов.* Оброчные и порядные записи Антониево-Сийскому монастырю XVI—XVII вв.— «Исторический архив», т. VIII, М. 1953, стр. 127, 159, 172.

Подсечное земледелие практиковалось и в других уездах, близких по природным условиям к северным. Так, на протяжении всего XVII в. имеются сведения о том, что в Белозерском уезде «лес секут и пашни пашут». Срубавшийся при этом лес спускали в р. Шексну в таком количестве, что, скопляясь около езов (заборы для ловли рыбы), он запружал реку и разрушал эти довольно прочные сооружения. Произведенный однажды по этому случаю обыск установил, что во многих местах лес «сечен и жжен», «подсеки секли под посев и покос...»[1].

Системы земледелия на южной окраине государства, ввиду разнообразия природных условий, не могли быть повсюду одинаковыми. В ряде уездов, примыкавших к Замосковному краю, очевидно, господствовали те же порядки. Далее лежала полоса, изобиловавшая лесами; здесь практиковалось подсечное земледелие. В 1635 г. боярин Б. М. Салтыков и лихвинец И. Соковнин обвиняли друг друга в том, что их крестьяне в пределах Лихвинского уезда «лес подсеком секут и пожары на пустошах жгут и на тех выжженных местах пашни пашут»[2].

Указания источников на подсечное земледелие не всегда имеют один и тот же смысл. Указания на «однохлебные» пашни, на снятие урожая два-три года подряд на расчищенной от леса земле говорят о подсеке в чистом виде. У чепецких удмуртов в XVII в. была широко распространена более устойчивая форма подсеки, когда они в течение многих лет применяли на расчищенной земле трехполье и, лишь истощив и выпахав землю окончательно, покидали ее, переселяясь на новые места. Вследствие такой передвижки населения возникало много новых починков. Конечно, для таких приемов земледелия наличие больших лесных пространств было необходимо[3].

Нельзя смешивать с подсекой расчистки и раскорчевки леса и зарослей кустарника под пашню и сенокосы. В таком случае мы имеем прочное освоение земли и заведение на ней трехполья и сенокосов. Вероятно, источники во многих случаях, говоря о подсеке, имеют в виду именно распространение пашни на новые площади. Как показывает, например, исследование истории земледелия, в Илимском крае в Сибири расчистка таежных лесов была настолько трудным делом, что всякая освоенная земля обычно сразу же включалась в постоянное двухпольное чередование[4].

В более южной степной полосе система земледелия имела свои особенности. До построения Белгородской черты территория, ею занятая,

---

[1] ЦГАДА. Белозерский уездный суд, стб. 11, лл. 128, 387—399; вязка 7, л. 87. До XIX в. в Вологодском уезде существовала подсека и употреблялись примитивные орудия «суковатка» и многозубая соха. См. *А. К. Супинский.* К истории земледелия на русском Севере.— «Советская этнография», 1949, № 2, стр. 138—141.

[2] ЦГАДА. Разряд, Столбцы Приказного стола, № 91, л. 260.

[3] *В. Л. Бушуева.* Социально-экономические отношения чепецкой удмуртской деревни на рубеже XVII—XVIII вв. (рукопись канд. диссертации). М., 1950, стр. 63—68.

[4] *В. Н. Шерстобоев.* Илимская пашня, т. I. Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII в. Иркутск, 1949, стр. 308—309.

изобиловала зверем, бобровыми гонами, рыбой. Занятие этими промыслами представляло значительное подспорье к земледелию. Построение укрепленной черты и ее заселение к середине столетия отодвинуло полосу промысловых угодий далее за Белгородскую черту.

Правительство всячески добивалось от служилых людей заведения ими собственной запашки. Но это, естественно, удавалось не сразу. Земельные дачи приборных служилых людей вновь построенных городов долгое время далеко превосходили трудовые возможности их владельцев. Из отведенных им участков они были в состоянии разрабатывать под пашню лишь незначительную часть, а остальная попрежнему оставалась «диким полем» или забрасывалась в качестве залежи. В Воронеже, например, в 1615 г. каждый владелец распахивал по 1,5 десятины в поле, а не распаханной земли имел по 25 десятин. В 1648 г. курские помещики распахивали не более 10% своей земли[1]. Следует, однако, отметить, что пашня приборных служилых людей росла неуклонно и быстро.

Наличия свободной черноземной земли было еще недостаточно для применения переложной системы. Для этого земледельцу надо было обладать необходимым количеством рабочего скота и применять тяжелый плуг, чтобы иметь возможность систематически поднимать целинные земли, «облог» или «ковыль». Поэтому перелог у русского населения южных уездов в XVII в. не был распространен; трехполье было по преимуществу средством освоения под постоянную пашню «дикого поля»[2].

Селившиеся в Слободской Украине черкасы, более обеспеченные рабочим скотом, применяя тяжелый плуг и волов, чаще практиковали переложное земледелие, но и здесь оно не было господствующим.

На основании имеющихся данных можно сделать предположительный вывод о системах земледелия в южных уездах Русского государства в XVII в.: наряду с трехпольем, которое преобладало, здесь практиковалось пестрополье, перелог и чаще, может быть, залежное земледелие.

Сибирское земледелие в XVII в. по пестроте приемов полеводства напоминало среднерусское и севернорусское. В 40-х годах в Москве считали, что в Сибири пашут «не против русского обычая», т. е. не на три поля. Верхотурские воеводы объясняли недород на десятинной пашне тем, что «крестьяне пашут государевы десятины под озимое и яровое смесно, а не в три поля, как в дворцовых селах московских городов». Многочисленные данные говорят о распространении в Сибири переложной системы: «А выпашные худые земли сибирские пашенные люди мечут, а займуют под пашни себе новые земли, где кто приищет». К половине XVII в. истощение запасов свободных земель под государеву пашню стало сильно ощущаться. Во второй половине замечается постепенное внедрение в сибирское земледелие трехполья. Однако системы земледелия в Сибири не

---

[1] *И. Н. Миклашевский.* К истории хозяйственного быта Московского государства, ч. 1, М., 1894, стр. 163 и др.

[2] *В. М. Слободин.* Указ. соч., стр. 20.

могли быть, при различии природных условий, одинаковыми. На Илиме в XVII и в начале XVIII в. системой земледелия было двухполье с начатками трехпольного чередования на отдельных участках[1].

Развитие земледелия в суровых и новых для русских людей условиях таежной полосы требовало выявления и изучения пригодных для пашни земель, проверки возможности выращивания на них различных хлебных злаков, выяснения основных приемов организации и техники сельского хозяйства. Всю эту систему мер крестьяне и представители администрации называли «опытом»[2]. Очевидно, что русские поселенцы должны были использовать при этом веками накопленные знания в области земледелия.

Таким образом, следует придти к выводу, что в XVII в. в земледелии господствующей системой было паровое зерновое трехполье, но применялась также подсечная и переложная. Кроме того, имелись разновидности этих типичных систем и переходные между ними формы.

Преобладающими видами хлебов в XVII в. были рожь и овес. Кроме того, в значительно меньших количествах и в разных местностях в разных пропорциях сеялись ячмень, пшеница, ярица (яровая рожь), просо, гречиха, полба, горох, конопля, лен. Количественное соотношение высеваемых в различных местностях хлебов было неодинаково и определялось в первую очередь почвенно-климатическими условиями. По сводным данным Тайного и Хлебного приказов, в 1675 г. на землях, находившихся в ведении этих приказов, было засеяно под рожь 6334 десятины (45%), под овес — 5504 (40%), ячмень — 581 (4%), гречиху — 492, пшеницу — 310, льняное семя — 189, горох — 155, семя конопляное — 120, просо — 109, ярицу — 102, мак — 88, полбу — 9 десятин[3]. Если взять лишь подмосковные земли этих приказов, то среди высеваемых там хлебов встречаются рожь, овес, немного ячменя. Во владениях Костромского Ипатьевского монастыря в 1657 г. было посеяно: овса 859 четвертей (37%), ржи — 661 (32%), ячменя — 180 (10%), пшеницы — 41; во владениях Богоявленского монастыря: овса 689 четвертей, ржи — 355, ячменя — 38, пшеницы — 3[4]. Преобладание ржи и овса бросается в глаза. Если же взять для сравнения итоги наличного молоченого хлеба по переписным книгам 1667 г. у крестьян дворцовых сел Заячьего и Городища Белгородского уезда, то увидим, что количество пшеницы в составе этих запасов лишь немногим уступало ржи и овсу[5]. Вообще пшеницы на юге было больше

[1] *П. Н. Буцинский.* Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Харьков, 1889, стр. 57; *В. И. Шунков.* Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII в., стр. 111—119; *В. Н. Шерстобоев.* Указ. соч., стр. 308; *З. Я. Бояршинова.* Указ. соч., стр. 270, 277.

[2] *В. И. Шунков.* «Опыт» в сельском хозяйстве Сибири XVII века.— «Материалы по истории земледелия СССР», сб. 1, стр. 234—235, 236—237, 241, 245 и др.

[3] *А. И. Заозерский.* Царская вотчина XVII века. М., 1937, стр. 109—110.

[4] *Ю. В. Готье.* Указ. соч., стр. 317.

[5] *И. Н. Миклашевский.* Указ. соч., стр. 239—240, 245—246.

по причинам почвенно-климатического порядка. В северном крае сеялся больше, а иногда исключительно (по климатическим условиям) ячмень[1]. В Сибири с приходом русских стали возделываться обычные для центральной и северной полос Русского государства сельскохозяйственные культуры; среди них первое место занимали рожь и овес, затем шли ячмень, полба, греча, горох. Постепенно стала внедряться пшеница, но рожь на протяжении всего XVII в. в Сибири, безусловно, преобладала. С 60-х годов в Сибири появились посевы конопли и льна[2]. Лен был распространен в европейской части России повсюду, но больше на северозападе (в Смоленской, Псковской, Новгородской и Ярославской областях). Именно здесь царь Алексей Михайлович разыскивал людей, знающих лучшие способы возделывания и обработки льна.

Постоянной принадлежностью приусадебных посевов были хмельники. Не только в огородах, но часто и в полях, особенно на Севере, сажалась репа: «репища» и «репные поля» были распространены в составе деревенских угодий Севера. Обычно в качестве огородных культур и лишь изредка небольшими участками в поле (вне севооборота) сеялись мак и анис. Из огородных овощей разводили огурцы, капусту, морковь, редьку, свеклу, лук и чеснок; выращивали арбузы и тыкву[3]; умели пользоваться и парниками. Из ягодных растений были известны вишня, красная и белая смородина, крыжовник («крыж-берсень»), малина, клубника, из фруктовых деревьев — яблони, груши, сливы (черные и красные). Известен был ряд сортов яблок: «наливные» (несколько сортов), «титов», «аркат», «любщина», «белый скрут» (или «скруп»?), «бель можайская», «малеты» белые и красные, «кульминские» и др. Алексей Михайлович пытался создать под Москвой питомник, где, кроме известных на Руси овощей, ягод и плодов, предполагалось разводить плоды и растения различных стран мира — виноград, арбузы, финики, миндаль, перец, хлопчатник, тутовое дерево и пр.[4] Посадка фруктовых садов в XVII в. увеличивалась. Не говоря уже о крупных феодалах, которые, как боярин Б. И. Морозов, разводили большие сады в своих подмосковных владениях, и более мелкие владельцы также усиленно заботились о садах. Стольник А. И. Безобразов имел старый и большой фруктовый сад в подмосковной деревне Конькове; такой же сад был у него в селе Спасском Боровского уезда; этот сад энергично расширялся; здесь Безобразов разводил цветы «гвоздишные да девичью красоту». Во всех его украинных владениях разводились фруктовые сады с яблонями, слива-

[1] *П. И. Иванов.* Северные писцовые книги как материал для истории обложения. М., 1900, стр. 24—25.

[2] *В. И. Шунков.* Очерки по истории колонизации Сибири..., стр. 109—111; *В. Н. Шерстобоев.* Указ соч., стр. 323—337; *З. Я. Бояршинова.* Указ. соч., стр. 273.

[3] *М. А. Островская.* Указ. соч., стр. 23, 245—246; *В. И. Шунков.* Указ. соч., стр. 111.

[4] *А. И. Заозерский.* Указ. соч., стр. 118—119 и др.; *Ю. В. Готье.* Указ. соч., стр. 318, прим. 6.

Боронование. Деталь иконы Артемия Веркольского, XVII в.
Государственный Исторический музей

ми, грушами[1]. Есть основание предполагать, что промысловое садоводство Владимирской губернии ведет свое начало от XVII в.

Обычными земледельческими орудиями в XVII в. были все те же соха, борона, серп, коса. В источниках упоминаются иногда лемехи, «плуженые железа» и плуги[2]. В хозяйстве царя Алексея Михайловича встречаются прямые указания на плуги и сохи-косули с «отрезами»; сотни их были разосланы по разным селам и деревням в 1663 г.[3] В Левобережной Украине пахали плугами с применением воловьей тяги[4]. Однако более широкое распространение плуга относится уже к XVIII в.[5]

Навозное удобрение земли в XVII в. было обычным на нечерноземных землях. В документах особенно часты указания на унаваживание почвы в северных и центральных уездах Русского государства, где малоплодородная почва без удобрения плохо вознаграждала труд землепашца[6].

[1] *А. А. Новосельский.* Вотчинник и его хозяйство в XVII в. М.—Л., 1929, стр. 97, 100—101, 118; «Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова», ч. I, М.—Л., 1940, стр. 211—215 и др.; ч. II, М.—Л., 1945, стр. 6, 11, 40 и др.

[2] *Г. Н. Образцов.* Указ. соч., стр. 110, 148, 151.

[3] *А. И. Заозерский.* Указ. соч., стр. 102—103.

[4] «Переписні книги 1666 року», Київ, 1933, стр. 199.

[5] *Д. К. Зеленин.* Русская соха, ее история и виды. Вятка, 1907, стр. 119—128. В. М. Слободин говорит о почти полном прекращении употребления плуга и воловьей тяги в центральных районах в XVII в. (указ. соч., стр. 20).

[6] *А. А. Новосельский.* Указ. соч., стр. 98.

В поморских уездах и у чепецких удмуртов вывозка «назьма» на пашню, а иногда и на луга была в XVII в. обычным условием половничьих порядных и сделок о найме и купле-продаже земли. При складническом хозяйстве удобрение земли считалось обязательным[1]. В Сибири практика унаваживания полей отмечена исследователями лишь для второй половины XVII в.[2]

Вопрос о продуктивности земледелия в XVII в. недостаточно изучен. При расчете урожаев необходимо иметь в виду, что, кроме десятины казенной («указной») меры в 2400 кв. саж., в частном хозяйстве были в употреблении десятины и других, бóльших размеров. Так, в арзамасских и нижегородских владениях Б. И. Морозова обычно употреблялись десятины, далеко превосходившие по размерам «указную» десятину (80 × 80, 60 × 60 саж.); изредка бывали десятины меньшего размера (40 × 40 саж.)[3]. Нет также уверенности в том, что размер четверти как меры сыпучих тел был единообразный[4]. Поэтому самым надежным способом исчисления урожайности является счет в «самах». На государевой десятинной пашне в Ельце за XVII в. урожай определяется для ржи — сам-2,2, для овса — сам-1,5[5]. По совокупности нескольких украинных уездов урожайность на десятинной пашне определяется для XVII в.: для ржи — сам-2,5, для овса — сам-1,9[6]. Столь низкая общая урожайность десятинной пашни объясняется крайне плохой ее обработкой, что было следствием принудительного труда, применявшегося на пашне. На государевой пашне в 1675 г. в подмосковных дворцовых вотчинах средний урожай был несколько выше: для ржи — сам-3, для овса — сам-2,5. В Арзамасском и Скопинском уездах — сам-5 для ржи и овса[7].

При учете значительных колебаний урожайности в разные годы все же следует признать урожайность на десятинной пашне в Сибири значительно более высокой. В 1628 г. в Верхотурском уезде урожай ржи был сам-8, овса — сам-10. Средний урожай в Туринском уезде в 30—40-х годах исчисляется для ржи — сам-8, для овса — сам-6. В Тюменском

---

[1] *М. А. Островская.* Указ. соч., стр. 318, 325, 336; *П. И. Иванов.* Указ. соч., стр. 26; *Г. Н. Образцов.* Указ. соч., стр. 110, 117, 127, 130, 131, 159 и др.

[2] *В. И. Шунков.* Указ. соч., стр. 119—123; *В. Н. Шерстобоев.* Указ соч., стр. 315 и сл.

[3] «Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова», ч. 1, стр. 62—79, 116—122.

[4] Н. В. Устюгов, принимая нормальный вес казенной четверти в XVII в. в 6 пудов, признает, что полного единообразия в отношении четверти достигнуто не было («Очерк древнерусской метрологии».— «Исторические записки», № 19, стр. 328—330). *В. И Шунков.* Указ. соч., стр. 134, 157. Указаны четверти ржи весом в 5, 7 и 8 пудов. С. И. Тхоржевский исходит в расчете урожайности четверти ржи в 9 пудов («Государственное земледелие на южной окраине Московского государства в XVII в.— «Архив истории труда в России», кн. 8, Пг., 1923, стр. 74).

[5] *И. Н. Миклашевский.* Указ. соч., стр. 230—231.

[6] *С. И. Тхоржевский.* Указ. соч., стр. 74.

[7] *А. И. Заозерский.* Указ. соч., стр. 109.

уезде в 20—40-х годах для ржи — сам-9—10, для овса — сам-7—8. Стопудовые урожаи на Илиме не были редкостью[1].

Такой же пестротой отличались урожаи и на частновладельческой пашне. Во владениях Костромского Ипатьевского монастыря урожай ржи в 1657 г. был сам-2,5, в 1658 г.— сам-1,8; овес дал в 1657 г. сам-1,4, в 1653 г.— сам-1,7[2]. В арзамасских и нижегородских вотчинах боярина Б. И. Морозова в 1660—1661 гг. урожай ржи колебался от сам-2,4 до сам-5,2. В таких же примерно цифрах колебался урожай овса[3]. В рязанских и ряжских вотчинах Б. И. Морозова в 1667 г. урожай ржи был сам-3—4. В тверской вотчине в том же году урожай ржи был сам-3, овса — сам-7[4].

В середине 70-х годов XVII в. в деревне Федотовской Окологородной волости Тотемского уезда, принадлежавшей Тотемскому казенному соляному промыслу, собирался урожай ржи сам-2,5—3, овса — сам-3, пшеницы — сам-4—4,5[5]. Нет сведений об урожайности хлебов на крестьянской пашне.

Вследствие неполноты данных невозможно сделать какой-либо обобщающий вывод об урожайности земледелия в XVII в. Можно, однако, с уверенностью сказать, что в целом урожайность была невысокой; крепостническое хозяйство характеризуется вообще крайне низким и рутинным состоянием техники, «...ибо ведение хозяйства было в руках мелких крестьян, задавленных нуждой, приниженных личной зависимостью и умственной темнотой»[6]. В условиях жестокой крепостнической эксплуатации крестьянина сколько-нибудь существенное улучшение земледелия было невозможно, «...угнетение земледельца,— говорит Маркс,— истощает его поле и делает последнее неплодородным»[7]. В этом и заключалась основная причина недородов и голодовок, от которых так часто страдала масса населения в XVII в.

Документы XVII в. пестрят сообщениями о неурожаях и недородах. Вероятно, часто встречающиеся указания на урожаи менее чем сам-2 и следует относить к годам неурожайным, голодным. В центральных областях и на Севере хлеб либо вымерзал, либо вымокал (что случалось чаще)[8]. Указания на засуху чаще относятся к южным уездам; южная окраина страдала также от саранчи.

---

[1] *П. Н. Буцинский.* Указ. соч., стр. 56, 78, 102, 136; *В. И. Шунков.* Указ. соч., стр. 129—134; *В. Н. Шерстобоев.* Указ. соч., стр. 341—353.

[2] *В. Н. Сторожев.* К истории сельскохозяйственного быта костромских Ипатьевского и Богоявленского монастырей.— «Чтения ОИДР», 1894, кн. 1, отд. I, стр. 52.

[3] «Книги посевные, ужинные и умолотные в имении Морозова».— «Временник ОИДР», 1850, кн. 7, отд. II, стр. 1—20.

[4] «Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова», ч. I, стр. 18—20.

[5] ЦГАДА. Городовые книги по Устюгу Великому, № 204, лл. 151 и сл.

[6] *В. И. Ленин.* Соч., т. 3, стр. 159.

[7] Черновик письма К. Маркса к В. Засулич, 1881 г.— «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», кн. I, М., 1924, стр. 275—276.

[8] *А. А. Новосельский.* Вотчинник и его хозяйство в XVII в., стр. 91—94.

* * *

Скотоводство в XVII в., наряду с земледелием, являлось существенно важной отраслью сельского хозяйства. Оно давало тягловую силу для обработки земли и создавало возможность применения удобрения. Скотоводство увеличивало продовольственные ресурсы, давало сырье, обращавшееся в качестве товара на рынке и шедшее на переработку. Социальные условия и природа страны, наличие в то время еще значительного количества нераспаханных сенокосов и пастбищ определяли неодинаковый уровень развития скотоводства у разных слоев населения тех или иных местностей. Отдельные владения феодалов были обеспечены скотом неодинаково. Существовала некоторая связь между наличием скота у феодальных владельцев и размерами их собственного пашенного хозяйства. По данным «описных» книг 1667 г., в вотчинных владениях А. И. Морозовой в Галицком уезде, достигавших крупных размеров (787 дворов крестьян и бобылей), не было собственной боярской запашки, а потому не было лошадей и «животины» и «никаких боярских деревенских заводов»[1]. В Селецкой рыбной слободке на берегу Оки (29 дворов), плативпей Морозову оброк только рыбой, также «заводов никаких и пашни боярской и сенных покосов и скоту» не было[2]. В нижегородских, курмышских и арзамасских вотчинах боярина Б. И. Морозова, где была довольно значительная боярская пашня, имелся и скот. В нижегородских вотчинах (Закудемском, Стрелицком и Березопольском станах), по описным книгам того же 1667 г., было 1073 крестьянских и бобыльских двора, распахивалось на боярина примерно 300 десятин. По селам находилось боярских 89 лошадей, 20 коров, 6 телиц, 14 бычков, 53 овцы, баранов и ярок, 31 голова свиней и поросят[3]. Однако тот же источник поясняет, что лошади, названные «майданными», обслуживали главным образом будные станы, на которых добывался в больших количествах поташ, а не боярскую пашню, где работа выполнялась крестьянами на своих лошадях. Наличие здесь рогатого и мелкого скота было ничтожно по сравнению с размерами владений; очевидно, разведение его не стояло в центре внимания вотчинника. Такие же наблюдения можно сделать и по другим крупным владениям боярина Морозова в Курмышском, Арзамасском, Темниковском и Алатырском уездах[4].

Менее крупный землевладелец стольник А. И. Безобразов в основных своих владениях в украинных уездах (Белевском, Кромском и Орловском) в 80-х годах имел от 400 до 500 десятин боярской пашни. Между тем это хозяйство не было обеспечено собственной тягловой силой. В распоряжении вотчинника был запасный табун лошадей (50—60) «санни-

---

[1] «Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова», ч. I, стр. 21—36.
[2] Там же, стр. 21.
[3] Там же, стр. 40—57.
[4] Там же, стр. 62—81.

ков», «кошевых» и «пашенных», которых перебрасывали из деревни в деревню в рабочую пору и употребляли на доставку столовых запасов в Москву. Лошади были худы, плохо кормлены и иногда совершенно непригодны для полевых работ. Забота владельца состояла в том, чтобы его собственные лошади употреблялись лишь для удовлетворения самых необходимых нужд, все же основные работы на пашне и другие «изделья» должны были выполняться на крестьянских лошадях [1]. Практикой использования крестьянских лошадей в собственном хозяйстве феодалов объясняется относительная малочисленность лошадей в их владениях. Во дворах бояр иногда держали породистых выездных лошадей.

Также относительно мало разводилось рогатого и мелкого скота (коров, овец, свиней) и птицы. Основную массу столовых запасов (мяса, баранов, битой и живой птицы, яиц, масла и пр.) владельцы получали в виде натуральных оброков со своих крестьян; этими поставками из деревень и обеспечивалось содержание вотчинных дворов со всей их многочисленной дворней; продукты же собственного животноводства были лишь незначительным дополнением к натуральному оброку, платившемуся крестьянами.

Нет указаний на то, чтобы животноводство в хозяйстве феодалов имело целью разведение скота на продажу. Повидимому, объясняется это трудностью организации животноводства на основе крепостного труда. В 80-х годах стольник А. И. Безобразов пытался завести в своих новых украинных владениях «животины всякой боярской»: лошадей, коров, овец, свиней, гусей, уток, индеек. Он требовал от приказчиков разведения десятков коров, сотен свиней и овец; хотел завести черкасских овец, для чего искал опытного овчара. Но, несмотря на самые настойчивые требования и жестокие наказания приказчика и дворовых людей, эта попытка не дала никаких результатов. Приказчики оправдывались отсутствием средств, кормов и неопытностью дворовых людей по уходу за скотом и птицей. Вотчинник вынужден был прибегать к обычному в практике крепостного хозяйства приему: распределять в принудительном порядке господский скот и птицу на прокорм между крестьянами. Крестьяне упорно сопротивлялись этой новой повинности, но в конце концов вынуждены были подчиниться. Результат оказался самым плачевным: скотина не плодилась и падала, птица вся перемерла. Не удавались такие попытки и в хозяйстве боярина Б. И. Морозова [2]. Вотчинники были не в состоянии преодолеть пассивное сопротивление крепостных работников. В условиях крепостнического хозяйства животноводство самих вотчинников, несмотря на частые упоминания скота в усадьбах владельцев, в целом было весьма ограниченным и носило почти исключительно потребительский характер.

---

[1] *А. А. Новосельский.* Указ. соч., стр. 109, 116—118.

[2] Там же, стр. 109—116; «Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова», ч. I, стр. 125—126, 215.

Основой животноводства в крепостническом хозяйстве было животноводство крестьянское. Очевидно, что обеспеченность крестьян скотом была очень различной в зависимости от местных условий. Например, в дворцовых карельских волостях Бежецкого уезда, в 79 селах и деревнях, насчитывавших 514 дворов, к 1669 г. было 942 лошади и 130 жеребят, 1465 коров, 800 телят, 1343 свиньи, т. е. более чем по две лошади и по две-три коровы, овцы и свиньи на двор[1]. К сожалению, это только средние цифры. Возможно, что приведенный пример не является типичным. Но практика взимания натурального оброка с крестьян говорит о наличии скота и птицы в большинстве крестьянских хозяйств. Необходимо, конечно, учитывать факт неравномерности в обеспечении скотом крестьян и наличие среди них бедноты, совершенно не имевшей скота. Так, в 1669 г. в небольших дмитровских деревнях А. И. Безобразова (всего по шести дворов) не было ни одного безлошадного двора: двор старосты имел четыре лошади, жеребенка, пять коров, трех телят, 12 овец, свинью; самый богатый двор крестьянина Сергеева — девять лошадей, пять коров, две телки, 20 овец и 10 свиней, самый бедный двор — лошадь, корову, бычка, 10 овец. В кашинских деревнях самым зажиточным был двор старосты, у него было девять лошадей тяглых, два жеребенка, 12 коров и пр. Самый бедный крестьянин не имел ни лошадей, ни коров, ни овец, ни свиней. В трех боровских деревнях из 22 дворов было пять крестьянских дворов безлошадных; в них было по одной-две овцы. В четырех лучших дворах было по четыре лошади. Самый богатый двор и здесь был двор старосты. В костромском селе Никольском в 1674 г. наряду с крестьянами, имевшими две-три лошади и коровы, были крестьяне, которые совсем не имели лошадей, а только коров или не имели никакой животины, «опричь куренков пяти-шти». Скотина вся находилась в самом жалком состоянии: вся она «ошелудивела» и ослабела от бескормицы[2]. По данным 20—60-х годов XVII в., среди крестьян Западной Сибири были многолошадные и многокоровные и некоторое количество совсем лишенных и лошадей и коров[3].

В северных уездах, где малоплодородная почва и суровый климат не благоприятствовали развитию земледелия, скотоводство, в связи с наличием лесных пастбищ и заливных лугов по Двине и другим рекам, приобретало значительный удельный вес в крестьянском хозяйстве. Основными товарами на Благовещенской ярмарке в селе Туглиме Яренского уезда, расположенном на среднем течении р. Вычегды, были сало и масло коровье[4]. Торговые люди Устюга Великого закупали коровье масло

---

[1] *Ю. В. Готье.* Указ. соч., стр. 313.

[2] *А. А. Новосельский.* Указ. соч., стр. 168—171.

[3] *В. И. Шунков.* Указ. соч., стр. 125—127. В. К. Яцунский в своей рецензии на работу В. И. Шункова полагает, что корни позднейшего развития западносибирского крестьянского скотоводства следует искать в XVII в.— «Известия АН СССР. Серия истории и философии», т. V, № 1, 1948, стр. 118—119.

[4] *И. С. Макаров.* Волостные торжки в Сольвычегодском уезде в первой половине XVII в.— «Исторические записки», № 1, стр. 209.

и кожи на туглимском и сольвычегодском рынках[1]. Крупные партии кож закупались и на Устюжском рынке. Так, устюжанин Семен Мыльник отправил в Вологду 8 февраля 1634 г. «100 кож яловичных сырых устюжские покупки»[2]. В Ильинском погосте Сольвычегодского уезда на р. Виляди, левом притоке Вычегды, был довольно значительный конный торг; сюда же окрестные крестьяне пригоняли на продажу быков и коров. Сольвычегодские прасолы здесь закупали убойный скот[3].

Крупным районом скотоводства был и Ярославский уезд. Широкое развитие кожевенного промысла именно в Ярославле было обусловлено наличием местного сырья. Знаменитая впоследствии ярославская порода рогатого скота, несомненно, ведет свое происхождение с XVII в. Романовские овцы, широко известные в более позднее время, славились и в XVII в. Московское правительство во время подготовки к войне с Польшей в середине XVII в. закупало полушубки в Романове.

Гораздо лучше по сравнению с крестьянами были обеспечены скотом приборные служилые люди южной окраины государства, что объясняется значительно бо́льшими размерами их земельных владений и обилием в лесо-степи естественных пастбищ и сенокосов. Так, в 1648 г. поселенные в г. Карпове служилые люди имели (кроме коров, свиней и овец): восемь человек — по шести и более лошадей, 53 человека — по четыре-пять лошадей, 210 человек — по две-три лошади и 26 человек — по одной лошади[4]. В 1646 г. татары отогнали у 54 служилых людей Оскольского уезда 211 лошадей, что дает в среднем по четыре лошади на каждого; у 21 служилого человека была отогнана 521 овца; иные потеряли до 20—50 овец, некоторые по 5—10—12 овец и т. д.[5]

Население центральных областей государства в XVII в. широко практиковало покупку ногайских лошадей на Дону и в Астрахани, а также в Москве во время пригона ногайскими татарами конских табунов («ордобазаров»); покупали башкирских лошадей и, реже, аргамаков на Северном Кавказе. Наконец, в степях еще в XVII в. водились дикие лошади, ловлей которых занимались жители окраинных уездов.

* * *

Широко развитая водная система рек и озер вызвала повсеместное распространение рыболовства, но в некоторых местах оно достигло особенного развития. Существовали рыболовецкие слободы царские и частновладельческие. В Белом море и Ледовитом океане, а также в северных реках ловили треску, палтуса, сельдь и семгу, которая в соленом виде шла за границу. В море добывали китов, тюленей и моржей; моржовая кость,

---

[1] ЦГАДА. Городовые книги по Устюгу Великому, № 24, Тамож. книги 142 (1633/34) г., лл. 137 об., 211 и др.

[2] Там же, л. 193 об.

[3] *И. С. Макаров.* Указ. соч., стр. 215.

[4] *И. Н. Миклашевский.* Указ. соч., стр. 161—162, 182.

[5] ЦГАДА. Столбцы Приказного стола, № 170, лл. 240—244; дела десятен, № 258, лл. 54—62.

или рыбий зуб, была ценным продуктом этого промысла. Сиги и лососи ловились в Ладожском озере. Белое озеро славилось снетками. Лучшими сельдями считались переяславские. Рыболовство было развито по Оке и по всему течению Волги. В низовьях Волги и Яика ловили преимущественно красную рыбу; на Волге существовали царские учуги,часть которых сдавалась на оброк рыбопромышленникам или эксплуатировалась самой казной. Отсюда шла зернистая и паюсная икра, служившая предметом вывоза за границу[1]. Рыболовство также было развито на Дону; этим промыслом занимались казаки; отсюда рыба на дощаниках и стругах вывозилась во внутренние районы.

* * *

Рутинная, медленно развивавшаяся земледельческая техника XVII в. и господство форм мелкого сельскохозяйственного производства закрепощенных непосредственных производителей сильно ограничивали рост продуктивности сельского хозяйства и сохраняли натуральность как характерную его черту. Недостаточность общего баланса хлеба в стране прежде всего выражалась в том, что значительная часть крестьянства не была обеспечена продовольствием и хронически голодала: запасы хлеба поглощались почти полностью внутри страны: экспорт хлеба был невелик и неустойчив. Правительство еще не было в состоянии строить свой бюджет исключительно на денежных поступлениях и собирало с населения в больших количествах хлеб натурой; теми же причинами вызывалась организация казенной «десятинной» пашни.

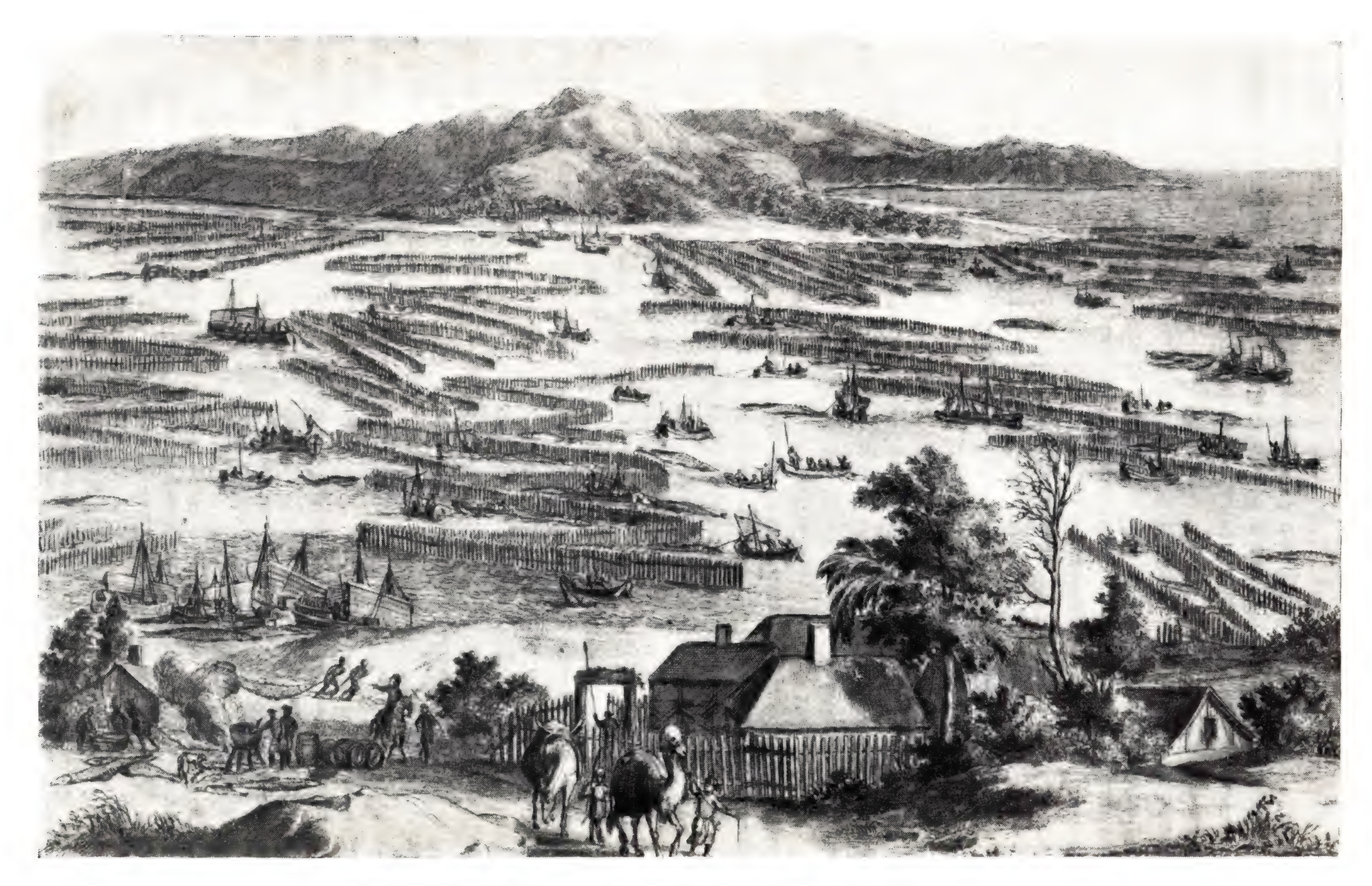
Тем не менее в XVII в. растет товарное обращение и товарное производство продуктов сельского хозяйства. Рост общественного разделения труда и хозяйственной специализации районов создавал стимулы для развития сельского хозяйства.

Отмечается также некоторое общее улучшение техники земледелия: земля стала обрабатываться более тщательно и, как указано выше, большое значение имело распространение земледелия на новые, более плодородные районы. С ростом потребляющих центров — городов и ряда промысловых районов, не производивших хлеба, усилилось движение сельскохозяйственных продуктов. Таковыми районами были северные уезды Поморья, население которых было занято рыболовецкими, слюдяными, соляными и другими промыслами, область Нижнего Поволжья, область верховых и низовых казачьих городков. Льноводческие западные и северо-западные уезды также нуждались в привозном хлебе. Наконец, вновь заселявшаяся Сибирь долгое время нуждалась в снабжении ее хлебом.

Мелкое крестьянское сельскохозяйственное производство господствовало у черносошных крестьян северных уездов европейской части госу-

[1] *Н. И. Костомаров.* Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях.— Собр. соч., кн. 8, СПб., 1906, стр. 386—393; *И. В. Степанов.* Хозяйственная деятельность московского правительства в Нижнем Поволжье в XVII веке.— «Ученые записки ЛГУ», 1939, серия истории, вып. 5, стр. 80—142.

4 Очерки истории СССР, XVII в.

Рыбная ловля на Волге. Гравюра из книги Стрейса, XVII в.

дарства. В XVII в. здесь сложилось несколько хлебопроизводящих районов: в Вологодском уезде и в расположенных от него к югу, в частности галичских и костромских, пригородах; в Вятском крае с его более плодородными и менее выпаханными почвами. Росло производство хлеба по южным притокам Северной Двины — Сухоне, Югу и Вычегде, простираясь на север почти до естественных границ распространения зерновых культур. Несмотря на общие неблагоприятные природные условия, хлебопашество развивалось здесь ввиду устойчивого спроса на хлеб со стороны промыслового населения северных уездов, вывоза хлеба в Архангельск и Сибирь. С юга хлеб поступал сюда с левых притоков Волги — Унжи и Ветлуги, а также из Вятки. Выгодность хлебопашества в Устюжском уезде побуждала не только местных торговых людей и монастыри вкладывать свои капиталы в сельское хозяйство. Можно назвать ряд фамилий виднейших торговых людей того времени, даже гостей, владевших землями в этих местах: Харламовы, Ревякины, Патокины, Босые, Грудцыны и др. Крестьянское население подвергалось эксплуатации в этих владениях. Изучение рынка Устюга Великого в середине XVII в. показывает, что продукция сельского хозяйства Устюжского уезда (хлеб, хмель, сало, кожи) поступала на устюжский рынок от крестьян, монастырей и землевладельцев — торговых людей непосредственно и через скупщиков[1].

В последние десятилетия XVII в. товаропроизводящим сделался Кунгурский уезд. Крестьянство Кунгурского уезда, преимущественно его зажиточная часть, выбрасывало на рынок значительное количество хлеба, мяса, сала и кож[2].

Изучение сельского хозяйства на Севере показывает, что товаропроизводителем здесь были верхушка крестьянства и, как это установлено для Устюжского уезда, представители торгового капитала и монастыри. Беднейшее крестьянство подвергалось эксплуатации и если продавало продукты своего хозяйства на рынке, то только побуждаемое к тому нуждой. Например, крестьяне Обвенского поречья Соликамского уезда, жалуясь на непосильность фискального гнета, писали в одной из своих челобитных, что даже после хорошего урожая они не имеют хлеба для продовольствия и вынуждены его продавать. «Тот хлеб,— говорили челобитчики,— сами мало ядим и блюдем на продажу, чем бы окупитца ваших государских податей»[3].

---

[1] *К. В. Базилевич.* Таможенные книги как источник экономической истории России.— «Проблемы источниковедения», сб. 1, М.—Л., 1933, стр. 116—117; *его же.* Крупное торговое предприятие в Московском государстве в первой половине XVII в.— «Известия АН СССР. Отделение общ. наук», сер. VII, 1932, № 9, стр. 809; *Ю. А. Тихонов.* Рынок Устюга Великого в середине XVII века.— «Исторические записки», № 39, стр. 212—213, 220 и др.; *С. Б. Веселовский, Ю. Готье.* Замосковный край в XVII веке.— ЖМНП, 1908, № 2, стр. 416.

[2] *А. А. Преображенский.* Крестьянская колонизация Кунгурского края в XVII— начале XVIII в., гл. III (рукопись канд. диссертации), 1953.

[3] *Н. В. Устюгов.* К вопросу о раскладке повинностей по дворовому числу в конце XVII в.— Сб. «Академику Б. Д. Грекову ко дню 70-летия», М., 1952, стр. 225.

В последней четверти XVII в. начинает давать некоторое количество рыночного хлеба сельское хозяйство Сибири. В качестве продавцов выступают в первую очередь крестьяне, среди которых выделяются «прожиточные»; кроме крестьян — приборные служилые люди и люди всяких других чинов[1].

В той же Сибири и по южным и юго-восточным окраинам государства широко распространилось трудовое хозяйство приборных служилых людей. Размер земельных наделов у них был различный: у стрельцов — 8—10 четвертей в одном поле, у казаков, атаманов — 20—30. Однако из этих наделов распахивалась лишь небольшая часть. Крестьянский труд имел незначительное применение в хозяйстве приборных служилых людей. Крестьян не было вовсе в Оскольском, Карповском, Усердском, Валуйском и других южных уездах. Чем позднее возникал уезд, тем менее в нем было крестьян. Там, где в уездах «по черте» имелись крестьяне, их численность к концу столетия падала в связи с продолжавшимся строительством новых городов[2]. Таким образом, можно утверждать, что хозяйство южных служилых людей в массе было мелким трудовым хозяйством.

По сравнению с черносошными крестьянами приборные служилые люди обладали преимуществами — они были лучше обеспечены землей; организация военной службы (по человеку с двора) и право приема во дворы «дольщиков», «прокормщиков» и «подъемщиков» давали возможность увеличивать количество рабочей силы. Изучение хозяйства служилых людей Доброго, Сокольска и Белоколодска в 40—50-х годах XVII в. показывает, что их хозяйство давало избыток хлеба, крупные партии которого иногда закупало правительство. Развились винокурение (в редком дворе не было «казанов» для курения вина), пчеловодство, рыболовство. Служилые люди, как можно судить по таможенным книгам, вывозили на рынок кожи, ульи с пчелами, лошадей, коров и быков[3].

Конечно, в различных уездах южной окраины сельское хозяйство имело свои особенности, но товарность его в той или иной степени была свойственна всей южной окраине в целом.

Роль в рыночном обороте мелкого хозяйства закрепощенных крестьян в центральных районах страны, где господствовало крепостническое землевладение, еще не изучена. Естественно предполагать, что и среди частновладельческих крестьян были зажиточные и лучше обеспеченные крестьяне, которые были в состоянии производить в своем хозяйстве товарную продукцию.

В развитии собственного хозяйства феодалов, значительно более крупного, чем крестьянское, в XVII в. необходимо отметить новые явления.

---

[1] *В. И. Шунков.* Указ. соч., стр. 164—173, 189 и др.

[2] *И. Н. Миклашевский.* Указ. соч. ч. 1, стр. 73, 108—109, 113, 148, 162—163, 202—207.

[3] *А. А. Новосельский.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в., стр. 411—412.

Уже в конце XVI в. наблюдается по всему государству, особенно в южных уездах, абсолютный и относительный рост боярской и монастырской пашни[1]. В течение XVII в. в Замосковном крае довольно ясно намечаются выделение уездов оброчных и сокращение боярской пашни, хотя и здесь в некоторых уездах, особенно ближайших к столице, боярская пашня не переставала расти. Под Москвой шли в расчистку даже заболоченные местности[2].

Особенно следует подчеркнуть рост собственного боярского хозяйства, в первую очередь пашни, в украинных уездах. Так, уже с начала столетия возникли крупные владения знатных феодалов в Лебедянском и Ряжском уездах. К 40-м годам здесь сложились довольно крупные владения: князя А. Н. Трубецкого, Б. И. Плещеева, И. Г. Бобрищева-Пушкина, С. Вельяминова, князя Д. М. Пожарского, Чудова и Ново-Спасского монастырей и др.[3] Громадный приток беглых из центральных уездов давал здесь возможность легко решать вопрос о рабочей силе. Однако это раннее проникновение в украинные уезды крепостнического землевладения оказалось преждевременным, потому что политические интересы потребовали закрытия сюда доступа крепостнического землевладения. В 40-х годах в Лебедянском и соседних уездах частные владения были «отписаны на государя»[4]. С 70-х годов наступает решительный перелом, все преграды падают, и крепостническое землевладение быстро распространяется в украинных уездах, проникая все южнее; этот процесс продолжается и в XVIII в. Стремление на юг объяснялось наличием там более плодородных земель, которые обещали значительно бо́льшую продуктивность хозяйства. В челобитной 1672 г. о разрешении дачи земель в украинных уездах челобитчики писали, что их владения в Замосковье находятся «не в хлебородных местах» и что крестьяне их «от голоду идут врознь»[5].

Южные уезды государства начинают давать весьма значительную хлебную продукцию в последней четверти XVII в. От 1681 г. сохранилось первое официальное свидетельство о хозяйственных успехах крупного землевладения в южных уездах. В докладной выписке Разрядного приказа от 1681 г. говорится, что «в Ряских, и в Рязанских, и в Тульских, и в Орловских и в иных во многих к тому краю прилежащих местах бояря и многие государевы ближние, и московских чинов, и иных чинов люди, помещики и вотчинники, в диких полях построили многия села и деревни и завели большие пашенные заводы, и тем в Московском государстве хлеба и

[1] *Н. А. Рожков.* Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. М., 1899, стр. 132—133, 156—157, 168—174, 176—180.

[2] «Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова», ч. II, № 218, 222, 234, 236, 241 и др.

[3] *П. Н. Черменский.* Город Лебедянь и его уезд в XVII в. СПб., 1913, стр. 44—58.

[4] Взамен отписанных владельцы получили земли в других местах.

[5] *А. А. Новосельский.* Распространение крепостнического землевладения в южных уездах Московского государства в XVII в.— «Исторические записки», № 4. стр. 29—30; ЦГАДА. Книга указам, № 4704, л. 74.

всяких съестных запасов перед прежними годами учинилось множество, и в покупке того всего цена дешевая, а торговым людем промыслы и пожитки и в пошлинах с того сборы большие»[1]. С юга хлеб поступал в центральные уезды и Москву. Отсюда же он реками Доном и Донцом крупными партиями сплавлялся в область Низового войска, а возможно, проникал в Азов и Крым[2]. Открытие правительством границ для продажи хлеба на Украину сильно облегчило положение украинского населения в годы его борьбы с панской Польшей. Избыток хлеба давали уезды Поволжья. Весьма значительное количество зерновых хлебов шло на винокурение, распространенное тогда повсеместно.

* * *

Необходимо отметить еще одно новое и важное явление в развитии сельского хозяйства в XVII в. — пока еще спорадические, но тем не менее очень характерные для эпохи случаи связи сельского хозяйства с промышленным предпринимательством и торговлей. Конечно, это явление не выходило из рамок крепостнического хозяйства и означало лишь приспособление последнего к сдвигам в экономике. В данном случае рост товарности лишь обслуживал феодальный строй, еще не разрушая его.

Ярче всего эти новые черты проявились в хозяйственной деятельности крупных феодалов. Наиболее типичен в этом отношении боярин Б. И. Морозов, обладатель огромных земельных владений. Его хозяйство давало ему избыток хлеба, который он десятками тысяч четвертей выбрасывал на продажу. Кроме того, Морозов скупал хлеб и, учитывая изменения в рыночных ценах на хлеб, перепродавал его с прибылью. В своих нижегородских и арзамасских вотчинах он организовал крупное производство поташа (по типу мануфактурного производства) и в громадных количествах продавал его за границу. В 1651 г. им было отправлено в Архангельск 5494 пуда поташа, а в 1662 г.— 94 940 пудов; от этой последней продажи было выручено прибыли около 24 тыс. руб. (на деньги конца XIX в. свыше 400 тыс. золотых рублей). Морозов имел винокурни, на которых перерабатывал хлеб, что было гораздо выгоднее, чем продажа его на рынке. В подмосковном селе Павловском Морозов имел железоделательный завод; он заводил «рудни» и в своих нижегородских и арзамасских владениях. Поступления с вотчин в качестве денежных оброков и всевозможных сборов от эксплуатации сельскохозяйственных угодий, промысловых предприятий (винокурни, квасницы, мельницы и пр.), от торговли поташом и хлебом составляли огромные суммы, исчислявшиеся десятками тысяч рублей того времени. Морозов, по наблюдению Мейерберга,

---

[1] «Известия Тамбовской ученой архивной комиссии», вып. 33, Тамбов, 1892, отд. III, стр. 53.

[2] *А. А. Новосельский.* Из истории донской торговли в XVII в.— «Исторические записки», № 26, стр. 204—206, 210, 212 и др.

был проникнут «такой же жадностью к золоту, как обыкновенно жажда пить»[1]. По смерти Морозова осталось в кабалах, т. е. розданных им в долги, до 80 тыс. руб. (на деньги конца XIX в. в золотых рублях — 1 млн. 400 тыс.). Среди его должников были бояре, гости, иноземцы и его собственные крестьяне. Таким образом, боярин Б. И. Морозов был одновременно крупнейшим землевладельцем, предпринимателем-заводчиком, купцом и ростовщиком[2]. Кроме Б. И. Морозова, можно назвать еще ряд крупнейших феодалов, занимавшихся производством поташа, смольчуга и скупкой и продажей пеньки: И. Д. Милославский, князья Я. К. Черкасский, Н. И. Одоевский, Ю. И. Ромодановский, стольники М. И. Еропкин, Ф. Я. Плещеев и др.[3].

В хозяйстве Тайного приказа, которым руководил сам царь Алексей Михайлович, наряду с значительным развитием земледелия и продажей на рынок хлеба и льна, производилась переработка хлеба на вино, имелись заводы — железоделательные, стекольные, поташные, кожевенные, а также солеваренные промыслы[4].

Конечно, феодалы не столь крупные, как перечисленные выше, обладали меньшими возможностями для развития промышленной и торговой деятельности, но, очевидно, и их хозяйство начинало испытывать воздействие развития товарно-денежного хозяйства в стране, что сказалось в стремлении расширять запашку в южных уездах.

* * *

Своеобразной формой сельскохозяйственного производства в XVII в. была «государева десятинная пашня». Обработка казенной десятинной пашни производилась на южной окраине государства и в Сибири в качестве трудовой повинности приборными служилыми людьми и крестьянами под надзором воевод и приказных людей. Собранный с десятинной пашни хлеб поступал в казенные житницы и расходовался на выдачу хлебного жалованья служилым людям строившихся городов. В XVI в. десятинная пашня лишь зарождалась[5]. При царе Борисе десятинная пашня в южных уездах была увеличена, что вызвало сильное недовольство приборных служилых людей. В это время десятинная пашня имелась в Ельце (200 дес.), Белгороде (200 дес.), Курске (200 дес.), Осколе (200 дес.) и Воронеже (100 дес.). При возобновлении десятинной пашни при царе Михаиле была установлена уменьшенная норма запашки — в 100 де-

---

[1] *А. Мейерберг.* Путешествие в Московию.— «Чтения ОИДР», 1873, кн. 4, отд. IV, стр. 114.

[2] «Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в.», ч. 1, Л., 1933, стр. LXXI и сл.

[3] *К. В. Базилевич.* Элементы меркантилизма в экономической политике правительства Алексея Михайловича.— «Ученые записки МГУ», вып. 41. История, т. I, М., 1940, стр. 6, 13—14.

[4] *А. И. Заозерский.* Указ. соч., 1937, стр. 18—19, 219, 226 и др.

[5] *Н. А. Рожков.* Указ. соч., стр. 130—131.

сятин для каждого города. Но зато десятинная пашня была организована, кроме перечисленных, в ряде новых городов: Яблонове, Карпове, Валках, Вольном, Хотмышске, Усерде, Новом Осколе и Змиеве. Лишь в редких случаях при обработке десятинной пашни прибегали к наемному труду. Работа на пашне ложилась тяжелой повинностью на приборных служилых людей и крестьян и постоянно вызывала с их стороны недовольство. Служилые люди вновь построенных и заселенных городов довольно быстро обзаводились собственной пашней в таком размере, что хлеба начинало хватать не только на удовлетворение их собственных потребностей, но часть его шла на продажу и на винокурение. Вследствие этого государева десятинная пашня сделалась ненужной и отяготительной повинностью. Постепенно она начала заменяться платежом «посопного хлеба», т. е. трудовая повинность заменялась натуральным налогом[1].

Присоединение Сибири и быстрое продвижение русских на восток поставило правительство перед необходимостью взять на себя снабжение хлебными запасами гарнизонов новых городов, приказных людей и духовенства. С конца XVI в. снабжение сибирских городов хлебом легло тяжелой повинностью на население поморских уездов и городов. С ростом сибирского населения и распространением границ на восток эта повинность становилась все более тяжелой и обременительной. Отсюда понятно старание правительства завести пашню в самой Сибири.

Ряд льгот, облегчавших устроение в Сибири новых поселенцев, а также обилие свободных и плодородных земель вызвали приток сюда крестьян из поморских и других уездов Руси. Отбыв льготные годы, крестьяне начинали выполнять повинности по обработке десятинной пашни, размеры которой определялись в течение XVII в. в зависимости от размеров их «собинной» (собственной) пашни. В 1624/25 г. тобольский воевода Ю. Я. Сулешев установил примерную норму десятинной пашни: одна десятина на государя — четыре десятины «собинной» пашни. Однако от этой нормы в разных местностях и в разное время допускались весьма значительные отступления. В Туринском уезде в 1645 г. крестьяне пахали на себя 1720 четвертей в поле, а на государя — 193 четверти в поле. Такая же десятинная пашня встречается и в других сибирских уездах: Тюменском, Тобольском, Тарском, Пелымском, Енисейском, Якутском. В общей сложности в 20—30-х годах во всех этих уездах запахивалось десятинной пашни более 500 десятин в одном поле. Делались попытки замены десятинной пашни оброком. Но на протяжении всего XVII в. десятинная пашня сохранялась и к первым годам XVIII в. достигла 2300 десятин в поле.

Однако ее удельный вес в сельском хозяйстве Сибири неуклонно падал; нужды сибирского населения все более удовлетворялись

---

[1] О «посопном хлебе» см. *С. Б. Веселовский.* Сошное письмо, т. I, М., 1915, стр. 102—117.

за счет хлеба, поступавшего в свободную продажу на местный рынок[1].

Существовала десятинная пашня и на дворцовых землях. По характеру она сходна с боярской пашней в крупных феодальных владениях с тем отличием, что собиравшийся с нее хлеб шел главным образом на удовлетворение правительственных нужд, на выдачу хлебного жалованья московским стрельцам, солдатам выборных полков и множеству отдельных лиц. Увеличение десятинной пашни на дворцовых землях можно отметить уже с начала XVII в. Однако наибольшего размаха дворцовое хозяйство достигло при Алексее Михайловиче, когда с 1663 г. в ведомстве Тайного приказа было сосредоточено большое число владений, расположенных в 20 уездах. Царь Алексей Михайлович в качестве руководителя хозяйства Тайного приказа выступал в типичном для этого времени образе предприимчивого хозяина. В 1675 г. в пределах владений, находившихся в ведении Тайного приказа, распахивалось государевой десятинной пашни свыше 5800 десятин в одном поле (т. е. всего около 18 тыс. десятин). При расширении десятинной пашни царь не останавливался перед отнятием земли у крестьян и их насильственным переселением, а также перед крупными затратами на оплату вольнонаемного труда при расчистке леса и распашке «дикого поля». Затраты и усилия приносили свои плоды и окупались.

В 1675 г. в хозяйстве Тайного и Хлебного приказов было получено чистого урожая (за вычетом семян) 24 тыс. четвертей ржи, 43 тыс. четвертей овса, более 3500 четвертей ячменя, до 2200 четвертей гречи и другого зерна. Попытка исчислить чистый доход от хозяйственных мероприятий царя Алексея Михайловича приводит к заключению, что, если не считать стоимости принудительного труда, этот доход достигал 70%, по крайней мере по подмосковным владениям[2]. Со смертью царя Алексея размер хозяйства на дворцовых землях сократился.

Развитие десятинной пашни в XVII в. было вызвано тем, что быстрое расширение государственной территории создавало у государства потребности, за которыми не поспевало развитие сельского хозяйства на частновладельческих землях, и правительство было вынуждено удовлетворять эти потребности возложением повинности обработки государевой пашни на служилых людей и крестьян. «Десятинная пашня» была одним из проявлений натуральности сельского хозяйства и еще недостаточно высокого уровня производительных сил в нем. Общие успехи сельского хозяйства в XVII в. и возросшая его товарность постепенно сделали десятинную пашню излишней.

---

[1] *П. Н. Буцинский.* Указ. соч., стр. 45, 77, 97—98; *А. Пруссак.* Крестьяне Восточной Сибири во вторую половину XVII века. — «Архив истории труда в России», кн. 6—7, Пг., 1923, стр. 79; *В. И. Шунков.* Указ. соч., стр. 150, 174—183 и др.; *В. Н. Шерстобоев.* Указ. соч., стр. 380—382.

[2] *А. И. Заозерский.* Указ. соч., стр. 17—21, 98—99, 110—111.

* * *

Итак, в XVII в. сельское хозяйство сравнительно быстро восстановилось после «великого разорения» начала столетия и, сохраняя черты рутинности, свойственные вообще крепостническому хозяйству, все же развивалось по пути дальнейшего распространения трехполья, более значительного употребления удобрений, увеличения ассортимента сельскохозяйственных культур и т. п. Однако главное достижение сельского хозяйства в XVII в. заключалось в распространении земледелия на новые и значительные пространства более плодородных земель. Хозяйственное освоение новых территорий, выполненное трудом и силами крестьян и близких к ним по экономическому положению приборных служилых людей, имело весьма большое народнохозяйственное и культурное значение. Увеличивалась общая продуктивность сельского хозяйства. Хлеб становился одним из важных товаров на внутреннем, а отчасти и на внешнем рынках. Земледелие осваивалось нерусскими народностями — факт большого прогрессивного значения. Успехи сельского хозяйства, прямо и косвенно обусловленные развитием общественного разделения труда и товарно-денежного оборота, в свою очередь содействовали усилению рыночных связей. В хозяйстве феодалов, особенно крупных, выступают новые черты предпринимательства, отражающие происходившие в стране экономические сдвиги.

2

РЕМЕСЛО И МЕЛКОЕ ТОВАРНОЕ ПРОИЗВОДСТВО[1]

Мелкое крестьянское хозяйство и связанные с ним домашняя промышленность и городское ремесло составляют типичную черту феодального способа производства за все время его длительного существования.

Домашняя промышленность была широко распространена по всей территории страны. В крестьянском хозяйстве производились холсты — льняные, посконные и пеньковые, веревки и канаты, грубые сермяжные сукна, валяная обувь, кожи — дубленые и сыромятные, кожаная обувь, одежды, украшенные вышивками, строченые полотенца, деревянная посуда, лапти, мочало, рогожи, сани, деготь, смола, топленое сало. При посредстве скупщиков эти изделия, особенно холсты, попадали на рынок как внутренний, так и внешний. В отдельных случаях крестьянская промышленность перерастала домашние рамки (ярославские холсты, важское сукно, решемские рогожи, белозерские ложки, вяземские сани и т. д.).

До образования централизованного Русского государства изменения в мелком производстве заключались в территориальном его распростра-

---

[1] При составлении настоящего раздела использована статья Н. В. Устюгова «Ремесло и мелкое товарное производство в Русском государстве XVII в.».— «Исторические записки», № 34, стр. 166—197.

нении, возникновении новых очагов, в его специализации и качественном усовершенствовании. Вместе с тем всегда существовали элементы товарности мелкого производства, но лишь в узкой его области. Развитие ремесла перемежалось периодами упадка и застоя. Лишь с образованием сильного Русского централизованного государства, обеспечившего серьезный хозяйственный рост, создались условия для устойчивого поступательного развития мелкого производства. В XVII в. в состоянии мелкого производства, вместе с ростом и углублением общественного разделения труда и втягиванием непосредственных производителей города и деревни в рыночные отношения, в хозяйстве страны произошли крупные сдвиги, отразившиеся в процессе складывания всероссийского рынка. В XVII в. ремесло продолжало развиваться вширь и совершенствоваться, но характерная новая черта его развития заключалась не в этом, а в превращении ремесла в товарное производство. Товарное производство, хотя и неодинаково во всех отраслях ремесла, в течение XVII в. неуклонно растет. Наряду с этим наблюдается укрупнение производства и применение в нем наемного труда; эта последняя тенденция отчетливо прослеживается в металлургии, металлообработке, солеварении, винокуренном и кожевенном деле и некоторых других видах промышленности. Можно говорить о новом качественном этапе развития мелкого производства в XVII в.

Русские ремесленники в XVII в. не были объединены общими юридическими сословными признаками. Среди ремесленников можно выделить несколько групп. Первую, наиболее многочисленную, составляют так называемые тяглые ремесленники — ремесленное население посадов и черносошных волостей. Эти ремесленники занимались преимущественно выполнением частных заказов и производством изделий для рынка. Ко второй группе относятся дворцовые ремесленники, обслуживавшие разнообразные нужды царского дворца. К третьей группе — ремесленники, выполнявшие заказы государственных учреждений (ремесло казенное). К четвертой группе — близкие к казенному ремеслу записные каменщики и кирпичники, занятые на казенных строительных работах и заготовке материалов для них. К пятой группе следует отнести частновладельческих ремесленников — крестьян, бобылей и холопов, живших во дворах и слободах своих вотчинников и помещиков и производивших ремесленные изделия для них.

Условность принятого деления ремесла заключается в том, что дворцовые и казенные мастера, а также вотчинные ремесленники светских и духовных феодалов, кроме работы по прямой их принадлежности, работали также и на постороннего потребителя; выносили они свои изделия и на рынок. Равным образом и тяглые ремесленники, посадские и деревенские, помимо вольной работы, постоянно привлекались, иногда в принудительном порядке, на дворцовые и казенные работы.

Самую крупную группу ремесленников составляло тяглое ремесленное население посадов и черносошных волостей. С тяглым ремеслом было тесно связано вотчинное ремесло — вотчинные ремесленники, жившие как

в городских дворах своих владельцев, так и в особых слободах на посадах или в непосредственной близости к ним. Таким образом, они являлись конкурентами посадскому тяглому ремеслу. Однако вотчинное ремесло, развитое особенно в крупных феодальных владениях, характерно для замкнутых форм феодального хозяйства. Уже в XVI в. вотчинное ремесло перестало удовлетворять запросы своих владельцев, все чаще обращавшихся к вольному ремеслу и рынку. Постепенно вотчинное ремесло сокращалось. Причиной этого была отчасти правительственная политика, которая со времени образования централизованного государства была направлена на сосредоточение торгов и промыслов в городах. Крепнувшее посадское население упорно боролось с остатками вотчинного ремесла, частновладельческими беломестными слободами и дворами на посадах.

Процесс превращения ремесла в товарное производство ярче всего прослеживается в тяглом ремесле. Вот почему посадские люди в течение всей первой половины XVII в. упорно добивались ликвидации частновладельческих слобод на посадах и включения их ремесленного и торгового населения в состав посадских тяглых общин.

Правда, процесс превращения ремесла в товарное производство шел далеко не равномерно. В одних отраслях мелкого производства он был заметен, становился господствующим, в других — работа на заказ продолжала оставаться основным видом труда ремесленников.

* * *

В Русском государстве были издавна значительно развиты металлодобыча и металлообработка. Наличие в разных районах страны железных руд, главным образом болотных, дававших низкосортное железо, обеспечило развитие металлодобычи и металлообработки в этих местах. Можно наметить несколько таких центров металлургии. Прежде всего следует назвать уезды, лежащие к югу от Москвы: Серпуховский, Тульский, Каширский, Дедиловский, отчасти Алексинский. Тульское железо и серпуховский уклад[1] были широко известны по всей стране. Это вполне убедительно свидетельствует о том, что мастера Тульско-Серпуховского района работали не только на заказ, но и на рынок и притом достаточно широкий, несмотря на то, что значительная часть тульских мастеров числилась казенными кузнецами и изготовляла оружие для Оружейной палаты[2].

---

[1] В сыродутных горнах изготовлялось кричное железо, полуфабрикат, который требовал дальнейшей переработки. Путем перековки в кузницах из него получалось более мягкое «опарошное» железо, которое шло на изготовление железных изделий — сошников, гвоздей и т. д. Дальнейшая перековка «опарошного» железа и его закалка давали уже уклад — низкосортную сталь.

[2] *Г. М. Белоцерковский.* Тула и Тульский уезд в XVI и XVII вв. Киев, 1914, стр. 73, 153—154; *В. Н. Ашурков.* Тульские оружейники и их классовая борьба в XVII—первой четверти XIX вв. Тула, 1947, стр. 17—34.

Другим важным районом металлодобычи и металлообработки являлись посады и уезды, лежащие к северо-западу от Москвы. Наиболее крупными из этих центров металлообработки были Устюжна Железопольская и Заонежье. Устюженские железные изделия, главным образом предметы бытового обихода, широко расходились по всей стране. Устюженские сошники, сковороды и гвозди находили спрос и на ближайших рынках, и в Москве, и в других более отдаленных городах (Псков, Смоленск и др.). Работа устюженских кузнецов представляла собой уже не ремесло, а товарное производство. Из посадского населения выделились торговцы-скупщики, которые развозили устюженские железные изделия по достаточно отдаленным рынкам — Москва, Ярославль и др.

Такой же характер имело производство железных изделий и уклада и в Тихвине. Железоделательная промышленность была ведущей отраслью промышленности на Тихвинском посаде в течение всего XVII в. Кузнечное дело в Тихвине развивалось не только в количественном, но и в качественном отношении. Если в начале XVII в. тихвинские кузнецы сами выполняли весь производственный процесс от копки и плавки руды до изготовления готовых изделий, то в течение XVII в. они постепенно перешли к работе на покупном полуфабрикате (кричном железе). На посаде исчезли домницы, а вместе с ними кричные или доменные мастера. Деревенские мастера поставляли посадским кузнецам полуфабрикаты (кричное железо) и подсобный материал (уголь). Для тихвинского кузнечного промысла характерны работа целыми семьями, наследственность промысла и обучение ему в недрах семьи. В XVI и первой четверти XVII в. тихвинские кузнецы из ремесленников, работавших на заказ, превратились в мелких товаропроизводителей, работавших на посаде в своих или арендованных кузницах и обслуживавших своими изделиями достаточно широкий рынок. Уже к началу XVII в. среди тихвинских кузнецов намечалась дифференциация, значительно углубившаяся и обострившаяся в течение XVII в. На одном полюсе образовалась малочисленная группа кузнецов, имевшая определенную тенденцию к прекращению производства железных изделий и переходу к торговле ими. Некоторые из кузнецов полностью перешли к торговле, другие продолжали совмещать торговлю железными изделиями с кузнечным промыслом, постепенно сокращая его. Из кузнецов выделились лица, занимавшиеся лишь скупкой и перепродажей железных изделий. Тихвинские кузнецы — мелкие товаропроизводители — теряли непосредственную связь с рынком сырья и сбыта своих изделий. Скупщики постепенно отодвигали мелких производителей от рынка. На другом полюсе оказались тихвинские кузнецы, потерявшие свои кузницы и жившие продажей своей рабочей силы. Происходило закабаление тихвинских кузнецов скупщиками обычно путем выдачи им денег «наперед» под будущую работу. В этом нельзя не видеть зачатков капиталистических отношений. Тихвинские скупщики, являясь «хозяевами» и «сильными людьми» по отношению к тихвинским кузнецам, сами часто зависели от более крупных иногородних скупщиков.

Специализация тихвинских кузнецов на выработке уклада, по существу полуфабриката, вывозившегося главным образом в Устюжну Железопольскую, имевшую давние производственные связи с Тихвином, свидетельствует, во-первых, о том, что тихвинские кузнецы не имели возможности переработать весь уклад, производившийся на Тихвинском посаде, хотя спрос на готовые изделия в Тихвине не падал; во-вторых, о подсобной роли тихвинского кузнечного промысла по отношению к устюженскому; в-третьих, о том, что тихвинский кузнечный промысел стоял на более низкой ступени развития, чем устюженский, так как количество полуфабриката, производимого в Тихвине, превышало количество готовых изделий, вырабатывавшихся тихвинскими кузнецами[1].

Крупным районом металлодобычи и металлообработки было Заонежье. Черносошные крестьяне этого края занимались добычей и сбытом железа как в форме полуфабриката (кричное железо, уклад, прутовое железо), так и в изделиях. Некоторые погосты специализировались на производстве определенных изделий. Так, Кижский погост славился своими ножами, Обжанская волость — сошниками и лемехами, Святозерская и Куштозерская волости—топорами. Железоделательный промысел крестьян Заонежского края в XVII в. уже превратился в товарное производство. Кузнецы работали на рынок. Сбытом изделий занимались как сами производители, так и крестьяне-скупщики, привозившие крупные партии железных изделий и полуфабриката на соседние рынки, в частности на тихвинский[2].

Работа устюженских, тихвинских, белозерских и заонежских кузнецов на рынок не исключала и работы на заказ. Но крупным заказчиком выступала главным образом казна. Это особенно следует сказать об Устюжне Железопольской, куда казенные заказы на железные изделия посылались в течение всего XVII в.[3]

В восточном Замосковье были свои центры производства железных изделий — Галич, галичские и костромские пригороды, Нижний-Новгород с его уездом. Галичское и солигаличское железо пользовалось широкой известностью на русском рынке, особенно во второй половине XVII в., и привозилось на продажу в города, отдаленные от Галича и Соли Галицкой. В 1694/1695 г. Пыскорский монастырь приобрел на рынке Соли Камской 1476 полиц цренного железа[4], приготовленного у Соли Галицкой[5].

[1] *К. Н. Сербина.* Очерки из социально-экономической истории русского города. Тихвинский посад в XVI—XVIII вв. М.—Л., 1951, стр. 141—143.

[2] Там же, стр. 229—238.

[3] ЦГАДА. Приказные дела старых лет, 1630 г., д. 37, лл. 1—161, 191—197; 1633 г., д. 4, лл. 510—511; 1646 г., д. 75, л. 319; 1666 г., д. 181, лл. 391—392. См. также *Н. В. Устюгов.* Ремесло и мелкое товарное производство в Русском государстве XVII в.— «Исторические записки», № 34, стр. 176—177.

[4] Полицы — железные полосы с загнутыми краями, составные части црена — большой сковороды, в которой кипятился соляной рассол в варницах.

[5] ЦГАДА. Грамоты Коллегии экономии по Соли Камской, № 11440/308, л. 183 об.

В 1699/1700 г. посадские люди Соли Галицкой Иван Тренин с товарищами привезли к Соли Камской и продали Пыскорскому монастырю 24 036 тренных полиц на общую сумму 709 руб.[1]

К XVII в. относится зарождение металлургического производства и в селе Павлове в Нижегородском крае. Было немало искусных кузнецов и в Нижнем-Новгороде. К услугам этих кузнецов не раз прибегало правительство путем вызова их в Москву или посылки в те города, где ощущался недостаток в квалифицированных кузнецах. Когда в 1689 г. был построен новый каменный мост в Москве на Москве-реке, правительство распорядилось вызвать из Нижнего-Новгорода кузнеца Дмитрия Молодого «для дела к новопостроенному каменному мосту резцов железных»[2].

В восточном Поморье крупными центрами производства железа и железных изделий были Устюг Великий с его уездом, Соль Вычегодская, Тотьма. На левом берегу Двины в Белослудском стане Устюжского уезда были месторождения болотной железной руды, из которой плавилось железо в устроенных на месте горнах. Железо, выплавлявшееся в этих горнах, шло на устюжский и сольвычегодский рынки как в виде полуфабриката (кричное железо), так и в изделиях.

Поморские кузнецы производили в большом количестве сельскохозяйственные орудия и предметы бытового обихода. Кроме того, крупными потребителями металла являлись судостроение и солеваренная промышленность[3].

Кричное железо проходило дальнейшую обработку в посадских кузницах, которых, по писцовым книгам 20-х годов XVII в., было в Устюге Великом — 47, в Соли Вычегодской — 21, в Тотьме — 10. В 80-х годах в Устюге Великом было уже 68 кузниц[4]. Посадские кузнецы работали и на заказ и на рынок. Таможенные книги этих городов содержат немало сведений о продаже посадскими кузнецами своих изделий на местных рынках, причем в таких количествах, которые не оставляют сомнения в наличии товарного производства. В 1624/1625 г. верхотурский таможенный подьячий Петр Третьяков и стрелец Иван Разум купили на сольвычегодском рынке 22 тыс. скоб судовых, 4500 гвоздей малых и тысячу гвоздей больших[5]. Число подобных примеров может быть значительно увеличено.

Таким образом, в Русском государстве XVII в. образовалось несколько крупных центров производства железа, причем в них работа на заказ уже отошла на задний план. Ремесло к концу XVII в. переросло в товарное производство. Но, конечно, работа на заказ не везде была поглощена

---

[1] ЦГАДА. Грамоты Коллегии экономии по Соли Камской, № 11440/308, л. 323 об.

[2] ЦГАДА. Приказные дела старых лет, 1688 г., д. 101, лл. 1—2.

[3] *Н. В. Устюгов.* Из истории металлургии Поморья в первой половине XVII в.— «Вопросы истории», 1946, № 2—3, стр. 127.

[4] «Устюг Великий. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий». М., 1883, стр. 41—143.

[5] *Н. В. Устюгов.* Указ. соч., стр. 127—128.

Железные дверные петли, XVII в.
Государственный Исторический музей

товарным производством. Это особенно заметно в таких посадах и уездах, где производство железных изделий не имело крупного рыночного значения.

Крупным центром металлообработки являлась и столица государства — Москва. По данным переписи 1641 г., в Москве оказалось 152 кузницы, из них 128 работающих и 24 пустых[1]. Московские кузнецы работали на привозном железе и сбывали свои изделия на рынке. Они специализировались главным образом на производстве мелких кузнечных изделий. Большинство кузнецов выполняло все виды кузнечной работы. Изредка попадается указание на производство определенных изделий — ножей, топоров, сабель, подков, сапожных гвоздей.

Москва была также центром обработки благородных металлов — золота и серебра. Лучшие серебреники и мастера золотого дела были сосредоточены в Серебряной и Золотой палатах, находившихся в ведении Оружей-

[1] «Роспись кузнецом, которые делают на Москве и в слободах всякое кузнечное дело».— *И. Е. Забелин.* Материалы для истории, археологии и статистики г. Москвы, ч. 2, М., 1891, стб. 1155—1163.

Серебряная чеканная братина князя И. А. Хворостинина московской работы, первая четверть XVII в.

Государственный Исторический музей

ной палаты. Тяглые ремесленники — мастера серебряного дела — объединялись торговым Серебряным рядом, имевшим своего выборного старосту. Много мастеров - серебреников было среди тяглецов Кадашевской дворцовой слободы. Они тоже имели лавки в Серебряном ряду. Торговали своими изделиями в ряду и жалованные мастера Оружейной палаты. Источники XVII в. свидетельствуют о разнообразии специальностей в области серебряного дела: среди мастеров-серебреников были знаменщики, резчики, чеканщики, басемщики, литцы[1].

В Русском государстве XVII в. не было своих разработок серебра и золота. «Сырьем» для серебряных и золотых изделий служили иностранные монеты и серебряный лом. Спрос на серебряные изделия был большой, особенно в столице.

Серебряные изделия изготовлялись и на заказ и на рынок. Но, конечно, рыночный спрос на серебряные изделия не был столь значительным, как на изделия из железа. Приобретать крупные и потому дорогие серебряные вещи могли только представители богатых и зажиточных слоев. Но мелкие серебряные изделия — кольца, серьги и пр.— имели широкий сбыт[2].

Кроме Москвы, были и другие крупные центры серебряного производства — Устюг Великий, Нижний-Новгород, Новгород Великий, Тихвин и др.[3]

Аналогичные явления можно наблюдать и в области обработки меди. В Русском государстве XVII в. почти не было собственных разработок

---

[1] Знаменщики — составители рисунков, которые резались или чеканились на серебряных изделиях. Чекан — выбивание рисунка, басма — выдавливание рисунка на тонких серебряных пластинах.

[2] «История Москвы», т. I, М., 1952, стр. 378—380.

[3] ЦГАДА. Писцовые книги, № 506, лл. 92 и др.; *Н. А. Бакланова.* Торги и промыслы Нижнего-Новгорода в 60-х годах XVII в.— «Ученые записки Ин-та истории РАНИОН», т. V, М., 1928, стр. 304—305.

Серебряный ковш серпуховского посадского человека М. Плотникова, 1660 г.

Государственный Исторический музей

меди. Русские медники работали главным образом на сырье, ввозившемся через Архангельск и через шведскую границу. В Москве, по данным 1638 г., тяглые котельники и медники, занимавшиеся обработкой цветных металлов — меди и олова, производили изделия для рынка и торговали ими в специальном Котельном ряду[1].

Распространена была обработка цветных металлов и в Поморье. На территории Заонежских погостов местные крестьяне занимались выплавкой меди и производством медных изделий. Медь как в форме полуфабриката (медные доски), так и в изделиях поступала на рынок, в частности тихвинский. Главным центром обработки меди в этом крае была Туломозерская волость[2].

Преобладающая специальность мастеров Поморья — котельники и колокольники. Медники производили медную и оловянную посуду на заказ и на продажу. Крупным потребителем изделий котельников была винокуренная промышленность — казенная и частная. Было развито и колокольное дело[3]. Повидимому, значительным центром медеобработки были Холмогоры. Когда Приказу Большого дворца понадобились котельные мастера, он вызвал их именно из Холмогор. Холмогорские котель-

---

[1] «Росписной список г. Москвы 1638 г.», под ред. И. С. Беляева.— «Труды Моск. отдела Русского военно-исторического об-ва», т. I, М., 1911, стр. XVIII—XXIII; *И. Е. Забелин.* Материалы..., ч. 2, стб. 1116.

[2] *К. Н. Сербина.* Указ. соч., стр. 243—244.

[3] *Н. В. Устюгов.* Из истории металлургии Поморья в первой половине XVII в., стр. 130—132; «Таможенные книги Московского государства XVII века», т. I, М.—Л., 1950, стр. 69, 212. (Далее — «Таможенные книги»).

Медный чеканный кувшин, 1671 г.

Государственный Исторический музей

ники работали на рынок[1]. Но в других поморских посадах обработка меди еще не превратилась в товарное производство. Вообще на устюжском рынке преобладал спрос на готовые медные и оловянные изделия, а не на медь

---

[1] ЦГАДА. Приказные дела старых лет, 1679 г., д. 78, л. 3; «Таможенные книги», т. I, стр. 32.

Медное блюдце, с расписной эмалью сольвычегодской работы 1690-х годов.

Государственный Исторический музей

и олово[1]. Соль Вычегодская славилась металлическими изделиями, украшенными цветной эмалью. Эти изделия были широко распространены по всей территории государства.

Медная чеканная братина, XVII в.
Государственный Исторический музей

Таким образом, в XVII в. были сделаны крупные шаги по пути превращения ремесла в области металлообработки в товарное производство.

Этот процесс захватил не только посад, но и деревню — как черносошную, так и частновладельческую. Кузнецы Галицкого уезда, павловские мастера железного дела, тихвинские и белозерские кузнецы были частновладельческими крестьянами.

В кузнечном деле наблюдается тенденция к укрупнению производства, расширению эксплуатации наемного труда, что можно видеть на примерах Устюжны, Тихвина, Устюга Великого и особенно Тулы. Не случайно то обстоятельство, что крупнейшие металлургические заводчики XVIII в.— Демидовы, Мосоловы, Баташовы, Лугинины — были по происхождению тульскими кузнецами.

Кузнецы обычно не работали без помощников-молотобойцев. В качестве молотобойцев очень часто выступали члены семьи кузнеца. Но нередко упоминаются и молотобойцы-наймиты, следовательно, были кузнецы, работавшие в чужих кузницах. Среди людей, живших в подсоседниках и подворниках у посадского населения Устюга Великого, встречались люди, промышлявшие кузнечной работой[2]. Некоторые кузнецы имели по две и даже по три кузницы. Разумеется, такие кузнецы не могли обходиться без наемного труда. Разбогатевшие кузнецы, сохраняя владение кузницами и эксплуатируя в кузнечном промысле труд кузнецов-наймитов, сами занимались торговлей железными изделиями и другими товарами. Таковы кузнецы-скупщики Устюжны Железопольской и Тихвина. Особенно хорошо изучено выделение из среды тихвинских кузнецов нескольких богатых семей (Плешановы, Чаплины, Охримовы, Дегтеревы), закабаление ими остальных кузнецов, отчасти

---

[1] «Таможенные книги», т. I, стр. 70, 97; т. III, М.—Л., 1951, стр. 20, 315, 332—333, 342—343, 346, 353 и др.

[2] ЦГАДА. Столбцы Оружейной палаты, № 41663, лл. 357—358.

превратившихся в наймитов[1]. Таковы же кузнецы Устюга Великого Федос Лукьянов Мазлык и его сыновья Петр и Елфим Мазлыковы[2].

* * *

В деревообработке можно отметить наличие таких же явлений, что и в металлургии, хотя и не в столь сильной степени. Плотничная работа по самой своей природе является работой на заказ. Подавляющее большинство зданий в то время возводилось из дерева. Поэтому плотничное мастерство было широко распространено на Руси, и плотники были везде. Особого искусства в возведении деревянных зданий достигли мастера, жившие в местностях, богатых лесом, и в первую очередь в Поморье[3].

Во время строительных работ в Москве в 60—70-х годах XVII в. правительство вызывало двинских плотников и интересовалось их количеством на месте. С этой целью на Двине местный воевода обязывался произвести поголовную перепись всех посадских и уездных плотников. Еще до получения окончательных результатов этой переписи удалось собрать сведения, что на Двине и в Двинском уезде плотников около 500 человек, помимо тех 60, которые уже были высланы в Москву[4]. Кроме двинских, славились плотники каргопольские, кеврольские, мезенские, вологодские, устюжские, сольвычегодские, вятские. Они не раз вызывались в Москву на строительные работы, а также посылались на другие казенные работы, где ощущался спрос на труд плотников. На семи посадах и уездах восточного Поморья: на Устюге Великом, Соли Вычегодской, Вятской земле, Чердыни, Соли Камской, Кайгородке и Яренске лежала в течение первых трех четвертей XVII в. обременительная повинность ежегодно посылать определенное количество плотников в Верхотурье для постройки судов, на которых развозился казенный хлеб по сибирским городам[5].

Но главная работа поморских судовых плотников, конечно, велась на месте. Они строили суда для плавания по морю и северным рекам. Лодейное дело было исконной специальностью двинских и каргопольских плотников. Еще в середине XVI в. английский шкипер Стифен Берроу отметил

---

[1] *К. Н. Сербина.* Указ. соч., стр. 113, 118—129 и др.

[2] ЦГАДА. Писцовые книги, № 506, лл. 54, 96; Городовые книги по Устюгу Великому, № 24, лл. 120 об., 154 об.— 155, 213 об., 216; № 30, лл. 154, 202—202 об., 221; № 34, лл. 232 об.— 233; «Таможенные книги», т. III, стр. 184—185.

[3] *Жан Соваж Диеппский.* Записка о путешествии в Россию.— «Русский вестник», т. I, СПб., 1841, стр. 228.

[4] ЦГАДА. Приказные дела старых лет, 1674 г., д. 323, лл. 1—6.

[5] ЦГАДА. Приказные дела старых лет, 1644 г., д. 19, лл. 18—19, 21—21а, 289—290 об., 296—297; 1652 г., д. 80, лл. 65—68, 107; 1656 г., д. 88, л. 116а; 1666 г., д. 183, л. 3.

удобство и быстроходность русских лодей, плававших по Белому морю и Ледовитому океану[1].

Работа плотников. Миниатюра XVII в.
Государственный Исторический музей

Были специальные центры и речного судостроения, причем наиболее крупные из них находились не на посадах, а в сельских местностях, где было достаточно строевого леса. Судостроением занимались и местные крестьяне и посадские плотники, приезжавшие на работу в эти пункты. Для Сухоно-Двинского водного пути таким центром в течение всего XVII в. являлась Векшенгская волость Тотемского уезда и особенно деревня Дуроватица этой волости. Вологодские, тотемские и устюжские посадские люди, даже Соловецкий монастырь, постоянно заказывали там суда[2].

В верховьях Лузы был свой центр речного судостроения — деревня Якушева в Ношульском приходе Сольвычегодского уезда. Здесь в конце XVII в. даже была устроена специальная таможенная изба для сбора пошлин «з барочного лесу, которые барки делают на торговых людей» для перевозки хлеба[3].

Центром речного судостроения в Пермском крае были Лимешский, Анисимовский и Редикорский погосты Чердынского уезда, расположенные на Каме и ее притоках. Правительство обложило эти работы особой

---

[1] *Стифен Берроу.* Плавание в направлении реки Оби и открытия, сделанные шкипером Стифеном Берроу.— В кн: «Английские путешественники в Московском государстве в XVI в.», перев. Ю. В. Готье, Л., 1937, стр. 101.

[2] ЦГАДА. Приказные дела старых лет, 1631 г., д. 36, л. 112; 1638 г., д. 14, л. 45; 1687 г., д. 220, лл. 1—10; *А. А. Савич.* Соловецкая вотчина XV—XVII вв. Пермь, 1927, стр. 141, прим. 4.

[3] ЦГАДА. Писцовые книги, № 505. Писцовые книги черных волостей Сольвычегодского уезда письма и меры стольника Григ. Дм. Овцына и подьячего Вас. Крюкова 7186—7190 (1678—1682) гг., лл. 468 об.— 469.

полесной пошлиной, и ее неуклонный рост в течение всего XVII в. свидетельствует о развитии и росте пермского судостроения[1].

Строительством речных судов занималось население Поволжья. Значительное число плотников имелось в составе населения Нижнего-Новгорода. Дощаники, струги и будары для плавания по Дону строили жители Подонья, по Днепру — жители Приднепровья.

Как уже упоминалось, работа плотников в основном являлась работой на заказ. Правда, голштинский посол Адам Олеарий, посетивший Русское государство в середине XVII в., отметил, что в Москве, за стеной Белого города, находился особый лесной рынок, где продавались готовые дома[2]. Встречались и случаи продажи и покупки готовых мелких судов. Крупные суда обычно делались на заказ[3].

Но если готовые срубы и суда продавались сравнительно редко, то строительные материалы, мелкие изделия из дерева, мочало и рогожи продавались в огромном количестве, что говорит о работе мастеров-деревообделочников на рынок.

Районом крупного производства древесных строительных материалов был, например, уже упоминавшийся Чердынский уезд, откуда бревна и другие строительные материалы сплавлялись по Каме до Казани и вниз по Волге. Там же производились и готовые изделия из дерева. К концу XVII в. производство и сбыт этих изделий неуклонно возрастали. Достаточно полное представление о размерах этого производства и ассортименте изделий дают закупки Пыскорского монастыря. В 1689/90 г. монастырь, готовясь к расширению своего соляного промысла, купил «3000 оследей сосновых добрых семерику»[4], 20 тыс. драниц по 5 аршин длиной, 30 тыс. березовых скал[5], 12 тыс. «варничных корыт» и пр. на общую сумму свыше 2166 руб.[6]

Крупное промышленное значение имело производство смолы на Ваге. Важская земля была заселена дворцовыми крестьянами и находилась в ведении Приказа Большого дворца. Повидимому, это был один из видов крестьянской промышленности. С 1667/68 г. по царскому указу это производство получило определенную организацию: выбирались головы и целовальники, а смола отсылалась для продажи в Архангельск. Размах этих операций по скупке был довольно крупным: в 1667/68 г. было отправ-

---

[1] ЦГАДА. Городовые книги по Новгороду Великому, № 16, ч. 2, лл. 876 об.— 877, 891; № 18, лл. 963 об.—964, 977 об.; № 22, лл. 199 об.—200; № 28, л. 415; № 30, лл. 161, 161 об.; Приказные дела старых лет, 1671 г., д. 395, л. 55.

[2] *А. Олеарий.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. Перев. А. М. Ловягина. СПб., 1906, стр. 150, 155.

[3] ЦГАДА. Приказные дела старых лет, 1672 г., д. 344, лл. 37—38.

[4] Оследь — бревно; семерик — 7 вершков в верхнем отрубе.

[5] Скала — береста, специально приготовленная для крыши под тес («шитые скалы»).

[6] ЦГАДА. Грамоты Коллегии экономии по Соли Камской, № 11440/308, лл. 42 об.— 43.

лено 2046 бочек, в следующем — 2491 бочка[1]. Смоляной промысел особенно был характерен для многих лесистых местностей по берегам судоходных рек, так как судостроение и оснащение речных судов требовало большого количества смолы.

Деревообработка была широко распространена по всей территории Русского государства. Продукты деревообработки часто получали названия по месту своего происхождения, что свидетельствует о массовом производстве таких изделий для рынка. Например, тяглец московской Мясницкой полусотни Федор Щепоткин привез в 1660 г. в Архангельск на продажу 10 500 рогож «решмы»[2]. Таково же происхождение калужской деревянной посуды, вятских, троицких и калужских ложек, козьмодемьянских сундуков, вяземских саней и т. д.

На московском рынке точно так же продавались строительные материалы самого разнообразного ассортимента, привезенные на продажу из разных мест. В Москве был специальный Лесной ряд за Покровскими воротами, где продавались строительные материалы[3].

* * *

Явления, характерные для металлургии и деревообработки, можно наблюдать и в промышленности по переработке растительного и животного сырья.

В большинстве районов лен и конопля возделывались крестьянами «про свой обиход». Домашнее производство холста — и более тонкого и грубого («хряща»), а также посконного — было повсеместным. Но были такие районы, где посевы льна и конопли и их дальнейшая переработка сделались хозяйственной специальностью местного населения, как крестьянского, так и посадского. Такими районами являлись Псков, Новгород, Старая Руса, Ржева-Володимерова, Ярославль, Ростов, Кострома, Вологда, Смоленск, Дорогобуж, Калуга, Вязьма с их уездами, т. е. северо-западная часть Русского государства.

Когда в 60-х годах XVII в. Тайный приказ проводил большие работы по расширению и улучшению дворцового хозяйства, льняное семя закупалось на семена в тех районах, где производился лен лучшего качества[4]. В 1664 г. псковскому воеводе было отдано распоряжение прислать в Москву из Псковского уезда «непашенных крестьян самых добрых и умеющих людей, которые б подлинно знали, на кой земли сеять лен и как ево обряжать». Вместе с тем воевода должен был найти в Пскове «мастеровых людей по два человека, которые лен сеют, и которые лен мочат и стелют, и которые лен строят на торговую руку и которые... полотна делают». Оттуда же вызывался мастер, «который бы умел лен

[1] ЦГАДА. Приказные дела старых лет, 1670 г., д. 36, лл. 1—2.
[2] Там же, 1660 г., д. 129, л. 627. Решма — слобода Суздальского уезда.
[3] Там же, 1687 г., д. 167, л. 3.
[4] *А. И. Заозерский.* Царская вотчина XVII в., стр. 103—104.

трепать и вязать»[1]. «Трепцы» льна не раз встречаются в материалах сыска псковских посадских людей, вышедших из тягла в первой половине XVII в.[2]

Другим крупным центром производства и обработки льна были Ярославль и Ярославский уезд. В Ярославском уезде находились дворцовые хамовные села Брейтово и Черкасово, поставлявшие полотна и скатерти в Царицыну мастерскую палату. Значительное развитие ткачества и окраски льняных тканей наблюдалось в Ярославле[3].

Крупным центром обработки льна были Ржева-Володимерова и Ржевский уезд. Среди посадского населения Ржевы было много ткачей, считавших это занятие своей основной специальностью. Уклоняясь от посадского тягла, ржевские посадские люди «бегали» в Москву и устраивались на работу в дворцовых хамовных слободах — Кадашевской и Тверской-Константиновской[4].

В Вологде, находившейся в начале Сухоно-Двинского водного пути, обычно оснащались суда, плывшие к Архангельску. Здесь поэтому было крупное производство канатов, необходимых для судов.

Производство изделий из льна и пеньки можно наблюдать и в Нижнем-Новгороде и Нижегородском уезде. Нижний-Новгород был крупнейшим торговым городом на Волге. Волжское судоходство, как и северное, вызывало большой спрос на судовую снасть. Имеются данные о существовании в Нижнем-Новгороде специальных прядилен, изготовлявших судовые снасти. Так, в 1676 г. гостиной сотни торговый человек Иван Болотов просил об уплате ему за семь косяков варовых снастей, 47 пудов пеньки и мерник смолы, взятые с его нижегородской прядильни в 1671 г., когда боярин и воевода И. Б. Милославский шел на судах с ратными людьми из Москвы в Астрахань[5]. Материалы переписной книги 1664 г. показывают, что среди посадского населения Нижнего-Новгорода было немало людей, промышлявших скупкой холста по деревням и продажей их красильникам для производства крашенины, на которую был большой спрос на нижегородском рынке[6].

Пеньку вывозили из районов Вязьмы, Дорогобужа, Смоленска, Духовщины, Поречья, Рудни, Брянска, Калуги, Козельска, Мосальска, Серпейска[7].

Вывоз за границу десятков тысяч пудов пеньки и изделий из нее и сотен тысяч аршин крашенины и холста свидетельствует о том, что про-

[1] *А. И. Заозерский.* Царская вотчина XVII в., стр. 105—106.

[2] *В. И. Шунков.* Ремесло в Пскове и Новгороде по данным сыска 1639—1640 гг. — «Исторические записки», № 5, стр. 110—117.

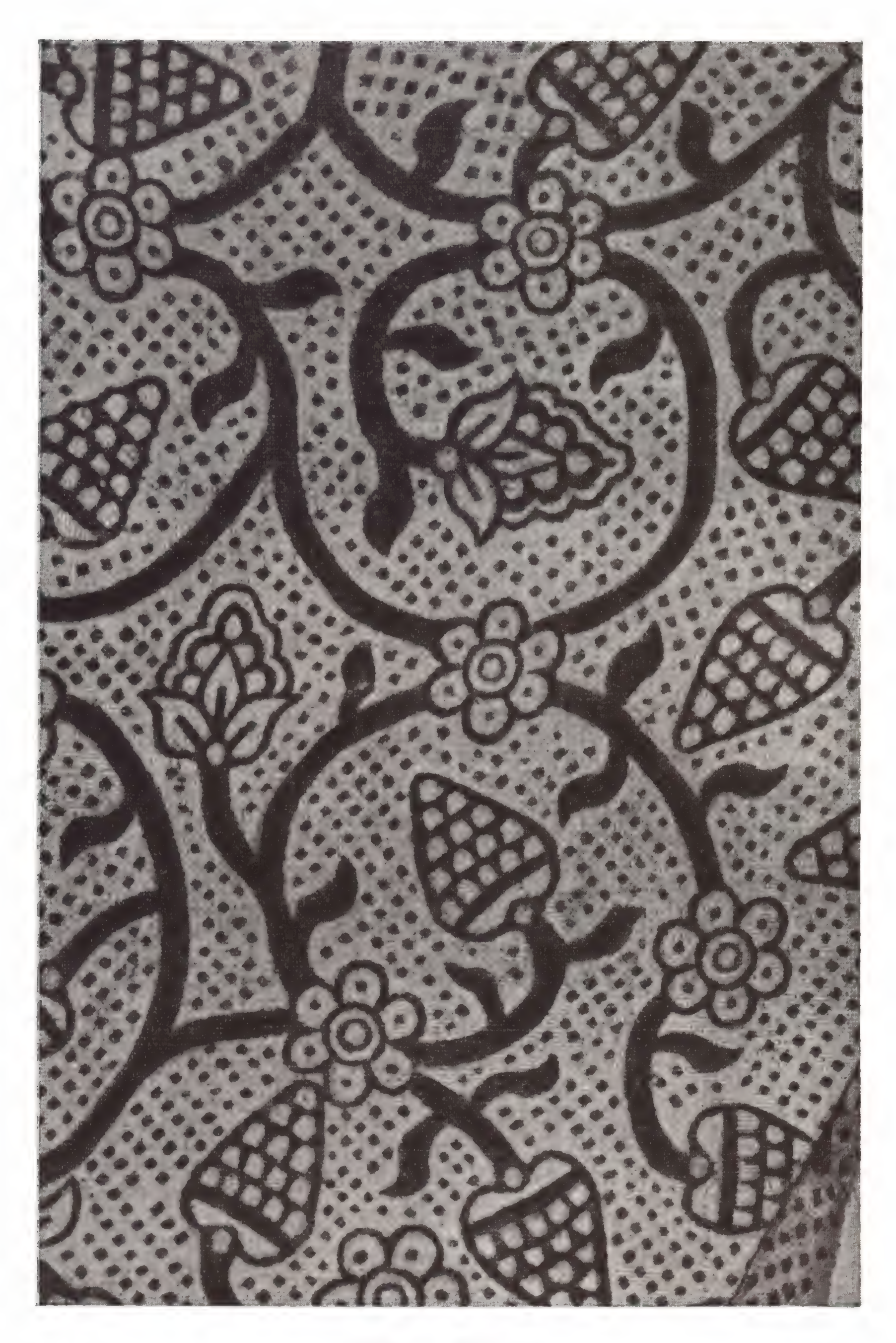
[3] *Е. М. Тальман.* Борьба посада Ярославля с светскими и духовными феодалами в первой половине XVII в.— «Исторические записки», № 20, стр. 128.

[4] ЦГАДА. Приказные дела старых лет, 1627 г., д. 42, лл. 1—92.

[5] Там же, 1673 г., д. 78, лл. 4—5. Варовые снасти — смоленые канаты.

[6] *Н. А. Бакланова.* Указ. соч., стр. 304, 309.

[7] *К. Г. Митяев.* Обороты и торговые связи Смоленского рынка в 70-х годах XVII в.— «Исторические записки», № 13, стр. 59—62, 68—75, 78.

Набойка, XVII в.

Государственный Исторический музей

Набойка, XVII в.

Государственный Исторический музей

изводство пеньки, льна и изделий из них, оставаясь главным образом занятием крестьян, вышло при посредстве скупщиков на широкий рынок и к концу века в значительной мере превратилось в товарное производство.

* * *

В обработке животного сырья, в первую очередь кожи, также можно заметить процесс перерастания ремесла в товарное производство. Поскольку животноводство, наряду с земледелием, было распространено по всей стране, то и обработка животного сырья встречается всюду, хотя и в разной степени.

Крупнейшим центром кожевенной промышленности являлся Ярославль. Материалы сыска посадских людей, производившегося в конце 30-х годов XVII в., позволяют отметить, что около 20% ярославских ремесленников было занято обработкой кожи и изготовлением изделий из нее[1].

Для крупного кожевенного производства сырье в Ярославль поступало из многих уездов государства. В 1666/67 г. в Ярославль через Московскую большую таможню были отправлены сырые кожи в количестве 19 824 штук. Среди отправителей значатся гости, гостиной и суконной сотен торговые люди, тяглецы московских сотен и слобод, ярославцы, каргопольцы и московские торговые иноземцы[2].

О наличии развитого кожевенного производства в Ярославле говорят и требования, предъявляемые к качеству обработки кожи, которые встречаются в записях, даваемых ярославскими кожевниками своим заказчикам. Кожевники Толчковской слободы г. Ярославля братья Воронины в 1661 г. взяли у голландца Давыда ван ден Теппеля 810 руб. и за эти деньги обязались поставить ему 200 пудов юхотного товара, выделанного на их собственном заводе. В условии было оговорено и качество и вес выделанных кож. На каждый пуд считалось по четыре с половиной кожи «юхотного яловичья красного глаженого товару, доброво, дубново, мяхково и укатного, и нахтармою чистого, не прелого и не горелого и не свищеватого и не изъянного, безо всякие охулки»[3]. Братья Воронины не выполнили условия к назначенному сроку — в полгода, и поэтому возникло судебное дело. Стороны достигли соглашения. Ярославские кожевники обязались выполнить заказ в течение пяти лет по 40 пудов в год. В обеспечение принятого обязательства они заложили «двор свой в Ерославле в Толчковской слободе со всяким дворовым строением и с юхотным заводом»[4].

Каждый подобный завод обычно представлял собой небольшую ремесленную мастерскую. Но значительное число мелких заводов превращало

---

[1] *Е. М. Тальман.* Указ. соч., стр. 127—129.

[2] ЦГАДА. Приказные дела старых лет, 1667 г., д. 64, лл. 218—221.

[3] Там же, 1665 г., д. 67, л. 4.

[4] Там же, лл. 6—8.

Ярославль в крупный центр кожевенного производства. Ярославские кожевники жили главным образом в Толчковской слободе. Работали они на заказ и на рынок. В числе их заказчиков очень часто выступали торговые люди, скупавшие большие партии сырых кож и отдававшие их в переработку ярославским кожевникам. Виднейшие из торговых людей Устюга Великого — Босые, Ревякины и Усовы — вели крупный торг с Ярославлем, причем из Ярославля поступал преимущественно кожевенный товар — выделанные кожи и обувь, в Ярославль направлялись сырые кожи[1]. Были, несомненно, среди ярославских мастеров и такие, которые работали непосредственно на рынок. Кожи ярославской выделки пользовались широким распространением на внутреннем рынке[2]. Большой спрос предъявляли на них и иноземные торговые люди.

Другим крупным центром переработки кожи была Вологда, откуда на соседние рынки постоянно поступали партии дубленой кожи. Из Казани также шли кожи и сафьяны[3]. Развита была обработка кожи в Калуге и Нижнем-Новгороде. В 1649—1652 гг. Приказом сыскных дел, занимавшимся конфискацией частновладельческих слобод на посадах, в Нижнем-Новгороде было обнаружено на посадской земле два двора «для кожевного промыслу», принадлежавших гостиной сотни торговому человеку Семену Задорину вместе с гостем Василием Шориным. На одном из этих дворов находились жилые помещения, на другом «4 избы кожевные, в длину 26 сажен, на них сушило, изба жилая, против ее клеть, меж ими сени, 2 анбара дубничных, изба зольная да поварня», т. е. собственно завод[4]. Описание этого завода показывает, что он уже перерос размеры небольшой ремесленной мастерской и по организации производства представлял собой предприятие мануфактурного типа. Этот завод продолжал свою работу и в 60-х годах XVII в.[5] Такой завод, конечно, работал на сбыт. На сбыт работал и кожевенный завод в Пскове, купленный в 1655 г. псковским посадским человеком Сергеем Поганкиным у гостя Стоянова[6].

В источниках попадаются указания, что и мелкие ремесленники очень часто работали на рынок. Так, среди торговых и ремесленных людей, выведенных в 1649 г. из разных угличских монастырей и включенных в число посадских людей Углича, оказалось немало кожевников и сапож-

---

[1] *К. В. Базилевич.* Торговля Великого Устюга в середине XVII в.— «Ученые записки Ин-та истории РАНИОН», т. IV, М., 1929, стр. 97—101.

[2] Там же, стр. 96—98.

[3] Там же, стр. 93—94.

[4] *П. П. Смирнов.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в., т. II, М.—Л., 1948, стр. 567.

[5] *Н. А. Бакланова.* Указ. соч., стр. 306.

[6] *Е. В. Чистякова.* Псковский торг в середине XVII в.— «Исторические записки», № 34, стр. 200.

ников, причем о некоторых из них прямо указано, что они, занимаясь ремеслом, имеют лавки в соответствующем торговом ряду, а про других сказано, что они продают свои изделия[1].

Но было бы неверно представлять, что все кожевники и ремесленники, производившие изделия из кожи, работали только на рынок. Наряду с этим существовала и работа на заказ и иногда в довольно крупных размерах.

Например, в 1650 г. слуга велико-устюжского Архангельского монастыря Федор Сергеев повез на четырех лошадях в Вологду 100 яловичных сырых кож «отдавать в дело для обувей на братию»[2]. Пыскорский монастырь в самом конце XVII в. также обычно отдавал монастырские кожи в переработку местным кожевникам[3].

Как и в металлообработке, основная тенденция развития в кожевенном производстве — тенденция к росту эксплуатации наемного труда. Те наблюдения, которые можно сделать на основании уже известных источников, позволяют придти к выводу, что на ярославских кожевенных заводах эксплуатировался наемный труд. Среди посадского населения Ярославля и закладчиков ярославских духовных и светских феодалов было немало людей, работавших в кожевенной промышленности. Дробность специализации в области кожевенного производства, наличие таких специальностей, как дуботолки, гладильщики, подошевники, строгальники и др., свидетельствует о глубоко зашедшем процессе разделения труда в кожевенной промышленности. Узкий специалист в области кожевенного дела, если он не являлся членом семьи владельца завода, не входил в семейную кооперацию, мог работать в кожевенном производстве только по найму.

* * *

Менее заметны подобные явления в скорняжном промысле. Они ярче сказываются в обработке мехов более дешевых, в частности овчин. Более же дорогие меха — соболи, бобры, куницы, белки, песцы — обычно выделывались на заказ. Это в известной мере было обусловлено самым характером приобретения и сбыта мехов. Большие партии мехов обычно принадлежали казне, куда они поступали в качестве ясака с нерусских народностей и десятинного сбора с соболиных и других меховых промыслов, либо крупным торговым людям, которые устраивали специальные артели для добычи соболя и получали от поряженных ими охотников-покрученников меха в необработанном виде. Такие же необработанные меха они большими

---

[1] ЦГАДА. Приказные дела новой разборки, № 1132, лл. 64, 99—100, 123.

[2] *К. В. Базилевич.* Указ. соч., стр. 97, прим.

[3] ЦГАДА. Грамоты Коллегии экономии по Соли Камской, № 11440/308, лл. 34 об., 282.

партиями приобретали на важнейшем из пушных рынков XVII в. — у Соли Вычегодской[1].

Скорняжное производство было сосредоточено главным образом в Москве. Здесь производилась выделка крупных партий мехов. Быть может, в таком сосредоточении скорняков была некоторая искусственность. Правительство, особенно в середине XVII в., постоянно рассылало требования по посадам выслать в Москву скорняков «всех до одного человека» для обработки казенных мехов. Но, конечно, казенная работа не поглощала всего времени скорняков, и они имели возможность работать на сторону. Центром скорняжного производства в Москве была Панкратьевская слобода.

Скорняки имели большие частные заказы и в какой-то мере работали на рынок. Среди московских торговых рядов был Скорняжный ряд, где торговали не только крупные торговцы мехами, но и скорняки-ремесленники.

Московские скорняки были отличными мастерами своего дела. Русские меха высоко ценились как внутри страны, так и за границей[2].

Сведения о развитии скорняжного дела на посадах далеко не полны[3]. Известно, что, кроме Москвы, оно было развито также в Ярославле, где овчинников и скорняков было довольно много. В частности, среди закладчиков ярославского Спасского монастыря и других феодалов в конце 30-х годов XVII в. оказалось 18 овчинников, шесть баранников, четыре скорняка, два бобровника и один овчинный стригач, всего 31 человек, занимающийся скорняжным делом[4].

Подробных сведений о работе скорняков на рынок до сих пор не собрано, и трудно сказать, в какой мере в этом промысле ремесло начинает превращаться в товарное производство, но наличие наемных рабочих в скорняжных мастерских[5] свидетельствует о более или менее крупных размерах этого производства и о начале превращения ремесленника-мастера в предпринимателя, эксплуатирующего чужой труд.

* * *

Переработка шерсти была широко распространена по всей стране. Сермяжные сукна, валяная обувь, валяные головные уборы (колпаки), валяные плащи (епанчи) встречаются на рынках почти всех городов.

---

[1] *С. В. Бахрушин.* Покрута на соболиных промыслах XVII в.— Сб. «Труд в России», Л., 1925, кн. 1, стр. 71—84; см. также: Научные труды, т. III, ч. 1, М., 1955, стр. 198—211; *И. С. Макаров.* Пушной рынок Соли Вычегодской в XVII в.— «Исторические записки», № 14, стр. 148—169.

[2] *Павел Алеппский.* Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в.— «Чтения ОИДР», 1898, кн. 4, отд. II, стр. 160.

[3] ЦГАДА. Приказные дела старых лет, 1672 г., д. 87, лл. 4—5; ЦГАДА. Писцовые книги, № 446.

[4] *Е. М. Тальман.* Указ. соч., стр. 127—128.

[5] ЦГАДА. Приказные дела старых лет, 1678 г., д. 130, лл. 1—2.

Сермяжное сукно было предметом первой необходимости. Оно производилось и в городе и в деревне. Сермяжные сукна включались в состав оброка крепостных крестьян. Так, например, на московский двор стольника А. И. Безобразова во второй половине XVII в. ежегодно доставлялось более 200 аршин сермяжных сукон из его деревень, расположенных в разных уездах, причем наибольшее количество сукна поступало из Белевского уезда[1], что говорит о развитии вотчинного ремесла. Этим производством занимались не только в частновладельческих и монастырских деревнях, но и в черносошных и на посадах, причем значительные партии сукна поступали и на рынок. Много сукна местного производства закупалось на Благовещенской ярмарке на Ваге. Важское сукно через Устюг Великий направлялось в Сибирь. Крупные партии сермяжного сукна поступали на устюжский рынок из Ярославля и Вологды. Устюжские посадские люди закупали в Устюге Великом и Устюжском уезде сермяжное сукно местного производства и сбывали его в Сибирь и Архангельск. Через Важскую ярмарку и устюжский рынок ежегодно проходили тысячи аршин сукна[2]. Скупкой сукна у местных крестьян и его перепродажей занимались торговые люди Лальского посада и Ильинского погоста Сольвычегодского уезда[3]. Пыскорский монастырь в конце XVII в. ежегодно покупал на Соликамском рынке до 1500 аршин сермяжного сукна как на верхнюю одежду служебникам, так и «на вареги» водоливам, качавшим соляной рассол из рассолоподъемных труб в монастырские варницы[4].

Валяльным промыслом также занимались в деревнях, крепостных и черносошных. В состав оброка, взимавшегося с крестьян стольника А. И. Безобразова во второй половине XVII в., входили валяные епанчи; их делали «поваляи», специалисты валяльного дела[5]. В Касимовском уезде было развито производство валяных колпаков[6].

Несомненно, крупным центром, производившим валяные изделия на рынок, являлся Углич. Среди закладчиков разных угличских монастырей и светских вотчинников, включенных в посадское тягло по сыску 1649 г., оказалось 203 человека торговых и ремесленных людей, из них 58 человек, т. е. свыше четверти, занималось валяльным промыслом. Подавляющее большинство из них (43 человека) — ремесленные люди, не имевшие лавок. Они делали колпаки, войлоки и епанчи и, очевидно, сбывали

---

[1] *А. А. Новосельский.* Вотчинник и его хозяйство в XVII в. М.—Л., 1929, стр. 154—157.

[2] *К. В. Базилевич.* Указ. соч., стр. 94, 96, 98, 100.

[3] *И. С. Макаров.* Волостные торжки в Сольвычегодском уезде в первой половине XVII в.— «Исторические записки», № 1, стр. 204—205, 215.

[4] ЦГАДА. Грамоты Коллегии экономии по Соли Камской, № 11440/308, лл. 183 об., 455, 486.

[5] *А. А. Новосельский.* Указ. соч., стр. 150.

[6] *Н. И. Привалова.* Торги города Касимова в середине XVII в.— «Исторические записки», № 21, стр. 131—132.

свои изделия торговцам колпаками[1]. Большинство владельцев лавок — также мелкие производители, сбывавшие свои изделия на рынке. Некоторые из таких торговцев представляются довольно крупными[2].

Таким образом, угличские материалы со всей убедительностью показывают, что товарное производство в XVII в. захватывает даже мелкие отрасли ремесленного труда.

Массовым производством было изготовление сальных свечей. Как правило, сальные свечи производились для рынка и продавались в любом городе. Был и крупный центр производства сальных свечей — Вологда. Один из московских приказов, Новгородская четверть, из года в год заказывал сальные свечи в Вологде через местных воевод. На вологодском рынке постоянно были готовые свечи, и выполнение такого заказа не представляло собой трудности. Правда, качество таких свечей не всегда удовлетворяло требовательных московских потребителей, и тогда вологодские воеводы сдавали специальные заказы местным мастерам на изготовление свечей высокого качества[3].

Очень ярко сказывается работа на рынок в мыловаренном производстве. Мыло производили везде, но особенно было известным костромское черное (бурое) и ярославское белое мыло, причем костромское ценилось выше ярославского[4].

В целом процесс перехода ремесла в товарное производство прослеживается в русском народном хозяйстве XVII в. достаточно отчетливо; в одних производствах он более заметен, в других менее, но в основном русские ремесленники XVII в. работали не столько на заказ, сколько на рынок, и эта работа для рынка особенно усиливается во второй половине века.

Крупную роль начинают играть и скупщики, которые втягивают непосредственного производителя в рыночные отношения, характерные как для города, так и для деревни[5].

Дворцовое ремесло было сосредоточено почти исключительно в Москве, казенное, записное, частновладельческое и тяглое — как в Москве, так и в других городах и уездах.

Дворцовое ремесло находилось в ведении так называемых дворцовых приказов, специальных учреждений, обслуживавших нужды царского двора: Оружейной палаты и ее филиалов — Золотой и Серебряной палат, Приказа Большого дворца с подвластными ему учреждениями, Казенного двора и Царевой и Царицыной мастерских палат.

Производство Оружейной, Золотой и Серебряной палат, а также по-

---

[1] ЦГАДА. Приказные дела новой разборки, № 1132, лл. 16—124.

[2] Там же, лл. 53, 90—91.

[3] ЦГАДА. Приказные дела старых лет, 1665 г., д. 105, лл. 169, 170; 1666 г., д. 21, лл. 1—3.

[4] *К. В. Базилевич*. Указ. соч., стр. 92—93.

[5] Об этом см. также в § 1 настоящей главы.

лотняное производство Царицыной мастерской палаты переросло рамки ремесла и превратилось в мануфактуру смешанного типа[1].

В Царевой мастерской палате были сосредоточены в первую очередь портные и сапожники, изготовлявшие царское платье и обувь. Царицына мастерская палата заведовала дворцовым столовым и постельным бельем.

Приказ Большого дворца, занимавшийся продовольствием царского дворца, распоряжался ремесленниками, перерабатывавшими сельскохозяйственные продукты (хлебниками, калачниками, поварами, сытниками и т. д.), и плотниками для возведения дворцовых построек.

Казенный двор ведал хранением государевой казны, отчасти денежной, но главным образом вещевой, изготовлением мехов и шуб, посылавшихся в качестве подарков в иноземные государства, преимущественно в Крым. Он имел в своем распоряжении скорняков, выделывавших меха, и портных, шивших из этих мехов шубы.

За свою работу дворцовые мастера получали денежное и хлебное жалованье; время от времени им выдавались отрезы сукна на кафтаны. Размер жалованья зависел от квалификации мастера. Денежные оклады назначались от 12 до 1 рубля, хлебные — от 9 до 3 юфтей хлеба в год[2]. Кроме жалованья, мастера во время выполнения некоторых работ получали еще и поденный корм, обычно 8—10 денег в день. За отдельные поручения им иногда платилось жалованье «в приказе», т. е. сверх обычной платы.

Казенные ремесленники находились в ведении отдельных московских приказов не узко-дворцового значения. Сюда следует отнести плотников и кузнецов Пушкарского приказа, плотников, каретников и колымажников Конюшенного приказа, скорняков Сибирского приказа и т. д. Были казенные мастера, главным образом кузнецы и плотники, и на посадах.

Казенные ремесленники, как и дворцовые, получали денежное и хлебное жалованье и поденный корм. По своему экономическому и социальному положению дворцовые и казенные ремесленники приближались к служилым людям по прибору — стрельцам, пушкарям, воротникам, сторожам и т. д., получавшим денежное и хлебное жалованье. Дворцовые и казенные ремесленники — привилегированная часть ремесленного населения столицы. Их оклады значительно превосходили заработок рядового ремесленника. Состав дворцовых и казенных ремесленников пополнялся в первую очередь за счет ремесленных учеников, так как большинство крупных мастеров имело по нескольку учеников.

Мастером считался всякий самостоятельный производитель-ремесленник. Впрочем, название «мастер» применялось далеко не во всех ремесленных профессиях. Ученичество являлось обычной формой передачи знаний

[1] Более подробно об Оружейной, Золотой и Серебряной палатах и полотняном производстве см. в § 3 настоящей главы.

[2] «Окладная расходная роспись денежного и хлебного жалованья за 1681 г.».— «Чтения ОИДР», 1893, кн. 4, отд. I, стр. 5—13. Юфть хлеба — четверть ржи и четверть овса.

и навыков. Ученики рядились к мастеру по «житейским записям». В них указывалось, на сколько лет (обычно на пять — восемь) рядится ученик. Ученик ел и пил все хозяйское и получал от хозяина одежду, обязан был слушаться не только хозяина, но и членов его семьи и выполнять всякую работу, какую ему укажут. Мастер мог ученика «смирять по делу смотря», т. е. наказывать. Иногда в рядной записи выговаривается в пользу ученика «пожилое», т. е. небольшое вознаграждение, которое выплачивается после окончания ученья. При отпуске ученика мастер должен был его одеть и обуть, «как в людех ведется», и, кроме того, обычно давал ему на первоначальное обзаведение необходимые инструменты[1].

Мастером ученик мог стать только по приобретении основательного опыта в области своей специальности, или по испытании, проводимом другими мастерами. Обязательные испытания и отзывы мастеров существовали со времени Стоглавого собора 1551 г. в иконном деле и в наиболее сложных производствах, например, серебряном.

Нередко в записях оговаривалось, что по окончании обучения ученик обязан проработать у мастера тот или иной срок. Иногда этот удлиненный срок являлся вознаграждением мастера за обучение ученика, иногда ученик брал на себя обязательство проработать несколько лет у мастера «из найма»[2].

Пополнение состава ремесленников происходило также и за счет вызовов посадских ремесленников определенной специальности в Москву на постоянную или временную работу. Обычно такой вызов касался в первую очередь наиболее искусных мастеров. Когда в 20-х годах XVII в. делали часы на Фроловской (Спасской) башне Кремля по проекту англичанина Христофора Головея, в Москву были вызваны кузнецы, крестьяне Комарицкого стана Устюжского уезда Ждан, Шумило Жданов и Алексей Шумилов Вирачевы, которые и сделали эти часы[3].

Особенно часто такой вызов местных мастеров в Москву практиковала Оружейная палата. По ее требованиям высылались в Москву оружейники, серебреники, иконописцы, гребенщики.

Приказ Большого дворца, как и Оружейная палата, нередко прибегал к вызову посадских ремесленников в Москву. В 60—70-х годах, когда Приказ Большого дворца вел крупные строительные работы в Москве и селе Коломенском, в Москву вызывались плотники, живописцы и другие мастера. В августе 1667 г. иконописцы Устюга Великого Афанасий Петров, Иван Семенов, Иван Никитин и Петр Ильин получили государево жа-

---

[1] *С. В. Бахрушин.* Ремесленные ученики в XVII в.— «Труды Гос. истор. музея», вып. 3, М., 1926, стр. 109—112; см. также: Научные труды, т. II, М., 1954, стр. 107—110.

[2] *Е. М. Тальман.* Ремесленное ученичество Москвы в XVII в.—«Исторические записки», № 27, стр. 68—70.

[3] ЦГАДА. Приказные дела старых лет, 1650 г., д. 30, л. 40; *Н. В. Устюгов.* Из истории металлургии Поморья в первой половине XVII в.— «Вопросы истории», 1946, № 2—3, стр. 127—128.

Резной ларец из моржовой кости, XVII в.
Государственный Исторический музей

лованье «в приказ за их многие иконописные и стенные дела по 2 рубли человеку». Это жалованье было им дано за работу в дворцовом строительстве[1].

Казенный двор вызывал главным образом скорняков и портных. Вызов их особенно усилился в середине XVII в. после чумы 1654 г., когда вымерла значительная часть ремесленного населения Москвы. В грамотах, рассылавшихся из этих приказов на места, подчеркивалось, что необходимо выслать всех скорняков, какие найдутся в том или ином посаде; из портных требовались только лучшие[2]. Посылка скорняков и портных превратилась в постоянную повинность посадов[3].

* * *

Возведение крупных оборонительных сооружений во второй половине XVI в. как в столице, так и в городах, близких к западной границе, поставило на очередь вопрос об обеспечении этого строительства рабочей

[1] ЦГАДА. Приказные дела старых лет, 1667 г., д. 325, лл. 190—192.
[2] Там же, 1654 г., д. 109, лл. 340, 567—568.
[3] Там же, 1672 г., д. 87, л. 5.

Черный глиняный лощеный кувшин, найденный в Москве при прокладке метро, XVII в.

Государственный Исторический музей

силой. Русское феодально-крепостническое правительство разрешило этот вопрос чисто феодальным путем. Была создана особая категория записных ремесленников — каменщиков, кирпичников и подвязчиков, т.е. людей, устраивавших леса («подвязи») при возведении зданий. Правительство освободило эти группы трудового населения от посадского тягла и обязало их явкой на казенные строительные работы, руководимые центральным учреждением — Приказом каменных дел. Основной задачей нового приказа являлся учет записных каменщиков и кирпичников, вызов их с наступлением лета в приказ и распределение по местам казенных работ.

Так появились слободы записных каменщиков и кирпичников в Москве и на посадах, а также Гончарная слобода в Москве, где производились гончарные изделия и поливные изразцы для отделки зданий. Эти слободы были не во всех посадах. Они были расположены главным образом в Замосковье, т. е. в центре государства.

Техника каменного дела стояла в Русском государстве очень высоко. Архидиакон Павел Алеппский, спутник антиохийского патриарха Макария, посетившего Москву в 1655—1656 гг., в таких словах передает свое впечатление от московских зданий: «Мы дивились на их красоту, украшения, прочность, архитектуру, изящество»[1]. Дал Павел Алеппский и характеристику качества русского кирпича и строительной техники. При возведении зданий московские каменщики скрепляли кирпич клейким раствором, состоящим из извести, просеянного песка и воды. Самую кладку Павел Алеппский описывает следующим образом: «Смочив кирпич водой, погружают его в известковый раствор. Когда сложат обе стороны стены на некоторую высоту, заполняют [промежуток] битым кирпичом, на который наливают этот раствор, пока не наполнится; не проходит часа, как все сплочивается друг с другом и становится одним куском». Для

[1] *Павел Алеппский*. Указ. соч.— «Чтения ОИДР», 1898, кн. 3, отд. III, стр. 33.

Изразцовая облицовка окна здания Земского приказа в Москве, 1690-е годы.
Фрагмент

Государственный Исторический музей

Художественные изразцы конца XVII в.

Государственный Исторический музей

Каменщик за работой. Деталь фрески из Калязина монастыря, XVII в.

Музей Академии Архитектуры СССР

большей прочности стены скреплялись железными связями изнутри и снаружи[1].

Рабочими инструментами каменщиков были молоток и лопатка, гребки, «что мешают известь», ломы, кирки, долота, железные заступы и деревянные лопаты, а также ушатики, шайки и кади «для известные и водяные носки»[2].

Кирпичники пользовались чанами, где мешали глину, песок и воду, ведрами, ушатами, шайками, решетами для просеивания песка и «творилами кирпичными», т. е. формами для кирпича, сделанными из «осиновых пластин»[3].

Среди записных каменщиков следует различать «каменных дел подмастерьев» и рядовых каменщиков, выполнявших работу под руководством подмастерьев; подсобную черную работу выполняли ярыжные. Подмастерье каменных дел — производитель работ, отвечавший за всю постройку в целом. Он составлял смету, где учитывал объем работ, время, необходимое для строительства, количество материала и рабочей силы и стоимость того и другой, потребность в рабочем инструменте и т. д.[4] Иногда каменных дел подмастерье — больше, чем производитель работ, и по справедливости может быть назван древнерусским архитектором,

---

[1] *Павел Алеппский.* Указ. соч., стр. 33.

[2] *А. Н. Сперанский.* Очерки по истории Приказа каменных дел Московского государства. М., 1930, стр. 81.

[3] Там же, стр. 84—85.

[4] ЦГАДА. Столбцы Оружейной палаты, № 2947, лл. 5—11.

так как он не только руководил работой и составлял смету, но и чертил проект (чертеж). Такими архитекторами были каменных дел подмастерья Антипа Константинов (середина XVII в.), строитель Золотой, Казенной и Проходной палат на Патриаршем дворе, и О. М. Старцев, строитель митрополичьих палат на Крутицком подворье, в частности «крутицкого теремка»[1].

Иногда каменных дел подмастерья выполняли и тонкие резные работы по камню. 13 ноября 1686 г. было дано государево жалованье 12 руб. «в приказ», т. е. сверх обычного жалованья, двум братьям, «каменных дел подмастерьям и резного дела мастерам» Кондратию и Михаилу Мымриным за то, что «они в Чудове монастыре у новых каменных трех церквей вырезали в церковной стене на камени летопись тому церковному строенью»[2].

Каменных дел подмастерья числились на постоянной службе в Приказе каменных дел и получали годовое денежное и хлебное жалованье. Размер денежного жалованья подмастерьев в зависимости от их квалификации был различен. Встречались годовые оклады денежного жалованья в 6, 8, 9, 12, 15 и 25 руб. Оклад хлебного жалованья колебался от 6 до 12 четвертей ржи в год, столько же давалось и овса. Во время производства строительных работ каменных дел подмастерья получали поденный корм по 10—20 денег в день[3]. При командировке за пределы Москвы каменных дел подмастерьям полагались подъемные деньги и подводы. Подъемные деньги платились от полутора до трех рублей[4].

Посадские каменщики, освобожденные от посадского тягла, не получали денежного жалованья, но во время строительного сезона им платили поденный корм по 8 денег в день. Московские каменщики, находясь на постоянной службе Приказа каменных дел и будучи заняты не только летом, но и в течение всего года, получали годовое жалованье — денежное и хлебное (рожь и овес).

В середине XVII в. им платили всего деньгами и за хлеб по 5 рублей 26 алтын в год[5]. Кроме того, они получали поденный корм на общих основаниях, по 8—10 денег.

Ярыжные, выполнявшие черную работу на каменных стройках, получали поденный корм по 12 денег в день[6]. Повышенная оплата неквалифицированного труда по сравнению с трудом квалифицированным — подмастерьев и московских каменщиков — объясняется тем, что у ярыжных вся оплата труда состояла в одном поденном корме.

---

[1] *А. Н. Сперанский.* Указ. соч., стр. 134, 137—138.

[2] ЦГАДА. Городовые книги по Новгороду Великому, № 116, л. 13.

[3] В рубле XVII в. считалось 200 денег, в алтыне — 6 денег, таким образом, рубль = 33 алтынам 2 деньгам. В гривне было 20 денег.

[4] *А. Н. Сперанский.* Указ. соч., стр. 141—144.

[5] Там же, стр. 89—91, 126.

[6] ЦГАДА. Столбцы Оружейной палаты, № 2947, л. 6.

Непосредственными помощниками каменщиков были подвязчики, устраивавшие леса на строительных работах. Иногда они делали деревянные связи в каменных зданиях «для крепости»[1].

Подвязчики также получали денежное и хлебное жалованье. Размер первого колебался от 3 до 9 руб. в год, хлебного — от 6 до 12 четвертей ржи и овса. Поденный корм платился в начале XVII в. по 8 денег в день, с 30-х годов — по 10 денег. При выездах из Москвы им платили подъемные деньги, обычно по полтора рубля[2].

Наиболее квалифицированными из кирпичников были обжигальщики. Это — организаторы и руководители работ по выделке кирпича в казенных кирпичных сараях[3]. Рядовые кирпичники занимались выделкой кирпича под руководством обжигальщиков. Черную работу выполняли ярыжные. В Москве в XVII в. было несколько казенных кирпичных сараев — Хамовнические, Даниловские и Крутицкие. В конце XVII в. были построены новые кирпичные сараи у Калужской заставы[4].

Кирпичники получали не поденную плату, а сдельную. Им платилось от тысячи сделанных кирпичей. В начале XVII в. за тысячу платили по по 11 алтын 4 деньги, в середине и конце века — по 15 алтын. Каждый кирпичник изготовлял около 10 тыс. кирпичей в сезон. При пересчете этой сдельной оплаты на поденный корм получается 7,5 деньги в день, т. е. несколько меньше поденного корма каменщика[5].

Иным было положение обжигальщиков. Они тоже получали постоянное денежное и хлебное жалованье, размер которого колебался от 12 до 20 руб. в год, причем в эту сумму входила и стоимость выдаваемого им хлеба. Во время обжига кирпича обжигальщику платилось от каждой печи по полтине. Когда обжигальщик выезжал из Москвы для организации работы кирпичных сараев, ему выплачивали поденный корм по 8 денег в день, как и рядовому кирпичнику[6].

В последней четверти XVII в. положение записных ремесленников меняется. Вместе с ростом товарно-денежных отношений в стране увеличилось предложение рабочей силы. Черносошные, дворцовые, помещичьи и монастырские крестьяне начали искать внеземледельческих заработков. Появился в известной мере рынок рабочей силы. Это заставляло подумать об иной организации строительных работ. Правительство склонялось к мысли, что гораздо выгоднее производить такие работы подрядным способом, и поручало возведение каменных зданий и производство кирпича частным подрядчикам. Довольно часто в качестве таких подрядчиков на строительные работы выступали каменных дел подмастерья, а на работы по изготовлению кирпича — обжигальщики. Выгодность нового способа

---

[1] *А. Н. Сперанский.* Указ. соч., стр. 147—148.
[2] Там же, стр. 147—149.
[3] Там же, стр. 149—152.
[4] Там же, стр. 82—85.
[5] Там же, стр. 94.
[6] Там же, стр. 149—150.

организации каменных и кирпичных работ была очевидна, и это повлекло за собой отказ от старых приемов вызова записных каменщиков и кирпичников на строительные работы. Существование особых слобод записных ремесленников теряло свой смысл. Не было больше оснований и для освобождения этих ремесленников от тягла. Но правительству были нужны деньги для производства строительных работ подрядным способом. Поэтому вызов каменщиков и кирпичников был заменен денежной повинностью с них — по 2 рубля с человека в год[1]. Таким образом, специальная категория записных ремесленников исчезает к концу XVII в. В изменившихся условиях экономической жизни надобности в ней уже не было.

* * *

Описанные категории дворцовых, казенных и записных ремесленников отличались большой пестротой состава, правового положения и экономического обеспечения. Одни из них приближались по своему положению к служилым людям по прибору, другие относились к низшим разрядам посадских ремесленников, лишь временно иногда выходивших из посадского тягла. Немногие из них занимали положение крупных мастеров — художников, архитекторов, получавших высокие денежные оклады; некоторые разряды дворцовых и казенных ремесленников выделялись своей привилегированностью и обеспеченностью из общей массы ремесленников. Основная же масса их едва влачила жалкое существование, получая ничтожное содержание (рядовые каменщики, кирпичники и чернорабочие-ярыжные). Разнообразные формы привлечения дворцовых, казенных и записных ремесленников для обслуживания нужд дворца и казны, разнообразие видов оплаты их труда вырабатывались, очевидно, в течение очень длительного времени, причем формы эксплуатации были полностью феодальными, характерными для Русского государства XVI—XVII вв. Дворцовые, казенные и записные ремесленники были заняты главным образом на выполнении казенных заказов. Иногда дворцовое и казенное ремесло превращалось в мануфактуру (Оружейная палата, хамовные слободы и села, Пушечный и Денежный дворы). Правда, такая организация труда дворцовых и казенных ремесленников не исключала полностью их работы на рынок: и мастера Оружейной палаты и другие дворцовые и казенные ремесленники продавали часть своих изделий на рынке. Но работа на рынок не была и не могла быть основным занятием дворцовых и казенных ремесленников. Некоторым исключением из этого общего правила являлись кадашевцы — тяглецы Кадашевской хамовной слободы, у которых государственную повинность по выработке скатертей и полотен выполняли их жены — «государевы деловицы»; сами же кадашевцы занимались производством серебряных изделий на рынок и другими ремеслами, а особенно торговлей. Развитие товарно-денежных отношений постепенно изменяло всю систему обслуживания нужд дворца и казны

[1] *А. Н. Сперанский.* Указ. соч., стр. 144—147, 150—152, 186—189.

трудом ремесленников. Записное ремесло отмерло еще в XVII в. Другие виды дворцового и казенного ремесла также отпали или существенно видоизменились в следующем столетии.

3
МАНУФАКТУРА

Рост ремесла в XVII в., превращение его в мелкое товарное производство, имевшее тенденцию укрупняться путем расширения эксплуатации наемного труда, наличие районов с определенной специализацией в области ремесла и товарного производства, появление рынка рабочей силы — все это создавало известные условия для развития крупной промышленности.

В течение всего XVII в. шли упорные поиски железных, медных, золотых и серебряных руд по всей территории Русского государства. При первом обнаружении более или менее значительных запасов таких руд предпринимались попытки их промышленного использования[1].

Еще в 20-х годах XVII в. казна пыталась построить заводы в районе Томска и на Урале. Однако отсутствие дешевой рабочей силы помешало наладить производство в широких размерах. Построенный казной в 1631 г. небольшой Ницинский завод на Урале работал на старом, технически примитивном оборудовании.

В 30-х годах были открыты залежи медной руды в районе Соликамска. При содействии иностранных мастеров казна построила первый в Русском государстве медеплавильный Пыскорский завод, уже применявший новую технику производства. Меха, установленные в плавильне, приводились в движение от мельничных водяных колес. Квалифицированные рабочие присылались из Москвы и других городов, в частности провинившиеся мастера московского Денежного двора. Здесь работали крупные мастера-плавильщики Александр Тумашев и Семен Тотскин, последний — родом вологжанин, долго живший в Устюге Великом и занимавшийся колокольным делом. Подсобных работных людей нанимали на месте. Продукция Пыскорского завода составляла несколько сот пудов меди в год. Завод этот в конце 40-х годов XVII в. закрылся вследствие истощения руды и пожара, уничтожившего в 1648 г. заводские строения[2]. После этого А. Тумашев и его сыновья Иван и Дмитрий продолжали работать на пыскорских рудах, сдавая медь в казну. В 1660 г. они «от медного дела отказали, что руд медных в том месте не стало»[3]. Кроме

---

[1] «Дополнения к актам историческим» (далее — ДАИ), т. VI, СПб., 1857, № 24, стр. 155—169.

[2] ЦГАДА. Писцовые книги, № 443, лл. 151 об.— 153.

[3] *Н. В. Устюгов.* Из истории металлургии Поморья в первой половине XVII в.— «Вопросы истории», 1946, № 2—3, стр. 131; ЦГАДА. Приказные дела новой разборки, д. 1000, лл. 150, 152, 155, 159—164, 169, 184, 189, 214, 220; Грамоты Коллегии экономии по Соли Камской, № 11373/241, л. 2.

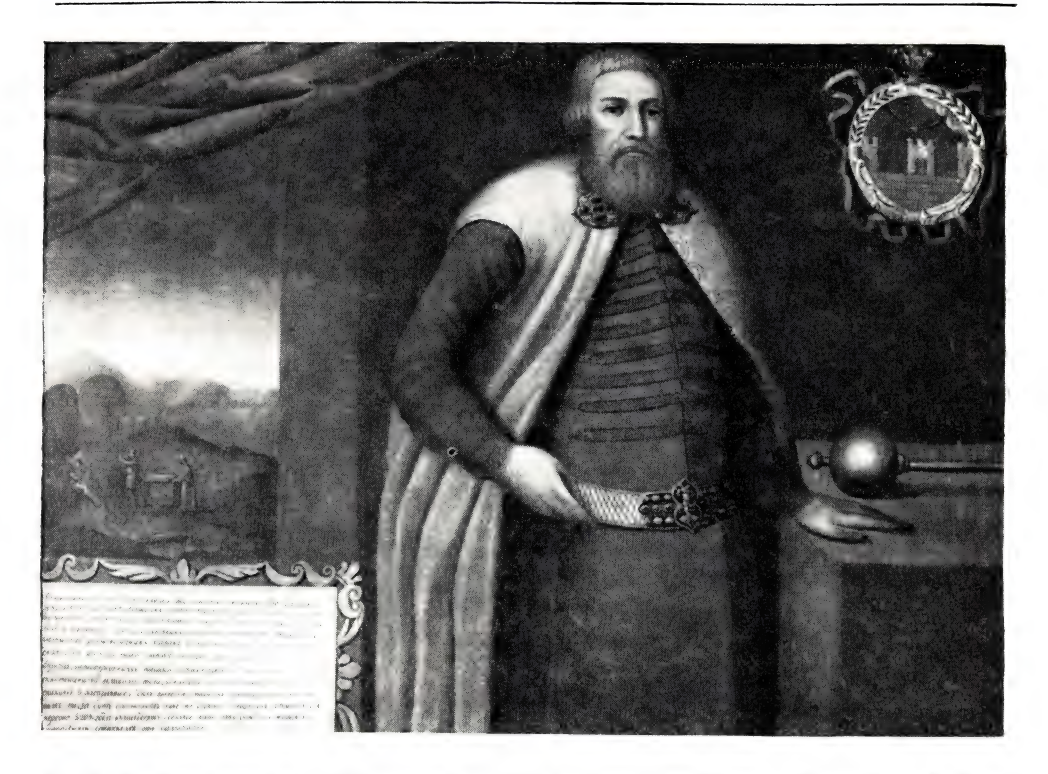
Пыскорского, некоторое время действовал казенный медеплавильный завод в Казани, также скоро исчерпавший все запасы разведанной местной руды и закрывшийся в середине 60-х годов. Построенные казной в Онежском крае опытные медеплавильные заводы были переданы в эксплуатацию иностранцам, которые не сумели наладить выплавку меди, но, воспользовавшись тем, что крестьяне в этом крае издавна выделывали железо, основали в 70-х годах три вододействующих железоделательных завода.

Еще раньше, в 30-х годах, правительство сделало первую попытку расширить металлургическое производство путем использования иностранного опыта и привлечения иностранного капитала. В 1632 г. было заключено соглашение с голландским купцом А. Д. Винйусом о постройке в Русском государстве чугуноплавильных и железоделательных заводов на основе последних достижений европейской техники. Представитель Голландии, капиталистической страны XVII столетия, Винйус, несомненно, предполагал строить свое предприятие в виде капиталистической мануфактуры, уже широко развитой на Западе. Он добивался лишь ограждения будущего предприятия от возможной конкуренции со стороны других предпринимателей и требовал монополии на устройство железоделательных заводов, действующих водяной энергией, и на разработку рудных месторождений, намеченных к эксплуатации. Заводы предполагалось оборудовать на капитал предпринимателя, и рабочая сила, начиная от квалифицированных мастеров и подмастерьев и кончая чернорабочими, должна была быть вольнонаемной. К заводской работе должны были привлекаться русские мастера, тем более, что заводы строились в районе, где добыча и обработка металлов были достаточно развиты: «наймовать к тому делу всяких русских людей по доброте, а не в неволю», как гласят правительственные «жалованные грамоты» на постройку заводов[1]. Продукция заводов по установленным рыночным ценам должна была сдаваться в первую очередь в казну, а излишки можно было пускать в свободную продажу на внутренний рынок или вывозить за границу. На 10 лет заводы освобождались от уплаты каких-либо налогов.

К 1637 г. Винйус построил в районе Тулы три вододействующих завода, представлявших собой единый промышленный комплекс. Заводы были оборудованы соответственно требованиям тогдашней западноевропейской техники. От мельничных колес приводились в движение мехи у «большого плавильного горна с трубой» (т. е. домны), «боевой» многопудовый кузнечный молот и сверлильные инструменты. Квалифицированные мастера и подмастерья для этих заводов были выписаны Винйусом из-за границы. Затраты по оборудованию вынудили Винйуса принять в компанию других иностранных купцов — датчанина П. Марселиса и голландца Ф. Акему. Однако компаньоны вскоре устранили самого Винйуса от дела и захватили

---

[1] «Собрание государственных грамот и договоров» (далее — СГГиД), ч. III, М., 1822, № 118, стр. 410.

И. Е. Власов, воевода в Нерчинске в 1677 г. Слева изображена штольня и добыча руды. Портрет маслом работы Гр. Адольского, 1695 г.

Горьковский государственный художественный музей

заводы в полную собственность. При новых предпринимателях дело ширилось и развивалось. Марселис и Акема реконструировали и укрупнили старые Тульские заводы Виниуса и выстроили вновь четыре завода в Каширском уезде верстах в 50 от старых. Доставляемые с Тульских заводов чугун и железные полуфабрикаты перерабатывались на Каширских заводах в готовые изделия. Все производство вели мастера и подмастерья. В 1662—1664 гг. на Тульско-Каширских заводах работало 119 человек, в том числе 56 иноземцев и 63 русских[1]. Русские мастера и подмастерья за единичными исключениями были вольнонаемными. Заработная плата находилась в зависимости от их квалификации, но труд иноземных мастеров и подмастерьев всегда оплачивался значительно выше русских. Иноземные мастера получали от 50 до 110 руб. в год, подмастерья — от 30 до 72 руб.; русские мастера — от 30 до 60 руб. в год, подмастерья — от 27 до 45 руб. в год.

Не таково было положение чернорабочих. Здесь заводовладельцы столкнулись с узостью рынка рабочей силы. На заводы не удавалось привлечь достаточное количество работных людей для выполнения подсобных

---

[1] «Крепостная мануфактура в России», ч. 2, Л., 1931, прилож. (указатель и таблица к 1-й части), стр. 46—47.

работ. Правительство это знало и помогло Виниусу получить недостающую рабочую силу путем внеэкономического принуждения. В 1638 г. правительство приписало к тульским заводам Соломенскую дворцовую волость со всеми ее угодьями. В волости было 250 крестьянских дворов. Выполнение подсобных работ для заводов — добыча руды, заготовка угля и подвоз их к заводам — было возложено как повинность на крестьян Соломенской волости. «Приписка» крестьян к заводам Виниуса, даже не предусмотренная предварительным соглашением его с казной, вполне отвечала духу феодально-крепостнического строя. При постройке Марселисом и Акемой Каширских заводов и к ним была тоже приписана крестьянская волость. Таким же путем в конце XVII в. были обеспечены рабочей силой и металлургические заводы А. Бутенанта в Олонецком крае.

Эксплуатация заводчиками крестьянского труда на основе внеэкономического принуждения меняла до известной степени первоначальный облик этих заводов. Возникшие по образцам капиталистической мануфактуры, заводы в феодальных условиях Русского государства не могли развиваться и неизбежно обращались к частичной эксплуатации принудительного труда. Но и при этих условиях железоделательные заводы являлись значительным шагом вперед. На заводах широко применялось разделение труда. Выделка, например, карабина или мушкета проходила через ряд отдельных производственных процессов, выполнявшихся мастерами различных специальностей. Продукция заводов давала новые, неизвестные до того виды изделий, а качество железа значительно улучшилось. Общая продукция заводов Виниуса — Марселиса выражалась в количестве нескольких десятков тысяч пудов чугуна и железа в год. Помимо оружия, как огнестрельного, так и холодного (пушки, ядра, мушкеты, сабли, пики, бердыши, латы и др.), сельскохозяйственных орудий (сошники, ручные мельницы и т. п.), строительных материалов (доски кровельные и дверные, плиты для полов, связи для каменных стен и т. п.) и других готовых изделий, заводы изготовляли также и железо в полуфабрикатах, годное для дальнейшей обработки в простых кузницах. Вскоре после устройства Тульских и Каширских заводов стали создавать вододействующие железоделательные заводы и русские феодалы. Первыми предпринимателями выступили бояре И. Д. Милославский и Б. И. Морозов.

Завод Милославского был построен в вотчине его в Оболенском уезде. На заводе была оборудована домна с двумя большими мехами, три кирпичных горна с такими же парными мехами к каждому и большой «боевой» молот. Мехи и молот приводились в движение водяной энергией. Завод перерабатывал местную глыбовую руду хорошего качества. К моменту сдачи в 1656 г. Милославским завода в долгосрочную аренду Марселису и Акеме на нем находилось свыше тысячи пудов выплавленного чугуна, предназначенного к переделке в железо[1]. Характерной особенностью вотчинного завода Милославского являлось то, что он обслужи-

[1] «Крепостная мануфактура в России», ч. 1, Л., 1930, стр. 215.

вался исключительно подневольным трудом. Даже квалифицированная рабочая сила в лице мастеров, обычно вольнонаемных, на заводе Милославского была подневольной. Два иноземных мастера-плавильщика были холопами Милославского из пленных поляков; угольный мастер также был его крепостным крестьянином. Марселис и Акема вместе с заводом «арендовали» и этих мастеров; согласно договору, арендаторы обязались выплачивать Милославскому за означенных мастеров по 10 руб. в год за каждого[1].

Другой крупный феодал, боярин Б. И. Морозов, выписал в 1651 г. из-за границы мастера рудного дела, «кой на мельнице водою железо кует», и оборудовал близ своего вотчинного села Павловского Звенигородского уезда вододействующий завод. Работали на этом заводе «рудники» и «гольщики» — поляки из военнопленных, всего 20 человек. Не ограничиваясь этим, Морозов наладил добычу железа и в принадлежавшем ему селе Лыскове Нижегородского уезда. На построенной там «рудне» Морозов широко применял труд своих крепостных крестьян[2].

Вскоре после смерти Морозова Павловский вододействующий завод перешел в ведение Тайного приказа. Вблизи Павловского казной были устроены еще два небольших завода. Продукция этих заводов полностью поглощалась обширным царским хозяйством. В 1676 г. на всех трех Звенигородских заводах числилось 28 квалифицированных рабочих, чернорабочими же являлись мобилизованные казной солдаты и стрельцы, получавшие за свой труд кормовые деньги по алтыну в день. В 1681 г. казна сдала Звенигородские заводы в долгосрочную аренду гостю В. Воронину. Лишенный возможности, как частный предприниматель, пользоваться трудом солдат и стрельцов и не владевший крепостными крестьянами, Воронин должен был вести все производство вольнонаемным трудом. Число этих вольнонаемных рабочих было, вероятно, довольно значительно, так как на заводах был для них выстроен целый рабочий поселок в 50 дворов. В 1696 г. Воронин умер, и его заводы вскоре запустели.

В 1690 г. боярин Л. К. Нарышкин получил от казны в полную собственность Тульско-Каширские заводы после смерти последнего представителя рода Марселисов.

В 1694 г. дьяк К. Борин и гостиной сотни торговый человек Н. Аристов построили в Романовском уезде на р. Белый Колодец, притоке р. Воронежа, крупный по тому времени чугуноплавильный и железоделательный завод, отливавший сотни пушек и выделывавший тысячи пудов железа.

В 1696 г. родоначальник известной впоследствии фамилии заводчиков Демидовых Никита Демидов оборудовал чугуноплавильный завод в Туле, обходившийся исключительно вольнонаемным трудом. В 1702 г. Демидов получил от казны только что построенный ею Невьянский завод на Урале. Рудные богатства Урала оказались неисчерпаемыми,

---

[1] «Крепостная мануфактура в России», ч. 1, стр. 216.

[2] «Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в.», ч. II, М.—Л., 1936, стр. 160.

и ведущий центр железоделательной промышленности России к 20-м годам XVIII в. переместился на Урал.

Таким образом, можно указать несколько районов в Русском государстве, где в XVII в. были созданы металлургические мануфактуры. Крупнейшим из них был Тульско-Каширский, где насчитывалось девять заводов — три в Тульском уезде (Верхне-Тулицкий и Нижне-Тулицкий Марселиса и Тулицкий завод Н. Демидова), четыре в Каширском (Елтнинский, Ченцовский, Соломыковский и Ведменский) и два в Алексинском уезде (Вепревский и Дугненский).

В близком соседстве с этой группой заводов находился другой металлургический район, расположенный в Оболенском, Малоярославецком и Боровском уездах. Здесь были Поротовский завод, основанный И. Д. Милославским, Угодский и Истинский, построенные Марселисом. Под Москвой в Звенигородском уезде были построены заводы Павловский, Обушковский, Бородниковский, Сорокинский и Казминский. В конце XVII в. их осталось только два — Павловский и Сорокинский. Но под Москвой на р. Воре был основан еще один завод иноземцем Елизаром Избрантом. Всего, таким образом, в трех подмосковных районах, т. е. в центре страны, в XVII в. было построено 18 заводов, из них к концу века осталось 15.

Три завода было построено в Олонецком крае—в Фоймогубской волости, Шунгском и Кижском погостах. Все они принадлежали А. Бутенанту.

К XVII в. относятся и первые опыты постройки металлургических заводов на юго-востоке, в районе Воронежа (завод К. Борина). Наконец, в XVII в. началась постройка металлургических заводов и на Урале[1].

* * *

Растущие потребности казны и рынка вызвали к жизни чугуноплавильные и железоделательные заводы, оборудованные на основе новейшей техники. Ведущая роль в металлургической промышленности XVII в., по крайней мере в основной для того времени ее отрасли — выделке оружия, переходит от мелких крестьянских промыслов и городского ремесла к производству, организованному в формах централизованной привилегированной мануфактуры с значительным использованием принудительного крепостного труда. Однако в выделке сельскохозяйственных орудий и предметов бытового обихода ремесло вполне успешно конкурировало с мануфактурой. Так, привилегированные заводчики Марселис и Акема не могли выдержать конкуренции с мелким производством гвоздей, хотя

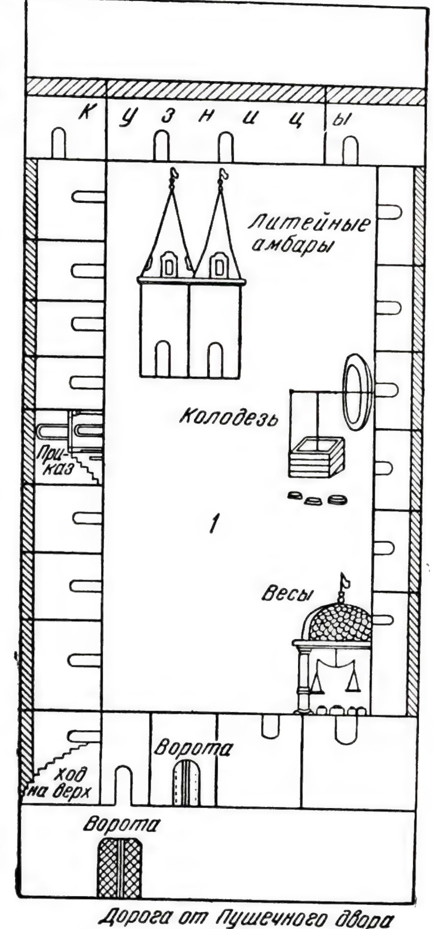
---

[1] *Б. Б. Кафенгауз.* История хозяйства Демидовых в XVIII—XIX вв., т. I, М.—Л., 1949, стр. 22—23; *Е. И. Заозерская.* Мануфактура при Петре I. М.—Л., 1947, стр. 154—155; *Н. И. Павленко.* Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII в. М., 1953, стр. 28—51; *С. Г. Струмилин.* История черной металлургии в СССР, т. 1. Феодальный период (1500—1860 гг.), М., 1954, стр. 98—130; *Н. А. Бакланова.* Звенигородские железные заводы в XVII в.— «Московский край в его прошлом», ч. 2, М., 1930, стр. 89—101. («Труды Об-ва изучения Московской области», вып, 6).

и невысокого качества, но чрезвычайно дешевых. Потребности крестьянского хозяйства в железе в основном удовлетворялись изделиями мелкой промышленности.

В то же время потребности государства прежде всего в укреплении обороноспособности страны требовали такого расширения производства оружия и строительных материалов, какое было не под силу мелкой промышленности. Это привело к созданию крупных предприятий оборонной промышленности.

Первым по времени таким предприятием был московский Пушечный двор, основанный еще в конце XV в. В XVII в. производство Пушечного двора значительно расширилось. На нем отливались не только пушки, но и колокола и паникадила. Вместе с тем были введены и технические усовершенствования. В 20-х годах XVII в. была впервые использована водная энергия для железных поковок[1]. Вес, калибр и назначение отливаемых орудий были разнообразны. Вес колебался от 2—3 до нескольких сотен пудов. Большие колебания можно отметить и в калибре: от 0,5 до 26 фунтов веса ядра. По своему назначению различались орудия для прицельной стрельбы— пищали, для навесного огня — мортиры, для действия картечью — тюфяки дробовые, для стрельбы залпом — «орга́ны», представлявшие собой многоствольные орудия небольшого калибра[2].

Чертеж Пушечного двора в Москве 60-х годов XVII в. (перерисовка)
Центральный государственный архив древних актов

Пушки отливались по образцам, созданным на основе предшествующего опыта. Этот опыт обобщался в форме соответствующих руководств. Так, на Пушечном дворе хранились «Роспись пищальных образцов стараго и новаго заводу», «Роспись образцовая арталорейским пушкам со всякими запасы, что к тому строению надобно, и по чему те пушки ценою стали». Русские пушечные мастера не следовали слепо готовым образцам. Их техническая мысль упорно

[1] «Дополнения к дворцовым разрядам», ч. 1.— «Чтения ОИДР», 1882, кн. 3, отд. I, стр. 361, 362.

[2] *Н. И. Фальковский.* Москва в истории техники. М., 1950, стр. 66—69.

работала, и уже в начале XVII в. наблюдались крупные достижения в производстве пушек, в частности отливка нарезных орудий[1].

Часто на пушке отливались украшения, рисунки, имя мастера и год отливки орудия. Поэтому в штате Пушкарского приказа, ведавшего Пушечным двором, были резчики и живописцы. В частности, один из крупнейших русских живописцев второй половины XVII в., Иван Максимов, состоял в штате Пушкарского приказа[2].

Колокольные мастера Пушечного двора отливали главным образом небольшие, так называемые набатные или вестовые колокола, которыми снабжались все крепости. Очень часто колокольные мастера, по царскому указу, отливали большие и малые колокола для церквей и монастырей. Именно поэтому колокольня Ивана Великого в Кремле в конце XVII в. «всяким строением и колоколами» была ведома в Пушкарском приказе.

Трудно сказать, какова была годовая производительность Пушечного двора. Отливка пушек большого размера длилась год-полтора. Столько же времени требовалось и на производство больших колоколов. Мелкие колокола отливались быстро. Так, мастер К. Самойлов отлил в 1624 г. несколько вестовых колоколов, 11 колоколов для монастырей и 13 к часам на Фроловские (Спасские) ворота[3].

Пушечный двор был в ведении Пушкарского приказа. Непосредственное управление предприятием находилось в руках двух дворян, которые присылались в Пушкарский приказ из Разряда. Точных сведений о количестве мастеров и работных людей, следовательно, и об объеме производства за весь XVII в. не сохранилось. В 30-х годах на Пушечном дворе работало более 100 человек. Квалифицированную рабочую силу составляли мастера Пушечного двора, делившиеся на четыре группы в зависимости от выполняемых обязанностей: плавильщики, пушечные литцы, колокольные литцы и паникадильные мастера. Вспомогательную работу выполняли паяльщики, пушечные кузнецы, пильники, накатчики, плотники, изготовлявшие деревянные части, и, наконец, пушечные извозчики, занимавшиеся перевозкой орудий. Состав мастеров пополнялся главным образом за счет учеников. Существовало мануфактурное разделение труда, определенное соотношение между работниками разных специальностей. Об этом можно судить по данным о работных людях на Пушечном дворе в 1637 г. В это время там находилось пять пушечных литцов и при них 37 учеников, два колокольных литца и 10 учеников, шесть паникадильных мастеров и 14 учеников, плавильный мастер и пять учеников, семь паяльщиков, два пильника, три накатчика, 14 пушечных кузнецов, восемь плотников, 20 пушечных извозчиков[4]. Первое место среди мастеров Пу-

[1] *С. К. Богоявленский.* О Пушкарском приказе.— «Сборник статей в честь М. К. Любавского», Пг., 1917, стр. 372—373; *Н. И. Фальковский.* Указ. соч., стр. 68—69. Более подробно об этом см. главу V, § 3 настоящего издания.

[2] *С. К. Богоявленский.* Указ. соч., стр. 373—375.

[3] Там же, стр. 373—374.

[4] Там же, стр. 371.

шечного двора занимали пушечные литцы. Об этом свидетельствует наибольшее количество учеников именно у них.

Большинство пушечных мастеров было русскими. Некоторые из них пользовались большой известностью. Так, в начале XVII в. славился своим мастерством пушечный мастер Андрей Чохов, приступивший к работе еще во второй половине XVI в. Встречались среди мастеров и иностранцы, но их было мало, и пушки, вылитые иностранными мастерами, порою уступали по качеству пушкам русских мастеров. А некоторые иноземцы явно не справлялись с порученным им делом. Таков был, например, швед Юлий Коет, несколько лет работавший на Пушечном дворе и претендовавший на звание «над пушечным нарядом полковника». Уже после отъезда его из Москвы он предъявил претензии к русскому правительству, требуя выплаты недоплаченного жалованья. В 1649 г. сын этого мастера Петр Коет, шведский королевский секретарь, добивался удовлетворения отцовской претензии у русского посольства в Швецию. Русские послы отвергли эти домогательства, указав, что, несмотря на большое жалованье (100 руб. в год), Ю. Коет был плохим мастером: из 104 вылитых им пушек внешне удовлетворительными оказалось только 32, да и те не выдержали первой стрельбы.

Правительство было вынуждено расстаться с мастером, который, по словам русских послов, «ничему не умел». Правда, это не мешало ему в неоднократных челобитных о прибавке жалованья расхваливать свою работу, что вызвало ироническое замечание русских послов: «Много писано в челобитных мастерства, а ничево отец ево не делывал, имал жалованье даром»[1].

Ученики на Пушечный двор набирались главным образом из нетяглых людей, в первую очередь из детей пушечных мастеров и пушкарей. Производственное обучение продолжалось очень долго, иногда свыше 20 лет. После этого производилось испытание. Ученикам поручалась самостоятельная работа, и ее успешное выполнение давало право на приобретение звания мастера.

В 1641 г. ученики мастера Алексея Якимова на 22-м году своей работы обратились с просьбой дать им пушечное дело на «опыт», тем более, что их мастер в это время уже был стар. Ученикам другого мастера, Давыда Кондратьева, после десятилетнего обучения было предложено сделать пищали для четырехфунтовых ядер[2].

По количеству занятых работных людей, по организации их труда, по его детальному разделению Пушечный двор являлся мануфактурой централизованного типа.

Была создана мануфактура и для производства легкого оружия — огнестрельного и холодного — московская Оружейная палата. Если Пушечный двор представлял собой мануфактуру центра-

---

[1] *К. И. Якубов.* Россия и Швеция в первой половине XVII в.— «Чтения ОИДР», 1897, кн. 4, отд. I, стр. 257—259.

[2] *С. К. Богоявленский.* Указ. соч., стр 372.

лизованного типа, то Оружейную палату с ее мастерскими можно считать мануфактурой рассеянного типа.

Часть работы производилась в специальных мастерских при палате, но гораздо больше мастеров работало на дому. Многие из них были владельцами кузниц и оружейных мастерских. Очень часто мастера при работе на дому пользовались снастями, полученными из Оружейной палаты.

В ведении Оружейной палаты находились прежде всего казенные оружейники различных специальностей: мастера самопального, мушкетного, ствольного, замочного, сабельного, бронного дела. Дробность их специализации свидетельствует о наличии разделения труда. Кроме оружейников, в штат Оружейной палаты входило много деревообделочников, занятых изготовлением деревянных частей оружия: столяров, резчиков, токарей, станочников, плотников. Были и кожевники — ольстренники, изготовлявшие кожаные кобуры для пистолетов (ольстры). Наконец, в штате Оружейной палаты было много мастеров художественных ремесел — живописцы, мастера золотого и серебряного дела, резчики по кости и т. д. Общее число мастеров Оружейной палаты было очень значительно. По окладной росписи на выдачу им жалованья за 1681 г. их числилось более 300 человек[1]. Кроме того, в ведении Оружейной палаты находились тульские мастера-оружейники, жившие в особой слободке в Туле на посаде и работавшие по заказам Оружейной палаты.

Подавляющее большинство мастеров Оружейной палаты было русскими. Состав мастеров Оружейной палаты пополнялся за счет ремесленного ученичества, тяглецов московских дворцовых слобод, находившихся в ведении Оружейной палаты, в частности Бронной, и вызова ремесленников разных специальностей из посадов.

Оружие, сделанное мастерами Оружейной палаты, поступало в казну. Выполнением казенных же заказов занимались и другие мастера палаты. Впрочем, им не возбранялось принимать и частные заказы.

С Оружейной палатой были тесно связаны Золотая и Серебряная палаты — мастерские, изготовлявшие золотые и серебряные вещи, в первую очередь для царского двора. Но они выполняли не только дворцовые заказы. Нередко в обеих палатах готовили золотые и серебряные изделия для духовных и светских феодалов. Мастера золотого и серебряного дела имели и частные заказы, не проходившие через палаты. Связь Золотой и Серебряной палат с Оружейной выражалась прежде всего в том, что почти в течение всего XVII в. они находились под единым управлением. Поэтому и мастера часто переводились из этих палат в Оружейную и наоборот.

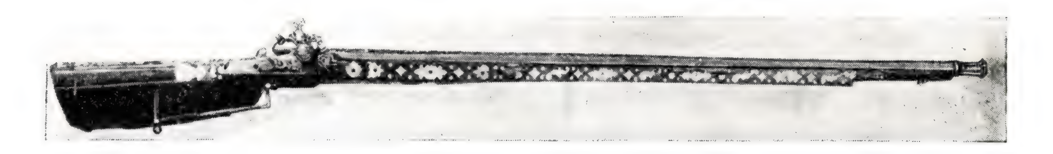
Серебряная и Золотая палаты имели свои производственные помещения. При Серебряной палате находилась особая Пожигальная палата с тремя кирпичными горнами и шестью наковальнями для плавки серебра

---

[1] «Окладная расходная роспись денежного и хлебного жалованья за 1681 г.». «Чтения ОИДР», 1893, кн. 4, отд. I, стр. 16—17.

и серебряных поковок. Рабочий инструмент был такой же, как и у частных серебреников: острогубцы, тиски, ножницы, пилы, винтовальные доски, опоки для серебряного литья, горшки для плавки металла. Значительную часть работы мастера выполняли на дому [1].

Число мастеров Золотой и Серебряной палат в течение XVII в. неоднократно менялось. Эти колебания были очень значительны — от 16 до 42 человек. В 1622 г. в обеих палатах значилось только 23 русских мастера,

Ружье (пищаль) середины XVII в. работы мастеров Оружейной палаты.
Государственный Исторический музей

в 1635 г.— 16 [2], но к концу XVII в. число их возросло. По Окладной росписи денежного и хлебного жалованья за 1681 г. в Золотой палате числилось 19 мастеров, в Серебряной — 37 мастеров и пять учеников. Среди мастеров золотого и серебряного дела было развитое разделение труда: различались плавильщики, формовщики посуды, литцы, знаменщики (художники, составлявшие рисунок), резчики, чеканщики, басемщики, сканных дел мастера, черневых дел мастера, сусальники, золотильщики. Серебряное изделие проходило через руки многих мастеров.

Мастера Золотой и Серебряной палат работали и по украшению холодного и огнестрельного оружия золотыми и серебряными насечками, инкрустациями из кости и перламутра и всевозможными рисунками, наведенными золотом и серебром. Так устанавливались чисто производственные связи между Оружейной, Золотой и Серебряной палатами.

Мастера для обеих палат набирались так же, как и для Оружейной.

Золотую и Серебряную палаты можно считать мануфактурными предприятиями смешанного типа: работа проводилась и в мастерских при палатах и на дому.

Крупными централизованными мануфактурами были денежные дворы. В первой половине XVII в. и с середины 60-х годов до конца века производилась чеканка только серебряных денег. В 1654—1663 гг., кроме того, чеканились и медные деньги. В это время был создан особый Денежный двор для чеканки медных денег.

Д тельность Денежного двора за то время, когда чеканились только сереб ные деньги, еще не изучена. Он находился в ведении Приказа Боль й казны и обслуживался штатом денежных мастеров. По далеко

[1] *В. И. Троицкий.* Организация золотого и серебряного дела в Москве в XVII в. — «Исторические записки», № 12, стр. 100—101, 114.

[2] Там же, стр. 102—104.

не полным данным Росписного списка г. Москвы 1638 г., в столице числилось 36 денежных мастеров, живших в разных частях города[1]. Г. К. Котошихин называет 200 мастеров Денежного двора. Кроме собственно денежных мастеров, он называет чеканщиков, подметчиков, резальщиков, тянульщиков, отжигальщиков. Мастера набирались «из вольных и ис торговых людей, кто похочет». Принимаемый в мастера приводился к присяге и, кроме того, должен был представить поручителей в том, что не будет красть серебра, примешивать в серебро меди и олова, подделывать чеканов и делать фальшивые деньги.

Общее наблюдение за работой Денежного двора осуществляли дворянин и дьяк, присылавшиеся из Приказа Большой казны; фактически работой руководил голова, избранный из гостей, со своими помощниками — целовальниками, выбранными из торговых людей Москвы. Они принимали металл, выдавали его мастерам и получали готовые деньги[2].

Наиболее квалифицированным из мастеров Денежного двора был «матошного дела резец», т. е. мастер, изготовлявший матрицы для монетных штампов-чеканов. По Окладной расходной росписи денежного и хлебного жалованья за 1681 г. постоянное денежное жалованье — 24 руб. в год — назначено только ему одному из всех мастеров Денежного двора[3].

Источники позволяют с большой детальностью обрисовать последовательные этапы чеканки монеты и разделение труда у мастеров Денежного двора. Прежде всего готовились матрицы и штампы. Матрица делалась из стали. На ней вырезалось выпуклое изображение рисунков и надписей, какие должны быть на монетах. Матрицей пользовались при изготовлении монетных штампов. Требовалось два штампа — нижний и верхний. Оба они делались из железа или уклада.

Металл в виде серебряного лома или иностранных монет шел прежде всего к плавильщикам, которые его плавили в специальных горшках — тиглях. Плавильщикам помогали подметчики, закладывавшие металл в горшки. Далее расплавленный металл шел к волочильщикам, которые тянули серебряную проволоку. Затем проволока резалась на небольшие части и взвешивалась. После этого проволоку плющили и резали на мелкие части, будущие монеты. Наконец, чеканщик выбивал монету[4].

Есть основание полагать, что труд денежных мастеров оплачивался сдельно — около 5 руб. с полтиной с пуда переработанного серебра[5].

Во время чеканки медных денег в 1654—1663 гг. деятельность Приказа Большой казны расширилась. Был создан новый Денежный двор для мед-

---

[1] «Росписной список г. Москвы 1638 г.», под ред. И. С. Беляева.— «Труды Моск. отдела Русского военно-исторического об-ва», т. I, М., 1911, стр. XIX, 81, 231—232, 243—245.

[2] *Г. К. Котошихин.* О России в царствование Алексея Михайловича. СПб.,1906, стр. 97, 98, 101.

[3] «Чтения ОИДР», 1893, кн. 4, отд. I, стр. 27.

[4] *С. И. Чижов.* К истории денежного производства на Руси за царский период.— «Сборник статей в честь гр. П. С. Уваровой», М., 1916, стр. 38, 39.

[5] ЦГАДА. Приказные дела старых лет, 1678 г., д. 170, лл. 1—3

ных денег. Это предприятие также имело все черты, характерные для крупной мануфактуры централизованного типа.

Расположенный на территории нового английского двора в Белом городе, новый Денежный двор имел специальные помещения для выполнения отдельных производственных процессов. Здесь были плавильня с тремя плавильными печами, кузнечный сарай с 40 горнами и 80 наковальнями, так как перед передачей волочильщикам медь ковалась, 28 волочильных станов, боевые казенки, где плющили медную проволоку и приготовляли гладкие овалы, и, наконец, мастеровые казенки, где чеканщики накладывали штамп. Кроме того, был еще особый сарай с шестью горнами и наковальнями, где изготовлялись чеканы. В другом сарае пересматривались и подсчитывались готовые деньги. В специальных складочных помещениях хранились медь и инвентарь.

Мастера разных специальностей объединялись в производственные группы, называемые станицами. Каждая станица состояла из старосты, выбираемого чеканщиками, трех-четырех кузнецов, двух волочильщиков, четырех-пяти бойцов и 8—10 чеканщиков. В этих станицах, таким образом, соблюдался принцип мануфактурного разделения труда. Кузнецов и бойцов требовалось вдвое больше, чем волочильщиков, а чеканщиков — вдвое больше, чем бойцов. Такая организация труда облегчала учет металла и контроль за работой: мастера одной и той же станицы были связаны круговой ответственностью. Всего на новом Денежном дворе вместе с подметчиками, т. е. вспомогательными рабочими, было занято не менее 500 человек[1].

Нет точных данных ни о том, как комплектовалась рабочая сила для этой крупнейшей из казенных мануфактур середины XVII в., ни об оплате труда мастеров. Повидимому, новый Денежный двор не представлял исключения среди других казенных мануфактур.

Казна черпала рабочую силу для своих мануфактур прежде всего из населения московских казенных и дворцовых слобод. Кроме того, значительное количество мастеров вызывалось в Москву из посадов. Особенно часто к таким вызовам прибегала Оружейная палата. Эти мастера попадали на мануфактуры по царскому указу, т. е. в порядке внеэкономического принуждения. Наряду с этим на казенные мануфактуры поступали «вольные охочие люди», т. е. лица, не состоявшие в тягле. Состав мастеров казенных мануфактур пополнялся также за счет ремесленного ученичества. Ученики Пушечного двора набирались из людей, не состоявших в тягле: третьих сыновей тяглецов, детей служилых людей по прибору — пушкарей, стрельцов, казенных плотников и кузнецов. Преимущество отдавалось пушкарским детям, в какой-то мере знакомым с ремеслом своих отцов[2]. В ученики Оружейной, Золотой и Серебряной палат в первую очередь принимались дети мастеров этих палат, привлекались также и вольные

[1] *К. В. Базилевич.* Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г. М.—Л., 1936, стр. 24—26.

[2] *С. К. Богоявленский.* Указ. соч., стр. 372.

нетяглые люди, как и на Пушечный двор. Попадали в ученики в Оружейную палату и дети служилых людей. Каждый более или менее крупный мастер имел учеников. Правительство было заинтересовано в подготовке квалифицированной рабочей силы и платило ученикам поденный корм от 3 до 5 денег в день. Время, уделяемое мастерами на обучение учеников, подлежало дополнительной оплате[1].

За свою работу мастера казенных мануфактур получали денежное и хлебное жалованье и поденный корм.

Оклады отдельных мастеров дают очень резкие колебания — от 100 до 3—4 руб. в год в зависимости от квалификации. То же следует сказать о хлебных окладах и поденном корме. Хлебные оклады колебались от 50 до 3 юфтей хлеба в год, поденный корм — от 8 алтын 2 денег до 2 денег в день. Мастерам Золотой и Серебряной палат оклады денежного жалованья назначались от 30 до 5 руб. в год, хлебного — от 15 до 6 юфтей, обычный поденный корм — 6 денег[2]. Поденный корм выплачивался только за те дни, когда мастера фактически находились на работе. За особенно удачно выполненную работу давалось дополнительное жалованье «в приказ», т. е. сверх оклада, своего рода премия, обычно от 5 до 15 руб. за каждую работу. Ученики получали только поденный корм.

Мастерам казенных мануфактур выдавались, как правило, крупные оклады; они занимали, особенно мастера высокой квалификации, видное положение в столице, постоянно приглашались центральными правительственными учреждениями в качестве экспертов по вопросам своей специальности и т. д. Состоя на казенной службе и выполняя казенные заказы, они имели возможность работать на сторону — принимать частные заказы и даже продавать свои изделия на рынке, особенно мастера Серебряной и Золотой палат. Но в то же время они не имели права оставить свою работу по собственному желанию, если не потеряли трудоспособности.

Московские казенные мануфактуры нельзя рассматривать как капиталистические мануфактуры. Вся организация производства и труда была феодальной. Но в то же время нельзя поставить знака равенства между этими казенными мануфактурами и вотчинными мануфактурами XVIII в., основанными на крепостном труде. Своеобразие московских казенных мануфактур XVII в. заключалось в том, что мастера и работные люди этих предприятий комплектовались из людей, не связанных тяглом; тяглецы привлекались лишь по специальным царским указам. Тот же порядок существовал при наборе стрельцов, привлечении на работу пушкарей, казенных кузнецов и плотников, низших разрядов дворцовых служащих — сторожей, истопников и т. д. Те и другие получали годовое денежное и хлебное жалованье, тех и других правительство рассматривало как служилых людей. В своих обращениях к верховной власти мастера

[1] *Е. М. Тальман.* Ремесленное ученичество Москвы в XVII в.— «Исторические записки», № 27, стр. 80.

[2] «Окладная расходная роспись денежного и хлебного жалованья за 1681 г.».— Чтения ОИДР», 1893, кн. 4, отд. I, стр. 17.

казенных и дворцовых предприятий называли себя «холопами», наименованием, присвоенным служилым людям, и не именовались «сиротами», как называли себя тяглецы и вообще феодально-зависимые люди Русского государства (кабальные холопы, бобыли, задворные люди и т. д.).

Все это заставляет считать положение мастеров казенных предприятий близким к положению служилых людей по прибору. Феодальное государство, организуя производственные предприятия, создало и новый вид службы. То обстоятельство, что мастера дворцовых и казенных предприятий не имели права оставлять работу, тоже сближает их со служилыми людьми по прибору: самовольные отлучки и побеги стрельцов и солдат строго карались.

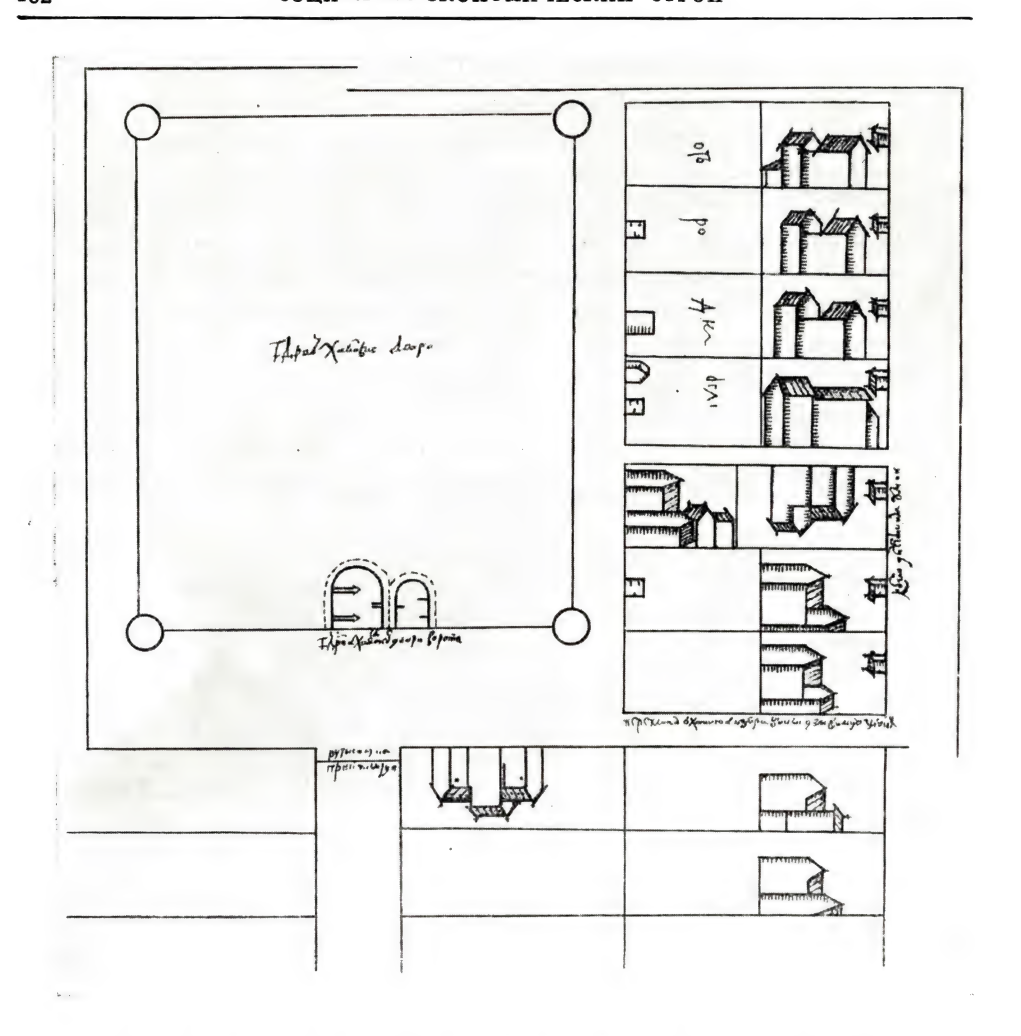
С прекращением работы этих предприятий в начале XVIII в. исчезает и этот тип работных людей на казенных предприятиях.

* * *

Появились мануфактуры и в текстильной промышленности. Организатором их выступил, как и в области металлургии, не купец-предприниматель, а государев «дворец», т. е. управление царским дворцовым хозяйством. Производство этих мануфактур рассчитано было не на продажу, а на потребление самого «государева двора». Лишь в редких случаях изделия поступали на московский рынок. Для удовлетворения потребностей царского дворца в бельевых тканях еще в XVI в. были организованы целые слободы, ремесленное население которых обязывалось сдавать определенное с каждого двора количество текстильных изделий на государев обиход. Наиболее крупной дворцовой слободой, поставлявшей бельевые ткани, была Кадашевская в Замоскворечье. Такими же крупными производственными центрами полотняных изделий являлись дворцовая Тверская Константиновская слобода в Хамовниках под Москвой и дворцовые села Брейтово и Черкасово в Ярославском уезде.

Сорта выделываемых полотен разделялись на три основных вида: 1) наиболее тонкие — так называемые «двойные», 2) более грубые — «тройные» и 3) самые грубые, носившие название «тверских». В селах Брейтово и Черкасово вырабатывались в основном наиболее тонкие сорта полотна, на Хамовном дворе в Кадашевской слободе — все три разновидности сортов и, наконец, в Тверской слободе (в Хамовниках) — лишь грубые «тверские» полотна.

Уже при распределении выделки изделий по домам наблюдается значительное разделение труда, главным образом по специализации производства отдельных сортов тканей. Но разделение труда идет глубже. Прядение отделяется от ткачества, из ткачих, или «ткалий», выделяются «бралии», вырабатывавшие на особых станках узорчатые скатертные ткани. Пряхи, или «пряльи», разделялись на «основиц» и «утошниц», «белениц» и т. д. Не довольствуясь прежней организацией труда, дворцовое управление в 1616 г. оборудовало в центре Кадашевской слободы особый Хамовный двор — помещение для прядения и ткачества, в котором работали

План Хамовного двора в Кадашевской слободе в Москве, XVII в.

Центральный государственный архив древних актов

уже постоянные работники за поденную денежную плату. Сравнительно скромное предприятие развивалось и потребовало расширения. К двору пристраивались все новые и новые «избы», а в середине XVII в. вместо прежних деревянных построек были выстроены обширные каменные «палаты» в два этажа. Отдельные сорта вырабатываемых тканей требовали дифференцированного оборудования. Существовало до десятка разновидностей ткацких станов. В 1630 г. в старом тесном помещении работало свыше 100 ткацких станов[1]. Несомненно, по тем временам это была крупная мануфактура. Однако дворцовая мануфактура не была связана с рынком. Внутренний рынок Русского государства в течение всего XVII в. в основном продолжал обслуживаться льняными изделиями мелкой промышлен-

[1] «Крепостная мануфактура в России», ч. 3, Л., 1932, стр. 56.

ности, производившей такое количество холста, что значительные партии его вывозились за границу.

Можно привести следующие цифры, характеризующие размеры производства на дворцовых полотняных мануфактурах. Сохранились сводные данные о количестве выработки по годам с 20-х по 90-е годы XVII в. Прежде всего бросается в глаза стабильность размеров производства из года в год за исключением выработки полотен высших сортов, так называемых «двойных», давшей в начале 70-х годов резкое увеличение, свыше чем на 50%, и затем снова сохранившей стабильность достигнутой цифры выработки.

Можно составить такую табличку выработки полотен в 1672/73 г.[1]

Кадашевская слобода	до 5 тыс. аршин
Тверская Константиновская слобода (в Хамовниках)	свыше 3 тыс. »
Дворцовые села Брейтово и Черкасово (в Ярославском уезде) . . .	3,5 » »

Итак, все дворцовые мануфактуры вместе выработали за 1672/73 г. 11 500 аршин полотна. Если принять во внимание, что, по сведениям иностранцев (Родес, Кильбургер), в некоторые годы середины XVII в. только из Архангельского порта вывозилось за границу до 300 тыс. аршин холста, то вся готовая продукция дворцовых мануфактур составляла ничтожный процент общего количества вырабатываемого в стране холста и полотна.

* * *

Была сделана попытка привлечь иностранных мастеров как в текстильную, так и в другие отрасли промышленности. Тонкие цветные сукна, а также шелковые материи разного качества и рисунков были импортными товарами, и спрос на эти дорогие ткани был в царском дворце и среди привилегированных слоев русского общества. Инициатива в организации производства этих изделий принадлежала царскому дворцу. Были сделаны попытки организовать мануфактуры в области производства сукна и шелковых тканей. Но успеха эти начинания не имели. Отсутствие сырья, производственных навыков у работных людей и узость рынка явились серьезным препятствием к широкому развитию производства в этих отраслях промышленности. Предприятия приносили явный убыток и скоро были закрыты.

В 30-х годах XVII в. иноземец Фимбрант построил завод для выделки лосиных кож новым техническим способом, получив от казны монополию на это производство на 10 лет. Фимбрант построил также для завода специальную плотину и выписал мастеров из-за границы. Но крупного производства Фимбрант не создал, и его завод скоро закрылся. В 60-х годах

[1] «Крепостная мануфактура в России», ч. 3, стр. 211—215.

Фигурный штоф зеленого стекла XVII в. Тип сосудов Духанинского стекольного завода.

Государственный Исторический музей

существовал некоторое время завод по выработке сафьяна. Низкое качество сафьянов и высокая себестоимость быстро вынудили закрыть предприятие.

Лучше пошло дело с постройкой стекольных заводов. В 30-х годах швед Е. Коет устроил стекольный завод под Москвой в селе Духанине. Стекло с завода Коета шло главным образом на удовлетворение потребностей царской аптеки и вообще царского двора. В 60-х годах были оборудованы еще два небольших стекольных завода в селе Измайлове под Москвой и в Московском уезде (в селе Воскресенском Черноголовской волости, близ г. Богородска), принадлежавших самому царю. Духанинский завод оказался вполне жизнеспособным, и его изделия шли не только для удовлетворения спроса царской аптеки, но и продавались на рынке[1].

Были попытки организовать при помощи иностранного капитала и производство канатов. Вслед за англичанами, получившими еще во второй половине XVI в. право устроить в Холмогорах и Вологде канатное производство, того же добились и голландцы. В 1623 г. голландец К. Демулин оборудовал в Холмогорах «на корабельный обиход канатное дело пудов с 1000 и больши». Однако канатное дело было уже достаточно развито в Русском государстве,и К.Демулин не выдержал конкуренции с русскими небольшими прядильнями, вполне обеспечивавшими русское судоходство варовыми снастями.

* * *

На мануфактурных предприятиях в XVII в. наряду с крепостным применялся и вольнонаемный труд.

В XVII в. слагается рынок рабочей силы, имеющий тенденцию к росту.

Уже для первой половины XVII в. можно отметить значительное количество посадских людей, не имевших никаких других источников существо-

[1] «История Москвы», т. I, М., 1952, стр. 415—420; *Н. А. Бакланова.* Стеклянные заводы в Московском государстве XVII в.—«Очерки по истории торговли и промышленности в России в XVII и в начале XVIII столетия», М., 1928, стр. 119—162. («Труды Гос. историч. музея», вып. 4).

вания, кроме продажи своей рабочей силы. Это особенно сказывается в посадах, расположенных на важнейших водных путях, а также в посадах, представлявших собой крупные промышленные центры. Например, в Нижнем-Новгороде на посаде в конце 30-х — начале 40-х годов XVII в. во время сыска посадских людей, выбывших из тягла, было обнаружено 90 бобылей, дворников и захребетников, не плативших тягла. 60 человек из них, т. е. 66,6%, в основном занималось продажей своей рабочей силы. Большинство из них летом работало на судах в ярыжных (бурлаках), зимой перебивалось на посаде черной работой. Некоторые работали «в наймех» у посадских хлебников, кузнецов и сапожников. По своему происхождению они либо посадские люди Нижнего-Новгорода и других городов, либо крестьяне Нижегородского и других уездов, пришедшие в поисках работы в Нижний-Новгород[1]. По данным переписной книги 1664 г., до 24% всего населения Нижнего-Новгорода кормилось на обслуживании волжского судоходства в качестве работников на судах, кормщиков, передовщиков и пр.[2]

Ту же картину можно наблюдать и на Сухоно-Двинском водном пути. В крупнейших перевалочных пунктах на этом пути — Устюге Великом и Тотьме — значительная часть трудового населения посада работала на обслуживании водного транспорта. По писцовой книге Устюга Великого 20-х годов XVII в., из 589 человек трудового населения посада 172, или 30%, занималось продажей своей рабочей силы: здесь носники (лоцманы), кормщики и судовые ярыжные, и просто чернорабочие, и лица без определенных занятий, которые «кормятся по людям», «бродят по миру», «бродят меж двор»[3].

То же самое наблюдалось и в Тотьме. По писцовым книгам 20-х годов XVII в., из 176 человек трудового населения посада 55, т. е. 31%, было занято на обслуживании водного транспорта[4].

Тягой судов занимались не только посадские люди, но и крестьяне волостей, прилегающих к судоходным рекам[5].

В крупных центрах солеваренной промышленности — Соли Вычегодской, Тотьме и Соли Камской значительная часть трудового населения посадов работала из найма на соляных варницах.

В 1627 г. сольвычегодский посадский мир ходатайствовал перед правительством о снижении повинностей после пожара, уничтожившего значительную часть города. В своей челобитной посадские люди указали, что бо́льшая часть населения посада — беднота, добывающая себе средства к жизни продажей своей рабочей силы, прежде всего на соляных

---

[1] *Н. П. Павлов-Сильванский.* Акты о посадских людях-закладчиках. СПб., 1909, стр. 182—212.

[2] *Н. А. Бакланова.* Торги и промыслы Нижнего-Новгорода в 60-х годах XVII в.— «Ученые записки Ин-та истории РАНИОН», т. V, М., 1928, стр. 307.

[3] ЦГАДА. Писцовые книги, № 506.

[4] Там же, № 480.

[5] *Н. В. Устюгов.* Работные люди на Сухоно-Двинском водном пути в первой половине XVII в.— «Исторические записки», № 6, стр. 180—181.

промыслах. «А работу, государь, робят работные всякие людишка, — писали челобитчики, — варнишьную и всякую в отписных сохах у лутчих людей у варниц»[1].

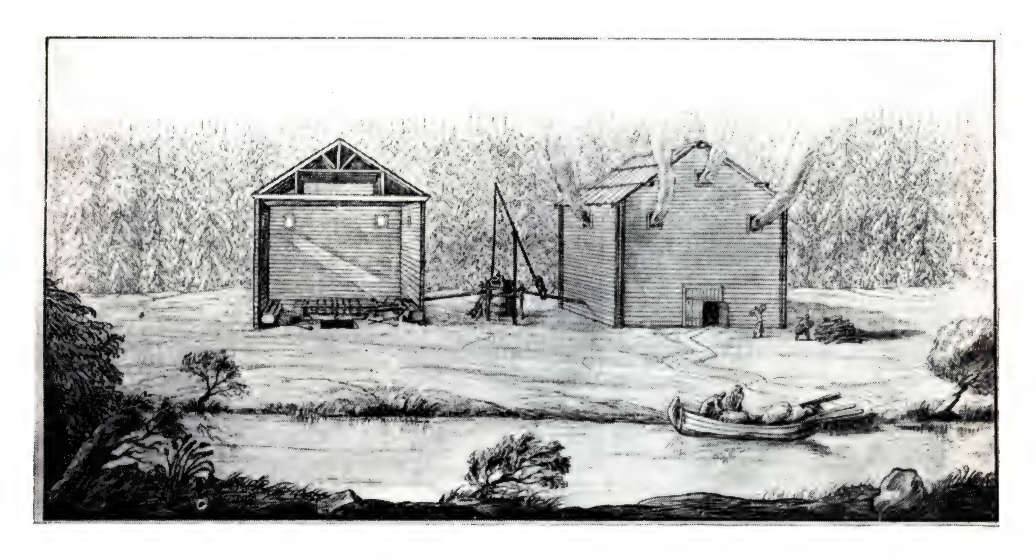
В Тотьме солеварение имело настолько важное значение в жизни посада, что остановка работы соляных промыслов, хотя бы и временная, расстраивала хозяйственную жизнь города, и посадские люди, не находя приложения своему труду, были вынуждены «брести розно»[2].

Гораздо больше данных об использовании наемного труда на соляных промыслах Соли Камской и ее уезда. Соль Камская — крупнейший солеваренный центр страны. В конце XVII в. здесь было свыше 200 варниц и ежегодно вываривалось до 7 млн. пудов соли. Значительная часть посадского населения Соли Камской находила себе работу именно на соляных варницах. В своей челобитной об облегчении повинностей после пожара 1688 г., истребившего большое число соляных варниц, соликамские посадские люди писали, что «у Соли Камской жить людям и кормитца, кроме варничьного промыслу, не у чего, и иных промыслов и никаких заводов и пашенных земель... нет»[3].

В XVII в. соликамские соляные промыслы неуклонно развивались, и местной рабочей силы явно нехватало. Вот почему на протяжении XVII в. наблюдается постоянный приток населения в Соль Камскую и ее уезд, преимущественно из других посадов и уездов Поморья. К 70-м годам XVII в. население посада значительно возросло именно за счет этих пришлых людей. По переписным книгам 1646—1647 гг., на посаде значилось 540 дворов с населением в 1402 человека мужского пола. В 1678—1679 гг. на посаде было уже 513 дворов и 318 изб с населением в 2257 человек мужского пола[4]. В избах, которые появились на посаде после переписных книг 1646—1647 гг., жили главным образом пришлые люди, прибывшие к Соли Камской для работы на варницах[5].

Еще более убедительный в этом отношении материал дает так называемая «крестоприводная книга» по Соли Камской за 1682 г. о приводе населения к присяге Петру I[6]. На основании этого источника обнаруживается, что на соликамских промыслах оказалось огромное количество «гулящих людей розных городов», пришедших на заработки на соляные варницы. Всего таких пришлых людей соликамские крестоприводные книги зарегистрировали 993 человека. Больше всего временных работников оказалось на Строгановских промыслах—в Новом Усолье, Орлегородке и Чусовских городках — всего 443 человека, т. е. около половины всех пришлых людей. На втором месте стоит посад — 177 человек;

[1] *С. Б. Веселовский*. Акты писцового дела, т. I, М., 1913, стр. 518—519.
[2] ЦГАДА. Приказные дела старых лет, 1640 г., д. 30, лл. 10—11.
[3] Там же, 1687 г., д. 225, л. 143.
[4] ЦГАДА. Писцовые книги, № 442, лл. 158 об.— 160 об.
[5] Там же, лл. 66—66 об., 82, 99 об., 111 об. и др.
[6] ЦГАДА. Городовые книги по Соли Камской, № 5.

Соляная варница на р. Мшаге. Рисунок из альбома Пальмквиста, 1674 г.

далее идет казенный Зырянский соляной промысел — 155 человек, затем Пыскорский монастырь — 79 человек, Усть-Боровский погост, где задерживались дровяные плоты, приплывавшие с верховьев Камы к соликамским промыслам,— 74 человека и, наконец, погосты Половодово и Верхне-Усольский, где заготовлялись дрова для соликамских варниц,— 65 человек.

Если этих 993 человек присоединить к работным людям, включенным в переписные книги 1678—1679 гг. и обложенным тяглом, которое с 1679 г. стало взиматься с дворового числа, то получается довольно значительная цифра, превышающая 2 тыс. человек, существовавших работой по найму на соляных варницах.

Бо́льшую часть этих работных людей давала черносошная и частновладельческая деревня. Для XVII в., особенно для его второй половины, можно отметить значительный отход на заработки крестьян, особенно в Поморье и нечерноземной полосе замосковного центра.

В 70-х годах XVII в. гость А. Ф. Веневитов расширял работу казенного Зырянского соляного промысла в Соликамском уезде. Испытывая недостаток в рабочей силе, он обращался к тяглому населению Поморья с призывом переселяться на постоянное жительство в Зырянские усолья. Крестьянин Соденской волости, одной из Устьянских волостей, Константин Андреев откликнулся на этот призыв и решил вместе со всей семьей переселиться в Зырянские усолья. По дороге он был задержан в Кайгородке. Давая показания кайгородскому воеводе, Константин Андреев охарактеризовал приемы привлечения рабочей силы, применяемые А. Ф. Веневитовым: «Призывает де он, Афанасей, в Зырянские усолья на житье и многих... тяглых крестьян и всяких чинов людей розных многих

Соляные варницы в Соли Камской, XVII в.

городов и к бобыльским ко вдовам и к девкам в домы принимает и на вдовах и на девках женит их. И против ево, Афанасьевы, отписки послыша всяких чинов люди ис поморских розных многих городов к нему, Афанасью, идут»[1]. Царское правительство не было заинтересовано в массовом уходе населения со своих тяглых участков. С другой стороны, бесперебойная работа промышленных предприятий, как казенных, так и частных, требовала постоянного притока рабочей силы. Вот почему обычно принималось компромиссное решение: переселение семьями запрещалось, холостым людям разрешалось устраиваться на промышленных предприятиях. В таком плане был разрешен и вопрос о пропуске тяглых людей на работу в Зырянские усолья [2].

Для второй половины XVII в. можно отметить и отход крепостных крестьян-оброчников на заработки по отпускным письмам своих помещиков. Приходо-расходные и сметные книги по казенным Арзамасским и Барминским будным станам (поташным заводам) за 1679/80 г. содержат данные о том, что среди неквалифицированной рабочей силы, работавшей на этих заводах, было немало крепостных крестьян-отходников[3]. Аналогичные явления можно отметить и для Сергачских будных станов, где в 1677 г. было нанято 106 таких крестьян-оброчников, принадлежавших разным помещикам Галицкого уезда[4].

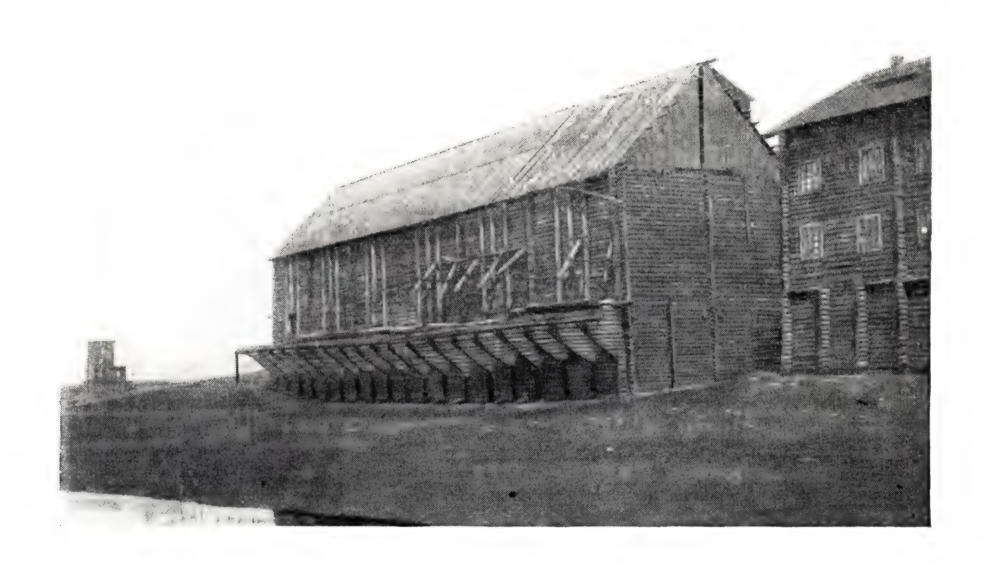
---

[1] ЦГАДА. Приказные дела старых лет, 1676 г., д. 121, л. 8.

[2] Там же, 1675 г., д. 168, л. 9.

[3] *В. И. Савва.* Арзамасские и Барминские будные станы.— «Чтения ОИДР», 1908, кн. 3, отд. I, стр. 1—70.

[4] *А. М. Панкратова.* Наймиты на Руси в XVII в.— Сб. «Академику Б. Д. Грекову ко дню 70-летия», М., 1952, стр. 213.

Соляной амбар в Соли Камской, XVII в.

Развитие судоходства по Волге, ловля рыбы, особенно на крупных учугах в низовьях реки, добыча соли в приволжских соляных озерах обслуживались в течение всего XVII столетия трудом наймитов, набиравшихся из состава пришлых людей. Общее число их не поддается учету, но, несомненно, оно было очень велико. В конце XVII в. в одной только Астрахани и близ нее в летнее время на рыбных и соляных промыслах, по подсчетам И. В. Степанова, было занято несколько десятков тысяч наймитов. Возможно, что здесь есть некоторое преувеличение; бесспорно во всяком случае, что в Поволжье скапливалась значительная масса гулящих людей и отходников, живших наемным трудом. Основную их часть составляли крестьяне Нижегородского, Арзамасского, Кокшайского, Свияжского, Юрьевец-Поволжского и других уездов, расположенных непосредственно у Волги. Наибольшее количество отходников давал Нижегородский уезд. Следующее по количеству место среди наймитов составляли посадские люди, главным образом поволжских городов (Нижнего-Новгорода, Балахны, Васильсурска, Чебоксар, Симбирска и др.). Кроме того, в составе наймитов были беглые крестьяне и холопы[1].

Рост денежного оброка, переход от отработочной и продуктовой ренты к денежной, заметный в замосковных уездах уже в XVII в., а также рост

---

[1] *И. В. Степанов.* Отход населения на заработки в Поволжье в XVII в.— «Ученые записки ЛГУ», Серия истории, вып. 14, 1949, стр. 146, 148; *его же.* Хозяйственная деятельность московского правительства в Нижнем Поволжье в XVII в.— «Ученые записки ЛГУ», 1939, Серия истории, вып. 5, стр. 132—143; *его же.* Организация соляных промыслов в низовьях реки Волги в XVII в.— «Ученые записки ЛГУ», 1941, Серия истории, вып. 8, стр. 143—162; *его же.* Гулящие — работные люди в Поволжье в XVII в.— «Исторические записки», № 36, стр. 142—143, 155—157 и др.

государственных налогов стимулировали отход крестьян на заработки. Основная масса помещичьих крестьян, уходящих на заработки, приходится именно на нечерноземные уезды, но не только уезды Замосковья. Отход на заработки был распространен и среди крестьян Поморья и Поволжья. Крестьяне обычно лишь временно отходили на заработки и затем возвращались к своему хозяйству[1]. Среди посадского же населения было немало людей, которые не имели ничего, кроме двора или избенки, и кормились работой по найму. Некоторые из них и совсем не имели дворов, жили в чужих дворах или в специальных «работничьих избах» при промыслах. Дальнейшее развитие посадской и крестьянской промышленности и возникновение мануфактуры положили начало новым формам найма, хотя и медленно, но все же подрывавшим его старые крепостнические основы[2].

Наиболее полные данные об использовании вольнонаемного труда, кроме предприятий добывающей промышленности, имеются по железоделательным заводам Марселиса. Эти данные типичны и для других мануфактур, пользовавшихся наемным трудом. Индустриальный «стаж» некоторых из вольнонаемных рабочих заводов Марселиса исчислялся несколькими десятилетиями; в отдельных случаях дети их родились, выросли и работают на тех же заводах, где до конца жизни работали их отцы. Кроме указанных категорий «вольных людей», мануфактура использовала наемный труд оброчных крестьян, отпускаемых на заработки вотчинниками и помещиками. Заработная плата таких «вольнонаемных» рабочих в значительной части шла на уплату оброка землевладельцам.

Приведенные выше далеко не полные сведения о мануфактурах XVII в. дают все же возможность сделать вывод, что, раз возникнув, мануфактурный способ производства имел тенденцию к дальнейшему развитию; особенно наглядно это усматривается в неуклонном возрастании числа мануфактур в области металлургии. Но несомненно, что и, помимо металлургических предприятий, общее число мануфактур в Русском государстве XVII в. по всем отраслям обрабатывающей промышленности в целом постепенно возрастало. По сводным спискам действующих мануфактур, к концу XVII в. можно насчитать уже до 30 таких мануфактурных предприятий[3]. Но, конечно, XVII век еще далеко не может быть назван веком мануфактурной промышленности.

Все описанные выше явления, несомненно, свидетельствуют о начавшемся процессе первоначального накопления, выражавшемся в отрыве непосредственных производителей города и деревни от средств производства и превращении их в продавцов рабочей силы. Впрочем, во многих случаях этот отрыв еще не был полным, в чем сказывалось влияние господствующего феодального способа производства.

---

[1] *А. М. Панкратова.* Указ. соч., стр. 212—215.

[2] Там же, стр. 214 и др.

[3] *Е. И. Заозерская.* Список мануфактур, возникших при Петре I.— «Исторические записки», № 19, стр. 260 и сл.

* * *

Если в XVII в. русские предприниматели сравнительно неохотно вкладывали свои средства в обрабатывающую промышленность, то в добывающей промышленности много крупных предприятий было организовано русскими промышленниками. Весьма многие крупные русские торговые люди (Г. Л. Никитников, Н. А. Светешников, В. Г. Шорин, Я. С. Патокин, О. И. Филатьев, Д. Г. Панкратьев, братья Шустовы и др.), накопив капиталы в сфере обмена, вкладывали их в солеваренную промышленность. Это другая сторона процесса первоначального накопления.

Крупные предприятия по добыче соли в XVII в. принадлежали некоторым монастырям, а также представителям высшего слоя купечества — гостям и торговым людям гостиной сотни, захватывавшим разными путями принадлежавшие мелким промышленникам соляные варницы или строившим новые варницы. Во многих районах солеварения подземные источники находились близко от поверхности и не требовали сложной техники для добычи соляного рассола. Таковы были районы Поморья, соляные промыслы в Старой Русе, где, по словам местных жителей, соль добывалась «из верхней воды», таковы, наконец, были астраханские месторождения самосадочной соли, где огромные ее количества лежали пластами на дне соляных озер, иногда высыхавших. В Поморье наибольшее промышленное значение имели промыслы Соловецкого монастыря, который, помимо добычи соли, разрабатывал в Керецкой волости слюду и оборудовал близ Сумского острога крупный железоделательный завод. На северо-востоке, в бассейнах Сухоны, Вычегды и Камы, богатые соляные рассолы добывались со значительной глубины, и местные соляные промыслы требовали крупных предварительных затрат и сложного оборудования, так называемых рассолоподъемных труб. Крупнейшими предпринимателями здесь, начиная с XVI в., являлись именитые люди Строгановы. Строгановы сумели к XVIII в. сосредоточить в своих руках значительную часть всей солепромышленности по Вычегде и Каме. Рядом со Строгановыми стояли только виднейшие гости Русского государства — Никитников, Шустовы, Филатьев, Панкратьев и некоторые другие. Крупные соляные промыслы на Волге в Самарской луке принадлежали гостю Надее Светешникову (Надеино Усолье); впоследствии они перешли к Саввино-Сторожевскому монастырю. Одна рассолоподъемная труба обслуживала пять-семь соляных варниц, т. е. специально оборудованных помещений, в которых на больших сковородах (цренах) вываривался поступавший из трубы рассол. На каждой варнице варкой соли заведовал специальный мастер (повар) с помощью подварка. Четверо рабочих водоливов выкачивали рассол из трубы и доставляли его к варницам. Несколько рабочих подвозили дрова к варницам и подносили их к топкам. Специальные солоносы перетаскивали готовую соль, а соляные набойщики набивали ее в рогожные кули. На крупных промыслах обязательно устраивалась кузница со

специалистом кузнецом-цыренщиком для постоянного и текущего ремонта и починки соляных цренов.

В среднем каждую варницу обслуживало до 20 рабочих. На соляных промыслах гостя Панкратьева, пользовавшегося главным образом наемным трудом, 55 руб. в год получали трубный мастер и цыренщик-кузнец, по 40 руб.— повара, по 25 руб.— подварки, водоливы и дрововозы; меньше остальных, по 15,5 руб. в год, получали солоносы[1].

Более низкие и чаще встречающиеся расценки оплаты труда работных людей были на соляных промыслах гостя Надеи Светешникова в Самарской луке в Поволжье. Там трубник и два цыренщика-кузнеца получали по 30 руб. в год[2].

Еще ниже расценки труда и, следовательно, условия жизни работных людей были на Соликамских соляных промыслах, где варничные повара зарабатывали не свыше 15 руб. в год, а большинство работных людей, обслуживавших варницы, получало от 10 до 3 руб. в год.

Выварка соли поглощала огромное количество дров. Примерно каждые 10 пудов соли требовали сажени древесного топлива[3]. Во многих районах Поморья соляные промыслы в XVII в. были заброшены вследствие истребления окрестных лесов. Общая добыча соли в Русском государстве XVII в. исчислялась миллионами пудов в год. Достаточно указать, что, например, только один гость Панкратьев вывозил из своего Вымского соляного промысла на продажу в Вологду от 200 до 300 тыс. пудов соли ежегодно[4].

Поташ, в значительных количествах экспортировавшийся за границу, добывали главным образом в лесной полосе Курского, Тамбовского, Нижегородского, Пензенского и других уездов (для производства поташа требовалось последовательное пережигание дров разных древесных пород, в том числе дуба). Обслуживаемая в основном неквалифицированным трудом и требовавшая огромного количества пережигаемого дерева, добыча поташа с успехом могла производиться только в крупных вотчинах, располагавших лесами и даровым трудом крепостных крестьян. Из 213 тыс. пудов поташа, скупленного казной в 1662 г. для экспорта через Архангельск за границу (торговля поташом была в тот год монополией казны), 145 тыс. пудов (68%) было поставлено крупными вотчинниками, представителями видных боярских, княжеских и дворянских фамилий. Виднейшим поставщиком в середине XVII в. являлся боярин Б. И. Морозов, вырабатывавший в своих нижегородских и арзамасских вотчинах до 100 тыс. пудов поташа в год[5]. Приносившее Морозову колоссальные

[1] *В. Г. Гейман.* Соляной промысел гостя И. Д. Панкратьева в Яренском уезде в XVII в.— «Летопись занятий Археогр. комиссии», вып. 35, Л., 1929, стр. 31.

[2] *С. В. Бахрушин.* Промышленные предприятия русских торговых людей в XVII в. — «Исторические записки», № 8, стр. 109; см. также: Научные труды, т. II, М., 1954, стр. 236.

[3] *В. Г. Гейман.* Указ. соч., стр. 21.

[4] Там же, стр. 17.

[5] «Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в.», ч. I, Л., 1933, стр. 294—295.

прибыли производство поташа на экспорт сопровождалось неимоверной эксплуатацией подвластных ему крестьян и бобылей, часто доводившей их до массового разорения и бегства.

Сравнительно крупных размеров достигла в XVII в. также и добыча селитры, необходимой для изготовления пороха. Эта отрасль добывающей промышленности, тесно связанная с военными нуждами государства, привлекала к себе особое внимание правительства. Земли, содержавшие селитру, находились в центральных и южных уездах Русского государства. Правительство вменяло в обязанность местным воеводам отыскивать селитренные месторождения и налаживать производство селитры на местах. На многочисленных казенных селитренных заводах в качестве чернорабочих работали вольнонаемные ярыжки, но широко применялся казной также и подневольный труд арестантов, работавших в кандалах, специально для этого приспособленных. Техника производства была весьма примитивной. Работы по выварке селитры производились лишь в течение лета, но зато в это сезонное время работали круглые сутки, днем и ночью. Наряду с принудительным трудом колодников казна на своих селитренных заводах пользовалась трудом мобилизуемых для этой цели солдат[1].

Таким образом, в условиях сравнительной узости рынка рабочей силы мануфактура в феодально-крепостническом государстве, наряду с использованием вольнонаемных работников, должна была пользоваться господствующими приемами эксплуатации труда, т. е. закрепощением работников.

4

ТОРГОВЛЯ

В сфере торговли XVI век представляет собой этап, непосредственно предшествующий складыванию всероссийского рынка. Рост городов, развитие ремесла и начало перехода отдельных его отраслей в мелкое товарное производство, сложение некоторых специализированных районов производства отразились в образовании устойчивых областных рынков. «Однако о национальных связях в собственном смысле слова едва ли можно было говорить в то время: государство распадалось на отдельные «земли», частью даже княжества, сохранявшие живые следы прежней автономии, особенности в управлении, иногда свои особые войска (местные бояре ходили на войну со своими полками), особые таможенные границы и т. д.»[2]. Таким образом, характерной чертой торговли в Русском государстве в XVI в. следует считать образование областных рынков.

[1] *С. К. Богоявленский.* О Пушкарском приказе. — «Сборник статей в честь М. К. Любавского», Пг., 1917, стр. 376—377.

[2] *В. И. Ленин.* Соч., т. 1, стр. 137.

Развитие сети мелких и больших рыночных центров, объединявших свои округи, дальнейшее укрепление областных рынков с преобладанием на них специальных товаров и одновременным общим расширением ассортимента товаров продолжались неуклонно и в XVII в. Достаточно назвать новгородские рядки, Заонежские погосты, Красноборские ярмарки, Туглим, Вагу и т. д. Но для этого столетия характерно начало нового этапа в развитии торговых связей до национального масштаба, концентрирование небольших местных рынков в один всероссийский рынок [1]. Основанием этого нового этапа были общий подъем производительных сил в сельском хозяйстве и промышленности и углубление общественного разделения труда.

* * *

Специализация рынков во многих случаях наметилась уже в XVI в. Но в XVII в. эти рынки расширились, окрепли и видоизменились; возникли также новые.

Вологда приобрела значение хлебного рынка еще в XVI в. В XVII в. к ней стягивался хлеб не только из Вологодского уезда, но и из уездов, расположенных к югу от Вологды, в частности галичских и костромских пригородов. Вологда находилась в начале Сухоно-Двинского водного пути, и сюда направлялись основные массы товарного хлеба из внутренних районов страны. Затем этот хлеб через вологодский рынок переправлялся в бесхлебные местности Северного Поморья и на вывоз за границу через Архангельский порт. Поэтому правительство постоянно следило за вологодским рынком. Оно требовало от местных воевод сведений о привозе хлеба и движении цен на вологодском рынке. Таможенных книг по Вологде не сохранилось, поэтому трудно определить ежегодное количество хлеба, проходившее через вологодский рынок. Некоторое представление о размахе хлебных операций на вологодском рынке дают ежегодные правительственные закупки хлеба для стрельцов Кольского острога и Архангельска. В 1645 г. в Вологде было куплено для отправки на Север 5 тыс. четв. ржи, в 1646 и 1647 гг.— по 5750 четв., в 1652 г.— 4935 четв. [2] Соловецкий монастырь ежегодно в еще бóльших количествах закупал хлеб в Вологде. Наиболее крупные покупки приходятся на годы: 1601 (11 402 четв.), 1606 (10 424 четв.), 1632 (12 139 четв.), 1643 (12 732 четв.), 1646 (10 584 четв.), 1650 (12 972 четв.) и 1654 (13 406 четв.). Во второй половине XVII в. размеры этих закупок не поднимаются выше 8322 четв. (1673 г.) [3]. Преимущественно в Вологде в 1628—1633 гг. шведское правительство закупило более 330 тыс. четв. хлеба [4].

---

[1] См. *В. И. Ленин*, Соч., т. 1, стр. 137.

[2] ЦГАДА. Приказные дела старых лет, 1652 г., д. 107, ч. 1, лл. 42, 62—67.

[3] *А. А. Савич.* Соловецкая вотчина XV—XVII вв. Пермь, 1927, стр. 155—157.

[4] *Б. Ф. Поршнев.* Русские субсидии Швеции во время Тридцатилетней войны.— «Известия АН СССР, Серия истории и философии», 1945, № 5, стр. 336—337.

Во второй половине века Вологда должна была уступить первое место Вятке, несмотря на то, что Вятка не имела прямого водного пути в Северное Поморье. Хлеб нужно было или везти гужом к Ношульской пристани на Лузе, или использовать Летский волок: от правого притока р. Вятки— речки Летки — до верховьев Лузы, которая выводила его уже на Сухоно-Двинский водный путь. Зато Вятская земля имела прямую водную связь с центром страны по Вятке, Каме, Волге, Оке и Москве-реке и с малоплодородной Пермской землей (Чердынским и Соликамским уездами), постоянно нуждавшейся в привозном хлебе. Вятский край, с его более плодородными и менее выпаханными почвами, сделался центральным хлебным рынком Севера[1].

Третьим крупным хлебным рынком Севера был Устюг Великий. Точные цифры товарного хлеба, обращавшегося в Устюге, не собраны, да едва ли их и удастся собрать из-за недостатка источников. Тем не менее данные за отдельные годы очень показательны. За 1633/34 г. из волостей по р. Югу было вывезено не менее 6500 четвертей ржи[2]. Кроме того, в этом же году разные торговые люди явили в Устюге Великом 2700 руб. денег для казенных закупок ржи[3], на что по устюжским ценам 1633/34 г. можно было купить 6750 четвертей ржи. Известны крупные закупки хлеба на устюжском рынке и во второй половине XVII в.[4] Кроме Северного Поморья, значительная часть хлеба с вятского и устюжского рынков направлялась в Сибирь, особенно в течение первых трех четвертей XVII в.

В последние десятилетия XVII в. Кунгурский уезд приобрел значение рынка, снабжавшего хлебом районы солеваренных промыслов (Соликамск, Новое Усолье, Чусовской городок и др.); в 90-х годах из Кунгурского уезда вывозили более 15 тыс. четвертей хлеба. В дальнейшем вывоз хлеба из уезда еще более возрос[5].

Во второй половине XVII в. создался крупный хлебный рынок и в южных уездах Русского государства. Наиболее значительными хлебными рынками из городов этого края являлись Орел, Воронеж и Острогожск. Расположенный в верховьях Оки, Орел имел прямой водный путь в Москву, и орловский хлеб направлялся главным образом в столицу. Такое же значение имели и другие «приоцкие» города. Воронеж и

---

[1] *Н. В. Устюгов*. Рецензия на книгу В. И. Шункова «Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII вв.», М.—Л., 1946. — «Вопросы истории», 1947, № 6, стр. 133, 134.

[2] «Таможенные книги Московского государства XVII в.», т. I, М.—Л., 1950, стр. 62—104, 126—130.

[3] Там же, стр. 143.

[4] *Ю. А. Тихонов*. Рынок Устюга Великого в 50—70-х гг. XVII века в процессе складывания всероссийского рынка. (Автореферат канд. диссертации). М., 1954, стр. 10—14.

[5] *А. А. Преображенский*. Крестьянская колонизация Кунгурского края в XVII — начале XVIII в. (Автореферат канд. диссертации). М., 1953.

Острогожск, а также Коротояк, Елец и Белгород, расположенные на Дону и его притоках, имели торговую связь с Войском Донским, не занимавшимся земледелием, и отправляли низовым казакам значительные партии разного хлеба, преимущественно ржаной муки, и вина[1].

Крупным хлебным рынком центральной полосы был Нижний-Новгород, куда поступал хлеб из вновь осваиваемого Поволжья. В последней четверти XVII в. образовался хлебный рынок и в Сибири. Сибирское население стало довольствоваться хлебом местного производства[2].

Можно указать несколько основных соляных рынков. Для Севера, для района, обслуживаемого Сухоно-Двинским водным путем, самым большим соляным рынком была Вологда. Здесь происходил обмен продуктами земледельческого центра и промыслового Севера страны. Крупнейшие солевары Северного Поморья, в первую очередь Соловецкий монастырь, везли свою соль («морянку») на продажу в Вологду и здесь на вырученные деньги приобретали необходимые им товары, главным образом хлеб[3]. На Вологду поступала соль с тотемских солеварен и из Яренского уезда[4].

Особенно в конце XVII в. увеличилось значение соляного рынка Соли Камской, где продавалась соль местной выварки. Об этом очень убедительно свидетельствуют данные таможенных сборов по Соли Камской. В 20-х годах XVII в. они еще не велики: средняя сумма годового сбора — около 900 руб.[5] Иная картина наблюдается в конце 70-х — начале 80-х годов. В это время средняя цифра ежегодных таможенных сборов в самой Соли Камской составляет около 3500 руб.[6] Если прибавить сборы таможен, устроенных при соляных промыслах: в Зырянских усольях, при устье Зырянки, в Орле-городке и Новом Усолье, в Пыскорском монастыре и Чусовских городках, то сумма значительно увеличится. Например, для 1682/83 г. она составит вместе со сборами посадской таможни свыше 7470 руб.[7]

Соликамская соль продавалась не только на месте. Ежегодно большие караваны соляных судов спускались вниз по Каме и затем следовали по Волге в Нижний-Новгород. Соль отправляли и соликамские посадские люди, и Строгановы, и Пыскорский монастырь, и казна. Нижний-Новгород являлся перевалочно-распределительным пунктом, откуда соликамская соль шла по Волге и Оке в верхневолжские и приокские города.

---

[1] *А. А. Новосельский.* Из истории донской торговли в XVII в.— «Исторические записки», № 26, стр. 204—210.

[2] *В. И. Шунков.* Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII в., стр. 137—173; см. также главу XI, § 8 настоящего издания.

[3] *А. А. Савич.* Указ. соч., стр. 133—139.

[4] *В. Г. Гейман.* Указ. соч., стр. 17—19.

[5] ЦГАДА. Городовые книги по Новгороду Великому, № 14, л. 298; № 15, л. 451; № 16, ч. 2, лл. 899 об.— 900; № 18, л. 989—989 об.

[6] ЦГАДА. Городовые книги по Соли Камской, № 2, лл. 6 об.— 7 об.; № 3/1, лл. 6, 40; № 6, лл. 5 об.— 6 об.

[7] Там же, № 6, лл. 6—8, 11—14.

Железные гири, XVII в.
Государственный Исторический музей

Значительная часть казенной соли по Оке и Москве-реке доставлялась в столицу[1].

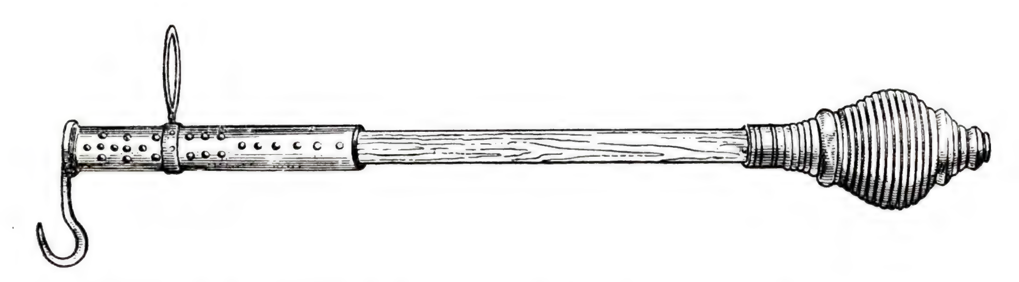
В XVII в. возрастала добыча самосадочной соли в озерах низовья Волги: в начале столетия упоминается шесть озер, во второй половине—14. Большую роль в добыче соли здесь играли крупные рыбопромышленники[2]. Эта соль также большими партиями поступала в Нижний-Новгород.

Было очень велико значение пушных рынков. Важнейшим из них была Соль Вычегодская, расположенная на Сибирской дороге. Русские торговые люди, вывозившие из Сибири большое количество мехов, в первую очередь соболя, встречались у Соли Вычегодской с торговыми людьми Москвы и других городов, специально приезжавшими сюда для покупки сибирских мехов. Первое место в этом торге принадлежало московским торговым людям. Их покупки за пятидесятилетие — с конца 20-х до конца 70-х годов XVII в.— составляли в среднем 74% общего оборота Сольвычегодской ярмарки. Иногда они поднимались до 100% и почти никогда не спускались ниже 50%. Ежегодный оборот сольвычегодской пушной торговли в это время составлял в среднем 12 565 руб., в отдельные годы он поднимался до 32 118 руб. (1647/48 г.). Из торговых людей других городов оптовые покупки производили на Сольвычегодской ярмарке ярославцы, вологжане, устюжане и жители северских городов — Брянска, Путивля и Рыльска.

---

[1] ЦГАДА. Приказные дела старых лет, 1672 г., д. 178, л. 74; 1679 г., д. 290, л. 48 и др.

[2] *И. В. Степанов.* Организация соляных промыслов в низовьях реки Волги в XVII в.— «Ученые записки ЛГУ», Серия истории, вып. 8, 1941, стр. 145—146, 153 и др.

Медный безмен, найденный на берегу залива Симса в 1940 г., начало XVII в.
Музей Арктики в Ленинграде

Приезжие торговые люди обычно скупали большие партии соболя у промышленников, вывозивших меха из Сибири. При этом основная масса соболя закупалась у мелких промышленников, так как крупные предпочитали везти их в Москву, где совершались важнейшие сделки купли-продажи мехов, в Архангельск, на Свенскую ярмарку под Брянском и в Астрахань, основные пункты сбыта мехов за границу[1].

Существовала самая тесная связь между Сольвычегодской ярмаркой, начинавшейся в октябре, и Свенской, происходившей в августе. Торговые люди, продав свои меха на Свенской ярмарке, торопились поспеть к октябрю в Соль Вычегодскую, чтобы принять участие в соболином торге. Задержка или неявка этих торговых людей чувствительно отражалась на оборотах Сольвычегодской ярмарки. Так, в 1640 г. сольвычегодский таможенный голова Матвей Меркурьев, жалуясь на недобор таможенной пошлины, видел главную причину этого недобора в отсутствии приезжих торговых людей[2].

Соболиный торг у Соли Вычегодской сохранял свое значение до 70-х годов XVII в. С этого времени пушная торговля у Соли Вычегодской начала падать. Во второй половине XVII в. основной торговый путь в Сибирь сдвинулся к югу: вместо Печоры торговые люди ездили на Верхотурье и Кунгур — по более короткому и удобному пути. Сибирская пушнина стала направляться в европейскую часть страны реками не двинского, а волжского бассейна. Крупнейшими пушными рынками сделались Нижний-Новгород и Макарьевская ярмарка. Вырос пушной рынок и на границе с Сибирью — в Ирбите (Ирбитская ярмарка).

Сказалось на положении пушного рынка уменьшение спроса на меха в Западной Европе, что привело к некоторому падению вывоза туда русской пушнины. С другой стороны, развитие торговых связей со странами Востока, куда направлялись русские меха, изменило пути сбыта пушнины. В Персию и Среднюю Азию меха поступали главным образом через

---

[1] *Й. С. Макаров.* Пушной рынок Соли Вычегодской в XVII в.— «Исторические записки», № 14, стр. 148—169.

[2] Там же, стр. 150.

Макарьевскую ярмарку и отчасти через Ирбитскую, в Китай — через Ирбит, Иркутск и Нерчинск[1].

Крупными центрами сбыта льна и пеньки были Новгород, Псков, Тихвин, а с конца 60-х годов XVII в. Смоленск. К этим пунктам стягивались значительные партии льна и пеньки как из непосредственной округи, так и из различных мест Северо-Западного района. В Новгород лен и пенька поступали главным образом из Новгородского, Ржевского, Зубцовского и других уездов[2]. В Псков, помимо Псковского уезда и псковских пригородов, пеньку и лен везли из тех же Ржевского и Зубцовского уездов, а также из Старой Русы, Твери, Вязьмы, Старицы, Смоленска[3]. В Тихвин — из Новгородского, Старорусского, Городецкого уездов и Устюжны Железопольской[4]. Смоленский рынок стягивал лен и пеньку, особенно последнюю, из Смоленского уезда и уездов близлежащих городов— Дорогобужа, Духовщины, Поречья, а также из соседних уездов, расположенных между Брянском и Калугой[5]. Лен и пенька составляли не менее половины торгового оборота новгородского, псковского и смоленского рынков. Большие партии этих товаров вывозились отсюда за границу.

Еще больше пеньки, льна и русского холста отправлялось через Архангельский порт. Например, по сведениям росписи, составленной в Московской Большой таможне в мае 1667 г., за время с 1 ноября 1666 г. по 14 мая 1667 г. было отправлено из Москвы к Вологде и Архангельску иностранцами 28 678 пудов 20 фунтов пеньки, русскими людьми — 339 возов[6]. Если положить на каждый воз в среднем по 20 пудов, то общее количество пеньки, отправленной за полгода в Архангельск, превысит 35 тыс. пудов.

Вывозилась не только пенька, но и холст. Швед Иоганн Кильбургер отметил высокое качество русского холста и крашенины и указал, что ежегодно через Архангельск вывозится до 300 тыс. аршин[7].

---

[1] *И. С. Макаров.* Указ. соч., стр. 168—169; *С. В. Бахрушин.* Торги гостя Никитина в Сибири и Китае. — «Труды Ин-та истории РАНИОН». Сб. статей, вып. 1, М., 1926, стр. 374—375; см. также: Научные труды, т. III, ч. 1, М., 1955, стр. 238—239.

[2] *С. В. Бахрушин.* Торги новгородцев Кошкиных.— «Ученые записки МГУ», вып. 41, 1940, стр. 45—46; см. также: Научные труды, т. II, М., 1954, стр. 185, 186.

[3] *Е. В. Чистякова.* Псковский торг в середине XVII в.— «Исторические записки», № 34, стр. 206—209.

[4] *К. Н. Сербина.* Очерки из социально-экономической истории русского города. Тихвинский посад в XVI—XVIII вв., стр. 213—227.

[5] *К. Г. Митяев.* Обороты и торговые связи Смоленского рынка в 70-х годах XVII в.— «Исторические записки», № 13, стр. 72—73, 78.

[6] ЦГАДА. Приказные дела старых лет, 1667, д. 64, лл. 218—223.

[7] *И. Кильбургер.* Краткое известие о русской торговле. Киев, 1915, стр. 101. Переводчик книги Кильбургера Б. Г. Курц считает цифру 30 тыс., указанную им, ошибочной; по его мнению, здесь должно стоять 300 тыс. аршин, так как в характеристике русской торговли Кильбургер следует шведскому резиденту середины XVII в. Родесу, а Родес называет цифру 325 980 аршин (там же, стр. 217).

Еще больше холста обращалось на внутреннем рынке. О скупке холста у крестьян посадскими скупщиками уже упоминалось. Крупные партии холста и варовых снастей продавались и на Макарьевской ярмарке и на местных рынках. Один из крупнейших соликамских солеваров — Пыскорский монастырь—варовые снасти обычно приобретал на Макарьевской ярмарке, холст, необходимый ему для одежды служебников и работных людей и для соляных мешков, покупал на соликамском рынке. Так, в 1698 г. монастырь купил на Макарьевской ярмарке «снастей варовых 15 косяков, весом 361 пуд»[1]. В 1696/97 г. было куплено у соликамских посадских людей «холста на соляные мешки к варницам 1610 аршин»[2], в том же году было роздано на одежду служебникам купленного холста 4266 аршин[3].

Важнейшими рынками животного сырья (кож, сала, мяса) были городские центры, близкие к животноводческим районам, например Казань, Вологда, Ярославль, во второй половине XVII в.— Кунгур. Крупнейшим рынком кожевенных изделий и льняных тканей был Ярославль. Широко развитое кожевенное производство этого города, а также полотна и холсты, вырабатывавшиеся в Ярославском уезде, превращали Ярославль в важный центр сбыта кожевенных и текстильных изделий[4].

Специальные рынки железных изделий были налицо уже в XVI в. Самым значительным центром железоделательного производства была Тула. Тула являлась и рынком сбыта железных изделий. Такой же рынок представляла собой и Устюжна Железопольская[5]. Наконец, третьим крупным рынком железных изделий, особенно выросшим в конце XVII в., был Тихвин[6].

Разумеется, говоря о специализированных рынках, следует иметь в виду лишь преобладание определенных групп товаров на том или ином рынке в зависимости от характера производства в данной местности. Напротив, характерной чертой нового этапа в развитии торговли является неуклонное расширение ассортимента товаров, обращавшихся на областных рынках. Объясняется это, с одной стороны, все бóльшим разнообразием изделий, изготовлявшихся местными ремесленниками города и области, с другой — укреплением связей областных рынков друг с другом.

Хорошо изученный рынок Великого Устюга представляет собой сочетание самостоятельной, основанной на местном производстве и транзитной торговли. В таможенных книгах первой половины XVII в. упоминается

---

[1] ЦГАДА. Грамоты Коллегии экономии по Соли Камской, № 11440/308, л. 283 об.

[2] Там же, л. 485 об.

[3] Там же, л. 455.

[4] *К. В. Базилевич.* Торговля Великого Устюга в середине XVII в.— «Ученые записки Ин-та истории РАНИОН», т. IV, М., 1929, стр. 92.

[5] *Н. В. Устюгов.* Ремесло и мелкое товарное производство в Русском государстве XVII в.— «Исторические записки», № 34, стр. 175—177.

[6] *К. Н. Сербина.* Указ. соч., стр. 194—257.

Гербы городов Ростова, Ярославля и Белоозера. Рисунок из «Титулярника», 1672 г.

Центральный государственный архив древних актов

несколько десятков городов и других значительных торговых пунктов, с которыми был связан Устюг. Наиболее прочны связи Великого Устюга с обширной территорией Поморья; за его пределами — с Вологдой, Ярославлем, Костромой, Галичем, Ветлужско-Унженским краем. Из понизовских городов Казань играла главным образом роль связующего звена со странами Востока, а Архангельск — со странами Западной Европы. Великий Устюг в широком масштабе снабжал Сибирь разнообразным ассортиментом товаров собственного производства и привозных. Москвичи — постоянные посетители рынка Великого Устюга. Великий Устюг уже в первой половине века — яркий пример преодоления областной ограниченности торговых связей и превращения их во всероссийские[1].

Исследование тихвинского рынка в XVII в. показывает, что торговые люди Москвы и других районов все увеличивали количество ввозимых ими товаров и что тихвинские ремесленники начинали снабжать своими изделиями другие рынки. Тихвин в XVII в. сделался центром соседивших с ним деревень и волостей радиусом в 200—400 верст; он также имел постоянные связи по крайней мере с 25 городами, расположенными преимущественно в северо-западной части и в центре государства. Вовлечение большой территории в орбиту тихвинской торговли говорит о торговых связях всероссийского масштаба. Кроме того, тихвинцы имели регулярную связь с Швецией. Таким образом, усиление внутреннего обмена дополнялось внешней торговлей. В «московских городах» закупались товары на «немецкую руку», а в Швеции покупались металлы, находившие себе сбыт в Москве и Ярославле. Широта торговых связей и разнообразие товаров, обращавшихся на тихвинском рынке, с особенной очевидностью обнаруживались на ежегодной ярмарке, происходившей в феврале-марте. На эту ярмарку съезжались торговые люди «московских городов» (Москвы, Ярославля, Ростова и др.), Пскова и Новгорода Великого, иностранные купцы, а также многочисленные группы «уездных и волостных торговых людей» Олонецкого, Белозерского, Новгородского, Угличского, Устюженского, Старорусского и других уездов. Тихвинский рынок обслуживал местные более мелкие рынки Ладоги, Александровской пустыни и Сясьского рядка, служа посредствующим звеном между последними и «московскими городами»[2].

Аналогичную картину дает изучение рынка Смоленска в 70-х годах XVII в. Смоленск был теснейшим образом связан с окрестными деревнями и областью (Рославль, Дорогобуж, Белая и др.), а также с крупными торговыми центрами, находившимися далеко за пределами области (Псков, Новгород, Вологда, Великий Устюг, Ярославль, Москва, Брянск и др.). В Смоленск попадали товары с пути Москва — Архангельск, а смоленские товары проникали в города, лежащие на Сухоно-Двинском пути.

---

[1] *А. Ц. Мерзон.* Рынок Великого Устюга во второй четверти XVII в. (Рукопись канд. диссертации). М., 1948, стр. 247—370.

[2] *К. Н. Сербина.* Указ. соч., стр. 194, 197, 209—210, 253—254, 429—430 и др.

Нижний-Новгород. Гравюра XVII в.

Значительная часть товаров зарубежного происхождения шла через Смоленск в Москву при посредстве торговых людей Смоленска и Вязьмы и иноземных купцов. Через эти же руки проходили московские товары, главным образом меха. Таким образом, рынок Смоленска, как и тихвинский, был тесно связан с широкой территорией Русского государства[1].

Псков в XVII в. сохранял положение одного из основных торговых центров на западной окраине Русского государства, поддерживая связь с портами Балтийского моря. Но, кроме того, он был связан с окружавшей его внутренней областью. Псков также втягивался в систему всероссийского рынка, будучи связан с городами Замосковья, Поволжья (на восток примерно на 800—1000 верст) и приокскими городами. В течение ярмарки в Пскове (в январе) особенно энергично происходил широкий обмен товарами[2].

Примером развития всероссийского рынка может служить втягивание в XVII в. в эти связи области Дона. Донские казаки говорили, что к ним приезжали для торгового промысла жители всех городов, «из-под которых реки впали в Дон», т.е. городов и уездов бассейна Дона. В действительности

---

[1] *К. Г. Митяев.* Указ. соч., стр. 67, 79 и др.

[2] *Е. В. Чистякова.* Указ. соч., стр. 203—204, 211, 215.

с Доном торговали жители городов и уездов, находившихся далеко за указанными пределами (Путивль, Рыльск, Калуга, Тула, Белев и др.). Представители торгового мира Москвы ездили на Дон. Шла торговля продуктами сельского хозяйства и промышленными изделиями. Автономная, отделенная таможенными заставами Область Войска Донского экономически срасталась с внутренними областями Русского государства [1].

Ярмарки, открывавшиеся в различных местах и в разное время года, играли важнейшую роль в торговле. Некоторые из них приобретали уже в XVII в. всероссийское значение. Одной из таких ярмарок была Макарьевская, начинавшаяся в июле у монастыря Макария Желтоводского, близ Нижнего-Новгорода. Она притягивала торговых людей со всей страны. Здесь совершались оптовые сделки на «русские» и «сибирские» товары. Иностранные купцы, большей частью восточные, постоянно привозили на Макарьевскую ярмарку большие партии своих товаров, преимущественно ткани — шелковые и хлопчатобумажные.

Во второй половине XVII в. крупное значение приобрела Ирбитская ярмарка, где сибирская пушнина обменивалась на русские и иностранные товары.

В юго-западной части страны крупнейшей из ярмарок была Свенская, открывавшаяся ежегодно в августе близ Успенского Свенского монастыря около Брянска. Сюда привозились русские товары и сибирская пушнина и обменивались как на местные товары — лен и пеньку, так и на заграничные — украинские и польские.

Столичный рынок, рынок Москвы, занимал в этом отношении особое место. Он не был специализированным рынком. На нем, по свидетельству Павла Алеппского, «покупают и продают все, потребное человеку» [2].

В Москве было свыше 120 торговых рядов, где торговали всевозможными товарами. В рядах велась главным образом розничная торговля. Большинство лавок принадлежало тяглецам московских черных сотен и слобод, т. е. посадскому населению столицы. Частью лавок владели члены привилегированных торговых корпораций — гости и тяглецы гостиной и суконной сотен. Обычно крупные торговые люди имели по нескольку лавок и в разных рядах, так как они торговали различными товарами. Московский рынок поглощал огромное количество всяких продовольственных припасов. В середине столетия здесь продавалось одного только хлеба примерно на 80 тыс. руб. ежегодно. Многочисленные ремесленники требовали для переработки массы промышленного сырья — кож, материй, металлов. Несмотря на собственную развитую промышленность, Москва получала много привозных изделий из других районов страны. Был значителен привоз иностранных товаров — металлов, метал-

---

[1] *А. А. Новосельский.* Указ. соч., стр. 204 и сл.

[2] *Павел Алеппский.* Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в., вып. IV. — «Чтения ОИДР», 1898, кн. 4, отд. II, стр. 5.

лических и текстильных изделий, предметов роскоши. Москва была крупнейшим пушным рынком. За шесть лет (1691—1697) в Москву было привезено 91 217 шкурок соболей; за один 1694/95 г.— 20 555 шкурок, 39 006 хвостов собольих, 8266 лисиц, 14 525 песцов, 339 713 белок[1].

Вместе с тем Москва была важнейшим распределительным центром. Здесь заключались оптовые сделки купли-продажи в области как внутренней, так и внешней торговли. Московские оптовики скупали на столичном рынке сырые кожи, пеньку, поташ, а затем переправляли партии кож на выделку в Ярославль, а пеньки и поташа — в Вологду и Архангельск для перепродажи за границу. Сибирские меха поступали в Москву в сыром виде, здесь они выделывались и перепродавались. Часто крупные партии мехов посылались из Москвы на Свенскую ярмарку и в другие места.

Московские торговые люди, особенно гости и члены гостиной и суконной сотен, вели обширные торговые операции по всей стране, выступали посредниками между иностранными купцами, с одной стороны, и мелкими русскими торговцами и непосредственными производителями — с другой, имели прямые торговые связи с иностранными купцами. Москве, столице государства, принадлежала ведущая роль в процессе складывания всероссийского рынка[2].

* * *

В XVII в. торговля охватывала все основные слои населения, от дворцовой знати и высшей церковной иерархии до черносошных, дворцовых и частновладельческих крестьян. Однако в этой пестрой по происхождению и социальному положению массе торговых людей уже ясно обнаруживается выделение особого «купецкого чина», для которого торговля являлась единственным профессиональным занятием. Создавалось основное ядро нарождавшегося класса купечества, зародыша буржуазии.

В торговле безусловно господствовали посадские люди. Важнейшие нити торговых операций держало в своих руках профессиональное купечество.

Первое по значению место в нем занимали гости и торговые люди привилегированных гостиной и суконной сотен. К ним близко стояли высшие разряды посадского населения, хотя они и не входили в состав привилегированных торговых организаций.

Крупные торговые люди вырастали и из ремесленников. Превратившись из ремесленника в мелкого производителя товаров, такой человек постепенно забрасывал производство и сосредоточивал свою деятельность на скупке и перепродаже промышленных изделий, сначала тех, которые он сам недавно производил, а затем сфера торговли расширялась, и

---

[1] «История Москвы», т. I, стр. 427.

[2] О торговле Москвы в XVII в. см. «История Москвы», т. I, стр. 423—445.

бывший ремесленник становился только торговцем разнообразными товарами.

Проникая в феодальную деревню, торговля усиливала имущественное неравенство крестьянства и способствовала выделению из него зажиточного слоя, постепенно терявшего связь с сельским хозяйством. Одним из путей превращения крестьян в торговых людей могла быть их деятельность в качестве скупщиков. Значительное число крупных торговых людей, часть которых вошла в состав гостей и гостиной сотни, дало северное черносошное крестьянство. Примером их могут служить Федотовы-Гусельниковы, происходившие из крестьян Комарицкого стана Устюжского уезда. Первоначально двое братьев—Василий по прозвищу «Скорая Запись» и Афанасий Федотовы—разбогатели на сибирской торговле и промыслах.

Из Сибири приказчиками и людьми Федотовых вывозилось громадное количество соболей и другой пушнины. В 40-х годах Василий Федотов был уже гостем и занимал столь видное положение в торговом мире, что во время июньского восстания 1648 г. в Москве на него была направлена ненависть мелкого посадского населения столицы. Несмотря на большие доходы, Федотовы продолжали жить в родной деревне и именовали себя «пашенными крестьянами».

В крепостной деревне также складывался разряд торговых крестьян, остававшихся в феодально-крепостнической зависимости от своих владельцев: придворной боярской знати, патриарха, монастырей и других вотчинников. Влиятельные землевладельцы охотно покровительствовали торговле своих крестьян, извлекая дополнительный доход или в виде большого денежного оброка с крестьян, или путем вложения в их торговлю собственных средств. В последнем случае значительная часть прибыли поступала владельцам этих крестьян. Так, одними из самых богатых торговых людей в первой половине XVII в. были Глотовы, принадлежавшие боярину князю Ю. Я. Сулешеву. Состоятельных торговых крестьян имели Б. И. Морозов, двоюродный брат царя Михаила Н. И. Романов, боярин С. Л. Стрешнев и др. На земле патриарха под Нижним-Новгородом образовался целый торговый пригород[1].

Наиболее крупными представителями русского торгового мира XVII в. были гости Григорий Никитников, Надея Светешников, Михайло Гурьев (все трое по происхождению ярославцы), москвичи Василий Шорин, Евстафий Филатьев, дединовцы[2] братья Василий и Григорий Шустовы, устюжане — Василий Федотов-Гусельников, Усовы-Грудцыны, Ревякины, Босые и многие другие торговые гости, происходившие из разных городов.

---

[1] *С. В. Бахрушин.* Торговые крестьяне в XVII в. — «Ученые записки Ин-та истории РАНИОН», т. V, М., 1928, стр. 252—270; см. также: Научные труды, т. II, стр. 118—133.

[2] Жители дворцового села Дединова Коломенского уезда.

* * *

В XVII в. при сравнительной неустойчивости местного рынка, выражавшейся в быстрых изменениях спроса и предложения, а также при слабом развитии промышленности существенное значение имел охват торговыми операциями большого числа пунктов. Благодаря этому торговые люди имели возможность использовать разницу цен в различных местах торговли и избегать убытков, связанных с колебаниями местных рыночных цен.

Полной специализации торговли еще не существовало. Даже крупные купцы торговали очень разнообразным ассортиментом товаров. Объясняется это медленным обращением капитала, вложенного в крупную торговлю, и связанным с такими операциями риском, отсутствием свободных средств и кредита. Торговый капитал к тому же был слабо связан с производством. Ростовщичество еще не обратилось в профессиональное занятие. При разбросанности торговли требовалось множество посредников и агентов, которые у гостей исчислялись многими десятками. Более значительная торговля производилась или в форме общего нераздельного предприятия с участием всех членов семьи, или в виде складничества. В последнем случае купцы вносили пай в товарищество и делили прибыль соразмерно вкладам каждого участника. Крупный торговый капитал вырастал на торговых операциях как внутреннего, так и внешнего рынков, а также в торговле с окраинами Русского государства, особенно с Сибирью, пушные товары которой только частично удовлетворяли внутренний спрос и в большой части уходили за границу. Значительные капиталы образовались также благодаря участию торговых людей в казенных поставках.

Накопление капиталов в торговле было проявлением процесса первоначального накопления.

Только во второй половине XVII в., точнее — в его конце, можно наблюдать некоторую торговую специализацию. Так, новгородская торговая семья Кошкиных специализировалась на вывозе русской пеньки в Швецию и на ввозе шведских металлов в Русское государство[1].

Но крупная торговля далеко не охватывала всех торговых операций. В городах была широко распространена розничная торговля и порой очень мелкая. Не каждый из посадских людей, занимавшихся торговлей, имел лавку в торговых рядах своего города. Многие торговали в шалашах, с полков (лотков) и со скамей. Наконец, распространена была торговля с рук в разнос. Иногда посадский человек отправлялся с кузовом, наполненным различными товарами, в уезд (коробейничество) и продавал свой товар или выменивал его на продукты сельского хозяйства и крестьянских промыслов. Например, в таможенных книгах Устюга Великого за 1633—1636 гг. неоднократно встречаются явки отдельных посадских людей,

---

[1] *С. В. Бахрушин.* Торги новгородцев Кошкиных. — «Ученые записки МГУ», вып. 41, 1940, стр. 35—53; см. также: Научные труды, т. II, стр. 174—223.

отправлявшихся с мелким кузовным товаром в уезд. На вырученные деньги торговые люди скупали по деревням местные товары: холст, сукно, меха и пр.[1]

Из таких мелких коробейников очень часто вырастали скупщики крестьянских товаров. Через их посредство крестьяне втягивались в рыночные отношения. Иногда такие скупщики оттесняли непосредственных производителей от рынка, превращая их мелкое производство в работу на скупщика.

Представление о характере русской крупной торговли XVII в. дает рассмотрение торговой деятельности отдельных ее представителей, например Босых, вышедших из крестьян Сольвычегодского уезда. Их торговое предприятие, возникшее в конце XVI в., сложилось в одном из самых значительных центров Севера — в Великом Устюге. Высшего расцвета оно достигло в 30—40-х годах XVII в. при Алексее Босом и его сыновьях Кирилле и Василии. В середине XVII в. после смерти братьев Босых предприятие распалось.

Главная ось торговых операций Босых проходила через Архангельскую ярмарку, центр русской внешней торговли с Западом, Устюг и Сибирь. Приказчики Босых скупали в сибирских городах так называемую мягкую рухлядь, состоявшую из ценных сортов меха: соболей, бобров, куниц, горностаев и пр. Количество вывозимых ежегодно мехов достигало огромных размеров. Так, в 1650 г. Босые вывезли из Сибири почти 7 тыс. шкурок соболей, что должно было стоить не менее 10 тыс. руб в ценах XVII в. Почти весь сибирский вывоз отправлялся на Архангельскую ярмарку, где распродавался иностранным экспортерам. Осенью приказчики возвращались обратно с закупленными иноземными товарами. Этот товар затем распродавался в разных русских городах, а взамен скупались крестьянские товары «на сибирскую руку», т. е. для вывоза в Сибирь. В начале зимы большие обозы в 30—40, а иногда и более возов, груженных закупленными товарами, отправлялись за Урал.

Главными руководителями торговли были два старших брата Босых. Их окружала многочисленная родня, от двоюродных братьев и племянников до далеких родственников — все «племя» многолюдной купеческой семьи. Большинство родственников, однако, не являлось самостоятельными участниками торгового предприятия, а исполняло обязанности приказчиков. За время с 1654 по 1656 г. можно установить не менее 104 человек, принимавших личное участие в торговле Босых. На Архангельскую ярмарку ежегодно отправлялось шесть-семь приказчиков, в Сибирь — четыре-пять приказчиков, некоторые из них оставались в сибирских городах на более или менее продолжительный срок. В общем вся торговля требовала одновременного действия не менее 25 приказчиков, не считая разных агентов в виде лавочных сидельцев и людей для «бережения»,

[1] «Таможенные книги Московского государства», т. I, стр. 86—89, 92, 212—215, 217, 219.

сопровождавших торговые караваны. Приказчиками Босых служили местные торговые люди; некоторые из них имели собственную значительную торговлю, но считали для себя выгодным действовать под покровительством Босых и прикладывать свои деньги к их торговым операциям. Другая часть приказчиков состояла из наемных людей, служивших за определенное жалованье. Наконец, среди приказчиков находились холопы и кабальные люди.

Помимо торговли, Босые вели ростовщические операции и охотно вкладывали деньги в землю,что было характерным явлением для Поморья. Торговля Босых носила экстенсивный характер, она охватывала всю территорию государства от Архангельска до Астрахани и от Новгорода до Якутска. Организация торгового предприятия Босых может считаться типичной для крупной торговли XVII в.[1]

* * *

Большое значение для развития товарооборота имела внешняя торговля Русского государства с западноевропейскими и восточными странами. Общий характер торговли с Западом можно установить на основании сводной таблицы вывоза из Архангельского порта в 1653 г., приведенной в донесении шведского резидента в Москве И. де Родеса[2]. Эта таблица представляет собой некоторый средний итог вывоза через Архангельский порт, хотя состав товаров мог изменяться в разные периоды. На первом месте по ценности стояла кожа, составлявшая 32,2% от всего вывоза, затем шли рожь, ячмень и пшеница —21,7%, сало —11%, поташ —10,4%, меха —8,5%, далее в убывающем количестве помещены шпик и мясо, икра, щетина, полотно, воск, москательные товары, персидский шелк, бобровая шерсть, ворвань, рогожи, смола и деготь, слюда.

Общая стоимость архангельского отпуска определялась Родесом в 1 151 176 руб. В эту сумму не входила стоимость персидского шелка, который, по словам Родеса, вывозился один раз в три года большими партиями по 900 пудов. Таблица Родеса не учитывает также вывоза в европейские страны через Новгород, Псков, Смоленск, Путивль, Свенскую ярмарку. Кроме того, обращает внимание отсутствие в ней пеньки, которая представляла один из важнейших товаров русского экспорта, о чем сказано выше.

В таблице Родеса относительно небольшое место занимают рожь и другие хлебные продукты. Быстрый рост внутреннего потребления хлеба в стране ограничивал его вывоз на внешние рынки, несмотря на благоприятные условия международного хлебного рынка в XVII в. Так, в Амстердаме

[1] *К. В. Базилевич.* Крупное торговое предприятие в Московском государстве в первой половине XVII в.— «Известия АН СССР. Отделение общ. наук», 1932, № 9, стр. 783—811.

[2] «Состояние России в 1650—1655 гг. по донесениям Родеса».— «Чтения ОИДР», 1915, кн. 2, отд. II, стр. 163—167.

в первой половине XVII в. за восемь лет хлебные цены выросли приблизительно в шесть раз. Рост цен на хлеб, правда, менее быстрый, происходил и в Англии. Во втором десятилетии XVII в. хлебные цены на западноевропейском рынке были примерно в 15—20 раз выше стоимости хлеба в России. Таким образом, создавался большой разрыв в уровне хлебных цен на рынках Западной Европы и на востоке Европы. Этим объясняются усиленные домогательства иностранного купечества о крупных поставках хлеба. Русское правительство обычно отказывалось даже от выгодных в экономическом отношении предложений, так как поступавший на рынок хлеб почти полностью поглощался внутренним спросом, вследствие роста неземледельческого населения и значительного увеличения армии; много хлеба поглощала Сибирь. Недостатком хлеба объясняется «кабацкая реформа» 1652 г., имевшая целью сокращение переработки хлеба в вино. Только в отдельных случаях правительство по политическим соображениям разрешало иностранным экспортерам закупать хлеб по низким рыночным ценам. Так, во время Тридцатилетней войны (1618—1648) большие партии русского хлеба были закуплены Данией и Швецией.

Предметами ввоза являлись главным образом сукна. Большую долю среди импортных товаров представляли металлы — олово, свинец, медь и железо, а также порох, мушкеты и другое оружие. Видное место занимали жемчуг и драгоценные камни — яхонты, бирюза, изумруды и др. В разнообразном ассортименте привозились пряности, благовония, лимоны, чернослив, грецкие орехи и другие колониальные товары, а также вина. Следует упомянуть далее о красках и химических товарах (купорос, квасцы, мышьяк, нашатырь и др.). Наконец, в Русское государство ввозились шелковые и хлопчатобумажные ткани, писчая бумага, нитки, кружева и т. д.[1]

Этот список, а также таблица Родеса отражают основной характер внешней торговли XVII в.— экспорт сырья и полуфабрикатов из Русского государства и ввоз в него изделий западноевропейской мануфактурной промышленности и колониальных товаров. За исключением кож, полотна и грубого крестьянского сукна остальные товары, вывозившиеся из Русского государства, представляли собой сырье, вырабатывавшееся в сельском хозяйстве или являвшееся продуктами лесных промыслов. Через поставку этого сырья русское крестьянское распыленное хозяйство и феодальная вотчина связывались с внешним рынком.

Крупную внешнюю торговлю вела казна. Непосредственными агентами, производившими закупки товаров внутри страны и перепродажу их за границу, являлись гости и члены гостиной и суконной сотен. Это была их «служба» в пользу государства.

---

[1] *Н. А. Бакланова.* Привозные товары в Московском государстве во второй половине XVII века.— В кн.: «Очерки по истории торговли и промышленности в России в XVII и в начале XVIII столетия», М., 1928, стр. 5—118. («Труды Гос. истор. музея», вып. 4).

Среди отпускных пунктов внешней торговли первое место, как и в предшествующее время, принадлежало Архангельску. Товарооборот Архангельского порта в середине XVII в. выражался не меньше чем в 75% от всего внешнего товарооборота.

Архангельская ярмарка ежегодно открывалась 1 августа (с середины XVII в.— 1 июля) и продолжалась до 1 октября. Иностранные корабли

Архангельск. Чертеж 1694 г

приходили в июне и июле. Обычно они шли караванами в четыре-шесть кораблей ввиду опасности нападения морских разбойников. Торговые сделки на ярмарке начинались относительно поздно. Крупные русские экспортеры не торопились заключать сделки и наблюдали за тем, чтобы никто из русских торговых людей не сбавлял цены. Их интересовал только большой, «свальный» торг, во время которого мелкие покупки не были уже в состоянии изменить установившуюся цену по оптовым закупкам. Иностранные купцы стремились разрушить согласие русских экспортеров и скупить товар по дешевым ценам у мелких продавцов, спешивших распродать свой товар до начала крупной торговли. К крупному торгу приступали только в конце августа или даже в середине сентября. В конце сентября корабли уходили в обратное плавание. Русские купцы нагружали дощаники и отплывали вверх по Двине. С закрытием ярмарки Архангельский город замирал до следующей весны. Количество иностранных судов, приходивших в Архангельск, колебалось очень сильно, в зависимости от общего политического положения в Европе и состояния международного рынка. В первое время в XVI в. в Холмогоры приходило 8—10 английских судов. После того как берега Финского залива были захвачены шведами, и русские окончательно потеряли Нарву, значение Архангельского порта увеличилось. В конце XVI в. туда приходило уже свыше 20 кораблей. Годы интервенции были неблагоприятными для торговли, тем не менее общий оборот архангельской торговли был в это время даже несколько выше, чем в XVI в., причем первенство по числу кораблей и размеру ввоза и вывоза стало переходить к голландцам.

Голландский купец и дипломат Исаак Масса в 1618 г. писал в докладной записке, что в Русское государство ежегодно отправлялось 20—30 больших нидерландских кораблей. Действительно, в 1618 г. в Архангельск пришло

всего 43 корабля, в том числе 30 голландских и только три английских. Голландские послы А. Бурх и И. Фелтдриль в своем отчете о поездке в Русское государство в 1630—1631 гг. сообщают, что они насчитали в Архангельском порту около 100 голландских и несколько английских кораблей[1]. Нужно думать, что такое скопление купеческих кораблей было исключительным, так как в 30-х и 40-х годах XVII в. число судов колебалось между 40—50. Перед второй польской войной число прибывших кораблей вновь увеличилось до 80. В 1658 г. среди 80 судов было только четыре английских. После издания Новоторгового устава 1667 г., вводившего покровительственный тариф, количество иностранных кораблей, прибывавших в Архангельский порт, почти не изменилось. Правда, в 1669 г. было зарегистрировано всего 47 кораблей, но в 1670 г. уже снова прибыло 80. Повидимому, это число с некоторыми колебаниями сохранялось и в конце XVII в.

Сборы Архангельской таможни в конце XVII в. неуклонно росли, и ежегодная сумма таможенной пошлины в 70-х годах XVII в. редко спускалась ниже 60 тыс. руб., а в 1675/76 г. достигла 82 180 руб., тогда как в первой половине XVII в. она колебалась в пределах 26—40 тыс. руб. Столь же высоки были ежегодные суммы таможенных сборов в Архангельске и в 80-х годах. Так, за 1687/88 г. было собрано 82 600 руб.[2]

История внешней торговли через Архангельский порт показывает постепенный упадок английской торговли с Русским государством за счет роста голландской[3].

В середине столетия третьим соперником в борьбе за русский рынок выступила Швеция, усилившаяся в результате Тридцатилетней войны с Германией и Вестфальского мира 1648 г. После захвата шведами южного берега Балтийского моря последнее стало внутренним шведским морем. В связи с этим в Швеции возник проект перенесения основной магистрали русской торговли из Архангельска на Балтийское море через Новгород и балтийские порты. В конце 40-х годов шведский резидент в Москве К. Поммеренинг сделал попытку вступить по этому вопросу в соглашение с голландскими и английскими купцами, но попытка эта не увенчалась успехом. В середине 50-х годов другой шведский резидент Иоганн де Родес безуспешно пытался убедить русское правительство в невыгодности внешней торговли через Архангельск и доказывал необходимость перенести русскую внешнюю торговлю на Балтийское море[4]. Перенесение внешней торговли на Балтийское море при отсутствии собственного порта на его побережье означало передачу всей внешней торговли

---

[1] «Отчет Альберта Бурха и Иоганна фон Фелтдриля о посольстве их в Россию в 1630—1631 гг.» — Сб. РИО, т. 116, СПб., 1902, стр. 18.

[2] ЦГАДА. Приказные дела старых лет, 1678 г., д. 2, л. 2; 1688 г., д. 128, л. 180.

[3] *С. Коллинс.* Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне.— «Чтения ОИДР», 1846, кн. 1, отд. III, стр. 38.

[4] «Состояние России в 1650—1655 гг. по донесениям Родеса».— «Чтения ОИДР», 1915, кн. 2, отд. II, стр. 1—248.

Гостиный двор в Архангельске. Вид со двора. Деталь.

с Европой под контроль Швеции и лишение тех крупных таможенных доходов, какие доставлял Архангельский порт, поэтому русское правительство отвергло предложение Родеса.

Внешняя торговля через западные границы по своим размерам не может идти в сравнение с торговлей через Архангельск. Однако для ряда городов (Новгород, Псков, Тихвин, Смоленск) она имела первостепенное значение. Через эти города вывозились в наибольшем количестве пенька, лен, кожи, холст, сукна и т. п. Ввозились более всего металлы — железо медь, олово, свинец, а также промышленные изделия. Несмотря на крайне неблагоприятные условия, в которые были поставлены русские торговые люди, стеснения и произвольные действия, которые им приходилось переносить в Швеции, несмотря на трудности пути после Кардисского мира 1661 г., число русских торговых людей, ездивших в Стокгольм, увеличивалось. На этой торговле вырастали довольно значительные капиталы: в Новгороде — Стояновых, в Пскове — Поганкиных и Русиновых, в Тихвине — Самсоновых, Шпилькиных, в Смоленске (в 70-х годах) — Жданковых, Любовецких и др. Во внешней торговле участвовало также значительное число рядовых торговых людей[1].

[1] *К. Г. Митяев.* Указ. соч., стр. 67, 70, 81 и др.; *Е. В. Чистякова.* Указ. соч., стр. 217—224 и др.; *К. Н. Сербина.* Указ. соч., стр. 257—272 и др.

Если Архангельск был главным портом для торговли со странами Западной Европы, то в восточной торговле эту роль выполняла Астрахань. Для сношений со Средней Азией пользовались преимущественно морским сообщением до мангишлакских пристаней, откуда далее направлялись степью в Ургенч и Бухару. Существовали, кроме того, сухопутные дороги в обход северной части Каспийского моря. С низовьев Яика эта дорога раздваивалась на Астрахань и Самару. Торговые сношения со Средней Азией производились также из Западной Сибири через верховья Иртыша и Ишима и Казахскую степь. Главную роль в торговле через Сибирь играли Тобольск, Тюмень и Тара. В Кизылбашскую землю (Персию) ездили морем от Астрахани до Низовой пристани (к югу от Дербенда) и далее на Шемаху, Решт, Фарабат.

С востока — из Хивы, Бухары и Персии в Русское государство ввозились в основном шелк-сырец, шелковые и бумажные ткани разных сортов, ковры, сафьяны, драгоценные камни, различные дорогие вещи. В обмен на них вывозились меха, моржовая кость, кожи русской выработки, красная юхть, а также товары западноевропейского привоза, в том числе сукна, зеркала, драгоценности и украшения.

Особое значение в этом товарообороте имел шелк-сырец, поставщиками которого являлись Новая Джульфа, Решт, Гилян, Фарабат и другие персидские города. Русское правительство стремилось стать единственным посредником в торговле шелком между Персией и Западной Европой. По договору, заключенному 31 мая 1667 г. с армянской компанией — объединением купцов-армян Новой Джульфы, весь вывозившийся из Персии шелк-сырец должен был поступать в Астрахань и Москву. Оставшийся от продажи в этих городах шелк мог продаваться иностранным купцам в пограничных русских городах или вывозиться за границу. При этом армянские купцы должны были обязательно возвращаться через русское государство и закупать в нем товары на полученные за границей золотые и «ефимки» (иоахимсталеры)[1].

Вследствие отсутствия данных нет возможности более или менее точно установить оборот восточнорусской торговли, но несомненно, что он достигал крупного размера. Сумма вывоза из Русского государства колебалась приблизительно в пределах 40—50 тыс. руб. Наряду с царской торговлей, производившейся при посредстве послов и отправлявшихся в Среднюю Азию и Персию «государевых купчин», существовала и значительная частная торговля, в которой участвовали виднейшие представители русских торговых людей—гости Григорий Никитников, Василий Шорин, Евстафий Филатьев, Владимир Воронин, Афанасий Олисов и др. Приказчики торговых людей по нескольку лет проводили в Ургенче, Бухаре и других городах.

Около середины XVII в. устанавливаются непосредственные торговые сношения с Индией, точнее с Империей Великих Моголов. После первых

[1] СГГиД, ч. IV, М., 1828, № 56, стр. 204—208.

Астрахань. Гравюра из книги Стрейса, 1676. г.

удачных попыток со стороны индийских купцов последние стали приезжать с товаром не только в Астрахань, но и в Москву и другие русские города. В Астрахани образовалась колония индийских купцов.

В последней четверти XVII в. стала развиваться торговля с Китаем. В 1674 г. Г. Никитин в качестве приказчика гостя Филатьева провел из Селенгинска через Мунгальскую степь караван с товарами в Китай. Заключение в 1689 г. Нерчинского договора открыло широкие перспективы для развития торговли с Китаем. Тотчас же после подписания договора в Китай были отпущены русские торговые люди. Впоследствии все более увеличивался вывоз из Китая в Русское государство китайских товаров, материй и пр. Активнейшую роль в русско-китайской торговле играли крупные московские торговые люди[1].

* * *

Русское правительство, предоставляя льготы иностранным купцам, старалось ограничить их торговые операции только оптовой торговлей. Между тем иностранцы стремились захватить в свои руки скупку русских товаров, являвшихся продукцией мелкого производства, действуя для этого через русских купцов и своих приказчиков. Они широко применяли кредитование мелких русских торговых людей и иногда обращали их в своих агентов.

Развитие торговых операций со стороны иностранных экспортеров и усиление русских торговых людей привело к столкновению русского и иностранного торгового капитала в борьбе за русский рынок. Когда в 1617 г. Джон Мерик предложил русским торговым людям образовать совместную англо-русскую компанию для торговли с Персией, русские купцы ответили категорическим отказом, ссылаясь на то, что «англичане — люди сильные и богатые, у них с нашими ни в чем не сойдется»[2]. В своей борьбе с иностранными купцами русские торговые люди обращались за помощью к правительству. Первое из сохранившихся коллективных челобитий русских торговых людей относится к 1627 г. В 1635 и 1637 гг. русские торговые люди подали новые челобитья, взяв за основу свое обращение 1627 г. Дальнейшие выступления произошли в 1646 и 1649 гг.[3] Русские торговые люди очень последовательно развивали одну и ту же программу требований. Главной ее частью являлось требование высылки иностранцев: англичан, голландцев, гамбуржцев, восточных «тезиков» (таджиков) и торговых людей других стран. Русские торговые люди жалова-

---

[1] *С. В. Бахрушин.* Торги гостя Никитина в Сибири и Китае, стр. 375—377; см. также: Научные труды, т. III, ч. 1, М., 1955, стр. 228—230.

[2] *С. М. Соловьев.* История России, кн. 2, стб. 1128.

[3] *П. П. Смирнов.* Новое челобитье московских торговых людей о высылке иноземцев, 1627 г.—«Чтения в Историч. об-ве Нестора-летописца», кн. XXIII, вып. 1, Киев, 1912, отд. II, стр. 3—32, прилож. стр. 97—104; *К. В. Базилевич.* Коллективные челобитья торговых людей и борьба за русский рынок в первой половине XVII в.— «Известия АН СССР. Отделение общ. наук», 1932, № 2, стр. 91—123; «Акты Археографической экспедиции» (далее — ААЭ), т. IV, СПб., 1836, № 13, стр. 14—23.

лись, что они «от своих промыслов отбыли и оттого оскудали и одолжали великими долги». Челобитье 1646 г. представляет собой обширный обвинительный акт, проникнутый острым чувством недовольства и опасением конкуренции западноевропейского капитала. Торговые люди указывали на большое распространение иностранной торговли. Несмотря на запрещение, иностранцы вели розничную торговлю, проживали долгое время в русских городах, как в собственной земле, хорошо знали рыночные цены и благодаря этому имели возможность регулировать предложение своих товаров. На Земском соборе 1648—1649 гг. русские торговые люди вновь выступили с заявлением о высылке иностранных купцов. На этот раз они были поддержаны дворянством. Англичанам была запрещена торговля внутри страны. Все английские купцы были высланы. Поводом послужила английская революция; как говорилось в царском указе, англичане высылались из русских городов за то, что они «государя своего Карлуса короля убили до смерти»[1].

Рост торгового оборота внутри страны и расширение внешнеторговых операций русских людей настоятельно требовали устранения препятствий, стеснявших торговую деятельность внутри страны, и создания условий, при которых можно было бы достичь активного баланса в области внешней торговли.

На этой почве и развился русский меркантилизм XVII в. Основной тезис учения меркантилистов состоял в том, что богатство страны выражается в денежном капитале. Меркантилисты думали, что прибавочная стоимость может возникать в процессе обращения как результат самовозрастания денежного капитала. Поэтому меркантилисты придавали первенствующее значение внешней торговле. Прибыль от внешней торговли выражалась в выгодном торговом балансе, который был основной целью меркантилистов. Однако меркантилисты понимали, что основой торговли является товарная масса, поступающая на рынок. Вот почему они поощряли развитие сельского хозяйства, добывающей и обрабатывающей промышленности и особенно производство тех товаров, которые имели высокую стоимость в других странах. Выражая интересы крупного купечества, меркантилисты поддерживали монопольные права во внешней торговле. По их мнению, монополия устраняла внутреннюю конкуренцию, вредно отражавшуюся на балансе торговли. Задачу регулирования внешней торговли, по мнению меркантилистов, должна была взять на себя государственная власть.

Меркантилистические мероприятия русского правительства почти исключительно касались регулирования внешнего товарооборота. Одной из главных задач московской экономической политики было привлечение в страну денежного металла. Вместе с тем правительство встало на путь покровительства отечественной промышленности и торговли. Его мероприятия облегчали условия торговли внутри страны

---

[1] СГГиД, ч. III, № 138, стр. 455—456.

и усиливали приток иностранной монеты вследствие расширения внешней торговли. В данной связи представляет большой интерес один более ранний документ — указ царя Федора Ивановича 1594 г., запрещавший вывоз за границу золота и серебра как в слитках, так и в монете, иностранной и русской. Указ этот касается одного из пограничных городов — Пскова. Иностранцы, привозившие в Псков золото, серебро и иностранную монету, должны были предъявлять эти металлы в таможню и получать в обмен деньги русской чеканки, на которые и приобретать товары в Пскове. Торговые иноземцы, уезжавшие за границу без товара, подлежали обыску: «Да у кого деньги или серебро или золото вымут, и у тех гостей у торговых людей деньги и серебро и золото и животы их имати на государя»[1]. Та же политика продолжалась и в XVII в.

Таможенные пошлины с иноземцев при ввозе их товаров в Русское государство взимались в иностранной монете. Лишение иноземцев, в частности англичан, в 1649 г. права беспошлинной торговли тоже содействовало притоку иностранной монеты в страну.

В том же году появились первые элементы протекционизма в таможенном обложении. При ввозе товаров внутрь страны иностранные купцы должны были платить вперед половину той пошлины, которую следовало взять с них при продаже их товаров[2].

Широкому развитию внутреннего товарооборота препятствовали многочисленные внутренние таможни с различными ставками таможенных пошлин в разных городах, что было пережитком периода феодальной раздробленности. Торговые люди неоднократно жаловались на стеснительность мелких и разнообразных таможенных сборов.

25 октября 1653 г., по челобитью торговых людей, был дан новый Таможенный устав, по которому все мелкие таможенные пошлины отменялись, и вводилась единая рублевая пошлина по 10 денег с рубля, т. е. 5% с покупной цены товара, поскольку в рубле было 200 денег[3]. Устав 1653 г. значительно упрощал взимание таможенных пошлин внутри страны.

Внешнеторговые статьи Таможенного устава 1653 г. содержат элементы протекционизма — таможенные пошлины с иностранцев были несколько повышены по сравнению с пошлинами, взимаемыми с русских купцов[4].

22 апреля 1667 г. был издан Новый торговый устав, являющийся наиболее полным памятником русского меркантилизма XVII в. Еще несколько раньше А. Л. Ордин-Нащокин, повидимому, по собственной инициативе, предпринял ряд важных мероприятий в Пскове, целью которых было привлечение иностранной монеты через посредство торговли. Рус-

---

[1] *Е. В. Чистякова.* Социально-экономические взгляды А. Л. Ордина-Нащокина (XVII век).— «Труды Воронежского гос. ун-та», т. XX, Воронеж, 1950, стр. 13.

[2] *П. П. Смирнов.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в., т. II, М. — Л., 1948, стр. 35—36.

[3] Более подробно о Таможенном уставе 1653 г. см. в главе III, § 7 настоящего издания.

[4] СГГиД, ч. III, № 158, стр. 491.

ские купцы были обязаны принимать от иностранцев в уплату за товары не русские деньги, а серебряные «ефимки», которые затем сдавались в казну в обмен на русские деньги. Ордин-Нащокин предполагал устроить в Пскове монетный двор, на котором ефимочное серебро должно было перечеканиваться в русские монеты, что приносило бы государству около 28% прибыли. Мероприятие Ордина-Нащокина в Пскове послужило основанием для разработки Нового торгового устава[1]. Новый торговый устав обобщил предшествовавшие ему положения о таможенных сборах и усилил протекционный характер всего обложения[2].

Русские таможенные уставы середины XVII в. являются очень яркими показателями развития товарно-денежных отношений в стране, роста влияния торгово-промышленного класса, возросшей мощи государства, которое диктовало иноземцам свои условия, достаточно жесткие для них и облегчающие торговые операции русских торговых людей.

В то же время необходимо отметить, что наличие казенных монополий на ряд товаров и в первую очередь на те, на которые был наибольший спрос за границей, а также наличие многочисленных внутренних таможен и всяких сборов, которые производили крупные феодалы, являлись серьезными препонами на пути развития свободного торгового оборота в стране.

5

ФЕОДАЛЬНОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ. БОЯРСТВО, ДВОРЯНСТВО И ЦЕРКОВЬ

Начало «нового периода русской истории (примерно с XVII века)» сопровождалось изменениями в общем положении и структуре класса феодалов. Существо этих изменений заключалось в укреплении феодальной собственности как экономической основы господства класса феодалов и в сплочении, «одворянении» его. Этот процесс сопровождался внутренней борьбой различных прослоек сложного по своей структуре «служилого сословия».

Для понимания противоречивости развития класса феодалов в XVII в. необходимо исходить из того основного положения, что «Деление общества на классы обще и рабскому, и феодальному, и буржуазному обществам, но в первых двух существовали классы-сословия, а в последнем классы бессословные»[3]. В то время как классы буржуазного общества отличаются один от другого «фактическими условиями», классы-сословия отличаются, кроме того, юридическими признаками. Полного совпадения между классовыми и сословными делениями не было. «Сословия предполагают

---

[1] *Е. В. Чистякова*. Указ. соч., стр. 3—40.

[2] СГГиД, ч. IV, № 55, стр. 189—204; *А. И. Андреев*. Новоторговый устав 1667 г. (К истории его составления). — «Исторические записки», № 13, стр. 303—307. Подробнее о новом торговом уставе см. главу III, § 7 настоящего издания.

[3] *В. И. Ленин*. Соч., т. 6, стр. 97.

деление общества на классы, будучи одной из форм классовых различий. Говоря о классах просто, мы разумеем всегда бессословные классы капиталистического общества»[1]. В XVII в. сословным наименованием «служилые люди» покрывались различные по существу классовые категории. Юридическими признаками этого служилого сословия были право владения землей и крестьянами и обязанность государственной службы, в первую очередь военной. Развитие сословия служилых людей на протяжении XV—XVI столетий привело к оформлению его в виде сложной иерархии «чинов». Фактически классовая природа этих чинов была далеко не одинаковой. В царствование Михаила Федоровича иерархический «чиновный» строй служилого сословия достигает наибольшей четкости. Законодательство настойчиво стремится уточнить и закрепить этот строй и порядок восхождения от одного чина к другому.

Все служилые «чины» образовали два основных деления: служилые люди по отечеству и служилые люди по прибору.

Служилые люди по отечеству делились на три разряда: 1) чины думные (бояре, окольничие, думные дворяне и думные дьяки), 2) чины московские (стольники, стряпчие, дворяне московские и жильцы), 3) чины городовые (дворяне выборные, или «выбор», дети боярские дворовые и дети боярские городовые).

В состав служилых людей по прибору входили стрельцы, пушкари, затинщики, городовые казаки, позднее — солдаты, рейтары, драгуны и др.

Служилые люди первых трех категорий, различаясь между собой родом службы, степенью привилегированности, размерами земельных владений, имели то общее между собой, что они были служилыми людьми «по отечеству», т. е. по происхождению. Переход из одного чина в другой был обусловлен выслугой и родовитостью. Правила этого передвижения из чина в чин, вырабатывавшиеся в течение длительного периода, соблюдались очень строго.

Долгое время в среду служилых людей «по отечеству» был открыт доступ из тяглых слоев населения и, наоборот, допускался выход из служилых людей в тяглые сословия. Раньше всего было запрещено поступление служилых людей в холопы указом 1642 г., подтвержденным затем Уложением 1649 г.[2] В среду дворянства через дьячество могли проникать торговые люди. Правительство нередко, особенно в середине XVII в., назначало гостей и торговых людей гостиной сотни, отличившихся на казенной службе, в дьяки. Эти торговые люди вошли в состав служилого сословия и явились родоначальниками многих дворянских фамилий[3].

В некоторой степени дворянство пополнялось через низшую категорию служилых людей — приборных. В стрельцы, городовые казаки и другие

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 2, стр. 431.

[2] «Уложение 1649 г.», гл. XX, ст. 2, 3.

[3] *С. К. Богоявленский.* Приказные дьяки XVII в.— «Исторические записки», № 1, стр. 225, 237—238.

Чертеж чересполосных земельных владений на р. Сейме в Курском уезде, 1701 г.

Центральный государственный архив древних актов

приборные чины вербовали людей отчасти вольных, но главным образом из тяглых слоев — крестьян и посадских. Долгое время при построении и заселении новых городов разрешался переход из приборных чинов в дети боярские и допускалось верстание прямо в дети боярские.

Однако уже в XVII в. была положена разделительная черта между служилыми людьми «по отечеству», составившими основу класса феодалов-крепостников, и приборными служилыми людьми, которые экономически были близки к тяглым классам населения, подвергались феодальной эксплуатации со стороны государства и, с точки зрения дворянского правительства, были «мужиками».

Землевладение приборных служилых людей, обусловленное несением военной службы, было подчинено нормам поместного права. Но этим отнюдь не уничтожались черты, сближавшие его с крестьянским землевладением; с течением времени землевладение приборных служилых людей полностью обособилось от землевладения служилых людей «по отечеству». В отличие от служилых людей «по отечеству» приборные служилые люди получали землю не индивидуально, а целыми группами, или товариществами, в общей меже, как тогда говорили,— «в ряд, вопче, в ровенстве, через межу, в одних гранях и межах». Отсюда проистекал крестьянский порядок землепользования. Приборные служилые люди делили отведенную им землю на клинья, загоны и полосы и внутри их распределяли между собой землю «в ровенстве», т. е. уравнительно по качеству, как это делали крестьяне. Лес и выгон всегда оставались в общем владении и пользовании. Покосы делили жеребьевкой. В массе своей приборные служилые люди не имели крестьян и вели трудовое хозяйство, т. е. землевладельцы были одновременно и земледельцами; вот почему уже в XVII в. им было присвоено название однодворцев. «Служба», которую несли приборные служилые люди, допускала деление на «доли»; отсюда среди служилых людей приборных чинов встречаются «половинщики», «третчики» «четвертчики», иначе «складники». «Складники» вели общее нераздельное хозяйство и «сваливали животы вместе», как это делали «складники» на черносошном крестьянском Севере. Все это дает основание считать землевладение приборных служилых людей («сябринное») своеобразным вариантом крестьянского землевладения[1].

Для приборных служилых людей земля была почти единственным обеспечением. Служа с земли, приборные служилые люди выполняли важную для Русского государства задачу охраны его границ и первоначального хозяйственного освоения новой территории. Дворянское правительство уже в XVI в. начало возлагать на приборных служилых лю-

[1] *П. И. Иванов.* Сябры-помещики. — ЖМНП, 1903, № 12, стр. 406—407, 425—426; *Г. Н. Шмелев.* Несколько замечаний об однодворцах.— «Отчет комитета о 2-м присуждении премий, учрежд. Харьков. земельным банком при Харьк. ун-те». Харьков, 1901, стр. 27 и др.; ЦГАДА. Столбцы Приказного стола, № 2449, л. 266 (чертеж); *В. А. Александров.* К вопросу о происхождении сословия государственных крестьян.— «Вопросы истории», 1950, № 10, стр. 92 и др.

дей натуральные повинности, от которых были свободны служилые люди «по отечеству». На них легла обязанность обрабатывать государству десятинную пашню, о чем было выше сказано, выполнять всевозможные «поделки» и «струговое дело» (построение стругов для казенных надобностей). С 1668 г. приборные служилые люди были обложены тяжелым натуральным оброком — «четвериковым хлебом», который по существу означал феодальную ренту[1]. Со времени введения подворной подати (1679—1681) мелкопоместные приборные служилые люди (однодворцы) стали подлежать этой подати наравне с крестьянами.

Таким образом, уже в XVII в. приборные служилые люди быстро сближались по своему экономическому и правовому положению с тяглыми слоями населения.

Завершением процесса превращения приборных служилых людей в податное сословие было юридическое обособление его от дворянства. Указом 1675 г. было запрещено верстать в дети боярские лиц, происходивших из крестьян, холопов, посадских людей, а также из числа приборных, служилых чинов[2], но, впрочем, этот указ нарушался. При Петре I приборные служилые люди были и формально превращены в податное сословие. Дворянство отмежевывалось от приборных служилых людей и замыкалось как привилегированный дворянский класс-сословие.

Таково было первое важное изменение, которому подверглось служилое сословие в XVII в.

* * *

Ко времени Михаила Федоровича относится чрезвычайно многообразное законодательство, целью которого было ограничить и стеснить обращение земель между различными группами служилых людей. Частные указы об этом[3] нашли обобщенное выражение в указе 27 августа 1618 г.: поместий убитых и взятых в полон дворян и детей боярских «мимо» их детей, вдов и матерей, «мимо родства» и «племени» и «мимо того города» «никаким людем не отдавать»[4]. Не менее важным было запрещение в 1637 г. получения земель московскими чинами в украинных и полевых городах[5]. Указ 1639 г. вообще запрещал переход поместий и вотчин уездных служилых людей к служилым людям думных и московских чинов[6].

---

[1] *В. А. Александров.* Указ. соч., стр. 93—95.

[2] *Н. П. Павлов-Сильванский.* Государевы служилые люди. СПб., 1909, стр. 198.

[3] Почти исчерпывающее изложение всех этих указов дано К. А. Неволиным (Собр. соч., т. IV, СПб., 1858, стр. 201—210). Самые указы см. «Историко-юридические материалы, издаваемые Московским архивом министерства юстиции, вып. 1. Указная книга Поместного приказа», М., 1889 (далее — «Указная книга»).

[4] «Указная книга», стр. 41—42.

[5] Там же, стр. 121—122.

[6] Там же, стр. 127.

В совокупности все это законодательство должно было заключить класс феодалов в рамки «чиновного» средневекового деления и придать этому делению полную неподвижность. Это законодательство слагалось под сильным нажимом уездного дворянства, стремившегося обеспечить за собой уездный земельный фонд и защитить его от захватов крупных феодалов—думных и столичных людей. Дворянство находилось под впечатлением тяжелого для него опыта эпохи интервенции, когда происходило расхищение земель, городов, посадов и слобод по указам различных правительств[1], когда рядовые дворяне почувствовали свою полную беспомощность в борьбе против произвола и насилий. Ограничивая обращение земель между служилыми людьми различных «городов» (уездов), правительство преследовало также другую цель: сохранить в неприкосновенности уездные («городовые») корпорации служилых людей как основу организации всего поместного войска. Еще в указе 1576 г. был формулирован принцип: «детей боярских испомещивать в одних городех, кто откуда служит»[2]. В соответствии с этим принципом уездные служилые люди распадались на территориальные общества, пользовавшиеся некоторыми элементами самоуправления и составлявшие в походе конные сотни. Допущение свободного земельного оборота неминуемо подрывало бы всю старинную организацию поместного войска и вело к ее разрушению. Издавая многочисленные ограничительные указы, правительство проводило ярко выраженную дворянскую политику.

Однако законодательство царствования Михаила Федоровича о служилом землевладении, как и принципы, положенные в его основу, носили консервативный характер, были запоздалыми, противоречившими ясно намечавшимся тенденциям экономического и социального развития Русского государства в XVII в. и поэтому обреченными на неуспех.

Две основных причины определили неудачу попытки сохранить старую структуру феодального класса. Во-первых, под воздействием развития товарно-денежных отношений в XVII в. менялся самый характер служилого землевладения. Поместье постепенно теряло свойственные ему специфические черты условного землевладения и сближалось с вотчиной. Земля становилась предметом сделок купли и продажи и быстро переходила из рук в руки. Происходила перетасовка феодального землевладения между различными категориями дворянства. Во-вторых, старый чиновный строй класса феодалов в результате внутренней борьбы различных его прослоек между собой упрощался и отмирал. В том же направлении действовала постепенная замена поместного войска войсками нового строя — солдатскими, рейтарскими и др.

---

[1] *Г. Н. Бибиков.* Земельные пожалования в период крестьянской войны и польской интервенции начала XVII в.— «Ученые записки Моск. гор. пед. ин-та», т. II, кафедра истории СССР, вып. 1, М., 1941, стр. 189, 192, 193, 204.

[2] *В. Н. Седашев.* Очерки и материалы по истории землевладения Московской Руси в XVII в., М., 1912, стр. 108—109.

Село Крестцы. Рисунок из альбома Мейерберга 1661—1662 гг.

Сближение поместья с вотчиной представляет собой одну из самых характерных черт истории феодального землевладения в XVII в.

В принципе поместье не было не только наследственным, но даже и пожизненным владением. Оно принадлежало помещику, пока он служил и служил исправно. По смерти владельца правительство могло распорядиться поместьем по своему усмотрению. Но в своем чистом виде этот принцип противоречил как интересам обеспечения непрерывности несения военной службы и сохранения постоянных военных кадров, так и интересам хозяйственно-фискальным. Вот почему поместье по смерти владельца обычно передавалось его сыновьям или вдове и дочерям, о поддержании существования которых правительство, естественно, должно было заботиться. Уже в конце XVI в. на поместье распространилось совершенно чуждое ему понятие «родового поместья», т. е. владения родового[1]. Еще в 1611 г. был издан указ, запрещавший передачу освободившихся поместий кому-либо помимо родственников. Этот указ неоднократно (в 1613, 1614 и 1618 гг.) подтверждался[2]. Правительство, подчиняясь действию длительной практики, само приняло (в указе 1634 г.) определение поместья как родового владения[3]. Более того, правительство, уступая постоянному давлению служилых людей, распространило на поместья некоторые специфические черты, свойственные вотчинному землевладению: ограничило право женщин передавать их «прожиточные»

[1] «Арзамасские поместные акты 1578—1618 годов». Собр. и ред. С. Б. Веселовский. М., 1915, стр. XV.

[2] «Указная книга», стр. 42, 43, 44.

[3] Там же, стр. 105.

поместья в чужой род[1]. Установление наследственной передачи поместий стирало одно из коренных отличий поместного землевладения от вотчинного.

Сближение поместья с вотчиной шло также по пути расширения прав распоряжения владельцев своими поместьями. В XVI в. права распоряжения поместьями были строго ограничены законом. Помещикам было дано право производить «мену» поместий, причем требовалось полное равенство меняемых участков по размеру и качеству: «четь на четь», «жилое на жилое» или «пустое на пустое». В таком виде «мена» должна была содействовать уменьшению чересполосицы поместных владений и концентрации их в одном месте. Но постепенно служилые люди добивались расширения права «мены»; они стали менять неравные участки земель и пустые поместья на населенные. При этом практиковались денежные придачи, а фактически «мена» стала прикрывать собой настоящую куплю-продажу поместий[2]. Помещикам (в первую очередь вдовам и дочерям) было разрешено «сдавать» свои поместья женихам и родственникам, которые обязывались содержать их и нести службу с передаваемых им поместий. Эти черты сближения поместья с вотчиной и расширение прав помещиков в области обмена поместьями, а также обеспечение поместными дачами вдов и детей умершего служилого человека нашли отражение в Соборном уложении 1649 г.[3] Постепенно право «сдачи» поместий вышло за эти пределы. Его присвоили себе помещики, еще не оставившие службы. В 1674 г., значительно запаздывая, правительство официально признало за отставными служилыми людьми, вдовами и дочерьми право поступаться своими вотчинами и поместьями и брать при этом деньги по 100, 300, 500 и более рублей. В 1676 г. эти права были еще более расширены. Таким образом, под видом «сдачи» поместий также происходила продажа земли[4].

Замечательной чертой этого законодательства о правах распоряжения поместьями было то, что правительство, не отказываясь в принципе от поместья как особого вида служилого землевладения, фактически отступало под непрерывным давлением дворянства, и хотя с известным запозданием, но утверждало законодательным путем фактически присвоенные дворянством права распоряжения поместьем.

В конце XVII в. разница между поместьем и вотчиной стала уже неуловимой и только формальной. Указ Петра I 1714 г. о единонаследии лишь подтвердил слияние поместий и вотчин, которое к тому времени фактически уже было осуществлено.

Известная непоследовательность политики правительства в отношении поместного землевладения с особенной наглядностью проявилась

---

[1] «Указная книга», стр. 128 (указ 1642 г.).

[2] *С. А. Шумаков.* Мена.— ЖМНП, 1906, № 11, отд. II, стр. 119—154; «Уложение 1649 г.», гл. XVI, ст. 3.

[3] «Уложение 1649 г.», гл. XVI и XVII.

[4] «Указная книга», стр. 47; «Уложение 1649 г.», гл. XVI, ст. 10; ПСЗ, т. I, № 583, стр. 945; т. II, № 633, стр. 16—26; № 700, стр. 110—138; № 1116, стр. 660—662.

в том, что оно само широкой рукой превращало поместья в вотчины. Происходило это в виде массовых пожалований поместий в вотчины («за царя Васильево осадное сиденье», «за осадное сиденье в королевичев приход», в 1667, 1672, 1681, 1682, 1686, 1689 и другие годы)[1] и множества частных пожалований такого же рода. Такими пожалованиями правительство вознаграждало дворянство за его верность и шло навстречу его притязаниям. Кроме того, финансовые соображения побуждали правительство прибегать к продаже поместий в вотчины или продаже пустых земель в вотчины же[2]. Вследствие этих мер количественное соотношение вотчинных и поместных земель в течение XVII в. неуклонно и быстро менялось в пользу первых.

В первой половине XVII в. в уездах Замосковного края поместное землевладение повсюду намного превосходило вотчинное. В последней четверти XVII в. соотношение везде становится обратным. В некоторых уездах Замосковного края к этому времени поместное землевладение было близко к полному исчезновению[3]. В последние десятилетия XVII в. пожалования поместьями вообще почти прекратились.

Расширение прав распоряжения поместьем, стирание граней между поместьем и вотчиной, поглощение поместного землевладения вотчинным означали крупный успех дворянства по укреплению феодальной собственности на землю.

* * *

В XVII в. происходит огромный количественный рост дворянского землевладения.

Уже в период интервенции земельные богатства страны подверглись крупным и беспорядочным захватам. Раздачи земель производило тушинское правительство, царь Василий Шуйский (многочисленные раздачи «за осадное сиденье» во время блокады Москвы тушинцами), наконец, боярское правительство от имени королевича Владислава. Основным фондом, из которого производились раздачи, были дворцовые владения. Повидимому, основную часть земель в тот период захватывали представители феодальных верхов[4].

---

[1] «Акты, относящиеся до юридического быта древней России» (далее — АДЮБ), т. I, СПб., 1857, № 72, стр. 499—514; ПСЗ, т. I, № 512, стр. 842—843; т. II, №№ 863, 871, 961, 1187, 1350 и др. В 1667 г. было помаловано из поместий в вотчины всем служилым людям, в том числе городовым 20% их земель (АДЮБ, т. I, № 72, стр. 507—508). В связи с заключением «вечного» мира с Польшей в 1686 г. всем разрядам служилых людей было пожаловано из поместий в вотчины 20% (*С. С. Гадзяцкий.* Пожалования новгородским служилым и посадским людям в связи с заключением договора с Польшей в 1686 г.— «Исторические записки», № 28, стр. 203—217).

[2] Сначала продажа земель из поместий в вотчины производилась по полтине за четверть (полдесятины), в конце столетия — по 1 рублю за четверть.

[3] *Ю. В. Готье.* Замосковный край в XVII в. М., 1937, стр. 255—262.

[4] «Докладная выписка 1613 г. о вотчинах и поместьях».— «Чтения ОИДР», 1895, кн. 1, отд. I, стр. 1—24.

Начиная с зимы 1612 г., когда народное ополчение освободило Москву от интервентов, земельные раздачи приобрели несравненно больший размах; особенно массовыми они были в 1612—1614 и 1619—1620 гг. Весьма значительное количество земель (несколько десятков тысяч десятин) перешло в руки бояр и столичных служилых людей, получавших крупные участки. Лица, близкие к новому царю, «владущие», «сильные люди» спешили использовать свое положение[1]. Однако для определения характера правительственной политики важнее раздача земли небольшими участками представителям дворянства различных чинов и званий и отчасти казакам, участникам борьбы за освобождение Москвы, а также участникам защиты Москвы «в королевичев приход» в 1618 г. Перед начальниками ополчения, освободившими Москву от интервентов, и новым правительством сразу же встала задача удовлетворить требования служилых людей городов, оккупированных поляками и перешедших затем к Польше по Деулинскому перемирию, а также особенно разоренных в годы интервенции (Смоленск, Вязьма, Белая, Дорогобуж, Верея, Руза, Можайск, Серпейск, Козельск, Брянск, Лихвин, Воротынск, Мещовск, Стародуб, Почеп, Рославль, Новгород-Северский и др.). В число служилых людей, которые претендовали на получение земель, входили также дворяне и дети боярские и других уездов, пострадавших в той или другой степени от разорения, дворцовые слуги низших категорий. Требования этой рядовой массы служилых людей, нуждавшихся в первую очередь в наделении поместьями, и определили огромный размах земельных раздач в царствование Михаила Федоровича. Давление этой дворянской массы отразилось, как указано выше, на всем законодательстве этого периода.

В раздачу пошли дворцовые и черные земли Замосковного края, так как они сохранили крестьянское население. Пока еще нет возможности подвести какие-либо общие итоги этих раздач. В Замосковном крае раздача захватила более 20 уездов. Можно определить, однако, самые важные районы, где были испомещены служилые люди. Целиком были розданы черные земли обширного Белозерского уезда (более 3 тыс. крестьянских дворов)[2], сильно пострадали дворцовые и черные волости Вологодского и Пошехонского уездов, весьма значительные по размерам черные волости Галицкого уезда, дворцовые волости Владимирского и других уездов. В первой четверти столетия черные земли в Замосковном крае были полностью израсходованы[3]. Фонды дворцовых владений были до такой степени истощены, что в 1613 г. правительство пыталось ограничить их раздачу, но не устояло перед натиском дворянства и отменило этот указ в 1618 г.;

---

[1] «Докладная выписка 1613 г. о вотчинах и поместьях». — «Чтения ОИДР», 1895, кн. 1, отд. I, стр. 1—24.

[2] ЦГАДА. Писцовые книги, № 591 и 592 (1626/27 г.). За церковными учреждениями — более 2200 дворов.

[3] *Ю. В. Готье.* Указ. соч., стр. 206—210, 223—230, 254—255; *В. Н. Седашев.* Указ. соч., стр. 5.

в 1627 г. ограничительный указ был повторен, но и на тот раз не мог быть выполнен с достаточной строгостью[1].

Исчерпание земельных фондов в центральных уездах повело к тому, что раздаче подверглись дворцовые и черные земли за пределами Замосковного края, к югу от Оки, в уездах: Касимовском, Шацком, Рязанском, Алексинском, Брянском, Рыльском, Путивльском, Новгород-Северском и др.

Раздача дворцовых земель продолжалась и во второй половине столетия. Групповые пожалования небольшими количествами земли имели место в 1659 г. (150 стольникам, стряпчим, дворянам московским и жильцам); в 1677 и 1682 гг. (беспоместным жильцам), в 1676 г. (быховской шляхте) и т. д. Но основная масса дворцовых земель доставалась теперь близким ко двору людям — царским родственникам и фаворитам. При царе Алексее Михайловиче было роздано из дворцовых земель 13 960 крестьянских дворов. При царе Федоре Алексеевиче — 6274 крестьянских двора (в том числе князю В. В. Голицыну — 2186 дворов). С 1682 по 1690 г. было роздано 17 168 дворов, с 1690 по 1699 г.—7337 дворов. Более всего получили царские родственники: Милославские, Нарышкины, Лопухины, Апраксины, Салтыковы, а также Хованские, Стрешневы, князь Б. Голицын и др. Одни Нарышкины в период от 1684 по 1699 г. получили из дворцовых владений около 6500 дворов[2].

За исчерпанием черных земель и истощением запасов дворцовых дворянское землевладение в центральных уездах продолжало расти за счет захватов так называемых «примерных земель», т. е. земель, находившихся в границах земельных «дач» служилых людей, но не утвержденных за ними[3]. Наконец, правительство располагало большим фондом запустевших, «порозжих» земель; но эти земли служилые люди брали неохотно[4].

В пределах Нижегородского и Арзамасского уездов в XVII в. еще сохранились большие массивы «царских мордовских вотчин». Плодородные земли, богатые леса (мордовские бортные угодья) и возможность их прибыльной эксплуатации, ввиду близости Волги, привлекали сюда крепостников. К концу 40-х годов здесь укрепился ряд крупных владельцев: князья Я. К. Черкасский, И. А. Голицын, Б. А. Репнин, Ф. С. Куракин, бояре И. П. Шереметев, М. М. Салтыков; сюда же устремил свое внимание всесильный боярин Б. И. Морозов, и здесь были расположены основные его владения[5].

На юге государства, в украинных и полевых уездах, находился еще

---

[1] «Указная книга», стр. 43, 59.

[2] ЦГАДА. Дворцовый архив, оп. 38, д. 47, 78.

[3] *И. Шульгин*. К вопросу о «примерных землях».— «Известия Константиновского межевого ин-та», т. XVII, стр. 12—13; *В. Н. Седашев*. Указ. соч., гл. VII; «Указная книга», стр. 54—58.

[4] «Указная книга», стр. 42, 46, 49—50.

[5] *Д. И. Петрикеев*. Земельные владения боярина Б. И. Морозова.— «Исторические записки», № 21, стр. 68—71.

огромный в то время запас «дикого поля». Уступая требованиям дворянства, правительство разрешило приобретать там землю по особым нормам, сверх обычных окладов[1]. Однако получение земель в «диком поле» мало привлекало крепостников, потому что для заведения на них хозяйства требовались большие средства и, главное, рабочие руки.

Заинтересованность дворянства в развитии хозяйства на плодородных землях южных уездов привела к столкновению его с приборными служилыми людьми. Приборные служилые люди играли важную роль в обороне южных границ государства; они же составляли основной контингент, из которого формировались полки нового строя. Правительство отдавало себе отчет в том, что проникновение крепостнического землевладения в южные уезды было опасно для существования мелкого трудового землевладения приборных служилых людей и угрожало нарушить всю оборонительную систему и планы организации полков нового строя. Поэтому, пока требовала политическая обстановка, правительство сдерживало распространение крепостнического землевладения в украинных уездах и защищало приборных служилых людей и их землевладение от натиска крепостников-землевладельцев.

Вполне понятно, что при отсутствии сколько-нибудь твердых правовых гарантий и при экономической своей маломощности, приборные служилые люди не могли бы выдержать борьбы с землевладельцами-крепостниками. Как указано выше, в 1637 г. правительство закрыло доступ в южные уезды служилым людям столичных и других чинов «по отечеству». В 1647—1648 гг. правительство пошло дальше и «отписало» все поместные и вотчинные владения столичных людей и монастырей, сложившиеся в Лебедянском и других смежных уездах, и наделило владельцев землей в других местах. Однако эта охранительная политика не могла устоять против систематического нажима дворянства, особенно его высших чинов, которые находили обходные пути и средства воздействовать на правительство, как они делали и по другим основным для дворянства вопросам — закрепощения крестьян, их сыска и др. В 70—80-х годах правительство не раз подтверждало и отменяло запретительный указ 1637 г., но удержать стремление крепостнического землевладения на черноземные земли юга не могло[2].

Проникновение крепостнического землевладения вызвало резкое сопротивление мелкопоместных служилых людей. В 1673 г., когда из Поместного приказа были посланы люди для раздачи представителям столичного и городового дворянства земель из «диких полей», в южных уездах произошли «бои и ослушанье детей боярских, и казаков, и помещиковых и вотчинниковых людей и крестьян». Украинные служилые люди, «скопясь многолюдством, бунтом со всяким ружьем к межевщикам на землю при-

---

[1] «Указная книга», стр. 134—135.

[2] *Н. Новомбергский.* Вымученные кабалы в Московской Руси XVII столетия. — «Журнал министерства юстиции», 1915, № 5, стр. 288—338; № 6, стр. 192—247.

ходили и их с земли сбили», произвести межевания не дали. Потребовались насильственные меры, чтобы сломить их сопротивление[1].

В 70—80-х годах произошел решительный перелом в правительственной политике. К тому времени безопасность южной окраины была обеспечена. Представители дворянства стали приобретать в южных уездах «порозжие» земли, покупать и менять земли приборных служилых людей и захватывать их насильственно. На этих землях они заводили хозяйство, заселяли их крестьянами, которых переводили из своих замосковных владений, беглыми и, наконец, закабаленными приборными служилыми людьми. К концу столетия некоторые из южных уездов (например, Кромский) были уже полностью захвачены этой стремительной экспансией крепостнического землевладения. В течение последней четверти XVII в. крепостническое землевладение проникало все далее к югу и в XVIII в. могло торжествовать свою победу[2].

Итоги переписных книг 1678 г. дают наглядное представление о том, каких результатов достигло дворянство в утверждении своего социального господства. Из 888 тыс. тяглых дворов, которые насчитала перепись 1678 г., только 92 тыс. принадлежали посадским людям и черносошным крестьянам (10,4%); вся остальная масса тяглого населения, т. е. почти $^{9}/_{10}$, находилась в крепостной зависимости от дворца, церкви и дворянства. Из этой закрепощенной массы 118 тыс. дворов (13,3%) принадлежало церкви, 83 тыс. (9,3%)— дворцу, 88 тыс. (10%)— боярам. Остальные 507 тыс. дворов (57%) принадлежали другим светским феодалам[3].

Процесс освоения дворянством поместного землевладения был вместе с тем процессом усиления закрепощения поместного крестьянства. После Уложения правительство еще пыталось некоторое время рассматривать крестьян в качестве принадлежности поместья, откуда проистекали известные ограничения личных прав помещика на крестьян. Но по мере того как все более развивалась и укреплялась практика обращения служилых людей с поместьем как с вотчиной, все более утверждалось такое же представление о поместных крестьянах, как о крестьянах вотчинных. В конце XVII в. полное смешение поместных крестьян с вотчинными и даже продажи («поступка») их уже не встречали препятствий со стороны правительства.

* * *

В стремлениях дворянства на первый взгляд можно усмотреть противоречие. С одной стороны, уездное дворянство добивалось от правительства гарантий сохранения за собой земельных фондов; с другой — оно само же

---

[1] ПСЗ, т. I, № 580, стр. 943; т. II, № 734, стр. 179.

[2] См. *А. А. Новосельский.* Распространение крепостнического землевладения в южных уездах Московского государства в XVII в. — «Исторические записки», № 4, стр. 21—40.

[3] ПСЗ, т. II, № 1210, стр. 817—820; *Г. К. Котошихин.* О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906, стр. 143—144; *В. О. Ключевский.* Курс русской истории, ч. III, М., 1937, стр. 250.

разрушало действие ограничительного законодательства, добиваясь свободы и полноты распоряжения поместными землями. Однако противоречивость здесь только кажущаяся. Дворянство настаивало на ограничительном законодательстве после периода интервенции, защищаясь от земельных захватов верхов класса феодалов — боярства и столичных служилых людей. Но постепенно возобладала вторая тенденция — добиться вообще уничтожения замкнутости верхних групп класса феодалов и полного «одворянения» господствующего класса.

Само уездное дворянство не было однородным, и интересы его не были одинаковыми. Уже с XVI в. оно было организовано в особые территориальные общества, носившие название «служилых городов». Уездные служилые люди начинали свою службу обычно с 15-летнего возраста в «новиках» и затем постепенно повышались в «чинах». Попасть в высший чин «выборного» дворянина было невозможно, минуя чины детей боярских городовых и дворовых. Лишь немногие из детей боярских дослуживались до высшего чина выборного дворянина. В этот чин попадали за многолетнюю службу; учитывалась также родовитость служилых людей.

Выборные дворяне составляли меньшинство в «служилом городе»; они были намного лучше обеспечены землей и крестьянами по сравнению с детьми боярскими. Принадлежа к лучшим, наиболее сильным и многочисленным семьям и родам, выборные дворяне образовали в составе «городов» правящие группы. Входя в комиссии «окладчиков», они определяли во время «верстаний» и смотров размеры земельных окладов и решали вопрос о переводе служилых людей из «чина» в «чин». Из их числа назначались командиры (головы) конных сотен во время походов, а следовательно, и прохождение службы городовых служилых людей в значительной степени зависело от них же. Выборные дворяне, как правило, представительствовали от уездного дворянства на земских соборах и вообще во всех случаях защищали интересы уездного дворянства перед правительством[1].

Верхи уездного дворянства, в особенности выборные дворяне, тяготели к Москве и упорно прорывались в ряды столичных чинов. Для них рамки городовой организации оказывались тесными. Выборные дворяне в XVI в. периодически призывались на службу в Москву. В XVII в. эта практика призыва в Москву прекратилась, «выбор» осел по городам в качестве высшего чина городовых служилых людей. Но и после этого связь их с Москвой сохранилась, как сохранилась и некоторая их привилегированность по сравнению с остальными детьми боярскими. Во-первых, можно проследить, как выборные дворяне в значительном числе проникают в чин дворян московских, переводя младших по возрасту членов своих семей в чин «жильцов», и как, таким образом, «выборные» нередко

[1] *А. А. Новосельский.* Правящие группы в служилом городе XVII в.— «Ученые записки Ин-та истории РАНИОН», т. V, М., 1928, стр. 315 и сл.

Стольник В. Ф. Лыткин. Портрет маслом работы неизвестного художника 1695 г.
Государственный Исторический музей

целым родом порывали связь с «городами», откуда они произошли[1]. Во-вторых, выборным дворянам было предоставлено право приобретать земли за пределами своих уездов[1]. Это отступление от правила наделять служилых людей в тех уездах, где они служили, ускоряло разрушение городовой организации.

---

[1] Происхождение чина «выборных дворян» исследован в работе: *В. И. Новицкий.* Выборное и большое дворянство XVI—XVII вв. Киев, 1915. Не подтверждается, по нашему мнению, взгляд Новицкого о практике службы «выбора» в Москве при царе Михаиле. См. *А. А. Новосельский.* Правящие группы..., стр. 316.

[2] В приговоре по одному частному делу от 1634 г. есть указание на не дошедший до нас указ, разрешавший «выбору» приобретать себе земли вне пределов своих городов. См. *С. А. Шумаков.* Сотницы, грамоты и записи, вып. IV («Чтения ОИДР», 1908, кн. 4, отд. I, стр. 130—131). Упоминается этот указ также в Уложении о поместьях и вотчинах 1636 г. под 15—16 декабря (см. «Указная книга», стр. 119). Возможно, что этот указ действовал еще до царя Михаила.

С другой стороны, несостоятельной оказалась и попытка закрыть служилым людям столичных чинов доступ в уезды. В 1639 г. столичным служилым людям вообще было запрещено приобретать земли в уездах от городовых служилых людей[1]. В 1647 г. этот указ был отменен как совершенно нежизненный, и вновь было разрешено обращение земель между городовыми и столичными служилыми людьми[2]. Пополнение столичных чинов главным образом за счет притока снизу настолько увеличило их численность, что обнаружилась избыточность их для службы по Москве. К концу столетия численность служилых людей по «московскому списку» достигла очень крупной цифры. В 1681 г. в нем значилось 6385 человек. Вследствие этого стало наблюдаться новое явление — оседание столичных чинов, сначала жильцов, а затем московских дворян, стряпчих и даже стольников по городам, и службу свою они несли не по Москве, а вместе с городовыми дворянами и детьми боярскими, в полках нового строя и в сохранившихся еще конных дворянских сотнях.

Таким образом, происходило взаимопроникновение двух основных категорий служилых людей и смешение их. Сильный удар старому «чиновному» строю феодального класса нанесли реорганизация поместного войска и создание полков нового строя, в котором старые «чины» не могли найти применения. Во второй половине XVII в. старинная «чиновная» структура служилого сословия становится архаизмом. Она тем более утрачивает свое реальное значение, что с укреплением государственного бюджета усиливалось финансирование войска, уменьшалось до некоторой степени значение землевладения как средства непосредственного основного обеспечения военной службы.

* * *

Наличие городовой организации уездного дворянства давало ему возможность, особенно в первой половине XVII в., с большой силой и успехом, отстаивая свои интересы, бороться против привилегированных боярских верхов, против «сильных людей»—бояр. Периодически сосредоточиваясь в Москве, обычно во время походов на пограничную службу, уездные служилые люди не упускали случая произвести давление на правительство и добиваться удовлетворения своих коренных классовых требований по вопросам о закрепощении крестьян и обеспечении себя землей. Уездные служилые люди не боялись довольно резко фрондировать против правительства, поднимать в Москве «рокоши», подобные «рокошам» польской шляхты, а иногда и принимать прямое участие в открытых выступлениях против правящих верхов. Правительство вынуждено было считаться с этими выступлениями, потому что дворянство было главной опорой самодержавия и представляло собой внушительную вооруженную силу, и даже в Москве, где правительство могло бы опереться на стрелецкое войско, эти выступления возбуждали серьезные опасения.

[1] «Указная книга», стр. 127.

[2] Там же, стр. 133, 134.

Острая зависть и ревность к привилегированным боярству и людям столичных чинов питали эти дворянские выступления. Их возглавляли выборные дворяне, привыкшие командовать и властвовать у себя в уездах. Выборные командовали сотнями, назначались на должности стрелецких голов, а иногда бывали воеводами в городах. Именно представители выборного уездного дворянства приняли активное участие в восстании в Москве 1648 г. и громили, вместе с восставшими посадскими людьми, стрельцами и холопами, двор боярина Б. И. Морозова[1].

Однако все эти выступления дворянства отнюдь не носили характера классовой борьбы. Напротив, дворянство стояло на тех же классовых позициях, что и правящие верхи, против которых оно выступало. Требования дворян были чисто феодальными. В течение XVII в. известно весьма значительное количество коллективных выступлений дворянства со своими челобитьями и на земских соборах. В первой половине столетия дворянство добивалось в первую очередь ускорения закрепощения крестьян, а именно — отмены «урочных лет» для сыска беглых крестьян[2]. Во второй половине века дворяне требовали преимущественно того, чтобы правительство обеспечило им организационную помощь в борьбе с крестьянскими побегами[3], а также мер против судебной волокиты и «справедливого» для них суда против «мочных и сильных людей». Те же требования дворянства вызывали меры, зафиксированные Уложением 1649 г., против роста монастырского землевладения и привилегированного суда для представителей духовенства.

Второе основное требование дворянства касалось вопросов землевладения, а именно обеспечения их владений от насильственных захватов со стороны боярства и столичных чинов. В ряде коллективных челобитных начала 80-х годов дворяне очень энергично и настойчиво добивались осуществления валового межевания и описания земель как гарантии против земельных захватов[4]. Общее межевание в эти годы не было осуществлено.

Колебания в указанной деятельности правительства по всем этим вопросам были прямым отражением борьбы конкурировавших сил внутри

---

[1] *А. А. Новосельский*. Правящие группы..., стр. 334—335; *С. В. Бахрушин*. Московский мятеж 1648 г.— «Сборник статей в честь М. К. Любавского», Пг., 1917, стр. 748—749; см. также: Научные труды, т. II, стр. 83—85.

[2] *П. П. Смирнов*. Челобитные дворян и детей боярских всех городов в первой половине XVII в.— «Чтения ОИДР», 1915, кн. 3, отд. I, стр. 1—70.

[3] *А. А. Новосельский*. Побеги крестьян и холопов и их сыск в Московском государстве второй половины XVII в.— «Труды Ин-та истории РАНИОН», сб. статей, вып. 1, М., 1926, стр. 327—354.

[4] *А. А. Новосельский*. Коллективные дворянские челобитья по вопросам межевания и описания земель в 80-х годах XVII в.— «Ученые записки Ин-та истории РАНИОН», т. IV, М., 1929, стр. 103—108; *С. Б. Веселовский*. Материалы по истории общего описания всех земель Русского государства в конце XVII в.— «Исторический архив», т. VII, М., 1951, стр. 300—396.

господствующего класса феодалов. В 70—80-х годах запрещение распространения крепостнического землевладения в южных уездах несколько раз подтверждалось и отменялось. Подтверждались, отменялись или изменялись сроки выдачи беглых с «черты». Между 1661—1698 гг. четыре раза отменялось и подтверждалось постановление о взыскании «зажилых денег» и наддаточных крестьян за держание беглых. В 80-х годах выносились многократные постановления о валовом межевании земель, отменялось и изменялось содержание указов.

* * *

Выступления дворянства не были направлены против царской власти. Дворянство было и оставалось самой надежной опорой самодержавия. Боярство, теряя свой аристократизм, делало в XVII в. попытки, хотя и слабые, обеспечить за собой руководящее положение в правительстве. Если не считать некоторых довольно неопределенных сообщений источников о попытке бояр ограничить власть царя Михаила, можно указать в XVII в. только один случай, когда олигархические тенденции боярства проявились с достаточной ясностью: это боярская попытка в конце 1681 г. разделить государство на наместничества и поставить во главе их «великородных людей» в качестве «вечных», т. е. бессрочных, наместников. Аристократический характер этой попытки нашел выражение также и в той иерархии, которую предполагалось установить среди наместников, воевод и высших чинов, заседавших в Думе.

Несомненно, в связи с этой аристократической попыткой стоит последовавшая в начале 1682 г. отмена местничества. Источники приписывают крушение планов «палатских подустителей» вмешательству патриарха Иоакима[1]. Но нет никакого сомнения в том, что решающей силой, опрокинувшей планы боярства, было дворянство. Выборные «московских чинов люди и окладчики из городов», созванные в Москве по указу 7 декабря 1681 г. «для государевых ратных и земских дел», быстро реагировали на боярскую попытку; они довели до сведения царя свое пожелание, чтобы «для совершенной в ратных, посольских и всяких делах прибыли и лучшаго устроения указал бы великий государь всем боярам, окольничим, думным и ближним людям и всем чинам быть на Москве в приказах и полках у ратных, посольских и всяких дел и в городах между собою без мест, где кому великий государь укажет, и вперед никому ни с кем разрядом и местами не считаться, разрядные случаи и места отставить и искоренить, чтобы вперед от тех случаев в ратных и всяких делах помешки не было»[2]. В торжественном заседании Боярской думы 12 января 1682 г. местничество, как обычай, причиняющий вред во всех

[1] *В. К. Никольский.* «Боярская попытка» 1681 г.— «Исторические известия», изд. Истор. об-вом при Моск. ун-те, кн. 2, 1917, стр. 77 и др.

[2] *С. М. Соловьев.* История России, кн. 3, стб. 876—877.

Серебряная резная чара князя И. Б. Черкасского, 1635 г.
Государственный Исторический музей

делах, ратных, посольских и всяких иных, было отменено[1]. Таким образом, не только рухнула олигархическая попытка, несомненно, внушенная представителями боярства, но и был нанесен новый сильный удар остаткам феодальной аристократической традиции.

В 1682 г. аристократические группы пытались опереться на мятежное стрелецкое войско. Но мятеж был сломлен правительством Софьи при помощи дворянства.

В свою очередь заговор Шакловитого с опорой на стрельцов лишил царевну Софью поддержки дворянства и сплотил последнее вокруг Петра[2].

Разгром феодальной аристократии во времена Грозного и последующие потрясения существенно изменили состав боярства. Знатность происхождения перестала играть роль единственного признака, по которому пополнялось боярство. Боярство росло и пополнялось за счет людей, далеких от аристократии. Родство с царем (Стрешневы, Милославские, Нарышкины и др.) выдвинуло в ряды боярства многочисленные группы людей из среды неродословного дворянства. Выдвижение лиц из приказной бюрократии было вторым, еще более важным источником пополнения

[1] СГГиД, ч. IV, М., 1828, № 130, стр. 396—410; ПСЗ, т. II, № 905, стр. 368—379.

[2] *М. И. Белов*. К истории дипломатических отношений России во время крымских походов (1686—1689 гг.).— «Ученые записки ЛГУ», Серия истор. наук, 1949, вып. 14, стр. 180, 182.

Стул русской работы, конец XVII в.

Государственный Исторический музей

правящих сфер. Близость к царю возвышала людей худородных, по принципу «всяк велик и мал живет государевым жалованьем»[1].

Дворянство в XVII в. постепенно вытесняло старое боярство и титулованную знать из высшего правительственного аппарата. Дворянство начинало играть все бо́льшую роль в Боярской думе. Большинство судей в приказах принадлежало в XVII в. именно к среднему дворянству. Появились новые фамилии, богатые административным опытом, обеспечившим им влиятельные посты в правительственном аппарате: Акинфиевы, Головины, Елизаровы, Желябужские, Матюшкины, Пушкины, Ртищевы, Соковнины, Хитрово и др.[2]

Основным признаком, выделяющим правящую знать из всего состава класса феодалов, стало богатство, размеры феодальных владений. По списку владений, составленному в 1637—1638 гг. в Приказе сбора ратных людей, на каждого члена Боярской думы приходилось в среднем по 520 крестьянских дворов; на каждое лицо, служившее по московскому списку,—по 34 двора, между тем как на уездного служилого человека (не считая беспоместных) — только по пять-шесть дворов[3]. Из этих данных видно, что политическое влияние боярства обусловливалось его экономической силой.

Размеры владений правящей верхушки были далеко не одинаковы. По данным переписных книг 1678 г. можно установить более точную картину земельных владений думных чинов. Бояре в среднем имели по 830 крестьянских дворов, окольничие — по 230, думные дворяне — по 150, думные дьяки—по 92 двора.

Из 42 бояр самые крупные владения были у князя И. А. Воротынского (более 4600 дворов), у П. М. Салтыкова (более 3 тыс. дворов), у князей Я. К. Черкасского и Я. Н. Одоевского (около 2 тыс. дворов

---

[1] О составе Боярской думы см. ниже, в соответствующем разделе.

[2] *С. К. Богоявленский.* Приказные судьи XVII в. М.—Л., 1946, стр. 231—314.

[3] *А. И. Яковлев.* Приказ сбора ратных людей. М., 1917, стр. 257—260.

у каждого). Далее цифры владений снижаются и доходят у некоторых бояр до нескольких десятков дворов[1].

Между знатностью и богатством часто не было соответствия. Многие представители знати беднели и опускались в низшие разряды служилого сословия. Напротив, люди менее знатные или близкие ко двору и пользовавшиеся фавором могли достигать большого богатства. Наиболее ярким примером является боярин Б. И. Морозов. К 20-м годам его родовые владения (в Галицком, Звенигородском и Московском уездах) составляли всего 151 крестьянский двор. К началу 60-х годов его владения возросли до 9100 крестьянских и бобыльских дворов[2]. При царе Федоре Алексеевиче было пожаловано только из дворцовых владений князю В. В. Голицыну около 2200 дворов.

* * *

Церковь представляла собой влиятельнейшую организацию господствующего класса феодалов. Она освящала его господство, внедряла в сознание трудящихся масс представление о незыблемости существующего строя, необходимости подчинения установленным властям от царя до помещика и всякого должностного лица, поставленного верховной властью.

Церковь имела разветвленную организацию, охватывавшую всю территорию страны. После учреждения патриаршества в 1589 г. русскую церковь возглавлял «патриарх Московский и всея Руси». В его подчинении находились митрополиты, назначавшиеся в наиболее крупные города, архиепископы, епископы, черное (монашество) и белое (городские и сельские священники и дьяконы) духовенство.

Русское духовенство пополнялось из различных общественных классов. Высшее духовенство и монахи в большинстве принадлежали к классу феодалов и пользовались значительной частью преимуществ и привилегий, присвоенных этому классу. Представители класса феодалов — бояре и дворяне — нередко шли в монахи. Со временем некоторые из них посвящались в епископы и получали назначение на ту или иную епископскую кафедру. Известный келарь Троице-Сергиева монастыря Авраамий Палицын происходил из дворянской семьи Палицыных, патриарх Иосиф — из тамбовских дворян Дьяковых, патриарх Иоаким — из дворянской семьи Савеловых и т. д.

Белое духовенство — городские и сельские священники, дьяконы и дьячки — пополнялось главным образом из своей собственной среды. Отец протопопа Аввакума был священником «в нижегороцких пределех»,

---

[1] *А. А. Новосельский.* Роспись крестьянских дворов, находившихся во владении высшего духовенства, монастырей и думных людей по переписным книгам 1678 г. — «Исторический архив», т. IV, М.—Л., 1949, стр. 88—149.

[2] *Д. И. Петрикеев.* Указ. соч., стр. 54, 65 и др.

по пути отца пошел и Аввакум[1]. Но нередки были случаи, когда посадские и крестьянские миры избирали духовенство из своей среды[2]. Протопоп Успенского собора в Устюге Великом Владимир Никитин был избран на этот пост в середине XVII в. из подьячих устюжской съезжей избы. По происхождению он посадский человек. Изредка в среду высшего духовенства попадали и выходцы из крестьян. Патриарх Никон, например, происходил из крестьян Нижегородского уезда. Приходское, или белое, духовенство по своему положению было ближе к трудящимся классам населения, но, разумеется, с ними не сливалось, поскольку оно кормилось от доходов со своей «паствы», т. е. за счет эксплуатации трудящихся. Приходское духовенство находилось в зависимости от епархиальных архиереев не только в сфере чисто церковных вопросов, оно было обязано платить им ежегодную дань, так называемую «десятину», десятую часть своих доходов. Размеры десятины иногда определялись усмотрением епархиального архиерея[3].

Каждая епископская кафедра, патриарх и монастыри имели обширные земельные владения, населенные крепостными крестьянами, которые несли феодальные повинности в пользу патриарха, епископов и монастырей. Церковь, таким образом, была крупнейшей феодальной организацией.

Рост церковного землевладения задевал интересы дворянства, так как этим самым сокращалось количество земель, которые можно было раздавать в поместья. Вот почему верховная власть еще в XVI в. делала попытки лишить духовных феодалов их земельных богатств или во всяком случае ограничить их дальнейший рост. Только к концу XVI в., в результате разгрома боярской оппозиции, власть московских самодержцев настолько укрепилась, что можно было принять серьезные меры к ограничению роста церковного землевладения: в 1580—1584 гг. русским монастырям было запрещено приобретение земель.

После ликвидации интервенции, когда перед правительством встала задача наделения землей разоренного дворянства и пополнения опустошенной государственной казны, неизбежно вновь возник вопрос и об отношении к церковному землевладению, его росту и тем повинностям, которые следовало платить в казну с церковных земель. В 1619 г. был образован Сыскной приказ, который занялся пересмотром жалованных грамот и подтверждением их от имени царя Михаила. Правительство, не затрагивая земельных угодий, пожалованных прежними государями, значительно ограничивало податной иммунитет. Важнейшие из прямых налогов XVII в.— ямские и стрелецкие деньги, или стрелецкий хлеб, стали взиматься и с церковных вотчин. Равным образом не освобождались они и от острожного и городового дела, т. е. от возведения укреп-

---

[1] «Русская историческая библиотека» (далее — РИБ), т. 39, Л., 1927, стб. 8.

[2] ЦГАДА. Приказные дела старых лет, 1666 г., д. 99, лл. 122, 135.

[3] ААЭ, т. III, СПб., 1836, № 123, стр. 170—173; № 164, стр. 231—233.

лений. А некоторые монастыри, расположенные в черносошных уездах, вообще лишались всяких податных льгот[1].

Правительство XVII в., не отказываясь в принципе от соборных постановлений конца XVI в., запрещавших рост церковного, в частности монастырского, землевладения, тем не менее допускало частичные отступления от этих решений, особенно когда во главе русской церкви стал отец царя, патриарх Филарет (1619—1633). В 1628 г. по царскому указу было разрешено свободное распоряжение выслуженными вотчинами, в том числе и отдача их в монастырь «на помин души»[2]. Продолжался рост церковных имуществ и по царским пожалованиям, особенно патриархам. В первой половине XVII в. наиболее крупные земельные угодья получил патриарх Филарет и отчасти Иосиф[3]. Церковь сохранила ряд феодальных привилегий, придававших ей значительную самостоятельность и независимость от светской власти. Патриарх имел собственные приказы, через которые управлял своими многочисленными вотчинами и чинил суд и расправу над их населением[4].

Духовные вотчинники освобождались от подсудности общегосударственным учреждениям и подлежали суду самого царя, который осуществлял его через Приказ Большого дворца. В 1648—1649 гг. правительство под влиянием дворянства категорически запретило духовенству и церковным учреждениям приобретать новые земли и внесло это решение в Соборное уложение 1649 г. Нарушение этого запрещения влекло за собой конфискацию купленной или подаренной вотчины[5].

По Уложению, церковь не только потеряла легальную возможность увеличивать свои земельные владения, но и лишилась подавляющего большинства своих городских владений — торгово-ремесленных слобод и дворов на посадах. Посадская реформа 1649—1652 гг. была осуществлена главным образом за счет конфискации слобод и городских дворов у церкви. По неполным данным, основанным на переписных книгах 1646 г. и строельных книгах Приказа сыскных дел 1649—1652 гг., в церковных вотчинах было не менее 4566 городских и слободских дворов. В 1649—1652 гг. было конфисковано не менее 3620 дворов, т. е. около 80% всех городских владений, крупных духовных вотчинников. Около 60% всех частновладельческих дворов, взятых в это время в посады, пришлось именно на долю церковных владений[6].

---

[1] *С. Б. Веселовский.* К вопросу о пересмотре и подтверждении жалованных грамот в 1620—1630 гг. в сыскных приказах.— «Чтения ОИДР», 1907, кн. 3, отд. IV, стр 17, 18, 28—30, 41—47; ЦГАДА. Грамоты Коллегии экономии по Соли Камской, № 11235/103, лл. 1—2.

[2] «Уложение 1649 г.», гл. XVII, ст. 42.

[3] *М. И. Горчаков.* О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и св. Синода (988—1738 гг.). СПб., 1871, стр. 329—330. Прилож., стр. 32—37.

[4] *С. К. Богоявленский.* Приказные судьи XVII в. М.—Л., 1946, стр. 100—113.

[5] «Уложение 1649 г.», гл. XIII, ст. 1; гл. XVII, ст. 42.

[6] *П. П. Смирнов.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в., т. II, стр. 593—607.

Во время Земского собора 1648—1649 гг. дворяне, поддержанные гостями, торговыми людьми гостиной и суконной сотен и посадскими людьми, потребовали конфискации всех церковных вотчин, приобретенных после 1580 г., и раздачи их в поместья. Однако правительство не решилось на столь смелую меру[1].

Более того, решения Уложения полностью не остановили роста церковного землевладения. Продолжались и царские пожалования земельных угодий и приобретение их через покупки, вклады и заклады, особенно в северных уездах, где монастыри путем ростовщических операций захватывали земли, находившиеся в пользовании черносошного крестьянства. Наиболее значительные царские пожалования приходятся на время патриаршества Никона (1652—1658). Патриарху и вновь построенным им монастырям — Воскресенскому, Иверскому и Крестному—было пожаловано много населенных земель и рыболовных угодий в разных уездах[2]. По переписным книгам 1678 г., в городах и уездах, находившихся в ведении Поместного приказа, числилось за патриархом 7128 дворов, за епархиальными архиереями — 11 661 двор, за монастырями и церквами — 97 672 двора, всего в церковных владениях — 116 461 двор[3]. Тем не менее удельный вес церковных владений значительно упал.

Подверглись некоторому ограничению привилегии церкви в области управления и суда. По Уложению, сохранил свои привилегии только патриарх. Управление его вотчинами и после Уложения было сосредоточено в патриарших приказах. Не потерял он и судебных прав[4]. Все остальные церковные и монастырские земли, по Уложению, были изъяты из ведения Приказа Большого дворца и переданы в управление вновь созданного Монастырского приказа. В этом же приказе были сосредоточены и все судебные дела по гражданским искам к духовенству и населению церковных и монастырских вотчин. Свои иски к посторонним лицам духовенство, монастыри и их люди должны были предъявлять в соответствующих приказах по подсудности ответчиков и в случае встречных исков отвечать в этих приказах. Более того, по мелким искам, не превышавшим 20 руб., население церковных вотчин должно было судиться у городовых воевод по месту своего жительства[5]. Во главе Монастырского приказа были поставлены царские окольничие и дьяки[6].

Церковь не без борьбы приняла эти постановления Уложения. Патриарх Никон в период своей ссоры с царем Алексеем Михайловичем с боль-

---

[1] *П. П. Смирнов.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. т. II, стр. 230—233.

[2] *М. И. Горчаков.* Указ. соч., стр. 330—337.

[3] *А. А. Новосельский.* Роспись крестьянских дворов, находившихся во владении высшего духовенства, монастырей и думных людей, по переписным книгам 1678 г.— «Исторический архив», т. IV, М.—Л.,1949, стр. 91—122.

[4] «Уложение 1649 г.», гл. XII, ст. 1—3.

[5] Там же, гл. XIII, ст. 1—3.

[6] *С. К. Богоявленский.* Указ. соч., стр. 85—87.

шой резкостью выступал против Уложения[1]. Большинство иерархов занимало ту же позицию. Церковь доказала свою силу, добившись отмены некоторых постановлений Уложения. Церковный собор 1667 г. вынес решение о недопустимости светского суда над духовенством по гражданским и по уголовным делам, что было утверждено царем[2].

Освобождение духовенства от светского суда почти полностью лишило Монастырский приказ его судебной компетенции. В нем осталось только управление монастырскими и архиерейскими вотчинами. Духовенство добилось в конце концов упразднения Монастырского приказа в 1677 г., по челобитной патриарха Иоакима. Монастырские и архиерейские вотчины вновь были подчинены ведению Приказа Большого дворца[3].

Но в начале XVIII в. Монастырский приказ был восстановлен с более широкой компетенцией[4].

Итак, в XVII в. класс феодалов сделал значительный шаг вперед по пути утверждения своего господствующего положения в Русском государстве. В течение XVII в. постепенно разрушались внутренние перегородки, разделявшие класс феодалов на различные «чины», падало значение феодальной аристократии. Происходило сплочение класса феодалов, его «одворянение». Расширялись и укреплялись права феодалов на землю. В первую очередь под действием экономических сдвигов в стране поместное землевладение освобождалось от свойственных ему специфических черт условного землевладения, сливалось с вотчинным и поглощалось последним. В связи с общим укреплением своих позиций дворянство произвело огромные захваты земель — черных, дворцовых, приборных служилых людей и «дикого поля». Дворянство достигло новых успехов в овладении трудом крестьянства и его закрепощении. Поддерживая и укрепляя самодержавие, дворянство использовало его как орган своего классового господства для подавления антифеодальных народных движений и для усиления эксплуатации угнетенного класса.

Церковь в течение всего XVII в. сохраняла в значительной мере свои позиции самостоятельной феодальной организации. Политика светской власти по отношению к церкви определялась стремлением ликвидировать феодальные привилегии церкви, подчинить ее общей системе государственной централизации. Но достичь полного успеха на этом пути дворянскому правительству не удалось. Правительство, нуждаясь в идеологической поддержке церкви, влиявшей на эксплуатируемые массы, должно было уступить напору церковников и отказаться от ряда принятых им мер[5].

---

[1] «Мнение патриарха Никона об Уложении».— «Записки Отдел. русской и слав. археологии Русск. археол. об-ва», т. II, СПб., 1861, стр. 426—427.

[2] ПСЗ, т. I, № 412, стр. 672—678; № 442, стр. 768—770; *М. И. Горчаков*. Монастырский приказ (1649—1725). Опыт историко-юридического исследования. СПб., 1868, стр. 94—97.

[3] ПСЗ, т. II, № 699, стр. 109; *М. И. Горчаков*. Монастырский приказ, стр. 99—101; *С. К. Богоявленский*. Указ. соч., стр. 87.

[4] Раздел о церкви написан Н. В. Устюговым.

[5] См. главу III, § 2 настоящего издания.

6

КРЕСТЬЯНЕ И ХОЛОПЫ

История сельского населения в XVII в. представляет собой единый в целом процесс усиливающегося закрепощения и эксплуатации. Класс феодалов, сплачиваясь в привилегированное дворянское сословие, все более утверждал свое господство над эксплуатируемыми массами сельского населения.

Развитием барщинно-крепостнической системы отмечена история ряда стран Восточной Европы (России, Пруссии, Польши и др.), начиная с XVI в. Изменение форм эксплуатации было приспособлением феодально-крепостнического строя в его поздний период к росту производительных сил и развитию рыночных связей. Огромный подъем классовой борьбы крестьянства с XVII в. был ответом на общее усиление феодальной эксплуатации.

* * *

Крестьянство в XVII в. может быть разделено на две основные категории: крестьян частновладельческих и черносошных. Эти крестьяне различаются как по формам их феодальной эксплуатации, так и по правовому положению.

К категории частновладельческих крестьян относятся крестьяне светских владельцев, крестьяне церковных учреждений (патриарха, епископов, монастырей и церквей) и крестьяне дворцовые. Правда, феодальные владения церковные и дворцовые отличались от частных тем, что собственниками их были не отдельные лица, а учреждения, но это не меняло ни существа феодальной эксплуатации, ни существа правового положения крестьян.

Дворцовые крестьяне составляли население земель, находившихся в ведении Приказа Большого дворца и подчиненных ему приказов. Дворцовое землевладение сложилось в период феодальной раздробленности, увеличивалось за счет «окняжения» черных земель, покупок, мены и присоединения конфискованных частных владений. Поскольку все эти владения приближались по своей юридической природе к частному имуществу царей, постольку и крестьяне, их населявшие, находились в частноправовых отношениях к царю. Обычная система управления дворцовыми владениями при помощи приказчиков, выполнявших те же функции, что и приказчики частных владельцев, виды повинностей (оброк, изделье), распоряжение личностью крестьянина (переселение, передача в частное владение и пр.), позволяют рассматривать дворцовых крестьян наряду с крестьянами частновладельческими. Крупные размеры дворцового землевладения давали крестьянам больше возможности сохранять элементы обычного для того времени крестьянского самоуправления. Черные земли, переходившие в ведение дворцового управления, не изменили прежнего

уклада: община избирала свое управление и даже распоряжалась участками земли при сдаче их новым поселенцам. Хозяйство Тайного приказа (60—70-е годы XVII в.) царя Алексея Михайловича носило все черты частного хозяйства: как настоящий вотчинник, царь непосредственно руководил всеми мелочами хозяйства, положение крестьян здесь по существу не отличалось от их положения во всякой крупной вотчине.

* * *

Первый и основной вопрос, который должен быть рассмотрен при изучении положения крестьянства в XVII в., это вопрос о формах феодальной эксплуатации, потому что «...специфическая экономическая форма, в которой неоплаченный прибавочный труд выкачивается из непосредственных производителей, определяет отношение господства и порабощения, каким оно вырастает непосредственно из самого производства, и, в свою очередь, оказывает на последнее определяющее обратное действие»[1].

В XVII в. присвоение прибавочного труда закрепощенного сельского населения производилось феодалами, как и в предшествующий период, в форме отработочной, натуральной и денежной ренты. Особенность развития феодальной эксплуатации в XVII в. заключалась в новом сочетании трех форм феодальной ренты, изменявшемся под влиянием общего экономического развития страны, а именно — под действием складывания всероссийского рынка.

Отработочная рента (по старой терминологии «изделье» — барщина), самая простая форма земельной ренты, при которой принудительность труда выступает в наиболее грубой форме, заключалась в том, что «...непосредственный производитель одну часть недели работает на земле, фактически принадлежащей ему, при помощи орудий производства (плуга, скота и пр.), принадлежащих ему фактически или юридически, а остальные дни недели работает даром в имении землевладельца, работает на землевладельца...»[2].

Размеры «изделья» в XVII в. были разнообразны: два — четыре дня в неделю, в зависимости от размеров собственного барского хозяйства и экономического состояния крестьян; «скудные» и «одинокие» крестьяне работали меньшее количество дней. Такой порядок отбывания барщины был невыгоден для зажиточных и «семьянистых» крестьян, располагавших избыточной рабочей силой и предпочитавших использовать ее по своему усмотрению[3].

Применялись и другие способы разверстки барщинных повинностей— пропорционально количеству тяглой земли, которая находилась во владении крестьян. При этом феодальные владельцы исходили из

[1] *К. Маркс.* Капитал, т. III, Госполитиздат, 1950, стр. 804.

[2] Там же, стр. 802.

[3] *А. А. Новосельский.* Вотчинник и его хозяйство в XVII в., М.—Л., 1929, стр. 135.

общепринятой окладной единицы — «выти». Выть включала в феодальных владениях 5, 6, 7 десятин тяглой земли в одном поле; но встречаются указания и на другие размеры выти: 8, 16 и 24 десятины в одном поле[1]. Крестьяне редко сидели на полной выти тяглой земли, чаще всего они владели какой-нибудь долей выти, обычно «шестухой» или «осьмухой». В зависимости от количества тяглой земли определялся и размер повинностей, которые крестьянин выполнял на своего владельца. Если крестьянин владел целой вытью, он обязан был, в зависимости от принятого размера выти, обработать на владельца 1, 2, 3 или 4 десятины боярской пашни. Такая разверстка повинностей была предпочтительнее для зажиточных и «семьянистых» крестьян.

В XVII в. основными видами «изделий» так же, как и в XV—XVI вв., были: работа на владельческой пашне и сенокосе, в огородах и садах, вывозка на поля удобрений, строительные работы в усадьбе владельца, на мельницах и плотинах, чистка прудов, сооружение приспособлений для рыбной ловли («езов» и «заколов») и т. п. В самую горячую пору жатвы, сенокоса, сева, во время исправления разрушенных полой водой плотин владельческие крестьяне выполняли так называемые «згонные» (общие) работы и «жили на работе, сколько доведется», иногда целыми неделями.

Тяжелыми повинностями были: подводная, состоявшая в доставке из сел и деревень «столовых запасов», сена, дров на центральный двор владельца, в перевозке хлеба и вина, строительных материалов, а также поставка работников — «деловцев» (плотников, кирпичников, косцов и т. п.) с выплатой им «миром» «наемных» денег и запасов или в зачет отбываемых крестьянами других повинностей[2].

Огромной тяжестью ложилась на крестьян работа на «будных майданах» (поташное производство) во владениях крупных феодалов (бояр Б. И. Морозова, князя Я. К. Черкасского, И. Д. Милославского и др.). Крестьяне курмышских и нижегородских владений боярина Б. И. Морозова, по признанию приказчика, «ужасались» тяжести работ по поставке дров и золы на будные майданы[3].

Своеобразной разновидностью трудовых повинностей было изготовление крестьянами вина, круп, сухарей, солода из боярского хлеба, холста из боярской пряжи, сукон и епанчей из боярской шерсти, масла из боярского конопляного семени и т. п.

---

[1] *А. П. Доброклонский.* Солотчинский монастырь, его слуги и крестьяне в XVII в.— «Чтения ОИДР», 1888, кн. 1, отд. I, стр. 51—52 и др.

[2] *А. А. Новосельский.* Указ. соч., стр. 133—147; *П. Ф. Баканов.* Товарное производство в феодальной вотчине XVII века.— «Вопросы истории», 1953, № 5, стр. 94—102.

[3] «Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова», ч. II, стр. 7—8, 82—84, 167—168 и др.; *И. М. Катаев* и *А. К. Кабанов.* Описание актов собрания А. С. Уварова. М., 1905, стр. 451—452.

Барщинные повинности разнообразились в зависимости от природных и других условий места, где находились владения.

Не менее разнообразными были оброчные повинности крестьян. Рента продуктами предполагает «...соединение деревенской домашней промышленности с земледелием; прибавочный продукт, образующий ренту, есть продукт этого соединенного земледельческо - промышленного семейного труда, причем, как это часто наблюдалось в средние века, в ренту продуктами могут входить в большей или меньшей мере промышленные продукты или же она доставляется лишь в форме собственно земледельческого продукта»[1].

Земляные работы. Миниатюра XVII в.
Государственный Исторический музей

Обычно размер оброка натурой так же, как и трудовые повинности, исчислялся с выти. В качестве примера можно привести состав натурального оброка, платившегося в 60—70-х годах крестьянами белевских вотчин стольника А. И. Безобразова: вина 16 ведер «оброчного» и 2 ведра «вытного», мяса — 6 пудов «вытного» и около 1 пуда «оброчного» (свиного — окороками и «ососами» — поросятами), баранов — 16, холста — 16 аршин, сукна — 15 аршин, яиц — 200 штук, кур — 16, «обувей лаптей»— 16, шлеи — 2, вожжей — 2, гужей — 2, тяжей — 2, «ужища»—2[2]. Повсеместно с крестьян собирали «короваи» масла и сала, сыр, творог, сметану. В некоторых местностях с крестьян требовали доставки орехов, ягод, грибов, хрена. Боярин Б. И. Морозов требовал с крестьян своих нижегородских вотчин «ореховых ядер» «самых добрых, спелых и сухих». В 1659 г. он потребовал из нижегородских и арзамасских вотчин «у ково есть у охотников скворцы, собрать у всех» и доставить их в Москву в большой клетке «чтоб их, до Москвы везучи, не поморить и не тесно б им было»[3]. Общие размеры натуральных поставок зависели от величины владений. С владений А. И. Безобразова в 70—80-х годах

---

[1] *К. Маркс.* Капитал, т. III, стр. 808.
[2] *А. А. Новосельский.* Указ. соч., стр. 147 и сл.
[3] «Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова», ч. II, стр. 91, 174.

поступало ежегодно не менее 600 аршин холста и более 200 аршин сукна. Взимание холста и сукон было повсеместным, так как выработка их была обычна в домашней крестьянской промышленности. Князь Н. И. Одоевский с одних только галицких своих вотчин в 1684 г. требовал поставки 35 епанчей и 35 войлоков[1]. Некоторые предметы, входившие в состав натурального оброка (например, епанчи, войлоки и т. п.), изготовлялись сельскими ремесленниками, труд которых оплачивался «миром». Владельцы видоизменяли состав натурального оброка в зависимости от развития в различных местностях крестьянских промыслов. Б. И. Морозов требовал с кузнецов — крестьян нижегородских и арзамасских вотчин—изготовления удил и седельных пряжек, с деревообделочников — блюд «сковоротчетых красных и на оловяное дело больших и середних», братин «больших красных», «поменьше красных», ложек «на корельчетое дело»[2]. С рыболовческой Селецкой слободки (Рязанского уезда) Б. И. Морозов брал оброк рыбой, с темниковских владений — медом. А. И. Безобразов брал с крестьян боровских владений оси, лопаты, оглобли, лыко; с суздальских — хомуты, рогожи, кули; с кашинских — дуги, корыта, готовые срубы и пр. Таким образом, в составе натурального оброка имелись налицо продукты собственного хозяйства крестьян, как их домашней промышленности, так и всяких внеземледельческих промыслов.

Для характеристики феодальной эксплуатации крестьян в XVII в. чрезвычайно важно установить изменения в сочетании различных форм феодальной ренты и тенденции этого изменения. По недостатку хозяйственных описаний невозможно дать сколько-нибудь полную картину сочетания различных форм феодальной ренты на всем пространстве государства. Однако основная тенденция развития (особенно во второй половине XVII в.) выступает достаточно отчетливо. Выражается она прежде всего в том, что в Замосковном крае, за исключением ближайших к Москве уездов, наблюдается переход на оброк, причем в составе оброка увеличивается удельный вес денежных платежей. В южных уездах с 60-х годов XVII в. совершенно явно проявляется тенденция к росту собственного боярского пашенного хозяйства, а следовательно, увеличению барщинных повинностей. Можно говорить о развивающемся выделении в стране оброчных и барщинных районов.

---

[1] *Ю. В. Арсеньев.* Ближний боярин кн. Н. И. Одоевский и его переписка с галицкой вотчиной (1650—1684 гг.).— «Чтения ОИДР», 1903, кн. 2, отд. I, стр. 56; *А. А. Новосельский.* Указ. соч., стр. 154 и сл.; *А. И. Заозерский.* Царская вотчина XVII в. М., 1937, стр. 160 и др. С одного г. Романова в 1667/68 г. надлежало собрать в Тайный приказ 1833 пуда свиного мяса, 305,5 пуда свиного сала, 1000 гусей, 2444 «сушеных» курицы, 500 баранов и пр.

[2] «Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова», ч. I, стр. 77—79, ч. II, стр. 89—92; *А. А. Новосельский.* Указ. соч., стр. 149—150; *А. И. Заозерский.* Указ. соч., стр. 160—161.

Собственное боярское хозяйство, как и дворцовая пашня, продолжало существовать и, может быть, даже расти в ближайших к Москве уездах. Показателен пример деятельности самого царя Алексея Михайловича, который, развивая хозяйство Тайного приказа, следовал намечавшемуся общему направлению развития крепостнического хозяйства. Он не только продолжал поддерживать собственное дворцовое хозяйство в подмосковных уездах, но и значительно его увеличил, вследствие чего сильно возросли барщинные повинности крестьян[1]. Боярин Б. И. Морозов также был озабочен расширением пашни в своих подмосковных владениях и энергично производил расчистку поросших кустарником и лесом и заболоченных земель[2]. Это вызывалось потребностью снабжать продовольствием и фуражом столичные дворы помещиков и вотчинников.

К северу, северо-востоку и востоку от Москвы на суглинистых и супесчаных почвах барское хозяйство имело явную тенденцию к сокращению, а барщина — к замене оброчными платежами. В галицких владениях Б. И. Морозова в 60-х годах не было собственной барской запашки, и крестьяне были переведены на оброк[3]. В галицких владениях боярина князя Н. И. Одоевского во второй половине века также не было собственной боярской пашни, и крестьяне состояли на оброке[4]. Стольник А. И. Безобразов имел владения в 11 уездах Замосковного края. В 70—80-х годах он ликвидировал свои владения в Суздальском, Ярославском, Старицком и Костромском уездах; эти владения Безобразов либо продал, либо выменял на участки земель в украинных уездах, куда он усиленно перемещал свое хозяйство. Крестьян из костромских, суздальских и отчасти ржевских (вероятно, также из владимирских) владений Безобразов перевел в подмосковные и украинные села и деревни. Из оставшихся за ним владений в шести уездах (Вологодском, Ржевском, Кашинском, Дмитровском, Московском и Нижегородском) сколько-нибудь значительная запашка была только в Вологодском уезде, но и здесь удельный вес барщины был невысок[5]. Монастырская пашня в XVII в. во всяком случае приостановилась в своем росте[6].

Сокращение собственного боярского хозяйства не означало полного исчезновения трудовых повинностей крестьян, так как оставались еще некоторые другие, кроме работы на пашне, их разновидности, например подводная повинность и поставка работников. Но все же очевидно, что центр тяжести крестьянских повинностей в замосковных уездах все более переносился на оброк.

---

[1] *А. И. Заозерский.* Указ. соч., стр. 163—168.
[2] «Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова», ч. II, стр. 5 и сл.
[3] Там же, ч. I, стр. 21—36.
[4] *Ю. В. Арсеньев.* Указ. соч., стр. 31.
[5] *А. А. Новосельский.* Указ. соч., стр. 33—35.
[6] *Ю. В. Готье.* Замосковный край в XVII в. М., 1937, стр. 331.

С полной уверенностью можно сказать, что барщинные повинности росли и развивались в ближайших к Москве и южных украинных уездах в соответствии с распространением там крепостнического землевладения. Кроме приведенных выше примеров, можно указать на быстрое развитие десятинной пашни на землях Тайного приказа. По данным 1675 г., на территории, подведомственной Тайному приказу, распахивалось свыше 5800 десятин в одном поле (т. е. около 18 тыс. десятин в трех полях). Центр пашенного хозяйства Тайного приказа явно перемещался в южные уезды; здесь распахивалось только под посев ржи в Богородицкому. 414 десятин, в Скопинском — 1000 десятин, в Романовском — столько же. Предполагали довести размеры пашни в Скопинском и Романовском уездах до 3 тыс. десятин в каждом. В связи с увеличением десятинной пашни барщинные повинности крестьян сильно выросли; крестьяне отвечали на увеличение повинностей массовыми побегами и активным сопротивлением, для подавления которого Тайный приказ прибегал к военной силе[1].

Чаще всего встречался смешанный вид оброка — натуральный и денежный. В чистой форме натуральный оброк был явлением редким. Для установления тенденции развития форм феодальной ренты важны случаи, когда крестьяне платили лишь один денежный оброк. Так, крестьяне тверских деревень Б. И. Морозова — Пешки, Звягино, Харпая, Лисино (Волоцкого уезда) и рязанского села Киструс платили денежный оброк и лишь ничтожное количество столовых запасов[2]. В 70-х годах крестьяне небольших ржевских владений А. И. Безобразова платили несколько более 50 руб. оброка и совершенно ничтожное количество рыбы и солода. В вологодском сельце Микулинском наблюдаются в 60—70-х годах случаи постепенного перехода на денежный оброк и замены всякого рода натуральных и барщинных повинностей деньгами[3]. В 90-х годах крестьяне Солотчинского монастыря деревень Солотчиной и Китаевой платили только один денежный оброк по 10 руб. с выти[4].

Часто денежный оброк сочетался с барщинными повинностями и натуральными платежами. В связи с этим размеры денежного оброка сильно колебались[5]. Ввиду невозможности перевести на деньги трудовые и натуральные повинности, нельзя сказать определенно, каков был удельный вес денежного оброка в общем составе крестьянских повинностей. Несомненно лишь одно, что он возрастал в связи с развитием денежного хозяйства и рыночного обращения. «Сначала спорадическое, потом все более и более совершающееся в национальном масштабе превращение ренты продуктами в денежную ренту предполагает уже более значительное развитие торговли, городской промышленности, вообще товарного

---

[1] *А. И. Заозерский.* Указ. соч., стр. 98, 161—172.

[2] «Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова», ч. I, стр. 17, 38, 39.

[3] *А. А. Новосельский.* Указ. соч., стр. 160—161.

[4] *А. П. Доброклонский.* Указ. соч., стр. 70—71.

[5] «Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова», ч. I, стр. 11—85.

производства, а с ним и денежного обращения»[1]. По данным 60-х годов, с владений боярина Б. И. Морозова, не включая больших сел Мурашкина и Лыскова, собиралось оброка примерно 10 тыс. руб. Но помимо денежного оброка владелец получал немало денег с различных оброчных угодий: за наем пустошей и мельниц, пользование лесом и т. п.[2] Солотчинский монастырь брал с крестьян деньги за сенокосные угодья, а также вместо уплаты натурой хмеля и меда[3]. Общими для всех владельцев были сборы свадебных пошлин и т. п. Князь Я. К. Черкасский в 60-х годах собирал с одного муромского своего владения — села Карачарова — оброчных и всяких мелких доходов около 800 руб. серебром и медными деньгами 210 руб.[4] С небольших сравнительно владений А. И. Безобразов собирал в 70—80-х годах несколько сот рублей.

Кроме платежей и работ в пользу феодалов, частновладельческие крестьяне несли еще государственные повинности[5]. Частновладельческие и монастырские крестьяне в целом платили в казну значительно меньше черных и дворцовых крестьян. Феодальные владельцы сумели добиться для своих крестьян освобождения от несения ямской повинности и участия в тяжелых выборных службах на кабаках и таможнях, переложив их на посады. Однако, учитывая тяжелые и неуклонно возраставшие повинности в пользу владельцев-крепостников, следует отметить, что в целом повинности частновладельческих крестьян были тяжелее повинностей черносошных и дворцовых крестьян[6].

* * *

Феодальная собственность на землю обязательно соединяется с отношениями господства и подчинения, причем непосредственный производитель выступает в качестве придатка к земле. Несвобода непосредственного производителя «...от крепостничества с барщинным трудом может смягчаться до простого оброчного обязательства»[7]. «Для удержания своего господства, для сохранения своей власти помещик должен был иметь аппарат, который бы объединил в подчинении ему громадное количество людей, подчинил их известным законам, правилам,— и все эти законы сводились в основном к одному — удержать власть помещика над крепостным крестьянином»[8].

Каждый феодал внутри своего владения, будь то вотчина или поместье, издавна обладал правами, которые представляли собой видоизмененную

---

[1] *К. Маркс.* Капитал, т. III, стр. 810.
[2] «Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова», ч. I, стр. 11—85.
[3] *А. П. Доброклонский.* Указ. соч., стр. 71 и др.
[4] *И. М. Катаев* и *А. К. Кабанов.* Указ. соч., стр. 466.
[5] Об этом см. главу III, § 7 настоящего издания.
[6] *С. Б. Веселовский.* Сошное письмо, т. I, М., 1915, стр. 137—141, 153, 156 и сл., 313 и сл.
[7] *К. Маркс.* Капитал, т. III, стр. 803.
[8] *В. И. Ленин.* Соч., т. 29, стр. 445.

форму старинного иммунитета. Эти права давали возможность феодалу распоряжаться личностью и трудом крестьянина. Они в известной мере получали законодательную санкцию, причем на практике были гораздо шире, чем признавало законодательство, и развивались быстрее, опережая признание их законодательством. Деятельность царского правительства на протяжении всего XVII в. неуклонно укрепляла власть крепостников и содействовала все большему порабощению массы сельского населения.

Одной из характерных черт феодального землевладения, как оно сложилось в XVII в., была его чересполосность. У крупных феодалов их владения были разбросаны по десяткам уездов. Но и у мелких служилых людей лишь в виде исключения они были сосредоточены в одном уезде. Это явление было результатом постепенного накопления земельных владений, их мобилизации и обычного в то время приема чересполосного «испомещения» служилых людей. При всем том каждое феодальное владение представляло собой самостоятельную, внутренне замкнутую организацию, подчиненную единой воле владельца.

Отдельные, территориально обособленные части феодального владения находились в управлении приказчиков, обычно холопов, иногда служивших из поколения в поколение владельцам. Но бывали приказчики и из свободных людей, так называемые «послужильцы». Приказчик был обязан непосредственно сноситься с владельцами даже по мельчайшим вопросам управления. В таких крупных владениях, как вотчины боярина Б. И. Морозова, приказчики, управлявшие отдельными селами и деревнями, подчинялись, как промежуточной инстанции, главному приказчику. Полномочия сельских приказчиков определялись «наказами» и «памятями» владельца и охватывали хозяйственные дела, суд и расправу над населением, поземельные дела, сбор государственных податей. Крестьяне были обязаны приказчика «слушать и под суд к нему ходить». Приказчику-холопу грозил в первую очередь кнут и снятие с приказа в случае каких-либо промахов или злоупотреблений в деле управления. В 1659 г. Б. И. Морозов за недосев ржи на барской пашне указал бить кнутом приказчика села Бурцова (Курмышского уезда) «перед крестьяны на сходе и ему приговаривать: не дуруй и боярскова не теряй»[1]. Всякие жалобы на приказчиков со стороны крестьян разбирал сам владелец. Практиковалась посылка в деревни приказчиков из Москвы для проверки деятельности сельских приказчиков. На центральном дворе владельца находилось несколько приказчиков, из которых одни вели переписку с селами, другие выполняли отдельные поручения владельца, ведали дворней и «ходили за делами» по приказам. Приказчики, «ходившие за делами», были как бы стряпчими феодалов, опытными знатоками делопроизводства и всех тонкостей приказного быта[2].

---

[1] «Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова», ч. II, стр. 78.

[2] *А. А. Новосельский.* Указ. соч., стр. 50—90; «Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова», ч. I, стр. 142—153, 156 и др.

Патриаршее село Медное. Рисунок из альбома Мейерберга 1661—1662 гг.

Такова была типичная система управления феодальным владением. Некоторые особенности имело управление в монастырских вотчинах. Собственником владений монастыря была вся братия во главе с игуменом. Все сношения с правительственными органами и вышестоящими церковными инстанциями велись от имени игумена и всей братии. Ближайшими помощниками игумена были келарь, ведавший всем хозяйством, и казначей. Вместе с ними действовал собор из старцев или всей братии. Разными отраслями монастырского хозяйства внутри самого монастыря ведали особые старцы (монахи): чашник, конюший, огородный и др. Отдельными селами и деревнями управляли посельские из монахов и приказчики и целовальники из «бельцов» (мирян) — монастырских слуг. Приказчики ведали селами и деревнями обычно совместно с посельскими. Целовальники назначались из слуг для выполнения обязанностей, чаще всего связанных с денежными сборами. В таких огромных монастырях, как Соловецкий, управление отличалось большой сложностью и хорошо налаженной отчетностью. Интересы монастыря в Москве представляли старцы и стряпчие, жившие на монастырских подворьях[1].

Весь этот «приказный» аппарат управления был, однако, недостаточен для осуществления крепостнической эксплуатации сельского населения. Важную роль играли органы крестьянского мирского управления. Приказчик действовал, опираясь на весь «мир», старост и выборных «целовальников», «вытчиков», «сборщиков» оброка и др. Совместно

[1] *А. П. Доброклонский.* Указ. соч., стр. 19—29; *А. А. Савич.* Соловецкая вотчина XV—XVII вв. Пермь, 1927, стр. 206—212.

с приказчиком эти выборные мирские люди «наряжали» крестьян на работу, определяли размеры тягла, производили сбор оброков и податей, судили и карали крестьян. Привлечением выборных от крестьян людей преследовалась лишь отчасти цель ограничить произвол приказчиков. Основное назначение выборных мирских представителей состояло в том, чтобы связать крестьян круговой порукой и тем обеспечить выполнение ими всякого рода повинностей. В руках феодала выборные мирские власти превращались в орудие феодальной эксплуатации. Нередко выборность мирских властей была лишь фикцией, когда приказчик единолично назначал старост, а «мир» в принудительном порядке ручался за них и давал на них «выбор». Феодалы искали и находили опору в «лучших», зажиточных крестьянах, из среды которых обычно выбирались старосты[1].

С наибольшей яркостью проявлялись полномочия феодальных владельцев в вопросе о несении крестьянами их тягла. Податная ответственность владельца перед государством давала ему новые и широкие права распоряжения трудом и личностью крестьян. По общему правилу каждая «боярщина» и «монастырщина» платила государственные налоги по своему особому окладу, была положена в особую «кость»[2]. Часто владелец добивался права платить налоги непосредственно в Москве. В связи с этим распределение тягла во всем его объеме, частного и государственного, находилось в руках владельца. По челобитьям отдельных крестьян владелец мог отдать распоряжение о переверстании земли, убавке тягла, предоставлении льготы, но не снимал ответственности с «мира» за то, чтобы «збавошное тягло впусте не было» и чтобы общая сумма повинностей не уменьшалась, — «только бы из ...денежного збору из окладу не убыло ничего». Владелец мог принять нового тяглеца, обязав «мир» наделить его землей. Во всех этих случаях мир, староста и выборные были лишь исполнителями предписаний владельца и они же несли ответственность за отбывание тягла. Круговая порука мирской организации в вопросах отбывания тягла проявлялась с наибольшей силой[3].

Карательные права феодалов в пределах их владений не были сколько-нибудь точно определены законом. По Уложению 1649 г., дворяне и дети боярские «за крестьян своих ищут и отвечают» «во всяких делех, кроме татьбы и разбою, и поличного и смертных убийств»[4]. На практике судебные права феодалов переходили эти границы, и самые важные преступления иногда ускользали от разбирательства государственным судом. В 1650 г. двое крестьян боярина Б. И. Морозова убили крестьянина Рождественского монастыря. Боярин выдал одного из них монастырю

---

[1] *А. П. Доброклонский*. Указ. соч., стр. 30—32; *А. А. Новосельский*. Указ. соч., стр. 71 и сл.

[2] *С. Б. Веселовский*. Сошное письмо, т. I, стр. 343 и др.

[3] *Ю. В. Арсеньев*. Указ. соч., стр. 70, 71, 81, 90, 93, 101 и др.; «Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова», ч. II, № 360, стр. 75 и др.

[4] «Уложение 1649 г.», гл. XIII, ст. 7.

в возмещение убитого, а другого приказал «бить кнутом нещадно, чтоб иным так воровать и резать людей было неповадно, и дать ево на крепкие поруки з записью, что ему впредь в вотчине моей жить и так не воровать»[1]. В 1660 г. Б. И. Морозов был вынужден выдать государственным властям крестьянина-конокрада, но обнаруженного одновременно и обвиненного в поджогах крестьянина он указал «бить без милости кнутьем» и за поруками отца оставить в вотчине[2].

Расправа по различным делам внутри вотчины в XVII в. знает все применявшиеся в то время приемы следствия — допросы, очные ставки и пр. и все средства наказаний и пыток — батоги, кнут, пытки огнем и дыбой, заковывание в колоды, кандалы, цепи, «огиби» (рогатки), заключение в вотчинную тюрьму. По обычному правилу, судебное разбирательство и наказание должны были производиться приказчиком в присутствии старосты, выборных, «при всем мире», на сходе. Однако присутствие старосты и выборных и участие «мира» не столько ограничивало произвол приказчика, сколько должно было связывать «мир» все той же круговой ответственностью против правонарушений и неповиновения воле владельца. Нередко приказчики расправлялись с «огурщиками» и нарушителями установленного порядка единолично: били крестьян «ослопьем и плетью» своими руками на поле и на гумне «походя». В 1660 г. приказчик арзамасского села Якшени по клеветническому доносу в укрывательстве краденого пытал на дыбе и бил кнутом крестьянку и «робенка из нее вымучил». В том же году он пытал мужа этой крестьянки, бил до полусмерти и издевался над ним, несмотря на протест всего «мира»[3]. Как широки были карательные права феодала, видно из постановления Уложения 1649 г. о том, что никакие «изветы» крестьян на их владельцев не имели силы, кроме «изветов» «про государское здоровье или какое изменное дело»[4]; за убийство помещиком крестьянина другого владельца в драке или в пьяном виде убийца не отвечал, а лишь возмещал убыток потерпевшему владельцу выдачей ему другого, лучшего крестьянина с семьей и имуществом[5]. Особенно беспощадны были крепостники к беглым крестьянам, их били едва не до смерти, заковывали в кандалы.

Имущественные права крестьян не были обеспечены законом, что явствует из статьи Уложения 1649 г., переносившей ответственность, в случае несостоятельности владельца, на его людей и крестьян[6]. Правда, на практике крепостные крестьяне вступали во всякого рода имущественные сделки, но эта «правоспособность» крестьян не была гарантирована законом и допускалась лишь в той степени, в какой ее терпел и допускал феодал-владелец; во всяком случае крестьянин все нажитое им не мог

[1] «Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова», ч. I, № 60, стр. 128—129.
[2] Там же, ч. II, № 526, стр. 179.
[3] Там же, № 450, стр. 133.
[4] «Уложение 1649 г.», гл. II, ст. 13.
[5] Там же, гл. XXI, ст. 71.
[6] Там же, гл. X, ст. 262.

считать своей собственностью и мог лишиться его по воле владельца. Уже Уложение 1649 г. предполагает право владельцев переводить своих крестьян из одного вотчинного владения в другое[1]. В последней четверти XVII в. стали возможными переводы крестьян и из поместья в вотчину. Даже семейные разделы крестьян, поскольку они были связаны с отбыванием тягла, вызывали вмешательство владельца.

Ярким показателем бесправия крестьян в XVII в. была необходимость для женщин получать от владельцев отпускные для вступления в брак с лицом, жившим вне пределов вотчины или поместья[2]. Внутри же вотчины уже в XVII в. феодалы присвоили себе право вмешиваться в заключение браков среди крестьян. Некоторые владельцы уже тогда практиковали принудительные браки между крестьянами, составляя предварительно росписи женихов и невест, подвергая телесным наказаниям и заковывая в цепи за вступление в брак без разрешения владельца[3].

Владельческие права на крестьян к концу XVII в. расширились. Помещики свободно переводили крестьян в число своих дворовых людей, дворовых превращали в крестьян, продавали и меняли их, а правительство утверждало такого рода сделки. В 1681 г. было указано записывать за владельцами крестьян по всякого рода «сделочным записям» в Приказе Холопьего суда, а указом 1682 г. было предписано брать с этих сделок пошлины такие же, как и с холопьих кабал[4].

Итак, царское правительство, хотя и с некоторым отставанием, утверждало законодательными актами расширение личных прав феодалов, которого последние упорно добивались.

* * *

По Уложению 1649 г. произошла ликвидация остатков права крестьянского перехода.

Подготовкой этого решения была практика правительственных указов о «заповедных» летах, начиная с 1581 г. Указ царя Василия 1607 г. уже исходил из отрицания права крестьян на «выход». Этот указ признал крестьян крепкими тем владельцам, за которыми они записаны в писцовых книгах начала 90-х годов XVI в., запрещал впредь выход крестьян и устанавливал штраф с землевладельцев за прием и держание беглых. Такое же отрицание права крестьян на выход содержится в одной из статей договора боярского правительства с польским королем Сигизмундом от августа 1610 г.: «Торговым и пашенным крестияном в Литву

---

[1] «Уложение 1649 г.», гл. XI, ст. 30, 31. Боярин Б. И. Морозов решал спорные вопросы по гражданским сделкам его крестьян («Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова», ч. I, стр. 142—143, 154—155, 170—171; ч. II, стр. 77, 113 и др.).

[2] «Уложение 1649 г.», гл. XI, ст. 19.

[3] *А. А. Новосельский.* Указ. соч., стр. 76—78.

[4] *М. А. Дьяконов.* Очерки из истории сельского населения в Московском государстве (XVI—XVII вв.). СПб., 1898, стр. 283—284.

з Руси, и з Литвы на Русь выходу не быть. Так же и на Руси промеж себя крестияном выходу не быти»[1].

Осуществлению на практике этого принципиального отрицания у крестьян права на «выход» препятствовали, во-первых, наличие определенных сроков, «урочных» или «указных» лет, для предъявления исков о беглых, во-вторых, возложение на самих владельцев ведения дела о сысках беглых, в-третьих, нерешенность вопроса о крепости владельцам «племени» крестьянина — детей, братьев, племянников. Прошло довольно много времени, прежде чем дворянству удалось добиться полного закрепощения крестьян.

Стеснительное значение «урочных лет» заключалось в том, что вотчинникам, прежде всего крупным, имевшим владения в нескольких уездах, было сравнительно легко укрывать беглых; пока удавалось обнаружить местожительство беглого и предъявить иск о возврате, беглые «заживали урочные лета», «из урочных лет выходили» и «застаревали» за новыми владельцами. Крупные светские владельцы и монастыри имели в этом отношении явные преимущества перед рядовыми и мелкими владельцами; кроме того, мелкие дворяне гораздо острее чувствовали последствия крестьянских побегов. Вот почему в борьбе за отмену «урочных лет», как и раньше в правительственной практике «заповедных лет» конца XVI в., активная, а в конце концов и решающая роль принадлежала массе рядовых служилых людей.

Известная нерешительность политики правительства в вопросе об усилении закрепощения крестьян объясняется общей сложностью внутренних отношений в стране в царствование Михаила Романова. Уже массовая раздача черных и дворцовых земель сама по себе не могла проходить гладко и должна была вызывать возбуждение и протесты в среде крестьян. Еще в 1611 г., когда воеводы подмосковных ополчений попытались наделить разоренных интервенцией служилых людей смольнян из дворцовых сел Арзамасского уезда, крестьяне, поддержанные стрельцами, «делить себя не дали», и хотя у смольнян «и бои с мужиками были, только мужиков (они) не осилели»[2]. В 1613—1614 гг. на Белоозере имели место случаи открытого сопротивления черносошных крестьян передаче их во владение помещиков и изгнания последних из пожалованных им сел и деревень[3]. В связи с раздачей земель усиливались побеги крестьян.

Весьма важным обстоятельством было то, что ко времени освобождения Москвы от интервентов в стране имелось значительное количество казачьей вольницы, образовавшейся из бежавших крестьян и холопов и представлявшей серьезную опасность для нового правительства. Путем

---

[1] СГГиД, ч. II, М., 1819, № 199, стр. 396.

[2] *П. Г. Любомиров.* Очерк истории нижегородского ополчения 1611—1613 гг. М., 1939, стр. 58.

[3] *А. И. Копанев.* История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М.—Л., 1951, стр. 81—82.

выдачи денежного жалованья, наделения землей, освобождением от неволи правительство пыталось расколоть казачьи массы. Летом 1613 г. казаки были полностью удалены из Москвы. Но в 1615 г. они вновь скопились, и пришлось предпринять против них крупные военные действия. Воевода Б. М. Лыков разбил казаков под селом Ростокиным и привел к Москве более 3 тыс. пленных; казаки либо были освобождены, либо включены в состав правительственных войск[1].

Слияние действий казачьей вольницы в годы Смоленской войны (1632—1634) с антифеодальными выступлениями крестьян ряда западных уездов, связанными с именем одного из вождей движения Балаша, явилось серьезным предупреждением правительству и напоминанием о крестьянской войне 1606—1607 гг.

Общей внутренней ситуацией объясняется также примирительная политика, которую вело правительство царя Михаила в отношении донского казачества.

Именно боязнь новых антифеодальных крестьянских выступлений вынуждала правительство несколько тормозить закрепостительную политику и медленнее затягивать петлю крепостной зависимости, чем оно этого желало бы.

При царе Михаиле срок сыска беглых был определен в пять лет. Установление такого срока, очевидно, вызвано было сознанием опасности и невозможности поднимать всю огромную массу дел о крестьянских побегах и «свозах», происшедших в бурный период крестьянской войны и интервенции. В 1613—1614 гг. правительство пошло на первую уступку, разрешив Троице-Сергиеву монастырю искать своих беглых крестьян в течение девяти лет. Вскоре был установлен срок в 10 лет для сыска посадских людей, черных и дворцовых крестьян.

Среди рядового дворянства не было, повидимому, полного единства по вопросу об отмене и даже удлинении срока для сыска беглых крестьян. Так, в 1620 г. ельчане, служилые люди, «всем городом» подали коллективную челобитную, в которой настаивали на строгом соблюдении пятилетнего срока для сыска беглых, чтобы далее пяти лет исков не рассматривать и грамот из приказов по запоздавшим искам не давать[2]. Очевидно, для ельчан, заинтересованных в сохранении за собой притекавшего к ним беглого населения, было невыгодно удлинение «урочных» лет.

В 1637 г. служилые люди замосковных и украинных городов подали первую коллективную челобитную с требованием полной отмены «урочных» лет и реорганизации суда. Челобитная была направлена против монастырей, митрополитов и архиепископов и «московских сильных людей всяких чинов», которые укрывали у себя беглых крестьян и сами их подговаривали к побегу. Правительство не удовлетворило челобитья

[1] *Е. Д. Сташевский.* Очерки по истории царствования Михаила Федоровича, ч. I, Киев, 1913, стр. 110—114.

[2] ЦГАДА. Столбцы Белгородского стола, № 4, л. 88.

и лишь распространило действие девятилетнего срока сыска на крестьян служилых людей[1].

В 1641 г. служилые люди «завели на Москве рокош», «с большим шумом» ломились во дворец и от имени 44 служилых «городов» подали челобитную с новым требованием полной отмены урочных лет. Служилые люди писали, что «сильные люди» имеют возможность укрывать у себя беглых в течение «урочных лет», и потерпевшие теряют право иска. Снова правительство пошло только на незначительную уступку и установило срок в 10 лет для исков о беглых крестьянах и в 15 лет для вывезенных крестьян.

В 1645 г. дворяне и дети боярские, находившиеся на службе в Туле и других полках, в новой коллективной челобитной повторили свое требование «урочные годы отставить». Челобитчики указывали, что «в прежних годех и при прежних государех в тех их беглых крестьянех урочных лет не бывало», а крестьяне были крепки им по писцовым книгам. Ныне они от «беспрестанных служб» обедняли и одолжали, поместья их и вотчины «оскудели и разорены без остатку от войны и от сильных людей». Пользуясь их отсутствием на службе, «сильные люди» выводят от них крестьян и укрывают «по дальним своим вотчинам»[2]. Дворяне и дети боярские прямо указывали, что сыск беглых на основании указов об урочных годах — новый порядок, и требовали возвращения к старому порядку, когда крестьяне им были крепки без урочных лет[3]. В связи с этим требованием служилых людей в наказ о составлении переписных книг 1646 г. было внесено обещание: «А как крестьян и бобылей и дворы их перепишут, и по тем переписным книгам крестьяне и бобыли, и их дети, и братья, и племянники будут крепки и без урочных лет, и которые породятся после той переписки и учнут жить дворами вновь, и тех дворов лишними дворами не ставить, потому что отцы их в переписных книгах написаны»[4]. Однако только в результате восстания 1648 г. в Москве и угрозы его дальнейшего расширения дворянство добилось удовлетворения своих требований. Уложение 1649 г. отменило «урочные годы», признало крестьян и бобылей «с племенем вместе» вечно крепкими их владельцам по писцовым и переписным книгам; всякий уход их от владельцев отныне рассматривался как побег; беглый подлежал бессрочно возврату своему владельцу, а за держание беглых был назначен денежный штраф[5].

---

[1] *Е. Д. Сташевский.* К истории дворянских челобитных. М., 1915, стр. 5—6; *А. А. Новосельский.* Побеги крестьян и холопов... — «Труды Ин-та истории РАНИОН», сб. статей, вып. 1, М., 1926, стр. 328.

[2] *П. П. Смирнов.* Челобитные дворян и детей боярских всех городов в первой половине XVII в.— «Чтения ОИДР», 1915, кн. 3, отд. I, стр. 41—48.

[3] *А. А. Новосельский.* К вопросу о значении «урочных лет» в первой половине XVII в.— Сб. «Академику Б. Д. Грекову ко дню 70-летия», стр. 178—183.

[4] ААЭ, т. IV, СПб., 1836, № 14, стр. 26.

[5] «Уложение 1649 г.», гл. XI, ст. 1, 2 и др.

Дворянство и после этого категорического постановления Уложения 1649 г. не считало своей цели достигнутой; его не удовлетворяла организация сыска и возврата беглых, которая попрежнему оставалась в значительной мере личным делом каждого владельца. Поэтому начиная с 50-х годов до конца столетия рядовые служилые люди, преимущественно провинциальные, в ряде энергичных челобитий требовали в острые для правительства моменты, чтобы оно перестало смотреть на сыск беглых как на частное дело феодалов-крепостников, а само бы решительно боролось с побегами путем установления суровых кар за прием беглых и организации широких, длительных и не допускающих никаких изъятий сысков.

В 50—60-х годах правительством был организован сыск беглых специальными «сыщиками», охвативший огромную территорию, преимущественно окраинных уездов; многие тысячи беглых были возвращены их прежним владельцам[1].

Полная реализация постановлений Уложения 1649 г. затруднялась тем, что само правительство в интересах обороны южных границ государства и их заселения восстановило в своеобразной форме действия урочных лет для сыска и возврата беглых с укрепленной Белгородской черты. В коллективной челобитной 1653 г. служилые люди настаивали на возвращении беглых с черты. Указом 5 марта 1653 г. правительство постановило возвращать с черты бежавших туда после Уложения 1649 г., а бежавших до Уложения не возвращать, чтобы «черты не опустошить», а выплачивать за них владельцам деньги из казны. Указ этот означал явное отступление от Уложения. Новый указ 20 марта 1656 г. отодвигал срок возврата беглых с черты до 1653 г. На основании этих указов и производился сыск беглых в конце 50-х и начале 60-х годов. В 1675 г. было дано новое указание — никого из ратных людей, обученных копейному, рейтарскому и драгунскому строю и «надобных к походу», без государева указа не выдавать. В 1676 г. было восстановлено действие указа 1656 г. Затем последовали новые колебания: действие ранее изданных указов то возобновлялось, то отменялось. Наконец, в 1683 г. срок возврата беглых с черты был отодвинут до 1675 г.[2] Таким образом, потребности обороны Русского государства вынуждали правительство делать некоторые частичные отступления от политики закрепощения. Крестьянство неуклонно теряло последние остатки свободы и приближалось в своем бесправии к холопскому состоянию. Быть крестьянином стало означать вечное, со всем потомством, зависимое положение. Сеть

---

[1] *А. А. Новосельский.* Побеги крестьян и холопов..., стр. 327—354; *его же.* Отдаточные книги беглых, как источник для изучения народной колонизации на Руси в XVII в.— «Труды Историко-архивного ин-та», т. II, М., 1946, стр. 127—152; *И. А. Булыгин.* Беглые крестьяне Рязанского уезда в 60-е годы XVII в.— «Исторические записки», № 43, стр. 131—149.

[2] *Л. В. Черепнин.* Классовая борьба в 1682 г. на юге Московского государства.— «Исторические записки», № 4, стр. 42—50; *А. А. Новосельский.* Побеги крестьян и холопов..., стр. 342—343.

крепостной зависимости все плотнее и плотнее охватывала сельское население. Но в течение всего XVII в. в деревне все еще оставались незакрепощенные элементы, «вольные люди», часто называвшие себя «гулящими людьми». Это были отпущенные на волю кабальные холопы, выходцы из-за рубежа, освободившиеся из полона люди, дети и родственники тяглых людей, не попавшие в писцовые книги, приборные служилые люди, от бедности покинувшие службу, родственники их, не поверстанные в службу, покинувшие тягло посадские люди. Часто «гулящие» и «вольные» люди умалчивали о своем прошлом, так как нередко под этими названиями скрывались беглые крестьяне и холопы. «Гулящие» люди могли «из воли» поступать в крестьяне, заключая с феодальными владельцами «порядные», или «ссудные записи»[1].

Под влиянием происходившего в стране процесса закрепощения «порядные» в XVII в. существенно меняли свое содержание. Вместо прежнего договора, по истечении срока которого крестьянин мог уйти от владельца, порядная приобретает характер документа, устанавливающего бессрочную зависимость поряжавшегося крестьянина от владельца. Порядные обязывают крестьянина жить у владельца «вечно», «безвыходно», «никуда вон не выйти и впредь жить неподвижно». Заключение договора о поступлении в крестьянство стало связываться с получением бессрочной ссуды, вследствие чего во второй половине XVII в. такого рода акты приобрели форму «ссудной записи». Вольные и гулящие люди обычно приходили к владельцу «душею да телом», т. е. это были неимущие люди, которых гнала в кабалу крайняя нужда. Бессрочная ссуда обязывала их жить за новым владельцем вечно. Иногда записи в крестьянство не заключали в себе даже указания на ссуду, а содержали только одно обязательство «жить во крестьянстве вечно», платить подати и всякие оброки[2]. Правда, порядные такого типа и «ссудные записи», применявшиеся на территориях крепостнического землевладения, не были всеобщими; на Севере порядные старого типа существовали в течение всего XVII в.[3] Близкие к ним акты («посиденные») применялись в южных уездах. Таким образом, в течение XVII в. происходит закрепощение остатков еще незакабаленного сельского населения.

* * *

История отдельных категорий сельского населения в XVII в. представляет собой очень сложный и противоречивый процесс.

Одновременно с усилением и расширением закрепощения, усилением феодальной эксплуатации внутри деревни происходит сильно задержи-

---

[1] *И. В. Степанов.* Гулящие — работные люди в Поволжье в XVII в.— «Исторические записки», № 36, стр. 147—148, 163.

[2] Примеры порядных и ссудных записей см. *М. А. Дьяконов.* Акты, относящиеся к истории тяглого населения в Московском государстве, вып. 1, Юрьев, 1895.

[3] *Г. Н. Образцов.* Оброчные и порядные записи Антониево-Сийскому монастырю XVI—XVII вв.— «Исторический архив», т. VIII, М., 1953, стр. 80—197.

ваемый развитием крепостничества процесс имущественного расслоения. Уже при натуральной форме феодальной ренты «...производителю дается здесь, по сравнению с отработочной рентой, больший простор для того, чтобы найти время для избыточного труда, продукт которого принадлежит ему самому...». В связи с этим становятся более заметными различия в хозяйственном положении отдельных непосредственных производителей и возможность для непосредственного производителя эксплуатировать чужой труд[1]. Но гораздо большего развития достигают эти зачатки разложения в деревне при распространении денежного оброка.

Явное несоответствие тяжести феодальных повинностей и государственного тягла платежным силам основной массы крестьянства обнаруживается уже в тех исключительно суровых приемах, при помощи которых эти повинности взыскивались. Нещадный «смертный» правеж был обычным средством выколачивания с крестьян повинностей. Правеж постоянно сопровождался продажей «за бесценок животишек» (имущества) крестьян и, что было самым страшным для крестьянина, «последних кляченок», после чего оставалось только «по миру ходить с кольем». Приказчики, отвечавшие за исправное поступление с крестьян всяких сборов в первую очередь и вовсе не склонные поэтому щадить крестьян, нередко признавали, что крестьяне стоят на грани полного разорения, что крестьяне разбегаются или не могут работать с какой-либо пользой для вотчинника. «И всегды, государь,— писал приказчик своему владельцу (1674),— мне от них [т. е. за них] — быть биту, потому что они скудны и бедны; станешь править, а им взять негде, а хлеб не родился, а денег взять не на чем...»[2].

Земельные наделы крестьян в массе не обеспечивали их. Надел, который давался крестьянину, «...служил всецело и исключительно для эксплуатации крестьянина помещиком, для «обеспечения» помещику рабочих рук, никогда для действительного обеспечения самого крестьянина»[3]. Особенно тяжелым становилось положение крестьян к весне, когда истощались последние запасы. Для удержания крестьян на месте владельцы-крепостники широко практиковали раздачу крестьянам хлеба в ссуду «на семена и емена». В любом феодальном хозяйстве, даже в таком исключительно богатом, как хозяйство Б. И. Морозова, обязательной статьей расхода был «заемный хлеб». Многие сотни четвертей хлеба раздавались боярином крестьянам в ссуду[4]. Постоянная практика хлебных ссуд была следствием крайнего истощения платежных сил крестьян непомерной эксплуатацией. Прямой ответ приказчика вла-

---

[1] *К. Маркс.* Капитал, т. III, стр. 808.

[2] *А. А. Новосельский.* Вотчинник и его хозяйство в XVII в., стр. 164 и др.

[3] *В. И. Ленин.* Соч., т. 1, стр. 469.

[4] «Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова», ч. I, стр. 98, 100, 207 и др. «На емена»— на еду, пищу.

Деревянный ковш-скопкарь XVII в.
Государственный Исторический музей

дельцу вскрывает с полной ясностью цель этих ссуд: «Хлеб даем потому, чтобы ваша работа всякая не стала... А не дать хлеба,— и работать будет некому»[1]. Заемный хлеб взыскивался с крестьян тотчас же при сборе урожая так же неумолимо, как и все полагающиеся оброки, вплоть до того, что у крестьян «ни по горсти не оставалось». Крестьяне отказывались от выполнения предъявляемых к ним требований, что на языке того времени называлось «огурством», либо бежали от владельцев,— тогда начиналось их преследование, поимка, наказание кнутом, отдача на поруки, заковывание в кандалы.

Крестьяне искали выхода в неземледельческих заработках. Этот отход создавал рынок рабочей силы, правда, далеко не достаточный для того, чтобы он оказал сколько-нибудь заметное влияние на характер производственных отношений, но все же наличие предложения труда со стороны крестьян-отходников следует отметить для второй половины XVII в. На заработки отходили и черносошные, и дворцовые, и крепостные крестьяне как духовных, так и светских владельцев.

Весьма значителен был контингент лиц, работавших «переходя» по деревням; для обозначения этой работы существовал широко распространенный термин «батрак», что в противоположность крестьянину означало свободное состояние. Чаще всего сельскохозяйственные рабочие нанимались на работу артелями. Они назывались «деловыми людьми» или «деловцами». В 1652 г. на расчистке под пашню леса в селе Павловском у Б. И. Морозова работали сотни «деловых людей»[2]. В крупном хозяйстве Тайного приказа также широко применялся наемный труд; число наемных людей в отдельные годы достигало многих сотен[3].

---

[1] *А. А. Новосельский.* Вотчинник и его хозяйство в XVII веке, стр. 172—174.
[2] «Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова», ч. II, стр. 5 и сл.
[3] *А. И. Заозерский.* Указ. соч., стр. 172—178.

«Деловые люди» рядились в работу по «записям» на определенный срок («летние», «зимние» и «недельные») или по устному соглашению. Они получали, кроме платы, полное содержание от нанимавших их владельцев. Но, заключив с нанимателем соглашение, они попадали в очень тяжелые условия, так как, в соответствии с общим крепостническим строем, подлежали дисциплинарной власти хозяина. Так, приказчики Б. И. Морозова беспощадно били «деловых людей», доходя до членовредительства [1].

Крестьяне-отходники часто нанимались и на строительные работы. В 1668 г. вологодские посадские люди в своей челобитной в Новгородскую четверть сообщали, что крестьяне дворцовых сел Фрязинова, Кобылина, Туронтаева и Сорошнева, а также крестьяне «ростовского митрополита и дворянские,... на Вологде на посаде всякие дела наемные делают — церкви, хоромы и всякие суды» [2]. В середине 90-х годов XVII в. в Смоленске строились каменные стены вокруг города и церкви. В 1694 г. на этой работе было 24 каменщика — крестьяне разных помещиков из деревни Липовок Ярославского уезда [3].

Часто уездные крестьяне искали заработки на посаде того города, в уезде которого они жили. На этой почве не раз возникали конфликты между ними и посадскими людьми, так как крестьяне, желая получить работу, соглашались выполнять ее за более дешевую цену по сравнению с посадскими людьми. Соликамские солевары гости Аверкий Кириллов и Григорий Шустов возили продавать свою соль в Калугу и нанимали калужских посадских людей выгружать соль из судов и возить в соляные амбары. Посадские люди требовали за эту работу по 10 и 12 денег с куля (рогожи). Между тем «государския и монастырския и розных помещиков крестьяне с того извозу хотят... взять по 2 деньги с рогожи». Калужские посадские люди выступили против своих конкурентов-крестьян и угрожали им «продажею и боем». Солепромышленники, конечно, были заинтересованы в получении дешевой рабочей силы и добивались в 1674 г. разрешения нанимать для перевозки соли «повольно всякого чина людей», т. е. и крестьян [4].

Среди категорий деловцев, работных людей, было немало выходцев из посадских низов. Но все же основную их массу составляли крестьяне частновладельческие и черносошные.

* * *

Наиболее многочисленную категорию обедневших крестьян составляли бобыли. Бобыли существовали и в предшествующем столетии, но значительный рост их численности в начале XVII в. был очевидным последствием «великого разорения», пережитого страной. К бобылям для

[1] «Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова», ч. II, стр. 5 и сл.; *П. Ф. Баканов*. Указ. соч., стр. 94—102.

[2] ЦГАДА. Приказные дела старых лет, 1668 г., д. 134, л. 1.

[3] Там же, 1688 г., д. 128, л. 892.

[4] Там же, 1674 г., д. 234, лл. 60—73.

доказательства их «крепости» применялись те же нормы, как и ко всем тяглецам; в отношении беглых частновладельческих бобылей имели силу те же «урочные годы», какие были установлены для сыска беглых крестьян; «суд в крестьянстве» применялся полностью и в отношении бобылей. Отличие бобылей от тяглых крестьян заключалось в их особом отношении к тяглу, вытекавшем из их «бедности и худобы». Среди документов вотчинных архивов можно встретить немало челобитных обедневших крестьян к их владельцам о снятии с них тягла и разрешении «на время пожить в бобылях» вследствие разорения[1]. Оставаясь владельцами дворов, бобыли во многих случаях продолжали пахать землю либо работать на боярской пашне и выполнять на своего владельца различные трудовые повинности. Таким образом, отсутствие пашни далеко не всегда характеризовало бобыльское состояние. Бывали бобыли бездворные, которые «кормились меж крестьян работою», промышляли каким-нибудь ремеслом, жили у других, более зажиточных крестьян в качестве «захребетников», «соседей и подсоседников». Из бобыльских порядных совершенно отчетливо выступает особенность положения бобылей как людей, не тянувших обычного крестьянского тягла, а сидевших на бобыльском оброке[2]. Имея своим первоначальным источником обеднение и разорение крестьян, особенно в начале XVII в., бобыльство сделалось затем одной из форм «избывания тягла». Поэтому правительство указами 1620—1632 гг. о «дворовой четверти» привлекло бобылей частновладельческих, монастырских и отчасти дворцовых к несению тягла в половинном по сравнению с крестьянами размере. Бобыли образовывали иногда довольно многочисленные группы торгово-промышленного населения, достигавшего известного благосостояния. Так, в селе Лыскове (Нижегородского уезда), вотчине боярина Б. И. Морозова, была целая слобода «непахотных бобылей», занимавшихся торгами и промыслами и плативших своему владельцу оброк, значительно превышавший крестьянские повинности[3]. Указом о введении подворной подати в 1679 г. бобыли были сравнены в податном отношении с крестьянами[4]. Правда, бобыльство и после этого продолжало существовать, так как феодальная эксплуатация непрерывно вызывала обеднение крестьянских масс.

В северных областях государства в монастырском хозяйстве и в хозяйстве зажиточных крестьян широко применялся труд половников;

---

[1] *Ю. В. Арсеньев.* Указ. соч., прилож., стр. 42—129.

[2] *М. А. Дьяконов.* Акты, относящиеся к истории тяглого населения..., вып. 2. Юрьев, 1897, № 7, 16, 27, 33, 35, 36, 38, 45, 51, 65 и др.; *его же.* Очерки из истории сельского населения..., стр. 219, 230.

[3] «Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова», ч. II, стр. 72, 190.

[4] *Б. Д. Греков.* Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в., кн. II, М., 1954, стр. 185—209; *С. Б. Веселовский.* Сошное письмо, т. II, М., 1916, стр. 481—524; *С. И. Архангельский.* Очерки по истории промышленного пролетариата Нижнего-Новгорода и Нижегородской области XVII—XIX вв. Горький, 1950, стр. 44—47.

применялся он и в хозяйстве верхушки торговых людей, поскольку они вкладывали свои средства в земледелие (например, в Устюжском уезде). Половники, как и бобыли, появились на Севере в результате разорения главным образом тяглых черносошных крестьян. Заключая порядные, половники получали подмогу и обязывались уплачивать хозяину определенную долю урожая — половину, треть или две пятых. Половничьи порядные заключались на различные сроки, по истечении которых половники имели право переменить владельца. Однако замечено, что к концу XVII в. сроки порядных удлиняются, поряды в половничество возобновляются и снятыми участками земли половники владеют нередко из поколения в поколение. Это означает, что половники, не имея сил погасить задолженность, превращались в «старожильцев» и закабалялись монастырями, как и крепостные крестьяне. Так как половники сидели на чужой земле, то тягла они не платили; тягло взималось с владельца земли. Только после перехода к подворному обложению в 1679—1681 гг. половники, жившие в своих дворах, попали в тягло[1].

* * *

В истории холопства в XVII в. наблюдается фактическое слияние наиболее многочисленных его категорий с крестьянством и законодательное распространение на них государственного тягла. Развитие в этом направлении наметилось еще в предшествующий период истории Русского государства. «Полное» холопство умирало как один из последних устаревших остатков периода феодальной раздробленности, несовместимый с новыми формами крепостнической эксплуатации. В сохранении полного холопства была более всего заинтересована группа крупных феодалов, на дворах которых была сосредоточена многочисленная дворня. Можно предполагать, что упразднение полного холопства соответствовало интересам рядового дворянства. Установлено, что выдача полных грамот (а также и докладных) прекратилась не позднее начала XVII в.[2]

Уложение 1649 г. признает лишь один вид холопства — холопство кабальное. В ряде статей Уложения 1649 г. очень последовательно отрицается идея наследственности кабального холопства: кабальный холоп крепок по кабале только одному лицу, которому он дал на себя кабалу, и лишь до его смерти; по смерти господина кабальный холоп

---

[1] *М. А. Дьяконов.* Очерки из истории сельского населения..., стр. 144—205; *В. Л. Бушуева.* Социально-экономические отношения чепецкой удмуртской деревни на рубеже XVII—XVIII вв. (Автореферат кандид. диссертации). М., 1950, стр. 7—8.

[2] *С. Н. Валк.* Грамоты полные.— «Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову», Пг., 1922, стр. 118; *Е. Н. Кушева.* К истории холопства в конце XVI — начале XVII вв. — «Исторические записки», № 15, стр. 95.

получает свободу[1]. Служилую кабалу мог дать на себя лишь человек «из воли». Не могли быть закабалены служилый человек, крестьянин и всякий уже состоявший в тягле или какой-либо крепости[2]. Уложение 1649 г., однако, признает фактическое наличие остатков старинного, полного холопства, сохранившихся ко времени его издания[3].

Среди холопов и челяди, живших во дворах феодалов, ясно выделяется категория «дворовых» людей, состоявших на полном иждивении феодалов. Основная их масса была сосредоточена на центральных дворах феодалов в Москве. Чем крупнее был владелец, тем многочисленнее была его дворня. У бояр И. Н. Романова и Б. И. Морозова она достигала 300—400 человек, у вдовы боярыни Н. Воротынской (в конце XVII в.) — свыше 100 человек, у стольника А. И. Безобразова (около 1681 г.) — не менее 80 человек. В состав дворни входили приказчики, которые «за делы ходят», слуги для всяких посылок и для назначения в деревни «на приказ», «верховые боярыни» «что у боярыни на верху», конюхи, портные, сапожники, сторожа, сокольники, трубачи, «жильцы» из деревень, «певчие ребята» и т. п. Были ли они «застольными» или «месячными»,— все они состояли на полном иждивении владельца и не вели самостоятельного хозяйства. Вот почему даже у богатых феодалов хватало средств на содержание приличной их рангу дворни только на центральном дворе. В деревнях же дворовых людей, состоявших на «месячине», было немного[4].

Довольно многочисленную и сильно возросшую во второй половине XVII в. категорию «затяглых» людей образовали в частном светском землевладении «задворные» и «деловые» люди. Термин «задворные» означал, что эти люди жили «за двором» своего господина. Названия «задворные» и «деловые», повидимому, употреблялись для обозначения одной и той же категории людей[5]. Часть их составляли холопы полные, старинные и кабальные; но среди них было немало также «добровольных холопов», не оформленных никакими крепостными документами. По закону нельзя было держать добровольного холопа без кабалы более трех месяцев[6]. Но на практике такие случаи были очень нередкими, потому что далеко не всегда было возможно получить служилую кабалу

---

[1] «Уложение 1649 г.», гл. XX, ст. 5, 9, 12, 15, 52.

[2] Там же, ст. 2, 6, 7 и др.

[3] Там же, ст. 4, 13, 21, 29, 31 и др.

[4] *А. И. Заозерский.* Боярский двор. Страничка из истории одного боярского дома.— «Русский исторический журнал», кн. 8, Пг., 1922, стр. 95, 96, 112; *А. А. Новосельский.* Вотчинник и его хозяйство в XVII в., стр. 52, 126, 127 и др.

[5] Термин «деловые люди», или «деловцы», покрывает собой совершенно различные понятия. Под него подходят наемные рабочие и «работные люди», поставлявшиеся крепостными крестьянами в порядке трудовой повинности на владельца. Этих «деловых» людей нельзя смешивать с деловыми людьми-холопами и наемными деловыми людьми, нанятыми самим владельцем.

[6] «Уложение 1649 г.», гл. XX, ст. 16.

на людей, положение которых не было легальным (беглые). Содержать всех задворных и деловых людей на собственном иждивении для владельца было невыгодно.

По деревням и селам можно было встретить холопов — приказчиков, скотников, конюхов, состоявших на боярском иждивении, но они составляли меньшинство в боярской дворне.

Чем дальше, тем больше феодальные владельцы начинали использовать задворных и деловых людей в своем хозяйстве, наделяя их землей, живым и мертвым инвентарем. Стольник А. И. Безобразов систематически переводил своих деревенских холопов на землю, давал им лошадей, коров, освобождая свое хозяйство от забот и расходов на содержание холопов[1]. Получая землю в таком же размере, как и крестьяне, имея свои дворы, задворные и деловые люди начинали платить владельцу оброк, нести на него барщину. Бывали случаи, когда владельцы прямо сажали своих задворных людей на тяглые крестьянские участки. Такие задворные люди отличались от крестьян лишь тем, что они не тянули государственного тягла, будучи холопами. Писцовые и переписные книги Замосковного края отмечают довольно много людских дворов в селах и деревнях феодальных владельцев.

Установлено, что во второй половине XVII в. число дворов задворных и деловых людей очень увеличивается[2]. Таким образом, феодалы отыскали один из способов уклонения от государственного тягла. Сближение дворовых и деловых людей с крестьянами по их роли в хозяйстве феодалов усиливалось еще тем, что крепостники-феодалы, расширяя свои права на сельское население, нередко переводили в число задворных и деловых людей бобылей и крестьян[3].

Весьма близкую аналогию с задворными и деловыми людьми светских владельцев представляли в монастырском хозяйстве «детеныши» и «слуги». Если не в каждом монастыре, то в весьма многих из них имелись детеныши: в центральных местностях государства (в уездах Московском, Можайском, Дмитровском, Костромском и Углицком), на окраинах северных, восточных, южных и западных; упоминаются детеныши в Сибири. Категория детенышей составлялась из крестьянских и бобыльских детей, безродных сирот, обедневших или «обмолодавших» крестьян, выходцев из польских городов, наконец, людей вольных по найму.

Детеныши по преимуществу работали на монастырской пашне, и в этом заключалась их основная роль в монастырском хозяйстве. Они находились на полном монастырском иждивении, получая от монастыря жалованье натурой и деньгами. Нельзя утверждать категорически, что

---

[1] *А. А. Новосельский.* Указ. соч., стр. 131—133.

[2] *Ю. В. Готье.* Указ. соч., стр. 328—329; *М. А. Дьяконов.* Очерки из истории сельского населения..., стр. 267—269.

[3] *М. А. Дьяконов.* Указ. соч., стр. 265 и сл.

детеныши не получали в свое обеспечение землю, во всяком случае это было редко.

По общему правилу, церкви и монастыри не могли владеть рабами (холопами). Труд детенышей и слуг заменял собой в монастырском хозяйстве труд задворных и деловых людей. Среди детенышей встречаются наймиты, нанимавшиеся на срок с уплатой им годового жалованья. Однако основная масса детенышей была закабаленной группой монастырского населения: выходцы из крестьян и бобылей были крепки монастырю по крестьянству и бобыльству, люди из воли находились в положении, аналогичном положению добровольных холопов.

Близки к детенышам были монастырские слуги: они, так же как и детеныши, работали главным образом на монастырской пашне; набирались слуги из числа людей, пришедших со стороны. Основным отличием их от детенышей было обычное обеспечение их монастырской землей («служней» землей), помимо жалованья натурой и деньгами. Слуги выполняли также роль монастырских приказчиков. Допускался переход из детенышей в разряд слуг.

Содержание значительного числа детенышей и слуг было возможно для монастырей потому, что монастыри располагали свободными денежными средствами.

Среди зависимого населения монастырей немалую группу составляли так называемые монастырские служебники, непашенные люди, ремесленники, жившие отдельными дворами и изготовлявшие промышленные изделия на монастырь. После введения подворного обложения они также были включены в тягло.

Увеличение числа задворных и деловых людей в селах и деревнях, монастырских детенышей и других категорий «затяглых» людей должно было в конце концов обратить на себя внимание правительства. Старая система государственного обложения давала возможность некоторой части сельского населения ускользать от тягла. Переписные книги 1678 г. должны были произвести более строгую регистрацию всех сельских жителей, живших отдельными дворами и имевших то или иное хозяйство. Введение подворного обложения в 1679—1681 гг., несмотря на сопротивление, особенно влиятельных духовных владельцев, распространило государственное тягло на все категории задворных и деловых людей (полных, кабальных и добровольных), монастырских детенышей и сельских ремесленников[1].

Правительственная мера по распространению государственного тягла на основные, наиболее многочисленные категории холопства юридически оформила уже происшедшее фактически в сфере хозяйства слияние их с крестьянством.

---

[1] *М. А. Дьяконов.* Указ. соч., стр. 272 и сл., 295—321; *Б. Д. Греков.* Указ. соч., кн. II, стр. 147—163.

* * *

Итак, феодальная крепостническая форма общественного устройства «...создавала свою особую нищету, которую она и передала по наследству капитализму»[1]. С другой стороны, феодальная эксплуатация в условиях развития товарно-денежного хозяйства оставляла возможность для некоторой немногочисленной группы крестьян достигать уровня значительного благосостояния и накапливать богатства. В XVII в. можно считать доказанным понижение среднего уровня благосостояния крестьян, проявлявшееся в сокращении подушной запашки у крестьян светских и духовных феодалов. Сокращение крестьянской запашки происходило уже в XVI в. В XVII в. для Замосковного края происходит дальнейшее падение крестьянской запашки на мужскую душу, в среднем на 20—25%[2]. К сожалению, мы располагаем только средними цифрами и не можем их дифференцировать. Но имеющиеся частные данные с полной ясностью показывают, что среди закрепощенных крестьян существовало весьма значительное неравенство в обеспечении их землей. Так, в рязанских селах Солотчинского монастыря в 80—90-х годах XVII в. наблюдались резкие колебания в земельных наделах: от 24—27 десятин в трех полях у самых сильных и богатых крестьян, 6 десятин у средних и до $^5/_8$—$^1/_2$ десятины у крестьян-бедняков[3]. Среди кашинских крестьян А. И. Безобразова наряду с безлошадными и не имевшими никакой животины, даже куренка, встречаем зажиточного крестьянина, старосту Ф. Опарина с братьями, имевшего девять лошадей, двух жеребят, 12 коров, трех телят и другую животину. Ф. Опарин снимал у своего владельца за особый оброк три пустоши и сенокос[4]. Аренда зажиточными крестьянами земли была явлением обычным[5]. В качестве выборных должностных лиц зажиточные крестьяне умели создавать себе привилегированное положение, составляя часть того аппарата принуждения, при помощи которого феодалы держали в повиновении массу рядовых крестьян. «А староста с приказчиками продают нас заодно»,— жаловались крестьяне владельцу на жестокий правеж с них оброка[6]. Полномочия старост и выборных людей давали им возможность перекладывать тяжесть повинностей на бедных крестьян. В 1690 г. крестьяне села Новоселок Солотчинского монастыря жаловались,что «староста Петрушка с набольшими крестьяны... тяглую землю смешали и прежнюю меру и десятины и столпы перепортили и окладываютця самовольством на малыя выти, а лутчую и навозную землю подмеревают под себя, а худую и не навозную отдают скудным и маломочным крестьянам, а огороды отнимают друг у друга насиль-

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 1, стр. 434.
[2] *Ю. В. Готье.* Указ. соч., стр. 333—342.
[3] *А. П. Доброклонский.* Указ. соч., стр. 58.
[4] *А. А. Новосельский.* Указ. соч., стр. 169—170.
[5] «Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова», ч. I, стр. 125.
[6] *А. А. Новосельский.* Указ. соч., стр. 89.

ством, и конопляники, и капустники, и саженые огуречники перепахивают насильством ж...»[1].

Зажиточные крестьяне переносили свою инициативу из земледелия в сферу промысловой и торговой деятельности. В нижегородских вотчинах боярина Б. И. Морозова зажиточные крестьяне брали на откуп винокурни, производство кваса и сусла, мельницы и пр. Развивая свою предпринимательскую деятельность за пределами владений, крестьяне Б. И. Морозова занимались «низовым промыслом», т. е. водили по Волге суда с рыбой и солью, снимали рыбные промыслы и сами эксплуатировали их. Богатыми людьми среди морозовских крестьян были члены семьи Леонтия Антропова. Сам боярин кредитовал Антроповых на большие суммы. Сначала судовладельцы-подрядчики, водившие суда с рыбой и солью по Волге, они превратились затем в крупных солеторговцев и рыбопромышленников[2]. В конце столетия, повидимому, эти Антроповы вошли в состав торговых людей гостиной сотни по Нижнему-Новгороду[3]. Феодалы через своих богатых крестьян пускали в оборот капиталы. Но и помимо того владельцы пользовались выгодами от торгов и промыслов своих крепостных крестьян, облагая их повышенными оброками. Именно из вотчин «сильных людей», богатых монастырей и епископов вышло в XVII в. больше всего состоятельных торговых крестьян. Наиболее зажиточные крестьяне галицкой вотчины боярина Н. И. Романова были втянуты в крупные сибирские торги и промыслы. Крестьяне муромского села Карачарова (князя Ю. Я. Сулешева) Глотовы принадлежали к числу богатейших торговых людей первой половины XVII в. Крестьяне новгородского митрополита вели заморскую торговлю, ездили в Ревель и Стокгольм. Крестьяне ярославского Спасского монастыря Усовы торговали «большими торгами» «по многим русским и немецким городам». Крестьяне Тихвинского монастыря ходили «за рубеж в немецкие города для торговли водяным путем» и т. п. Из черносошного крестьянства вышли крупнейшие предприниматели того времени — Босые, Ревякины, Федотовы-Гусельниковы и др.[4]

Итак, уже в XVII в. мы наблюдаем довольно значительное имущественное расслоение среди русского крестьянства.

* * *

Второй крупной категорией русского крестьянства в XVII в. было крестьянство черносошное.

---

[1] *А. П. Доброклонский.* Указ. соч., стр. 59.

[2] «Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова», ч. II, стр. 80, 90 и др.

[3] *Е. И. Заозерская.* Торги и промыслы гостиной сотни Среднего Поволжья на рубеже XVII—XVIII вв.— Сб. «Петр Великий», т. I, М.—Л., 1947, стр. 218—219.

[4] *С. В. Бахрушин.* Торговые крестьяне в XVII веке.— «Ученые записки Ин-та истории РАНИОН», т. V, М., 1928, стр. 252, 270 и др.; см. также: Научные труды, т. II, стр. 121—123.

Черносошными крестьянами называли в XVII в. крестьян, сидевших на государственных землях и несших с них тягло. Самое название «черносошные» крестьяне происходит от слов «черная земля», т. е. положенная в «сохи» государственная земля.

Черносошные крестьяне представляли собой потомков некогда свободных крестьян-общинников. В условиях роста феодального крепостнического землевладения к XVII в. черносошное землевладение могло, впрочем, сохраниться только в тех районах, где, как на Севере, феодалы были менее заинтересованы в земле.

Несмотря на свободу черносошных крестьян от непосредственного подчинения феодалам-крепостникам, положение их ни в какой степени не нарушает системы феодального строя Русского государства XVII в.

Своеобразными чертами отличалось хозяйство Поморья.

Основной земельной единицей на черносошном Севере была деревня, представлявшая собой один или несколько (всегда немного) дворов с прилегающими к ним пашенными, сенокосными, пастбищными, лесными, рыболовными и охотничьими угодьями. Отдельный крестьянин владел или целой деревней, или ее частью — половиной, третью, четвертью и т. д. В последнем случае он имел право на определенную долю, например четверть, во всех угодьях деревни. Крестьянин мог оставить свою долю в наследство, продать, заложить. При продаже земли в посторонние руки наследники прежнего владельца пользовались правом выкупа родовых участков. Русский Север XVI—XVII вв., таким образом, не знал общинного землевладения в полном смысле этого слова. Не говорит об общинном землевладении и характер производившихся обычно переделов. Переделы возникали тогда, когда деревенские совладельцы, называемые обыкновенно складниками, находили, что их фактическое землевладение не соответствует тем долям, на которые каждый из них имеет право. Переделы и ставили своей задачей установить такое соответствие. Таким образом поддерживалось «долевое» землевладение на Севере[1]. Впрочем, иногда можно наблюдать стремление и к уравнительному переделу. Инициатива таких переделов исходила от деревенской бедноты, лишившейся своих участков. Так, летом 1663 г. крестьяне Андреянова стана Двинского уезда, во главе с сотским Трофимом Хвостовым, решили провести уравнительный передел своих земель и составили соответствующий приговор. Наиболее состоятельная часть крестьян, владевшая отдельными заимками (Федор Клюев с товарищами), оказала сопротивление переделу. Дело тянулось несколько лет, и в 1665 г. сторонники уравнительного передела получили решительный отказ от думного дьяка Приказа Новгородской четверти Алмаза Иванова, который распорядился: «Крестьяном тяглыми своими участки владеть по крепостям и по писцовым книгам, за кем сколько земли написано в писцовых книгах...

[1] *А. Я. Ефименко.* Крестьянское землевладение на Крайнем Севере.— В кн.: *А. Я. Ефименко.* Исследования народной жизни. Вып. 1. Обычное право. М., 1884, стр. 210—237.

А такова образца, чтоб по челобитью одного стану и без государева указу поволить вервить и землю ровнять, не бывало»[1].

Наряду с разделенными участками при деревне были неразделенные угодья — пастбища, леса, реки, иногда сенокосы, которыми деревенские совладельцы пользовались сообща. Деревни обычно располагались по берегам рек. Обширные лесные массивы, которыми богат Север, принадлежали государству, и каждый мог ими свободно пользоваться.

В результате мобилизации крестьянских участков часть их переходила не только к крестьянам, но и к посадским людям (например, в Устюжском уезде) и монастырям. Соловецкий, Антониев-Сийский, устюжские, сольвычегодские монастыри и другие захватывали довольно крупные участки черносошных земель. Кроме монастырей, крупными землевладельцами в Поморье были именитые люди Строгановы. Служилого землевладения на Севере не было. Правительство, ограждая интересы казны, боролось с переходом тяглых земель в руки беломестцев и иногда проверяло права владельцев на тяглые участки, находившиеся в их распоряжении. Как правило, такой проверкой занимались валовые писцы, составлявшие писцовые книги. Общая проверка перехода тяглых земель в руки беломестцев была осуществлена в 1651 г. Сыскным приказом князя Ю. А. Долгорукова, проводившим в жизнь постановление Уложения 1649 г. о запрещении беломестцам владеть тяглыми участками. Несмотря на это запрещение, беломестцы продолжали захватывать тяглые участки, и потребовалась новая проверка. В 1670 г. стряпчий Еремей Хрущев был послан в Устюжский уезд и вновь «отписал на государя» тяглые земли, захваченные беломестцами[2]. Отнятые у беломестцев земли возвращались тяглому населению. Но запретительные меры не остановили перехода черных земель в руки беломестцев и мобилизации земельных участков среди тяглого населения, что влекло за собой разложение долевого землевладения. Деревни непрерывно дробились, их доли становились мельче. Покупка и заклад земель концентрировали земельные участки в руках деревенских верхов, а в некоторых местах — в руках посадских людей и вызывали как жалобы беднейших крестьян на земельную тесноту, так и их справедливое желание произвести земельное уравнение. Об особенностях земледелия в Поморье сообщены сведения выше в разделе о сельском хозяйстве. Земледелие было развито в южных уездах Поморья; здесь образовались даже хлебопроизводящие районы и хлебные рынки. Продукты животноводства также в значительном количестве поступали в продажу[3].

На Крайнем Севере суровый климат не благоприятствовал земледелию, и население Двинского, Кольского, Каргопольского, Кевролького,

---

[1] *Н. В. Устюгов.* К вопросу о земельных переделах на русском Севере в середине XVII в.— «Исторический архив», т. V, М.—Л., 1950, стр. 40—49.

[2] ЦГАДА. Приказные дела старых лет, 1652 г., д. 7а, ч. I—III.

[3] О земледелии и хлебных рынках см. § 1 и 4 настоящей главы.

Мезенского, Пустозерского и отчасти Яренского уездов в массе питалось привозным хлебом. Не было особенно развито земледелие и в Пермском крае.

Черносошные крестьяне Чердынского и Соликамского уездов, богатых лесами и имевших малоплодородную почву, предпочитали заниматься лесным промыслом — заготовкой строительных материалов и дров, спрос на которые был особенно велик в Соли Камской, крупнейшем центре русской солеваренной промышленности XVII в.

Крестьяне северных уездов Поморья занимались также рыбными и охотничьими промыслами и солеварением, вываривая соль как из морской воды, так и из подземных соляных рассолов, которые встречались в разных местах территории Поморья. Обилие лесов обеспечило развитие плотничного дела — местного и отхожего. Из других промыслов следует отметить добычу слюды, главным образом на Кольском полуострове, добычу железа и его обработку в Устюжском уезде[1] и в Заонежских погостах[2].

Через Поморье проходили два крупных торговых пути — Беломорско-Двинский и Сибирский, что содействовало оживлению крестьянской торговли. Многие крестьяне вели большой торг с Сибирью, вывозя оттуда меха и направляя в Сибирь товары, в которых там ощущался недостаток[3]. Некоторые из них вели и более обширные торговые операции, перепродавая продукты других районов Русского государства и торгуя привозимыми из-за границы товарами. Обслуживание торговых путей занимало далеко не последнее место в промыслах черносошного крестьянства, особенно по берегам Сухоны, Двины, Вычегды и Камы с их притоками[4].

Крестьянство Поморья не представляло собой однородной массы. Происходило сосредоточение земельных участков в руках наиболее экономически сильных из них. Вместе с тем образовались значительные слои малоземельных и безземельных крестьян. Обедневшие крестьяне под наименованием половников, бобылей, казачков подвергались эксплуатации в хозяйстве не только монастырей и крупных промышленных и торговых людей, но и зажиточных крестьян. К закабалению беднейшего крестьянства приводили также ростовщические операции, которыми занимались богатые крестьяне. Наличие мирской организации в виде выборных должностных лиц не мешало процессу имущественного рас-

---

[1] *Н. В. Устюгов.* Из истории металлургии Поморья в первой половине XVII в.— «Вопросы истории», 1946, № 2—3, стр. 127—130.

[2] *К. Н. Сербина.* Очерки по социально-экономической истории русского города. Тихвинский посад в XVI—XVIII вв., стр. 212—238.

[3] *С. В. Бахрушин.* Торговые крестьяне в XVII в.— «Ученые записки Ин-та истории РАНИОН», т. V, М., 1928, стр. 252—270; см. также: Научные труды, т. II, стр. 118—133.

[4] *Н. В. Устюгов.* Работные люди на Сухоно-Двинском водном пути в первой половине XVII в.— «Исторические записки», № 6, стр. 170, 180—181.

слоения черносошного крестьянства и выделению из его среды богатеев. Напротив, богатые крестьяне играли руководящую роль в мирских выборных органах. Правительство искало опоры именно в наиболее зажиточных слоях крестьян, которые «душою прямы и животом прожиточны, кому б верить было мочно»; вследствие этого мирские выборные органы, которые использовались правительством в фискальных целях, были вместе с тем орудием эксплуатации зажиточной частью крестьян остальной их массы.

Кафтан из сермяжного сукна, принадлежавший поморскому промышленнику начала XVII в. Из находок экспедиции на остров Фаддея и в залив Симса в 1945 г.

Государственный Исторический музей

Черносошные крестьяне не знали над собой непосредственной власти феодалов-крепостников. Но зато они подвергались не менее тяжелой эксплуатации со стороны феодального государства. Черносошные крестьяне несли в пользу государства тягло, заключавшееся в платеже определенных сборов, денежных и натуральных, и в отбывании личных служб[1]. В состав тягла входили так называемые четвертные доходы (данные и оброчные), т. е. прямые налоги, поступавшие в финансовые московские приказы — четверти. Вместо уплаты ямских денег черносошные крестьяне отбывали ямскую гоньбу в натуре, и расход на эту повинность являлся крупнейшим из мирских сборов. Наиболее тяжелой ямская повинность была в Соли Камской, где посадские люди и уездные крестьяне обслуживали своими подводами «Верхотурский волок», т. е. перевал через Урал.

В 60-х годах XVII в. соликамские посадские и уездные люди расходовали на ямскую гоньбу ежегодно «с сохи тысячи по полутора и больше», тогда как данных денег с них сходило в год всего только по 48 руб. с сохи[2].

Помимо денежных сборов, были натуральные — значительная по размерам поставка хлебных запасов сибирским служилым людям на

---

[1] Более подробно о налогах с черносошных крестьян см. главу III, § 7 настоящего издания.

[2] ЦГАДА. Приказные дела старых лет, 1660, д. 96, л. 414.

жалованье[1]. Иногда сибирские хлебные запасы переводились на деньги. Население было обязано не только собрать, но и доставить эти продукты к месту назначения. С населения поступали также натуральные сборы с рыбной ловли, слюдяных разработок, ловли кречетов и т. п.

В последней четверти XVII в. основные прямые налоги — данные, оброчные (кроме индивидуальных оброков) и стрелецкие деньги были объединены в единый налог — стрелецкие деньги, который стали взимать с новой окладной единицы — двора.

В состав тягла входили также службы по выборам, отбываемые в пользу государства: служба в таможенных и кабацких головах и целовальниках, в ямских старостах, в целовальниках при всякого рода казенных покупках. Кроме казенных, были сборы и службы мирские — служба в мирских выборных органах, сборы на всякие мирские расходы.

В целом положение черносошного крестьянства мало чем отличалось от положения крепостных крестьян. При отсутствии прямого закрепощения феодально-крепостническое государство возложило на черносошных крестьян основное бремя прямых налогов. Тяжесть фискального гнета всего острее ощущалась именно этой частью населения Русского государства. Рост налогов и повинностей в течение всего XVII в. очень ярко иллюстрирует наступление феодально-крепостнического государства на черносошное крестьянство.

Осуществляя фискальный нажим, превышавший платежные силы черносошного крестьянства, правительство использовало в качестве аппарата насилия существовавшую в Поморье мирскую организацию. Эта организация связывала тяглецов круговой порукой; к тому же население было лишено свободы передвижения. Имея дело с тяглым миром, государство могло предъявлять требования, не учитывая экономического состояния отдельных плательщиков. Деревни черносошных крестьян объединялись в волости, волостные миры. Волостные миры совместно владели некоторыми угодьями — лесами, пастбищами, сенокосами, рыбными ловлями. Волость же распоряжалась и выморочным имуществом, привлекая на запустевший участок нового тяглеца. Но в основном волость была административно-судебной единицей. Распорядительным органом волости являлся волостной сход, состоявший из представителей деревень. На волостных сходах разрешались вопросы, касавшиеся всей волости в целом, и производились выборы должностных лиц, исполнительных органов волостного мира. В отдельных поморских уездах не было единообразия в номенклатуре этих должностных лиц. В одних уездах во главе волости стояли земские судейки (Устюжский уезд), в других — земские старосты (Соликамский и Тотемский уезды), в третьих—сотские (Двинский уезд). В некоторых уездах, наряду с земским судейкой, был «судецкий ста-

[1] Эту повинность несли семь посадов и уездов восточной части Поморья: Устюг Великий, Вятская земля, Соль Вычегодская, Кайгородок, Яренск, Чердынь и Соль Камская с их уездами.

роста», второе должностное лицо в волости. Ниже его стояли сотские (в тех уездах, где они не были во главе волости) и доводчики, отправлявшие полицейские функции. Для разверстки и сбора тягла избирались разрубные целовальники. На волостных же сходах избирались и представители во всеуездный сход или совет и уездные должностные лица—таможенные и кабацкие целовальники, земские старосты и т. д. Высшей инстанцией по отношению к волостному миру был всеуездный мир. Эта последняя организация охватывала не только уездное население, но и посадских людей. В Поморье посадское и уездное население было теснее связано между собой, чем в центральных районах Русского государства, где тяглый посад противостоял феодально-крепостной деревне. Уездная мирская организация, как и волостная, тоже не имела единообразия. Во главе некоторых всеуездных миров стояла коллегия земских судеек, предводительствуемая большим (старшим) судьей посада, в других уездах мирскую организацию возглавлял посадский и всеуездный земский староста[1].

Еще в середине XVI в. правительство использовало мирские организации для выполнения общегосударственных задач. В это время было отменено наместничье управление, а административно-судебные и финансовые функции, выполнявшиеся наместниками, были возложены на местные выборные органы. Так были созданы губные и земские избы, имевшие во главе старост. На обязанности первых лежала борьба с важнейшими уголовными преступлениями. Административные и финансовые функции и суд по гражданским делам перешли в ведение земских старост. С начала XVII в. суд по уголовным делам перешел к городовым воеводам, и губные учреждения в Поморье стали постепенно исчезать. Земские учреждения сохранились и при воеводском управлении, введенном в начале XVII в.

В XVII в. мирские выборные органы превратились в низших финансовых и полицейских правительственных агентов, которые должны были собирать налоги и отвечать за исправность их поступления, а равным образом следить за порядком в волостях.

Не выдерживая фискального гнета, беднейшие крестьяне либо пытались найти защиту у правительства против «миропродавцев», «горланов» и «ябедников», доводивших их до нищеты, либо оказывали активное сопротивление сборщикам налогов, либо, наконец, «пометав свои жеребьи впусте», бежали с насиженных мест туда, где они рассчитывали найти более льготные условия жизни. Крестьянская колонизация направлялась из старых районов Поморья в сравнительно слабо заселенную его восточную часть — Вятский, Пермский и Кунгурский края, за Урал и в Сибирь. В основном Зауралье и Сибирь были колонизованы выходцами из крестьян и посадских людей Поморья. Население Поморья активно участвовало в ряде народных восстаний в XVII в.

[1] *М. М. Богословский.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в., т. I, М., 1909, стр. 192—300.

Крестьянство, переселившееся за Урал, попадало в такие же условия, как и в Поморье, с той разницей, что в первой половине XVII в. основной повинностью сибирского крестьянства была обработка государевой десятинной пашни, которая со второй половины XVII в., по мере роста сибирского земледелия, частично заменяется хлебным оброком. В конце XVII в. земледелие в Сибири достигло настолько значительных успехов, что правительство нашло возможным освободить посады и уезды восточной части Поморья от обременительной повинности — отправки сибирских хлебных запасов. Проще и дешевле было приобрести хлеб на сибирском рынке[1].

* * *

Подводя итоги изложению истории сельского населения в XVII в., следует отметить несколько основных явлений: 1) усиление феодальной эксплуатации сельского населения в связи с приспособлением феодального хозяйства к новым экономическим условиям слагавшегося всероссийского рынка; 2) законодательное прикрепление крестьян к земле, к феодальным владельцам и систематическая борьба с крестьянскими переходами и побегами; 3) начало слияния различных категорий сельского населения в единую закрепощенную тяглую массу и одновременно рост имущественного расслоения крестьянства; 4) распространение крепостничества на новые слои населения и новые территории.

Все эти явления подготовили тот подъем классовой борьбы крестьянства против усиливавшегося крепостнического гнета, каким характеризуется весь XVII век.

7

ПОСАДСКИЕ ЛЮДИ

При ликвидации феодальной раздробленности и объединении отдельных русских земель великие князья московские, оставляя сельские местности во владении потомков удельных князей, города, как правило, отбирали у них, а торгово-промышленное и ремесленное население этих городов превращали в государевых посадских людей, живших на государственной земле и обязанных платить повинности в пользу государства. Энергично политику ликвидации частновладельческих городов проводили великие князья Иван III и Василий III[2]. В XVI в. частно-

---

[1] *В. И. Шунков.* Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII вв. М.—Л., 1946, стр. 1—226 (особенно гл. IV). См. также главу XI, § 6 настоящего издания.

[2] *П. П. Смирнов.* Города Московского государства в первой половине XVII в., т. I, вып. 1, Киев, 1917, стр. 12—16; *его же.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в., т. I, М.—Л., 1947, стр. 85—87.

владельческие города были почти полностью ликвидированы. До XVII в. и позднее сохранились только некоторые из них. Продолжался и процесс образования городов как торгово-ремесленных центров в течение всего XVII в., причем не только на государственной, но и на частновладельческой земле. Из вотчинных городов, сохранившихся в частном владении в XVII в., можно назвать патриарший город Осташков, строгановские городки Орел-городок, Верхний и Нижний Чусовские, Тихвин, принадлежавший тихвинскому Успенскому монастырю. Романовым до середины XVII в. принадлежали гг. Скопин и Романово городище в Лебедянском уезде. Город Зарайск, ранее принадлежавший зарайскому Никольскому собору, в XVII в. то отбирался в казну, то возвращался собору. Город Трубчевск в середине XVII в. был пожалован князю А. Н. Трубецкому с указанием, что это родовая вотчина князей Трубецких. В конце XVII в. Горицкому монастырю был пожалован посад Соль Большая. Подавляющее большинство новых городов, образовавшихся в XVII в., были государственными городами. Однако в виде исключения образовывались и частновладельческие города. Наиболее известны из них Валдай на Валдайском озере, образовавшийся в середине XVII в. и принадлежавший патриаршему Иверскому монастырю, и г. Гурьев при устье Яика, построенный гостем Михайлой Гурьевым. Разумеется, в этом перечне частновладельческих городов XVII в. названы только наиболее известные. Но в целом частновладельческий город сохранился как пережиток старины[1].

* * *

Интервенция начала XVII в. привела к значительному сокращению посадского населения, особенно западных, южных и центральных районов, но после ликвидации интервенции наблюдается рост и городов и посадского населения. По подсчетам П. П. Смирнова, в середине XVII в. насчитывалось, вместе с новгородскими рядками, которые представляли собой поселения городского типа, 254 города, без рядков — 226 городов (без Сибири и Украины). По неполным данным переписных книг 1646 г., в этих городах было без рядков 31 337 дворов, с рядками — 31 567 дворов[2]. Посадское строение 1649—1652 гг. увеличило эту цифру на 10 095 дворов, т. е. до 41 662 дворов.

Крупнейшим городом страны была столица государства Москва. В ней к середине XVII в. насчитывалось около 27 тыс. дворов, из них в московских слободах, как черных, так и дворцовых и казенных,— до 8500 дворов, причем на долю черных сотен и слобод, т. е. собственно

[1] *П. П. Смирнов.* Города Московского государства в первой половине XVII в., т. I, вып. 1, стр. 105—112; *К. Н. Сербина.* Очерки из социально-экономической истории русского города. Тихвинский посад в XVI—XVIII вв., стр. 7—11.

[2] *П. П. Смирнов.* Города Московского государства в первой половине XVII в., т. I, вып. 2, Киев, 1919, стр. 128—129.

посадского населения столицы, приходилось около 3600 дворов. Около 10 тыс. дворов было в стрелецких слободах. Остальные дворы принадлежали дворянству, духовенству, гостям и торговым людям гостиной и суконной сотен, казенным мастерам и т. д.[1]

И по общему количеству населения и по числу посадских дворов Москва значительно превосходила все города государства. Число крупных городов в Русском государстве было невелико. Для середины XVII в. можно указать, кроме Москвы, только 15 городов, где количество посадских дворов превышало 500. Это: Ярославль — 2871 двор, Кострома — 1726, Вологда — 1234, Казань — 1191, Нижний-Новгород — 1066, Псков — 812, Устюг Великий — 744, Галич — 729, Новгород — 640, Хлынов — 624, Калуга — 600, Балахна — 590, Коломна — 555, Соль Камская — 540 и Переяславль-Залесский — 508[2]. Нетрудно видеть, что большинство крупных городов расположено в Замосковном центре, старой территории Русского государства, три города в Поморье, два у западных границ и один у восточной. На юге, подвергавшемся в это время татарским набегам, еще не было крупных городов. Точные данные о числе городов и количестве посадского населения по переписным книгам 1678—1679 гг. еще не приведены в известность. Те цифры, какие имеются в литературе, нуждаются в анализе и проверке. В. О. Ключевский определил общее число дворов тяглого населения по переписным книгам 1678—1679 гг. в 888 тыс. дворов; из них дворов посадских и черносошных крестьян — 92 тыс., т. е. 10,4%[3]. Путем исключения отсюда числа дворов черносошных крестьян, которое может быть определено по переписным книгам 1678—1679 гг. примерно в 50 тыс., получается число посадских дворов — 42 тыс.[4] Надо думать, что эта цифра занижена, поскольку

---

[1] «История Москвы», т. I, М., 1952, стр. 450.

[2] *П. П. Смирнов*. Указ. соч., т. 1, вып. 2, стр. 34—35, 54, 66, 82—83, 120, 122.

[3] *В. О. Ключевский*. Курс русской истории, ч. III, М., 1937, стр. 249—250; *П. Н. Милюков*. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905, стр. 287. П. Н. Милюков на основании источников начала XVIII в. дает несколько меньшую цифру тяглых дворов по переписным книгам 1678—1679 гг.: 833 603 двора для всего государства в целом. Это уточнение было принято В. О. Ключевским. Поправка коснулась только числа дворов крепостных крестьян, живших на дворянских землях; цифры посадских дворов и дворов черносошных крестьян остались без изменения — 92 тыс. (*В. О. Ключевский*. Курс русской истории, ч. III, М.—Пг., 1925, стр. 470—471).

[4] По подсчетам М. М. Богословского, в 12 основных уездах Поморья, без Каргопольского, Заонежских погостов и Кунгурского уезда, по переписным книгам 1678—1679 гг., значилось 36 883 крестьянских двора. Если по переписным книгам 1646 г. в Заонежских погостах быо 4732 черносошных двора, а в Каргопольском уезде 6135 дворов, то к 70-м годам это число, несомненно, должно было возрасти. Следовательно, общее число дворов черносошных крестьян по переписным книгам должно составить около 50 тыс. Таким образом, на долю посадских дворов приходится 42 тыс. Думается, что фактическая цифра посадских дворов была больше: ведь после посадского строения 1649—1652 гг. число посадских дворов увеличилось до 41 662 дво-

известно, что посадское строение 1649—1652 гг. подняло цифру посадских дворов до 41 662. Сравнение этих двух цифр почти не дает никакого прироста посадского населения. Путем сопоставления числа посадских дворов в Поморье по данным переписных книг 1646 г. и 1678—1679 гг. можно в известной мере предположительно определить рост численности посадских дворов за этот промежуток времени примерно в 19,5% [1].

Если этот средний процент роста поморских посадов распространить на всю страну, то количество посадских дворов, по сравнению с данными 40-х годов, должно увеличиться на 8124 двора и составить в конце 70-х годов XVII в. 49 788 дворов. К этой цифре нужно еще прибавить посадское население Сибири, которое неуклонно увеличивалось в течение XVII в. и к его концу достигло 2535 дворов [2].

Всего на всей территории Русского государства к концу XVII в. насчитывалось предположительно около 52 500 посадских дворов. Таким образом, происходил медленный, но неуклонный рост посадского населения.

* * *

Терминология XVII в. строго различала «город» и «посад». Город — это собственно крепость, посад — торгово-промышленная часть, где расположены земли и дворы горожан, которые «несли государево тягло». Жители «города» часто не принадлежали к посадскому «миру», но в свою очередь и на «посаде» часто оказывались люди, не несшие посадского тягла. Эти общие положения применимы ко всем посадам, однако в то же время посады разных экономических районов обширной территории Русского государства не похожи друг на друга. Особенностью посадов Поморья было то, что основным населением здесь были черные люди, т. е. посадские люди в точном смысле этого слова, занимавшиеся городскими промыслами и связанные тяглом. Вместе с ними ремеслом и торговлей промышляли стрельцы, «приказы» (полки) которых были располо-

---

ров. Не может быть, чтобы за 30 лет число дворов на посадах увеличилось только на 338 дворов (*М. М. Богословский.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в., т. I, прилож., стр. 64—65).

[1] По подсчетам М. М. Богословского, в 20 посадах Поморья (без Каргополя, Чаронды, Заонежских погостов и Кунгура) по переписным книгам 1678—1679 гг. значилось 4597 посадских, бобыльских и вдовьих дворов. По переписным книгам 1646 г. по тем же посадам, за исключением Кулуя и Кайгородка, по которым нет сведений за середину века, значилось 3816 дворов (*М. М. Богословский.* Указ. соч., прилож., стр. 67—69). Если от общей суммы посадских дворов Поморья по переписным книгам 1678—1679 гг. (4597 дворов) отнять 134 (11 дворов в Кулуе и 123 в Кайгородке), то останется 4463 двора. Количество посадских дворов в Поморье с 3816 в 40-х годах XVII в. увеличилось к концу 70-х годов до 4463 дворов, т. е. на 19,5%. Правда, в некоторых посадах, как в Соли Вычегодской, количество дворов уменьшилось, но в большинстве посадов и особенно крупных, таких, как Устюг Великий, Хлынов, Холмогоры и Соль Камская, оно возросло.

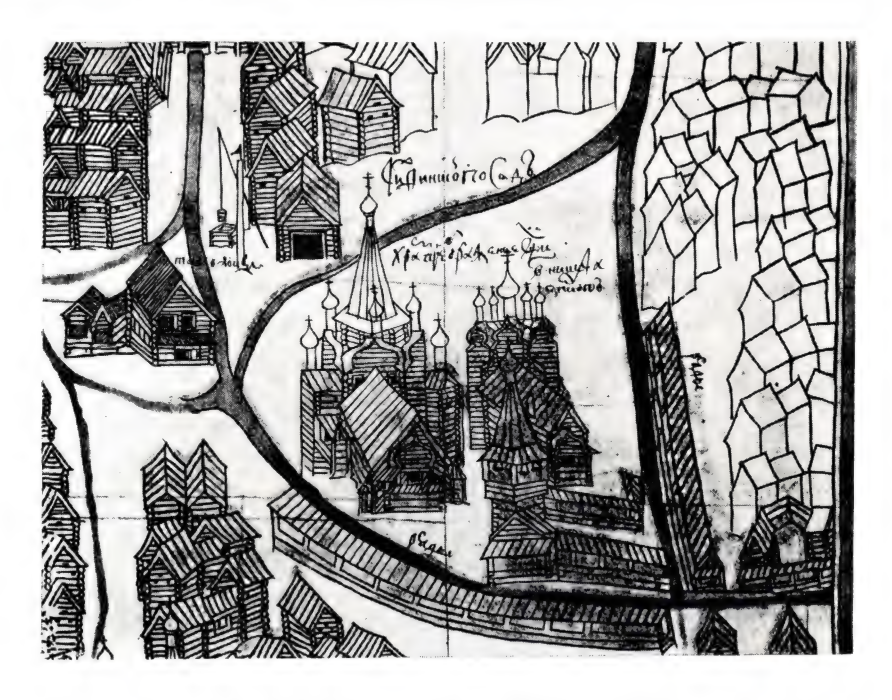
[2] По неопубликованным подсчетам В. И. Шункова, любезно сообщенным редакции, за что редакция пользуется случаем принести В. И. Шункову благодарность.

жены в Архангельске, Холмогорах, Коле, Устюге Великом. Промыслы соляной, рыбный, плотничный, кузнечный, соединявшиеся часто и с обработкой клочка земли,— вот основные занятия населения посадов Поморья.

Несколько иную картину представляли собой посады Замосковья (центральных уездов, окружавших Москву,— от Нижнего-Новгорода и Арзамаса на юго-востоке до Устюжны и Белоозера на северо-западе). Кроме посадских людей, землевладельцы уездов Замосковья — светские и духовные вотчинники и местные помещики — часто имели в городах свои «осадные дворы» и дворы «на приезд». На этих дворах жили не сами феодальные владельцы, а их дворники, зависимые от них деловые, ремесленные и работные люди. Так как дворы эти принадлежали нетяглым людям, то население их, в противоположность «черным» дворам посада, было «белым», свободным от всяких платежей и повинностей. Кроме того, в непосредственном соседстве с посадом, а иногда и на посадской земле, духовные и светские феодалы устраивали слободы зависимых от них людей, занимавшихся ремеслами, торгами и промыслами. Почти все крупнейшие посады Замосковья в первой половине XVII в. оказались окруженными слободами светских и духовных феодалов.

По существу тот же тип города представляла собой в XVII в. и Москва. В Москве были значительные дворцовые владения царя, духовенства и бояр. Царское хозяйство обслуживали дворцовые слободы. В разное время количество этих слобод было различно. Всего на протяжении XVII в. упоминается до 50 дворцовых слобод. Нет точных данных и о количестве тяглых дворов в них. По подсчетам С. К. Богоявленского, в 19 дворцовых и казенных слободах в 30-х годах XVII в. было 1551 и в 50—70-х годах того же века 2556 тяглых дворов[1]. Целые слободы бронников выделывали оружие, бараши делали и ставили царские шатры; две слободы ткачей — Кадашевская и Тверская Константиновская поставляли полотно на Царицыну мастерскую палату; Котельная и Гончарная слободы выделывали посуду; Садовые и Огородные слободы доставляли свои продукты; Басманная слобода поставляла к царскому столу печатные калачи и т. п. Дворцовый Конюшенный приказ, содержавший в Москве всегда не меньше 3 тыс. лошадей, имел Большую Конюшенную слободу за Чертольскими (позже Пречистенскими, ныне Кропоткинскими) воротами, три слободы «лужников», Сыромятную и Овчинную слободы. Меньше, но все же значительно было вотчинное хозяйство в Москве других землевладельцев. В середине XVII в. в черте Земляного города было 15 частновладельческих слобод крестьян и бобылей патриарха, ростовского митрополита, бояр и монастырей; одному патриарху принадлежало семь слобод с населением в 710 дворов. За Земляным валом были расположены боярские и монастырские села и деревни, Бутырская слобода и Измайлово бояр Романовых, Марьина

[1] «История Москвы», т. I, стр. 468—470.

План Тихвинского посада, XVII в. Деталь.
Центральный государственный архив древних актов

Роща и Останкино князей Черкасских, село Черкизово Чудова монастыря и др.

По сравнению с населением привилегированных вотчин и слобод, тяглое население московских черных сотен и слобод было значительно малочисленнее; в 30-х годах XVII в. считалось целых тяглых дворов 1221. Но фактически тяглецов было больше, так как многие из них сидели на части двора. Подсчет плательщиков тягла для этого же времени дает другую цифру дворохозяев — 2070[1]. Их населяли ремесленники, торговцы и работные люди, составлявшие в течение большей части XVII в. шесть сотен, три полусотни и 11 слобод. Разница между сотнями и слободами чисто формальная: во главе сотни стоял сотский, слободы — староста.

Условна разница и между сотнями и полусотнями. Она имела смысл только при самом начале организации полусотен, когда там было еще мало жителей. В 50-х годах XVII в. Устюжская полусотня превосходила по числу дворов все сотни, кроме Сретенской[2].

Мелкой торговлей и ремеслом занимались также московские стрельцы, которых было 20 приказов по 500 человек в каждом. Поселения стрельцов — стрелецкие слободы были расположены по Неглинной около

[1] *П. П. Смирнов.* Указ. соч., т. I, вып. 2, стр. 120—121; *его же.* Посадские люди и их классовая борьба в первой половине XVII в., т. II, стр. 330—331; «История Москвы», т. I, стр. 457.

[2] «История Москвы», т. I, стр. 456—457.

Кремля и вдоль Земляного города. Немало было в Москве пушкарей, воротников и других служилых приборных людей, а также ямщиков, слободки которых были разбросаны на окраинах посада.

Третий тип дают посады «заоцкие», «украинные» и «рязанские». Ближайшие из них к Замосковью не отличались резко от замосковных посадов, но чем дальше к югу, чем ближе к «дикому» полю, тем отчетливее выступают их характерные черты. В старых городах этих районов (Тула, Калуга, Переяславль-Рязанский) были значительные посады, а в более молодых городах посадское, в собственном смысле, население почти совершенно отсутствовало. Всего несколько оброчных посадских дворов насчитывалось, например, в Козлове, построенном в 1636 г. Такая же приблизительно картина наблюдается и в других городах и острогах, расположенных по Засечной черте,— линии укреплений по южной границе. Наиболее крупными городами на юге были Воронеж и Курск. Но даже в Курске в 1648 г. было всего 12 оброчных дворов. Зато здесь было гораздо больше служилых людей по прибору. Кроме стрельцов, воротников, рассыльщиков, пушкарей, казенных кузнецов и плотников, живших обычно особыми слободами (Стрелецкая, Пушкарская и т. п.), здесь встречаются «полковые» и «кормовые» казаки, поселенные пришельцы из Украины — черкасы. В этих городах много дворов местных дворян и детей боярских. Так же часто, как в Замосковье, встречаются слободы и дворы монастырских крестьян и бобылей. Слободы эти расположены почти всегда в непосредственной близости от города, что объясняется не только стремлением монастыря быть поближе к городскому рынку, но и постоянной опасностью татарских набегов, для защиты от которых и строились эти города и остроги в XVI и в течение всей первой половины XVII в. Лавки, полки, скамьи, харчевни в этих городах принадлежали чаще всего служилым людям по прибору, духовенству и редко посадским торговым людям. В некоторых из этих городов местная торговля оказывалась в руках монастырских бобылей, слободы которых быстро вырастали, пополнялись за счет главным образом беглых крестьян, а также холопов и посадских людей, приходивших на южную окраину из центра государства.

Своеобразно сочетались все отмеченные особенности в городах «от немецкой украины», т. е. в Новгороде и Пскове. Здесь было значительное посадское население, но интервенция начала XVII в., захват Новгорода шведами, потеря по Столбовскому договору 1617 г. берегов Финского залива, перемещение русской внешней торговли на Белое море привели к тому, что посады опустели и не восстановились до прежнего уровня к середине века. Пограничное положение Новгорода и Пскова заставляло содержать в них крупные стрелецкие гарнизоны, силы которых дополнялись многочисленными пушкарями, затинщиками, воротниками и казаками, служившими в Пскове за «хлебное и денежное жалованье». В Новгороде и Пскове, а отчасти и в их пригородах, кроме многочисленного духовенства, жило много лиц, зависимых от новгородского митрополита и псковского архиепископа, местных соборов и церквей.

Города Среднего и Нижнего Поволжья, стоявшие на волжском торговом пути, т. е. на территории, находившейся в ведении Приказа Казанского дворца, почти не отличались от южных городов. Они постоянно «тянули» к себе население центральных и отчасти северных районов. Отдаленность посадов Поволжья от Москвы делала менее чувствительным постоянный надзор центральной администрации. С другой стороны, в стремлении упрочить свою власть в районах с нерусским населением правительство и местная администрация в числе прочих мер покровительствовали русской колонизации, поощряя приход сюда «гулящих», «вольных» людей, которые уходили в низовья Волги в поисках заработка или просто хотели спастись от тягот посадской и крестьянской жизни центра. Здесь же, естественно, расположены были сильные гарнизоны, так как Нижнему Поволжью и Прикамью угрожали постоянные набеги калмыков и покорившихся им в 30-х годах XVII в. ногайцев. Это побуждало и центральное правительство не особенно настойчиво добиваться возвращения в прежние места жительства тех, кто самовольно переселялся сюда из центральных областей государства.

В аналогичных условиях находилась и Сибирь. Здесь города создавались правительством как административно-военные опорные пункты, закреплявшие русскую колонизацию края. Основным их населением были мелкие служилые люди. Посада как такового в большинстве сибирских городов не было, и даже там, где, как в Красноярске, существовала группа посадских людей, они не занимались торговлей и ремеслами, а жили хлебопашеством. Даже в самом крупном городе Сибири—Тобольске—посадская община насчитывала в первой половине XVII в. только несколько десятков посадских людей. В очень многих городах (например, в Таре) не было ни одного посадского человека. Всю сибирскую торговлю и сибирские промыслы держали в своих руках приезжие из Руси промышленные и торговые люди. Некоторое участие в местных торгах принимали лишь служилые люди, которые внеэкономическим путем собирали известное количество пушнины во время поездок за ясаком[1].

В целом русский город XVII в. с его разнородным населением не представлял собой единой городской организации.

Ремесленное и торговое население русских городов XVII в. носило общее официальное наименование — посадских людей, так как оно жило на посадах.

Четкое определение понятия «посадский человек» было дано во время «посадского строения», проведенного в 1600—1602 гг. по указу Бориса Годунова. Два признака характеризуют посадского человека: во-первых, посадская старина, т. е. происхождение, и, во-вторых, торги, ремесла и промыслы, т. е. род занятий. Человек, родившийся на посаде, происходивший от посадских людей, должен жить на посаде и платить посадское тягло.

[1] *П. П. Смирнов.* Города Московского государства в первой половине XVII в., т. I, вып. 2, стр. 10—137.

Торги, ремесла и промыслы — основное посадское дело, и всякий избравший этот род занятий обязан жить на посаде и тянуть посадское тягло, хотя бы до того он был помещичьим или монастырским крестьянином. Из этих основных признаков посадского человека вытекало два производных: посадское родство и посадская близость. Включению в посад подлежали братья, племянники, зятья и другие родственники посадских людей, если они не несли посадского тягла, а также люди, жившие в непосредственном соседстве с посадом и всегда в какой-то мере принимавшие участие в посадских торгах, ремеслах и промыслах[1].

Масса посадских людей по своему экономическому состоянию была далеко не однородной. Обычно в источниках отмечается три основных деления посадских людей: «лучшие люди», «середние» и «молодшие». Но такое деление не исчерпывает экономической дифференциации посадских людей.

В некоторых писцовых книгах 20-х годов XVII в., кроме этих основных делений, имеются еще названия: «самые молодшие», «худые» и «самые худые» люди[2]. Ниже «самых худых» людей стояли бобыли, которые хотя и жили на посадах, но не несли посадского тягла, а платили лишь бобыльский оброк, обычно по 2 алтына с двора в год.

Провести четкую и постоянную грань между этими делениями по имущественному положению не всегда удается. «Лучшие люди» иногда спускались до «середних» и даже до «молодших»; «середние» поднимались «до лучших» и спускались до «молодших» и т. д.

По своим занятиям посадское население делилось на торгово-промышленных, ремесленных и работных людей.

Имущественное расслоение можно отметить для всех посадских людей вне зависимости от их профессии. Правда, глубина этого расслоения различна. Наиболее резко оно сказывалось среди торгово-промышленных людей. К их числу обычно относились «лучшие люди». Многие из них торговали «большими отъезжими торги», владели соляными варницами, кожевенными заводами, солодовнями, винокурнями и пр. Но среди торгово-промышленных людей были и продававшие всякую мелочь «со скамей» или торговавшие «походячим торгом», т. е. с рук; иногда стоимость всего их товара не достигала рубля. Среди промышленных людей встречались извозчики, рыболовы, мукомолы и др., добывавшие хлеб личным трудом и обычно состоявшие в числе «молодших» и «худых» людей.

Менее резким было имущественное расслоение среди ремесленников и работных людей, хотя и тут не может быть речи об экономическом равенстве.

Мастера, имевшие нескольких учеников, превращались в мелких предпринимателей, владельцев небольших мастерских, основанных на эксплуа-

[1] *П. П. Смирнов.* Посадские люди..., т. I, стр. 177—183.

[2] ЦГАДА. Писцовые книги, № 446, лл. 47—50; № 480, лл. 133—138 об.; № 506, лл. 74—75 об.

тации чужого труда. Владельцы кузниц часто привлекали в свои кузницы молотобойцев. Повидимому, молотобойцы были «наемными людьми» по записи«до урочного году»,т.е. вступали во временно-зависимые отношения к кузнецам[1].

Некоторые кузнецы совершенно прекращали личную работу в кузницах и превращались в скупщиков железных изделий, заставляя менее состоятельных кузнецов работать на себя. Глубина социального расслоения среди кузнецов, как указано выше, очень отчетливо прослеживается на материалах такого центра металлообработки, как Тихвин[2].

Встречаются указания на привлечение подсобной рабочей силы и в других отраслях мелкого производства. Например, у холмогорских посадских людей Виктора и Романа Павловых, занимавшихся скорняжным делом в Москве, работал «из хлеба» каргопольский посадский человек Макар Емельянов Павлов[3].

Более однородной выступает масса посадских людей, добывавших средства существования «работою своею». Эта группа посадского населения очень разнородна по своим занятиям. Чаще всего это просто чернорабочие, выполнявшие работу, не требовавшую особой квалификации: ярыжные на винокурнях, на строительстве, на заготовке строительных материалов, на судах и т. д. Правда, для обслуживания водного транспорта требовались не только ярыжные, т. е. гребцы и бурлаки, но и кормщики и носники (лоцманы). Это создавало имущественную дифференциацию среди работных людей. Так, носники, получавшие высокую плату за свой труд, принадлежали к более обеспеченным слоям посадского населения[4].

Отношение работных людей к хозяевам определялось обычной жилой (житейской) записью, разновидностью которой была запись на одну какую-нибудь работу. Работные люди получали по уговору «наем» в виде годовой или поденной платы иногда деньгами, иногда натурой: хлебом, платьем, питьем и т. п. Размеры заработка были различны в зависимости от специальности и работы. Чернорабочие в Москве в первой половине XVII в. обычно получали по 1 алтыну в день, что составляет 6 денег, или 3 копейки. Во второй половине XVII в. работные наемные люди получали в день по 2 алтына. В других городах поденная плата была ниже 8—10 денег. Такой платы хватало только на полунищенское существование. Работные люди у Соли Вычегодской, например, скитались «нищетою... в миру» с женами и детьми[5]. Получая заработок вперед «деньгами и запасами»,

---

[1] *Н. В. Устюгов.* Из истории металлургии Поморья в первой половине XVII в.— «Вопросы истории», 1946, № 2—3, стр. 128—130.

[2] См. § 2 настоящей главы.

[3] ЦГАДА. Приказные дела старых лет, 1678, д. 130, лл. 1—2.

[4] *Н. В. Устюгов.* Работные люди на Сухоно-Двинском водном пути в первой половине XVII в.— «Исторические записки», № 6, стр. 168—185.

[5] *С. Б. Веселовский.* Акты Писцового дела, т. I.— «Чтения ОИДР», 1913, кн. 4, отд. I, № 247, стр. 519.

работные люди затем «отрабатывались... за то во многие годы». Уход от хозяина до условленного срока и без расчета рассматривался как бегство и влек за собой воеводский суд и правеж. Поэтому в XVII в. ярыжные участвовали во всех «гилях».

Очень распространенной на посадах была профессия торговых приказчиков и сидельцев. В приказчики и сидельцы шли люди из различных слоев посадского населения. В подавляющем большинстве случаев приказчики— торговые люди, ведущие торговые операции, иногда очень крупные, от имени своего хозяина, или в компании с ним. Сидельцы, как правило,— работные люди, нанявшиеся к торговому человеку «сидеть» в его лавке на определенный срок по записи «до урочного году»[1].

Некоторые из несостоятельных посадских людей работали дьячками и «пищиками» в земских избах, площадными подьячими, подьячими в таможенных избах и кружечных дворах, наконец, подьячими в съезжих избах[2]. «Письмо» становилось профессией. Это особенно заметно в поморских посадах, где все подьячие съезжей избы, как правило, были тяглыми посадскими людьми[3]. В среду подьячих съезжих изб иногда попадали «середние» посадские люди и даже торговые люди гостиной сотни. Подьячий съезжей избы Соли Камской М. П. Ксенофонтов владел несколькими соляными варницами на посаде[4]. Старший подьячий съезжей избы Соли Камской в 70—90-х годах XVII в. С. Б. Елисеев числился в гостиной сотне. Он происходил из богатой соликамской посадской семьи Елисеевых, взятой в середине XVII в. в гостиную сотню[5]. В 80—90-х годах подьячий съезжей избы города Доброго Викула Михайлов приобрел в уезде положение «мочного и прожиточного человека». Он занимался в крупном масштабе винокурением, скупкой и незаконным взиманием хлеба с населения, размолом его на собственной мельнице и систематической отправкой вниз по Дону хлеба и вина целыми стругами. Оттуда он вывозил рыбу и соль и торговал ею беспошлинно. От насилий и «озорничества» Михайлова стонал весь уезд[6].

На посадах происходила постоянная классовая борьба на почве эксплуатации социальных низов посада посадской верхушкой. Иногда эта борьба достигала большой остроты. В восстаниях 1648 г. в Москве и Устюге Великом пострадали не только представители администрации, но и гости и лучшие посадские люди.

---

[1] *С. В. Бахрушин.* Агенты русских торговых людей XVII в.— «Ученые записки Ин-та истории РАНИОН», т. IV, М., 1929, стр. 71—88; см. также: Научные труды, т. II, стр. 134—153.

[2] ЦГАДА. Приказные дела старых лет, 1668 г., д. 97, лл. 1—2.

[3] Там же, д. 18, лл. 3—7.

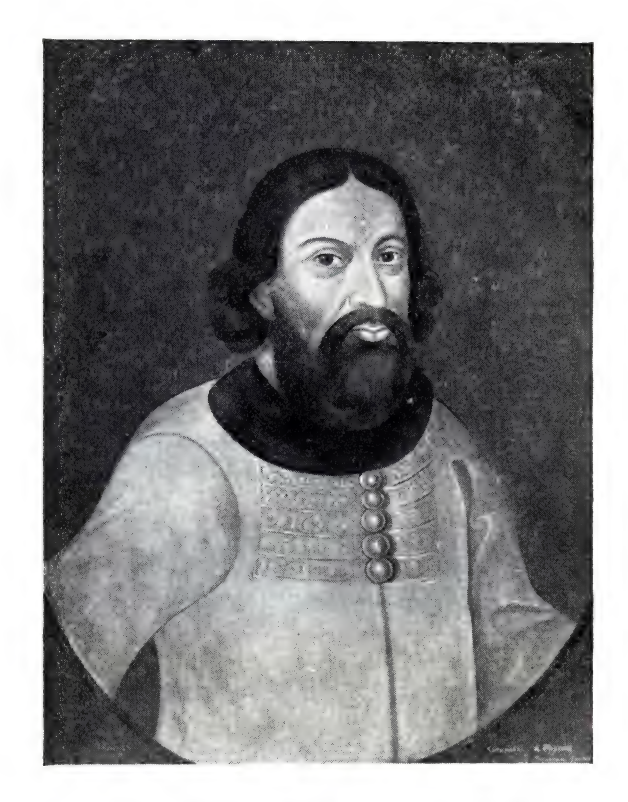
[4] ЦГАДА. Писцовые книги, № 442, лл. 21, 21 об.; Приказные дела старых лет, 1686 г., д. 118, л. 51; 1692 г., д. 138, лл. 1—3; д. 184, лл. 1—3; д. 200, лл. 1—34.

[5] ЦГАДА. Городовые книги по Соли Камской, № 2, лл. 35, 47 об.; № 3/1, лл. 33 об., 46; № 4, лл. 44—44 об.; № 6, лл. 29, 41 об.; Писцовые книги, № 442, л. 11.

[6] ЦГАДА. Столбцы Приказного стола, № 845, лл. 59 и сл.; № 846, лл. 871 и др.; № 1411, лл. 59, 60, 127 и др.

* * *

Из среды посадских людей, разбогатевших на торгах или промыслах, комплектовались привилегированные торговые корпорации, которых было три: гости, гостиная и суконная сотни.

Гость Гаврила Фетиев. Портрет маслом работы неизвестного художника, XVII в.
Вологодский исторический музей

В XVI — XVII вв. гости — небольшая группа наиболее богатых торговцев и промышленников, которые являлись финансовыми советниками царя и агентами по торговым операциям казны. В первой половине XVII в. в Москве было всего 13 гостей, во второй половине столетия — несколько больше. Каждый гость имел от царя особую жалованную грамоту «на гостиное имя». В грамоте определялись привилегии гостя: право судиться только у царя или кому он прикажет, право не целовать креста на суде, свободного выезда за границу для торговых дел, свободы от постоя, от податей и служб с посадскими людьми, право топить всегда избы и мыльни, варить и держать питье. Гости могли владеть вотчинами. Размер бесчестья гостю, по Уложению, определялся в 50 руб. Гости хотя и отличались от торговых людей гостиной сотни своим богатством, но часто все они рассматривались как единая корпорация.

В 1613 г. торговым людям гостиной сотни была выдана общая жалованная грамота почти такого же содержания, как и гостям, но без права выезда за границу. Гостиная сотня под своим именем появляется впервые в актах 1598 г., хотя возможно, что она имела свое представительство еще на Земском соборе 1566 г. под именем «торговых москвичей».

Несколько ниже гостиной сотни считалась корпорация торговых людей суконной сотни, которая, по всей вероятности, вела свое название от Смоленского суконного ряда в Москве и первоначально являлась организацией провинциального купечества, как гостиная сотня — купечества

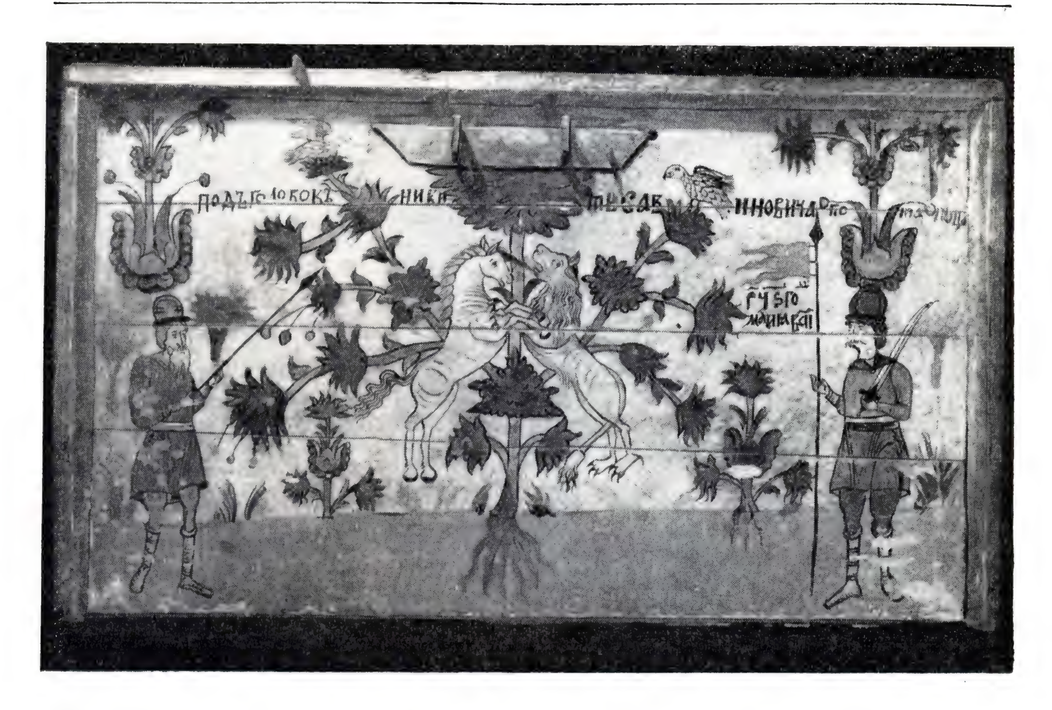

«Поганкины палаты» во Пскове, ок. 1645 г.

московского. На Земском соборе 1566 г. ее представители фигурируют, повидимому, под именем «смольнян». В конце XVI в. гостей и торговых людей гостиной сотни насчитывалось 358 человек; в 1630 г.— гостей 13 человек и два гостиных сына, гостиной сотни—185, всего 200 человек; в 1649 г.— 13 гостей и 158 торговых людей гостиной сотни, всего 171 человек. Сокращение числа членов замечается и в суконной сотне. В конце XVI в. в ней было 250, в 1630 г.— 128, в 1649—116 человек[1]. Это объясняется не уменьшением количества зажиточных торговцев, а, наоборот, таким увеличением их числа, что обе сотни перестали объединять всех крупных купцов и превратились в замкнутые корпорации, обязанные довольно тяжелыми службами.

Эти службы были и многообразны и обременительны для торговых людей, так как пока торговый человек находился на службе, он должен был «безотступно быть у государева дела», не имел права «ходить за своими торгами и промыслами». Гости и гостиной и суконной сотен торговые люди несли государственную службу по финансам, казенной промышленности и торговле. Во главе крупных таможен с большим торговым оборотом, таких, как Московская и Архангельская, всегда ставился гость. В качестве помощников у него служили гостиной и суконной сотен торговые люди. Гости же управляли Денежным двором. Правительство вело обширную внешнюю торговлю. Все операции по покупке и продаже казенных товаров осуществлялись гостями и гостиной и суконной сотен торговыми

[1] ДАИ, т. III, СПб., 1848, № 47/IV, стр. 158—160.

Расписная крышка подголовка с надписью: «Подголовок Никиты Савиновича Потапова 196-го (1688) году месяца майя в 11 д.»
Государственный Исторический музей

людьми. Гость сидел в Сибирском приказе у «оценки» казенных мехов. Казенным Зырянским соляным промыслом управляли гости и гостиной сотни торговые люди и т. д. [1]. Обычно торговый человек отбывал казенную службу в течение года. По окончании службы он должен был отчитаться в ней. Это занимало около трех месяцев. В среднем очередная служба продолжалась до полутора лет. Кроме того, всякая такая служба была связана с материальной ответственностью. Вот почему гости и гостиной и суконной сотен торговые люди тяготились службами и были заинтересованы в увеличении числа членов своих корпораций. Они очень внимательно следили за ростом материального благополучия тяглецов московских черных сотен и слобод, посадских людей и уездных крестьян и били челом царю о том, чтобы взять таких разбогатевших тяглецов в гостиную сотню. В этом случае интересы торговых корпораций сталкивались с интересами тяглых миров, которые тоже были заинтересованы в сохранении в своей среде экономически сильных тяглецов. В данной связи можно отметить дело, возникшее в Приказе сыскных дел князя Ю. А. Долгорукова в 1648—1649 гг. В это время гости и гостиной сотни торговые люди просили об увеличении числа членов своей корпорации за счет разбогатевшей

[1] «Распределение между гостями царских служб в 1675 гг.»— «Чтения ОИДР», 1913, кн. 3, отд. IV, стр. 44—47.

Деревянный ларец, окованный полосами из прорезного железа, XVII в.

Государственный Исторический музей

верхушки казенных и черных сотен и слобод. Их конкурентом выступила суконная сотня, требовавшая этих же людей себе. Встречное челобитье было подано черными сотнями и слободами, претендовавшими не только на сохранение за собой всех своих тяглецов, но и на включение в черные сотни всех торговых и промышленных людей из частновладельческих слобод[1]. Правительству приходилось выбирать среднюю линию и частично удовлетворять претензии тех и других. Сами посадские и уездные тяглецы не стремились попасть в эти привилегированные корпорации, и нередки бывали случаи, когда им удавалось «отбиваться» от гостиной сотни. Бывало и так, что посадские люди, взятые в гостиную сотню, впоследствии добивались возвращения в посадское тягло. В 70-х годах XVII в. попали в гостиную сотню крупнейшие из посадских солеваров Соли Камской Ф. И. Суровцов с братьями. Осенью 1676 г. они были еще посадскими людьми, по переписным книгам 1678 г. они значатся в гостиной сотне, а в январе 1679 г. Суровцов уже сумел «отбиться» от гостиной сотни[2].

* * *

Все посадское население составляло единую тяглую общину, так как отбывало государственные повинности, совокупность которых называлась тяглом. В состав тягла входили как денежные платежи, так и службы, отбываемые посадскими людьми в пользу государства. Разверстка повинностей между отдельными плательщиками производилась самим посадским миром, который распределял их «по животом и по промыслом», т. е. в зависимости от имущественного положения плательщиков[3].

---

[1] ДАИ, т. III, № 47, стр. 153—160.

[2] ЦГАДА. Приказные дела старых лет, 1679 г., д. 32, л. 1; д. 45, л. 76; ЦГАДА. Писцовые книги, № 442, лл. 11 об.— 12 об.

[3] Более подробно о налогах с посадского населения см. главу III, § 7 настоящего издания.

Службы в пользу государства отбывались посадскими людьми по очереди по выбору посадского мира. Обычным сроком службы был год. Посадские люди выбирали из своей среды голов и целовальников в таможни и кружечные дворы, целовальников к разного рода казенным покупкам и для обслуживания казенных предприятий и промыслов. Насколько обременительны были такого рода службы для посадского мира, можно судить по тому, что, например, в Нижнем-Новгороде, в котором по переписным книгам 1678 г. числилось 1063 посадских двора[1], ежегодно на всякие службы выбиралось по 381 человеку[2].

Такими же службами были и мирские службы, т. е. работа по выбору в органах посадского управления.

Охабень женский шелковый XVII в. (после реставрации), найденный в московской Китайгородской стене во время работ по проведению метро.
Государственный Исторический музей

Материалы, по которым можно было бы проследить раннюю историю посадского управления, отсутствуют. В XVI—XVII вв. каждый посад и каждая черная слобода, не исключая и московских черных сотен и слобод, составляли «мир». Земский совет (сходка выборных от посадского или слободского мира) имел широкую и неопределенную компетенцию обсуждать и решать все мирские дела. Он же избирал на один год исполнительные и административно-судебные органы управления. Среди последних обязательными были: 1) земский староста, 2) земские целовальники, из них один «ларешный», т. е. казначей, 3) земский дьячок, который являлся секретарем, архивариусом и нотариусом мира; иногда земский дьячок был наемным человеком и получал плату от мира, обычно 12—15 руб. в год, 4) ямские старосты и целовальники (в Поморье).

Каждый избранный на ту или иную должность получал за подписью избирателей «мирской выбор», который являлся доказательством полученных им полномочий и ручательством мира перед государством и третьими лицами за действия своего избранника.

---

[1] *Н. А. Бакланова.* Торги и промыслы Нижнего-Новгорода в 60-х годах XVII в.— «Ученые записки Ин-та истории РАНИОН», т. V, М., 1928, стр. 302.

[2] ЦГАДА. Приказные дела старых лет, 1684 г., д. 67, л. 27.

Земский совет имел постоянное место своих собраний — земскую избу, иногда занимавшую несколько зданий; иногда он сходился в церковных трапезных. В земской избе помещалась канцелярия земского совета. В течение всего XVII в. земская изба после воеводской избы являлась важнейшим «присутственным местом» города, средоточием его общественной и административной жизни. С 1699 г., когда воеводское управление в городах было отменено, земская изба была заменена бурмистерской палатой и объединила в себе и дела воеводской избы.

* * *

Ремесленных организаций цехового типа русский город XVII в. не знал. Некоторые, недостаточно развитые формы организации ремесленно-торгового типа можно отметить лишь среди московских серебреников. Московские серебреники объединялись в торговом Серебряном ряду. Ряд управлялся выборными старостами, которых ежегодно избиралось по два.

Серебряный ряд объединял и торговцев серебряными изделиями и мастеров серебряного дела. Для того чтобы беспрепятственно заниматься мастерством и продавать свои изделия на рынке, серебреник должен был дать старосте ряда поручную запись по себе. В этой записи подчеркивалось обязательство производить и продавать изделия высокого качества. Ремесленник должен был представить изготовленную им вещь старосте. Староста осматривал ее и клеймил, т. е. ставил пробу. Затем изделие поступало в продажу.

Серебряный ряд не был замкнутой корпорацией. Каждый серебреник — тяглец какой-либо из московских черных сотен и слобод, церковный дьячок, казенный или дворцовый мастер — мог стать членом ряда при условии дачи поручной записи. Быть членом ряда представляло определенную выгоду, так как вся торговля серебряными изделиями сосредоточивалась в Серебряном ряду и воспрещалась в других местах. Правда, привоз серебряных изделий из других городов допускался, но продавать их можно было только после того, как они были заклеймены старостой Серебряного ряда, и лишь в Серебряном ряду[1].

Эти наблюдения дают основание утверждать, что русское ремесло XVII в. не знало цехового устройства западноевропейского типа. Средневековое «цеховое принуждение» в Русском государстве XVII в. осуществлялось иначе. Посадские люди — тяглая организация, т. е. обязанная платить денежные взносы и отбывать службы в пользу государства. Отсюда проистекало требование исключительного права для посадских людей заниматься посадским делом, т. е. торгами, ремеслами и промыслами, и ограждение посада от конкуренции феодальной деревни. В течение всей пер-

[1] *М. В. Довнар-Запольский.* Организации московских ремесленников в XVII в. — ЖМНП, 1910, № 9, стр. 131—164.

вой половины XVII в. посадское население упорно добивалось признания за ним этого права и к середине века по Уложению 1649 г. его, наконец, получило. Отныне «никто не должен заниматься городскими торгами и промыслами, ни в городе, ни поблизости от него, кроме посадских людей. Это была основная сословная привилегия средневекового городского «чина», и именно за нее шла борьба по преимуществу «середних» посадских людей: ни лучшие, ни меньшие люди одинаково в ней не нуждались, хотя и по разным основаниям»[1]. Для крупных торговых и промышленных людей посада была менее страшна конкуренция деревенских торговцев, а посадская беднота, кормившаяся черной работой, не видела в деревенских ремесленниках и торговцах конкурентов.

Хотя ремесленное и работное население русских посадов XVII в. не знало замкнутых организаций, подобных цехам, но отдельные группы работных людей активно выступали на защиту своих профессиональных интересов, боролись против кабальных условий эксплуатации своего труда. В этом отношении представляет большой интерес стачка нижнесухонских и двинских носников-лоцманов.

В 1668 г. носники сухонский Василий Попов и двинский Архип Васильев «с товарыщи не с великими людьми», «зговорясь меж собою, написали приговор», на основании которого все участники повышали в несколько раз стоимость своих услуг на проводку судов торговых людей по Сухоне и Северной Двине и отказывались давать на себя «записи». Участники стачки организовали на Тотьме «сходной двор», где собирались члены организации, и «учали они, носники,— жаловались судовладельцы,— себе держать ряду запорную [стачку] и с тех наших суднишек своим воровским озорничеством и заговором имали с Тотьмы до Устюга по 30 по 3 рубли и больши, а с Устюга до Архангельского города по 20 по 3 рубли и больши». Попытка судовладельцев нанять работников со стороны, «которые были опроче их воровского заговору», вызвала противодействие стачечников и не удалась. Привыкнув платить за ту же работу по 2—3 рубля и только «в самую меженскую воду» по 8—10 руб., судовладельцы обратились за помощью к правительству. 8 марта 1668 г., по помете думного дьяка Г. С. Дохтурова, Новгородская четверть назначила следствие, в результате которого нужно было учинить указ, чтобы носникам «впредь так воровать было неповадно». Воеводам на Тотьме и на Устюге Великом предписывалось носникам «потаки чинить не велеть, а велеть тем тотемским и устюжским носникам наймоватца у них [судовладельцев] повольною ценою, а не заговорною, против прошлых годов, и в тех сплавках тем носникам давать им записи»[2].

Стачка была подавлена вмешательством правительственной власти, поспешившей на помощь торговым людям — судовладельцам.

---

[1] *П. П. Смирнов.* Посадские люди..., т. II, стр. 724.

[2] *Н. В. Устюгов.* Работные люди..., стр. 192—193.

* * *

Поскольку посадская тяглая община отбывала все повинности за круговой порукой, она была кровно заинтересована в сохранении своих тяглецов и в увеличении их числа. Между тем тяжесть повинностей, лежавших на посадах, и их рост в течение XVII в. вызывали у многих посадских тяглецов стремление избавиться от посадского тягла путем перехода в так называемые «закладчики», путем отдачи себя под покровительство сильных феодалов — духовных и светских. Особенно эта тяга в закладчики усилилась в первой половине XVII в. Посады настойчиво и упорно боролись с закладничеством. Они неоднократно обращались к правительству с челобитными об организации сыска закладчиков и возвращения их в посадское тягло. Правительство в ответ на челобитья посадов создавало специальные сыскные приказы, которые занимались розыском и возвращением закладчиков на посады. В 1619 г. был создан первый такой сыскной приказ под руководством боярина князя Ю. Я. Сулешева. В 1621—1622 гг. Владимирская и Новгородская четверти сыскивали и возвращали посадских закладчиков в подведомственных им городах[1], в 1627—1631 гг. действовал сыскной приказ под руководством боярина князя Б. М. Лыкова[2], в 1637 г. сыск посадских закладчиков был поручен Владимирскому судному приказу, во главе которого стояли боярин князь И. А. Голицын и дьяк Т. Аггеев[3], наконец, 12 сентября 1638 г. поручение сыскивать закладчиков было дано Галицкой четверти, возглавляемой боярином князем П. А. Репниным и дьяком Т. Голосовым, вскоре замененными другими лицами — боярином князем Б. А. Репниным и дьяком Миной Грязевым. Деятельность последнего сыскного приказа была самой продолжительной — с 1638 по 1642 г.— и охватила всю территорию страны[4].

Сыскные приказы разыскивали отдельных закладчиков по росписям, представленным посадами. Это были частные меры, и они достигали только частных результатов. Переход посадских людей в закладчики продолжался, так как сохранялись частновладельческие слободы на посадах и в непосредственной близости от них. Ликвидации закладничества этими мерами не удалось добиться. Вот почему после городских восстаний 1648 г. посадские люди на Земском соборе 1648—1649 гг. настойчиво требовали ликвидации частновладельческих слобод на посадах и включения в посадское тягло всех занимавшихся посадским делом, т. е. торгами, ремеслами и промыслами.

Земский собор 1648—1649 гг. принял новое положение о городах, объединившее различные указы о деятельности сыскных приказов на посадах и дополнившее его несколькими важными статьями. Это положение составило XIX главу Уложения. Важнейшими постановлениями этой главы,

---

[1] *П. П. Смирнов*. Посадские люди..., т. I, стр. 369—380.

[2] ЦГАДА. Приказные дела старых лет, 1627 г., д. 42, лл. 1—92.

[3] *П. П. Смирнов*. Указ. соч., т. I, стр. 429—455.

[4] Там же, стр. 455—487.

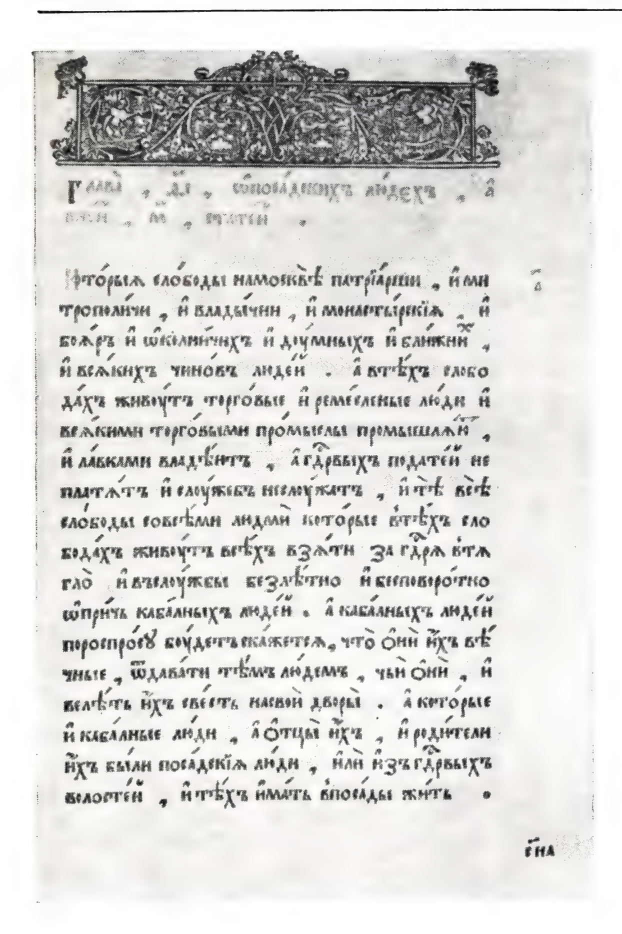
разбитой на 40 статей, в практическом ее применении были следующие: 1. Все городские слободы светских и духовных землевладельцев с их населением безвозмездно передавались в посады в тягло. 2. Подгородние слободы и дворы землевладельцев «по посадской близости» также включались в посад с вознаграждением владельцев. Слободы и дворы, расположенные на бывшей посадской земле, «по посадской старине» отдавались в посад «без лет и бесповоротно за то: не строй на государевой земле слобод и не покупай посадской земли». Их население, если оно состояло из торговых, промышленных и ремесленных людей, «по торгу и промыслу» включалось в посадское тягло, а если из пашенных людей, то могло быть выведено владельцами слобод. 3. Подгородние земли в Москве на 4 версты от Земляного вала, а в остальных городах «по посадской старине» или «по посадской близости» конфисковались и безвозмездно передавались посадским людям. 4. Все посадские люди закладчики, за кем бы они ни жили, возвращались в тягло «по посадской старине»; «по посадскому родству» возвращались также ушедшие с посада сыновья от отцов, племянники от дядьев и т. п., если даже они успели превратиться в кабальных людей. 5. Все торгово-промышленные люди города, члены церковного клира, служилые приборные люди, владельческие крестьяне и бобыли, кроме кабальных людей, отдавались в посад в тягло «по торгу и промыслу». 6. Остальные должны были в трехмесячный срок продать посадским людям свои лавки, амбары, кузницы и другие торгово-промышленные заведения; после указанного срока эти заведения отбирались безденежно и передавались посадским людям. Люди, не входившие в состав посадской общины,— гости, гостиной и суконной сотен торговые люди, стрельцы и т. д., могли сохранить за собой эти промысловые угодья на посадах, только если они соглашались платить посадское тягло. 7. Заниматься в городе торговлей, промыслами, ремеслами, откупами и т. п. могли только черные посадские тяглые люди, а не духовенство, не владельческие крестьяне и бобыли и не служилые приборные люди.

Осуществление этих установлений Земского собора, выделявших посады из окружающих их земель и обращавших посадских людей в особый государственный «чин» или сословие, было возложено на особый Приказ сыскных дел во главе с князем Ю. А. Долгоруковым, по прозванию Чертенок. Князь Ю. А. Долгоруков, родственник Б. И. Морозова, умный, смелый и жестокий человек, должен был выполнить трудную задачу—отобрать у бояр и церкви значительное количество слобод и земель[1].

Изучение этой реформы ясно обнаруживает, что первоначальные планы реформы с течением времени сокращались, допускались все бóльшие отступления и изъятия. Однако, несмотря на все эти отступления, «строение посадов», проведенное Приказом сыскных дел в течение 1649—1652 гг., дало значительные результаты. Торгово-промышленное население посадов увеличилось на 10 095 дворов и с 31 567 дворов возросло до 41 662 дворов.

---

[1] *П. П. Смирнов.* Указ. соч., т. II, стр. 252—253, 257 и др.

Глава, ѳі, о посадскихъ людехъ, а въ ней, м, статей.

а Которыя слободы на Москвѣ патриаршии, и ми
трополичи, и владычни, и монастырския, и
бояръ и околничихъ и думныхъ и ближнихъ,
и всякихъ чиновъ людей. а в тѣхъ слобо
дахъ живутъ торговые и ремесленые люди и
всякими торговыми промыслы промышляютъ,
и лавками владѣютъ, а гдрвыхъ податей не
платятъ и служебъ не служатъ, и тѣ всѣ
слободы со всѣми людми которые в тѣхъ сло
бодахъ живутъ всѣхъ взяти за гдря в тя
гло и въ службы безлѣтно и бесповоротно
опричь кабалныхъ людей. а кабалныхъ людей
по роспросу будетъ скажется, что они ихъ вѣ
чные, отдавати тѣмъ людемъ, чьи они, и
велѣть ихъ свесть на свои дворы. а которые
и кабалные люди, а отцы ихъ, и родители
ихъ были посадские люди, или изъ гдрвыхъ
волостей, и тѣхъ имать в посады жить.

гна

Уложение 1649 г. Начало главы XIX:
«О посадских людех».

Кроме того, к посадам было приписано весьма значительное количество земель. Только в одной Москве, несмотря на отступление от указа в пользу патриарха, боярина Н. И. Романова, князя Я. К. Черкасского и других представителей знати, было отписано до 1500 дворов и более 3700 десятин земли[1].

При проведении реформы наибольшие потери понесла церковь. Отобранные у церкви дворы составили 59% всех отписанных к посадам дворов. Отписанные у крупных светских феодалов дворы составили от общего числа 15,6%, у дворян—3,3%, у гостей, иноземцев, гостиной и суконной сотен — 2,6%, у приборных служилых людей — 6,6%, у людей других состояний (посадских, крестьян и пр.) — 12,7%. И. Н. и Н. И. Романовы из 1030 городских дворов потеряли 700[2].

Вполне понятно то сопротивление, которое эти бояре оказывали проведению реформы.

Представители крупного светского землевладения даже не подписали Уложения. На нем нет рукоприкладств ни князя Я. К. Черкасского, ни боярина Н. И. Романова, которые, повидимому, даже не присутствовали на Соборе

Отношение руководителей церкви ярче всего было выражено позднее патриархом Никоном, который называл Уложение «проклятой книгой», «ложным списанием», а вошедшие в него законы — «бесовскими, составленными по совету антихриста»[3].

---

[1] *П. П. Смирнов.* Указ. соч., т. II, стр. 324—331, 391, 721.

[2] Там же, стр. 594, 609 и др.

[3] «Мнение патриарха Никона об Уложении».— «Записки Отдел. русской и слав. археологии Русск. археол. об-ва», т. II, СПб., 1861, стр. 426—427, 445, 448.

* * *

«Посадское строение» 1649—1652 гг. имело прогрессивное значение, заключающееся в том, что оно покончило с пережитками феодальной раздробленности, завершив давний процесс «разбояренья» городов, и укрепило города[1]. Вместе с тем посадская реформа создала еще более благоприятные условия для обогащения меньшинства торгово-промышленных людей за счет эксплуатации основной массы посадского населения.

Уже в городских восстаниях 1648—1650 гг. ненависть «середних» и «молодших» посадских людей была направлена не только против представителей царской администрации, но и против посадских богатеев. Во время восстания в Москве был разгромлен двор гостя Василия Шорина, в Устюге Великом — дворы посадских торговых людей Дмитрия Котельникова, Василия Бубнова, Меркурия Обухова и Григория Губина, в Новгороде были разорены дворы гостей Стояновых и их сторонников, в Пскове— богатого торгового человека Федора Емельянова[2].

Во второй половине XVII в. идет углубление процесса имущественного расслоения, нарастание классовых противоречий внутри посадского населения. Можно наблюдать выделение немногих разбогатевших посадских семей или выходцев из посадской среды, взятых в гости и гостиную сотню, сосредоточивших в своих руках крупные капиталы и предприятия. Такова, например, деятельность крупных скупщиков железных изделий в Тихвине, тихвинских посадских людей Стефана Шевелева и Дмитрия Плешанова, на которых работало большинство тихвинских кузнецов[3], или разнообразная торгово-промышленная деятельность гостя В. И. Усова-Грудцына в Устюге Великом и Устюжском и соседних уездах[4]. Те же явления наблюдаются и в крупных промышленных центрах, особенно в области добывающей промышленности. Ярославец гость Михайло Гурьев организовал крупный рыбный промысел в низовьях Яика, где были заняты сотни работных людей, и построил специальный городок для защиты своих промыслов от набегов степных кочевников[5]. Патриарший крестьянин из Московской слободы Козья Болота Клим Калмыков имел такой же промысел

---

[1] Исследованию вопроса о борьбе посадских людей за их сословные привилегии и победе посадов в этой борьбе посвящена капитальная работа П. П. Смирнова «Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в.», т. I, М.—Л., 1947, т. II, М.—Л., 1948.

[2] *П. П. Смирнов.* Посадские люди..., т. II, стр. 168; *К. В. Базилевич.* Мятеж в Великом Устюге в 1648 г.— «Ученые записки Ин-та истории РАНИОН», т. V, М., 1928, стр. 283, 286; *М. Н. Тихомиров.* Новгородское восстание 1650 г.— «Исторические записки», № 7, стр. 97—98; *его же.* Псковское восстание 1650 г. М.—Л., 1935, стр. 49.

[3] *К. Н. Сербина.* Очерки по социально-экономической истории русского города, стр. 122—130.

[4] «Таможенные книги Московского государства XVII в.», т. III, М.—Л., 1951, стр. 53—54, 176—178, 314, 315.

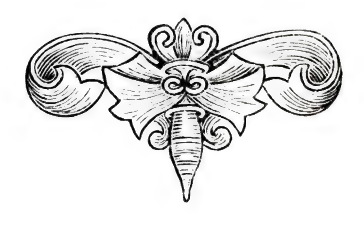
[5] *С. В. Бахрушин.* Промышленные предприятия русских торговых людей в XVII в.— «Исторические записки», № 8, стр. 122—127; см. также: Научные труды, т. II, стр. 249—255.

в низовьях Волги. В солеваренной промышленности посада Соли Камской к концу XVII в. наблюдается концентрация соляных промыслов в руках немногих посадских людей. Общее число соляных варниц возросло, а количество их владельцев резко сократилось. Если не считать нескольких солеваров, имевших от одной до пяти варниц, то вся посадская солеваренная промышленность Соли Камской была сосредоточена у двух посадских семей: братьев Суровцовых и Александра Ростовщикова с сыновьями[1]. Основная масса посадских людей Соли Камской, а также множество пришлого люда обслуживали промыслы Суровцовых и Ростовщиковых.

Вопрос об экономическом расслоении и нарастании классовых противоречий в среде посадского населения еще нуждается в дальнейшем исследовании, однако можно говорить о зарождении буржуазии уже в XVII в.

---

[1] ЦГАДА. Книги Сибирского приказа, № 1511. Дозорная книга Соли Камской, 1707 г., лл. 1—415.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ОБОСТРЕНИЕ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ

1

ВВЕДЕНИЕ

История Русского государства XVII в. характеризуется резким обострением классовой борьбы, отражавшей новые явления в экономике страны. Крестьянская война под предводительством И. И. Болотникова окончилась поражением восставших. Основы феодально-крепостнического строя не были поколеблены, и класс феодалов не только сохранил полностью господствующее положение, но и укрепил его. Приспособляясь к развитию товарно-денежного хозяйства и расширению рыночных связей, класс феодалов усиливал эксплуатацию крестьянства в форме барщины и денежной ренты. Уложение 1649 г. является важным этапом не только в закрепощении крестьянства, но и в разрешении основных противоречий внутри класса феодалов. Сплочение класса феодалов сопровождалось усилением центральной власти, которая стала энергичнее и последовательнее выполнять свою внутреннюю (главную) функцию —«...держать эксплуатируемое большинство в узде...»[1].

Угнетаемые классы отвечали на усиливавшееся закабаление массовыми антифеодальными движениями. В царствование Алексея Михайловича произошло несколько крупных выступлений угнетенных масс. В периоды затишья борьба продолжалась, приобретая иную, более скрытую форму.

В ходе классовой борьбы в XVII в. ярко выступало основное деление общества — крепостники-помещики и крепостные крестьяне[2]. Крестьянские движения против крепостнической эксплуатации и против феодального государства и составляли в XVII в. основу классовой борьбы: «Все крупные восстания средневековья,— говорит Энгельс,— исходили из деревни...»[3].

---

[1] *И. В. Сталин.* Вопросы ленинизма, изд. 11-е, Госполитиздат, 1952, стр. 644.

[2] См. *В. И. Ленин.* Соч., т. 29, стр. 438.

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. IV, стр. 42.

Крестьянство представляло главную движущую силу антифеодальных выступлений угнетенных слоев населения. Второе место в этой борьбе занимали посадские люди. Движения посадских людей заключали в себе некоторую двойственность: с одной стороны, посадские люди выступали как торгово-промышленное сословие за утверждение своих сословных привилегий против верхов класса феодалов, с другой — внутри посадов происходила борьба против угнетения основной массы посадских людей богатым и зажиточным меньшинством посадов.

К выступлениям крестьян и посадских людей примыкали близкие к ним по экономическому положению приборные служилые люди. Однако поведение приборных служилых людей во время народных движений было непоследовательным, что объясняется их промежуточным положением между дворянством и тяглым населением.

Холопы были постоянными участниками народных движений; сами по себе, вследствие своей относительной малочисленности, они не могли быть ведущей силой движений, но своим участием в них они обостряли их антифеодальный характер. Наиболее значительной была роль холопства во время восстаний в столице, где холопы были сосредоточены на дворах бояр и других представителей столичного дворянства.

Была еще одна сила, имевшая важное значение в народных движениях XVII в.,— казачество донское и яицкое. Возникновение казачества во второй половине XVI в. было тесно связано с ростом закрепощения народных масс. Казачество впитывало в себя наиболее решительные и непримиримые элементы из крепостных крестьян, посадских низов и холопов.

Самое создание казацких организаций с их своеобразным строем на окраинах Русского феодального государства было одной из форм антифеодального протеста крестьян, холопов и посадских людей. Казачество чутко отзывалось на происходившие внутри страны события, на усиление крепостничества и фискального гнета. В особенно тяжелые для трудовых масс периоды усиливался приток беглых из внутренних областей государства на Дон и Яик. В XVII в. казачество дважды сыграло крупную роль в народных движениях: в крестьянских войнах под предводительством И. И. Болотникова и С. Т. Разина. Казачество вносило в эти стихийные народные движения некоторые элементы организованности в виде казачьего строя.

Поражение восстания И. И. Болотникова, а также хозяйственное разорение надолго ослабили силы крестьянства. За исключением крестьянско-казацкого движения в годы Смоленской войны (1632—1634) не известно сколько-нибудь значительных народных движений до середины XVII в.[1] Они возобновились в виде городских восстаний середины столетия. Это были наиболее сложные по участвовавшим в них социальным силам движения.

[1] См. главу IV, § 2 настоящего издания.

Кроме посадских людей, в них участвовали низшие категории служилых людей (стрельцы и др.), в Москве — холопы. Во время городских восстаний проявились внутренние противоречия между различными слоями класса феодалов, что с особенной наглядностью обнаружилось в участии уездного дворянства в Московском восстании 1648 г. Крестьянство в отдельных местах примыкало к городским восстаниям (в Устюге Великом, Сольвычегодске, Курске) и поддерживало их. Но и эти разрозненные выступления крестьян в городских движениях середины XVII в. усиливали их значение и опасность в глазах правительства.

С тех пор протест крестьян против нараставшего угнетения неуклонно усиливался. Уложение 1649 г. представляло собой заметный рубеж в развитии крестьянского движения.

В 1650 г. в Пскове и Псковской области движение посадских низов смыкалось с движением закрепощенного крестьянства, что представляет собой новый этап в развитии антифеодального движения.

Длительная война 1654—1667 гг., тяжелым бременем ложившаяся на тяглое население, приблизила взрыв. Массовые побеги крестьян на окраины принимали местами форму хотя и разрозненных, но активных выступлений.

Правительственные мероприятия 50 — 60-х годов по борьбе с побегами лишь обостряли классовый антагонизм и усиливали бегство в области донского и яицкого казачества. Это глухое пока еще волнение крестьян образовывало как бы фон, на котором развернулись восстания 1662 г., казацкие выступления 60-х годов, началось Соловецкое восстание. В начале 70-х годов разразилась Крестьянская война под предводительством С. Т. Разина.

От всех предшествующих народных движений восстание под предводительством С. Т. Разина отличается более четким разграничением эксплуатируемых слоев населения, восставших против крепостников-помещиков, зажиточных слоев посадских людей и представителей феодального государства. Это отличие становится особенно ясным при сравнении восстания под предводительством С. Т. Разина с восстанием И. И. Болотникова; «...выступление политического протеста под религиозной оболочкой есть явление, свойственное всем народам, на известной стадии их развития...»[1]. В России это явление отмечается в расколе.

На протяжении всего XVII в. происходят движения нерусских народностей, включенных в состав Русского централизованного государства. В них наблюдается переплетение антиколониальной борьбы с борьбой антифеодальной.

В зависимости от различного уровня экономического и социального развития нерусских народностей (от патриархально-родового строя до сложения феодальных отношений) движения их против колониального угнетения приобретали разнообразные формы.

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 4, стр. 223.

Наконец, в XVII в. наблюдаются случаи, когда восстававшие против колониального и феодального угнетения народности Сибири объединялись с русскими крестьянами и служилыми людьми по прибору, одинаково страдавшими от эксплуатации. Например, такое объединение наметилось в конце 50-х годов в Бурятии, когда Ангаро-байкальским краем управлял приказный человек Иван Похабов. Восстание охватило как бурят, так и русских пашенных крестьян, выступавших одновременно. В 90-х годах поднялась волна антифеодальных движений русских крестьян и народностей Сибири.

В XVII в. крестьянские массы мордвы, мари, чувашей и удмуртов принимали активное участие в Крестьянской войне под предводительством С. Т. Разина.

Коренная причина слабости крестьянских движений заключалась в отсутствии ясного классового сознания, в их разрозненности и неорганизованности, а главное — в отсутствии руководства рабочего класса. Эта борьба не могла не быть тяжелой, потому что «Не хрупким и не случайно созданным было крепостное право и крепостническое поместное сословие в России, а гораздо более «крепким», твердым, могучим, всесильным, «чем где бы то ни было в цивилизованном мире»»[1].

История Русского государства в XVII в. характеризуется началом создания связей буржуазных[2]. Класс феодалов умел приспособляться к изменявшимся экономическим условиям. Сплачиваясь и преодолевая внутренние противоречия, он укреплял и усиливал аппарат своего господства. Непрерывно происходившие в XVII в., хотя и частичные, изменения в управлении являются прямым отражением обострения классовой борьбы. Рост централизации и развитие самодержавия по пути к абсолютистской монархии в XVII в. были лишь одной из форм классовой борьбы феодалов за сохранение своего господства. «Мы всегда учили и учим,— говорит В. И. Ленин,— что классовая борьба, борьба эксплуатируемой части народа против эксплуататорской лежит в основе политических преобразований и *в конечном счете* решает судьбу всех таких преобразований»[3].

2

ГОРОДСКИЕ ВОССТАНИЯ В РУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ В СЕРЕДИНЕ XVII В. ЗЕМСКИЙ СОБОР 1648—1649 гг.

В начале царствования Алексея Михайловича деятельность нового правительства боярина Б. И. Морозова переполнила чашу народного терпения и явилась ближайшим поводом для крупных народных движений —

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 18, стр. 554.
[2] См. *В. И. Ленин.* Соч., т. 1, стр. 138.
[3] *В. И. Ленин.* Соч., т. 8, стр. 178.

городских восстаний 1648—1650 гг. Восстания начались с Москвы, торгово-промышленного центра страны, а затем перекинулись в другие города.

Основной движущей силой городских восстаний были низшие и средние слои посадского тяглого населения — «черные люди». Существо требований посадских людей выяснилось еще задолго до восстания[1].

Правительство рассматривало посады как один из крупнейших источников денежных поступлений и возлагало на них все возраставшее бремя налогов. Вполне естественно было стремление посадов втянуть в свой состав все торгово-промышленные элементы, пользовавшиеся привилегиями и обладавшие значительными капиталами, чтобы они также разделили с ними налоговое бремя.

Ф. Энгельс в своей работе «Крестьянская война в Германии» говорит, что когда в средние века плебейская оппозиция выступает самостоятельно, она «...требует восстановления монополии городского ремесла в деревне...»[2]. Таков был общий смысл борьбы посадов с «беломестными» слободами и стоявшими над посадами привилегированными корпорациями гостей и торговых людей гостиной и суконной сотен. Посадские люди уже давно стремились монополизировать торгово-промышленную деятельность как свою привилегию. Отсюда — борьба посадских людей против «беломестных» слобод привилегированных светских и духовных феодалов, против «закладничества» посадских тяглецов за тех же феодалов.

Борьба посадов была направлена также против высших, привилегированных слоев торгово-промышленного класса (гостей, торговых людей гостиной и суконной сотен), стоявших над посадской организацией и пополнявшихся за счет наиболее зажиточных посадских людей. Эти привилегированные группы торгово-промышленных людей по общему своему положению и роли, которую они играли в правительственной деятельности, примыкали к правящим верхам класса феодалов.

Движение посадского населения не может быть сведено только к отстаиванию общесословных требований. Внутри посадов происходила постоянная и ожесточенная борьба между низами посадского населения и «лучшими» людьми, которые перелагали основную тяжесть налогового бремени на «середних» и «молодших» людей и эксплуатировали их в своих торгово-промышленных предприятиях. Правительство опиралось на «лучших» людей, проводя через них свою фискальную политику. «Лучшие» люди угнетали основную массу посадского населения совместно с воеводами и приказными людьми. Мелкие посадские люди жаловались на свое тяжелое положение в челобитных, обращенных к правительству. «Сироты государевы», посадские «тяглые людишка», перечисляя на Земском соборе 1642 г. наиболее тяжелые налоги, заявляли, что посады «оскудели и обнищали» и что «от тое великия бедности» многие тяглецы «мечут свои дворишка» и разбредаются с посадов «розно»[3]. Эта внутренняя борьба на посадах в

[1] См. главу 1, § 7 настоящего издания.

[2] *Ф. Энгельс.* Крестьянская война в Германии. Госполитиздат, 1952, стр. 30.

[3] СГГиД, ч. III, М., 1822, № 113, стр. 396—397.

моменты восстаний выражалась в расправах угнетаемых посадских «людишек» со своими эксплуататорами, «лучшими» людьми и действовавшими вместе с ними представителями правительственной власти. Эти выступления посадского населения носили ясно выраженный антифеодальный характер.

Удовлетворение требований об уничтожении «беломестных» слобод и «закладничества» не уменьшало эксплуатации посадских низов «лучшими» людьми. Напротив, для богатой и зажиточной части посадов открывалась возможность еще более широкой эксплуатации основной массы посадского населения. Вот почему некоторые из крупных феодалов, как бояре Н. И. Романов и князь Я. К. Черкасский, во время восстания в Москве могли даже использовать в своих интересах недовольство отбираемых у них «беломестцев» и «закладчиков». Выступления посадских низов были стихийны и неорганизованны. Правительство не вняло их жалобам и требованиям, но боязнь народного движения побуждала правящие круги идти на удовлетворение общесословных требований верхушки посадских людей, чтобы, опираясь на них, укрепить свое классовое господство.

Восстание посадских людей вовлекло в движение и другие общественные слои. Когда «воссташа чернь на бояр», то «к ним присташа и служилые люди». С первых же шагов к восстанию примкнули стрельцы, которые по роду занятий и происхождению были тесно связаны с посадскими людьми. Стрельцы в значительной части вербовались из тех же посадских людей и, подобно им, жили мелкой торговлей и промыслами. Часто в стрельце можно было узнать обнищавшего посадского человека, который «от бедности стал в стрельцы»[1]. В южных городах, кроме стрельцов, в движении участвовали и другие разряды мелких служилых людей, главным образом приборных чинов — пушкари, затинщики, казаки и др.

В начале восстания в Москве стрельцы сыграли очень важную роль, лишив правительство нужной ему военной опоры. Но положение стрельцов было двойственным, потому что, как служилые люди, они пользовались известными привилегиями и получали государево жалованье. Поэтому правительству сравнительно быстро удалось отколоть основную часть московских стрельцов от восставших народных масс и использовать их для подавления восстания.

Холопы не представляли собой ведущей силы и были немногочисленны. Но их участие в восстании обостряло его антифеодальный характер и усиливало его опасность в глазах царского правительства.

Наконец, нельзя забывать о крестьянстве, движение которого в отдельных местностях смыкалось с городскими восстаниями, значительно их усиливая. В северных областях, где посадские «миры» были тесно связаны с уездами, крестьяне выступали совместно с посадскими низами. В 1650 г. широкое крестьянское восстание охватило не только всю Псковскую землю, но и соседние области. Крестьяне разоряли и сжигали дворянские

---

[1] *С. В. Бахрушин.* Московский мятеж 1648 г.— «Сборник статей в честь М. К. Любавского», Пг., 1917, стр. 745; см. также: Научные труды, т. II, М., 1954, стр. 72.

усадьбы и установили связь с восставшим Псковским посадом. Для подавления восстания потребовались значительные вооруженные силы. Отдельные вспышки крестьянских движений были и в других местах. Однако в эти годы восстания крестьян были спорадическими, местными.

Городские восстания середины XVII в. осложнялись участием в них дворянства. Оценка роли дворянства в городских восстаниях вызвала разногласия среди исследователей. Одни ученые отводят дворянству такую же роль в движении, как и посадским людям, и представляют городские восстания как восстания двух «средних классов» против «класса» крупных землевладельцев — феодалов светских и духовных[1], другие признают ведущей движущей силой восстаний посадских людей, а дворяне, по их мнению, только примкнули к восстанию и использовали его в собственных интересах[2].

Нельзя не признать, что дворянство сыграло важную роль в городских восстаниях, точнее — в Московском восстании 1648 г. Требования посадских людей и дворянства, поскольку они были направлены против крупных светских и духовных феодалов, в известной мере совпадали. Дворяне поддерживали требования посадских людей о конфискации беломестных слобод; посадские люди поддерживали требования дворян о частичной конфискации церковных земель и раздаче их служилым людям[3]. Однако это совпадение требований посадских людей и дворянства по отдельным вопросам не снимало «резкой противоположности классовых требований этих двух социальных групп: в то время как посады стремились освободиться от власти отдельных феодалов, дворяне добивались закрепощения крестьян, т. е. расширения своих феодальных прав над сельским населением»[4]. В самом деле, основное требование дворянства об отмене «урочных лет» для сыска беглых крестьян и установлении вечной и потомственной крепостной зависимости крестьян не было поддержано посадскими людьми и было удовлетворено правительством по коллективному челобитью лишь одних дворян[5].

Требование дворянства об отмене «урочных лет» не было новым и неоднократно повторялось в предшествующие десятилетия. Уложение в главе XI удовлетворяло это давнее требование. Сверх того, правительство щедро расплатилось со служилыми людьми, выдав им увеличенное

---

[1] *П. П. Смирнов.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в., т. II, М.—Л., 1948, стр. 218—219; *А. Н. Сперанский.* К вопросу о сущности и характере Псковского восстания 1650 г.— «Историк-марксист», 1936, кн. 5, стр. 136; *С. Ф. Платонов.* Московские волнения 1648 г.— Соч., т. I. Статьи по русской истории. СПб., 1912, стр. 62—75.

[2] *С. В. Бахрушин.* Московский мятеж 1648 г., стр. 748—749; *его же.* От редактора.— В кн.: *П. П. Смирнов.* Посадские люди..., т. II, стр. 744; *его же.* Научные труды, т. II, стр. 74—75, 97—98.

[3] *П. П. Смирнов.* Указ. соч., т. II, стр. 224, 230.

[4] *С. В. Бахрушин.* От редактора, стр. 733; см. также: Научные труды, т. II, стр. 97—98.

[5] *П. П. Смирнов.* Указ. соч., т. II, стр. 233.

денежное жалованье, и пошло им навстречу в вопросах о крестьянах и земле. Но их новое требование о конфискации церковных земель, поддержанное посадскими людьми, было отвергнуто. Дворянство выступало против крупных светских и духовных феодалов, составлявших правящий слой, не в качестве особого «среднего» класса, а как прослойка одного и того же класса крепостников. Они были членами одного и того же класса, но одни пользовались всеми благами, сидели «у корыстных дел по воеводствам и по приказам» и «полковые службы не служат... и тех своих пожитков нигде не проживают», а другие вынуждены «работать головами своими и всею душею» за царя и веру, «от служб обедняли и одолжали великими долгами и коньми опали, и поместья опустели, и домы их оскудели». Отношения между верхами и рядовой массой служилого люда осложнялись конкуренцией их как землевладельцев. В лице «сильных людей» рядовые дворяне видели опасных врагов, с которыми они вели упорную борьбу за землю и особенно за рабочие руки. Во владения «сильных людей» беспрепятственно уходили люди и крестьяне рядовых дворян и детей боярских. Земельные споры решались силой, спорные земли захватывались, расчищались и распахивались[1]. Рядовым дворянам внушала острую зависть и злобу вся столичная знать.

Весь ход восстания в Москве с полной ясностью обнаруживает, что в выступлениях дворянства не было ничего антифеодального. Напротив, оно требовало, чтобы сословные феодальные привилегии, которыми бесцеремонно пользовались правящие группы господствующего класса, распространялись на весь класс в целом. В отношении крестьян требования рядового дворянства вели к усилению крепостной зависимости.

Кроме указанного противоречия интересов между группами крупных светских и духовных феодалов и массой рядовых дворян, городские восстания вскрыли противоречия и в самих правящих верхах класса феодалов.

В московском боярстве к середине XVII в. отчетливо выделялись две группы. Одна из них, состоявшая из представителей старинного боярства (Романовы, Шереметевы, князья Черкасские и др.), была тесно связана с городами, в которых (особенно в Москве) были расположены их многолюдные слободы с торгово-промышленным населением. Другая группа, состоявшая из землевладельцев, разбогатевших в позднее время, почти не имела никаких владений в городах. Типичным представителем этой группы был боярин Б. И. Морозов, в составе колоссальных владений которого имелось всего несколько дворов в различных городах. Сильнее всего требования посадских людей затрагивали духовных феодалов, имевших значительное число дворов в городах, в том числе и в Москве с ее обширными и богатыми патриаршими и иными слободами[2]. Естественно, что эти груп-

[1] *С. В. Бахрушин.* Московский мятеж 1648 г., стр. 760—761; см. также: Научные труды, т. II, стр. 84—85.

[2] *П. П. Смирнов.* Указ. соч., т. II, стр. 225—226.

пы крупных феодалов расходились по вопросу об удовлетворении требований посадов и о степени уступок. Борьба этих группировок между собой осложняла ход городских восстаний. Однако против антифеодального движения низших слоев населения и крупные феодалы и дворянство выступали единым фронтом.

Таков был состав движущих сил городских восстаний середины XVII в. В них, особенно в Московском, следует различать борьбу антагонистических классов и внутриклассовое соперничество. Сложность городских движений в полной мере отражала пестрое переплетение сословий и классов, свойственное социальному строю средневековья[1].

Вступление на престол Алексея Михайловича в 1645 г. сопровождалось устранением от власти претендовавших на управление ближайших родственников его отца и появлением у власти новых людей. Во главе правительства стал дядька молодого царя, пользовавшийся его полным доверием, боярин Б. И. Морозов, утвердивший свое положение благодаря браку с А. И. Милославской, сестрой царицы. Он объединил под своим начальством Большую казну, Стрелецкий и Иноземный приказы и Новую четверть и фактически управлял государством. По выражению Мейерберга, Морозов «держал по своему произволу скипетр, чрезвычайно еще тяжелый для руки юноши»[2]. Оттесненные от власти царские родственники—боярин Н. И. Романов, князь Я. К. Черкасский и другие заняли враждебную позицию по отношению к всесильному временщику. Со своей стороны, Б. И. Морозов тянул за собой свою родню и клиентов. Его шурин, окольничий П. Т. Траханиотов, был назначен в Пушкарский приказ, другой его родственник, Л. С. Плещеев,— на Земский двор и т. д. Естественно, что общее раздражение должно было направиться именно против этих лиц, которых и считали виновниками всех бед, тем более, что дорвавшаяся до власти родня Морозова, его «други, советники и послушники», торопилась использовать обстановку для самого беззастенчивого грабежа населения. С особенной ненавистью московские люди относились к Леонтию Плещееву, судье Земского приказа — административно-судебного учреждения, которое ведало всем населением черных сотен и слобод Москвы. Имена Морозова, Траханиотова, Плещеева были ненавистны посадским людям Москвы, хотя раздражение накипало против всех бояр вообще, против приказных дельцов и против финансовых агентов правительства — гостей.

Боярин Б. И. Морозов, воспитатель Алексея Михайловича, к тому же породнившийся с ним, пользовался в глазах молодого царя непререкаемым авторитетом. Свою карьеру он начал в 20-х годах, имея лишь небольшие родовые владения в Галицком уезде. Ко времени восстания он сумел увеличить свои владения более чем до 6 тыс. крестьянских дворов, а к началу 60-х годов—до 9 тыс. дворов. Морозов резко увеличил повинности

[1] См. *Ф. Энгельс.* Крестьянская война в Германии, стр. 31—32.

[2] *А. Мейерберг.* Путешествие в Московию.— «Чтения ОИДР», 1873, кн. 4, отд. IV, стр. 112.

крестьян своих владений в Арзамасском и Нижегородском уездах, перешедших к нему из дворцовых земель. Он вызвал против себя недовольство окрестных мелких дворян укрывательством беглых крестьян и всякого рода насилиями в земельных делах.

Обладая ярко выраженными чертами беспощадного крепостника, боярин Морозов перенес в сферу государственной деятельности приемы управления своей вотчиной.

Новое правительство начало свою деятельность мерами, продолжавшими политику предшествующего царствования. Указом 19 октября 1645 г., в ответ на коллективное челобитье дворян и детей боярских об урочных годах, правительство, не издавая указа об их отмене, обещало признать крестьян крепкими их владельцам вечно и потомственно на основании составлявшихся в то время переписных книг. Но правительство затянуло выполнение обещания, что осложнило его положение во время восстания в Москве в 1648 г. В 1646—1647 гг. правительство провело «строение посадов» во Владимире и Суздале. Эти частные меры отнюдь не решали посадского вопроса; к тому же проводились они под давлением отдельных посадов, а не по инициативе самого правительства.

Продолжалось строительство городов по южным границам государства, начатое еще 10 лет назад. Таким образом, все эти мероприятия не заключали в себе ничего нового и оригинального.

В области финансовой политики Б. И. Морозов и его сотрудники поставили целью восстановить государственные финансы и пополнить казну. Правительство начало проводить беспощадную экономию в расходах; было сокращено количество дворцовых чинов, а у остальных служилых людей было убавлено жалованье. Часть иностранных офицеров лишилась денежного жалованья. Оклады московских стрельцов были сильно урезаны или отменены совсем. Были предприняты попытки лишить жалованья стрельцов замосковных и южных городов, заменив его земельными наделами. Понесла ущерб провинциальная администрация (городовые приказчики, подьячие воеводских изб). В результате, по городам «должна была начаться настоящая вакханалия вымогательств и притеснений...»[1]. Эти меры вызвали сильное раздражение тех слоев, интересы которых они затрагивали, и не достигали своей цели.

Правительство пыталось, но без успеха, отменить тарханы, т. е. привилегии в уплате торговых пошлин, которыми обладали некоторые монастыри, иноземцы, гости и кадашевцы[2].

Руководители приказов, ведавших финансами при новом правительстве, изобрели способ разом разрешить все финансовые затруднения. Указом 7 февраля 1646 г. был введен высокий налог на соль—в 2 гривны с пуда, уменьшавшийся до 1 гривны с пуда с астраханской соли, употреблявшейся на засол рыбы. Правительство полагало, что этот новый косвенный налог

---

[1] *П. П. Смирнов.* Указ. соч., т. II, стр. 29—31.

[2] Там же, стр. 33—37.

ляжет равномерно на всех плательщиков, «в избылых никто не будет и лишнего платить не станет, а платить всякий станет без правежу собою». Выгоды от нового налога ожидались столь значительные, что с его введением были отменены крупные прямые налоги — стрелецкие и ямские деньги. В действительности соляной налог обрушился всей своей тяжестью на бедноту и очень мало затрагивал людей богатых. Отчаяние и озлобление среди низших слоев населения достигло такой степени, что уже 10 декабря 1647 г. соляной налог был отменен, оставив после себя тяжелую память в народе[1].

Попытавшись заменить крупнейшие прямые налоги сбором соляной пошлины, правительство Морозова одновременно решило пополнить казну за счет взыскания всех недоимок, накопившихся за предшествующие годы. Оно возложило ответственность за недоимки на воевод, приказных людей и подьячих, которые не добрали государственные налоги якобы «норовя посацким и уездным сошным людем для своей корысти». В случае смерти воевод и приказных людей было велено производить взыскание с их жен и детей. Так, по Устюжской четверти на 1646 г. значилось в недоимке более 35 тыс. руб. Приступили к правежу, но уже в марте-апреле вынуждены были отказаться от этой меры[2].

С начала 1647 г. недоимки стали взыскивать с посадских и уездных тяглых людей. За пометой думного дьяка Назарья Чистого были разосланы грамоты по городам, чтобы все недоимки за прошлые годы «править нещадно». Мало того, отменив соляную пошлину в конце 1647 г., правительство решило взыскать в 1648 г. отмененные им самим прямые налоги за 1646 и 1647 гг. Таким образом, в 1648 г. производилось не только взыскание недоимок за прошлые годы, но и сбор крупнейших прямых налогов (стрелецких и ямских денег) в тройном размере. Правительство закрывало глаза на несомненные факты запустения и убыли тяглого населения. Так как непосильность обложения во множестве случаев была бесспорной, и черные люди засыпали правительство челобитьями о снижении налогов, правительство приняло тактику сознательного затягивания решения всех таких дел, т. е. создало грандиозную волокиту, небывалую в московской практике.

Город Вязьма по писцовым книгам конца XVI в. имел 500 посадских дворов и платил в год 225 руб. всяких налогов. По писцовым книгам 1629, 30 г. в Вязьме было всего 150 дворов. Во время Смоленской войны посад сильно пострадал и запустел, и ему была дана льгота: посад платил всего 89 руб. Несмотря на это, в 1646 г. на Вязьму было положено новых налогов и взыскано недоимок за 10 прошлых лет 1030 руб. Взыскание производилось беспощадно: днем посадских людей били на правеже, а ночью бросали в тюрьму; когда посадские люди ушли в Москву для челобитья, на правеж ставили их жен и детей. Вязьмичи подали в Москве более

[1] *П. П. Смирнов.* Указ. соч., т. II, стр. 32—33. См. также главу III, § 7 настоящего издания.

[2] Там же, стр. 37—39.

десятка челобитных. Невозможность взыскать огромную сумму с разоренного посада была подтверждена повторными обследованиями, тем не менее правительство Б. И. Морозова упорствовало, и только восстание в Москве и других городах повело к ряду уступок и некоторому смягчению фискальной политики[1].

Так деятельность правительства Б. И. Морозова приближала взрыв народного негодования.

* * *

Восстание вспыхнуло прежде всего в Москве.

А. Олеарий, записавший чей-то позднейший рассказ о событиях в Москве, сообщает: «Из-за этих больших тягот и невыносимых притеснений простой народ стал выражать недовольство. Утром и вечером у церквей происходили сборища, причем совещались, как быть с этою невзгодою»[2]. На этих-то совещаниях и было решено обратиться с челобитной непосредственно к царю, минуя бояр и приказных людей. Наиболее удобным для этого моментом было признано возвращение царя с богомолья из Троице-Сергиева монастыря, куда Алексей Михайлович выехал с женой 17 мая 1648 г. Царь возвратился в Москву 1 июня, и из встретившей его толпы народа выделились челобитчики, которые попытались лично ему подать жалобу «на неправду и насилие». Царская охрана разогнала челобитчиков и окружавшую их толпу. Тогда в свиту царя полетели камни. Неудача не обескуражила просителей. Когда 2 июня царь участвовал в обычной церковной церемонии — крестном ходе из Кремля в Сретенский монастырь, челобитчики — посадские и служилые люди — вновь стали добиваться доступа к нему.

Противодействие окружавших царя бояр и приказных людей вывело толпу из равновесия. Поднялся «шум и мятеж». Вслед за царем возбужденная толпа проникла в Кремль.

Стрельцы, кроме Стремянного полка, оказались на стороне восставших.

Стрельцы заявили, что «сражаться за бояр против простого народа они не хотят, но [готовы] вместе с ним избавить себя от их [бояр] насилий и неправд»[3]. Люди «всяких чинов» «невежливым обычаем пришли к государеву двору и на дворце шумели», требуя «жестоким челобитьем» выдачи им Б. И. Морозова, П. Т. Траханиотова и Л. С. Плещеева[4]. В некоторых документах подчеркивается, что на боярина Б. И. Морозова «завод заводили и про смертное убойство говорили» арзамасцы Дмитрий Нетесов, Иван Исупов и Пан-

---

[1] *П. П. Смирнов.* Указ. соч., т. II, стр. 39—67.

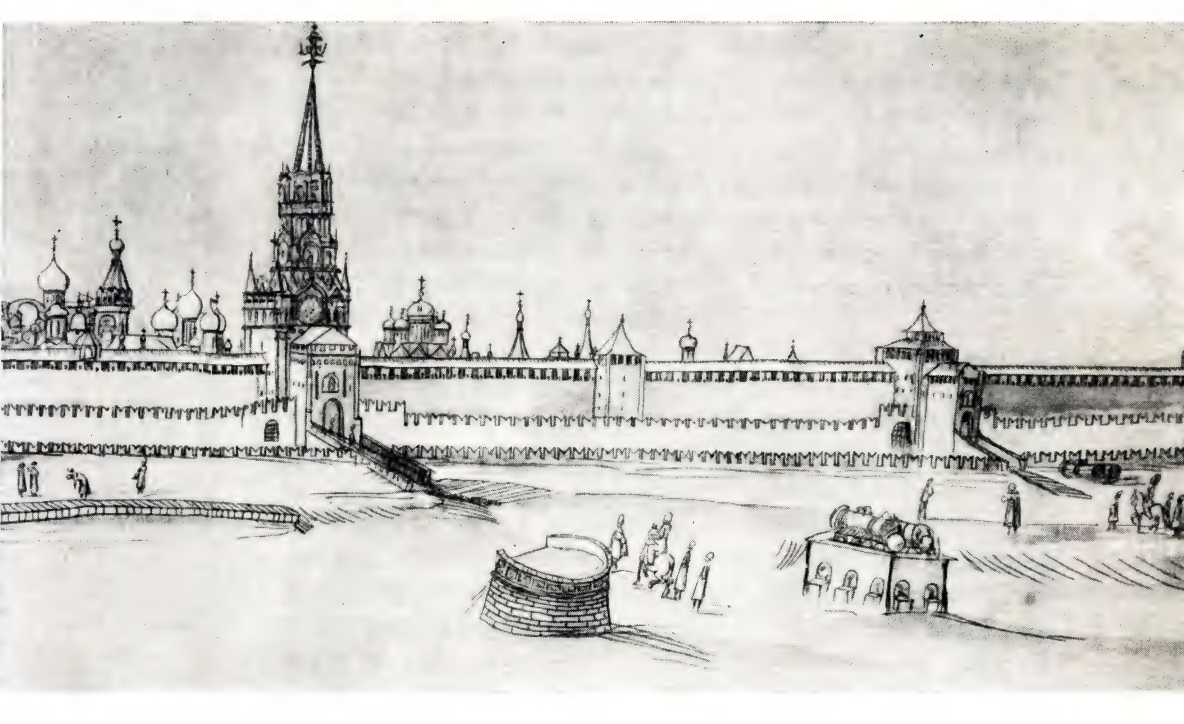
[2] *А. Олеарий.* Описание путешествия в Московию. СПб., 1906, стр. 265.

[3] *К. И. Якубов.* Россия и Швеция в первой половине XVII в.— «Чтения ОИДР», 1898, кн. 1, отд. I, стр. 418.

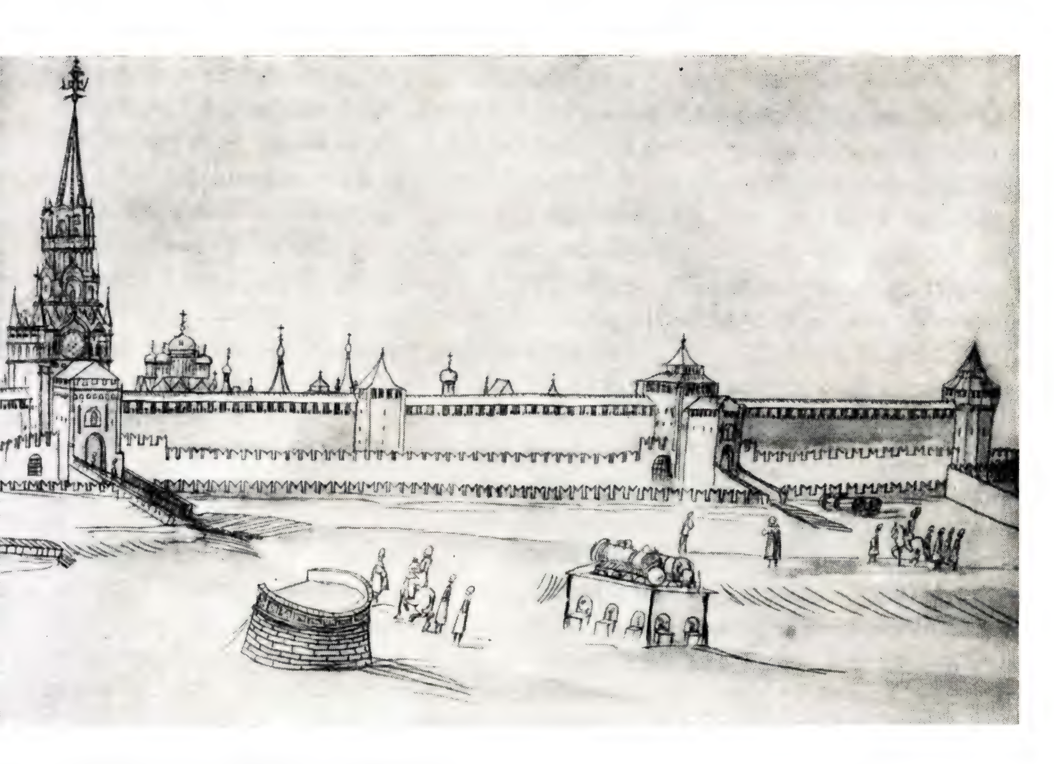
[4] ДАИ, т. III, № 66, стр. 242.

Вид Московского Кремля с Красной
16(

ремля с Красной площади. Рисунок из альбома А. Мейерберга.
1661—1662 гг.

щади. Рисунок из альбома А. Мейерберга.
1662 гг.

крат Нечаев, т. е. городовые дворяне[1]. Бояре, высланные для переговоров, подверглись нападению и должны были бежать. Тогда сам царь в сопровождении бояр вышел на крыльцо с образом и уговаривал толпу, «чтоб им от шуму перестать»[2]. Из Кремля восставшие, вместе с присоединившимися к ним стрельцами, пошли отыскивать тех, кто был особенно им ненавистен. Разграблен был двор думного дьяка Назария Чистого, по происхождению из ярославских торговых людей, в то время возглавлявшего Посольский приказ. Сам Назарий был убит. Разорен был находившийся в Кремле дом Б. И. Морозова, а на следующий день той же участи подверглись дворы Траханиотова, Плещеева, князей Львова и Одоевского, дьяка Разряда Григория Ларионова, гостя Василия Шорина и некоторых других лиц, имена которых связывались с теми или другими ненавистными народу правительственными мероприятиями.

3 июня в Москве начался пожар, охвативший обширное пространство от Неглинной до Чертольских ворот и от Тверских ворот «по Москву реку, да до Земляново города»[3]. Правительство, оказавшееся теперь лицом к лицу с восставшими, лишенное опоры в стрельцах и имевшее на своей стороне только наемных иноземцев и Стремянной стрелецкий полк, стало сдавать позицию за позицией. По требованию восставших им был выдан Леонтий Плещеев, которого толпа и убила; требовали смерти Морозова и Траханиотова. Последний, отправленный на воеводство в Устюжну Железопольскую, был возвращен и выдан толпе, которая убила его на Лобном месте 5 июня. Морозова удалось спасти только благодаря личной просьбе царя, подтвержденной его клятвенным обещанием выслать Морозова из Москвы и устранить его от участия в управлении страной. Для переговоров с восставшими, «чтобы миром утолилися»[4], царь посылал на Лобное место бояр и именно тех из них, которые были враждебно настроены по отношению к Морозову: Н. И. Романова, князя Д. М. Черкасского, князя М. П. Пронского и даже патриарха. Имеется сообщение, что на Лобное место к толпе восставших выходил и сам царь[5].

Город в эти дни находился во власти восставших, в составе которых русские и иностранные источники называют на первом месте черных тяглых людей, затем стрельцов и другие категории служилых людей приборных чинов, в частности солдат полка А. Лазарева, набранных главным образом из вольных людей для похода на Дон. Действия восставших были стихийны. В первые дни восстания царю были поданы коллективные челобитные. Эти челобитные не дошли до нас в подлиннике. Одним из требований челобитчиков было удаление Плещеева и наказание его за взяточ-

---

[1] *С. В. Бахрушин*. Московский мятеж 1648 г., стр. 748; см. также: Научные труды, т. II, стр. 74.

[2] ДАИ, т. III, № 66, стр. 242.

[3] *С. Ф. Платонов*. Соч., т. I, стр. 72.

[4] Там же, стр. 71.

[5] *П. П. Смирнов*. Указ. соч., т. II, стр. 166—174; *С. В. Бахрушин*. Научные труды, т. II, стр. 55—57.

ничество. Челобитные, насколько можно судить по передаче их содержания иностранцами, носили в значительной мере общий характер. В них говорилось о необходимости прекратить приказные злоупотребления, беззакония, взяточничество и волокиту, насилия и грабежи правителей и упорядочить всю систему управления. Эти челобитные в известной мере отражали настроение общественных низов[1].

Однако вскоре в ходе движения наметился перелом. Важная роль, которую сыграли в первые дни восстания стрельцы, заставила царя и Б. И. Морозова понять допущенную ими тактическую ошибку. За стрельцами стали ухаживать. Царь через несколько дней после начала восстания угощал их вином и медом. 5 июня было указано выдать всем стрельцам то, что было у них удержано, каждому по 8 руб. Следствием этих мер был отход основной массы стрельцов от восстания. При помощи стрельцов было подавлено выступление холопов, потребовавших 27 июня своего освобождения: шесть из них было казнено, а 72 брошено в тюрьму[2].

После 5 июня уездные дворяне и дети боярские начали предъявлять свои требования. В многочисленных челобитных они просили выдачи им денежного жалованья. Однако Большая казна, во главе которой стоял Б. И. Морозов, не была в состоянии или не хотела удовлетворить эти челобития. 10 июня состоялось широкое совещание дворян московских, жильцов и дворян и детей боярских разных городов с представителями посадских людей, гостей и торговых людей гостиной и суконной сотен. Совещание потребовало созыва земского собора и, вероятно, тогда же удаления Б. И. Морозова[3].

С этого момента антифеодальное движение из Москвы перебрасывается в другие города и продолжается и после того, как в Москве восстание закончилось. С другой стороны, начиная с 10 июня верхи посадов и дворянство, поддерживая друг друга, возобновили предъявление своих сословных требований, основное содержание которых наметилось уже давно. Но теперь эти требования расширились и углубились; посадские люди и дворяне стали выступать энергичнее, потому что обстановка им благоприятствовала. Глубокому отличию содержания претензий дворянства и верхов посадского населения от антифеодальных требований низших слоев тяглого населения соответствовала и совершенно иная, легальная форма их выступлений в виде челобитий, обращенных к верховной власти, и обсуждение их на Земском соборе. Правительство, считаясь с широким антифеодальным движением общественных низов, которое создавало серьезную угрозу для всего феодального режима, а также с недовольством дворянства, вынуждено было идти на уступки сословным требованиям по-

---

[1] *П. П. Смирнов.* Указ. соч., т. II, стр. 174—187.

[2] Там же, стр. 189—190, 196; *С. В. Бахрушин.* Московский мятеж 1648 г., стр. 746; см. также: Научные труды, т. II, стр. 73.

[3] *П. П. Смирнов.* Указ. соч., т. II, стр. 190—191.

садов и дворянства. Эти уступки и соглашения были необходимы для укрепления общего положения господствующего класса феодалов.

Итак, в городских восстаниях середины XVII в. необходимо различать классовую борьбу общественных низов против господства феодалов и богатой посадской верхушки и борьбу верхов посадов и дворянства за утверждение своих сословных прав.

12 июня Б. И. Морозов под сильным конвоем был отослан в Кириллов монастырь на Белом озере[1].

После удаления Морозова была произведена смена лиц на правительственных постах, причем места Морозова и его сторонников заняли те, кто был к нему в оппозиции. Управление Большой казной, Стрелецким и Иноземским приказами, которыми ведал Морозов, перешло в руки князя Я. К. Черкасского. В Пушкарский приказ на место Траханиотова был посажен князь М. П. Пронский, к нему же перешло управление Новой четвертью. Председательствовал в Думе боярин Н. И. Романов[2].

Новое правительство начало свою деятельность некоторым смягчением жесткой фискальной политики Б. И. Морозова. В день высылки Морозова был издан указ, которым отменялся правеж недоимок с городов и уездов Новгородской четверти за прошлые годы и предписывалось недоимщиков «с правежу спустить и доимку выбирать исподволь». Последовало рассмотрение и удовлетворение отдельных челобитных служилых людей. Несколько десятков челобитных было подано служилыми людьми Арзамасского и Нижегородского уездов, много потерпевшими от насилий самого Б. И. Морозова. Приказчикам Морозова было указано возвращать челобитчикам их беглых крестьян, укрывавшихся во владениях боярина, возвращать насильственно захваченные земли и т. п. Были пущены в поместную раздачу владения лиц, убитых во время восстания, и опальных людей. Было дано денежное жалованье в увеличенном размере[3]. Словом, новое правительство спешило частичными уступками успокоить общее волнение.

Наконец, новое правительство удовлетворило основное пожелание, выраженное в челобитной 10 июня, и созвало 16 июля экстренный Земский собор.

Земский собор состоялся в Столовой избе кремлевского дворца. В его состав входил «освященный собор» (патриарх и церковные «власти»), думные чины, служилые люди московских чинов, по два человека от уездных дворян и детей боярских, находившихся в то время в Москве, представители от иноземцев (военных) и представители от торговых людей (гостей, гостиной и суконной сотен) и от московских черных сотен и слобод. Этот собор имел значение собрания, подготовлявшего созыв нового собора, назначенного на 1 сентября 1648 г. для составления нового Уложе-

---

[1] *П. П. Смирнов*. Указ. соч., т. II, стр. 191.

[2] Там же, стр. 192—193.

[3] Там же, стр. 193—195; «Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова», ч. I, М.—Л., 1940, стр. 85—123.

ния. Было решено создать комиссию для подготовки Уложения. Актов собора не сохранилось, но очевидно, что присутствовавшими на соборе представителями сословий был заявлен ряд требований и пожеланий, которые и подлежали решению. Уже тогда посадские люди добились некоторых частичных уступок. Так, им было разрешено нести службы на таможнях и в кабаках по тем городам, где они проживали, они добились возвращения в посады, слободы и сотни тяглецов, взятых в предшествующие годы в гостиную и суконную сотни. Вполне понятно, что попытка патриарха и суздальского архиепископа добиться возвращения крестьян и земель, отписанных к посадам во Владимире и Суздале в 1646—1647 гг., не имела успеха, так как ни царь, ни бояре не были заинтересованы в тот момент в отстаивании интересов церкви[1].

16 июля начала работать комиссия («приказ») под председательством князя Н. И. Одоевского в составе князей С. В. Прозоровского и Ф. Ф. Волконского с дьяками Гаврилой Леонтьевым и Федором Грибоедовым. Этому приказу было поручено выработать проект нового Уложения[2]. Приказ начал работу с участием представителей служилых людей.

* * *

Восстание в Москве не было одиноким. В ряде посадов немедленно вслед за московским восстанием и в непосредственной зависимости от него, произошли волнения, более мелкие по размерам и значению, но отражавшие в известной мере ту же расстановку классовых сил, какая наблюдалась в Москве.

В разных местах Русского государства волнения вспыхивали не одновременно. Начавшись в виде отдельных выступлений в апреле (Каргополь) и в мае (Томск), они разрослись в июне и первой половине июля 1648 г., захватывая большое число посадов Поморья и юга. Затем движение ослабело, хотя отдельные вспышки его наблюдались и в августе. К концу этого месяца, по официальному признанию, «смута утихает».

В Поморье восстание вспыхнуло сначала в Соли Вычегодской (22 июня), затем на Устюге Великом (9 июля). Непосильность фискального гнета феодального государства и угнетение «лучшими» посадскими и уездными людьми основной массы населения — «середних» и «молодших» людей явились основной причиной движения. Ближайшим толчком к восстанию послужило усиление финансового нажима со стороны правительства и «смертный правеж» недоимок, который проводили, по предписаниям сверху, местные органы власти.

В Соли Вычегодской движение было направлено против сборщика податей, присланного из Москвы. Сбор недоимок и «немерный правеж» начат был сборщиком Федором Приклонским в конце февраля 1648 г. Пер-

[1] *П. П. Смирнов.* Указ. соч., т. II, стр. 196—203.
[2] «Уложение 1649 г.», стр. 5.

воначально руководители посада и уезда решили умерить требования сборщика обычно практиковавшейся взяткой. «В почесть» сборщику поднесли 20 руб., собранных «с мирского совету». По «правеж» продолжался с прежним напряжением до июня. В июне одни из первых «ездоков» из Москвы привезли вести о том, что в Москве бояр и служилых людей «всех» побили. После этого руководители сольвычегодского посадского «мира», собравшись в земской избе, решили потребовать от Приклонского обратно те деньги, какие ему даны были «в почесть». Между тем по посаду разнеслись слухи, что Приклонский собирает деньги «воровски» «на изменника на Бориса Морозова». Возбужденное население посада осадило дворы воеводы и сборщика. У Приклонского отняли наказ, которым сборщик должен был руководствоваться, отняли и изорвали поручные записи по недоимщикам, книги и росписи, а самого сборщика «бив замертво, волокли улицею» и «перекинули» на тот двор, где он остановился. Вечером Приклонский скрылся в соборной церкви, принадлежавшей Строгановым, которые велели своим людям не выдавать его, а ночью тайком выехал из Сольвычегодского уезда по р. Вычегде. С его отъездом волнение стихло[1].

Более серьезный характер приняло движение в Устюге Великом. Как и в Соли Вычегодской, противоречия интересов «лучших» людей посада и уезда с интересами «середних» и «молодших» людей особенно обострились к середине XVII в. Разоренное население стало покидать насиженные места, уходя в Нижнее Поволжье и сибирские города. Оставшаяся беднота испытывала всю тяжесть надвигавшейся нищеты («пить и есть нечево и кормятца христовым имянем»). Одной из причин этого разброда населения и «скудости» были недороды, так как несколько лет подряд посевы гибли от ранних заморозков. Население голодало. К тому же в 1648 г. стали «править» с населения невыплаченные сборы прошлых лет и налоги и подати по окладу 1648 г. Собранные «в почесть» воеводе и подьячему 200 руб. мало помогли устюжанам. Волнения в Москве и события в соседней Соли Вычегодской побуждали устюжан к открытому выступлению. Первоначально дело шло о легальном выступлении с требованием к воеводе и подьячему, чтобы «миру» возвращены были взятые деньги. Но мирские власти ничего не могли добиться. На посаде стали поговаривать, что и мирские власти заодно с воеводской администрацией, и что за то их хотели «в воду миром посадить».

8 июля в Устюге отмечался местный праздник Прокопия Устюжского. В этот день ежегодно съезжалось много народа из уезда и ближайших городов на устраиваемую в городе ярмарку.

Уездные люди и посадский мир были одинаково враждебно настроены против воеводы, подьячих и против «лучших людей», которые были близки к администрации. 9 июля вспыхнуло восстание. Возбужденная толпа

---

[1] *К. В. Базилевич.* Мятеж в Великом Устюге в 1648 г.— «Ученые записки Ин-та истории РАНИОН», т. V, М., 1928, стр. 279—280.

посадских людей и крестьян из уезда направилась к земской избе и попыталась захватить заседавших там земских выборных судеек. Двоим из них удалось убежать, а третьего освободил воевода, подъехавший к земской избе со стрельцами. Под натиском толпы сам воевода должен был скрыться в съезжей избе, откуда он послал распоряжение стрельцам прийти к нему на помощь. Стрельцы, однако, не примыкая к восставшим, не оказали помощи и воеводе. Вместе с двумя подьячими он был схвачен, и восставшие потребовали от него выдачи главных, по представлению мира, виновников всех их бедствий: воеводского товарища — «подьячего с приписью»[1] Онисима Михайлова и подьячего съезжей избы Григория Похабова. Толпа все увеличивалась, призываемая «сполошным» звоном посадских церквей. Так как воевода отрицал присутствие у него Михайлова, то восставшие решили силой добиться от него выдачи его товарища и друга, особенно ненавистного посадским людям, подьячего Похабова, который 23 года сидел в устюжской съезжей избе, грабя тяглое население. Воеводу дважды водили к р. Сухоне, угрожая утопить, если не будут удовлетворены предъявленные ему требования. Между тем Михайлова нашли на воеводском дворе и убили в сенях, а труп бросили в реку. Похабов же успел бежать в Москву и явился туда с первой вестью о восстании в Устюге Великом. Убежали и спрятались в лесу и другие подьячие, а вместе с ними устюжский протопоп и некоторые из стрельцов; в лесу же, «во ржи» и в соседних монастырях отсиживались «лучшие» устюжские люди — крупнейшие торговцы, наиболее злостные эксплуататоры посадских людей. Бегство спасло им жизнь, но дворы ряда посадских «лучших» людей были разгромлены. Разгромлен был и двор Похабова. Свидетели позднее показывали, что они видели, как «его, Григорьевы, хоромы секут и окнами животы ево выбрасывают и несут врознь, а иное ломаное и битое и драное мечут у ево, Григорьевы, избы». Во время разгрома дворов «лучших» торговых людей искали и уничтожали «кабальные книги», закреплявшие разные формы закабаления посадских людей.

Суровый розыск, произведенный присланным из Москвы с вооруженным отрядом стольником князем И. Г. Ромодановским, закончился смертной казнью шести человек, признанных наиболее виновными; другие участники восстания также подверглись жестоким наказаниям, несмотря на крупную взятку, данную Ромодановскому посадом и уездом. Восставшими в Устюге были «середние» и «молодшие» посадские люди, в большинстве мелкие ремесленники. Вместе с ними выступили крестьяне Устюжского уезда. Присоединилась к восстанию часть стрельцов, тесно связанная с посадским ремеслом, в том числе случайно оказавшиеся в Устюге холмогорские стрельцы. Посад и крестьянство восстали против торговых «лучших» людей, тяжести фискального гнета и против воеводской адми-

[1] Воеводский товарищ — подьячий должен был подписывать («приписывать») документы, выходившие из воеводской канцелярии. Отсюда название «подьячий с приписью».

нистрации и ее «неправд». Один из участников восстания грозил: «Как де на Устюге о разрубе податном начнут лучшие люди от себя убавливать, их де палкою в лоб да и в воду»[1]. Несколько позднее вспыхнули волнения в других поморских городах.

Были захвачены движением и центральные города. Недостаточно ясное известие имеется о волнениях во Владимире, где, повидимому, в 1648 г. посадские люди уничтожали лавки и хмельники беломестцев[2]. В Романове на Волге земские старосты с другими «заговорщиками» разнесли двор протопопа Ивана, «животишко» его разорили, «и скотинишко побили, и хоромишко переламали»[3].

В наиболее крупных посадах Замосковья, каким был, например, Ярославль, 1648 год, повидимому, прошел спокойно. Возможно, что острота положения здесь была несколько ослаблена ранее проведенным «сыском» посадских людей, который в замосковных посадах дал значительные результаты и намного облегчил положение посадского мира. Сыграли, очевидно, известную роль и некоторые предварительные мероприятия правительства. В апреле 1648 г. ярославские посадские люди получили жалованную грамоту на приписанные к посаду слободы. Владимир и Суздаль также получили особые грамоты, удовлетворявшие требования посадских людей. В Можайск в декабре 1647 г. была послана грамота о приписке к посаду монастырских слобод. Уезды замосковных городов состояли из вотчинных и поместных земель и не были так тесно связаны с посадами, как в Поморье.

Лист из следственного дела об Устюжском восстании 1648 г.
Центральный государственный архив древних актов

---

[1] *К. В. Базилевич.* Указ. соч., стр. 281—296.
[2] «Владимирские губернские ведомости», 1862 г., № 45, стр. 187—189.
[3] ЦГАДА. Приказные дела старых лет, 1648 г., д. 146, л. 1.

Ранее других городов волнения на юге захватили Козлов, новый город, построенный на р. Лесном Воронеже в 1636 г. Сюда, с целью охраны от татарских набегов, велено было переселить из соседних городов — Переславля-Рязанского, Михайлова, Пронска, Ряжска и др.—200 конных казаков, 200 пеших стрельцов да «прибрать» сторожевых казаков, пушкарей, затинщиков, плотников и кузнецов «из вольных людей». Город приобрел чисто военный характер. Даже в 1646 г., по переписным книгам, в Козлове значилось только три двора посадских людей, кузнецов, где, кроме владельцев и их детей, жило два бобыля. На церковной земле в Пушкарской слободе было шесть бобыльских дворов, два бобыльских двора на церковной же земле было в слободе сторожевых казаков. На самом посаде, во дворах боярина Романова, Новоспасского и Чудова монастырей да одного козловца сына боярского, было пять дворников с семьями. Под самым Козловом была монастырская слободка, в которой писцы насчитывали пять крестьянских дворов. Вот и все невоенное население города, занесенное в переписные книги. Невелико было и крестьянское население уезда: здесь насчитывалось за помещиками всего 109 крестьянских дворов и шесть дворов бобыльских. Большинство бобылей и дворников, живших на посаде, занималось торговлей и ремеслом. Местный розничный торг, однако, был в руках служилых людей разных категорий. Эта группа лиц и являлась хозяевами в городе и на посаде, извлекая из торговли всю возможную прибыль и опутывая долгами наименее обеспеченную часть служилых людей. Как и всюду, экономическая эксплуатация усиливалась произволом воеводской администрации, который здесь особенно больно чувствовался низшими разрядами служилых людей в связи с тяжелой повинностью устройства и починки земляных и деревянных укреплений, находившихся в ведении воеводы[1].

Волнения в Козлове вспыхнули 11 июня 1648 г., непосредственно после получения сведений о восстании в Москве. Вести из Москвы привезли козловцы Софон Кобузев с товарищами «и во всех людях смуту и мятеж учинили». Служилые люди низших категорий выступили против богатых людей и разграбили дворы и лавки попа Якова, пушкаря Василия Чеботаря, владевшего двумя лавками, пушкаря Карпа Милицина, торговавшего «в двух лавках всяким товаром», и др. У лиц, привлеченных к следствию в качестве обвиняемых, ни лавок, ни каких-нибудь промысловых предприятий не значилось. Они, очевидно, принадлежали к той части населения Козлова, которая особенно сильно страдала от спекуляции торговцев-ростовщиков, местных «сильных» людей, против которых и было направлено движение.

Восставшие готовили расправу над воеводой Романом Боборыкиным, на злоупотребления которого козловцы жаловались годом раньше. Воевода этот, скрывшийся из Козлова, доносил в Москву, что во время вол-

[1] ЦГАДА. Столбцы Белгородского стола, № 201; Книги писцовые и переписные, № 230, л. 378; № 199, лл. 424—433.

нений восставшие хотели его убить, а когда он бежал, то гнались за ним. Одновременно воевода писал, что значительная часть детей боярских «козловцев и ряшан» не примкнула к восстанию, за что им также угрожали смертью[1].

Из Козлова волнения перекинулись в Челнавский острог. Жителями этого острога были стрельцы. Среди них были «прожиточные» люди, вызывавшие ненависть своей же «братьи» — стрельцов, экономически не обеспеченных и эксплуатируемых ими. Поводом к выступлению были вести из Козлова. Собравшиеся за стенами острога стрельцы избили некоторых представителей стрелецкой администрации, а одного старого стрельца, Тимофея Чубулова, захватив на его дворе, привели в острог, избили и «вытаща из острогу, кинули в ров замертва», за то, что «он мир выел». Чубулов от побоев умер. На этом волнение в Челнавском остроге и окончилось.

Производивший в Козлове сыск и суд Емельян Бутурлин приговорил к смертной казни трех руководителей волнений, которые привезли весть о восстании в Москве, а одного сына боярского — к наказанию кнутом. Наказанием кнутом ограничилось правительство и по отношению к челнавским стрельцам «за их воровство, что они челнавского стрельца Тимоху Чубулова убили до смерти»[2].

Под влиянием московских событий и в связи с событиями в Козлове началось брожение в Талецком остроге. Рассказывали, что в Москве «стало... убойство боярам и думным людям, и грабеж, и пожар большой». Вести об этих событиях вызвали возбуждение только среди беднейшей части населения острога. Намечалась, следовательно, такая же расстановка классовых сил, как и в Козлове. Воевода устроил военный смотр, на котором служилые люди разных разрядов под присягой уверили воеводу, что они о заговоре ничего «не ведают» и к нему «не приставают». Только тогда воевода решился арестовать «заводчиков» восстания — пятерых казаков и одного стрельца. Открытого выступления в Талецком остроге не произошло[3].

В Воронеже 25 июня лица командного состава, посадские «лучшие» люди и соборные попы сообщили воеводе Василию Грязному, что в городе назревают волнения. По сообщенным воеводе слухам, «заговорщики» предполагали убить его самого, стрелецкого голову и губного старосту, одного из местных священников, подьячего съезжей избы и посадских «лучших» людей. Эти слухи совершенно точно определяли те социальные группы, против которых направлено было зарождавшееся движение. Заводчиком всего дела (по донесению воеводы в Москву) являлся полковой казак

---

[1] ЦГАДА. Столбцы Владимирского стола, № 131, л. 3; *А. Н. Зерцалов.* К истории мятежа 1648 г. в Москве и других городах.— «Чтения ОИДР», 1896, кн. 1, отд. I, стр. 1—36.

[2] *А. Н. Зерцалов.* Указ. соч., стр. 1—4.

[3] *В. Н. Латкин.* Земские соборы древней Руси, их история и организация. СПб., 1885, прилож., стр. 414.

Герасим Кривушин, возвратившийся 17 июня из Москвы. В торговые дни, «в ряду» и по улицам, он всем рассказывал о том, что в Москве «смута большая», что там бояр «и многих людей» побили, а дворы их разграбили. Воевода Грязной намеревался поступить так же, как воевода Талецкого острога: устроить смотр для выяснения настроений служилых людей. Но казачьи и стрелецкие пятидесятники не поручились за благонадежность своих частей, предупредив, что им «не унять» стрельцов и казаков, если начнутся волнения. Грязной тогда решил, что и на командный состав он особенно полагаться не может, и вместе с стрелецким головой ночью сбежал из Воронежа в Коротояк, под защиту местного воеводы. Последний направил в Воронеж «для проведыванья» отряд детей боярских в 40 человек под начальством своего племянника. Возвратившийся в Коротояк отряд принес вести: воронежские служилые люди им сказали, что «не у всех такой завод и умысел на смертное убойство и на грабеж», что ими уже арестованы Г. Кривушин и два его товарища, и что до того момента, когда Грязной снова возвратится в Воронеж, им удастся сыскать и остальных заводчиков. В городе, оставшемся без воеводы, власть перешла к той группе служилых людей, которая здесь, как и в некоторых других местах, была против восстания. Сын боярский Г. Сукочев и казацкий человек С. Позняков самостоятельно произвели арест руководителей движения, в том числе и Кривушина. Под защитой этих детей боярских уцелели «лучшие» люди Воронежа. Опираясь на них, воевода мог возвратиться в город и произвести розыск, который, между прочим, показал, что Кривушин занимался агитацией не только в Воронеже, но и в Ельце[1].

Неспокойно было и в некоторых других городах юга: в августе, например, чугуевский воевода князь Волконский доносил в Москву, что в Чугуеве служилые люди склонны завести «завод». Но и здесь, как и в Талецком остроге, дело до открытого выступления, повидимому, не дошло.

Особое место среди всех городских выступлений в 1648 г. занимают волнения в Курске, происшедшие 5 июля. Основным населением Курска, как и других пограничных городов, были служилые люди: в стрелецкой слободе было поселено 200 стрельцов, столько же дворов было казачьих, кроме них было 32 пушкаря, 26 затинщиков, воротников, плотников и рассыльщиков. По временам в городе жили также дворяне и дети боярские, испомещенные в уезде. По десятне 1642 г., здесь насчитывалось 1150 дворян и детей боярских, владевших незначительными поместьями.

В жизни Курского посада, на котором было, по оброчной книге 1649 г., всего 12 дворов посадских людей в «черной» оброчной слободе, значительную роль играли монастыри. В Курске было два монастыря: мужской Знаменский, с приписанным к нему Божедомским Троицким, и Троицкий девичий. Эти монастыри и были самыми крупными землевладельцами в

---

[1] ЦГАДА. Столбцы Белгородского стола, № 167, лл. 40—42, 55—59; *Е. В. Чистякова.* Воронеж в середине XVII века и восстание 1648 года. Воронеж, 1953, стр. 39—57.

Курске, владея сравнительно многолюдными слободами монастырских «непашенных» бобылей на посаде и населенными деревнями в уезде. В 1621 г. за Знаменским монастырем числились на посаде две слободы — Троицкая и Божедомская, в которых было 86 бобыльских дворов, да пустых дворовых мест 49. К 40-м годам число пустых мест, очевидно, уменьшилось, так как монастырь не жаловался на пустоту. Процесс восстановления феодального хозяйства можно наблюдать на владениях другого курского монастыря — Троицкого девичьего. По писцовым книгам 1627—1630 гг., в слободе на посаде за этим монастырем значилось 80 дворов и в них 30 бобылей, а по переписи 1645—1646 гг., в этой же слободе было уже 131 двор и 304 бобыля. Кроме слобод на посаде, монастыри владели деревнями в уезде. В них у Знаменского монастыря было 53 двора крестьянских и бобыльских, а у Девичьего монастыря —26. Владели крестьянскими и бобыльскими дворами также курский собор и курские церкви. По переписи 1621 г., в уезде было 34 церковных двора[1].

Монастыри-феодалы были хозяевами в городе — монастырские бобыли составляли значительную часть городского невоенного населения. Курск испытывал немало невзгод от набегов татар. Военная служба здесь, как и вообще на юге Русского государства, была тяжелой и опасной. Неудивительно, что курские стрельцы довольно охотно меняли стрелецкую службу на зависимое состояние монастырского бобыля. Много таких бывших стрельцов было и в монастырских слободах. Однако в связи с «татарскими вестями» правительство внимательно следило за состоянием гарнизонов на окраине. В 1647 г. или в начале 1648 г. в Курск был прислан стрелецкий голова Константин Теглев, которому было поручено сыскать самовольно оставивших службу стрельцов и возвратить их в стрелецкую слободу. Теглев энергично принялся за сыск, особенно по монастырям и владениям соборного причта. Архимандрит Знаменского монастыря в 1648 г. находился в Москве, а в мае того же года с челобитьем курских монастырей и церквей об отмене сыска туда же отправилась игумения Девичьего монастыря Феодора. В Москву она попала как раз во время восстания, когда в правительстве господствовала растерянность.

В конце июня игумения уехала из Москвы, не удовлетворенная ответом, какой она получила на челобитье в приказе, и убежденная в слабости власти. Приказ выдал лишь указную грамоту, по которой решение дела перелагалось на местную власть. У игумении созрела мысль своими силами разрешить вопрос, убив производившего сыск стрелецкого голову. Свои соображения она сообщила сопровождавшим ее монастырскому крестьянину Кузьме Боденицину, бывшему, повидимому, приказчиком в вотчинах монастыря, и двум старицам. По приезде в Курск они в ночь на 5 июля начали агитацию среди крестьян, утверждая, что «на Москве де и

[1] ЦГАДА. Грамоты Коллегии экономии по Курскому уезду, № 6194/2, 6195/3, 6196/4, 6199/7, 6212/20; Разряд, Дела десятен, № 300 и 188; Столбцы Белгородского стола, № 358, лл. 73—93; Столбцы Приказного стола, № 127, лл. 386—405; Разрядные вязки, № 1, д. 34.

16*

лучиево [т. е. Теглева] побивают» безнаказанно. Утром 5 июля толпа крестьян во главе с игуменией направилась к съезжей избе. После некоторого торга воевода пошел за стрелецким головой Константином Теглевым. В съезжей избе в это время оказались представители белого духовенства, монастырские старцы, подьячие. Теглев после горячего спора с ними хотел было уйти, но возбужденные духовенством крестьяне, «новописные» стрельцы и «иные многие люди», окружавшие избу, его не пропустили и, выбив бревном запертую дверь, ворвались в избу. Воевода выпрыгнул в окно и убежал в соборную церковь, а Теглева крестьяне вытащили из избы и убили. Затем толпа направилась ко двору, на котором он остановился, и разграбила его имущество. Воевода не мог принять никаких мер: не предвидя волнений, он отпустил на сенокос «старых» стрельцов и детей боярских, которые должны были охранять город.

5 июля власть в городе перешла в руки крестьян. Но крестьяне, выполнив задание игумении, не знали, что делать дальше. Среди участников восстания стали возникать мысли об уничтожении воеводы «и дворян, и лучших мужиков богатых», назревала озлобленность против монастырских властей. Это настроение было выражено позднее одним из участников восстания на очной ставке с монастырской старицей: «Лихо де вы нас бьете посохом». Восстание готово было пойти по путям, которые не могли быть приемлемы для игумении. Поэтому она стала советовать наиболее видным участникам убийства Теглева ехать в Москву с повинной.

Тем временем возвратились в город дети боярские и стрельцы, и с их помощью воевода начал хватать участников выступления. Правильно оценив положение, дворяне и дети боярские потребовали немедленного ареста игумении как «всему злу заводницы» —защита монастырского землевладения была не в интересах городов и поместного дворянства. В ответ на отписку воеводы о событиях в Курске из Москвы был выслан отряд конных стрельцов во главе со стольником В. В. Бутурлиным, который произвел здесь жестокий сыск. 17 августа, после пыток и допросов, пять крестьян было повешено «по дорогам», позднее был повешен еще один «новописный» стрелец. Остальные участники волнений были подвергнуты наказанию кнутом. Игумения и подстрекавший к убийству Теглева соборный протопоп отделались ссылкой в северные монастыри[1].

Своеобразные черты приняло движение в Сибири. В сибирских городах, часто совсем лишенных посадов, оно вылилось в военные выступления, поддержанные в некоторых местах крестьянством, изнемогавшим под тяжестью «государевой десятинной пашни» и других повинностей. Здесь у служилых людей по прибору были свои наболевшие вопросы, связанные с тяжелыми условиями службы. Наконец, здесь выступала особая группа недовольных — влиятельные «ссыльные люди»; в Томске у них произошло

---

[1] ЦГАДА. Столбцы Белгородского стола, № 269; «Городские восстания в Московском государстве XVII в.», сборник документов, М.—Л., 1936, стр. 109—134; *Г. А. Новицкий.* Восстание в Курске в 1648 г.—«Историк-марксист», т. 6 (40), 1934, стр. 24—36.

столкновение с воеводой, который хотел перевести их, согласно указу, из службы на пашню.

В Томске волнения происходили и раньше 1648 г. В 1637—1638 гг. на почве тяжелых условий службы и воеводского произвола здесь возникло движение служилых людей. Тот же административный произвол воевод вызвал выступление служилых людей и весной 1648 г., сначала в форме подачи челобитных в центр, а затем и открытого восстания против воеводы князя О. И. Щербатова, от «безмерных налог и убытков и от великие жесточи» которого служилым людям, по их словам, «быть невозможно». Недовольные нашли поддержку со стороны второго воеводы, Ильи Бунакова, и дьяка Бориса Патрикеева. Князь Щербатов был даже устранен от управления. «Большая смута» вспыхнула 21 мая: «Воеводе князю Осипу Ивановичу Щербатому сын боярской Федька Пущин да пятидесятник Ивашка Володимиров со товарыщи своими скопом и заговором отказали и в съезжую избу ему... ездить не велели. И ныне де воевода князь Осип Щербатой сидит от них в осаде, никуда со двора не ездит». Власть перешла к Илье Бунакову и дьяку, которых позднее Щербатов обвинял в намерении в Сибири «Дон заводить» и «со своими воровскими кругами» поднять «смуту и воровство» в других сибирских городах. В Москву от Томска выехали новые челобитчики с теми же, повидимому, требованиями, какие выдвигались служилыми людьми и раньше. Служилые люди стремились облегчить службу, освободиться от тяжелой работы по переносу «города» на новое место, избавиться от «насильства» воеводы, который отнимал у служилых людей «ясырь» (пленных) и дворовых людей и держал их у себя на дворе. Посадские люди и крестьяне также жаловались на «обиды»[1].

Настроения служилых людей Томска разделяли служилые люди и других сибирских городов — Нарыма, Сургута и т.д. Поэтому, как только стало известно о событиях в Томске, «из всех сибирских городов на воевод поехали бить челом государю». Сибирские челобитчики попали в Москву в тот самый момент, «как всколыбалася чернь на бояр»[2].

Разнообразие форм городских волнений и заявленных их участниками требований отражало большую сложность движущих сил этих движений.

* * *

Следующий период, когда происходило составление нового Уложения, характеризуется борьбой верхушки посадских людей и дворянства с правящими кругами боярства за удовлетворение их сословных требований. Эта борьба осложнялась тем, что среди боярства не было единодушного отношения к требованиям посадов и дворянства.

Группа бояр во главе с Н. И. Романовым и князем Я. К. Черкасским использовала общее возмущение против Б. И. Морозова и его сотрудни-

---

[1] *Н. Н. Оглоблин*. К истории Томского бунта 1648 г. «Чтения ОИДР», 1903, кн. 3, отд. I, стр. 1—30.

[2] *А. Н. Зерцалов*. Указ. соч., стр. 33—36.

ков и вернулась к власти. Но их большая заинтересованность в сохранении за собой крупных владений в городах препятствовала разрешению основного вопроса об отписке беломестных слобод у частных владельцев. Романов и Черкасский не смогли разрешить основной спорный посадский вопрос и выпустили из своих рук руководство делами[1].

Между тем в начале сентября 1648 г. в Москве начал свою работу Земский собор, созыв которого был решен 16 июля.

Если Собор 16 июля был собран наспех, и на нем присутствовали главным образом люди, уже находившиеся в данное время в Москве, то Собор, назначаемый на 1 сентября, должен был состоять из выборных от разных социальных групп по следующей пропорции: от придворных и столичных людей «из чину по два человека»; от дворян из больших городов — по два человека, от меньших городов и от новгородских пятин — по одному человеку; гостей — три, от гостиной и суконной сотен — по два человека; от московских черных сотен и слобод и от провинциальных посадов — по одному человеку. Выборы депутатов на Земский собор сопровождались оживленной деятельностью различных классовых групп. В Новгороде на этой почве разгорелась борьба «нарочитых» людей с «середними» и «молодшими» посадскими людьми. Первую партию возглавлял новгородский гость Стоянов, поддерживаемый «пятиконецкими» старостами, во главе второй стояли выбранные «молодшими» людьми в «смутное» время земские старосты Филипп Кривоносов и Никифор Лаврентьев. «Нарочитые» настойчиво проводили на Собор двух своих кандидатов «из лучших людей, кому земское дело за обычай», вторые предлагали двух кандидатов из «молодших» людей, которые, по мнению первой партии, «окроме смуты, никаких дел не знают». В силу колеблющейся позиции «середних» людей был в конце концов достигнут компромисс, по которому на Собор был выбран один из кандидатов «лучших» людей — Андрей Шелковник и один кандидат «молодших» людей — Никифор Клетка, который ранее «был в казачьей службе, и ис казаков отставлен, а ныне в посадских людех»[2].

На Собор прибыли депутаты 110 городов. 29 городов южной окраины, где посадское население почти отсутствовало, были представлены только служилыми людьми. Наоборот, от 35 городов, в первую очередь поморских, в уездах которых служилых людей не было, присутствовали одни представители посадов. Совершенно не были представлены на Соборе далекая Сибирь и низовья Волги: от Астрахани, например, представителей не было. Крупные феодалы были представлены Боярской думой и Освященным собором, которые заседали отдельно, являясь как бы второй палатой по отношению к выборным «земским людям».

Общий состав образовавшихся таким образом двух палат Земского

---

[1] *С. В. Бахрушин*. Московский мятеж 1648 г., стр. 738—739; см. также: Научные труды, т. II, стр. 67—68.

[2] *П. П. Смирнов*. Несколько документов к истории Соборного уложения и Земского собора 1648—1649 гг. — «Чтения ОИДР», 1913, кн. 4, отд. IV, стр. 10—15.

собора 1648—1649 гг. восстанавливается по рукоприкладствам к подлинному Уложению, под которым, однако, не подписалось, по разным причинам, около 3% всех участников Собора. Подписавшие Уложение распределяются следующим образом: 14 представителей высшей церковной иерархии, 40 представителей бояр, столичного дворянства и дьяков, 153 представителя городового дворянства, трое выборных от гостей, 12 выборных от московских сотен, 15 представителей московского стрелецкого гарнизона и 79 представителей посадов. Принадлежность 21 депутата к той или другой из основных групп установить не удается. В общем итоге на Соборе преобладала не столица, а провинция. Очевидно, влиянием городских движений лета 1648 г. объясняется и усиление посадского представительства.

Выборные служилые и посадские люди из городов окружены были вниманием власти. Служилым людям по их челобитьям раздавалось в широких размерах денежное жалованье и делалась иногда прибавка к поместному окладу; сверх того, выборным людям предоставлялись разные льготы, например, им было дано право «у себя на дворе про свою нужу держати питье и вино и пиво безъявочно», «мыльня топить безвымочно» и «стояльцов во дворишко... никаких не ставить». Можно сказать, правительство ухаживало за выборными из провинции.

По указу 16 июля 1648 г., на комиссию по составлению Уложения возлагалось: кодифицировать все ранее существовавшие по отдельным вопросам царские указы и «боярские приговоры», сопоставить их «с старыми судебниками», ввести в проект Уложения «пристойные» «к государственным и к земским делам» статьи из «правил св. апостол и св. отец», и из «градских законов греческих царей». Прежде всего Уложение должно было дать законодательное решение тех вопросов, которые были выдвинуты вновь жизнью и разрешения которых так настойчиво добивались в своих челобитьях городовое поместное дворянство и посадские люди: «А на которые статьи в прошлых годех прежних государей в судебниках указу не положено, и боярских приговоров на те статьи не было, и те бы статьи по тому же написати и изложити... общим советом»[1]. Кроме того, одним из важнейших источников Уложения явился памятник славянского права, Литовский статут, в особом, сделанном в Москве, переводе. Однако заимствования, включенные в Уложение из разнообразных источников, были сделаны со строгим разбором и часто с коренной переработкой законодательных норм применительно к тогдашним московским условиям. Так, в Уложении не нашли никакого отражения те статьи литовского права, которые ограничивали власть короля сословными привилегиями шляхетства.

Проект, разработанный комиссией, в которой принимали участие и прибывшие в Москву на Собор выборные люди, явился предметом обсуждения собравшегося 1 сентября в Москве Земского собора. Отдельно

---

[1] «Уложение 1649 г.», стр. 5.

«слушал» проект царь с Освященным собором и Боярской думой, отдельно «чтено» было Уложение в Ответной палате «выборным людям», заседаниями которых руководил боярин князь Ю. А. Долгоруков.

Уже в августе царь Алексей Михайлович стал подготовлять возвращение в Москву боярина Б. И. Морозова. В середине сентября Морозов по вызову царя приехал из ссылки в Троице-Сергиев монастырь, где и произошла его встреча с царем, очевидно, для выработки программы действий на будущее. Задарив стрельцов, царь добился от них подачи челобитной о возвращении Морозова. Противодействие дворянства царь постарался предупредить выдачей денежного жалованья дворянам и детям боярским, приехавшим по выбору на Собор. Попытки князя Я. К. Черкасского помешать возвращению Морозова запугиванием царя угрозой новых волнений в столице не имели успеха, и 26 октября 1648 г. боярин Морозов снова появился в Москве[1].

Действуя вместе с царем и представляя группу нового боярства, не имевшего сколько-нибудь значительных владений в городах, Морозов стремился удовлетворить требования посадских людей за счет «беломестных» слобод старовотчинного боярства и церкви. Противная партия (Романовы, Черкасские, Шереметевы и др.) пыталась спасти свои городские владения и найти опору в дворянстве, удовлетворив его требования о конфискации церковных земель. Победила партия Морозова, которая правильнее оценила реальное соотношение боровшихся между собой сил.

Столкновение между обеими группами произошло вскоре же по возвращении в Москву Б. И. Морозова. 30 октября выборные от посадов и других групп торгово-промышленных людей подали челобитную царю с требованием «посадского строения». Представители служилого класса в своей челобитной поддержали это требование. 31 октября между Б.И. Морозовым и князем Я.К. Черкасским произошло резкое столкновение в присутствии царя. Князь Черкасский без позволения царя ушел из-за стола и из дворца. Последствием этой выходки был арест Черкасского и его устранение от руководства Стрелецким и другими приказами. На его место был назначен тесть царя и Морозова боярин И. Д. Милославский. Затем последовало отстранение от руководства приказами и других противников Морозова[2].

Вскоре партии Морозова пришлось высказаться по другому важному вопросу. 9 ноября представители дворянства на Соборе подали царю челобитную об отобрании церковных земель и раздаче их служилым людям. Посадские люди со своей стороны поддержали это требование. Правительство не рискнуло ответить прямым отказом. Оно отдало распоряжение о подготовке к осуществлению требования служилых людей. Однако эта уступка была только тактической. Дело затянулось, что, очевидно, и имело

---

[1] *П. П. Смирнов*. Посадские люди..., т. II, стр. 209—219.
[2] Там же, стр. 220—232.

в виду правительство. Составление Уложения подходило к концу, а необходимых данных для отписки церковных земель подготовлено не было.

Это требование дворянства нашло лишь очень слабое отражение в ст. 42 главы XVII Уложения, запретившей духовенству и монастырям впредь приобретать земли. Повидимому, правительство не рисковало вступать в конфликт с церковными феодалами, что было опасно в сложной обстановке того времени. К тому же интересы церкви и без того были сильно затронуты отпиской городских владений. Дворянство было удовлетворено выдачей крупных сумм на жалованье.

Соборное Уложение разрешило важный для дворянства вопрос об отмене урочных лет для сыска беглых, о чем дворяне подали специальное челобитье 2 января 1649 г. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что это челобитье не было поддержано представителями посадов[1]. Следовательно, «единачество» между представителями посадов и дворянства на Земском соборе не распространялось на вопрос о закрепощении крестьян.

* * *

Работа по составлению Уложения была закончена 29 января 1649 г. Немедленно же по составлении и напечатании Уложение стало применяться на практике.

Постановления Уложения не только не смягчили классовых противоречий, существовавших в Русском государстве, но, напротив, обострили их. Уложение придало крепостной зависимости крестьян еще более жесткий характер. Его принятие означало укрепление господства класса феодалов и самодержавия. Уложение не облегчило положения посадских низов[2]. Это очевидно из того, что составление Уложения и даже проведение «посадского строения» не прекратило восстаний в городах. Волнения продолжались в Москве. В 1650 г. восстание вспыхнуло в Пскове и Новгороде, где движение «середних» и «молодших» посадских людей слилось с довольно широким крестьянским движением, направленным против дворян-крепостников.

3

ВОССТАНИЯ В НОВГОРОДЕ И ПСКОВЕ В 1650 Г.

В Псковском и Новгородском восстаниях 1650 г. прослеживается несколько иная расстановка движущих сил, чем в восстаниях 1648 г., происходивших в Москве, Устюге, Курске и других городах. В некоторых из них принимали участие черносошные крестьяне, выступления же крепостных крестьян носили лишь эпизодический характер. После Уло-

---

[1] «Акты исторические» (далее — АИ), т. IV, СПб., 1842, № 30, стр. 66—67; *П. П. Смирнов*. Указ. соч., т. II, стр. 233.

[2] Характеристику Уложения и анализ его содержания см. в главе III, § 6 настоящего издания.

жения 1649 г. основная масса угнетенного посадского населения нашла союзников в лице закрепощенного крестьянства. Псковские крестьяне совместно с посадскими людьми громили помещичьи дворы и изгоняли владельцев из деревень[1].

Восстания в Новгороде и Пскове особенно ярко свидетельствуют об ожесточенной борьбе между верхами и низами городского населения. Псков и Новгород в первой половине XVII в. занимали особое место среди других городов Русского государства. В Москве признавали, что Новгород до «разоренья», т. е. до взятия его в 1611 г. шведскими войсками, «был в большой вольности»[2]. Действительно, в Пскове и Новгороде сохранились остатки древнего самоуправления. Посадские люди имели своих выборных старост, сидевших в «земской» или «всегородной избе». Улицы в Новгороде и сотни в Пскове также выбирали старост. Уже во время восстания 1609 г. в Пскове «молодшие» посадские люди объединились вокруг земской избы, тогда как «большие люди во всегородную не ходили, гнушалися и смеялися и дома укрывалися»[3]. Борьба «лучших» и «меньших» с особой силой разгорелась в Новгороде в 1649 г. при выборе делегатов на Земский собор.

Непосредственным поводом к восстанию явилась хлебная спекуляция, которую предприняло правительство. Русские послы в Швеции в 1649 г. договорились об уплате 190 тыс. руб. в пользу Швеции в качестве компенсации за перебежчиков из областей, захваченных Швецией у Русского государства. Часть установленной суммы следовало уплатить рожью по той цене, по какой рожь покупали на торгу в Пскове. Несмотря на то, что Псковская земля переживала в 1650 г. тяжелый неурожай, и на псковском рынке ощущался недостаток хлеба, правительство поручило богатому торговому человеку Федору Емельянову закупить крупные партии хлеба. Эта закупка им производилась по очень высокой цене, в чем были заинтересованы местные помещики. Естественно, что цены на хлеб в Пскове тотчас же поднялись, что и вызвало большое недовольство.

26 февраля 1650 г. посадские люди пришли на двор к воеводе Н. С. Собакину со словесной просьбой задержать передачу хлеба агентам шведского правительства, но получили отказ. На следующий день посадские люди пришли с таким же челобитьем к архиепископу Макарию. Воевода вынужден был уступить и отменил распоряжение о вывозе хлеба в амбары, «боясь гилевщины и убийства». Но волнение в городе не прекращалось всю ночь. По городу ходили толпы вооруженных людей.

28 февраля утром в Псков приехал из Новгорода шведский агент Логин Нуммепс, посланный шведским резидентом в Москве для приемки хлеба.

---

[1] *М. Н. Тихомиров.* Псковское восстание 1650 г. М.—Л. 1935; *А. Н. Сперанский.* К вопросу о сущности и характере Псковского восстания 1650 г.— «Историк-марксист», 1936, № 5/57, стр. 136—138.

[2] *К. И. Якубов.* Россия и Швеция в первой половине XVII в.— «Чтения ОИДР», 1898, кн. 1, отд. I, стр. 406.

[3] ПСРЛ, т. IV, СПб., 1848, стр. 324.

При попытке проехать в объезд Пскова на шведский торговый двор в Завеличье Нумменс был остановлен и отведен в город, где его подвергли допросу. Восстание в Пскове тотчас же приобрело характер классовой борьбы. Псковичи разгромили двор Федора Емельянова, а также дворы некоторых «лучших» посадских людей, дворян и духовенства. Сами всегородные старосты, как ставленники посадских верхов, вынуждены были скрываться[1]. Попытки архиепископа и воеводы усмирить восставших окончились неудачей. Волнения в городе продолжались и в следующие дни, хотя заметна была тенденция к некоторому успокоению.

Между тем в середине марта началось восстание в Новгороде, имевшее большое значение для дальнейшего развития событий. Приехавший в Новгород 15 марта датский посланник Иверт Краббе был арестован, подвергнут допросу и обыску. В тот же день вечером новгородцы ворвались во двор к воеводе князю Ф. А. Хилкову, который бежал к митрополиту Никону. Как и в Пскове, в Новгороде в первый же день восстания его участники разграбили дворы «лучших» посадских людей, в том числе Стояновых.

Новгородское восстание отразилось в Пскове. Князь Ф. Ф. Волконский, присланный в Псков в конце марта для проведения сыска, был подвергнут допросу на площади и посажен в палату вместе со старым псковским воеводой Собакиным и присланным на его место князем В. П. Львовым. Как в Новгороде, так и во Пскове власть перешла в руки земских старост. В Новгороде фактически главой правительства сделался митрополичий сын боярский Иван Жеглов.

В апреле между восставшими городами поддерживались оживленные сношения. В это время в новгородской и псковской земских избах шли разговоры о необходимости расширить восстание. Новгородский воевода Хилков, сообщая в Москву о начале псковского восстания, добавлял, что псковичи хотят идти в Москву, чтобы бить челом государю «таким же невежеством, как и преж сего на Москве учинилось»[2]. В данном случае воевода намекал на Московское восстание 1648 г.

События в Пскове стали известны в Москве только 10 марта, в марте же против Новгорода был отправлен карательный отряд под начальством князя Ивана Никитича Хованского с приказом идти «наскоро». Однако под влиянием вестей из Новгорода и Пскова правительство посылало Хованскому противоречивые приказы: то торопило его с походом на Новгород, то приказывало двигаться обходными дорогами. Наконец, уже находясь недалеко от восставшего города, Хованский получил приказ не вступать в Новгород. Приказ был получен уже после того, как Хованский 13 апреля вошел в Новгород.

Быстрая сдача Новгорода правительственным войскам имела свои причины. Восстание в Новгороде опиралось главным образом на «молод-

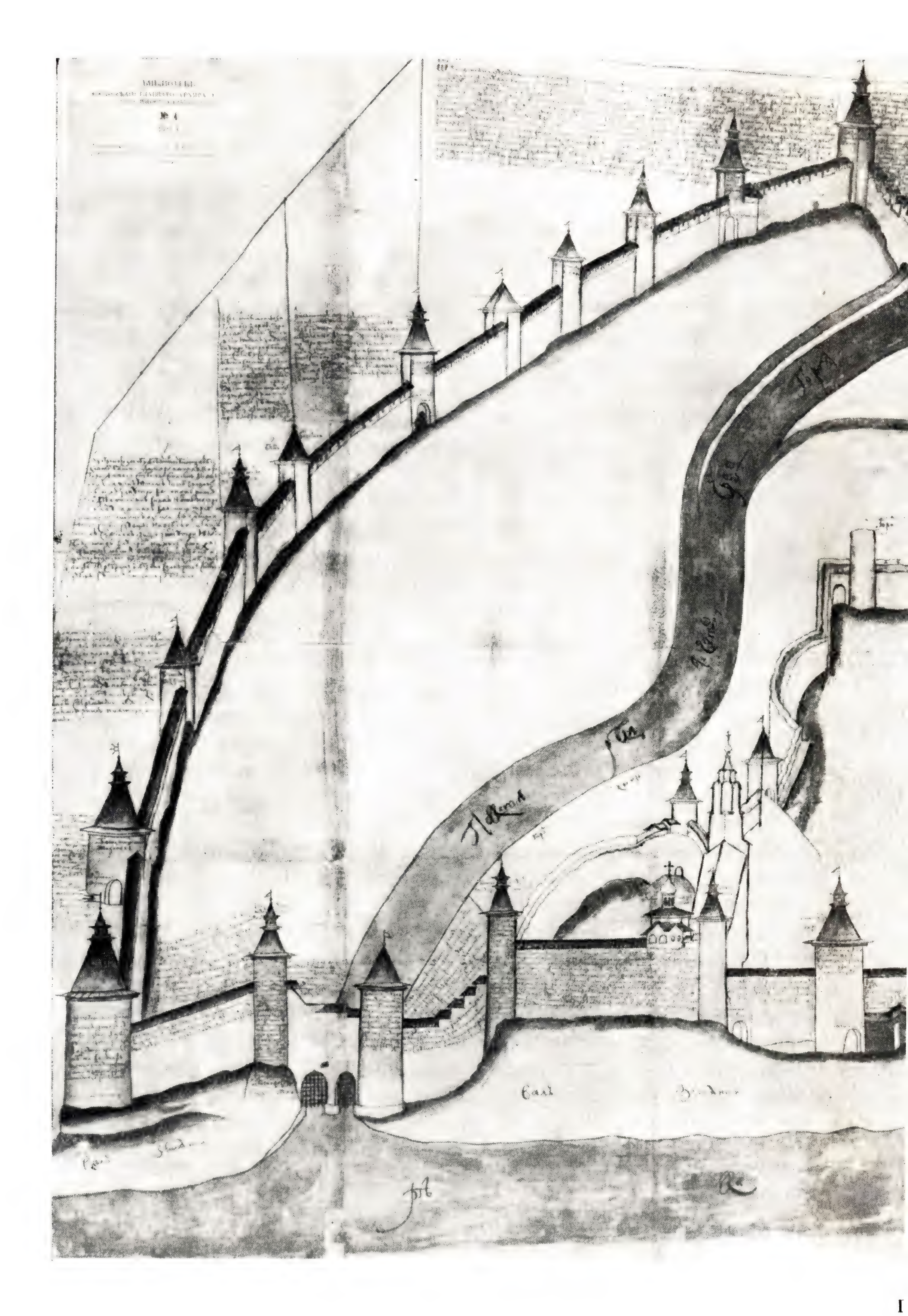
[1] *М. Н. Тихомиров.* Указ. соч., стр. 53.
[2] Там же, стр. 66.

ших» посадских людей и стрельцов. Но посадских людей в Новгороде было немного, этот город в половине XVII в. был «скуден» людьми. «Весь тот мятеж держат стрельцы,— говорит один из очевидцев восстания,— а только б де не стрельцы, и посадских де людей немного, и делать было им нечего»[1]. Но новгородские стрельцы в свою очередь не были достаточно сильны, чтобы сопротивляться войскам Хованского, который к тому же обещал им полное помилование. Немалое значение имело также предательское поведение Ивана Жеглова. Только случай помешал Жеглову перебежать к Хованскому. Очень показателен состав делегации, которая явилась в Хутынский монастырь к Хованскому и била ему челом о прощении. В этой делегации принимали участие стрелецкие головы, казачий голова, пятидесятники, десятники, стрельцы, казаки, пятиконецкие старосты и «лучшие» посадские люди. Таким образом, вся вина за восстание была переложена на «молодших» посадских людей, которые только одни не явились на поклон к князю Хованскому. Тотчас же после вступления правительственных войск в Новгород Хованский предпринял расследование причин восстания и арестовал значительное количество новгородцев, в том числе и Жеглова. Только неудачи под Псковом заставили правительство пойти на уступки и позднее выпустить многих арестованных новгородцев на пору́ки.

Сдача Новгорода вызвала в Пскове не столько смятение, сколько негодование. Псковичи заявили гонцу князя Хованского, приехавшему в Псков с объявлением о занятии им Новгорода: «Полно де и того, что [Хованский] обманул Новгород и вшел в город, а их псковичь не обмануть». Занятие Новгорода правительственными войсками завершило первый этап восстания, отмеченный некоторой пассивностью восставших. Значительная часть псковичей в это время возлагала большие надежды на челобитные, посланные царю в мае 1650 г. Эти псковские челобитные отличались умеренностью требований. Важнейшие из них сводились к следующему: 1) не брать из Пскова служилых людей в Москву и замосковные города, 2) отменить зазывные грамоты, согласно которым псковичи вызывались на суд в Москву, 3) воеводам чинить суд и расправу в Пскове совместно с земскими старостами и выборными. В этих требованиях нельзя не видеть отзвука старых новгородских и псковских «вольностей». Резкий отказ правительства вызвал большое негодование в Пскове. Еще большее значение имели известия о расправе, учиненной князем Хованским над новгородцами[2]. Восставшие немедленно начали работы по укреплению города. Отряд князя Хованского оказался под Псковом в очень тяжелом положении. После кратковременных агрессивных действий под городом Хованский должен был ограничиться блокадой, постепенно стягивая кольцо своих войск вокруг Пскова. Блокада затянулась почти на три месяца (июнь — август 1650 г.).

[1] *М. Н. Тихомиров.* Новгородское восстание 1650 г.— «Исторические записки», № 7, стр. 99.

[2] *М. Н. Тихомиров.* Псковское восстание 1650 г., стр. 69, 81—82.

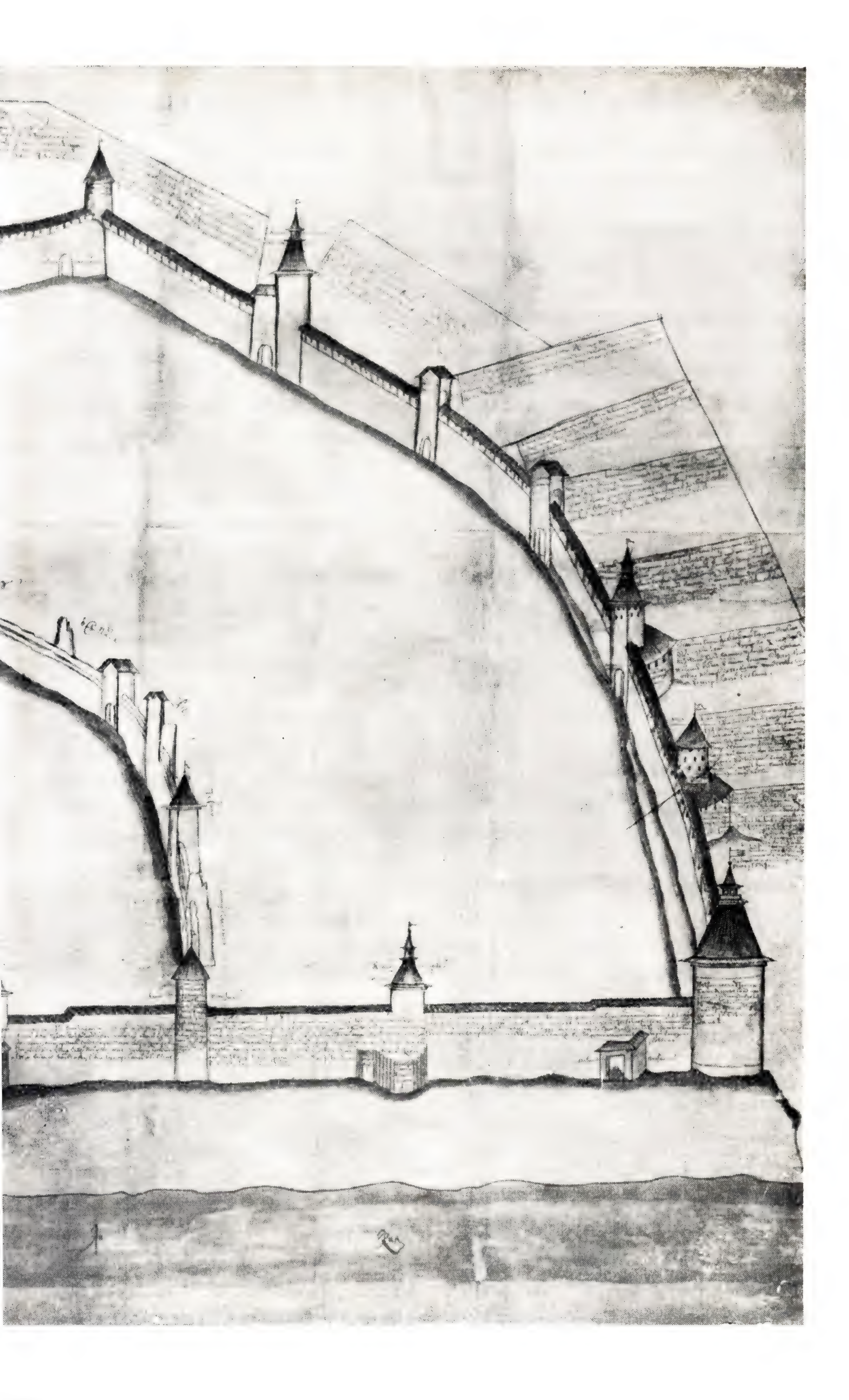
I

Центральны

План г. Пскова, 1694 г.

Центральный государственный архив древних актов

тов

В течение всего этого периода Псков пользовался фактической самостоятельностью. Воеводская власть была упразднена в апреле, хотя воевода еще некоторое время продолжал ездить в съезжую избу. Центром псковского правительства сделалась земская изба, в которой сидели земские старосты и выборные. В Новгороде земская изба во время восстания также была центром управления, но она не успела еще получить того значения, какое приобрела в Пскове. Фактическим главой псковского правительства был земский староста Гаврило Демидов. Он пользовался громадным авторитетом в Пскове и вместе с другим земским старостой хранил у себя ключи от города и от амбаров, выдавал наказы и памяти за печатями земской избы. Большинство выборных, сидевших в земской избе, принадлежало к составу «молодших» и «середних» посадских людей и стрельцов. Но рядом с ними в земскую избу ходили выборные от дворян и духовенства. Впрочем, сами выходцы из Пскова отмечали, что попы и дворяне «к той смуте не приставают».

В наиболее важных случаях в Пскове на площади перед земской избой собирался мирской сход, некоторыми своими чертами напоминавший старинное вече. «Мирские» люди сходились на площадь по звону «всполошного» колокола. Число участников схода иногда доходило до нескольких тысяч человек. Большинство, по выражению воеводских отписок, стояло на площади «гилем»[1], часть собравшихся размещалась по городским стенам, по крышам домов и церквей. Псковскому архиепископу Макарию, приведенному на такой сход, показалось, что людей на нем было «безмерно много». На площади стояли досчатые чаны, или «доцаны», как называют их документы. Они заменяли собой помосты (прежнюю вечевую «степень»), с них произносились речи и читались царские грамоты. Устройство Пскова в период восстания настолько напоминало псковские порядки эпохи его самостоятельности, что после восстания правительство отправило «воровские» печати земских старост и всполошный колокол в Москву.

Внутренняя история Пскова в период восстания 1650 г. наполнена непрерывной классовой борьбой внутри города. Опорой восстания в Пскове являлись ремесленники и мелкие торговцы, а также стрельцы. Они составляли большинство среди выборных людей, сидевших в земской избе. В числе выборных упоминаются два мясника, братья-серебреники, шапочник, банщик, несколько стрельцов и казаков. Сам земский староста Гаврило Демидов был хлебником. Среди «начальных людей» особенно выделялся староста площадных подьячих Томила Слепой, автор псковских челобитных. Правительство земской избы провело в Пскове ряд мероприятий, классовый характер которых не оставляет сомнения. В июле Гаврило Демидов распорядился выдавать посадским людям и стрельцам хлеб из боярских житниц. Тогда же было конфисковано имущество некоторых дворян и «лучших» посадских людей. С дворянских дворов были собраны лошади и ружья и розданы защитникам Пскова.

[1] Гиль — действие, направленное против правительства, восстание.

Эта политика, направленная против дворян и верхов посадского общества, была вызвана необходимостью обеспечить восставших хлебом и оружием. Дворяне и «лучшие» посадские люди отвечали на действия земской избы заговорами и открытой изменой. Уже в июне 1650 г. шли упорные слухи о нежелании казаков и одного из псковских стрелецких приказов сражаться против правительственных войск. Действительно, среди казаков и стрельцов шла усиленная агитация с призывом отворить ворота и впустить в город войска князя Хованского. Ставленники «лучших» людей тайно сносились с правительственными войсками. Один подьячий «по уговору добрых людей» был посажен в земскую избу. Он был знаком не только со всем ее делопроизводством, но и с планами самого Гаврилы Демидова. Во время вылазок дворяне нередко перебегали на сторону Хованского и подробно доносили ему о всех событиях в городе. Измена дворян и стрелецкого начальства привела псковичей к поражению 12 июля. На следующий день псковичи казнили 10 дворян, уличенных в сношениях с начальником правительственного отряда.

В июле внутренняя борьба в Пскове достигла наибольшего ожесточения и вместе с тем вышла далеко за пределы городских стен. Уже в мае-июне 1650 г. большинство псковских пригородов перешло на сторону восставших. В Гдове, Изборске и Острове воеводы были взяты под арест. Гдовские стрельцы и посадские люди деятельно поддерживали восстание, собирали партизанские отряды и нападали на царских солдат, стоявших в соседнем Сумерском погосте. Печерский монастырь также перешел на сторону восставших. Власть в монастыре захватили монастырские служки, а архимандрит был задержан земскими старостами в Пскове. Из всех пригородов только одна Опочка не принимала участия в восстании.

Однако даже переход пригородов на сторону восставших не был так опасен для правительства, как широкое крестьянское движение, охватившее не только всю Псковскую землю, но и соседние с ней области. Уже в мае 1650 г. крестьянские отряды, объединившиеся с псковскими стрельцами и казаками, нападали на ратных людей из войск князя Хованского. Положение приняло особенно острый характер, когда Псковский, Изборский, Гдовский, Островский и Порховский уезды, а также почти вся Шелонская пятина сделались районом партизанских действий. Дворяне в своих челобитных жаловались, что «шиши» (партизаны) сжигают и разоряют их усадьбы. Крестьян поддерживали восставшие псковичи. Дворяне сообщали в Москву, что из города вышли «воры многие с уездными шишами воровать, и дворян и детей боярских и всяких жилецких людей селы и деревни пожгли»[1]. В волостях партизанские отряды имели постоянные базы, откуда делали свои нападения. В августе распространялись упорные слухи о близком нападении восставших на слободу Сольцы, важнейший пункт на дороге из Новгорода в Псков. Порхов находился

---

[1] ЦГАДА. Столбцы Новгородского стола, № 77, лл. 1—14, 73, 80.

под непосредственной угрозой со стороны восставших. Вести об уничтожении дворянских поместий шли даже из Великолуцкого уезда.

Положение под Псковом стало настолько серьезным, что вызывало большую тревогу в правительственных кругах. Внимание правительства привлекали также вести о каких-то сношениях Пскова с Речью Посполитой. Беглецы из Пскова сообщали, что земский староста Гаврило Демидов собирался писать к литовскому королю о помощи. Позднее псковичи решительно отвергали обвинение в измене. Еще большее внимание правительства должны были привлечь слухи о самозванце Тимошке Акундинове, который выдавал себя за сына Василия Шуйского и пытался найти поддержку в Пскове[1].

Не менее опасно для правительства складывались обстоятельства в самой Москве, которая жила в это время в тревожной атмосфере слухов и толков о псковском восстании. По словам старост черных сотен и слобод, «носитца де площедная речь, бутто будет на Москве грабеж»[2]. При этих обстоятельствах значительная группа приближенных царя Алексея во главе с патриархом Иосифом настаивала на примирительном отношении к восставшим. Под несомненным влиянием этих кругов 4 июля в Москве был собран Земский собор, на котором была избрана делегация во главе с коломенским епископом Рафаилом для поездки в Псков. Тогда же вместе с Рафаилом были посланы в Псков грамоты, призывавшие восставших к покорности и обещавшие прощение при условии выдачи пяти «заводчиков» во главе с Гаврилой Демидовым. Однако все показания выходцев из Пскова согласно утверждали, что восставшие ни в коем случае «заводчиков» не выдадут. Тогда на втором заседании Земского собора (26 июля) было постановлено пойти на новые уступки. В новых инструкциях Рафаилу обещалось прощение всем псковичам без изъятия и без указания имен «заводчиков». Эти уступки были сделаны правительством потому, что все время шли крайне неутешительные сведения от князя Хованского, уверявшего, что для полной осады Пскова «пехоты надобно тысячь з десять»[3].

Новгородский воевода и митрополит Никон также советовали правительству занять примирительную позицию: «Вотчина твоя государева пустеет»,— открыто писал Никон.

Положение восставших также становилось затруднительным. Блокада нарушила экономическую жизнь Пскова, впереди вырисовывалась угроза прихода «больших государевых воевод» с значительным войском. Все это создавало благоприятные условия для агитации против руководителей восстания, которые в начале августа были заменены ставленниками «лучших» людей. 17 августа делегация Земского собора вместе с Рафаилом приехала в Псков, но переговоры с псковичами затянулись на несколько дней. Особые протесты вызывала статья в крестоцеловальной записи на

---

[1] *С. М. Соловьев.* История России, кн. 2, стб. 1645—1648.
[2] *М. Н. Тихомиров.* Псковское восстание 1650 г., стр. 137.
[3] Там же, стр. 153.

верность царю, которая содержала обвинение псковичей в желании перейти на сторону польского короля. В Пскове попрежнему большим влиянием пользовались сторонники восстания во главе с Гаврилой Демидовым, остававшимся на свободе. 20 августа «после обеда в стрельцах и в посацких и во всяких чинах в людех учинился великий мятеж и в колокол хотели бити, а старост и выборных людей хотели убить»[1]. Но попытка нового восстания не увенчалась успехом. Пушкари и казаки первые пошли к присяге, а за ними пошли посадские люди и стрельцы. К 24 августа 3 тыс. человек было приведено к крестному целованию. Тогда же воеводы и дворяне, сидевшие в заключении, были выпущены на свободу.

Известие об окончании восстания в Пскове было сообщено в Москве на третьем заседании Земского собора (3 октября). После этого, несмотря на обещание полной амнистии, в Пскове началось производство сыска о восстании. В октябре начальные люди восставших псковичей (по официальной терминологии — «заводчики») во главе с Гаврилой Демидовым были взяты под стражу и отосланы в Новгород. Проводы вождей восстания вылились в демонстрацию псковичей: «Многие люди,— писал псковский воевода,— собрались з женами и з детьми и их провожали за город»[2].

Восстание, подавленное в самом Пскове, продолжалось в деревне. В феврале 1651 г. в пригородах и уездах происходили «татьбы и разбой и убивства и смутные всякие затейные воровские слова»[3]. В Гдове, например, дворянин, приехавший для сыска об имуществе, разграбленном во время восстания, наткнулся на неожиданное сопротивление. Посадские люди пришли с топорами и пищалями и хотели убить дворянина. Зима 1650/51 г. прошла в Псковской земле очень тревожно, а крестьянское движение не прекращалось и в более поздние годы.

4

ВОССТАНИЕ В МОСКВЕ В 1662 Г.

В 1662 г. в Москве вспыхнуло восстание, известное под названием «Медного бунта». Это восстание было местным и скоротечным; быстро вспыхнув, восстание так же быстро было и подавлено. Но это не означает, что восстание это было случайным эпизодом в истории классовой борьбы. Напротив, оно было проявлением нарастания общего и глубокого недовольства угнетенных слоев населения и показателем приближения момента широкого народного антифеодального движения.

Восстание в Москве в 1662 г. было вызвано введением медных денег, расстроившим весь торговый оборот и поставившим в тяжелое положение прежде всего низшие слои посадского населения. Введение медных денег

[1] *М. Н. Тихомиров*. Псковское восстание 1650 г., стр. 162.
[2] Там же, стр. 173.
[3] Там же, стр. 176.

сказалось особенно отрицательно в связи с резким усилением налогового обложения, а также длительными недородами, которые привели к значительному повышению хлебных цен[1].

Правительство в поисках выхода из финансовых затруднений прибегло к обычному средству — усилило фискальный гнет. Было отдано распоряжение о строжайшем взыскании недоимок за прошлые годы. На 1662 г. было указано собрать стрелецкий хлеб в натуре. Кроме того, в этом же году был назначен сбор пятой деньги. Если учесть значительный хлебный недород, то можно себе представить положение основных плательщиков налогов — «середних» и «молодших» посадских людей, крестьянства и нерусских народностей, плативших ясак. Понятно, что со стороны этих слоев населения в первую очередь и начались в разнообразных формах протесты.

Верхние слои торговых людей — гости и гостиной и суконной сотен торговые люди — сравнительно легко переносили хозяйственные затруднения. Спекулируя на разнице хлебных цен, скупая за бесценок сибирскую пушнину и торгуя с иностранцами на серебро и золото или выменивая привозившиеся из-за границы товары, они за небольшими исключениями избежали разорения. Представители московских черных сотен и слобод в сказке, поданной в январе 1662 г., указывали, что в период всеобщего оскудения «обогатели и домами пополнились» те люди, которые промышляют поташом, смольчугом, пенькой и юхотными товарами[2], т. е. товарами экспорта.

В ином положении оказались средние и низшие слои посадского населения, мелкие служилые люди и ружники. При ограниченности оборотных средств они не имели возможности сохранить запасы серебряных денег или товаров. Многие из них были связаны по договорам обязательными поставками товара в определенный срок по установленной цене, чего они не могли теперь выполнить. Кроме того, мелкая торговля испытывала общий застой в связи с резким сокращением спроса. На средних слоях торгового населения особенно тяжело отразилась принудительная реквизиция «указных товаров», проведенная в 1662 г.[3]

Городовым стрельцам годовое жалованье, денежное и хлебное, выдавалось обычно два раза в год[4]. Хлебное жалованье было переведено на деньги. Когда началось быстрое повышение хлебных цен, стрельцы настойчиво стали просить о повышении расценки хлебного жалованья в соот-

---

[1] Более подробно о введении медных денег см. главу III, § 7 настоящего издания.

[2] *А. Н. Зерцалов.* О мятежах в г. Москве и в селе Коломенском в 1648, 1662 и 1771 гг.— «Чтения ОИДР», 1890, кн. 3, отд. I, стр. 252.

[3] Указные товары — товары, на которые предъявляли спрос иноземные купцы: поташ, смольчуг, пенька, соболя, сало говяжье и юхотный товар (сапожная кожа русской выделки). На эти товары в феврале 1662 г. была объявлена казенная монополия (ЦГАДА. Приказные дела старых лет, 1662 г., д. 12, лл.28—29; 1661 г., д. 115, лл. 253—254).

[4] 25 сентября и 25 марта.

ветствии с рыночными ценами на хлеб. Правительство принуждено было пойти на уступки и выдавать хлебное жалованье натурой.

Московские полки на театре войны с Польшей в 1661— 1662 гг. голодали; в тылу армии положение также было очень серьезным, особенно в тех городах, где собирались беглые солдаты, стрельцы и даточные люди и подготовлялись новые воинские формирования. В Новгороде брожение среди солдат и стрельцов было настолько значительным, что в 1662 г. для усмирения и сыска беглых туда были направлены из Москвы московские стряпчие, дворяне, жильцы и два приказа стрельцов. В Пскове протопоп Кондрат Козмин, «собрався со многими псковичи, посадскими людьми», не дали повесить олонецкого беглого солдата, отбили его у виселицы и взяли к себе, «а полковника Ягана Трейдена с начальными людьми хотели побить» [1].

В исключительно тяжелом положении оказались стрельцы в дальних северных городах, питавшихся привозным хлебом. Здесь голод продолжался дольше, чем в центральных уездах, и привел по существу к вымиранию местных гарнизонов. В Кольском остроге в конце 1662 г. умерло от голода около 50 стрельцов. Оставшиеся в живых просили хлеба в Кандалакшском монастыре, но игумен выдал им только по осьмине ржи, «а вперед отказали, больше де не дадим, и на деньги не продают». Многочисленные челобитья, посланные в Москву, оставались без результата [2].

Эксплуатация беднейших посадских людей со стороны «лучших» торговых людей в условиях хозяйственной разрухи, вызванной расстройством денежного обращения, принимала еще более тяжелые формы. Происходило обострение противоречий между зажиточными слоями посадского населения, с одной стороны, и мелкими торговыми людьми и ремесленниками — с другой. Наблюдаются многочисленные, хотя и разрозненные, проявления нараставшего возбуждения в стране, охватившего крестьян, мелких и средних посадских людей и частично армию, угрожавшую восстанием. Все эти проявления классовой борьбы готовы были слиться в один общий поток. Взрыв произошел в самой столице, где 25 июля 1662 г. вспыхнуло открытое восстание.

Ночью во многих местах города к воротам и стенам были прибиты «воровские листы» [3]. «Воровские письма» были развешаны на решетках, «на крестцах», т. е. на самых видных местах. Одно письмо было, например, приклеено у церкви, и его читали «многие люди», другое, написанное «на двух столбцах», было приклеено воском к столбу на Лубянке.

Узнав о «письме», толпа двинулась на Лубянку. Когда присланные из Земского приказа дьяк Афанасий Башмаков и дворянин Семен Ларионов взяли «воровское письмо» и направились с ним в приказ, в толпе стали

---

[1] «Акты Московского государства», т. III, СПб., 1901, № 587, стр. 496.

[2] ЦГАДА. Приказные дела старых лет, 1652 г., д. 107, ч. II, лл. 153, 154, 356, 369.

[3] *Г. К. Котошихин.* О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906, стр. 101.

требовать «письмо» обратно. Дьяку кричали: «Вы де то письмо везете к изменникам, а государя на Москве нет, а то де письмо надобно всему миру». Толпа, нагнав Башмакова и Ларионова, грозила побить их камнями, их «изымали за лошадь и за ноги и то письмо отняли» и гнались за ними до Спасских ворот. «Письмо» было затем прочитано с крыльца церкви Феодосия на Лубянке. Читал стрелец Кузьма Нагаев и «кричал в мир, чтоб за то всем стоять». Затем толпа двинулась в Земскому двору, где «письмо» было прочитано тем же стрельцом Кузьмой Нагаевым и неизвестным подьячим.

Повидимому, и в других местах столицы расклеенные «воровские письма» собирали вокруг себя возбужденные группы людей. На Красной площади, где скопилась большая толпа народа, по одному из показаний, «всяких чинов люди учали кричать, что нашли письмо, а написаны в нем изменники». В церквах ударили в набат. В торговых рядах стали выгонять торговцев, сидевших в лавках, «из лавок всех людей выбили, а говорили, кто не пойдет—хотели побивать»[1]. Большая толпа, состоявшая из посадских людей и солдат разных московских полков, двинулась в село Коломенское, где находился царь.

Появление толпы в Коломенском было совершенно неожиданным. Царь в это время в церкви слушал обедню. Пришедшие «потребовали у некоторых бояр и придворных, чтобы те доложили о них царю»[2]. Царь, увидев из церкви направлявшихся к нему «с криком и с шумом» людей и узнав их «злой умысел», велел тем боярам, выдачи которых требовала толпа, спрятаться у царицы и царевен, «а царица в то время, и царевичи, и царевны, запершися, сидели в хоромех в великом страху и в боязни»[3].

При выходе из церкви царя обступили с требованиями «облегчения налогов» и выдачи бояр «на убиение». Посадский человек Лука Житкой подал царю в своей шапке «письмо» с именами изменников, снятое на Лубянке. Находившийся тут же нижегородец Мартьян Жедринский «шумел, чтоб то письмо вычесть перед миром и изменников привесть перед великого государя». Перед царем говорились «непристойные слова»[4].

Царь стал уговаривать толпу «тихим обычаем», просил возвратиться в город, обещал, отслушав обедню, приехать в Москву и «учинить сыск и указ». Говорившие с царем держали его за пуговицы платья и спрашивали: «чему де верить?» Царь клялся богом и «дал им на своем слове руку», а один из говоривших даже бил с царем по рукам[5].

В это время в Москве восставшие громили дворы дворян и торговых людей, имена которых были связаны с денежной реформой, —

---

[1] *К. В. Базилевич.* Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г. М.—Л., 1936, стр. 87, 88.

[2] «Дневник генерала П. Гордона», ч. 2.— «Чтения ОИДР», 1892, кн. 3, отд. III, стр. 23.

[3] *Г. К. Котошихин.* Указ. соч., стр. 102.

[4] *А. Н. Зерцалов.* Указ. соч., стр. 309, 311.

[5] *Г. К. Котошихин.* Указ. соч., стр. 102.

гостя Василия Шорина, одного из богатейших торговых людей, и его компаньона Семена Задорина. Сам Шорин спрятался в Кремле на дворе князя Черкасского. Его сын, юноша 15 лет, пытался скрыться из Москвы в крестьянском платье, но был узнан и схвачен. Его посадили на телегу и с торжеством повезли в Коломенское как свидетеля, что его отец действительно бежал в Польшу с «боярскими листами», под которыми, очевидно, следует понимать тайную переписку бояр с Польшей. Толпа, направлявшаяся в Коломенское, встретила по дороге людей, возвращавшихся в город, и повернула их обратно. Она прибыла к дворцу в тот момент, когда царь садился на лошадь, чтобы ехать в Москву. Несколько успокоившееся возбуждение вспыхнуло с новой силой. Восставшие опять потребовали у царя выдачи бояр и грозили «сердито и невежливо» самому царю: «Будет он добром им тех бояр не отдаст, и они у него учнут имать сами, по своему обычаю»[1].

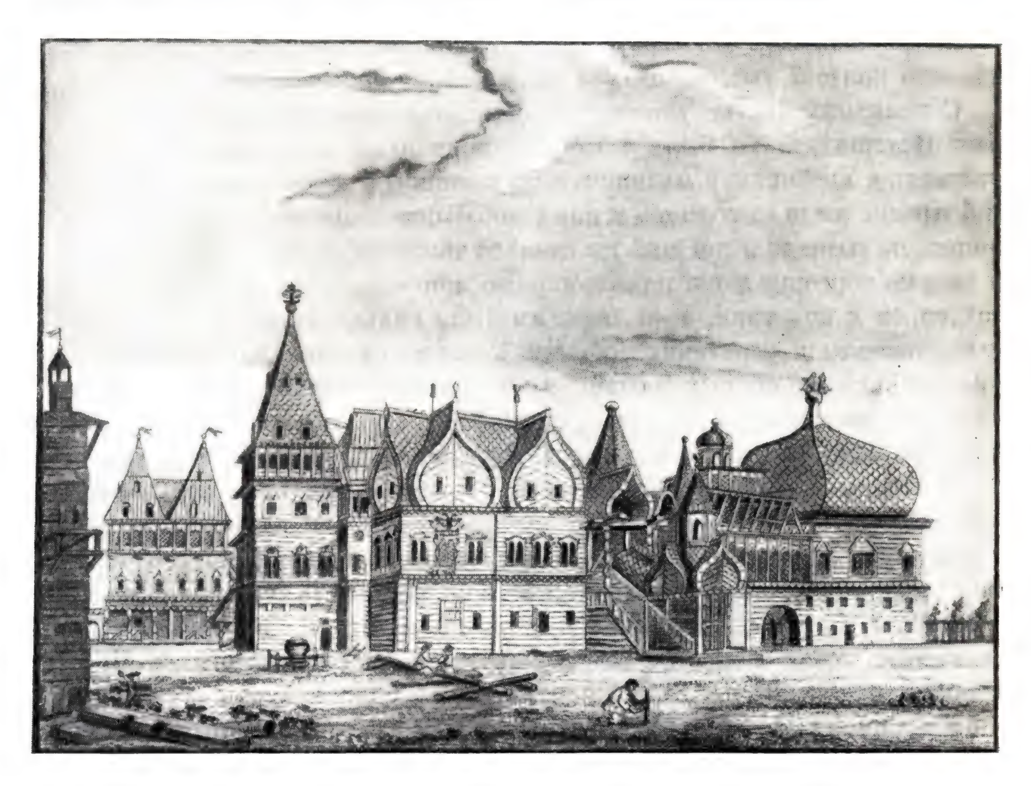
При первом же появлении восставших из дворца был послан приказ двум стрелецким полкам спешно идти в Коломенское, а остальным подавлять восстание в городе. В Москву был послан боярин князь Иван Андреевич Хованский уговаривать восставших, «чтобы они смуты не чинили и домов ничьих не грабили», и обещать, что царь лично приедет в тот же день для производства сыска. Из толпы Хованскому кричали: «Что де ты, Хованской, человек доброй, и службы его к царю против польского короля есть много, и им до него дела нет, но чтоб им царь выдал головою изменников бояр, которых они просят»[2].

Действительно, «воровские листы» обвиняли наиболее влиятельных лиц из состава правительства в измене — «бутто те бояре ссылаются с польским королем, хотят Московское государство погубить и поддать польскому королю». Таким образом, толпа искала в составе правительства виновников военных неудач на фронте. В списке «изменников» значились имена И. Д. и И. М. Милославских, Ф. М. Ртищева и гостя Василия Шорина. И. Д. Милославский и Ф. М. Ртищев принадлежали к кругу лиц, близких к Б. И. Морозову и занявших его место после событий 1648 г., когда ему пришлось отойти от дел. Ртищева и Шорина считали инициаторами денежной реформы.

Обвинение бояр в измене прикрывало собой более глубокие и сложные причины восстания. Уже за несколько месяцев до восстания в Москве ходили слухи об ожидающемся погроме бояр и богатых купцов «за денежное дело». Недовольство средних и низших слоев посадского населения, вызванное быстрым падением ценности медных денег, усиливалось налоговой политикой правительства с начала 1662 г. По словам Гордона, во время переговоров с царем толпа требовала уменьшения налогов. Рейтары шли в Коломенское «бити челом великому государю о своих нуждах и об разорении», «бити челом великому государю о жалованье». По сущест-

---

[1] *Г. К. Котошихин.* Указ. соч., стр. 103.
[2] Там же, стр. 102.

Дворец в селе Коломенском. Гравюра Ф. Гильфердинга, 1768 г.

ву это было повторением, только в иной обстановке и форме, многочисленных челобитий, подававшихся различными частями армии и различными группами служилых людей в течение 1661 и 1662 гг.

Между тем в Коломенское двинулись стрелецкие полки Артамона Матвеева и Семена Полтева, оба полка, по свидетельству Гордона, не в полном составе. Одновременно царь послал в Немецкую слободу князя Юрия Ромодановского с приказом привести в Коломенское всех иноземцев. По рассказу Гордона, «в слободе произошла большая сумятица». Иноземцы «частью верхом, частью пешком отправились все вместе в Коломенское»[1]. Оба стрелецких полка прибыли в Коломенское в тот затруднительный для царя момент, когда восставшие требовали выдачи на расправу бояр. Стрелецкие полки были впущены через задние ворота и вместе с придворными неожиданно напали на толпу. Безоружная толпа была без труда рассеяна; на месте осталось много убитых. Бежавшие попали в узкое пространство между дворцом и рекой, и многие были загнаны в реку.

По словам Котошихина, царь, узнав о прибытии помощи, «закричал и велел стольником, и стряпчим, и дворяном, и жильцом, и стрельцом, и людем боярским, которые при нем были, тех людей бити и рубити до смерти

[1] «Дневник генерала П. Гордона», ч. 2, стр. 24.

и живых ловити»[1]. По сведениям Котошихина, было пересечено и переловлено более 7 тыс. человек и больше 100 человек потонуло в реке.

Социальный состав участников восстания довольно точно устанавливает Котошихин: «А были в том смятении люди торговые, и их дети, и рейтары, и хлебники, и мясники, и пирожники, и деревенские, и гулящие, и боярские люди, а поляков и иных иноземцов, хотя на Москве множество живет, не сыскано в том деле ни единаго человека, кроме руских... А гости и добрые торговые люди к тем вором не пристал ни один человек, еще на тех воров и помогали, и от царя им было похваление»[2]. Непосредственные очевидцы и участники событий 25 июля определяли их как восстание московских черных людей: «у мужиков учинился гиль». Красносельцы Фома Иванов и Савва Прокофьев, наблюдавшие за движением толпы в Коломенское со стороны Потешного двора, предполагали, что идут «черных сотен земские люди и сотские к великому государю для челобитья»[3].

В толпе, пришедшей к царю в Коломенское, как и среди людей, громивших дома торговых людей в Москве, заметную часть составляли рейтары и солдаты. Среди захваченных участников восстания встречаются представители почти всех полков нового строя, расположенных в Москве, а также кадомские и свияжские татары из полков, стоявших таборами в окрестностях Москвы. Активная роль в выступлении некоторых рейтарских полков не вызывает никаких сомнений. Больше других оказался замешанным в выступлении солдатский полк Аггея Шепелева. Попытка собрать весь полк после известия о начале восстания не увенчалась успехом: часть солдат еще раньше примкнула к восставшим. Увидев непослушание солдат, группа «начальных людей» в составе восьми капитанов и поручиков бросилась в Коломенское, чтобы известить о случившемся дядю царя С. Л. Стрешнева. Стрешнев послал их уговаривать солдат, стоявших у дворца, разойтись, но «солдаты их не послушали, от государева двора прочь не пошли». Несколько позже за боярином и начальными людьми «солдаты и всяких чинов люди бунтовщики учали гонять с палками»[4].

Получив 25 июля первое сообщение об аресте участников разграбления дворов Василия Шорина и Семена Задорина, царь прислал в Москву думного дворянина И. А. Прончищева, который сообщил управлявшему в отсутствие царя столицей князю А. Н. Трубецкому устный указ повесить «из этих воров» 10 или 20 человек. В тот же день приказ был исполнен. На следующий день, повидимому в связи с получением новых, более подробных донесений о захваченных участниках восстания, царь прислал письменный указ, в котором подтверждал распоряжение, данное накануне[5].

---

[1] *Г. К. Котошихин.* Указ. соч., стр. 103.

[2] Там же, стр. 104.

[3] Материалы следственного дела об участниках восстания 1662 г.— *А. Н. Зерцалов.* Указ. соч., стр. 243, 297, 300.

[4] *А. Н. Зерцалов.* Указ. соч., стр. 315, 317.

[5] *К. В. Базилевич.* Указ. соч., стр. 100.

В сохранившемся списке повешенных 26 июля значится 18 человек. Казнены были более или менее случайные люди, так как среди них не оказалось ни одного из активных участников восстания, установленных дальнейшим следствием. Смысл этих казней, произведенных с большой поспешностью, заключался в желании правительства устрашить население столицы, находившееся еще под свежим впечатлением только что разыгравшихся событий. Поэтому виселицы были сооружены на людных площадях и на больших дорогах. Котошихин сообщает, что еще 108 человек были повешены вокруг Коломенского, но в материалах следственного дела нет никаких указаний на это. По окончании следствия был повешен еще один человек и казнено различным способом 12 человек, среди которых находились наиболее активные участники восстания, установленные розыском. Общее число сосланных в Астрахань и Сибирь с женами и детьми «на вечное житье» достигало, по официальным данным, 1200 человек.

Восстание 25 июля было подавлено тремя стрелецкими полками — С. Полтева, А. Матвеева и Я. Соловцова, составлявшими нечто вроде гвардии царя. Их роль в ликвидации восстания вызвала сильное раздражение городского населения. Через несколько дней в Москве был арестован трубник Еремей Крюковский, который, показывая на повешенных, говорил, что «те люди погибли от стрельцов». В Казани среди ссыльных участников восстания раздавались угрозы по адресу московских стрельцов, «за то, что они их, бунтовщиков, имали и до смерти их побивали, а бояр побить им и домов разорять и грабить не дали»[1].

Царь Алексей Михайлович щедро одарил усмирителей восстания и впоследствии не раз вспоминал о полках, которые в этот день оказались ему верны[2].

Вслед за подавлением июльского восстания правительство приняло спешные меры к укреплению своего положения: усмирители восстания получили денежные и другие награды; было улучшено общее обеспечение солдатских и стрелецких полков.

В ближайшее время после июльского восстания в Москве настроение было еще тревожное. Шведский агент Эберс писал в 1663 г.: «В Москве общественное настроение дурное, там недовольны новыми налогами... слышится повсеместно ропот»[3].

Подавление восстания 1662 г. не привело к ослаблению классовой борьбы. На первый взгляд, восстание 1662 г. напоминает собой восстание в Москве 1648 г.: те же формы стихийного движения и требования на расправу подозреваемых виновников тяжелого положения народа, те же непосредственные обращения восставших к самому царю. Однако имеются и существенные отличия. В 1662 г. восстают «середние» и «молодшие» тяглые люди;

---

[1] *К. В. Базилевич.* Указ. соч., стр. 105—106.

[2] *А. И. Заозерский.* Царская вотчина XVII в. М., 1937, стр. 304.

[3] *Г. В. Форстен.* Сношения Швеции и России во второй половине XVII в.— ЖМНП, 1898, № 6, стр. 317.

«лучшие» и «добрые» торговые люди ни в какой форме не принимают участия в восстании; отчасти примыкают к восстанию солдаты; стрелецкие полки выступают в качестве полицейской силы, подавляющей восстание. Никакого участия в восстании не принимают дворяне и дети боярские. Восстание 1662 г.— новое проявление более четкого размежевания эксплуатируемых слоев от эксплуататорских. Это размежевание одинаково происходило как в городе, так и в деревне. В деревне неуклонно росло и развивалось движение крестьянства, переходя от пассивных форм антифеодальной борьбы к активным. На окраинах накапливались готовые к восстанию силы, увеличивалось численно казачество. Восстание 1662 г. следует рассматривать как предвестие приближавшейся бури.

5

ДОНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО

Очагом постоянного социального брожения в XVII в. был «вольный Дон», куда стекались беглые крестьяне, холопы, мелкие посадские люди, всегда готовые восстать против крепостнической эксплуатации и гнета феодального государства.

Наплыв на Дон беглецов из внутренних уездов государства особенно увеличивался в годы обострения классовой борьбы.

В XVI в. донские казаки не представляли собой организованного целого. «Войском Донским» они стали называться позднее, уже после событий крестьянской войны начала XVII в. и польско-шведской интервенции. До этого донские казаки были организованы в отдельные более или менее значительные отряды, самостоятельно действовавшие под руководством своих атаманов в низовьях Дона и Северного Донца, а также на Волге. Об этом свидетельствует одна из попыток правительства царя Федора Ивановича в 1584 г. учесть их количество. Обращаясь к казакам с очередной просьбой «не чинить задору» с Азовом и Крымом, а также об охране ехавшего в Константинополь посла, правительство одновременно предлагало прислать «имяна» низовых атаманов «от Азова до Роздоров», «хто имянем атаман, и сколько с которым атаманом казаков останетца»[1]. Обещая на основании этой «переписи» прислать казакам жалованье, правительство, несомненно, пыталось выяснить число казаков в целях принятия мер против их действий в Поволжье. Вопрос о переписи казаков не раз остро вставал перед правительством и в XVII в., но не был разрешен.

Нападения казаков на Азов, на побережья Азовского и Черного морей, выходы на Волгу и далее в Каспийское море вызывали упорные стремления правительства подчинить их себе и использовать не только в военных целях, но и в интересах дипломатических и торговых сношений с Турцией, Крымом и Персией. Правительство старалось согласовать действия каза-

[1] СГГиД, ч. II, М., 1819, № 52, стр. 86—87.

ков со своими внешнеполитическими планами. Уговаривая казаков «не задирать» Азов и Крым, правительство вместе с тем предлагало казакам бороться с татарскими набегами на Русь[1]. Однако такого согласования не выходило, и внушаемые правительством в XVI в. (да и в XVII тоже) задачи по существу «оборонной» службы постоянно нарушались если не всеми, то отдельными группами казаков. Особенно опасалось правительство столкновений казаков с Азовом, когда отправляло посольства в Турцию. Извещая о таком посольстве на Дон, оно обычно писало: «Будет ныне вы с азовцы не в миру, или будет ходили войною, и вы б одноличнo с азовцы помирились.., чтоб в том меж нас и турского салтана ссоры и делу нашему порухи и послом нашим задержанья не было»[2]. Правительство привлекало казаков к охране посольств, а иногда и торговых караванов, шедших Доном и Волгой. Кроме того, правительство возлагало на казаков выполнение некоторых военных обязанностей: несение сторожевой службы на шляхах и перевозах и т. д.

В 1570, 1571, 1584, 1592 гг. правительство обращалось к казакам с предложением «службы великому государю», обещая за нее жалованье — селитру и свинец, а также деньги в виде «выкупа» за освобожденных пленников. Донские казаки обычно соглашались на эту «службу», но постоянно нарушали свои обязательства, часто ставя в затруднительное положение царских дипломатов, которым приходилось отговариваться тем, что «на Дону живут воры, беглые люди без государева ведома», и что правительство не в силах повлиять на них. Весьма напряженная внутренняя обстановка в государстве — массовое бегство на Дон крестьян и холопов и участившиеся грабежи на Волге (в частности, персидских торговых караванов) вынудили правительство Бориса Годунова усилить карательные мероприятия против донских казаков. На это же толкали постоянные «задоры» донцов с Азовом, нарушавшие нормальный ход русской внешней политики. При Борисе Годунове казаки подвергались жестоким репрессиям. Казаки были лишены даже возможности «к родимцом своим притти и купити и продать» что-либо не только в Москве, но и в ближайших украинных городах[3]. Как и раньше при Иване IV, репрессии эти не имели успеха, но они, несомненно, должны были до крайности озлобить казаков, впоследствии присоединившихся к войскам Лжедмитрия I, против Годунова.

Активное участие донских казаков в крестьянской войне начала XVII в. и в борьбе против интервенции имело весьма большое значение в дальнейшей их судьбе. Годы царствования первого Романова были периодом расцвета донского казачества. Численность казаков увеличивалась, выдвигались крупные атаманы (Смага Чертенский и Епиха Радилов), ускорялся процесс организационного оформления казачества. К концу

[1] СГГиД, ч. II, № 52, стр. 86—87.
[2] «Донские дела», кн. 1.— РИБ, т. 18, СПб., 1898, стб. 283—284.
[3] Там же, стб. 248—249.

первой четверти XVII в. процесс этот завершился организацией «Войска Донского», которое без коренных изменений существовало в течение всего столетия.

Внутренний строй казачества складывался следующим образом. Высшей властью был «войсковой круг». Объем вопросов, подлежавших его обсуждению и решению, был широк. Тут были и вопросы мира и войны, суда и новых законов, обязательных для «всей реки», дележ государева жалованья и «зипунов», т. е. военной добычи, полученной в набегах, выслушивание царских грамот и отписок воевод, выборы «станицы» (посольства) в Москву, прием новых казаков и постройка новых городков, выборы атаманов (войскового и походного) и т. д. В суждениях «круга» по тем или иным вопросам важное, очень часто решающее, значение имело мнение старых казаков, главным образом бывших атаманов или так называемой «старшины». Исполнительная власть в Войске принадлежала войсковому атаману. У него были помощники — есаулы (двое) и войсковой дьяк (заведующий канцелярией). «Столицей» Войска Донского последовательно были: городок Роздоры (до 1622 г.), Монастырский городок (до 1637 г.), Азов (до 1642 г.), снова Роздоры (до 1644 г.) и, наконец, Черкасск. В рядовых казачьих городках собирались местные «круги». Во главе городков стояли атаманы и есаулы, избираемые обычно на год. Для походов избирались походные атаманы. Власть атамана во время походов была неограниченной: «куда ты глазом кинешь, туда мы кинем головы»,— говорили казаки атаману в походе.

«Право внешних сношений» Войска и «право убежища» («с Дону выдачи не бывает») являлись предметом постоянных столкновений между Доном и русским правительством и делали его как бы отдельным государством, вся связь с которым осуществлялась через Посольский приказ (с 1614 г., до этого через Разрядный)[1].

Правительство царя Михаила, многим обязанное казакам, в своих обращениях к ним называло их «Великим Войском». Оно восстановило мирные отношения с казаками, пытаясь заставить их следовать своим внешнеполитическим планам. Казаки почти ежегодно получали жалованье, и не только деньгами, но и ценными для них хлебом, сукном, боевыми припасами. В 1615 г. казакам была пожалована важная привилегия — свободно и беспошлинно торговать в южных городах всеми товарами. Всякие гонения на казаков, столь суровые при Борисе Годунове, прекратились.

В первой половине XVII в. казаки громили берега Крыма, Анатолии, Румелии, всюду овладевая огромной добычей, особенно «ясырем» (пленными). Так же как и во второй половине XVI в., грамоты правительства Войску Донскому наполнены упреками казакам за нарушение обещаний, теперь

[1] *С. И. Тхоржевский.* Донское войско в первой половине XVII в.—Сб. «Русское прошлое», № 3, Пг., 1923, стр. 12—19; *В. Г. Дружинин.* Раскол на Дону в конце XVII в. СПб., 1889, стр. 1—35.

уже скрепленных клятвой казаков в Успенском соборе в Москве (29 апреля 1613 г.), и угрозами репрессий за повторение этих нарушений. В 1616 г., готовясь к войне с Речью Посполитой, правительство было чрезвычайно заинтересовано в привлечении на свою сторону Турции. Между тем казаки все время чинили «поиски» по направлению к Азову или, совместно с запорожцами, к Крыму и Турции. Турецкое правительство решило, наконец, закрыть выход в море из Дона, построив на его протоках башни и засыпав рукава камнями. Особенно важно было для русского правительства удержать донских казаков от нападений на Азов и Крым во время подготовки к Смоленской войне с Польшей, потому что оно рассчитывало либо на союз, либо на нейтралитет Крыма и Турции в течение этой войны[1]. В 1629 г., когда казаки сожгли город Карасу-базар, патриарх Филарет пытался подействовать на них даже церковным авторитетом, называя казаков «злодеями, врагами креста Христова»[2].

Конфликт между русским правительством и казачеством достиг наибольшей остроты в начале 30-х годов. В 1630 г. правительство потребовало от казаков немедленного похода на помощь турецкому паше, стоявшему под Очаковом, так как предполагалось начало совместных с турками действий против Польши. Казаки решительно отказали: казаки де «турским Мурат-салтанам» никогда «не служивали», и продолжали свои морские походы. Правительство ответило на это репрессивными мерами. Атаман Наум Васильев и с ним 70 казаков, приехавшие в Москву с войсковыми отписками, были арестованы, разосланы по городам, а их имущество конфисковано. На Дон была послана царская грамота с опалой «без милости и без пощады», а от патриарха — «с вечным запрещением и отлученьем» за походы на море и крымские улусы. В ответ на это казаки убили присланного на Дон воеводу Карамышева. Русское правительство усилило репрессии, лишив казаков права беспошлинного торга в южных городах и права свободного туда въезда. Посылка жалованья была прекращена. Эти меры до некоторой степени достигли цели: временно «своеволие» казаков было сломлено. Казаки прекратили свои морские походы и приняли участие в Смоленской войне. В 1634— 1636 гг. правительство использовало казаков в борьбе с ногайскими ордами, причинявшими много вреда своими набегами и теперь стремившимися объединиться с Крымом. Казаки нанесли ногаям ряд сильнейших поражений[3].

В 1637 г., ставя правительство перед угрозой разрыва отношений с Крымом и Турцией, казаки убили турецкого посла Фому Кантакузина, уличив его в шпионских сообщениях об их военных приготовлениях, и вслед за тем захватили Азов. «Пошли мы, холопи твои, переговоря меж собой, под Азов, потому, государь,— объясняли казаки причины похода,— что они, азовские люди, на нас, холопей твоих, умышляли, крымскому царю писали

---

[1] *А. А. Новосельский.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.—Л., 1948, стр. 167 и сл.

[2] «Донские дела», кн. 1.—РИБ, т. 18, стб. 310—312.

[3] *А. А. Новосельский.* Указ. соч., стр. 216—217, 237—241.

для рати, чтобы нас, холопей твоих, с Дону перевесть, а Дон реку очистить». И вот, «не дожидая на себя их бусурманского прихода», казаки и пошли на Азов весной 1637 г. Во взятии Азова участвовало почти все донское казачество под лозунгом «идти, посечь бусурман, взять город и уничтожить мусульманскую веру». 18 июня был произведен, с помощью подкопа, окончательный приступ. Крепость была взята, и казаки, как они сообщали в Москву, «ни одного человека азовского на степи и на море не упустили, всех порубили». В течение нескольких лет они владели этой сильной крепостью, являясь хозяевами положения на Азовском море. В Азов к казакам приезжали торговые люди из Кафы, Астрахани, с Кавказа, из Персии. Шла бойкая торговля дорогими товарами и ясырем. Так продолжалось до 1642 г., когда казаки уже не могли более сдерживать напор огромных турецких войск. По указу русского правительства, не желавшего начинать войны с Турцией, казаки очистили Азов[1].

Азовская операция донских казаков была самым крупным проявлением силы Войска Донского, но она же привела и к тяжелым для них последствиям.

Переход Азова в руки турок и усиление его укреплений чрезвычайно затруднили казакам выход в море. Казаки почти лишились возможности осуществлять морские походы. Кроме того, азовская операция и самим казакам и правительству показала зависимость Дона от Москвы в серьезных военных предприятиях. Эта зависимость сказывалась как в отношении военной силы, так и в снабжении казаков оружием и продовольствием, так как Дон питался привозным хлебом. С тех пор угроза голодом стала одним из средств воздействия русского правительства на Войско Донское.

Исключительное положение Войска Донского в царствование Михаила Федоровича, когда, по выражению казаков, «все земли нашему казачьему житью завидовали», сопровождалось значительным развитием его торговли и промыслов. В связи с этим ускорился и процесс расслоения среди казачества. К половине XVII в. донское казачество уже резко делилось на «низовое», или «домовитое», казачество и «верховое», голутвенное, или «голытьбу». «Домовитое» казачество, сосредоточенное в Черкасске (центре Войска Донского) и в близлежавших к нему городках, довольно быстро теряло свою подвижность, переходя к оседлому образу жизни. Постепенно его основным занятием сделались торговля, ростовщичество и промысловое хозяйство. Торговля и торговые связи «домовитого» казачества были значительны. Дон был оживленной торговой дорогой, связывавшей область Войска Донского с Русским государством[2].

Донское войско постоянно пополнялось большим притоком пришлых людей — служилых людей по прибору, посадских людей и крестьян.

[1] *А. А. Новосельский.* Указ. соч., стр. 256—262, 286, 288, 310, 311; ЦГАДА. Турецкие дела, д. № 1, 1637 г., лл. 117, стр. 301—303.

[2] *А. А. Новосельский.* Из истории донской торговли в XVII в.— «Исторические записки», № 26, стр. 198 и сл.

Проработав некоторое время на Дону по найму в качестве косарей, плотников, рыболовов, ремесленников разных специальностей у «домовитых» казаков, они на заработанные деньги обычно покупали лошадей и возвращались домой. Нередко они принимали участие в походах казацкой верхушки «за зипунами», получая для этого ссуду, а затем известную долю добычи[1].

В целях получения больших барышей «домовитые» казаки часто прибегали к своеобразному способу эксплуатации «голытьбы», верховых казаков. Они давали им снаряжение и отправляли в военные походы. Добыча делилась затем «исполу», фактически же едва ли не бо́льшая часть ее переходила к «домовитым». Из среды «домовитого» казачества избиралась войсковая власть на Дону — атаманы и есаулы. Совет при атамане («старшина»), игравший большую роль в заседаниях «войскового круга», также составлялся главным образом из зажиточных казаков. В политическом отношении «домовитые» казаки, особенно во второй половине XVII в., все более и более превращались в агентуру русского правительства. Учитывая значение и силу «домовитых» низовых казаков, правительство старалось всемерно использовать их в своих внешнеполитических интересах и в целях борьбы с «голытьбой».

«Голытьба» составляла главную массу населения городков, расположенных в верховьях Дона, по Северному Донцу, Хопру, Медведице и Бузулуку. Количество верховых городков увеличивается к концу XVII в. с 52 в 1671—1672 гг. до 125. Впрочем, приведенные цифры лишь отчасти характеризуют рост казачьих городков. Войско Донское никогда не сообщало о них точных данных. Пополнялось верховое казачество, как раньше низовое, притоком беглых из Русского государства, притоком, который особенно усилился в 50—60-х годах XVII в. и продолжался до начала XVIII в., то спадая, то вновь поднимаясь. Все новые и новые массы эксплуатируемого населения из центральных областей государства и из Поволжья скрывались в лесистых верховьях Дона[2].

Между Русским государством и «низовым войском» существовали в XVII в. оживленные сношения. По Дону, Северному Донцу, а также по сухопутным дорогам было разрешено сообщение с казачьим войском. Кроме торговых людей, которые вели с Доном довольно крупную торговлю, был разрешен выезд на Дон из южных уездов служилых людей «приборных чинов», а также тяглых и вольных людей. Временами на Дону скапливалось много пришлого из южных городов и уездов люда. Войско Донское нуждалось в постоянном подкреплении своих сил вольными и охочими людьми, приходившими с севера. Без такого подкрепления живой силой военная активность казачества никогда не приобрела бы значительного размаха. В 1623 г. в захвате и ограблении турецких судов принимали участие даже «торговые люди» южных городов. Пришлые люди составляли

---

[1] *А. А. Новосельский.* Из истории донской торговли в XVII в., стр. 206—208.
[2] *В. Г. Дружинин.* Указ. соч., стр. 14—20.

существенную часть казачьего войска, захватившего в 1637 г. Азов. Они же участвовали в обороне Азова от турок в 1641 г. Нуждаясь в помощи пришлых людей, казаки иногда задерживали их и не отпускали на Русь[1]. Наконец, само правительство временами было озабочено численным увеличением казачества, имея в виду использование его в борьбе с татарами и турками; так, например, было в 1646 г., когда значительная часть вольницы, набранной для похода на Дон против ногайских татар и Крыма, была задержана там и отдана в распоряжение казачьего войска[2].

В своей борьбе с Крымом и Турцией донские казаки постоянно выступали вместе с украинским казачеством. Донские отряды принимали участие в освободительной войне украинского народа 1648—1654 гг.

Усиление Войска Донского противоречило централизаторским стремлениям русского правительства; с середины XVII в. оно начало упорную борьбу с независимостью «вольного» Дона. Послы с государевыми грамотами перестали ходить в «круг», как бывало прежде, а приглашали казаков самих приходить для выслушивания грамот в посольский стан. Казаки энергично противились такому «приглашению». Так, в 1646 г., когда дворянин Ждан Кондырев, прибывший на Дон с вспомогательным отрядом, звал к себе на стан атаманов и казаков, те, напротив, требовали, чтобы сам Кондырев явился к ним в «круг»:

«А Войску де Донскому,— заявляли присланные за Кондыревым есаулы,— к вам в стан не хаживать, и наперед до сего того не бывало..., что вы упрямитесь и затеваете собою, и государевым делом не радеете и в круг нейдете и тем Войско бесчестите»[3]. Казаки угрожали разрывом отношений с русским правительством и отказом принимать «государеву казну и запасы». Но был упорен и Кондырев и в «круг» не шел. Встреча состоялась, но не на стану и не в «кругу», а у часовни.

Однако правительство, пользуясь расслоением казачества, все же заставляло Войско Донское исполнять свои требования. Правительству удавалось путем подачек часто превращать «домовитых» казаков в послушных карателей отрядов «голытьбы», «гулявших» на Волге. Именно «низовые» казаки в 1659 г. по требованию правительства уничтожили «воровской» городок Ригу (или Рыгин городок) у р. Иловли. Наиболее ярким успехом царской политики была выдача «домовитыми» казаками в 1671 г. Степана Разина. Выдача Разина была условием разрешения правительством свободного торгового движения по Дону, чрезвычайно выгодного для «домовитого» казачества.

Поражение восстания Разина дало возможность царскому правительству, опиравшемуся на «домовитое» казачество, совершить и еще один важный акт — привести донских казаков к присяге на верность царю.

---

[1] *А. А. Новосельский.* Из истории донской торговли в XVII в., стр. 206—208.

[2] *А. А. Новосельский.* Борьба Московского государства с татарами, стр. 373 и сл.

[3] «Донские дела», кн. 3.— РИБ, т. 26, СПб., 1909, стб. 52—53.

В августе 1671 г. стольник Косагов с помощью низовых казаков выполнил возложенное на него поручение. С каждым новым царствованием присяга казаков русскому правительству должна была возобновляться.

Подчинение донского казачества власти русского правительства не было результатом только насильственных правительственных мер. В течение XVII в. Область Войска Донского связывалась все более и более тесными хозяйственными связями с Русским государством. На почве донской торговли росли посады в южных городах, и слагались значительные капиталы. Не менее важна была связь с внутренними областями Русского государства и для низового войска, в особенности для его руководящей верхушки — «домовитого» казачества, извлекавшего значительные выгоды из этих сношений. Само казачество перестраивалось и расслаивалось под действием этого экономического фактора. Словом, Область Войска Донского начинала входить как составная часть в образующийся единый всероссийский рынок. Чем теснее становились эти связи, тем все более приближался момент утраты Войском Донским его самостоятельности[1].

6

ЯИЦКОЕ КАЗАЧЕСТВО

Первые известия о казаках на Волге сохранились в дипломатической переписке ногайских князей с русским правительством 60—80-х годов XVI в. о нападениях казаков на ногайские улусы, ногайских послов и торговых людей на Волге. Казачьи разбои мешали и торговым сношениям по Волге и Каспийскому морю с Персией[2]. Правительство приняло энергичные меры против волжских казаков, которые должны были искать себе пристанища в новых местах. Часть ушла с Ермаком в Сибирь, часть поселилась на Яике (Урале).

Около 1580 г. казаки напали на столицу ногайской орды Сарайчик, расположенную верстах в 70 от устья Яика[3]. В начале 1580-х годов большие казачьи отряды доходили в поисках добычи и до Эмбы — «за Яиком днища с три воевали по реку по Емь»[4]. Тогда же на Яике появились и казачьи «городки». Один из них — на острове Кош-Яик, против впадения в Яик р. Илек, построенный около 1585 г. отрядом в 600—700 казаков, был особенно хорошо укреплен. «Книга Большому Чертежу»

[1] *А. А. Новосельский.* Из истории донской торговли в XVII в.— «Исторические записки», № 26, стр. 215—216.

[2] «Английские путешественники в Московском государстве в XVI в.», Л., 1937, стр. 253—254.

[3] *А. Б. Карпов.* Уральцы. Истор. очерк, ч. 1. Яицкое войско (1550—1725). Уральск, 1911, стр. 51. В приложениях напечатаны выдержки из Ногайских дел Посольского приказа.

[4] Там же, стр. 855.

отметила эту крепость под названием «Казачьего города» на Кош-Яике[1]. В первые десятилетия XVII в. город был перенесен на место будущего Уральска, на мыс, образованный впадением в Яик р. Чагана, где были устроены деревянный острог и земляной вал, защищавшие казачьи курени[2]. Недалеко от крепости в XVII в. существовали еще один-два постоянных казачьих городка. Ниже по течению реки и на островах Каспийского моря городки возникали лишь временно как стоянки казаков, так как до первых десятилетий XVII в. в яицких степях кочевали ногайские улусы; в начале XVII в. около Яика появились передовые отряды калмыков, а в 1630-х годах сильные калмыцкие орды, вытеснив ногайцев, заняли кочевья между Яиком и Волгой; севернее были расположены поселения и кочевья башкир; позже к Яику подошли казахи и кара-калпаки. Казачьи городки были под постоянной угрозой нападения со стороны кочевников[3].

Записанные еще в XVIII в. предания яицких казаков говорят о приходе яицкого казачества с Дона[4]. Однако документальные данные убеждают в том, что бо́льшая часть обосновавшихся на Яике казаков пришла не с Дона, а из великорусских областей, особенно лежащих на Волге. В 1632 г. на Яик был послан из Москвы сын боярский Богдан Змеев, чтобы уговорить казаков бросить «воровство» и идти в поход к Смоленску. Списки приведенных им яицких казаков, записавшихся на службу на Яике и на море и приставших по пути, включают 950 человек; большинство из них было выходцами из центральных и поволжских уездов[5]. По социальному происхождению большинство яицких казаков — бывшие беглые крестьяне. Беглых с Яика не выдавали. Когда в 1688 г. казанский митрополит Адриан потребовал высылки с Яика раскольников, «все Яицкое войско» ответило ему категорическим отказом: «В прошлых годех от нас, Яицкого войска, никаким беглым людем отдачи не бывало; на поле к себе беглых людей не призываем, а с поля не ссылаем»[6]. В состав Яицкого, как и Донского, войска принимали и нерусских людей.

Начавшееся во второй половине XVII в. гонение на раскольников способствовало усилению бегства на Яик.

Благодаря налаженным путям сообщения от Яика к Волге ушедшие на Яик беглецы могли поддерживать связи с оставшейся на прежних местах

---

[1] «Книга Большому Чертежу». Подготовка к печати и редакция К. Н. Сербиной. М.—Л., 1950, стр. 93.

[2] *А. Б. Карпов.* Указ. соч., стр. 124, 870 и прилож. XI, «Вопросные и ответные пункты опроса яицких казаков... в 1720 г.».

[3] Правительственный отряд, преследовавший в 1614 г. Заруцкого и Марину Мнишек, ехал по Яику 14 суток, не встретив казачьих поселений.(АИ, т. III,СПб.,1841,№ 32, стр. 32); *Н. Н. Пальмов.* Этюды по истории приволжских калмыков XVII и XVIII века, ч. 1, Астрахань, 1926, стр. 1—8, 26; *А. Б. Карпов.* Указ. соч., стр. 863—864.

[4] *П. И. Рычков.* Топография Оренбургская, ч. II, СПб., 1762, стр. 62—63, 79; *А. Б. Карпов.* Указ. соч., стр. 39—45, 61, прилож. XI.

[5] *А. Б. Карпов.* Указ. соч., стр. 55—57 и прилож. I.

[6] Там же, стр. 352.

родней[1]. Постоянны были и сношения донского казачества с Яиком. Не порывая связей с Доном, станицы донских казаков часто появлялись на Яике, чтобы уйти оттуда на «промыслы» на море или на Волгу. Эти предприятия нередко объединяли в одном отряде донских и яицких казаков[2]. Особенно часто стали заезжать казаки с Дона на Яик с 40-х годов XVII в., когда потеря донскими казаками Азова затруднила их походы «за зипунами» на Черное море[3].

У яицкого казачества существовали и организационные связи с донским. Яицкие казаки ссылались с Донским войском о «всяких делах»[4]. Корни такого рода отношений уводят к началу XVII в. В 1614 г., принимая меры против бежавших в Астрахань Заруцкого и Марины Мнишек, правительство обратилось на Дон с наказом написать «к своей братье, к атаманом и казакам к волским и к терским и к яицким» и уговаривать их не приставать к Заруцкому, а прислать представителей в Москву. С Дона и были посланы грамоты на Яик[5].

Внутренний строй яицкого казачества повторял строй донского: действовал войсковой круг, выбирались атаманы и есаулы войсковые и походные и т. д.[6]

Земледелия на Яике в XVII в. не существовало. Еще в 1720 г. яицкие казаки показали, что пашенной земли они не имеют, «да и пахать не мочно» — из-за опасности набегов[7]. Для закупки хлеба посылались в Сызрань и Самару вооруженные станицы[8]. Основным занятием яицких казаков было рыболовство. Рыбные богатства Яика («Яикушки — золотого донышка», по словам казачьей песни) уже тогда привлекали казаков, которые старались не допускать до ловли рыбы в Яике калмыков и постоянно разоряли в устье Яика, около возникшего там в 1640-х годах г. Гурьева, устроенные промышленниками учуги. Соль для заготовки рыбы брали из озера в Индерских горах. В 1630-х годах упоминается казачий «Соленый городок», на который напали подошедшие к Яику калмыки[9]. Данные последней четверти XVII в. показывают, что рыба ловилась не только на свой обиход, но в значительном количестве и на продажу. Главным пунктом торговли яицкой рыбой была Самара, где правительство установило

---

[1] «Акты Московского государства», т. I, СПб., 1890, № 317, стр. 336.

[2] «Донские дела», кн. 1.— РИБ, т. 18, стб. 343, 553.

[3] АИ, т. III, СПб., 1841, № 296/II, стр. 478.

[4] *А. Б. Карпов.* Указ. соч., приложение XI и стр. 367.

[5] АИ, т. III, № 12, стр. 12—13; ААЭ, т. III, СПб., 1836, № 21, стр. 29.

[6] АИ, т. III, № 12, стр. 13; «Материалы по истории каракалпаков».— «Труды Ин-та востоковедения АН СССР», т. VII, М.—Л., 1935, стр. 205; *А. Б. Карпов.* Указ. соч., стр. 679.

[7] *А. Б. Карпов.* Указ. соч., прилож. XI.

[8] Там же, стр. 160—161; «Материалы по истории каракалпаков», стр. 163, 166, 177, 186.

[9] «Материалы по истории каракалпаков», стр. 168; *А. Б. Карпов.* Указ. соч., стр. 863—864; *А. Пруссак.* Положение рабочих на рыбных промыслах Астрахани в XVII в.— «Исторический сборник», т. II, Л., 1934, стр. 170—171.

специальный таможенный сбор — десятую рыбу, и где монастыри, купцы и крестьяне из центральных уездов закупали большие партии рыбного товара. По челобитью казаков, в 1684 г. они были освобождены от уплаты «десятой рыбы» — «пожаловали их (казаков), — говорил указ, — десятой рыбы... которую они привезут на Самару, имать не велели»[1].

В XVI и первой половине XVII в. в жизни казаков важную роль играли военные походы. Ближайшими объектами набегов служили кочевые улусы — сначала ногайские, позже калмыцкие, казахские и кара-калпакские. Постоянно нападали на казачьи городки и кочевники. По временам обе стороны договаривались об установлении мирных отношений. Так, в 1636 г. калмыцкий Дайчин-тайша «с яицкими казаками был мирен»; прикочевав с улусами к казачьему городку на Чагане, Дайчин торговал с казаками, «а казаки де покупили у калмыцких людей с три тысячи лошадей»[2].

Богатую добычу яицкие казаки захватывали на внутренних торговых путях — водных и сухопутных, предпринимали и морские походы на побережья Каспийского моря и грабили туркменские, хивинские и персидские владения. По временам предпринимались и далекие сухопутные походы. Так, в начале XVII в. яицкий отряд атамана Нечая захватил и ограбил Ургенч[3].

Казачьи набеги не только нарушали торговые сношения Русского государства, но часто приводили к дипломатическим осложнениям с юго-восточными соседями.

* * *

Как и в отношении Дона, политика царского правительства на Яике была двойственной. Москва не только не предпринимала попыток свести казаков с Яика, но до конца XVII в. не поднимала и вопроса о выдаче яицким казачеством беглых. Правительству важно было сохранить казаков на Яике как форпост, выдвинувшийся далеко на восток, в занятые кочевниками степи. Яик привлекал по временам внимание правительства и в плане более широких международных отношений на Востоке и на Каспийском море. Правительство старалось использовать яицких казаков как военную силу, но вместе с тем принимало меры к тому, чтобы ослабить казачьи набеги, оградить от них торговые караваны и рыбные промыслы.

В конце 1620-х — начале 1630-х годов казачьи действия на Волге и на море навели на казаков «государеву опалу». Из Астрахани были посланы на Яик царские войска, но казаки разбили правительственный отряд, отняв у него пушки и пушечные запасы. Однако, готовясь к Смоленскому

---

[1] ПСЗ, т. II, № 1077, стр. 622—623.

[2] *А. Б. Карпов.* Указ. соч., стр. 164, 408, 870—871.

[3] «Сборник кн. Хилкова», СПб., 1879, стр. 396; *Абулгази.* Родословное дерево тюрков. Перев. Г. С. Саблукова.— «Известия Об-ва археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те», т. XXII, вып. 6, Казань, 1906, стр. 244—245, 260—261.

походу, правительство решило прекратить конфликт. «Уговаривать» яицких казаков послали сына боярского Богдана Змеева, которому удалось привести «всех казаков» ко кресту «по полной записи» (до того «на Яике козаков ко кресту никто не приваживал») и набрать на службу под Смоленск отряд численностью около тысячи человек[1].

Яицкие казаки принимали участие в военных действиях под Смоленском, особенно отличаясь на приступах и в охоте за «языками». Из-под Смоленска с Михаилом Шеиным вышло их 344 человека. Многие из них остались на службе в южных городах, стали получать годовое жалованье и утратили связь с Яиком[2]. Но одна группа приведенных Змеевым казаков доставила правительству много хлопот, приняв участие в движении Балаша[3].

Наиболее действенной мерой борьбы с казачьими походами было занятие устья Яика, что затруднило бы казакам выход из реки в море. Для этого правительство Михаила Федоровича воспользовалось частной инициативой. В устье Яика находились богатейшие рыбные ловли, привлекавшие крупных рыбопромышленников. Они сдавались казной на откуп. В 1640 г. гость Михайло Гурьев с братьями взялись самостоятельно построить в устье Яика деревянный острог. Казаки, которые в это время были на море, «прокараулили» подготовительные к постройке города меры. С помощью астраханского воеводы город был поставлен, выход в море был закрыт. В первые же годы казаки пытались разорить городок. На Михайлу и Андрея Гурьевых были сделаны покушения. Тогда М. Гурьеву было разрешено, по его челобитью, поставить вместо деревянного каменный город. Разрешительный указ был дан Гурьеву 18 апреля 1645 г. Ему жаловались в безоброчное держание на семь лет яицкий учуг и эмбенские рыболовные воды, что составляло 18 тыс. руб. льготы, под условием постройки крепости «в ширину, и в толщину, и в вышину... против астраханского каменного города».

Постройка, начатая в 1647 г., тянулась несколько лет при постоянном противодействии казаков, которые топили на Волге и на море суда с запасом и не давали заготовлять камень и дрова, необходимые для обжига кирпича. По смете Гурьева, постройка города обошлась ему в 289 942 рубля 4 алтына и 5 денег — сумму, которая показывает, какие колоссальные доходы давал рыбопромышленникам яицкий учуг. Охрану города правительство взяло на себя, посылая в «Яицкий каменный город» (будущий Гурьев) стрелецкого голову и годовальщиков-стрельцов. В 1670-х годах город со всем учужным промыслом был взят в ведение Приказа Большого

[1] «Акты Московского государства», т. II, СПб., 1894, № 429, стр. 266—267; «Донские дела», кн. 1.— РИБ, т. 18, стб. 337—344.

[2] *А. Б. Карпов.* Указ. соч., стр. 170 и сл., главы XI и XII; ААЭ, т. III, № 246, стр. 374—379; «Акты Московского государства», т. I, № 584, стр. 544—545, № 678, стр. 624; т. II, № 199, стр. 128—129, № 237, стр. 148 и др.

[3] О движении Балаша см. главу IV, § 2 настоящего издания.

дворца, так как Михайло Гурьев «одолжал» в годы разинского движения, затронувшего и Яицкий город[1].

Уже вскоре после постройки «Яицкий каменный город» приобрел значение для охраны не только учугов, но и морского судоходства и для развития торговых и дипломатических отношений с Средней Азией. Здесь была учреждена таможня, сюда прикочевывали для мены калмыки[2]. Сношения с Средней Азией, видимо, привлекали и самого Гурьева. Он разведывал пути из Гурьева «к индейским землям богатым», в Бухару и «к китайским городам» и представил чертеж этих путей в приказ Тайных дел[3].

Яицкие и донские казаки не раз пытались взять Яицкий город; несколько раз им это удавалось, в значительной степени потому, что они находили сторонников среди занятых на рыбных учугах работных людей, а иногда и среди стрелецкого гарнизона. В 1667 г. мысль захватить Яицкий город была подана С. Т. Разину «прежней станицы воровских казаков казаком Федькой Сукниным», который жил в самом городе и писал Разину о возможности взять его. Уже после ухода Разина в море посланные на Яик годовальщики-стрельцы взбунтовались, посадили по казацкому обычаю своего голову «в воду» и ушли в море[4]. В 1677 г. Гурьев был взят атаманом Василием Касимовым, в 1698 г. — отрядом «бездомовных» яицких казаков, спустившихся по Яику из «Казачьего города»[5].

Однако у казаков нехватало сил, чтобы прочно завладеть каменным городом в устье Яика. Потеря свободного выхода в море оказала большое влияние на дальнейшую судьбу яицкого казачества. Правительству теперь легче было привлекать казаков на службу. Отряды яицких казаков принимали участие в каждом крупном военном предприятии второй половины XVII в.: и в польской войне, и в чигиринских походах, и в крымских походах князя В. В. Голицына, и в азовских походах Петра. С 50-х годов XVII в. Яицкое войско поддерживало постоянные сношения с правительством. Посылались «вестовые станицы» с сообщениями о положении в степи; в Москву регулярно приезжали «зимовные станицы» с «царским кусом» — подношением от Яицкого войска в виде рыбы, икры и кабанов. С 60-х годов яицкие казаки стали получать ежегодно жалованье сукнами, которое давалось сначала на 260, а к концу века — на 600 человек. Когда сукна были заме-

---

[1] ПСЗ, т. II, № 782, стр. 221—224; АИ, т. IV, СПб., 1842, № 40, стр. 134—136; ЦГАДА. Приказные дела новой разборки, д. 488; *В. Е. Фосс.* Очерки Гурьева городка. — «Сб. стат., истор. и археол. сведений по б. Оренб. и нынешней Уфимск. губ.», Уфа, 1868, стр. 89—110; *С. В. Бахрушин.* Промышленные предприятия русских торговых людей в XVII в.— «Исторические записки», № 8, стр. 122—128; см. также: Научные труды, т. II, стр. 249—255.

[2] АИ, т. V, СПб., 1842, № 210, стр. 361, 362.

[3] ЦГАДА. Приказные дела новой разборки, д. 488; «Опись делам приказа Тайных дел 1713 г.»— «Записки отд. русской и слав. археологии Русск. археол.» об-ва, т. II, СПб., 1861, стр. 23, 26, 28.

[4] АИ, т. IV, № 202/III, стр. 376, 394.

[5] *А. Б. Карпов.* Указ. соч., стр. 388—390.

нены деньгами, общий годовой оклад на 600 человек составил 953 руб., да 103 руб. давалось станице «за приезд для челобитья»[1].

С 80-х годов яицкие казаки перешли из ведомства Посольского приказа в ведомство Приказа Казанского дворца[2]. Это означало потерю яицкими казаками своей самостоятельности. Казакам начали выдавать по фунту свинца и пороха в год на человека (всего на 600 человек); в Яицкий казачий город были посланы пушки. Правительство признавало значение казачества для обороны восточных границ.

Все эти мероприятия были облегчены для Москвы процессом имущественного расслоения яицких казаков. Ход его изучен для Яика значительно слабее, чем для Дона. Повидимому, на Яике расслоение началось позднее, чем среди донского казачества, но к концу XVII в. оно уже обозначилось явственно. Документы различают казаков «домовитых» и «бездомовных». При наборе на службу уже практиковалась в это время так называемая «наемка»: из войсковой казны выплачивались деньги на подъем тем казакам, которые по заявке правительства шли на службу. К «наемке» прибегали обычно «бездомовные» неимущие казаки. Зажиточные казаки и старшины могли нанимать работников для рыбной ловли. Они же скупали «багрения»[3], на которые формально имел право каждый казак.

Процесс расслоения сопровождался резкой борьбой партий и постоянной сменой выборных атаманов. Одним из проявлений классовой борьбы была казнь в 1698 г. по постановлению круга атамана Ивана Белоусова, представителя старшинской партии. Правительство Петра вмешалось во внутреннюю жизнь войска и провело ряд мероприятий, лишивших яицких казаков прежних прав. В 1695 г. на Яик был прислан указ о непринятии беглых. Невыполнение его вызывало репрессии и суровые розыски, которые закончились в 1720-х годах розыском полковника Захарова и произведенной им переписью. Тогда же яицкие казаки были лишены права выбора атаманов, которых стало назначать правительство[4].

7

КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ С. Т. РАЗИНА

Сила сопротивления и активность форм протеста угнетаемых классов нарастала в соответствии с непрерывным усилением феодальной эксплуатации народных масс со стороны феодалов-крепостников и феодального

---

[1] *А. Б. Карпов.* Указ. соч., стр. 381 и сл.

[2] ПСЗ, т. II, № 844, стр. 283—285.

[3] Багрение— зимняя подледная ловля рыбы баграми. Каждый казак имел свой участок багрения.

[4] *А. Б. Карпов.* Указ. соч., стр. 381, и сл.; *А. Рябинин.* Уральское казачье войско, ч. 1, СПб., 1866, стр. 3—60; *К. В. Данилевский и Е. В. Рудницкий.* Урало-Каспийский край. Уральск, 1927, стр. 147—154, 163—164.

государства. В предшествующих разделах было показано, что в течение XVII в., несомненно, происходило усиление эксплуатации крепостного крестьянства феодальными владельцами. Класс крепостников добивался расширения средств для усиления эксплуатации крестьянства. Уложение, смягчив основное противоречие, существовавшее между прослойками класса феодалов, решительно подтвердило незыблемость крепостнического строя и укрепило самодержавие как форму классового господства феодалов.

Чрезвычайно важно, что самодержавная власть взяла на себя обязательство активно охранять «неподвижность крепостного устава» государства; конкретным выражением этой «заботы» государства и его борьбы с нарушениями крепостной зависимости, установленной Уложением, была организация в 50—60-х годах генеральных сысков беглых крестьян. Отступления от постановлений Уложения не нарушали общей линии правительственной политики в отношении крестьянства. Помещики и вотчинники могли в этих новых условиях планомернее усиливать феодальный гнет.

Само правительство, укрепляя государственный аппарат, действовало в том же направлении. Доказан весьма значительный рост в XVII в. налогового обложения, ложившийся своей тяжестью на тяглые слои населения.

После подавления восстания И. И. Болотникова и ликвидации иностранной интервенции крестьянство, обескровленное репрессиями и разоренное, долгое время не имело сил подняться против своих эксплуататоров. Крестьяне протестовали путем усиления побегов. Движение Балаша во время Смоленской войны 1633—1634 гг. было серьезным признаком нарастания недовольства. Народные движения возобновились в форме городских восстаний в середине XVII в. Крепостное крестьянство лишь в отдельных случаях принимало в них участие.

Длительные и тяжелые войны с Польшей и Швецией (1654—1667) в сильнейшей степени ускорили развитие массового крестьянского движения. Увеличены были повинности крестьян, как владельческие, так и государственные. Введение медных денег резко осложнило хозяйственное положение всей страны. Нельзя не учитывать также недородов, имевших место в это время на обширной территории страны.

Крепостное крестьянство реагировало на все эти явления весьма определенно.

С самого начала войны с Польшей резко усилились побеги крестьян. В марте 1655 г. началось массовое бегство холопов служилых людей, находившихся в походах. Правительство ответило на эти побеги суровыми указами, разосланными воеводам по городам, о поимке беглых холопов и казни их через повешение и о расстановке виселиц на перекрестках дорог[1]. Множество фактов свидетельствует, что война вела к ослаблению вотчинной власти, к ослаблению средств внеэкономического давления фео-

---

[1] ЦГАДА. Разряд, Столбцы Приказного стола, № 288, лл. 8, 40, 151, 312—318, 340.

далов на закрепощенное население. Вот несколько примеров. В 1654 г. от брянчанина И. Г. Тухачевского во время его похода с полком князя Ю. А. Долгорукова бежало два крестьянина с семьями; во время похода под Каменец-Подольский и в бытность его под Быховым от него бежали еще три крестьянских семьи и один задворный человек[1].

В 1655 г. от Г. Аргамакова, во время виленского похода, из его рязанского владения, разорив вотчинников двор и завалив колодьем в избе жену и детей владельца, бежали в Воронежский и Усманский уезды три кабальных человека и один крестьянин с семьями[2]. В начале 60-х годов Б. Чевкин жаловался, что разбежавшиеся от него крестьяне возвращаются в поместье и подговаривают к побегу оставшихся за ним крестьян; его жена и дети от тех беглых крестьян «всегда сидят в осаде, что от-ыноверцев»[3]. Крестьяне уходили массами, снимались с места целыми деревнями, вступали в открытую борьбу с владельцами, громили их усадьбы. В 1654 г. от князя Г. Черкасского из села Каргашина (Шацкого уезда) бежало 19 крестьян и один крестьянин из вотчинной деревни Заболотье. Все беглецы поселились на Усмани[4]. В течение 1653 —1660 гг. от И. Сатина из сельца Мордасова (Рязанского уезда) бежало в Тамбовский уезд население 28 крестьянских дворов и девять кабальных людей[5]. В 1655 г. от Д. Сонцова в его отсутствие из его поместной деревни Клемовой бежали с семьями и имуществом 10 крестьян (всего 32 души); жена владельца, очевидно, находясь под угрозой расправы, бежала в г. Зарайск[6]. В 1659 г. от Ф. Хилкова из села Ижевского (Рязанского уезда) бежало население 40 крестьянских дворов, захватив имущество и скот. В том же году беглецы приходили в другую деревню того же владельца и учинили там погром[7]. В 1659 г. от И. Хрущева из деревни Середней (Елецкого уезда) во время татарского набега бежали все до одного крестьяне[8]. В 1658 г. от Д. и Ф. Давыдовых из их поместья, из села Федякина (Рязанского уезда) бежало в Козлов и Тамбов население трех крестьянских дворов. В следующем году крестьяне той же деревни «все без остатка (12 дворов) воровски, собрався скопом и заговором, нарядным умышленным делом в день, со всеми с женами и з детьми, и з животы, кои с собой могли поднять», пошли в Тамбов, Козлов и другие города, где живут «переходя». «Переимать» тех беглых «мочи нашей нет», — писали челобитчики[9]. В 1661 г. группа мещерян-помещиков и вдовы помещиков, убитых на войне, били челом, что крестьяне села Вановья (Верхоценской волости) во главе с старостой А. Ермиловым разгромили их

[1] ЦГАДА. Разряд, Столбцы Приказного стола, № 321, л. 1.
[2] Там же, № 548, л. 143.
[3] Там же, № 321, лл. 179—280.
[4] Там же, лл. 94—97.
[5] Там же, лл. 116—117.
[6] Там же, № 302, л. 361.
[7] Там же, № 305, лл. 314—315.
[8] Там же, № 474, лл. 143—146.
[9] Там же, № 305, л. 431.

поместное село Апушки; 29 июля 1660 г. «скопом и заговором, со всяким ружьем, с луки, и с пищали, и с бердыши, с топорками, и с ослопьями» приезжали они в село Апушки, разорили дворы помещиков, переграбили крестьян, кресты поснимали, с изб верхи поломали, некоторые дворы сожгли, стадо коров и свиней отогнали, кур перебили, ржаное поле сжали, а яровой хлеб потолочили — «приезжали ден по пяти и по шти». От этого погрома все остававшиеся в селе крестьяне разбежались[1]. Побеги крестьян принимали размеры и форму подлинного крестьянского движения. В 1662 г. жильцы Ф. и С. Таптыковы ездили «для своих супостатов, для ради беглых мужиков» в Тамбовский уезд в село Кулики. Их сопровождали пристава, данные им воеводой. Староста села Куликов Т. Никитин, собрав толпу крестьян, бранил помещиков «всякою неподобною бранью», наказную память, по которой должен был производиться сыск беглецов, изорвал, называя ее «воровскою», с угрозами приходил к избе, где остановились помещики: «никак, скать, вам живыми не быть»,— угрожал староста. Он отнял у помещиков сумку с выписями из писцовых книг и людскими кабалами. Ночью пытались зажечь избу, в которой остановились помещики. Староста говорил: «мы де у галышей отбили выписи и кабалы людские»[2].

Следует обратить внимание, что все эти явления обострения классовой борьбы и начавшихся активных выступлений крестьян против владельцев-крепостников происходили на территории, которая вскоре была охвачена восстанием под предводительством С. Т. Разина. С полным основанием эти частные, но очень энергичные выступления крестьянства можно рассматривать в качестве непосредственных предвестников последовавшей затем крестьянской войны.

Правительство организовало с конца 50 и в 60-х годах массовый сыск беглых по окраинам государства. Многие десятки тысяч беглецов были возвращены их владельцам. В течение немногим более одного года в 1664—1665 гг. из одного только Тамбовского уезда было возвращено владельцам более 3200 душ[3]. Еще больше было сыскано беглых крестьян в то же время в Рязанском уезде. Сыщик А. С. Заболоцкий сыскал в этом уезде и возвратил прежним владельцам за 1663—1667 гг. около 8 тыс. беглых крестьян и холопов[4]. Однако массовые сыски не могли прекратить побегов и подавить волнения среди крестьян. Напротив, сыск беглых должен был лишь вызвать еще большее возбуждение, обострить классовую борьбу и толкнуть крестьян к новым и более далеким побегам за пределы досягаемости правительственной власти.

В эти годы происходил особенно усиленный приток беглых в область

---

[1] ЦГАДА. Разряд, Столбцы Приказного стола, № 321, лл. 608—612.

[2] Там же, № 329, л. 84.

[3] *А. А. Новосельский.* Отдаточные книги беглых, как источник для изучения народной колонизации на Руси в XVII в.— «Труды Историко-архивного ин-та», т. II, М., 1946, стр. 144—146.

[4] *И. А. Булыгин.* Беглые крестьяне Рязанского уезда в 60-е годы XVII в.— «Исторические записки», № 43, стр. 132.

Войска Донского, в верховья Дона и его притоков — Хопра, Бузулука, Медведицы и др. Беглые оседали в понизовых городах и уездах, в Среднем и Нижнем Поволжье. Здесь они смешивались с судовыми рабочими, обслуживавшими торговое движение по Волге на участке от Нижнего-Новгорода до Астрахани. Бежавшие в область Донского Войска пополняли собой ряды «голутвенного» казачества верховых городков.

Дон, куда направлялся основной поток беглых в 50—60-х годах XVII в., переживал трудное время. С укреплением турками Азова после 1642 г. для донских казаков почти закрывалась возможность походов на побережья Азовского и Черного морей. Казаки оказывались «взаперти» и лишались важных источников своего существования. Между тем на Дону скоплялись массы «голытьбы» из беднейших слоев казачества и беглецов из Русского государства. Отсутствие достаточных запасов хлеба заставляло всю эту массу голодать. Беглые, лишь недавно покинувшие тяжелые условия крепостничества, принуждены были теперь либо идти в батраки к «домовитым» казакам, либо влачить нищенское существование на вольном Дону.

Создавшейся обстановкой были недовольны и «домовитые» казаки. Закрытие «морского хода» на азовское и черноморское побережье наносило немалый урон и «домовитым» низовым казакам, которые принимали большое и даже, пожалуй, главное участие в организации таких набегов. Для «домовитых» казаков эти экспедиции были важны и в целях отвлечения «голытьбы» от возможных нападений на богатые низовые городки, а также на пограничные с Доном южные уезды. «Домовитая» часть казачества, особенно так называемая старшина, руководящая сила Войска Донского, во второй половине XVII в. была заинтересована в сохранении мирных отношений с русским правительством.

После того как стало «на Черное море проходить не мочно», и «учала от того на Дону быть скудость большая», казацкая голытьба, не без участия зажиточных казаков, пыталась перенести свои набеги на Волгу и на Хвалынское (Каспийское) море. В 50—60-х годах казаки довольно часто появлялись на Волге и на Каспии. Так, в 1650 г. атаман Иван Кондырев с отрядом в 200 человек «воровал» на море, громил и опустошал села и деревни в прибрежных местностях Персии («в Кизыль-башской земле»). В 1659—1660 гг. на Волге у Царицына действовали казаки, обосновавшиеся в «воровском» Рыгином городке («Рига»). В 1661 г. казаки громили на Волге суда московских гостей и т. д. Казачьи отряды слагались из многочисленной «голытьбы» донских верховых казачьих городков и постоянно пополнялись «работными людьми» с ограбленных судов и конвоировавшими их стрельцами. Учащение набегов казаков на Волгу и Каспийское море в 50—60-х годах не могло не вызывать самых серьезных опасений со стороны русского правительства. Если набеги казаков на побережья Азовского и Черного морей, на крымских татар и турок часто шли вразрез с внешнеполитическими расчетами правительства на Ближнем Востоке, то действия казаков на Волге и Каспийском море затрагивали давние торговые сношения Русского государства с Персией, для дальнейшего разви-

тия которых как раз в 60-х годах было даже начато строительство специального каспийского флота.

Еще большей опасностью эти действия казаков грозили самому феодально-крепостническому государству. С Дона и Придонья все время приходили в центр слухи о «шатости» среди «голытьбы», о «невежливых словах и изменничьих речах» по адресу царского правительства, его бояр, воевод и приказных дельцов и о частых случаях неповиновения в верховых казачьих городках «государевым указам». Обострение классовых противоречий между помещиками и крестьянами, с одной стороны, горожанами и крупными торговыми людьми — с другой, нарастание протеста угнетенных народностей — все это приближало момент широкого восстания.

Летом 1666 г. атаман Василий Ус с 500 казаками из верховых казачьих городков неожиданно появился под Воронежем, требуя от местного воеводы разрешения двинуться в Москву якобы на «государеву службу», и затем «пошел с Воронежа самовольством» по направлению к Туле. Тревога охватила местное дворянство. Тульские, дедиловские и орловские помещики жаловались, что по пути казаки подговаривают крестьян и холопов присоединиться к ним, что крестьяне с помощью казаков «деревни их разоряют... и насильство чинят и похваляютца всяким дурном». «От казацкого страху и розоренья» помещики перевезли своих жен и детей в Тулу [1]. Правительство начало сосредоточивать в Туле вооруженные силы. Не дойдя до Тулы 8 верст и постояв некоторое время на берегах р. Упы, казаки, к которым присоединилось много местных крестьян и драгун Белгородского полка, повернули обратно на Дон. Поход Василия Уса от Воронежа до Тулы имел немаловажное агитационное значение: в конце 1666 г. и весной 1667 г. население верховьев Дона увеличилось множеством новых беглецов из южных городов. Кроме того, поход Уса показал, насколько была подготовлена в это время почва для восстания крестьян. Лишь слабостью казацкого ядра отряда, проходившего по территории, где было много укрепленных пунктов, можно объяснить, что его действия не получили тогда большего размаха [2].

* * *

Через четыре года, в 1670 г., разразилась Крестьянская война под предводительством Степана Тимофеевича Разина. Вместе с отрядом Разина вверх по Волге распространялось тогда пламя восстания, которое являлось отражением «...стихийного возмущения угнетённых классов, стихийного восстания крестьянства против феодального гнёта» [3].

---

[1] «Крестьянская война под предводительством Степана Разина», сб. документов, т. I, М., 1954, стр. 35—70.

[2] *Е. В. Чистякова.* Крестьянское движение в Подмосковье и поход Василия Уса.— «Вопросы истории», 1953, № 8, стр. 128—133.

[3] *И. В. Сталин.* Соч., т. 13, стр. 112.

Весной 1667 г. около городка Паншина появился крупный отряд (до 600 человек) «голытьбы» во главе с казаком из Зимовейского городка Степаном Тимофеевичем Разиным.

С. Т. Разин.
Деталь гравюры 1672 г.

С. Т. Разин принадлежал к «домовитовому» казачеству и пользовался большим влиянием в войске. Ему не раз давались ответственные дипломатические и военные поручения. Когда в 1660 г. дьяк Иван Саввич Горохов поехал в качестве русского посла к калмыцким тайшам Дайчину, Мончаку и другим, в состав этого посольства входило несколько представителей от донских казаков, в том числе и С. Т. Разин. В начале 1662 г., как сообщал астраханский воевода князь Г. С. Черкасский, в Астрахань приезжали послы от донских казаков Василий Гладков и Степан Разин для новых переговоров с калмыками об участии последних в борьбе против крымцев. В марте 1663 г. посол от калмыцкого тайши Солом-Сереня батыр Бакши-Шербет Тургенев рассказывал князю Г. С. Черкасскому, что калмыцкие отряды Солом-Сереня участвовали вместе с донскими и запорожскими казаками в бою против крымцев около Молочных Вод. Всего казаков было 500 человек, «а в головщиках де у донских казаков Стенька Разин, донской казак»[1].

Степан Разин дважды ходил на богомолье в Соловецкий монастырь и имел возможность познакомиться с тяжелым положением крестьянства, готового восстать против своих феодальных угнетателей. Он пользовался большим авторитетом среди «голытьбы». По словам видевшего Разина иноземца Я. Стрейса, «это был высокий и степенный мужчина, крепкого сложения, с высокомерным прямым лицом. Он держался скромно, с большой строгостью»[2].

Потерпев несколько раньше неудачу в попытке прорваться в Азовское море для похода на турецкие или крымские владения, Разин, по дошедшим до царицынского воеводы слухам, собирался теперь перенести свои

[1] ЦГАДА. Калмыцкие дела, картон 11, д. 5, 1660 г., лл. 1—163; картон 12, д. 1662 г., л. 50; д. 1663 г., л. 99; «Крестьянская война под предводительством Степана Разина», т. I, стр. 28—31.

[2] *Я. Я. Стрейс.* Три путешествия. М., 1935, стр. 200.

действия на Волгу и далее на Каспийское море. На Дону тогда рассказывали о переписке между Разиным и одним из казаков Яицкого городка Ф. Сукниным, предлагавшим ему взять Яицкий городок, «сесть в том городке, и выходя из того городка, на море и на Волге воровать»[1].

Обосновавшись на окруженных полой водой островах («буграх») между впадавшими в Дон речками Тишиной и Иловлей, отряд Разина в течение апреля и мая увеличился за счет приходивших к нему в немалом количестве изголодавшихся верховых казаков, а также «беглых боярских людей и крестьян» из сел, деревень и городов южной русской окраины. Вооружив собравшуюся около него «голытьбу», снабдив ее порохом и свинцом из захваченных запасов Паншина городка, Разин в мае 1667 г. перебрался на Волгу. В составе его флотилии было не только много мелких судов, но и несколько больших морских стругов. Численность отряда Разина в момент выхода его на Волгу достигала 1000 человек.

Между Саратовом и Царицыном и южнее, к Камышину и Черному Яру, казаки Разина нападали на караваны судов, принадлежавших казне, патриарху и крупным торговым людям, например известному своим богатством гостю Василию Шорину. Казаки грабили суда, убивали сопровождавших их «начальных» людей, а «работные люди» и рядовые стрельцы в большинстве присоединялись к Разину. Тогда же ниже Саратова, не доезжая до «Каравайных гор», Разин напал на судно, на котором везли ссыльных в Астрахань и на Терек. Астраханец Кузьма Кереитов, начальствовавший над судном, рассказывал, что «напали на нево, Кузьму, воровские казаки, атаман Стенька Разин с товарыщи, а с ним воровских казаков сот с семь, и те де воровские казаки ево, Кузьму, пограбили и разорили совсем без остатку. А тех де ссыльных людей, которые посланы с ним, Кузьмою, ис Казани, взяли к себе на струги, и кайдалы на них разбили и пометали в воду, а иные взяли с собою». Присоединение к отряду Разина было добровольным. Казаки говорили «тем ссыльным людем: хто де хочет итти с ними, воровскими казаками, охотою, а неволею де они никово с собою не емлют»[2]. Крестьяне, бывшие на судне Шорина в момент разгрома его казаками Разина, показывали: «А им де и всяким людем и их братье, работником,... дали волю, кто куда хочет»[3]. Разумеется, большинство «ссыльных» присоединилось к Разину и составило в его отряде наиболее враждебно настроенную к привилегированным «чинам» группу: « и те де ссыльные люди всяким людем чинят всякое разоренье, мучат и грабят пуще прямых донских казаков»[4]. Вслед за освобождением ссыльных Разин разбил между Астраханью и Черным Яром отряд стрельцов черноярского воеводы С. Н. Беклемишева, который имел поручение удержать казацкое «своеволие». Беклемишев рассказывал в Астрахани, как вместо покор-

---

[1] АИ, т. IV, № 202, стр. 376.

[2] *Б. Д. Греков.* Новые материалы о движении С. Разина.— «Летопись занятий Археогр. комиссии», вып. 34, Л., 1927, стр. 206.

[3] «Материалы для истории возмущения С. Разина», М., 1857, II, стр. 22.

[4] ДАИ, т. VI, СПб., 1857, № 2, стр. 6.

ности казаки ему «чеканом руку пробили и плетьми били и вешали его на шоглу» [мачту][1]. Стрельцы Беклемишева в большинстве также перешли на сторону Разина.

Не встречая нигде серьезного сопротивления, Разин в начале июня достиг устьев Волги и, минуя Астрахань, одним из волжских протоков, Бузанью, вышел в Каспийское море. Отряд Разина выплыл в море на 35 стругах и насчитывал уже «тысячи с полторы и больши» казаков и присоединившихся к ним «работных людей», «ярыжек», стрельцов и т. д. Высланным в погоню из Астрахани стрельцам не удалось настичь Разина. Пока его искали около Астрахани, он уже вошел в р. Яик. Разгромив в устье Яика стрельцов, Разин подошел к Яицкому городку. Незадолго перед этим гарнизон городка был усилен. Разину это было хорошо известно, поэтому он прибег к хитрости. С небольшой группой казаков он получил разрешение войти в городок для «богомолья». Оказавшись внутри городка, казаки открыли городовые ворота и впустили весь свой отряд. После кровавой резни, в которой погибли «начальники» городка и гарнизона, а также часть стрельцов, оказавших сопротивление, городок перешел в полное распоряжение Разина. Попытки астраханских воевод выбить Разина из Яицкого городка успеха не имели. Высылаемые воеводами стрелецкие и солдатские отряды уничтожались казаками или примыкали к ним, или, наконец разбегались.

Царское правительство, недовольное вялыми действиями астраханских воевод, сменило их. Новый воевода князь И. С. Прозоровский выехал из Москвы с многочисленными ратными людьми, «с пушками, и с гранаты и со всеми пушечными запасы». В Симбирске, Самаре, Саратове и других городах «по черте»[2] к нему должны были присоединиться «служилые пешие люди». Наконец, бывшему воеводе Хилкову было поручено выбрать «сколько пригоже» конных ногайских, едисанских и юртовских мурз и татар и прислать их в распоряжение Прозоровского; в Астрахани к приезду Прозоровского готовили суда. Очевидно, против засевшего в Яицком городке Разина предполагалось действовать и с суши и с моря. Однако осуществлению этого плана помешали нападения калмыков и башкир на отряды служилых людей по пути к Яицкому городку. Правительство вынуждено было изменить свою тактику и перейти к мирным переговорам с Разиным. Посланцы донского войскового атамана К. Яковлева должны были передать Разину грамоту правительства с обещанием забыть своевольные действия казаков, если они прекратят их и вернутся на Дон. Разин ответил, что он готов принести повинную, если правительство непосредственно к нему обратится с грамотой. Прозоровский еще до прибытия в Астрахань послал из Саратова для таких же переговоров группу

---

[1] ДАИ, т. VI, № 2, стр. 7.

[2] Т. е. по линии укреплений, шедшей около Симбирска на правом берегу Волги — Симбирской черте и по Закамской черте — шедшей от левого берега Волги к Мензелинску.

стрельцов во главе с Н. Сивцовым. Но только один из стрельцов вернулся обратно, остальные, повидимому, присоединились к Разину; глава же посольства Сивцов был убит и брошен в воду. После неудачных переговоров была сделана попытка взять Яицкий городок силой. Один из астраханских воевод, Безобразов, несколько раз приступал к городку, но был разбит[1].

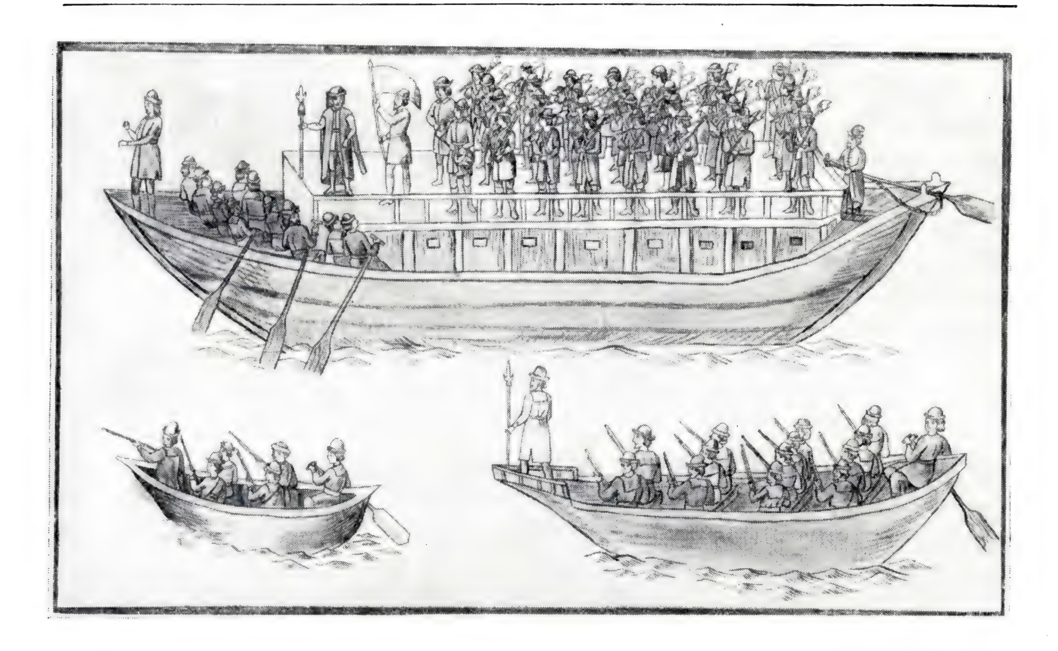
Из Яицкого городка Разин и его казаки осенью и зимой 1667 г. производили набеги на кочевья калмыков и морем на судах проникали в проток Эмансугу, где громили прибрежные улусы эдисанских татар. Однако отношения казаков с калмыками не всегда были враждебны; Разин и казаки в то же время вели торговлю с калмыками тайши Мергеня.

Численность отряда Разина в конце 1667 г. доходила до 1600 человек. Астраханские воеводы пытались узнать о намерениях Разина от взятых в плен под Яицким городком казаков, но только и получили в ответ, что у Разина с товарищами «дума... зимовать до весны в Яицком городке, а на весну де дума у них будет иная». И даже тогда, когда Разин в ночь на 23 марта 1668 г. выступил на 24 стругах из Яицкого городка, его дальнейший маршрут не был, повидимому, решен окончательно и им самим. Казаки сначала направились в сторону Астрахани и подошли даже к устью Волги, но затем повернули и пошли в море, по направлению к Теркам. Разин взял с собой всю артиллерию и снаряды из Яицкого городка, мелкими пушками он снабдил свои суда, а крупные орудия потопил в море. Он не сомневался, что вслед за его уходом в Яицком городке появятся правительственные отряды и что для оставшейся, очевидно, небольшой группы казаков артиллерия будет бесполезна[2].

После ухода Разина в Яицком городке действительно появился новый стрелецкий голова Б. Сакмышев с астраханскими стрельцами. Оставшихся в городке казаков Разина переловили и посадили «в колоды». Но среди прибывших с Сакмышевым стрельцов скоро началось довольно быстрое брожение—вероятно, не все казаки были арестованы, и какая-то часть их занималась агитацией среди гарнизона. В июле 1668 г. восставшие стрельцы утопили Сакмышева, освободили «из колод» казаков и одного из них, «старого воровского казака» Г. Рудакова, участвовавшего в походе еще с атаманом И. Кондыревым, избрали атаманом. Затем восставшие ночью покинули городок и вышли в море. По пути они разбили направлявшийся в Яицкий городок отряд стрелецкого сотника Тарлыкова, встретившийся им в устье Яика. Высланный из Астрахани в погоню сильный отряд во главе с воеводой князем С. И. Львовым 15 сентября имел бой с частью казаков у Кулалынского острова. Ратными людьми был взят тогда сооруженный казаками и стрельцами на этом острове городок-крепость и в нем 112 казаков. Остальные участники восстания в Яицком городке еще до прихода

[1] ЦГАДА. Разряд, Столбцы Московского стола, № 281, лл. 86—120.

[2] «Крестьянская война под предводительством Степана Разина», т. I, стр. 73—104.

Отправление стрельцов против С. Т. Разина. Копия акварельного рисунка XVII в.

Львова, вероятно в августе, успели уйти с Кулалынского острова по направлению к Туркменскому берегу на поиски Разина.

В это время Разин совершал нападения на прибрежные персидские города. Он рассчитывал, повидимому, объединиться в Терках с донскими казаками, жившими на Куме и близ станиц гребенских казаков. «Пришло де с Дону казаков конных 100 человек, — доносили Прозоровскому,— и стали от казачьих Гребенских городов в 50 верстах, а атаман де у них Алешка Протокин». Кроме того, «на Куме де [реке] казаков конных же 400 человек... да с Дону ж де будут к ним вскоре Алешка Каторжной, а с ним 2000 конных же казаков»[1]. Туда же на Куму летом 1668 г. пошло 400 казаков во главе с запорожцем Бобой. Под Терками отряд Разина соединился со значительным (700 человек) отрядом «голытьбы» Сергея Кривого с Дона.

Возбуждение на Дону весной и летом 1668 г. усиливалось известиями об успехах Разина на Волге и Каспии. По сведениям царского правительства, «во многих де городках на Дону и на Хопре казаки похваляютца, итти на Волгу». Казаки верховых городков хвалились: «Стенька де Разин и Сережка Кривой с товарыщи на Волгу мимо Царицына прошли смело, а они де и лутче того учинят»[2]. Возбуждением были охвачены не только верховые городки. Приехавший в Царицын из Черкасска посадский человек Филипп Гороховленин сообщал воеводе Унковскому, что «и на Дону де в войске и во всех низовых городках воровские

[1] ДАИ, т. VI, № 2, стр. 10.

[2] Там же, стр. 10—11.

казаки сбираютца многим собраньем, и хотят итти с Дону на Волгу к Царицыну»[1]. Василий Ус прибирал к себе конных казаков между Пятиизбенским и Черкасским городками. Местом сбора была речка Лиска[2]. Движение, широко охватившее население казачьих городков, заставило войскового атамана Корнилу Яковлева временно сложить свою власть, «потому что де у них, казаков, непостоянство стало большое, и великого государя указу чинятся непослушны»[3]. Вместо Яковлева атаманом был избран Михайло Самаренин.

Таким образом, действиям Разина на далеком Каспии сочувствовало едва ли не большинство населения донских городков. Во время персидского похода тысячи нитей связывали Разина и его отряд с донской «голытьбой» и частично с «природным» казачеством. Соединясь под Терками с Сергеем Кривым, а возможно, и с другими атаманами, Разин на 40 стругах с отрядом в 2 тыс. человек двинулся на Дербент и далее до Баку, опустошая весь берег. Захватив здесь многочисленных пленных и другую добычу, он направился к Гиляну. Под Рештом казаков ожидали крупные военные силы персов. Разин обманул Буданхана, главу Решта, заявлением, что они, казаки, пришли в Персию, чтобы отдать себя под власть шаха. Тогда же было снаряжено и посольство в Исфагань к шаху для переговоров о поселении казаков на р. Ленкуре. Разин, однако, недолго ждал в Реште результатов посольства. Жители Решта напали на казаков и убили до 400 человек. В пылу сражения казаки произвели большие разрушения в Реште и перебрались оттуда в Фарабат. Начав здесь с торговли, они кончили почти полным уничтожением этого города. Такая же участь постигла и следующий город Астрабат. После этого казаки зазимовали неподалеку от Фарабата, на глубоко впадавшей в море косе. Зимой Разин и казаки занимались, между прочим, разменом пленных — за одного перса они выменивали по нескольку русских. Таким образом казаки увеличивали свои ряды. К Разину примыкали также и местная беднота и «иноземцы скудные многие люди».

Весной 1669 г. Разин совершил набег на восточный берег Каспийского моря и погромил там туркменские улусы. Затем, вернувшись к Гиляну, он поселился на Свином острове. Плохие климатические условия, отсутствие питьевой воды и достаточных запасов продовольствия вызвали болезни и большую смертность среди казаков. Наконец, пришел и ответ от шаха на предложение казаков, сделанное в 1668 г. Действия их в Реште, Фарабате и Астрабате, а еще раньше в Дербенте, наконец, настояния агентов русского правительства в Исфагани заставили персидское правительство отказаться от каких-либо переговоров с казаками и Разиным. Послы казаков были убиты, а к Свиному острову послан сильный флот из 50 судов (3700 человек). В июне произошло сражение, в котором персы

---

[1] ДАИ, т. VI, № 2, стр. 9.
[2] АИ, т. IV, № 202, стр. 383.
[3] Там же, стр. 392.

были наголову разбиты казаками. Несмотря, однако, на победу, Разин не мог уже оставаться на Каспии: пребывание на Свином острове и жертвы последнего боя истощили его отряд. Кроме того, было очевидно, что шах направит на казаков новые силы, с которыми казаки уже будут не в состоянии справиться. Разин решил возвратиться обратно. Путь был трудный; казакам не удавалось высаживаться на берег и пополнять свои продовольственные запасы, так как «персы, равно как и ...дагестанские татары, расставили хорошую стражу на берегах и на горах»[1]. Казаки голодали.

В ночь на 7 августа 1669 г. казаки достигли устьев Волги, где напали на митрополичий учуг (рыбные промыслы) Басаргу и захватили находившиеся там запасы рыбы. Были захвачены также и персидские «бусы» (суда), шедшие в Астрахань с товарами и подарками царю. Не решаясь продвигаться ближе к Астрахани, Разин и казаки укрепились на одном из островов («Четыре бугра») в устье Волги[2].

Астраханский воевода князь И. С. Прозоровский, узнав о возвращении С. Т. Разина, немедленно направил навстречу ему одного из своих товарищей князя С. И. Львова с 4 тыс. стрельцов. Однако казаки при виде многочисленных стругов уклонились от столкновения, покинули свой остров и ушли в море. В свою очередь и действия князя Львова отличались нерешительностью. В Астрахани еще не знали о потерях Разина при набеге на персидские земли и при возвращении его оттуда. Следуя за отступавшими в море казаками и опасаясь, как бы они не ушли на Куму, Львов остановился верстах в 20 от острова «Четыре бугра» и выслал к Разину Никиту Скрипицына с государевой грамотой, обещавшей казакам прощение, если они сдадут оружие (главным образом пушки), пленных, а также выдадут служилых людей — стрельцов, перешедших к ним на Волге и в Яицком городке.

Предложенные условия сдачи Разин принял, но не безоговорочно. Соглашаясь отдать пушки и отпустить в Астрахань «служилых людей астраханцев и иных низовых городов», казаки задерживали у себя «струги и струговые припасы», необходимые им якобы для следования на Дон через Царицын; не хотели они также отдавать взятого в плен сына персидского купца, обещавшего казакам за себя большой выкуп, ни других пленных[3].

Повидимому, царское правительство опасалось решительными мерами раздражить Войско Донское, среди которого в 1668 г. против царского правительства агитировал гетман И. М. Брюховецкий. В январе 1668 г. Брюховецкий изменил царскому правительству. В поисках союзников

---

1 *Я. Я. Стрейс.* Указ. соч., стр. 202.

2 О действиях Разина в Персии см. АИ, т. IV, № 202; «Материалы для истории возмущения С. Разина», II, стр. 30—60; «Крестьянская война под предводительством Степана Разина», т. I, стр. 104—126; 134—156.

3 АИ, т. IV, № 202; «Материалы для истории возмущения С. Разина», II, стр. 30—60.

он тогда же писал на Дон и пытался привлечь донских казаков во главе с Разиным на свою сторону[1].

Соглашение Брюховецкого и Дона было тем опаснее для царского правительства, что гетман Правобережной Украины П. Д. Дорошенко вел усиленную переписку, вовлекая Крым в борьбу с Русским государством и Речью Посполитой. Смерть Брюховецкого в начале 1669 г. и ликвидация некоторых очагов восстания на Левобережной Украине несколько разредили сгустившиеся тучи на юго-западе и юго-востоке Русского государства. Государева грамота Разину была доставлена в Астрахань еще в 1668 г., как раз в год восстания Брюховецкого. Содержание этой грамоты, направленное на мирное разрешение дела с Разиным, и привлечение его на сторону царского правительства и обусловливало проявленную астраханскими воеводами «мягкость» в отношении к казакам и их атаману.

Договорившись об условиях сдачи, Разин в сопровождении флотилии князя Львова поплыл к Астрахани. 25 августа 1669 г. Разин сложил около Астраханской приказной избы перед воеводой князем Прозоровским бунчук и знамена, затем отдал некоторых пленных, в том числе и взятого в бою под Свиным островом «ханова сына». Он еще раз подтвердил данное им на море обещание отдать все пушки и отпустить (выдать) «астраханских и иных низовых городов служилых людей... безо всякого задержанья»[2]. Вместе с тем Разин бил челом царю об отпуске его с казаками на Дон, а также о посылке в Москву казачьей станицы «бити челом великому государю за вины свои, головами своими»[3]. Станица была отправлена.

Появление Разина в Астрахани произвело сильнейшее впечатление на астраханцев, особенно на мелкий городской люд — ремесленников и торговцев, многочисленных «работных людей» с промыслов, ярыжек, стрельцов местного гарнизона, а также на стрельцов, рейтар и солдат не-астраханцев, попавших в Астрахань в качестве ссыльных, и так называемых «годовальщиков», находившихся здесь на временной службе. Положение низов астраханского населения было тяжелым. Богатый торгово-промышленный центр Русского государства, Астрахань была городом, где классовые контрасты были ярко и резко выражены: на одной стороне обнищалые и жестоко эксплуатируемые многочисленные «работные люди», стрельцы, мелкие торговцы, ссыльные и т. п., на другой — богатые торговые люди: промышленники, приказная и военная администрация и высшее духовенство, обладавшие богатством и властью, еще более возраставшей от пограничного положения города. Неудивительно, что низы астраханского населения были, по словам воевод, «шатки и к воровству склонны». С появлением в городе казаков эти настроения усилились. Отношения представителей власти к казакам и поведение самих казаков во

[1] «Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России», т. VII, СПб., 1872, № 28, стр. 60—62.

[2] ДАИ, т. VI, № 2, стр. 15.

[3] Там же.

главе с атаманом не могло не произвести на низы астраханского населения впечатления слабости правительственной власти и, наоборот, силы и обаяния атамана Степана Тимофеевича. Разин и его казаки свободно расхаживали по городу, хотя должны были находиться на своих судах в Болдинском устье Волги. Воображение населения потрясали и те богатства, которыми теперь владела вчерашняя «голытьба» и которые достались ей под руководством удачливого и смелого атамана. По свидетельству иностранца, бывшего в то время в Астрахани, даже «простые казаки были одеты, как короли, в шелк, бархат и другие одежды, затканные золотом»[1]. Наконец, на стругах Разина были «веревки и канаты все шелковыя, и парусы такоже все из материи персидской шелковыя учиненныя»[2]. Один из русских источников (так называемый Хронограф) утверждает, что казаки были настолько тогда богаты, что «невероятно быти мнится»[3]. Когда Разин проходил по улицам Астрахани и видел следовавшую за ним большую толпу, то разбрасывал дукаты и другие золотые монеты, и такая щедрость привлекала к нему многих людей. Народным массам Астрахани нравилась также простота и скромность Разина в обращении. Неудивительно, что когда Разин покидал Астрахань, то многие из астраханцев и не только из тех, которых он, по словам Стрейса и других, склонил «хорошим жалованьем... деньгами и подарками», последовали за ним на Дон[4].

Когда астраханские воеводы обратились к Разину с требованием выполнить, наконец, условия сдачи, Разин и его товарищи ответили, что награбленные ими у персов товары и пленных они не могут отдать, так как и те и другие у них давно уже поделены («роздуванены»). Полон было предложено выкупить у казаков, на что воеводы и согласились, объявив его даже беспошлинным. Отказывались казаки отдать и пушки (особенно мелкого калибра) и струги: «Те де пушки,— говорили казаки,— надобны им на степи от Царицына до донского казачья Паншина городка, для проходу от крымских и от азовских и ото всяких воинских людей»[5].

Струги были необходимы для проезда в Царицын. Наотрез отказались казаки и от переписи: «Переписки де казаком на Дону и на Яике и нигде по их казачьим правом не повелось»[6]. И Разин и казаки, очевидно, сильно возбужденные последним требованием воевод, заявили даже, что они и так уже на многое пошли, тем более, что «в грамоте великого государя милостивой, какова прислана к ним, что итти им на Дон, того, что пушки и полон и рухледь, что они, будучи в воровстве, добыли, в Астрахани у них имать и казаков переписать не написано»[7]. В царской грамоте

[1] *Я. Я. Стрейс.* Указ. соч., стр. 200.
[2] «Москвитянин», 1841, № 7, стр. 167.
[3] Там же.
[4] *Я. Я. Стрейс.* Указ. соч., стр. 200, 202.
[5] ДАИ, т. VI, № 2, стр. 18.
[6] Там же.
[7] Там же.

прощение и возвращение на Дон казаков действительно обусловливалось лишь сдачей ими пушек, о сдаче полона и рухляди и о переписи ничего не говорилось.

Отказ от переписи был важен для Разина тем, что при незнании воеводами точного количества казаков вместе с ними легко могли уйти и все присоединившиеся к отряду Разина астраханцы. Действительно, после отъезда Разина с казаками в Астрахани из 47 астраханцев, возвращенных из разинского отряда, не оказалось и половины. Многие другие, особенно стрельцы, также ушли на Дон. Посланного Прозоровским за ушедшими стрельцами полковника Видероса Разин едва не зарубил, изругал его и велел ему убираться прочь. Но это было уже за Астраханью, когда Разин снова почувствовал себя атаманом сильного отряда, со славой возвращавшегося на Дон. В Астрахани же он старался удерживаться от резких выпадов против властей. Да и сами власти вели себя с ним крайне осторожно. Получив отказ на свои требования, астраханские воеводы не настаивали на выдаче пушек, полону и рухляди, так как боялись, чтобы казаки «вновь шатости к воровству не учинили, и не пристали б к их воровству иные многие люди, и от того б межь людьми кровопролития не учинилось». Воеводы предпочли поэтому как можно скорее отпустить Разина с казаками на Царицын, а оттуда на Дон. «Отпуск» состоялся, наконец, 4 сентября 1669 г.

Отправляя казаков на Дон, Прозоровский прикомандировал к ним астраханского жильца Леонтия Плохова и 50 стрельцов, чтобы казаки, «идучи Волгою, никакого дурна не учинили». От Царицына до Паншина городка казаков должен был сопровождать один из сотников астраханских стрельцов. «На отпуске» казакам были снова и «с великим подкреплением» повторены требования, «чтоб они, из Астрахани и Волгою идучи где никаких людей с собою на Дон не подговаривали». Астраханские воеводы написали также в Черный Яр и Царицын, чтобы «казаков Стеньку Разина с товарыщи в городы не пускали и вина им продавать не велели, чтоб у них тех городов с служилыми людьми ссоры и никакого дурна не было»[1].

Трудно, однако, было Леонтию Плохову удержать Разина от какого-либо «дурна». Столкновения в пути начались скоро. Уже 17 сентября ниже Черного Яра Разин проявил «невежество» по отношению к московским стрельцам, ехавшим в Астрахань. Он приказал стрелецким головам явиться к себе. В ответ на их «отповедь» Разин бранил их, угрожал прибегнуть к силе. Он захватил к себе на струги одного из сотников и начал энергичную агитацию среди стрельцов за переход их к казакам. Тогда же Разин задержал струг с хлебными запасами, направлявшийся из Казани в Астрахань, и перезвал к себе 11 казанских стрельцов. Недалеко от Царицына Разина нагнал струг с «колодниками», астраханскими стрельцами, взятыми в сентябре 1668 г. на Кулалынском острове. Явившись на струг, Разин потребовал выдачи ему участников кулалынского боя.

---

[1] ДАИ, т. VI, № 2, стр. 18, 19.

Таким образом, при возвращении на Дон Разин держал себя как сознающий свою силу и популярность «вольный» донской атаман. 1 октября Разин прибыл в Царицын и начал, по словам местного воеводы Андрея Унковского, чинить «всякое озорство», носившее ярко выраженный политический характер и направленное в первую очередь против Унковского за то, что он сообщал в Москву о действиях казаков[1]. Царицын на Волге и более южный городок на Камышенке были ближайшими к Дону правительственными пунктами, и Унковский осведомлял царское правительство о настроениях на Дону и движении Разина, за что царь нередко «похвалял» Унковского. Разин приходил «с многими казаками, с ружьем, на государев двор к нему, Ондрею [Унковскому], дважды, и дверь у горницы выбил бревном, и его, Ондрея, хотел зарезать». Унковский спасся тем, что выскочил из горницы в окно и бежал. Разин искал Унковского в алтаре соборной церкви, но не нашел. Несколько позже Разин снова приходил к приказной избе и искал воеводу, но так же безуспешно. За время пребывания в городе Разин «у тюрьмы замок сбил и сидельцев выпустил», а его казаки пограбили струг симбирянина, посадского человека Белогубова, а находившиеся на нем «государевы грамоты, каковы с ним [Белогубовым] были посланы, пометали в воду». Наконец, Разин свиделся и с Унковским и долго с ним «бранился» и говорил, что «ему де, Ондрею, от него, Стеньки, живу не быть», не только за его «отписки» в Москву, но и за его грабительские налоги на донских казаков, приезжавших в Царицын для «соли и всяких покупок»[2].

5 октября Разин покинул Царицын и направился на Дон. Так закончился поход Разина на Каспий.

Судьба посольства, которое было послано Разиным из Астрахани в Москву, ярко рисует отношение царского правительства к казакам, готовым служить ему «своими головами». Казаки, допрошенные в Москве о действиях на Волге и Каспийском море, приписывали инициативу исключительно Разину; все произошло «без ведома войскового атамана Корнила Яковлева». С присланными казаками Разина правительство поступило довольно мягко, не желая, очевидно, обострять отношений ни с Разиным, ни с Доном. Положение на Украине осенью 1669 г. было настолько напряженным, что правительство воздержалось от более резких мер. Между тем после похода Разина шах не только принял ряд карательных мер против представителей русского правительства и русских торговых людей, но и собирался, по слухам, объявить войну Русскому государству. Так, зимой 1669 г. кабардинский князь К. М. Черкасский, находившийся в вассальных отношениях к Русскому государству, сообщал, что персидский шах «за розоренье воровских казаков Стеньки Разина с товарыщи нынешние весны хочет посылать ратных своих людей под Терек войною»[3].

---

[1] ДАИ, т. VI, № 2, стр. 19, 20, 23.
[2] Там же, стр. 21—23.
[3] Там же, стр. 30.

После того как «вины» казаков были «выговариваны», посланцам Разина велено было ехать в Астрахань, чтобы там они «за свои вины служили ему, великому государю, и вины свои заслуживали». Однако казаки так и не попали в Астрахань. По мере приближения к югу казаки все менее считались со своими проводниками. Так, проехав Пензу, за р. Медведицей, в пяти или в шести верстах казаки главного проводника Аникея Хомуцкого «били и увечили и ружье у него... отбили». Наконец, узнав от встречавшихся на саратовской дороге московских стрельцов, что Разин отпущен из Астрахани на Дон, казаки пошли прямо на Дон «бездорожно верхами», отняв у проводников их лошадей. При этом казаки заявили Аникею Хомуцкому, что в Астрахань они идти не хотят, так как «опасаются де они великого государя гневу». В декабре 1669 г., когда посольство Разина возвращалось из Москвы, туда стали уже доходить слухи об антиправительственной деятельности Разина на Дону [1].

* * *

Разин возвратился на Дон с большим триумфом. Когда он прибыл в Пятиизбенский городок, донские казаки были ему весьма «рады» и, так же как астраханцы, называли его «отцом». И зажиточные казаки не замедлили явиться в его стан для дележа добычи, в котором они считали себя вправе участвовать, так как снабжали казаков Разина оружием и платьем. Вокруг Разина, особенно когда он перешел в Кагальницкий городок, вновь начали собираться силы: «Изо всех де донских и хоперских городков казаки, которые голутвенные люди, и с Волги гулящие люди идут к нему, Стеньке, многие» [2].

За время отсутствия Разина усилился приток на Дон беглых из центральных областей государства. В составе беглецов на Дон заметна довольно сильная раскольническая струя, вызванная усилившимися преследованиями за принадлежность к «старой вере», особенно после постановления церковного собора 1667 г. Зимой 1669/70 г. царское правительство буквально засыпало южные города предписаниями сдерживать напор беглецов и возвращать их обратно. В 1667 и 1668 гг., когда Разин был на Волге и Каспии, уже одни только слухи об его успешных действиях усиливали возбуждение среди казачества. Когда на Дону появился сам Разин с разбогатевшими участниками своего похода, не понеся при этом никакого наказания, эти настроения должны были получить дальнейшее развитие.

Пробыв в Кагальнике несколько дней, Разин перебрался на остров «меж Кагальника и Ведерникова», где устроил земляной городок. Товарищей своих он держал в «крепи», от себя без крайней необходимости не отпускал, да и то лишь «за крепкими поруками» [3], — общение казаков с населением вне земляного города могло преждевременно раскрыть наме-

[1] «Материалы для истории возмущения С. Разина», II, стр. 37—41.

[2] ДАИ, т. VI, № 2, стр. 23.

[3] «Материалы для истории возмущения С. Разина», II, стр. 50—52; ДАИ, т. VI, № 2, стр. 25.

рения Разина. Шпионы царицынского воеводы Унковского и «домовитого» казачества, сообщая правительству о постоянном притоке к Разину людей, главным образом «голытьбы», ничего не могли сказать о его планах. «А какая у него мысль,— писал Унковский в Москву,— про то и его казаки немногие ведают, и никоторыми де мерами у них, воровских казаков, мысли доведатца не мочно». Однако в массах казачества, как на низу, так и в верховьях, упорно ходили слухи, что весной Разин замышляет новый поход[1]. В течение ноября 1669 г. украинцы из запорожских городов, а из донских городков казаки стекались к Разину. К концу ноября, по донесениям Унковского, у Разина было уже 2700 человек. В декабре Разин тайно перевез из Черкасска к себе в земляной городок жену и брата Фрола.

Несомненны связи Разина с Черкасском, где некоторые «домовитые» казаки ему сочувствовали. В конце 1669 г. Разин с «немногими людьми» ездил в Черкасск, очевидно для переговоров. Царское правительство и тогда и позднее подозревало в сношениях с Разиным, а также в организации похода в 1670 г. на Волгу все казачество, в том числе и «домовитое», и даже сочло нужным арестовать в Москве и сослать в Холмогоры станицу казаков во главе с атаманом Аверкиевым.

Так прошла зима 1669 г. В начале 1670 г. царское правительство отправило на Дон жильца Герасима Евдокимова разузнать о намерениях Разина и если между ним и «домовитым» казачеством имеется какой сговор, то по возможности разрушить его царскими обещаниями, деньгами или угрозами. В начале марта Евдокимов прибыл в Черкасск и в собранном по этому случаю кругу огласил царскую грамоту с обещанием милостей за верную службу. Часть черкасского «домовитого» казачества, сторонники правительства, «великому государю... на его государской милости челом ударили». На другой день после круга в Черкасск приехал и Разин с небольшой частью своих казаков. Для выбора станицы в Москву с ответом на приезд Евдокимова был снова собран круг. Разин начал допрашивать Евдокимова и прежде всего спросил его, от кого он приехал на Дон, от царя или от бояр. Когда Евдокимов ответил, что от царя, то Разин обозвал его лазутчиком, присланным боярами, а привезенную им грамоту — не настоящей. Царский посол был убит и брошен в воду. Когда атаман Корнил Яковлев попытался сдержать Разина, тот пригрозил ему подобной же расправой, прибавив: «Ты де владай своим войском, а я де владею своим»[2]. Однако в тот момент Яковлев оказался, повидимому, совсем без войска; даже та часть черкасского казачества, которая только что била челом царю за привезенные Евдокимовым «милости», не смогла бы защитить его, если бы он действительно осмелился на решительные меры против Разина.

После этого на собраниях круга в Черкасске Разин неоднократно и уже открыто призывал казаков «с боярами повидаться», «притти во град

[1] ДАИ, т. VI, № 2, стр. 25.
[2] «Материалы для истории возмущения С. Разина», IV, стр. 195—196.

в Москву и всех князей и бояр и знатных людей и все шляхетство российское побить»[1].

Второй поход Разина превратился в грандиозное стихийное движение широких масс поволжского крестьянства и народов Поволжья, носившее ярко выраженный антикрепостнический характер. Черты казацкого движения с его местными казацкими интересами, свойственные до некоторой степени первоначально походу Разина, постепенно утратились.

Ночью 13 апреля 1670 г. отряд Разина в 7 тыс. человек подошел к Царицыну. Предполагалось осадить город с реки и суши. С рассветом на стругах должен был подойти ближайший помощник Разина Василий Ус; берегом с пехотой и конницей шел сам Разин. Движение казаков было замечено, и Царицын, казалось, приготовился к защите. Однако многочисленные перебежчики уверяли Разина, что город будет сдан ему без боя. Сторонники Разина усиленно действовали среди жителей и гарнизона. Оставив для наблюдения за городом Уса, Разин ушел громить улусы едисанских татар, кочевавших в 30 верстах от Царицына, чтобы воспрепятствовать их соединению с московскими стрельцами, спускавшимися вниз по Волге. За время его отсутствия Царицын был фактически занят казаками. Жители вступили в самое тесное общение с казаками, городские ворота почти не запирались. Новый воевода Тургенев с небольшой группой стрельцов и всего лишь тремя царицынскими жителями заперся в одной из городских башен. С приходом Разина после довольно упорного боя башня была взята, стрельцы изрублены, а воевода на другой день заколот копьями и брошен в реку. Овладев Царицыном, Разин принялся за немедленное его укрепление, предполагая превратить его в опорную базу своего продвижения вверх по Волге. Разин ввел в Царицыне (как повсюду в занятых им городах) казацкое устройство; жители были поделены на десятки и сотни, вместо воеводы над ними поставлен атаман — казак Прокопий Шумливый; в состав местного казачьего управления введен был также и царицынец, сын боярский Иван Кузьмин.

В верховых городах о взятии Царицына ничего еще, повидимому, не знали, и казакам удалось захватить ряд караванов, направлявшихся в Астрахань с товарами и хлебом. Как и в 1667 г., начальных людей истребляли или брали в плен и обращали в гребцов. Работные люди и многие из стрельцов, сопровождавших караваны, присоединялись к Разину. В июне Разину удалось разбить довольно сильный отряд московских стрельцов. На стрельцов, ничего не ведавших о сдаче Царицына, казаки напали со стругов и с берега в 7 верстах выше Царицына. Стрельцы надеялись прорваться к Царицыну и укрыться за его стенами. Однако, когда они подошли к городу, со стен их встретили стрельбой из артиллерии и ружей. Почти весь отряд был уничтожен. Неуверенные в настроениях московских стрельцов, казаки распределили оставшихся в живых гребцами на свои суда.

---

[1] «Москвитянин», 1841, № 7, стр. 169; «Крестьянская война под предводительством Степана Разина», т. I, стр. 126—133, 159—166.

Тут же казаки формулировали и цели своей борьбы с правительством. Они внушали стрельцам, что восстание направлено не против царя, а против бояр. Казаки старались убедить стрельцов в том, «что они, стрельцы, бьютца за изменников, а не за государя, а он, Стенька, бьетца с войском за государя»[1]. Такой царистский характер идеологии повстанцев был свойственен и присоединявшимся к восстанию крестьянским массам.

Почти одновременно с разгромом московских стрельцов под Царицыном Разин узнал о высылке против него из Астрахани войска под начальством князя Львова, когда-то встречавшего Разина в устьях Волги. Таким образом, атаману, прежде чем идти вверх по Волге на Москву, необходимо было обеспечить себе тыл. Около 9 тыс. казаков двинулось из-под Царицына к Астрахани навстречу Львову. Основная часть войска по обычаю шла Волгой в стругах, конница же под командой Василия Уса и Парфена Еремеева двигалась берегом. В сражении под Черным Яром победа осталась за Разиным благодаря переходу на его сторону большинства астраханских стрельцов, хорошо помнивших «батьку» Степана Тимофеевича и встретивших его приветственными криками. Начальные люди отряда Львова были перебиты; уцелел лишь сам Львов, спасенный Разиным.

Решение перейти на сторону Разина созрело в отряде Львова еще в дороге. Стрельцы Львова после соединения с Разиным собирались идти под Астрахань и там перебить «воевод и приказных и иных чинов добрых людей». Уверенность в успехе такого похода подкреплялась известиями о настроении оставшегося в Астрахани населения, готового сдать город, и Разин с войском в 12 тыс. человек двинулся вниз по Волге, на Астрахань.

В конце мая, когда в Астрахани были получены известия о падении Царицына, астраханские стрельцы стали открыто выражать недовольство своим положением, в частности из-за невыплаты им жалованья. Повидимому, к этому времени относится свидетельство Стрейса о том, что в Астрахани «начались опасения и подозрения, не знали, кто друг и кто недруг, и на кого можно было положиться». «Также слышно было здесь и там,— говорит он,— о разных мятежных сговорах, большею частью тайных»[2].

Неуверенность в надежности гарнизона и низших слоев населения заставила воеводу князя Прозоровского прибегнуть для укрепления Астрахани к помощи иностранцев. Астрахань была одной из сильных пограничных крепостей Русского государства: в ней находилось 400 пушек. Охрана наиболее важных пунктов городских укреплений была доверена именно иностранцам, в частности служившим на первом русском корабле «Орел», который стоял в устье Волги. Одновременно воевода делал запоздалые попытки уговорить стрельцов принять участие в защите города. На выдачу им жалованья местный митрополит Иосиф дал 600 руб., а астраханский Троицкий монастырь — 2 тыс. руб.

---

[1] «Материалы для истории возмущения С. Разина», I, стр. 7.

[2] *Я. Я. Стрейс.* Указ. соч., стр. 206.

19 июня Разин подошел к Астрахани и стал у Жареных бугров, для того чтобы предварительно раздобыть сведения о положении дела. Ему удалось войти в сношения с астраханскими служилыми и «всяких чинов» людьми и через них узнать наиболее слабые места в укреплениях Астрахани.

В день прибытия Разина к Жареным буграм в Астрахани были пойманы двое нищих, которые на допросах признались, что они обещали Разину «в приступное время Белый город [центр] зажещи» и тем облегчить занятие Астрахани.

Послы Разина, явившиеся с требованием сдачи города, были казнены Прозоровским. Тогда Разин в ночь на 22 июня начал приступ. Ему не пришлось затратить много сил, так как астраханцы сразу же перешли на его сторону и приступили к избиению своих начальных людей еще до прихода казаков. Лишь группа иностранцев, некоторые «начальные» русские люди да пушкари пытались сопротивляться. Воевода князь И. С. Прозоровский был ранен, его брат князь М. С. Прозоровский — убит.

На рассвете 22 июня был взят казаками и последний оплот сопротивлявшихся — собор, куда собрались астраханские дворяне и приказные с женами и детьми. Таким образом, Астрахань, несмотря на свои укрепления, очень быстро оказалась в руках Разина и восставших астраханцев.

На утро начались казни. Был сброшен с раската[1] воевода князь И. С. Прозоровский и порублено до 500 начальных людей, дворян и приказных[2]. Ненависть к классовым врагам охватывала не только казаков и астраханцев, но и их жен, которые всячески ругали жен дворян, стрелецких сотников и подьячих, называя их «изменничьими женами»[3].

Астраханцы предполагали провести более решительное очищение города от классовых противников. Они обращались к Разину с предложением разыскать и уничтожить попрятавшихся дворян и приказных «для того,что как от великого государя будет в Астрахань какая присылка, они [эти дворяне и приказные] будут им [восставшим] первые неприятели».Степан Разин не поддержал этого предложения; оно было осуществлено уже после его ухода из Астрахани, в августе и осенью 1670 г.

Так же как и в Царицыне, в Астрахани было введено казацкое устройство. Город был поделен на тысячи, сотни и десятки, в состав которых входили, однако, не все горожане. Во главе этих делений были поставлены видные атаманы — Василий Ус, Иван Гладков, Михаил Самаренин и др. Важнейшие вопросы решались на «кругу». Делопроизводство астраханских учреждений было сожжено. Был распущен в Астрахани и так называемый «аманатный двор», в котором содержались заложники кочевавших около города юртовских и едисанских татар и калмыков. Наконец,

---

[1] Раскат — насыпь или помост в крепости для пушек.

[2] *Я. Я. Стрейс.* Указ. соч., прилож., стр. 363—364.

[3] «Сказание летописи о граде Астрахани».— «Материалы для истории возмущения С. Разина», VII, стр. 253.

Взятие Астрахани войсками Разина. Гравюра из книги Стрейса 1676 г.

население Астрахани, принявшее участие в восстании, было приведено Разиным к присяге «за великого государя стоять и ему, Стеньке, и всему войску служить, а изменников выводить». Под «изменниками» разумелось боярство, дворяне, гости и воеводы[1].

* * *

Почти месяц пробыл Разин в Астрахани. Уходя отсюда 20 июля, он оставил вместо себя преданных ему В. Уса, Ф. Шелудяка и И. Терского. Их пребывание во главе города должно было обеспечить тыл отправлявшемуся вверх по Волге Разину. Огромное войско Разина шло водой (на стругах) и по берегу. Первая остановка была сделана в Царицыне. Отсюда была отослана на Дон в сопровождении брата Разина Фрола и казака Минаева (впоследствии войскового атамана) забранная в Астрахани «казна». В Царицыне же было окончательно решено, каким путем идти на Москву, степью ли, по направлению к Тамбову и Козлову и далее, возможно по Слободской Украине, где было удобно объединиться с украинским казачеством, или же вверх по Волге до Казани, оттуда на Нижний-Новгород и Москву. Большинство казаков высказалось за волжский путь, казавшийся более легким.

Из Царицына Разин направился на Саратов и далее на Самару.

Саратов и Самара без сопротивления перешли на сторону Разина[2].

Одновременно с продвижением Разина в Поволжье широко развивалось восстание крепостного крестьянства и посадского люда против господствующих классов.

«Прелестные письма» или «листы» (прокламации) Разина, рассылка которых началась, кажется, еще в Царицыне, производили сильное впечатление на закрепощенное и жестоко эксплуатируемое население Поволжья. В «листах» Разин обращался к массам с призывом: «Кто хочет богу да государю послужить, да и великому Войску, да и Степану Тимофеевичу..., и вам бы заодно изменников [бояр, дворян, воевод и приказных людей] выводить»[3]. Этот лозунг находил среди общественных низов живейшее сочувствие и отклик. Мечта о «хорошем царе» как избавителе от всех зол феодально-крепостнического режима олицетворялась царевичем Алексеем Алексеевичем, идущим, как возвещали «прелестные письма» Разина, с ним Волгой к Казани и под Москву. В разинской флотилии плыли две баржи, в одной из которых, обитой красным бархатом, находился будто бы царевич Алексей Алексеевич (умерший за год до восстания), в другой, обитой черным бархатом, — опальный патриарх Никон[4]. И царевич и пат-

---

[1] О пребывании С. Т. Разина в Астрахани см. «Материалы для истории возмущения С. Разина», II, VII; АИ, т. IV, № 202, стр. 402—435; *Я. Я. Стрейс.* Указ. соч. и прилож. к нему; «Крестьянская война под предводительством Степана Разина», т. I, стр. 166—257.

[2] АИ, т. IV, № 202, стр. 423; ЦГАДА. Разряд, Столбцы Белгородского стола, № 692, лл. 237—239.

[3] ЦГАДА. Разряд, Столбцы Белгородского стола, № 687, л. 74.

[4] «Крестьянская война под предводительством Степана Разина», т. I, стр. 277, 279.

«Прелестное письмо» С. Т. Разина.

Центральный государственный архив древних актов

риарх выставлялись жертвами боярского произвола, что имело агитационное значение.

Кроме русского крестьянства, мелких посадских и служилых людей приборных чинов (казаков, стрельцов, солдат и др.), а также работных людей с поташных заводов, к восстанию примыкали и многочисленные поволжские народы: чуваши, мари, мордва, татары. Если русские крестьяне вместе с занимаемыми и обрабатываемыми ими землями шли в раздачу помещикам-колонизаторам, то народы Поволжья, кроме того, подвергались, особенно в 50-х годах XVII в., принудительному обращению в христианство, сопровождавшемуся разного рода насилиями со стороны церковных властей и представителей воеводской власти. Следует отметить также и участие в восстании представителей духовенства, главным образом сельского, которые по своему положению чувствовали близость к крестьянству. Таков был состав участников восстания в Поволжье. Основной движущей силой восстания было крепостное крестьянство.

Таким образом, во время восстания Разина произошло четкое размежевание угнетенных классов от классов эксплуататоров. Восставшие отчетливо различали своих классовых врагов. Они «рубили помещиков и вотчинников, за которыми крестьяне, а черных де людей, крестьян и боярских людей, и казаков и иных чинов служилых людей никово не рубят и не грабят»,— читаем в показаниях одного очевидца[1].

Еще в мае 1670 г. правительство приняло ряд мер воздействия на Дон, продолжавший пополнять ряды разинского отряда и поддерживать его. Правительство рассылало грамоты в Козлов и Тамбов, а через них и в другие города «по черте» с указом «торговым людям ни с какими товары и с хлебными и съестными запасы и с иным ни с чем на Дон не ездить... покаместа от его, Стеньки, воровства Дон очиститца». Воеводам предписывалось «к Дону, по всем дорогам и в причинных местах, учинить заставы крепкие», чтобы никто не мог проехать на Дон. В Тамбове собирались сведения о Разине и его действиях. Царское правительство, повидимому, считало, что к движению Разина причастно не только верховое, но и низовое, «домовитое» казачество [2].

После занятия Разиным Царицына и разгрома московских стрельцов для правительства стали ясны размеры движения и степень его опасности. Оно начало принимать решительные меры для подавления восстания. В понизовые города были отправлены полки казанского воеводы князя Урусова и его помощников — двух князей Барятинских.

1 августа 1670 г., когда Разин уже двигался вверх по Волге, правительство объявило мобилизацию. Все столичное и провинциальное дворянство — стольники, стряпчие, дворяне московские и городовые, жильцы, дети боярские — призывалось служить «за великого государя и за свои домы». Сам царь произвел торжественный смотр 60 тыс. дворян в Москве.

[1] ЦГАДА. Разряд, Столбцы Приказного стола, № 417, л. 224.
[2] ЦГАДА. Разряд, Столбцы Белгородского стола, № 671, лл. 133—141.

Борьба предстояла беспощадная. Против Разина выступали те самые бояре и дворяне, к истреблению которых призывали восставшие крестьяне и казаки. Во главе дворянской армии и полков нового строя был поставлен князь Ю. А. Долгоруков, его помощником — князь К. О. Щербатов. Комплектование карательной армии производилось, однако, довольно медленно, и лишь 28 августа состоялся «отпуск» ее царем. 1 сентября Долгоруков двинулся из Москвы[1].

4 сентября Разин подступил к Симбирску. Воевода Ю. Н. Барятинский пытался задержать наступление Разина, но в длительном бою был разбит и отступил к Тетюшам. Большинство симбирян, настроенных, как и обитатели других городов, в пользу Разина, под впечатлением разгрома Барятинского уже на утро 5 сентября перешло на сторону восставших и сдало Разину новый острог (внешнее укрепление). Симбирский воевода И. Б. Милославский с ратными людьми, среди которых были московские стрельцы, заперся в «городе» и отбивал приступы войска Разина[2]. Вместе с воеводой сели в осаду симбирцы «добрые люди». Почти месяц Разин упорно осаждал Симбирск, пока, наконец, не потерпел поражения.

Одновременно с прибытием Разина под Симбирск отдельные группы казаков или, как их называют документы, «загонщиков» разошлись по Симбирскому уезду. Они не только рубили «дворян и детей боярских, и мурз и татар, за которыми крестьяне есть», и брали у них лошадей, но, несомненно, призывали к восстанию закрепощенное население уезда. Разиным были посланы с теми же целями и видные участники похода, атаманы Максим Осипов и Михаил Харитонов. Первый из них действовал в северо-западном направлении от Симбирска, второй — в юго-западном. Между 16 и 19 сентября атаманами были взяты наиболее важные в стратегическом отношении пункты — Алатырь и Саранск. Тогда стрельцы и казаки Симбирской и Корсунской черты, крепостные крестьяне, мордва и чуваши перешли на сторону Разина. С захватом Алатыря и Саранска восстание распространилось и на их уезды, крестьяне которых «помещиков своих, дворян и детей боярских побивают и дома их грабят»[3].

Взяв Алатырь, М. Осипов стал двигаться вниз по р. Суре по направлению к Цивильску, Курмышу, Ядрину и Васильсурску. В начале октября в руки восставших перешел Козьмодемьянск, откуда движение перекинулось за Волгу. В Алатыре воевода Бутурлин пытался оказать восставшим сопротивление, другие города сдались без боя. Курмышане и ядринцы встретили М. Осипова с иконами. Всюду восставшие уничтожали «великого государя грамоты и всякие письма», забирали оружие (особенно пушки), конфисковали денежные суммы местных воеводских изб и таможен (в Васильсурске). В 20-х числах сентября казаки появились в районе Ниже-

---

[1] Об организации карательной экспедиции см. ЦГАДА. Разряд, Столбцы Московского стола, № 281, лл. 86—120; ДАИ, т. VI, № 12, стр. 56—74.

[2] ЦГАДА. Разряд, Столбцы Приказного стола, № 423, лл. 44, 224—225.

[3] ЦГАДА. Разряд, Столбцы Белгородского стола, № 692, лл. 411—420.

городского уезда. В конце сентября крестьяне Лыскова, одного из крупнейших торгово-промышленных сел Нижегородского края, приглашали Осипова к себе против давнего своего врага Макарьева-Желтоводского монастыря. Осипов переехал в Лысково, где жители встретили его с колокольным звоном. В начале октября Осипов приступил к осаде монастыря.

В осаде принимало участие около 15 тыс. повстанцев; кроме лысковцев, в ней участвовали мурашкинцы и крестьяне других сел и волостей, а также местное нерусское население края. Первый приступ 10 октября был отбит, хотя осаждавшим и удалось поджечь монастырские стены. Начались переговоры о сдаче, в которых со стороны повстанцев выступал мурашкинский священник Максим Давыдов. Осада была снята, но ненадолго. Приблизительно через неделю, около 17 октября, Осипов вместе с двумя другими атаманами, Черноусенко и Долгим, все же взял монастырь. Кроме Лыскова, Мурашкина, Гридина и Павлова, восстание охватило и другие места Нижегородского края. Так, в вотчинах князя Черкасского около Ворсмы восставшие крестьяне действовали под предводительством некоего Саввы Федорова. В составе этого отряда было около 500 казаков и до 3 тыс. крестьян. В самом Нижнем-Новгороде готовились важные события: в городе росло движение в пользу Разина, около города то и дело появлялись казаки, призывавшие к сдаче. Повстанцы иногда даже подходили к городу и готовились приступать к посаду. Однако Нижний так и не удалось взять, хотя для этого Разин и посылал М. Осипова и других атаманов вверх по Суре[1].

Второй из атаманов Разина, Михаил Харитонов, после захвата Саранска должен был направиться по укрепленной линии, шедшей от Симбирска через Корсунь (уже взятый) и Инсар на Тамбов, Козлов и далее. Население здесь, как в городах, так и в уездах, было уже вполне подготовлено к восстанию. Так, в Керенске часть жителей на призыв воеводы оставаться верными ответила, что «им битца с ворами не в мочь», так как «все приклонились к ворам, а уездные де... люди [крестьяне] давно предались»[2]. Когда восстание охватило ближайшие к Тамбову местности, тамбовские казаки (городовые) и рейтары на предписание выступить против повстанцев заявили, «что де нам битца с своею братьей?», «бог де весть, чьи мы будем». Неудивительно, что воеводы при приближении повстанцев в страхе бежали. Нижнеломовский воевода Пекин с подьячим ушли «в одних рубашках»; керенский воевода Автоном Безобразов, очевидно, для того чтобы расположить к себе повстанцев, сам «из тюрьмы тюремных сидельцев всех распустил».

---

[1] О действиях повстанцев в Нижегородском районе см. *А. К. Кабанов.* Разинцы в Нижегородском крае.— «Сборник статей в честь М. К. Любавского», Пг., 1917, стр. 413—428; *Его же.* Две версии осады Макарьева-Желтоводского монастыря разинцами в октябре 1670 г.— Сб. «Действия Нижегор. губ. ученой архивной комиссии», т. XVII, вып. 3, Нижний-Новгород, 1914, стр. 1—6.

[2] ЦГАДА. Разряд, Столбцы Белгородского стола, № 674, лл. 54—58.

Из Саранска Харитонов с отрядом до 100 человек пошел к Пензе. Воевода Е. П. Лачинов был убит, жители сдались без боя. В Пензе отряд Харитонова вырос уже до 900 человек. В Нижнем Ломове, как и в Пензе, лишь только повстанцы подошли к городу, горожане открыли им ворота. За Нижним Ломовым последовал Верхний Ломов. Харитонов подошел к Верхнему Ломову и заявил жителям, что он прибыл сюда «от донского атамана от батюшки своего от Степана Тимофеевича Разина и от всего его войска для обереганья». Пытавшиеся оказать сопротивление верхнеломовцы перепугались, когда Харитонов пригрозил им пушками, и сдались. Был учинен казачий «круг», после которого воеводский дом был разграблен; те, кто оказывал сопротивление, были биты плетьми, уничтожены документы съезжей избы, и казнен местный воевода[1].

Через Керенск, который сдали местные приборные служилые люди, отряд Харитонова направился к Шацку, уже в пределы Тамбовщины. Крестьянское движение распространилось на Шацкий уезд. Однако попытки взять Шацк не удались. Несколько раз повстанцы подступали к городу, но были разбиты находившимися здесь рейтарами. В приступах к Шацку участвовали крестьяне села Конобеева и других ближайших сел и деревень, а также татары и мордва из Керенского и Кадомского уездов[2].

Из района Конобеево — Шацк еще в половине октября отдельные группы из отряда М. Харитонова и В. Федорова направились к северу. К восставшим присоединились тогда Кадом, Темников. Таким образом, подготовлялся захват Арзамаса — штаб-квартиры карательной армии князя Долгорукова. В попытках захватить Арзамас активное участие принимало местное крестьянство, с воодушевлением примыкавшее к восстанию Так, крестьяне села Пуза Арзамасского уезда, извещая казаков, стоявших в селе Кременках, что к ним идут из того села 200 человек, добавляли, что если этого будет мало, то они все пойдут в поход[3].

Одновременно с Дона брат Разина Фрол двигался с казаками к Коротояку. 27 сентября казаки осадили Коротояк и начали бой с рейтарами Полтева и казаками сумского полковника Г. Кондратьева. Только подошедший отряд князя Г. Г. Ромодановского заставил донских казаков отступить. Другой отряд казаков занял Острогожск, где к повстанцам перешел полковник И. Дзинковский. На сторону восставших перешли жители Чугуева, Змеева, Царева-Борисова, Опошни, Маяцкого острога, Ольшанска и др.

Такова в общих чертах картина крестьянского восстания в сентябре и половине октября 1670 г., когда сам Разин пытался взять Симбирск, чтобы открыть дорогу на Казань и Нижний-Новгород.

После поражения Барятинского Разин укрепил острог, устроил вокруг него земляной вал, поставил пушки и начал осаду Симбирского

[1] ЦГАДА. Разряд, Столбцы Приказного стола, № 417, лл. 380—388.
[2] ЦГАДА. Столбцы собрания Карабанова, № 26, лл. 238—248.
[3] ЦГАДА. Разряд, Столбцы Приказного стола, № 423, лл. 184—201.

кремля, где засел воевода И. Б. Милославский. Разин в то же время заботился о снабжении своего войска оружием.

Однако со стороны Милославского и запершихся с ним в кремле ратных людей, прежде всего московских стрельцов, а также дворян и детей боярских, бежавших из уезда и смежных городов от расправы крестьян, Разин встретил упорное сопротивление. Он четыре раза приступал к кремлю, и все безуспешно. Вот как описывал эти приступы очевидец. Разин, «навивая на телеги сено и солому, подвозил под город и зажигал, а людьми многими шел на приступ, но из города его побили». Через несколько дней он повторил приступ ночью: «велел всякому нести дрова и зажигать город», и на том приступе осаждавшие понесли крупный урон. Наконец, Разин «велел валить вал от казанской стороны сажен на сорок в длину; взвели вал близко с городом на-ровень, и велел нести на приступ дрова и метать меж вала и городской стены». Поджечь город не удалось, на этих приступах осаждавшие потеряли много людей[1].

Упорство и многочисленность осаждавших в конце концов сломили бы Милославского с его небольшим гарнизоном, уже начавших испытывать нужду в воде. Выручили Симбирск конные и пешие отряды князя Ю. Барятинского, который 15 сентября двинулся из-под Казани к Симбирску.

По пути ему все время приходилось сражаться с повстанцами. Так, около Свияжска Барятинского встретил трехтысячный отряд казаков, татар, чувашей, мари и мордвы. Барятинский разбил его. То же повторилось на р. Карле, под татарской деревней Крысадаки и дальше под деревней Поклоуш. 1 октября Барятинский подошел к р. Свияге и остановился в двух верстах от Симбирска. Когда Разин узнал о приходе воеводы, он с наиболее подготовленной и дисциплинированной частью своего войска, донскими казаками, напал на Барятинского. Первый натиск был отбит; Разин повторил его, но уже с большими силами и артиллерией. «Люди в людях мешались, и стрельба ружейная и пушечная были в притин [в упор]», — так описывает бой Барятинский. Сам Разин был ранен и едва не попал в руки врагов. Наконец Разин должен был отступить. Он заперся в одной из башен симбирского острога. 3 октября Барятинский подошел к кремлю и освободил от осады Милославского. Оправившись, Разин возобновил свои действия против объединенных теперь сил Барятинского и Милославского. Последний приступ Разин повел в ночь на 4 октября. Повстанцы придвигали приметы и зажигали их, бросали с вала зажженные бревна и стреляли из пушек. Однако казачьи и крестьянские отряды действовали разрозненно и не могли успешно бороться с лучше организованными и вооруженными полками нового строя. Воспользовавшись темнотой ночи, Барятинский применил военную хитрость: чтобы отвлечь часть войск Разина в другую сторону, он переправил на Свиягу один из своих полков и приказал этому полку делать там «окрики». Разин, думая, что подходит

---

[1] ЦГАДА. Разряд, Столбцы Приказного стола, № 423, лл. 230—236.

Г. Симбирск. Гравюра 1767 г.

новое войско, погрузился на струги с донскими казаками, отплыл от Симбирска к Царицыну и оттуда ушел на Дон. Барятинский и Милославский жестоко расправились с оставшимися около Симбирска астраханцами, царицынцами, саратовцами и самарцами[1].

До ухода на Дон у Разина были иные, правда, не осуществившиеся почему-то планы. В письме от 13 октября к атаману Матвею Семенову в Керенск Разин, повидимому, еще с Волги и недалеко от Симбирска писал, что он собирается задержаться в Шацком уезде в селе Конобееве, а оттуда «иттить под Москву бояр побивать»[2]. Поход Разина на Конобеево, однако, не состоялся, и, пробыв в Царицыне несколько дней, Разин пошел на Дон, в Кагальницкий городок, недалеко от которого год назад он начал организацию своего похода.

Разин пытался спасти положение. Он рассылал по станицам воззвания, сносился с Астраханью. Не все еще было потеряно и на Дону: не все еще низовые казаки отошли от Разина. У него были постоянные связи с Черкасском. Там даже подготовлялось восстание против усилившейся в связи с неудачей Разина партии, к которой теперь примкнул и Корнило Яковлев.

В начале декабря 1670 г. Яков Гаврилов, один из сторонников Разина, с товарищами намеревался убить Яковлева и уничтожить видных представителей его партии, как того требовал Разин. Однако заговор был раскрыт и по постановлению круга Гаврилов был убит. Тогда же был созван и другой круг, на котором казаки — сторонники Москвы — и запорожцы, которые были в это время на Дону, вынесли решение сохранить верность правительству и к Разину не присоединяться[3]. После расправы с Гавриловым число сторонников старшины, ориентировавшейся на Москву, возросло еще больше: в январе 1671 г. их было около 5 тыс. человек. Когда Разин в феврале приехал в Черкасск, его туда не пустили. С неделю стоял он около Черкасска и безуспешно пытался войти в город. У Разина было, однако, много сочувствующих, и это объясняет нерешительность действий по отношению к нему старшины, возглавляемой Яковлевым, а также ее обращение к царскому правительству за военной помощью[4]. На Дон был послан тогда полковник Г. Косагов с отрядом в 2 тыс. рейтар и драгун. 14 апреля 1671 г. черкасские казаки захватили Кагальник и сожгли его, убив в стычке многих старшин Разина, самого же Разина, его брата Фрола и их жен захватили и привезли в Черкасск. 4 июня Разин, скованный, был доставлен в Москву, где пытан и казнен 6 июня 1671 г.

---

[1] ЦГАДА. Разряд, Столбцы Приказного стола, № 423, лл. 230—235; Столбцы собрания Карабанова, № 26, лл. 175—181; Столбцы Белгородского стола, № 687, лл. 807—818.

[2] ЦГАДА. Разряд, Столбцы Белгородского стола, № 674, лл. 81—84.

[3] *Д. Е. Кравцов.* Отголоски Разинщины на Украине.— «Труды Ин-та славяноведения АН СССР», т. II, Л., 1934, стр. 95, 96.

[4] ДАИ, т. VI, № 12, стр. 64.

* * *

После поражения Разина под Симбирском восстание в Поволжье не только не прекратилось, но расширилось, перекинувшись в Заволжье. Отряд, собранный Ильей Ивановым, разорял поместья и вотчины на Ветлуге. Тот же атаман волновал своими прокламациями население Унжи и Галича[1]. В начале 1671 г., когда главные силы поволжских повстанцев были разгромлены, Иванов с товарищами оказался на севере, в районе Вятки и Соли Камской, Устюжского и Сольвычегодского уездов, где призывал к себе охочих людей[2]. В связь с деятельностью сторонников Разина, повидимому, можно поставить и разорение крестьянами далеких двинских монастырей в 1670 г.[3]; в известной связи с разинским движением стоит и Соловецкое восстание. Группы повстанцев появились под Москвой, в Коломенском уезде. «Листы» Разина обнаружились в Карелии и Ижоре. В сентябре—октябре 1670 г. восстание вспыхнуло на территории Слободской Украины[4].

Восстание в Поволжье бушевало еще несколько месяцев. С большим трудом воеводам князю К. О. Щербатову и Ф. И. Леонтьеву удалось ликвидировать центры восстания в Нижегородском уезде — в селах Лыскове и Мурашкине — и тем самым отстоять Нижний-Новгород, где среди жителей была замечена «шатость». Повсюду каратели наталкивались на многочисленные, вооруженные пушками «засеки». Так, под селом Ключищами воеводе Леонтьеву пришлось преодолеть целую группу таких засек и укреплений, прежде чем захватить дорогу на Курмыш. Те же препятствия встречали князь Долгоруков и воевода Лихарев в районе Темникова, Кадома и Красной слободы. В районе Темникова заметное участие в восстании принимало духовенство: во главе одного крестьянского отряда стоял священник Савва, другой священник Пимен совершал молитвы за восставших казаков. Известная старица Алена, сожженная впоследствии князем Долгоруковым в срубе, действовала в Темниковском и Шацком районах и была атаманом: «ходит баба ведунья, вдова, крестьянка Темниковского уезда, Красной слободы, и собралось с ней воровских людей 600 чел.»[5] Воеводе Лихареву пришлось выдержать тяжелый бой под селом Веденяпиным с отрядом повстанцев в 5 тыс. человек. Происходили упорные бои между повстанцами и правительственными войсками под Шацком, где, кроме отрядов атаманов Харитонова и Федорова, появился еще один, состоявший главным образом из тамбовских казаков и солдат, направлявшихся на службу в Шацкий полк. Атаман этого отряда Мещеряков принес сначала повинную воеводе Хитрово, но затем стал действовать

---

[1] ЦГАДА. Разряд, Столбцы Московского стола, № 441, лл. 24—26, 184—186.

[2] ЦГАДА. Приказные дела старых лет, 1671, № 560, лл. 1—9.

[3] Отдел древних рукописей и актов Ин-та истории АН СССР в Ленинграде. Акты Антониева-Сийского монастыря. Грамота «с прочетом» 10 сентября 1670 г.

[4] «Материалы для истории возмущения С. Разина», III, стр. 113—114.

[5] ЦГАДА. Столбцы собрания Карабанова, № 26, лл. 60—64.

заодно с повстанцами в селе Червленном в 20 верстах от Тамбова. В районе Алатыря, Корсуня, Ургеня, Атемара и Саранска правительственные карательные отряды воевод князя Ю. Барятинского и Панина столкнулись с 8 тыс. повстанцев, ушедших сюда после неудачной осады Симбирска. Около Усть-Уренской слободы, на р. Кандаратке, Барятинскому пришлось иметь дело с 15 тыс. повстанцев, вооруженных 12 пушками. Упорное сопротивление Барятинский встречал в деревнях Алатырского и Саранского уездов.

Приносившие «повинную» повстанцы часто возобновляли военные действия против правительственных войск, пытаясь снова захватить занятые карателями города и селения. Так, еще в начале декабря, когда восстание уже во многих пунктах было разбито, атаманы А. Савельев, Я. Никитинский и мурза Калка пытались прорваться к Алатырю, по пути вступая в бой с воеводами князем Барятинским и Паниным[1]. Тогда же 3 тыс. повстанцев из села Апраксина собирались идти на Арзамас, а оттуда к Нижнему-Новгороду. Воевода Леонтьев разбил этот отряд вместе с обозом.

В декабре 1670 г. были подавлены наиболее крупные очаги восстания в Поволжье, в районе Верхнего и Нижнего Ломовых и Пензы. Вслед за ними сдался Керенск. Огромным упорством отличалось сопротивление повстанцев в районе Свияжска, Цивильска, Чебоксар и Козьмодемьянска. После нескольких приступов князь Д. Барятинский взял Козьмодемьянск, подвергшийся в половине ноября новому нападению повстанцев в количестве 13 тыс. человек. Неудача этого нападения привела к сдаче Барятинскому городов Ядрина и Курмыша[2]. Однако еще долго в этом районе продолжалась борьба значительных групп повстанцев, среди которых были чуваши и мари, с правительственными войсками.

Лишь к весне 1671 г. царскому правительству удалось потушить восстание в Поволжье, залив его потоками крови. Один из иностранцев назвал Арзамас, где чинил расправу князь Долгоруков, «преддверием ада». «Кругом стояли виселицы; на каждой из них висело человек сорок-пятьдесят. В другом месте валялось множество обезглавленных, плавающих в крови. В разных местах находились посаженные на кол...» В течение трех месяцев в Арзамасе было казнено не менее 11 тыс. человек[3]. Казни происходили не только в Арзамасе, но и во всех тех городах, селах и деревнях, где появлялись карательные отряды дворянской армии. Казни сопровождались разорением хозяйства восставших. Так, в селе Мурашкине после разгрома его ратными людьми оказалось всего 12 дворов, в которых кое-что еще осталось; остальные 394 двора были «позжены без остатку». Сгорели лавки, кузницы и т. п. Крестьянское имущество — скот и

---

[1] ЦГАДА. Разряд, Столбцы Приказного стола, № 423, лл. 1—8.
[2] ЦГАДА. Разряд, Столбцы Московского стола, № 441, лл. 496—514.
[3] «Чтения ОИДР», 1895, кн. 3, отд. III, стр. 12.

хлеб — беспощадно реквизировалось[1]. Жестокость при подавлении восстания, разорение и перспективы усиления крепостничества благоприятствовали распространению раскола. Много крестьян из Мурашкина с женами и детьми сжигали себя в срубах (1671—1672). Это явление должно было, несомненно, наблюдаться и в других местах, переживших трагедию разгрома. «Десятки и сотни раз пытались трудящиеся на протяжении веков сбросить с плеч угнетателей и стать господами своего положения. Но каждый раз, разбитые и опозоренные, вынуждены были они отступить, тая в душе обиду и унижение, злобу и отчаяние и устремляя взоры на неведомое небо, где они надеялись найти избавление»[2].

27 ноября 1671 г. был взят и последний оплот восстания Разина — Астрахань.

* * *

Так кончилась грандиозная Крестьянская война, поднятая С. Т. Разиным, «одним из представителей мятежного крестьянства»[3], охватившая почти половину Русского государства. Кончилась она неудачей. Такова судьба всех крестьянских восстаний и не только в феодально-крепостной России, но и в Западной Европе.

Для понимания крестьянских восстаний в России в XVII—XVIII вв. ценнейшие указания дают В. И. Ленин и И. В. Сталин. «Когда было крепостное право,— пишет В. И. Ленин,— вся масса крестьян боролась со своими угнетателями, с классом помещиков, которых охраняло, защищало и поддерживало царское правительство. Крестьяне не могли объединиться, крестьяне были тогда совсем задавлены темнотой, у крестьян не было помощников и братьев среди городских рабочих, но крестьяне все же боролись, как умели и как могли», «...просто потому, что им стало невтерпеж, что они не хотели умирать бессловесно и без сопротивления». Крестьянские восстания были восстаниями «...темной, несознательной массы,... без определенных, ясных *политических* требований, т. е. без требования изменить *государственные* порядки»[4]. Стихийность и локальность крестьянских восстаний, их политическая неосознанность, выражавшаяся в неуменьи поставить вопрос об изменении государственного строя страны, подчеркиваются И. В. Сталиным: «...говоря о Разине и Пугачёве, никогда не надо забывать, что они были царистами: они выступали против помещиков, но за „хорошего царя“»[5]. Действительно, для широких масс крестьянства, мелкого служилого и посадского люда, присоединившихся к Разину, наиболее близкими лозунгами было именно уничтожение бояр,

---

[1] *Н. С. Чаев.* К истории Разинщины.— «Вестник Академии наук СССР», 1933, № 4, стр. 34.

[2] *И. В. Сталин.* Соч., т. 6, стр. 47.

[3] *В. И. Ленин.* Соч., т. 29, стр. 304.

[4] *В. И. Ленин.* Соч., т. 6, стр. 384—386.

[5] *И. В. Сталин.* Соч., т. 13, стр. 113.

помещиков и приказных людей, так как в представлениях широких народных масс все зло в государстве шло «от бояр и воевод» — «царевых изменников». Не вносило ничего нового в этом отношении и казачество. Голутвенное казачество («голытьба»), теснейшим образом связанное с крестьянством и другими слоями закрепощенного и закрепощаемого населения в Русском государстве, идеологически ничем от них не отличалось. Казачество, давно осевшее на Дону, в том числе и зажиточное, «домовитое», с его идеологией «казацкого круга» также не могло претендовать на значение носителя новых политических начал. Приняв участие в восстании против правительства с его централистскими тенденциями относительно Дона, «природное» казачество хотя и насаждало в занятых городах и селах «круги» и «строило атаманов», тем не менее боролось все же за «хорошего царя» и, следовательно, за сохранение прежних государственных порядков.

То обстоятельство, что Крестьянская война под предводительством С. Т. Разина кончилась неудачно, отнюдь не умаляет ее значения. В цепи многочисленных крестьянских восстаний и волнений XVII—XIX вв. она была одним из крупнейших и сыграла важную роль в борьбе крестьянства со своими угнетателями.

8

ЦЕРКОВНЫЙ РАСКОЛ И СОЛОВЕЦКОЕ ВОССТАНИЕ 1668—1676 ГГ.

Централизация, проводившаяся в Русском государстве в течение всего XVII в., охватывала также и религиозную жизнь русского общества, регламентировала ее и направляла в соответствии с интересами господствующего класса. Централизация и упорядочение русского богословия и культа обусловливались не только внутренними потребностями, но и планами внешней политики правительства.

Предложение Богдана Хмельницкого о воссоединении Украины с Русским государством в 1648 г. рассматривалось как начало, за которым могло последовать общее развертывание русской восточной политики. Богдан Хмельницкий в беседе с Арсением Сухановым (в 1649 г.) уверял, что в войне с Польшей из-за Украины заинтересованы «грецы, и серби, и болгары, и волохи, и мунтьяна», надеявшиеся освободиться от турецкого «пленения» вслед за разгромом магнатско-шляхетской Речи Посполитой[1].

В сложной внутри- и внешнеполитической обстановке русское правительство предприняло серьезные меры, направленные к унификации

[1] Обширный материал по этим вопросам см. в работе: *Н. Ф. Каптерев*. Характер отношений России к православному Востоку в XVI—XVII вв. Сергиев Посад, 1914. См. также: *С. А. Белокуров*. Арсений Суханов, ч. II.— «Чтения ОИДР», 1894, кн. 2, отд. I. Статейный список Суханова, стр. 18; *Н. Ф. Каптерев*. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович, т. I, Сергиев Посад, 1909, стр. 43—46.

московской богословской системы и церковно-обрядовой практики. Этот важный шаг диктовался прежде всего потребностями централизованного государства. Необходимо указать также, что русское правительство в это время стремилось к объединению православных церквей Украины и балканских стран. Между тем церковь Украины, вопрос о присоединении которой был поставлен на повестку дня, находилась в тесной связи с греческой церковью, в то время как русская церковь все еще значительно отличалась в церковно-обрядовом отношении от греков. Необходимо было внести единообразие в церковную жизнь того времени. Такое же единообразие следовало внести и в богослужебные книги, так как вследствие описок и самовольных изменений, внесенных переписчиками, в них вкралось немало искажений. Это мероприятие диктовалось прежде всего потребностями централизованного государства, заинтересованного в укреплении государственной церкви.

Предстояло решить, каким путем провести эту унификацию. В предшествующем столетии русская церковь на Стоглавом соборе, закрепив и внеся некоторое единообразие в многочисленные обряды, бытовавшие на Руси, сделала серьезный шаг вперед в централизации государственной церкви и в борьбе с народными «еретическими» течениями (учения Артемия, Матвея Башкина, Феодосия Косого). Постановления Стоглавого собора подтверждали незыблемость русских церковных обрядов, поскольку Москва, по учению идеологов русской церкви, являлась истинной хранительницей православия, «третьим Римом», так как два первых Рима — Рим и Константинополь—потеряли свое значение мировых религиозных центров. Решения Стоглава стали как бы мерилом «правоверия» для многих поколений русских богословов, живших во второй половине XVI — первой половине XVII в.

Другой путь — исправление богослужебных книг по греческим подлинникам и внесение в русскую церковно-обрядовую практику исправлений на основе практики греческой церкви. Оба пути имели своих сторонников и защитников. Во время патриаршества Иосифа (1640—1652) справщики Печатного двора, т. е. редакторы печатаемых богослужебных книг, пришли к мысли, что книги следует исправлять по греческим подлинникам. Эту работу должны выполнять люди, не только хорошо знающие греческий и славянский языки, но и богословски образованные. Эти взгляды разделяло и правительство. Специалистов, подходивших для такого дела, можно было найти на Украине среди питомцев Киевской Могилянской коллегии.

В 1649 г. по приглашению русского правительства приехали в Москву киевские ученые монахи Епифаний Славинецкий и Арсений Сатановский, а в следующем году Дамаскин Птицкий, и приступили к работе по исправлению книг[1].

---

[1] *Н. Ф. Каптерев.* Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов. Время патриаршества Иосифа. Сергиев Посад, 1913, стр. 45—50.

Другая точка зрения высказывалась некоторыми членами так называемого «кружка ревнителей благочестия», образовавшегося в Москве в конце 40-х годов XVII в. под руководством царского духовника, настоятеля кремлевского Благовещенского собора протопопа Стефана Вонифатьева. В состав кружка входили и светские и духовные лица, московские и провинциальные. Из московских членов наиболее видными, кроме Стефана Вонифатьева, были окольничий Ф. М. Ртищев, архимандрит Новоспасского монастыря Никон (впоследствии митрополит новгородский и затем патриарх), протопоп Казанского собора Иван Неронов, переведенный в Москву из Нижнего-Новгорода, и дьякон кремлевского Благовещенского собора Федор Иванов. Из провинциальных ревнителей выделялись протопопы: Юрьевца Поволжского — Аввакум, костромской — Даниил, романовский — Лазарь, муромский — Логгин и др. Особенно сильна была группа провинциальных ревнителей, к которым из московских примыкали Иван Неронов, дьякон Федор и в первое время архимандрит Никон. Эта группа признавала необходимым исправление богослужебных книг и обрядов, но по старым русским рукописям и по решениям Стоглавого собора. С. Вонифатьев и Ф. М. Ртищев допускали исправление книг по греческим образцам.

Главной задачей «ревнителей благочестия» было устранение непорядков в церковной жизни. Прежде всего ревнители считали необходимым бороться с религиозной индифферентностью населения. Вместе с тем их кружок обратил внимание на деятельность самого духовенства, на беспорядок, царивший при богослужении, и повел решительную борьбу с «многогласием»[1]. Когда стремление к «единогласию» не встретило поддержки со стороны патриарха Иосифа и церковного собора, созванного им 11 февраля 1649 г.[2], ревнители стали вводить «единогласие» явочным порядком, что вызвало охлаждение между Стефаном Вонифатьевым и патриархом Иосифом.

Ревнители придавали большое значение церковной проповеди и стремились сделать ее постоянной частью богослужения. Некоторые из них пользовались славой красноречивых проповедников. Проповеди Ивана Неронова в Казанском соборе привлекали многочисленных слушателей, среди которых нередко бывал и царь Алексей.

Царь поддерживал мероприятия ревнителей и прислушивался к их голосу, но во взглядах на исправление богослужебных книг и обрядов расходился с большинством ревнителей. Он считал необходимым произ-

[1] Русское духовенство XVII в. тяготилось продолжительностью церковных служб, но не решалось сокращать их, боясь нарушить богослужебный устав. Выход из положения был найден в так называемом «многогласии». При богослужении все делалось одновременно: священник читал свое, дьячок свое, хор пел свое, вследствие чего в церкви стоял невообразимый шум, и ничего нельзя было понять.

[2] «Деяние Московского церковного собора 1649 г.».— «Чтения ОИДР», 1894, кн. 4, отд. III, стр. 29—52.

вести эти исправления по греческим образцам и использовать при этом опыт византийской церкви, находившейся в свое время в полном подчинении у императорской власти. Проведение в жизнь предстоящей церковной реформы выпало на долю патриарха Никона.

Безвестный священник из крестьян Нижегородского уезда, затем монах Соловецкого монастыря, далее игумен Кожеозерского монастыря в Поморье, Никон в 1646 г. приех в Москву и встретился с царем Алексеем. После этого началось его возвышение: назначенный в том же году архимандритом Новоспасского монастыря, он в 1648 г. был уже митрополитом в Новгороде, где, между им, оказал правительству содействие в подавлении восстания 1650 г.

В бытность архимандритом Новоспасского монастыря Никон примыкал к провинциальным членам кружка ревнителей и отрицательно относился к грекам и киевлянам[1]. Позднее под влиянием царя Алексея, Ф. М. Ртищева и Стефана Вонифатьева, представлявших «грекофильствующее» направление, а также по мотивам личного честолюбия Никон изменил свое представление о путях предполагавшейся реформы. Царь считал, что только такой человек, как Никон, обладавший железной волей, веривший в свое высокое назначение, сможет успешно осуществить реформу.

Престарелый патриарх Иосиф был несочувственно настроен к этим церковно-политическим замыслам[2]. После его смерти 25 июля 1652 г. Никон с торжественностью, не имевшей примера в прошлом, был возведен на патриаршество.

Начало церковной реформы совпало с окончательным решением царя и Боярской думы о присоединении Украины. 14 марта 1653 г., вскоре после того как было принято это решение, Никон нанес первый удар «древнему благочестию», разослав по церквам «память» о поклонах и троеперстии: земные поклоны заменялись поясными и требовалось креститься тремя перстами вместо двух.

Сопротивление реформам патриарх Никон встретил прежде всего со стороны своих прежних соратников, членов кружка «ревнителей благочестия». О своем впечатлении от распоряжения Никона протопоп Аввакум писал: «Мы же задумалися, сошедшеся между собою: видим, яко зима хощет быти; сердце озябло и ноги задрожали». Аввакум вместе с протопопом Даниилом сейчас же начали действовать, написав царю возражение. Успеха они не добились[3]. Однако противники Никона сумели поселить недоверие и враждебность к реформам в более широких кругах населения, в первую очередь в столице.

---

[1] «Записки о жизни протопопа Ивана Неронова с 1653 по 1659 г.».— «Материалы для истории раскола», под ред. Н. И. Субботина т. I, М., 1875, стр. 150.

[2] *Н. Ф. Каптерев*. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович, т. I, стр. 106—114.

[3] «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное».— РИБ, т. 39, Л., 1927, стб. 15.

Суровый и властный патриарх ответил на протест ревнителей репрессиями. Противники реформ Аввакум, Иван Неронов, дьякон Федор и другие были отправлены в ссылку или заключены под надзор в монастыри.

Весной 1654 г. Никон созвал в Москве церковный собор, на котором обвинял русскую церковь в отступлении от древних чинов и обрядов. Он требовал устранить новшества в богослужебных книгах и церковно-обрядовой практике, не находивших подтверждения в древних книгах и в практике греческой церкви, и одобрить меры, которые он предпринял год назад.

Никон не учел, что в греческой церкви под влиянием разных причин также произошли изменения в церковных обрядах. Вот почему члены собора 1654 г., одобряя реформу, потребовали привести существующие церковные обряды в полное соответствие с древней практикой как греческой, так и русской церкви[1].

После собора 1654 г. Никон отправил обширное письмо к константинопольскому патриарху Паисию с просьбой высказаться по спорным церковно-обрядовым вопросам. Еще до получения ответа от Паисия в Москву в 1655 г. прибыл для сбора милостыни антиохийский патриарх Макарий.

Никон воспользовался его присутствием, чтобы получить необходимые сведения об обрядовой практике греческой церкви. Макарий, заинтересованный в расположении Никона, так как это сулило ему обильную милостыню в Москве, шел навстречу всем желаниям московского патриарха. Макарий осудил русскую церковно-обрядовую практику, в частности двоеперстие при крестном знамении, признав троеперстие единственно православной формой перстосложения. Предложил он исправления и других обрядов. Никон охотно его слушал и изменял русские обряды. В 1655 г. был созван новый собор, на котором Макарий и некоторые из присутствовавших греческих епископов прокляли сторонников двоеперстия. Поддержал Макарий и борьбу Никона с иконами нового письма, имевшими отступления от старой византийской иконописной традиции. На соборе патриарх Никон заявил себя решительным сторонником греческих книг и обрядов.

Ответ константинопольского патриарха Паисия, пришедший уже после собора 1655 г., был облечен в очень осторожную форму. Общий смысл его сводился к следующему: обряды не имеют существенного значения; нужно бороться только с извращениями в области вероучения, обряды же можно не исправлять. Никон не внял этому совету и, пользуясь присутствием в Москве патриарха Макария, созвал в 1656 г. новый собор, на котором все защитники старых русских обрядов были отлучены от церкви[2].

---

[1] *Н. Ф. Каптерев.* Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович, т. I, стр. 136—150.

[2] Там же, стр. 151—202.

* * *

Церковная реформа скоро потеряла значение мероприятия узко-ведомственного, церковного и сделалась знаменем антиправительственной и антифеодальной оппозиции. В «раскол» шли люди из самых разнообразных общественных слоев: бояре, белое и черное духовенство, посадские люди, крестьяне. Конечно, представители этих различных общественных слоев вкладывали в понимание «старой веры» различные социальные и политические чаяния [1].

Церковная реформа, проводившаяся по инициативе русского правительства, имела целью не только внести единообразие в богословскую систему и обрядовую практику: по существу она знаменовала новый этап подчинения церкви светской власти. От этого терпело и низшее сельское духовенство, видевшее в сильной патриаршей власти только орган эксплуатации, и крупные церковные феодалы — монастыри и епископы, ревниво оберегавшие свои привилегии. Этим и объясняется, что не только полуграмотное низшее духовенство, но и некоторые из видных иерархов выступили против реформы.

«Крайнее правое» крыло противников церковной реформы боролось против ущемления прав и привилегий высшего духовенства. Поэтому восстановление особой юрисдикции для церковников (1667) и упразднение Монастырского приказа (1672) укрепили позиции царизма среди верхушки духовенства.

Раскол имел приверженцев и в некоторых реакционно-настроенных кругах высшей московской знати, видевшей в реформах Никона новое средство усиления царской власти. Среди бояр, поддерживавших старую веру тогда и позже, можно назвать ряд известных фамилий: боярыни Ф. П. Морозова и Е. П. Урусова, князь И. А. Хованский, князь Мышецкий, Потемкин, Соковнин, Стрешнев и некоторые другие [2].

Раскол не ограничивался этими чисто реакционными проявлениями, он широко распространился среди посадских людей и крестьянства. Распространение его в народе старая (особенно церковно-историческая) литература рассматривала исключительно как выражение невежества его последователей; в действительности раскол отражал глубокое социальное недовольство угнетаемых слоев населения. Народные массы, становясь на сторону «старой веры», выражали этим свой протест против феодального гнета, прикрываемого и освящаемого церковью. «Если эта классовая борьба [в средние века] носила тогда религиозный отпечаток,— говорит Ф. Энгельс,— если интересы, нужды и требования отдельных классов

---

[1] *Н. М. Никольский.* История русской церкви, Минск, [1930], стр. 97—98,106—107, 110 и др.; *Л. Е. Анкудинова.* Социально-политическая сущность религиозно-общественного движения в Русском государстве третьей четверти XVII в. (Автореферат кандид. диссертации). Л., 1951, стр. 8.

[2] *Н. М. Никольский.* Указ. соч., стр. 110.

скрывались под религиозной оболочкой, то это нисколько не меняет дела и легко объясняется условиями времени»[1].

Послания и «письма» Аввакума, Лазаря, Федора и других расколоучителей, через многочисленных приверженцев широко расходившиеся среди населения Русского государства, возбуждали главным образом средние и низшие городские слои и крестьянство к «стоятельству» за старую веру. Церковно-религиозный по своей форме протест, отражавший в немалой степени консервативные настроения его зачинателей и первых последователей, враждебно относившихся к проникновению в русское общество западноевропейских обычаев, все более сливался с конца 60-х годов XVII в. с социально-политической борьбой трудового населения страны против крепостничества и гнета централизованного феодального государства. Преследуемая «казнениями по градским законам», старая вера становилась идеологическим знаменем этой борьбы. Наиболее ранний протест против реформы Никона — городское движение в Москве в августе 1654 г. — обусловливался не только религиозными мотивами; под ним, несомненно, скрывалось глубокое недовольство низов городского населения. Совсем еще недавно Уложение 1649 г. закрепило итоги предшествовавшей социальной дифференциации посадского населения. Открывались перспективы усиление экономической и социальной мощи посадской верхушки, с одной стороны, и растущего обнищания средних, плебейских и деклассированных масс русских городов — с другой. Средние и мелкие торговые люди, много терпевшие от иностранной конкуренции, охотно воспринимали мнение раскольников о гибельности западных влияний на Руси — латинских обычаев—как в религиозной, так и гражданско-бытовой сфере.

Все эти черты раскола периода его возникновения в известной степени свойственны и выступлению «многих земских и розных слобод людей» в Москве в 1654 г., когда они с «соскобленной», по указу Никона, иконой в руках говорили боярам князю М. П. Пронскому с товарищами, управлявшим государством во время пребывания царя в походе против Речи Посполитой, про патриарха «многие непристойные речи», называли его «иконоборцем» и упрекали в том, что «держит де у себя... ведомово еретика старца Арсения [грека] и во всем де ему дал волю и велел ему быть у справки печатных книг; и тот де чернец многие книги перепортил» (т. е. ввел в них «латинскую» и иную ересь). Посадские люди требовали задержать Никона и Арсения и угрожали разнести «соскобленные» иконы во все сотни и слободы, грозя придти к боярам с требованиями на другой день, но уже в большем числе. Характерно, что в этом движении гости и «лучшие» посадские люди участия не принимали[2].

Более или менее крупные торговые люди стали вступать в раскол в самом конце XVII и в начале XVIII в., когда, в связи с реформами Петра I,

---

[1] *Ф. Энгельс.* Крестьянская война в Германии. Госполитиздат, 1952, стр. 33.

[2] *Н. А. Гиббенет.* Историческое исследование дела патриарха Никона, ч. II. СПб., 1884, прилож. стр. 473—476.

происходили изменения в хозяйстве и социально-политическом строе государства. В рассматриваемое же время крупные торговые люди, так же как и дворяне, остававшиеся классовой опорой царской власти, почти не выступали как сторонники старой веры.

Среди крестьянства, в 50—60-х годах в массе своей закрепощенного помещиками, голодного и обнищалого, пережившего страшную чуму 1654 г., бесконечные войны и частые неурожаи 50-х годов, старообрядчество также находило благоприятную почву для развития. Замена старой веры новой как бы завершала в глазах крестьян уничтожение всех «старых градских законов», казавшихся теперь несравненно лучшими, чем новые «кабалы» и «мучительства», крепко затянувшие петлю крепостной неволи.

Разобщенность крестьянства и невозможность противопоставить помещику и государству более или менее значительную силу, а также жестокости при подавлении отдельных крестьянских восстаний приводили к усилению сопротивления. Люди бежали на восток, юг и юго-восток государства, забрасывали поля, уходили в леса и пустыни, морили себя голодной смертью и, наконец, принимали «огненное крещение», т. е. сжигали себя в срубах. Крупную роль в развитии и укреплении таких настроений среди крестьянства сыграл один из столпов раскола, протопоп Аввакум. Фанатично преданный старой вере, образным, понятным для широких масс языком призывал он всех «бедных горемык» готовиться к близкому концу мира. «Антихрист» уже пришел в мир и воцарился в Москве. Никон и царь Алексей — «два его рога»; они пьют кровь «святых свидетелей Исусовых» (т. е. старообрядцев) и пьяны от нее. Царь, патриарх и все власти поклонились «антихристу» и следуют за ним[1]. Раз «антихрист» уже пришел в мир, то, по словам Аввакума, остается еще немного потерпеть[2]. За «огнепальным крещением» Аввакум рисует и привлекательные картины «райского жития», предназначенного для тех, кто скорбел на земле: «Посмотри-тко на рожу-ту и на брюхо-то, никониян окаянный,— толст ведь ты! Как в дверь небесную вместитися хощешь?» Только тот пройдет туда, у которого «лице и руце и нозе и вся чувства тончава и измождала от поста и труда и всякия им находящия скорби»[3].

Рассуждения Аввакума о конце мира, для которого указывались точные сроки, должны были производить особенно сильное впечатление на крестьянство после разгрома Крестьянской войны под предводительством С. Т. Разина. Именно тогда и началась ужасная практика самосожжений. Едва ли не первые случаи их относятся к 1671 г., когда в Нижегородском районе карательные отряды князя Ю. А. Долгорукова пролили море крестьянской крови. Ожидание конца мира среди крестьян, все более распространяясь, продолжалось до конца XVII в., перешло и в XVIII век.

---

[1] *П. С. Смирнов.* Внутренние вопросы в расколе в XVII в. СПб., 1898, стр. 10.

[2] «Памятники истории старообрядчества», кн. 1, вып. 1.— РИБ, т. 39, стб. 571.

[3] Там же, стб. 291.

Участие посадских людей и крестьян в борьбе под знаменем «старой веры» не устраняет реакционности идеологии старообрядчества, потому что она не обостряла классового сознания трудящихся масс, а, наоборот, затемняла его и уводила в область религии. Старообрядчество сохраняло также царистский характер: называя Алексея Михайловича «антихристом», старообрядцы мечтали о благочестивом и хорошем царе, который восстановит «старую веру» в ее правах[1].

* * *

В истории раннего раскола большое значение имеет Соловецкое восстание 1668—1676 гг. Начавшись движением в защиту «старой веры», оно вылилось в активное восстание против государственной власти. В нем ярко отразились вся сложность социального содержания раскола, его последовательная эволюция и смыкание с массовым народным движением.

В Соловецком монастыре были особенно благоприятные условия для развития движения. Он был расположен на островах Белого моря и слабо связан с московской патриархией и новгородской митрополией, которой он когда-то был подчинен. Обнесенный крепкой каменной стеной, снабженный большим количеством военных припасов и имевший сильный стрелецкий гарнизон, монастырь был пограничной крепостью, прикрывавшей вход в Архангельский порт. Монастырь владел не только Соловецкими островами, но и значительной частью морского побережья. В своих владениях он организовал ряд крупных предприятий — соляные варницы, слюдяные разработки, кожевные избы, поташные заводы, рыбные ловли. Ни братия монастыря, ни монастырские крестьяне не могли полностью обеспечить рабочей силой эти многочисленные предприятия и промыслы. Монастырь постоянно нуждался в рабочих руках и охотно принимал всех, кто туда приходил. Среди монастырских трудников, работавших «из найма» и «по обещанию», т. е. бесплатно, было много беглых — крестьян, посадских людей, стрельцов, солдат.

Наконец, монастырь, вследствие его отдаленности от центра, стал еще в XVI в. местом ссылки. Опальные служилые люди и сосланные духовные лица приносили в Соловецкий монастырь свое недовольство властью — духовной или светской, отправившей их в ссылку, и явно недоброжелательно относились к распоряжениям, исходившим из Москвы. Эти ссыльные сыграли потом свою роль в усилении раскольничьей оппозиции в монастыре: в движении приняло участие до 40 опальных людей во главе с князем Львовым. По разным мотивам к движению постепенно примкнули все слои монастырского населения.

Соловецкий монастырь, руководимый архимандритом Ильей, отказался в 1657 г. принять новые богослужебные книги. Составив на братском

[1] *Л. Е. Анкудинова.* Указ. соч., стр. 11, 12.

совете соответствующий приговор, монахи спрятали новые книги в «казенную палатку» и продолжали служить по старым.

Соловецкий монастырь. Деталь иконы начала XVIII в.
Государственный Исторический музей

Не изменилось настроение монахов и при преемнике Ильи — новом архимандрите Варфоломее. Под его руководством соборные старцы Соловецкого монастыря составили 16 февраля 1663 г. приговор о непринятии новых книг и обрядов[1]. Тогда же соловецкие старцы решили послать архимандрита Варфоломея в Москву для челобитья о нуждах монастыря. Соборные старцы отстаивали свою религиозную и хозяйственную самостоятельность. Черные старцы, основная масса братии монастыря, не входившая в состав монастырского собора, начав с церковного протеста против нововведений Никона, постепенно переходили к борьбе с привилегированной частью монастырской общины, соборными старцами, за уравнение в правах по управлению монастырем. К черным старцам примкнули и некоторые соборные старцы, как Герасим Фирсов и Александр Стукалов.

Архимандрит Варфоломей уехал в Москву. Черные старцы воспользовались его отсутствием и открыто выступили против церковных преобразований. В Москву был послан ряд челобитий в защиту «старой веры» с нападками на Варфоломея и требованием его устранения. Вступая в борьбу с архимандритом и соборными старцами, черные старцы неизбежно должны были опереться на мирскую силу — служилых и черных людей, роль которых в соловецком движении с этого момента стала усиливаться. Да и сами черные старцы по своему социальному происхождению были, как указывают воеводские отписки, «все крестьянскими детьми» или выходцами из посадов. Были среди них и переведенные за те или иные проступки из других монастырей и беглые монахи.

---

[1] «Материалы для истории раскола», под ред. Н. Субботина, т. III, М., 1878, стр. 39—43.

Московский собор 1666 г., разобрав соловецкие челобитные о вере и жалобы на архимандрита Варфоломея, постановил послать в Соловецкий монастырь архимандрита ярославского Спасского монастыря Сергия, который должен был произвести сыск по челобитной соловецких монахов[1]. 4 октября 1666 г. Сергий, сопровождаемый московскими стрельцами, прибыл в монастырь. Братия встретила его враждебно, и он был вынужден быстро удалиться, спасаясь от угроз монахов (12 ноября его уже не было в Соловках)[2].

Руководимые бывшим царским духовником архимандритом Никанором, сосланным в Соловецкий монастырь, монахи объявили присланные книги и обряды «латинской ересью»[3].

Одновременно соловецкие старцы выступили с новой челобитной, которая содержала своего рода ультиматум: «Не вели, государь,— писали монахи,— больши того к нам учителей присылать напрасно, понеже отнюдь не будем прежней своей православной веры пременить, и вели, государь, на нас свой меч прислать царской и от сего мятежнаго жития преселити нас на оное безмятежное и вечное житие»[4]. Присланные из Москвы стрельцы были встречены пушечными выстрелами. Во главе восстания встал Никанор.

В лице архимандрита Никанора соловецкое движение получило организатора и вождя. Идеологом же движения с самого начала был монастырский казначей старец Геронтий, сын чебоксарского подьячего, в миру — Григорий Иванович Рязанцев. Старец Геронтий отличался большой начитанностью в книгах священного писания и «отцов церкви». Убежденный сторонник чистоты старого русского православия, он выступил на его защиту. В многочисленных челобитных, писанных Геронтием от имени братии Соловецкого монастыря, в резко полемической форме доказывалась ненужность реформ, проведенных патриархом Никоном, и их вред для русской церкви. Убедившись, что ни патриарх, ни правительство не склонны признать его доводы, он четко формулировал открытый разрыв с центральной властью — духовной и светской — и в своей челобитной потребовал присылки «царского меча», т. е. вооруженной силы[5].

Переход к открытой борьбе с правительством должен был ускорить социальное размежевание соловецкого движения. Основной движущей силой восстания явились не монахи, а монастырские трудники — крестьянское и посадское население, которое оказалось в монастыре. Борьба приняла антифеодальный характер. Религиозные вопросы отступили на второй план. Вначале архимандриту Никанору и старцу Геронтию казалось, что они отстаивают «старую веру» против посягательств на нее, но вскоре и им стал ясен социальный смысл борьбы.

---

[1] «Материалы для истории раскола», т. III, стр. 120.
[2] Там же, стр. 143—151, 182.
[3] Там же, стр. 314.
[4] Там же, стр. 210.
[5] Там же, стр. 208—211.

Под защиту крепких стен монастыря стекалось окрестное население, так или иначе задетое распоряжениями власти. Правительство повело правильную осаду монастыря.

В 1667 г. по царскому указу за «непослушание» старцев были «отписаны на государя», т. е. конфискованы, вотчины и промыслы монастыря, расположенные на побережье[1]. Но монастырь имел большие запасы продовольствия и вооружения у себя на острове. Население Поморья выражало сочувствие «отцам и страдальцам соловецким» и оказывало им постоянную поддержку людьми и продовольствием. Ладьи с солью, рыбой и хлебом, направлявшиеся из района Сумского острога в Архангельск, постоянно «сбивались с пути» и приставали к Соловецким островам[2]. Наличие собственных запасов и поддержка окрестного населения позволили монастырю выдержать восьмилетнюю (1668—1676) осаду.

Воеводские отписки 1673—1675 гг. ярко отражают социальный состав участников Соловецкого восстания на его последнем этапе. Воевода Мещеринов в отписке от начала июня 1674 г. так определял их состав: «А в Соловецком де монастыре воров бельцов розных чинов людей — московских беглых стрельцов и донских казаков и беглых боярских людей и крестьян человек с четыреста и больши, да чернцов человек с триста»[3]. В расспросных речах выходца из Соловецкого монастыря старца Пахомия в качестве «пущих воров и заводчиков» названы «сотник — беглой боярской холоп Исачко Воронин, а другой сотник кемлянин [т. е. крестьянин Кемской волости] Самко Васильев, да с ними 2 городничих чернцов — Феодосей да другой прозвище Морж»[4]. «Мирское» монастырское население особенно усилилось благодаря притоку скрывавшихся в Поморье участников Крестьянской войны. Руководящая роль в движении в это время от монахов целиком перешла к И. Воронину и С. Васильеву.

Упорное сопротивление восставших было сломлено в результате предательства одного монаха-перебежчика, открывшего потайной ход в монастырь. 27 января 1676 г. монастырь был взят правительственными войсками. Затем последовала жестокая расправа.

* * *

Подавление Соловецкого восстания отразилось на судьбе и первоучителей раскола. Новый патриарх Иоаким, избранный на патриаршество в 1674 г., во время «соловецкого сиденья», повел решительную борьбу с расколом. Соловецкое восстание очень ярко показало, что старообрядческое движение было движением не только против господствующей церкви, но и против правительства. Отсюда убеждение патриарха, что одного

[1] ААЭ, т. IV, № 160, стр. 211—212.
[2] ЦГАДА. Приказные дела старых лет, 1675 г., д. 137, лл. 1—352.
[3] «Чтения ОИДР», 1883, кн. 4, отд. V, стр. 58.
[4] Там же, стр. 79.

церковного суда над раскольниками недостаточно, нужно усилить «суд градской», т. е. более деятельное участие государственной власти в борьбе с расколом. Правда, гражданская власть и раньше боролась с расколом. Она отправляла расколоучителей в ссылку в отдаленные районы государства. Протопоп Аввакум еще при патриархе Никоне побывал в далекой Даурии. В 60-х годах он и другие видные расколоучители — дьякон Федор, Лазарь и Епифаний были лишены сана и вновь отправлены в ссылку в Пустозерск. После же подавления Соловецкого восстания патриарх потребовал смертной казни для вожаков раскола. 14 апреля 1682 г. Аввакум, Федор, Лазарь и Епифаний были сожжены в Пустозерске. Но эти суровые меры привели к обратным результатам —увеличили популярность имен казненных и вызвали стремление подражать им. Вскоре Пустозерск превратился в один из главных центров старообрядческой пропаганды. Тогда же или несколько позже возникли и другие центры раскола в глухих лесах Поморья, а также Новгородского и Псковского края. В Поволжье центром раскола стали район р. Керженец и города Вязники и Пошехонье, на юге—Стародубье и, наконец, Дон, где особенно в 80-х годах XVII в. по рекам Чиру, Медведице и Хопру выросло много раскольнических скитов.

В указе 1685 г. правительство изложило систему жестоких репрессий против раскольников: 1) жечь в срубе за хулу на церковь, за подговор к самосожжению, за возвращение в раскол после наказания, 2) казнить смертью перекрещивающихся в старую веру, 3) бить кнутом тайных раскольников и их укрывателей, 4) конфисковать имения казненных и ссыльных[1].

Поражение Соловецкого восстания и активизация борьбы с расколом явились вторым серьезным ударом по народному движению после разгрома Крестьянской войны под предводительством С. Т. Разина. Остатки более непримиримых элементов снова ушли на юг, в донские и приволжские степи. В донских скитах под лозунгами борьбы за «старую веру» велась борьба с крепостничеством. В 1673 г. на Медведице появился елецкий кузнец Кузьма Косой; выбрав «неприступное место», он построил укрепленный городок и призывал к походу на Москву, чтобы «очистить землю» от слуг «антихриста»: царя, бояр и высшего духовенства. На его призыв начали съезжаться «в горы многие люди воинством»[2]. Однако самому Кузьме Косому так и не удалось осуществить поход на Москву. Будучи вызван в Черкасск, он, очевидно, возбудил против себя «добрых» казаков, был арестован и отправлен в распоряжение правительства. Но все же в 1688—1689 гг. вспыхнуло значительное восстание медведицких раскольников, еще при жизни Косого успевших распространить свою агитацию почти на все верховые городки. Частично ею были охвачены и некоторые группировки казачьей старшины, представителем которой являлся бывший атаман Самойла Лаврентьев. Властное вмешательство

---

[1] *Н. М. Никольский.* Указ. соч., стр. 116.

[2] *В. Г. Дружинин.* Раскол на Дону в конце XVII в. СПб., 1889, стр. 267.

русского правительства в дела Дона, все усиливавшееся к концу XVII в., вызывало среди «домовитого» казачества антиправительственные настроения. Несмотря на разгром восстания и бегство раскольников на Куму, большое их количество продолжало скрываться и на Дону, пополняясь вновь прибывавшими из центра «ревнителями старой веры».

Кроме Дона, южных окраин государства и глухих лесов Поморья, много раскольников бежало на Урал и в Сибирь, усиливая колонизацию этих районов. К концу XVII в. Тобольский и Томский уезды были крупными раскольничьими центрами.

9
СТРЕЛЕЦКОЕ ВОССТАНИЕ 1682 г.

Значение стрелецкого восстания 1682 г. выходит далеко за пределы дворцового переворота; оно с большой наглядностью вскрывает незавершенность процесса сложения абсолютизма, процесса, происходившего во второй половине столетия.

Стрелецкое войско как боевая сила к этому времени уже отживало свой век. Еще с середины XVII в. началось формирование солдатских, рейтарских и драгунских полков, организация которых велась на новых, более передовых основах. К концу XVII в. эти полки нового строя составляли главную часть русской армии и показали прекрасные боевые качества, например, во время Чигиринских походов конца 70-х годов, когда они нанесли поражение отборному турецкому войску — янычарам.

В этих условиях московские стрелецкие полки, сохранившие ряд архаических черт, уже утрачивали свое значение. Попытки обучать стрельцов новому солдатскому строю, предпринятые в середине XVII в., не дали реальных результатов, так как натолкнулись на сопротивление стрельцов, не желавших отрываться от своих привычных занятий торгами и промыслами.

Эти полки превращались в полицейскую силу, необходимую царскому правительству прежде всего для подавления антиправительственных движений в столице. Опасность перехода стрельцов на сторону восставших стала очевидной для правительства во время событий 1648 г. в Москве. Правительство сумело тогда достаточно быстро подкупить стрельцов и с их помощью предупредить разрастание антифеодального движения в столице. С тех пор правительство систематически превращало стрельцов в привилегированное войско и добилось того, что во время восстания в Москве в 1662 г. стрельцы (особенно царский Стремянной полк) беспощадно расправлялись с восставшими.

Стрельцы привыкли к своему привилегированному положению и становились требовательнее.

Стрельцов раздражали злоупотребления со стороны начальства. Полковники утаивали часть их жалованья в свою пользу, заставляли работать

на своих дворах — возить дрова, воду, исполнять разные поручения и т. д. В то же время полковники сурово наказывали стрельцов, порой без вины.

В царствование Федора Алексеевича стрельцы разных московских полков дважды подавали коллективные челобитья с жалобами на злоупотребления полковников. За первую жалобу челобитчики были биты кнутом. Второе выступление стрельцов было более энергичным: жалоба была подкреплена угрозами по адресу правительства, или, как сказано в разрядной записи, стрельцы хотели «сбунтовать». Правительство сразу переменило тон и обещало наиболее ненавистного из полковников, Семена Грибоедова, сослать в Тотьму и конфисковать его вотчины. Это обещание целиком не было выполнено: Грибоедов поплатился только отставкой.

Такое решение ни в какой мере не удовлетворило стрельцов. Они, по свидетельству С. Медведева, «начаху себе такожде за праведное свое челобитье неправедного наказания и ссылки надеятися. И того ради во всех полкех тайно начаша мыслити, како б того бедства избыти»[1].

Такое же недовольство злоупотреблениями своего командования выражали и солдаты выборного полка М. О. Кравкова, расквартированные в Москве.

Смерть царя Федора Алексеевича 27 апреля 1682 г. и последовавшая затем борьба дворцовых партий (Милославских и Нарышкиных) по вопросу о престолонаследии способствовали развитию стрелецкого движения. Стрельцы почувствовали ослабление правительственной власти.

Немедленно после смерти бездетного царя Федора Нарышкины, родственники второй жены царя Алексея — Натальи Кирилловны, по соглашению с патриархом Иоакимом и фаворитами умершего государя, объявили царем младшего царевича, десятилетнего Петра, сына Натальи Кирилловны, устранив старшего царевича Ивана, сына первой жены царя Алексея, Марии Ильиничны Милославской. На скорую руку был созван «собор» из всяких чинов людей, главным образом московских жителей. Собор состоялся на площади в Кремле, куда вышел патриарх с высшим духовенством и боярами. Собравшиеся «криком» подтвердили избрание Петра. Дело, однако, прошло не совсем гладко. Дворянин Максим Исаев Сумбулов кричал, что право наследства принадлежит старшему царевичу. По утверждению одного из современников, слова его были «любы» собравшимся. Стрелецкий полк Александра Карандеева отказался присягать новоизбранному царю, и пришлось его уговаривать[2].

С избранием Петра управление перешло в руки многочисленного семейства Нарышкиных, из которых никто не выдавался ни талантами, ни государственными заслугами.

---

[1] *С. Медведев.* Созерцание краткое лет 7190, 7191 и 7192, в них же что содеяся во гражданстве.— «Чтения ОИДР», 1894, кн. 4, отд. II, стр. 40—42; *С. К. Богоявленский.* Хованщина.— «Исторические записки», № 10, стр. 182—183.

[2] *Н. Я. Аристов.* Московские смуты в правление царевны Софии Алексеевны. Варшава, 1871, стр. 66.

На третий день царствования Петра стрельцы подали новую челобитную на полковников «в насильствах, налогах и во всяких разорениях». К стрельцам присоединился солдатский полк, который тоже подал жалобу на своего полковника М. О. Кравкова. Правительство, во главе которого стояла недалекая царица Наталья Кирилловна, проявило полную растерянность и распорядилось без суда нещадно бить полковников батогами и взыскать с них громадные суммы без всякой проверки предъявленных претензий. Двух полковников наказали кнутом.

Легко достигнутый успех показал стрельцам слабость московского правительства и вызвал претензии более широкого характера. По словам С. Медведева, раздражение среди стрельцов не улеглось, но «наипаче нача огнь гневный в них на начальников, к тому же в прибавку и на иных времянников... горети». Стрельцы совещались о дальнейших действиях, и сторонники активного выступления одержали верх[1].

Нет достаточных оснований утверждать, что выступление стрельцов было вызвано интригами царевны Софьи. Правда, Софья старалась использовать стрельцов в борьбе с Нарышкиными, но до кровавых событий в мае 1682 г. с ее стороны не видно большой активности и инициативы. С первого дня волнений выдвинулся в качестве руководителя стрельцов князь И. А. Хованский, после переворота 15 мая сделавшийся, неизвестно по чьему указу, начальником Стрелецкого приказа и командиром «надворной пехоты». Анализ списка лиц, на которых в первую очередь обрушилась ярость стрельцов, позволяет заключить, что значительное место в нем занимали личные недруги Хованского и его семьи, и что список был составлен, вероятно, не без его участия[2].

Князь И. А. Хованский собирал у себя в доме стрельцов и натравливал их на своих врагов. Впоследствии царевна Софья прямо обвиняла Хованского в том, что по его наущению стрельцы подавали челобитные на полковников и требовали расправы с ними, что стрельцы дерзко приходили в Кремль и активно выступали против правительства[3]. Деятельность Хованского придавала выступлению стрельцов определенный политический смысл.

И. А. Хованский принадлежал к древнему роду, который вел происхождение от великого князя литовского Гедимина. Честолюбивый и несдержанный, Хованский выступал прежде всего против засилия в правительственных делах и при дворе людей неродовитых — Нарышкиных с их многочисленным родством, Языковых, Лихачевых и др. Он явился выразителем стремлений боярской аристократии вернуть утраченное ею влияние в правительственных и придворных сферах, связанное с крупными материальными выгодами. Необходимо помнить, что в 1681 г. боярская знать неудачно пыталась утвердить за собой особым актом руководящее

---

[1] *С. Медведев.* Указ. соч., стр. 47—51.
[2] *С. К. Богоявленский.* Указ. соч., стр. 186—189.
[3] Там же, стр. 188; *С. Медведев.* Указ. соч., стр. 100—101.

положение в областном и центральном управлении. Перемены в составе правительства в течение майских событий 1682 г. отражают стремление боярской знати захватить руководящие посты[1].

Сочувствие князя И. А. Хованского раскольникам и поддержка, которую он оказывал им, усиливали его влияние на стрельцов, среди которых было много раскольников. Тайное сочувствие расколу было свойственно оппозиционному боярству, а некоторые из них (боярыня Морозова, княгиня Урусова) пострадали за открытое исповедание «старой веры».

Таким образом, стрелецкое войско, добиваясь расширения своих кастовых интересов и действуя по внушениям князя И. А. Хованского, выступало в качестве реакционной силы, отстаивая позиции терявшей свое политическое влияние боярской аристократии.

15 мая 1682 г. стрельцы по предварительному сговору двинулись из своих слобод к Кремлю.Они при этом кричали, что поднялись на защиту царевича Ивана и царского семейства от боярских козней. Вместе со стрельцами в Кремль шли и солдаты выборного полка М. О. Кравкова. Был пущен слух, что бояре убили царевича Ивана и собираются извести весь царский род[2]. Громадная толпа заполнила площадь перед кремлевским дворцом. Застигнутое врасплох, правительство Нарышкиных не смогло оказать мятежникам никакого сопротивления. Попытались успокоить возбужденную толпу тем, что вывели на Красное крыльцо царя Петра и царевича Ивана. Стрельцы убедились,что слух об убийстве царевича Ивана лишен основания, но это их не успокоило. Они ворвались на Красное крыльцо, схватили боярина А. С. Матвеева — наиболее влиятельного человека из нарышкинской партии, незадолго перед тем возвращенного из ссылки, и сбросили его на копья своих товарищей, стоявших у крыльца. Так же поступили и с князем М. Ю. Долгоруковым, начальником Разрядного и Рейтарского приказов. Стрельцы разыскивали по всему дворцу лиц, которые были внесены в проскрипционный список. Дядю царя, Афанасия Кирилловича Нарышкина, спрятавшегося под престолом дворцового Спасского собора, нашли и убили. Были убиты боярин И. М. Языков и видный воевода князь Г. Г. Ромодановский. Когда наступила ночь, некоторые стрельцы остались на карауле в Кремле, а другие рассеялись по городу в поисках новых жертв, в первую очередь врача Даниила Гадена, которого обвиняли в отравлении царя Федора. Убиты были думные дьяки А. С. Кириллов и Л. И. Иванов.

17 мая стрельцы снова собрались перед дворцом и настойчиво требовали выдачи Кирилла Полуектовича Нарышкина, отца царицы, ее брата Ивана Кирилловича и Гадена, обещая разойтись, если требование их будет исполнено. Наталья Кирилловна упросила стрельцов пощадить жизнь ее отца с условием,что он уйдет в монастырь, но Ивана Кирилловича и врача пришлось выдать на смерть.

---

[1] *С. К. Богоявленский.* Указ. соч., стр. 192.

[2] *С. Медведев.* Указ. соч., стр. 52—53.

В первые дни выступления стрельцы, повидимому, пытались обеспечить себе поддержку среди других слоев населения Москвы. 15 мая 1682 г. были разгромлены Судный и Холопий приказы и уничтожены крепости на несвободных людей. Стрельцы обещали «холопем боярским волю дати». Эта мера если и не обеспечивала полной поддержки стрелецкого движения со стороны боярских холопов, то во всяком случае она нейтрализовала холопов, которым не было смысла мешать стрельцам, обещавшим им свободу. Так этот поступок стрельцов расценивали и современники[1].

Стрелецкое восстание 15 мая 1682 г. Миниатюра из «Истории Петра Великого» Крекшина.
Государственный Исторический музей

Три дня расправлялись стрельцы с людьми, занесенными в списки.

Положение правительства оставалось крайне неустойчивым. Датский посол Розенбуш, приведенный 16 мая в Кремль как сообщник Гадена, увидел, что весь Кремль заполнен возбужденной толпой стрельцов, среди которых находились князь И. А. Хованский, царица Марфа Матвеевна (вдова царя Федора) и царевна Софья. Хованский спрашивал стрельцов, не следует ли отправить царицу Наталью Кирилловну в монастырь, и это предложение было одобрено криками толпы[2].

Хованскому нужно было удалить Наталью Кирилловну, чтобы самому стать регентом, но этому воспротивилась царевна Софья. Хованскому не удалось поставить своих людей во главе приказов, так как по своему высо-

[1] *С. Медведев.* Указ. соч., стр. 56; *С. М. Соловьев.* История России, кн. 3, стб. 962.

[2] *М. П. Погодин.* Семнадцать первых лет в жизни императора Петра Великого. М., 1875, стр. 53.

комерию он не мог создать вокруг себя группы верных друзей. Поэтому в правительстве остались многие деятели времени царя Федора, к ним были прибавлены сторонники Милославских, в том числе фаворит царевны Софьи князь В. В. Голицын.

Приказные дьяки, главные двигатели государственного механизма, остались на своих местах за исключением тех, которые погибли от руки стрельцов.

В целом во главе приказов оказались представители боярской аристократии. Восстание стрельцов повело к устранению от власти худородных дворян, группировавшихся вокруг Нарышкиных.

Вопрос о регенстве все еще оставался открытым. Началась усиленная агитация Софьи и Милославских с их сторонниками; под их влиянием стрельцы явились во дворец с требованием установить двоевластие: первым царем должен быть Иван, вторым — Петр[1].

Спешно созванный собор утвердил двоецарствие. 26 мая 1682 г. царевич Иван был провозглашен первым царем, а 29 мая регентство оказалось в руках царевны Софьи. Таким образом, вмешиваясь в борьбу дворцовых партий, стрельцы не ставили перед собой никаких целей, которые носили бы антифеодальный характер. Напротив, по требованию правительства стрельцы круто расправлялись с движениями холопов.

26 мая «били челом великим государем люди боярские разных домов о свободе, чтобы им быть безкабально, и воровские составные челобитные подносили». Правительство, удовлетворив основные требования стрельцов, теперь уже могло опереться на них. Стрельцы выполнили распоряжение правительства — ловить холопов, пытать их и казнить, а иных «бить кнутом за их воровское составное челобитье»[2].

Достаточно ясен и вопрос об отношении посадского населения Москвы к стрелецкому движению. Стрельцы подали челобитную о выдаче жалованной грамоты, отмечающей их заслуги по борьбе с изменниками, причем не только от своего имени, но и от имени гостей, торговых людей гостиной сотни, тяглецов московских черных сотен и слобод и ямщиков. Но это утверждение стрельцов нельзя принять на веру.

Верхушка посада — гости и торговые люди гостиной сотни не только не участвовали в выступлении стрельцов, но и оказывали поддержку правительству. Служивший по выбору гостей и гостиной сотни в Сотенной палате (при Земском приказе) тяглец Дмитровской сотни Иван Романов заслужил благодарность правительства за то, что он «сотенных людей от всякого мятения и дурна унимал и опасал» и извещал правительство о тяглецах, которые «в то время были в шатости». За то же заслужил благодарность и староста Мещанской слободы Дорофей Замыцкий. Но среди «молодших» людей московских сотен и слобод, как видно из жалованных грамот названным лицам, в то время наблюдались признаки движения,

---

[1] *С. Медведев.* Указ. соч., стр. 64.

[2] *С. М. Соловьев.* Указ. соч., кн. 3, стб. 963.

носившего характер классовой борьбы. В конце августа 1682 г. группа «молодших» людей Мещанской слободы ворвалась в Земскую избу, где собрался сход «лучших» людей для избрания старосты, разогнала собравшихся и выбрала старосту из своей среды «не против своей меры наглым озорничеством», как определяли эти действия «лучшие» люди слободы. 27 сентября в Бронной слободе при чтении царского указа, запрещавшего стрельбу из ружья и всякий «мятеж», разыгрался не менее характерный эпизод: серебреник Илья Федоров вырвал из рук старосты грамоту и смял ее, сказав при этом, «что де тому указу верить нечему»[1].

Отдельные вспышки недовольства среди московских тяглецов отнюдь не означали совпадения их интересов с интересами стрельцов и какой-либо связи и взаимной поддержки.

Тяглое население Москвы не оказало поддержки стрелецкому движению. Напротив, стремясь добиться увеличения льгот и премуществ для себя, стрельцы действовали вразрез с интересами посадского населения; так, они требовали, чтобы службы в целовальниках при житницах, где находился стрелецкий хлеб, были сняты со стрельцов и возложены на тяглецов черных сотен и слобод. Население же черных сотен и слобод и без того жаловалось на обременительность казенных служб, и новая повинность вызвала их протест. Впоследствии черные сотни и слободы получили жалованные грамоты от правительства за то, что они не пристали к стрельцам. Только отдельные лица из разных слоев посадского населения Москвы примкнули к стрельцам.

Силу стрелецкого восстания ослабляли также разногласия в собственной среде стрельцов. Выборные от некоторых стрелецких полков сносились с представителями власти, посещали царский дворец и беседовали с царевной Софьей[2]. В религиозном отношении среди стрельцов также не было единства: около половины стрельцов придерживалось раскола, остальные являлись сторонниками господствующей церкви.

Стрельцы понимали непрочность своего положения и попытались укрепить его официальным актом. Они добились царской жалованной грамоты, в которой были перечислены их заслуги в деле истребления «изменников». По этой грамоте стрелецкое войско переименовывалось в «надворную пехоту», стрельцов запрещалось казнить или ссылать без специального расследования и царского указа; в ознаменование мнимых заслуг стрельцов было решено соорудить на Красной площади каменный «столп» и на нем вырезать текст жалованной грамоты.

Пользуясь слабостью правительства, стрельцы стали бесцеремонно грабить казну. Взыскав один раз с полковников недоданное жалованье, они предъявили правительству новое требование об уплате «заслуженных» денег за 35 лет и определили общую задолженность им казны в огромную сумму — 240 тыс. руб. Эти деньги были им выплачены. Кроме того, по

[1] *С. К. Богоявленский*. Указ. соч., стр. 201, 202.

[2] Там же, стр. 199—200.

приказу царевны Софьи каждому стрельцу было выдано по 10 руб. Эти подачки были скоро растрачены. По свидетельству С. Медведева, «те взятые деньги едва кто у себе служивой оставил или какую нужную потребу истощил, но на питиях по кружалам и в погребах изнуриша»[1]. Стрельцы стали предъявлять иски к монастырям и посадам об уплате подможных денег людям, взятым в стрелецкую службу. Много было и индивидуальных исков с их стороны, иногда по очень сомнительным основаниям. Судебных пошлин со стрельцов не брали, иски не проверялись и удовлетворялись в спешном порядке. Стрельцы захватывали выморочные лавки и другие торговые места. Так, они поделили многочисленные лавки убитого думного дьяка А. С. Кириллова.

Царевна Софья временно не препятствовала стрельцам, так как хотела привлечь их на свою сторону, чтобы расправиться с Хованским, который ей теперь уже мешал. Хованский понимал опасность своего положения и попытался опереться на раскольников, которых было много не только среди стрельцов, но и в среде посадского населения. Хованский потребовал, чтобы на Красной площади был устроен публичный диспут между представителями господствующей церкви и раскольниками, рассчитывая, что царская семья будет присутствовать на диспуте, старообрядческие начетчики увлекут за собой толпу, и тут может представиться удобный случай захватить власть ему, Хованскому. Но Софья настояла на том, чтобы прения были устроены в Грановитой палате, куда могло попасть только ограниченное число участников спора о вере.

5 июля 1682 г. большая толпа раскольников, предводительствуемая фанатически настроенным священником Никитой Пустосвятом, явилась в Кремль. В Грановитой палате собрались: царевна Софья, царица Наталья Кирилловна, старая царевна Татьяна Михайловна, патриарх и архиереи, трепетавшие за свою жизнь. В палату раскольники вошли с большим шумом. Как и следовало ожидать, прения оказались безрезультатными. Когда расколоучители стали называть патриарха Никона еретиком, Софья с большой запальчивостью заявила, что если Никон еретик, то и ее отец еретик. Стрельцы, на которых она рассчитывала, недостаточно ее поддержали. До ее ушей долетели восклицания: «Пора, государыня, давно вам в монастырь, полно царством-то мутить! Нам бы здоровы были цари — государи, а без вас пусто не будет!»[2]. В раздражении Софья приоткрыла свои планы, пригрозив отъездом царей из Москвы и обращением к народу. Угроза подействовала. Прения о вере были прерваны. Расколоучители вышли из Грановитой палаты с криками: «Победихом! препрехом!» и объявили ожидавшей их толпе о своей победе над никонианами. Но по приказу Софьи Никита Пустосвят был схвачен стрельцами и казнен на Красной площади.

---

[1] *С. Медведев.* Указ. соч., стр. 59.

[2] *С. М. Соловьев.* Указ. соч., кн. 3, стб. 917.

Софья боялась стрельцов, и угроза заточить ее в монастырь вызывала у нее беспокойство. Она решила отправиться «на богомолье» в хорошо укрепленный Троице-Сергиев монастырь, что очень смутило Хованского и стрельцов.

Возвратившись в Москву, Софья заметно изменила свое отношение к стрельцам и Хованскому, страх перед которыми у нее исчез. Среди стрельцов пошли разговоры о том, что не пора ли истребить весь царский род и посадить на престол князя И. А. Хованского.

29 августа 1682 г. двор опять выехал из Москвы в село Коломенское. 2 сентября в Коломенском «объявилось» прибитое к воротам письмо с доносом безымянных стрельца и двух посадских людей на Хованского, будто он замыслил убить царей и завладеть престолом, поднять крестьян против дворян и восстановить старую веру[1].

Подложность письма была очевидна. Тем не менее оно послужило поводом для того, чтобы цари со всем своим двором спешно отправились в Саввин звенигородский монастырь, откуда был разослан по всем городам указ о сборе в Троице-Сергиев монастырь вооруженных дворян и о присылке туда свинца и пороха.

Обращение царевны Софьи к дворянству и сосредоточение дворянского ополчения под Москвой положило конец волнениям в столице. Дворянство оказалось той силой, на которую царская власть могла опереться в своей борьбе как против мятежных стрельцов, так и против притязаний феодальной аристократии.

Из звенигородского монастыря царский двор окольными путями направился в Троице-Сергиев монастырь и остановился в 10 верстах от него в селе Воздвиженском. Оттуда был послан в Москву к Хованскому указ немедленно явиться в Воздвиженское «для встречи гетманских посланцев». Хованский не решился ослушаться царского указа, отправился в Воздвиженское, там он был схвачен и 17 сентября казнен вместе со своим сыном Андреем.

В день казни бежал в Москву из Троице-Сергиева монастыря младший сын Хованского, князь Иван. Он сообщил, что его отца убили бояре, и что отряды дворян и боярских холопов идут на Москву для истребления стрельцов как изменников. Стрельцы стали спешно усиливать охрану Москвы: со всех сторон оцепили город, расставили на улицах караулы. Стрельцы угрожали, что они пойдут в Троице-Сергиев монастырь и перебьют бояр. Однако их воинственный пыл скоро остыл. Борьба с дворянским ополчением показалась им безнадежной. Между тем царский двор и бояре заперлись в Троице-Сергиевом монастыре и стали посылать в Москву дворян с обещаниями простить стрельцов, если они изъявят покорность. Стрельцы пошли в монастырь с повинной и были прощены[2].

---

[1] *С. Медведев.* Указ. соч., стр. 98.

[2] Более подробно о московских событиях 1682 г. см. в статье *С. К. Богоявленского.* Хованщина.— «Исторические записки», № 10, стр. 180—221.

Таким образом, дворянство, заинтересованное в укреплении абсолютизма, решительно выступило против аристократии и поддерживавших их стрельцов и положило конец стрелецкому движению.

* * *

Стрелецкое восстание 1682 г. не имело внутренней связи с интересами трудящихся классов населения и не было антифеодальным движением.

Тем не менее события в Москве, показавшие ожесточенную борьбу в правительственных кругах и некоторую неустойчивость власти, отозвались в виде антифеодальных выступлений в разных местах Русского государства. Прежде всего необходимо отметить выступления крепостного крестьянства. Одним из них было движение крестьян села Ильинского (Череможской волости Ярославского уезда), принадлежавшего московскому Симонову монастырю. В селе было 600 крестьянских дворов; среди крестьян были люди «промышленные». Монастырь не вел собственного хозяйства в селе Ильинском. Монастырские власти обложили крестьян денежным оброком в сумме 1200 руб. в год, по 20 руб. с выти. В июле 1682 г., узнав о стрелецком восстании в Москве, крестьяне сейчас же отправили в столицу шесть челобитчиков во главе с крестьянином Герасимом Ивановым, которые подали челобитную князю И. А. Хованскому в Стрелецком приказе, утверждая, что денежный оброк монастырские власти наложили на них «по неволе, за правежем». Челобитчики добивались, «чтобы им в монастырь платить малой оброк, как оне похотят, или как бы им стрельцы присоветовали». Стрельцы поддержали крестьян. Архимандрит жаловался, что стрельцы приходили в монастырь «и всячески уграживали — копьями и ссылкою». Отправив челобитчиков в Москву, крестьяне перестали повиноваться монастырскому приказчику.

Первую челобитную с жалобой на крестьян архимандрит подал в Посольском приказе в то время, когда князь И. А. Хованский был у власти, а стрельцы являлись хозяевами положения. Поэтому никакой защиты своих интересов архимандриту не удалось добиться.

После падения и казни Хованского, по новой челобитной архимандрита, в Ярославль был отправлен подьячий, который должен был взять у местного воеводы заплечного мастера, отправиться в село Ильинское, крестьян, «заводчиков» неповиновения, и их товарищей «бить на козле и в проводку по селу кнутом» и привести крестьян к повиновению монастырю. Но крестьяне избили и выгнали подьячего и продолжали сопротивление. В январе 1683 г. из Москвы были посланы стрельцы для усмирения непокорных крестьян[1]. В документах не сохранилось сведений о том, как закончилось это дело.

1682 год отмечен рядом крестьянских выступлений и в южных уездах государства. Наиболее крупным из них было движение крестьян села

[1] ЦГАДА. Приказные дела старых лет, 1682 г., д. 118, лл. 1—3, 13—26.

Заячьего Белгородского уезда. Это село незадолго до 1682 г. было передано из дворцового ведомства во владение белгородскому митрополиту Мисаилу. Выступление крестьян села Заячьего, как и движение крестьян села Ильинского, находится в прямой связи с московскими событиями 1682 г.

В августе 1682 г. сын боярский Федор Озеров принес в Белгородский уезд весть, что «на Москве учинили бунт московская надворная пехота» и «побили бояр». Отсюда делался вывод о слабости центральной власти. Федор Озеров даже выразил удивление, что крестьяне все еще находятся под властью митрополита. Он вызвался ехать в Москву в качестве челобитчика от крестьян. Митрополит, узнав о крестьянском движении, обратился за содействием к белгородскому воеводе, который послал пристава с понятыми, чтобы захватить зачинщиков. Под предводительством Трофима Чепурного крестьяне оказали вооруженное сопротивление. Посылка стрелецкого отряда в восставшее село тоже не имела успеха. Трофима Чепурного, уехавшего в Москву в качестве одного из челобитчиков, не застали, крестьяне разбежались по лесам.

Движение в селе Заячьем не было одиноким. Курский воевода Л. Неплеев сообщал, что не только в Белгородском уезде, но и в других местах крестьяне оказывали непослушание.

Белгородские челобитчики были сысканы в Москве и отправлены для суда в Курск. Двоих из них — Федора Озерова и Трофима Чепурного повесили, 30 человек наказали кнутом[1].

Возможно, что в связи с московскими событиями 1682 г. стоит и движение крестьян и работных людей Надеина Усолья, принадлежавшего Саввину-Сторожевскому монастырю. В июле 1682 г. крестьяне Надеина Усолья послали в Москву челобитчиков, которые должны были добиться от правительства, чтобы «тому Надеинскому Усолью за Савиным монастырем не быть». Крестьяне прекратили всякие работы на монастырь и перестали повиноваться монастырскому начальству, вследствие чего, по сообщению игумена Сильвестра, «монастырской соляной и рыбной промысл остановился». Игумен просил правительство о содействии монастырю в его борьбе с крестьянами. Сопротивление работных людей было сломлено [2].

Московские события 1682 г. нашли отзвук и в среде мелких служилых людей южных городов.

Весной 1682 г. несколько служилых людей г. Доброго отправилось в Москву с жалобой на своего воеводу Т. Г. Аргамакова. Челобитчики попали в Москву как раз во время стрелецкого восстания. Стрелецкие приемы расправы с неугодными лицами понравились добренцам, и они разыскивали в Москве Т. Г. Аргамакова, чтобы его убить, но не нашли. Вернувшись домой, они принесли весть о том, как в Москве расправляются с боярами.

---

[1] *Л. В. Черепнин.* Классовая борьба в 1682 г. на юге Московского государства.— «Исторические записки», № 4, стр. 53—61.

[2] ЦГАДА. Приказные дела старых лет, 1682 г., д. 112, лл. 1—5.

На месте, в Добром, они обрушились на преемника Аргамакова К. Руднева и добились его увольнения[1].

Большой интерес представляет движение 1682 г. на Дону. Правда, оно началось несколько раньше и вне прямой связи с московскими событиями 1682 г. Бахчисарайский мир, заключенный русским правительством с Турцией в 1681 г., затруднил набеги донских казаков на крымские, азовские и турецкие владения. На Дону «почало быть голодно». Отряд казаков под предводительством Ильи Иванова пошел вниз по Дону с целью пробраться в турецкие пределы. По пути казаки грабили торговых людей, плывших вниз по Дону. Затем Илья Иванов решил выйти в Поволжье, но прежде кликнул клич в южных городах, где всегда можно было найти достаточно людей, готовых присоединиться к подобным походам. Казаки считали себя преемниками и продолжателями дела С. Т. Разина[2].

Под Векшенским городком произошло столкновение отряда Ильи Иванова с «домовитыми» казаками. Отряд постигла неудача. Сам Илья Иванов был ранен; ему на смену был избран новый атаман — Иван Терский. До отряда Терского дошла весть о стрелецком движении в Москве. У казаков возникла мысль о союзе со стрельцами против боярства. Иван Терский разбил свой отряд на несколько мелких станиц, что в конечном счете привело к распаду начавшегося движения[3].

Волнения среди крестьян, казачества и мелких служилых людей в 80-х годах XVII в. носили антифеодальный характер и должны рассматриваться как продолжение крупных антифеодальных движений предшествующих десятилетий. Эти разрозненные движения не имели, однако, со стрелецким мятежом в Москве внутренней связи, так как стрельцы к тому времени уже превратились в реакционную силу.

---

[1] *Л. В. Черепнин.* Указ. соч., стр. 61—63.

[2] Там же, стр. 65.

[3] Там же, стр. 63—72.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ

1

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ в XVII в.

На протяжении всего XVII в. внутренняя политика феодально-крепостнического государства была направлена на расширение и укрепление экономической основы господства феодалов — феодальной собственности на землю, усиление закрепощения и эксплуатации крестьянства и подавление протестов и недовольства угнетенных классов.

При всем единстве и последовательности классовой линии во внутренней политике следует различать три этапа. Первый период — от начала правления Михаила Федоровича до городских восстаний 1648 г. и Уложения 1649 г. Второй период имеет своим рубежом Крестьянскую войну 1670—1671 гг. под предводительством С. Т. Разина. Третий период начинается после подавления Крестьянской войны. От этапа к этапу в связи с укреплением экономического господства класса феодалов, с усилением государства внутренняя политика приобретает все более резко выраженный характер диктатуры, и мероприятия, обеспечивающие эту политику, становятся все более разносторонними.

Коренной вопрос внутренней политики правительства царя Михаила Романова — усиление закрепощения крестьян и подавление их сопротивления — находился в тесной связи с политикой правительства по расширению и укреплению феодальной собственности. По этому последнему вопросу с самого начала обнаружились довольно резкие расхождения между различными прослойками господствующего класса. Ведущую роль при избрании нового царя играли дворянские круги и представители городов. Однако при новом правительстве, в особенности до возвращения из польского плена Филарета в 1619 г., окружавшие престол родственные новой династии фамилии — «зятья», «племянники» и «шурья» царя и некоторые из представителей знати использовали свою близость к двору в своих интересах, что наиболее ярко обнаружилось в произведенных ими земельных захватах. Кроме того, в нарушение постановлений 1580 и 1584 гг. правительство Романовых не только поддержало земельные приобретения монастырей, имевшие место после указанных постановлений,

но разрешало новые вклады в монастыри и само довольно щедро жаловало монастыри вотчинами из дворцовых земель.

Дворянство в период до Уложения многократно выступало с коллективными челобитными, а также и на земских соборах против злоупотреблений «сильных» и «владущих» людей, против их земельных захватов, укрывательства беглых крестьян и других насилий над рядовыми дворянами и детьми боярскими.

С организацией нового правительства началось жадное расхищение фондов дворцовых и черных земель. Естественно, что близкие к престолу и правительству лица первыми добивались земельных пожалований. Рядовым и мелким служилым людям, наиболее пострадавшим в предшествующие годы, трудно было в индивидуальном порядке получить земельные владения. Дворянство могло осуществить свои требования только путем коллективных выступлений. В приговоре 30 июня 1611 г. дворянство впервые заявило свою программу. После освобождения Москвы от интервентов дворяне и дети боярские сразу же добились от правительства распоряжения о массовой раздаче дворцовых и черных земель в ряде уездов. Далее дворяне и дети боярские, действуя через земские соборы, почти непрерывно заседавшие в Москве до 1619 г., а позднее через коллективные челобитья производили на правительство давление в том же направлении. Наряду с крупными земельными пожалованиями происходило массовое испомещение рядовых дворян и детей боярских на небольших земельных участках, и, пожалуй, эти мелкие раздачи сыграли не менее значительную роль в поглощении черных и дворцовых земель, чем крупные пожалования. Законодательство о землевладении, направленное против незаконных земельных захватов и на обеспечение земельных фондов за уездным дворянством и расширение прав помещиков на их владения, несмотря на некоторую противоречивость, с несомненностью подтверждает в целом дворянский его характер. Как показано выше[1], уездные служилые люди сами упорно стремились проникнуть в среду столичных чинов и не отрицали прерогативы правительства жаловать кого-либо по своей воле из принципа — «всяк велик и мал живет государевым жалованьем».

Гораздо более глубокое противоречие было скрыто в правительственной политике по вопросу о крестьянском закрепощении. Нет оснований приписывать противодействию боярских кругов затяжку на несколько десятилетий, до Уложения 1649 г., отмены «урочных лет» и законодательного утверждения вечной и потомственной крепостной зависимости крестьян от их владельцев. Эти меры по закрепощению крестьян соответствовали интересам класса феодалов в целом. Проявленная в этом вопросе настойчивая инициатива дворянства объясняется тем, что оно острее чувствовало ущерб от крестьянских побегов и свозов и гораздо больше, чем крупные феодалы, нуждалось в усилении средств борьбы с ними.

[1] См. главу I, § 5 настоящего издания.

Правительство имело основания опасаться нового обострения отношений в деревне, когда угроза интервенции еще не была устранена окончательно. Огромные раздачи в частные руки дворцовых и черных земель означали распространение закрепощения на новые массы крестьян. Еще не исследован в достаточной степени вопрос о том, как реагировали крестьяне на передачу их во владение дворян и детей боярских. Во всяком случае дело не обошлось без активного сопротивления и увеличения числа побегов крестьян; правительству приходилось иногда силой подавлять сопротивление крестьян новым владельцам. Наличие многочисленной казачьей вольницы, накопившейся в годы Крестьянской войны и интервенции, требовало осторожной политики.Так, например, соединение движения казачьей вольницы, связанного с именем Балаша, в годы Смоленской войны (1632—1634) с антифеодальными выступлениями крестьян в ряде уездов представляло серьезную угрозу.

Именно опасность обострения классовой борьбы и вынуждала правительство затягивать петлю закрепощения медленнее, чем оно этого хотело бы, и тормозить отмену «урочных» лет. Можно предполагать, что самая практика «урочных» лет для сыска беглых была новостью, так как раньше, по утверждению дворян и детей боярских, крестьяне были крепки своим владельцам по писцовым книгам и другим документам без всяких сроков. В законодательстве об «урочных» годах, несомненно, сказалось сдерживающее влияние недавней крестьянской войны под предводительством Болотникова[1].

Фискальная политика правительства была направлена на восстановление источников средств, необходимых для содержания государственного аппарата и войска, т. е. в первую очередь на жалованье дворянам и детям боярским. По сравнению с концом XVI в. правительство царя Михаила примерно удвоило тяжесть налогов, которые должны были уплачивать крестьяне и посадские люди. Расстройство фискального аппарата и хозяйственное разорение вынудили правительство к составлению новых писцовых описаний государства и некоторых технических изменений в системе сошного обложения. Все эти меры преследовали цель устранить вопиющее расхождение между тяжестью государственных налогов и платежеспособностью разоренного населения и восстановить аппарат, при помощи которого можно было осуществлять эксплуатацию крестьян и посадских людей в пользу феодально-крепостнического государства и класса феодалов.

В области хозяйственной политики практиковались старые испытанные меры по распространению земледелия путем построения и заселения новых городов. Усиление феодального гнета гнало население из центра на окраины страны. Распространение земледелия на новые территории было обязано неистощимой инициативе и трудолюбию самого населения. Для внутренней политики правительства в рассматриваемый период показательны

[1] *А. А. Новосельский.* К вопросу о значении «урочных лет» в первой половине XVII в.— Сб. «Академику Б. Д. Грекову ко дню 70-летия», М., 1952, стр. 178—183.

установление особого порядка возврата беглых крестьян из окраинных уездов и законодательство, охранявшее мелкое землевладение приборных служилых людей от поглощения его крупным землевладением.

Феодально-крепостническое правительство, рассматривая торгово-промышленное население городов как источник доходов, непрерывно увеличивало налоговое бремя, нимало не заботясь об интересах городского населения в целом. Крупные феодалы, увеличивая количество принадлежавших им «белых» дворов на посадах и беломестных слобод, ставили посадское население во все более и более трудное положение. Правительство не хотело жертвовать интересами крупных феодалов и шло лишь на частичные уступки требованиям посадских людей об уничтожении конкуренции обеленного торгово-промышленного населения. Противоречие между интересами посадского населения и крупных феодалов все более обострялось. Посадское население, принесшее большие жертвы в борьбе с интервенцией, остро почувствовало феодальный гнет и первым поднялось на борьбу с ним в 1648—1650 гг. Восстание 1648 г. в Москве и других городах вынудило правительство пойти на более или менее решительную реформу и в известной мере удовлетворить требования верхушки посадского населения.

Вместе с тем в политике правительства в рассматриваемый период необходимо указать довольно отчетливо наметившийся курс на сближение с верхушкой торгово-промышленного класса. В правительственной деятельности патриарха Филарета отмечена его постоянная связь с представителями высших и наиболее богатых категорий торговых людей и вовлечение их в сферу правительственной деятельности. Уже с 20-х годов правительство начало уступать, хотя и медленно, требованиям купечества в вопросе о сокращении торговых привилегий иностранных купцов. Наблюдается сращивание интересов верхних групп торгово-промышленных людей с интересами класса феодалов.

Для государственного строя в первой половине XVII в. характерна важная роль, которую играли в нем земские соборы. Они сильно помогли центральной власти окрепнуть, особенно в первые годы царствования Михаила. В это время земские соборы составляли как бы часть правительственного аппарата. Но и позднее, когда аппарат центральных учреждений был полностью восстановлен, земские соборы, как важнейшее учреждение сословно-представительного строя, продолжали занимать видное место в системе высших органов власти.

Таким образом, в первой половине XVII в. сословно-представительная монархия сохраняет еще в полной силе свои наиболее характерные черты. В то же время наблюдается явное усиление централизации. Воеводская власть становится общей формой управления на местах. Приказы, по наблюдению некоторых историков, переживали пору своего расцвета. Царская власть крепла. Усилилось руководство со стороны царя важнейшими правительственными делами и решение их по совету с доверенными «палатными» людьми помимо Боярской думы.

* * *

Уложение 1649 г. — важный этап в истории внутренней политики; оно завершает предшествующий и открывает новый период внутренней политики. Уложение удовлетворило основные требования дворянства, оформив вечную и потомственную крепостную зависимость крестьян, укрепив и расширив права феодалов на их поместья и вотчины, наложив запрет на дальнейший рост церковного землевладения. Уложение сплотило господствующий класс феодалов. Уложение пошло на крупную уступку требованиям посадов постановлением об отписке «белых» дворов и беломестных слобод, принадлежавших крупным духовным и светским феодалам, и тем усилило вес и влияние верхушки торгово-промышленного класса, открыв ей более широкое поле деятельности, увеличив посадское население численно и еще более ограничив привилегии иностранного купечества. Введя систему жестоких кар за всякое выступление против самодержавно-крепостнического строя и правопорядка, Уложение укрепило его и дало в руки господствующего класса новые и еще более сильные средства угнетения и подавления эксплуатируемого большинства.

Все последующее развитие внутренней политики отражает влияние перечисленных постановлений Уложения 1649 г.

Непрестанно и весьма значительно возрастал как частновладельческий гнет феодалов, так и фискальный гнет государства. Рост налогов обнаруживается, например, очень наглядно в значительном увеличении крупнейшего из налогов — стрелецкого. Введение медных денег особенно тяжело поразило крестьян и посадских людей. В нашем распоряжении недостаточно документов, характеризующих частное феодальное хозяйство, но общая тенденция увеличения оброков и барщины в период после Уложения, т. е. усиление феодальной эксплуатации, не подлежит никакому сомнению. Правительство, вотчинники и помещики действовали так, подгоняемые ростом товарно-денежного хозяйства, потребностями обороны в широком смысле слова — реорганизацией войска и тяжелыми и длительными войнами.

Этот непрестанно возраставший нажим вызывал все более энергичный и усиливавшийся отпор со стороны эксплуатируемых классов. Классовая борьба достигла небывалой силы. Можно очень наглядно проследить, как крестьянские побеги становятся более массовыми, принимающими все более активные формы. В середине 50-х годов, совпадающих с началом войны с Польшей, правительством были изданы свирепые указы о казни через повешение холопов, разбегавшихся от бояр, дворян и детей боярских, находившихся в походе. Со второй половины 50-х и в течение 60-х годов правительство организовало массовые сыски беглых крестьян на обширнейшей территории государства. Никогда еще правительство не вступало в столь ожесточенную борьбу с крестьянскими побегами.

Эти меры не сломили нарастания антифеодального движения, вылившегося в 60—70-е годы в восстание в Москве, в Крестьянскую войну под

предводительством С. Т. Разина, в Соловецкое восстание и др. Тогда правительство пустило в ход крупные военные силы для кровавого подавления восстания угнетенных масс. Систематические, крутые и кровавые приемы подавления антифеодальных движений — характерная черта внутренней политики правительства после Уложения, заметно отличающая этот период от предшествующего.

Период после Уложения 1649 г. характеризуется отмиранием одного из самых основных признаков сословно-представительной монархии — земских соборов и началом перехода к абсолютизму. Главной причиной происходившего в государственном строе изменения был подъем классовой борьбы. Для удержания за собой господства классу феодалов необходимы были сильная власть и централизованный аппарат. Борьба с народными движениями ускоряла превращение сословно-представительной монархии в абсолютную, которая лучше обеспечивала охрану классовых интересов феодалов, чем правительство предшествующего периода, постоянно вынужденное искать опоры в земских соборах[1].

Период от Уложения до Крестьянской войны отмечен значительным укреплением правительственного аппарата. Самодержавие уже располагало достаточными средствами, чтобы обходиться без обращения к земским соборам.

В столице были созданы новые стрелецкие и выборные солдатские полки, поставленные в привилегированное положение и пользовавшиеся особенно заботливым покровительством самого царя Алексея Михайловича. Царь хотел создать из них послушное орудие против народных восстаний, особенно в Москве. И действительно, в 1662 г. эти войска по царскому приказу рубили на смерть и ловили живыми участников городского восстания. В дальнейшем стрельцы стали иногда выступать против правительства.

Реорганизация войска, проводившаяся в течение длительного времени, дала в распоряжение правительства полки нового строя, новую военную силу, более дисциплинированную, лучше организованную и вооруженную не только для действий на войне, но и против восставшего народа во время Крестьянской войны; известно, насколько важным для правительства оказалось участие полков нового строя в решающие моменты Крестьянской войны.

Для постепенного перехода к абсолютизму характерно ясно намечавшееся изменение в приемах управления. В соответствии с абсолютистскими представлениями о своей власти царь Алексей Михайлович создал особое учреждение — Приказ тайных дел, через посредство которого он хотел проявлять свою инициативу в обход действовавшей правительственной системы. Приказ прекратил свое существование со смертью Алексея Михайловича, но самое появление органа, стоявшего над всей системой прави-

---

[1] *С. В. Юшков.* К вопросу о сословно-представительной монархии в России.— «Советское государство и право», 1950, № 10, стр. 44, 49, 51.

тельственных учреждений и осуществлявшего бесконтрольно личную волю царя, характерно для развития самодержавия в направлении к абсолютизму.

Как весьма важная черта внутренней политики рассматриваемого периода должна быть отмечена успешная борьба светской власти с церковью (дело патриарха Никона) и победа, хотя и не полная, одержанная над последней, что вело к превращению церкви в покорное идеологическое орудие самодержавно-крепостнической власти.

В экономической правительственной политике отчетливо выступали черты меркантилизма и протекционизма. Развитие рыночных отношений зашло уже настолько далеко, что в нем оказались заинтересованными многие представители господствующего класса, которым надо было реализовать на рынке продукты вотчинного и поместного хозяйства. Виднейшие из бояр (Б. И. Морозов, князь Я. К. Черкасский, И. Д. Милославский и др.) и лица более низкого ранга в 50—60-х годах втянулись в производство или скупку поташа, смольчуга, пеньки и сбыт их на внутреннем и внешнем рынке. В 1662 г. торговые люди жаловались, что «ныне всякими большими и лучшими промыслами и торгами владеют и промышляют духовный, и воинский и судебный чин, оставя и презрев всякое государственное правление»[1].

Государство по необходимости стало больше учитывать интересы торгово-промышленного класса, точнее — его верхов (гостей, гостиной сотни и др.), оказывая ему покровительство в конкуренции с иностранными капиталами, в более рациональной организации таможенных пошлин, в привлечении представителей купечества в состав правительственных кругов.

* * *

Общее состояние Русского государства после Крестьянской войны толкало господствующий класс на путь реформ, необходимых для укрепления феодально-крепостнического строя. Без реформ господство класса феодалов не могло быть прочным. Попытки таких преобразований дают основание назвать последнюю четверть XVII в. периодом предреформенным.

Попытка аристократической части боярства в 1681 г. обеспечить за собой на будущее время первенство в управлении страной встретила отпор со стороны дворянства и потерпела неудачу. Последовавшая в самом начале 1682 г. отмена местничества, тесно связанная с событиями предшествующего года, была весьма важной мерой, характерной для развития внутренней политики в интересах дворянства. Дальнейшие меры по реорганизации войска содействовали разрушению старинного «чиновного» строя служилого сословия и ослаблению роли дворянской конницы в составе вооруженных сил.

---

[1] *К. В. Базилевич.* Элементы меркантилизма в экономической политике правительства Алексея Михайловича.— «Ученые записки МГУ», вып. 41, История, т. I, М., 1940, стр. 6.

Опираясь на дворянское ополчение, правительство Софьи подавило в 1682 г. притязания стрелецкого войска и аристократической группы боярства, пытавшейся использовать в своих интересах стрелецкое восстание. В 1689 г. дворянство не поддержало правительства Софьи, что предопределило его падение. Во всех этих случаях дворянство выступало в качестве решающей силы, на которую опиралось крепнувшее самодержавие.

Крупные правительственные пожалования из поместий в вотчины в 70—80-х годах, распространившиеся на все слои класса феодалов, означали быстрое поглощение поместного землевладения вотчинным. Происходило значительное расширение прав распоряжения поместьями и фактически признание права наследования поместий по указу 1684 г. В 80-х же годах была предпринята, правда, неудавшаяся, попытка валового описания и межевания земель, показывающая, как далеко простирались притязания дворянства. После Крестьянской войны были сняты запреты, ограничивавшие проникновение крепостнического землевладения в южные уезды государства, и эти территории стали ареной новых земельных захватов со стороны вотчинников и помещиков.

Дворянство решительно отмежевалось от приборных служилых чинов, все более сближавшихся с тяглыми сословиями. С другой стороны, введение подворного обложения в 1679—1681 гг. означало не только применение еще более жестких форм фискального гнета, но и значительный шаг по пути унификации положения различных категорий закрепощенного сельского населения.

В организации управления наблюдается тенденция к дальнейшему усилению централизации, выразившаяся в слиянии ряда приказов и сосредоточении управления группами приказов в одних руках.

2

ЦАРСКАЯ ВЛАСТЬ И БОЯРСКАЯ ДУМА

После ликвидации интервенции продолжалось развитие сословно-представительной монархии. Земские соборы, как наиболее характерный признак этой формы верховной власти, в первой половине XVII в. достигли своего расцвета. Во второй половине столетия земские соборы отмирают и начинается переход к абсолютной монархии. Однако для установления абсолютизма необходима была ликвидация политического влияния не только земских соборов, но и Боярской думы, которая в период сословно-представительной монархии в известной мере разделяла власть с царем[1]. Наличие рядом с царем в XVII в. Боярской думы представляет собой от-

[1] *С. В. Юшков.* Указ. соч., стр. 44; *С. С. Ротенберг.* Монархия с боярской думой (К вопросу об установлении самодержавия в России).— «Ученые записки Моск. гос. педагог. ин-та им. В. И. Ленина», т. XXXV, кафедра истории СССР, вып. 2, М., 1946, стр. 69—70.

личительную черту русского самодержавия XVII века с Боярской думой и боярской аристократией[1].

Слагавшийся в XVII в. абсолютизм носил далеко не завершенный характер. Еще во многом притязания русского царизма в XVII в. были далеки от действительного воплощения в жизнь. В частности, эта незавершенность абсолютизма обнаруживается во взаимоотношениях царизма с церковью. Притязания последней на превосходство над светской властью или на равенство с нею («Премудрая двоица») потерпели поражение, но сила церкви как самостоятельной организации и мощь ее огромного землевладения еще сохранились.

По идее только царю принадлежали право законодательства и вся полнота исполнительной власти. Царь был верховным судьей. Он командовал всеми вооруженными силами. Вся приказная система в принципе была основана на предположении личного участия царя в управлении. В действительности, однако, реализация этих теоретических принципов самодержавия и единовластия далеко не была обеспечена соответствующей системой бюрократических учреждений.

* * *

Развитие самодержавия в XVII в. в направлении абсолютизма выразилось и в том, что на новую династию, хотя она имела источником своей власти «избрание» царя Михаила Федоровича «всей землей», было очень быстро перенесено старое, давно выработанное идеологическое обоснование царской власти. Идеология феодальной монархии XV—XVI вв. держалась на двух положениях: божественном происхождении власти и ее преемственной передаче в роде российских «скиптродержавцев». Выбранные цари тотчас после занятия престола спешили восстановить старое представление о «богоизбранном» государе, получающем власть от «своих прародителей» в силу родственных связей с законной династией Рюриковичей. Идеологи новой династии Романовых постарались истолковать акт избрания на царство Михаила Федоровича на Земском соборе как проявление воли божьей. «Грамота утвержденная об избрании на Российский престол царем и самодержцем Михаила Федоровича Романова» — литературно-публицистическое произведение официального происхождения — доказывает, что только Михаил Федорович Романов мог быть избран на престол.

С наибольшей полнотой апология самодержавия была развита в «Новом Летописце», появившемся около 1630 г. и описывающем события конца XVI — начала XVII в. В этом произведении источником власти царя объявляется божественная воля; отсюда делается вывод о наследственности самодержавной власти и избранной династии. Всенародное признание (через Земский собор) лишь подтверждает решение божественного промысла.

---

[1] См. *В. И. Ленин.* Соч., т. 15, стр. 308.

Царь Алексей Михайлович. Портрет маслом работы С. Лопуцкого, 1657 г.
Государственный Исторический музей

Таким образом, «Новый Летописец» нисколько не скрывает, а, напротив, очень ярко показывает классовую природу самодержавия, говоря о том, что последствием пресечения законной династии было движение социальных низов, направленное против своих господ: «Пострадахом и убиени быхом ни от неверных, но от своих раб и крестьян поругаеми и убиваеми». «Боярский человек» и «пашенный мужик» стали выступать претендентами на царский престол. Иноземное вторжение — это второй вид божьей кары. Освободительное движение рассматривается в «Новом Летописце» как борьба за православие, феодально - асболютистский режим и восстановление законной династии[1].

В написанной дьяком Федором Грибоедовым в конце 60-х годов «Истории о царях и великих князьях земли Русской» обосновывается преемственность царей новой династии от династии Рюриковичей. В этом сочинении особенно подчеркивалось, что царь Михаил приходился внучатым племянником первой жене Ивана Грозного Анастасии Романовне, чем подтверждаются кровные связи Романовых со старой династией. Отсюда царь Иван IV был объявлен «прадедом» царя Алексея Михайловича. В окончательной редакции «Истории» было выброшено замечание, имевшееся в первоначальном варианте о пресечении «царского корени» со смертью Федора Ивановича. Таким образом, «История о царях и великих князьях земли Русской» перенесла старую концепцию Степенной книги эпохи царя Ивана Грозного на династию Романовых и установила непрерывную династическую линию от князя Владимира Святославича, «сродника Августа, кесаря Римского», до царей из дома Романовых[2].

Царь Алексей Михайлович широко пользовался теорией божественного происхождения царской власти. В письме к князю Г. Г. Ромодановскому

---

[1] *Л. В. Черепнин.* «Смута» и историография XVII в.— «Исторические записки», № 14, стр. 83—84 и др.

[2] *Ф. Грибоедов.* История о царях и великих князьях земли Русской.— «Памятники древней письменности», вып. CXXI, СПб., 1896.

Прием иностранных послов царем Алексеем Михайловичем в Грановитой палате Московского кремля. Рисунок из альбома Пальмквиста, 1674 г.

он писал: «бог ...благословил и предал нам, государю, правити и разсуждати люди своя на востоке, и на западе, и на юге, и на севере в правду, и мы божия дела и наши, государевы, на всех странах полагаем, смотря по человеку...» [1]. Идеалом для царя Алексея Михайловича в этом отношении был Иван IV.

Образ жизни царя, лишь в редких торжественных случаях появлявшегося перед народом в окружении пышного великолепия, должен был поставить его в глазах подданных на недосягаемую высоту. С еще большим великолепием, демонстрировавшим власть и богатство московского государя, происходил официальный прием иностранных дипломатических представителей. Необычайно пышный титул, усвоенный Алексеем Михайловичем, свидетельствовал о больших притязаниях царя на внешнеполитическое влияние.

В Соборном Уложении царской власти посвящены особые главы. Глава II («О государевой чести»), трактовавшая об охране жизни и чести царя, не делала никакого различия между преступлениями против государства и действиями, направленными против личности государя; и то и другое подводилось под одно понятие «государева дела и слова». Глава III

---

[1] «Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археол. об-ва», т. II, СПб., 1861, стр. 774.

устанавливала охрану порядка внутри царского двора или вблизи местопребывания царя. Строго воспрещалось появляться на царском дворе с оружием—пищалями и луками. Виновный в ношении оружия подвергался наказанию батогами и недельному заключению в тюрьму. Если же кто-либо в присутствии царя обнажал оружие, хотя не действовал им, то подвергался более суровому наказанию: у виновного отсекалась рука. За убийство или ранение в присутствии царя или на его дворе виновный подвергался смертной казни. В этой же главе вводилось понятие особой «чести государева двора». За оскорбление кого-либо словами (брань) в присутствии государя виновный подлежал двухнедельному заключению в тюрьме, причем пострадавший сохранял право требовать с оскорбителя штраф за бесчестие.

* * *

Боярская дума, выросшая из совета «бояр введенных» удельного периода, при своем возникновении была феодальной курией великого князя. Но феодальная курия была мало пригодна для обслуживания потребностей образовавшегося к концу XV в. централизованного государства. Поэтому в течение XVI в. Боярская дума превратилась в правительственный орган сословно-представительной монархии. Попытки боярства превратить Боярскую думу в орган, ограничивавший царскую власть, запоздали и реального значения иметь не могли.

В состав Боярской думы входили думные люди четырех степеней: бояре, окольничии, думные дворяне и думные дьяки. Все они назначались царем пожизненно, но думные люди низшей степени, также по воле царя, могли переходить в высшую. Представители первостатейной знати входили в Думу прямо в боярском чине, менее знатные — в чине окольничего, рядовое дворянство получало чин думного дворянина. Из разрядных и боярских книг, сохранившихся, впрочем, не в полном составе, видно, что к первому боярскому слою Думы в XVII в. принадлежали 23 фамилии, из которых 18 происходили от потомков князей из рода Рюрика или Гедимина (князья Воротынские, Мстиславские, Голицыны, Куракины и др.) и пять — от старых московских боярских родов (Романовы, Морозовы, Шереметевы, Шеины и Салтыковы), т. е. княжеских фамилий среди первостепенного боярства было 78%. В течение XVII в. аристократические роды занимали еще видное положение в Думе, хотя и были несколько потеснены вследствие выдвижения неродовитых родственников цариц, Стрешневыми, Милославскими и Нарышкиными, а также другими царскими фаворитами.

Вторая степень думных чинов — окольничество — в XVI в. заполнялось потомками московских бояр. По подсчетам В. О. Ключевского, среди окольничих в этот период было только 23% лиц с княжеским титулом[1].

[1] *В. О. Ключевский.* Боярская дума древней Руси. П., 1919, стр. 220.

Но в XVII в. и здесь преобладали потомки удельных князей (Барятинские, Львовы, Лыковы, Пожарские и др.). По данным разрядных книг и боярских списков, из 56 фамилий, посылавших своих представителей в Боярскую думу в чине окольничего, 29 фамилий, т. е. более половины, были княжеские.

Боярин Н. И. Одоевский. Портрет маслом работы неизвестного художника, XVII в.
Государственный Исторический музей

С первой половины XVI в. в состав Думы, в целях противодействия политическим притязаниям родовой знати, стали вводиться дети боярские и дворяне. Таким «думным дворянином» начал свою карьеру Алексей Адашев. Думные дворяне представляли собой выходцев из рядового дворянства, получавших свое высокое звание обычно в силу личных заслуг. Так, Л. Т. Голосов получил чин думного дворянина после 30 лет службы дьяком и думным дьяком; В. М. Тяпкин имел за собой 30 лет военной и дипломатической службы и т. д. Думные дворяне обладали административной опытностью. В XVII в. не было ни одного думного дворянина с княжеским титулом. Большинство думных дворян заканчивало свою карьеру в этом звании, и лишь немногие, как А. Л. Ордин-Нащокин или А. С. Матвеев, достигали боярского чина. Думные дворяне все вышли из мелкого дворянства, по подсчету за XVII в.,—из 85 дворянских родов.

Думные дьяки назначались из выслужившихся приказных дьяков. При царе Михаиле их было три-четыре, потом число их постепенно увеличивалось и доходило до 13 думных дьяков одновременно. Всего за XVII в. думных дьяков было 45—46. В аристократическом окружении Боярской думы думные дьяки вместе с думными дворянами представляли собой бюрократический элемент. Значение их было велико, так как по многим делам они были докладчиками и, кроме того, формулировали решения Думы. Некоторые из думных дьяков достигали высоких чинов, как, например, И. А. Гавренев, получивший окольничество, и С. И. Заборовский, окончивший свою карьеру в чине боярина.

Общее число членов Боярской думы в течение XVII в. менялось, причем постепенно увеличивался удельный вес думных дворян и думных

дьяков. По переписным книгам 1678—1679 гг., в Боярской думе числилось 97 человек, из них 42 боярина, 27 окольничих, 19 думных дворян и 9 думных дьяков[1].

Видное место, которое занимала в Боярской думе боярская аристократия, не противоречило беспрерывному в течение XVII в. усилению царской власти, так как положение боярства в Думе значительно изменилось. Знать XVII в. уже не была похожа на боярство времен Грозного. В течение второй половины XVII в. наплыв в Думу лиц невысокого происхождения, из числа преимущественно родственников цариц, и назначение большого числа думных дворян несколько снизили аристократический характер Думы, но этот процесс прервался при Петре, который сохранил в числе бояр представителей высшей знати и мало пополнял состав думного дворянства до упразднения Думы вообще.

Думные чины давались («сказывались») от имени царя, формально ничем не ограниченного в своих назначениях. Однако обычай требовал, чтобы сан боярина или окольничего предоставлялся преимущественно представителям известных аристократических родов. Представителя рода Голицыных или Шереметевых нельзя было назначить думным дворянином или окольничим. Зато царь был волен неугодного ему человека совершенно не пускать в Думу, даже если за ним числились значительные служебные заслуги. Так, князь М. В. Прозоровский в 1615 г. был стольником, воеводствовал в Торопце, Вятке, Переяславле-Рязанском и Вязьме, а в 1649 г. все еще оставался в звании стольника и так и не дождался назначения в Думу; другой князь Прозоровский, Петр Семенович Меньшой, также состоял в звании стольника 24 года и умер в этом звании и т. д.

Думный чин часто давался лишь после продолжительной службы. Для родственников цариц и фаворитов этот срок был гораздо короче. Если большинство представителей первостепенной знати должно было ждать пожалования в бояре 10—15 лет, то отец царицы К. П. Нарышкин через год после пожалования в думные дворяне был сделан окольничим, а еще через год и боярином; его сын И. К. Нарышкин получил боярство в возрасте 22 лет. А. С. Матвеев в пять лет прошел через думное дворянство и окольничество до боярского чина. От воли царя зависело дать боярство второстепенному дворянину даже с нарушением последовательности прохождения чинов. Так, в 1682 г. боярство было «сказано» стольнику М. Л. Плещееву, между тем как из многочисленного рода Плещеевых не было ни одного, который в XVII в. имел хотя бы низший думный чин.

Лишение думных людей их звания было явлением редким и случалось в порядке царской опалы за преступления политического характера.

На заседаниях Боярской думы обыкновенно присутствовали не все пожалованные в думные чины. Значительная часть их находилась не-

[1] *А. А. Новосельский.* Роспись крестьянских дворов, находившихся во владении высшего духовенства, монастырей и думных людей по переписным книгам 1678 г. — «Исторический архив», т. IV, М.—Л., 1949, стр. 89.

редко вне Москвы, выполняя различные служебные поручения — на воеводствах в более значительных городах, выезжая за границу в посольствах и т. д. Но большое число думных людей было занято в Москве в приказах и в то же время заседало в Боярской думе, так что иногда заседание Думы превращалось в собрание начальников приказов. Все это могло быть только во второй половине XVII в., так как в XVI в. и в первой половине XVII в. важнейшие приказы находились под управлением недумных чинов. При Алексее Михайловиче и его преемнике думные чины управляли почти всеми приказами, что было одним из проявлений централизации управления.

Заседания Боярской думы происходили в кремлевском дворце под председательством царя или наиболее родовитого из бояр. Начиналось заседание летом с восходом солнца, а зимой еще до восхода солнца и продолжалось с перерывами иногда до позднего вечера. Когда царь выезжал из Москвы в подмосковные дворцовые села или монастыри, и его сопровождало много думных людей, то заседания устраивались и вне Москвы, где находился царь. На заседаниях Боярской думы происходили нередко горячие и длительные прения[1].

Большинство дел, восходивших в Боярскую думу, возникало по инициативе центральных правительственных учреждений, которые не знали, как решить то или другое дело по отсутствию соответствующего закона, неясности его, сложности и запутанности самого казуса и т. д. Дело могло возникнуть и по жалобе частного лица на решение приказа. Приговор Думы в дальнейшем служил прецедентом при разборе в приказах аналогичных дел, и потому некоторые приговоры имели такое прибавление: «да и впредь бояре приговорили...». Таким образом, приговор Думы являлся законом или разъяснением закона. По инициативе царя Боярская дума разрабатывала законодательные акты, обсудив их самостоятельно или вместе с царем.

Было бы ошибкой полагать, что деятельность Думы при всем ее разнообразии имела только законодательный характер. Дума очень часто выступала как учреждение распорядительное, действовавшее по поручению верховной власти, даваемому не на каждый отдельный случай, но на целый круг дел. Дума была и высшим контрольным учреждением в государстве. Она могла собирать сведения о служилых людях, начиная от простого рейтара до боярина, следить за приказными расходами, интересоваться даже тем, сколько в приказе затрачено на свечи, чернила и дрова и т. д. Дума могла исполнять функции распорядительного учреждения по военным делам, т. е. она часто и глубоко входила в дела Разрядного приказа.

Большую роль играла Боярская дума в области дипломатических сношений. Поэтому во главе Посольского приказа почти всегда стоял не боярин, а думный дьяк как секретарь Думы по внешним сношениям. Через Думу проходила дипломатическая переписка. Для переговоров

[1] *В. О. Ключевский.* Указ. соч., стр. 407—408, 416—422.

с иностранными послами Дума выделяла из своей среды бояр в «ответную» палату — временную комиссию, докладывавшую Думе о ходе переговоров и получавшую от нее инструкции.

Круг деятельности Боярской думы намечен двумя законодательными актами. В Судебнике 1550 г. значится: «А которыя будут дела новые, а в сем Судебнике не написаны, и как те дела, с государева докладу и со всех бояр приговору, вершатся, и те дела в сем Судебнике приписывати»[1]. Статья 2 главы X Уложения гласит: «А спорныя дела, которых в приказех зачем вершити будет не мощно, взносити из приказов в доклад к государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии и к его государевым бояром и окольничим и думным людем. А бояром и окольничим и думным людем сидети в палате, и по государеву указу государевы всякия дела делати всем вместе»[2]. Государев доклад — это запрос приказа на имя государя, как надо решать то или другое дело, подробности которого приводятся в этом запросе с обычной формулой: «и о том великий государь как укажет?». На докладе ставилась помета (резолюция), решать ли запрос боярам с царем или боярам самостоятельно. Упоминаемое в статье Уложения: «по государеву указу», относится именно к помете. Вместо пометы о направлении дела могла быть помета о разрешении вопроса государем единолично.

Наиболее важные вопросы обсуждались большею частью на совместных заседаниях царя с Думой; в таких случаях решение начиналось формулой: «царь указал и бояре приговорили». Если царь считал дело для себя ясным и не нуждался в совете опытных лиц или же ограничивался советом близкого лица, то указ издавался без упоминания об участии бояр в его составлении. Нечто среднее между формулами «царь указал и бояре приговорили» и «царь указал» была формула «царь, слушав с бояры, указал». В 1622 г. из разоренных русских областей многие крестьяне и посадские люди бежали в Литву. На воеводской отписке относительно одного случая бегства была наложена такая помета: «Указал государь о том доложити себя, государя, на Москве при боярех, да и об иных таких поговорити, чем то в городех унять»[3]. Можно предположить, что царь, выслушав мнение Думы, вынес свое решение не тотчас, а через некоторое время, может быть, посоветовавшись еще с кем-либо из доверенных лиц. Указанная формула, повидимому, близка к такой, которая была в ходу при царе Михаиле: «бояре приговорили: что государь укажет», т. е. приговор, вынесенный боярами без царя, передавался ему на его усмотрение.

Формула «бояре приговорили» совсем не значит, что Боярская дума без царя могла выносить постановления, имевшие силу закона; боярский приговор имел значение проекта постановления, который подлежал дальнейшему обсуждению. Бояре выносили окончательные постано-

---

[1] «Царский Судебник», ст. 98.—АИ, т. I, СПб., 1841, № 153, стр. 249—250.

[2] «Уложение 1649 г.», гл. X, ст. 2.

[3] «Акты Московского государства», т. I, СПб., 1890, № 152, стр. 177.

вления, но только по особому распоряжению царя, что могло выражаться формулой: «по указу великого государя бояре приговорили». Если, выполняя такое поручение, бояре находили, что по каким-либо причинам им вынести своего постановления «немочно», то за решением обращались к царю. Обо всех распоряжениях Думы царь ставился в известность согласно присяге, приносимой думными чинами: «самовольством без государева ведома никаких дел не делати».

Обширная и еще сохранившая в основном аристократический характер Дума не могла вполне удовлетворить потребности развивавшегося абсолютистского государства, которое нуждалось в небольшом по числу членов и бюрократическом по существу центральном органе. При первых Романовых наравне с Думой «всех бояр» действовала «ближняя» или «тайная» дума из немногих доверенных лиц по приглашению царя, иногда даже не облеченных думным званием. Ближняя дума, первоначально не имевшая определенного состава, начала формироваться в учреждение во второй половине XVII в., когда стало практиковаться пожалование бояр «в комнату»[1].

В случае выезда из Москвы царь назначал временную комиссию из членов Думы разных степеней под председательством одного из старших по службе и родовитости бояр. Эта комиссия следила за текущими делами, получала отписки от городовых и полковых воевод, самостоятельно решала мелкие дела, а о более серьезных посылала за указаниями к царю «в поход». С 1681 г. начала действовать единственная постоянная комиссия Думы — Расправная палата, в состав которой входило 11 или более членов Думы. Это была высшая инстанция по гражданским судебным делам, уже рассмотренным в приказах или воеводских избах, но обжалованным одной из тяжущихся сторон. С некоторыми перерывами Расправная палата просуществовала до марта 1694 г., когда был издан указ, предписывавший дела невершенные и спорные рассматривать боярам всем, т. е. в Боярской думе[2].

Как бы ни изменялись состав Боярской думы и взаимоотношения ее с царской властью в течение XVII в., Дума представляла собой власть крупных феодалов. Боярская дума действовала нераздельно с царем, который сам был крупнейшим землевладельцем. Вместе с царем она осуществляла политическое господство класса феодалов над эксплуатируемыми массами. По росписи, составленной на основании переписных книг 1678 г., видно, что 88 бояр, окольничих и думных дворян владели 45 тыс. крестьянских дворов. В дворцовых владениях, которыми управлял царь, было 88 тыс. крестьянских дворов[3]. Необходимость для

---

[1] *А. И. Заозерский.* Царская вотчина в XVII в. М., 1937, стр. 283 и сл.

[2] *В. О. Ключевский.* Указ. соч., стр. 429—433; *С. К. Богоявленский.* Расправная палата при Боярской думе.— «Сборник статей, посвященных В. О. Ключевскому», М., 1909, стр. 409—426.

[3] *А. А. Новосельский.* Роспись крестьянских дворов..., стр. 88.

царской власти опираться на Боярскую думу, в которой аристократический элемент был еще силен, свидетельствует о незавершенном еще развитии абсолютизма, а также о живучести остатков сословно-представительного строя.

В первые годы самостоятельного правления Петра I Боярская дума изменила весь свой облик и превратилась в чисто бюрократический орган. Это превращение связано с возникшей в 1699 г. Ближней канцелярией — контрольным финансовым органом, подобным Счетному приказу времени Алексея Михайловича. Ближняя канцелярия сделалась местом заседаний Боярской думы и ее канцелярией. Лица, съезжавшиеся в Ближнюю канцелярию, составляли совет, который сам Петр называл «конзилией министров»; это был узкий круг сановников, иногда не имевших никакого думного чина. «Конзилия министров» действовала большею частью в отсутствие царя, выполняя распорядительную функцию по делам внутреннего управления[1].

* * *

Самодержавие в XVII в. вступало в столкновение с неизжитыми еще притязаниями церкви на преимущество духовной власти перед светской. Особой остроты этот вопрос достиг во время патриаршества Никона.

Царь Алексей, несмотря на то, что он сам разделял представления Ивана Грозного о царской власти и готов был считать себя «самодержцем» всего «православного Востока», стремился усилить авторитет нового патриарха ввиду чрезвычайной важности предстоявших церковных нововведений[2].

Русское правительство стремилось прикрыть реформу авторитетом не просто патриарха — «потаковника» светской власти, но патриарха — «великого государя», занимавшего самостоятельное положение в государстве.

Деятельность Никона не ограничивалась церковной реформой. Став патриархом, он приобрел огромную власть и значение также и в делах государственных. Как патриарх Филарет, он носил титул «великого государя». Он безраздельно царил в патриаршей области и других епархиях церкви. В его руки перешло назначение митрополитов, епископов и архимандритов, бывшее до него исключительно делом царя. Во время военных походов царя Никон, находясь в Москве, самостоятельно решал гражданские и военные дела. В приговорах по этим делам появляется даже формула: «...святейший патриарх указал и бояре приговорили». Боярская дума в отсутствие царя находилась фактически в подчинении у патриарха. Наконец, Никон значительно расширил пределы патриаршей области за счет ближайших епархий. Он увеличивал, подчас вопреки существовавшему законодательству (Уложение 1649 г.), и личное свое хозяйство

[1] *В. О. Ключевский.* Указ. соч., стр. 438—448.

[2] О сущности церковной реформы см. главу II, § 8 настоящего издания.

в созданных им монастырях—Воскресенском (под Москвой), Иверском (в Новгородском уезде) и Крестном (на побережье Белого моря). За их стенами, как, впрочем, и в патриаршей области, Никон был полновластным феодалом, творившим суд и управу, нередко «мучительски», над многочисленными своими подданными — духовными и светскими. Все это было несовместимо с принципами развивавшегося в XVII в. абсолютизма и противоречило новым формам государственной власти. Самовластная политика московского патриарха вызывала скрытое недовольство царя Алексея Михайловича и его окружения и в конце концов привела к падению Никона. Сильно скомпрометировало патриарха и неудачное направление вдохновлявшейся им внешней политики.

Патриарх Никон.
Портрет маслом работы Д. Вухтерса, около 1660 г.

Фонды Московского областного музея

В мае 1654 г. началась война с Польшей из-за Украины, воссоединившейся с Русским государством. Войне с Речью Посполитой придавался характер и религиозной борьбы «православия» с католичеством.

В результате военных успехов Русского государства, а также вступления в войну Швеции, захватившей Варшаву и Краков, Польша уже к осени 1655 г. начала искать мира с русским правительством. В октябре 1655 г. прибыли в Москву в качестве посредников представители Священной Римской империи — послы Аллегрети и Лорбах, которые выдвинули идею союза христианских государей (православных и католиков) для борьбы с Турцией и Крымом[1]. Идея такого объединения с обессиленной и, казалось, уже не опасной Речью Посполитой увлекла Никона. Объединение христианских государей, казалось Никону, могло раскрыть новые

[1] «Памятники дипломатических сношений с Римской империей», т. III, СПб., 1854, № XVII, стр. 386.

пути к проведению активной восточной политики. Кроме Никона, был и еще один сторонник такой политики — А. Л. Ордин-Нащокин, который, склоняясь к миру и объединению с Речью Посполитой, полагал, что греки, молдаване, волохи, не разъединяемые больше враждебной Польшей, могли скорее отложиться от турок и слиться в многочисленный христианский народ под покровительством московского царя. Такие мысли Ордин-Нащокин неоднократно развивал впоследствии перед царем Алексеем[1]. Отсюда и несомненное его сочувствие к Никону как единомышленнику. Никону удалось увлечь и царя, только что вернувшегося из победоносного похода, мыслью о союзе с поляками, подкрепленной возможностью получения Алексеем Михайловичем польской короны. Но мир с Польшей означал одновременно и войну со Швецией.

В мае 1656 г. русское правительство объявило о разрыве «вечного докончанья» со Швецией. Неудача под Ригой и тяжелое внутреннее состояние Русского государства заставили царя Алексея отказаться от завоевания Ливонии и выходов к Балтийскому морю.

В такой обстановке в течение 1657 и 1658 гг. подготовлялось падение патриарха Никона. В правительственных кругах, в среде большинства русского боярства война со Швецией 1656—1658 гг. не встречала одобрения. Основная линия внешней политики при царях Михаиле и Алексее направлялась против Польши, за воссоединение Украины и Белоруссии. Сторонников войны со Швецией в это время было весьма немного. Наиболее яркий их представитель А. Л. Ордин-Нащокин не пользовался авторитетом у большинства московских деятелей[2].

Возлагая ответственность за неудачную войну со Швецией на Никона, члены правительства (Милославский, Стрешнев, Одоевский, Трубецкой, Салтыков и др.) и рядовое боярство сводили счеты с властным временщиком, высокомерно и грубо обращавшимся с ними в предшествующее время, когда царь «положил свою душу и всю Русию на патриархову душу»[3]. На Никона возводились обвинения в стремлении стать выше царской власти, в нарушении законов и в корыстолюбии, в том, что он отнимал вотчины и принимал беглых холопов и крестьян, облагал тяжкими сборами духовенство и жестоко расправлялся с ослушниками. Властный и нетерпимый характер патриарха в конце концов вызвал недовольство и царя. Началось постепенное охлаждение Алексея Михайловича к своему «собинному другу». Царь стал избегать патриарха. Никона все реже приглашали во дворец и все более отдаляли от участия в делах.

Напряженные отношения царя и патриарха завершились в июле 1658 г. открытым разрывом. 10 июля в Успенский собор явился князь Ю. Ромодановский и объявил Никону о «гневе» царя на патриарха за

[1] *В. С. Иконников.* Ближний боярин А. Л. Ордин-Нащокин. — «Русская старина», 1883, октябрь, стр. 44—46.

[2] *С. М. Соловьев.* История России, кн. 3, стб. 62—63, 173, 389—390.

[3] Письмо Ивана Неронова к Стефану Вонифатьеву от 2 мая 1654 г.— «Материалы для истории раскола за первое время его существования», т. I, М., 1875, стр. 91—92.

присвоение им титула «великого государя». Никон отвечал, что он называется «великим государем» не самовольно, а в соответствии с царской волей[1]. По окончании обедни Никон обратился к народу с речью, закончив ее словами: «от сего де времени не буду вам патриарх», после чего сложил символ своего сана — посох. Из собора он ушел на подворье Воскресенского монастыря (на Ильинке), а затем уехал из Москвы в Воскресенский монастырь[2].

Казалось, все кончалось благополучно и в интересах правительства, желавшего и подготовлявшего уход Никона, который по своей воле отказывался от патриаршества и благословлял на избрание нового патриарха. В Воскресенском монастыре бывший патриарх всецело погрузился в заботы о монастырском хозяйстве и не вмешивался в церковные дела. Однако вскоре он заговорил совсем иным языком. Началось так называемое «дело Никона», которое тянулось около восьми лет, прежде чем правительству удалось добиться нужных для себя результатов.

За время своего патриаршества, особенно в 1652—1656 гг., принимая непосредственное и неограниченное участие в деятельности правительства, Никон приобрел широкие связи на Украине и на Востоке. Он был не только московским патриархом, но и патриархом, как бы со «вселенским» значением, как того, впрочем, в свое время желало и правительство царя Алексея. Поэтому смещение Никона необходимо было мотивировать перед международным (в пределах «православного» Востока) мнением. Свое «вселенское» значение прекрасно учитывал и Никон; он нарочито подчеркивал его в «послании» царю в 1659 г.

«Послание» 1659 г. было вызвано тем, что царь и правительство распорядились произвести просмотр переписки и вещей Никона, остававшихся у него в Москве. Тогда же был ограничен допуск к Никону посторонних лиц.

«Послание» 1659 г., написанное с большой горячностью и злобной раздраженностью, вместе с критикой правительственных распоряжений впервые раскрывает взгляды Никона на самого себя, сложившиеся, несомненно, в результате выдающегося положения, созданного для него русским правительством. «Дивлюся о сем, — писал Никон царю Алексею,— како вскоре в таковое дерзновение пришел еси, иже иногда страшился еси на простых церковных причетников суд наносити... ныне же всего мира иногда бывша аки пастыря восхотех грехи и таинства видети». Вспоминая пользу, какую он принес государству и, в частности, царю во время своего патриаршества, Никон убеждал Алексея Михайловича в неосновательности гнева на него, вследствие чего он вынужден был покинуть свою кафедру[3].

---

[1] Письмо патриарха Никона к цареградскому патриарху Дионисию.— «Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археол. об-ва», т. II, стр. 515.

[2] «Дело о патриархе Никоне», СПб., 1897, стр. 21, 16—18.

[3] Там же, стр. 6—12.

В феврале 1660 г. царь созвал собор русских епископов для решения вопроса об избрании нового патриарха и о суде над Никоном. В беседе со стольником М. С. Пушкиным, посланным к патриарху царем, Никон объяснил, что он оставил лишь московский патриарший престол, но от патриаршества как сана не отрекался. Он не возражал против избрания нового московского, местного, патриарха, но лишь с его, Никона, благословения. Никон сам должен поставить нового патриарха. Совершив это поставление, он уйдет в монастырь[1].

Собор не посчитался с претензиями Никона и постановил лишить его патриаршей кафедры и архиерейства и избрать нового патриарха[2]. Однако это соборное решение оспорил крупный богословский авторитет Епифаний Славинецкий, который не нашел канонического оправдания соборному решению в части, касавшейся лишения Никона архиерейства. Вопрос остался нерешенным, и собор не смог приступить к выборам нового патриарха[3].

Положение оставалось неопределенным до 1664 г. К этому времени относятся выступления Никона против Соборного Уложения 1649 г., главным образом по вопросу о подсудности духовенства светскому суду и установлении контроля светской власти над хозяйственной деятельностью церкви, осуществляемого вновь созданным Монастырским приказом[4].

К 1662—1663 гг. относятся и рассуждения Никона о взаимных отношениях «царства и священства», светской и церковной властей. Никон сравнивает власть архиерейскую с солнцем, которое светит днем, а власть царя — с месяцем, который светит ночью. Поэтому «священство всюду пречестнейше есть царства». Подкрепляя библейскими примерами правильность своих рассуждений, Никон отрицал утверждения своих противников, что царь ему «вручи... досматривать всяких судеб церковных», потому что «не от царей начальство священства приемлется, но от священства на царство помазуются..., яко священство царства преболее есть»[5].

Из теоретических рассуждений Никона о преимуществах «священства» над «царством» видно, что он уклонился от византийского идеала «Премудрой двоицы», построенного на равном значении власти царя и патриарха в «священном царстве». Русское правительство, разумеется, не могло принять такой трактовки взаимоотношений духовной и светской властей, какую давал Никон, и не могло быть речи о его возвращении на патриаршество.

---

[1] «Дело о патриархе Никоне», стр. 18—20.

[2] Там же, стр. 62—63; *Н. Ф. Каптерев.* Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович, т. II, Сергиев Посад, 1912, стр. 262.

[3] «Дело о патриархе Никоне», стр. 88—111.

[4] «Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археол. об-ва», т. II, стр. 423—498.

[5] *Н. Ф. Каптерев.* Указ. соч., т. II, стр. 181 — 185 и далее; *Макарий.* История русской церкви, т. XII, СПб., 1883, стр. 418. Пересказ Н. Ф. Каптерева заимствован из рукописи Моск. духовной академии, № 218; пересказ Макария — из рукописи Воскресенского Новоиерусалимского монастыря.

Чтобы покончить, наконец, с делом Никона, решено было созвать собор с участием восточных патриархов. Такое решение признавал единственно возможным и приемлемым и сам Никон. Однако пригласить в Москву восточных патриархов в ближайшее время правительству не удалось. Среди высшего греческого духовенства было немало сторонников Никона, пытавшихся примирить его с царем (например, иерусалимский патриарх Нектарий и константинопольский Дионисий); отсюда проистекали колебания части греческого духовенства, притом наиболее авторитетного, в оказании содействия русскому правительству. Для участия в деле Никона удалось уговорить лишь двух патриархов: антиохийского Макария и александрийского Паисия. Оба патриарха могли прибыть в Москву лишь в ноябре 1666 г.

В феврале 1665 г. Никон в грамоте константинопольскому патриарху Дионисию мрачными красками описывал положение народа и церкви в Русском государстве, «злобство, вражду и лжу» по отношению к нему и т. п.[1]. Грамота эта, перехваченная по дороге, сильно раздражила царя и правительство, заботившихся о том, чтобы критика Никона и подробности его дела не получили огласки, особенно вне государства, и не повредили международному престижу русского царя.

Когда, наконец, приехали восточные патриархи, дело Никона разбиралось на трех заседаниях. В качестве главного обвинителя выступил сам царь. На первый пункт обвинения о самовольном оставлении патриаршества Никон заявил, что он ушел от царского гнева, так как, гневаясь на него, царь перестал посещать церковные службы. Но от патриаршества как сана он не отказывался: «То де на меня затеяли», — прибавил Никон. Вторым обвинением против Никона была его грамота к Дионисию, в которой, по мнению судей, возводились хула на русскую церковь и «бесчестие» на государя. Здесь против некоторых обвинений Никон молчал, некоторых же не отрицал, но старался доказать свою правоту. Приговор в окончательной форме был объявлен 12 декабря 1666 г. Никон был признан виновным в оставлении кафедры, в оскорблении церкви, царя, собора и «всех православных христиан», восточных патриархов и в самовольном, без собора, свержении (в 1654 г.) коломенского епископа Павла. Тогда же был совершен и обряд низложения Никона, после чего бывший патриарх под охраной стрелецкого отряда был отвезен в Ферапонтов монастырь. На этом кончилась карьера Никона: бывший «великий государь» и «пастырь всего мира» простым монахом отправлялся в далекую ссылку. Патриархом собор избрал архимандрита Троице-Сергиева монастыря Иоасафа[2].

Но этим не окончилась борьба самодержавной власти за подчинение церкви в складывавшемся абсолютистском государстве.

---

[1] «Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археол. об-ва», т. II, стр. 510—530.

[2] «Дело о патриархе Никоне», стр. 438—453; *Н. Ф. Каптерев.* Указ. соч., т. II, стр. 323—352; *Н. А. Гиббенет.* Историческое исследование дела патриарха Никона, ч. II, СПб., 1884, стр. 1042—1092.

После осуждения Никона собор, при участии восточных патриархов, в январе 1667 г. занялся рассмотрением возбужденного низложенным патриархом теоретического вопроса о преимуществе священства перед царством. Глубоко ненавидя Никона за его высокомерие и жестокость и всемерно содействуя его падению, «князья церкви» тем не менее склонялись к признанию положения, что «священство выше царства»[1]. Напротив, восточные патриархи доказывали, что «те никонствуют и папствуют, кто покушается уничтожить царство и поднять на высоту священство»[2]. В конце концов по предложению патриархов был избран средний путь: «царь имеет преимущество в делах гражданских, а патриарх — в церковных, дабы таким образом сохранилась целою и непоколебимою во век стройность церковного учреждения»[3]. Решения собора 1667 г. в этой части так и остались не скрепленными подписями присутствовавших и поэтому не вошли в состав официальных соборных деяний, но споры о соотношении властей показывают, насколько сильны были в среде русского духовенства взгляды, которые защищал Никон. На соборе 1667 г. защитниками независимости церковной власти от светской выступали митрополит крутицкий Павел и архиепископ рязанский Илларион[4].

Таким образом, победа царя Алексея Михайловича над патриархом Никоном не означала полного подчинения церкви светской власти. Даже по конкретным решениям Соборного Уложения 1649 г., ограничивавшим привилегии церкви, правительству пришлось вскоре отступить[5].

3
ЗЕМСКИЕ СОБОРЫ

До 50-х годов XVII столетия царская власть должна была в своей деятельности опираться на особое учреждение — Земский собор, который являлся представительством дворянства и посадских людей Русского государства. Сословное представительство возникло в России в период складывания и укрепления централизованного государства как опора царской власти в борьбе с остатками феодальной раздробленности. В земских соборах нашли выражение политические притязания таких слоев феодального общества, которые наиболее поддерживали монархию, — мелкого и среднего дворянства и горожан. Сословно-представительная монархия — важный этап феодального государства на пути его перехода к абсолютизму[6].

Земские соборы зародились и оформились в XVI в.

---

[1] *Н. Ф. Каптерев*. Указ. соч., т. II, стр. 229.
[2] Там же, стр. 248.
[3] Там же, стр. 244.
[4] Там же, стр. 226–227.
[5] См. главу I, § 5 настоящего издания.
[6] *С. В. Юшков*. К вопросу о сословно-представительной монархии в России.— «Советское государство и право», 1950, № 10, стр. 40, 49 и др.

В начале XVII в. земские соборы созывались в обстановке напряженной классовой борьбы и тяжелого международного положения Русского государства. Движение против интервентов, начавшись на севере, постепенно расширялось, захватывая все новые и новые области. Города вступали в оживленные сношения между собой, призывая друг друга «быти со всею землею в любви и в совете и в соединенье и против врагов... польских и литовских людей, со всею землею стояти заодин»[1]. Руководящими органами в этих сношениях являлись городовые «советы». В них участвовали «разных чинов люди Московского государства»[2].

В составе «совета всей земли» легко различаются два элемента: с одной стороны, представители высших слоев светских и духовных феодалов, с другой — выборные люди. Первые, хотя и не в одинаковом составе, — необходимый элемент «совета всей земли» и в ополчениях и при избрании Михаила Федоровича.

Впервые решение созвать в Москву выборных «изо всех чинов по человеку» для избрания царя было принято боярским правительством в 1610 г. Тогда этот призыв, по признанию самого правительства, не нашел отклика в стране. Позднее каждое правительство, имея в виду ту же самую задачу и вместе с тем желая поднять свой авторитет, хотело иметь под руками выборных людей и было готово уже в небольшом числе их, с присоединением столичных чинов, видеть «совет всей земли», или просто «землю». Такой смысл имеет, например, термин «земля» в приговоре 30 июня 1611 г., где в действительности ему соответствует группа выборных служилых людей из ополчения. Полнее «совет всей земли» — во втором ополчении. Д. М. Пожарский еще из Нижнего-Новгорода просил города и волости прислать дворян и детей боярских и земских лучших людей из всех чинов по человеку. Потом он повторил свою просьбу из Ярославля, увеличив число выборных до двух и до трех человек «изо всяких чинов». Присутствие в нижегородском ополчении представителей городовых дворян и разных служилых групп, а также посадских людей с несомненностью удостоверяется подписями под грамотой Пожарского от апреля 1612 г., и только остается под сомнением присутствие крестьян[3]. В совете, образовавшемся при соединенном ополчении Трубецкого и Пожарского, посадских представителей не видно; там участвовали, повидимому, представители одних служилых людей. Но с исключительной полнотой провинциальные служилые и земские люди были представлены на соборе 1613 г. На собор призывали по 10 человек от каждого города с уездом «из ыгуменов, и ис протопопов, и ис посацких и из уездных людей, и из дворцовых сел [и] ис черных волостей десяти человек лутчих и разумных и постоятельных людей»[4].

[1] ААЭ, т. II, СПб., 1836, № 189, стр. 327.

[2] *П. Г. Любомиров.* Очерк истории Нижегородского ополчения 1611—1613 гг. М., 1939, стр. 42, 54 и др.

[3] Там же, стр. 126—135; ААЭ, т. II, № 203, стр. 256.

[4] *П. Г. Любомиров.* Указ. соч., стр. 178—201; *С. Б. Веселовский.* Акты подмосковных ополчений и Земского собора 1611—1613 гг. М., 1911, № 82, стр. 99.

«Совет всей земли» в период борьбы с иноземными захватчиками приобрел значительный авторитет. В его составе именно выборные люди были носителями единства «земли». От своих избирателей они получали «полные и крепкие достаточные приказы» (наказы), как предписывала призывная грамота Трубецкого и Пожарского, и, имея, таким образом, за собой «мир», могли говорить «о государственном деле», по выражению той же грамоты, «вольно и бесстрашно».

В первые годы царствования Михаила Федоровича соборы имели большое значение в жизни государства. Иногда они даже официально ставились рядом с носителем верховной власти: в царских грамотах того времени нередко можно встретить ссылку на «всенародный приговор». В эти годы, до 1619, земские соборы выполняли обязанности постоянной распорядительной власти. Слабость центральной власти в первые десятилетия после ликвидации интервенции вынуждала царскую власть обращаться к земским соборам, в которых основная опора правительства — дворянство и посадские люди — играла решающую роль. С большой яркостью эта мысль выступает в Окружной грамоте от 5 июля 1619 г., где говорится, что по возвращении патриарха Филарета из плена Михаил Федорович «с отцем своим и богомольцем святейшим патриархом... и с митрополиты, и... со всем освященным собором, и с бояры, и с окольничими, и с думными людьми, и со всеми людьми Московского государства, учиня собор, о всех статьях говорили, как бы то исправить [разные недостатки в управлении] и земля устроить». Для этого решено было вызвать в Москву выборных от населения: «А из городов изо всех, для ведомости и для устроенья, указали есмя взять к Москве, выбрав из всякого города из духовных людей по человеку, да из дворян и из детей боярских по два человека,... да по два человека посадских людей, которые б умели разсказать обиды и насильства и разоренье», чтобы правительству «всякия их нужи и тесноты и разоренья и всякие недостатки были ведомы»[1].

Соборы созывались по преимуществу в тех случаях, когда появлялась опасность войны, и у правительства возникал вопрос о сборе людей и средств. Таковы соборы 1618, 1621, 1632, 1634, 1639, 1642, 1651 и 1653 гг.

Однако далеко не все земские соборы в первой половине XVII в., в пору наибольшего их расцвета, являлись правильно организованными сословно-представительными собраниями. Можно признать несомненным присутствие выборных людей — «из городов выборные люди» или «из городов всякие выборные люди», «дети боярские всех городов», «торговые люди всех городов» и т. п. на соборах 1613—1614, 1616, 1621, 1636, 1648—1649, 1651 и 1653 гг. Напротив, на соборах 1618, 1619, 1632, 1634, 1639 и 1642 гг. не было такого рода выборных представителей с мест от служилых и посадских людей. Эти последние соборы созывались экстренно для разрешения

[1] СГГиД, ч. III, М., 1822, № 47, стр. 209—210.

Заседание Земского собора 1613 г. Миниатюра из рукописной книги «Избрание на царство М. Ф. Романова», 1672 г.

Оружейная палата

спешных вопросов. Так, в 1634 г. 28 января царь указал быть собору, а 29 января собор уже состоялся[1]. В 1639 г. 7 июля бояре по государеву указу приговорили созвать собор для рассмотрения вопроса о насилиях над русскими посланниками в Крыму; 19 июля собор уже состоялся[2]. Собор об Азове 1642 г. состоялся в тот же день (3 января), когда созыв его был назначен. В 1648 г. 10 июня был решен созыв собора, который и состоялся уже 16 июля. Очевидно, во всех этих случаях не могло быть и речи об организации выборов представителей с мест. Соборы такого типа составлялись из Освященного собора, Боярской думы и представителей московских чинов служилых людей, городовых служилых людей, находившихся в тот момент в Москве, гостей, гостиной и суконной сотен и тяглецов московских черных сотен и слобод.

Особых законодательных актов, определявших принципы формирования состава земских соборов, не было. Этот недостаток, повидимому, осознавался более вдумчивыми из современников, и они пробовали ставить вопрос о правильной организации выборного представительства на земских

[1] *А. И. Заозерский.* К вопросу о составе и значении земских соборов.— ЖМНП, 1909, № 6, стр. 328.

[2] *А. А. Новосельский.* Земский собор 1639 г.— «Исторические записки», № 24, стр. 24, 26.

соборах. Таков проект преобразования Земского собора, представленный в 1634 г. стряпчим Иваном Бутурлиным. Бутурлин проектировал распространение выборного начала на все чины, в том числе и на московские, из которых предлагал выбирать «против городов», а с другой стороны, сделать Собор постоянным учреждением, установив годичный срок для полномочий выборных, или «как городом выберут», и обеспечив их в столице квартирами [1].

Поголовный созыв столичных чинов становился все более неосуществимым ввиду увеличивавшегося их количества и в то же время мог вызывать неудовольствие провинции, посылавшей своих представителей по выбору. Вскоре правительство начало переходить и в отношении к высшим чинам на выборную систему.

Впервые такой опыт был произведен на Соборе 1642 г. По краткости срока собравшимся чинам был объявлен государев указ—тут же выбрать представителей из всех находившихся тогда в Москве налицо пропорционально их количеству: из стольников, дворян московских и жильцов — от семи до 20 человек, а от дворян и детей боярских из городов — от двух до пяти человек, а затем, уже с этими выборными говорить о деле в присутствии Боярской думы. Выборных от посадских людей из городов на Соборе 1642 г. не было.

После окончания интервенции постепенно назревал острый конфликт между массой среднего дворянства и посадскими людьми, с одной стороны, и представителями крупного феодального землевладения, стоявшими у власти,—с другой. Все более открыто и резко заявляли свое недовольство служилые и посадские люди. У тех и у других оно было направлено против «сильных людей» — бояр и столичных чинов, с одной стороны, и приказных дельцов — с другой. Недовольные и обиженные ждали, «что на сильных на Москве сделается», как писал в 1641 г. из Москвы один дворянин своему родственнику в провинцию. Перемена надвигалась, потому что «за то земля встала»[2]. Дворяне обращались с коллективными челобитными непосредственно к верховной власти, как было в 1637 и 1641 гг. Отголоски борьбы проникали и в Столовую избу, где заседал Земский собор.

На Соборе 1642 г. было предложено выборным из служилых чинов, обсудив вопрос, подать по чинам же свои «мнения» в письменном виде. Излагая свои мнения о том, следует ли Русскому государству принимать Азов под свою власть от захвативших его казаков, некоторые представленные на Соборе группы не удержались от высказывания по наболевшим вопросам. Интересы столичных дворянских кругов выразили в своем мнении московские дворяне Желябужский и Беклемишев. Сравнивая положение московских и городовых дворян, они находили, что все преимущества

[1] *А. К. Кабанов.* «Государево дело» стряпчего Бутурлина о злоупотреблениях в Московском государстве.— «Действия Нижегор. ученой архивной комиссии», сб. VIII, Нижний-Новгород, 1909, стр. 68.

[2] *А. Н. Зерцалов.* Сыск про «грамотку» Прохора Колбецкого.— «Чтения ОИДР», 1894, кн. 2, отд. III, стр. 13.

на стороне последних: московские дворяне постоянно несут всякие государевы службы «с городовыми людьми в равенстве»; но в то время как те «живут по вотчинам своим и по поместьям», «московские люди...на Москве живут без съезду», непрерывно занятые исполнением всякого рода поручений и повинностей; «а городовые люди, — заключают авторы, — всего того не знают»[1]. У городовых дворян своя, и совершенно противоположная, оценка положения. По их мнению, наоборот, служилые люди московских чинов, всеми способами уклоняясь от службы, стремились лишь к обогащению: «Наша братья, — пишут они, — не хотя тебе, государю, служить и отбываючи твоей государевы службы, писались по московскому списку и в иные твои государевы чины и, будучи... у твоих государевых дел, отяжелели и обогатели большим богатеством». Поэтому не столичные чины, а они, «бедные холопи государевы, разореные, и беспомощные, и беспоместные, и пустопоместные, и малопоместные», должны быть взысканы государскою милостью — «поместным и денежным жалованьем». Торговые люди (гости, торговые люди гостиной и суконной сотен и черных московских сотен и слобод) громко жаловались на свое обнищание и оскудение от «государевых воевод» и на разорение своих торгов «от их же воеводского задержанья и насильства в проездех» и требовали устранения воевод от административных функций и передачи суда в руки губных старост и посадского самоуправления[2].

Во время московского восстания 1648 г. посадские люди и дворянство снова предъявили те требования, которые созрели и были формулированы уже давно. Земский собор 1648—1649 гг., завершивший свою работу составлением Уложения, отличался также большой полнотой состава и перевесом в нем представителей от провинциального дворянства и посадов[3].

За Собором 1648 г. последовали соборы 1650, 1651 и 1653 гг. Повидимому, они были созваны по образцу Собора 1648 г., т. е. по одинаковой с ним системе выборов, с тем же перевесом провинции над столицей.

Собор 1653 г. можно считать и последним.

Практика земских соборов по существу прекратилась в середине XVII в. Земские соборы отмерли, потому что они сыграли свою роль в развитии централизованного феодального государства. Дворянство добилось в 1649 г. удовлетворения своих основных требований, а угроза крестьянской войны заставляла его теснее сплотиться вокруг самодержавного правительства, в котором оно видело более надежную защиту своих классовых интересов.

Впрочем, принцип обращения к представителям сословий исчез не сразу. Правительство и после 1653 г. в затруднительных случаях обращалось к выборным от отдельных сословий, заинтересованных в решении тех

[1] СГГиД, ч. III, № 113, стр. 387.

[2] Там же, стр. 391, 395.

[3] Подробнее о Земском соборе 1648—1649 гг. см. главу II, § 2 настоящего издания.

или иных вопросов. В 1660 и 1662/63 гг. гости и выборные от тяглых людей Москвы были призваны на совещание с боярами по поводу денежного кризиса; в 1672 и 1676 гг. уже с одними гостями совещаются об армянском торге шелком. В 1681/82 г. созываются две комиссии: одна — из служилых людей — обсуждала вопросы военной организации, другая, из посадских людей — податного обложения.

В 1682 г. дворцовая партия, посадившая на престол малолетнего Петра, сочла необходимым обратиться ко всех чинов людям государства, собранным на скорую руку на дворцовую площадь. Но это собрание ни в каком случае не может быть признано земским собором, хотя оно и признало провозглашение Петра царем.

Когда в следующем, 1683 г. перед правительством царевны Софьи, еще не чувствовавшей себя достаточно прочной у кормила власти, возник вопрос о необходимости получить одобрение предполагавшегося заключения «вечного мира» с Польшей со стороны широких общественных кругов, ограничились созывом представителей одного только служилого сословия. Правда, выборы представителей от служилых людей различных городов «для поставления вечного мира и о союзе с польским королем» производились тем же самым способом, как и при выборе их на земские соборы; в выборах приняли участие служилые люди «приборных чинов» (рейтары, копейщики, солдаты, стрельцы и др.), ранее не призывавшиеся на соборы; тем не менее односословность выборных представителей явно свидетельствует о вырождении самой идеи земского собора как выразителя мнения «всей земли»[1].

Собор 1683/84 г. о «вечном мире» с Польшей был последним отзвуком былой практики созыва земских соборов. Сословно-представительная монархия, как она сложилась в XVI в., переходила во второй половине XVII в. в монархию абсолютную, опиравшуюся на армию и бюрократию; при новом абсолютистском режиме уже не могло быть места для учреждений сословно-представительных.

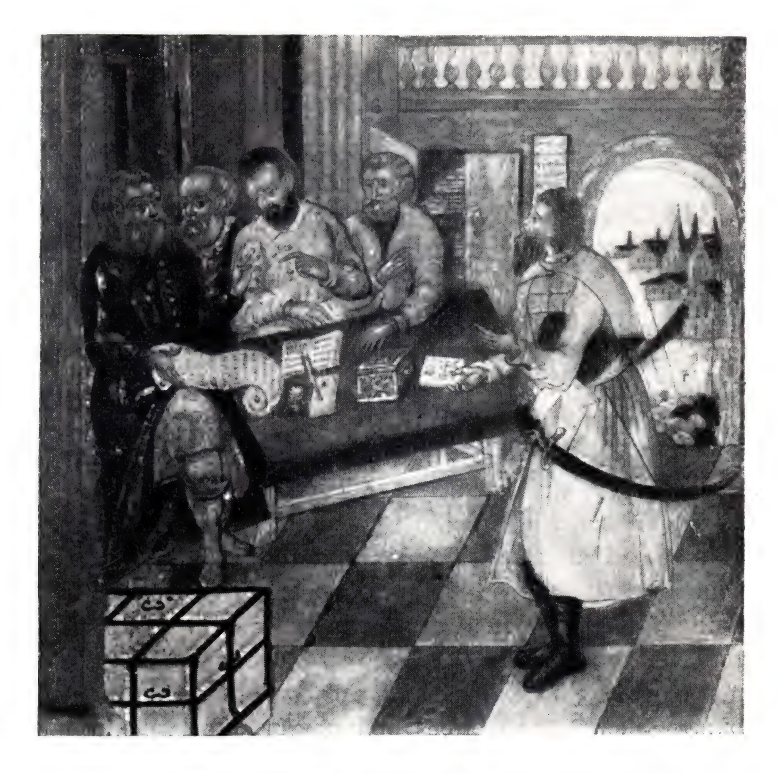
4

ЦЕНТРАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ. ПРИКАЗЫ

Приказы, центральные правительственные учреждения, начали слагаться в определенную систему управления одновременно с образованием централизованного Русского государства. Порой расцвета приказов был XVII век, когда они разрослись численно, и внутренняя их организация достигла полного развития. Всего в течение XVII в. действовало до 80 приказов. Многие из них были учреждениями временными, существовавшими

---

[1] *В. К. Никольский.* Земский собор о вечном мире с Польшей 1683—84 г.— «Научные труды Индустриально-педагог. ин-та им. К. Либкнехта», Соц.-эконом. серия, вып. 2, М., 1928, стр. 18—25, 30, 42—52.

Сцена в приказе. Деталь иконы, XVII в.

часто только несколько лет. Постоянных приказов в XVII в. можно насчитать до 40. Ведомства приказов переплетались между собой. Наряду с приказами, ведавшими отдельными отраслями управления в общегосударственном масштабе, существовало немалое число приказов, ведавших определенными территориями. Территории эти иногда не были сплошными, а чересполосными. Такое большое количество центральных правительственных учреждений, часто с параллельными функциями, объясняется их происхождением и назначением. Система приказов отражала рост первоначальной централизации управления в рамках единого Русского государства. Приказы заняли среднее положение между органами верховного управления и местным управлением.

Объединение территорий бывших феодальных княжеств и упразднение областничества как пережитков феодальной раздробленности сопровождалось уничтожением крупных областных делений. Вследствие этого управление городов с уездами осуществлялось непосредственно из центра. Власть на местах была подчинена мелочному надзору и руководству из центра. Приказы в центре подавили всякую самостоятельность органов местного управления, что с наибольшей полнотой было осуществлено в XVII в.[1]

[1] См. об этом главу III, § 5 настоящего издания.

В отношении высших органов управления — царя и Боярской думы, наоборот, приказы заняли строго подчиненное положение, не получив какой-либо самостоятельности, определенной законом. Вся система приказного управления исходила из предположения личного участия в нем царя. Во всяком затруднительном случае приказ был обязан докладывать дело царю. В XVI и XVII вв. существовало положение: «А которого дела за чем вершить не мочно, и о том деле, выписав, докладывать царя и бояр». Ввиду отсутствия в то время разграничения области верховного управления от управления подчиненного, деятельность приказов была в такой же мере подчинена принципу централизации, как и управление местное. Царское самодержавие через посредство приказов стягивало в свои руки всю власть в стране.

Организованное таким образом управление представляло собой значительный успех централизации.

Приказы слагались постепенно в течение длительного времени, а не создавались в соответствии с какой-либо системой. Вследствие этого описание приказного строя представляет большие трудности, и всякая их классификация заключает в себе значительную долю условности. Однако приказы охватили полностью все стороны управления, и ими выполнялись обе основные функции государства: «...внутренняя (главная) — держать эксплуатируемое большинство в узде и внешняя (не главная) — расширять территорию своего, господствующего класса за счёт территории других государств, или защищать территорию своего государства от нападений со стороны других государств»[1].

Приказы, осуществлявшие задачи внутренней политики, можно разделить на две подгруппы: а) приказы общегосударственной компетенции и б) приказы с областной компетенцией.

Среди приказов с общегосударственной компетенцией могут быть выделены приказы административные, финансовые и судебные.

* * *

К административным приказам с общегосударственной компетенцией следует отнести Разряд, Поместный приказ, Ямской, Каменных дел, Монастырский и Тайных дел.

Разряд вел учет служилых людей, составлял их списки как по Москве, так и по уездным городам. Когда дети служилых людей «поспевали в службу», т. е. достигали 15 лет, их «верстали» в службу. Время от времени Разряд проверял боевую готовность служилых людей на местах. Специальные лица «разбирали» служилых людей, т. е. выясняли, какое они имеют вооружение и снаряжение, каково их материальное положение и какую службу они могут нести. Результат «разбора» заносился в особые списки, которые назывались «разборными десятнями». Количество служилых людей, назначаемых ежегодно на службу, и место, куда

[1] *И. Сталин.* «Вопросы ленинизма», изд. 11-е, Госполитиздат, 1952, стр. 644.

они должны направиться, определялись Разрядом. Разряд ведал назначением служилых людей и на гражданскую службу[1].

Поскольку одной из основных обязанностей Разряда являлось ежегодное назначение служилых людей для обороны южной границы, то города, расположенные на этой границе, находились в ведении Разряда. Разряд для них являлся высшей административной и судебной инстанцией, в него же поступали и все доходы, собираемые с этих городов.

Таким образом, основная функция Разряда — управление служилыми людьми: определение их на службу и назначение им жалованья, денежного и поместного.

Поместный приказ зародился в конце XV в. вместе с возникновением системы поместного землевладения. Упразднен он был в XVIII в., вскоре после формального слияния поместного землевладения с вотчинным. Территория, которой ведал Поместный приказ, сложилась еще в XVI в. и охватывала центральные области государства, где было по преимуществу сосредоточено феодальное землевладение. На этой территории Поместный приказ ведал только частновладельческими землями, т. е. поместными и вотчинными (светских и духовных феодалов). В XVII в. были изъяты из ведения Поместного приказа посады.

Разрядный приказ лишь определял «оклад» поместного жалованья, т. е. размер земельного владения, на который мог рассчитывать служилый человек по своему служебному положению. Поместный приказ осуществлял фактическое наделение служилого человека землей, т. е. ведал «дачей» земли. Это фактическое наделение землей обычно сильно расходилось с поместным «окладом». «Дача», как правило, была меньше оклада. Вместе с тем Поместный приказ оформлял и регистрировал все сделки на поместные земли и на крестьян, которые были разрешены помещикам («мены» и «сдачи»), а также контролировал все изменения в вотчинном землевладении. В XVII в. Поместный приказ сделался судебным учреждением по всем спорным земельным делам дворянства.

Поместный приказ в XVII в. был центром составления писцовых и переписных книг по подведомственной ему территории. Писцовые и переписные книги были важнейшими документами, на основании которых производился сбор налогов, и в то же время — эти документы свидетельствовали о закреплении крестьян за помещиками и вотчинниками. Поэтому Поместный приказ принимал самое непосредственное участие в борьбе с крестьянскими побегами и был организатором общих сысков беглых, которые производились во второй половине XVII в.

Таким образом, Поместный приказ был учреждением специально обслуживавшим господствующий класс феодалов по самым коренным для него вопросам — феодальной собственности и закрепощенного крестьянства.

На обязанности Ямского приказа лежало обеспечение транспорта по казенной надобности. Ямскому приказу были подчинены ям-

[1] См. главу I, § 5 и главу III, § 8 настоящего издания.

ские слободы и «строельные ямы», где жили ямщики, дававшие подводы по казенным подорожным. За это ямщики получали царское жалованье и прогоны. На содержание ямской гоньбы взимался с тяглого населения особый налог—ямские деньги, поступавшие в Ямской приказ[1].

Приказ каменных дел ведал казенным каменным строительством и заготовкой необходимых для него материалов. В ведении Приказа каменных дел находились записные ремесленники — каменных дел подмастерья, обжигальщики, каменщики, кирпичники и подвязчики[2].

Монастырский приказ был создан по Соборному Уложению в 1650 г. для управления монастырями, митрополичьими, архиепископскими и епископскими кафедрами и населением их вотчин по хозяйственным делам, а также для сбора налогов с монастырских людей и разбора судебных дел между ними[3]. До Уложения все эти дела находились в ведении Приказа Большого дворца. Учреждение Монастырского приказа свидетельствовало о подчинении церковных корпораций общей системе государственного управления и укреплении позиций дворянства.

Монастырский приказ просуществовал до 1677 г. и был восстановлен в 1701 г.

Тайный приказ, или Приказ тайных дел, руководимый непосредственно самим царем, осуществлял контроль за деятельностью высших государственных учреждений, послов и воевод. Появление Тайного приказа характерно для развития монархии по пути абсолютизма. Приказ был создан в 1654 г. и просуществовал до смерти царя Алексея в 1676 г. С 1663 г. в обязанности Тайного приказа входило управление обширным царским хозяйством Алексея Михайловича[4].

* * *

Единого финансового приказа с общегосударственной компетенцией в Русском государстве XVII в. не было. С некоторыми оговорками три приказа можно назвать финансовыми.

На первое место среди них следует поставить Приказ Большого прихода, ведавший сбором главным образом таможенных доходов. В ведении Большого прихода находились Московская таможня и наблюдение за правильностью мер и веса во всем государстве[5]. Если в XVI в. в Приказе Большого прихода был сосредоточен сбор прямых и косвенных

---

[1] *И. Я. Гурлянд.* Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII ст. Ярославль, 1900; *М. М. Богословский.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в., т. II, М., 1912, стр. 92—95.

[2] *А. Н. Сперанский.* Очерки по истории Приказа каменных дел Московского государства. М., 1930.

[3] «Уложение 1649 г.», гл. XIII.

[4] *А. И. Заозерский.* Царская вотчина XVII в., стр. 234—306.

[5] ЦГАДА. Приказные дела старых лет, 1675 г., д. 84, лл. 154—156, 177—184.

налогов со значительной части территории Русского государства[1], то в XVII в. его компетенция была менее широкой, в частности с 1665 г. таможни южных городов перешли в управление Разряда[2].

Близким по характеру и содержанию своей работы к Приказу Большого прихода был Приказ Новой четверти, или Новой чети. Новая четь ведала кабацкими сборами с Москвы и южных городов. Кроме того, она вела борьбу с незаконной продажей вина и табака. В 1665 г. управление питейным делом городов южной украйны было изъято из Новой чети и также передано в Разряд[3].

Третий из финансовых приказов — Приказ Большой казны — ведал государственным хозяйством в широком смысле этого слова: казенной промышленностью и торговлей, а также гостями, гостиной и суконной сотен торговыми людьми. Приказу Большой казны был подчинен Денежный двор, где производилась чеканка денег. Наконец, по указу от 22 октября 1680 г. в Приказ Большой казны были переданы таможенные и кабацкие сборы[4], которые до этого времени находились в управлении разных приказов.

* * *

Почти все приказы, имевшие в своем управлении те или иные группы населения, являлись высшей судебной инстанцией для этих групп. Тем не менее можно назвать несколько приказов, созданных специально для отправления судебных функций. Такие приказы не решали административных вопросов, а их финансовая деятельность ограничивалась лишь сбором судебных пошлин.

Уголовным судопроизводством ведал один приказ — Разбойный, которому были подведомственны дела об убийствах, разбоях и кражах на всей территории государства, кроме столицы — Москвы, где уголовные дела находились в ведении Земского приказа[5]. На местах органами Разбойного приказа были губные избы, возглавляемые губными старостами, а с отмиранием губных учреждений, воеводское управление.

Политические преступления и преступления по должности рассматривались в разных приказах. В период существования Тайного приказа важнейшие политические преступления входили в сферу его компетенции. Но политическими преступлениями ведали и другие приказы. Преступления по должности рассматривались в тех приказах, каким было подчинено должностное лицо.

---

[1] *П. А. Садиков.* Московские приказы-«четверти» во времена опричнины (1565—1584 гг.).— «Исторические записки», № 10, стр. 147—148.

[2] *А. И. Заозерский.* Указ. соч., стр. 275—276.

[3] Там же.

[4] АИ, т. V, СПб., 1842, № 125, стр. 214.

[5] «Уложение 1649 г.», гл. XXI, ст. 1—2.

Гражданское судопроизводство также было распределено между многими приказами, и у каждого был свой круг подсудных лиц. В Соборном Уложении 1649 г. прямо подчеркивается, что каждый, имеющий нужду в судебном разбирательстве, должен подать челобитную в тот приказ, «кто в котором приказе ведом»[1]. Но были два специальных судебных приказа для решения судебных дел между представителями правящего класса — дворянства: Владимирский судный и Московский судный. Верхние слои класса феодалов — думные и московские чины — судились по преимуществу во Владимирском судном приказе[2].

Совсем иной характер и содержание имела деятельность Приказа Холопьего суда, который тоже следует рассматривать как судебный приказ. Он занимался делами о несвободных людях, обеспечивал дворянству возможность закабалять свободных людей, эксплуатировать труд несвободных людей и подавлять их сопротивление. В Приказе Холопьего суда оформлялись служилые кабалы[3]. Всякие споры о холопах и сыски беглых холопов тоже входили в компетенцию Приказа Холопьего суда[4]. Житейские записи, заключавшиеся на определенный срок, как и служилые кабалы, подлежали проверке и регистрации в Приказе Холопьего суда[5].

Здесь же регистрировались акты об отдаче несостоятельных должников кредиторам «в зажив головою до искупу», т. е. до отработки долга[6].

К числу судебных приказов с общегосударственной компетенцией следует отнести и Челобитный приказ. В нем судились должностные лица приказов — судьи, дьяки, подьячие, сторожа. Но Челобитный приказ был высшей аппеляционной инстанцией для судебных дел, производившихся во всех других приказах. Человек, не получивший удовлетворительного решения своего дела в том или ином приказе, имел право обратиться в Челобитный приказ. Такой апелляционный характер деятельности Челобитного приказа подчеркнут в Соборном Уложении[7].

* * *

К числу приказов с областной компетенцией нужно отнести четверти, приказы Казанского дворца и Сибирский и, наконец, Земский приказ.

Основная задача четвертей — сбор налогов с определенной территории, т. е. это — финансовые приказы. Кроме того, в четвертях были сосредоточены вопросы управления и суда по отношению к населению

---

[1] «Уложение 1649 г.», гл. X, ст. 20.

[2] *С. К. Богоявленский.* Приказные дьяки XVII в.— «Исторические записки», № 1, стр. 232.

[3] «Уложение 1649 г.», гл. XX, ст. 7—8.

[4] Там же, гл. XX, ст. 9—18, 49—60.

[5] Там же, ст. 43—46.

[6] Там же, ст. 39—40.

[7] Там же, гл. X, ст. 20.

определенной территории. Собирая деньги с определенной территории, четверти расходовали собранные средства на общегосударственные нужды. В частности, крупнейшей статьей расхода четвертей была выплата денежного жалованья служилым людям. Отсюда название служилых людей — «четвертчики», т. е. получающие жалованье из четверти.

Всего было пять четвертей: Владимирская, Галицкая, Костромская, Новгородская, называемая иногда Нижегородской, и Устюжская. Ни одна из четвертей не управляла сплошной территорией. Города центра находились в ведении по преимуществу Владимирской, Галицкой и Костромской четвертей, окраинные — Новгородской и Устюжской.

В подчинении городов отдельным четвертям наблюдалась большая чересполосица. Соседние города оказывались в подчинении разных четвертей. Например, Можайск и Руза — Устюжской, Боровск и Калуга — Владимирской, Алексин и Малый Ярославец — Костромской, Кашира и Мещовск — Галицкой. Четверти назывались по важнейшим городам.

Наиболее крупной и по территории и по размерам доходов являлась Новгородская четверть, ведавшая важными экономическими районами. Суммы, собираемые в одной Новгородской четверти, значительно превышали доходы всех остальных четвертей, вместе взятых.

С конца 20-х годов XVII в. Владимирская и Галицкая четверти были, повидимому, объединены в одном управлении. Во всяком случае с 1627 г. и до конца века они управлялись единой судейской коллегией, т. е. имели одних и тех же лиц в качестве управляющих приказами[1].

Приказ Казанского дворца был создан для управления новыми территориями, приобретенными Русским государством в XVI в. на Востоке: землями бывших царств Казанского, Астраханского и Сибирского. В 1637 г. был учрежден Сибирский приказ, специально для управления Сибирью, которая была изъята из ведения Приказа Казанского дворца. После этого под управлением Приказа Казанского дворца остались лишь Казань и «понизовые города», т. е. города и уезды, расположенные по Средней и Нижней Волге, и Башкирия.

Ни в Приказ Казанского дворца, ни в Сибирский не поступали денежные средства, собранные с населения подведомственной территории. Эти денежные доходы, собираемые в городах, расходовались на месте. В Москву присылались лишь натуральные сборы с населения, главным образом меха. Эти меха сосредоточивались в Сибирском приказе и расходовались по царским указам.

В ведении приказов Казанского дворца и Сибирского находились и служилые люди, отбывавшие свою службу в понизовых и сибирских городах.

Земский приказ, или Земский двор, тоже следует отнести к административно-финансовым приказам с областной компетенцией. В этом приказе

[1] *С. К. Богоявленский.* Приказные судьи XVII в. М.—Л., 1946, стр. 36—42.

Печать Земского приказа, XVII в.
Государственный Исторический музей

было сосредоточено управление столицей — Москвой, сбор налогов с ее тяглого населения и судебные дела этого населения. Судебная компетенция Земского приказа была шире компетенции четвертей: суд по уголовным преступлениям, совершенным в Москве, принадлежал не Разбойному, а Земскому приказу[1]. На обязанности Земского приказа лежали и полицейские функции: он следил за порядком и благоустройством в столице. В частности, из Земского приказа посылались объезжие головы, которые следили в летнее время, чтобы население не топило домов и бань во избежание пожара. В случае пожара Земский приказ должен был организовать борьбу с огнем.

* * *

В административной практике Русского государства XVII в. часто встречались такие дела, которые по своему характеру, содержанию, а иногда и объему не укладывались в привычные рамки распределения дел между постоянно действовавшими высшими государственными учреждениями—приказами. В таких случаях правительство создавало временные учреждения, которые по существу являлись комиссиями—поручениями для выполнения определенной работы. Такие временные учреждения назывались сыскными приказами. Иногда правительство не создавало новых сыскных приказов, а поручало частную работу персоналу одного из существовавших приказов[2].

Сыскных приказов в течение XVII в. было много, и сфера их деятельности была разнообразна. Сыск посадских людей — закладчиков, покинувших свое тягло, беглых крестьян, пересмотр жалованных грамот, отписка частновладельческих слобод на посадах, расследование разного рода политических преступлений —вот далеко не полный круг вопросов, для решения которых назначались сыскные приказы.

---

[1] «Уложение 1649 г.», гл. XXI, ст. 2.
[2] *С. К. Богоявленский.* Приказные судьи XVII в., стр. 172, 192, 193.

* * *

Свою внешнюю функцию — расширение территории и защиту границ от нападения соседей — Русское государство в XVII в. осуществляло через военные приказы и Посольский.

Хотя Разряд управлял служилыми людьми и выполнял внутреннюю функцию государства, он в то же время был одним из важнейших приказов, ведавших обороной государства. Служба служилых людей — прежде всего военная служба. Полки служилых людей ведались в Разряде. Разряд назначал их в походы. Он же руководил и боевыми операциями. Таким образом, вопросы обороны занимали в деятельности Разряда существенное место.

Кроме Разряда, в Русском государстве XVII в. было еще несколько военных приказов, ведавших специальными родами войск: Стрелецкий, Пушкарский, Иноземский, Рейтарский и Казачий.

Эти приказы, как и Разряд, выполняли не только внешнюю, но и внутреннюю функцию государства. Вооруженная сила, которой управляли военные приказы, использовалась не только для обороны страны, но и для подавления антифеодальных выступлений трудящихся масс. Особенно это следует сказать о Стрелецком приказе. В нем было сосредоточено управление стрелецкими полками — пехотными частями русской армии XVII в., несшими полковую и гарнизонную службу. Сбор стрелецкого хлеба на жалованье стрельцам был сосредоточен в Стрелецком приказе. Если стрелецкий хлеб собирался не в натуре, а переводился на деньги, то эти денежные суммы, собранные соответствующими приказами (главным образом четвертями), тоже поступали в Стрелецкий приказ. С 1672 г. сбор стрелецких денег был передан непосредственно в Стрелецкий приказ[1]. После налоговой реформы 5 сентября 1679 г.[2]. Стрелецкий приказ сделался основным финансовым приказом, ведавшим сбором важнейшего из прямых налогов, сохранившего прежнее название «стрелецкие деньги». Но Стрелецкий приказ недолго выполнял функции по сбору налогов: в 1683 г. сбор стрелецких денег был возвращен в четверти.

Кроме финансовых, Стрелецкий приказ, наряду с Земским, выполнял и полицейские обязанности в Москве.

Иноземский приказ — тоже по преимуществу военный приказ. В его ведении находились служилые иноземцы, большинство из которых отбывало военную службу.

Рейтарский приказ управлял полками нового строя, которые стали создаваться в Русском государстве с середины XVII в.

Кроме того, были приказы, ведавшие производством оружия. Среди них следует особенно выделить Оружейную палату, где изготовлялось холодное и ручное огнестрельное оружие, и Пушкарский

---

[1] ААЭ, т. IV, СПб., 1836, № 189, стр. 243—244.

[2] См. об этом подробнее в § 7 настоящей главы.

приказ, имевший в своем управлении Пушечный двор и наблюдавший за производством пороха[1]. Кроме того, Пушкарский приказ ведал артиллерией и управлял обслуживавшими ее пушкарями, затинщиками, зелейными (пороховыми) мастерами, казенными кузнецами и плотниками.

Важнейшим из приказов, ведавших дипломатическими сношениями, был Посольский приказ.

Сношения с иностранными государствами, отправка русских посольств, прием посольств иноземных, все дела с торговыми иноземцами, находившимися в Русском государстве, и суд по их делам — таков круг основных вопросов Посольского приказа, разрешаемых, конечно, после обсуждения их в Боярской думе. Кроме того, в Посольском приказе был сосредоточен сбор полоняничных денег со всего государства, т. е. средств на выкуп пленных. Посольскому же приказу были подведомственны донские казаки, а также служилые татары, перешедшие на русскую службу после присоединения Казани, Астрахани и Сибири и получившие поместья во внутренних уездах государства. Вследствие этого города, в уездах которых были такие поместья — Романов, Касимов и Елатьма, находились в ведении Посольского приказа.

Наконец, в Посольском приказе хранились государственные печати — большая и малая, которые прикладывались к грамотам, направляемым в иностранные государства, и к актам внутреннего управления. Поэтому в Посольском приказе был сосредоточен сбор печатных пошлин, взимавшихся при приложении печати. Иногда Печатный приказ выделялся в особое ведомство во главе со специальным печатником.

Посольскому приказу были подчинены приказы, создаваемые для управления вновь присоединенными территориями: Малороссийский, Великия России, Княжества Смоленского. Некоторым исключением являлся Приказ Литовских управных дел, подчиненный Устюжской четверти, но и он в конце века перешел в ведение Посольского приказа.

* * *

Наконец, следует назвать еще одну группу приказов — дворцовые приказы, на обязанности которых лежало обслуживание царского двора. Но порой функции этих приказов расширялись до общегосударственных.

Важнейшим из дворцовых приказов являлся Приказ Большого дворца, в котором было сосредоточено все управление большим и сложным дворцовым хозяйством как в самой Москве, так и в дворцовых селах и волостях, разбросанных по всей территории страны. С 1663 по 1676 г. часть дворцовых сел и волостей находилась в ведении Тайного приказа, а затем вновь была возвращена в ведение Приказа Большого дворца. Этот приказ являлся высшим административным, финансовым и судебным органом для людей, служивших в дворцовых учрежде-

[1] Более подробно о производственных предприятиях Пушкарского приказа и Оружейной палаты см. главу I, § 3 настоящего издания.

Русское посольство в Англию в 1662 г. во главе с боярином С. И. Прозоровским
Портрет маслом работы неизвестного художника XVII в.
Государственный Исторический музей

ниях, и населения дворцовых вотчин. В ведении Приказа Большого дворца находились дворы Хлебный, Кормовой, Житенный и Сытенный, ведавшие продовольствием царского дворца.

Крупное значение имел К а з е н н ы й п р и к а з, или К а з е н н ы й д в о р. По существу — это хранилище царской вещевой казны.

Но порой и этот приказ выполнял общегосударственные задачи, например готовил меха и шубы «для крымской клади», т. е. для подарков («поминков»), ежегодно посылавшихся крымскому хану и его приближенным.

Конюшенный приказ ведал дворцовым выездом. В его управлении находились царские конюшни и мастерские, изготовлявшие кареты, сани и упряжь. Одно время в Конюшенном приказе был сосредоточен сбор конских пошлин, т. е. пошлин, взимаемых при продаже и покупке лошадей на всей территории государства.

К числу дворцовых приказов относился Аптекарский. Он управлял аптекой и медицинским персоналом, состоявшим из иноземных лекарей и русских учеников. Во второй половине XVII в. он стал государственным центром здравоохранения, сыгравшим большую роль в организации военно-медицинской службы[1].

Дворцовыми же приказами являлись и Мастерские палаты — царева и царицына. Они занимались изготовлением царского платья и белья. Царицына мастерская палата, где было сосредоточено полотняное производство, иногда называлась Постельным приказом.

Оружейная палата с подчиненными ей Золотой и Серебряной палатами хотя формально считались приказами, но по существу были дворцовыми производственными предприятиями[2].

Этот обзор характера и содержания деятельности приказов Русского государства XVII в. показывает, что они не составляли в своей совокупности стройной системы.

* * *

Внутренняя структура приказов была единообразной. Во главе приказа стояли «начальные люди», называемые судьями приказов, поскольку большинство из приказов в той или иной мере являлось судебными учреждениями. В качестве начальных людей обычно назначались служилые люди думных или московских чинов и дьяки. Делопроизводство приказа вели подьячие. Кроме того, в штате приказа были пристава, выполнявшие полицейские функции, и сторожа.

Наиболее важные из приказов возглавлялись боярами и окольничими, менее важные — думными дворянами, стольниками, дворянами московскими. Но это положение требует оговорки. Во главе таких важных приказов, как Разряд, Поместный и Посольский, на протяжении почти всего XVII в. стояли думные дьяки, которые иногда дослуживались до чина думного дворянина, а затем и окольничего. Посольским приказом, как правило, управляли думные дьяки. Лишь короткое время во главе Посольского

---

[1] *В. В. Томашевский.* Аптекарский приказ в XVII в. (Автореферат канд. диссертации). Л., 1952.

[2] О производственной деятельности Мастерских, Оружейной, Золотой и Серебряной палат см. главу I, § 3 настоящего издания.

Стольник И. И. Чемоданов, посол в Венецию в 1657 г. Портрет маслом работы неизвестного художника XVII в. Подлинник в галерее Уффици во Флоренции

Копия в Государственном Историческом музее

приказа стояли боярин А. Л. Ордин-Нащокин (1667—1671), окольничий, затем боярин А. С. Матвеев (1671 — 1676) и боярин князь В. В. Голицын (1682—1689).

Наличие служилого человека думного или московского чина во главе приказа не было обязательным, присутствие же дьяка в приказе — одного или нескольких — обязательно. Финансовые приказы — четверти в течение первой половины XVII в., как правило, управлялись только дьяками, во второй половине века думные люди стояли и во главе четвертей.

Боярин А. С. Матвеев. Портрет маслом работы неизвестного художника, XVII в. (Копия)
Государственный Исторический музей

Порядок решения дел в приказах не вполне ясен. Следует полагать, что по спорным делам требовалось коллективное решение всех «начальных людей» приказа — судьи и дьяков. Но по делам бесспорным допускалось единоличное решение либо судьи, либо дьяков; такого рода дел было весьма значительное количество.

Дьяки в большинстве происходили из дворянства — московского и провинциального. Дьячество для дворянина считалось менее почетной службой, чем ратное дело или пребывание на посту городового воеводы, и служило к умалению «чести» служилого человека.

Назначались в дьяки и дети духовенства и торговые люди. Особенно часто дьяки из торговых людей сидели в Приказе Большой казны (Назарий и Аникей Чистые, Аверкий Кириллов, Кузьма Борин) и на Казенном дворе (Григорий Панкратьев, Алмаз Иванов, Данило Панкратьев, Иван Харламов), т. е. в тех приказах, которые ведали крупной торговлей, промышленными предприятиями и являлись хранилищем казенных ценностей.

Очень часто дьяк, вышедший из среды дворянства или духовенства, начинал свою карьеру подьячим в том или ином приказе. По подсчетам С. К. Богоявленского, до 90% всех дьяков получили это звание после более или менее длительного стажа работы в подьячих[1]. Такие крупные дипло-

[1] *С. К. Богоявленский.* Приказные дьяки XVII в., стр. 221—228.

маты второй половины XVII в., как думные дьяки Е. И. Украинцев и П. Б. Возницын, начали свою служебную карьеру подьячими Посольского приказа. Дети дьяков часто шли по пути отцов. Тимофей Голосов был дьяком во Владимирской и Галицкой четвертях и в некоторых других приказах. Его сын, Лукьян Тимофеевич Голосов, сделал более крупную карьеру, дослужившись до звания думного дьяка.

Рабочий аппарат приказов состоял из подьячих, которые комплектовались из тех же общественных слоев, что и дьяки, т. е. дворян, детей духовенства, из служилых людей по прибору и посадских людей. Крупные торговые люди — гости и гостиной и суконной сотен торговые люди обычно начинали свою приказную карьеру прямо с дьяка, иногда даже с думного, как А. С. Кириллов.

Приказные подьячие делились на «старых» (старших) и «молодых» (младших). Старые подьячие ведали отделами приказа, или «столами». Столы в приказах создавались или по функциональному признаку — например денежные столы в Разряде и других приказах с общегосударственной компетенцией, или по территориальному признаку — в четвертях. Каждый из старых подьячих четверти заведовал определенной группой городов. У него сосредоточивались и все денежные суммы, поступавшие с этих городов[1].

Молодые подьячие являлись помощниками старых. Чаще всего они занимались перепиской документов с черновиков, составленных старыми подьячими.

Штаты приказов часто были недостаточны, и в приказах было немало молодых подьячих, служивших вне штата.

Никаких положений и инструкций об организации работы приказов не сохранилось. Повидимому, их и не было. Поэтому система приказного управления и делопроизводства держалась главным образом на административном опыте, который накапливался десятилетиями и передавался от поколения к поколению.

Культурный уровень дьяков и подьячих в целом был выше уровня служилой массы. Среди них встречались люди хорошо образованные. О дьяке Посольского приказа Савве Романчукове известно, что он знал латинский язык. Голштинский посол Адам Олеарий, указывая на то, что ему встречались русские люди «весьма талантливые, одаренные хорошим разумом и памятью», в качестве конкретного примера такого человека называет начальника Посольского приказа Алмаза Иванова, управлявшего приказом с 1653 по 1667 г. «Алмаз Иванович, — пишет А. Олеарий,— в молодости своей побывал в Персии и Турции и в короткое время так изучил языки этих стран, что теперь может говорить с людьми этих наций без переводчика»[2]. Многочисленные пометы Алмаза Иванова, сохра-

---

[1] ЦГАДА. Городовые книги по Новгороду Великому, № 117, л. 1 об.

[2] *А. Олеарий.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. Перевод А. М. Ловягина. СПб., 1906, стр. 297—298.

нившиеся в делах Новгородской четверти и Посольского приказа, свидетельствуют об остроте его ума, находчивости и прекрасном знании действовавшего законодательства и основ приказного делопроизводства[1].

Осведомленность в самых разнообразных вопросах и большой административный опыт проявляли и другие наиболее крупные дьяки XVII в. — Д. М. Башмаков, Ф. Ф. Лихачев, И. А. Гавренев, Ф. К. Елизаров, Л. И. Иванов, Е. И. Украинцев и др.

Такие же образованные и даровитые люди встречались и среди приказных подьячих. Из приказной среды вышли представители научной и технической мысли XVII в. Так, дьяки и подьячие Посольского приказа во время выполнения дипломатических поручений составляли ценнейшие географические описания и карты, а также писали исторические и публицистические сочинения. Подьячие нередко обладали литературным талантом и писали языком, близким к живому разговорному[2].

В лице дьяков и подьячих создавалась новая бюрократия, обладавшая опытом, специальными знаниями и образованностью. Бюрократизировалось само боярство, входя в состав приказной среды. Верхи служилого класса — думных людей, т. е. бояр, окольничих и думных дворян, начинают принимать более активное участие в управлении государством. Данные о составе приказных судей XVII в., собранные С. К. Богоявленским, позволяют сделать вывод о росте участия думных людей в приказном управлении. Если в 1613 г. думные люди возглавляли около трети приказов, то к середине XVII в. они стояли уже во главе половины приказов. К концу третьей четверти процент приказов, управляемых думными людьми, возрос до 60, а в 80-х годах поднялся до 79[3].

Наиболее крупные дьяки дослуживались до думных чинов и сливались с верхушкой правящего класса[4]. Даже дьяки, вышедшие из торговых людей, растворялись в дворянстве и становились родоначальниками дворянских фамилий. В этом отношении интересна судьба думного дьяка Посольского приказа Алмаза Иванова. Торговый гость Алмаз (Ерофей) Иванов в январе 1640 г. был назначен дьяком на Казенный двор. Через шесть лет он был переведен в Посольский приказ. В конце сентября 1653 г. он получил звание думного дьяка и возглавил Посольский приказ. В марте 1667 г. ему было дано звание печатника, и он находился в Печатном приказе до своей смерти в 1669 г. Судьба трех его сыновей сложилась по-разному. Один из них, Андрей Ерофеев Алмазов, унаследовал торговую деятельность отца, остался гостем и занимался крупной торговлей[5]. Дмитрий Ерофеев Алмазов унаследовал приказную деятельность отца — начал свою

---

[1] Например. ЦГАДА, Приказные дела старых лет, 1656 г., д. 65, ч. II, лл. 80—97; 1665 г., д. 25, лл. 211, 261—262; д. 36, лл. 1—6; д. 105, л. 213 об. и многие другие.

[2] См. главу V, §§ 3, 5 и др. настоящего издания.

[3] См. *С. К. Богоявленский.* Приказные судьи XVII в.

[4] Там же.

[5] *И. С. Макаров.* Пушной рынок Соли Вычегодской в XVII в.— «Исторические записки», № 14, стр. 165.

карьеру дьяком Приказа Большого дворца в 1659/60 г., затем был дьяком на Печатном дворе, а после получил дворянство и возглавил Приказ книг печатного дела. Третий из сыновей Алмаза Иванова, Семен Ерофеевич Алмазов, унаследовал дипломатическую деятельность отца. Когда Алмаз Иванов поехал в 1662 г. в качестве посла в Польшу, в состав его свиты входил его сын стряпчий Семен Алмазов[1]. Последний выполнял важные дипломатические поручения и дослужился до чина окольничего.

Таким образом, сам Алмаз Иванов вошел в состав думных людей, а от его детей пошла дворянская фамилия Алмазовых[2].

* * *

Во второй половине XVII в. вместе с ростом государства и усложнением стоявших перед ним задач стали явственнее выступать коренные недостатки приказного строя.

Как было указано выше, не существовало правильного размежевания области верховного управления и управления подчиненного, вследствие чего приказы были лишены самостоятельности даже в мелких делах, особенно финансовых. Самостоятельность начальников приказов определялась нередко их влиятельностью и царским доверием. По обычному же положению, для решения всякого рода дел требовалось непосредственное обращение к царю. Не был установлен порядок обращения к царю начальников приказов, если они не входили в состав думных чинов и не встречались с царем в Боярской думе, где возможны были доклады царю. С разрастанием количества дел принцип непосредственного царского вмешательства в дела приказов все более обнаруживал свою несостоятельность.

С другой стороны, мелочное подчинение органов местного управления приказам причиняло очевидный вред. По любому, хотя бы и незначительному, гражданскому делу челобитчики имели право обращаться в центр и тем затягивать дело[3].

Указанные черты централизации были основной причиной московской приказной волокиты, единственным реальным средством против которой могло быть правильное распределение дел между различными инстанциями.

Другим коренным пороком приказной системы было широко распространенное взяточничество. Приказная служба считалась поэтому прибыльной, и приказные судьи и подьячие нередко поправляли свои дела от «прибытков», которые они получали в приказах.

Большое неудобство описанной централизации управления составляло почти полное отсутствие постоянного и нормализованного контроля за

---

[1] ЦГАДА. Приказные дела старых лет, 1661 г., д. 88, л. 216 и сл.

[2] *С. К. Богоявленский.* Приказные дьяки XVII в., стр. 237—238.

[3] *С. Б. Веселовский.* Приказный строй управления Московского государства. Киев, 1912, стр. 9—10, 31—32 и др.

деятельностью приказов. Определенные контрольные функции имели Счетный приказ, существовавший в 50—60-х годах XVII в. и учитывавший военные расходы, Тайный приказ, действовавший также лишь в царствование Алексея Михайловича, и отчасти Челобитный приказ, куда поступали жалобы на решения других приказов.

Постоянно действовавшие приказы охватывали как будто все разнообразие дел государственного управления. Тем не менее многократно возникали приказы для выполнения временных поручений. Основной причиной появления временных приказов было отсутствие последовательно проведенного отраслевого распределения дел, вследствие чего поручения более широкого характера не укладывались в полномочия какого-либо одного приказа. Множество временных приказов, существовавших иногда много лет, еще более увеличивало бессистемность приказного строя.

Во второй половине XVII в. стала назревать потребность в преодолении недостатков приказного строя. Предпринимались попытки объединить различные отрасли управления. В Поместном приказе было сосредоточено важное дело описаний и переписей почти всего государства и поместные и вотчинные дела. Ведомство Разбойного приказа было распространено на Север, где раньше разбойные и татинные дела ведали четвертные приказы. Приказу Большой казны были переданы таможенные и кабацкие сборы со всего государства (за исключением Сибири)[1].

Наконец, намечается объединение групп приказов под общим руководством. Такое подчинение ряда приказов одному лицу иногда происходило и в первой половине XVII в.: объединялись приказы, часто далекие друг от друга по содержанию своей деятельности. Стоявший во главе ряда приказов боярин занимал первенствующее положение в государстве. Так, в царствование Михаила Федоровича боярин князь И. Б. Черкасский сосредоточил в своих руках управление приказами Большой казны, Аптекарским, Стрелецким и Иноземским. После его смерти, в начале 40-х годов, те же приказы с прибавлением Новой четверти перешли к боярину Ф. И. Шереметеву. При новом царе Алексее эти же приказы оказались в управлении царского воспитателя, боярина Б. И. Морозова. После падения правительства Б. И. Морозова его место в этих приказах занял царский тесть боярин И. Д. Милославский. После смерти царя Алексея, при Федоре Алексеевиче, все важнейшие приказы перешли в управление главы партии Милославских — боярина И. М. Милославского. Во время правления царевны Софьи подобное же положение занял боярин князь В. В. Голицын.

В последней четверти XVII в. была сделана попытка добиться соединения отдельных приказов в постоянные группы. Таково объединение с Посольским приказом приказов Новгородского, Владимирского, Галицкого, Устюжского, Малороссийского, Великия России и Смоленского;

---

[1] *С. Б. Веселовский*. Указ. соч., стр. 16—17.

Большого прихода и Новой чети с Приказом Большой казны; Костромской четверти — со Стрелецким; Пушкарского — с Рейтарским. Это было попыткой внести некоторую систему в объединение приказов по характеру их деятельности. Таково объединение финансовых приказов — Большой казны, Большого прихода и Новой чети.

Однако перестройка приказного управления в XVII в. едва только намечалась.

5

МЕСТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Основной административной единицей Русского государства в XVII в. был уезд. В большинстве уездов было по одному городу. Город был военным, судебным и административным центром прилегавшего к нему уезда. Деление территории государства на уезды сложилось постепенно, исторически, на основе прежних княжеств и их уделов. Вследствие этого уезды были весьма различны по территории и населенности; самые мелкие из них находились в центре государства. Значительно крупнее были уезды, образовавшиеся на окраинах в XVI и XVII вв.

Также исторически сложилось и сохранило много следов далекого прошлого подразделение уездов на более мелкие административные единицы. Большинство уездов состояло из нескольких станов. Во многих уездах, кроме станов, были также волости, то как части станов, то как самостоятельное деление, равнозначное станам. Значительные особенности представляло деление огромного уезда Великого Новгорода на пятины: Шелонскую, Деревскую, Бежецкую, Вотскую и Обонежскую; каждая пятина делилась на две половины. В состав пятины входили погосты, разделяемые иногда на части границами пятин. Псковский и Новоторжский уезды состояли не из погостов, а из губ. Особенно много остатков седой старины сохранилось в северных уездах Поморья. Здесь почти в каждом уезде были свои собственные деления: то на погосты, то на волости, то на станы и волости, погосты и волости и т. п. Сибирские уезды делились на слободы и ясачные волости[1].

В середине XVI в. в связи с ростом централизации государства и необходимости укрепления на местах положения правящего класса дворянства были созданы губные избы во главе с губными старостами, избираемыми местными дворянами из своей среды. Официальная задача губных учреждений — борьба с разбоями, фактическая — подавление сопротивления крестьян гнету феодальной эксплуатации[2].

Несколько позже введения губных изб были отменены должности наместников и волостелей и вместо них были созданы земские избы, во главе

[1] *А. Д. Градовский.* История местного управления в России.—Собр. соч., т. II, СПб., 1899, стр. 358—372.

[2] Там же, стр. 433—439.

с земскими старостами, избираемыми тяглым населением — крестьянами и посадскими людьми — из своей среды. На обязанности земских учреждений лежало управление своим посадом или волостью, суд по гражданским делам и, главное, сбор налогов.

Управление дворцовыми селами и волостями, разбросанными по всей территории государства, оставалось в стороне от этого процесса развития местного управления. В дворцовых селах и волостях удержались непосредственно подведомственные Приказу Большого дворца дворцовые приказчики, которым на месте была предоставлена одновременно и судебная и административная власть.

Грозные события Крестьянской войны и польской и шведской интервенции разрушили как центральный, так и местный аппарат власти. Воеводское управление, возникшее еще во второй половине XVI в. и к концу столетия утвердившееся в пограничных городах, в начале XVII в. распространилось на всю территорию Русского государства. Сложилась система организации местной власти, просуществовавшая до преобразований первой четверти XVIII в. В первоначальном смысле слова воевода — военачальник, водитель полков. С начала XVII в. правительство стало объединять в руках военного командира все виды власти: и военную, и судебную, и административную. Такое объединение вызывалось необходимостью борьбы с интервентами и их пособниками и обострившимися антифеодальными движениями угнетаемых народных масс.

В руках воевод сосредоточивалось все местное управление. Воевода — главный администратор уезда. Он следил за сбором денежных повинностей и отбыванием казенных служб. Воевода был главным судьей в уезде как по гражданским, так и по уголовным делам. Воевода выполнял и полицейские функции.

Сказанное относится к старой территории Русского государства. В Нижнем Поволжье и Сибири, в условиях освоения и колонизации новых районов, власть воеводы являлась первичной формой местного управления, во многом, однако, отличной от воеводского управления на старой территории государства.

Среди воевод XVII в. встречалось немало крупных администраторов. Таковы, например, князь Ю. Я. Сулешев в 20-х годах и П. И. Годунов в 60-х годах в Тобольске, князь И. С. Прозоровский в Астрахани (70-е годы), князь Г. Г. Ромодановский в Белгороде (60—70-е годы) и др.

Из местного финансового управления выделялось таможенное и кабацкое дело. В большинстве городов таможня и кабак соединялись под управлением одного выборного головы, но его помощники-целовальники выбирались на ту и другую службу отдельно. Голова выбирался на один год посадскими людьми из своей среды, а в дворцовых волостях — из дворцовых крестьян; целовальники выбирались также на один год из посадских и уездных людей. Воеводы осуществляли только общий надзор за деятельностью таможенных и кабацких голов. Они должны были следить

лишь за тем, чтобы не было явных злоупотреблений со стороны таможенных голов[1].

Несколько иной вид имело воеводское управление в крупных пограничных городах: на севере — в Архангельске, на западе — в Великом Новгороде и Пскове, на юго-западе — в Смоленске, на юге — в Белгороде и Астрахани, на востоке — в Казани, в Сибири — в Тобольске, Томске, Енисейске, Якутске и некоторых других городах. Воеводская, или разрядная, изба этих городов представляла собой местное подобие московских приказов. Здесь воеводы были начальниками местных военных сил, судьями и администраторами и в некоторых вопросах обладали властью московских приказов, например властью верстать людей на службу и раздавать им поместья. В Астрахани, Уфе, Тобольске, Томске воеводы имели полномочия (конечно, под надзором и контролем центра) вести дипломатические сношения с соседними государствами. На астраханских воеводах лежала ответственная задача надзора за Большой Ногайской ордой и сношений с ней.

По мере усиления централизации власти, воеводы крупных и мелких городов почти поглотили все виды прежней местной администрации (городовых приказчиков, судных и осадных голов, а во многих городах — губных старост). Если в XVII в. и продолжают встречаться губные старосты и городовые приказчики, то они либо играли роль лиц, подчиненных воеводам, либо выполняли их обязанности[2]. Земские выборные органы были подавлены воеводской властью и утратили значительную часть своей самостоятельности[3]. Земское управление сохранило свое значение лишь в Поморье[4].

Таким образом, воеводское управление по сравнению с наместничьим являлось серьезным шагом вперед по пути централизации местного управления. Объем власти воевод был очень широк, и они почти не имели конкурировавших с ними на месте сил. Однако это не означает, что власть воевод была сильной властью, способной быстро, энергично и правильно выполнять возложенную на них функцию поддержания классового господства феодалов. Воеводы не имели в своем распоряжении достаточно сильного аппарата.

* * *

Поскольку воеводы нужны были главным образом для проведения на местах общей классовой политики дворянского государства, им для фактической работы назначались товарищи — дьяки или подьячие с

[1] *А. Д. Градовский.* Указ. соч., стр. 419—422. Более подробно о таможенной и кабацкой службе см. в § 7 настоящей главы.

[2] *Ю. В. Арсеньев.* Из делопроизводства каширских губных старост во второй половине XVII в. М., 1900, стр. 1—30.

[3] *А. Д. Градовский.* Указ. соч., стр. 381—472.

[4] Более подробно об этом см. главу I, § 6 настоящего издания.

приписью, т. е. с правом подписывать документы, исходившие из воеводской канцелярии. В более крупные города в качестве воеводских товарищей посылались дьяки (например, на Двину, в Вологду, Псков), в средние города — подьячие с приписью, в небольшие, особенно во второй половине XVII в., вообще не посылали из Москвы подьячих, — их обязанности выполняли старшие подьячие местных съезжих изб. В города с исключительно важным административным значением (Новгород, Астрахань, Тобольск) обычно назначались двое воевод и два дьяка, так что такими городами управляла целая коллегия, возглавляемая «большим», или старшим, воеводой.

Воевода и его товарищи должны были все дела решать «сообща».

Дьяк или подьячий с приписью отвечал за все делопроизводство воеводской съезжей избы (канцелярии). Наряду с этой официальной функцией на них фактически лежала негласная обязанность наблюдать за деятельностью воевод и доносить о непорядках в Москву. На этой почве между воеводами и дьяками очень часто происходили конфликты.

Центром уездного управления была воеводская съезжая изба, в которой производились следствие, суд и расправа, и сосредоточивалось все делопроизводство. В крупных городах съезжая изба носила название «приказной палаты».

Делопроизводство распределялось между отделами приказной избы — «столами», каждый из которых ведался особым подьячим («хлебный стол», «денежный», «ясачный» и т. д.).

В широте компетенции и слабости исполнительного аппарата заключалось одно из противоречий воеводской власти. Подьячие, рассыльщики и «недельщики» из числа приборных служилых людей были явно слабы как агенты воевод. Вот почему последние должны были в значительной степени полагаться на помощь из центра. Отсюда очень распространенная в XVII в. практика посылки из центра в уезды специальных лиц — «сыщиков» для расследования и решения разного рода более или менее сложных вопросов, иногда сбора налогов и для борьбы с возникавшими на местах крупными и мелкими движениями местного населения против феодального государства и господства класса феодалов.

Второе противоречие заключалось в том, что при широте полномочий воеводы оказались в самом непосредственном подчинении московским приказам и превратились в исполнителей распоряжений, исходивших из центра. Воеводы были подчинены самому бдительному и придирчивому надзору со стороны приказов. Вновь назначенному воеводе при отпуске на службу выдавался наказ с подробным изложением его обязанностей и с предупреждением против возможных с его стороны злоупотреблений. В дальнейшем воевода по поводу всех мало-мальски выходивших из общей нормы дел должен был списываться с приказом. Вместе с тем реального контроля над деятельностью воеводы не было. Попытка установить в этих целях перекрестное наблюдение друг за другом «больших» воевод и их товарищей, в частности дьяков, при отсутствии ясного

разграничения функций между ними, приводила только к конфликтам, иногда к открытым столкновениям, грозившим развалом всего административного аппарата на месте. Так, в 1630 г. в Мангазее воеводы Г. И. Кокорев и А. Ф. Палицын, начав с взаимных доносов друг на друга, кончили открытыми военным действиями, в которые были втянуты местный гарнизон и приезжие торговые и промышленные люди[1]. Значительно более действенным, хотя и в высшей степени примитивным средством контроля были «изветы», жалобы населения, страдавшего от воеводского произвола.

Из центра лишь эпизодически посылали на места «сыщиков» для производства следствия над тем или иным воеводой[2]. Наиболее решительным средством была частая смена воевод.

По изложенным причинам воеводская власть была недостаточно сильна для реализации твердой политической линии. Слабостью системы воеводского управления было также и то, что служба воевод считалась по традиции «корыстной», подобно старинным кормлениям, т. е. доставлявшей определенный доход.

В принципе воевода не имел права получать с населения никаких доходов в свою пользу ни от суда, ни от общеадминистративных действий[3], но на практике воеводы жили за счет населения, причем воеводская власть была достаточной для того, чтбы злоупотреблять ею, особенно в отношении экономически более слабых и угнетенных слоев населения.

Воеводские должности обычно замещались отставными служилыми людьми. После того как служилый человек провел много лет на государевой службе, участвовал в многочисленных походах, иногда несколько раз бывал ранен, он под старость просил уволить его от ратной службы и послать на воеводство. Недостаточная подготовленность к разрешению административных вопросов, а порой и просто неграмотность, особенно в первой половине XVII в., служили серьезной помехой для выполнения воеводами их разнообразных обязанностей.

* * *

Характер деятельности воевод зависел не только от различной широты и содержания их полномочий, но и от той общественной среды, в которой они должны были проводить политику в интересах феодалов. В различных областях Русского государства эта общественная среда была неодинакова.

В Поморье воеводы действовали среди черносошного и посадского населения, сохранявшего свои особые черты общественного строя, свою широкую организацию. Феодальное государство рассматривало население Поморья прежде всего как источник крупных денежных средств

---

[1] *С. В. Бахрушин.* А. Ф. Палицын.—Сб. «Века», под ред. А. И. Заозерского и М. Д. Приселкова, Пг., 1924, стр. 79—110; см. также Научные труды, т. III, ч. 1, М., 1955, стр. 175—197.

[2] ЦГАДА. Приказные дела старых лет, 1674 г., д. 274, лл. 1—2. Сыск над тотемским воеводой Федором Квашниным.

[3] «Уложение 1649 г.», гл. X, ст. 1, 6, 150.

и тяжелых натуральных повинностей. Для выполнения этих повинностей государство использовало старинную крестьянскую организацию. Выбиравшиеся населением городовой и всеуездный староста, земские судейки, целовальники и другие выборные лица прежде всего ведали распределением общей суммы повинностей и служеб всего уезда между посадом и отдельными волостями, входившими в уезд («развод» повинностей). Выборные лица посадской и волостных тяглых общин вместе со всем «миром» производили разверстку повинностей между отдельными плательщиками («разруб» повинностей).

Для осуществления этих решений тяглые общины выбирали особых должностных лиц — окладчиков или разрубных целовальников, которые собирали денежные платежи и следили за отбыванием натуральных повинностей[1]. Собственно воевода во все это не должен был входить, пока все шло исправно, и казна не терпела ущерба. Задача воеводы состояла лишь в охране интересов казны и контроле за деятельностью мирских выборных властей.

Но независимость мирских выборных властей на самом деле была лишь кажущейся. «Мир» не был однороден и не противостоял воеводе как нечто целое. Внутри «мира» происходила острая борьба богатых людей, «горланов и ябедников», со средними и беднейшими, подвергавшимися эксплуатации и закабалению со стороны первых. В вопросе распределения и несения тяжелых повинностей и платежа налогов социальная борьба обнаруживалась особенно остро. Дворянское правительство стремилось достигать своих целей, опираясь на зажиточную часть черносошного крестьянства и посадов. Следовательно, воеводы, проводя такую правительственную политику, не смягчали остроту отношений в Поморье, а еще более обостряли ее. Вместе с «лучшими», самыми богатыми людьми они эксплуатировали основную массу тяглого населения и доводили ее в ряде случаев до прямых восстаний. Но вследствие внутренней слабости «мира», воеводы при содействии из центра сравнительно легко подавляли эти антифеодальные выступления.

Положение осложнялось еще тем, что в среде самих богатеев бывали случаи соперничества и борьбы. Все это открывало воеводам широкую возможность вмешательства в мирские дела. Воеводы нередко кассировали выборы, производили назначение мирских должностных лиц своей властью, сажали их в тюрьму, подвергали наказанию батогами и т. п.

Обыкновенно служилый человек отправлялся на воеводство с семьей и дворней. При въезде он получал от населения хлеб-соль, что называлось «въезжим кормом». На большие праздники к воеводе приходили с поздравлениями и приношениями. Если население этого не делало и запаздывало с приношениями, воевода в резкой форме выражал свое недовольство таким поведением мирских людей. Когда в июле 1668 г. мирские целовальники Вотложемской волости Устюжского уезда явились к вновь

[1] О земском управлении в Поморье см. главу I, § 6 настоящего издания.

Медная чернильница Каргопольской приказной избы, 1690 г.
Государственный Исторический музей

назначенному устюжскому воеводе стольнику Я. А. Змееву с праздничным приношением по случаю Петрова дня, пропустив рождественские и пасхальные приношения, воевода заявил им свои претензии. «И едва нас простил, — замечают целовальники,—петровское праздничное велел принять и велел нас посадить у себя хлеба есть»[1].

В зависимости от местных обычаев воевода получал особое вознаграждение за всякое действие, которое он производил в пользу того или иного просителя. Много было поводов воеводе «покормиться». Даже платеж государственных повинностей не обходился без соответствующих приношений воеводе, хотя как будто для этого не было никаких оснований: посадский или волостной «мир» в этом случае ничего не просил для себя, а только выполнял правительственное распоряжение[2].

Не менее тяжелой была власть воевод для населения южных и юго-восточных окраин, где преобладали приборные служилые люди и мелкопоместные дети боярские. Эти служилые люди были близки к крестьянам по экономическому состоянию, но не имели никаких элементов самоуправления, которое объединяло бы хоть в какой-то степени различные их категории (стрельцы, казаки, дети боярские, пушкари и т.п.). В южных городах в особенности, а также в окраинных городах, вообще сильнее выступала функция воевод как военных начальников. Во время постоянных пограничных столкновений с татарами, калмыками и пр. воеводы возглавляли действия местных вооруженных сил. Здесь воеводам было предоставлено право набора и верстания служилых людей. Воеводы, обладая значительной властью и будучи обычно представителями столичного дворянства, вносили в свои отношения к местным служилым людям высокомерие крепостников. Воеводы эксплуатировали украинных служилых людей как крестьян в собственных вотчинах: они возлагали на них ряд

---

[1] ЦГАДА. Приказные дела старых лет, 1666 г., д. 253, лл. 51—52.
[2] Там же, лл. 16—17.

трудовых повинностей и разного рода денежные и натуральные поборы, подобные крестьянским изделиям и оброкам. Если собственные вотчины воевод находились, что было нередко, не слишком далеко, они заселяли и строили их силами приборных служилых людей; наконец, насильственно закабаляли их и отдавали в свои вотчины.

Злоупотребления воевод в южных городах носили хронический характер[1]. Выступления местных служилых людей против воеводских насилий вследствие отсутствия у них правильно организованного и полномочного корпоративного устройства приобретали форму шумных «гилей» и бунтов. В 1650—1652 гг. в Валуйках произошло столкновение между воеводой М. Дмитриевым и «всем городом» (атаманами, стрельцами, казаками, пушкарями и пр.). Воевода требовал служилых людей на городовую «поделку» (ремонт городских укреплений). Служилые люди, по словам воеводы, били его «в душу и по щекам», и он сидел в «осаде у себя на дворишке»[2]. В целях поддержания дисциплины правительство обычно указывало бить кнутом зачинщиков подобных выступлений, воевод же обычно сменяли, иногда взыскивали с них сумму произвольных поборов[3]. Власть воевод в южных городах ограничивалась наличием в городах стрелецких и казачьих голов, назначавшихся, как и воеводы, из служилых людей «по отечеству» и подчинявшихся Стрелецкому и Казачьему приказам. В отношении стрельцов и казаков головы были не меньшими «мучителями и разорителями», чем воеводы. Но, подчиняясь другим московским приказам, головы иногда совсем не допускали воевод до вмешательства в дела городовых казаков и стрельцов[4]. В 1648 г. приказный человек г. Чугуева Я. Волконский просил перевести его из Чугуева, так как казачий голова Г. Пасынков не велел служилым людям воеводу слушать, приходил в съезжую избу и «шумел» на воеводу и бесчестил его. Видя это, служилые люди отказывали воеводе в повиновении[5].

Соперничество воевод с казачьими и стрелецкими головами ограничивало произвол воевод, но одновременно нарушало единство командования и подрывало дисциплину среди служилых людей.

В Сибири и городах Поволжья перед воеводами, сверх того, открывалась возможность колониального ограбления нерусских людей.

---

[1] ЦГАДА. Столбцы Приказного стола, № 276, лл. 1—12 и сл., 1651—52 гг.—яркая картина насилий и обирательств воеводы Д. Раевского в Гремячем; Столбцы Приказного стола, № 603, лл. 18—25, 1679 г.—Еще более яркая картина насилия воеводы В. Сербина, именовавшего себя «герцогом» и «князем» в г. Добром. (*А. А. Новосельский.* Распространение крепостнического землевладения в южных уездах Московского государства в XVII в.—«Исторические записки», № 4, стр. 38—39).

[2] ЦГАДА. Столбцы Приказного стола, № 275, лл. 324, 329—331, 353—361.

[3] Там же, № 273, лл. 1469 и др.

[4] ЦГАДА. Столбцы Белгородского стола, № 258, л. 185; № 217, лл. 508—509; № 10, лл. 105 об., 372, 424, 536.

[5] Там же, № 259, лл. 294—295; № 880, л. 182 и об.; Столбцы Приказного стола, № 12, л. 26; № 203, лл. 61—65.

По мере продвижения государственных границ на юг и юго-восток города старого центра и Севера утратили всякое военное значение. Укрепления их были заброшены и приходили в ветхость. Во многих городах не было даже небольших гарнизонов. Здесь воеводская власть стала исключительно гражданской. В центральных частях государства, где имелась приказная чересполосица, воевода был подчинен десятку различных приказов и по существу был местным исполнителем их ведомственных требований. Даже в области суда полномочия воеводы были невелики и сводились к суду первой инстанции по мелким тяжбам. Кроме того, в центральных уездах воеводский произвол до известной степени ограничивался составом уездного дворянского общества, среди которого часто было немало людей знатных и богатых.

* * *

Исторически сложившееся деление государственной территории на множество уездов (в середине XVII в. более 250) с уездными центрами, сносившимися непосредственно с Москвой, представляло собой лишь начальную ступень централизации.

Неудовлетворительность такого порядка в устройстве местного управления почувствовалась прежде всего на окраинах, где нужды обороны потребовали расширения прав командования на местах.

Пока защита от самого беспокойного из соседей — крымских татар — сосредоточивалась на охране «береговой» линии по Оке с центром в Серпухове, штаб войск мог находиться в Москве, но когда поток населения перебросился за Оку и устремился дальше на юг, командование должно было расположиться поближе к войскам, предназначенным охранять население украинных городов, лежавших по Оке и к югу от р. Упы, а также заоцких городов — Воротынска, Калуги, Козельска и др. и рязанских — Переяславля-Рязанского, Сапожка, Шацка и др. Центром новой линии стала Тула, воевода которой направлял деятельность полковых и городовых воевод тех городов, которые лежали на широком «поле» от Оки до Упы. Повидимому, полковые воеводы в этих городах были наделены не только военной, но и административной властью, поскольку этого требовала организация обороны, т. е. собирание средств для содержания войска из местных доходов, управление служилыми людьми и пр. Если в некоторых городах и уцелели городовые воеводы, то они были подчинены полковым и несли службу по содержанию в порядке городовых укреплений и подготовке города к осаде. Таким образом сорганизовался военно-административный округ, получивший название Украинного разряда, а позднее, когда окраина передвинулась далеко на юг, он был переименован в Тульский разряд[1].

[1] См. о разрядах также § 8 настоящей главы.

Этот разряд существовал более ста лет — с половины XVI в. до начала 60-х годов XVII в., когда он потерял значение пограничного округа, так как граница продвинулась еще дальше на юг. С 1636 г. стали строить новую укрепленную линию, так называемую Белгородскую черту, с г. Белгородом в центре. Пространство у черты быстро заселялось. Особенное оживление на юге было заметно в начале 50-х годов XVII в., когда произошло мощное передвижение украинского населения на свободные земли у новой черты. Ясно обозначилась потребность создания южного военного округа. В 1663 г. образован был Белгородский разряд, чаще называемый Белгородским полком. В состав его вошли города в черте — Белгород, Новый Оскол, Валуйки и др. и некоторые из старых украинных городов — Мценск, Новосиль, Чернь, всего несколько десятков городов. Белгородский воевода должен был «к Белгороду... ведать городы и в них воевод и ратных полковых и осадных всяких чинов людей службою и судом и денежными и хлебными всякими доходы».

Через два года после организации Белгородского разряда был создан Севский разряд для защиты границы и со стороны Крыма и со стороны Польши. В списке городов, которых «воеводы и ратные всяких чинов люди службою и всякими расправными делами и денежными доходы ведомы к Севску», обозначены северские города — Севск, Путивль, Новгород-Северский и др., почему этот разряд иногда назывался Северским. К указанным городам присоединены были некоторые из заоцких и украинных — Лихвин, Белев, Орел и др.

Западная граница охранялась Смоленским разрядом, организованным вскоре после взятия Смоленска в 1654 г., когда смоленскому воеводе Г. Г. Пушкину было указано «ведать к Смоленску города и из тех городов писать к нему в Смоленск о всяких делех из Дорогобужа, Рославля, Шклова, Копыся». Позднее в Смоленский разряд были включены города Калуга, Вязьма, Боровск, Верея, Можайск и др. К границе со Швецией был обращен Новгородский разряд, упоминаемый в актах с 1656 г., т. е. с первого года шведской войны. В его состав вошли Новгород и Псков с пригородами, к которым были присоединены Тверь, Торжок, Старица, Великие Луки, Торопец, Зубцов и др. В новгородских и псковских городах и в прежнее время можно было подметить близость финансово-административного управления с военным; в частности, доходы с городов поступали не в Москву в приказ, а расходовались на месте на содержание местных войск.

В документах последней четверти XVII в. упоминаются разряды Московский, Владимирский и Тамбовский и восстановленный Рязанский. Однако вновь созданные разряды не получили такого значения, как пограничные разряды, и частью были вскоре ликвидированы.

Такое же значение имел Казанский разряд. Приказ Казанского дворца управлял сплошной территорией по Средней и Нижней Волге и далее на восток, включая до 1637 г. и Сибирь. По росписи 1680/81 г., в состав Казанского разряда вошли далеко не все города Казанского приказа, а только те, которые лежали к северу от так называемой Симбирской черты, так

что все низовые города от Самары до Астрахани не принадлежали к составу Казанского разряда. Этот факт надо поставить в связь с указом 12 ноября 1680 г., по которому ведомство Казанского приказа было ограничено в военном отношении так, что севернее указанной черты дворяне перешли в ведение Разряда, а служилые люди нового строя — в ведение Иноземского и Рейтарского приказов. Центром Казанского разряда был Симбирск, а не Казань.

В Сибири, ввиду невозможности за дальностью расстояния руководить из Москвы деятельностью отдельных воевод, очень рано возникла потребность в создании на месте административного центра, который объединял бы и контролировал всю администрацию края. Таким центром стал тотчас по его возникновении «стольный град» Тобольск. Так возник Тобольский разряд, которому первоначально были подведомственны все сибирские воеводы. Позднее, когда территория русских владений в Сибири расширилась, были образованы еще разряды Томский (1629) и Енисейский (1672); Якутск фактически стал тоже центром особого Ленского разряда, охватывавшего всю Восточную Сибирь. Однако общий контроль над администрацией, распоряжение всеми военными силами Сибири и организация снабжения сибирских городов хлебом оставались в ведении Тобольского разряда, который считался главным и руководящим среди прочих.

Большим недостатком этой организации была различная компетенция главных воевод разрядов. Однако образование разрядов, которыми управляли обычно крупные бояре, было значительным шагом вперед, так как предоставляло военному командованию больше самостоятельности и подготовляло создание в начале XVIII в. промежуточного между уездом и центром, более крупного административного деления — губерний.

Таким образом, с распространением воеводской власти на всю территорию государства и с отмиранием других органов власти на местах, сохранившихся от XVI в. (губные старосты, городовые приказчики и др.), управление стало более единообразным и намного более централизованным. Оборотной стороной такого устройства местного управления была общая недостаточность полномочий и инициативы у воевод. С другой стороны, центральные правительственные органы были чрезмерно загружены мелочными делами. Более крупные административные единицы, хотя в довольно неопределенном виде, лишь намечались в XVII в.

6

ПРАВО И СУД

В феодальном обществе право и суд, выражающие волю господствующего класса, преследуют цель защиты феодальной собственности, придают видимость «законности» крепостному праву и другим формам личной внеэкономической зависимости, защищают сословные привилегии

правящего класса — дворянства и господствующей церкви как идеологической опоры феодального строя.

В Русском государстве XVII в. право в первую очередь утверждало за классом феодалов монопольное владение землей и крепостными крестьянами.

В качестве обоснования этих сословных привилегий уже в XVII в. в среде дворянства была выработана теория феодального сословного строя Русского государства, получившая яркое выражение в одной из коллективных челобитных второй половины XVII в. о сыске беглых крестьян. Челобитчики, указывая на то, что побеги крестьян мешают им нести военную повинность (об этом дворяне говорили постоянно), просили об издании указа, чтобы «в предние лета твой государев крепостной устав в сем деле вовеки был неподвижен, и никому б неповадно было божия даяния да вашего государского давнего и вечного жалования силою и величеством, богатством и граблением, и всяким лукавством, и пронырством чужого имения восхищати и неправедным прибытком богатеть, и чтоб в твоей государеве державе вси люди божии и твои государевы, коиждо от великих и четырех чинов — освященный, и служивый, и торговый, и земледельный — в своем уставе и в твоем царском повелении твердо и непоколебимо стояли и ни един ни от единого ничим же обидим был...»[1].

Все, что нарушало «крепостной устав», было общественным злом с точки зрения господствующего класса. Очевидно, что вытекавшее отсюда «право» было выражением интересов и воли дворянства, а общественным злом признавалось все, что нарушало классовые интересы дворянства и дворянского государства. «Царское повеление» должно было утверждать «крепостной устав».

Так как земля в то время представляла собой главное богатство и была основой господствующего положения класса феодалов, законодательство XVII в. неуклонно расширяло и укрепляло монопольное право собственности феодалов на землю[2]. Феодальная земельная собственность была собственностью сословной[3]. Земля принадлежала феодальному государству, светским и духовным феодалам. Исключение представляла лишь ничтожная по численности группа гостей — самая богатая верхушка торговых людей, которая также пользовалась правом приобретать вотчины.

Владение землей было связано с несением службы, прежде всего военной. Таким образом, владение землей имело ограничения, было «условно». Условность эта выражалась в различных формах, начиная от поместья и кончая некоторыми ограничениями в распоряжении вотчинами.

---

[1] ЦГАДА. Столбцы Московского стола, № 310/3, лл. 1—9.

[2] См. главу I, § 5 настоящего издания. О праве феодальной земельной собственности см. *А. В. Венедиктов.* Государственная социалистическая собственность. М.—Л., 1948, гл. III. Право собственности в феодальном обществе, стр. 94—245.

[3] См. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. IV, стр. 14.

Вместе с правом собственности на землю феодалы имели право неполной собственности на самого производителя — феодально-зависимого крестьянина[1]. Классики марксизма говорят о феодальной земельной собственности и прикованном к ней труде крепостных, указывают на личную зависимость, личную несвободу крестьянина, «...в какой бы то ни было степени и прикрепление к земле в качестве придатка последней...»[2]. Поэтому-то и нужно было внеэкономическое принуждение и закрепощение крестьян при помощи силы, опирающейся на всю мощь феодального государства и права.

* * *

В XVII в. различались следующие виды землевладения: земли государственные, или черные, дворцовые и земли, которыми владели отдельные феодалы на вотчинном и поместном праве.

Черные земли находились в пользовании черносошных крестьян, которые несли государственное тягло, т. е. платили налоги и отбывали разнообразные повинности в пользу государства. Черносошные крестьяне довольно свободно распоряжались своими участками (продавали, закладывали, делили и т. п.), однако не были их собственниками: «... крестьяне имели такое же феодальное право собственности, как и сами феодалы»[3]. К XVII в. черные земли в центре государства были полностью захвачены феодалами и сохранились лишь на Севере.

Дворцовые земли — это собственность царя и царской семьи.

Вотчина — феодальная земельная собственность, переходящая по наследству. В XVII в. различались вотчины родовые — полученные по наследству, выслуженные — пожалованные за службу (в 1628 г. они были приравнены к родовым) и купленные, причем если купленная вотчина хотя бы раз перешла по наследству, то она уже считалась родовой вотчиной. Купленную вотчину можно было продать, заложить, подарить и завещать любому лицу (разумеется, принадлежащему к классу феодалов). Распоряжение родовыми и выслуженными вотчинами было более ограничено. Боковые родственники, если родовая вотчина была продана без их согласия, имели право ее выкупа в течение 40 лет[4].

Но все же вотчинник обладал только правом подчиненной собственности на вотчину. Верховная собственность на все земли, в том числе и вотчины, принадлежала царю — главе феодальной иерархии.

Вотчинники должны были участвовать в защите интересов своего класса, они обязаны были нести военную службу. Еще указом Ивана IV от 1556 г. была нормирована служба с земли[5]. В XVII в. обязанность вот-

[1] См. *И. Сталин.* Вопросы ленинизма, изд. 11-е. Госполитиздат, 1952, стр. 595.

[2] См. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. IV, стр. 15; *К. Маркс.* Капитал, т. III, Госполитиздат, 1954, стр. 803—804.

[3] *К. Маркс.* Капитал, т. I, Госполитиздат, 1955, стр. 723.

[4] «Уложение 1649 г.», гл. XVII, ст. 27—30.

[5] «Судебник царя и великого князя Ивана Васильевича. Законы из Юстиниановых книг. Указы дополнительные к судебнику...», СПб., 1768, Указы, стр. 8—9.

чинников нести военную службу была регламентирована в Уложении и ряде указов[1].

На протяжении XVII в. происходил процесс неуклонного сближения поместий с вотчинами, освоения классом феодалов фонда поместных земель. К концу века они по существу слились друг с другом, и Петр I в указе 1714 г. лишь юридически оформил это слияние.

Еще ярче классовые привилегии феодалов выражались в их исключительном праве владеть крепостными крестьянами и холопами.

Уложение 1649 г. признает запись крестьянина за феодалом в писцовые и переписные книги главным и решающим основанием «права» крепостника владеть крестьянином и всем его потомством. Запись в писцовые и переписные книги или иные на них основанные «крепости» служила доказательством принадлежности крестьянина владельцу. В бесконечном количестве судебных дел о возвращении владельцам их беглых крестьян с необычайной наглядностью выступает насильственный характер «права» крепостников, постоянно и упорно отрицавшегося крестьянами. Крестьяне обычно говорили: «написан ли в книгах [писцовых или переписных] или нет, того не ведаем», «вольно де им и заочно их написать». То, что для крестьянина было прямым насилием, для крепостника было «правом».

* * *

На протяжении XVII в. происходило дальнейшее развитие законодательства. Царский судебник, являвшийся важнейшим источником права в XVI в., уже устарел к XVII в. Он непрерывно дополнялся новыми царскими указами и боярскими приговорами, причем эти дополнения записывались каждым приказом по своему ведомству отдельно. Таким образом, составились Указные книги приказов, например Указная книга Поместного приказа[2]. Этот порядок регистрации указов имел технические неудобства, так как один приказ не знал о том, какие указы записаны другими приказами. Назрела необходимость проведения новой кодификации. После восстания 1648 г. правительство созвало Земский собор, который принял новое Уложение 1649 г. Источниками Уложения были старые судебники, указы и боярские приговоры, указные книги приказов, «градские законы греческих царей», т. е. византийское право, Литовский статут, новые постановления, внесенные составителями Уложения и выборными — членами собора и отвечавшие растущим классовым требованиям дворянства и посадских людей.

В буржуазной литературе преувеличивали значение иностранных источников Уложения, забывая, что Литовский статут — это система русского права, развившаяся из Русской Правды, и составлен он на русском

[1] «Уложение 1649 г.», гл. VII, ст. 8, 17, 19 и др.

[2] «Историко-юридические материалы, издаваемые Московским архивом министерства юстиции», вып. 1. Указная книга Поместного приказа, М., 1889, стр. 212.

языке. Забывалось также, что ссылками на византийское право составители стремились придать авторитетность Уложению, заимствовали формы, вкладывая в них новое содержание. Уложение — это шаг в дальнейшем развитии русского права. Оно и с технико-юридической стороны было большим достижением. Уложение полностью отвечало требованиям дворянства, в нем также содержался ряд уступок верхушке посада. Уложение 1649 г. — важный этап в развитии самодержавно-крепостнического строя в Русском государстве.

В Соборном Уложении 1649 г. нашла отражение борьба дворянства и посадов за удовлетворение их сословных требований.

Уложение делится на 25 глав, содержащих всего 967 статей. Материал был расположен систематически. Например, глава XI — «Суд о крестьянех», глава XVI — «О поместных землях», глава XIX — «О посадских людех», глава XX — «Суд о холопех» и т. д.

Глава XI Уложения — «Суд о крестьянех» — в мельчайших подробностях разрабатывала вопрос о крестьянской крепости по писцовым, переписным, отдельным и отказным книгам.

В ней развивается начавшийся с конца XV в. процесс юридического оформления крепостной зависимости крестьянства. Удовлетворяя настойчивым требованиям городового дворянства, она отменяла «урочные лета» для сыска беглых крестьян (ст. 2) и устанавливала штраф за держание беглых (ст. 10). Признавая право помещика и вотчинника на имущество крестьянина, Уложение предписывало в случае несостоятельности задолжавших землевладельцев «править за них» «истцов иск» «в поместьях их и в вотчинах на людех их и на крестьянех» (ст. 262 гл. X). Санкционировало Уложение и все решенные раньше споры между помещиками о крестьянах, признавая законными «сделочные записи» землевладельцев на крестьян, прикрывавшие часто факты купли-продажи крестьян (ст. 8). Одновременно с этим Уложение разрешало перевод крестьян землевладельцем по его усмотрению из одного имения в другое — из вотчины в вотчину и из поместья в поместье, но не «с поместных земель» на «вотчинные земли» (ст. 30 гл. XI и ст. 7 гл. XVI). При этом Уложение не останавливалось и перед разобщением родителей с детьми в крестьянских семьях (ст. 13).

Вопросам укрепления дворянского служилого землевладения были посвящены главы XVI («О поместных землях») и XVII («О вотчинах»). В них подробнейшим образом регламентировалось обеспечение служилого человека и его семьи земельным фондом в двух его исторически сложившихся формах — поместья и вотчины. Статья 1 главы XVI устанавливала нормы поместных дач в Московском уезде по чинам; ряд статей той же главы отвечал требованиям широких слоев дворянства в вопросе обеспечения поместьями. Глава «О вотчинах» кодифицировала и дифференцировала законодательство о «родовых», «выслуженных» и «купленных» вотчинах. Пытаясь приостановить утечку земель из поместного фонда, Уложение запрещало продажу поместных земель в вотчину (ст. 9). Вместе

с тем ряд статей главы XVI отражал процесс стирания граней между поместным и вотчинным землевладением; так, узаконивалось наследование поместий женами и детьми («на прожиток»). Вдовам и дочерям служилых людей разрешалось сдавать свои прожиточные поместья своим женихам и родственникам при условии несения ими государственной службы с этого поместья.

Впрочем, следует отметить, что содержание глав Уложения о поместьях и вотчинах не заключает в себе чего-либо существенно нового, а в основном систематизирует и вносит лишь частичные изменения в предшествующее законодательство царствования Михаила Федоровича о поместьях и вотчинах, помещенное в Указной книге Поместного приказа.

Препятствуя переходу служилых земель в руки монастырей и духовенства, Уложение предписывало «впредь... патриарху и митрополитом, и архиепископом, и епископом, и в монастыри ни у кого родовых, и выслуженных, и купленных вотчин не покупати, и в заклад не имати, и за собою не держати, и по душам в вечной поминок не имати ни которыми делы» (ст. 42, гл. XVII).

Это постановление Уложения явилось слабым отголоском радикального требования дворянства об отобрании церковных владений, заявленного в челобитной 9 ноября 1648 г.

Подтверждая землевладельческие права светских феодалов, дворянское государство вместе с тем заботилось и об укреплении дворянского войска. Глава VII Уложения («О службе всяких ратных людей Московского государства») подтверждала принцип обязательной службы с поместий и вотчин и грозила уклонявшемуся отобранием половины поместья и наказанием кнутом, а изменнику — смертной казнью и конфискацией имущества.

Глава XIX («О посадских людех») удовлетворяла коллективные и частные челобитные посадских людей о сыске посадских людей-закладчиков и предписывала «свозить» их «на старые их посадские места, где кто живал напредь сего, безлетно... и безповоротно» (ст. 13). Этими постановлениями проводилось прикрепление посадского населения к своим посадам и государеву тяглу. Статья 1 главы XIX санкционировала конфискацию частновладельческих слобод на посадах, предписывая «те все слободы,со всеми людьми... всех взяти за государя в тягло, и в службы безлетно и безповоротно... А впредь, опричь государевых слобод, ничьим слободам на Москве и в городех не быти»[1].

Глава XIII удовлетворяла требование среднего и мелкого дворянства об учреждении особого «Монастырского приказа», в котором должны были сосредоточиться все судебные дела по искам к духовенству и зависимым от него людям, в то время как по искам духовенства суд давался в тех приказах, которым были подчинены ответчики.

---

[1] Более подробно о посадской реформе 1649—1652 гг. см. главу I, § 7 настоящего издания.

Существенной стороной Уложения было юридическое оформление царского самодержавия. Главы II и III вводили в русское законодательство понятие государственного преступления, которое толковалось преимущественно как преступление против личности царя, царской власти, власти царских агентов и «чести» «государева двора»[1].

Глава I, посвященная защите господствующей церкви от всяких «церковных мятежников», дополняла статьи, касающиеся царской власти, поскольку церковь идеологически освящала эту власть.

Юридически оформляя крепнущее самодержавие, развивавшееся в направлении к абсолютизму, Уложение вместе с тем стремилось упорядочить правительственный аппарат, при помощи которого власть принуждала к выполнению «права» представителей господствующего класса. С этой целью приводились в определенную систему наказания, которые должны были устранить злоупотребления приказного и воеводского управления, вызывавших настойчивые жалобы служилых и посадских людей в 30-х и 40-х годах XVII в. Глава X Уложения («О суде») в 287 статьях устанавливала порядок судебных процессов, взыскивая с судей за неправое решение, принятое в силу «посулов» и «поминок», полученных судьями от тяжущихся, в силу своей «недружбы» к тому или другому истцу и т. д. «Думным» людям в таких случаях грозило отнятие чести, не «думным» — торговая казнь и запрещение в дальнейшем быть «у дела», т. е увольнение от службы. Правда, та же глава в целях обеспечения авторитета правительственных учреждений вводит и статьи, оберегающие агентов власти от «напрасных» челобитий и «бесчестья», налагая на виновных в этом суровые наказания.

Законодательство о судебном процессе дополняли главы XIV («О крестном целовании») и XV («О вершеных делах), а глава IV («О подписчиках, и которые печати подделывают») устанавливала смертную казнь тому, «кто учнет какие письма воровством же наряжати и приказные письма переправливати мимо государева указу».

В заключение нужно упомянуть две из последних глав Уложения — XXI («О разбойных и о татиных делех») состоявшую из 104 статей, и XXII, перечислявшую, «за какие вины кому чинити смертная казнь, и за какие вины смертию не казнити».

Итак, Уложение узаконяло сложившийся к тому времени крепостнический строй, политическим выражением которого была самодержавная монархия. Земский собор, представлявший весь класс феодалов и верхние слои посада, закрепил рукоприкладством своих членов этот акт, отвечавший их классовым требованиям[2].

С течением времени отдельные нормы Соборного Уложения подвергались изменениям и дополнениям в виде новоуказных статей и других законодательных актов. Наиболее известны из них «Новоуказные статьи

---

[1] Более подробно см. § 2 настоящей главы.

[2] Анализ содержания Соборного Уложения 1649 г. написан А. Н. Сперанским.

о разбойных и убийственных делах» (1669)[1], «О поместьях» (1676)[2], «О поместьях и вотчинах» (1677)[3], «Писцовый наказ» (1684)[4]. Большое значение имели также «Уставная таможенная грамота» 1653 г.[5] и «Новоторговый устав» 1667 г.[6], содержавшие ряд норм гражданского права.

* * *

Право в XVII в. имело главной целью охрану господствующего правопорядка от всяких посягательств на него, т. е. защиту господства класса феодалов над эксплуатируемыми массами. Законодательство XVII в. имело открыто террористический характер по отношению к народным массам. Разумеется, уголовное право поддерживало также известный порядок внутри самого класса феодалов, подавляло самоуправные действия отдельных феодалов, которые вредили интересам феодального класса в целом.

Но в первую очередь наказание по уголовному законодательству XVII в. преследовало цель — устрашить народные массы, удержать их в повиновении феодалам. В Уложении 1649 г. в ряде статей прямо говорится: наказать так, «чтобы, на то смотря, иным неповадно было так делать». Это устрашение народных масс достигалось ужасающей жестокостью наказаний. Чтобы произвести больше впечатления, казни производились в торжественной обстановке, публично, часто под звон колоколов.

В 35 случаях Уложение 1649 г. знает применение смертной казни. За менее значительные преступления широко применялись членовредительские и болезненные наказания: отрубание рук, ног, обрезание ушей, вырезание языка, битье кнутом, плетьми, батогами.

Особенно жестокие наказания постигали трудящихся, восставших против гнета феодалов. С ними расправлялись на месте. Так, во время подавления Крестьянской войны под предводительством С. Т. Разина воевода князь Д. Барятинский только в Козьмодемьянске 60 человек казнил смертью; у сотни были отсечены руки или по пальцу с правой руки, 400 человек были наказаны кнутом[7]. Тысячи восставших были казнены, биты кнутом, подвергались нечеловеческим пыткам.

Кроме устрашения, наказание в XVII в. часто преследовало цель возмездия. Еще действовал старый принцип, так называемое «jus talionis» («око за око, зуб за зуб»). Уложение говорит, что если кто кому умышленно

---

[1] ПСЗ, т. I, № 441, стр. 743—768.

[2] Там же, т. II, № 633, стр. 16—26.

[3] Там же, № 700, стр. 110—138.

[4] Там же, № 1074, стр. 590—617.

[5] ААЭ, т. IV, СПб., 1836, № 64, стр. 100—102; СГГиД, ч. III, № 158, стр. 490—493.

[6] СГГиД, ч. IV, СПб., 1826, № 55, стр. 189—204. Более подробно о таможенных уставах XVII в. см. § 7 настоящей главы.

[7] *С. М. Соловьев.* История России, кн. 3, стб. 323.

Кандалы, XVII в.
Государственный Исторический музей

«отсечет руку, или ногу, или нос, или ухо, или губы обрежет, или глаз выколет..., и за такое его надругательство самому ему то же учинити»[1].

Применение лишения свободы не было широко распространено и усилилось только к концу XVII в. Лишение свободы применялось в двух видах: заключение в тюрьму и ссылка. Заключение в тюрьму было срочное, очень часто на короткие сроки — неделю, месяц, полгода. В отдельных случаях применялись и более длительные сроки и пожизненное заключение. Очень часто срок заключения в тюрьму совершенно не устанавливался. Во многих случаях в Уложении говорится просто: «вкинути в тюрьму» или «вкинути в тюрьму до государева указа». Заключенные должны были кормиться за счет родственников или милостыни[2]. Часто закованных в кандалы заключенных посылали на принудительные работы.

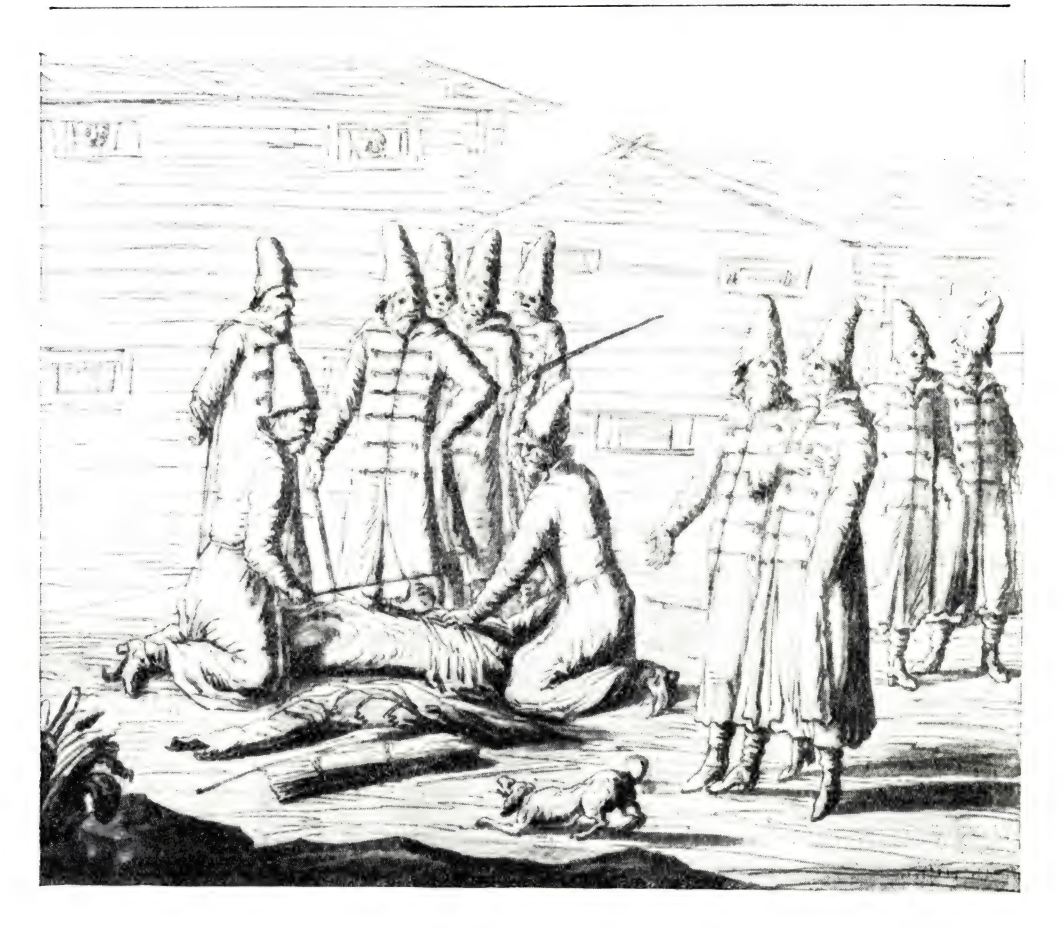
Гораздо чаще, чем заключение в тюрьму, применялась ссылка. В XVII в. преступников ссылали в южные и окраинные города (например, Астрахань) и в Сибирь. Иногда сосланных заставляли служить в окраинных городах в качестве стрельцов, пушкарей, воротников и т. д.

В законодательных памятниках говорится также о лишении чести. К позорящим наказаниям относится торговая казнь, заключавшаяся в том, что казнимого возили по улицам и площадям и били кнутом при собравшейся толпе, а также «выдача головой» бояр и дворян, проигравших

---

[1] «Уложение 1649 г.», гл. XXII, ст. 10.

[2] *Г. К. Котошихин.* О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906, стр. 122.

Наказание батогами. Рисунок из альбома Пальмквиста, 1674 г.

местнический спор. «Выдача головой» состояла в том, что проигравшего дьяки и подьячие приводили пешком к одержавшему в споре верх боярину и заставляли доложить о своем прибытии[1].

Были широко распространены денежные штрафы и конфискации имущества. Первые применялись главным образом в делах о «бесчестьи», т. е. личном оскорблении, и в качестве наказания за упущения по службе («пеня»), вторые — в политических преступлениях и пособничестве уголовным преступникам.

Имели место также церковные наказания: отлучение от церкви, покаяние, лишение христианского погребения и т. д. Часто церковные наказания присоединяли к иным наказаниям.

Вообще законодательные памятники XVII в. не дают четкой градации наказаний. Часто по разным законам за одно и то же преступление полагалось различное наказание.

[1] *Г. К. Котошихин.* Указ. соч., стр. 44.

Классовый феодальный характер уголовного права XVII в. ярко проявлялся в неравенстве наказания за одни и те же преступления людям различных сословных групп. Если дворянин затащил к себе на двор какого-либо человека и избил его, то за это, по Уложению, полагалось бить виновного «кнутом по торгом и вкинути в тюрьму на месец», да с него же взыскать потерпевшему бесчестье и увечье в двойном размере. За аналогичное же преступление, совершенное холопом или крестьянином, полагалась смертная казнь[1].

Классовое неравенство суда в XVII в. сказывается в таблице бесчестья, в таблице штрафов, которые полагалось платить по решению суда за нанесение личного оскорбления. Размер бесчестья за оскорбление феодалов — бояр, окольничих, думных дворян и других людей, находившихся на государственной службе, равнялся годовому окладу их денежного жалованья, которое у высших разрядов служилых людей достигало нескольких сотен рублей. Крестьяне — дворцовые, черносошные, помещичьи и монастырские — и холопы имели право на взыскание бесчестья в размере одного рубля за оскорбление словом, двух рублей — за оскорбление действием (побои без увечья) и только в случае увечья размер бесчестья поднимался до 10 руб.[2] Оскорбление жены каралось вдвое по сравнению с мужем, дочери — вчетверо по сравнению с отцом[3].

* * *

В уголовном законодательстве XVII в. различаются понятия умысла, неосторожности и случайности. Развитие этих понятий свидетельствует о прогрессе юридического мышления.

Так, Уложение предусматривает за умышленное убийство смертную казнь. Но если убийство было совершено «не умышлением», а «пьяным делом» или по неосторожности, то наказание снижается: убийцу бьют кнутом и выдают на поруки[4].

Уложение знает и полное освобождение от наказания в случае, если преступление было совершено случайно[5].

Не применялось наказание в случае, если деяние было совершено в состоянии необходимой обороны.

Смягчалось также наказание несовершеннолетним преступникам и лицам, имевшим физические недостатки (глухим, немым и т. д.).

Уголовная ответственность распространяется в XVII в. на всех, в том числе и на холопов. Владельцам предписывалось представлять своих людей, совершивших преступления, в приказы и губные избы[6]. В дей-

[1] «Уложение 1649 г.», гл. XXII, ст. 11—12.
[2] Там же, гл. X, ст. 83 и 94.
[3] Там же, ст. 99.
[4] Там же, гл. XXI, ст. 72—73.
[5] Там же, гл. XXII, ст. 18 и 20.
[6] Там же, гл. XXI, ст. 79 и др.

ствительности, однако, карательная власть феодалов над населением их поместий и вотчин часто выходила за пределы, установленные законом.

В Уложении 1649 г. различаются главное преступление и пособничество, разнообразные виды помощи при совершении преступления. Таковы «подвод» — указание места и удобного момента преступления, «стан», т. е. содержание постоянных притонов для преступников, и др. За все эти виды соучастия предусматривалось то же наказание, что и самому преступнику[1].

Уголовные законы в XVII в. уделяли большое внимание повторению преступления — рецидиву. В законодательных памятниках этого времени предписывалось «ведомых лихих людей», т. е. профессиональных преступников, которые многократно совершали преступления, казнить смертью без пощады. Первый же разбой, особенно без убийства, наказывался гораздо легче. Точно так же усиливалось наказание за повторную «татьбу» (кражу). За третью кражу полагалась смертная казнь[2].

* * *

Характерной особенностью юстиции XVII в. было то, что органы государственной власти и управления обычно ведали одновременно и судом.

В XVII в. существовали государственные центральные и местные органы, ведавшие судом, а также церковный суд и вотчинный (сеньориальный) суд.

Главой государственной системы судебных органов являлся царь. Царь выступал главным образом, как верховный судья, как высшая ревизионная инстанция, как законодатель, который восполняет пробелы в законодательстве или дает аутентичное толкование действующего права[3].

Следующим после царя высшим судебным органом была Боярская дума. Уложение 1649 г. предписывает дела, которые «не мощно вершити в приказех», «взносити из приказов в доклад к государю... и к его государевым бояром и окольничим и думным людем»[4]. Приговоры бояр служат источником права для нижестоящих судов, причем иногда на некоторых приговорах встречается прибавление: «да и впредь бояре приговорили». Кроме того, Дума являлась иногда и судом первой инстанции по важнейшим делам. В Уложении указано, что дела по должностным преступлениям бояр, окольничих, дьяков-судей решались в Боярской думе[5]. Она также рассматривала дела политические и местнические.

Центральными учреждениями, в которых решалась основная масса судебных дел, были приказы, о деятельности которых рассказано выше[6].

Судьи обязывались «судити и росправа делати по государеву указу вправду, а своим вымыслом в судных делех по дружбе и по недружбе

---

1 «Уложение 1649 г.», гл. XXI, ст. 63.
2 Там же, ст. 9—12.
3 Там же, гл. X, ст. 1—2, 10, 20.
4 Там же, ст. 2.
5 Там же, ст. 7 и 10.
6 См. § 4 настоящей главы.

ничего не прибавливати, ни убавливати, и ни в чем другу не дружити, а недругу не мстити, и никому ни в чем ни для чего не норовити, делати всякие государевы дела, не стыдяся лица сильных и избавляти обидящаго от руки неправедного»[1].

В общем приказы могут быть охарактеризованы как учреждения бюрократические. Судьи назначались верховной властью, были ей безусловно подчинены, суд был закрытый, отличался самовластием приказных бюрократов, державших в своих руках судьбу «людишек». Усиление и развитие приказной системы связаны с развитием абсолютизма, с усилением диктатуры феодалов-крепостников.

Судебная власть на местах с начала XVII в. сосредоточивалась в руках воевод. Воеводы как судьи различались по объему своих судебных полномочий. Одни воеводы могли решать на месте уголовные дела, другие по более важным делам должны были входить с «докладом». в приказ, в Москву. По делам политическим воеводы, как правило, докладывали в Москву царю и просили царского указа[2].

На вотчинных и поместных землях широкими судебными правами над крепостными крестьянами обладали вотчинники и помещики или их приказчики[3]. В вотчинной юстиции царил произвол. Население дворцовых земель, патриарших, монастырских также судилось у приказчиков.

На черносошных землях, где помещиков и вотчинников почти не было, выборные органы местного управления ведали одновременно и судом.

Земские судьи разбирали дела о спорных земельных владениях, о взыскании денег с должников, о злоупотреблениях мирских должностных лиц, мелкие гражданские и уголовные дела, за исключением «разбойных, татиных, пожегных» и иных тяжких уголовных дел, которые были подсудны государственным судебным органам.

В XVII в. оформилась особая система церковных судебных органов. Верховным церковным судьей был патриарх, который судил со своими боярами на Патриаршем дворе[4]. При патриархе было два патриарших приказа: Разряд и Приказ церковных дел. Местными органами церковного суда являлись архиереи. Спорные дела из Патриаршего двора передавались на решение царю и Боярской думе.

Церковному суду, помимо дел о преступлениях духовных лиц, были подсудны также дела всех подданных по обвинению в преступлениях против нравственности, дела о разводах. Церковный суд также свидетельствовал духовные завещания.

* * *

С обострением классовых противоречий, с усилением диктатуры феодалов-крепостников развивается новая форма судебного процесса — ро-

[1] «Уложение 1649 г.», гл. X, ст. 1.

[2] *Н. Я. Новомбергский.* «Слово и дело государевы», т. I.—«Записки Моск. археолог. ин-та», т. XIV, М., 1911, д. 322, стр. 580; см. также § 5 настоящей главы.

[3] См. главу I, § 6 настоящего издания.

[4] «Уложение 1649 г.», гл. XII, ст. 1

зыск, сыск. Старая форма судебного процесса, которая строилась на активности сторон, обладавших сравнительно широкими правами, уже не могла удовлетворить господствующий класс. Для подавления эксплуатируемых масс, сопротивлявшихся все усиливавшемуся закрепощению и гнету, нужен был такой суд, который быстро и беспощадно расправлялся бы с малейшим проявлением недовольства. Именно такой формой судебного процесса был розыскной, или инквизиционный, процесс. «Инквизиционный судебный процесс явился одной из форм, одним из методов централизации государственной власти», — писал А. Я. Вышинский [1].

Розыскной процесс зародился в XVI в. О нем говорит уже Судебник 1550 г.

В XVII в. в порядке розыскного процесса разбирались наиболее важные дела, как уголовные, так и гражданские, в которых было особо заинтересовано феодальное государство. Менее важные дела, не затрагивавшие непосредственно интересы господствующего класса, разбирались в старом судебном порядке. Таким образом, в XVII в. существовали параллельно две формы судебного процесса.

В розыскном процессе заинтересованной стороной выступает государство. Поэтому судья в розыскном процессе уже не только судил, т. е. выносил решение на основании материалов, представленных сторонами, но он сам, как представитель государства, обязан был допрашивать стороны, добиваться признания у подозреваемых, пытать их.

В розыскном порядке разбирались дела политические — «Слова и дела государевы», дела разбойные, татиные, о поджоге, дела по обвинению в преступлениях против церкви, а также споры о поместьях, сыск и возвращение беглых крестьян, холопов, земельные споры.

Начинался розыскной процесс большей частью по инициативе государственных органов.

Прекращение дела примирением сторон не допускалось [2]. Сам воевода или судья приказа, узнав о преступлении, тотчас же «брал», т. е. арестовывал, подозреваемого и свидетелей [3].

Судебные органы узнавали про всякие «разбойные» и иные тяжкие преступления по «язычной молке», т. е. по доносу или по оговору со стороны подвергнутого пытке какого-либо преступника. Политические дела, как правило, начинались по доносу («извету») [4]. При этом немедленно арестовывались не только подозреваемые, но часто и сами «изветчики». Так, грамотой от 23 июня 1625 г. курмышские воеводы Сукин и Чубаров доносили царю Михаилу Федоровичу, что пришел к ним Никифор Шестовский

---

[1] *А. Я. Вышинский.* Теория судебных доказательств в советском праве. М., 1950, стр. 74.

[2] «Уложение 1649 г.», гл. XXI, ст. 31.

[3] *Н. Я. Новомбергский.* Указ. соч., т. I, д. 201, стр. 353.

[4] *Г. Г. Тельберг.* Извет в государевом деле.— «Юридические записки», 1911, № 11, стр. 689; *его же.* Политический суд в Московском государстве XVII в.— «Вопросы права», кн. VII (3), 1911, стр. 87.

и говорил «государево слово» на Федора Дубенского. «И мы, холопы твои, разспрося его, Микифора... велели Федора Дубенского и его, Микифора, дать за пристава»[1], т. е. обоих посадить в тюрьму до решения дела. Возбуждалось также дело при поимке с поличным. Наконец, возбуждалось дело при «облиховании», т. е. если при повальном обыске большинство «обыскных» людей назовет кого-нибудь «ведомым лихим человеком», такого «ведомого лихого человека» арестовывали и подвергали пытке.

Среди доказательств в розыскном процессе важнейшую роль играло собственное признание обвиняемого. Это признание судья вымогал при помощи пытки, «являвшейся универсальным способом ведения предварительного следствия»[2]. Пытка разделялась по степени жестокости. Самой распространенной пыткой была «дыба». Человека подвешивали за руки и давали ему по обнаженному телу то или иное количество ударов плетью. Следующей по степени жестокости была пытка огнем. Естественно, что, испытывая такие жестокие мучения, люди «сознавались» в чем угодно. Пытали не только обвиняемых, но и свидетелей[3].

Большое значение как доказательству придавалось очной ставке[4]. Укоренилось мнение, что «без очной ставки судить — это значит без суда судить»[5].

Следующим видом доказательства в инквизиционном процессе был повальный обыск. Повальный обыск — это массовый опрос всех жителей данной округи о каком-либо человеке или событии. Правильными признавались те показания, за которые высказывалось большинство.

Существовало убеждение, что повальный обыск не слишком надежное средство доказательства.

В 1640 г. служилый человек предъявил иск в холопстве к одному бобылю и, не имея других доказательств, ссылался на повальный обыск. В связи с этим в Холопьем приказе был разыскан указ от 6 сентября 1640 г. следующего содержания: «Класть на старину явки[6] или иные крепости, а будет никакие крепости не положат, а станут слатца в обыск, и тем людем обысков не давать, потому что в обысках солжут»[7]. Уложение 1649 г. в отмену этого указа разрешает прибегать к повальному обыску в случаях исков о старинном холопстве[8].

Значение повального обыска как доказательства на протяжении XVII в. снижается. Показания «обыскных людей» из показаний, решающих судьбу дела, превращаются в обычные свидетельские показания.

---

[1] *Н. Я. Новомбергский.* Указ. соч., т. I, д. 173, стр. 315.

[2] *А. Я. Вышинский.* Указ. соч., стр. 78.

[3] *Н. Я. Новомбергский.* Указ. соч., т. I, д. 201, стр. 352—354.

[4] «Уложение 1649 г.», гл. X, ст. 7.

[5] *Г. Г. Тельберг.* Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII в., М., 1912, стр. 195.

[6] Явка — в данном случае заявление о побеге холопа.

[7] ЦГАДА. Столбцы Приказного стола, № 260, лл. 151—152.

[8] «Уложение 1649 г.», гл. XX, ст. 29.

* * *

Менее важные дела разбирались в порядке так называемого «обвинительного» процесса или суда (как называют эту форму процесса источники). Эта форма процесса характерна тем, что главная роль в суде принадлежала сторонам. Суд начинался только по заявлению истца-обвинителя, без обвинителя нет процесса. Отсюда и название этой формы судебного процесса —«обвинительный». Процесс в любое время мог быть прекращен примирением сторон.

Процесс носил состязательный характер, а суд на основании материалов, представленных сторонами, решал дело, судил. В таком порядке разбирались все дела, не затрагивавшие непосредственно интересов всего класса феодалов, как гражданские (о займах, поклажах и т. д.), так и уголовные (о простой татьбе, о «бое и грабеже», преступления против здоровья, преступления против чести, личности и т. д.). Но постепенно в «обвинительном» судебном процессе появляются элементы розыска, роль судьи активизируется, начинают применяться и очные ставки и повальные обыски. Судебный «обвинительный» процесс часто переходит в розыскной[1].

Обвинительный судебный процесс эволюционировал в сторону розыскного, пока, наконец, при Петре I они не слились окончательно.

Возбуждался судебный процесс по заявлению — «челобитной» истца. В челобитной истец излагал существо спора, свои претензии и местожительство ответчика. Приказ вызывал ответчика в суд.

Явившись на суд, стороны сообщали суду о своей явке в «ставочном челобитье». Явка свидетелей была обязательна, с неявившихся свидетелей взыскивались вся сумма иска, судебные пошлины и убытки[2]. При судоговорении судья давал слово сначала истцу, затем ответчику, потом снова истцу и т. д. Среди доказательств в обвинительном судебном процессе первое место занимало собственное признание обвиняемого или ответчика. Сознание обвиняемого или ответчика считалось решающим доказательством.

Большое значение имела «общая ссылка», т. е. ссылка обеих сторон на одних и тех же свидетелей. Нельзя было только ссылаться на свидетелей, слышавших о факте, но не видевших его, а также на людей, зависимых от одной из сторон. Общую ссылку можно было опорочить, обвинив свидетеля в подкупе и пристрастии[3].

Применялась также в качестве доказательства «ссылка из виноватых», т. е. ссылка на определенных свидетелей с обязательством подчиниться решению суда, если свидетель покажет против сославшегося[4].

---

[1] «Уложение 1649 г.», гл. X, ст. 135, 142, 156, 157, 161, 251.

[2] *М. Ф. Владимирский-Буданов.* Обзор истории русского права. Пг., 1915, стр. 637.

[3] «Уложение 1649 г.», гл. X, ст. 167, 168, 169—171, 180 и др.

[4] Там же, гл. X, ст. 160, 168. Одним из видов отвода ссылок являлась также ссылка в «послушество». Так, в деле Петра Корсакова и Михаила Борыкова и Матвея Дубенского из-за холопов, слушавшемся в Холопьем приказе с 24 мая 1628 г.

В качестве доказательства допускалось крестное целование, т. е. присяга сторон. Применялась она или по предложению сторон, или по предписанию суда[1]. Несмотря на торжественность принесения присяги, она не считалась вполне достоверным доказательством.

Доказательством в обвинительном судебном процессе становится и обыск, описанный выше.

Уложение разрешало по многим судебным делам ссылаться на повальный обыск и в некоторых случаях даже прямо предписывало судьям производить обыск. В этом выявлялась тенденция к сближению обвинительного процесса с розыскным.

В XVII в. большое, иногда решающее значение приобретают письменные доказательства. Значение официальных документов резко возрастает. По всякого рода сделкам как на деньги и недвижимое имущество, так и на людей требовалась письменная форма договора, «крепость». Всякого рода крепости следовало составлять официальным порядком у площадных подьячих. Крепость подписывалась сторонами, площадным подьячим, писавшим ее, и послухами (свидетелями), обычно тоже площадными подьячими[2]. Такая крепость приобретала законную силу после ее официальной регистрации в соответствующем учреждении[3]. Предъявление суду такого крепостного документа решало дело. Оспаривать крепости можно было, только доказывая их погашение уплатой или давностью, доказывая подложность крепости или насилие при ее заключении[4]. Срок давности по заемным крепостям был установлен в 15 лет[5].

В спорных делах, особенно о крестьянах и холопах, часто случалось, что обе стороны имели письменные крепости на спорных людей. Суд в таких случаях решал дело в пользу той стороны, которая предъявила более раннюю крепость[6].

по 29 декабря 1631 г., истец П. Корсаков ссылался на свидетелей Евдокима Баскакова и Ивана Андреева. Ответчик «слался в послушество, что де от одного города». Когда истец слался на свидетеля Ивана Петрова, ответчик «слался в послушество, тот де с ним одного города и ему друг». Истец слался на иных свидетелей, ответчик «слался в послушество,— тут де испомещены все они, смольняне». Ответчик в свою очередь слался на попа. Истец слался на попа в послушество — «поп де его служивал». Таким образом, можно заключить, что ссылка в послушество — отвод свидетеля по мотивам его дружеских связей или зависимости от противной стороны, одним словом, по мотивам заинтересованности свидетеля в исходе дела (дело опубликовано А. И. Яковлевым в книге «Холопство и холопы в Московском государстве XVII в.», т. I, М.—Л., 1943, стр. 416—417).

[1] *М. Ф. Владимирский-Буданов.* Обзор истории русского права, стр. 638.

[2] «Уложение 1649 г.», гл. X, ст. 246.

[3] «Указная книга Земского приказа», ст. XXIV.— *М. Ф. Владимирский-Буданов.* Хрестоматия по истории русского права, вып. 3, Киев, 1885, стр. 147—148.

[4] «Уложение 1649 г.». гл. X, ст. 251—254.

[5] Там же, ст. 256.

[6] *А. И. Яковлев.* Холопство и холопы в Московском государстве XVII в., стр. 96—97.

Почти все гражданские дела стали делами крепостными, т. е. основанием для решения дела мог быть только соответствующий юридический документ (крепость).

После разбирательства дела суд приступал к вынесению решения, к «вершению» дела. Вершили дело судьи, участвовавшие в его разборе, часто приглашались для совета и иные судьи, почему-либо знакомые с этим делом. Выигравшей стороне судом выдавалась так называемая «правая грамота». Уже разрешенное однажды дело запрещалось пересматривать[1]. Приговор приводился в исполнение самим судом. Кроме самой суммы иска, с виноватого взыскивались судебные пошлины, и если ответчик сидел в приказе под арестом («за приставом»), то еще взимались «проести» (т. е. за содержание в тюрьме) и «пожелезное» (т. е. за охрану в тюрьме).

Судебный процесс XVII в. становится процессом письменным. Бумажное делопроизводство разрастается. Канцелярское, подьяческое засилье, мздоимство, волокита, ябедничество, «кормление от дел», бесправие населения перед лицом всевластных судей — характернейшие черты судебного процесса феодального государства XVII в.

7

ФИНАНСЫ

Со второй половины XVI в. в составе государственного бюджета все более увеличивается денежная часть и уменьшается доля натуральных платежей и личных повинностей. Эти изменения в построении государственных финансов становятся особенно заметными в XVII в. Основным условием этих перемен был общий подъем экономики страны и развитие денежного хозяйства. Некоторое влияние в том же направлении оказывало быстрое распространение частного феодального землевладения за счет дворцовых и особенно черных земель. Частное феодальное землевладение в силу своей привилегированности успешно добивалось освобождения от оброков и натуральных платежей вотчинного происхождения, платило только общегосударственные и местные денежные налоги и несло лишь некоторые местные повинности.

Но в течение всего XVII в. дворянскому правительству не удалось полностью отказаться от натуральных сборов и заменить их денежными платежами. Важнейший из прямых налогов XVII в. — стрелецкий хлеб был переведен в денежную форму только на посадах и у черносошных крестьян. Крепостные крестьяне, жившие на землях светских и духовных феодалов, продолжали вносить стрелецкий хлеб в натуре, за исключением крестьян северных монастырей, на которых распространялся общий порядок взимания этого налога, принятый для всего Поморья.

---

[1] «Уложение 1649 г.», гл. XV, ст. 4.

Сохранилась и «государева десятинная пашня» для служилых людей южной границы и служилого и крестьянского населения Сибири, по существу государственная барщина для определенных категорий трудового населения. Даже при отказе от десятинной пашни в некоторых уездах Сибири с крестьян собирали «выдельный хлеб», натуральный хлебный оброк.

Хлебный рынок страны был еще не настолько широк, чтобы можно было полностью отказаться от натуральных сборов.

В XVII в. феодальное государство, умело используя изменявшуюся экономическую обстановку и беспощадно эксплуатируя массу тяглого населения, получает бо́льшую возможность удовлетворять свои растущие нужды (содержание огромного по тем временам войска, государственного аппарата и т. д.). Развивавшееся товарное производство было полностью поставлено на службу феодальному государству. Государственные финансы в течение XVII в. увеличились в несколько раз.

* * *

Доходы казны поступали из трех основных источников: налоги — прямые и косвенные, доходы казны от перечеканки монеты и казенная промышленность и торговля. Прямые налоги с тяглого населения занимали среди них основное место.

Среди прямых налогов и сборов, существовавших в XVII в., многие возникли в более раннее время, а некоторые — в период феодальной раздробленности. Наиболее старинным прямым налогом являлась дань, которая когда-то собиралась князьями в свою пользу. В период владычества монголов была специальная дань, платимая завоевателям. От эпохи монгольского владычества сохранилась довольно обременительная повинность— ямская, которая, будучи первоначально натуральной, превратилась затем в денежную, в так называемые ямские деньги. Кроме того, был ряд натуральных повинностей как в пользу князя, так и назначенных им администраторов — наместников и волостелей. Существовали специальные повинности, связанные и с обороной страны, из них главные — городовое и ямчужное дело, т. е. постройка укреплений и изготовление пороха. Взимались также пищальные и полоняничные деньги — специальные сборы на приобретение оружия и выкуп пленных. К XVII в. почти все эти повинности были переведены на деньги и по существу объединены под названием «данные и оброчные деньги», или «четвертные доходы», поскольку их сбором ведали финансовые приказы — четверти. Особо сохранились лишь ямские и полоняничные деньги как сборы целевого назначения.

Новое правительство царя Михаила Федоровича получило в наследство от своих предшественников пустую казну и расстройство всей финансовой системы. Бо́льшая часть приказных архивов погибла во время интервенции, и правительство не имело точных сведений о том, сколько должно поступить доходов с того или иного посада или уезда. Да если по неко-

торым городам и были такие сведения, то сбор денег представлял большие трудности, так как платежеспособность населения резко упала. А между тем деньги были нужны в значительном количестве и срочно.

Земский собор, являвшийся фактическим правительством в первые годы правления царя Михаила, принял для пополнения казны ряд мер и общих и чрезвычайных. Прежде всего в большинство городов были разосланы специальные сборщики, чтобы выяснить оклады и собрать все, что можно [1]. Но этого оказалось недостаточно, и правительство встало на путь чрезвычайных мер. Оно ввело особые налоги, получившие название запросных и пятинных денег. Запрос — это призыв к добровольному займу. С таким призывом Земский собор обратился к крупным монастырям, именитым людям Строгановым, к служилым людям. Но не было никаких оснований рассчитывать, что этим путем удастся добыть крупные суммы, и правительство ввело чрезвычайный налог — пятину, сбор, равный $^1/_5$ движимого имущества и доходов налогоплательщика. Этот сбор лег главной своей тяжестью на торговое и посадское население и черносошных крестьян. Первый раз пятина была назначена в апреле 1614 г. и затем повторялась ежегодно по 1619 г. включительно. В течение 1613—1619 гг. было всего семь сборов — один запрос и шесть пятин. Постепенно этот сбор превратился в дополнительный налог, падавший на соху в сумме от 120 до 150 руб.

Средства, полученные в результате этих чрезвычайных сборов, дали возможность правительству разрешить свои финансовые затруднения и путем крайнего напряжения платежных сил населения найти некоторый выход из финансовой разрухи. Впоследствии правительства и царя Михаила и его преемников Алексея и Федора не раз прибегали к этой мере в наиболее острые моменты финансовых затруднений, взималась или пятая, или десятая, или пятнадцатая деньга.

Одновременно со сбором пятины правительство царя Михаила ввело новые обременительные налоги. Прежде всего были значительно повышены ямские деньги. В 1614 г. со всех земель, кроме дворовых и черных, население которых отбывало ямскую гоньбу в натуре, был назначен новый платеж ямских денег. С 1618 г. можно судить о точном размере этих денег. На этот год было назначено по 800 руб. с сохи. В течение XVII в. оклад ямских денег то понижался, то вновь повышался и, наконец, определился к 1643/44 г. в 784 рубля с сохи и в этом размере просуществовал до перехода к подворному обложению в 1679 г.[2]

Вторым тяжелым налогом, введенным в первой четверти XVII в., было назначение сбора хлебных запасов на жалованье служилым людям. Первоначально этот сбор иногда назывался казачьими хлебными запасами, а с 1622 г. — стрелецкими хлебными запасами. В отличие от ямских денег хлебные запасы взимались со всех категорий земель без всякого изъятия.

---

[1] *С. Б. Веселовский.* Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича. М., 1909, стр. 8—9.

[2] *С. Б. Веселовский.* Сошное письмо, т. I, М., 1915, стр. 156—162.

Но оклад их был различен. Первоначальный оклад, назначенный в январе 1614 г., равнялся 100 четвертям хлеба с сохи[1]. Некоторым категориям плательщиков разрешалось платить этот сбор деньгами, другие были обязаны поставлять хлеб в натуре. Поморье с первого же года стало платить деньгами, другие районы, особенно в первое время, вносили натурой, затем допускались денежные платежи и с них. Посады, как правило, платили деньгами, причем сумма денежного платежа не была постоянной, она колебалась в пределах от 11 алтын 4 денег до 2 рублей с полтиной за четверть хлеба[2]. В начале 40-х годов XVII в. оклад стрелецких денег был повышен до 700 юфтей[3] ценой по 32 алтына за юфть, что дает 672 руб. на соху. Этот оклад продержался около 20 лет. В 1663 г. он был удвоен, и на соху легло 1400 юфтей хлеба, который следовало поставлять в натуре. Для посадов в районах служилого землевладения был назначен тот же оклад, но с правом платить деньгами по 2 рубля за юфть, т. е. по 2800 руб. с сохи. Через 10 лет этот оклад на служилых землях был вновь удвоен, а на монастырских почти удвоен. С сохи требовалось 2800 юфтей хлеба на служилых землях и 2506 $^1/_4$ юфти на церковных и монастырских. У посадских людей сохранился старый оклад — 2800 руб. с сохи[4].

Оклады поморских посадов и уездов, плативших за стрелецкий хлеб деньгами, тоже менялись, хотя в целом были ниже. В первые годы введения этой повинности население Поморья платило от 150 до 200 руб. с сохи. В дальнейшем оклад колебался, но незначительно. 60-е годы принесли резкое повышение и поморских окладов. Хлебный оклад был удвоен, доведен до 350 юфтей, повышена и стоимость юфти до 2 рублей 11 алтын 4 денег за юфть, что на соху дает 822 руб. с полтиной. В 70-х годах поморский оклад понизился. Натуральная его форма осталась без изменения —350 юфтей с сохи, но цена юфти была понижена до 2 рублей, что составило на соху 700 руб. В этой сумме деньги за стрелецкие хлебные запасы платились до перехода к подворному обложению[5].

Более низкий оклад стрелецких денег для Поморья объясняется тем, что и без этого сбора на Поморье лежало много платежей. Данные и оброчные деньги с этого края взимались в большем размере, чем с остальных районов. Население Поморья отбывало ямскую повинность в натуре, и, кроме того, восточная половина этого края до последней четверти XVII в. поставляла хлебные запасы (в натуре или деньгами) на жалованье сибирским служилым людям.

---

[1] Московская четверть XVII в. содержала в себе 6 пудов ржи (*Н. В. Устюгов.* Очерк древнерусской метрологии.— «Исторические записки», № 19, стр. 328—331).

[2] В рубле считалось 200 денег, в алтыне 6 денег, отсюда рубль = 33 алтынам 2 деньгам. Рубль XVII в. стоил примерно 17 руб. на деньги начала XX в.

[3] Первое значение слова юфть — пара. Юфть хлеба — четверть ржи и четверть овса (*С. Б. Веселовский.* Сошное письмо, т. I, стр. 169).

[4] *С. Б. Веселовский.* Сошное письмо, т. I, стр. 162--180.

[5] Там же, стр. 180—185, 415—417.

Даже пониженный по сравнению с другими районами оклад стрелецких денег был непосилен для Поморья, и почти никогда его не удавалось собрать полностью. Правительство иногда вынуждено было давать распоряжение либо о сложении недоимок, либо о предоставлении длительной рассрочки для их погашения[1].

Дворцовые волости платили стрелецкие деньги по тому же окладу, что и черные.

Сбор стрелецких денег показывает, каким тяжелым бременем ложились военные расходы государства на плечи населения. Длительные войны с Польшей, Швецией и Турцией имели своим непосредственным следствием повышение окладов этого чисто военного налога.

* * *

Основанием прямого обложения в Русском государстве являлось так называемое «сошное письмо», т. е. перепись населения и его хозяйственных ресурсов с целью обложения налогами. К концу XV в. в основных своих чертах сошное письмо уже сложилось. В основе сошного письма лежала определенная фискальная единица «соха», содержащая в себе то или иное количество четвертей земли. Документы XVI—XVII вв. позволяют говорить о сохе различных размеров. Более ранняя соха, или сошка, содержала в себе в разных местностях от 30 до 300 четвертей земли в поле, или от 90 до 900 четвертей в трех полях. Во второй половине XVI в. появляется более крупная окладная единица — большая московская соха, содержащая в себе 800 четвертей доброй земли в поле. Для земли среднего качества количество четвертей в сохе повышалось до 1000, для худой земли — до 1200. Такой размер соха имела на служилых землях, т. е. на вотчинных и поместных землях боярства и дворянства. На церковных и монастырских землях в сохе считалось 600 четвертей доброй земли, 700 средней и 800 худой. На дворцовых и черных землях, т. е. на землях, заселенных дворцовыми и черносошными (государственными) крестьянами, соха содержала 500 четвертей доброй земли, 600 средней и 700 худой.

В основе различных размеров сохи лежит классовое неравенство, а также здесь отражается борьба внутри класса феодалов. Дворянские земли, т. е. земли правящего класса, имели более легкое обложение. Под давлением дворянства монастырское и церковное землевладение облагалось тяжелее. Наиболее тяжело оказались обложенными дворцовые и черные земли[2].

Хотя при установлении сошного письма исходили прежде всего из расчета определенного количества четвертей земли, сошное обложение никогда не было чисто поземельным. Земледелие не являлось характерным для посада, хотя отдельные посадские люди и занимались сельским хозяйством.

---

[1] *С. Б. Веселовский.* Указ. соч., т. I, стр. 184—185.

[2] Там же, стр. 43, 84—85, 88, 96—97 и др.

Поэтому при описании посадов встречалась так называемая «подворная соха», в которой считалось определенное количество посадских дворов. Такие подворные сохи употреблялись главным образом при определении окладов поморских посадов. В подворной сохе, как и в поземельной, не было единообразия. Например, в Хлынове на посаде в 1628—1629 гг. было положено на соху по 160 посадских дворов без деления этих дворов по их экономической мощности. В Соли Камской на большую соху было положено или 40 дворов лучших людей, или 60 средних, или 80 молодших, или 120 самых молодших[1].

Если население занималось одновременно и сельским хозяйством и торговлей, допускалась комбинированная соха, включавшая в себя и землю и дворы[2]. При установлении сошного оклада писцы обязаны были принимать во внимание качество земли (доброй, средней, худой или «добре худой»), наличие разнообразных угодий (сенных покосов, лесов и пр.), общую бо́льшую или меньшую зажиточность населения, словом, самые различные условия, определявшие тяглоспособность населения. При определении оклада активную роль играли представители местного населения, с показаниями и настояниями которых писцы должны были считаться[3].

Суммы платежей, падавших на соху, отличались большим разнообразием. На соху на частновладельческих дворцовых и черных землях и на посадах приходились различные суммы платежей.

На рубеже XVI—XVII вв. платежи, падавшие на соху, представляются в следующем виде (в средних цифрах): с сохи на частновладельческих землях (вотчинных и поместных) платилось 13 рублей 9 алтын 2 деньги; эта сумма складывалась из 42 алтын 4 денег, платимых за наместничьи кормы, 10 руб. ямских денег и 2 руб. полоняничных денег. Данных и оброчных денег частновладельческие сохи не платили. Частновладельческие крестьяне вместо этого отбывали повинности — денежные и натуральные — в пользу своих владельцев.

В дворцовых волостях и селах на соху приходилось, кроме натуральных взносов хлебом, переводимых иногда на деньги, от 33 до 70 руб.

На черных землях на соху приходилось от 48 до 200 руб. В состав этих повинностей входили так называемые четвертные доходы (дань, замена наместничьего корма, городового дела и пр.). Ямских денег черные волости не платили, так как они отбывали ямскую повинность в натуре. Столь резкая разница в платежах между отдельными черносошными уездами объясняется наличием специальных повинностей, лежавших на отдельных уездах: поставка хлебных запасов на жалованье сибирским служилым людям, тяжелая сибирская ямская гоньба и др.

---

[1] *С. Б. Веселовский.* Указ. соч., т. I, стр. 153; т. II, М., 1916, стр. 647—652.

[2] *А. М. Гневушев.* Акты времени правления царя Василия Шуйского. М., 1914, стр. 308.

[3] *С. Б. Веселовский.* Указ. соч., т. I, стр. 22; т. II, стр. 87, 90, 92—93, 109, 368—369, 381 и др.

На посадские сохи в районах частного землевладения приходилось от 30 до 58 руб. Размер платежа с посадских сох в районах черных земель совпадал, как правило, с уездным, за некоторыми отдельными исключениями[1].

Оклады монастырских и церковных земель совпадали либо с частновладельческими, либо с черными в зависимости от района землевладения.

Из приведенных данных очевидно, что наиболее тяжелым являлось обложение прямыми налогами черных земель и посадов, в уездах которых не было частного феодального землевладения.

Кроме того, были оброчные угодья, с которых взимался оброк в индивидуальном порядке: соляные варницы, кузницы, мельницы, солодовни, рыбные ловли, лавки и т. п. Иногда индивидуальным оброком облагались и сельскохозяйственные угодья — пашни и сенные покосы. В посадах и уездах, где были развиты торги и промыслы, эти индивидуальные оброчные сборы превышали, и порой очень значительно, те оклады данных и оброчных денег, какие платились по сошному письму[2].

* * *

Введение чрезвычайных сборов и новых налогов и разорение значительной части населения побудило правительство царя Михаила принять меры к приведению прямого обложения в некоторое соответствие с платежными силами населения. Много тяглецов погибло, другие разошлись со своих старых мест, особенно в центре и южных и западных районах. Писцовые книги, составленные в конце XVI в., не могли служить надежным основанием для обложения налогами. Население настойчиво требовало дозора, т. е. проверки тяжести обложения. В ряд уездов правительство послало дозорщиков и на основе дозорных книг, составленных ими, внесло поправки в сошные оклады.

Однако дозоры, как мера экстренная и далеко не охватывавшая всей территории, не могли решить вопроса. На очередь встала задача проведения нового общего писцового описания, которое было осуществлено в 20-х годах XVII в.

Правительство посылало в уезды специальных лиц — писцов с довольно широкими полномочиями. Писцы, обычно дворянин и подьячий, получали наказ, где подробно излагались их задачи. В писцовые книги заносились все населенные пункты того уезда, который подвергался описанию. В каждом населенном пункте перечислялись все дворы — жилые и пустые — с указанием их владельцев, ответственных за отбывание тягла, измерялись и описывались земли и другие угодья. Отдельно заносились лавки, кузницы, соляные варницы, солодовни, кожевные избы (заводы),

---

[1] *С. Б. Веселовский.* Указ. соч., т. I, стр. 102—155.

[2] ЦГАДА. Городовые книги по Новгороду Великому, № 16, ч. 2, лл. 905—905 об., 913 об.; Городовые книги по Соли Камской, № 2, лл. 3—5.

мельницы и т. д. и указывалось, сколько каждое из таких предприятий должно платить оброка.

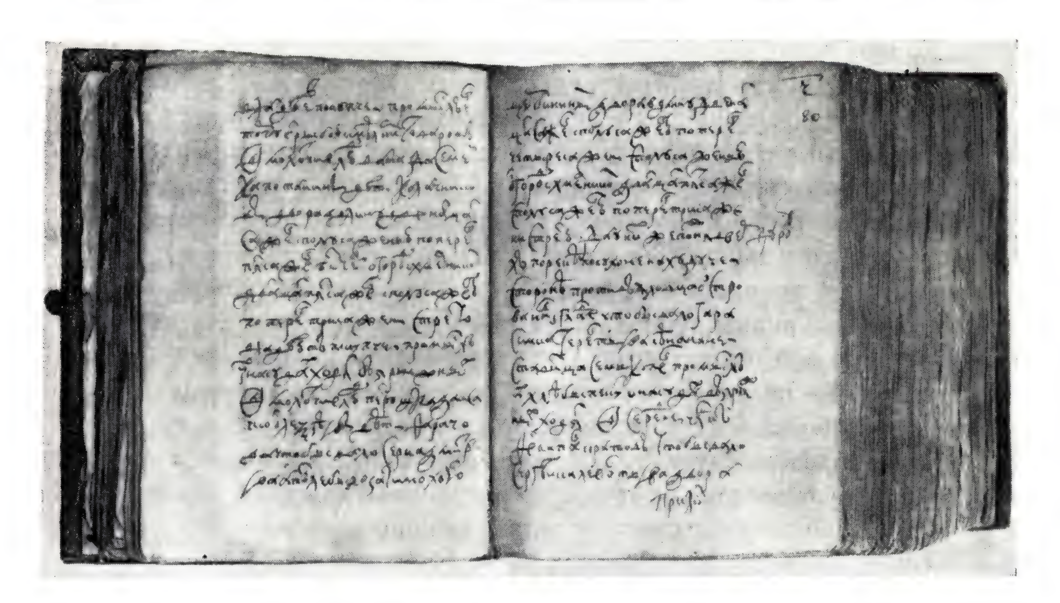
По посаду и по каждой из волостей уезда подводился итог. В конце книги давался общий итог по посаду и его уезду, и определялся сошный оклад, т. е. указывались количество сох, размер обложения на соху и общая сумма налога на основании принципов, означенных выше[1].

Иногда, если хозяйственные условия изменялись и налог становился непосильным, население било челом об отдельном дозоре, т. е. о местной проверке посильности обложения. По существу деятельность дозорщиков, посылаемых для этой цели, не должна была отличаться от деятельности писцов. Результатом их работы являлось новое описание, которое в таком случае получало название «дозорных книг». Многие из дозорных книг составлялись слишком поспешно, и выводы их не считались достоверными и сколько-нибудь надежными.

Непосредственным следствием нового общего описания 20-х годов XVII в. явилось значительное уменьшение сошных окладов. Правда, сошные оклады поморских посадов и уездов почти не изменились, но зато значительно уменьшились оклады с посадов и уездов в районах частного землевладения. Это уменьшение было настолько велико, что иногда новые оклады сошного письма с мелких владений было невозможно выразить в общеупотребительных дробях сошного письма (не ниже $^1/_{32}$ сохи).

Правительство было вынуждено в 30-х годах ввести одну существенную поправку к сошному письму, облегчавшую расчеты между отдельными плательщиками. Оно ввело так называемую «живущую или дворовую» четверть, включавшую в себя определенное количество крестьянских и бобыльских дворов. Живущая четверть — это четверть пашни — $^1/_{800}$ часть сохи на землях светских феодалов и $^1/_{600}$ часть на церковных и монастырских землях. Живущая четверть, введенная в районах служилого землевладения, затронула и посады, но только те, в уездах которых было частное землевладение. Черных земель и посадов, расположенных среди них, она не коснулась. Количество дворов в живущей четверти колебалось в зависимости от местных условий и характера землевладения — светского или церковного и монастырского. Со временем это разнообразие свелось к двум видам по каждой из групп землевладения. На поместных и вотчинных землях светских землевладельцев в живущей четверти считалось или по 8 дворов крестьянских и по 4 бобыльских, или по 12 дворов крестьянских и по 8 бобыльских. На церковных и монастырских землях — или по 6 дворов крестьянских и по 3 бобыльских, или по

[1] Для облегчения работы писцов им давалась копия предшествующего описания, чтобы они могли судить об изменениях, которые произошли в хозяйственной жизни края между двумя описаниями. Такие копии назывались «приправочными книгами». Кроме того, писцы имели на руках «Книги сошного письма»— практические руководства для проведения описания. Закончив описание, писцы выдавали населению посада и каждой из волостей так называемые «сотные выписи» или «сотные», которые представляли собой копию с описания данной волости или посада.

Писцовая книга г. Тотьмы, 1625 г.
Центральный государственный архив древних актов

9 дворов крестьянских и по 6 бобыльских. При этом один крестьянский двор приравнивался к двум бобыльским. Правительство, определив количество крестьянских и бобыльских дворов в живущей (или дворовой) четверти, упростило расчеты, необходимые при установлении сошных окладов с частных владений. Следовательно, введение живущей четверти означало не переход к подворному обложению, не отмену сошного письма как основания обложения, а внесение в него необходимой поправки, облегчавшей его применение [1].

Вместе с тем введение такой поправки давало частновладельческим землям огромное преимущество перед черными землями. С четверти пашни, т. е. с полудесятины, черносошный крестьянин должен был платить столько же, сколько феодал платил с 7—10 крестьянских дворов. При дальнейшем повышении окладов стрелецкого хлеба эта разница в платежах несколько сгладилась, но привилегированное положение частновладельческих земель сохранилось [2]. Разумеется, облегчение в повинностях получал не крепостной крестьянин, а землевладелец. Отбывая более легкие повинности в пользу государства, крепостной крестьянин был переобременен повинностями в пользу землевладельца-феодала.

---

[1] *С. Б. Веселовский.* Указ. соч., т. I, стр. 5—14; т. II, стр. 481—524. Некоторые исследователи ошибочно рассматривали живущую четверть как начало перехода к подворному обложению. См. *А. С. Лаппо-Данилевский.* Организация прямого обложения в Московском государстве со времен смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890, стр. 243—261.

[2] *П. Н. Милюков.* Спорные вопросы финансовой истории Московского государства. СПб., 1892, стр. 119.

Описание 20-х годов XVII в. дало новые сошные оклады, правительство получило возможность строить государственный бюджет на более надежной основе. Правда, население постоянно жаловалось на тяжесть того оклада, какой положили писцы 20-х годов, и в отдельных случаях правительство было вынуждено уменьшать эти оклады. Но в общем и целом правительство пользовалось этими окладами в течение 50 лет, до перехода к подворному обложению в конце 70-х годов XVII в. Сложность и громоздкость сошного письма являлись большим недостатком сошной системы обложения, но они искупались одним крупным ее достоинством в глазах правительства: круговой ответственностью за отбывание повинностей больших тяглых групп — посадов и волостей. Эта особенность системы сошного обложения сообщала ему эластичность, т. е. возможность повышения налогов в необходимых случаях. Круговая порука тяглых миров избавляла правительство от заботы о частой и регулярной проверке действительной тяглоспособности населения и открывала для него возможность повышать налоги, не всегда задумываясь об их выполнимости. В Поморье сошное письмо было для правительства механизмом для выкачивания средств из населения, обычно превышавших его силы. Такая система обложения была возможна лишь в условиях феодальных порядков, когда население было закрепощено и несвободно в своей деятельности.

Однако указанная выгодная для феодального правительства особенность сошного обложения быстро утрачивалась в связи, в частности, с огромным ростом феодального землевладения. На землях феодальных владельцев, полагавшихся в отдельную «кость» (оклад), круговая порука и мирская раскладка не могли существовать, так как ответственность за исправную уплату государственных налогов нес владелец. Для феодалов важнее было более быстрое и дешевое установление налогового оклада, чем сложная система составления писцовых книг. Вот почему прежде всего в интересах феодальных владельцев и была введена описанная выше «дворовая четь», устанавливавшая более объективный признак (число крестьянских и бобыльских дворов) для определения размера налогов.

В силу этих обстоятельств на землях дворянства сошное письмо начало разрушаться уже в первой четверти XVII в., а на черных и дворцовых оно удерживалось до последней четверти столетия [1].

* * *

Переход к подворному обложению подготовлялся постепенно. Первым подворным сбором в XVII в. был «подымный сбор» 1638—1639 гг. Подворное обложение, которое с тех пор стало практиковаться, не исключало посошного. Все старые подати собирались посошно. Новые, экстренные, военные — подворно.

---

[1] *С. Б. Веселовский.* Указ. соч., т. I, стр. 32—34.

В 1646 г. правительство предприняло новую общую перепись населения. Поскольку позволяют судить сохранившиеся наказы переписчикам, эта перепись не имела никакого отношения к изменению единицы обложения. Перепись 1646 г. явилась ответом правительства на многочисленные челобитья служилых людей, жаловавшихся на крестьянские побеги и требовавших отмены урочных лет для сыска беглых и отдачи им крестьян по писцовым книгам и по выписям. Правительство решило обновить сведения о количестве населения и их отношении к частным владельцам, рассчитывая, что по новым книгам крестьяне будут крепки и без отмены урочных лет. По приемам описания и по характеру содержащихся в них сведений переписные книги, составленные в 1646 г., отличаются от старых писцовых книг. Если писцовые книги давали сведения о количестве тяглецов и их имуществе (дворах, землях, угодьях, промысловых и торговых предприятиях), то в переписных книгах сведения о земле отсутствуют, а о промыслах и угодьях встречаются, но они имеют далеко не полный и случайный характер. Зато материалы о населении даны очень подробно. В переписные книги занесены не только тяглецы, но и все мужское население вне зависимости от его возраста и отношения к тяглу, причем для детей моложе 15 лет указывается возраст. Переписные книги должны были явиться основанием крепости, поэтому в них заносились и все беглые, покинувшие свои дворы в течение 10 лет, предшествующих переписи, поскольку в то время действовал указ о десятилетнем сроке сыска беглых.

Составление переписных книг не преследовало, таким образом, фискальных целей. Вопрос об изменении единицы обложения в это время не поднимался. Тем не менее правительство стало пользоваться переписными книгами 1646 г. как основанием для подворного обложения некоторыми прямыми и чрезвычайными налогами[1].

После увеличения оклада стрелецкого хлеба и денег в 70-х годах правительство, не отказываясь в принципе от сошного письма, намеревалось произвести новое описание. В марте 1677 г. состоялся царский указ о посылке во все города валовых писцов. Вместе с тем правительство решило обновить сведения переписных книг 1646 г. В 1678 г., еще до посылки валовых писцов, во все города были посланы переписчики с наказами, не содержавшими никаких принципиальных отличий от наказов 1646 г.

Составление новых переписных книг давало возможность привлечь к несению повинностей более широкий круг плательщиков, так как деревенская и городская беднота, не владевшая ни землей, ни другими угодьями, подлежащими обложению тяглом по сошному письму, в большинстве случаев имела дворы. В новые переписные книги были включены многочисленные категории сельского населения, владевшие отдельными дворами:

---

[1] *С. Б. Веселовский.* Указ. соч., т. II, стр. 226—231; *К. В. Базилевич.* Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г. М.—Л., 1936, стр. 8.

задворные и деловые люди, половники, сельские ремесленники, монастырские детеныши и др.[1]

В короткий срок переписчики закончили работу, и к осени 1679 г. правительство уже имело в своем распоряжении переписные книги 1678—1679 гг. Свежий материал, полученный в результате новой переписи, позволил уточнить сведения о количестве тяглецов; переписные книги давали возможность привести оклады налогов в соответствие с количеством тяглого населения, и правительство царя Федора Алексеевича осуществило налоговую реформу. Правда, правительство и после составления новых переписных книг не оставляло мысли о сохранении сошного обложения, однако последнее само собой отмирало, и новое всеобщее описание осуществлено не было.

Сущность реформы сводилась к следующему: по указу от 5 сентября 1679 г. важнейшие из прямых налогов — стрелецкие деньги, данные и оброчные, полоняничные и все мелкие сборы были объединены в единый налог — стрелецкую подать, или стрелецкие деньги, которые следовало отныне сбирать не по сошному окладу, а с дворового числа, т. е. с количества дворов. Окладной единицей становился двор. Но старый принцип разверстки платежей между отдельными плательщиками — «по животом и по промыслом» был сохранен. Дворовое число применялось только при определении общего оклада стрелецких денег, падавших на тот или иной посад или уезд. Следовательно, выгодный для правительства принцип коллективной ответственности и мирской раскладки налогов сохранялся. Мирная раскладка повинностей была выгодна не только для правительства, но и для налогоплательщиков, так как при всех злоупотреблениях, которыми она часто сопровождалась, она давала возможность более равномерно распределять повинности между отдельными плательщиками. Вот почему посадские и волостные миры всегда боролись за сохранение мирской раскладки повинностей[2]. Оброк, взимаемый с отдельных угодий, находящихся в индивидуальном пользовании, был сохранен без изменения и не вошел в состав стрелецких денег.

Официально налоговая реформа мотивировалась желанием облегчить положение налогоплательщиков, добиться посильности тягла, так как стрелецкие деньги по старым окладам платились с большой недоимкой. При введении новых окладов старые недоимки было решено не взыскивать, и оклад в целом был понижен. Но неравномерность взимания стрелецких денег, существовавшая по старым окладам, была сохранена и при новых. Ставки стрелецких денег, падавших на двор как окладную единицу, были различны — рубль, полтора и выше.

Новый налог, несмотря на понижение общей суммы оклада, все же продолжал оставаться непосильным, и в первые два года накопилась большая

---

[1] См. главу 1, § 6 настоящего издания.

[2] *Н. В. Устюгов*. К вопросу о раскладке повинностей по дворовому числу в конце XVII в.— Сб. «Академику Б. Д. Грекову ко дню 70-летия», М., 1952, стр. 228—231.

недоимка. Это заставило правительство заняться общим пересмотром оклада стрелецких денег. По царскому указу от 5 сентября 1681 г. велено было гостям пересмотреть оклад стрелецких денег 1679 г., учесть жалобы налогоплательщиков и понизить оклад. Общая сумма стрелецких денег по окладу 1679 г. определялась в 152 657 руб. 30 алтын 4,5 деньги в год. По подсчетам Стрелецкого приказа, на жалованье стрелецкому войску ежегодно требовалось 107 227 руб. При пересмотре оклада стрелецких денег его общая сумма была понижена. При распределении этой суммы все города с их уездами были разделены на 10 разрядов по ставкам стрелецких денег, падавших на один двор. Эти ставки колебались от 2 руб. до 26 алтын 4 денег (80 коп.) с двора. Бо́льшая часть городов была отнесена к низшим разрядам со ставками от 1 руб. до 80 коп. (78 городов). К первым семи разрядам со ставкой от 2 руб. до 1 руб. 10 коп. было отнесено 43 города. В двух первых разрядах было только по одному городу: ярославцы были обязаны платить по 2 руб. и вологжане — по 1 руб. 70 коп. с двора. Наиболее крупные торговые центры получили самую высокую ставку налога[1].

Эти новые оклады оказались устойчивыми и удержались до первой четверти XVIII в. Правда, и они часто платились с недоимками, но правительство теперь уже не занималось пересмотром оклада, а принимало более крутые меры к взысканию недоимок. Не доверяя местным воеводам, оно рассылало по городам подьячих московских приказов с поручением «доправить» деньги при себе и лично привезти их в Москву. Недоимки достигали иногда крупных размеров. Летом 1688 г. было установлено, что недоимка по городам Новгородского, Владимирского, Галицкого и Устюжского приказов за 1687/88 г. достигает солидной цифры 27 798 руб. 32 алтына 2,5 деньги, т. е. около 25% общего оклада[2].

Введение новой окладной единицы — дворового числа должно было коснуться не только денежных платежей, но и натуральных сборов стрелецкого хлеба, взимавшегося с частновладельческих вотчин и поместий. До 1679 г. стрелецкий хлеб взимался, как указано выше, по 2800 юфтей хлеба с сохи или по 3,5 юфти с живущей четверти на землях светских владельцев и 2506,25 юфтей хлеба с сохи или 4 юфти с живущей четверти на землях церковных и монастырских. В 1679 г. сбор стрелецкого хлеба был также переведен на дворовое число: было указано взимать по полтора четверика ржи и по стольку же овса с крестьянского двора на землях светских владельцев и по два с половиной четверика каждого хлеба с двора на монастырских и церковных землях.

В 1688 г. правительство провело новые оклады стрелецкого хлеба по два с половиной четверика с двора на землях светских владельцев и по три с половиной четверика на землях церковных и монастырских, что привело к общему повышению оклада.

---

[1] ААЭ, т. IV, № 250, стр. 345—351.
[2] ЦГАДА. Приказные дела старых лет, 1687 г., д. 225, лл. 121—125.

Вот почему служилые люди неоднократно били челом о том, чтобы стрелецкий хлеб собирался по сошному окладу и не переводился на дворовое число[1].

* * *

Значительную часть бюджета Русского государства в XVII в. составляли косвенные налоги, среди них главными были таможенные пошлины и кабацкие доходы.

В отличие от более поздней эпохи, когда косвенные налоги считались неокладными сборами, русское правительство XVII в. признавало эти доходы тоже окладными. Сбор текущего года являлся окладом для следующего. В случае резких колебаний в суммах таможенной пошлины и кабацкой прибыли за отдельные годы правительство рекомендовало собирать эти доходы «против большего года», т. е. останавливалось на наибольшей сумме сборов за ряд лет и назначало ее в качестве оклада на очередной год.

В организации сбора таможенной пошлины и кабацкой прибыли правительство предпочитало систему откупов. Откупщик обязывался уплатить сумму, определенную в качестве оклада для данного города на данный год, и «наддачу», т. е. некоторое повышение оклада по сравнению с предыдущим годом. Процент этого повышения определялся договоренностью сторон, но был невелик. В отдельных случаях он не превышал 1,5%[2].

Но когда откупщиков не находилось, правительство отдавало сбор таможенной пошлины и кабацкой прибыли «на веру», т. е. включало его в разряд служб, отбываемых тяглым населением в пользу государства. В крупных таможнях (например, в Москве, Архангельске), доставлявших значительные суммы таможенной пошлины, эти службы несли члены привилегированных торговых корпораций —гости и гостиной и суконной сотен торговые люди[3]. Таможенные и кабацкие головы выбирались, как правило, из наиболее состоятельных слоев посадского населения и черносошных и дворцовых крестьян. Если голове не удавалось собрать сумму, назначенную по окладу, и представить удовлетворительное объяснение недобора, он был обязан покрыть этот недобор из своих собственных средств.

В помощь голове избиралось несколько целовальников в зависимости от объема работы. Голов и целовальников выбирали на год, в течение которого они были обязаны «безотступно быть у государева дела» и «за своими торгами и промыслами не ходить». По окончании срока службы голова должен был представить отчет в соответствующий приказ в форме таможенных книг и книг сбора кабацкой прибыли.

---

[1] *А. С. Лаппо-Данилевский.* Указ. соч., стр. 402—406; *П. Н. Милюков.* Указ. соч., стр. 92—98.

[2] ЦГАДА. Городовые книги по Новгороду Великому, № 28, лл. 446—447.

[3] *С. Б. Веселовский.* Указ. соч., т. I, стр. 408; ЦГАДА. Приказные дела старых лет, 1678 г., д. 2, лл. 1—7.

Такими чертами рисуется сбор прямых и косвенных налогов в Русском государстве на рубеже первой половины XVII в.

* * *

В начале царствования Алексея Михайловича фактический руководитель правительства, царский воспитатель боярин Б. И. Морозов предпринял попытку упрочения финансов и пополнения государственной казны. Б. И. Морозов рассчитывал отчасти на сокращение денежного жалованья служилым людям и лишение некоторых категорий служилых людей по прибору хлебного, а иногда и денежного жалованья. Эта мера не дала существенного результата, не говоря уже о том, что она вызвала резкое недовольство служилых людей[1].

Лист из таможенной книги Устюга Великого, 1634 г.

Центральный государственный архив древних актов

Более серьезную ставку сделало правительство Б. И. Морозова на усиление роли косвенных доходов в государственном бюджете. В стремлении пополнить государственную казну правительство решило отказаться от некоторых прямых налогов и заменить их косвенным обложением. По царскому указу от 7 февраля 1646 г. вводилась новая высокая пошлина на соль по 2 гривны с пуда, а для астраханской и яицкой соли, которой солили рыбу и икру,— по гривне с пуда[2]. Не сомневаясь в успехе этой пошлины, правительство отменило сбор наиболее обременительных прямых налогов

[1] См. главу II, § 2 настоящего издания.

[2] Гривна = 20 деньгам, или 10 копейкам. В рубле считалось 10 гривен.

XVII в. — стрелецких и ямских денег. Соль нужна всем, и, следовательно, новый налог, по мнению правительства, равномерно ляжет на все население[1]. Реформа была совершенно не продумана, и не были учтены последствия, какие она могла иметь. Фактически соляная пошлина явилась очень обременительным налогом главным образом для беднейших слоев населения. Нелишне сопоставить цены на соль с размером соляной пошлины. Это лучше всего сделать на примере одного из самых крупных русских соляных рынков XVII в. — вологодского.

В Вологде в годы, предшествующие введению новой соляной пошлины (1643—1645 и 1646), средние цены на пуд соли колебались от 23 до 21 деньги.

Новая пошлина в 2 гривны с рубля (40 денег) поднимала цену на соль почти втрое. Действительно, в 1647—1648 гг. средняя цена за пуд соли поднялась до 9 алтын 3 денег, т. е. до 57 денег. По существу новая пошлина превратилась в запретительный налог на соль. Например, Соловецкий монастырь, один из крупнейших поставщиков соли, привозил в Вологду в 40-х годах XVII в. ежегодно около 4 тыс. рогож, общим весом от 130 тыс. до 140 тыс. пудов, и это количество почти полностью продавал. В 1647 г. было привезено 3763 рогожи, но продажа резко пала: удалось продать лишь 68 рогож, общим весом в 2277 пудов. В 1648 г. произошло дальнейшее сокращение привоза и продажи монастырской соли на Вологде. Но зато когда соляная пошлина была отменена, и восстановилась старая цена на соль, кривая соляной продажи резко подскочила вверх. В 1649 г. тот же Соловецкий монастырь продал 146 808 пудов[2].

Никакого пополнения государственной казны соляная пошлина не принесла. Она повлекла за собой лишь отказ от покупки соли и огромный дефицит в государственном бюджете, так как ямские и стрелецкие деньги в период действия указа о соляной пошлине не взимались. Правительству ничего не оставалось, как отменить повышенную пошлину на соль, что и было осуществлено указом 10 декабря 1647 г. Этот указ сопровождался распоряжением взыскать недоимки по всем доходам, в том числе и по ямским и стрелецким деньгам. Все это крайне неудачное мероприятие было одной из ближайших причин посадских восстаний 1648—1650 гг.[3].

* * *

Однако мысль о необходимости реорганизовать систему взимания косвенных налогов не была оставлена, так как она диктовалась экономическим развитием страны. Укрепление рыночных связей и процесс складывания всероссийского рынка настойчиво требовали таможенной реформы.

Старая система взимания таможенных пошлин, унаследованная от пе-

---

[1] *П. П. Смирнов.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в., т. II, М.—Л., 1948, стр. 31—32.

[2] *А. А. Савич.* Соловецкая вотчина XV—XVII вв. Пермь, 1927, стр. 149.

[3] *П. П. Смирнов.* Указ. соч., т. II, стр. 32—33, 39, 40.

риода феодальной раздробленности, была явно нетерпима в централизованном государстве с развитым торговым оборотом. По уставным таможенным грамотам, данным разным городам в период феодальной раздробленности, в XVI и в начале XVII в., существовало много мелких пошлин, встречавшихся на каждом шагу у торгового человека. Кроме основной таможенной пошлины с продаваемого и покупаемого товара, он был обязан платить «отвоз» — особую пошлину с местного товара, отправляемого на рынок другого города; с судов платилось «посаженное», с телег и саней — «мытовое» и «полозовое», с людей, сопровождавших товары и обслуживавших суда,— «головщина». Кроме того, в таможнях при взвешивании товаров и их записи в книги взималось много мелких сборов. Наконец, существовало неравенство в платеже пошлин местными и приезжими торговыми людьми и т. п. Это многообразие и неравномерность взимания таможенных пошлин тормозили развитие торгового оборота и являлись препятствием на пути укрепления торговых связей. Вот почему инициатива унификации таможенных пошлин исходила от торговых людей, наиболее остро ощущавших эти неудобства и стеснения. В августе 1653 г. торговые люди разных городов во главе с именитым человеком Д. И. Строгановым обратились к правительству с челобитной о том, чтобы «на Москве и во всех городех и в пригородках и в уездех пожаловал бы государь, велел имати со всяких наших товаров и со всего бы прямую пошлину — одну рублевую, везде ровну, с продажи, с той цены, по чему... где кто станет продавать, с вещих и не с вещих, с иногородцов и всяких чинов людей; а рознить пошлин во всем государстве, на Москве и во всех городех по прежнему нигде ничего не велел бы государь»[1]. Торговые люди не указывали размера этой пошлины, оставляя его на усмотрение царя.

Ответом на эту челобитную явился Таможенный устав 25 октября 1653 г. По новому уставу все мелкие таможенные сборы отменялись. Вводилась единая рублевая пошлина по 10 денег с рубля (5%), которую платил продавец. Покупатель, прибывший на рынок только с деньгами, являл эти деньги в таможне и платил с них пошлину — 5 денег с рубля (2,5%). Купив на эти деньги товар, он получал у таможенного головы выпись, что товар им куплен на явленные деньги. При продаже этого товара в другом городе он представлял полученную выпись, и тогда рублевая пошлина взималась с него как с продавца, в размере только 5 денег. В целом получалась та же сумма — 10 денег с рубля. Торговый человек, уезжавший из своего города для покупки товаров в уезд, где не было таможен, был обязан явиться перед отъездом к таможенному голове и уплатить рублевую пошлину по 10 денег с рубля. Более высокая ставка рублевой пошлины назначалась лишь с продажи соли. Продавец был обязан платить по гривне с рубля, т. е. по 20 денег (10%)[2], так как в эту сумму входили элементы промыслового налога — пудовой пошлины, отмененной уставом 1653 г.

[1] ААЭ, т. IV, № 64/I, стр. 98.
[2] СГГиД, ч. III, № 158, стр. 490—493.

Казна, отказываясь от множества мелких пошлин, в конечном счете выигрывала от общего усиления торгового оборота и твердо стояла на своей позиции, решительно пресекая попытки возврата к старому[1].

Таможенный устав 1653 г. является самым ярким памятником новой таможенной политики правительства, поскольку дело касалось внутреннего обмена. Изменение и унификация ставок таможенного сбора отражали основное направление правительственной политики в области косвенных налогов. Успехи сельского хозяйства, развитие ремесла и превращение его в мелкое товарное производство, распространение крупной промышленности в форме мануфактуры и оживление торгового обмена, как непосредственное следствие хозяйственного развития страны в целом, требовали от правительства такой таможенной политики, которая содействовала бы дальнейшему развитию торгового оборота, а не была бы препятствием на его пути. Таможенный устав 1653 г. послужил ответом правительства на те хозяйственные сдвиги, какие наметились в стране в середине XVII в., и содействовал дальнейшему развитию торгового оборота.

Вместе с тем в Таможенном уставе 1653 г. есть и элементы покровительственной политики по отношению к русской торговле. Правда, вопросы обложения внешней торговли в Таможенном уставе 1653 г. затронуты недостаточно. Тем не менее иностранцы, направлявшие свои товары из пограничных городов на внутренние рынки Русского государства, должны были платить дополнительную пошлину со своих товаров.

Гораздо отчетливее покровительственная политика русского правительства в области таможенных пошлин сказалась в Новом торговом уставе 22 апреля 1667 г., по которому торговля иностранцев облагалась повышенными пошлинами[2].

Русское правительство осуществляло Новым торговым уставом две важных задачи: усиление притока драгоценных металлов в страну и облегчение русским людям торговой конкуренции с иностранцами путем ослабления иноземной торговли внутри страны. Первая задача разрешалась тем, что таможенные пошлины взимались с иностранцев только иностранной монетой — золотыми и ефимками (серебряными иоахимсталерами). Золотой оценивался в рубль, ефимок — в полтину на русские деньги. Вывоз золотых и ефимков за границу не разрешался, их следовало обменивать на русские деньги. Разрешение второй задачи достигалось повышением таможенной пошлины с иностранцев. Если иноземец торговал своими товарами в Архангельске, он платил обычную пошлину — 10 денег с рубля, которая даже понижалась до 8 денег с товаров, продаваемых не на вес. Но как только он пожелает повезти свои товары внутрь страны, он обязан в Архангельске уплатить таможенную пошлину по гривне, т. е. по 20 денег, с рубля.

[1] ЦГАДА. Приказные дела старых лет, 1655 г., д. 36, лл. 224—225; 1656 г., д. 68, лл. 110—113.

[2] СГГиД, ч. IV, № 55, стр. 189—204; *А. И. Андреев*. Новоторговый устав 1667 г. (К истории его составления).— «Исторические записки», № 13, стр. 303—307.

Внутри страны иноземцам разрешалась только оптовая торговля с русскими людьми, и эта торговля облагалась повышенной пошлиной по 2 алтына, т. е. по 12 денег с рубля, или 6%. Торговать иноземцу с иноземцем иноземными товарами внутри страны вообще запрещалось. Они могли торговать между собой только русскими товарами и только в Архангельске. Тогда их сделки подлежали обычному обложению по 10 денег с рубля.

Привоз некоторых иноземных товаров, в частности вина, был вообще нежелателен для правительства, так как он в известной мере подрывал казенную винную монополию. Поэтому ввоз и торговля вином были обложены наиболее высокой пошлиной. Например, ввозная пошлина с романеи составляла 50% стоимости товара, а с ренского приближалась к 100%. Продажа иноземного вина внутри страны была обложена самой высокой пошлиной — 5 алтын с рубля, т. е. 15%.

Как по Таможенному уставу 1653 г., так и по Новому торговому уставу 1667 г. таможенную пошлину платил только продавец. Следовательно, при покупке иноземцами русских товаров таможенную пошлину платили русские. Но если иноземец желал вывезти русский товар за границу и доставил его с этой целью в Архангельск, то он обязан уплатить проезжую пошлину в размере 4 алтын 2 денег, т. е. 26 денег с рубля, или 13%. Таким образом, Новый торговый устав 1667 г. значительно повышал пошлины с иностранцев, а для некоторых товаров, в частности вина, являлся определенно запретительным тарифом. Обложение товаров русских людей производилось по ставкам Таможенного устава 1653 г. с одним только изменением: если они продавали в Архангельске «невесчие» товары, с них взималась пошлина не 10 денег, а 8. В этом был свой смысл, так как многие из русских товаров, на которые был особый спрос за границей,— меха, холсты, лес, отчасти кожи, продавались как раз не на вес.

Новый торговый устав 1667 г., таким образом, имел целью содействовать вывозу русских товаров за границу и являлся покровительственным тарифом для русской торговли.

* * *

Была сделана попытка внести изменения в систему взимания и другого крупного косвенного налога — питейной прибыли.

По указу от 11 августа 1652 г. было отдано распоряжение ликвидировать кабаки, существовавшие в крупных и мелких населенных пунктах. Вместо них создавались кружечные дворы только в крупных пунктах.

В кружечных дворах вино следовало продавать ведрами, кружками и чарками, причем чарки увеличивались втрое против старого размера. Кружечный двор должен был торговать вином только на вынос. Распивочная торговля прекращалась. Вместе с тем полностью прекращалась или сокращалась торговля вином по воскресным дням и во время постов. Запрещалось

Серебряный перекованный ефимок, XVII в.

Государственный Исторический музей

продавать вино духовенству. Категорически запрещалось отпускать вино в долг, так как это вело к разорению «питухов» и создавало большие затруднения при взимании с них этих долгов.

Сокращение дней торговли и прекращение мелкой и распивочной продажи, несомненно, должно было повлечь за собой сокращение казенной питейной прибыли. Чтобы этого не случилось, правительство назначило повышенную и дифференцированную указную цену для продажи вина (причем особенно повышалась розничная продажа вина при некотором понижении оптовой) и порекомендовало головам кружечных дворов позаботиться об удешевлении себестоимости вина. Оптовая продажа по более низкой цене тоже позволяла рассчитывать на увеличение покупки вина[1].

Этот расчет не оправдался. Реформа, вызывавшаяся не экономическими соображениями, а постоянными челобитьями посадских и волостных миров о необходимости борьбы с распространением пьянства, а также настояниями патриарха Никона, принесла значительное сокращение питейной прибыли. Через 10 лет был восстановлен старый порядок[2].

* * *

Известную часть доходов казна получала от перечеканки монеты. Основным монетным металлом в Русском государстве XVII в. было серебро. Собственной разработки месторождений серебра на Руси не было. Серебро ввозилось из-за границы в иностранной монете и серебряных изделиях. Русские серебряные монеты чеканились из иностранных серебряных монет— иоахимсталеров (название происходит от города Иоахимсталь в Богемии) На Руси эти монеты назывались «ефимками». Ефимки принимались в царскую казну по два на рубль. На фунт серебра шло 14 ефимков, т. е. ефимки принимались по 7 руб. за фунт[3]. В середине XVII в. из фунта серебра

[1] ААЭ, т. IV, № 59 /I, стр. 88—91; № 63, стр. 95—97.

[2] ПСЗ, т. I, № 340, стр. 557; ДАИ, т. IV, СПб., 1851, № 139, стр. 370—371.

[3] ЦГАДА. Приказные дела старых лет, 1678 г., д. 2, л. 7.

чеканилось русских серебряных денег на 9 руб., причем чеканились только мелкие монеты достоинством в копейку, деньгу и полушку[1]. Крупных монет не чеканили. Из основных единиц денежного счета — рубля, алтына и деньги — только деньга была монетной единицей, а рубль и алтын были лишь счетными. Из ефимка, принимаемого в казну по цене 16 алтын 4 деньги (50 коп.), чеканилось мелкой серебряной монеты на 21 алтын 2 деньги, т. е. на 64 коп., и таким образом доход правительства от перечеканки составлял 28%.

Серебряный «четвертак» XVII в.

Государственный Исторический музей

Как велик был доход казны от перечеканки монеты в абсолютных цифрах, трудно сказать. Сохранившиеся отрывочные данные позволяют сделать заключение, что Приказ Большой казны расходовал ежегодно до 50 тыс. руб. на покупку ефимков[2]. Следовательно, доход только от перечеканки ефимков, приобретенных на эти деньги, должен составить 14 тыс. руб. Но прямой покупкой приобретение ефимков не ограничивалось. Правительство вело довольно значительную внешнюю торговлю и получало ефимки за товары, продаваемые за границу.

Отсутствием единого финансового управления в XVII в. было обусловлено то, что прибыль от перечеканки монеты поступала не только в Приказ Большой казны, но и в другие приказы — Новгородский и Сибирский, куда поступало значительное количество ефимков в виде пошлины Архангельской таможни и за проданные иностранцам меха. Ефимки, полученные таким образом, посылались в Приказ Большой казны для денежного передела, и монета, начеканенная из этих ефимков, возвращалась приказу — заказчику[3].

Общая прибыль приказов, присылавших ефимки на перечеканку в Приказ Большой казны, определилась в 1680 г. в 11 882 рубля 12 алтын 1 деньгу[4].

В 1682 г. во время правления царевны Софьи правительство с целью получения дополнительных доходов прибегло к порче монеты: из фунта серебра стали чеканить русских денег не на 9 рублей, а на 9 рублей с полтиной. Доход от перечеканки ефимков, таким образом, поднялся с 28 до 35%.

Но, конечно, доходы от перечеканки монеты были значительно меньше сумм прямых и косвенных налогов. Некоторое представление об их удель-

---

[1] Копейка равнялась двум деньгам, деньга — двум полушкам.

[2] *П. Н. Милюков.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905, стр. 556.

[3] ЦГАДА. Приказные дела старых лет, 1678 г., д. 2, лл. 1—7; д. 170, лл. 1—3; *П. Н. Милюков.* Указ. соч., стр. 556.

[4] *П. Н. Милюков.* Указ. соч., стр. 556.

Мелкая серебряная монета, XVII в.

Государственный Исторический музей

ном весе можно получить из данных, относящихся к 1701 г. При общей сумме доходов по всем приказам за этот год в 4 6907 53 руб. прибыль от перечеканки составляла 790 359 руб., т. е. 16,8% [1]. Но при Петре I доход от перечеканки был выше, так как в 1698 г. была произведена новая порча монеты, и из фунта серебра стали чеканить 14 рублей с полтиной. В свете этих данных доход от перечеканки монеты составлял в XVII в. не более 10% общей суммы государственных доходов.

* * *

В середине XVII в. русское правительство сделало попытку получить дополнительные средства путем чеканки наряду с серебряными и медных денег. Эта мера вызывалась чрезвычайными обстоятельствами — войной с Польшей за Украину.

По примеру прошлых лет русское правительство, начиная войну, обратилось к чрезвычайным налогам: в марте 1654 г. был объявлен сбор десятой деньги, назначен, кроме того, специальный сбор на жалованье служилым людям, а осенью этого же года повторен сбор десятой деньги. Но поступление этих денег было очень медленным и недостаточным, а правительство нуждалось в больших средствах и притом срочно.

Вот почему правительство указом от 8 мая 1654 г. распорядилось перечеканить имевшиеся в казне запасы ефимков в монеты крупного достоинства. Операция производилась очень просто — нужно было сбить с ефимков немецкие клейма и поставить на ефимки русский чекан, как на монетах

---

[1] *П. Н. Милюков.* Указ. соч., стр. 578—581, 614.

достоинством в одну деньгу. Такой ефимок считался равным рублю. С выпуском серебряных рублей были выпущены серебряные же полуполтины или четвертаки, равные четверти рублевого ефимка. На этой операции правительство получало доход 100%. Нетрудно видеть, что это была своеобразная порча монеты, понижение ее реальной стоимости. Наряду с новыми серебряными монетами продолжали хождение и старые, мелкие деньги более высокого курса.

Медная полтина царя Алексея Михайловича.
Государственный Исторический музей

Одновременно было отдано распоряжение и о выпуске медных денег — полтинников, полуполтинников, гривенников и алтынников, т. е. опять монет более крупного достоинства по сравнению со старыми серебряными деньгами. Из фунта меди следовало чеканить медной монеты на 10 руб.

Таким образом, правительство решило извлечь доход из этих монетных операций как путем повышения номинальной стоимости новых серебряных монет, так и выпуском малоценной медной монеты с принудительным курсом, равным курсу серебряных денег, что, конечно, не соответствовало действительному отношению цены серебра и меди.

От выпуска медных монет правительство рассчитывало получить доход до 4 млн. руб.

Некоторые трудности встретило хождение медных монет. Население привыкло к монетам мелкого достоинства и неохотно брало крупные медные деньги. Тогда правительство стало чеканить и мелкие медные монеты. Население стало их принимать. Не очень охотно брали и новые серебряные монеты, так как всем было ясно, что это менее ценные деньги по сравнению со старыми.

Тем не менее в течение первых четырех лет не было заметно разницы в курсе серебряных и медных денег. Принимались и те и другие. Не было и повышения цен.

Правительство продолжало выпуск медной монеты без всякого ограничения и основную массу медных денег направляло на театр военных действий в качестве жалованья служилым людям. Неумеренный выпуск медных денег, а также появление «воровских», т. е. фальшивых, медных монет, должны были привести и действительно привели к падению курса медных денег по сравнению с серебряными и к исчезновению серебряной монеты из обращения. Последнему процессу содействовали и некоторые мероприятия самого правительства. При выпуске медных денег были установлены некоторые ограничения их хождения. Торговые операции с иностранцами велись только на серебряные деньги, так как правительство было заинтересовано в притоке серебряной монеты из-за границы. Равным образом запрещалось хождение медных денег и в Сибири, так

как правительство опасалось ущерба казенным интересам от массовой скупки пушнины.

Постепенно правительство начало принимать меры к выкачиванию серебряных денег у населения. Недоимки по разного рода платежам, накопленные еще до издания указа о медных деньгах, должны были погашаться только старыми серебряными деньгами. Затем правительство отдало распоряжение, чтобы таможенные пошлины собирались на две трети серебряными деньгами. Такое распоряжение последовало уже в 1656 г., через два года после начала денежной реформы. Следующим шагом на пути изъятия серебряных денег из обращения явились указы о принудительном обмене новых серебряных денег на медные по их номинальной стоимости.

Такие мероприятия подорвали доверие населения к медным деньгам и привели к падению их курса. Серебро почти исчезло из обращения, курс медных денег пал, цены, главным образом на предметы первой необходимости, поднялись, товары исчезли с рынка. Если прибавить к этому крупные неурожаи 1660 и 1661 гг., охватившие значительные районы, то причины глубокого расстройства хозяйства страны в 1662—1663 гг. будут вполне понятны.

Правительство в поисках выхода из тяжелого положения предприняло ряд мер. Не рассчитывая собрать серебряными деньгами наиболее крупный из прямых налогов — стрелецкие деньги, оно отдало распоряжение, чтобы вместо них за 1661/62 г. был собран стрелецкий хлеб в натуре. От натуральной поставки этого хлеба не были освобождены и поморские посады, и уезды, всегда платившие этот сбор деньгами. Таким путем было несколько ослаблено продовольственное напряжение в столице. Служилые люди смогли получить хлебное жалованье. Равным образом было отдано распоряжение о полном погашении всех недоимок. Эти недоимки взыскивались «немерным правежом» и влекли за собой разорение населения, побеги, а иногда и открытое возмущение. Кроме того, в 1662 г. был назначен сбор чрезвычайного налога— пятой деньги. Но все эти мероприятия не достигали цели. Цены росли, а курс медных денег падал. В начале 1662 г. за рубль серебра требовали уже 4 рубля медных денег. И правительству и населению была ясна необходимость возврата к серебряному денежному обращению. Но нужно было найти способ получения серебряных денег. После совещания с московскими торговыми людьми, состоявшегося в конце января — начале февраля 1662 г., 9 февраля был объявлен царский указ о монополии на шесть товаров — пеньку, поташ, смольчуг, сало говяжье, юфти (юхотный товар, кожи) и соболей, т. е. как раз на те товары, на какие предъявляли спрос иностранцы. Правительство запретило частную торговлю этими товарами. Они покупались в казну с платой их хозяевам медными деньгами. Казна продавала их иностранцам и только на серебряные деньги.

Введение монополии на эти товары, называвшиеся «указными», значительно расстроило внутренний товарооборот, привело к дальней-

шему повышению цен и падению курса медных денег: 1 сентября 1662 г. серебряный рубль стоил уже 9 руб. Но положительную роль эта мера все же сыграла. В первую же архангельскую ярмарку — летом 1662 г. — правительственным агентам удалось продать «указных» товаров на 233 392 рубля 13 алтын 3 деньги и получить эту сумму серебряными деньгами. Этот успех дал возможность правительству отменить с 1 сентября 1662 г. монополию и восстановить свободную торговлю бывшими «указными» товарами. Однако гораздо важнее был другой результат этой операции. Вырученные деньги позволили восстановить серебряное денежное обращение. Царским указом от 15 июня 1663 г. медные деньги отменялись, и восстанавливались серебряные деньги. Серебряный рубль стоил в это время уже 15 медных рублей[1].

В известной мере выпуск медных денег оправдал возлагавшиеся на него надежды: он позволил правительству в течение восьми лет не прибегать к чрезвычайным налогам, несмотря на трудности военного времени и огромные расходы на военные нужды. Вместе с тем мера эта привела к расстройству хозяйства страны и дороговизне на предметы первой необходимости, к крупным осложнениям социального порядка.

* * *

Третьим источником государственных доходов были казенная промышленность и торговля. Казенные предприятия и торговля находились в ведении того же Приказа Большой казны, который ведал и монетным делом.

Самым крупным из казенных предприятий и по объему производства и по доходам, какие он приносил, был Зырянский казенный соляной промысел в Соликамском уезде. Во второй половине XVII в. он состоял из 36 соляных варниц[2]. При средней годовой выварке соли на одну варницу в Соликамском уезде по 30 тыс. пудов[3], из 36 варниц вываривалось ежегодно до миллиона пудов соли. Из этого количества по 150 тыс. пудов каждый год привозилось в Москву и расходовалось Приказом Большой казны[4]. Остальная соль продавалась на месте в Соликамском уезде, в Нижнем-Новгороде и верхнеокских городах. Есть сведения о доставке казенной соли, кроме Нижнего и Москвы, в Калугу, Орел и Смоленск, причем в очень большом количестве — до 500 тыс. пудов[5]. При средней продажной цене соли в Москве 18 коп. за пуд, это давало 180 тыс. руб. валового сбора. При себестоимости соли (расход на рабочую

---

[1] При составлении раздела, посвященного денежной реформе 1654—1663 гг., использована работа: *К. В. Базилевич.* Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г. М.—Л., 1936, стр. 7—83.

[2] ЦГАДА. Поместный приказ, кн. 5, л. 48 об.

[3] ЦГАДА. Грамоты Коллегии экономии по Соли Камской, № 11440/308, лл. 1, 23, 47, 72, 103, 137, 169, 193 и др.

[4] ЦГАДА. Приказные дела старых лет, 1674 г., д. 345, л. 3; 1678 г., д. 120, л. 1.

[5] Там же, 1693 г., д. 245, л. 3; 1694 г., д. 42, л. 461.

силу и дрова) в 4 коп. пуд и при расходах по перевозке 7 коп. пуд до Москвы, у казны оставалось до 70 тыс. руб. чистой прибыли [1].

Определенный доход приносило и казенное производство поташа. Сергачские, Арзамасские и Барминские казенные поташные заводы вырабатывали до 75 тыс. пудов поташа ежегодно. Этот поташ казна сбывала за границу по цене от 10 до 15 ефимков за берковец, т. е. за 10 пудов. На этой операции казна получала около 20% чистой прибыли. Так, в 1672 г. было продано 48 693 пуда поташа Сергачских заводов за 36 519 рублей 25 алтын. Чистой прибыли при этом было получено 8138 рублей 17 алтын. Арзамасские и Барминские заводы, имевшие меньший объем производства, и прибыли приносили меньше [2].

Еще меньше можно сказать о нижневолжских казенных рыбном и икряном промыслах. И. Кильбургер сообщает, что правительство выручало ежегодно от продажи икры почти 40 тыс. рейхсталеров, т. е. около 20 тыс. руб. [3], но нет никакой уверенности в точности этой цифры.

Отсутствие подробных сведений лишает возможности сделать какие бы то ни было надежные выводы о прибыли, получаемой от казенной торговли. Разрозненные сведения о доходах от казенной промышленности и торговли позволяют сделать общий вывод о сравнительно небольшом удельном весе этих доходов в бюджете Русского государства XVII в. Основная часть государственных доходов поступала в порядке прямого и косвенного обложения.

* * *

Следует напомнить, что в течение всего XVII в. не было единого финансового управления [4].

Недостаточно изученным до сих пор остается вопрос о составлении единого государственного бюджета в XVII в., но местные бюджеты составлялись.

Сошное письмо служило основанием для ежегодных бюджетных предположений. Местный воевода был обязан составить «окладную роспись» на предстоящий год, где должен был предусмотреть все денежные поступления, ожидавшиеся в этом году, и все годовые расходы на удовлетворение местных нужд, т. е. составить местный бюджет. В первой половине XVII в. такие местные бюджеты назывались окладными росписями, во второй половине XVII в. гораздо чаще встречается название «пометный список» [5].

В окладной росписи в первую очередь указывалось, сколько должно поступить данных и оброчных денег по сошному окладу и с индивидуальных оброчных угодий, учтенных писцами. Затем включались доходы со всех

---

[1] ЦГАДА. Грамоты Коллегии экономии по Соли Камской, № 11440/308, лл. 461—474; Приказные дела старых лет, 1674 г., д. 345, л. 4.

[2] *В. Савва.* Арзамасские и Барминские будные станы. Приходо-расходные и сметные книги 1679—1680 гг. — «Чтения ОИДР», 1908, кн. 3, отд. I, стр. IV—V.

[3] *И. Кильбургер.* Краткое известие о русской торговле. Киев, 1915, стр. 94.

[4] См. § 4 настоящей главы.

[5] ЦГАДА. Городовые книги по Новгороду Великому, №№ 16, 18, 31 и др.

новых оброчных угодий, обложенных оброком после писцов, и подводился общий итог данным и оброчным деньгам.

Далее следовал оклад таможенной пошлины и кабацкой прибыли, определяемый фактическим сбором этих доходов за предшествующий год.

После этих сборов вносилась предполагаемая сумма неокладных доходов. К неокладным доходам относились судебные пошлины, пошлины с регистрации частных актов — купчих, заемных, закладных и служилых кабал, свадебные пошлины (в Поморье) и другие мелкие сборы.

Одновременно с окладной росписью воевода посылал в приказ, в ведении которого находился управляемый им город, «сметный список», представлявший собой отчет об исполнении бюджета за тот или иной год. В сметном списке указывалось, в полном соответствии с окладной росписью на да́нный год, какие доходы и в какой сумме должны были поступить, сколько их поступило и сколько еще следует добрать. Равным образом отмечались и новые доходные статьи, появившиеся в текущем году. Это касается главным образом индивидуальных оброков.

Затем шел перечень расходов на местные нужды и вносились в расход те суммы, которые отправлялись в приказ, ведавший данным городом. Наконец, выводился остаток наличных сумм за всеми расходами и посылками денег. Следует отметить, что расходы на местные нужды были невелики и, как правило, покрывались из неокладных доходов. Эти неокладные доходы занимали очень скромное место в местном бюджете, не выше 1,5—2%[1].

Сметный список текущего года служил основанием для внесения необходимых изменений в окладную роспись на следующий год, и окладная роспись, составленная на данный год, обычно в основных чертах совпадала со сметным списком за предшествующий год.

Приказы, ведавшие поступлением местных доходов, главным образом финансовые приказы — четве́рти, составляли свой бюджет, который назывался приходной окладной книгой приказа. Приходная окладная книга приказа составлялась на основе тех данных, которые находились в распоряжении приказа, т. е. тех же сошных окладов, сведений об индивидуальных оброках, окладов таможенной пошлины и кабацкой прибыли, ямских и стрелецких денег.

Материал окладной книги располагался по отдельным городам. Когда посту́пали сметные списки и окладные росписи из городов, подьячие приказа, проверив эти материалы, отмечали поступления доходов и вносили изменения и дополнения в текст приходной окладной книги, так как присланные документы иногда содержали сведения о новых доходных статьях. Иногда такая приходная окладная книга приказа с отметками о поступлении доходов называлась сметным списком приказа на тот или иной год[2].

---

[1] ЦГАДА. Городовые книги по Новгороду Великому, №№ 16, 18, 31 и др.

[2] Там же, №№ 13 в, 14, 15, 22, 28 и др. Приходные окладные книги и сметные списки Новгородской четверти.

Наличие бюджетов отдельных приказов не вызывает сомнений. Что же касается общей росписи государственных доходов и расходов, то данные о существовании такой росписи относятся лишь к 80-м годам XVII в. Пока удалось обнаружить только государственную роспись доходов и расходов за 1679/80 г. [1]

По этой росписи общая сумма прихода составляла 1 220 367 руб., расхода — 1 125 323 руб. Сопоставление приходных статей бюджета приводит к заключению, что главный доход правительство получало от косвенных налогов — таможенных и кабацких сборов. Эти сборы составляли 53,3% доходной части бюджета, на прямые налоги приходилось 44%, остальное падало на доход от разных мелких пошлин (2,7%) [2]. Отсюда возможен вывод, что вообще прямые налоги в XVII в. значительно уступали косвенным [3]. Этот вывод спорный. Большой фактический материал показывает, что в разные годы XVII в. отношение между прямыми и косвенными налогами колебалось, что иногда прямые налоги значительно превышали суммы косвенных [4].

Важнейшей из расходных статей бюджета были расходы на армию. По росписи 1679/80 г. на армию приходится 62,2% расходной части бюджета, на дворцовое управление — 19,9%, на казенные предприятия — 5%, остальные 11,9% — расходы на текущее управление, постройки и т. д. [5]

Таким образом, оборона страны и активная внешняя политика правительства поглощали более половины государственного бюджета.

Рост расходов на военные нужды ложился тяжелым бременем на основных плательщиков налогов — крестьян и посадских людей.

При оценке роста налогов в XVII в. следует учитывать то обстоятельство, что в течение XVII в. реальная ценность серебряных денег вследствие порчи монеты понизилась примерно на 25%. Но и при этой оговорке факт значительного общего роста налогового обложения не подлежит сомнению [6].

Рост и укрепление Русского централизованного государства, превращение сословно-представительной монархии в монархию абсолютную, активная внешняя политика и необходимость обороны страны — все это требовало увеличения государственных средств, которое и достигалось за счет крайнего напряжения платежных сил населения. XVII век — время нарастания фискального гнета, тяжелым бременем ложившегося на трудящиеся массы населения — крестьян и посадских людей. Фискальный гнет феодально-крепостнического правительства вызывал протесты тяглого населения, выливавшиеся в различные формы — от побегов до открытых восстаний.

---

[1] *П. Н. Милюков.* Указ. соч., стр. 551—568.

[2] Там же, стр. 71—74.

[3] Там же, стр. 16—19.

[4] *С. Б. Веселовский.* Сошное письмо, т. I, стр. 35—42.

[5] *П. Н. Милюков.* Указ. соч., стр. 76—77.

[6] *С. Б. Веселовский.* Указ. соч., т. I. стр. 27 и сл.

Параллельно этому шел процесс развития производительных сил. Трудовое население колонизовало новые районы, расширяло запашки, усиливало свою промысловую и торговую деятельность. Оживлялся и усиливался торговый оборот, крепли экономические связи центра с областями. В последней четверти XVII в. наблюдается экономический подъем.

8
ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ

Развитие вооруженных сил России в XVII в. характеризуется отмиранием старой военной организации государства, основу которой составляло поместное ополчение, и постепенным образованием регулярного войска (созданием солдатских, драгунских и рейтарских полков). Для разрешения важных внешнеполитических задач и подавления народных антифеодальных восстаний, которыми был богат XVII век, феодальная монархия, развивавшаяся по пути абсолютизма, нуждалась в такой вооруженной силе, которая находилась бы постоянно под ружьем и по своей боеспособности соответствовала уровню военного искусства того времени.

Коренные недостатки системы организации войска заключались в следующем: 1) поместное ополчение не было постоянным войском, а поэтому темпы мобилизации и сборов этого войска на войну были медленными; 2) централизованное государственное обеспечение войска оружием, боеприпасами и продовольствием отсутствовало, вследствие чего ограничивалась возможность планомерного ведения военных действий; 3) маневренность поместного ополчения из-за большого количества обозов была низкой, вооружение чрезвычайно разнообразным, а дисциплина слабой; 4) военное обучение не носило регулярного характера. Процесс постепенного образования регулярного войска, начавшийся в период подготовки к русско-польской войне 1632—1634 гг., продолжался затем в течение всего XVII в. и был завершен при Петре I. Регулярное войско вырастало на основе крепнувшей в XVII в. экономики страны, в частности финансов, что позволяло правительству постепенно переводить вооруженные силы на государственное содержание.

* * *

К началу XVII в. русское войско состояло из служилых людей «по отечеству» (думных и московских чинов и городовых дворян и детей боярских) и служилых людей «по прибору» (стрельцов, казаков, пушкарей и затинщиков). Как вооруженная сила использовались и нерусские народы — служилые татары, башкиры и др.

Служилых людей «по отечеству» «верстали» (зачисляли) в службу из подраставшего поколения господствующего класса и определяли им

оклад поместного и денежного жалованья в размере от 100 до 300 четвертей земли (50—150 десятин в поле) и от 4 до 7 руб. денег. В процессе службы эти оклады увеличивались до 700 четвертей и 14 руб. для городовых дворян и детей боярских. Среди городового дворянства было немало беспоместных детей боярских, служивших за одно денежное жалованье.

За поместное и денежное жалованье служилые люди «по отечеству» должны были являться на службу на коне, с оружием и людьми (холопами). В мирное время служилые люди «по отечеству» жили в своих поместьях и вотчинах. Институт «окладчиков» был единственным постоянно действовавшим механизмом, который поддерживал организацию служилого «города» в мирное время [1]. При посылке на службу из дворян и детей боярских формировали сотни, которыми командовали головы. Сотни сводились в полки разной численности.

Служилые люди «по прибору» «прибирались» (набирались) в службу из детей и других родственников приборных людей и из вольных людей. Они получали за службу земельные участки под пашню в размере 4—8 четвертей в поле (стрельцы) или 20—30 четвертей (казаки) и денежное жалованье в сумме 2—3 руб. в год [2]. В некоторых городах вместо земельных наделов им выдавалось хлебное жалованье. Стрельцы получали казенное оружие и несли преимущественно пешую службу; казаки должны были являться на службу на своих конях, со своим оружием.

Служилые люди «по прибору» поселялись в городах или близ них особыми слободами (стрелецкими, казачьими, пушкарскими), находились на постоянной службе и имели свою военную организацию в мирное и военное время. Стрельцы и казаки формировались в «приказы» (полки) численностью в 500 человек под управлением голов; приказы делились на сотни во главе с сотниками, а сотни — на десятки во главе с десятниками. Головы и сотники назначались из дворян и детей боярских. Вольные казаки (донские и яицкие), эпизодически привлекавшиеся на службу, сохраняли свою организацию в виде станиц во главе с атаманами.

Служилые люди из нерусских народностей по своему служебному положению приближались или к служилым людям «по отечеству», или «по прибору». Одни из них получали денежное жалованье (служилые татары), другие служили со своих земель (башкиры). Как те, так и другие, несли конную службу.

Тяглое население привлекалось к ратной службе в военное время под названием посошных и даточных людей; первые обслуживали войско в качестве вспомогательной силы, вторые наряду с этим принимали и непосредственное участие в боевых действиях войска.

---

[1] См. главу I, § 5 настоящего издания.

[2] См. также главу I, § 5 настоящего издания.

Общее число ратных людей в конце XVI в. составляло около 100 тыс., в том числе дворян и детей боярских (с холопами) — 50 тыс., стрельцов — 20—25 тыс., служилых (городовых) казаков и служилых людей из нерусских народностей — 20 тыс., иноземцев — 4 тыс. Таким образом, конницы имелось около 75 тыс., а пехоты — до 25 тыс. человек.

Лучшую часть ратных людей составляли стрельцы, поголовно вооруженные, кроме холодного, огнестрельным оружием (пищалями) и тем самым выгодно отличавшиеся от других разрядов служилых людей.

Войско, направляемое на пограничную службу или на театр военных действий, обычно формировалось в составе пяти полков (большой, передовой, правая рука, левая рука, сторожевой) или трех полков (большой, передовой и сторожевой). Кроме того, особо формировался ертаул (легконный полк), а иногда в войско включался и «государев» полк, в который входили думные и московские «чины» со своими холопами. Самостоятельную часть войска составлял «наряд» (артиллерия), делившийся на осадный (стенобитный) и полковой (полевой) наряды в зависимости от калибра пушек и пищалей. Общее командование и руководство боевыми действиями принадлежало воеводе большого полка.

В период иностранной интервенции начала XVII в. старая организация войска пришла в расстройство. Поэтому правительство Михаила Федоровича приняло меры к восстановлению войска в прежнем составе и организации.

Новое правительство наделяло разоренных служилых людей поместьями, использовав для этих целей дворцовые и черные земли, привлекло на службу надежные элементы казачества, верхушка которого также наделялась поместьями, произвело новый разбор и верстание служилых людей (в 1622 г. и в последующие годы), разносторонним и детальным законодательством постаралось укрепить начавшую было распадаться старинную «городовую» организацию, составлявшую основу поместного войска, и обеспечить землевладельческие права дворянства[1]. Путем всех этих мероприятий правительство добилось того, что общее число ратных людей к началу 30-х годов было доведено до размеров конца XVI в. Так, по росписи 1630 г. ратных людей было: дворян и детей боярских — 27 433, стрельцов — 28 130, казаков — 11 192, пушкарей и прочих — 4316, татар и новокрещенов — 10 208, иноземцев — 2783. Кроме того, на учете состояло из чувашей, марийцев и других нерусских народов 8493 человека; их брали в военное время с трех дворов по человеку. Всего ратных людей считалось 92 555 человек (без холопов)[2].

Однако боеспособность этих ратных людей находилась на невысоком уровне. Половина дворян и детей боярских по своему материальному положению, вооружению и снаряжению была пригодна лишь к городовой

---

[1] См. главу I, § 5 настоящего издания.

[2] «Временник ОИДР», кн. IV, М., 1849, отд. III, стр. 18—51; ЦГАДА. Разряд. Столбцы Московского стола, № 49, лл. 2—90.

Конный воин. Рисунок из альбома Пальмквиста, 1674 г.

(гарнизонной) службе. Стрельцы нужны были правительству прежде всего в качестве войск внутренней охраны, и они были расселены по многочисленным городам страны. Около 10 тыс. ратных людей ежегодно находилось на пограничной службе.

* * *

Ликвидация иностранной интервенции сопровождалась значительными территориальными потерями для Русского государства. Правительство не могло примириться с потерей старинных русских земель, имевших важное стратегическое значение, и с весьма опасным положением на западных границах и с конца 20-х годов начало усиленную подготовку к войне с Польшей.

Правительство понимало все трудности этой борьбы, учитывая состояние своего войска. Дворянская конница была не пригодна для предстоящей крепостной осадной войны. Правительство решило повысить боеспособность войска путем образования полков нового строя — солдатских, рейтарских и драгунских.

В апреле 1630 г. городовым воеводам были посланы грамоты о наборе в солдатскую службу беспоместных детей боярских. Всем записавшимся было обещано жалованье по 5 руб. в год и кормовые деньги по алтыну в день. Кроме того, каждый получал казенную пищаль, порох и свинец. Записавшиеся в службу должны были явиться в Москву в Разрядный приказ. Этим было положено начало комплектованию и формированию полков нового строя[1].

[1] «Акты Московского государства», т. I, № 267, стр. 300—301; № 276, стр. 309; ЦГАДА. Разряд. Столбцы Московского стола, № 53, лл. 177—180.

Вооружение солдатских полков, XVII в.
Государственный Исторический музей

Попытка правительства укомплектовать первые солдатские полки детьми боярскими не имела успеха. К сентябрю 1630 г. число записавшихся не превышало 60 человек — солдатская служба не прельщала детей боярских, привыкших к конному строю. Тогда правительство расширило контингент комплектования, допустив к записи в солдаты сначала служилых татар и казаков, а позднее всяких «вольных охочих» людей. Первоначально было создано шесть солдатских полков.

Состав каждого солдатского полка был установлен в 1600 рядовых и 176 начальных людей. Полк делился на восемь рот. Во главе полка стояли полковник, подполковник (полковой большой поручик), майор (сторожеставец или окольничий) и пять капитанов. В каждой роте полагалось быть поручику, прапорщику, трем сержантам (пятидесятникам), квартирмейстеру (окольничему), каптенармусу (дозорщику под ружьем), шести капралам (есаулам), лекарю, подьячему, двум толмачам, трем барабанщикам и 200 рядовым солдатам, в том числе 120 пищальникам и 80 копейщикам[1]. Офицерский состав в основном был из иностранцев.

В июне 1632 г. началось формирование рейтарского полка (конницы). Состав полка был определен указом в 2000 человек с начальными людьми. Полк делился на 12 рот, по 167 человек в роте, во главе с рот-

[1] ЦГАДА. Разряд. Столбцы Белгородского стола, № 89, лл. 12—15.

мистрами (кроме полковых чинов). Комплектование рейтарского полка, по сравнению с солдатскими полками, проходило более успешно: к декабрю 1632 г. в полку одних рядовых было 1721 человек. Тогда правительство увеличило численность полка до 2400 человек, добавив еще особую драгунскую роту. Успешности комплектования полка способствовали два обстоятельства. Во-первых, рейтарская служба считалась дворянами и детьми боярскими почетнее солдатской и была более привычна дворянской коннице. Во-вторых, рейтарская служба оплачивалась гораздо выше солдатской: рейтары получали по 3 рубля в месяц жалованья и по 2 рубля на корм коней. Кроме того, им было дано из казны по карабину, по два пистолета, латы и шишаки (головные уборы).

Указанные семь полков постепенно вошли, после обучения, в состав войска воеводы М. Б. Шеина и принимали участие в осаде Смоленска[1].

В период Смоленской войны были сформированы еще один драгунский и два солдатских полка. При комплектовании этих полков широко привлекались к военной службе даточные люди, принудительно набираемые с поместных и вотчинных земель. Таким образом, комплектование новых полков началось с вербовки детей боярских и закончилось принудительным привлечением тяглого населения.

Драгунский полк делился на 12 рот, по 120 рядовых в роте. Драгуны получали из казны лошадей, оружие, по 4 рубля в год на одежду и седло и месячный корм. Оружие драгун состояло из пищалей или мушкетов и пик; полк имел свою артиллерию в составе 12 малых пушек.

Появление в составе русского войска солдатских, рейтарского и драгунского полков положило начало новому этапу в организации вооруженных сил Русского государства. С этого времени стало постепенно развиваться регулярное войско, т. е. войско, имевшее постоянную военную организацию в мирное и военное время, получавшее планомерную военную подготовку и состоявшее на полном содержании государства.

В период войны закончился первый этап в организации полков нового строя. Эти полки были созданы только для войны и были распущены тотчас же после окончания войны вместе с ратными людьми сотенной службы. Однако преимущества этих полков перед ратными людьми старого строя были настолько очевидны, что через несколько лет, в связи с укреплением южной границы, образование полков нового строя было возобновлено.

Начался второй этап в организации полков нового строя. Отличительной особенностью этого этапа являлось временное существование указанных полков. Для пограничной службы правительство каждую весну набирало несколько тысяч вольных людей, из которых и формировались солдатские и драгунские полки. Солдаты и драгуны получали

---

[1] ЦГАДА. Разряд. Столбцы Московского стола, № 88, лл. 50, 84; № 91, л. 4; Книги Московского стола, № 45, лл. 59—65.

оружие, лошадей, кормовое жалованье; в летний период они выполняли службу в пограничных городах, во время которой обучались ратному делу, а осенью распускались по домам, не получая вне службы никакого содержания. На следующий год снова начиналось комплектование полков вольными людьми для временной службы, причем из прежних солдат и драгун вновь в службу писались лишь немногие[1]. Правительство постепенно убеждалось, что ежегодные наборы «кормовых» драгун и солдат на временную (сезонную) службу не давали положительных результатов.

В 1642—1648 гг. крестьяне отдельных владений Воронежского, Лебедянского, Севского и других южных пограничных уездов были отобраны у помещиков и вотчинников и из дворцовых владений (Комарицкая волость) и записаны в драгуны. За крестьянами оставили их прежние земельные наделы, освободили их от налогов и повинностей и заставили выполнять драгунскую службу. Крестьян сформировали в полки, эскадроны и роты, а для обучения драгунскому строю прислали начальных людей. Таким путем из крестьян южных уездов правительство создало драгун нового типа, отличных от кормовых. По своему материальному положению и роду службы новые драгуны были поселенными ратными людьми. Наряду с драгунами-крестьянами, правительство пыталось создать кадры поселенных драгун в полном смысле этого слова, поселяя для этой цели беспоместных детей боярских в южных уездах. Но из этого мероприятия ничего не вышло, так как дети боярские не хотели быть в драгунской службе.

Появление драгун-крестьян объясняется стремлением правительства улучшить комплектование драгун и удешевить содержание их. Если кормовых драгун приходилось набирать ежегодно и за время службы платить им жалованье, то поселенные драгуны (из крестьян) не требовали никаких материальных затрат на свое содержание. Для сторожевой пограничной службы поселенные драгуны, кровно заинтересованные в охране и обороне своих родных мест, представляли более надежную вооруженную силу, чем собранные из разных городов и временно присылаемые на службу в южные города служилые люди.

Из поселенных драгун особенно важное значение в обороне юго-западной границы имели комарицкие драгуны (крестьяне дворцовой Комарицкой волости Севского уезда). Число комарицких драгун достигало 5,5 тыс. человек, они были сформированы в 3—4 полка, по 8—10 рот в каждом.

В войне за Украину комарицкие драгуны приняли активное участие. В конце 70-х годов правительство вынуждено было перевести комарицких

---

[1] «Книги разрядные», т. II, СПб., 1855, стр. 836—845; «Акты Московского государства», т. II, СПб., 1894, № 98, 99, 112; ЦГАДА. Разряд. Столбцы Севского стола, № 108, л. 4; Белгородского стола, № 87, лл. 146—151; Московского стола, № 137; лл. 365—366; ЦГВИА, ф. 412, д. 40/297.

драгун в солдаты, так как от дальней службы и татарских набегов они разорились[1].

К началу 80-х годов драгуны из крестьян исчезли из состава ратных людей. Это объясняется тем, что правительство неправильно использовало драгун. По своему материальному положению драгуны-крестьяне были пригодны лишь для местной обороны. Когда же их стали посылать на службу в отдаленные города или включать в походное войско, драгунская служба сделалась для крестьян непосильной.

Опыт образования драгунских полков из местного населения на юге был применен и на северо-западной границе путем формирования солдатских полков.

В 1649 г. крестьяне заонежских и лопских погостов Олонецкого уезда, а также Сумерской (Сомерской) и Ставропольской волостей Старорусского уезда, расположенных в 30 верстах от границы, были записаны в солдатскую службу на тех же условиях, что и поселенные драгуны на юге. В заонежских и лопских погостах в солдаты было записано около 8 тыс., в Старорусском уезде — до 1000 человек.

Заонежские и сумерские солдаты (они назывались и драгунами) предназначались для сторожевой пограничной службы по месту своего жительства. Однако войны с Польшей и особенно со Швецией потребовали участия в боевых действиях и указанных солдат. В этих войнах поселенные солдаты понесли большие потери, их хозяйства пришли в упадок, а отчасти были разграблены шведами. После войны со Швецией правительство освободило поселенных солдат от постоянной службы и стало привлекать местное население к ратной службе на общих основаниях[2].

Война за Украину потребовала значительного увеличения численности русского войска. Рейтарские полки (а также немногочисленные полки и эскадроны копейщиков и гусар) комплектовались в основном из дворян и детей боярских. При создании солдатских полков правительство постепенно перешло к комплектованию их даточными людьми, принудительно набираемыми из многолюдных семей или с установленного количества тяглых дворов. Этот способ комплектования в период войны и позднее стал преобладающим.

В 1658—1660 гг. правительство провело три общегосударственных набора в солдатскую службу даточных людей по одному человеку с 20—25 крестьянских и посадских дворов. Эти три набора дали не менее 70—80 тыс. человек, которыми, под именем даточных солдат,

---

[1] «Воронежские акты», кн. III, Воронеж, 1853, стр. 35—36; ДАИ, т. IX, СПб., 1875, № 106, стр. 219—314; ЦГАДА. Разряд. Столбцы Белгородского стола, № 50, лл. 118—121; № 227, лл. 1—12; Севского стола, № 131, лл. 270—277; Приказного стола, № 616, лл. 93—94.

[2] АИ, т. IV, № 39, стр. 128—129; ДАИ, т. III, СПб., 1848, № 49, стр. 170—173; № 65, стр. 65—239; «Акты Московского государства», т. III, СПб., 1907, № 573, стр. 485; ЦГАДА. Приказные дела старых лет, 1649 г., № 29, лл. 1, 2, 7, 14—23; № 75, лл. 2, 15—26, 177—213; 1657 г., №1, лл. 1—7, 15—20, 25; ЦГВИА, ф. 412, дд. 40/232, 40/291.

и были укомплектованы солдатские полки. Подобные наборы правительство проводило и позднее, например в 1678 г.

Даточных людей брали на постоянную (пожизненную) солдатскую службу.

Беглых из числа этих людей сыскивали в 1673 и 1680/81 гг., т. е. через 15—20 лет, и особо переписывали в 1678 г. За даточными солдатами сохранялись их земельные наделы в поместьях и вотчинах для содержания их семей. В мирное время часть солдат распускалась по домам. По первому требованию эти солдаты должны были являться на службу в тот полк, в котором они были записаны. Вместо умерших, погибших, увечных и престарелых солдат помещики и вотчинники обязаны были высылать на службу детей и других родственников этих солдат или других крестьян, пригодных к службе. Наборы даточных людей по способу их проведения и массовости напоминали будущие рекрутские наборы[1].

Из общего состава солдатских полков были выделены два выборных полка, состоявших преимущественно из черносошных крестьян и посадских людей северных городов.

Командный состав этих полков был полностью из русских, включая и полковников — Аггея Алексеевича Шепелева и Матвея Осиповича Кравкова, впервые получивших впоследствии звание генералов. Это были лучшие из солдатских полков.

Появление полков нового строя внесло коренные изменения в состав войска. До середины века правительство еще пыталось поднять боеспособность конницы старого строя — дворян, детей боярских и казаков полковой службы, увеличивая их численность, улучшая материальное положение и повышая требования в части дисциплины и вооружения. Но боеспособность поместной конницы не улучшалась. Тогда правительство, в период подготовки и ведения войн с Польшей и Швецией, стало в принудительном порядке и в массовом масштабе записывать дворян, детей боярских и казаков в рейтары и солдаты. В результате к началу 80-х годов число дворян и детей боярских полковой (сотенной) службы сократилось в два с половиной раза.

Старая военная организация отмирала и среди московских чинов (в государевом полку). Городовые казаки из полковой службы исчезли полностью.

Наряду с пехотой нового строя (солдатами) продолжала неуклонно расти численность стрельцов, особенно московских. За полустолетие количество последних увеличилось с 4 тыс. в 1630 г. до 20 тыс. в 1680 г., т. е. в пять раз, а всего стрельцов было в 1681 г. до 55 тыс. Если рост числа московских стрельцов сопоставить с тем, что внешняя военная опасность для Москвы во второй половине XVII в. не увеличивалась, а

---

[1] АИ, т. V, № 29, стр. 42—43; «Акты Московского государства», т. III, № 376, стр. 341—342; № 504, стр. 432—435; «Чтения ОИДР», 1911, кн. 3, отд. I, стр. 14—18; ЦГАДА. Разряд. Столбцы Белгородского стола, № 513, л. 143; № 881, лл. 175—176; Приказного стола, № 859, лл. 15—124.

Московский стрелец. Рисунок из альбома Пальмквиста, 1674 г.

уменьшалась, то становится понятным, что стрелецкое войско в Москве и других городах превратилось во внутреннюю охрану государства, в полицейскую силу. Это подтверждается и тем, что в боевых действиях русского войска принимало участие от 5 до 30% всех стрельцов. Стрелецкое войско постепенно теряло свое значение боевой силы. Являясь частью старой военной организации государства, оно отстаивало свое привилегированное положение, сопротивлялось всяким нововведениям в своем устройстве и постепенно становилось реакционной силой, что обнаружилось в стрелецких мятежах конца XVII в.; в связи с этим стрелецкое войско было расформировано Петром I в начале XVIII в.

Изменение в составе основных групп ратных людей, происшедшее в третьей четверти XVII в., характеризуется следующими цифрами[1]:

Годы	Дворян и детей боярских	Московских стрельцов	Казаков	Новокрещенов и татар	Иноземцев	Рейтар	Драгун	Солдат
1651	37 596	8 122	21 124	9113	2707	1457	8462	—
1680	15 797	20 048	—	—	—	30 472	—	61 288

Из таблицы следует, что полки нового строя привели к ликвидации большинства ратных людей старой организации, частью поглотили их, и заняли преобладающее место в составе войска, причем ведущее значение в войске заняла пехота (солдаты).

[1] ЦГАДА. Разряд. Столбцы Белгородского стола, № 327, лл. 1—50; Книги Московского стола, № 124, лл. 1—76.

* * *

Появление полков нового строя, находившихся на постоянной службе, способствовало развитию войсковой организации в мирное время в виде «разрядов» (военных округов)[1].

Зародились разряды во второй половине XVI в. Полки, посылаемые ежегодно на южную границу, и место расположения этих полков постепенно получили название разрядов. Так возникли Береговой, Украинный (Тульский) и Рязанский разряды. Временный характер полковой пограничной службы не позволил разрядам в указанный период сложиться в постоянные военно-территориальные организации. В XVII в. сеть разрядов увеличилась, и они стали постоянными военными округами.

В середине 40-х годов XVII в. на территории южных городов был образован Белгородский разряд. В период войн с Польшей и Швецией из состава Белгородского разряда выделился Севский разряд, а также вновь возникли Новгородский и Смоленский разряды. В период борьбы с Крестьянской войной под предводительством С. Т. Разина сложился Казанский разряд. Несколько ранее правительством были образованы Тобольский и Томский разряды.

Ратные люди полковой службы каждого разряда составляли полк. Так, существовали Белгородский полк, Новгородский полк и т. п. Общая численность ратных людей разрядных полков доходила до 23 тыс. человек в Белгородском полку, 10 тыс. — в Новгородском. Кроме того, в каждом разряде имелись ратные люди городовой службы, вместе с которыми число ратных людей достигало 50—60 тыс. человек (например в Белгородском разряде).

Во главе каждого разряда и его полка стоял воевода — боярин (иногда окольничий), в ведении которого находилась военная и гражданская власть на территории округа. Каждый разрядный полк состоял из нескольких рейтарских, драгунских, солдатских и стрелецких полков, которые распределялись между воеводой и его товарищами.

Таким образом, с середины XVII в. на наиболее опасных границах появилась сеть военных округов, в которых сосредоточивалась вся сторожевая, станичная и дозорная служба. Реформой 1680 г. правительство пыталось распространить военно-окружную организацию ратных людей и на внутренние области государства. К существовавшим ранее разрядам были добавлены Московский, Владимирский и Тамбовский разряды и восстановлен Рязанский. Военные силы этих разрядов были предназначены для комплектования и вооружения войск, отправляемых в пограничные разряды[2].

---

[1] См. о разрядах также в § 5 настоящей главы.

[2] «Дворцовые разряды», т. III, СПб., 1852, стр. 27—28, 37, 47, 50, 61, 169; т. IV, СПб., 1855, стр. 117—118; ДАИ, т. IX, № 106, стр. 219—314; «Акты Московского государства», т. II, № 463, стр. 287, № 495, стр. 305—306; т. III, № 101, стр. 314—315, № 334; ЦГАДА. Разряд. Столбцы Севского стола, № 134, лл. 213—214; № 208, лл. 556—557; Белгородского стола, № 622, лл. 1—15, 37—62; № 769, лл.

Появление полков нового строя и образование разрядов изменили и организацию походного войска. В начале войны за Украину войско сохраняло еще старую организацию в виде полков: большого, передового, сторожевого, ертаула и государева полка. В ходе войны эта старинная организация исчезла вместе с распадом поместного ополчения. В 1674 г. в Правобережную Украину войско было послано в составе Большого полка; в левой руке у него Новгородский полк, а в правой — сборный полк из ратных людей Белгородского и Севского полков.

Перечень формирований войска показывает, что основными составными частями последнего являлись, кроме большого полка, комплектуемого из ратных людей центральных городов, разрядные полки, как полки постоянно существовавшие. Это обстоятельство улучшало организацию войска и ускоряло его мобилизационную готовность.

В целом организация походного (действующего) войска во второй половине XVII в. представляется в следующем виде. Солдатские, рейтарские и другие полки численностью в 1—2 тыс. человек сводились в воеводские или генеральские полки; последние объединялись в Большой полк или разрядные (боярские) полки, а эти полки в свою очередь являлись составными частями походного войска. Так, например, в поход 1679 г. Белгородский разрядный полк был назначен в составе девяти полков рейтар и копейщиков, пяти солдатских полков, приказа стрельцов и 947 дворян и детей боярских сотенной службы; всего (без черкас — украинских казаков) 20 тыс. человек. С первым воеводой Белгородского полка (командующий полком) боярином И. Б. Милославским было: семь рейтарских полков, один солдатский полк, приказ стрельцов и 854 человека сотенной службы, всего 12 122 человека. Со вторым воеводой, думным дворянином и генералом В. Змеевым, находилось три полка солдат, в них 5258 человек. В полку третьего воеводы, генерал-поручика Григория Косагова, было два полка рейтар, полк солдат и 93 человека сотенной службы, всего 2741 человек. Весь Белгородский полк во главе с боярином Милославским входил составной частью в походное войско[1].

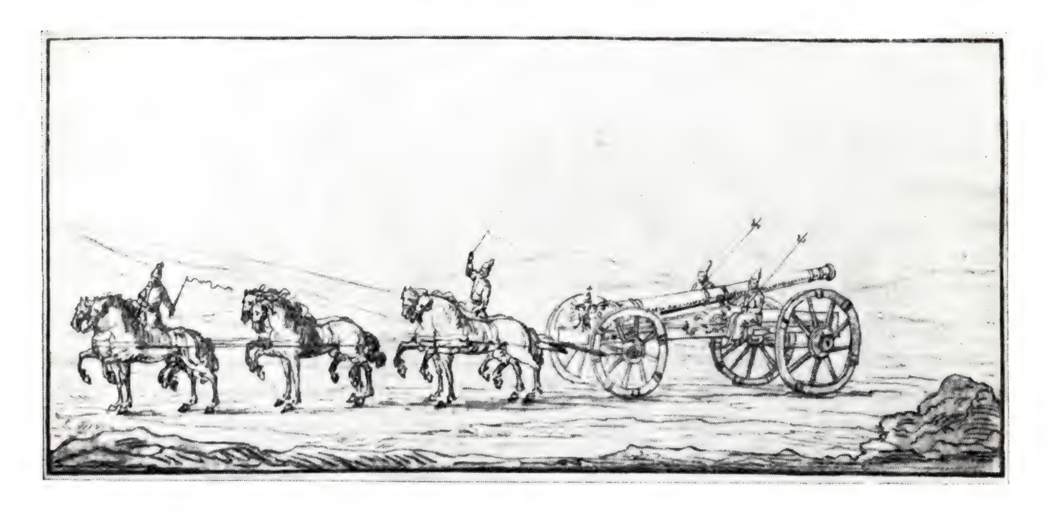
После присоединения к Русскому государству Левобережной Украины в состав русского войска вошло войско Украины (гетманские полки), насчитывавшее до 50 тыс. украинских казаков. Вместе с ними правительство во второй половине XVII в. могло сразу выставить в поле для военных действий более 200 тыс. ратных людей.

* * *

Со времени образования полков нового строя вводится более единообразное вооружение. Все полки нового строя были вооружены огнестрельным

45—46; № 1000, лл. 34—38; № 1205, лл. 541—542; Приказного стола, № 203, лл. 492—493; № 722, л. 312; № 1021, лл. 53—54; Новгородского стола, № 178, л. 230.

[1] «Дворцовые разряды», т. III, стр. 411—420, 467, 472—480, 990; «Книги разрядные», т. II, стр. 1192—1392; ДАИ, т. IX, № 106, стр. 219—314; РИБ, т. 11, СПб., 1889, стб. 473—515; ЦГАДА. Разряд. Столбцы Московского стола, № 598, лл. 190—211; № 611, лл. 12—53.

Русская артиллерия в походе. Рисунок из альбома Пальмквиста, 1674 г.

оружием. Тяжелые пищали постепенно заменялись более удобными и дальнобойными мушкетами (в пехоте) и карабинами (в коннице). Специализация оружия по родам войска повышала его боеспособность. Получили распространение ручные гранаты. В 1668—1673 гг. правительство закупило на тульских и каширских заводах более 150 тыс. ручных гранат весом от 1 до 5 фунтов каждая. Высокого уровня развития достигла русская артиллерия. Важнейшее значение имело введение полковой артиллерии в солдатских полках и стрелецких приказах и конной полковой артиллерии в драгунских полках. В результате техническая оснащенность войска значительно повысилась. Если максимальное количество орудий в войске в XVI в. (при взятии Казани) было около 150 орудий, то под Смоленск в 1633 г. было направлено 256 пушек и пищалей, а в походе 1679 г. участвовало до 400 осадных и полковых орудий[1].

Улучшению и росту вооружения способствовали крупнейшие достижения в конструкции и производстве огнестрельного оружия. Главные усовершенствования в устройстве ручного оружия состояли в постепенном введении ударно-кремневого замка, а также нарезного и многоствольного оружия. В артиллерии расширилось применение нарезных (винтовальных) и заряжавшихся с казенной части орудий, в том числе и скорострельных. В конструкции огнестрельного оружия русская техническая мысль в некоторых отношениях шла впереди Западной Европы[2].

Для производства оружия в XVII в. характерно постепенное вытеснение кованых железных орудий литыми из меди и чугуна. Литье пушек

[1] ААЭ, т. IV, № 85, стр. 124; № 91, стр. 131; АИ, т. IV, № 155, стр. 301—302; ЦГАДА. Разряд. Столбцы Приказного стола, № 209, л. 29; Новгородского стола, № 259, л. 460; Белгородского стола, № 371, лл. 415, 417—421; № 1000, лл. 34—38, 45—46.

[2] См. главу I, § 3 настоящего издания.

удешевляло продукцию, сокращало время, нужное для их производства и не требовало большого числа квалифицированной рабочей силы. К концу XVII в. изготовление железных орудий прекратилось почти полностью. Меднолитейное производство в XVII в. не получило широких размеров из-за отсутствия собственного сырья. Тем большее значение имело внедрение чугуна в производство пушечных ядер, а затем и орудий, чему много способствовало появление в Русском государстве с 30-х годов чугунолитейных заводов.

Применение чугуна в пушечном производстве позволило шире использовать порох. С середины XVII в. в числе орудийных снарядов появились пушечные гранаты. В 1668—1673 гг. правительство получило лишь с одних тульских заводов более 25 тыс. пушечных гранат. Иноземные послы, присутствовавшие на одном из смотров гранатной стрельбы в 1673 г., единодушно заявили, что таких больших гранат они никогда не видели.

Все улучшения в вооружении русского войска были результатом достижений в промышленном производстве. Как указано выше, XVII век образует важный этап в развитии ремесленного и мануфактурного производства в России. Наряду с казенными мануфактурами (Пушечным и Гранатным дворами, Оружейной палатой, пороховыми мельницами и т. д.) с 30-х годов возникают частные мануфактуры — тульские, каширские, алексинские, звенигородские, олонецкие и другие чугунолитейные и железоделательные заводы и пороховые мельницы. Изделия этих заводов поступали в казну для удовлетворения военных и хозяйственных нужд государства. Так, с одних лишь тульских заводов в 1668—1673 гг. в казну поступило: железа и чугуна — около 40 тыс. пудов, гранат ручных — 154 169, гранат пушечных — 25 313, ядер — 42 718 и т. д. Одновременно продолжалось ремесленное производство оружия; казенные и посадские кузнецы и другие ремесленники изготовляли холодное оружие, шанцевый инструмент, а также такие сложные части огнестрельного оружия, как ружейные замки.

Для военного производства деятельность первых русских мануфактур трудно переоценить. Все достижения в изготовлении и применении огнестрельного оружия, в массовом снабжении войска вооружением были результатом прежде всего деятельности мануфактур[1].

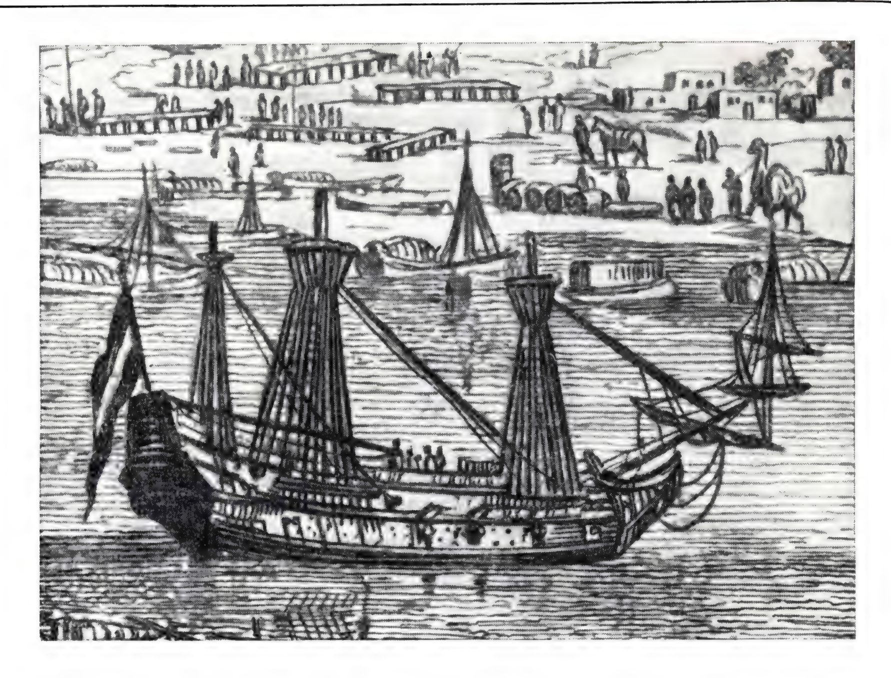
Содержание увеличившегося числа ратных людей, нуждавшихся в постоянном денежном и хлебном жалованье, и другие военные расходы составляли более половины государственного бюджета и ложились огромной тяжестью на тяглое население[2].

В период войн с Польшей и Швецией был введен еще чрезвычайный сбор «четверикового» хлеба, по четверику ржи и столько же овса с каж-

---

[1] *И. Гамель.* Описание Тульского оружейного завода. М., 1826, стр. 14; «Крепостная мануфактура в России», ч. II, Л., 1931, стр. 128—143; ЦГАДА. Приказные дела новой разборки, д. 55, лл. 1—3.

[2] Более подробно об этом см. § 7 настоящей главы.

Корабль «Орел». Деталь гравюры «Астрахань» из книги Стрейса, изд. 1676 г.

дого двора; этот сбор постепенно превратился в постоянный хлебный налог[1]. Наконец, правительство практиковало и закупки хлеба для ратных людей. Из казенных житниц производилась выдача хлебного жалованья ратным людям в мирное и военное время. Установление постоянных военных налогов составляло необходимое условие образования регулярного войска в Русском государстве[2].

Общее руководство вооруженными силами находилось в ведении верховной власти. Центральное военное управление было распылено между многими приказами[3]. Правительство понимало недостатки военного управления и в начале 80-х годов пыталось сосредоточить все военное дело в таких важнейших приказах, как Разрядный, Рейтарский и Стрелецкий, но эти меры не были доведены до конца, и единства в центральном военном управлении не было до начала XVIII в. Военным делом на местах ведали съезжие, разрядные, стрелецкие и казачьи приказные избы[4].

[1] Это был тот же стрелецкий хлеб, но взимаемый не с крестьян, а со служилых людей по прибору.

[2] ААЭ, т. III, СПб., 1836, №№ 211, 213, 245; т. IV, №№ 137, 175, 293; АИ, т. III, №№ 195, 206; т. IV, №№ 43, 93, 233; ДАИ, т. IV, № 131; т. V, СПб., 1853, № 64; ЦГАДА. Разряд, Столбцы Новгородского стола, № 168, л. 280; Севского стола, № 200, лл. 339, 349; Московского стола, № 137, лл. 385—395; № 442, л. 98.

[3] Подробно о приказах, управлявших войском, см. § 4 настоящей главы.

[4] ПСЗ, т. II, № 844, стр. 283—285; *С. К. Богоявленский*. Приказные судьи XVII в. М.—Л., 1946; ЦГАДА. Разряд, Столбцы Белгородского стола, № 466, лл. 43—68; № 1013, л. 655; № 1525, лл. 143—169; Севского стола, № 367, л. 236; Приказного стола, № 722, л. 71; ЦГВИА, ф. Военной канцелярии, д. 53, лл. 126—128.

* * *

В середине XVII в. правительство пыталось завести свой военный морской флот.

Из всех морей, окружавших Русское государство, до Петра были открыты для плавания лишь Белое и Каспийское моря. Белое море по климатическим условиям было доступно для судоходства лишь в течение четырех-пяти месяцев. Волжско-Каспийский водный путь имел важное значение в торговых связях с востоком и югом. Но этот путь был не безопасен, особенно по Каспийскому морю. Торговые караваны казны и купцов неоднократно подвергались нападению как в самом море, так и у его берегов со стороны казаков и горских народов. Защитить свои торговые интересы на Каспийском море и его побережье правительство не могло, не имея вооруженной морской силы.

Указом царя Алексея Михайловича от 9 июня 1667 г. велено было делать корабли «для посылок из Астрахани на Хвалынское море». Местом постройки судов избрали дворцовое село Дединово Коломенского уезда, где и предполагалось создать военный флот в составе корабля, яхты, шняка и двух ботов. Для руководства работой были приглашены голландские мастера. Постройка судов стоила 9021 рубль 25 алтын $1^1/_2$ деньги (около 150 тыс. руб. по курсу начала XX в.)[1].

По указу от 24 апреля 1669 г. корабль получил название «Орел». 7 мая суда отплыли из Дединова в Астрахань.

В ожидании некоторых корабельных припасов суда простояли на Астраханском рейде около девяти месяцев. По поручению астраханского воеводы, к апрелю 1670 г. было построено и спущено на воду еще одно военное судно, предназначенное для борьбы с казаками. После захвата Астрахани С. Т. Разиным команды судов присоединились к восставшим, а суда Разин сжег[2]. Так закончил свое существование первый русский военный флот на Каспийском море.

Создателем русского военного флота по праву считается Петр I.

* * *

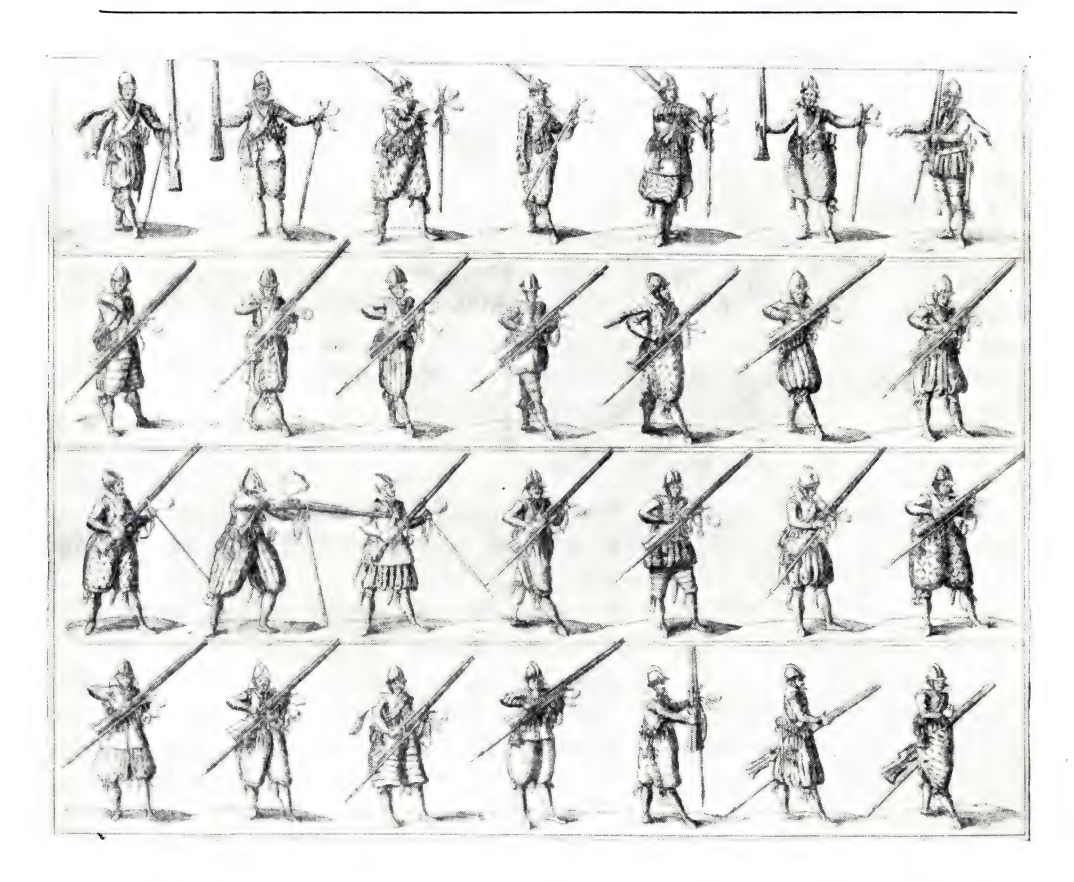
В процессе строительства вооруженных сил на базе роста производства развивалось и совершенствовалось русское военное искусство.

Необходимость обобщения национального боевого опыта и организации обучения войска вызвали к жизни первые русские уставы: «Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки», состав-

---

[1] ЦГАДА. Дела о выездах иностранцев в Россию, 1668 г., д. 42, лл. 16—23.

[2] ДАИ, т. V, № 46—47, стр. 211—284; ЦГАДА. Приказные дела старых лет, 1669 г., д. 312.

Гравюра из книги «Учение и хитрость ратного строю пехотных людей», 1647 г.

ленный Онисимом Михайловым в период 1606—1621 гг., и «Учение и хитрость ратного строю пехотных людей», изданное в 1647 г. Составители этих уставов использовали образцы иностранных военных руководств, однако они стремились внести в них некоторые особенности, вытекавшие из самостоятельного пути развития русского военного искусства.

Крупнейшей войной, которую вело Русское государство в XVII в., была война за Украину. Начало войны было весьма успешно для Русского государства. В течение первых лет войны русские войска заняли огромную территорию, ряд городов Белоруссии и Литвы и дошли до границ Польши. В военных действиях заслуживает внимания построение общих планов военных действий на основе достижений в строительстве вооруженных сил. В овладении неприятельскими городами решающее значение имели пехота (солдаты) и артиллерия. В действиях артиллерии широкое применение получили пушечные (приступные) гранаты, при помощи которых русские зажигали и разрушали крепостные сооружения городов, вносили панику и причиняли урон неприятелю. Умелое сочетание осадных военно-инженерных сооружений с действиями пехоты и артиллерии обеспечило крупные успехи русского войска в войне за Украину.

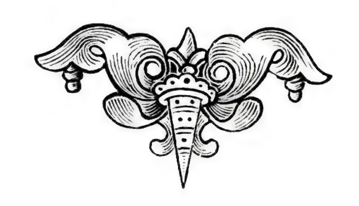
Так же успешно было начало войны в 1656 г. со Швецией. Русское войско овладело многими городами в Прибалтике и дошло до Риги. В качестве примера можно указать весьма удачно проведенное сражение под Сыренском, завершившееся полным разгромом крупных сил шведских войск.

Возросшее военное могущество Русского государства в XVII в. было с наибольшей наглядностью продемонстрировано в Чигиринских походах 1677 и 1678 гг., когда в упорных боях с отборными турецкими войсками русская пехота обнаружила свои блестящие качества, а командование проявило уменье в решении очень сложных тактических задач, в частности, в организации переправы через такую мощную водную преграду, как Днепр. Крымские походы 1687 и 1689 гг. не достигли своей конечной цели — завоевания Крыма. Но преодоление почти двухсоттысячным войском с артиллерией обширных южных степей и появление этого войска в полной боевой готовности перед укреплениями Крыма было фактом большого значения.

Строительство вооруженных сил и ведение войн в XVII в. выдвинули ряд крупных организаторов и полководцев.

Выдающуюся роль в организации военного дела на южной границе сыграл боярин князь Г. Г. Ромодановский, который возглавлял Белгородский разряд в течение 16 лет. Под руководством Ромодановского в 1658 г. комплектовался и формировался Белгородский полк, который участвовал почти во всей войне за Украину. Ромодановский не раз водил свой полк в походы в 70-х годах. Из Белгорода Ромодановский переводился для руководства другими разрядами (Севским, Новгородским). Все это свидетельствует о том, что правительство ценило Ромодановского как выдающегося военного организатора и руководителя, несмотря на его боярскую спесь и строптивость, за которую царь Алексей Михайлович назвал его «самово истинново сатаны сын и друг дияволов». По отзывам современников, Ромодановский отличался неутомимой деятельностью и мужеством[1]. В разгроме иностранной интервенции и руководстве народным ополчением прославился народный герой князь Д. М. Пожарский. Героическую оборону Смоленска в 1609—1610 гг. возглавлял боярин М. Б. Шеин, позднее казненный боярской кликой за неудачную осаду того же Смоленска в 1633 г.

[1] *С. М. Соловьев.* История России, кн. 3, стб. 617; «Записки отделения русской и славянской археологии Русского археолог. об-ва», ч. II, СПб., 1861, стр. 772.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

1

ВВЕДЕНИЕ

Русское государство потерпело существенный территориальный ущерб в результате иностранной интервенции в начале XVII в. Едва оправившись от тяжелого хозяйственного разорения первых десятилетий XVII в., Русское государство возобновило упорную борьбу за разрешение коренных внешнеполитических задач, вставших перед ним с самого начала его существования как государства централизованного.

В области внешней политики Русского государства от XVI в. остались неразрешенными три основных исторических задачи, которые были отчетливо намечены еще со времени Ивана III: во-первых, воссоединение земель братских народов Украины и Белоруссии; во-вторых, получение выхода в море, без чего Россия не могла развиваться как великая нация; в-третьих, доведение до конца борьбы с Крымом и установление на юге прочных и безопасных границ.

Проведение внешней политики в этих направлениях в начале XVII в. весьма осложнилось. Русское государство утратило по Столбовскому миру 1617 г. со Швецией последние опорные пункты на побережье Финского залива — Ям, Иван-город и Копорье. На западе Русское государство по Деулинскому перемирию 1618 г. с Польшей лишилось части важных территорий; были потеряны Смоленск, Чернигово-Северская земля, отрезаны пути в Поднепровье. На юге сложившаяся к концу XVI в. оборонительная система (засечная черта за Окой и множество украинных городов) пришла в период интервенции в упадок, и татары, союзники и попутчики польских интервентов, сделались хозяевами на южной окраине страны; волны их набегов почти беспрепятственно достигали Оки и даже перекатывались через нее.

Перед государством, разоренным кризисом, нуждавшимся прежде всего в мире для восстановления своих сил, предстоял выбор первоочередных и самых насущных задач в области внешней политики.

Русское правительство хорошо сознавало тяжесть вынужденных уступок по Столбовскому миру. Но возобновление борьбы со Швецией за получение выхода в Балтийское море приходилось откладывать на будущее время не только потому, что Швеция в то время стояла в ряду

сильнейших держав Европы, но и потому, что сильная и агрессивная Польша являлась препятствием к прочному овладению Балтийским побережьем. К тому же Швеция, оттеснив Русское государство от моря, повидимому, не стремилась к дальнейшим захватам. Таким образом, сохранение status quo в этом направлении было на первое время пределом стремлений русского правительства.

Отношения с татарами приобретали большое значение в связи с враждебной Русскому государству политикой соседних стран, в особенности Польши, а также потому, что за спиной Крыма стояла Турция. Внимательно наблюдая международную ситуацию на юге, правительство царя Михаила Федоровича не без основания оценивало ее как благоприятную. Союзный договор, заключенный Турцией и Крымом с Польшей в 1607 г., был нарушен последней, и с 1612 г. начинается период затяжных осложнений между Турцией и Польшей и открытой борьбы между ними, только по временам затихавшей. В эту борьбу естественно был втянут и Крым. В силу этих обстоятельств возобновление в 1613 г. мира между Русским государством, Турцией и Крымом произошло без особенных усилий со стороны русского правительства, и на южной окраине государства наступило затишье. Более того, русскому правительству рисовалась возможность в дальнейшем иметь Турцию и Крым на своей стороне даже союзниками в предстоящей войне с Польшей. Вот почему русское правительство ограничилось на юге самыми необходимыми мерами по поддержанию старой оборонительной системы[1]. Борьба с татарами требовала длительных и дорогостоящих мероприятий. При данной благоприятной ситуации правительству казалось возможным избежать на некоторый срок крупных затрат на усиление обороны южной границы.

Центральное место во внешней политике Русского государства в XVII в. заняли отношения русско-польские. Борьба с Польшей естественно вставала перед Русским государством в качестве первоочередной задачи потому, что Деулинское перемирие 1618 г. не только не разрешило вековой тяжбы России с Польшей, а, напротив, обострило ее и делало неизбежным продолжение борьбы. «Искони вечный недруг и разоритель великого Российского государства» Сигизмунд, король польский, не отказывался от притязаний на русский престол. Установленные Деулинским перемирием границы создавали угрожающее для Русского государства положение: потеря ряда западных городов, особенно Смоленска, «образовала зияющие бреши, через которые нетрудно было проникнуть в самое сердце Московского государства». Поэтому возобновление войны с Польшей было неминуемым[2]. Представители правительства не скрывали

---

[1] *А. И. Яковлев.* Засечная черта Московского государства в XVII в. М., 1916, стр. 44; *И. Д. Беляев.* О сторожевой, станичной и полевой службе на польской украйне Московского государства до царя Алексея Михайловича.— «Чтения ОИДР», 1846, кн. I, № IV, отд. I, стр. 36—41.

[2] *П. П. Смирнов.* Города Московского государства в первой половине XVII в., т. I, вып. 2, Киев, 1919, стр. 138—139, 143, 150 и др.

того, что мир с Польшей был временным, что Русскому государству необходим был некоторый срок, чтобы собрать силы для новой войны[1].

Но ликвидация положения, созданного Деулинским перемирием, точнее, ликвидация последствий интервенции, была лишь первым этапом борьбы Русского государства с Польшей. В 50—60-х годах была предпринята война за воссоединение Украины и Белоруссии. Одновременно Русское государство попыталось пробиться к Балтийскому морю, как в XVI в. во время Ливонской войны сделал это Иван IV. Наконец, в течение XVII в. Русское государство систематически и успешно раздвигало свои границы к югу. Оборонительная борьба против Крыма и ногаев перерастала, после Андрусовского перемирия 1667 г., в открытую борьбу с Турцией.

Таким образом, основные направления внешней политики Русского государства в XVII в. преемственно связаны с внешней политикой предшествующего столетия. Вместе с тем во внешней политике Русского государства XVII в. наблюдается много нового.

Прежде всего следует указать, что по пути, открывшемуся после завоевания Казанского, Астраханского и Сибирского ханств, началось стремительное продвижение русских в восточном направлении. Уже к середине XVII в. русские вышли к Тихому океану. Вследствие этого задачи внешней политики Русского государства необычайно расширились, возникли новые связи и отношения со Средней Азией, Монголией, Китаем и другими государствами и народами.

Наконец, экономическое укрепление страны и рост мощи Русского многонационального централизованного государства усилили общее значение его в европейских международных отношениях.

В начале XVII в. две самые передовые в экономическом отношении европейские страны Голландия и Англия довольно беззастенчиво строили планы превращения России в свою колонию. Англичане сочиняли проекты установления протектората над русским Севером и Поволжьем и превращения России в поставщика дешевого сырья (леса, льна, пеньки, канатов и смолы для флота) и в рынок сбыта продукции мануфактурной промышленности.

Английские и голландские купцы пользовались в России огромными привилегиями. Однако с 20-х годов XVII в. в связи с настойчивыми требованиями русских торговых людей и укреплением государства правительство встало на путь ограничения торговли иностранцев и неуклонно проводило эту политику в течение всего столетия[2].

Дипломатические сношения Русского государства с Англией и Голландией в XVII в. ограничивались преимущественно вопросами торговли.

Огромное количество иностранных посольств, приезжавших в Россию в XVII в. и хлопотавших прежде всего о торговых привилегиях

---

[1] ЦГАДА. Крымские дела, 1622 г., № 3, лл. 39—40.

[2] Более подробно об этом см. главу 1, § 4 настоящего издания.

в России, показывает, в какой степени западноевропейские страны экономически были связаны с ней и нуждались в ней.

Вступив в единоборство с султанской Турцией в 70-х годах XVII в. и успешно выдержав его, Россия становится с тех пор все более активной силой в борьбе с турецкой агрессией и участницей организуемых против Турции коалиций.

Новыми же явлениями, показывающими все более возраставший международный вес Русского государства, было то, что оно сделалось центром притяжения для ряда народов, связанных с русским народом историческим прошлым, единством происхождения и культурной близостью. Эти народы, страдавшие под чужеземным игом, ждали своего освобождения при помощи сильного Русского государства. Осуществившееся в XVII в. воссоединение Украины с Россией, неоднократные попытки Молдавии принять русское подданство, аналогичные же попытки и постоянное тяготение к России Грузии, Армении и Азербайджана, усилившееся тяготение южных славян к России — убедительное доказательство возросшей силы и влияния Русского государства.

В XVII в. Русское государство развивало и укрепляло средства для проведения своей внешней политики.

Существенным изменениям подверглась организация вооруженных сил. Во второй половине XVII в. можно уже совершенно определенно говорить о переходе к созданию регулярной армии. В то время Русское государство обладало едва ли не самым многочисленным войском в Европе[1].

Развивалась и русская дипломатия. Посольский приказ в XVII в. значительно разросся. В 1689 г. в Посольском приказе, кроме нескольких «начальников», было 53 подьячих, 22 переводчика и 17 толмачей[2]. Подбор лиц на дипломатическую работу производился с наибольшей по сравнению с другими ведомствами тщательностью. Родовитость ранее всего потеряла свое значение при выборе на службу в Посольском приказе; ответственность дела требовала в первую очередь способностей, образованности и стойкости в отстаивании государственных интересов. Вот почему среди русских дипломатов XVII в. можно указать ряд выдающихся деятелей. По общему признанию, руководитель внешней политики в царствование Алексея Михайловича А. Л. Ордин-Нащокин был дипломатом первой величины. Известен также другой крупный деятель в области внешней политики — князь В. В. Голицын. В лице думных дьяков Посольского приказа Алмаза Иванова, Ф. Лихачева, Е. Телепнева, С. Романчукова и других также нельзя не видеть крупных дипломатов, отличавшихся образованием, тонким знанием дела, большой ловкостью и уменьем вести сложные дипломатические дела и переговоры. Так же тщательно отбирались послы, посланники и гонцы.

---

[1] См. об этом главу 3, § 8 настоящего издания.

[2] «История дипломатии», т. I, под ред. В. П. Потемкина, М., 1941, стр. 233.

В XVII в. существовал детально разработанный «посольский обряд» приема и отпуска иностранных послов и поведения русских послов за границей. Русские дипломаты старались строго соблюдать все правила дипломатического этикета, чтобы нарушение его не причинило ущерба «государской чести», особенно в вопросе о царском титуловании. Иностранцы нередко выражали досаду по поводу упорства, которое русские при этом проявляли. Однако сами иностранцы были в этих вопросах не менее щепетильны и считали для себя такое поведение вполне обоснованным, так как все эти споры о «чести» скрывали под собой совершенно реальные государственные интересы и права. Так, в царствование Михаила Федоровича крымские ханы упорно отказывались именовать русского царя «самодержцем», отлично понимая, что этот титул означает признание полной суверенности Русского государства. Крымцы не останавливались перед прямыми и жестокими насилиями над русскими посланниками, вынуждая их к уступкам по вопросу титулования.

Осведомленность Посольского приказа в международных отношениях и внешней политике различных стран определялась различной степенью заинтересованности русского правительства в этих сведениях. Внешнюю политику ближайших стран, например Крыма и Турции, русское правительство знало до тонкости. О политике более отдаленных стран, с которыми русские еще не пришли в достаточно тесное соприкосновение, осведомленность была гораздо менее полной. Но это было свойственно дипломатии и других стран Европы. Славившаяся своим дипломатическим искусством Франция знала о Русском государстве не больше, чем русское правительство знало о Франции.

По мере расширения сферы дипломатических отношений росла и развивалась и осведомленность русского правительства в международных отношениях. В XVII в. возникли первые русские постоянные дипломатические представители — «резиденты» — за границей: в Швеции, Голландии, Англии, Польше[1]. Углублялись и совершенствовались приемы собирания информации о положении дел в Европе, например знакомство с европейской прессой. К XVII в. относятся первые опыты борьбы с иностранной прессой в целях прекращения враждебной России пропаганды.

Характерной чертой русской внешней политики в XVII в. была ее последовательность и упорство в достижении задач, поставленных историческим развитием Русского государства. Свойственна была ей также продуманность в установлении очередности внешнеполитических задач.

Расширение задач внешней политики Русского государства и объективное соответствие этих задач интересам слагавшейся русской нации, укрепление международного веса и успехи во внешней политике не снимают признания классовой ограниченности этой политики и проистекающей отсюда ее относительной слабости.

---

[1] «История дипломатии», т. I, стр. 248—249.

Господствующий класс использовал дарования и выносливость русского народа, поддержку украинского и других народов, боровшихся за осуществление исторических задач, стоявших перед Русским государством. «Выделять „внешнюю политику" из политики вообще или тем более противополагать внешнюю политику внутренней есть в корне не правильная, не марксистская, не научная мысль»[1]. Внешнюю политику ведет тот же класс, который ведет внутреннюю политику, эту политику «...неизбежно и неминуемо этот самый класс продолжает во время войны, переменив только форму действия»[2].

Когда царское правительство начинало и вело войну за возвращение Смоленска в 1632—1634 гг., оно стремилось прежде всего обезопасить центр страны, ее столицу от угрозы нового вторжения интервентов и окончательно покончить с этой угрозой. Когда правительство в 1638 г. производило огромные работы по восстановлению первой заокской засечной черты, напрягая силы тяглого населения, оно имело в виду безопасность центральных областей государства, где было сосредоточено главным образом феодальное землевладение, а также защиту правительственного центра государства от вторжений с юга. Расширение государственной территории к югу и сооружение новой еще более крупной Белгородской черты преследовало ту же оборонительную цель. Одновременно хотели развязать себе руки для проведения более активной внешней политики по отношению к Польше. Овладение плодородными землями юга наглядно отражало интересы класса феодалов, стремившихся распространить здесь крепостническое хозяйство.

Успешное разрешение важных внешнеполитических задач в XVII в. в значительной мере задерживалось феодально-крепостническим строем государства, его технико-экономической отсталостью. Господствующий класс в XVII в. действовал в значительной мере старыми, дедовскими приемами, которых было уже недостаточно для решения новых сложных внешнеполитических задач. То немногое, что было сделано на пути преодоления отсталости, скорее намечало направление, в котором следовало двигаться, чем удовлетворяло потребности феодально-крепостнического государства.

2

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА В 20—30-Х ГОДАХ И СМОЛЕНСКАЯ ВОЙНА 1632—1634 ГГ.

Начавшаяся в 1618 г. Тридцатилетняя война, разделившая европейские страны на две боровшихся между собой коалиции,—габсбургскую и антигабсбургскую, заметно отражалась на восточноевропейских

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 23, стр. 31.
[2] *В. И. Ленин.* Соч., т. 24, стр. 364.

отношениях. Русскому правительству была хорошо известна династическая связь Польши с Империей и их взаимная поддержка. Во время попытки мирных переговоров между русскими и поляками в 1615 г. имперский представитель Ганделиус, выступая в качестве посредника, явно держал сторону поляков[1]. Естественно, что в течение Тридцатилетней войны русское правительство не могло стоять на стороне Габсбургов, имея в перспективе войну с Польшей.

В то же время русское правительство не хотело быть преждевременно втянутым в войну с Польшей, чего настойчиво добивались Швеция и Турция. В 1621 г. у русского правительства возник план возобновления борьбы с Польшей. Этот вопрос обсуждался на Земском соборе в октябре 1621 г., но Турция, потерпев поражение под Хотином, уже в начале октября заключила с Польшей мир. С тех пор много лет русское правительство твердо избегало участия в каких-либо военных комбинациях против Польши. Характерным выражением этого направления русской политики является указание, данное в наказе московским послам в Константинополь И. Кондыреву и Т. Бормосову в 1622 г.: «А договору о том, как государю с турским вперед быти и на польского стояти, не чинити и не закрепляти, а говорити, что с ними о том не наказано»; ниже повторено: «... и о соединенье договору никакова не чинити и не закрепляти никоими мерами»[2]. В 1626 г. русское правительство дважды отклонило предложение шведского короля о союзных действиях против Польши[3]. Нежелание выступать против Польши объясняется прежде всего тяжелым внутренним состоянием страны, едва начинавшей восстанавливать свои силы после перенесенного ею кризиса.

Уклоняясь от непосредственного участия в Тридцатилетней войне, русское правительство не было в то же время равнодушным ее наблюдателем. В течение войны Русское государство было поставщиком стратегического сырья (пеньки, смолы, селитры и пр.) и, что самое важное, значительного количества хлеба странам, боровшимся против Габсбургов (Англии, Дании, Голландии и Швеции), по ценам ниже существовавших в то время на рынках Западной Европы. Тем самым русское правительство оказывало хотя и косвенную, но весьма существенную поддержку этим странам[4]. В свою очередь, начиная с 1626/27 г., русское правительство производило закупки оружия и боеприпасов в названных странах, а также наем солдат и офицеров.

Различные страны (Швеция, Франция, Турция) стремились ускорить вступление Русского государства в войну с Польшей. Особенную настой-

---

[1] *С. М. Соловьев.* История России, кн. 2, стб. 1075—1090.

[2] ЦГАДА. Турецкие дела, 1622 г., № 4, лл. 133—135, 137—138.

[3] *Б. Ф. Поршнев.* Московское государство и вступление Швеции в Тридцатилетнюю войну.— «Исторический журнал», 1945, № 3, стр. 15—16.

[4] *Б. Ф. Поршнев.* Русские субсидии Швеции во время Тридцатилетней войны.— «Известия АН СССР, Серия истории и философии», т. II, № 5, 1945, стр. 319—340.

чивость в этом вопросе проявлял шведский король Густав Адольф, целью которого было, закончив войну с Польшей, связать последней руки войной с Русским государством, чтобы затем направить все свои силы против Габсбургов. В своих обращениях в Москву Густав Адольф настойчиво развивал ту мысль, что Польша сильна поддержкой Империи, что, воюя против Империи, Швеция вместе с тем бьет по Польше, более того, — что Москва даже больше заинтересована в войне шведов против Империи, чем против Польши. Густав Адольф не жалел красок и широковещательно распространялся о мировых притязаниях Империи, которые угрожают всем христианским государствам, в том числе и Русскому. Французское правительство посольством Деге Курменена в Москву в 1629 г. пыталось обострить русско-польские отношения. При посредничестве англо-французской дипломатии в сентябре 1629 г. между Швецией и Польшей было достигнуто Альтмаркское соглашение, и Швеция смогла полностью включиться в Тридцатилетнюю войну. Дипломатическая игра Швеции и Франции была разгадана русским правительством[1]. В ответ на настойчивые предложения Густава Адольфа оно выражало свое сочувствие его планам, желало ему успеха, подтверждало свое намерение начать войну с Польшей, но, ссылаясь на еще не истекший срок перемирия, отклоняло вступление в войну.

В течение Тридцатилетней войны обнаружились противоречия между целями внешней политики Русского государства, Франции и Англии по отношению к странам Центральной и Юго-Восточной Европы. Франция в своей длительной и упорной борьбе с Империей за гегемонию на континенте энергично стремилась создать против нее восточный оплот из Швеции, Польши и Турции. Французская дипломатия последовательно добивалась того, чтобы эти страны не воевали между собой, и их силы были бы направлены против Империи. Не так последовательно и не в столь широком плане подобную же политику проводила и Англия. Эта политика не была прямо направлена против России, но косвенно она весьма затрудняла для последней осуществление ее внешнеполитических планов, а иногда срывала их. Русские посланники И. Кондырев и Т. Бормосов, находясь в Константинополе, наблюдали, как в 1623 и 1624 гг. французские и английские послы усиленно мирили между собой Турцию и Польшу. Французский посол в Константинополе не скрывал мотивов своей деятельности: война Турции с Польшей отвлекала их силы, которые (в пер-

---

[1] *Б. Ф. Поршнев.* Московское государство и вступление Швеции в Тридцатилетнюю войну, стр. 8—10. О том, что русское правительство понимало двойную игру Франции, ясно видно из переговоров дьяков Посольского приказа с Деге Курмененом, в течение которых французский посол вынужден был на прямо поставленный ему вопрос об участии французской дипломатии в заключении Альтмаркского перемирия давать запутанные и явно ложные объяснения и уверять, вопреки очевидности, что французский посол в Константинополе получил от своего правительства указание всячески помогать русским послам (ЦГАДА. Французские дела, 1629 г., кн. 2, лл. 181, 225—228).

вую очередь силы Турции) могли бы быть использованы против императора[1]. Теми же соображениями руководствовались Франция и Англия, содействуя в 1629 г. Альтмаркскому перемирию.

Отношение русского правительства к Тридцатилетней войне определялось не внушениями со стороны, а совершенно самостоятельными и продуманными мотивами. Война Швеции с Империей оказывала некоторое, хотя и косвенное, действие на Польшу, главного в данное время и непосредственного противника России. С другой стороны, Швеция не могла быть настоящим другом и союзником: шведы только недавно отняли у Русского государства последние прибрежные владения по Финскому заливу, война с ними еще предстояла в будущем.

* * *

Гораздо большее значение для Русского государства при начале войны с Польшей имели отношения с Турцией и Крымом. Длительный исторический опыт убеждал в том, сколь большую опасность для Русского государства в случае войны с Польшей представлял союз последней с Крымом. Однако направление турецкой политики в период, предшествовавший Смоленской войне, как указано выше, казалось благоприятным для Русского государства. Русскому правительству не было никакой необходимости искать поддержки Турции и даже проявлять в этом отношении инициативу. Прерванные после посольства в Турцию И. Кондырева и Т. Бормосова в 1622—1624 гг. дипломатические сношения были возобновлены по инициативе Турции в 1627 г., когда турецкий посол грек Фома Кантакузин предложил русскому правительству союз против Польши, в который, по предложениям турецкого правительства, должна была включиться и Швеция. Фома Кантакузин по настоянию патриарха Филарета подписал и дал крестоцеловальную запись от имени турецкого правительства с обязательством быть против Польши «заодин», удерживать татар от нападений на территорию Русского государства, полностью удовлетворить требования о царском титуле. Фома Кантакузин распространялся о сочувственном отношении к войне против Польши государей чешского, венгерского и молдавского. Все это не склонило Филарета к решению вступить в войну с Польшей. Патриарх Филарет настаивал на заключении формального договора, подтвержденного самим султаном, и откладывал вступление в войну до начала активных операций Турции[2]. Основной причиной сдержанности русского правительства была его неподготовленность к войне, а также неуверенность в устойчивости турецкой политики.

---

[1] *А. А. Новосельский.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.—Л., 1948, стр. 105—106.

[2] ЦГАДА. Турецкие дела, 1627 г., № 1, лл. 292—350, 375—387, 423—426, 437—446; 1630 г., № 1, лл. 15—36, 69—107, 107—148.

На протяжении первой половины XVII в., как, впрочем, и раньше, происходили неоднократные колебания турецкой агрессивной политики в западном направлении — против европейских стран, и в восточном — против Персии. Слабевшая Турция не была в состоянии вести борьбу одновременно на обоих фронтах и вынуждена была перебрасывать свои силы. Каждое из направлений внешней политики имело в правительственных кругах Турции своих сторонников. Донесения русских послов подтверждают то же явление и в 30-х годах. К тому же как раз в то время правительственная власть в Турции находилась в состоянии острого кризиса. В Стамбуле происходили кровавая борьба за власть и мятежные выступления янычар. Султан Мурад IV, являвшийся сторонником войны с Польшей, еще не держал фактически власти в руках и не был в состоянии направлять турецкую политику: положение его самого на троне было непрочным. Такое состояние дел в правительственных сферах Турции открывало для иностранных дипломатов широкую возможность вмешательства, и русские послы наблюдали это вмешательство: они знали, что английский и французский послы, как это было раньше, в 1622—1623 гг. энергично добивались заключения перемирия между Турцией и Польшей. Их вмешательство дало временный перевес партии сторонников мира с Польшей и войны с Персией: перемирие между Турцией и Польшей было внезапно заключено летом 1630 г., и турецкие войска, собранные около устья Днепра, были отозваны[1].

Отказ Турции от совместной с Русским государством войны против Польши не означал полного изменения турецкой политики. Однако временное ослабление правительственной власти в Турции дало возможность Крыму выйти из повиновения и совершить то, чего более всего боялось русское правительство; крымцы поступили по давней своей традиции: в 1632 и 1633 гг., т. е. в период, когда военные операции русских войск против Польши развернулись, они совершили два крупных вторжения в южные уезды Русского государства. Первое вторжение (в 1632 г.) они произвели самостоятельно, второе (в 1633 г.)— по прямому соглашению с польским правительством.

В 1633 г. султан Мурад IV вполне укрепился на троне и снова вернулся к первоначальному плану войны с Польшей. Но к тому времени уже выяснились неудача Смоленской кампании и неизбежный выход Русского государства из войны.

Итак, ко времени начала Смоленской войны Русское государство не имело союзников. На предложение о заключении союза, сделанное русским правительством Швеции в 1632 г., был получен запоздалый и совершенно неудовлетворительный ответ. Но мало того, что Русское государство не имело союзников, в самый разгар войны оно получило тяжелый удар в спину со стороны Крыма.

[1] ЦГАДА. Турецкие дела, 1630 г., № 4 (статейный список русских послов в Константинополь А. Совина и М. Алфимова), лл. 69—76, 96 и др.

* * *

Правительство понимало малую пригодность поместного дворянского войска, составлявшего в то время основу вооруженных сил Русского государства, для овладения такой первоклассной крепостью, какой был в то время Смоленск, и для борьбы с лучше обученными польско-литовскими войсками. Непосредственная подготовка к войне с Польшей началась с 1627/28 г., когда стали производить закупку боевых припасов и оружия за границей и развил усиленную деятельность Пушкарский приказ. Но подготовка вооруженных сил, точнее, попытка создания новых войск в виде полков нового строя, началась не ранее 1630 г., когда были изданы первые распоряжения о формировании русских солдатских и драгунских полков. Широко эти меры развернулись только в 1632—1633 гг. Правительство, следуя практике всех европейских государств, отчасти использовало и наемные войска[1]. Впрочем, иноземцев было немного, потому что правительство явно не доверяло им: предательство наемных отрядов в день Клушинской битвы (1610) было еще живо в памяти.

20 апреля 1632 г. умер польский король Сигизмунд III. В Польше, как всегда бывало в период бескоролевья, началась борьба между отдельными группами шляхты и магнатов за избрание своего ставленника на польский престол. Русское правительство решило воспользоваться этим и, не дожидаясь нескольких месяцев, которые оставались до истечения срока Деулинского перемирия, и не завершив полностью подготовки, начать войну. В июне 1632 г. Земский собор высказался за открытие военных действий.

Война началась в неблагоприятной обстановке. Она не была подготовлена дипломатически. Более того, с апреля по июнь 1632 г. крымцы начали посылать крупные разведывательные отряды в русские пограничные уезды. Татары могли убедиться, что оборона южных границ была значительно ослаблена. Численность южных полков была к этому времени снижена более чем вдвое, гарнизоны южных городов значительно уменьшены. Донское казачество направило лучшие свои силы в армию под Смоленск[2].

В июне 1632 г. татарская конница (до 20 тыс.) через Изюмский и Муравский шляхи вторглась в пределы Русского государства. Под Ливнами подавляющие силы татар частично уничтожили, частично взяли в плен отряд ратных людей (до 700 человек). Затем татары распространились по территории Мценского, Новосильского, Орловского, Карачевского, Ливенского, Елецкого и других уездов. К ранее пришедшим татарам присоединялись и их сменяли новые крупные отряды. Общая численность татар, грабивших русские земли, несомненно, достигала нескольких десятков

---

[1] *Е. Д. Сташевский.* Смоленская война 1632—1634 гг. Организация и состояние московской армии. Киев, 1919, стр. 63—127, 179—190.

[2] *А. А. Новосельский.* Указ. соч., стр. 204—205, 210.

тысяч. По подсчетам Разрядного приказа, татары увели в плен примерно 3 тыс. человек[1].

По крайней мере до августа правительство не могло быть уверенным в том, что татарское вторжение не будет усиливаться. Только 9 августа боярин Михаил Борисович Шеин получил указ о походе из Москвы в Можайск. Таким образом, лучшие месяцы для движения войск с огромными обозами и тяжелой артиллерией были упущены. Кроме того, как ни спешно формировались новые полки, дело это было далеко от завершения.

Главным воеводой после долгих разногласий среди бояр был назначен боярин М. Б. Шеин, защитник Смоленска в 1609—1611 гг.; товарищем к нему был определен окольничий Артемий Васильевич Измайлов. Назначение Шеина произошло при прямой поддержке этой кандидатуры патриархом Филаретом, с которым Шеин сблизился в польском плену. По возвращении из плена Шеин начальствовал над Пушкарским приказом и принимал деятельное участие в подготовке предстоящей кампании.

Согласно царскому наказу, войска должны были собираться в трех пунктах. Главная рать (большой полк) под командованием Шеина и Измайлова собиралась в Можайске; в Ржеве формировался передовой полк под начальством окольничего князя Семена Прозоровского и Ивана Кондырева; в Калуге комплектовался сторожевой полк во главе со стольником Богданом Нагово. Резервы накапливались в Северщине. Разряд ставил перед русской армией основную стратегическую задачу: из Можайска русские войска должны были идти на Дорогобуж, а затем на Смоленск; воеводам Прозоровскому, Кондыреву и Нагово надлежало захватить крепость Белую и другие города и крепости и соединиться с основными русскими силами под Смоленском[2]. Таким образом, Смоленск был главным объектом русского наступления.

Только 10 сентября Шеин получил указ выступить из Можайска к Вязьме. Осень стояла дождливая, и обоз армии, а также артиллерия увязали в грязи, задерживая продвижение пехоты. 26 сентября войска были в Вязьме, откуда двинулись дальше, к Дорогобужу, только 20 октября. Правда, еще 18 октября соединение русских войск под командованием Федора Сухотина овладело Дорогобужем. Еще ранее, 12 октября, калужский отряд под командованием князя Ивана Гагарина захватил Серпейск. Прозоровский овладел крепостью Белой. В течение ноября-декабря 1632 г. в руки русских перешли города Невель, Рославль, Стародуб, Почеп, Себеж, Трубчевск, Сурож и некоторые другие. В Дорогобуже был устроен склад боевых припасов, провианта, денежной казны. 5 декабря 1632 г. русские войска двинулись к Смоленску[3].

Потеря четырех месяцев сказалась на всем последующем ходе кампании. Четыре месяца получила Речь Посполитая, чтобы оправиться от

---

[1] *А. А. Новосельский.* Указ. соч., стр. 212—214.

[2] ААЭ, т. III, СПб., 1836, № 206, стр. 292—300.

[3] «Акты Московского государства», т. I, СПб., 1890, №№ 376—477, стр. 377—440.

Осада Смоленска русскими войсками в 1632—1634 гг. Деталь гравюры В. Гондиуса, 1636 г.

«смут междукоролевья». Смоленский гарнизон в этот период войны насчитывал 1200—1500 человек. Конечно, такого количества солдат для обороны огромной крепости, неуязвимой с запада, но плохо защищенной с юга и юго-востока, было недостаточно. Попытка польского воеводы Гонсевского посадить в осаду две тысячи смоленских посадских людей и крестьян из окружающих деревень была обречена на неудачу, так как все русское население сочувственно относилось к Русскому государству и готово было вернуться в русское подданство[1].

* * *

Шеин решил взять Смоленск правильной осадой. Остановившись в 5—6 верстах от Смоленска на левом берегу Днепра, Шеин построил острог с «теплыми избами», перекинул два моста через реку. Солдатские полки подошли вплотную к городу с юго-восточной стороны и начали рыть траншеи, ставить туры для пушек. Часть русских войск была выдвинута в Мстиславский и Оршанский поветы, чтобы помешать Гонсевскому помочь польскому гарнизону в Смоленске. В конце января под Смоленск подошли князь Прозоровский и Нагово[2].

Тактика Шеина заключалась в том, чтобы постепенно замкнуть осаду вокруг крепости. На западной стороне Смоленска, где крепостные стены стоят на высоком валу, расположился острожек Прозоровского, опоясанный рвом с водой. К острожку примыкали шанцы полка Вилима Кита. На юго-восточной стороне города, слабее всего укрепленной, шли окопы полков Александра Лесли, с которыми смыкались укрепления других солдатских полков. 10 февраля 1632 г. Шеин доносил в Москву, что Смоленск полностью окружен, хотя в действительности этого не удалось достичь.

Русские войска, осадив Смоленск, ждали «большого наряду», т. е. тяжелых орудий, для бомбардировки города, а пока из окопов, занятых полком Лесли, вели минный подкоп под смоленскую стену.

Польские войска накапливались под селом Красным, в 40 верстах от Смоленска. Здесь находились отряды Гонсевского и польного литовского гетмана Христофа Радзивилла — всего 5—6 тыс. человек. Гонсевский и Радзивилл пытались провести в осажденную крепость подкрепление, так как положение осажденных было тяжелое — в городе не было фуража, дров, вода в колодцах была гнилая[3].

Незавершенность блокады Смоленска и некоторая пассивность Шеина позволили Гонсевскому и Радзивиллу в ночь на 26 февраля, внезапно появившись перед станом Прозоровского, подбросить в Смоленск подкрепление — 300 казаков. Правда, вторая часть польско-литовского отряда заблудилась и утром 27 февраля частично была перебита, многие же сдались в плен. Вторая попытка прорваться в город была более удачной, и

[1] «Акты Московского государства», т. I, №№ 440, 442, 443, 452—456.
[2] Там же, №№ 479, 480, 496.
[3] Там же, №№ 481, 488, 495, 498, 501, 510, 514.

в Смоленск прошло мимо Покровской горы 600 поляков. После этого русское командование обратило внимание на Покровскую гору, слабо до этого охранявшуюся, и увеличило здесь стражу.

Лишь в начале марта из Москвы с большими трудностями была подвезена осадная артиллерия. После того как ее установили на турах с северной стороны города, был открыт огонь. Русская тяжелая артиллерия была одной из лучших в мире. Орудие «Единорог» могло держать под обстрелом любую часть города. В результате бомбардировки в крепостной стене образовались проломы, достигавшие в некоторых местах нескольких саженей. 26 мая был произведен взрыв мины из 250 пудов пороху, разрушивший часть стены. Однако за крепостной стеной был еще земляной вал. Этот вал осажденные укрепили, поставили на него артиллерию, и штурм русских был отбит[1].

10 июня была взорвана другая мина, но когда русские войска бросились в образовавшийся небольшой пролом, они попали под сильный артиллерийский обстрел. Потеряв много людей ранеными и убитыми, русская пехота вновь была вынуждена отступить. Под Смоленском наступило временное затишье.

Между тем на польский престол был избран Владислав IV, и Речь Посполитая стала накапливать силы для борьбы с Русским государством. Недалеко от Смоленска, в районе Орши и Красного, собирались польские отряды.

Стараясь ослабить натиск на Смоленск, польское правительство активизировало свои действия на других фронтах. Была сделана попытка овладеть Путивлем. Осада этого города длилась более месяца и окончилась поражением польско-литовских отрядов под командованием Иеремии Вишневецкого. Русские воеводы — князь Гагарин и Усов — с успехом отбили все штурмы неприятельских войск и заставили их отступить от Путивля. Польско-литовские войска захватили и сожгли г. Валуйку, осадили и сожгли острог в Белгороде.

* * *

В 1633 г. польским дипломатам удалось побудить крымцев к новому нападению на Русское государство, пообещав крымскому хану от имени короля Владислава выплатить увеличенные «поминки».

В апреле-мае отряды татар вели разведку в южных уездах. В середине июня крупные силы татарской конницы в 20—30 тыс. человек под командованием крымского царевича Мубарек-Гирея Изюмским шляхом вошли в Русь. Татары миновали Тулу и беспрепятственно перешли засеку. Серпуховской дорогой татары достигли Оки, часть их перешла Оку и опустошала здесь уезды, включая Московский. Другая часть вдоль южного берега

---

[1] *Ф. Ф. Ласковский.* Материалы для истории инженерного искусства в России, ч. 1, СПб., 1858, стр. 194—200.

Оки дошла до Каширы. Здесь войско татар соединилось и снова перешло засеку в южном направлении. Татары напали на уезды: Московский, Оболенский, Серпуховский, Тарусский, Алексинский, Калужский, Каширский, Коломенский, Зарайский, Рязанский, Пронский, Белевский, Болховский, Ливенский и др. Они осаждали города, сжигали слободы, уничтожали припасы и забирали в плен людей. Общее количество захваченных ими пленных достигало примерно 6 тыс., что для южных уездов было очень тяжелой потерей.

Однако эффект этого нападения заключался не только в прямом материальном ущербе и захвате полона. Нападение татар, совершенное второй год подряд крупными силами, вносило деморализацию в войска, находившиеся под Смоленском, и лишало правительство уверенности в обеспеченности тыла. Правительство могло ожидать и впредь таких же нападений, так как неудовлетворительное состояние обороны южных границ обнаружилось в то время в полной мере. Насколько серьезны были опасения, достаточно показывают приготовления к обороне самой Москвы.

Надо принять во внимание, что в русской армии, находившейся под Смоленском, было весьма много ратных людей из южных уездов; из них в значительной мере были скомплектованы новые полки. В обращении к Земскому собору в начале 1634 г. правительство прямо говорило, что дворяне и дети боярские украинных городов, «видя татарскую войну, что у многих поместья и вотчины повоеваны, и матери, и жены, и дети в полон поиманы, из-под Смоленска разъехались, а остались под Смоленском с боярином и воеводою немногие люди»[1].

В июне-августе 1633 г. правительство организовало поход объединенных отрядов русских ратных людей, татар Большой Ногайской орды, черкесских мурз на Малых Ногаев, обитавших к востоку от Азовского моря и принимавших самое активное участие в набегах на Русь. Во главе соединенных сил были поставлены воеводы князья В. Туренин и П. Волконский. В 20-х числах августа ногайские улусы подверглись сильному погрому, что, возможно, ускорило отступление крымского царевича Мубарек-Гирея[2].

До самого конца 1633 г. русское правительство упорно стремилось восстановить боеспособность армии и прекратить побеги из нее. Правительство пошло на резкую меру отнятия поместий у служилых людей, оставивших службу. С другой стороны, оно распорядилось выдать им жалованье, но дворяне и дети боярские говорили, что они не могут «подняться на службу» вследствие полного разорения татарами их поместий и захвата в полон их жен и детей.

В связи с этим уместно напомнить откровенное замечание литовского гетмана Радзивилла об эффекте татарского погрома: «Не спорю, как это

---

[1] *А. А. Новосельский.* Указ. соч., стр. 221.

[2] Там же, стр. 218—220.

по-богословски, хорошо ли поганцев напускать на христиан, но по земной политике вышло это очень хорошо»[1].

* * *

Классовые противоречия, свойственные феодально-крепостническому государству, проявились и в течение Смоленской войны. Еще с осени 1632 г. в войсках Шеина началось движение «вольницы», получившее ярко выраженную социальную окраску. При спешно произведенном наборе новых солдатских и драгунских полков правительство включило в их состав много «вольных охочих людей» из числа крестьян, холопов, посадских людей. Полки эти не могли приобрести за короткий срок их формирования хорошей выучки и дисциплинированности. Присутствие казачьих отрядов должно было увлекать «вольницу» к самовольным действиям. Начало их было связано с именем Балаша, крестьянина Болдина монастыря. Создавались самостоятельные, не подчинявшиеся командованию отряды, начавшие партизанские действия против польско-литовских войск. К весне 1633 г. правительству удалось справиться с движением: бо́льшая часть людей отряда Балаша вернулась в армию, но часть ушла на Дон. Сам Балаш был схвачен. С новой силой движение возобновилось с осени 1633 г., т. е. одновременно с началом массовых побегов ратных людей из войск Шеина. Ратные люди, уходившие из-под Смоленска, объединялись вокруг казачьих отрядов «Балашева сбору» во главе с атаманами донских и яицких казаков. К декабрю 1633 г. под знаменами казачьего атамана Анисима Чертопруда собралось до 3 тыс. человек. К июню следующего года численность казачьих отрядов достигла 8 тыс. В этих отрядах было много беглых крестьян и холопов, не желавших возвращаться к своим владельцам. В уездах, где эти отряды сосредоточились (Козельский, Воротынский, Белевский и др.) начались выступления антифеодального характера, погромы поместий и вотчин, бегство крестьян и холопов. Одновременно с началом мирных переговоров с польским правительством отряды, собравшиеся под знаменами казачьих атаманов, двинулись на восток. Часть их (до 700 человек) была окружена правительственными войсками и разоружена. Входившие в их состав крестьяне, холопы и другие были распущены по домам. Но основная масса (до 6 тыс. человек) под предводительством казачьих атаманов двинулась от Алексина к «полю». С казаками ушла на Дон приблизительно половина. Остальные разошлись по украинным городам и уездам, обитателями которых они были[2].

Это движение вольницы, свидетельствующее об обострении классовой борьбы в период Смоленской войны, должно быть принято во внимание при объяснении неудачи попыток правительства собрать новые войска для продолжения войны.

---

[1] *С. М. Соловьев.* История России, кн. 2, стб. 1200—1201.

[2] *А. А. Новосельский.* Указ. соч., стр. 221—222.

* * *

В августе 1633 г. Владислав с 15-тысячным войском подошел к Смоленску[1]. Русские, хорошо укрепившись под Смоленском, потеряли, однако, подвижность. Множество построенных острожков и других укреплений, наличие значительной, отчасти тяжелой, артиллерии не позволяли Шеину выделить достаточного количества войск для сражений в открытом поле. Находясь перед стенами большой крепости и имея с флангов полевые неприятельские войска, русские очутились в своеобразной осаде.

28 августа 1633 г. польские войска пытались пробиться в город через Покровскую гору, но, понеся большие потери, отступили. Только продовольственный обоз сумел проскочить в Смоленск.

С приходом основных польских сил наемники, входившие в состав русской армии, стали переходить в стан Владислава. Эта измена иностранцев на русской службе подтвердила худшие опасения, высказанные еще в начале войны князем Д. М. Пожарским, который протестовал против найма на службу иноземцев, обычно изменявших в пользу тех, кто им больше платил.

В сентябре польско-литовские войска завладели Покровской горой — ключом смоленской позиции — и стали оттеснять русских от стен города.

Нападая на отдельные русские укрепления, польские войска заставили русские полки бросить свои окопы с северной стороны города и перейти ближе к лагерю Шеина на правом берегу Днепра. Отрезанные от основных русских сил отряды Прозоровского и Нагово, занимавшие юго-восточную и западную часть смоленской стены, с трудом пробились в лагерь Шеина, разгромив при этом сильный отряд противника. Осада Смоленска прекратилась.

Собранные в одном месте русские полки все еще представляли значительную силу. Шеин приказал рыть новые окопы, так как не хотел бросить на произвол судьбы «большой наряд», а маневрировать, имея в обозе тяжелую артиллерию, он не мог. Армия Шеина вследствие обходного маневра польских войск, занявших село Жаворонки и перерезавших Московскую дорогу, оказалась отрезанной от тыла и очутилась в тесной блокаде[2].

Правительство предприняло попытку собрать новое войско, которое должно было идти на выручку Шеина. Главным воеводой этой рати был назначен князь Д. М. Черкасский, а его товарищем — князь Д. М. Пожарский. Однако в сложившихся обстоятельствах правительство не смо-

---

[1] РИБ, т. 1, СПб., 1872, стб. 731—732.

[2] См. «Dyaryusz Wojny Mockiewckiej roku 1633». Варшава, 1633, изд. Рембовского, стр. 40—60.

гло мобилизовать достаточные силы. Собранные войска, численность которых, по самым оптимальным подсчетам, едва достигала 10 тыс. человек, не могли освободить из блокады лагерь Шеина. Войска Шеина остро нуждались в продовольствии и фураже. Нехватало и топлива. Русская армия таяла от болезней, уносивших многие тысячи людей. Иноземные наемники толпами бежали в неприятельский лагерь, а их командиры враждовали между собой. Полковник Лесли, обвинив полковника-англичанина Сандерсона в измене, застрелил его[1].

В январе 1634 г. по инициативе Владислава начались переговоры о перемирии, так как польско-литовские войска также находились в тяжелом положении. Комиссары обеих сторон собрались на Жаворонковой горе, и 16 февраля 1634 г. было подписано перемирие. Следует признать, что русские комиссары добились максимума в тех условиях, в которых находилась армия Шеина. Все русские ратные люди могли свободно отступить от Смоленска, сохранив холодное оружие и мушкеты с зарядами. Русская армия теряла артиллерию и военные запасы, находившиеся в лагере Шеина. Всего из-под Смоленска с Шеиным ушло 8056 конных и пеших ратных людей. Из 2140 иноземцев, оставшихся в русском лагере, половина перешла на службу к Владиславу[2].

19 февраля русские войска покинули лагерь под Смоленском. Владислав пытался развить успех и направился с большой частью своих войск к крепости Белой. Но ни штурм, ни правильная осада этой русской крепости не могли сломить упорное сопротивление ее гарнизона, едва достигавшего 1000 человек. Поражение Владислава под Белой ускорило заключение мира. 3 июня 1634 г. был подписан так называемый Поляновский мирный договор. В силу этого договора Владислав отказывался от своих притязаний на русский престол и обязался возвратить избирательную грамоту, выданную на его имя и в свое время вывезенную Жолкевским из Москвы. Полякам были возвращены все города, захваченные русскими войсками в начале войны, кроме Серпейска с уездом. Речь Посполитая летом 1634 г. сама находилась в очень трудном положении: снова началась война с Турцией, истекал также срок перемирия со Швецией. Поляновский мир обезопасил русскую западную границу. За неудачу Смоленской войны воеводы М. Б. Шеин и А. В. Измайлов поплатились головами: по боярскому приговору они были казнены[3].

Итак, неблагоприятная внешнеполитическая обстановка, в частности татарские вторжения, обострение классовой борьбы, значительно осложнявшие положение на фронте, поспешность и незавершенность первой попытки реформирования войска и создания новых полков, недостаточно энергичное и умелое руководство военными действиями были причинами неудачного исхода войны.

---

[1] См. «Dyaryusz Wojny Mockiewckiej roku 1633», стр. 68—69.
[2] ААЭ, т. III, №№ 245—248, стр. 372—380; № 251, стр. 382—389.
[3] Там же, № 251, стр. 382—389.

3

РУССКО-ТУРЕЦКИЕ И РУССКО-КРЫМСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 30—40-х ГОДАХ

Во внешней политике Русского государства в период от окончания русско-польской войны до конца 40-х годов наиболее существенное значение имели отношения с Крымом и Турцией.

Русское правительство отказалось от активной внешней политики на западе и энергично принялось укреплять южную границу. Крупные вторжения татар в пределы Русского государства, оказавшие весьма существенное влияние на неудовлетворительный исход Смоленской войны, обнаружили слабость обороны южных границ государства. К тому же на юге произошли события, изменившие там всю ситуацию. В начале 1634 г. орда Больших Ногаев под давлением калмыков ушла из-за Волги, продвинулась к нижнему течению Дона и стала пробиваться через Дон к Крыму. Туда же двинулась и Малая Ногайская орда. В течение 1635—1636 гг. обе Ногайских орды, Большая и Малая, несмотря на энергичное сопротивление донских казаков, нанесших татарам ряд сильнейших поражений, перешли Дон и объединились с крымцами. Присоединение к Крыму крупных Ногайских орд меняло соотношение сил в Причерноморье. В 1634—1636 гг. ногаи продолжали сильные вторжения в русские пределы и на огромных пространствах от заоцких уездов до мордовских «мест» все русское население вело с ними ожесточенную борьбу. Аналогичная перегруппировка татарских орд, сопровождавшаяся самыми тягостными для Русского государства последствиями, уже имела место однажды во время Ливонской войны. Было вполне возможно, что татары, собрав свои силы (до 100 тыс. конницы) и имея единое руководство, прорвут обветшалую оборону и окажутся на Оке, а может быть, и под Москвой[1].

Русское правительство должно было признать ошибочность предшествующей политики по отношению к Крыму. Очевидно, что усиление обороны против татар не допускало дальнейшей отсрочки. С 1635 г. русское правительство приступило к коренному переустройству и усилению обороны южных границ государства.

В течение 30-х годов было построено 10 новых городов и возобновлен г. Орел, разрушенный в годы интервенции. Было положено начало созданию новой оборонительной черты, названной Белгородской. Новые города были размещены следующим образом: со стороны Ногайской дороги — Козлов, Тамбов, Верхний и Нижний Ломовы (1636), со стороны Калмиусского и Изюмского шляхов — Усерд (1637), Яблонов (1637), Короча (1638), Чернавск (1635), несколько севернее — Ефремов (1637) и далеко впереди, к югу, между Изюмским и Муравским шляхами — Чугуев

[1] *А. А. Новосельский.* Указ. соч., стр. 222—227.

(1639). По Муравскому шляху не было построено ни одного нового города, потому что в 30-е годы татары почти не совершали здесь нападений.

В 1637 г. донские казаки по собственной инициативе и вопреки намерениям русского правительства заняли Азов. Это создало угрозу осложнения русско-турецких отношений. В сентябре 1637 г., по указу султана, крымский царевич Сафат-Гирей вторгся в русские пределы, захватив в полон до 2300 человек. В Москве допускали возможность того, что татары преодолеют засеку «большою мочью и пойдут к берегу, и Оку перелезут, и пойдут под Москву». Поэтому в 1638 г. правительство, мобилизовав большое количество людей и большие средства, полностью восстановило заоцкую засечную черту на протяжении до 600 верст[1].

В действительности занятие Азова казаками имело обратное действие, и татарские набеги затихли. Это дало возможность русскому правительству продолжить укрепление Белгородской засечной черты в более спокойной обстановке. Однако, когда казаки, героически выдержав осаду Азова огромной турецко-татарской армией в 1641 г., предложили русскому правительству принять Азов под свою власть, оно отказало им в этом, и в 1642 г. казаки покинули Азов. Русское правительство вовсе не имело в виду изменять основное направление внешней политики, а борьба за Азов, несомненно, должна была бы повлечь за собой русско-турецкую войну, что означало бы новый курс во внешней политике.

Вторжения татар возобновились в 1642 г. и достигли большой силы в 1644—1645 гг.

В 40-х годах по Белгородской черте было вновь построено еще 18 городов (Усмань, Коротояк, Новый Оскол, Вольный, Хотмышск, Карпов, Обоянь и др.) и создано два укрепленных района с целой системой острожков, валов, рвов и засек в Комарицкой волости под Севском и в Лебедянском уезде. К концу 40-х годов было в основном завершено строительство Белгородской черты от р. Ворсклы до г. Тамбова на Цне, с ее продолжением далее на восток — сооружения гораздо более мощного, чем старая засечная черта: валы, рвы, надолбы, острожки и города составляли почти сплошную линию. Укрепленная черта была заново заселена.

Построив новую укрепленную линию, правительство стало собирать полки для охраны границ на этой линии, не прекращая, однако, сосредоточивать силы и севернее, вдоль старой засечной черты. Таким образом, оборона южных границ стала значительно более надежной. Командование войсками, расположенными по Белгородской черте, получило больше самостоятельности и потому стало действовать более оперативно, чем раньше[2].

В 1646 г. правительство организовало крупный поход под Азов. Вместе с донскими казаками эти войска нанесли татарам ряд поражений

[1] *А. И. Яковлев.* Указ. соч., стр. 44—65; *А. А. Новосельский.* Указ. соч., стр. 295.
[2] *А. А. Новосельский.* Указ. соч., стр. 368—370 и др.

Подготовлявшийся татарами большой набег на Русь вследствие этого не состоялся. Попытки их нападений в 1647 г. также потерпели полную неудачу.

Для полного представления об огромной работе по укреплению обороны южных границ необходимо принять во внимание, что в течение 1648—1654 гг. засечная черта от Нижнего Ломова была продолжена до Симбирска на Волге. Почти одновременно, в 1652—1656 гг., от г. Белого Яра на луговой стороне Волги до Мензелинска была проведена Закамская укрепленная черта, которая должна была защищать русскую территорию от набега калмыков.

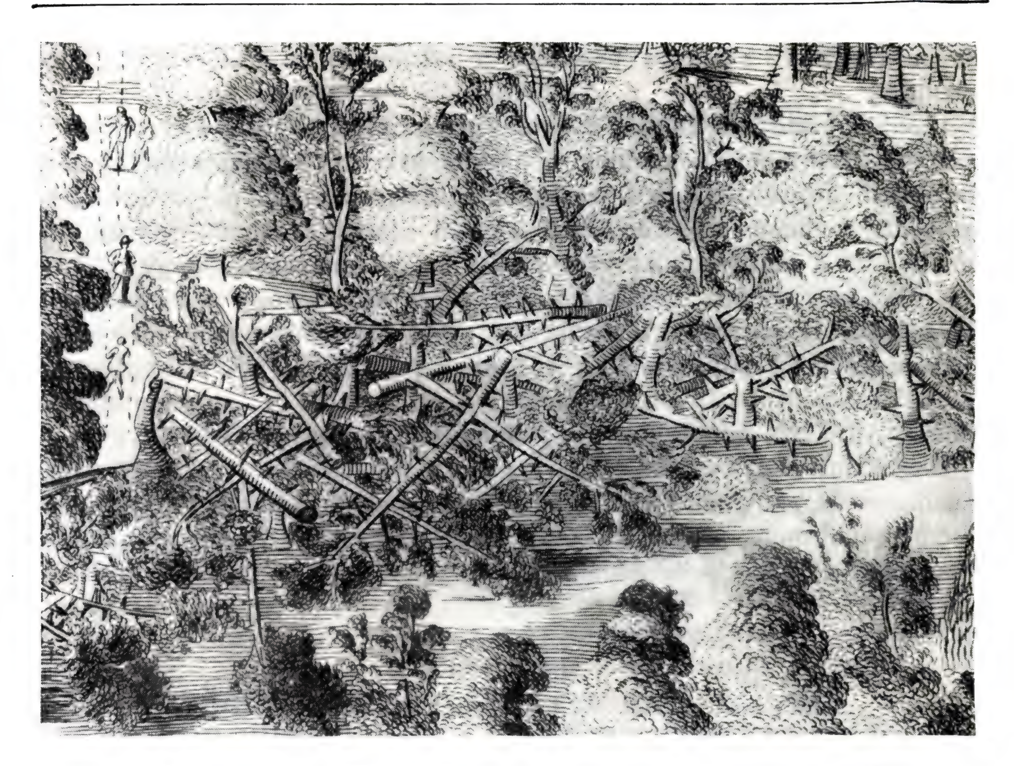
Слагавшаяся издавна система обороны южных границ Русского государства характерна для централизованного государства. Само создание огромных оборонительных линий требовало мобилизации массы людей и крупных материальных средств, чего нельзя было осуществить при отсутствии сильной центральной власти. Поддержание всей сложной системы обороны — регулярный сбор на границу значительных по численности войск, правильное и точное действие разветвленной сети сторóж и разъезжих станиц, проникавших далеко в степь, было возможно только при наличии централизованного управления. Затраты на оборону южных границ вполне оправдывались. Когда оборонительная система действовала, татарам не удавалось уводить сразу такой большой полон, какой они нередко уводили из пределов Украины.

Успех оборонительного строительства в 30—50-х годах был несомненен. Нападения татар и проникновение их в центральные области государства были окончательно предотвращены. Русское государство могло теперь гораздо более спокойно готовиться к новой войне с Польшей. Нельзя не указать также на то, что строительство новых укрепленных линий способствовало хозяйственному освоению обширных черноземных пространств, что имело весьма большое экономическое значение для всего Русского государства[1].

Восстановление Русским государством сил, растраченных в неудачной Смоленской войне, ликвидация последствий войны протекали очень быстро, что скоро отразилось на развитии русско-польских отношений. После подавления крестьянско-казацких восстаний 1635—1638 гг. положение польской власти на Украине все же не было прочным. Мир был только кажущимся. Украина продолжала волноваться, украинское казачество не прекратило своих активных операций на Черном море, что могло дать повод к новым татарским вторжениям. Вот почему после Поляновского мира в Польше возникли проекты оборонительного союза с Русским государством против Крыма. Уже в 1635 г. польский посол А. Песочинский сделал в Москве предложение о союзе против крымцев, чтобы действовать «спольными силами» для обороны от их «поганских наездов и шкот»[2]. В 1640 г. со стороны Польши последовало новое предложе-

[1] *А. А. Новосельский.* Указ. соч., стр. 368.

[2] ЦГАДА. Польские книги, № 50, лл. 78—79.

Устройство засек. Деталь гравюры В. Гондиуса «Осада Смоленска», 1636 г.

ние «о соединенье на бусурман», т. е. турецкого султана и крымского хана[1]. Русское правительство холодно отвечало на эти предложения и откладывало обсуждение вопроса, «как время дойдет совершать великие дела».

В 1644 и 1645 гг. крымские татары, поощряемые Турцией, совершили два крупных нападения на смежные территории Русского государства и Речи Посполитой. Эти нападения побудили русское правительство внимательнее отнестись к вопросу о союзе против Крыма. В 1645 г., когда король Владислав готовился к войне против Турции в союзе с Венецией, польский посол Г. Стемпковский предложил организовать поход на Крым, «а король де и сам хочет итти на Крым, не щадя головы своей». Однако русские послы, прибывшие в Варшаву в 1646 г., нашли положение дел в Польше резко изменившимся: воинственные планы короля встретили решительный отпор со стороны сейма, шляхта не дала королю начать войну[2]. Все эти дипломатические переговоры привели в конце концов к заключению 15 сентября 1647 г. лишь оборонительного союза между Русским государством и Польшей против Крыма: «заодно стоять» против него и не заключать с ним отдельных мирных соглашений[3]. На протяжении 30—40-х годов имели место взаимное осведомление и попытки совместных

[1] ЦГАДА. Польские книги, № 63, лл. 121, 123, 370—373.
[2] Там же, № 68, лл. 128 об., 168 и др.; № 71, лл. 141—142 и др.
[3] Там же, № 72 и Польские дела, 1647, № 4, лл. 4—6.

оборонительных действий русского и польского правительств против крымцев.

Начало освободительной войны украинского народа под предводительством Богдана Хмельницкого против магнатско-шляхетской Польши открывало перед русским правительством перспективу разрешения первоочередной внешнеполитической задачи — воссоединения Украины и Белоруссии и возвращения утраченных по Поляновскому миру территорий. Южные границы Русского государства были к тому времени сильно укреплены. Польское правительство путем произвольного толкования оборонительного договора 1647 г. пыталось втянуть русское правительство в борьбу с Крымом и тем облегчить свое трудное положение. Вполне понятно, что эта попытка была решительно отвергнута[1].

Освободительная война украинского и белорусского народов, завершившаяся историческим актом воссоединения Украины с Россией, обострила отношения между Русским государством и Речью Посполитой и привела к войне между ними[2].

4

ПЕРВЫЙ ЭТАП РУССКО-ПОЛЬСКОЙ ВОЙНЫ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ УКРАИНЫ И БЕЛОРУССИИ (1654—1656)

Вопрос о войне с Речью Посполитой был решен русским правительством уже в феврале-марте 1653 г.[3] В 1653 г. продолжались оживленные дипломатические переговоры между русским правительством и Богданом Хмельницким. В июне правительство официально уведомило Хмельницкого о своем согласии на воссоединение Украины. Летом 1653 г. правительство отправило в Польшу посольство во главе с князем Б. А. Репниным-Оболенским, которое сделало попытку помирить польское правительство с Хмельницким на условиях Зборовского договора. Однако основной целью посольства было осведомление о внутреннем состоянии Польши. Попытка примирения встретила решительный отказ со стороны польского правительства, но в то же время посольство убедилось во внутренней слабости Польши, что давало основание высоко оценивать шансы на успех в борьбе с ней. Посольство Репнина вернулось в Москву в конце сентября 1653 г.[4], а 1 октября Земский собор от лица всего государства утвердил решение правительства о принятии Украины в русское поддан-

[1] «Акты, относящиеся к истории южной и западной России», т. III, СПб., 1861, №№ 133—134, стр. 127—130.

[2] Более подробно об освободительной войне украинского народа см. главу VI, § 2 настоящего издания.

[3] *А. Н. Мальцев.* Война за Белоруссию и освобождение Смоленска в 1654 г.— «Исторические записки», № 37, стр. 126—127.

[4] О сношениях русского правительства с Б. Хмельницким см. главу VI, § 2 настоящего издания.

ство. Это означало, что правительство предполагает начать войну с Речью Посполитой за Украину и Белоруссию.

Воссоединение с Россией в корне изменило отношения Украины с Крымом. В Крыму известие о воссоединении произвело сильнейшее впечатление. Из рук татар ускользал источник неиссякаемой добычи, и создавалась непосредственная угроза для самого существования Крыма. Напротив, Украина, получив опору в России, приобрела возможность вести независимую политику по отношению к Крыму[1]. Официально решение о начале военных действий было обнародовано лишь 23 октября. Тогда же были назначены воеводы для командования основными действующими силами.

Вступлению в войну с Речью Посполитой предшествовала известная дипломатическая подготовка. В конце 1653 г. и в 1654 г. в Голландию, Францию и Австрию были отправлены русские представители, которые в числе причин, вызвавших войну, указывали на нарушение Польшей договоров, заключенных с королями Владиславом и Яном Казимиром, ссылались на распространение в Речи Посполитой клеветнических сочинений о России. Помимо дипломатических обязанностей, на русских представителей возлагались и консульские — по закупке оружия и найму солдат, офицеров и врачей[2].

* * *

Уже в первых числах октября 1653 г. русское правительство направило воевод боярина В. П. Шереметева с товарищами С. Л. Стрешневым и Ж. В. Кондыревым в Новгород и Псков для формирования армии.

Численность ратных людей армии Шереметева определялась «по наряду» примерно в 15 тыс. солдат, драгун, дворян и детей боярских, стрельцов и др.[3] Фактическая цифра была несколько ниже.

Перед армией Шереметева была поставлена задача: к 20 мая выйти на рубеж западнее Великих Лук, следовательно, сосредоточиваться непосредственно у польско-литовской границы, чтобы двинуться на Невель, Полоцк, Витебск и другие города. Созданием значительной русской армии на северо-западе достигались сразу две цели: во-первых, под удар непосредственно ставились воеводства Витебское и Полоцкое; во-вторых, Русское государство обеспечивало свою безопасность от каких-либо непредвиденных случайностей со стороны Швеции, которая могла действовать из шведской Ливонии.

---

[1] *А. А. Новосельский.* Совместная борьба русского и украинского народов против турецко-татарских захватчиков.— «Доклады и сообщения Ин-та истории АН СССР», 1954, вып. 2, стр. 19 и сл.

[2] *С. М. Соловьев.* История России, кн. 2, стб. 1655—1658; *Н. Н. Бантыш-Каменский.* Обзор внешних сношений России, ч. 1, М., 1894, стр. 20, 184.

[3] ЦГАДА. Разряд. Столбцы Новгородского стола, № 156, лл. 6, 9—10, 17, 34, 72, 88—91, 150, 174, 240. 243.

Однако действия с северо-запада имели только вспомогательное значение. Главный удар русское правительство намеревалось нанести через Вязьму на Смоленск, предусматривая после взятия или блокирования последнего развитие успеха вглубь Речи Посполитой.

В октябре 1653 г. были назначены воеводы в большой, передовой и сторожевой полки: боярин князь Я. К. Черкасский, князь Н. И. Одоевский, князь М. М. Темкин-Ростовский. Эти воеводы должны были действовать под верховным начальством царя Алексея Михайловича, который шел в поход во главе государева полка.

Центральная (Смоленская) армия по своей численности и артиллерии значительно превосходила фланговые армии и по некоторым указаниям исчислялась в 41 400 человек[1].

Третий удар Речи Посполитой русское правительство готовилось нанести с юго-запада, из Брянска. Еще 23 октября 1653 г. в Брянск были назначены воеводы во главе с князем А. Н. Трубецким. Армия Трубецкого должна была действовать в направлении Рославль — Мстиславль — Борисов, т. е. под удар этой армии ставились Мстиславльское и Минское воеводства, а Смоленское воеводство охватывалось с юго-запада.

В планах войны с Речью Посполитой русское правительство большую роль уделяло Украине и казацкому войску гетмана Богдана Хмельницкого. В 1654 г. на южных границах Русского государства, по Белгородской оборонительной черте, находилось войско численностью свыше 7 тыс. человек под командованием В. Б. Шереметева, которое должно было одновременно и защищать Украину[2]. Правительство считало, что Хмельницкий не только сумеет сковать значительную часть польских войск на Украине, но и сам перейдет к наступательным операциям.

Для усиления казацкого войска Богдана Хмельницкого на Украину в июне 1654 г. из Путивля был отправлен отряд численностью свыше 4 тыс. под начальством А. В. Бутурлина. Между русским правительством и Хмельницким в первой половине 1654 г. велись переговоры о совместных действиях против Речи Посполитой и об участии казаков в войне. Видимо, одним из результатов этих переговоров явилась посылка Хмельницким в Белоруссию 20-тысячного войска под командованием наказного гетмана И. Н. Золотаренко, который со своим отрядом подчинялся верховному русскому командованию. Отряд Золотаренко должен был действовать из района Северской Украины вверх по течению Днепра и Сожа.

Богдан Хмельницкий придавал большое значение успешному ходу действий русских войск в Белоруссии. Главной своей целью во время кампании 1654 г. русское правительство ставило освобождение территории Смоленщины и Белоруссии в районе Днепра и Западной Двины;

---

[1] ЦГАДА. Гос. архив, XXVII разряд, № 86, ч. 1, л. 233.

[2] *А. Н. Мальцев.* Боевое содружество русского, украинского и белорусского народов в борьбе за освобождение Украины и Белоруссии (1654—1655 гг.) — Сб. «Воссоединение Украины с Россией», М., 1954, стр. 266, 267, 270—274.

считалось, что с занятием этих территорий решается вопрос и об Украине. В случае же возможного контрнаступления польско-литовских войск русские силы опирались бы на удобные естественные рубежи для обороны и на многочисленные небольшие городки, расположенные по Днепру, получали под свой контроль пути сообщения по Днепру и Западной Двине и более удобно могли маневрировать людскими резервами и транспортировать оружие, боеприпасы и продовольствие.

В самом начале войны правительство дало воеводам строгое предписание, чтобы они, прежде чем приступать к осаде или штурму того или иного города, предварительно посылали в этот город листы с предложением сдаваться. Лишь в случае отказа воеводы имели право прибегать к оружию.

* * *

К середине мая 1654 г. все приготовления к войне были закончены. 15 мая 1654 г. началось движение русских войск из Москвы к польско-литовской границе. Польско-литовские военачальники писали о наступлении русских армий в 1654 г., что никогда ничего не было подобного такому великому «нашествию»[1].

Уже в начале июня русские войска взяли города Белую и Дорогобуж. Командование стало сосредоточивать в Дорогобуже войска, чтобы повести отсюда наступление на Смоленск. Русское правительство спешило скорее овладеть Смоленском, так как было известно, что ни в Смоленске, ни около него нет значительных польско-литовских войск.

В конце июня — начале июля русские войска осадили Смоленск. Но командование не решалось брать город штурмом, пока 10-тысячное войско Януша Радзивилла, находившееся в Орше, создавало угрозу русским войскам, осаждавшим Смоленск. В связи с этим под Оршу были посланы войска под командованием Я. К. Черкасского. Отряд Черкасского быстро приблизился к Орше, и уже 2 августа в ставке царя под Смоленском было получено известие о взятии этого города. Под давлением русских сил Радзивилл отступил к Копыси, а оттуда к Шклову, где отряд Черкасского нанес ему крупное поражение.

В ночь на 15 августа русские войска начали штурм Смоленска, но потерпели неудачу. Однако гарнизон был настолько обескровлен, что в сентябре был вынужден сложить оружие. Мещане с самого начала осады Смоленска стояли за сдачу города, но встречали сопротивление со стороны шляхты и командования гарнизона. 23 сентября русские войска вступили в Смоленск.

Подавляющее большинство жителей не пожелало уйти из города, хотя имели для этого полную возможность.

Таким образом, одна из главных задач кампании 1654 г. была разрешена.

---

[1] ЦГАДА. Дела польские, 1654 г., № 2, л. 28.

Действия войск на юго-западе и северо-западе Белоруссии также имели существенное значение для развития всей кампании 1654 г. Войска А. Н. Трубецкого из Брянска двигались по направлению на Рославль. 27 июня Рославль был сдан русским войскам. Из Рославля войска Трубецкого пошли на Мстиславль, который после ожесточенного боя был взят приступом 12 июля[1].

После этого армия Трубецкого переправилась на другую сторону Днепра и под Борисовом настигла польско-литовские войска Я. Радзивилла и В. Гонсевского и нанесла им поражение[2].

К концу августа взятием войсками А. Н. Трубецкого городов Дубровны, Шклова и Горы была закончена летняя кампания 1654 г.

Одновременно развертывались действия войск И. Н. Золотаренко в Белоруссии, приведшие к взятию Гомеля, Чечерска, Нового Быхова и других городов.

Еще в конце июля из-под Смоленска к Могилеву был послан небольшой отряд уговаривать могилевцев сдать город добровольно. 26 августа Могилев открыл ворота русским войскам. Это был большой успех. Могилев являлся одним из наиболее крупных и развитых экономических центров Белоруссии[3].

* * *

На северо-западе армия В. П. Шереметева во второй половине мая 1654 г. начала наступление от Великих Лук по направлению на Невель—Полоцк—Витебск. 1 июня сдался Невель, и Шереметев двинулся к Полоцку. Взятие 17 июля Полоцка, одного из крупнейших городов Белоруссии, главного города Полоцкого воеводства, оказало существенное влияние на весь дальнейший ход войны. С занятием Полоцка русские войска перерезали коммуникации по Западной Двине между Витебском, Динабургом и другими городами, получили важный опорный пункт, откуда могли развивать наступление вглубь Речи Посполитой. Неприятель отмечал, что «иные городки и ничего ниоткуду не надеются, только от Полотцка»[4]. Прежде чем идти к Витебску, Шереметев принял меры к закреплению занятой территории. В июне — августе были взяты Дисна, Друя, Усвят и др.

По-иному сложилось положение в Лифляндском воеводстве на стыке русских, литовских и шведских владений. В это время русское командование не хотело начинать военные действия в Лифляндском воеводстве, чтобы не обострять отношений со Швецией.

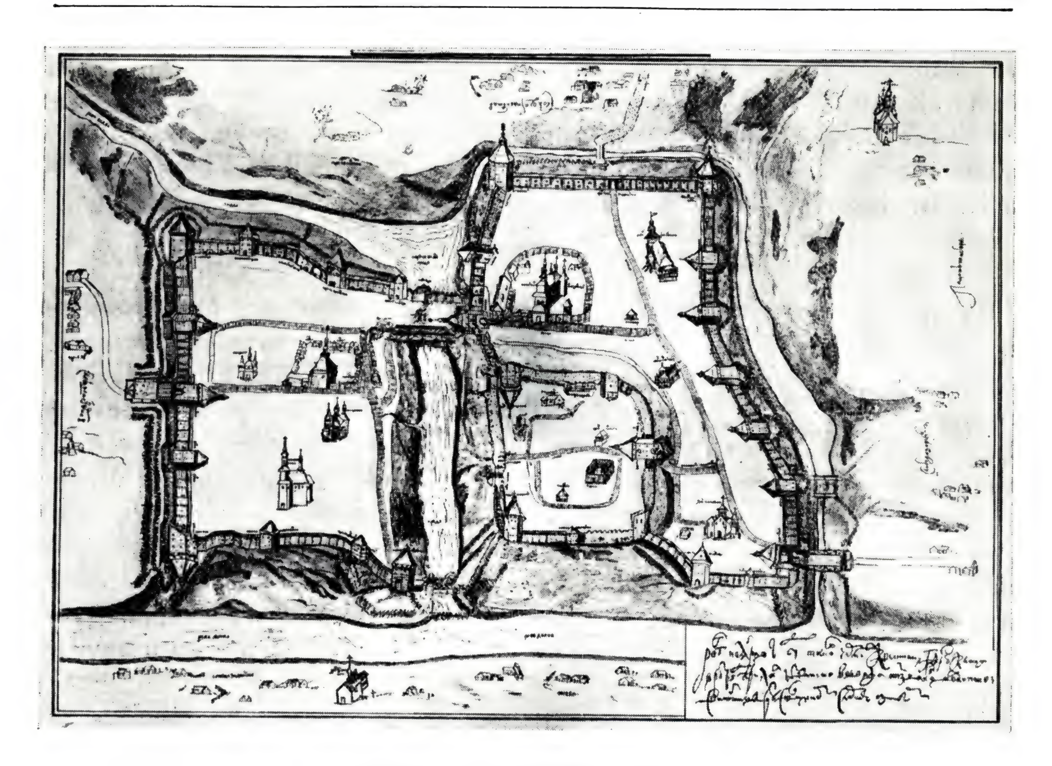
---

[1] ЦГАДА. Дела польские, 1654 г., № 2, л. 32; Гос. архив, XXVII разряд, № 86, ч. 1, л. 382.

[2] ЦГАДА. Разряд. Столбцы Новгородского стола, № 212, лл. 99—101, 103.

[3] «Акты, относящиеся к истории южной и западной России», т. XIV, СПб., 1889, № 9, стр. 341.

[4] ЦГАДА. Дела польские, 1654 г., № 2, л. 38.

Чертеж г. Витебска 1664 г.

Центральный государственный архив древних актов

В середине августа войска Шереметева подошли к Витебску и осадили этот сильно укрепленный город.

Только 17 ноября 1654 г. после ожесточенного приступа Витебск был взят[1].

Взятие Витебска явилось последней крупной операцией русских войск в 1654 г. и одновременно знаменовало осложнение русско-шведских отношений. В связи с прибытием в январе 1655 г. шведского посольства царь Алексей Михайлович писал А. С. Матвееву: «И Смоленск им не таков досаден, что Витепск, да Полотеск, потому что отнят ход по Двине в Ригу»[2].

После того как успехи в Белоруссии определились, русское правительство в сентябре 1654 г. дало распоряжение псковскому воеводе послать отряд войск в Лифляндское воеводство под Динабург, Резекне и Люцин. Города Резекне и Люцин были взяты русскими войсками. В конце ноября была взята Лужа[3].

Таким образом, в результате военных действий 1654 г. на русско-польском театре войны, от Гомеля до Резекне, были освобождены обшир-

[1] ЦГАДА. Гос. архив, XXVII разряд, № 92, л. 3; № 86, ч.1, л. 382.

[2] Там же, № 100, л. 28.

[3] ЦГАДА. Разряд. Столбцы Новгородского стола, № 162, лл. 273—278; № 161,л.350.

ные западно-русские и белорусские земли до Днепра и Западной Двины, было занято 33 города[1]. Фактически под контролем русского правительства находилось также и междуречье Днепра и Березины, где в это время почти не было польско-литовских войск и куда русские воеводы и И. Н. Золотаренко посылали свои отряды.

* * *

Успешное развитие военных действий в Белоруссии оказало огромную помощь Украине. С лета 1654 г. польско-литовское войско не смогло предпринять ни одной сколько-нибудь значительной операции на Украине. Благодаря освобождению русскими войсками верховьев Днепра и Восточной Белоруссии значительно укрепилась безопасность Украины, была ликвидирована угроза наступления литовского войска Радзивилла на Киев. В свою очередь казацкое войско Б. Хмельницкого совместно с русским отрядом А. В. Бутурлина, находившимся на Украине, сковывало часть польсколитовских войск. Осенью 1654 г. объединенные русско-украинские силы под командованием Б. Хмельницкого и Бутурлина предприняли наступление из-под Фастова, заняли Острог, Межиречье, Ровно и другие города.

Поражение Речи Посполитой объяснялось не только ее военной неподготовленностью. Ее неудачи были прямым следствием внутренней слабости Польши. Подавляющая масса населения Белоруссии — белорусское крестьянство, беднейшие слои городского населения, подвергавшиеся жесточайшей феодальной эксплуатации, национальному и религиозному гнету, не хотели выступать против России и защищать панскую, шляхетскую Польшу. Наступление русских войск в Белоруссии и на Смоленщине послужило началом нового подъема освободительного движения белорусского народа, а также украинского народа на неосвобожденной территории. Летом 1654 г. правительство Речи Посполитой опасалось всеобщего народного восстания в Белоруссии[2]. Польско-литовские правящие круги отмечали, что «на мужиков худая надежда, их пуще надобно опасатися», «мужики вельми недоброхоты», «бунтуются, панов своих не слушают и вывозячимся из домов своих подвод не дают»[3], всюду сдаются русским, «больши злого, нежели самая Москва чинят»[4]. В Могилеве, например, беднейшие и средние люди говорили, что как только русские войска придут к городу, они объединятся с ними и будут стоять заодно против тех, кто не хочет сдать город и выступает против русских[5].

---

[1] ЦГАДА. Разряд. Столбцы Новгородского стола, № 212, л. 115 а.

[2] «Акты, издаваемые Виленскою комиссиею для разбора древних актов», т. XXXIV, Вильно, 1909, № 9, стр. 8, 9.

[3] ЦГАДА. Дела польские, 1654 г., № 2, л. 43, 44, 53.

[4] Там же, л. 43.

[5] «Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России», т. XIV, № 8, стр. 195.

В ряде случаев белорусские и русские крестьяне совместно громили шляхетские маетности (как это было под Люцином)[1].

При вступлении казацкого войска Золотаренко в Белоруссию оно стало быстро пополняться крестьянами и городской беднотой. Когда один шляхтич пытался угрожать жителям Чаус за поступление в казаки, «своевольные чаусовцы», «мятежники», как он их называл, сказали ему: «Не порывайся, чтобы еси не посетил реки»[2].

Поддерживая борьбу украинского и белорусского народов против национального и религиозного гнета, борьбу за освобождение Украины и Белоруссии от владычества Речи Посполитой, царское правительство не могло сочувствовать развертыванию на освобожденной территории антифеодального крестьянского движения. В связи с ростом крестьянского движения на освобожденной территории царское правительство обещало защиту белорусской и украинской шляхте, перешедшей на сторону России[3].

В 1654—1655 гг. происходил значительный подъем крестьянского движения и в самой России, причем во многих случаях между выступлениями крестьян на Украине, в Белоруссии и России имелась тесная связь[4].

Однако после окончания летней кампании 1654 г. русское правительство не считало, что цели войны с Речью Посполитой достигнуты. Поэтому еще осенью и зимой 1654 г. оно отдало ряд распоряжений о сроках явки на службу служилых людей, о перемещениях войск, о новых назначениях на командные посты и т. п., готовилось к следующему, второму «государеву походу» на Речь Посполитую в 1655 г.

* * *

В конце 1654 — начале 1655 г. положение русских войск на освобожденной территории Белоруссии осложнилось вследствие наступления зимой и весной 1655 г. на Новый Быхов и Могилев крупных польско-литовских сил под командованием Я. Радзивилла и Гонсевского, а также действий отрядов Лукомского и Лисовского под Витебском, Полоцком, Дисной и другими городами.

Польско-литовское командование рассчитывало, что наступление позволит Речи Посполитой вернуть территорию, которую она потеряла в результате летней кампании 1654 г., распылит силы русских и не даст им возможности оказать помощь Украине, где осенью 1654 г. польско-шляхетское войско начало движение из района Тарнополя, чтобы соединиться здесь с крымскими и ногайскими татарами, развернуть наступление к Днепру и захватить Киев и всю Украину.

---

[1] ЦГАДА. Дела польские, 1654 г., № 2, лл. 16, 17, 37, 44.

[2] «Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России», т. XIV, № 9, стр. 335.

[3] ЦГАДА. Гос. архив, XXVII разряд, № 87, лл. 3—4.

[4] ЦГАДА. Разряд. Столбцы Севского стола, № 157, л. 75, 78, 130; «Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России», т. III, СПб., 1861, № 348, стр. 513—516; ЦГАДА. Разряд. Столбцы Белгородского стола, № 382, л. 155; см. также главу II, § 7 настоящего издания.

Однако этот далеко идущий расчет не оправдался.

К началу наступления численность русских войск на освобожденной территории значительно сократилась. Еще в октябре-ноябре 1654 г. были распущены по домам дворяне и дети боярские, удельный вес которых в русской армии был еще весьма велик. На зиму для несения гарнизонной службы в городах на освобожденной территории были оставлены полки «нового» строя и стрельцы.

В октябре 1654 г. русское правительство стало получать известия, что польско-литовские войска собираются за Березиной и готовятся идти под Шклов и Могилев. Опасность положения усугублялась тем, что Старый Быхов, имевший крупный гарнизон и солидные укрепления, до сих пор не был взят, а войска И.Н.Золотаренко, которые с конца августа вели его осаду, к этому времени были ослаблены. Гарнизон Могилева был немногочисленным, город слабо укреплен.

В середине ноября 1654 г., после десятинедельной осады, Золотаренко отошел от Старого Быхова, оставив под городом заставы. Вести осаду хорошо укрепленного города в открытой местности конными частями, тем более во время зимней бескормицы, было очень трудно.

В конце декабря 1654 г. в Старый Быхов пришли Радзивилл и Гонсевский, и уже в начале января 1655 г. 12-тысячное польско-литовское войско подошло к Новому Быхову и осадило город, в котором находилось 6-тысячное войско Золотаренко. Но кольцо окружения не было плотным. Царь Алексей Михайлович по поводу осады Нового Быхова писал: «А на приступ не смеют итить..., только им и тесноты, что дороги отняли»[1]. Казаки Золотаренко активно оборонялись и производили вылазки.

После того как не удалось взять Новый Быхов и принудить казаков Золотаренко капитулировать, Радзивилл и Гонсевский, оставив заслон у Нового Быхова, с остальным войском пошли к Могилеву. 2 февраля польско-литовское войско подошло к городу. Русский гарнизон сразу же стал предпринимать вылазки: «Выходя из города, на вылазке бились по три дня, и отбили у него, Родивила, из обозу с 50 возов с запасы»[2]. Командование могилевского гарнизона стремилось не дать замкнуть кольцо окружения города и ждало подкреплений. На другой день (3 февраля) Радзивилл прислал воеводам письмо с предложением сдаться; в ответ на это гарнизон и население города «все сопча до обороны и бою ударили»[3]. В ночь на 6 февраля положение осажденного гарнизона ухудшилось, так как К. Поклонский[4] «с могилевскою и иных городов шляхтою, которые у него в полку служили», изменил[5]. Выехав якобы на бой с неприятелем, он впустил польско-литовское войско в большой земляной вал с Зарецкой стороны

---

[1] ЦГАДА. Гос. архив, XXVII разряд, № 100, лл. 28—29.

[2] «Акты Московского государства», т. II, СПб., 1894, № 638, стр. 398.

[3] «Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России», т. XIV, № 21, стр. 575.

[4] Белорусский шляхтич, перешедший на сторону России летом 1654 г.

[5] ЦГАДА. Разряд. Столбцы Московского стола, № 263, лл. 263—264.

в Луполовскую слободу, где сам стоял, и хотел обманом ввести неприятеля во внутренний («меньшой») вал.

Начался ожесточенный бой. Русские ратные люди бились в большом земляном валу, на Днепре, на речке Дубровенке, в слободах и не допустили неприятеля во «внутренний» земляной вал и деревянный острог. Неприятельский приступ 6 февраля был отбит. Ночью 18 февраля польско-литовское войско снова приступало к острогу и «меньшому» земляному валу, но было отбито и вынуждено отойти. 8 марта неприятель взорвал подкоп и произвел приступ, который тоже кончился неудачно. 9 апреля неприятель взорвал еще два подкопа и вел жестокий приступ со всех сторон, но и этот приступ был отбит. 13 апреля произошел новый приступ, окончившийся, как и предыдущие, бесплодно. Наконец, 1 мая был взорван новый подкоп и начался последний приступ. Это была последняя попытка польско-литовских войск овладеть городом, но и она потерпела неудачу. В тот же день польско-литовское войско вышло из пределов большого могилевского вала, предварительно спалив весь посад, и быстро начало отступать по направлению к Березине.

Трехмесячная оборона Могилева сыграла важную роль в ходе дальнейшей кампании 1655 г. Могилевскому гарнизону удалось сковать значительные польско-литовские силы и помешать развертыванию их наступления.

Говоря о героической обороне Могилева, необходимо отметить, что население города оказывало поддержку русским ратным людям и вместе с ними выдержало тяжелую осаду. «А которые, государь, мещаня вбежали в меньшой вал, и те мещаня, и казаки, и шляхта, сидели в осаде со мною, холопом твоим,— писал М. Воейков,— и с твоими государевыми ратными людьми заодно, против литовских людей стояли и бились крепко»[1].

После того как Радзивилл отступил от Нового Быхова и осадил Могилев, казаки Золотаренко оказывали серьезную помощь русским войскам: посылали «подъезды» под Могилев, совершали глубокие рейды по занятым поляками и литовцами уездам, даже за реки Березину и Птичь. Эти действия наносили значительный ущерб польско-литовскому войску, дезорганизуя его тылы, отвлекая силы от Могилева. В феврале-марте 1655 г. казаками Золотаренко были сожжены Бобруйск, Королевская слобода, Глуск.

Наступательные операции польско-литовского войска зимой и весной 1655 г. в Белоруссии и на Украине потерпели неудачу. На северо-западе Лукомскому, Лисовскому и другим командирам польско-литовских отрядов не удалось добиться никаких успехов. Войскам Радзивилла удалось захватить лишь Копысь, Дубровну, Оршу.

Главным объектом наступления русских войск летом 1655 г. была столица Великого княжества Литовского — Вильно.

---

[1] ЦГАДА. Разряд. Столбцы Московского стола, № 263, л. 263.

* * *

После окончания летней кампании 1654 г. русское правительство стремилось не допустить того, чтобы польско-литовское войско потеснило Б. Хмельницкого. Осенью 1654 г. в районе Белгорода продолжала оставаться южная армия В. Б. Шереметева, которая в случае необходимости должна была оказать помощь Б. Хмельницкому[1].

В ноябре 1654 г. Хмельницкий писал В.Б. Шереметеву, что поляки вошли на территорию Брацлавского полка «и с ним, гетманом, бьютца и в черкасские городы загоны пускают». В соответствии с ранее полученными инструкциями Шереметев 2 декабря послал на помощь Хмельницкому Ф. В. Бутурлина с ратными людьми, а 10 декабря сам пошел с остальным войском[2]. Русское войско под командованием Шереметева сыграло крупную роль в отражении наступления польско-шляхетского войска и орд крымского хана на Украину, в частности в сражении с поляками и татарами под Ахматовом в январе 1655 г. Численность войск В. Б. Шереметева и Ф. В. Бутурлина, находившихся на Украине, определялась в 12 тыс. человек[3].

Но русское правительство не думало ограничиваться на Украине в 1655 г. одной обороной, оно предполагало добиться полного освобождения всей Украины и Белоруссии[4].

Поэтому правительство решило послать значительные силы к Б. Хмельницкому, с помощью которых коронное войско и татары были бы окончательно изгнаны из Украины. Командовать новой армией был назначен боярин В. В. Бутурлин[5].

В феврале 1655 г. на Украине у казаков с коронным войском и татарами шли тяжелые бои, о которых в середине марта Б. Хмельницкий поставил в известность русское правительство. Хмельницкий писал Золотаренко в конце мая, что перейти в наступление он может только по прибытии подкреплений[6]. В. В. Бутурлин с ратными людьми прибыл в Киев в июне 1655 г.

Русское правительство перед летней кампанией 1655 г., как и перед кампанией 1654 г., имело определенный план действий. Предполагалось, что северная армия под командованием В. П. Шереметева будет вести наступление из Великих Лук в направлении на Вильно и прикрывать Новгород и Псков в случае возможного выступления шведов.

---

[1] ЦГАДА. Разряд. Столбцы Новгородского стола, № 212, л. 36.

[2] Там же, л. 140—141.

[3] «Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России», т. XIV, № 21, стр. 581; *Самїйла Величка.* Сказаніе о войнѣ козацкой з поляками.— «Пам'ятки українського письменства», Київ, 1926, стр. 117.

[4] *А. Н. Мальцев.* Боевое содружество..., стр. 280.

[5] «Дворцовые разряды», т. III, СПб., 1852, стр. 461.

[6] «Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России», т. XIV, № 30, стр. 697.

Центральная армия должна была наступать из Смоленска в направлении Борисов — Минск —Вильно. Вместе с ней должно было двигаться и казацкое войско Золотаренко.

Таким образом, центральная и северная армии должны были одновременно подойти к одному из крупнейших политических и экономических центров Речи Посполитой, столице Великого княжества Литовского — Вильно и взять этот город. После взятия Вильно часть русских войск, повидимому, должна была прикрывать город со стороны шведской Ливонии и Курляндии, другая часть — развивать наступление в направлении на Ковно — Гродно — Брест.

Юго-западная армия под командованием А. Н. Трубецкого из Брянска должна была подойти к Старому Быхову на смену осаждавшим его казакам Золотаренко, взять этот город и наступать в направлении Слуцк — Слоним — Брест. Кроме того, в Лифляндском воеводстве из Резекне должен был действовать особый отряд под начальством А. Л. Ордина-Нащокина. Этому отряду ставилась задача взять Динабург. Бассейн Припяти оставался пока вне сферы действий русских войск.

В это же время на Украине, по планам русского правительства, войска Б. Хмельницкого вместе с армией В. В. Бутурлина должны были наступать в направлении западно-украинских земель.

В своей борьбе с Речью Посполитой и Крымом украинский народ постоянно опирался на помощь и поддержку донского казачества. Летом 1655 г. донские казаки, которые пошли на Крым морем, захватили город Судачок и нападали на многие населенные пункты в Крыму. Для охраны крымского побережья Турция была вынуждена направить морские суда, но они были разбиты донскими казаками[1].

* * *

С начала апреля 1655 г. русское командование начало готовить наступление центральной армии на Минск и Вильно. Перед русским командованием стояла задача очистить верховья Днепра от польско-литовского войска и освободить верхнеднепровские города, занятые неприятелем зимой 1654/55 г.

Для выполнения этой задачи в первых числах апреля был сформирован крупный отряд под начальством стольника З. Ф. Леонтьева. В конце апреля отряд Леонтьева освободил Дубровну, в первой половине мая — Оршу и Копысь. Таким образом, левый берег Днепра был очищен от польско-литовского войска.

На военные планы русского правительства в северо-западном секторе военных действий большое влияние оказывали отношения со Швецией. Несмотря на заверения шведских послов в дружбе и приязни Швеции к России (зимой 1655 г.), из пограничных районов приходили тревожные

[1] *А. Н. Мальцев.* Указ. соч., стр. 295.

известия. В марте 1655 г. русское правительство получило сообщение из Изборска, что в пограничных районах Ливонии появились многие шведские ратные люди и «копятца», и по деревням поставлены до весны. К русской границе из Риги, Кеси, Волмера, Керепети подвозилась в большом количестве артиллерия. Швеция готовилась к войне с ослабленной Речью Посполитой и захвату польской территории и не хотела допустить усиления России. Концентрацию шведских войск на русской границе русское правительство не могло рассматривать иначе, как проявление явно враждебных намерений.

Поход на Вильно армии В. П. Шереметева, находившейся в Великих Луках в силу осложнившихся отношений со Швецией, не состоялся. Весной 1655 г. В. П. Шереметев предпринял операцию только против Велижа, на который часто опирались польско-литовские отряды, действовавшие в Витебском уезде. 27 мая Шереметев с отрядом пришел к Велижу, и 17 июня город был сдан русским.

В первых числах апреля 1655 г. правительство отправило приказание А. Л. Ордину-Нащокину, чтобы он, «собрався с людьми», шел под Динабург. Тот, кто обладал Динабургом, контролировал дальние подступы в Риге и нижнее течение Западной Двины. В мае Ордин-Нащокин пришел под Динабург и стал его осаждать.

Несмотря на осложнения со Швецией, русское правительство в мае 1655 г. не отказывалось от плана решительного наступления на Вильно с нескольких направлений. Во второй половине мая центральная армия во главе с царем направилась из Смоленска в поход на Вильно.

В это время Б. Хмельницкий в письме к И. Н. Золотаренко следующим образом излагал свои взгляды на начавшуюся летнюю кампанию 1655 г. Следует действовать прежде всего против главных неприятельских сил и не задерживаться около незначительных населенных пунктов. По мнению Б. Хмельницкого, от кампании 1654 г. можно было бы ожидать больших результатов, если бы не были допущены такого рода ошибки[1]. Действительно, русское командование отказалось от осады Старого Быхова армией А. Н. Трубецкого, когда выяснилась безуспешность попыток взять эту крепость. Не желая терять напрасно времени, русское командование отдало распоряжение Трубецкому с его армией идти из-под Старого Быхова к Слуцку[2], а казацкое войско Золотаренко, действовавшее под Старым Быховым в районе между Днепром и Березиной, получило приказ идти под Минск[3]. В начале июля 1655 г. казаки Золотаренко и русские войска соединились под Минском.

---

[1] «Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России», т. XIV, № 30, стр. 697—699; см. также у *С. М. Соловьева*. Указ. соч., кн. 2, стб. 1678.

[2] «Акты Московского государства», т. II, № 696, стр. 425—426.

[3] «Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России», т. XIV, № 30, стр. 705—706.

Началось наступление всеми силами на Минск. 3 июля 1655 г. Минск был взят[1]. С занятием Минска русские войска получили возможность выйти на дороги, которые вели прямо на Вильно. Они двигались по нескольким дорогам и, преодолев ряд естественных препятствий (реки и болота), подошли к Вильно. Польско-литовское войско не приняло боя и отступило к городским укреплениям. После упорного сопротивления засевший в виленских замках гарнизон под командой Константина Жеромского сдался 31 июля[2].

Таким образом, русские войска с боем овладели столицей Великого княжества Литовского — Вильно, вторым по значению городом Речи Посполитой после Варшавы.

Я. Радзивилл из-под Вильно стал отступать на Жмудь, в Кейданы, имея при себе не более 5 тыс. человек. Часть центральной армии под командованием Я. К. Черкасского некоторое время преследовала отступавшего неприятеля, но вскоре русские войска остановились севернее Вильно. Дальше преследовать польско-литовское войско было нельзя. Почти одновременно с занятием русскими войсками Вильно шведская армия под начальством Магнуса Делагарди вторглась из Ливонии в северные районы Великого княжества Литовского. Продвижение русских войск на север Литвы могло привести к войне между Россией и Швецией. Поэтому Я. К. Черкасский со своими войсками остановился недалеко от Вильно, чтобы прикрывать город в случае каких-либо неожиданностей, как со стороны польско-литовского войска Я. Радзивилла, так и со стороны шведов[3].

* * *

Тяжелые поражения литовско-польских войск соблазняли шведского короля Карла X возможностью легко осуществить свой завоевательный план и сделаться полным хозяином на Балтийском море.

Речь Посполитая, значительно к этому времени ослабленная освободительной борьбой украинского и белорусского народов и войной с Россией, не могла оказать действенный отпор шведам. Шведам удалось занять Познань, Калиш, в августе 1655 г.— Варшаву. В течение двух-трех месяцев шведы оккупировали значительную часть Польши и незанятые русскими районы Литвы[4].

Несмотря на свои успехи в Речи Посполитой, Швеция была обеспокоена вопросом, какую позицию по отношению к ней займет Россия. Это

---

[1] ЦГАДА. Разряд. Столбцы Московского стола, № 262, лл. 204, 205.

[2] *А. А. Савич*. Борьба за Белоруссию и Украину в 1654—1667 годы.— «Ученые записки Моск. гор. педаг. ин-та им. В. П. Потемкина», т. II, кафедра истории СССР, вып. 2, М., 1947, стр. 107.

[3] *А. Н. Мальцев*. Военные действия русских войск в Белоруссии и Литве летом 1655 г.— «Краткие сообщения Ин-та славяноведения АН СССР», вып. 13, М., 1954, стр. 51—62.

[4] «История Польши», т. I, М., 1954, стр. 255—261.

беспокойство поддерживалось тем обстоятельством, что главные силы русской армии во второй половине июля — начале августа 1655 г. находились в районе Вильно, т. е. недалеко от Риги и шведской Ливонии. Кроме того, армия В. П. Шереметева, не принимавшая участия в летней кампании 1655 г., стояла наготове в районе Великие Луки — Полоцк — Витебск. Главные же силы шведской армии в это время находились в Великой Польше, а также в оккупированных районах Великого княжества Литовского, в то время как в Карелии, Ингерманландии и в самой Швеции войск было недостаточно.

Вмешательство Швеции в русско-польскую войну резко обострило русско-шведские противоречия. В середине августа для русского правительства стало совершенно очевидно, что от похода на Варшаву следует отказаться. С осени 1655 г. Россия начала готовиться к войне со Швецией.

После взятия Вильно, пока одна часть центральной армии под командованием Я. К. Черкасского преследовала польско-литовское войско Я. Радзивилла в направлении на Кейданы, другие войска центральной армии стали развивать наступление на северо-запад, в направлении Ковно. 6 августа г. Ковно был взят русскими войсками. Из Ковно русские войска резко повернули на юг, и в конце августа взяли Гродно.

Подвижное казацкое войско И. Н. Золотаренко было направлено западнее и юго-западнее Вильно. Из-под Вильно Золотаренко пошел прямо на запад, к Неману. В середине августа, уже из-за Трок, И. Н. Золотаренко, в соответствии с распоряжением русского командования, послал Василия Золотаренко во главе нескольких тысяч казаков за Неман, где, по показаниям пленных, находились крупные неприятельские силы. Казаки Василия Золотаренко действовали вместе с русскими ратными людьми по обе стороны Немана[1]. За короткое время пространство между Вильно и Неманом было очищено от польско-литовских войск. После этого казацкое войско освободило ряд городков и местечек в Белоруссии и подошло к Свислочи.

К началу октября 1655 г. войско И. Н. Золотаренко вернулось под Старый Быхов и соединилось с отрядами казаков, оставленных здесь еще летом для осады города. Настойчивая осада Старого Быхова возобновилась. 7 октября в одной из стычек погиб И. Н. Золотаренко. Вскоре же в казацком войске под Старым Быховым произошло восстание рядовой казацкой массы против старшины[2]. Восстание было подавлено, но старшина был вынужден отвести бóльшую часть запорожского войска на Украину. Под Старым Быховым были оставлены казаки полковника Нечая, которые одни продолжали вести блокаду города до прибытия русских войск.

Войска А. Н. Трубецкого подошли к Слуцку в середине августа, но взять город с хода не удалось. Осада могла затянуться, так как Слуцк имел сильный гарнизон и был хорошо укреплен. В конце августа — на-

---

[1] ЦГАДА. Гос. архив, XXVII разряд, № 86, ч. II, лл. 149—150.

[2] «Летопись Самовидца по новооткрытым спискам», Киев, 1878, стр. 41.

чале сентября войска Трубецкого взяли города: Клецк, Мышь, Ляховичи, Столовичи, Миргородок и много других населенных пунктов, «за Слоним верст по 20 и больше»[1]. Во второй половине сентября Трубецкой получил приказание вернуться со своей армией к Старому Быхову, куда он прибыл в октябре 1655 г.

Войска В. П. Шереметева численностью в 7 тыс. человек в августе были направлены в Вильно[2].

Последней значительной операцией русских войск в Белоруссии в 1655 г. были бои под Брестом, куда были посланы значительные силы под командованием С. А. Урусова и Ю. Н. Барятинского. 30 октября на Белых Песках, в 150 верстах от Бреста, неприятель потерпел сильное поражение. Через две недели Урусов был уже в 8 верстах от Бреста, но в результате поражения, понесенного от Павла Сапеги, был вынужден отступить в деревню Верховичи, в 25 верстах от Бреста, где немного позднее, «гетмана Павлу Сапегу и польских людей побили наголову, а секли их, гоняли... за шесть верст до Брести»[3]. Однако взять Брест Урусову не удалось, и он был вынужден отступить.

Взятие Вильно, Ковно, Гродно и др. завершили летнюю кампанию 1655 г. Почти вся территория Белоруссии за исключением Старого Быхова, Слуцка, Бреста была освобождена русскими войсками.

Успешные действия русских армий в Белоруссии летом 1655 г. создали благоприятные предпосылки для перехода в наступление на Украине войск Б. Хмельницкого и В. В. Бутурлина.

В начале июля 1655 г. объединенные силы русского войска и казацких полков под командованием Б. Хмельницкого и В. В. Бутурлина выступили из Белой Церкви и в сентябре подошли ко Львову.

Однако наличие в бассейне рек Припяти и Горыни польско-литовских сил создавало угрозу с тыла наступавшим на Украине русским и казацким войскам. Сюда осенью 1655 г. русское командование и предприняло смелую диверсию. В сентябре 1655 г. на речных судах из Киева вышли русские ратные люди под начальством князя Ф. Волконского. В сентябре русские взяли Туров, Давыдов (Давидгородок), Столин, Пинск, уничтожили в этих городах польско-литовские гарнизоны, после чего благополучно вернулись в Киев. В результате похода отряда Волконского угроза нападения неприятеля во фланг русских и казацких войск на Украине была ликвидирована. Но вторжение крымских татар в пределы Украины вынудило объединенное командование русско-украинских сил отойти от Львова к Белой Церкви.

Совместные действия русского и украинского народов обеспечили почти полное освобождение Белоруссии и значительной части Украины. Братский союз русского и украинского народов проявлялся и в том, что

---

[1] «Акты Московского государства», т. II, № 717, стр. 436—439.
[2] ЦГАДА. Гос. архив, XXVIII разряд, № 86, ч. II, лл. 143—145.
[3] ЦГАДА. Разряд. Столбцы Новгородского стола, № 162, лл. 318—322.

русская армия В. В. Бутурлина действовала вместе с казаками Б. Хмельницкого на Украине, а казаки И. Н. Золотаренко действовали вместе с русскими войсками в Белоруссии.

В течение двух лет войны русские войска непрерывно сохраняли инициативу. Широкая поддержка со стороны народных масс Белоруссии и Украины явилась одной из важнейших причин блестящих успехов русских войск в 1654—1655 гг.

Вторжение шведских войск в Польшу летом 1655 г. изменило всю обстановку. Русское государство должно было вступить в борьбу со Швецией и прекратить наступление в Польше. В 1656 г. имели место лишь операции местного значения под Слуцком и продолжалась осада Старого Быхова, который сдался казакам в 1657 г.[1]

5

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА В 50-х ГОДАХ И РУССКО-ШВЕДСКАЯ ВОЙНА 1656—1658 ГГ.[2]

Блестящие успехи русских войск в 1654—1655 гг. в войне против Речи Посполитой, несомненно, могли бы получить дальнейшее развитие. Еще в июле 1655 г. русское командование не отказывалось от плана похода на Варшаву[3] с тем, чтобы победно завершить войну. Но вмешательство Швеции в войну изменило весь ход дела.

Карл X знал, что русское правительство не может остаться равнодушным к его захватническим действиям. Он хотел ввести в заблуждение русское правительство или по, крайней мере, задержать дипломатическими мерами ответные действия с его стороны. В 1655 г., извещая о своем разрыве с Речью Посполитой, шведский король одновременно заверял русское правительство в дружественных чувствах к нему. Эти заверения находились в прямом противоречии со шведскими притязаниями на Литву. В Швеции намеренно затягивали до начала войны с Польшей отправку в Москву послов для подтверждения Столбовского мира. Русское правительство также не спешило с приемом шведского посольства. Поэтому последнее прибыло в Москву лишь поздней осенью 1655 г. Переговоры не могли дать положительных результатов, и шведские послы были задержаны в Москве на все время русско-шведской войны.

Шведы совершили в 1655 г. внезапное нападение на Польшу с двух сторон — из Лифляндии и Померании. 13 июня этого года швед-

---

[1] Официально прекращение военных действий между Россией и Польшей было оформлено Виленским перемирием осенью 1656 г. Более подробно о Виленском перемирии см. § 5 настоящей главы.

[2] В описании международных отношений 50-х годов частично использованы материалы Т. К. Крыловой.

[3] «Письма русских государей и других особ царского семейства, вып. 5. Письма царя Алексея Михайловича», М., 1896, стр. 42.

ские войска высадились в Риге, подошли к осажденному русскими войсками Динабургу и скоро заняли его; русские отошли, избегая столкновений со шведами. 8 сентября 1655 г. сдалась шведам Варшава. Вскоре затем капитулировал Краков, и польский король Ян Казимир был вынужден в октябре 1655 г. спасаться бегством в Силезию. Осень этого года была временем наибольших успехов шведов.

Часть польско-литовских магнатов готова была продать страну шведским захватчикам и присягала Карлу X, чтобы только обеспечить свои интересы.

В июле 1655 г. вождями распадавшегося посполитого рушения К. Опалинским и другими был подписан со шведами под Устьем договор относительно Познанского и Калишского воеводств. В августе 1655 г. Януш и Богуслав Радзивиллы, Гонсевский и жмудский епископ Парчевский подписали договор со шведскими уполномоченными в Кейданах о переходе Литвы под протекторат Швеции. Магнатам и шляхте были гарантированы их права и привилегии.

* * *

Русское правительство не только не могло сочувствовать успехам Швеции, но, напротив, видело в них лишь усиление своего опасного противника в борьбе за выход в Балтийское море. В русских правительственных кругах в то время существовало мнение, что война со Швецией за выход к «морским пристанищам» является первоочередной задачей даже по сравнению с войной с Польшей за Украину и Белоруссию. Влиятельный русский дипломат А. Л. Ордин-Нащокин считал возможным пойти на войну со Швецией, заключив мир с Польшей даже ценой отказа от Украины: «С польским королем, — писал Ордин-Нащокин, — мир гораздо надобен, нужнее шведского, потому что разлились крови многия, и уже время дать покой. А, не уступивши черкас, с польским королем миру не сыскать»[1]. Правда, эта крайняя точка зрения имела решительных противников и не была целиком принята русским правительством, но сторонники ее, в частности Ордин-Нащокин, в течение некоторого времени определяли правительственную политику.

В Москве понимали всю трудность борьбы со Швецией и принимали энергичные меры, чтобы заручиться союзниками. Еще в октябре 1655 г. приехали в Москву императорские послы Лорбах и Аллегретти. Русское правительство согласилось на имперское посредничество в урегулировании русско-польских отношений с тем, чтобы затем начать войну против Швеции и одновременно содействовать выступлению Империи против Швеции.

С целью создания антишведской коалиции весной 1656 г. был направлен в Бранденбург и Данию русский посол князь Д. Е. Мы-

[1] *С. М. Соловьев.* История России, кн. 3, стб. 71.

шецкий. Он должен был добиваться вовлечения в войну Дании, соперницы Швеции, искавшей реванша за Вестфальский мир. Выехав из Москвы в конце марта, Мышецкий через месяц приехал в Кенигсберг, где он пытался способствовать примирению бранденбургского курфюрста с поляками и вступлению его в наступательный союз против Швеции. Но курфюрст уклонился от прямого ответа, обещая вскоре прислать своего посланника в Москву для переговоров. «Ничтожный маркграф... То он бегает за Польшей против Швеции, то за Швецией против Польши, всегда следуя за кем-либо в качестве мелкого шакала, чтобы урвать кусок добычи»[1].

Цель политики курфюрста в то время заключалась в том, чтобы, лавируя между боровшимися сторонами, добиться территориальных приобретений за счет Польши, безразлично, кто бы ни санкционировал эти приобретения: сама Польша, Швеция или Россия.

28 мая 1656 г. Мышецкий прибыл в Копенгаген, где через день, 30 мая, был принят королем Христианом V. Поданная Мышецким царская грамота была подписана самим царем — первый пример в истории российской дипломатии. Датскому правительству было предложено присоединиться к принятому в Москве решению начать войну со Швецией. В качестве главного довода русский посол указывал на стремление Швеции к исключительному господству в области балтийской торговли. Русское предложение несколько раз обсуждалось на королевском совете, но мнения разошлись, и союз с Москвой был отложен как предприятие, казавшееся слишком рискованным. Возможно, что в этих колебаниях сказалось влияние Голландии, удерживавшей в 1656 г. Данию от вступления в войну со Швецией. Однако вместе с русским послом в Россию был отправлен дипломатический представитель Дании майор Г. Косс. При благоприятных обстоятельствах Дания могла бы вступить в антишведскую лигу[2]. Мышецкий вместе с Коссом выехал из Дании и 9 августа подал царю Алексею Михайловичу, бывшему тогда в походе в Лифляндии, под Кокнесом, ответную королевскую грамоту. От имени короля Косс сделал царю устное заявление о том, что Дания никогда не допустит шведского господства на Балтийском море, и что король согласен вместе с Россией начать войну против Швеции, но при условии, что обе стороны дадут обязательство не заключать сепаратного мира.

Через неделю Мышецкий был вторично отправлен в Данию. Он сообщил датскому королю, что царь принимает условие не заклю

---

[1] «Маркс и Энгельс о реакционном пруссачестве». Госполитиздат, 1942, стр. 12.

[2] *С. М. Соловьев.* История России, кн. 2, стб. 1689—1691, 1696; *Н. Н. Бантыш-Каменский.* Обзор внешних сношений России, ч. 1, стр. 20, 228—229; *Г. В. Форстен.* К внешней политике великого курфюрста Фридриха-Вильгельма Бранденбургского. — ЖМНП, 1900, июнь, стр. 319; *его же.* Датские дипломаты при московском дворе во второй половине XVII в.—ЖМНП, 1904, сентябрь, стр. 112—113

чать сепаратного мира со Швецией и, кроме того, разрешает датским купцам вести беспошлинную торговлю в России. С помощью этой экономической уступки русские рассчитывали скрепить политический союз. Дания вступила в войну со Швецией примерно через год.

А. Л. Ордин-Нащокин. Портрет маслом работы неизвестного художника, XVII в.
Государственный Исторический музей

Успехи русских в Прибалтике заставили курфюрста бранденбургского в июне 1656 г. возобновить переговоры с царем Алексеем Михайловичем. Переговоры сначала велись с Ордин-Нащокиным в Митаве, а затем в русском осадном лагере под Ригой. Там и заключен был договор. По Рижскому договору, курфюрст обязывался за себя и своих преемников не поддерживать ни войском, ни деньгами Швецию и Польшу в их войнах с Россией. Русское правительство брало на себя более широкие и менее определенные обязательства — не наносить ущерба землям курфюрста и не помогать его врагам. Очевидно, здесь имелась в виду Восточная Пруссия, безопасность которой берлинские политики старались обеспечить. Кроме того, в договор был включен особый пункт об установлении между обоими государствами свободной торговли[1].

Этот договор являлся собственно соглашением о нейтралитете. Но каждая из заключавших Рижский договор сторон рассматривала его как промежуточный этап: Россия старалась превратить Бранденбург из страны нейтральной в союзную и активно борющуюся, а курфюрст, добиваясь территориальных приобретений, то пытался мирить Россию со Швецией, то побуждал первую продолжать войну, сам в ней не участвуя. На всем протяжении русско-шведской войны прочного соглашения между Россией и Бранденбургом достигнуто не было.

[1] *Н. Н. Бантыш-Каменский.* Обзор внешних сношений России, ч. IV, М., 1902, стр. 6—7; *Г. Ф. Форстен.* К внешней политике великого курфюрста..., стр. 321; *Ф. Ф. Мартенс.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами, т. V, СПб., 1880, № 176, стр. 1—13.

* * *

Совершая крутой поворот в своей внешней политике и начиная войну со Швецией, чрезмерное усиление которой стало слишком опасным и грозило надолго закрыть для России доступ к Балтийскому морю, русское правительство приняло меры для примирения с Польшей.

После успешного завершения кампаний 1654 и 1655 гг. русское правительство считало цель в войне за освобождение Украины и Белоруссии в основном достигнутой и попыталось закрепить военные успехи. Польша казалась уже не опасной. Более того, представлялось возможным примирение с нею, чтобы направить объединенные усилия против общего врага. Для этого 12 августа 1656 г. был назначен съезд русских и польских представителей в Вильно при имперском посредничестве. Делегацию России возглавлял князь Н. И. Одоевский, польскую — воевода Ян Красинский.

Перед началом съезда были разосланы царские грамоты, обращенные к шляхте воеводств Новогрудского, Минского, Троцкого, Виленского, а также в поветы Лидский, Слонимский, Гродненский и другие с обещанием шляхте сохранить за нею все владения, права и вольности при условии закрепления Великого княжества Литовского за Русским государством. В этой же грамоте излагался и другой вариант русской внешнеполитической программы — избрание царя Алексея Михайловича на польский престол после смерти Яна Казимира. В этом случае русское правительство согласно было отказаться от притязаний на Литву.

Виленские переговоры происходили в малоблагоприятной для России обстановке. Русские военные силы были скованы под Ригой, занятой шведами и получавшей подкрепления морем. Польский порт Гданск мужественно сопротивлялся шведам и послужил убежищем королю Яну Казимиру с его войском. Французская дипломатия противодействовала заключению мира между Россией и Польшей. Вот почему переговоры не оправдали расчетов русских дипломатов.

Русские потребовали от польского правительства уступки всего Великого княжества Литовского и возмещения военных издержек за два года. Польские послы в свою очередь предъявили требования, чтобы русскими были возвращены все занятые территории и возмещены все убытки. Переговорам угрожала опасность зайти в тупик. Тогда глава русского посольства Одоевский предложил второй вариант русской внешнеполитической программы: избрать царя Алексея наследником польского престола после смерти бездетного Яна Казимира. Но против этого предложения решительно выступил имперский представитель Аллегретти, который прямо объявил, что и слышать не хочет об избрании русского кандидата на трон Речи Посполитой, так как он прислан от императора для посредничества о мире, а не для решения вопроса о кандидате на польский трон.

Однако была сделана еще одна попытка согласовать вопрос о земельных уступках. В качестве крайней меры польские представители соглашались

возвратить Смоленск и другие города, уступленные Россией Польше по Поляновскому договору. Русские же послы, отказываясь от притязаний на собственно литовские земли, настаивали на оставлении за Россией всей Украины с Волынью и Подолией, а также Белоруссии с границей по р. Березине. Поляки решительно отклоняли и это последнее требование, заявляя, что о «Малой России» они еще подумают, но без возвращения Белоруссии царскому избранию никак не состояться, потому что у многих сенаторов и шляхтичей города и маетности находятся в «Белой России» за Березиной.

Убедившись в невозможности добиться от Речи Посполитой желательных для себя условий мира, русское правительство решило ограничиться заключением перемирия. 29 августа русские послы на Виленском съезде получили царскую грамоту с распоряжением отложить переговоры об избрании царя на польский престол и относительно мирных условий и договариваться об установлении перемирия и общих военных действиях против Швеции.

Одоевский 6 октября предложил отложить переговоры на полгода или год, прекратить военные действия и обратить войско на шведов. После некоторого промедления польские послы согласились принять это предложение[1]. Перемирие было заключено 24 октября 1656 г. уже в разгар русско-шведской войны.

Таким образом, в войне против Швеции оказались, кроме Русского государства, Дания и Польша. Их поддерживали Голландия и Империя; Бранденбург не занимал твердой позиции и неоднократно менял свою ориентацию.

* * *

С осени 1655 г. русское правительство начало энергичную подготовку к войне со Швецией. В Смоленском уезде, а также в уездах, расположенных в верховьях Западной Двины и ее притоков, началась постройка речных судов, предназначенных для транспортировки войск, продовольствия и боеприпасов[2].

Район Смоленска рассматривался как оперативная база, как место сбора и формирования главных русских сил в предстоящей кампании 1656 г.[3].

Главные силы под командованием князя Я. К. Черкасского должны были идти из Смоленска, через Витебск, Полоцк в направлении на Динабург — Ригу; одновременно большая армия под командованием князя А. Н. Трубецкого, базируясь на Новгород и Псков, должна была выступить по направлению к Юрьеву (Дерпту); отдельные отряды должны были действовать в Карелии и Ижорской земле.

К середине мая 1656 г. приготовления были закончены, и 17 мая Россия объявила Швеции войну.

---

[1] *С. М. Соловьев.* История России, кн. 2, стб. 1698—1704.

[2] ЦГАДА. Разряд. Столбцы Новгородского стола, № 109, л. 34.

[3] Там же, лл. 39, 42—44.

15 мая царь Алексей Михайлович отправился из Москвы в Полоцк, чтобы оттуда вместе с главными силами идти на Ригу. В июле главные русские силы под командованием Я. К. Черкасского перешли русско-шведскую границу в Ливонии и начали наступление на Динабург[1]. 31 июля Динабург был взят штурмом. 14 августа был взят приступом Кокнес[2]. Динабург был переименован в Борисоглебск, а Кокнес — в Царевичев-Дмитриев. Динабург и Кокнес являлись сильными крепостями, имевшими важное стратегическое значение. Дорога на Ригу была открыта.

21 августа русские войска подошли к Риге и приступили к осаде города. В первые же дни осады были захвачены внешние земляные валы города и предместья, построены необходимые фортификационные сооружения. Русские стали обстреливать город из тяжелой артиллерии. Пленные показывали: «Да почасту де сходятца в ратуше служилых людей начальные люди и мещане, и говорят де мещане, чтоб государю добить челом и город здать. И служилые де люди здатца не хотят, ожидают к себе на выручки короля и больших людей вскоре»[3]. Однако осада Риги затянулась, так как у русских не было флота, чтобы блокировать город с моря, откуда он получал помощь. Наступившая осень и распутица затрудняли снабжение русских войск.

Накануне штурма русские войска подверглись внезапному нападению и понесли значительные потери. Эта неудача была следствием измены части иностранных офицеров, командовавших русскими солдатскими полками. Эти изменники предупредили шведов о готовящемся штурме и указали место, где у русских были расположены склады продовольствия и боеприпасов[4].

В октябре 1656 г. осада Риги была снята[5].

Одновременно с началом похода под Ригу значительные силы под командованием А. Н. Трубецкого, Ю. А. Долгорукова, С. Р. Пожарского и других выступили из Пскова к Юрьеву. В августе русские войска осадили Юрьев[6]. Действия русских войск были успешными, и 12 октября 1656 г. после 10-недельной осады Юрьев сдался. Взятие Юрьева имело большое значение, так как был ликвидирован важный опорный пункт шведов в Ливонии. После этого наступило затишье. Армия Трубецкого, оставив в Юрьеве гарнизон, вернулась обратно.

К зиме 1656/57 г. восточная часть южной Ливонии оказалась в руках русских. Крепости Кокнес, Динабург, Юрьев, Нейгаузен и Мариенбург были заняты сильными русскими гарнизонами.

---

[1] «Акты Московского государства», т. II, № 885, стр. 533.

[2] ДАИ, т. IV, СПб., 1851, № 28, стр. 58—68; ЦГАДА. Разряд. Столбцы Новгородского стола, № 122, л. 150.

[3] ЦГАДА. Разряд. Столбцы Новгородского стола, № 263, л. 6.

[4] *С. С. Гадзяцкий.* Карелия и Южное Приладожье в русско-шведской войне 1656—1658 гг.— «Исторические записки», № 11, стр. 248.

[5] ЦГАДА. Гос. архив, XXVII разряд, № 86, ч. III, л. 55.

[6] ЦГАДА. Разряд. Столбцы Новгородского стола, № 122, лл. 107—109.

Осада Риги русскими войсками в 1656 г. Гравюра XVII в.

В районе между Финским заливом и Чудским озером в 1656 г. значительных военных действий не происходило.

* * *

В июне 1656 г. начались военные действия в Карелии и Ижорской земле (в районе Невы и южного Приладожья). Русские воеводы имели здесь очень небольшие силы, исчислявшиеся несколькими сотнями ратных людей. Но зато они пользовались самой энергичной поддержкой русского и карельского населения. Это население (крестьянское и посадское), угнетаемое немецкими рыцарями и бюргерами и шведскими властями со времени захвата Ижорской земли шведами в годы интервенции, не переставало вести упорную борьбу с иноземным гнетом. Со времени Столбовского мира карелы начали переселяться в Русское государство[1]. Теперь они с радостью восприняли известие о начале русско-шведской войны: население стало массами переходить русский рубеж, создавало партизанские отряды, вступало в ряды русских войск и осведомляло русское командование о всех действиях шведов.

В июне 1656 г. наступавший со стороны Олонца Петр Пушкин быстро достиг г. Карелы (Кексгольм) и осадил его. Население повсюду восстало против своих господ, и когда Пушкин осенью стал уходить к Олонцу, в значительной своей части ушло с ним за русский рубеж.

Оперативной базой русских войск, действовавших в Ижорской земле, был Лавуйский острог на р. Лавуе, по которой проходила русско-шведская граница. 3 июня воевода Петр Потемкин перешел границу, осадил Орешек, двинулся к Ниеншанцу, с налета взял его, разрушил и сжег. Все русское население восстало, сражалось вместе с русскими войсками против шведов, уничтожало немецкие кирки и дворянские усадьбы. 22 июня Потемкин одержал над шведами победу на море у острова Котлина. Выполнив еще ряд подобных же смелых и удачных действий, Потемкин в ноябре отошел к Новгороду.

В 1657 г. шведы пытались перейти в наступление. В начале этого года им удалось сжечь слободу Псково-Печерского монастыря, но монастыря они не взяли и были отбиты присланными из Пскова ратными людьми. Летом шведы нанесли поражение русским под Валком. Этим, однако, успехи шведов и ограничились.

В первых числах сентября главные силы шведов под командованием Магнуса Делагарди вступили в Гдовский уезд. Общая численность шведского войска превышала 8 тыс. человек. Шведское командование стремилось взять Гдов — сильную русскую крепость в районе между Чудским озером и Финским заливом, обнесенную каменными стенами. В середине сентября шведы осадили Гдов и неоднократно штурмовали его. Гдовский

---

[1] *А. С. Жербин.* Переселение карел на русские земли в первой половине и середине XVII века (Автореферат кандид. диссертации), Петрозаводск, 1951, стр. 11.

гарнизон оказал мужественное сопротивление. Осажденные отбили все приступы и сделали несколько вылазок.

По получении известий о наступлении шведов воевода И. А. Хованский немедленно выступил с войсками из Пскова. Шведы, узнав о движении русских войск, сняли осаду Гдова и стали отступать по Сыренской дороге.

Русские настигли шведов на р. Черми в 3 верстах от Гдова и завязали бой. Сначала произошел огневой бой через реку. Решающим моментом боя была атака русской пехоты. Шведы были сбиты с позиций и начали отступать. Быстрым маршем русская пехота гнала и уничтожала врагов. Делагарди велел побросать в Чудское озеро пушки. Русские гнали противника на протяжении 15 верст; преследование приостановилось ввиду усталости русского войска. Шведы потеряли в сражении убитыми двух генералов, трех полковников, более 20 офицеров, 800 рейтар; пехота Делагарди численностью в 2700 человек была вся уничтожена. Потери русских были незначительны.

Разгромив шведов, И. А. Хованский сумел развить успех. Он скрытно переправил войска через р. Нарову и внезапно появился перед г. Сыренском, посеяв панику среди шведов. Делагарди не принял боя и стал уходить в направлении к Ревелю столь поспешно, что Хованский не мог его настигнуть. Не доходя немного до моря, Хованский прекратил преследование, потому что далее лежали пораженные чумой районы. В его руках оказались Сыренский и Нарвский уезды. Повернув к г. Нарве, Хованский загнал шведские войска в крепость, захватил и сжег посад. Из Нарвского посада было выведено до 1000 русских людей.

Собрав многочисленную флотилию морских и речных судов, Хованский переправил войска на правый берег р. Наровы, уничтожил флотилию и, опустошив Ивангородский и Ямской уезды, нанес еще несколько поражений отрядам шведов и вернулся в Псков[1].

Действия русских против шведов в Ижорской земле зимой 1657/58 г. заключались в нанесении коротких, но частых ударов, мешавших шведам стянуть силы для более крупных операций.

В январе 1658 г. И. А. Хованский, стоявший в Пскове, предпринял энергичные действия, увенчавшиеся новым успехом. Он двинулся с войсками под Сыренск. Шведы покинули город и бежали в Нарву. Сыренск был занят русским гарнизоном. Вскоре же штурмом был взят острог Ям, но крепостью овладеть не удалось. К весне 1658 г. хозяевами положения были русские. Хованский осадил Нарву и беспрепятственно распоряжался в Нарвском и Ревельском уездах.

Дальнейшее развитие успехов было остановлено возобновлением военных действий со стороны шляхетской Польши и начавшимися вследствие этого переговорами о мире между русскими и шведами[2].

---

[1] *С. С. Гадзяцкий.* Борьба русских людей Ижорской земли в XVII веке против иноземного владычества.— «Исторические записки», № 16, стр. 39—44.

[2] Там же, стр. 45—52.

6

ПРОДОЛЖЕНИЕ И ЗАВЕРШЕНИЕ РУССКО-ПОЛЬСКОЙ ВОЙНЫ (1658—1667) АНДРУСОВСКОЕ ПЕРЕМИРИЕ

Военные успехи Швеции в Польше не были прочными. Король Карл X не учел роли России, а также того, что польский народ не захочет мириться с насилиями оккупантов. Шведы требовали с городов огромные контрибуции, грабили и притесняли население, в первую очередь польское крестьянство.

Уже в конце 1655 г. наметился перелом в польско-шведской войне. Крестьянство поднималось на борьбу со шведскими захватчиками, беспощадно разорявшими Польшу. Основными районами, где развертывалась борьба против захватчиков, были южные области Речи Посполитой (Прикарпатье) и Литва. Ян Казимир и часть господствующего класса использовали подъем народной борьбы для возобновления войны со шведами. Полной неудачей закончился предпринятый Карлом X весной 1656 г. поход на юг, навстречу Яну Казимиру, вернувшемуся в пределы Речи Посполитой. Сначала шведский король продвинулся до Ярослава, но был остановлен польскими войсками и принужден к отступлению. Шедшие на помощь войска баденского курфюрста были наголову разбиты поляками. Польская армия, во главе которой стоял польский полководец Стефан Чарнецкий, перешла в наступление. Шведам едва удалось вырваться из окружения в районе слияния Вислы и Сана, и лишь остатки шведских войск добрались до Варшавы, а Карл X поспешил в Пруссию искать помощи у бранденбургского курфюрста.

Освободительное движение поднялось в Литве, и литовское войско осадило Варшаву.

Правда, в конце июля 1656 г. шведы с помощью бранденбургских войск потеснили поляков под Варшавой, но это был лишь временный успех, который не изменил дальнейшего неблагоприятного для шведов развития событий. Успехам шведов помешали победы русских. Попытка Бранденбурга на основании Мариенбургского договора со Швецией 25 июня 1656 г. оторвать от Польши четыре воеводства (Познань, Калиш и др.), т. е. осуществить ее раздел, также не удалась благодаря успехам России в войне со Швецией.

Польское правительство в 1657 г. сначала добилось от Бранденбурга нейтралитета, а затем путем тяжелой жертвы — отказа от Пруссии — привлекло курфюрста на свою сторону. Союз Польши с Империей в мае 1657 г. превратился в начале 1658 г. в оборонительно-наступательный союз Империи, Польши и Бранденбурга[1].

---

[1] «История Польши», т. I, стр. 260.

Уже в октябре 1656 г. во время переговоров о перемирии в Вильно Польша не пошла на уступки России. Попытки мирных переговоров между ними в 1657 г. и весной 1658 г. не дали результатов.

Польша явно готовилась к продолжению войны с Россией. Вот почему прекращение войны со Швецией для России сделалось необходимым.

Следует добавить, что в феврале 1658 г., когда шведы, перейдя замерзшие проливы, подошли к Копенгагену, Дания была вынуждена заключить со Швецией на унизительных условиях Рёскольдский договор и вышла из войны[1].

27 июля 1657 г. умер великий сын украинского народа, выдающийся государственный деятель, талантливый полководец Богдан Хмельницкий. После его смерти политическая обстановка на Украине резко осложнилась. Новый гетман, по происхождению украинский шляхтич, Иван Выговский (1657—1659), сторонник польской ориентации, увлек за собой часть казацкой старшины, чем вызвал народное восстание на Украине[2]. В тяжелых боях летом 1658 г. восстание было подавлено. В борьбе против восставших Выговский опирался главным образом на татар и наемные войска. В сентябре 1658 г., вопреки воле украинского народа, Выговский подписал с Речью Посполитой Гадячский договор. Польское правительство ценой некоторых уступок украинской шляхте и казацкой старшине стремилось восстановить шляхетское иго на Украине.

Подписание Гадячского договора вызвало взрыв народного возмущения на Украине, и там начались новые восстания, возглавленные Иваном Богуном и запорожским кошевым Иваном Сирко.

При столь неблагоприятной международной обстановке и тяжелых осложнениях на Украине продолжение войны со Швецией означало бы прямую помощь шляхетской Польше и утрату Украины.

Война Русского государства со Швецией помогла правительству шляхетской Речи Посполитой собраться с силами. Для русского правительства стало очевидным, что надежды на совместную с Польшей борьбу против Швеции ошибочны. Речь Посполитая еще рассчитывала вернуть под свою власть Украину и Белоруссию.

Дипломатические переговоры между Россией и Швецией начались задолго до официального заключения мира. Было достигнуто соглашение о прекращении военных действий с 21 мая 1658 г. и о времени и месте ведения переговоров о мире.

Ведение переговоров о мире со Швецией со стороны России было поручено А. Л. Ордину-Нащокину. Съезд русских и шведских уполномоченных, назначенных для ведения переговоров, состоялся в ноябре 1658 г. в деревне Валиесари, неподалеку от Нарвы.

Французское правительство пыталось сыграть роль посредника через своего представителя во время переговоров в Валиесари. Это посредниче-

[1] «История Польши», т. I, стр. 255—261.

[2] Более подробно о гетманстве Выговского см. главу VI, § 3 настоящего издания.

ство было решительно отклонено русскими уполномоченными, но влиянию Франции в известной мере следует приписать упорство шведских уполномоченных и их нежелание идти на какие-либо территориальные уступки и на заключение мира[1].

По Валиесарскому договору, заключенному на три года, к русскому государству отошли местности, занятые до 21 мая 1658 г.[2].

Русское правительство рассматривало заключение договора в Валиесари как большой успех. Однако закрепление сделанных приобретений зависело от дальнейшего хода событий.

* * *

Уже в январе 1658 г. русское правительство ожидало возобновления военных действий со стороны польско-литовских войск. В начале 1658 г. были приняты серьезные меры к усилению русских войск, находившихся на территории Белоруссии и Литвы. Войска, боеприпасы и продовольствие были направлены в Вильно[3].

Во время новой попытки мирных переговоров между русскими и польскими уполномоченными в Вильно в сентябре 1658 г. значительное польско-литовское войско под командованием П. Сапеги подошло к городу и расположилось от него в 10 верстах. 27 сентября к Вильно подошло польско-литовское войско под начальством Гонсевского и расположилось за рекой Вилией, в 3 верстах от русских обозов. Город Вильно оказался блокированным неприятелем. Несмотря на то, что переговоры продолжались, в начале октября войска Сапеги напали на русский отряд, шедший в Вильно, и не пропустили его к городу. Русские воеводы, следуя указаниям правительства, не предпринимали ответных действий, ожидая исхода переговоров, которые, однако, при таких условиях не могли иметь успеха и 9 октября были прерваны.

11 октября русские войска под командованием Ю. А. Долгорукова произвели нападение на войска Гонсевского в селе Верки. Ю. А. Долгоруков умело провел операцию против войск Гонсевского: обеспечил свои фланги и тылы и изолировал войско Сапеги. Часть русских войск под командованием В. С. Волынского прикрывала главные силы «для оберегания приходу гетмана Павла Сапеги», другая часть под начальством О. Сукина стояла за обозом и прикрывала город, чтобы неприятель «не учинил какого дурна виленским слободам и обозу».

Польско-литовское войско было разбито наголову. Сам Гонсевский был взят в плен, обоз его захвачен. Было взято в плен много полковников и ратных людей.

---

[1] *П. В. Безобразов.* О сношениях России с Францией. М., 1892, стр. 15—16; *В. Д. Преображенский.* Франко-русские отношения в XVI—XVII вв.— «Ученые записки Ярославского педаг. ин-та», вып. IX/XIX, 1947, стр. 27—28.

[2] ПСЗ, т. I, № 240, стр. 451—460.

[3] АИ, т. IV, СПб., 1842, № 111, стр. 255—256; № 125, стр. 268—269.

Наступление русской армии (стрельцы, копейщики и поместная конница). Деталь гравюры В. Гондиуса «Осада Смоленска», 1636 г.

После поражения Гонсевского войска Сапеги стали быстро отступать от Вильно по Новогрудской дороге к Неману.

Таким образом, попытка польско-литовских войск взять Вильно была сорвана. Ю. А. Долгоруков, оставив часть сил в Вильно, 19 октября с остальными войсками пошел через Борисов и Шклов в Смоленск[1].

Бои под Вильно знаменовали возобновление военных действий между Россией и Речью Посполитой.

Несмотря на разгром войск Гонсевского, положение русских войск в Белоруссии осенью и зимой 1658—1659 гг. было трудным. Шляхта изменяла. Многие дороги, например из Вильно в Полоцк и Смоленск, были «переняты». После открытой измены И. Выговского в сентябре 1658 г. на сторону последнего перешли некоторые полковники украинских войск, находившихся в Белоруссии, в том числе Иван Нечай. Старый Быхов, Чаусы, а затем Мстиславль, Рославль и ряд других городов оказались в руках врага.

Русское командование сформировало специальный отряд под начальством Лобанова-Ростовского для борьбы со сторонниками И. Выговского и для освобождения занятых ими белорусских городов. В апреле 1659 г. Мстиславль сдался Лобанову-Ростовскому. В мае отряд князя А. Барятин-

[1] «Акты Московского государства», т. II, № 1035, стр. 612—616.

ского нанес поражение неприятелю под Рославлем[1]. Вскоре сдались или были взяты и некоторые другие города.

В конце июня 1659 г. отряд Лобанова-Ростовского пришел под Старый Быхов и осадил город. Русских ратных людей под Старым Быховом было немного, и осада затянулась. Лишь в ночь на 4 декабря русские ратные люди взяли приступом Старый Быхов. Потери русских войск на приступе были незначительны[2]. Взятие Старого Быхова имело большое значение, так как ликвидировался опорный пункт неприятеля в юго-восточном районе Белоруссии на Днепре и укреплялась позиция правого фланга русских войск на Украине. Русское командование могло продолжать посылку по Днепру на Украину из Смоленска оружия, боеприпасов и пр.

В 1659 г. военные действия между русскими и польско-литовскими войсками в Белоруссии и Литве происходили также в районе Ковно — Гродно. В результате действий отряда русских войск осада с Ковно была снята[3].

Напротив, Гродно, также находившийся в осаде, весной 1659 г. был сдан воеводой Б. Апрелевым неприятелю[4].

В результате операций русских войск в 1659 г. в Белоруссии и Литве русскому правительству удалось сохранить за собой большинство ранее занятых белорусских и литовских городов.

* * *

Военные действия между русско-украинскими и польскими войсками в 1659 г. на Украине приобрели широкий размах.

В апреле 1659 г. А. Н. Трубецкой, соединившись с воеводой Г. Г. Ромодановским, осадил Конотоп. В Конотопе заперся сторонник Выговского полковник Гуляницкий. Трубецкой тратил драгоценное время на осаду Конотопа вместо того, чтобы с главными силами спешить к Киеву и Переяславлю и вместе с В. Б. Шереметевым встретить неприятеля на днепровской переправе или разбить И. Выговского до прихода крымских татар. Между тем Выговский успел собрать значительные силы и соединиться с крымскими татарами, с которыми он был в союзе.

27 июня И. Выговский подошел к Конотопу. Оставив часть сил в засаде, Выговский напал на осаждавших русских, а потом стал отступать. Трубецкой направил для преследования отступавшего неприятеля отряд конницы под начальством С. Р. Пожарского и С. П. Львова. Этот отряд 28 июня нанес удар отступавшим неприятельским частям, но потом попал в засаду и потерпел полное поражение. После этого Выговский и крымские татары двинулись к Конотопу против главных русских сил. Трубецкой, оградясь таборами и отбиваясь артиллерийским огнем, стал отступать от

---

[1] «Акты Московского государства», т. II, № 1120, стр. 657; № 1125, стр. 657—658; № 1125, стр. 659.

[2] Там же, № 1146, стр. 673; № 1160, стр. 682—683.

[3] Там же, т. III, № 36, стр. 4 .

[4] Там же, № 37, стр. 41—44.

Конотопа. Неприятель преследовал русские войска до тех пор, пока они не перешли р. Сейм. 10 июля Трубецкой пришел в Путивль.

Поражение отряда дворянской конницы под Конотопом не имело решающего значения. В августе 1659 г. русские войска, вышедшие из Киева, наголову разбили отряд Д. Выговского и вместе с ним крымских татар. В это время поднялись народные массы Украины, и И. Выговский был свергнут. Гетманом был провозглашен Юрий Хмельницкий (1659—1663), недостойный сын великого отца, ничтожная личность, служившая марионеткой в руках немногочисленной группы казацкой старшины, ориентировавшейся на Польшу. Под нажимом народных масс Украины, Ю. Хмельницкий возобновил прерванные отношения с Русским государством, что и было оформлено в Переяславских статьях 1659 г.

* * *

В первые месяцы 1660 г. военная обстановка на Украине складывалась благоприятно для России. Русское правительство предполагало вести здесь наступательные операции против польско-литовских войск. Главному русскому воеводе на Украине В. Б. Шереметеву были посланы крупные подкрепления.

В то же время значительно активизировались военные действия между русскими и польско-литовскими войсками в Белоруссии. 15 января 1660 г. русские войска нанесли поражение отряду полковника Михаила Обуховича из войск П. Сапеги в местечке Малчах, в 80 верстах от Бреста [1]. В январе же войска И. А. Хованского взяли Брест, но в марте покинули его. В том же месяце Хованский неудачно штурмовал Ляховичи.

Сознавая трудность войны и испытывая все нараставшие осложнения внутри государства, русское правительство возобновило мирные переговоры со Швецией и Польшей. В октябре-ноябре 1659 г. по поручению правительства А. Л. Ордин-Нащокин пытался добиться мира в переговорах со шведским уполномоченным Горном. Но точки зрения сторон оказались непримиримыми. Ордин-Нащокин, страстный поборник разрешения балтийского вопроса, допускал соглашение на условиях Тявзинского мира (1595) и добивался возвращения России Ингерманландии, хотя бы ценой значительного вознаграждения. Шведы в конце концов ультимативно потребовали восстановления границ, существовавших до войны. Безрезультатными остались переговоры и в январе 1660 г. [2].

Тем временем была достигнута, при посредничестве Франции, договоренность между Швецией и Польшей, и весной 1660 г. между ними был заключен Оливский мир. Ян Казимир отказывался от своих притязаний на шведскую корону. Границей Польши со шведскими владениями стала

---

[1] ДАИ, т. IV, № 72, стр. 189—190.

[2] *Г. В. Форстен.* Сношения Швеции и России во второй половине XVII в.— ЖМНП, 1898, май, отд. II, стр. 65—67.

Западная Двина. Вскоре в том же году Швеция заключила мирные договоры с Данией и Голландией.

Международная обстановка изменилась решительно не в пользу России.

После заключения Оливского мира польско-литовское командование получило возможность перебросить из Лифляндии и Пруссии значительные контингенты войск против России. Это способствовало усилению активности польско-литовских войск. Русское командование в течение 1660 г., пытаясь удержать инициативу в своих руках, предпринимало отдельные довольно крупные боевые действия, создавало новые армии, но русские войска все чаще терпели поражение и инициатива переходила к польско-литовскому командованию.

Уже в период переговоров о мире польско-литовские войска начали сосредоточиваться в 30 верстах от Вильно и в Кейданах. В конце апреля 1660 г. небольшой отряд польско-литовских войск подходил к Вильно и даже ворвался в него.

18 июня И. А. Хованский в 40 верстах от Ляхович, в бою с польско-литовскими войсками под начальством П. Сапеги, С. Чарнецкого, Полубенского, Кмитича, потерпел поражение и стал поспешно отступать к Полоцку. Обоз его был захвачен неприятелем.

Одержав победу над войсками Хованского, польско-литовское войско пришло под Борисов и осадило город, но было отбито, после чего, сконцентрировавшись у Могилева, захватило Мстиславль и Кричев. Русское правительство отдало приказ о формировании новой армии, которая должна была действовать в Белоруссии под начальством князя Ю. А. Долгорукова. Местом формирования новой армии был определен Смоленск. Почти одновременно В. Золотаренко с Нежинским, Черниговским, Стародубским и другими полками двинулся из Нежина в Белоруссию. Войска Ю. А. Долгорукова и В. Золотаренко должны были соединиться в районе Могилев — Шклов[1].

В сентябре 1660 г. войска Ю. А. Долгорукова выступили из Смоленска к Могилеву. Здесь они имели несколько сражений с польскими войсками и принудили их отойти от города. Войска Ю. А. Долгорукова некоторое время преследовали неприятеля, после чего вернулись в Могилев, где в 20-х числах октября соединились с войсками В. Золотаренко.

Осенью 1660 г. войска Ю. А. Долгорукова были усилены отрядами М. Ртищева (893 человека) и П. А. Долгорукова (4536 человек). Отряд П. А. Долгорукова в первой половине ноября действовал под Шкловом, но потом, после прихода туда неприятельских отрядов Липницкого и Бобровницкого, отошел под Могилев.

В конце ноября Ю. А. Долгорукову было указано, укрепя Могилев и Старый Быхов, отойти к Смоленску.

---

[1] «Акты Московского государства», т. III, № 148, стр. 134—135.

В районе Полоцк—Витебск летом 1660 г. велись операции местного значения против действовавших здесь небольших польско-литовских отрядов. Русское правительство указывало Хованскому на необходимость поддерживать связь с войсками Ю. А. Долгорукова, которые со дня на день могли вступить в соприкосновение с крупными силами противника. Одновременно оно требовало от Хованского бдительности и осторожности при движении его войск[1]. Однако Хованский снова потерпел поражение в районе Череи, неожиданно для себя натолкнувшись на крупные силы Сапеги и Чарнецкого.

Вторая половина 1660 г. отмечена еще более тяжелыми неудачами на Украине. В начале августа В. Б. Шереметев выступил из Киева с 15 тыс. русских ратных людей и до 20 тыс. казаков на Львов. Другой дорогой двигался Ю. Хмельницкий. На Верхнем Буге, под Межибожем, стояло 30-тысячное польско-литовское войско под начальством коронных гетманов С. Потоцкого и Е. Любомирского. В конце августа на помощь польско-литовскому войску пришло 40—60 тыс. крымских татар. Шереметев пропустил благоприятный момент и до их прихода не напал на польско-литовское войско. В последних числах августа Шереметев от Котельны двинулся к Межибожу.

Первый бой между русско-украинскими и польско-татарскими войсками произошел 4 сентября 1660 г. у местечка Любара, на Волыни. На другой день русские огородились обозом и окружили себя земляным валом. Приступы неприятеля были отбиты. Русские время от времени производили вылазки. Татарские отряды перерезали пути сообщения. Припасы истощились. Ю. Хмельницкий на соединение с Шереметевым не являлся.

16 сентября русские войска вышли из окопов, построились в подвижной табор и, двигаясь между рядами телег, направились к местечку Чуднову. Табор был защищен легкими орудиями и представлял собой движущуюся крепость. Впереди шел отряд, который прорубал просеку сквозь стоявший на пути лес. Польское войско произвело атаку с фронта, но с большими для него потерями было отбито. Недалеко от Чуднова полякам с помощью артиллерии удалось оторвать и захватить примерно треть табора. Русские сомкнули оставшийся табор и продолжали движение, отбивая многочисленные атаки неприятеля.

17 сентября Шереметев вступил в Чуднов и занял позицию на берегу р. Тетерева, оказавшуюся неудачной для обороны. Шереметев промедлил, и неприятель успел захватить стоявший на горе Чудновский замок. Поляки окружили расположенный в низине русский лагерь и стали его обстреливать.

Лишь в конце сентября Ю. Хмельницкий пришел в Слободищи в 15 верстах от Чуднова, но не оказал помощи осажденным русским войскам. 4 октября Шереметев предпринял попытку пробиться к Слободищам, но

[1] «Акты Московского государства», т. III, № 188, стр. 173—175.

потерпел неудачу. Вскоре после этого пропольская группа украинской старшинно-шляхетской верхушки принудила Ю. Хмельницкого заключить с Речью Посполитой Слободищенский трактат об отрыве Украины от России и подчинении ее Польше.

23 октября 1660 г. Шереметев капитулировал. Тяжелое поражение под Чудновом значительно ухудшило положение на Украине. Польше удалось подчинить себе Правобережную Украину (без Киева). Однако попытка распространить польскую власть на Левобережье не удалась. К 1661 г. положение русских войск на Украине и в Белоруссии значительно ухудшилось, и инициатива перешла в руки противника.

* * *

События 1650-х годов вновь показали, что Русское государство не могло одновременно разрешить украинско-белорусский и балтийский вопросы. Поэтому в русских дипломатических кругах должны были отойти на второй план ожесточенные противники Швеции, в первую очередь А. Л. Ордин-Нащокин, ошибочность расчетов которого на возможность соглашения с Польшей обнаружилась полностью. 23 марта 1661 г. в Кардиссе открылся съезд уполномоченных. С русской стороны возглавлял посольство князь И. С. Прозоровский, со шведской — Бент-Горн. Переговоры продолжались около трех месяцев; совещания проходили в бурных спорах. 21 июня был заключен, наконец, Кардисский мир, возвращавший Швеции русские завоевания. В свою очередь Швеция обязывалась не оказывать помощи Польше в войне против России, не нападать на Великое княжество Литовское, «Малую и Белую Россию». Этим пунктом русская дипломатия старалась предупредить повторение событий 1655 г., когда шведское нападение нарушило ход русско-польской войны[1].

В течение 1661 г. польско-литовские войска заняли Дисну и Себеж, нанесли новое поражение И. А. Хованскому при деревне Кушликовы Горы и вынудили его к отступлению до Великих Лук. Отряды польско-литовских войск проникали в Опочецкий и Пусторжевский уезды. 1 февраля в Могилеве произошел мятеж, в результате которого в городе «засели» сторонники Речи Посполитой. В Могилеве развернулась ожесточенная классовая борьба. Низшие слои мещанства не хотели сдавать город и боролись против верхушки мещан и шляхты, но перевес сил остался на стороне последних, и город был сдан полякам[2]. Захватив власть, сторонники Речи Посполитой удерживали Могилев до подхода польско-литовских войск.

---

[1] *Н. Н. Бантыш-Каменский.* Обзор внешних сношений России, ч. IV, стр. 178—181; *Г. В. Форстен.* Внешние сношения Швеции и России во второй половине XVII в.— ЖМНП, 1898, июнь, стр. 331—332.

[2] «Акты Московского государства», т. III, № 361, стр. 333; № 497, стр. 428—429.

Наконец, в ноябре 1661 г. польско-литовские войска взяли Вильно. Русский гарнизон под командованием князя Д. Мышецкого, укрепившись в Виленском замке, почти полтора года оборонялся и героически отбивал приступы неприятеля. Почти весь гарнизон погиб при защите города[1].

После взятия Вильно военные действия с обеих сторон в Белоруссии ослабевают.

* * *

Война за Украину и Белоруссию и одновременно за Ливонию потребовала от Русского государства огромного напряжения сил. В течение войны значительно возросла численность войска. Удельный вес полков нового строя в ходе войны непрерывно увеличивался. Рейтарские и немногочисленные полки гусар представляли собой дворянскую конницу нового строя. Солдатские полки комплектовались главным образом даточными людьми, принудительно набираемыми с установленного количества тяглых дворов. Все более возрастала роль пехоты.

Русское правительство в 1658—1660 гг. провело три общегосударственных набора даточных людей в солдатскую службу, по одному человеку с 20—25 крестьянских и посадских дворов. Эти наборы дали не менее 70—80 тыс. человек, которыми и были укомплектованы солдатские полки. В 1663 г. в составе войска было 80—90 тыс. солдат (55 полков) и 20 тыс. рейтар (20 полков), т. е. солдат было в четыре раза больше конницы[2].

В течение 1662—1663 гг. выпуск медных денег с принудительным курсом вылился в настоящую финансовую катастрофу, потрясшую всю экономику государства. Денежный кризис с особенной силой проявился на театре военных действий на Украине и в Белоруссии. Вздорожание продуктов первой необходимости поставило русских ратных людей и украинское казачество, получавших жалованье медными деньгами, в крайне тяжелое положение. Войска голодали, разбегались, волновались. «Медный бунт» в Москве заставлял весьма опасаться повторения его уже в виде военных бунтов. Заметное повышение хлебных цен произошло в городах основной европейской территории государства. Крестьяне отказывались принимать медные деньги. Начался голод[3].

Финансовый кризис и, как его последствие, экономический кризис были не единственными трудностями, побуждавшими правительство искать мира с Польшей.

В 60-х годах уже совершенно ясно обнаруживается угрожающее нарастание антифеодального движения в деревне. Резкое усиление побегов

[1] *Н. И. Павлищев.* Польская анархия при Яне Казимире и война за Украину, ч. 2.— Соч., т. II, СПб., 1878, стр. 290—291; *С. М. Соловьев.* История России, кн. 3, стб. 116.

[2] *А. В. Чернов.* Строительство вооруженных сил Русского государства в XVII в. (до Петра I). (Автореферат докт. диссертации). М., 1950, стр. 9—11.

[3] *К. В. Базилевич.* Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г. М.—Л., 1936, стр. 7—16, 22, 33—42 и др.

крестьян и холопов замечается уже с первых лет русско-польской войны. В 60-х годах побеги приобретают массовый характер и сопровождаются активными выступлениями крестьян против помещиков и вотчинников. Правительство было вынуждено организовать сыск беглых на значительной части территории, что, однако, не устранило дальнейшего усиления антифеодального движения, выросшего затем в Крестьянскую войну под предводительством С. Т. Разина[1].

Финансовый и экономический кризис, нарастание антифеодального движения, тесно связанные с тяжелой и длительной войной, должны были в свою очередь оказать воздействие на ее течение.

В этих условиях русское правительство искало мира. Но посольский съезд в 1661 г. не состоялся. Переговоры, происходившие в 1662 г., также окончились безрезультатно.

Русское правительство еще рассчитывало удержать за собой значительную часть Белоруссии и Украины; правительство Речи Посполитой, напротив, надеялось вернуть все потерянное в войне.

В 1663—1664 гг. в Белоруссии происходили лишь бои местного значения. Напротив, военные действия на Украине активизировались. В ноябре 1663 г. польский король Ян Казимир и гетман Павел Тетеря с войсками вторглись в Левобережную Украину. Польские войска обходили большие города (Переяслав, Нежин и др.), где были сосредоточены русские и украинские войска, считая, что, оставшись в тылу польского войска, эти города скоро сдадутся сами. Командующий русскими войсками князь Г. Г. Ромодановский и гетман И. М. Брюховецкий по приказу русского правительства отошли к Путивлю, но продолжали все время тревожить неприятеля действиями небольших отрядов. В январе 1664 г. польское войско подошло к Глухову, слабо укрепленной крепости, и приступило к осаде. Гарнизон Глухова мужественно отбивал неоднократные штурмы неприятеля. Население энергично помогало русско-украинским войскам. Войска Ромодановского и Брюховецкого стали приближаться к Глухову. Тогда польское войско отступило от Глухова и двинулось на север, где соединилось с литовским войском под командованием Паца и Полубенского.

Под Новгородом-Северским польско-литовское войско было разбито и, теснимое войсками Ромодановского и Брюховецкого, стало отступать по направлению на Могилев.

Истощение Польши, как и России, от войны, поражения польских войск под Глуховом и Новгородом-Северским способствовали началу мирных переговоров между русскими и польскими уполномоченными. Переговоры начались 1 июня 1664 г. в Дуровичах. В это время И. А. Хованский потерпел поражение под Витебском, и неприятель осадил город.

[1] *А. А. Новосельский.* Побеги крестьян и холопов и их сыск в Московском государстве второй половины XVII в.— «Труды Ин-та истории РАНИОН», сборник статей, вып. I, М., 1926, стр. 327—354; *И. А. Булыгин.* Беглые крестьяне Рязанского уезда в 60-е годы XVII в.— «Исторические записки», № 43, стр. 131—149.

Польские уполномоченные постарались использовать создавшуюся обстановку и настаивали на том, что «вечный мир» может быть заключен только на условиях Поляновского договора, совершенно неприемлемого для России. Переговоры с перерывом продолжались до сентября 1664 г., когда были отложены до следующего года.

Военные действия между Россией и Польшей в 1665 г. почти прекратились.

* * *

В апреле 1666 г. в деревне Андрусове между Россией и Польшей мирные переговоры возобновились. Делегацию России возглавлял А. Л. Ордин-Нащокин.

Политическая обстановка в Польше была весьма напряженной, так как Е. Любомирский поднял восстание против короля. Русское правительство использовало это обстоятельство.

Летом 1666 г. русские войска под командованием Я. К. Черкасского, И. С. Прозоровского и И. А. Воротынского, заняв предварительно Шклов и Копысь, пытались взять Могилев, но были отбиты.

Между тем мирные переговоры между представителями России и Речи Посполитой продолжались и закончились 30 января 1667 г. подписанием Андрусовского перемирия на 13 с половиной лет (до июня 1680 г.), которое завершило русско-польскую войну за Украину и Белоруссию. За время перемирия следовало подготовить условия «вечного мира».

По Андрусовскому перемирию Русскому государству были возвращены Смоленск, Дорогобуж, Белая, Невель, Красный, Велиж, Северская земля с Черниговом и Стародубом; Польша признавала воссоединение Левобережной Украины с Россией; Киев с прилегающей территорией должен был остаться за Россией до 1669 г., но остался за нею навсегда. Польша удержала за собой Правобережную Украину и Белоруссию. Запорожская Сечь должна была находиться под совместным управлением России и Речи Посполитой[1].

Таким образом, в результате войны между Россией и Речью Посполитой за Украину и Белоруссию в 1654—1667 гг. русскому правительству не удалось решить всех поставленных задач. Правобережная Украина и Белоруссия попрежнему оставались в руках Польши. Условия Андрусовского перемирия вызвали недовольство на Украине, так как мечта украинского народа о полном воссоединении украинских земель осталась неосуществленной.

Несмотря на это, заключение Андрусовского перемирия в условиях тяжелой внутренней и внешней обстановки для России явилось большим внешнеполитическим успехом[2].

---

[1] ПСЗ, т. I, № 398, стр. 631—643.

[2] *Т. Н. Копреева.* Русско-польские отношения во второй половине XVII в. (От Андрусовского перемирия 1667 г. до «Вечного мира» 1686 г.) (Автореферат. канд. диссертации). Л., 1952, стр. 12—13.

России удалось вернуть Смоленщину и другие русские земли, отторгнутые Польшей в первой половине XVII в., и тем самым укрепить безопасность Русского государства.

Андрусовское перемирие подтверждало решение Переяславской рады о воссоединении украинского народа с братским русским народом в едином государстве и освобождении Украины от шляхетского гнета.

Значение Андрусовского перемирия состоит и в том, что оно знаменовало окончательное крушение агрессии польской шляхты на восток.

7

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА И РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1676—1681 гг.

После окончания войны с Польшей узловым вопросом внешней политики Русского государства сделалась борьба с Турцией. Турция уже давно пережила пору расцвета своего могущества, но все еще обладала огромными материальными ресурсами и людскими резервами. В 50—70-х годах в правление двух энергичных визирей Кёпрюлю, вследствие некоторого упорядочения военной системы и государственного аппарата, Турция смогла вновь усилить свою агрессию против соседних стран.

Во второй половине XVII в. удары Турции были направлены против Русского государства, Польши, Империи и Венеции. Для облегчения своей завоевательной политики визири Кёпрюлю сумели заручиться благожелательным отношением Англии и Франции, заключив с ними выгодные для них торговые договоры. Дипломатия этих стран поэтому противодействовала образованию антитурецкого союза, и Турция получила возможность изолировать своих противников. В 1664 г. Турция заключила мир с Империей, а в 1669 г.— с Венецией, захватив у нее о. Крит. В 1672 г. Турция нанесла поражение Польше и захватила важный укрепленный пункт Каменец и всю Подолию. Более того, после перехода гетмана П. Д. Дорошенко в подданство Турции, последняя заявила свои притязания на всю Украину[1].

Русское правительство путем дипломатического давления на Турцию пыталось предотвратить нависшую военную угрозу. Но отправленные в течение 1666—1669 гг. в Константинополь последовательно одно за другим посольства В. М. Тяпкина и А. Нестерова окончились неудачно. Турецкое правительство высокомерно требовало от России отказа от всякого сопротивления турецкой захватнической политике не только на Украине, но и на Кавказе. Безуспешным оказалось и посольство В. А. Даудова, принятого в Константинополе в начале 1673 г. уже после турецкого вторжения

---

[1] *Н. А. Смирнов.* Россия и Турция в XVI—XVII вв., т. II.— «Ученые записки МГУ», вып. 94, 1946, стр. 112—113.

в Польшу. Царская грамота содержала решительный протест против захватнической политики Турции. Но турецкое правительство, находясь под впечатлением одержанной в Польше победы, увидело в протесте русского правительства только лишний повод к началу военных действий[1].

Обострение отношений с Турцией побудило русское правительство усилить дипломатическую деятельность в Западной Европе. В 1672 г. были отправлены русские посольства ко всем влиятельным европейским державам с целью создать антитурецкую лигу. В Вену был направлен Менезиус, прибывший туда в апреле 1673 г. В Англию, Францию и Испанию в сентябре 1672 г. был отправлен А. Виниус. Почти одновременно с ним Е. И. Украинцев поехал в Швецию, Данию и Голландию. Чрезвычайно важно было заручиться согласием Франции и морских держав — Англии и Голландии. Эти государства играли крупную роль в турецкой торговле и легко могли бы оказать давление на Порту. Но, ссылаясь на свою заинтересованность в левантийской торговле, эти державы отказались от выступления против Турции[2].

Одна из причин того, что русские планы создания широкой антитурецкой коалиции потерпели неудачу, заключается в том, что Западная Европа стояла накануне новой войны.

Во второй половине XVII в. агрессивная политика Франции на Европейском континенте, направленная в основном против Голландии с ее богатыми торговыми городами и против Империи в целях новых территориальных захватов, вызвала ряд войн. После непродолжительной франко-голландской войны 1667—1668 гг., давшей Франции лишь незначительные территориальные приобретения, с 1672 по 1679 г. происходила новая война. Боролись между собой две коалиции. Против Франции выступали Голландия, Пруссия, Испания и Империя. Франция при помощи крупных денежных субсидий привлекла на свою сторону Англию и Швецию[3].

Войны в Западной Европе двояким образом влияли на внешнюю политику Русского государства. Во-первых, Франция, борясь против Империи, стремилась к образованию против нее союза между Швецией, Речью Посполитой и Турцией[4]. Французское влияние сильно мешало осуществлению планов русского правительства в отношении Польши и Турции. Во-вторых, вмешательство в войну Швеции и перспектива дальнейшего ее усиления были опасны для России. Голландия, Дания, Пруссия и Империя поэтому настойчиво добивались привлечения России на свою сторону, рассчитывая этим либо не допустить вмешательства Швеции в войну, либо, по крайней мере, уменьшить эффект ее выступления. Вопрос

---

[1] *Н. А. Смирнов.* Указ. соч., стр. 122—124.

[2] *Н. Н. Бантыш-Каменский.* Обзор внешних сношений России, ч. 1, стр. 24, 120—121, 188.

[3] «История дипломатии», т. I, стр. 213—214.

[4] *Е. Е. Замысловский.* Сношения России с Польшей в царствование Федора Алексеевича. СПб., 1888, стр. 11.

о политике России, таким образом, приобрел важное значение для всего хода войны в Европе.

Голландские, датские и прусские настояния относительно противодействия Швеции встречали в Москве сочувственный отклик. Однако в Москве хорошо помнили уроки 50-х годов, когда Бранденбург заключил союз со Швецией, вторгшейся в Польшу, а Дания вышла из войны в самый решительный момент. Поэтому русское правительство выжидало, когда выяснится поведение всех союзников, входивших в коалицию.

В октябре 1675 г. было заключено союзное русско-имперское соглашение. Взамен взятого Империей обязательства помочь России против Турции после окончания европейской войны русское правительство обещало послать войска на шведскую границу. Кроме того, оба государства условились сохранять неизменным существующий политический строй Речи Посполитой, т. е. стремились к протекторату над этой страной[1]. Это соглашение обеспечивало России дипломатическую поддержку со стороны Империи в Польше, что было очень важно ввиду усиливавшегося там французского влияния.

Во исполнение принятых обязательств Россия применила меры дипломатического и военного давления на Швецию. От Швеции потребовали прекращения враждебных военных действий против Бранденбурга и вывода войск из Поморья. Для подкрепления этих требований значительные по численности русские войска были сосредоточены у ливонской границы.

В 1679 г. русские послы И. В. Бутурлин и И. И. Чаадаев, прибывшие в Вену для переговоров о создании антитурецкой лиги, указывали, что принятые Россией против Швеции меры имели немаловажное значение. Опасаясь за свои владения в Восточной Прибалтике, шведы могли направить в Бранденбург только часть своих военных сил. Это обстоятельство помогло «великому курфюрсту» разгромить шведов при Фербеллине в 1675 г.[2]. Об этой победе в наказе Бутурлину и Чаадаеву говорится следующее: «Курфирсту бранденбурскому над малыми свейскими ратными людьми свободно было промысл и отпор чинить, что и учинено». Послы должны были также указать австрийцам, что вмешательство русского правительства облегчило положение самого императора[3]. По признанию голландцев, вмешательство России «пожалуй, более всего... способствовало успеху» союзников[4].

Чрезвычайно осложняла положение России в предстоящей войне с Турцией скрыто враждебная позиция Польши. В начале 1676 г. шли переговоры о новом союзе, по которому Россия обеспечивала Польше всемерную военную помощь. Но одновременно из различных источников русскому

---

[1] *Н. Н. Бантыш-Каменский.* Указ. соч., ч. 1, стр. 25—26.

[2] «Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными» (далее — ПДС), т. V., СПб., 1858, стб. 683—684; *Н. Н. Бантыш-Каменский.* Указ. соч., ч. IV, стр. 15.

[3] ПДС, т. V, стб. 683—685.

[4] «История дипломатии», т. I, стр. 229.

правительству стали известны переговоры польского короля Яна Собеского о заключении мира с турками. Французская дипломатия настойчиво внушала польскому королю, что заключение мира с Турцией выгодно для Польши, так как после разгрома Турцией России, что представлялось совершенно несомненным, Польша легко отберет у России все потерянные ею территории и города — Киев, Смоленск и др. Под воздействием этих внушений Ян Собеский побуждал султана и крымского хана начать войну против России и в октябре 1676 г. заключил унизительный для Польши мирный договор с Турцией в Журавне. Ян Собеский по вполне понятным причинам не сообщил об условиях этого договора русскому правительству, что он обещал сделать. По этому договору за Турцией оставалась Подолия с г. Каменцем, и Речь Посполитая давала обязательство оказать военную помощь Турции в войне против России. В сущности уступки в пользу Турции распространялись почти на всю Правобережную Украину[1].

Политика польского правительства, поддерживаемая западными державами и направленная на развязывание русско-турецкой войны, свидетельствовала лишь о слабости шляхетского польского правительства и его недальновидности.

Ход русско-турецкой войны показал полную ошибочность расчетов короля Яна Собеского на слабость Русского государства.

* * *

Русско-турецкая война 1677—1681 гг. является одним из этапов совместной борьбы русского и украинского народов против иноземных захватчиков. Она была начата Турцией, пытавшейся подчинить себе Украину и превратить ее в вассальное княжество.

Турецкое правительство предполагало осуществить свой замысел посредством вооруженного нападения на Украину. Захватив важнейший политический и стратегический центр Правобережной Украины — г. Чигирин, турецкие войска должны были посадить в нем гетманом Юрия Хмельницкого, ставшего послушным орудием турецкого правительства. Следующим этапом турецкой агрессии явилось бы нападение на Киев и Левобережную Украину.

29 июня 1677 г. огромная турецкая армия под командованием Ибрагима-паши выступила в поход от Дуная и 3 августа осадила Чигирин (стоящий на притоке Днепра — Тясьмине). По русским источникам, она насчитывала свыше 60 тыс. турецких солдат (в том числе 10—15 тыс. янычар), 19 тыс. молдаван и валахов (вспомогательные войска) и около 40 тыс. татар, имела 35 орудий и огромный обоз[2].

---

[1] *Н. А. Смирнов.* Указ. соч., стр. 133—134.

[2] ЦГАДА. Малорос. приказ, кн. 125, лл. 72—78, 128, 271; Разряд. Столбцы Белгородского стола, №872, лл. 235—237; Малорос. дела, №№ 16 и 26; «Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России», т. XIII, СПб., 1884, № 28, стр. 118—126; № 89, стр. 368—375.

Моральный дух турецкого войска был невысок. Часть янычар, узнав под какой город их ведут, сбежала, так как «ведомость у них была, что город Чигирин крепок, и дачею его не здадут, и отпор де из него станут чинить жестокой»[1]. Молдаванам и валахам турки не доверяли, зная об их симпатиях к Русскому государству, и использовали их в качестве обозников и рабочих для постройки мостов и т. п. Между прочим, молдавский господарь еще ранней весной тайно предупредил украинского гетмана Ивана Самойловича (1672—1687) о готовящемся походе турок. Юрий Хмельницкий находился при турецкой армии под охраной янычар на положении почетного пленника.

Численность гарнизона Чигирина к началу осады достигла примерно 12 тыс. человек, в том числе около 7 тыс. казаков и около 5 тыс. солдат[2]. Укреплен Чигирин был неплохо, но в артиллерии и боеприпасах ощущался недостаток.

Русско-украинское войско под командованием боярина князя Г. Г. Ромодановского и гетмана И. Самойловича состояло из 20—25 тыс. украинцев и около 32 тыс. русских, причем около 67% армии Ромодановского составляли полки «нового строя», вооруженные единообразным огнестрельным оружием. Русская артиллерия намного превосходила турецкую как количеством (126 орудий)[3], так и качеством. В армии совершенно отсутствовали наемные войска.

Еще до начала войны с турками на Дон были отправлены войска[4]. Основной задачей этих войск и донских казаков было удержать турецкий гарнизон Азова, а в особенности крымских и ногайских татар от вторжения в пределы Русского государства и тем обезопасить тыл действовавших против турок войск. Цель эта была достигнута.

Войска Ромодановского и Самойловича соединились 10 августа 1677 г. и направились к Днепру. На помощь Чигирину был выслан отряд Ф. Тумашева (800 драгун и 1000 украинских казаков), благополучно достигший осажденного города[5].

Трехнедельная жестокая осада Чигирина не принесла успеха туркам. По образному выражению Самойловича, Чигиринская крепость «костью им в горле стала»[6]. Во время осады ярко проявились стойкость и мужество русских солдат и украинских казаков.

25 августа русские войска подошли к Днепру у Бужина. Появившиеся на другом берегу Днепра татарские разъезды были встречены орудийным

---

[1] ЦГАДА. Малорос. приказ, кн. 125, л. 128.

[2] Там же, кн. 125, лл. 169, 174—176; Малорос. дела, №№ 18 и 26; Разряд. Столбцы Белгородского стола, № 827, лл. 426—428; № 848, лл. 608—620, кн. 48 за 1677 г.

[3] ЦГАДА. Разряд. Столбцы Белгородского стола, № 848, л. 618.

[4] *Н. А. Смирнов.* Указ. соч., стр. 127—133.

[5] ЦГАДА. Малорос. приказ, кн. 125, лл. 101—102; Разряд. Столбцы Белгородского стола, № 866, л. 581.

[6] ЦГАДА. Малорос. приказ, кн. 125, лл. 197—206.

огнем. 26 августа подошел крымский хан с ордой, а немного спустя — посланный Ибрагимом-пашой турецкий отряд. Здесь произошло решающее для исхода всей кампании сражение.

Переправляться было решено в том месте, где Днепр значительно суживается, а противоположный берег полуостровом вдается в реку. Для высадки на правый берег и обеспечения переправы были выделены два солдатских (в том числе один выборный московский) и два казачьих полка[1]. Переправа началась в третьем часу ночи с 26 на 27 августа. Лодки подплыли почти к самому берегу беспрепятственно; беспорядочная стрельба турок, застигнутых врасплох, была подавлена орудийным огнем с левого берега Днепра, где Ромодановский лично расставил пушки. Передовым отрядом командовали подполковник Воейков из полка генерал-майора Шепелева, полковники Верстов, Левенец, Барсук. Высадившись, солдаты в короткой схватке отбросили турок и окопались. Переправа продолжалась беспрепятственно всю ночь и следующий день.

Лишь во второй половине дня турки предприняли атаку русских позиций. Успех переправы решался в этом сражении, так как переправилось лишь несколько полков, но стойкость, мужество и военная выучка выборных полков А. А. Шепелева и М. О. Кравкова позволили им выдержать натиск янычар и опрокинуть их.

Ибрагим-паша, видя неудачу штурма и получив донесение пашей и хана, что им «мочи нет» удерживать русских, приказал усилить обстрел Чигирина и бросил основную часть турецкой армии к Бужину. Но было уже поздно. Ромодановский и Самойлович успели переправить через Днепр около 15 тыс. человек под командой полковников Косагова и Новицкого, которые смело атаковали превосходившего их численно врага.

28 августа в решающем бою соединенные силы татар и турок были наголову разбиты русскими и украинскими войсками, которые «знатную одержав победу над неприятелями, многих побили, гоня их на пять верст от Днепра...». Насколько отчаянны были попытки турок задержать переправу русских войск, подтверждается тем, что среди убитых в боях 27 и 28 августа были обнаружены сын крымского хана, сыновья турецкого паши, много высших турецких офицеров и татарских мурз[2]. Разгромленные неприятельские войска в беспорядке откатывались к Чигирину. Кампания была проиграна турками.

Положение турецкой армии было критическим. Спасти деморализованную, сильно потрепанную армию можно было лишь отступлением. В ночь на 29 августа турки, побросав осадную артиллерию, обозы и продовольствие, начали отступление, фактически превратившееся в бегство. Высланная русским командованием погоня настигла и разбила арьергардный отряд[3]. Все вокруг было выжжено татарами и турками, и сразу дал

---

[1] Описание переправы и разгрома турок дано по документам ЦГАДА. Малорос. приказ, кн. 125, лл. 50—54, 94—104, 105, 107—115, 131, 149—151, 197—206.

[2] *Н. А. Смирнов.* Указ. соч., стр. 140.

[3] ЦГАДА. Малорос. приказ, кн. 125, лл. 116—118, 148—150, 192—194.

себя знать крупнейший недостаток допетровской армии — плохая организация снабжения. Войска Ромодановского и Самойловича, терпя нужду в фураже и продовольствии, вынуждены были вскоре уйти обратно за Днепр. Армия была распущена на зиму.

Осажденные потеряли убитыми 530 казаков и 136 стрельцов, ранено было около 500 человек. В боях за переправу и в сражении с турками погибло 2460 человек и ранено было около 5 тыс. чел.[1].

Потери турок достигали 20 тыс. человек[2].

Переправа через Днепр, проведенная при сопротивлении неприятеля, показала превосходство полков «нового строя» перед стрельцами, так как именно солдаты выборных московских полков «нового строя» и казаки провели эту операцию, закрепились на берегу и обеспечили успешную переправу русских войск, выдержав ожесточенный бой с неприятелем.

* * *

Готовясь к продолжению войны, русское правительство в то же время пыталось избежать ее. 12 декабря 1677 г. в Константинополь был послан А. Поросуков с предложением мира. Неофициально ему было поручено выяснить настроение турецких правящих кругов и собрать данные о предстоящей кампании. Успехом посольство не увенчалось, но оно добыло очень важные сведения. Оказалось, что турки усиленно готовились к продолжению войны. Они возобновили мирный договор с Польшей и тем обеспечили свой левый фланг и тыл. Посольство Поросукова показало, что война неизбежна. Об этом свидетельствовали и участившиеся татарские набеги, которые совершались по прямому приказу султана.

Действительно, 8 июля 1678 г. огромная турецкая армия и татары снова появились перед Чигирином. На этот раз турецкая армия насчитывала около 80 тыс. солдат, 5 тыс. молдаван и валахов и около 30 тыс. татар. В состав армии входили специальные отряды, задачей которых было первыми врываться в бреши. Артиллерия турок состояла из 25 больших осадных пушек, 80 полевых и 12 мортир. Командовал армией визирь Кара-Мустафа[3].

К моменту появления турок работа по укреплению Чигирина еще не была закончена. В плохом состоянии находилась артиллерия города: верхний город (замок) имел 65 пушек и четыре мортиры, нижний город (посад) — около 17 пушек. Этого было недостаточно, притом многие орудия были неисправны. Численность гарнизона определялась к началу

---

[1] ЦГАДА. Малорос. дела, № 26; Разряд. Столбцы Белгородского стола, № 881.

[2] ЦГАДА. Разряд. Столбцы Белгородского стола, № 881; Малорос. приказ, кн. 125, лл. 148—150.

[3] «Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России», т. XIII, № 147—148, стр. 632—643; № 157, стр. 691—697.

осады в 13 600 человек. Комендантом Чигирина назначен был окольничий И. И. Ржевский, помощником его — шотландец П. Гордон[1].

В апреле 1678 г. Ромодановский выслал к Чигирину для обеспечения переправы и усиления гарнизона генерал-майора Г. Косагова с его полком и два казачьих полка, всего 9719 человек[2]. Косагов не вошел в самый город, а, окопавшись от него в 3 милях, послал на подкрепление гарнизона 2500 человек.

Всего Ромодановский имел около 50 тыс. человек[3]. У Самойловича было не менее 30 тыс. казаков. На соединение пришли донские казаки под командой атаманов М. Самарина и Ф. Минаева. Из-за Дона ожидали князя Каспулата Черкасского с отрядами кабардинцев.

6 июля 1678 г. русские войска подошли к Днепру.

Вечером 9 июля по приказу Кара-Мустафы осажденным в нижний и верхний городы были посланы письма с предложением сдаться. Ржевский оставил их без ответа, и в этот же вечер прибыли в Чигирин подкрепления в составе 2200 человек. Они прошли в крепость под охраной войск Косагова. Брод через Тясьмин остался неохраняемым. Турки немедленно воспользовались этой оплошностью и перебросили за Тясьмин 10-тысячный отряд татар, вероятно, с целью разведки, так как о приходе русских войск туркам не было известно.

Татары наткнулись на корпус Змеева, атаковали его, но были разбиты и отброшены (10 июля)[4]. Но переправа через Тясьмин все же осталась в их руках, и Кара-Мустафа хорошо использовал ошибку русского командования.

12 июля русская армия закончила переправу через Днепр, а на следующий день была атакована 20-тысячным турецким корпусом, поддержанным татарами.

Атака началась на большом участке фронта сначала конницей, затем пехотой. Одновременно хан атаковал полк Змеева, стоявший на левом фланге русской армии. Хана поддержала турецкая пехота. Натиск был настолько силен, что полк дрогнул и начал отступать. Положение спас стольник С. Грибоедов, командовавший артиллерией и открывший в критический момент сильный огонь. Это дало возможность отступавшим оправиться и перейти в контратаку. У турок не было артиллерии. Турки и татары не выдержали контратаки полка Змеева, поддержанной артиллерийским огнем. Отступление их превратилось в бегство[5].

15 июля русские войска снова атаковали турок; бой продолжался до вечера, неприятель отступил и укрылся в лесу. После этого начались ежедневные ожесточенные бои.

---

[1] «Дневник генерала П. Гордона», ч. 2. — «Чтения ОИДР», 1892, кн. 3, отд. III, стр. 126, 141.

[2] ЦГАДА. Разряд. Столбцы Белгородского стола, № 866, лл. 23—26, 50.

[3] Там же, № 866, лл. 4, 8—20.

[4] Там же, № 1157, лл. 20—25; № 866, лл. 481—489.

[5] Там же, лл. 20—25.

Между тем турки деятельно вели осаду города. Замок и нижний город подвергались ожесточенному обстрелу, и турки быстро приближались к стенам. Одновременно они вели подкопы.

Ромодановский и Самойлович, ввиду явного численного превосходства турок, не решались начинать генеральное сражение и ждали князя Каспулата Черкасского с подкреплениями. В эти дни запорожские казаки, понимавшие нависшую над Украиной угрозу, выступили против турок. Под городком Казы-Керменем они перехватили хлебный караван, шедший к турецкой армии, и разгромили сопровождавший его отряд[1].

28 июля к Днепру прибыл князь Каспулат Черкасский, но он привел с собой всего лишь около 4 тыс. человек, что было большим разочарованием для русского командования, так как из-за ожидания его прихода было упущено время, и турки смогли укрепиться на высотах вблизи Тясьмина.

Решено было переправиться через Тясьмин у села Кувечинского, где был перевоз. 31 июля передовой отряд русской армии под командованием князя Черкасского напал на передовые части турок, разбил их в коротком бою и «загнал на гору». Контратака турок была успешно отражена. Этот бой позволил основным силам русских подойти к Кувечинскому перевозу. Однако оказалось, что переправа под угрозой нападения турок, расположившихся на горах, была невозможна. Необходимо было прежде выбить турок с гор.

Для выполнения этой трудной задачи были выделены лучшие войска — оба выборных московских полка Шепелева и Кравкова, приказы московских стрельцов и несколько солдатских и казачьих полков. Позиция турок, сильная по природным условиям, была хорошо укреплена.

1 августа русские войска атаковали турецкие позиции. Началось кровопролитное трехдневное сражение, в котором ярко проявились превосходные боевые качества русской пехоты. Атака русских была затруднена, так как в силу условий местности невозможно было развернуть войска, а артиллерия не могла обеспечить достаточной поддержки наступавшей на небольшом участке пехоте.

Командиры полков лично вели солдат. Источники сохранили известие, что при атаке турецких позиций шедшие впереди командиры показывали солдатам пример личной отвагой и мужеством. Московский выборный полк, первым ворвавшийся в расположение турецких войск, был отрезан от своих фланговым ударом турок и оказался в окружении. Однако русские солдаты не растерялись. Построившись в каре, они огородились рогатками и в течение двух часов вели рукопашный бой с наседавшими турками, причем бились даже прикладами мушкетов. Подоспевшие полки отбросили турок и выручили товарищей.

В результате ожесточенных боев к 3 августа турецкие войска были разгромлены и бежали через Тясьмин, а мосты сожгли. Русские захватили

---

[1] ЦГАДА. Разряд. Столбцы Белгородского стола, № 1002, лл. 34—36.

свыше 30 пушек. В этом бою погиб один из выдающихся русских командиров — генерал А. А. Шепелев[1].

Овладев горами, русские войска расположились в 2 верстах от Чигирина.

* * *

Однако Ромодановский и Самойлович не рискнули переправиться через Тясьмин и напасть на турок. Переправа через реку перед лицом численно превосходившего неприятеля действительно была рискованным делом. К тому же Ромодановский имел разрешение правительства разрушить Чигирин в том случае, если его невозможно будет защитить.

Положение Чигирина было очень тяжелым. 3 августа гранатой был убит Ржевский. Воевода И. И. Ржевский был выдающимся командиром, душой обороны города. Гибель Ржевского в самый критический для крепости момент была невознаградимой потерей[2]. Руководство перешло к Гордону, не имевшему организаторских способностей и авторитета погибшего коменданта, да к тому же иностранцу. Желая облегчить «осадное сидение», Ромодановский и Самойлович вывели основную часть гарнизона и заменили его новыми отрядами солдат и казаков. Однако эта мера имела отрицательный результат, так как новый гарнизон не привык к осаде и не представлял себе ясно опасности, в которой находился город[3].

Турки произвели штурм 11 августа во второй половине дня. Взорвав несколько подкопов, они ворвались в нижний город сразу в нескольких местах. Для маскировки главного удара, который был нанесен по нижнему городу, турки совершили нападение и на замок. Последовали взрывы необычайной силы, образовавшие бреши в стене одновременно в нескольких местах. Казаки покинули стены и стали отступать к переправе через Тясьмин. Несколько полков, высланных из замка, попытались было сдержать натиск турок и даже заставили их отступить к стенам. Но свежие силы, брошенные в бой Кара-Мустафой, сломили сопротивление гарнизона, турки вновь оттеснили казаков к реке и подожгли город. Мост через Тясьмин, не выдержав тяжести отступавших, рухнул, а войска, высланные Ромодановским и Самойловичем, при первом же известии о штурме не рискнули переправляться в наступивших сумерках через реку в горящий город.

Однако успех турок оказался неполным. Дело в том, что когда турки, получив подкрепление, вторично оттеснили казаков к реке, сильный отпор оказал им один из казачьих полков. Между нижним городом и замком, ближе к замку, находилась мельничная плотина, служившая мостом для

---

[1] Бои за овладение высотами описаны по документам ЦГАДА. Разряд. Столбцы Белгородского стола, № 1157, лл. 28—31, 78—81 и др.; Малорос. приказ, кн. 125; стб. № 136, лл. 8—15 и др. и «Летописи Самовидца».

[2] *Н. А. Смирнов*. Указ. соч., стр. 135.

[3] ЦГАДА. Малорос. приказ, № 136, лл. 8—15.

замка. Подступы к ней защищала угловая башня замка, а в нижнем городе недалеко от нее стояла каменная церковь. Возле этой церкви и закрепились казаки и стойко выдержали натиск турок. Благодаря их мужеству плотина не была захвачена турками.

Последний день защиты Чигирина дал еще одно яркое доказательство высоких боевых качеств русских и украинских войск. Ведя уличные бои с численно превосходящим противником в горящем городе, войска сумели защитить подступы к плотине и тем самым обеспечили успешный вывод гарнизона из замка.

В ночь с 11 на 12 августа уличные бои прекратились. Получив письменный приказ покинуть Чигирин, Гордон вывел гарнизон и поджег замок. Атака турок, пытавшихся помешать переправе гарнизона, была отбита. «Чигирин, — писал Гордон в своем дневнике, — ... был оставлен, но не покорен»[1]. Таким образом, Чигирин сопротивлялся превосходящим силам противника целый месяц.

Ослабленная месячной осадой, испытывавшая недостаток в съестных припасах и фураже, турецкая армия, овладев полуразрушенным Чигирином, имела перед собой сильное и боеспособное войско, преграждавшее ей путь на Левобережье.

Отходившую армию преследовали татары и основные силы турок. Кара-Мустафа в отходе русских усмотрел их «слабость» и решил закончить кампанию полным уничтожением русских войск. 14 августа русская армия заняла свой укрепленный лагерь на берегу Днепра и немедленно была атакована турками.

Однако туркам пришлось разочароваться. Русские часто переходили в яростные контратаки, — Кара-Мустафа убедился в своем бессилии сломить их стойкость. 20 августа турки ушли к Тясьмину и, разрушив до основания Чигирин (вернее, то, что от него осталось), направились к Бугу, мосты на котором уже были сожжены запорожцами.

По росписи, представленной в Разряд, потери русских в кампании 1678 г. определялись убитыми, пропавшими без вести и пленными в 3290 и ранеными в 5430 человек.

Потери гарнизона Чигирина определялись в 332 человека убитыми и 1047 ранеными. Цифры эти, однако, не представляются точными. По данным Гордона, потери гарнизона Чигирина одними убитыми достигали 1300 человек.

Потери турок точно неизвестны; сведения русского правительства резко расходятся — от 60 тыс. до 30 тыс. человек[2]. 27 августа русская армия переправилась через Днепр.

---

[1] Штурм Чигирина описан по «Дневнику» Гордона, «Актам, относящимся к истории Южной и Западной России» (т. XIII, № 156, 157 и др.) и документам ЦГАДА (Малорос. приказ, кн. 125; стб. № 136, лл. 8—15, 27—29, 98—102; Разряд. Столбцы Белгородского стола, № 1157, лл. 149—157).

[2] *Н. А. Смирнов*. Указ. соч., стр. 159—162.

Удары, нанесенные туркам под Чигирином, оказались столь тяжелыми, что турецкое правительство не рискнуло продолжать войну. В 1679—1680 гг. военные действия велись лишь в виде набегов и мелких стычек.

* * *

Допуская возможность нового вторжения турок и татарских набегов, русское правительство в конце 1679 г. и в следующем году произвело весьма значительные работы по созданию засек, валов, укреплению бродов через Северный Донец и Оскол и постройке ряда городов. В этот период в основном была построена новая, третья в XVII в., засечная черта—Изюмская, протянувшаяся примерно на 400 верст от рек Коломака и Мжи до г. Царева-Борисова и прикрывшая собой Слободскую Украину. Укрепления этой черты в последующие годы усиливались; черта достигла на востоке г. Усерда, соединившись здесь с Белгородской чертой[1].

В то же время был предпринят ряд дипломатических шагов. Русское правительство полагало, что Турция, организуя Чигиринские походы, осуществляла только часть своей завоевательной программы в Европе. Поэтому в 1679 г. оно еще раз обратилось к Польше и Империи с предложением организовать совместную оборону Юго-Восточной Европы. В Варшаву и Вену был направлен Бутурлин. Он должен был заявить, что «тот общей неприятель Украйну его царского величества и казаков, имеющихся в ней..., хочет под свою власть оторвать и тем на все християнство врата отворить»[2].

Русское правительство выдвинуло свою программу борьбы с турецко-татарской агрессией: участники создаваемой коалиции должны были «... войну... весть на того неприятеля в одно время, кийждо государь со своей стороны»[3], для того чтобы «салтан, имея на себя от християнских государей соединение, силы свои делил в розные страны»[4], так как только «общим тех християнских государей военным согласием тому неприятелю будет розорение»[5].

Однако, несмотря на убедительность этих доводов, Польша и Империя отвергли русское предложение. После Нимвегенского мира 1679 г. Габсбурги продолжали мечтать о реванше на Рейне, защиту же Юго-Восточной Европы от турецкой агрессии рассчитывали целиком переложить на плечи России и Польши, предложив им заключить двусторонний договор о союзе. С другой стороны, Ян Собеский соглашался расторгнуть Журавненский договор 1676 г. и выступить против Порты только при

---

[1] *Д. И. Багалей.* Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. М., 1887, стр. 485—491.

[2] ПДС, т. V, СПб., 1858, стб. 1056.

[3] Там же, стб. 1041.

[4] Там же, стб. 717.

[5] Там же, стб. 1041.

условии полной ревизии Андрусовского перемирия и «возвращения» Польше Левобережной Украины, Киева, Смоленска.

Русское правительство решило обратиться к Франции, так как хорошо знало, что ее политика на Рейне во многом определяет политический курс Империи на Дунае. Согласно имевшейся в распоряжении Посольского приказа информации, Версальский двор был заинтересован в том, чтобы Турция и Империя, взаимно ослабляя друг друга, вынуждены были пойти на большие уступки Франции на Рейне, а также в Леванте и Северной Африке.

Заинтересованное в сохранении мира на Рейне, русское правительство руководствовалось этой целью в переговорах и с другими европейскими государствами. Так, весной 1680 г. русские послы в Польше обратились через нунция Мартелли к римскому папе, чтобы он «французского короля яко пастырь и учитель от злого начинания клятвою своею или иным каким запрещением отвратил, чтоб он цесарскому величеству в союз с великим государем с его царским величеством и королевским величеством польским против неприятеля креста святого вступать не мешал»[1]. Позднее русское правительство направило во Францию Потемкина. Русский посол предложил Людовику XIV если и не присоединиться к антитурецкой коалиции, то во всяком случае гарантировать соблюдение нейтралитета на Рейне. Однако близорукая политика Империи и Польши, которые не желали считаться с внешнеполитическими интересами России и, игнорируя возраставшую турецко-татарскую опасность для всех стран Юго-Восточной Европы, отклонили план создания антитурецкой коалиции, вынудила русское правительство осенью 1680 г. начать мирные переговоры с Турцией и Крымом.

26 августа 1680 г. в Крым были направлены полномочные послы В. И. Тяпкин и Н. М. Зотов. Им было предписано добиться признания прав Русского государства на Киев и Запорожье. Однако ввиду несогласия турок послам пришлось уступить в вопросе о Запорожье. Мирный договор был заключен в Бахчисарае 13 января 1681 г. (и утвержден султаном в марте 1682 г.). Основные условия договора следующие: 1) перемирие на 20 лет; 2) граница проходит по Днепру, причем Киев, Васильков, Триполье, Стайки и местечки Дедовщина и Радомышль остаются за Русским государством; 3) земли между Днепром и Бугом не должны заселяться; 4) татары получают право кочевки по обеим сторонам Днепра, казаки и русские люди получают право ловить рыбу в Днепре и его притоках, а также добывать соль, охотиться и свободно плавать по Днепру до Черного моря.

Таким образом, Бахчисарайский мирный договор означал крушение захватнических планов турок в отношении России и части Украины.

Война 1677—1681 гг. послужила доказательством огромного значения объединения сил русского и украинского народов в борьбе с инозем-

[1] ЦГАДА. Польские дела, 1680 г., № 196, л. 280.

ными захватчиками. Чигиринские походы выявили превосходные боевые качества русских солдат и наглядно показали преимущество солдатских полков по сравнению со стрельцами и дворянской конницей. В то же время война обнаружила и серьезные недостатки в организации русской армии, прежде всего — отсутствие единого и полномочного командования, плохо организованное снабжение. Эти организационные недостатки были следствием еще далеко не завершенного реформирования русской армии, начатого в XVII в.

8

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РОССИИ В НАЧАЛЕ 80-х ГОДОВ. «ВЕЧНЫЙ МИР» 1686 Г. И КРЫМСКИЕ ПОХОДЫ 1687 И 1689 ГГ.

Несмотря на то, что турецкая опасность вполне реально обозначилась для Польши и Империи уже в 1682 г., правящие круги Речи Посполитой не столько думали об организации своей обороны, сколько продолжали строить планы возвращения утраченных по Андрусовскому перемирию украинских и русских земель. Сторонники восточной экспансии были готовы использовать в своих интересах стрелецкое восстание в Москве 1682 г. и борьбу за власть при московском дворе. Стабилизация внутриполитического положения в России, перспективы нового турецкого наступления, полный крах надежд польского короля на содействие Франции его династическим замыслам — все это заставляло Собеского искать новых путей для своей внешней политики. Все более актуальной для Польши становилась проблема установления союзных отношений с Империей и Россией. В течение 1681—1682 гг. польский король все больше сближался с Габсбургами, а в марте 1683 г., преодолев активное сопротивление профранцузской «партии» в Речи Посполитой, Ян Собеский добился решения сейма о заключении союзного договора с Империей (31 марта 1683 г.). Заключив этот договор, Польша, а также Империя предприняли несколько попыток привлечь к этому союзу и Россию.

Русское правительство было готово и теперь принять участие в совместной обороне Юго-Восточной Европы, но при условии, что Речь Посполитая окончательно откажется от своих претензий на украинские и русские земли, потерянные ею в 1648—1667 гг., и военные обязанности будут справедливо распределены между союзниками. В 1683 г. в соответствии с полученным ими наказом русские послы в Варшаве И. И. Чаадаев и Л. Т. Голосов говорили о том, что «без вечного мира и без уступки... городов и всее Украины и Запорожья чинить ныне союз невозможно»[1]. Однако польская сторона, опираясь на поддержку имперской дипломатии, настаивала на своих территориальных требованиях.

[1] ЦГАДА. Польские дела, кн. 208, лл. 133—135.

Игнорирование Варшавой и Веной жизненных интересов России и Украины привело к тому, что Русское государство в 1683 г. формально не смогло включиться в состав антитурецкой коалиции, хотя русские и казацкие войска, находившиеся в Поднепровье, продолжали сковывать значительную часть вооруженных сил Крымского ханства летом 1683 г.

В августе 1683 г. турецкие армии вступили на территорию Империи и осадили ее столицу Вену. Разыгравшаяся 12 сентября 1683 г. под Веной битва закончилась полной победой польско-имперских войск, возглавленных Яном Собеским. Однако этот военный успех не принес Польше и польскому двору ожидаемых политических результатов. Споры о разделе «сфер влияния» на Балканах вызвали резкое обострение отношений между Империей и Польшей. Турция через несколько месяцев после поражения под Веной стала оправляться. В связи с этим перед Речью Посполитой встал вопрос урегулирования отношений с Россией.

Русское правительство со своей стороны также считало, что сложившаяся международная обстановка требовала неотложного урегулирования русско-польских отношений. Считая своей основной задачей окончательное закрепление исторического акта воссоединения Украины с Россией и защиту Украины от турецко-татарской агрессии, русское правительство решило временно отказаться от борьбы за выход к Балтийскому морю. В течение второй половины 1683 г. и первой половины 1684 г. между шведским и русским правительствами шли переговоры, завершившиеся заключением договора о подтверждении Кардисского мира 1661 г. В то же время русское правительство решило созвать в конце 1683 г. и начале 1684 г. Земский собор, посвященный проблеме заключения с Польшей договора о «вечном мире» и союзе. Таким путем русское правительство подчеркнуло всю серьезность своих намерений установить союзные отношения с Польшей и желание участвовать в антитурецкой коалиции.

В начале 1684 г. в деревне Андрусове происходили длительные переговоры представителей России (Одоевский и Бутурлин) и Польши (К. Гримультовский и Я. Гнинский). Однако они не дали результатов. Представители России настаивали на том, чтобы до оформления союза временная русско-польская граница 1667 г. была превращена в постоянную, тогда как представители Польши не шли дальше самых незначительных уступок.

Основной причиной неудачи переговоров было то, что в правящих кругах Речи Посполитой весьма сильное влияние имели сторонники возобновления восточной экспансии, которые не скрывали своего намерения после окончания турецкой войны выступить против России. Отрицательную роль сыграло также то, что польское правительство после разграничения «сфер влияния» на Балканах с Габсбургами (февраль 1684 г.) и создания весной 1684 г. «Священной лиги», включавшей Империю, Польшу, Венецию и Рим, считало, что Речь Посполитая может вести борьбу против турецко-татарских сил и без России. Наконец, известное значение в неудачном исходе русско-польских переговоров 1684 г. могли иметь и по-

пытки Собеского решить крымскую проблему не путем привлечения России в состав коалиции, а путем сближения Польши с Крымом и противопоставления его Османской Турции. Тщетность этих надежд окончательно определилась позднее.

За ходом русско-польских переговоров пристально наблюдала и Империя. Габсбурги предполагали осуществить свои внешнеполитические задачи в Юго-Восточной Европе (в частности, добиться ослабления турецко-татарского натиска) главным образом с помощью Польши и России. Однако в этот период отношения Империи и Польши были довольно натянутыми из-за разногласий в вопросах разграничения «сфер влияния» на Балканах. Кроме того, становилось все более очевидным, что Речь Посполитая не в состоянии одна справиться с вооруженными силами Крыма и частью турецких войск.

Все эти соображения заставили Габсбургов направить весной 1684 г. в Москву специальное посольство, возглавленное Блюмбергом и Жировским. Имперские дипломаты получили указание обойти вопрос о заключении между Россией и Речью Посполитой «вечного мира», т. е. вопрос о будущих польско-русских границах. При этом имперская дипломатия, видимо, рассчитывала, что между Россией и Польшей, несмотря на их совместную борьбу против Крыма и Порты, будут происходить постоянные трения на почве неурегулированности территориальных вопросов. Это нужно было Габсбургам для того, чтобы не только затруднить политику Собеского на Балканах, но и упрочить связи Венского двора с влиятельными в правящем классе Речи Посполитой сторонниками восточной экспансии. Кроме того, Империя стремилась также к тому, чтобы оба ее союзника — Польша и Россия, ослабленные военными действиями и взаимными территориальными притязаниями, в случае успешного завершения войны вынуждены были предоставить решающее слово в распределении отвоеванных у турок земель самой Империи.

Разгадав все эти замыслы имперской дипломатии, Голицын отклонил предложение Блюмберга и Жировского начинать войну против Крыма и Порты без предварительного заключения договора о «вечном мире» с Польшей. Одновременно он отверг и другое предложение венских дипломатов — заключить сепаратный имперско-русский договор о союзе «кроме поляков», т. е. без участия Польши[1]. Указав на ошибку имперского правительства, допущенную им в 1679 г., когда был отвергнут русский план создания антитурецкой коалиции, Голицын тем самым дал понять имперским дипломатам, что и теперь, в 1684 г., Империя должна сосредоточивать свои главные силы не на Рейнском, а на Дунайском фронте. Русское правительство считало, что Империя должна была сама деятельно участвовать в борьбе с турецко-татарской экспансией, а не пытаться перекладывать основные тяготы войны на Польшу и Россию ради активизации своей политики на Западе.

[1] ЦГАДА. Австрийские дела, 1684 г., д. 2, л. 24.

Таким образом, установки имперской дипломатии оказались не совместимыми с внешнеполитической программой русского правительства. В связи с этим имперско-русские переговоры 1684 г. не привели к заключению какого-либо соглашения. Однако совсем безрезультатными эти переговоры назвать нельзя. Есть основание думать, что твердая позиция русского правительства оказала влияние на имперско-французские переговоры в Регенсбурге, завершившиеся 15 августа 1684 г. подписанием договора о 20-летнем перемирии между Францией и Империей.

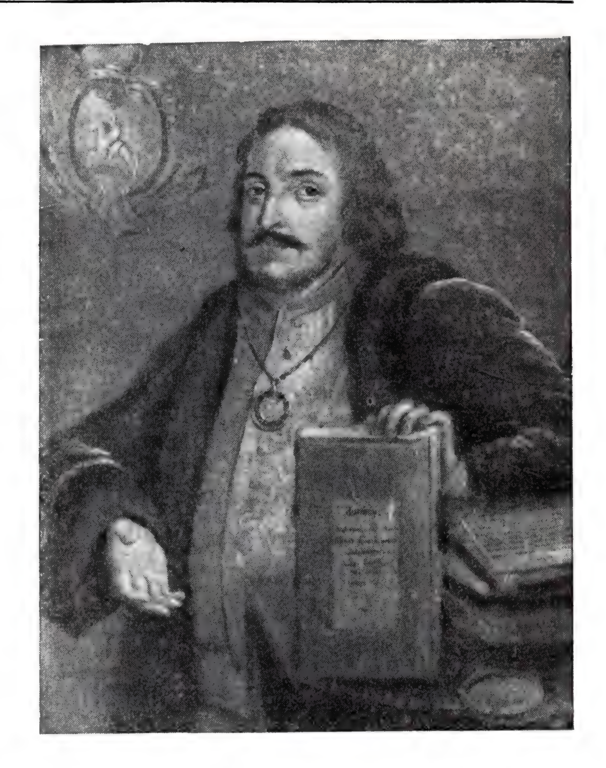
В течение 1684—1685 гг. русское правительство продолжало вести переговоры с Польшей и Империей в намеченном направлении. В начале 1685 г. было направлено русское посольство и во Францию. В Москве хорошо знали, что Людовик XIV провоцировал выступление Порты против Империи и одновременно декларировал свое сочувствие антитурецкой лиге, посылал французских военных инженеров в имперскую армию, действовавшую на Дунае. Именно поэтому русское правительство повторило предложение Франции: или вступить в антитурецкую лигу, или по крайней мере дать гарантию соблюдения нейтралитета на Рейне. Русское правительство заботилось о том, чтобы все участники антитурецкой коалиции несли примерно одинаковые тяготы войны, чтобы не повторились тяжелые для России годы Чигиринских походов. С. Е. Алмазову было заявлено, что в тот период Франция «помешки никакой цесарскому величеству и королю польскому... и иным государям не чинит...», что Людовик XIV «всчатую войну, которую имел с королевским величеством гишпанским [союзником имперских Габсбургов] прекратил и перемирие учинил для того, чтобы цесарское величество и король польский и король гишпанский с Венециане и иные города и государства, взяв меж собою союз и совокупясь всеми силами, отпор чинили турскому салтану»[1].

Ход политических и военных событий на Балканах все больше толкал Польшу и Империю на пересмотр их прежнего отношения к внешнеполитическим требованиям и интересам России. В течение двух военных кампаний 1684 и 1685 гг. ни польские войска на Днестре, ни имперские на Дунае не достигли сколько-нибудь существенных военных успехов. Надежды Собеского на возможность использования Крыма против Османской империи полностью провалились. Попытки польского короля в 1685 г. восстановить дружбу с Францией также не принесли ожидаемых результатов. Миссия Велепольского в Версаль не восстановила прежних отношений Собеского с Людовиком XIV. В то же время до Собеского доходили сведения о том, что Империя, Бранденбург и Швеция вели переговоры между собой с целью пресечь все династические и территориальные планы польского короля. Несколько позднее (в марте 1686 г.) эти переговоры завершились заключением специального договора трех держав, в котором были секретные статьи, обязывавшие Империю, Бранденбург и Швецию сохранять конституцию магнатско-шляхетской Речи Пос-

[1] ЦГАДА. Французские дела, 1684 г., д. 3, л. 39.

политой в полной неприкосновенности.

Так объективное развитие событий подсказало Собескому новую политику сотрудничества с Россией, являвшейся естественным союзником Речи Посполитой в борьбе против турецко-татарской агрессии. Правящие круги Польши в конце концов должны были признать обоснованность требования русского правительства превратить договор о перемирии в договор о «вечном мире».

Боярин В. В. Голицын. Портрет маслом работы неизвестного художника, XVII в.
Государственный Исторический музей

В начале 1686 г. в Москву прибыли польские послы К. Гримультовский и М. Огинский. С русской стороны переговорами руководил сам В. В. Голицын, проявивший в этом дипломатическом поединке большое искусство[1]. На первой стадии переговоров польские представители пытались следовать своей старой программе. Настаивая на ревизии Андрусовского перемирия, они вместе с тем требовали организации русского похода на Крым и посылки русских вспомогательных войск в Подолию для отвоевания Каменца[2]. Они намеренно умаляли трудности крымского похода, против чего убедительно возражал Голицын, указывая на тяжесть перехода в безводной и безлюдной выжженной степи, на сложность обеспечения войск продовольствием и фуражом[3].

В. В. Голицын попрежнему выдвигал условием присоединения к антитурецкой коалиции заключение между Россией и Польшей «вечного мира» на основе Андрусовского перемирия. Доказывая справедливость своих территориальных требований, русские представители ссылались на исторический акт воссоединения Украины с Россией, на тяготение к России украинского населения, неспособность Речи Посполитой защитить Украину от турецкой агрессии. Был брошен упрек в том, что Журавненским миром 1676 г. поляки отдали украинские земли на «поток и

[1] ЦГАДА. Польские дела, кн. 224, лл. 1—500.
[2] Там же, лл. 161, 162, 310.
[3] Там же, лл. 203, 263 об., 310.

разграбление» туркам и что если бы не Россия, то и Киев постигла бы печальная участь разоренного Чигирина[1]. Польские послы были вынуждены отчасти согласиться с нелестной оценкой договора, но сделали это в весьма своеобразной форме: «а хотя б и згубили, то не ваше, наше»[2].

Договор о «вечном мире» и союзе был подписан 6 мая 1686 г. Правительство Польши навсегда признало Левобережную Украину с Киевом, а также Смоленск с окрестностями принадлежащими России. Русское правительство обязалось разорвать мир с Турцией и немедленно послать свои войска на крымские переправы для защиты Польши от нападения татар, приказать донским казакам «чинить воинский промысел» и организовать в следующем же 1687 г. большой военный поход русских войск против Крыма. Обе державы обязались не заключать отдельного мира с султаном. Кроме того, было постановлено, что Россия, в вознаграждение за Киев, заплатит Польше 146 тыс. руб. Чигирин и другие разоренные города вниз по Днепру, отошедшие по Бахчисарайскому миру от России к Турции, решено было не восстанавливать.

Вступая в союз с католическими державами, русское правительство сочло необходимым четко декларировать свое отношение к судьбам православия вообще и православного населения Речи Посполитой в частности. В договор 1686 г. была включена специальная статья о положении православного населения в Польше, которое не должно было подвергаться каким-либо притеснениям со стороны католиков и униатов. Таким образом, Россия как бы брала под свою защиту православных подданных Речи Посполитой. Несколько ранее русское правительство добилось перевода Киевской митрополии, представлявшей православное население Украины, из подчинения константинопольским патриархам в ведение московского патриарха. Все эти шаги русского правительства были направлены на то, чтобы положить предел распространению влияния католической церкви в Юго-Восточной Европе.

Заключение договора 1686 г. было важным международным событием, знаменовавшим собой перелом в развитии русско-польских отношений и имевшим большое значение в борьбе всех стран Юго-Восточной Европы против турецко-татарской агрессии.

* * *

Заключив «вечный мир» с Польшей, Россия приступила к военным приготовлениям. В начале сентября 1686 г. было объявлено, чтобы ратные люди готовились к походу и ждали указа о выступлении на сборные пункты[3]. В октябре 1686 г. были назначены воеводы в полки и определены места сбора ратных людей. Командующим русскими войсками в Крым-

---

[1] ЦГАДА. Польские дела, кн. 224, л. 266.
[2] Там же, л. 313.
[3] «Древняя Российская Вивлиофика», ч. XVI, М., 1791, стр. 372—378.

ском походе и одновременно воеводой Большого полка был назначен В. В. Голицын. Другими полками должны были командовать боярин А. С. Шеин, князь В. Д. Долгоруков и окольничий Л. Р. Неплюев[1]. Полк Голицына должен был формироваться в Ахтырке, полк Шеина — в Сумах, полк Долгорукова — в Хотмышске, полк Неплюева — в Красном Куту. Русское войско должно было насчитывать (по росписи Гордона) 20 тыс. пехоты и 40 тыс. конницы.

Одновременно русское правительство принимало меры по расширению антитурецкой коалиции. В начале 1687 г. было отправлено посольство В. Т. Посникова в Англию, Голландию, Флоренцию и Бранденбург, Я. Долгорукова — во Францию, Б. Михайлова — в Данию и Швецию[2].

Русское правительство предполагало главный удар по Крымскому ханству в 1687 г. нанести русскими силами под начальством В. В. Голицына. С двух сторон должны были действовать против Крыма донские и запорожские казаки. В Запорожскую Сечь был отправлен особый отряд во главе с генералом и воеводой Г. И. Косаговым.

В мае 1687 г. русские войска из пунктов сосредоточения на Украине двинулись на юг, в степи, перешли через Коломак, приток Ворсклы, потом через Орель. Русское войско двигалось большим прямоугольником, на 2 версты в длину и более чем на версту в ширину. В авангарде шло несколько солдатских и стрелецких полков; часть конницы отдельными отрядами высылалась по сторонам для наблюдения. В центре шли стрельцы, по флангам — солдатские полки.

По согласованию с Голицыным, донские казаки во главе с атаманом Флором Минаевым нанесли сильный удар крымским татарам у Овечьих Вод. Из Запорожья Г. И. Косагов, по требованию Голицына, послал ратных людей на судах Днепром к Казыкермену. На Днепре, против урочища Каратебеня, произошел бой, в результате которого неприятель понес поражение[3].

Между тем с главными русскими силами, двигавшимися на юг, неподалеку от р. Самары соединились казацкие полки под начальством гетмана Самойловича, численностью до 50 тыс. человек. Теперь объединенное русско-украинское войско насчитывало около 100 тыс. человек.

Войскам приходилось идти по степи в условиях жаркого, сухого лета. В середине июня войско перешло р. Конские Воды. В это время крымские татары зажгли степь, которая «почав от Конских Вод до самого Крыму пожарами» выгорела. Русско-украинское войско приблизилось «к Крыму за сто, а к Сече Запорожской за тридцать

[1] ААЭ, т. IV, № 292, стр. 436—438

[2] *М. И. Белов.* К истории дипломатических отношений России во время крымских походов (1686—1689 гг.).— «Ученые записки ЛГУ. Серия истор. наук», 1949, вып. 14, стр. 159.

[3] СГГиД, ч. IV, М., 1826, № 188, стр. 563.

или тридцать за пять верст за речку Карачакрак», но по мере продвижения его положение становилось все более и более затруднительным. Войско удалилось от баз, подножного корма лошадям не было, с противником в соприкосновение войти не удалось. 17 июня командование приняло решение повернуть обратно. Однако прежде были отправлены на правый берег Днепра к Казыкермену 15—20 тыс. русских ратных людей под начальством Неплюева и восемь полных казацких полков численностью больше 20 тыс. человек, под командованием черниговского полковника Григория Самойловича, сына гетмана. Эти войска должны были осаждать Казыкермен[1].

В июле 1687 г., по требованию старшинской верхушки, поддержанному В. В. Голицыным, царское правительство отстранило от гетманства Самойловича. Часть украинской старшины во главе с гетманом Самойловичем отрицательно относилась к Крымскому походу и была оппозиционно настроена к повороту внешней политики России—союзу с Польшей и войне с Турцией; об этом в Москве знали. Правительство Софьи, смещая Самойловича, пыталось привлечь на свою сторону другую часть украинской старшины, выступавшую против гетмана, и одновременно обелить Голицына, ответственного за Крымский поход. На место Самойловича при поддержке Голицына гетманом был возведен И. С. Мазепа, тайно поддерживавший связь с шляхетской Польшей[2].

В первом Крымском походе 1687 г. русским правительством не были достигнуты поставленные цели: угроза со стороны Крымского ханства России и Украине не была ликвидирована. Однако союзникам России — Польше, Империи, Венеции была оказана существенная помощь[3]. Действиями объединенных русско-украинских сил были скованы войска крымского хана, которые не смогли оказать помощь Турции, терпевшей в это время неудачи. Таким образом, Крымский поход 1687 г. содействовал ослаблению султанской Турции.

В 1688 г. русское правительство провело ряд подготовительных мероприятий для нового похода на Крымское ханство. При впадении р. Самары в Днепр была построена крепость Новобогородская, которая должна была являться опорным пунктом русских войск во время предстоящего похода и, кроме того, прикрывать Украину от неприятельских вторжений.

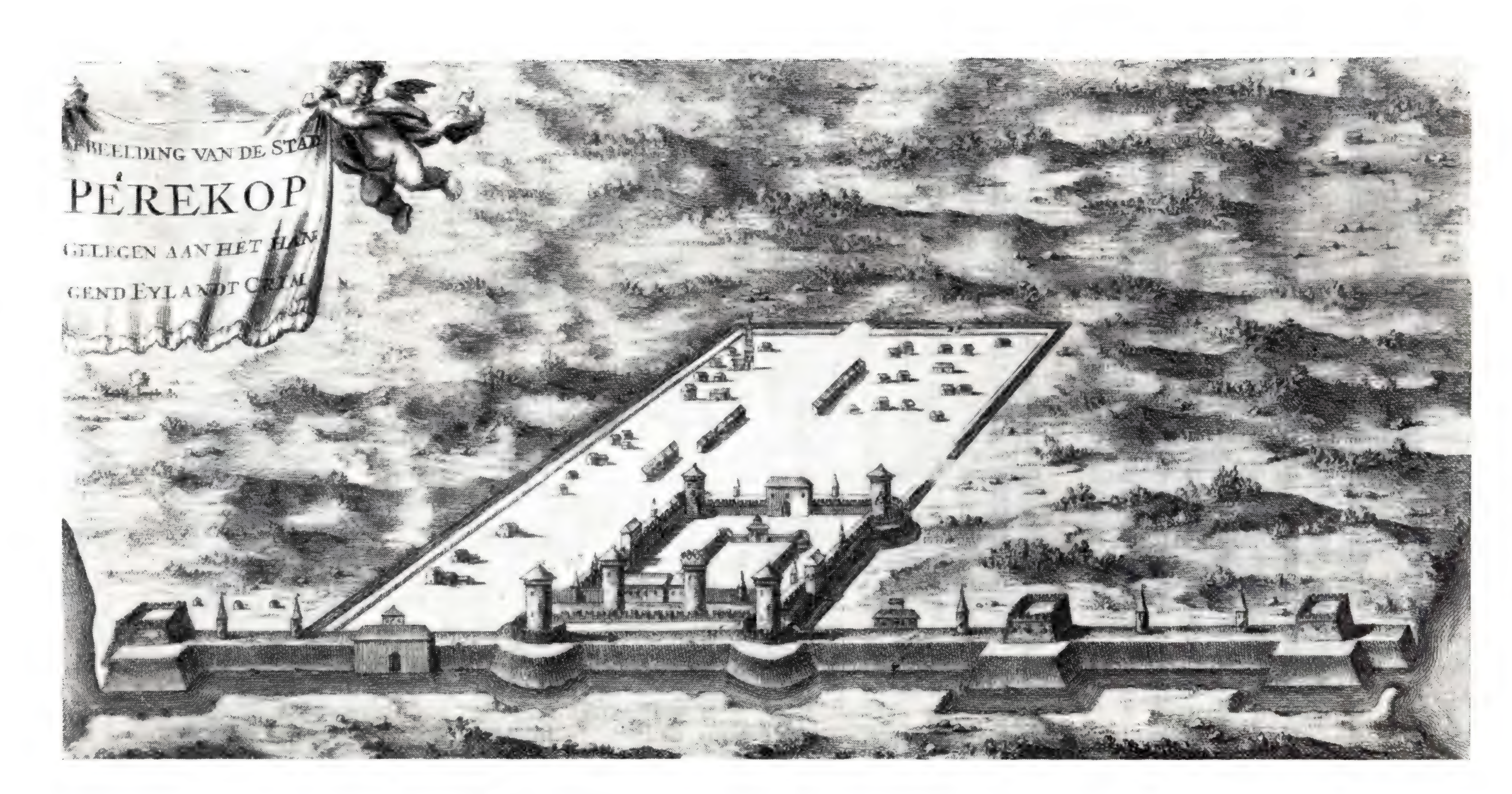
Поход 1689 г. происходил в неблагоприятной международной обстановке. Русская дипломатия выяснила, что польское правительство не имеет серьезного намерения воевать. В Вене шли переговоры о мире с Турцией. Было ясно, что России одной придется вынести на себе всю

---

[1] СГГ и Д, ч. JV, № 185, стр. 540—541. М. И. Белов (указ. соч., стр. 159—164) оценивает первый крымский поход как разведывательную, подготовительную операцию; командование имело целью показать, что оно выполняет договор, но не имело серьезного намерения нанести татарам решительное поражение.

[2] *С. М. Соловьев.* История России, кн. 3, стб. 1006—1015.

[3] *Г. К. Бабушкина.* Международное значение крымских походов 1687 и 1689 гг.— «Исторические записки», № 33, стр. 171.

Перекоп. Гравюра из книги Н. Витсена, изд. 1692 г.

тяжесть войны. Эта обстановка дала возможность крымскому хану собрать все силы кочевавших за Перекопом орд общим числом до 150 тыс. конницы.

Тем не менее поход под Крым был предпринят — успех похода должен был укрепить положение правительства Софьи[1].

Голицын хотел начать поход ранней весной, чтобы не иметь недостатка в воде и подножном корме для лошадей, не бояться степных пожаров. Ратным людям надлежало собраться не позже февраля 1689 г. Численность русских войск во втором Крымском походе достигала 112 тыс. человек при 350—400 легких орудиях. Вместе с украинцами в армии было 150 тыс. человек. Движение больших масс войск по бездорожью степи было крайне затруднительно. Войскам приходилось строить мосты через речки, делать гати через болота.

Русское войско, запасшись припасами в Новобогородской крепости, по левому берегу Днепра продвинулось до р. Каирки, откуда пошло степью прямо к Перекопу. 15 мая 1689 г. в урочище Зеленая Долина на русско-украинское войско напал крымский хан с крымскими и белгородскими татарами, с турецкими войсками из городков на Днепре и с горскими черкесами. Произошел ожесточенный бой «со 2 часа дни по 10 и больши». Неприятель подступал к самым позициям русских войск, но был отбит. Сбив неприятеля с его позиций, русские войска в этот же день пришли на Черную Долину, откуда 16 мая двинулись к Перекопу. 16 мая русские войска вели великие бои. В результате неприятель был снова разбит и вынужден был отступить[2].

Русские войска остановились в степи, не доходя Каланчака. 17 мая воеводы с полками пошли по направлению к Перекопу. Крымский хан, стремясь не допустить русских до Каланчака, снова напал на них, «имел с ними бой великой и жестокие напуски непрестанные во весь день», но понес «многой упадок» и стал отступать за Каланчак к Перекопу. 17 мая русские войска вошли в Каланчак. Крымскому хану не удалось остановить их продвижение к Перекопу. Его войска были вынуждены укрыться за Перекоп, около которого были сожжены все селения.

20 мая русские войска подошли к Перекопу. Неприятель ожидал, что они предпримут штурм Перекопа. Крымский хан, чтобы оттянуть время, завязал с русским командованием переговоры, предлагая заключить соглашение на условиях Бахчисарайского договора 1681 г.[3] Русское командование отклонило эти предложения, указывая, что «тот мир нам, великим государем, непотребен и неприбылен и с нашими великих государей нашего царского величества союзники, с посторонними християнскими великими государи, мирным договором противен»[4]. Однако

---

[1] *М. И. Белов.* Указ. соч., стр. 182—186.

[2] ААЭ, т. IV, № 300, стр. 447—448.

[3] Условия Бахчисарайского договора см. § 7 настоящей главы.

[4] ААЭ, т. IV, № 300, стр. 448—449.

овладение Перекопом, даже если бы оно увенчалось успехом, не решало исхода войны. Завоевание Крыма оставалось задачей весьма сложной. Предвидеть исход дальнейшей борьбы было трудно. Голицын начал отступление.

21 мая русские войска начали отход от Перекопа. Крымский хан не сделал ни одной вылазки и продолжал отсиживаться в крепости.

В результате походов на Крым 1687 и 1689 гг. Крымское ханство было значительно ослаблено. Походы сыграли большую роль в деле ослабления и султанской Турции, в оказании помощи союзникам России.

Внутренними последствиями Крымских походов было падение правительства Софьи и приход к власти царя Петра.

9

СНОШЕНИЯ РОССИИ СО СТРАНАМИ АЗИИ

После неудачной попытки русского правительства продвинуться в 1604—1605 гг. в Дагестан, разграничение сфер русского и персидского влияния на Кавказе основывалось на компромиссе и не приводило к резким конфликтам.

Русское государство не имело серьезных побуждений вмешиваться в соперничество Турции и Персии, которые в XVII в. оставались главными конкурентами из-за влияния на Кавказе[1]. Попытки шаха Аббаса I в первой четверти XVII в. втянуть Русское государство во враждебные отношения с Турцией были отклонены; не имели успеха и противоположные старания Турции. Отношения Русского государства с Персией в течение всего XVII в. основывались главным образом на экономических интересах, поскольку Персия была поставщиком такого важного товара, как шелк.

Существенным моментом в развитии торговых отношений между Русским государством и Персией было соглашение с компанией персидских купцов-армян в 1667—1672 гг. по вопросу о торговле шелком[2].

* * *

Сношения Русского государства с среднеазиатскими ханствами, начавшиеся в XVI в., продолжали развиваться и в следующее столетие. Сношения эти основывались на обоюдных торговых интересах и носили мирный характер. Некоторые трения по вопросу о подданстве орды Больших Ногаев и подозрения о разведывательном характере русских посольств не нарушали мирных в целом сношений русского правительства с среднеазиатскими ханствами.

---

[1] Более подробно о сношениях Русского государства со странами Северного Кавказа и Закавказья см. главу XIII, §§ 1—4 настоящего издания.

[2] См. об этом подробнее главу I, § 4 настоящего издания.

Неоднократный обмен посольствами имел целью прежде всего обеспечение регулярных торговых сношений, чтобы между Россией и ханствами «был путь чист, и не заперт» и «послы и купецкие люди на обе стороны ездили без урыву».

Характерно, что во главе русских посольств иногда ставили торговых людей (таким был, например, А. Грибов, астраханский посадский человек, ездивший в Среднюю Азию в 1641—1643 гг. и 1646—1647 гг.), а посольства были одновременно и торговыми экспедициями [1].

Вместе с тем русское правительство упорно добивалось возвращения русских людей, захваченных в плен степными кочевниками и проданных в рабство в Среднюю Азию. Переговоры по этому поводу почти не давали результатов. Правда, отдельным русским посольствам удавалось добиваться выкупа некоторого количества пленных, иногда даже бесплатного отпуска нескольких человек, но это было ничтожно мало по сравнению с массой русских пленников, томившихся в бухарском и хивинском плену [2].

В дипломатических и торговых сношениях пользовались дорогами через Тобольск и Астрахань. В XVII в. приобрел большое значение путь морем от Астрахани к Кабалаклыцкой и Караганской пристаням на восточном туркменском берегу Каспийского моря. Эти торговые сношения затруднялись не только дальностью и тяжелыми условиями пути, но и нередкими нападениями кочевников—туркмен и калмыков. Бухарские ханы, заинтересованные в торговых отношениях с Русским государством, принимали иногда меры к тому, чтобы сделать сношения по этим путям более безопасными, и караваны, двигавшиеся из России, получали военную охрану; совершались походы на р. Эмбу против кочевников, чтобы очистить от них торговый путь.

В царствование Михаила Федоровича среднеазиатские владетели неоднократно (в 1633, 1639, 1640 и 1643 гг.) ставили вопрос о совместных с русскими действиях против калмыков. Эти предложения, несомненно, были связаны с возросшей активностью калмыков, особенно при тайше Урлюке, одинаково угрожавшем и Русскому государству и среднеазиатским ханствам [3].

Россия получала из Средней Азии всевозможные сорта бумажных тканей (зендени, миткаль, киндяки), хлопок, шелк-сырец и пр. [4]. Особенно интересовал русское правительство и русских торговых людей шелк-сы-

---

[1] *А. А. Преображенский.* Из истории сношений Русского государства со Средней Азией в XVII в. (Два посольства торгового человека Анисима Грибова). — «Исторические записки», № 36, стр. 272—277 и сл.

[2] Там же, стр. 268—286.

[3] *С. К. Богоявленский.* Материалы по истории калмыков в первой половине XVII в.— «Исторические записки», № 5, стр. 68—83; *А. А. Преображенский.* Указ. соч., стр. 270.

[4] Более подробно о торговых отношениях Русского государства со среднеазиатскими ханствами см. главу XII, § 2 настоящего издания.

рец. В наказе русским посланникам Б. и С. Пазухиным, ездившим в Среднюю Азию (Бухару и Хиву) в 1669—1673 гг., говорится: «В Бухарской де земле и в иных городех родитца шолк-сырец и идет тот шолк через Кизылбашскую и Турскую землю в немцы, а на Астарахань к Москве не идет..., а как де из тех земель тот шолк через Астарахань пойдет к Москве, и от того шолку великого государя казне будет прибыль...»[1].

Среднеазиатские ханы не имели в то время серьезных оснований не доверять русскому правительству. Через ханства русские купцы иногда (Л. Юдин при царе Михаиле Федоровиче) проникали в Индию[2].

* * *

Расширение торговых связей со странами Востока в XVII в. выразилось в довольно настойчивых попытках русского правительства распространить эти связи и на Индию. Известно, что до XV в. на Руси имелись довольно смутные и даже в известной мере фантастические представления о богатствах Индии. Путешествие Афанасия Никитина (1469—1472) рассеяло этот туман. А. Никитин пришел к выводу по основному интересовавшему русских торговых людей вопросу, что в Индии «на Русскую землю товара нет». Индийский купец, приехавший к великому князю Василию III в 1533 г. от имени великого могола Бабура (тогда уже умершего), был принят холодно, что не повело к установлению связей[3].

В XVII в. русское правительство пыталось отправить в Индию несколько посольств. В 1646 г. через Персию и Индию к великому моголу Джаган-Сааджаге были посланы казанский посадский человек Н. Сыроежин и астраханский житель В. Тушканов. Цель посольства состояла в том, чтобы завязать торговые связи и выяснить удобнейший путь в Индию. Гонцы не доехали до Индии ввиду военных столкновений, возникших между шахом персидским и великим моголом[4]. Не достигло Индии и второе посольство в 1651/52 г. торговых людей Р. Никитина и И. Никитина ввиду смерти великого могола Джагана и осложнений между Россией и Персией. В 1675—1678 гг. состоялось третье посольство М. Касимова к великому моголу Ауренгзебу (Эвреинзепу) уже через Бухару. Цели посольства были те же — установление торговых связей; в частности, имелась в виду поставка в Россию 2—3 тыс. пудов серебра. Касимов

[1] РИБ, т. 15, отд. VI, стр. 17.

[2] «История народов Узбекистана», т. II, Ташкент, 1947, стр. 106—113.

[3] *В. А. Уляницкий.* Сношения России с Средней Азией и Индией в XVI—XVII вв.— «Чтения ОИДР», 1888, кн. 3, отд. II, стр. 1—3; *А. Ф. Малиновский.* Известие об отправлениях в Индию российских посланников, гонцов и купчин с товарами и о приездах в Россию индийцев, с 1469 по 1751 год.— «Труды и летописи ОИДР», ч. VII, М., 1837, стр. 123; *Н. М. Гольдберг.* Русско-индийские отношения в XVII в.— «Ученые записки Тихоокеанского ин-та», т. II, Индийский сборник, М.—Л., 1949, стр. 133.

[4] *А. Ф. Малиновский.* Указ. соч., стр. 125—140; *В. А. Уляницкий.* Указ. соч., стр. 18—31.

достиг Кабула, но не был принят Аурензебом. Только посольству гостиной сотни торгового человека Семена Маленького (1695—1706) удалось через Персию достичь Индии. Он был принят великим моголом, распродал свои товары и закупил местные. Но в Персидском заливе один из его кораблей был ограблен корсарами. В Шемахе С. Маленький умер[1].

Эти посольства дают полное основание говорить о систематических и упорных попытках русского правительства в XVII в. установить экономические связи с Индией. Была проявлена инициатива к установлению торговых связей и со стороны индийских купцов. В первой четверти XVII в. наблюдался временный расцвет караванной индийской торговли через Персию. Главным образом из городов Пенджаба (Лагор и др.) индийское купечество проложило караванные пути через Кандагар и Шираз до Исфагани. В этих городах были основаны довольно многочисленные колонии индийских купцов, торговавших шелковыми и хлопчатобумажными тканями, красителями (индиго), лекарственными травами, бумагой; значительную роль играли в этих колониях богатые индийские ростовщики. Через Баку, Шемаху индийские купцы достигли Астрахани, где прочно обосновались около 1625 г., когда в Астрахани были построены каменные гостиные дворы — армянский, персидский, индийский. В царствование Алексея Михайловича индийские купцы пользовались покровительством и защитой. Правительство добивалось привлечения индийских мастеров шелкоткацкого, красильного и других производств. Однако за пределы Астрахани (в Москву, Ярославль и другие города) индийские купцы проникали редко, потому что русское купечество было достаточно настойчиво, чтобы воспрепятствовать расширению их успехов. Индийские ремесленники появились в Астрахани не ранее конца XVII в.[2].

* * *

Продвижение по Сибири привело Русское государство в соприкосновение с рядом народностей. Занятие территории по нижнему течению Тобола, Ишима и Иртыша и дальнейшее проникновение в Барабинскую степь повело к столкновениям с ногайскими татарами бывшего Кучумова царства, с калмыками (торгоутами и дербетами), позднее — киргиз-кайсаками. В 30-х годах XVII в. была создана укрепленная линия, проходившая через остроги Ялуторовский, Тебендинский, Ишимский, Вагайский и Тарханский; эта линия несколько обезопасила новые границы от нападения кочевников. Дальнейшее продвижение в степи относится уже к XVIII в.[3]

---

[1] *А. Ф. Малиновский.* Указ. соч., стр. 142—166; *В. А. Улляницкий.* Указ. соч., стр. 34—56; *Н. М. Гольдберг.* Указ. соч., стр. 146—148.

[2] *Н. М. Гольдберг.* Указ. соч., стр. 135—143; *В. А. Александров.* Рецензия на «Историю Москвы», т. I.— «Преподавание истории в школе», 1953, № 6, стр. 109—112.

[3] *С. В. Бахрушин.* Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. М., 1927, стр. 156—157; см. также: Научные труды, т. III, ч. 1, стр. 146, 147.

Индийский лист, данный торговому человеку Семену Маленькому, 1696 г.

Центральный государственный архив древних актов

Продвижение вверх по Оби и ее притоку Томи и вверх по Енисею встретило упорное сопротивление воинственных тюркских народностей, плативших дань монголам, алтын-ханам, джунгарским хун-тайджам[1].

В верховьях Енисея русские столкнулись с одной из наиболее развитых в социальном и экономическом отношении народностей. Здесь было четыре независимых друг от друга киргизских княжества: Тубинское, Исарское, Алтырское и Алтысарское. Население было запято преимущественно скотоводством. В княжествах было довольно развитое управление. Киргизам были подчинены соседние тюркские и другие племена. Эти зависимые племена, «кыштымы», платили киргизам ясак, главным образом пушниной. В то же время кыштымы подвергались частым ограблениям, а иногда эксплуатации со стороны киргизов в форме, близкой к феодальным отработкам.

В XVI в. в северной Монголии сложилось с центром около озера Убса владение алтын-ханов («золотых ханов»); в западной Монголии, точнее, в Джунгарии — государство джунгарских хун-тайджи. Оба эти государства вели между собой постоянную борьбу. Киргизы, будучи слишком слабыми, чтобы сохранить свою самостоятельность, подпадали под власть то одних, то других. Такое положение было выгодно для русских. Однако, не имея достаточных сил для полного покорения, русское правительство несколько стеснило киргизов, отняло у них часть их «кыштымов», но не посягало на основную киргизскую территорию.

В 20-х годах киргизы, заключив договора с алтын-ханами, начали борьбу с русскими: они совершали нападения на Томский и Канский уезды, разоряли окрестности Красноярска и Кузнецка.

В истории киргизов важен период, связанный с именем алтысарского князя Иренака Ишеева. Этот князь, приняв подданство джунгарам, предпринял попытку объединения всех киргизов. В течение более чем 20 лет князь Иренак постоянно нападал на русские пограничные владения. Разорению подвергались Красноярский, Кузнецкий, Томский и Енисейский уезды. Временами Иренак терпел жестокие поражения, но и русское правительство не стремилось к дальнейшему продвижению вперед и установило границы, за которые не переходило до XVIII в.

Борьба за обладание областью верхнего Енисея привела Русское государство в соприкосновение с государством алтын-ханов. Последнее представляло собой сравнительно небольшое и непрочное феодальное объединение, связанное с именами трех ханов — Шолой Убаши, Омбо-Эрдени и Лубсан-Эренцин. С конца 50-х годов значение алтын-ханов падает. Дипломатические связи Русского государства с алтын-ханами установились с начала XVII в. Русское правительство пыталось через Монголию найти путь в Китай (посольство Ивана Петлина). Этот путь в Китай оказался слишком далеким, а интересовавшей русских пушнины во владениях алтын-ханов оказалось мало. Не увенчались успехом и попытки приведения алтын-ханов в русское подданство. Большее значение имели пограничные

[1] Более подробно об этом см. главу XI, § 8 настоящего издания.

Нерчинск. Гравюра из книги Э. Избрандта, изд. 1706 г.

отношения с алтын-ханами, иногда претендовавшими на распространение своей власти на киргизов. Из России к алтын-ханам было отправлено всего (с 1616 по 1678 г.) 11 посольств и принято несколько посольств от них. Завязавшиеся между Россией и алтын-ханами отношения имели мирный характер и положили начало длительным дружественным связям двух соседних народов[1].

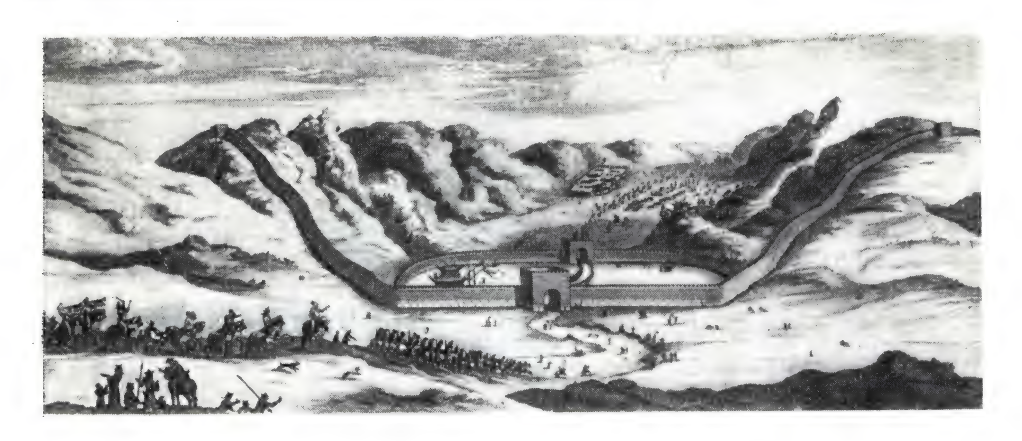
* * *

Китай, как страна очень древней культуры, был известен на Руси издавна. Стремление к установлению с ним более тесных отношений и желание узнать ближе страну, о которой ходило столько самых разнообразных, иногда фантастических сведений, возрастало по мере распространения русских владений в Сибири.

Маньчжурская династия Цин, захватившая власть в Китае в начале XVII в., вступила на путь агрессивной политики по отношению к своим соседям — северной Монголии, сибирским племенам и Русскому государству. Эти агрессивные действия особенно усилились в 70—80-х годах XVII в.

В XVII в., по поручению правительства, сибирский казак Иван Петлин (1616—1618) впервые через владения монгольских алтын-ханов до-

[1] *Н. П. Шастина.* Первые сношения Московского государства с алтын-ханами Западной Монголии (Автореферат кандид. диссертации), Л., 1950, стр. 6—11, 13, 16—18; *ее же:* Алтын-ханы Западной Монголии в XVII в.— «Советское востоковедение», VI, М.—Л., 1949, стр. 383—385, 388, 394—395 и др.

Китайская стена и въезд русского посольства к богдыхану. Гравюра из книги Э. Избрандта, изд. 1706 г.

шел до Китая и привез в Москву «чертеж и роспись про Китайскую область». После этого через монгольских посланников русское правительство упорно накапливало сведения о Китае. Позднее состоялось посольство сына боярского Ф. Байкова (1654—1658). Затем в Китай ездили по поручению правительства И. Перфильев, С. Аблин и И. Милованов. Путешествие Аблина было совершено из Нерчинска через Даурию[1]. Богатые сведения о Китае собрал русский посол Н. Г. Спафарий (1675—1678)[2].

Все эти посольства имели только одну цель — установить нормальные равноправные политические и экономические отношения с Китаем. В частности, Н. Г. Спафарий ездил для урегулирования пограничных споров в Приамурье.

До установления постоянных дипломатических отношений с Китаем в 1689 г. у Русского государства уже наладились с ним довольно оживленные торговые связи. В Сибири главным торговым пунктом был Тобольск, где находился обширный гостиный двор и устраивались ярмарки, на которые приезжали и китайские купцы. Они торговали китайкой, шелком, драгоценными камнями, фарфором, фаянсом, чаем, бадьяном и пр.[3] В 1674 г. Г. Р. Никитин, в будущем один из богатейших русских купцов, в качестве приказчика гостя О. И. Филатьева, прошел с караваном из Селенгинского острога степью через Мунгальскую землю в Китай, разрушив легенду о непроходимости монгольских степей[4].

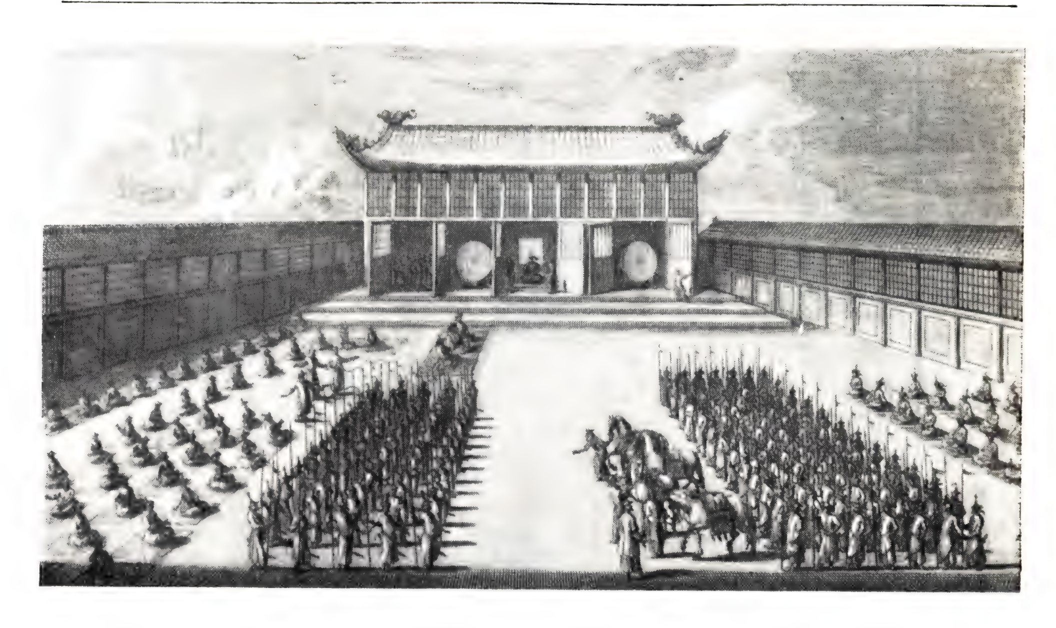
---

[1] *Д. М. Лебедев.* География в России XVII в. (допетровской эпохи). Очерки по истории географических знаний. М.—Л., 1949, стр. 116—127.

[2] Там же, стр. 127 и сл. См. об этом также главу V, § 3 настоящего издания.

[3] *М. Андреев.* Из истории сношений России с Китаем (XVII—XX вв.).— «Северная Азия», М., 1925, кн. 5—6, стр. 56.

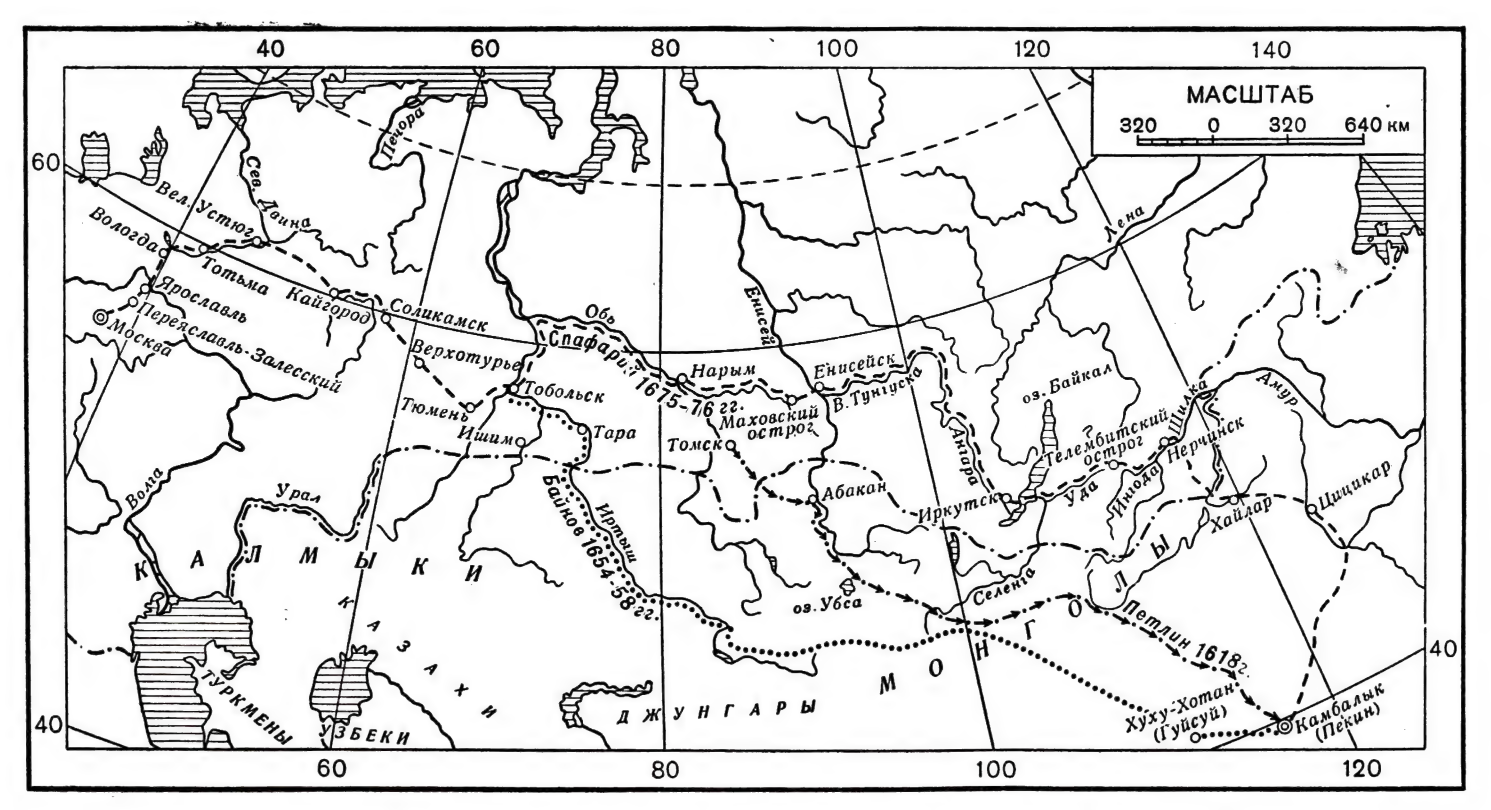
[4] *С. В. Бахрушин.* Торги гостя Никитина в Сибири и Китае.— «Труды Ин-та истории РАНИОН», сб. статей, вып. 1, стр. 359; см. также: Научные труды, т. III, ч. 1, стр. 228.

Прием русского посольства богдыханом. Гравюра из книги Э. Избрандта, изд. 1706 г.

В 1658 г. в верховьях Амура был построен Нерчинск, откуда царское правительство предполагало начать присоединение Приамурья. Построение Верхнеудинского и Селенгинского острожков должно было закрепить пути в Даурию. Однако укрепление России на Амуре повело к обострению отношений с Китаем. В 1680-х годах русское и китайское правительства, убедившись в бесперспективности войны, начали мирные переговоры. В 1689 г. полномочный посол царского правительства Ф. А. Головин заключил договор с монгольскими тайшами, которым обеспечивался их нейтралитет, а затем Нерчинский договор с Китаем. Согласно этому договору, Амур остался во владении Китая и граница прошла по рекам Аргуни и Горбице и по Яблоновому и Становому горным хребтам. Между Русским государством и Китаем установились на очень длительный период мирные отношения, и начавшаяся уже раньше торговля стала заметно расширяться. Статья 5 Нерчинского договора определяет: «Каким либо ни есть людем с проезжими грамотами из обеих сторон для нынешния начатыя дружбы для своих дел в обеих сторонах приезжати и отъезжати до обоих государств добровольно и покупать, и продавать, что им надобно, да повелено будет»[1]. Россия первая из европейских государств вступила с Китаем в торговые отношения, обеспеченные равноправным договором. С заключением договора центр русской торговли с Китаем был перенесен в Нерчинск. Изменились формы торговли. Организовались правительственные торговые караваны. Правительство регулировало и частную

[1] *С. В. Бахрушин.* Очерки по истории колонизации Сибири, стр. 166—169; см. также: Научные труды, т. III, ч.1, стр. 154—157; ПСЗ, т. III, № 1346, стр. 31, 32.

Посольства в Китай И. Петлина, Ф. Байкова и Н. Спафария. Карта из книги Д. М. Лебедева. География в России XVII в. М.—Л., 1949, стр. 163.

русскую торговлю[1]. Упомянутый выше гость Г. Р. Никитин организовал крупные торговые караваны в Китай, вывозя оттуда разнообразные товары (материи, жемчуг, золото, фарфор, фаянс и др.) и продавая в Китае значительное количество русских, немецких и персидских товаров[2].

Таким образом, сношения Русского государства со странами Азии, чрезвычайно расширившиеся в XVII в., в течение всего столетия имели целью почти исключительно установление и развитие торговых связей.

---

[1] *М. Андреев.* Указ. соч., стр. 57 и сл.

[2] *С. В. Бахрушин.* Торги гостя Никитина в Сибири и Китае.— «Труды Ин-та истории РАНИОН», сб. статей, вып. 1, стр. 377—378; см. также: Научные труды, т. III, ч. 1, стр. 240—242.

ГЛАВА ПЯТАЯ

РУССКАЯ КУЛЬТУРА[1]

1

ВВЕДЕНИЕ

Социально-экономическое и политическое развитие Русского государства в XVII в. все более выдвигало дворянство и экономически сильную верхушку посадского населения как основную опору зарождавшейся абсолютной монархии.

Дворянство и посадское население явились вместе с тем наиболее действенными и в определенный период прогрессивными силами в дальнейшем развитии русской культуры. «В каждую эпоху,— писали Маркс и Энгельс,— мысли господствующего класса суть господствующие мысли, т. е. тот класс, который представляет собой господствующую *материальную* силу общества, есть в то же время и его господствующая *духовная* сила»[2]. Господствующей материальной силой русского общества XVII в. было дворянство. Оно стремилось к господству не только в области хозяйственно-политической жизни, но и в области культуры. Усиление экономической и политической значимости посадских людей также сказывается на содержании культуры. Посадское население вносит свой вклад в развитие русской культуры.

Социально-экономическое развитие страны определяло и развитие научной мысли. Новые течения в области культуры в XVII в. формировались в борьбе с церковным мировоззрением.

По XVI в. включительно церковь сохраняла свое господство в области идеологии, мировоззрения, образования. В XVII в., понеся значительный хозяйственный и политический ущерб, церковь начинает терять свои позиции и в области культуры. Церковное мировоззрение перестает удовлетворять некоторые круги дворянства и посадского населения. Правда, позиции церкви в этом отношении оставались еще достаточно сильными, и она стремится удержать их и в области просвещения, и в области искусства, и в других областях культуры.

---

[1] При составлении настоящей главы использована глава V второй части I тома «Истории Москвы».

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. IV, стр. 36.

Занимая реакционные позиции в вопросах культуры, церковь боролась против новшеств и в архитектуре и в живописи, но особенно ополчалась против стремления к светскому знанию.

До XVI в. духовенство являлось наиболее образованной частью русского общества. Церковное мировоззрение до известной степени окрашивало всю культурную жизнь. Но уже в XVI в. начинает складываться слой светских образованных людей. В XVII в. этот слой значительно вырос. Дьяки и подьячие явились носителями светской дворянской культуры, порой враждебной по отношению к духовенству. В среде дворянства и посадских людей возникают новые интересы, стремление к научному знанию, новые эстетические потребности. Обнаруживается искание новых путей во всех областях познания и искусства. Растет потребность в более разностороннем образовании. Происходит так называемое «обмирщение» культуры, т. е. придание ей светского характера в противовес церковному. Дворяне и посадские люди стремятся читать литературные произведения, рассказывающие не о подвигах «угодников божиих», а о жизни и делах обыкновенных людей. В области науки их интересуют не отвлеченные богословские проблемы, а изучение и обобщение производственного опыта с целью его практического применения. В живописи это сказывается в тенденциях к реализму, в попытках от отвлеченных стилизованных схем перейти к реальной человеческой личности с ее типичными особенностями и в ее бытовой обстановке. Эти новые элементы в русской культуре XVII в., однако, не создавали разрыва с прошлым, а лишь намечали постепенный переход к тому новому, которое яснее обнаруживается в следующем столетии.

Новые прогрессивные черты в русской культуре XVII в. имели своим истоком народное творчество. В. И. Ленин писал, что «Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре»[1], причем культура господствующего класса является господствующей культурой, а культура трудящихся масс выражается в виде элементов[2]. В. И. Ленин имел в виду национальную культуру буржуазного общества, но и в феодальном обществе трудящаяся и эксплуатируемая масса имеет элементы своей демократической культуры, свою идеологию, не совпадающую с идеологией господствующего класса. Трудящиеся массы вынуждены подчиняться правящим классам и в духовном отношении. «Класс, имеющий в своем распоряжении средства материального производства, в силу этого располагает и средствами духовного производства, так что ему благодаря этому в то же время в общем подчинены мысли тех, у кого нет средств для духовного производства»[3]. Однако в то же время демократическая культура народных масс сохраняет и самостоятельное существование и, влияя и воздействуя на культуру господствующего класса, обогащает и двигает ее вперед.

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 20, стр. 16.
[2] См. *В. И. Ленин.* Соч., т. 20, стр. 8.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. IV, стр. 36—37.

Вековой производственный опыт трудящихся масс находит свое отражение в культуре господствующих классов, прежде всего в памятниках материальной культуры. Литературные произведения также пополняются сюжетами устного народного творчества. Живой народный язык обогащает язык литературных произведений. Народные сюжеты прослеживаются и в изобразительном искусстве, особенно в разнообразии мотивов орнамента в архитектуре и живописи. Элементы народного творчества, проникая во все виды искусства, везде вступают в противоречие с традиционными формами и сюжетами.

Если в культуре дворянства и посадских людей можно отметить новые явления прогрессивного характера, то это ни в какой мере не снимает вопроса о наличии двух культур в XVII в. Это особенно ярко чувствуется в устном народном творчестве — пословицах, песнях, сказках, социальное острие которых направлено не только против представителей боярства и духовенства, но и против дворянства и посадских богатеев. То же самое можно наблюдать и в литературе XVII в., особенно в сатирических произведениях, вышедших из среды демократических слоев посадского населения и направленных против посадской верхушки, дворянства, приказной и воеводской администрации и суда. Влияние народного творчества сказывается в архитектуре и живописи, безусловно преобладает оно во всех видах прикладного искусства.

В целом прогрессивные течения в русской культуре XVII в. постепенно пробивали себе путь. Русская культура оказывала все усиливающееся воздействие на материальную и духовную культуру народов СССР.

2

ПРОСВЕЩЕНИЕ И ШКОЛА

В XVII в. просвещение распространяется среди более широких кругов населения Русского государства и вместе с тем приобретает более разносторонний и глубокий характер.

Успехи просвещения заметны прежде всего в росте грамотности. В XVI в. грамотными были преимущественно духовенство и приказные люди — дьяки и подьячие. В XVII в. грамотность более широко распространяется среди дворянства и посадских людей. Крестьянство, особенно крепостное, в основном продолжало оставаться неграмотным. Вотчинники и помещики, правда, имели среди своих крестьян и холопов некоторое количество грамотных людей, поскольку это было необходимо им для управления их владениями и сношения с правительственными учреждениями. Но число таких грамотных было ничтожно по отношению к основной массе крепостного населения. В черносошной деревне процент грамотных был несколько выше: среди земских старост, судеек и целовальников были грамотные люди.

Сопоставление материалов первой и второй половины XVII в. позволяет сделать вывод, что в течение XVII в. процент грамотных, несомненно, вырос, главным образом в среде дворянства и посадского населения.

В первой половине XVII в. нередко встречались неграмотные или малограмотные воеводы, которые без помощи своих товарищей — дьяков или подьячих — не могли выполнять возложенных на них обязанностей. Дворяне, посылаемые для выполнения отдельных правительственных поручений — описания и межевания земель, всевозможных «сысков» и т. д., тоже были нередко либо неграмотны, либо малограмотны и нуждались в помощи посылаемых с ними подьячих, которые должны были разбираться во всех деталях порученного им дела.

В качестве примера малограмотности воевод в первой половине XVII в. можно указать на соликамского воеводу конца 30-х годов Д. Е. Остафьева. Когда по поводу одного судебного дела Новгородская четверть потребовала от воеводы объяснения, почему нет его собственноручной подписи на важнейшем документе, Д. Е. Остафьев прежде всего сослался на болезнь, но тут же пояснил, что дело не в одной болезни, а и в его малограмотности: «А в кое, государь, время я, холоп твой, и не болен, и я по нуже к твоему государеву сметному списку и к окладной росписи прикладываю руку, да и то по люцкому ученью — которое слово велят после которово написать, потому что я, холоп твой, умею грамоте мало, а и прочесть, государь, чюжово и своево письма не умею»[1]. Во второй половине XVII в. неграмотные и малограмотные воеводы почти не встречаются. Но на воеводства посылались главным образом думные и московские чины. Среди же городового дворянства, особенно среди городовых детей боярских, процент грамотных был невысок и во второй половине XVII в.

Несомненны успехи распространения грамотности среди посадского населения. Об этом с большой убедительностью свидетельствуют данные второй половины XVII в., в частности подписи на разного рода актах. При подписании актов нельзя было ограничиться вырисовыванием своего имени или фамилии, что доступно и неграмотным, нужно было написать целую фразу: «к сему допросу», или «к сей поступной (такой-то) руку приложил», а это написать неграмотному было бы слишком трудно. Подсчет собственноручных подписей участников мелких судебных дел и тяжеб посадского населения столицы за 1686 г. показал, что среди мелкого посадского люда столицы грамотных было 23,6%. Интересные выводы о грамотности можно получить на основании анализа подписей на мирских челобитных и приговорах мирских сходов. Так, приговоры слободского схода московской Мещанской слободы за последнюю четверть XVII в. показывают следующий рост грамотности: в 1677 г. под приговорами было 36% собственноручных подписей, а в 90-х годах — 36—52%[2].

---

[1] ЦГАДА. Строгановские дела, Старая опись, картон 3, д. 1640 г., л. 137.

[2] Эти подсчеты грамотности населения Москвы произведены С. К. Богоявленским; см. также подсчеты А. И. Соболевского в его книге «Образованность Московской Руси XV—XVII вв.» (СПб., 1892).

Рукоприкладства посадских людей Соли Камской на челобитной 7 декабря 1695 г.
Центральный государственный архив древних актов

Аналогичный вывод можно сделать о грамотности посадского населения и других городов. На мирских «заручных»[1] челобитных посадских людей Соли Камской в 80—90-х годах XVII в. собственноручных подписей было от 40 до 49%, причем значительное большинство подписавшихся хорошо грамотно[2].

Но состав мирского схода, члены которого подписывали мирские заручные челобитные, далеко не исчерпывает всего посадского населения того или иного города. Обычно в мирских сходах участвовали уполномоченные, подавляющее большинство которых принадлежало к зажиточной верхушке посада. Поэтому данные о грамотности участников мирского схода свидетельствуют лишь о степени распространения грамоты среди зажиточных слоев посадского населения. Другие материалы, правда касающиеся посадского населения только поморских городов, позволяют заключить, что и среди посадской бедноты Поморья были грамотные люди. В 1654 г., например, посадские люди Яренска по поводу выбора неграмотных таможенных и кабацких голов заявили: «У нас де которые люди лутчие и прожиточные, и те грамоте не умеют, а которые люди и грамоте умеют, и те люди молотчие и к такому государеву делу не пригодятца»[3].

[1] Заручная челобитная — челобитная, подписанная лицами, от имени которых она подана.

[2] ЦГАДА. Приказные дела старых лет, 1682 г., д. 131, лл. 5—8 об.; 1687 г., д. 225, лл. 143—145; 1695, д. 369, лл. 3—5 об.; 1696 г., д. 71, лл. 6—9 об.

[3] Там же, 1655 г., д. 53, лл. 4—6.

То же самое можно отметить и для других северных посадов. В марте 1668 г. вологодские посадские люди К. Свечник и С. Попов, ссылаясь на свое разорение и бедность, просили разрешить им заниматься в Вологде площадным письмом, т. е. составлением всякого рода крепостей, записей и других юридических документов. Свою просьбу они мотивировали ссылкой на обычный порядок вещей: «А кормятся на Вологде в писчей избушке площадным письмом посацкие оскудалые люди». Просьба вологжан была удовлетворена[1].

Такой же порядок существовал и в других городах Поморья. В Устюге Великом в площадной избе было 53 подьячих, причем все они были устюжскими посадскими людьми. Из посадских же тяглых людей комплектовался весь личный состав подьячих съезжих, таможенных и мирских изб Устюга Великого, Соли Вычегодской, Тотьмы и других поморских посадов[2]. Вполне понятно, что насущные потребности оживленной торгово-промышленной деятельности побуждали посадских людей учиться грамоте.

Приведенные сведения касаются русского населения. Вопрос о распространении грамотности у нерусских народностей Русского государства в XVII в. по существу совершенно не изучен. Можно привести лишь отдельные факты, свидетельствующие о наличии грамотных людей в среде нерусских народностей. При этом можно говорить о людях, грамотных и на русском и на родном языке[3]. Это безусловно прогрессивное явление, показывающее культурное влияние русского народа на другие народности.

Грамотность приобреталась среди русских преимущественно путем обучения у «мастеров»— священников, дьяконов, дьячков, подьячих и вообще грамотных людей. Несомненно, что значительную роль играло и семейное обучение. Если в семье оказывался грамотный человек, то он обучал грамоте и других членов семьи[4].

Обучение грамоте у мастеров происходило иногда на тех же основаниях, на каких было построено ученичество у ремесленников, т. е. на основе «ученической записи», возлагавшей определенные обязанности и на мастера и на ученика. Часто обучение грамоте соединялось с обучением какому-либо ремеслу или торговле. Так, в конце XVII в. посадский мальчик Устюга Великого К. Бурков был отдан своей матерью тяглецу московской Семеновской слободы Д. Шульгину для обучения грамоте и кружевному промыслу. В бытовом отношении положение подростка, обучавшегося грамоте, не отличалось от положения ремесленного ученика[5].

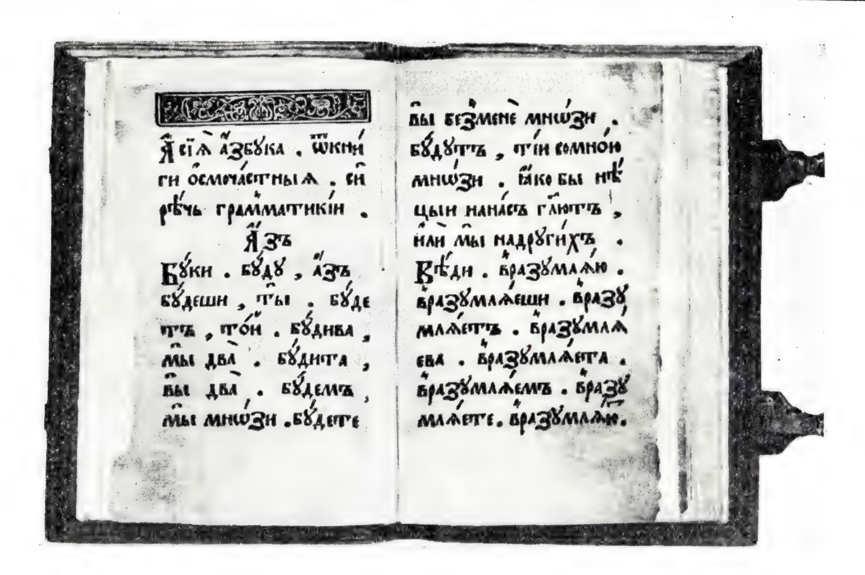
[1] ЦГАДА. Приказные дела старых лет, 1668 г., д. 97, л. 2—2 об.

[2] Там же, 1667 г., д. 325, л. 20; 1668 г., д. 18, лл. 3—7.

[3] Более подробно об этом см. в разделах, посвященных истории отдельных народов.

[4] ЦГАДА. Приказные дела старых лет, 1682 г., д. 131, лл. 5—8 об.; 1687 г., д. 225, лл. 143—145 об.; 1695 г., д. 369, лл. 3—5 об.; 1696 г., д. 71, лл. 6—9 об. Например, все мужчины видных соликамских посадских семей Сапожниковых, Хлепятиных, Холкиных и многих других были грамотными.

[5] *Е. М. Тальман.* Ремесленное ученичество Москвы в XVII в.— «Исторические записки», № 27, стр. 73; *С. В. Бахрушин.* Ремесленные ученики в XVII в.— «Труды Гос. ист. музея», вып. 3, М., 1926, стр. 118; см. также: Научные труды, т. II, стр. 113.

А сїѧ азбука . ѿкни
ги осмочастныѧ . си
рѣчь грамматикїи .
Азъ
Буки . буду , азъ
будеши , ты . буде
тъ , тои . будива ,
мы два . будита ,
вы два . будемъ ,
мы мнози . будете
вы безмене мнози .
будутъ , тїи со мною
мнози . яко бы не
цыи на насъ глютъ ,
или мы надругихъ .
Вѣди . вразумляю .
вразумляеши . вразу
мляетъ . вразумля
ева . вразумляета .
вразумляемъ . вразу
мляете . вразумляю.

Азбука Василия Бурцева, напечатанная на Московском Печатном дворе в 1637 г.

Грамоте обучались главным образом мужчины. Среди женщин грамотность была распространена слабо. Даже в знатных и состоятельных семьях большинство женщин было неграмотно. В семье именитых людей Строгановых при поголовной грамотности мужчин все женщины были неграмотны[1].

Обучение грамоте начинали с азбуки по азбуковникам, которых сохранилось достаточное количество как печатных, так и рукописных. Букварь Василия Бурцева, вышедший первым изданием в 1634 г., переиздавался в течение XVII в. несколько раз. Среди изданий Печатного двора, хранившихся на его книжном складе в 1649 г., первое место по тиражу принадлежало именно букварю В. Бурцева — 2900 экземпляров. Букварь продавался по 2 деньги, т. е. по 1 копейке. Дешевая цена делала букварь общедоступным. В конце XVII в. был напечатан букварь, составленный монахом Чудова монастыря Карионом Истоминым. В середине XVII в. была издана грамматика украинского ученого Мелетия Смотрицкого. Затем появилась сокращенная грамматика, чтобы облегчить усвоение грамматических правил. В 1682 г. в Москве была напечатана таблица умножения, в заглавии которой указывалась практическая цель ее издания: «Считание удобное, которым всякий человек, купующий или продающий, зело удобно изыскати может число всякие вещи». За вторую половину XVII в. Московский Печатный двор издал более 300 тыс. печатных букварей, около 150 тыс.

---

[1] ЦГАДА. Приказные дела старых лет, 1672 г., д. 66, лл. 35—38; 1681 г., д. 92, лл. 1—4.

учебных псалтырей и часословов, причем в некоторые годы тысячные тиражи раскупались в течение нескольких дней[1].

Среди рукописей конца XVII в. встречаются специальные руководства по арифметике: «Книга сия, глаголемая по-эллински и по-гречески арифметика, а по-немецки альгоризма, а по-русски цифирная счетная мудрость». Таких «счетных мудростей», а также рукописных азбуковников и прописей сохранилось значительное количество. Все это свидетельствует о стремлении русских людей получить образование, в первую очередь начальное.

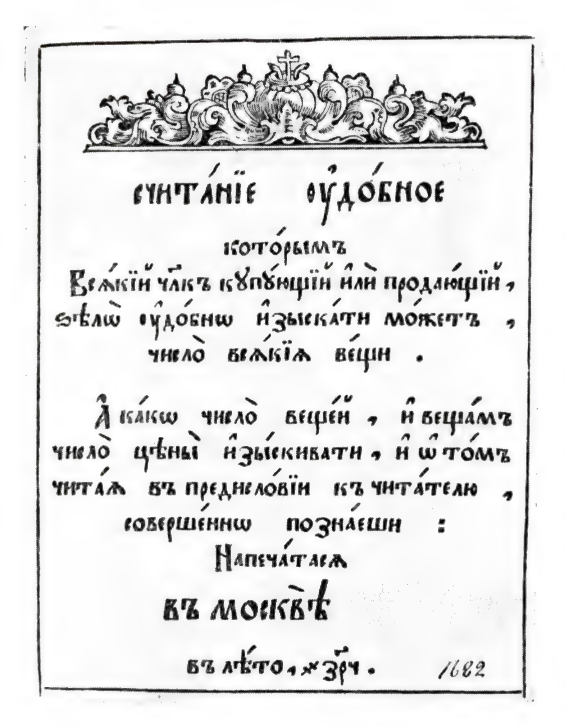
Мелетий Смотрицкий. Гравюра XVII в.

Возникали вопросы и о методах обучения. В одной псалтыри, напечатанной в Москве в 1645 г., имеется указание учителям, как обучать детей грамоте. Учитель должен был оттенять произношения букв «ять» и «есть»: «зазорно и укорно «еже» (е) вместо ести (ѣ) глаголати». Возможно, что метод, предложенный в этой псалтыри, применялся немногими учителями, но самая постановка методической стороны начального обучения, безусловно, говорит об известном развитии педагогической мысли. Карион Истомин построил свой букварь на принципе наглядности. Его букварь имел рисунки, подобранные в алфавитном порядке названий изображенных предметов. «Под всяким же письменем,— говорит автор,— ради любезнаго созерцания отрочатом учащымся, предложены виды во удобное звание в складе: да что видит, сие и назовет...»[2]

На практике, поскольку можно судить по подлинным документам XVII в., правописание подчинялось фонетическому принципу: в северных документах вместо неударяемого «а» писалось «о», в южных, наоборот, вместо неударяемого «о» писалось «а», предлог «с» перед глухими, свистящими и шипящими согласными писался как «с», перед звонкими — как «з» («с сыном», «з братом») и т. п. Тем не менее существовали требования

[1] Эти данные заимствованы из неопубликованной канд. диссертации Т. И. Куро.— *Е. Н. Медынский.* Просвещение и педагогическая мысль России XVII в. Доклад в заседании сектора истории СССР до XIX в. Ин-та истории АН СССР 8 февраля 1951 г.

[2] *Д. А. Ровинский.* Русские народные картинки, кн. II, СПб., 1881, стр. 484—485.

Считанїе удобное
которымъ
Всякїй члкъ купующїй или продающїй,
ѕѣлѡ удобнѡ изыскати можетъ,
число всякїя вещи.
А какѡ число вещей, и вещамъ
число цѣны изыскивати, и ѡ томъ
читая въ предисловїи къ читателю,
совершеннѡ познаеши:
Напечатася
въ Москвѣ
въ лѣто ҂зрч. 1682

Титульный лист Таблицы умножения, напечатанной на Московском Печатном дворе в 1682 г.

грамматики, построенные на морфологическом принципе. Правда, на погрешности против правил правописания смотрели снисходительно. Это видно из указа 1675 г., по которому предписывалось не ставить в бесчестье, если «кто в челобитье своем напишет в чьем имени или прозвище, не зная правописанная, вместо она аз, или вместо аза он, или вместо еря ер, или вместо ятя есть... и иные в письмах наречия, подобны тем, по природе тех городов, где кто родился и по обыкностям своим говорить и писать извык»[1].

Иногда обучение чтению и письму сопровождалось обучением церковному пению. Были и специалисты по более сложному вокальному искусству. Тяглец московской Мещанской слободы Тимофей Степанов обучал мальчиков нотному пению. Когда в 1688 г. один из его учеников сбежал вследствие побоев, учитель требовал платы за то, что научил его «ермосов, и ермолой весь, и празники и портесному пению концертов з 20»[2].

Дело не ограничивалось распространением грамотности путем начального обучения детей — семейного и у мастеров. Расширялся круг чтения книг — печатных и рукописных. Все бо́льшим спросом пользовались книги светские, содержавшие обобщение практического опыта в области техники, ремесла, искусства, торговли: руководства по измерению земель, устройству технических сооружений, изготовлению красок, торговые книги и т. п.

В более зажиточных столичных семьях всегда можно было найти несколько книг, большей частью религиозного содержания. Сохранившиеся описи имущества гостей, торговых людей гостиной и суконной сотен, богатых жителей московских дворцовых и черных сотен и слобод содержат в себе перечни таких книг. Книгой интересовались не только в Москве.

---

[1] ДАИ, т. VIII, СПб., 1862, № 108, стр. 339.

[2] ЦГАДА. Приказные дела новой разборки, д. 709, лл. 1—9; *Е. М. Тальман.* Указ. соч., стр. 94. Ермос (ирмос)— церковное песнопение; ермолой — сборник таких песнопений. Партесное пение — многоголосное нотное пение.

В посадских семьях других городов тоже встречались книги. В описи имущества, оставшегося после смерти соликамского посадского человека Осипа Иванова Ростовщикова, умершего в конце 1671 г., значилось «11 книг божественных и всяких»[1].

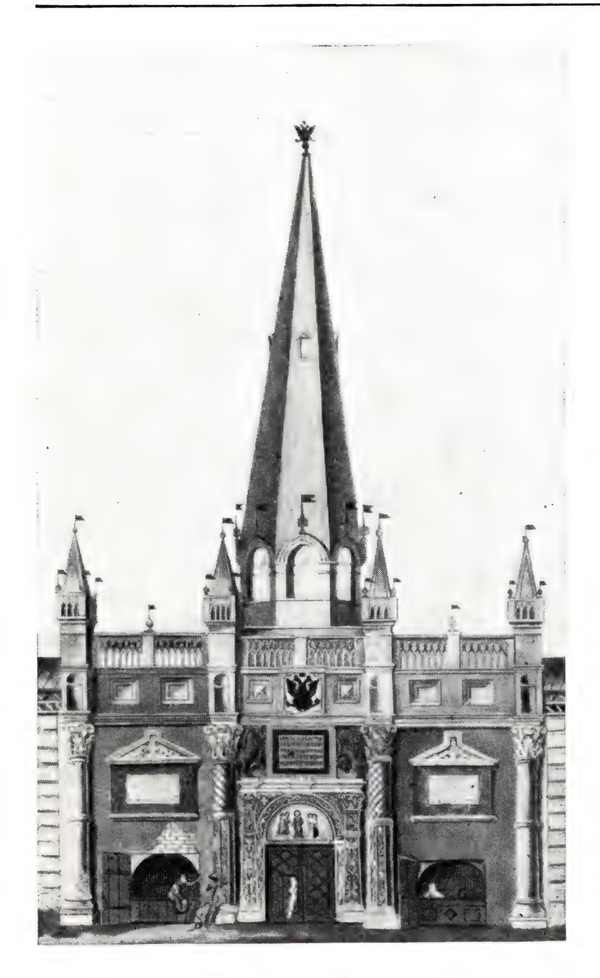
В царском дворце была библиотека, состоявшая преимущественно из книг духовного содержания. Но в течение всего XVII в. число светских книг в ней неуклонно росло. У царя Михаила было еще мало светских книг, среди них книги «О Троицком осадном сидении» (т. е. об осаде Троице-Сергиева монастыря польскими интервентами), сочинения Аристотеля и др. У его сыновей Алексея и Ивана встречались светские книги на латинском, греческом и польском языках; были греческие и латинские лексиконы. Появились книги, предназначавшиеся для практических целей, например книги о ратном строе. Пьесы, которые ставились при царе Алексее, переписывались для царской библиотеки. Царь Федор имел значительную библиотеку из светских книг на разных языках, в том числе были книги по медицине. Интерес к западноевропейской жизни удовлетворялся иллюстрированными описаниями Амстердама и Рима, книгой на латинском языке «Чертежи разных государств» и другими изданиями. «Летописец римских царей» знакомил с древней историей. Но гораздо больше интересовались русской историей. В библиотеке царя Федора находились русские летописи, «Описание градов Московского государства, поль и рек и всяких урочищ» и др. Появились книги, по всей вероятности рукописные, о церемониале приема иностранных послов и т. п.

У наиболее образованных представителей придворной знати — А. Л. Ордина-Нащокина, А. С. Матвеева и князя В. В. Голицына были большие библиотеки на русском, латинском и польском языках. В библиотеке патриарха Никона было 395 книг, среди которых много печатных и рукописных латинских и греческих сочинений по философии, естествознанию, медицине, истории, филологии, литературе.

Распространение грамотности способствовало увеличению спроса на книги, в связи с чем была расширена деятельность Московской типографии (Печатного двора). В середине XVII в. это было уже крупное предприятие с обширным штатом квалифицированных работников (165 человек), в числе которых было четыре справщика (редактора), книжный чтец (корректор), писец, 24 наборщика, 12 разборщиков, 48 тередорщиков (печатников), 48 батыйщиков (накладчиков краски), переплетчик, резец, два словолитца, олифляник и т. д. Работа производилась на 12 станках, имелось необходимое количество и другого типографского оборудования.

Печатный двор, расположенный попрежнему на Никольской улице, имел несколько зданий. Главным из них была двухэтажная каменная палата. В нижнем этаже помещалась часть станков, а в верхнем — «палата правильная», где работали справщики, и «приказ», т. е. управление

[1] ЦГАДА. Приказные дела старых лет, 1679 г., д. 45, лл. 12—13.

Московский Печатный двор. Акварель XVIII в.

Государственный Исторический музей

Печатным двором. Рядом с каменными палатами стояли деревянные хоромы, где находились остальные печатные станки.

В 1648—1649 гг. на складе типографии находилось 11 450 экземпляров печатных изданий. Около половины их составляли церковные книги. Из светских преобладали учебные руководства. Кроме того, было немало официальных правительственных изданий. Соборное Уложение 1649 г. имелось на складе в количестве 1181 экземпляра; «Книга ратного строя», напечатанная в том же году, —1187 экземпляров[1]. В 1654 г. была напечатана Уставная таможенная грамота (Таможенный устав 25 октября 1653 г.), в 1685 г.— «Книга о сошном письме».

Подбор книг, издаваемых Печатным двором, не мог удовлетворить любознательность русского читателя, и он попрежнему обращался к рукописной литературе — оригинальной и переводной. Подсчет переводных книг, бытовавших на Руси в XVII в., свидетельствует о росте интереса к переводной литературе. За весь XVI в. известно только 26 переводных книг, за первую половину XVII в.— только 13, а за вторую — 114. Из всех этих 153 книг только 37 было религиозно-нравственного содержания, остальные светского. Этот подсчет показывает, в какую сторону были направлены интересы русских людей XVII в.

Наряду с книгами московской печати на столичном книжном рынке продавались книги украинской печати. В 1672 г. архимандрит Киево-Печерского монастыря Иннокентий Гизель прислал для продажи в Москву 1000 экземпляров различных книг, из них 20 названий на русском

[1] *С. А. Белокуров.* Московский Печатный двор в 1649 г.— «Чтения ОИДР», 1887, кн. 4, отд. IV, стр. 16—18.

и славянском языках и несколько названий на польском языке. В следующем году он прислал еще 800 книг, среди которых были книги и на польском языке. В 1675 г. другой украинский деятель, черниговский архиепископ Лазарь Баранович тоже прислал в Москву книги украинской печати на общую сумму 731 рубль. Русское правительство предложило ему организовать вольную продажу книг. Украинские книги подвергались в Москве предварительной цензуре. Правительство не разрешало торговлю польскими книгами. Тем не менее они пользовались некоторым распространением главным образом в кругах столичной знати[1].

* * *

Известную роль в просветительном движении, которое охватило русскую столицу, играли украинцы и белорусы. Как только определилось решающее значение Русского государства в судьбах всего восточного славянства, в Москву потянулась интеллигенция Украины и Белоруссии, преимущественно духовенство, остро почувствовавшее после Брестской церковной унии 1596 г. национальный гнет шляхетско-магнатского польского правительства. Воссоединение Украины с Русским государством создало еще более тесную связь между русской столицей и центром украинской культуры — Киевом. Наплыв переселенцев из Украины и Белоруссии усилился после начала войны 1654—1667 гг. Много белорусов и украинцев в ходе военных действий было переселено в Москву, где они образовали особую Мещанскую слободу. Выходцы из Белоруссии и Украины очень скоро слились с остальным населением столицы.

Основатель киевского коллегиума киевский митрополит Петр Могила призывал в 1640 г. царя Михаила устроить в Москве школу, где старцы киевского Братского монастыря учили бы детей греческой и латинской грамоте. Инициатива в этом культурном сближении исходила не только от украинцев и белорусов, стремившихся установить прочные культурные связи с Русским государством. Когда в середине XVII в. русское правительство подготовляло церковную реформу и исправление богослужебных книг, оно обращалось к киевскому митрополиту с просьбой прислать в Москву ученых старцев Арсения Сатановского и Дамаскина Птицкого, известных знанием греческого и латинского языков и умением переводить с них. По этой просьбе в Москву были присланы в 1649 г. киевские ученые Арсений Сатановский и Епифаний Славинецкий, а в следующем году — Дамаскин Птицкий[2].

В середине 50-х годов в Москву был приглашен крупный белорусский ученый и поэт Симеон Емельянович Петровский-Ситнианович, более известный под псевдонимом Симеона Полоцкого.

---

[1] «Чтения ОИДР», 1895, кн. 2, отд. V, стр. 18—19.

[2] *Н. Ф. Каптерев.* Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович, т. I, Сергиев Посад, 1909, стр. 47—48.

Украинцы и белорусы, попадавшие различными путями в Москву, работали во всех областях культурно-просветительной деятельности: справщиками, т. е. редакторами, на Печатном дворе, переводили с иностранных языков книги самого разнообразного содержания, обучали молодежь в царском дворце, в боярских домах, в школах.

Русские люди XVII в. стремились к усвоению более высокой техники как в промышленном производстве, так и в военном деле. При этом вопрос об усвоении иностранного опыта приобрел особое значение. Правительство систематически приглашало иностранных специалистов и ставило им условие обучать русских учеников своему мастерству. Для поселения иностранцев была устроена на окраине столицы особая Немецкая слобода.

Мастерство и культурный уровень иностранцев были далеко не одинаковы. Наряду с действительными специалистами, честно выполнявшими принятые на себя обязательства, в Москву потянулись искатели приключений и легкого заработка. Последних было значительное большинство. В целом деловой и культурный уровень населения Немецкой слободы был невысок.

Правительство заботилось об усвоении иностранного опыта русскими людьми и добилось в этом отношении определенных успехов. Русские ученики иноземных мастеров усваивали знания, получаемые от иноземных учителей, комбинировали их с собственным опытом и часто превосходили своих учителей. Это сказывалось и в обработке благородных металлов, и в архитектуре, и в живописи, и в других отраслях ремесла и искусства.

Кроме специалистов в области техники, военного дела и искусства, в Москву приглашались учителя, чтобы вести обучение латинскому, греческому, польскому и другим языкам. Знание иностранных языков имело в первую очередь чисто практическое значение: оно облегчало ведение дипломатических переговоров, помогало в торговых операциях. В конечном счете оно повышало общий культурный уровень господствующего класса Русского государства, так как изучением иностранных языков занимались главным образом представители социальных верхов русского общества, в частности приказные дьяки и подьячие[1]. К концу столетия, особенно в царствование Федора Алексеевича, польский язык получил широкое распространение в придворных кругах[2].

Все эти знания приобретались преимущественно посредством самообразования и домашнего обучения.

* * *

Обучение элементарной грамоте и пополнение знаний путем чтения не решали вопроса о просвещении в целом, нужно было более систематическое образование. Рост умственных запросов, стремление к знанию, охватившее широкие слои дворянства и посадского населения, настойчиво

---

[1] Более подробно об этом см. главу III, § 4 настоящего издания.

[2] *И. А. Шляпкин.* Св. Дмитрий Ростовский и его время (1651—1709 гг.). СПб., 1891, стр. 71.

ставили вопрос о школе, особенно в Москве. Московская молодежь явно скептически относилась к доморощенным учителям: «Враки де они вракают, слушать у них нечего, и себе имени не ведают, учат де просто, ничего не знают, чему учат»[1].

Один из ближайших лиц к царю Алексею Ф. М. Ртищев настаивал на посылке молодых москвичей учиться в Киевский коллегиум. В основанный им Андреевский монастырь Ртищев пригласил в 40-х годах XVII в. из Киева ученых монахов, чтобы организовать при монастыре обучение славянскому и греческому языкам, риторике, философии и другим словесным наукам. Он сам проводил целые ночи в беседах с киевлянами и учился у них греческой грамматике. Дворянская молодежь поразному отнеслась к этому начинанию Ртищева. Одни из страха перед могущественным в то время при дворе окольничим и только в угождение ему ходили учиться к выписанным им «киевским старцам». Так, будущий думный дьяк Л. Т. Голосов, в то время еще совсем молодой человек, жаловался, что поневоле учится у киевских старцев: «Старцы де не добрые, он де в них добра не познал и добраго ученья у них нет: ныне де он манит Федору Ртищеву, боясь его, а впредь де учиться никак не хочу». Другие, наоборот, увлеклись греческой и латинской грамотой, хотя «в той грамоте и еретичество есть», и просились для продления своего образования в Киевскую академию. Двум из них — Порфирию Зеркальникову и Ивану Озерову — Ф. М. Ртищев действительно «промыслил» проезжую грамоту в Киев. Эта поездка вызвала много толков среди сверстников обоих «студентов»: «Как де выучатся и будут назад, и от них де будут великия хлопоты», — рассуждали они[2].

Ф. М. Ртищев не был одинок в своем стремлении основать школу. Известны и другие попытки частной инициативы в школьном строительстве.

В 1667 г. прихожане церкви Иоанна Богослова (в Китай-городе в Москве) подали челобитную о разрешении создать при церкви школу по образцу украинских братских училищ, чтобы в ней было «устроение учения... различными диалекты: греческим, словенским и латинским». Правительство санкционировало открытие «гимнасиона», «да трудолюбивые спудеи [студенты] радуются о свободе взыскания и свободных учений мудрости». Судьба этого начинания неизвестна, но самая мысль о создании «гимнасиона» очень характерна[3]. По всей вероятности, возникали и другие частные школы, о которых говорится в букварях XVII в. В 1685 г. упоминается, например, «школа для учения детям» в Боровске близ торговой площади.

---

[1] *Н. Ф. Каптерев.* Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов. Сергиев Посад, 1913, стр. 145.

[2] Там же, стр. 145, прим.

[3] (*А. В. Горский*) О духовных училищах в Москве в XVII столетии.— «Прибавления к изданию творений св. отцов в русском переводе», ч. III, М., 1845, стр. 169, 171.

В 1665 г. в Москве в Спасском монастыре за Иконным рядом (Заиконоспасском), на Никольской улице была открыта школа, для которой было построено особое здание. Ученики в ней должны были учиться латинскому языку и русской грамматике. Во главе школы был поставлен Симеон Полоцкий. Первоначальный состав учащихся был набран из молодых подьячих разных приказов. В их числе находился и подьячий Приказа тайных дел Семен Медведев, впоследствии постригшийся в монахи с именем Сильвестра и ставший писателем и ученым[1]. Эта школа преследовала чисто профессиональные цели — подготовку образованных подьячих для центральных правительственных учреждений. Знание латинского языка, как международного, было важно для чинов Посольского приказа. Однако у части русских людей, и в первую очередь у духовенства, возникало сомнение, не принесет ли с собой латинская культура «латинство», т. е. католическое учение. Они защищали мысль о предпочтительности «греческого» образования «латинскому», т. е. узко-богословского направления в противовес более широкому светскому образованию.

В 1680 г. была устроена школа при Печатном дворе. Здесь из иностранных языков преподавался греческий. Главным учителем этой школы был русский монах Тимофей, долгое время живший в Палестине и на Афоне и хорошо знавший греческий язык. В помощники ему был назначен грек Мануил. Школа была размещена в верхних палатах Печатного двора. При открытии школы в ней было 30 учеников, набранных из различных сословий. В 1685 г. их число возросло до 56, а в 1686 г. — до 66, обучавшихся греческому языку. Кроме того, 166 человек училось славянскому языку. Таким образом, общее число учащихся достигало 232 человек[2].

Все эти и другие начинания в области школьного дела завершились созданием в 1687 г. «Славяно-греко-латинского училища», называвшегося потом Академией. По первоначальному плану, училище отнюдь не являлось исключительно церковным учебным заведением. Его задачи были гораздо шире. Училище должно было давать общее образование[3]. В его программу входили «семена мудрости», т. е. науки гражданские и духовные, «наченше от грамматики, пиитики, риторики, диалектики, философии разумительной, естественной и нравной, даже до богословии»[4], иначе говоря, — весь цикл средневековой схоластической школы от низших классов до высших.

Такое объединение в одном учебном заведении средней и высшей школы было неизбежно до тех пор, пока в стране не была создана сеть средних

---

[1] *М. И. Демков.* История русской педагогики, ч. 1, СПб., 1899, стр. 193—194, 244, 248.

[2] *И. Е. Забелин.* Первое водворение в Москве греко-латинской и общей европейской науки.— «Чтения ОИДР», 1886, кн. 4, отд. I, стр. 6.

[3] «Привилегия Московской академии».— «Древняя Российская Вивлиофика», ч. VI, М., 1788, стр. 401.

[4] Там же, стр. 402.

школ. Славяно-греко-латинское училище было доступно людям «всякаго чина, сана и возраста»[1]. Устав предусматривал в будущем допущение к государственным должностям только лиц, окончивших школу, делая исключение лишь для детей «благородных», т. е. знати. В соответствии с серьезными государственными задачами, которые возлагались на вновь открываемое учебное заведение, оно было щедро обеспечено и пожаловано всевозможными иммунитетами, в частности изъятием из-под суда приказов, за исключением дел уголовных, с подчинением профессоров и учащихся собственной училищной юрисдикции, а «блюстителя» (ректора) — суду патриарха. Для учебных и научных целей училища ему передавалась «государственная вивлиофика». Таким образом, Славяно-греко-латинское училище и по существу, и по задачам, и по организации уже мыслилось как высшее учебное заведение.

В качестве преподавателей Славяно-греко-латинского училища были приглашены ученые греки братья Иоанникий и Софроний Лихуды. В Богоявленском монастыре в конце 1687 г. начались правильные занятия с учениками, набранными из школы Печатного двора. В декабре 1687 г. было 28 учеников, в следующем — 32, из которых шесть аттестовались как лучшие. В новое высшее учебное заведение охотно поступали представители высшей московской знати и дети приказных дьяков. В частности, здесь учился сын дьяка Посольского приказа Василия Посникова Петр, впоследствии доктор медицины Падуанского университета.

Братья Лихуды преподавали все предметы. Они же составили учебники грамматики, пиитики, риторики, психологии, физики и других предметов. Преподавание велось успешно. Через три года ученики настолько овладели греческим и латинским языками, что перевели с этих языков несколько книг. В 1694 г. по наветам иерусалимского патриарха Досифея, недоброжелательно относившегося к светскому образованию, Лихуды были отстранены от преподавания в Славяно-греко-латинском училище. Преподавание в Академии продолжалось и без Лихудов их русскими учениками, среди которых выделялись своими успехами Федор Поликарпов и И. С. Головин[2].

Таким образом, наибольшие успехи в области просвещения и организации школы были достигнуты в столице. Здесь же было наибольшее число грамотных и среди посадского населения. В других городах дело ограничивалось лишь распространением элементарной грамотности. Больше грамотных было в Поморье, как в среде посадского, так и крестьянского населения. Но в целом грамотность и просвещение были привилегией класса феодалов, торговых людей и духовенства. Угнетенные массы деревни и города не имели возможности приобщиться даже к простой грамотности.

---

[1] «Привилегия Московской академии». — «Древняя Российская Вивлиофика», ч. VI, стр. 408—411.

[2] *И. Е. Забелин.* Указ. соч., стр. 1—20.

3

НАУЧНАЯ И ТЕХНИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

Русские люди в XVII в., при общей по сравнению с передовыми странами Западной Европы технико-экономической отсталости страны, достигли известных успехов в области техники. Можно отметить знакомство с рядом физических и химических явлений и умение использовать их в производственной практике. Сохранилось немало источников, свидетельствующих об оригинальной постановке многих технических задач и умелом их практическом решении, в частности о многочисленных попытках изучения полезных ископаемых[1]. Наконец, необходимо отметить стремление к обобщению производственного опыта, выразившееся в составлении разного рода руководств, помогающих решению практических задач.

Несмотря на недостаточность теоретических научных знаний, русский человек XVII в. самостоятельно стремился к научно-техническим открытиям и брался иногда за разрешение весьма сложных задач. Особенно это следует сказать об обработке металлов, в частности об оружейном деле. Первая пушка с винтовой нарезкой была сделана русским мастером в 1615 г.[2] В русских документах постоянно встречаются упоминания о нарезном ручном оружии — «пищалях винтовальных», пищалях с механизированным клиновидным затвором.

Крупных успехов достигли русские мастера и в литейном деле. Хорошо известен рассказ Павла Алеппского о том, как русский мастер в середине XVII в. вылил по царскому заказу большой колокол в 12 500 пудов. Работа эта была выполнена в течение одного года, тогда как иноземцы брались отлить такой колокол только в пять лет. Павел Алеппский дает подробное описание устройства литейных форм, плавильных печей и всех технических приспособлений, при помощи которых была осуществлена отливка колокола[3].

Известен случай остроумного решения технических задач, связанных с подъемом колоколов. Так, в 60-х годах XVII в. колокол, весивший около 8 тыс. пудов, был поднят следующим образом: под колокол со всех четырех сторон подводилось по толстому бревну; путем наращивания бревен одно на другое получили сруб, который поднял колокол до нужной высоты[4].

Сложные задачи механики успешно разрешались при производстве часов. «Боевые часы» на Спасской башне Кремля были сделаны по проекту английского часового мастера Христофора Головея в 20-х годах XVII в.

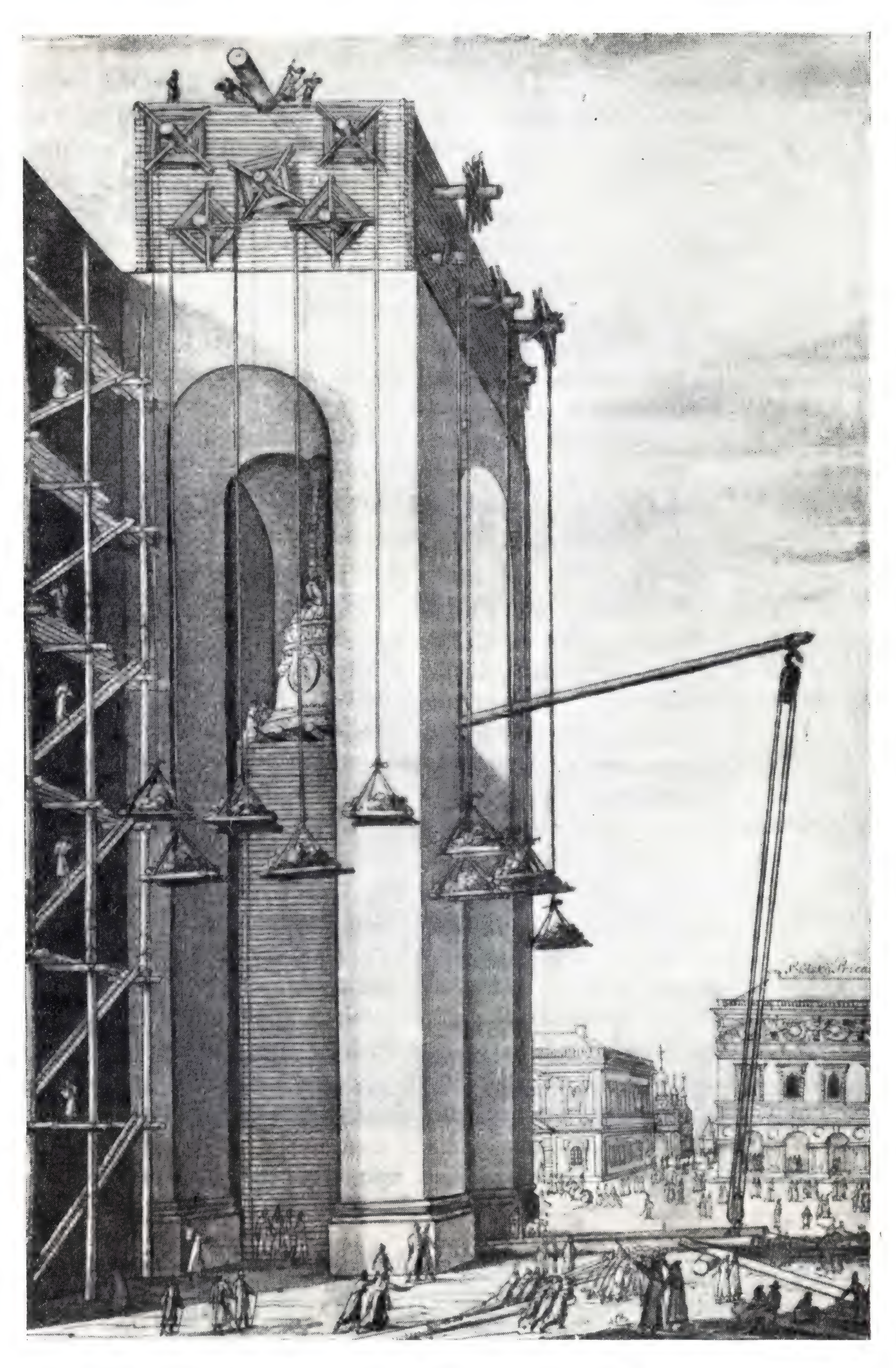
---

[1] Например, «Материалы по истории Башкирской АССР», ч. 1, М.—Л., 1936, стр. 93—94.

[2] Находится в Артиллерийском музее в Ленинграде. См. также главу III, § 8 настоящего издания

[3] *Павел Алеппский.* Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в., вып. III.— «Чтения ОИДР», 1898, кн. 3, отд. III, стр. 111—113.

[4] *Н. И. Фальковский.* Москва в истории техники. М., 1950, стр. 409—411.

Подъем колокола в Московском кремле. Рисунок из альбома Пальмквиста, 1674 г.

кузнецами-крестьянами Устюжского уезда Жданом, его сыном Шумилой Ждановым и внуком Алексеем Шумиловым Вирачевыми. Шумило Вирачев и у себя на родине занимался изготовлением «боевых часов»[1]. «Часовники» вообще считались сведущими людьми в различных отраслях механики. В 1666 г. часовник Моисей Терентьев, состоявший при царском хозяйстве в Измайлове, должен был сделать три «образца»: «как молотить колесами и гирями без воды», «как воду привесть из пруда к виноградному саду», «как воду выливать из риг гирями и колесы»[2].

Большого совершенства достигли русские мастера и в области строительной техники, умея, путем точного расчета высоты и толщины крепостных стен, сооружать их без вспомогательных пристроек — контрфорсов, которые применялись в Западной Европе.

Прочно вошли в русскую практику водяные двигатели. В первую очередь, конечно, нужно указать на использование водяной энергии при устройстве водяных мельниц—мутовок (с горизонтальным колесом) и мельниц более крупных размеров — с вертикальным колесом. С 30-х годов XVII в. водяную энергию стали использовать на железоделательных мануфактурах. Вододействующими были мехи у домен и тяжелые молоты, при помощи которых ковалось железо.

Техническая мысль русских людей работала упорно и напряженно. Иногда ставились такие задачи, которые надолго опережали технические возможности этого времени. Тем не менее такие, пусть неудачные, попытки представляют несомненный интерес и являются памятниками творческой мысли в области техники. Так, в 1694 г. «мужик», имя которого осталось неизвестным, закричал в Москве на площади «караул!», и когда его взяли в Стрелецкий приказ, объявил в расспросе, что сделает крылья и станет летать, как журавль. Ему были выданы деньги на постройку крыльев из слюды. Первый опыт оказался неудачным. Изобретатель в присутствии толпы народа стал надувать мехи своего аппарата, но на воздух подняться не мог. Он нашел, что крылья оказались слишком тяжелы[3]. Еще ранее — в 1657 г.—служилый человек Василий Азанчеев предложил прорыть туннель под Москвой-рекой около Каменного моста. Три раза он принимался за осуществление своей мысли, но каждый раз вода заливала вырытый ход[4].

Русские люди имели большие способности к усвоению технических знаний и производственных навыков, и недаром А. Олеарий советовал своим соотечественникам не открывать производственных секретов русским[5].

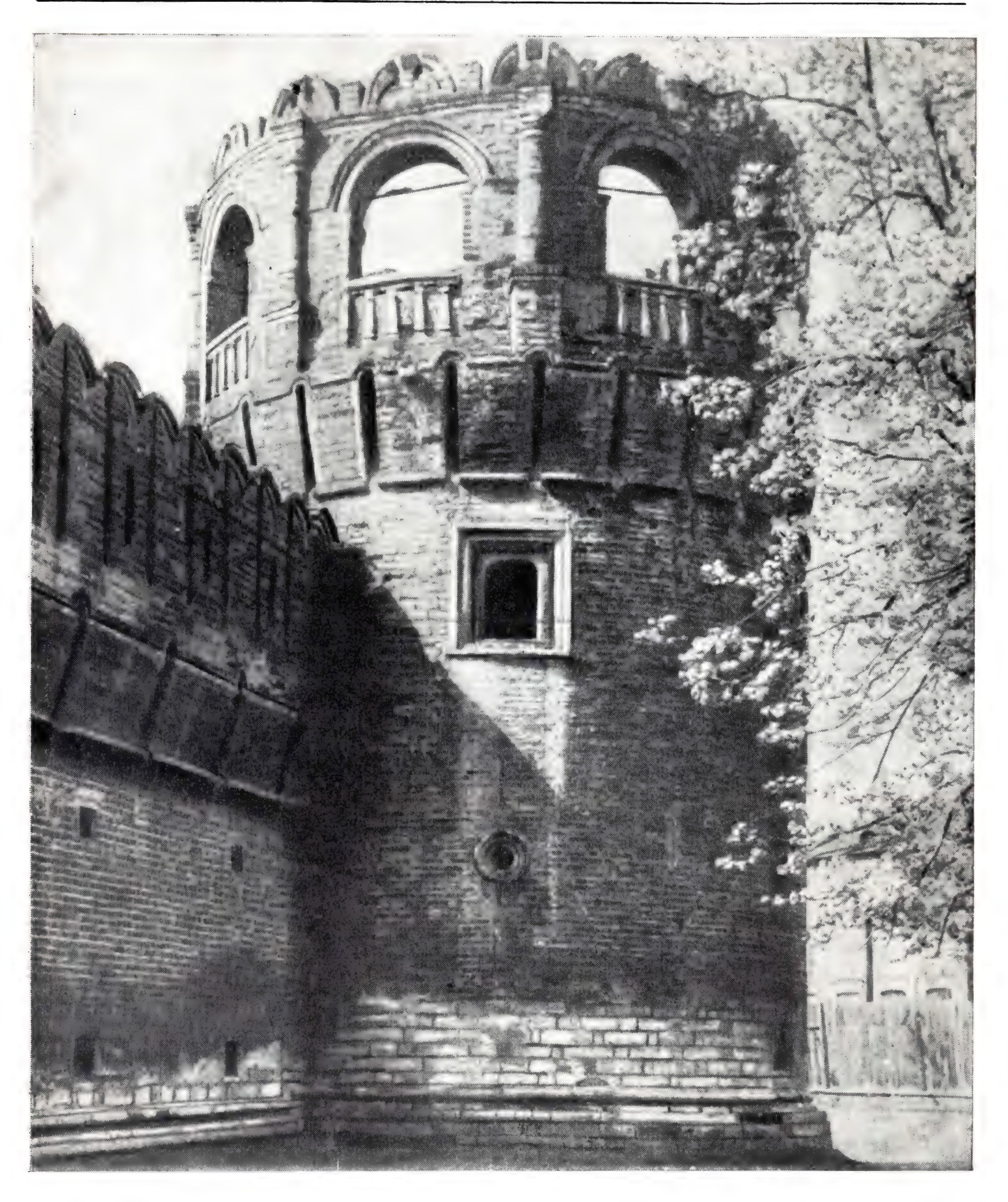
[1] ЦГАДА. Приказные дела старых лет, 1650 г., д. 30, л. 40; *Н. В. Устюгов.* Из истории металлургии Поморья в первой половине XVII в.— «Вопросы истории», 1946, № 2—3, стр. 128.

[2] *А. И. Заозерский.* Царская вотчина XVII в. М., 1937, стр. 105.

[3] *С. М. Соловьев.* История России, кн. 3, стр. 1102.

[4] *Н. И. Фальковский.* Указ. соч., стр. 229—230.

[5] *А. Олеарий.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906, стр. 207.

Крепостное строительство без контрфорсов. Угловая башня и часть стены б. Донского монастыря в Москве, XVII в.

В XVII в. появилось несколько руководств, обобщающих производственно-технический опыт. К их числу можно отнести «Книгу сошного письма 7137 (1628/29) г.»[1]. «Книгами сошного письма» снабжались писцы, отправляемые по городам и уездам для составления писцовых книг.

---

[1] Издана Г. Трехлетовым. — «Временник ОИДР», кн. 17, М., 1853, отд. 3, стр. 35—65.

В «Книге сошного письма 7137 г.» содержатся сведения о мерах земельных площадей и практические указания по измерению земель и исчислению окладных единиц — сох и вытей. «Книга» отражает уровень знаний русских людей XVII в. в области геометрии и практику их применения.

Таким же практическим руководством является и «Роспись, как зачать делать новая труба на новом месте» — памятник начала XVII в. [1] Эта «Роспись» была составлена в Тотьме «трубным мастером» Семеном, т. е. своего рода древнерусским горным инженером, специалистом по установке деревянных рассолоподъемных труб, при помощи которых извлекался соляной рассол из подземных соляных ключей. Тотьма — один из древнейших центров русского солеварения. Здесь соляные рассолы залегали наиболее глубоко. От «трубных мастеров» Тотьмы требовалось много труда и искусства в устройстве рассолоподъемных труб. Производственный опыт накапливался десятилетиями, и этот опыт тотемские мастера несли в другие районы. В «Росписи» с большой подробностью описаны деревянные трубы, их установка и способы бурения скважин, даны также перечень буровых инструментов и описание их устройства. Некоторые из них, например желонка [2], дожили до недавнего прошлого. Автор рукописи дает детальные указания, как вести работу на разных грунтах, с точным обозначением, какой из буровых инструментов наиболее пригоден для того или иного грунта. «Роспись» свидетельствует о знакомстве русских людей с принципами обсадного бурения [3], причем на большую глубину (до 90 саженей). «Роспись» отражает также уровень знаний русских людей в области геологии.

Интересным памятником, дающим представление о познаниях русских людей в области математики, физики и химии, является «Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки», выбранный из иностранных военных книг Онисимом Михайловым [4]. Содержание «Устава» сложно. В основе его первой части лежит «Воинская книга» М. Юрьева и И. Фомина. Эта книга представляет собой перевод второй части трехтомного труда Леонарда Фронспергера «Kriegsbuch», опубликованного на немецком языке во Франкфурте-на-Майне в середине XVI в. Перевод М. Юрьева и И. Фомина был выполнен в 1606 г. по указу царя Василия Шуйского. М. Юрьев и И. Фомин — повидимому, переводчики Посольского приказа.

М. Юрьев и И. Фомин не только переводили «Воинскую книгу», но и

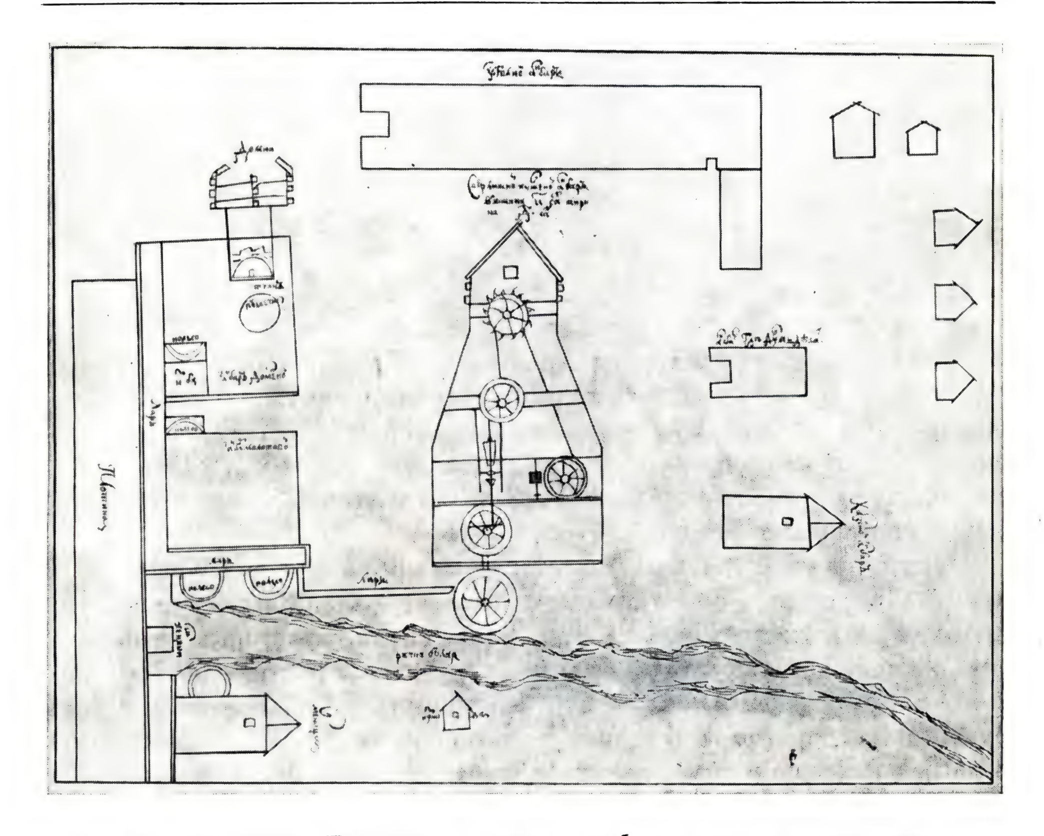
---

[1] Издана Д. И. Прозоровским под заглавием «Старинное описание соловаренного снаряда».— «Известия Археол. об-ва», т. VI, отд. 1, вып. 3, СПб., 1868, стр. 233—255.

[2] Желонка — буровой инструмент, разрыхляющий породу и имеющий камеру для извлечения земли из трубы.

[3] Обсадное бурение — бурение с погружением трубы в землю.

[4] Издан В. Г. Рубаном в Петербурге отдельной книгой в двух частях, ч. I — в 1775 г., ч. II — в 1781 г.

План звенигородского Павловского завода с изображением водяного двигателя. Из дел Тайного приказа 60-х—70-х годов XVII в.

Центральный государственный архив древних актов

добавляли кое-что от себя. Еще в большей степени это относится к О. Михайлову.

Используя главным образом книгу Л. Фронспергера, О. Михайлов не следует слепо своему оригиналу. Он дает иное и более систематическое распределение материала, вносит дополнения из других источников и собственных наблюдений. Сочинение, составленное О. Михайловым, преследует практические цели — дать руководство для пушкарей, русских артиллеристов XVII в. При этом практические навыки, приобретение мастерства в процессе выполнения своих обязанностей, он считает важнейшим условием работы пушкарей. Пушкарь, «который к тому делу не извык, — говорится в «Уставе», — и такой в пушкари не пригодится, хотя будет в нем всего света мудрость есть»[1].

Теоретической математики в «Уставе» по существу нет. Приводятся лишь решения геометрических задач на измерение расстояний. Задачи поданы в форме практических решений и притом без всяких математических доказательств. Уровень знаний в области физики и химии отражен

[1] «Устав», ч. 1, стр. 105.

в «Уставе» более обстоятельно. В частности, есть наблюдения над разницей удельного веса железа и свинца, имеются данные о способах уловления звука, о сопротивлении материалов. Более полны сведения из химии, знание которой было необходимо при производстве взрывчатых веществ. В «Уставе» подробно излагаются рецепты варки селитры и приготовления пороха и наблюдения над химическими реакциями, которые при этом происходят [1].

Познания в химии русские люди приобретали главным образом практическим путем. Они неизбежно сталкивались с химическими реакциями и в металлургии, и в металлообработке, в частности в обработке благородных металлов, и в других отраслях производства. Подсобные материалы, которыми пользовались русские мастера при изготовлении изделий из золота и серебра, — бура, нашатырь, квасцы, мыло, ртуть, — свидетельствуют о том, что им были известны химические реакции при обработке благородных металлов [2].

Опыт в изучении химических реакций обобщен и в руководствах по приготовлению красок, левкаса, олифы, чернил [3]. Мастера-живописцы прекрасно понимали значение обобщения опыта, некоторых теоретических знаний, помогающих осмыслить и улучшить практику живописного дела. Эта мысль очень настойчиво подчеркнута в Сийском иконописном руководстве чернеца Никодима второй половины XVII в. Живописец должен постоянно и упорно учиться, усваивать опыт более сведущих людей, а руководства, обобщающие этот опыт, помогут ему в приобретении необходимых знаний [4].

Помимо оригинальных, на Руси бытовали и переводные руководства, содержащие перечень разного рода химических рецептов, полезных и в обработке металлов, и в производстве взрывчатых веществ, и в живописи и т. п. Таково, например, «Сказание о всяких промыслех и указы об иконном мастерстве и о серебреном рукоделии и о иных вещех. Зри сам своими очима и вразумишь сам себе». Это руководство переведено, повидимому, с польского языка во второй половине XVII в. и сохранилось в списке XVIII в. [5]

---

[1] *Т. И. Райнов.* Наука в России XI—XVII веков. М.—Л., 1940, стр. 295—309.

[2] ЦГАДА. Приказные дела старых лет, 1654, д. 76, лл. 36—38.

[3] Большая коллекция таких руководств издана П. Симони под заглавием «К истории обихода книгописца, переплетчика и иконного писца при книжном и иконном строении. Материалы для истории техники книжного дела и иконописи, извлеченные из русских и сербских рукописей и других источников XV—XVIII столетий».— «Памятники древней письменности», вып. 161, СПб., 1906. Подробную характеристику этих руководств см. в работе: *В. А. Щавинский.* Очерки по истории техники живописи и технологии красок в древней Руси. М.—Л., 1935.

[4] «Неискусивыйся, сиречь без науки,— простолюдин: не весть полезного сочинити».— «Памятники древней письменности», вып. 161, стр. 197.

[5] *Н. А. Фигуровский.* Об одном старинном русском сборнике химических рецептов.— «Труды Ин-та истории естествознания», т. II, М.—Л., 1948, стр. 239—268.

Фронтиспис рукописного лечебника, конец XVII в.

Государственный Исторический музей

Ценные наблюдения в области ботаники имеются в так называемых «травниках» — своеобразных лечебниках, содержащих описание различных трав и их лечебных свойств, а также наставления по их собиранию и использованию. Такие лечебники сохранились в большом количестве как оригинальные, так и переводные[1]. Заимствуя сведения по медицине из западноевропейской литературы, русские люди вносили в переводные лечебники дополнения и изменения, прибавляли свои средства, испытанные на практике. Иногда даже дается указание, где эти средства можно достать. Так, в «Книге глаголемой лечебник» среди средств, полезных при желудочных заболеваниях, названа трава, растущая в воде и на дне прудов, и тут же прибавлено: «Много ея в Негленне [Неглинной] и у Чертольских ворот»[2]. В другом переводном лечебном руководстве русский редактор при упоминании мускатных орехов в качестве лечебного средства считает нужным прибавить, что и русские орехи можно использовать в медицине[3].

Когда в XVII в. развернулась деятельность Аптекарского приказа, в ведении которого находились царская аптека и приглашенные из-за границы врачи и аптекари, правительство широко использовало работу русских специалистов по сбору трав и приготовлению из них лекарств. Эти специалисты тоже назывались травниками. Они состояли на службе в Аптекарском приказе и доставляли в Москву разные травы и коренья. Дальнейшей обработкой этих трав ведали «алхимисты» и аптекари, иностранцы и русские. Среди русских «алхимистов» во второй половине XVII в. получил известность Тихон Ананьин. Имел он и учеников, причем у него учились аптекарскому делу и два его сына. Неизвестно, знал ли

[1] *Л. Ф. Змеев.* Русские врачебники.— «Памятники древней письменности», вып. 112, СПб., 1896.

[2] Там же, стр. 189.

[3] Там же, стр. 149.

сам Тихон Ананьин латинский и немецкий, но он требовал, чтобы его дети и ученики изучали эти языки. То обстоятельство, что изготовление наиболее сложных и ценных лекарств для царской аптеки поручалось именно Тихону Ананьину, а не иностранцам, свидетельствует о наличии у него больших знаний в области ботаники, химии и фармакопеи[1].

В это же время работал русский лекарь Иван Венедиктов, начавший свою врачебную карьеру лекарским учеником в Аптекарском приказе. Впоследствии он был лекарем в полках князя Г. Г. Ромодановского на Украине. После Чигиринских походов он жил в Москве и занимался медицинской практикой. Венедиктов составил «Фармакопею» — компилятивный труд, дополненный сведениями, приобретенными во время собственной практики[2].

В самом конце XVII в. (1696) появился лечебник, составленный Афанасием, архиепископом Холмогорским. Лечебник содержит описание болезней и перечень рекомендуемых в каждом случае средств, большинство которых заимствовано из народной медицины[3].

Все это свидетельствует об интересе русских людей XVII в. к техническим и естественно-научным знаниям.

* * *

Русские издавна интересовались астрономией, что вызывалось практическими потребностями — необходимостью точных календарных исчислений, важных в первую очередь для хозяйственной деятельности. С другой стороны, порядок суточного исчисления времени в древней Руси отличался от современного. Деление суток на 24 часа не применялось. Отдельно велся счет дневных и ночных часов, причем гранью между днем и ночью считался восход и закат солнца. Это также вызывало интерес к астрономическим наблюдениям с целью их практического использования. Наконец, астрономические наблюдения использовались и для определения дней переходящих церковных праздников, связанных с празднованием пасхи.

Большинство рукописей астрономического содержания, бытовавших в Москве в XVII в., представляет собой переводы или компиляции из работ иностранных авторов. Астрономические воззрения авторов этих работ исходили из птоломеевского положения, что Земля является центром вселенной. Наиболее распространенными из таких переводов и компиляций были «Притча о царе, годе и временах года» и «Из астрономии с немецких переводов». Первое из этих произведений имеет раздел, специально посвященный смене времен года.

---

[1] *П. М. Лукьянов.* История химических промыслов и химической промышленности России до конца XIX века, т. I, М.—Л., 1948, стр. 23—29.

[2] *Л. Ф. Змеев.* Указ. соч., стр. 116—121.

[3] *В. Верюжский.* Афанасий, архиепископ Холмогорский. Его жизнь и труды. СПб., 1908, стр. 650—652; *Л. Ф. Змеев.* Указ. соч., стр. 133—134.

В середине XVII в. появляется на Руси первое изложение взглядов Н. Коперника в переводном четырехтомном труде В. и И. Блеу «Theatrum orbis terrarum, sive Atlas novus, in quo tabulae et descriptiones omnium regionum» («Позорище всея вселенныя, или Атлас новый, в нем же начертания всея вселенныя и описания всех частей ея»)[1].

Во вводной части первого тома этого сочинения помещено изложение гелиоцентрической системы Коперника. Е. Славинецкий, переводчик первого тома, воздерживается от какой бы то ни было ее оценки. Он сохраняет в переводе замечание Блеу, что системы Коперника придерживаются «изящнейшие (praestantissimi) математики». То обстоятельство, что система Коперника была осуждена католической церковью, в русском переводе не указано.

Другой книгой, содержащей изложение системы Коперника, был в Москве XVII в. перевод работы данцигского астронома Иоганна Гевелия «Селенография» («Описание Луны»), изданной на латинском языке в 1647 г. Русский перевод появился, повидимому, в середине 70-х годов XVII в. Неизвестный переводчик подчеркнул в своем предисловии светский характер астрономии как науки[2].

Перевод «Селенографии» сохранился в единственном списке[3] и, очевидно, не был широко известен. Во всяком случае в русской работе — «Шестодневе» холмогорского архиепископа Афанасия, написанной в последней четверти XVII в. и затрагивающей вопросы астрономии, мировоззрение Коперника не отразилось. Афанасий исходит из геоцентрической системы Птоломея. Правда, он не разделяет общепринятого мнения древней Руси о плоской Земле. Для него Земля шарообразна. Но центр мира — Земля, и всем светилам небесным назначен определенный путь вокруг Земли. «Шестоднев» Афанасия представляет собой попытку соединить астрономические теории, господствовавшие в то время в Западной Европе, с библейским учением о сотворении мира[4].

В Русском государстве XVII в. были известны астрономические приборы. Изобретение подзорной трубы в Голландии в 1608 г. очень быстро распространилось по Европе. Г. Галилей приспособил эту трубу для астрономических наблюдений. В первые годы XVII в. подзорная труба попала и в Русское государство. Наиболее раннее свидетельство об этом относится к 1614/15 г. В этом году для молодого царя Михаила была куплена у гостя Михайла Смывалова трубочка, «что дальнее, а, в нее смотря, видитца блиско»[5]. В начале 30-х годов XVII в. в Царской мастерской палате

[1] *Б. Е. Райков.* Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России. М.—Л., 1947, стр. 120—124.

[2] *Т. И. Райнов.* Наука в России XI—XVII вв., стр. 432—455.

[3] В настоящее время эта рукопись хранится в Академии наук Литовской ССР в Вильнюсе (*С. Л. Соболь.* Оптические инструменты и сведения о них в допетровской Руси.— «Труды Ин-та истории естествознания», т. III, М.—Л., 1949, стр. 157).

[4] *В. Верюжский.* Указ. соч., стр. 633—650.

[5] *С. Л. Соболь.* Указ. соч., стр. 138—139.

«Звездозаконник». Гравюра из букваря Кариона Истомина, 1694 г.

было уже три подзорных трубы разного размера, которые использовались для наводки и корректирования артиллерийской стрельбы. Аналогичные данные имеются и для середины XVII в.[1] Архиепископ Афанасий имел в своей казне семь «трубок окозрительных», специально купленных для него в Архангельске[2]. Есть сведения о покупке зрительных труб и другими лицами[3].

Большой интерес к астрономии сказался и в факте приглашения царем Михаилом А. Олеария на службу в качестве астронома. Известно, что Олеарий не принял этого приглашения[4].

Русские люди наблюдали за ходом комет, что отмечено в летописных памятниках. Появление кометы с большим хвостом в декабре 1680 г. упомянуто в различных источниках, свидетельствующих о производстве наблюдений в разных местах. Об этом говорят и московские хронографы, и Двинская летопись, и Галицко-русская, и «Летопись Самовидца». Есть и попытки определить длину хвоста кометы в градусах, т. е. суммировать итоги чисто астрономических наблюдений, и зарисовать комету[5].

Этот интерес к светскому знанию, в частности к естественным наукам, осуждался церковью. Церковь, занимая реакционную позицию в вопросах культуры, боролась против свободы мысли, против стремления к светским наукам. В школьных прописях, распространявшихся духовенством, резко осуждалось такое стремление: «Не ищи, человече, мудрости, ищи кротости: аще обрящеши кротость, то и одолееши мудрость; не тот мудр, кто много грамоте умеет, а тот мудр, кто много добра творит».

---

[1] *С. Л. Соболь.* Указ. соч., стр. 141—142, 150—156.

[2] *В. Верюжский.* Указ. соч., стр. 474, прим.

[3] *В. Л. Ченакал.* Очерки по истории русской астрономии. М.—Л., 1951, стр. 10—14.

[4] Там же, стр. 16—17.

[5] *Д. О. Святский.* Комета 1680 г. в России.— «Мироведение», т. XVIII, 1929, № 6, стр. 350—353.

Еще более резко такое противопоставление дано в другой прописи: «Аще кто тя воспросит, веси ли всю философию, ты же ему противо того отвещай: учился буквам, еллинских же борзостей не текох, риторских астрономов не читах, ни с мудрыми философы в беседех не бывах, философию ниже очима видех; учуся книгам благодатного закона, аще бо мощно моя грешная душа очистити от грех»[1].

Но эти церковные запреты могли лишь несколько задержать, замедлить стремление к светскому знанию, но искоренить его они были бессильны. Медленно, но неуклонно светское мировоззрение пробивало себе путь, одерживало верх над церковной реакционной схоластической культурой.

* * *

В течение XVII в. русские люди сделали ценнейшие географические открытия, значительно расширившие представления о территории Русского государства, составили несколько описаний восточных стран и тем самым внесли свой очень большой вклад в мировую географическую науку.

Еще на рубеже XVI и XVII вв. была составлена общая карта Русского государства. В основе этой карты лежали «чертежи» (карты) отдельных районов. Этот так называемый «Старый Чертеж» не сохранился. В 1627 г. был составлен «Новый Чертеж» «полю», охватывавший территорию между левыми притоками Днепра и правыми притоками Дона до Черного моря со включением Крымского полуострова. В том же году в Разряде была составлена «Книга Большому Чертежу», содержащая перечень городов с указанием расстояний между ними и краткие этно-географические сведения. «Книга Большому Чертежу» предназначалась для наведения справок при выполнении служебных посылок, но ее значение гораздо шире этой практической задачи. Она служила средством к географическому познанию родной страны. Поэтому она прочно вошла в состав научно образовательной литературы XVII в. и сохранилась в большом количестве списков (48).

«Чертежи»— старый и новый — не перечерчивались в течение XVII в., но сведения «Книги Большому Чертежу» неоднократно на протяжении XVII в. пополнялись новыми данными о вновь обследованных районах. Полной переработки «Книги Большому Чертежу» произведено не было, хотя первоначальный текст ее был неполон, а в отдельных частях явно устаревал[2].

Пользовалась известностью и карта Русского государства, составленная в начале XVII в. царевичем Федором Борисовичем Годуновым.

---

[1] *В. О. Ключевский*. Западное влияние и церковный раскол в России XVII в.— «Очерки и речи. Второй сборник статей», Пг., 1918, стр. 408—409.

[2] «Книга Большому Чертежу», под ред. К. Н. Сербиной, М.—Л., 1950, стр. 3—7.

Поскольку не сохранились ни эта карта, ни «Старый Чертеж», то трудно сказать, в каком отношении они находились друг к другу.

В XVII в. были распространены различные географические справочники. К их числу относятся так называемые «Поверстные книги», составлявшиеся в Ямском приказе для исчисления прогонов, платимых ямщикам. «Поверстные книги» содержали указание дорог, идущих от Москвы в разных направлениях, и перечни населенных пунктов и расстояний между ними. В тех же книгах были и общие географические сведения и списки важнейших иностранных городов с указанием их расстояния от Москвы и путей, которыми можно попасть в тот или иной город[1].

Крупных успехов достигла русская географическая мысль XVII в. в изучении Сибири и восточных стран. Правительственными центрами, где объединялись и обобщались географические наблюдения, являлись два приказа — Посольский и Сибирский. Из первого направлялись посольства в иностранные государства. Послы получали наказы об описании тех стран, которые они посещали. В Посольский же приказ поступали их статейные списки, содержащие такие описания. Здесь же составлялись и литературные произведения, основанные на материалах, собранных посольствами. В Сибирском приказе обобщались географические материалы, собранные сибирскими «мореходцами» и «землепроходцами». В Сибирский же приказ поступали статейные списки посольств, отправлявшихся тобольскими, томскими и якутскими воеводами к соседним кочевым народам. Эти статейные списки содержали ценные сведения о степных народах—соседях Русского государства.

К началу XVII в. была обследована только Западная Сибирь. В XVII в. началось дальнейшее движение на восток. Крупнейшие географические результаты дали походы казака Реброва и служилого человека Ильи Перфильева, прошедших в 1633—1636 гг. по р. Лене до ее устья и дошедших морем до устья рек Яны и Индигирки, Михаила Стадухина — по Индигирке до ее устья и морем до Колымы (1641), Курбата Иванова на Байкал (1643), письменного головы Василия Даниловича Пояркова к побережью Охотского моря (1643—1646), Федота Алексеева Попова и Семена Иванова Дежнева, прошедших морем из Ледовитого океана в Тихий к устью Анадыря (1648) и доказавших наличие морского пролива между Азией и Америкой, Ерофея Павловича Хабарова, прошедшего по Амуру до Охотского моря (1647—1651) и др.[2] Таким образом, русские «мореходцы» и «землепроходцы», в основном мелкие служилые и торговые люди, в течение первой половины XVII в. прошли всю Сибирь и Забайкалье и вышли к побережью Тихого океана.

Служилые и торговые люди, попадая в неизведанные районы, составляли их описания и делали «чертежи», т. е. географические карты. В опи-

---

[1] *В. А. Петров.* Географические справочники XVII в.— «Исторический архив», т. V, М.—Л., 1950, стр. 74—165.

[2] *Д. М. Лебедев.* География в России XVII в. М.—Л., 1949, стр. 49—75.

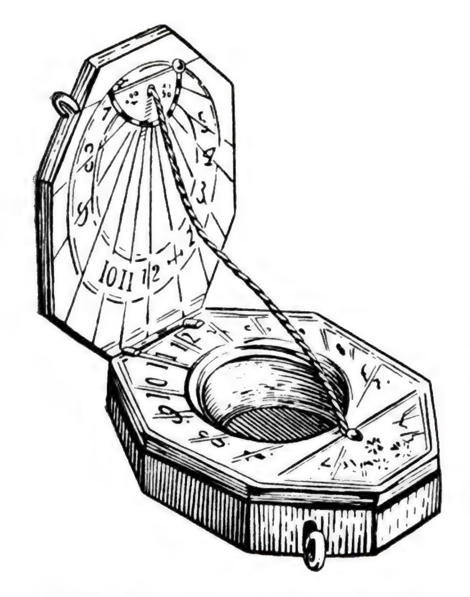
саниях главное внимание обращалось на население этих районов, его хозяйство и природные богатства, в частности на полезные ископаемые. «Чертежи», конечно, далеко не соответствовали требованиям, какие предъявляются к современным географическим картам, но они давали достаточно точное представление о вновь открытых районах и имеют большую ценность как плод самостоятельной русской географической мысли и картографической техники XVII в. Вершиной географических достижений русских людей XVII в. является «Чертежная книга Сибири», законченная составлением в 1701 г. по решению правительства, принятому в 1696 г. Ее автором был тобольский сын боярский Семен Ульянович Ремезов, крупный географ и историк Сибири. «Чертежная книга Сибири»— это атлас, состоящий из 23 карт: г. Тобольска, 18 сибирских уездов, общей карты Сибири, карты «безводной и малопроходной каменной степи» по южной границе Сибири, карты северной части Русского государства и этнографической карты Сибири. «Чертежная книга Сибири» представляет собой обобщение всех предшествовавших работ в этой области и выгодно отличается от современных ей западноевропейских карт стремлением к разносторонней характеристике природных особенностей различных районов и их экономического значения[1].

Крупное значение для познания сопредельных с Русским государством стран, главным образом восточных, имели статейные списки, т. е. отчеты посольств, направлявшихся из Москвы и сибирских городов в эти страны. В наказах этим посольствам московское правительство и сибирские воеводы предписывали интересоваться путями в ту страну, куда они направлялись, ее природными ресурсами, в первую очередь полезными ископаемыми, занятиями жителей, военными силами государства, возможностью установить постоянные торговые и дипломатические отношения. Руководствуясь этими наказами, послы вели подробную запись всего того, что они видели, причем главное внимание обращали на хозяйственную и политическую жизнь тех стран, которые они посещали. Особенно ценными в географическом отношении явились статейные списки посольств в Китай томского казака Ивана Петлина (1618—1619), сына боярского Федора Байкова (1654) и переводчика Посольского приказа молдаванина Николая Гавриловича Спафария-Мелеску (1675).

Одной из задач посольства Спафария было подробное описание русских владений в Сибири, а затем и Китая. В соответствии с поставленными задачами был подобран и состав посольства. Кроме самого Спафария, в Китай поехали два дворянина — Федор Павлов и Константин Гречанин в качестве его свиты, грек Спиридон Евстафиев «для знания каменья», грек Иван Юрьев «для лекарства», т. е. люди, знакомые с минералогией и медициной, и, наконец, двое подьячих — Никифор Венюков и Иван Фаворов. Выбор этих подьячих не случаен. Оба они имели отношение

---

[1] *Д. М. Лебедев.* Указ. соч., стр. 28—34; *А. И. Андреев.* Очерки по источниковедению Сибири. XVII век. Л., 1939, стр. 45—91.

Солнечные компасные часы начала XVII в., найденные на берегу залива Симса.
Музей Арктики в Ленинграде

к вопросам географии и картографии. Никифору Венюкову приписывается составление появившейся в 80-х годах XVII в. книги «Описание новые земли, сиречь Сибирского государства, в которое оно время и каким случаем досталось за Московское государство, и какое той земле положение»[1]. Для составления такого историко-географического очерка была нужна известная широта кругозора, знакомство с историческими и географическими материалами. Другой подьячий — Иван Фаворов, повидимому, был включен в состав посольства как картограф, так как известно, что в конце XVII в. ему поручались картографические работы. В 1695 г., например, накануне первого Азовского похода он составлял карты нижнего течения Дона и северного побережья Черного моря, т. е. будущего театра военных действий[2].

Один из образованнейших людей своего времени, Спафарий, вел не только простую запись виденного и слышанного, но и сопоставлял свои наблюдения со сведениями, почерпнутыми из западноевропейской географической литературы, и вносил уточнения. Научным результатом посольства Спафария явились его дорожный дневник, две его книги: «Описание первыя части вселенныя, именуемой Азии, в ней же состоит Китайское государство с прочими его городы и провинции» и «Сказание о великой реке Амуре, которая разгранила русское селение с китайцы», и, наконец, статейный список посольства. Сюда же нужно присоединить и вышеназванную книгу Никифора Венюкова. Были составлены и географические карты, которые не сохранились.

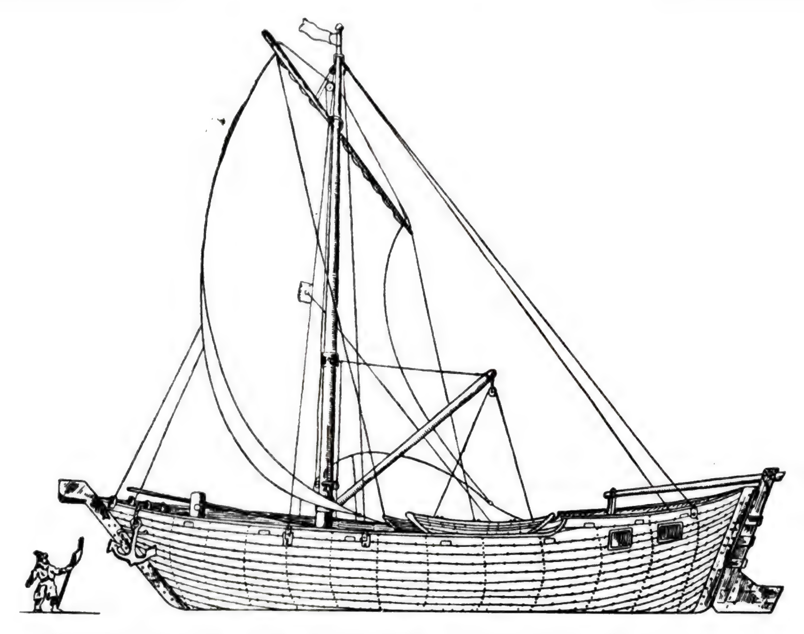
Научная ценность трудов Спафария заключается прежде всего в большой подробности описания виденных им стран, в частности Китая. Природа страны, население, его хозяйство, государственное устройство, армия — все это нашло отражение в книгах Спафария. Одной из центральных тем книги Спафария о Китае является хозяйство страны — земледелие, скотоводство, промыслы, торговля и торговые связи китайцев. Такой полноты сведений о Китае до Спафария не сообщал никто[3].

---

[1] *Д. М. Лебедев.* Указ соч., стр. 129, 200.

[2] ЦГАДА. Приказные дела старых лет, 1695 г., д. 61, лл. 1—2; 1696 г., д. 336, л. 94.

[3] *Д. М. Лебедев.* Указ. соч., стр. 127—164.

Русское мореходное промысловое судно «коч». Реконструкция.

Из общегеографических вопросов русских людей XVII в. интересовал вопрос о возможности морского пути в Индию. Об этом неоднократно встречаются упоминания в русских географических работах. Экспедиция Ф. А. Попова и С. И. Дежнева прошла через Берингов пролив и тем самым доказала наличие такого водного пути.

Русские географические открытия XVII в. и описания обследованных земель внесли ценный вклад в мировую географическую науку. В вопросах изучения Азии русские люди далеко опередили западноевропейских географов. Вот почему иностранные путешественники и географы проявляли огромный интерес к русским географическим материалам, сосредоточенным в Посольском и Сибирском приказах, и всякими законными и незаконными способами стремились получить к ним доступ. Статейные списки Ивана Петлина и Федора Байкова, сочинения Спафария, а также русские географические карты сделались известными в Европе.

В основу карты Восточной Европы Герритса легла карта Русского государства, составленная по чертежу Ф. Б. Годунова. Ряд западноевропейских географических работ, посвященных Восточной Европе, основан на русских материалах. В первую очередь следует назвать работу амстердамского бургомистра Н. Витсена «Северная и Восточная Татария», напечатанную в Амстердаме в 1692 г. Голландец И. Масса, француз Невилль, англичанин С. Коллинс, швед И. Кильбургер, француз-иезуит Ф. Авриль и многие другие пользовались русскими географическими материалами.

В накоплении географических знаний участвовали и русские образованные люди XVII в., какими были подьячие и переводчики Посольского

приказа, и малограмотные, а порой и неграмотные служилые и торговые люди[1].

Русские люди живо интересовались и иностранными работами по географии. Этот интерес сказался в широком распространении известной «Книги, глаголемой Космография» Меркатора, заключавшей в себе «Описание всего света земель и государств великих». В 1655—1657 гг. был переведен четырехтомный атлас В. и И. Блеу, о чем уже упоминалось. В царском дворце и в домах состоятельных людей, особенно в столице, были глобусы и собрания иностранных географических карт[2].

* * *

В XVII в. продолжалось развитие научно-исторической мысли. Среди произведений исторического содержания следует различать, во-первых, такие, которые отражают официальную или официозную трактовку исторических событий, и, во-вторых, произведения, хотя и написанные с позиций господствующего класса, но не находящиеся в прямой зависимости от официальной точки зрения.

К первой группе исторических работ, появившихся после ликвидации Крестьянской войны и интервенции, относятся произведения, которые ставили задачей обосновать права новой династии Романовых на русский престол. Вместе с тем они содержали апологию феодально-крепостнического режима.

Первым обобщающим трудом, дающим обзор и оценку событий начала XVII в. с точки зрения новой династии, была «Грамота утвержденная об избрании на Российский престол царем и самодержцем Михаила Федоровича Романова-Юрьевых». Это искусная литературная компиляция, составленная на основе грамоты 1598 г. об избрании Бориса Годунова и ряда повестей начала XVII в. Она была выполнена по поручению Земского собора 1612—1613 гг. и имела целью доказать, что только М. Ф. Романов мог быть избран на престол. В «Грамоте утвержденной» старательно скрыты связи Романовых с самозванцами, а также с боярским правительством во время оккупации Кремля интервентами. Своим риторическим стилем «Грамота» примыкает к «торжественному стилю панегиристов московского единодержавия XV—XVI вв.»[3]

Около 1630 г. появилось произведение, которое содержит изложение событий конца XVI и начала XVII в. Это «Книга, глаголемая Новой Летописец»[4]. «Новой Летописец» в известной мере продолжает старую

---

[1] *Д. М. Лебедев.* Указ. соч., стр. 75.

[2] Более подробно о русских географических работах XVII в. см. *Д. М. Лебедев.* Указ. соч.

[3] «История русской литературы», т. II, ч. 2, М.—Л., 1948, стр. 47.

[4] ПСРЛ, т. XIV, первая половина. СПб., 1910, стр. 23—154.

Карта Восточной Европы, гравированная Герритсом в 1614 г. для ге

сом в 1614 г. для географического атласа Блавиана по чертежу, составленному Ф. Т. Годуновым.

…афического атласа Блавиана по чертежу, составленному Ф. Т. Годуновым.

летописную традицию. В нем существование самодержавия обосновывается божественным предопределением: «бог не токмо царство, но и власть, кому хощет, тому дает». Из этого основного тезиса вытекает второй — наследственность царской династии, получившей санкцию божественного промысла. И, наконец, права царствующей династии подтверждаются всенародным признанием: божественный промысел вложил мысль об избрании Михаила Романова «не токмо в вельможи или в служивые люди, но и в простые во все православные крестьяне и в сущие младенцы»[1]. Здесь несомненное искажение действительности. Под «всенародным» признанием следует понимать поддержку новой династии Земским собором, состоящим в основном только из представителей господствующего класса — дворянства и верхушки посадского населения.

В соответствии с общей задачей — обосновать права Романовых на престол автор «Нового Летописца» видит главную причину «Смуты» в прекращении царствующей династии — в насильственной смерти царевича Дмитрия — и в опале, положенной Б. Ф. Годуновым на семью Романовых, ближайших родственников последнего царя. Следствием прекращения законной династии явилось движение социальных низов, направленное против своих господ: «пострадахом и убьении бихом ни от неверных, но от своих раб и крестьян поругаеми и убиваеми»[2]. «Боярский человек» и «пашенный мужик» стали выступать претендентами на престол, выдавая себя за его законных наследников. Дальнейшее развитие событий привело к нашествию иноземных захватчиков. В общем очерке развития событий начала XVII в., по изложению «Нового Летописца», периоды борьбы династической и борьбы социальной завершаются в заключительной стадии национальным движением. Последнее рассматривается как движение за православие, укрепление феодального режима и воцарение Романовых, ближайших родственников старой династии[3].

В этом плане автор «Нового Летописца» много внимания уделяет личности митрополита Филарета, который рисуется чертами непоколебимого борца за православие и народность. Связи Филарета с обоими Лжедмитриями старательно обойдены. Анализ текста «Нового Летописца» приводит к заключению, что это произведение появилось в кругах, близких к патриарху Филарету, возможно, что оно было им и отредактировано.

При составлении «Нового Летописца» были использованы «Утвержденная грамота» об избрании М. Ф. Романова, документы Посольского приказа, повести и сказания, освещающие события конца XVI — начала XVII в., в частности «Сказание» Авраамия Палицына. Составитель производит тщательный отбор источников, отметая все, что в той или иной мере не отвечает поставленной им задаче. С другой стороны, он отмечает

[1] ПСРЛ, т. XIV, первая половина, стр. 129.

[2] Там же, стр. 71.

[3] *Л. В. Черепнин.* «Смута» и историография XVII в. — «Исторические записки», № 14, стр. 84—85.

мельчайшие черты, при помощи которых можно оттенить положительную роль Филарета и Романовых[1].

«Новый Летописец» содержит лишь обоснование прав новой династии на русский престол, для составления же дальнейшей официальной и притом явно тенденциозной истории царствующей династии было создано в 1657 г. специальное учреждение — Записной приказ во главе с дьяком Тимофеем Кудрявцевым. Задачей этого приказа было продолжение «Степенной книги» XVI в.: «записывати степени и грани царственные» со времени царя Федора Ивановича по 7166 (1657/58) г. В 1659 г. Записной приказ был поручен дьяку Григорию Кунакову. Предполагалось, что приказ поведет свою работу на основании разнообразных источников, извлеченных из архивов Посольского, Разрядного и других приказов, а также собранных у частных лиц. Смерть Г. Кунакова в том же 1659 г. оборвала деятельность Записного приказа[2]. Но самая мысль о составлении новой «Степенной книги» не была оставлена. В 60-х годах XVII в. дьяк Разрядного приказа Федор Грибоедов составил, по царскому указу, исторический труд, озаглавленный: «История, сиират повесть или сказание вкратце, о благочестивно державствующих и свято поживших боговенчанных царей и великих князей, иже в Рустей земли богоугодно державствующих»[3].

Семнадцать первых глав книги Ф. Грибоедова представляют собой сокращенное изложение Степенной книги XVI в., далее идет речь о Федоре Ивановиче и последующих московских царях до 1667 г. Таким образом, этот труд является Степенной книгой, включающей и династию Романовых. Целью книги, содержащей генеалогическое перечисление лиц царствующего дома с присоединением витиеватых похвал им, было выведение рода московских государей от единого «корени», установление непосредственных связей новой династии с прежней.

«Новый Летописец» заканчивался рассказом об избрании М. Ф. Романова и возвращением Филарета из польского плена и не касался последующих событий XVII в. В правительственных кругах неизбежно должен был встать вопрос о продолжении этого произведения, об официальной оценке последующих событий. Первое из таких продолжений — «Летопись о многих мятежах», включающая текст «Нового Летописца» и записи событий до половины XVII в.[4] Ее появление обычно относят к концу 50-х годов XVII в. В середине XVII в. появилась и иная редакция «Нового Летописца», имеющая литературные отличия от первоначаль-

---

[1] *Л. В. Черепнин.* Указ. соч., стр. 86—103.

[2] *С. А. Белокуров.* О Записном приказе,— «Чтения ОИДР», 1900, кн. 3, отд. II, стр. 53—81.

[3] Эта книга издана в «Памятниках древней письменности», вып. CXXI, СПб., 1896, под заглавием: «Федора Грибоедова история о царях и великих князьях земли Русской».

[4] «Летопись о многих мятежах», М., 1788.

ного текста и продолженная до середины XVII в.[1]. Наконец, в 80-х годах XVII в. появился «Летописец», включающий текст «Нового Летописца» 1630 г. с продолжениями по 1686 г. и с полным текстом договора 1686 г. о «вечном мире» с Польшей. Можно предполагать, что это продолжение составлено в Посольском приказе при князе В. В. Голицыне[2].

Все эти произведения сохранились в большом количестве списков, причем владельцами их были лица, принадлежавшие к разнообразным кругам русского общества. Так, один из списков «Летописца» 1686 г. имеет надпись о покупке его 17 мая 1689 г. иконником Максимом Федоровым у дьякона Чудова монастыря Романа[3].

Таким образом, общественно-политическая идеология, лежащая в основе перечисленных исторических трудов, имеет классовый характер. Использованный в них исторический материал искусственно подобран и истолкован в плане обоснования идеи незыблемости феодально-крепостнического строя и царского самодержавия как органа господства класса феодалов над угнетенными народными массами. Правительство усиленно пропагандировало эти идеи, внедряло их в сознание возможно широких общественных кругов и достигало известных успехов в этом направлении.

Кроме таких официальных, точнее, официозных исторических работ, в Русском государстве XVII в. появился ряд исторических произведений, посвященных отдельным наиболее ярким событиям прошлого. Написанные с классовых позиций дворянства, они тем не менее не имеют строго официозного характера, в них апология самодержавия не выступает с такой откровенностью. Здесь в первую очередь следует назвать «Сибирские летописи», рассказывающие о присоединении Сибири и положении новой «Сибирской страны» в рамках Русского государства.

Начало составления сибирских летописей обычно связывается с открытием в Сибири архиепископии. В 1621 г. в Тобольск был назначен первый архиепископ Киприан. Прибыв в Тобольск, он прежде всего вспомнил покорителя Сибири Ермака и его товарищей как возможных патронов новой архиепископской кафедры и отдал распоряжение о сборе сведений о походе Ермака. В ответ на это распоряжение казаки «принесоша к нему написание, како приидоша в Сибирь, и где у них с погаными бои были, и где казаков и какова у них имянем убили». На основании этого написания в Тобольске был составлен Синодик, в котором содержалось описание подвигов Ермака и казаков и имена погибших в борьбе за присоединение Сибири[4].

---

[1] Эта редакция представлена списком князя М. А. Оболенского.— «Временник ОИДР», кн. 17, М., 1853, отд. 2, стр. 1—208.

[2] *Л. В. Черепнин.* Указ. соч., стр. 100—119.

[3] Там же, стр. 116—117.

[4] «Сибирские летописи», СПб., 1907, стр. 162—164, 353; *С. В. Бахрушин.* Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. М., 1927, стр. 4—5; см. также: Научные труды, т. III, ч. 1, стр. 19—20.

В 1636 г. архиепископский подьячий Савва Есипов составил свою книгу «Сибирское царство и княжение и о взятии», которую он назвал Летописью[1]. Этот труд получил в науке название «Есиповской летописи». С. Есипов использовал «Казачье написание», Синодик Киприана и некоторые местные источники, повидимому устные рассказы как русские, так и татарские. Весь этот материал Есипов переработал, дополнил и разукрасил витиеватым стилем. Он заботился не столько о том, чтобы дать точное изложение исторических фактов, сколько о том, чтобы его рассказ был занимателен. Произведение Есипова, таким образом, стоит на грани между исторической и литературной работой. Его цель— «прославить новую христианскую землю Сибирь и окружить ореолом мученичества ее покорителей». Труд Есипова отвечал «потребности в литературно составленном житии нового патрона Сибирской кафедры»[2]. Летопись Есипова — первая работа по истории Сибири.

Второй подобной работой является книга «О взятии Сибирския земли», написанная неизвестным автором и получившая в науке название «Строгановской летописи». Составление Строгановской летописи относится к концу 60-х — началу 70-х годов XVII в.[3] Тенденция Строгановской летописи совершенно ясна. Автор стремится подчеркнуть активное участие Строгановых в организации похода Ермака и покорении Сибири. Он пользуется теми же источниками, что и С. Есипов. Возможно, что и Есиповская летопись была одним из его источников. Кроме того, автор привлек для своей работы подлинные грамоты из архива Строгановых. Это сообщает точность многим фактам, приведенным в Летописи. Но в то же время есть в ней и прямая фальсификация. Летопись составлялась в то время, когда Г. Д. Строганов заявил свои претензии на безраздельное господство в Пермском крае и пытался очень широко толковать жалованные грамоты его предкам, не останавливаясь перед фальсификацией документов путем внесения дополнений в древние грамоты. Так же поступает и автор Строгановской летописи[4].

---

[1] «Сибирские летописи», стр. 169 и сл.

[2] «История русской литературы», т. II, ч. 2, стр. 93; *С. В. Бахрушин.* Указ. соч., стр. 14—15; см. также: Научные труды, т. III, ч. 1, стр. 29—30.

[3] В исторической науке существует давний спор о том, какая из сибирских летописей является древнейшей—Есиповская или Строгановская. Многие ученые, в том числе Н. М. Карамзин и С. М. Соловьев, считали древнейшей летописью Строгановскую и относили ее составление к самому началу XVII в. В последнее время эту точку зрения защищал С. В. Бахрушин. Но еще в середине XIX в. было высказано мнение, что Строгановская летопись составлена во второй половине XVII в. В 20-х годах XX в. это мнение было обстоятельно обосновано А. М. Ставрович, считавшей, что Строгановская летопись составлена в конце 60-х — начале 70-х годов XVII в., когда Г. Д. Строганов добивался подтверждения жалованных грамот, данных его предкам, и подчеркивал заслуги Строгановых перед государством (*А. И. Андреев.* Очерки по источниковедению Сибири. XVII век. Л., 1939, стр. 133).

[4] *А. И. Андреев.* Указ. соч., стр. 139—140; *С. В. Бахрушин.* Указ. соч., стр. 13—14; см. также: Научные труды, т. III, ч. 1, стр. 27—29.

Несравненно выше по приемам обработки источников и по богатству конкретного содержания стоит «История Сибирская» С. У. Ремезова, получившая в науке название «Ремезовской летописи». Ее автором был уже упоминавшийся тобольский сын боярский С. У. Ремезов[1]. «История Сибирская» была написана в конце 90-х годов XVII в. Автор знает работы своих предшественников, собирает новые материалы и на основании этих данных составляет свой труд. Использует он и Есиповскую летопись. Дополнительно Ремезов привлекает архивные материалы Тобольской съезжей избы, «Казачье написание», устные рассказы как русского, так и нерусского происхождения, наконец, результаты своих собственных наблюдений и исследований, полученные во время его занятий этнографией и картографией Сибири. Автор сопоставляет сведения, добытые из разных источников, отвергает то, что ему представляется сомнительным, и выбирает достоверное. Так, он уточняет продолжительность похода Ермака. По Есиповской летописи получилось, что Ермак, выступив в поход в сентябре, уже 26 октября взял Искер, столицу Кучума. Поход длился, таким образом, около двух месяцев, что совершенно невероятно. Ремезов сохраняет ту же дату взятия Искера—26 октября, но на следующий год. За это время Ермак, по Ремезову, двигался по сибирским рекам, воевал с пелымским князем, имел несколько столкновений с отрядами татар, подвластных Кучуму, и только после этих боев подошел к сибирской столице[2]. Сообщая о тех или иных фактах, Ремезов указывает и на источники, откуда он их берет. Рассказывая легенду о панцыре Ермака, он отмечает, что его отец, Ульян Ремезов, в свое время привез запись этой легенды от калмыцкого тайши Аблая[3]. Неоднократно Ремезов ссылается и на сведения, имевшиеся в Тобольске, в частности на «наши гистории» (очевидно, Есиповскую летопись). Каждая статья Ремезовской летописи имеет иллюстрации, выполненные самим автором.

Многие из фактов, сообщенных Ремезовской летописью, подтверждаются подлинными документами Сибирского приказа. Наряду с этим есть в ней и легендарные сведения, в частности упомянутый рассказ о чудесах от панцыря Ермака и т. п. Но таких сведений немного. В целом рассказ Ремезовской летописи отличается большой достоверностью. Разнообразие источников, их сопоставление и выбор из них наиболее достоверных сведений с указанием, откуда они взяты, заставляют признать труд Ремезова показателем известных успехов русской исторической мысли XVII в.

Тобольский сын боярский, потомок сибирских служилых людей, попавших в Сибирь в 20-х годах XVII в., С. У. Ремезов — патриот, поставивший целью прославить новую землю — Сибирь и рассказать о подвиге казаков, трудами которых эта богатая страна была присоединена к Русскому государству. Автор положил свой труд в «Тобольске граде всенародному

[1] О работах С. У. Ремезова в области географии см. выше.

[2] «Краткая Сибирская летопись (Кунгурская)», СПб., 1880, ст. 11—69 (лл. 3 об.—18 литографированного текста и стр. 5—18 печатного).

[3] Там же, ст. 115—117, стр. 31—32.

зрению нескрытно» и надеялся, что его книга будет служить «всенародной пользе»[1].

Крупным достижением русской исторической мысли представляется и работа Сильвестра Медведева «Созерцание краткое лет 7190, 7191 и 7192, в них же что содеяся во гражданстве»[2]. Этот труд посвящен стрелецкому восстанию 1682 г. и событиям, с ним связанным.

Сам автор рассматривает свое произведение именно как историческую работу. Необходимость и важность такого труда не вызывает у него никакого сомнения. «Аще [бы] не было писания,— говорит С. Медведев в предисловии к своему «Созерцанию»,— не было бы ведомости древних времен деяния всем человеком». Без записи о событиях людьми, знавшими о них, память о них погибает[3]. Автор подчеркивает свое стремление к историческому беспристрастию. Он считает, что гнев не должен руководить пером пишущего. Равным образом не должно быть и незаслуженных похвал. Очевидец бурных событий, С. Медведев хотел бы оставить на память потомству правдивое их описание: «Их же впредь ради ведения не токмо себе, но и иным, восхотех писанием оставити вежество». Это, по его мнению, очень важно, так как при отсутствии обстоятельных описаний событий, заслуживающих внимания потомства, происходит много споров по поводу оценки этих событий, и нет возможности установить истину[4].

Подчеркивая свое беспристрастие, С. Медведев тем не менее стоит на определенных классовых позициях. Все события, о которых идет речь в его «Созерцании», он расценивает с точки зрения дворянства. Отсюда его отрицательное отношение к выступлению холопов, добивавшихся свободы[5], и его осуждение стрельцов, захвативших власть в столице. Противник всяких «мятежных» выступлений, Медведев сочувственно относится к созыву дворянского ополчения, прибытие которого под Москву положило конец стрелецкому движению.

Кроме того, будучи сторонником царевны Софьи, Медведев не является беспристрастным рассказчиком о событиях, где она была одним из главных действующих лиц, и вполне определенно одобряет все ее действия. По заключению С. К. Богоявленского, приверженность Медведева к Софье «сказывается не столько в том, о чем он говорит, сколько в том, о чем он умалчивает»[6]. В целом «Созерцание представляет собой полный и связный рассказ о событиях конца царствования Федора Алексеевича, стрелецком восстании 1682 г. и первых годах правления царевны Софьи до 1684 г. В этом году, повидимому, и написана эта книга. Достоверность

---

[1] «Краткая сибирская летопись», ст. 157, стр. 48.

[2] *С. Медведев.* Созерцание краткое лет 7190, 7191 и 7192, в них же что содеяся во гражданстве.— «Чтения ОИДР», 1894, кн. 4, отд. II, стр. 1—197.

[3] Там же, стр. 15.

[4] Там же, стр. 15—16.

[5] Там же, стр. 56.

[6] *С. К. Богоявленский.* Хованщина.— «Исторические записки», № 10, стр. 180.

сообщаемых автором сведений подтверждается обильным количеством официальных документов, вставленных в текст повествования. «Созерцание» С. Медведева — обстоятельный труд, составленный очевидцем и участником событий.

Острота и злободневность темы, насыщенность фактами, ясность и последовательность в изложении событий, оцениваемых с дворянской точки зрения, обеспечили популярность «Созерцанию», главным образом в дворянских кругах. Книга сохранилась во многих списках, что свидетельствует об интересе к этому произведению. Его читали, переписывали, распространяли. Сохранилось несколько списков «Созерцания», относящихся к XVIII в.

Русские образованные люди XVII в. не только интересовались прошлым своего народа и своей страны, но и рассматривали это прошлое в широкой связи с историей славянских и других зарубежных стран. Исторические знания пополнялись из сочинений иностранных историков, из хроник Стрыйковского, Крамера, Бельского, из «Гранографа» Пясецкого, из церковной истории Барония и др. Еще более расширяли исторический кругозор повести об отдельных исторических лицах: «Об Атыле короле Угорском», «О убиении Каролуса аглинского», о французском короле Дагоберте, о польских королях и т. п. Многочисленные русские хронографы черпали из иностранных источников данные, которые позволяли связать события русской истории с историей других славянских народов и показать ее на широком фоне истории всемирной. Заметным событием в области исторической науки было переиздание в Москве в 1678 г. «Синопсиса» (обозрения), первоначально изданного в Киеве в 1674 г. украинским ученым Иннокентием Гизелем. «Синопсис» содержал краткое и популярное изложение истории Руси с древнейших времен до 70-х годов XVII в. При переиздании в 1678 г. «Синопсис» был дополнен некоторыми московскими материалами. Это произведение оказало известное влияние на развитие русской исторической мысли XVII в. Позднее, в XVIII в., «Синопсис» И. Гизеля получил значение рекомендованного чтения для широких масс народа; было несколько лубочных изданий этого произведения.

4

УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Устное народное творчество испытывает в XVII столетии большой подъем. Этот подъем обусловлен возросшей активностью масс, выразившейся в патриотической борьбе народа за национальную независимость против интервентов, в упорной борьбе трудящихся против эксплуататоров, не утихавшей в продолжение всего столетия. Эта борьба находит яркое и образное отражение в творчестве народа и надолго сохраняется в его памяти. Развитие устного народного творчества в XVII в., его связи с живой действительностью хорошо иллюстрируют образное выражение

М. Горького: «От глубокой древности фольклор неотступно и своеобразно сопутствует истории»[1].

Народное творчество в XVII в. все шире и шире проникает во все отрасли культуры, начинает сказываться в рукописных книгах и памятниках приказного делопроизводства, завоевывает свое место в архитектурных украшениях зданий[2], звучит в бытовых песнях и в первых театральных представлениях.

Устное поэтическое творчество, сохранившееся в памятниках XVII в., свидетельствует о том, что это было в основной своей массе творчество трудового народа: крестьян, холопов и посадского люда. Трудовой народ в песнях, сказках, пословицах и былинах выражал свои чаяния, с горечью пел о тяжелой судьбе труженика, зло и ядовито высмеивал своих классовых врагов, мечтал о лучшей жизни, облекая свои мысли и чувства в высокую, веками оттачиваемую художественную форму. Произведения устного народного творчества того времени сохранились в виде записей «с голоса»[3], то в виде целых сборников фольклорного характера[4], то включенными в литературные или исторические сборники в качестве составных частей[5] и т. д. Несмотря на то, что исполнение песен, а тем более их переписывание осуждалось церковью, русские грамотные люди XVII в. часто записывали для себя былины, сказки, пословицы, заговоры, реже — песни. От XVII в. дошло несколько больших сборников пословиц и заговоров. Кроме того, отдельные заговоры попадаются в составе судных дел по обвинению тех или иных лиц в ворожбе, колдовстве и т. п.[6] Некоторые заговоры на оружие сохранялись в записях XVII в.; их носили на груди участники боевых действий.

Источники, содержащие записи произведений устного народного творчества, немногочисленны. Гораздо более обширны источники косвен-

---

[1] *А. М. Горький.* О литературе. Статьи и речи 1928—1936 гг. М., 1937, стр. 456.

[2] Более подробно о влиянии народного творчества на архитектуру в XVII в. см. § 6 настоящей главы.

[3] *П. К. Симони.* Великорусские песни, записанные в 1619—20 гг. для Ричарда Джемса.— Сб. ОРЯС, т. 82, № 7, СПб., 1907.

[4] *П. К. Симони.* Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и пр. XVII—XIX столетий.— Сб. ОРЯС, т. 66, № 7, СПб., 1899.

[5] См., например, сборник из Собрания Погодина, 1772. (Государственная публичная библиотека, лл. 187 об.— 189 об.)

[6] Интересный материал по этому вопросу собран в работе: *Н. Я. Новомбергский.* «Слово и дело государевы» (процессы до издания Уложения Алексея Михайловича 1649 г.), т. I.— «Записки Моск. археол. ин-та», т. XIV, М., 1911. В одном из таких дел тюремный сиделец Иван Распопа рассказывал о другом сидельце Ф. Попадье, у которого в рубашке было зашито полстолбца с заговором. «И в том письме написано: кто тот свиток станет носить при себе, и на суд пойдет, и того человека кривым судом не осудят» (стр. 205); *И. М. Кудрявцев.* Две лирические песни, записанные в XVII в.— «Труды отдела древнерусской литературы Ин-та русской литературы АН СССР», т. IX, М.—Л., 1953, стр. 380—386; *М. Н. Сперанский.* Из материалов для истории устной песни.— «Известия АН СССР», VII серия, 1932, № 10, стр. 913—934; см. также *А. И. Соболевский.* Былина о Ставре Годиновиче по списку половины XVII в.— «Известия ОРЯС», т. XVI, № 1, СПб., 1911, стр. 1—4.

ные; к ним относятся всевозможные повести и сказания, которые (преимущественно во второй половине XVII в.) испытали сильное воздействие народного творчества. Особенно это относится к сатирической литературе, которая была литературой главным образом посада. Наконец, бытование фольклорных произведений подтверждается актовым материалом и мемуарами того времени как русскими, так и иностранными[1].

Необходимо прежде всего отметить, что в XVII в. продолжали исполняться многие из тех произведений народного творчества, которые были созданы в предшествующие века. К ним относятся былины, возникшие еще в период Киевской Руси и создания Русского централизованного государства, исторические песни XVI в., заговоры, пословицы, обрядовая поэзия и т. д.

Доказано, что вообще в годы глубоких социальных потрясений народное творчество получает наибольшее развитие. Поэтому для XVII в.— века патриотической борьбы за национальную независимость, массовых народных восстаний под предводительством И. И. Болотникова и С. Т. Разина, особенно характерно широкое распространение исторических песен. Показательно, что именно к XVII в. относятся и первые записи былин и исторических песен, известные в литературе. В их числе: «Сказание о киевских богатырях, как ходили во Царьград»[2]— текст начала XVII в., скопированный в Псковско-Новгородской земле с более раннего текста, «Повесть о князе Владимере Киевском, и о богатырях киевских, и о Михаиле Потоке Ивановиче, и царе Кащею Залатой Арды»[3]— запись конца XVII в., сделанная жителем одного из подмосковных уездов или, может быть, и самой Москвы, отрывки из былин об Алеше Поповиче и о Ставре Годиновиче второй половины XVII в., записанные в области сильно акающих говоров. Былины сохранились главным образом в составе литературных сборников, в которые они были внесены русскими грамотными людьми в качестве «сказаний», «повестей» или «слов», что и отразилось в их заглавиях.

В течение всего XVII в. продолжала жить русская народная сказка во всем ее разнообразии — героическая, волшебная, бытовая. В XVII в. народные сказки заносятся в рукописные сборники наряду с литературными

---

[1] Таковы, например, записки известного итальянского певца Ф. Балатри, бывшего в России в конце XVII—начале XVIII в. и записавшего итальянскими буквами русскую плясовую песню:

Ай, сорока-белобока
Стала с дружком танцовать,
А ворона, стара жо̂на,
Пришла тотчас помешать

(*Б. Б. Кафенгауз*. Записки Филиппо Балатри о России при Петре I.— «Труды Об-ва изучения Моск. области», вып. 5, М., 1929, стр. 103).

[2] Государственный Исторический музей, Собрание Барсова, № 1463.

[3] Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Q, XVII, 44.

повестями[1]. Примером традиционной волшебной сказки может служить «Сказка об Иване Белом», также включенная в один из повествовательных сборников. Эта сказка на тему о брате и трех сестрах и о битве со змеем интересна еще и потому, что, написанная живым народным языком, она заключает в себе большое количество украинизмов и является наглядным свидетельством наличия тесных русско-украинских культурных связей в XVII в.[2]

Сказка бытовала повсеместно; многие бояре и дворяне имели своих собственных крепостных «бахарей» (сказочников); были сказочники и в царском дворце. Широкое распространение сказки в XVII в. подтверждается и рядом мемуарных свидетельств. Из них можно, например, указать на записки Самуила Коллинса, прожившего восемь лет при царском дворе (1659—1666). В своих записках Коллинс приводит изложение русских сказок и рассказов об Иване Грозном[3].

* * *

Большое количество пословиц, сохранившихся в записях XVII в., дает возможность на сравнительно полном материале показать отношение народа к жизни того времени, показать народную оценку исторических событий.

Составители сборников пословиц в XVII в. записывали не просто все пословицы, которые слышали или знали, а отбирали наиболее типичные и интересные. Показательно в этом смысле предисловие к одному сборнику пословиц конца XVII — начала XVIII в.[4] Автор предисловия надеется, что после ознакомления со сборником читатель поймет, почему одни из пословиц сохраняют свое значение, а другие его утратили и звучат «как бы из государства умерших». Действительно, сборники XVII в. содержат в себе такие пословицы, которые употребляются и до сих пор, например: «басни соловья не кормят»[5] или «взявся за гуж, не говори, что не дюж», и такие, которые в наши дни уже «мало слышны», например: «Аркан не таракан, хош зубов нет, а шею ест» — пословица очень выразительная, отразившая татарскую неволю (аркан). Попадаются в этих сборниках пословицы «разные», т. е. противоречащие друг другу. Например, пословица «меха не надуть, а глупого не научить» в этом же сборнике дана в разночтении, ясно показывающем его классовое происхожде-

---

[1] Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Собрание Погодина, № 1772.

[2] Сказка опубликована: *Н. С. Тихонравов.* Летописи русской литературы и древности, т. III, отд. III, М., 1861, стр. 8—15.

[3] *С. Коллинс.* Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне. М., 1846, стр. 14.

[4] Собрание Библиотеки Академии наук, б. Петровской галлереи, № 91 (76). Следует отметить, что сам сборник пословиц относится к концу XVII в., а предисловие к нему—уже к началу XVIII в., что отразилось на лексике предисловия («фальшивые»).

[5] Все примеры пословиц цитируются из книги: *П. К. Симони.* Старинные сборники русских пословиц (сб. ОРЯС, т. 66, № 7, СПб., 1899).

ние: «меха не надуть, а смерда не научить». Наконец, есть пословицы, в настоящее время совсем вышедшие из употребления: «аз буки веди страшит, что медведи» и т. д.

В сборниках XVII в. встречается немало пословиц, в которых народ выражал свои вековые наблюдения над природой,— пословицы так называемого «народного календаря», например: «жаворонок — к теплу, а зяблица — к стуже».

Не случайно в пословицах видное место занимают носители народного творчества — скоморохи. Есть среди пословиц и обычная для скоморохов поговорка: «аршин сукна швецам, а кувшин вина певцам». Пословицы говорят о мастерстве скоморохов («всяк спляшет, да не как скоморох») и т. д. Пословицы XVII в. отразили вместе с тем и одну из характерных особенностей культуры XVII в.— влияние литературы на народное творчество. Попадаются среди пословиц и прямые заимствования из церковной письменности («во многом глаголании несть спасения») и такие, которые легко могут быть сопоставлены с отдельными художественными произведениями: «в горе жить — некручинну быть» («Повесть о Горе-Злочастии»), «мздою, что уздою, обратишь судью в твою волю» («Шемякин суд»), «мыши кота на погост волокут» (лубок) и т. п. Интересны и те пословицы, в которых нашли отражение некоторые культурно-бытовые черты, например игра в шахматы: «шаханья много, да мат один».

Предисловие к сборнику пословиц и поговорок, конец XVII — начало XVIII в.
Библиотека Академии наук СССР в Ленинграде

Среди пословиц XVII в. есть известное количество и таких, которые проповедуют смирение, покорность, презрение к женщине как к «сосуду греховному» и т. д. Но вместе с тем есть и такие, которые подчеркивают большое значение женщины в семье («женою доброю муж честен бывает»), скорбят о ее тяжелой доле («женский быт, всегда он бит», «девушке замуж — хочется плакать» и пр.).

Иногда в пословицах подчеркивается эксплуататорская роль церкви и ее служителей, проскальзывает и насмешка над богослужением («молебен пет, а пользы нет») и едкая характеристика попов —стяжателей и пьяниц («кому тошно́, а попу— в мошно», «пьяный Тит псалмы твердит»). Народ образно

подчеркивает основную черту служителей культа — их тунеядство («попам да клопам жить добро»), разврат и пьянство монахов («пойду в монастырь жити, где чернецов пусто, а баб густо», «игуменья за чарку, а сестры за ковши»). Наблюдается пренебрежение к церковным обрядам («ладан выкадил, а беса не выгонил») и к иконам («из одного дерева икона и лопата»). Нередко привычные иконописные образы используются для показа несоответствия между внешней личиной человека и его сутью, например для характеристики образа ханжи: «по образу — Никола, по усу — Илья, по уму — свинья».

Пословицы XVII в. особенно интересны потому, что они содержат большой и разнообразный материал, характеризующий классовое самосознание трудового народа, его отношение к богачам, к власти. В образной форме трудовой народ противопоставляет себя богачам: «Артамоны ядят лимоны, а мы, молодцы, едим огурцы». Народ видел, что в жизни ценится не тот, кто умен, а тот, кто богат: «богата, хоть дурака, всяк почитает». Богатство достается неправедным путем: «от трудов праведных не наживешь палат каменных», «белые руки чужие труды любят». Богатство для имущих — их опора и защита, потому что «щитится рак клешнею, а богат — мошною». Подчеркивает пословица и стремление феодалов закрепощать трудовые массы: «в боярский двор ворота широки, да со двора узки». Трезво оценивая силу и власть богатых, резко противопоставляя тружеников тунеядцам («обещать — то дворянски, а слово держать—то крестьянски»), народное творчество вместе с тем отразило и растущую силу народа. Собираясь в большие отряды, ведя борьбу с помещиками, крестьяне чувствовали свою большую силу: «мужик гол, а в руках у него — кол». Труженики верили в великую силу народных масс: «мир — дело велико: как всем миром вздохнут, так и временщик издохнет», «бунт не перцу фунт, а живет горек». Народ осознавал не только силу своих рук, но и силу своего слова, потому что «холопье слово, что рогатина».

* * *

Помимо сборников пословиц, от XVII в. сохранилось и несколько сборников заговоров.

Церковь усиленно боролась с этим жанром народного творчества. Сборники заговоров сжигались, а их владельцы рассматривались церковью как ведуны и знахари и осуждались ею. Сохранившиеся заговоры содержат ценный материал для характеристики культурного уровня и быта трудового народа XVII в. и для изучения живучести народных верований и обрядов в условиях борьбы с официальной церковной идеологией.

Из сохранившихся сборников заговоров наибольший интерес представляет сборник второй четверти XVII в.[1] Судя по тому, что сборник этот «зачитан» до последней возможности, можно предположить, что он пользовался популярностью. В сборнике некоторые слова зашифрованы. Среди заговоров встречаются заговор на младенца, когда он не спит:

[1] Из собрания Библиотеки Академии наук. Сев. Собр., № 636 (21.9.10).

чтобы не было от него «голосу, ни слез, ни ночью ни вопу, ни писку», заговор от грыжи младенцу, заговор «как лошадь не имается», «как телится корова», заговор на телят, чтоб стояли, и т. д. Само содержание заговоров говорит о том, что они употреблялись в быту трудового народа. Показательны также заговоры против различных представителей власти. Несомненно, что подобные заговоры были в ходу в первую очередь среди социальных низов, больше всего терпевших от притеснений властей и особенно суда[1].

Форма заговоров различна. В сборниках XVII в. встречаются отдельные заговоры религиозного характера, но в основной своей массе они построены на древних народных верованиях и народной медицине. Такова бо́льшая часть заговоров от ран, от зубной боли, от грыжи и т. д. Отразилась в таких заговорах вера в большую силу умерших, в змеиный язык, в целебную силу различных трав и т. д. Несомненно, в XVII в. в народе продолжали исполняться духовные стихи. Записи духовных стихов в XVII в. немногочисленны; они сохранились главным образом в некоторых житиях святых[2]. Наличие подобных жанров в народном творчестве нужно рассматривать как результат влияния идеологии господствующего класса на народ.

Достаточно широко были распространены и так называемые «плачи». Литературные обработки плачей встречаются в ряде повестей XVII в.— в списках, например «Задонщины», в некоторых житиях и т. д. Довольно подробный пересказ плача приводит в своих записках С. Коллинс[3].

Не дошли до настоящего времени записи XVII в. народной драмы. Этот жанр, несомненно, существовал на Руси с древнейших времен (одно из первых упоминаний о скоморохах встречается в Повести временных лет под 1068 г.)[4] и в XVII в. пользовался значительным распространением. На это указывают как мероприятия правительства, направленные к уничтожению скоморошества, так и свидетельства современников. Из народных драматических представлений в XVII в., несомненно, исполнялись пьесы театра Петрушки, как об этом свидетельствует Олеарий[5]. Показательно, что он зарисовал одну из самых ярких и популярных сцен петрушечного репертуара—сцену продажи лошади цыганом.

Из произведений народного творчества, возникших в XVII в., наибольшее значение имеют песни о Степане Разине и некоторые другие исторические песни, как, например, песня о взятии Смоленска. Правда, в записях

---

[1] *Л. Н. Майков.* Великорусские заклинания.— «Записки Русского геогр. об-ва по Отделению этнографии». СПб., 1869, т. II, стр. 563 и отд. отт.

[2] *В. П. Адрианова.* Житие Алексея человека божия в древней русской литературе и народной словесности. Пг., 1917, стр. 431.

[3] *С. Коллинс.* Указ. соч., стр. 7.

[4] ПСРЛ, т. I, вып. 1, Л., 1926, стб. 170; ср. ПСРЛ, т. IX, СПб., 1862, стр. 95.

[5] *А. Олеарий.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно, стр. 189—190.

XVII в. эти песни не дошли; наиболее ранние относятся к XVIII в.[1] Однако народ сохранил в своей памяти яркий образ Степана Разина. Песни о Степане Разине выражали настроения закрепощенного крестьянства, казацкой голытьбы и других социальных групп, страдавших от феодально-крепостного гнета. Встречаются песни о походах Разина по Волге и Каспийскому морю и в Персию, о взятии Астрахани, о сыне С. Разина. Многие из этих песен с исторической точностью отразили действительные события того времени — например взятие Яицкого городка, песни об астраханском войске, некоторые моменты персидского похода и т. д. Очень интересны песни о С. Разине и казачьем круге; в последних ясно отразились противоречия и борьба между голутвенным казачеством, группировавшимся преимущественно в верховых городах, и зажиточным— низовым, игравшим руководящую роль в казачьем круге. Необычайно взволнованны и лиричны сложенные в более позднее время песни тоскующих казаков о смерти Разина:

Ты взойди, взойди, красно солнышко,
Над горой взойди над высокою,
Над дубравушкой над зеленою,
Над урочищем добра молодца,
Что Степана свет Тимофеевича
По прозванью Стеньки Разина.
Ты взойди, взойди, красно солнышко,
Обогрей ты нас, людей бедныих,
Добрых молодцов, людей беглыих:
Мы не воры, не разбойнички,
Стеньки Разина мы работнички[2].

Показателен также тот факт, что народное творчество вводит С. Разина в круг излюбленных своих богатырей, делает Илью Муромца, например, есаулом на корабле Разина или же переносит Разина под Казань, и там он помогает Грозному при взятии города. С именем Разина связано огромное количество преданий, рассказов о кладах, легенд и сказок. По Волге указывают множество урочищ, бугров, гор и т. д., связанных с именем Разина и его отрядов. Из этих легенд встает сказочный образ Разина, заговоренного от смерти богатыря, грозного мстителя за обиды и бесправие трудового народа.

* * *

Устное народное творчество оказало в XVII в. сильное влияние на письменную литературу. Это влияние отражено в ряде памятников XVII в. Среди них нужно особо выделить созданные демократическими слоями

---

[1] См. Сборники XVIII в. в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Q,XVII, II и Q, XIV, 98, а также песенники XVIII в. Н. И. Новикова, В. Ф. Трутовского и др. См. также *М. Н. Сменцовский.* Степан Разин в науке, литературе и искусстве, ч. II. Разин в литературе. а) Устно-поэтическое творчество о Ст. Разине.— «Каторга и ссылка», 1932, № 8—9, стр. 309—337.

[2] *А. Н. Лозанова.* Песни и сказания о Разине и Пугачеве. М., 1935, стр. 3, 37, 53.

русского общества (главным образом посадскими людьми) сатирические повести XVII в., использовавшие приемы русской бытовой сказки («Повесть о Шемякином суде»). В этих повестях весьма близки к народному творчеству центральные образы, например образ бедняка, подвергшегося неправому суду и сумевшего ловко избавиться от штрафа. Близость сатиры XVII в. к устному народному творчеству сказалась также в живом и образном разговорном языке повестей[1].

Поэтому отдельные памятники сатирической литературы XVII в. являются ценнейшим источником, сохранившим с большей или меньшей полнотой произведения устного народного творчества[2]. Сатира XVII в. сберегла до настоящего времени много пословиц и поговорок. Встречается в сатирических произведениях также пародия на песню («Повесть о попе Саве») и на заговор («Лечебник, как лечить иноземцев»). Наиболее яркими в фольклорном отношении являются сатирические повести «Шемякин суд» и «Повесть о Карпе Сутулове»[3].

Другую большую группу повестей, испытавшую фольклорное влияние, представляет волшебная повесть XVII в., которая в отдельных случаях попадала в рукописи из устной передачи. В ряде повестей богатырского характера под влиянием русского былинного эпоса изменялись не только форма рассказа, но и его содержание, что сказалось и в обрисовке главных героев, и в подборе постоянных эпитетов, и в наличии «общих мест» в повести (описание боя, седлания коня и т. д.). Наконец, народное творчество послужило идейной основой для создания оригинальных русских повестей — «Повесть об Азовском сидении», «Повесть о Горе-Злочастии» и др. Весьма значителен фольклорный элемент и в «Житии» протопопа Аввакума.

Проникновение фольклорных элементов в литературу стоит в прямой связи с ростом реалистических тенденций в русской литературе, со стремлением к правдивости и точности художественных образов. Реалистический характер народного творчества обусловил собой использование фольклорных тем и сюжетов в рукописной литературе XVII в.

Большое влияние оказала русская народная песня и на творчество композиторов XVII в., особенно на государева певчего дьяка Василия Поликарповича Титова, наиболее даровитого композитора того времени.

Титов творчески освоил и развил многие ритмические и гармонические обороты русской народной песни в «Большом многолетии», а также в «роспетой» им «Стихотворной псалтыри» Симеона Полоцкого (см. псалмы 45 и 51, в которых особенно четко проявилось следование чисто

---

[1] *Н. К. Гудзий.* История древней русской литературы. М., 1950, стр. 416.

[2] *В. П. Адрианова-Перетц.* Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в. М.—Л., 1937, стр. 258—259.

[3] *И. П. Лапицкий.* Русская демократическая сатира XVII в.— «Ученые записки ЛГУ», Серия филолог. наук, вып. 16, Л., 1949, стр. 86; «Русская повесть XVII в.», М., 1954. Более подробно об этих сатирических произведениях см. в § 5 настоящей главы.

народной ритмике)[1]. Наконец, не следует забывать того, что именно в середине XVII в. в русской церковной музыке появляется многоголосие, в известной мере уходящее корнями в русское народное многоголосное пение[2].

Итак, устное народное творчество, наряду с прикладным искусством и народной архитектурой, оказало значительное влияние на русскую духовную и материальную культуру XVII в. Оно послужило источником новых тем, сюжетов и образов для литературных произведений и русской музыкальной культуры. Устное народное творчество обогатило и литературу и музыку, приблизило их к народу, сообщило им жизненный мирской характер. Вместе с тем устное народное творчество сохранило народную оценку событий XVII в. и всей жизни того времени, оценку, сделанную трудовым народом. Протестующий, «мятежный»[3] характер устного народного творчества, несмотря на всю неполноту сохранившихся записей, можно наблюдать и в пословицах XVII в., и в народной драме того времени, и в песнях о Степане Разине. Именно за этот «мятежный» характер и подвергалось гонениям творчество скоморохов в XVII в. Трудовой народ сохранил боевой, протестующий дух народного творчества XVII в. и донес его до настоящего времени[4].

5

ЛИТЕРАТУРА

Начало XVII в. ознаменовалось появлением множества литературных произведений, в которых с необыкновенной яркостью отразились рост национального самосознания, идеология борющихся общественных сил. Литература начала века пыталась сохранить для потомков память о тя-

---

[1] *С. В. Смоленский.* Значение XVII века и его «кантов» и «псалмов» в области современного церковного пения и так называемого «простого напева».— «Музыкальная старина», вып. V, СПб., 1911, стр. 71—73; *Н. Финдейзен.* Очерки по истории музыки в России с древнейших времен до конца XVIII в., т. I, вып. 3, М.—Л., 1928, стр. 296—302.

[2] *Е. В. Гиппиус.* О русской народной подголосочной полифонии в конце XVIII—начале XIX в.— «Советская этнография», 1948, № 2, стр. 86—104; *А. В. Преображенский.* Культовая музыка в России. Л., 1924, стр. 38—41; см. также *И. П. Лапицкий.* Указ. соч., стр. 86.

[3] Недаром «память» верхотурского воеводы 1649 г. констатировала, что «умножилось в людех во всяких пьянство и всякое м я т е ж н о е бесовское действо, глумление и скоморошество со всякими бесовскими играми» (подчеркнуто нами. — *Ред.*). (АИ, т. IV, № 35, стр. 124).

[4] Общую характеристику устного народного творчества XVII в. см. также в последних обобщающих трудах: «Русское народное поэтическое творчество», т. I. — «Очерки по истории русского народного поэтического творчества X — начала XVIII веков», М.— Л., 1953, и «Русское народное поэтическое творчество. Пособие для ВУЗ'ов», под. ред. П. Г. Богатырева, М., 1954.

желых для родины годах, осмыслить и понять эти события и, наконец, дать им образное воплощение. Некоторые из такого рода произведений — «Сказание» Авраамия Палицына, «Летописная книга», приписываемая И. М. Катыреву-Ростовскому (иначе — «Повесть книги сея от прежних лет») и др.— были написаны или отредактированы в годы, непосредственно следовавшие за ликвидацией иностранной интервенции[1].

Однако произведения этого времени были не только историческими повестями, они были не только свидетельством развития и становления исторической и общественно-политической мысли. Исторические произведения начала XVII в. были одновременно и литературными произведениями светского характера. Они воздействовали на читателя силой своих художественных образов, ярким языком, стройной композицией. Таковы, например, «Казачье написание» о походе Ермака, повести об Азовском сидении, воинские повести о городах Таре и Тюмени и др.

«Казачье написание» сохранилось в форме вставок в текст Ремезовской летописи, составленной в конце XVII в. Оно настолько резко отличается и по характеру подачи материала, и по содержанию, и по языку от текста Ремезовской летописи, что легко поддается выделению. В основе этого «Написания» лежит, несомненно, подлинный рассказ о походе Ермака, записанный или самим участником, или с его слов. Впоследствии этот рассказ вошел в состав «Летописи Сибирской краткой (Кунгурской)», а оттуда попал в Ремезовскую летопись. Казачье «Написание» имеет такие подробности, которые мог знать только очевидец. Иногда автор ведет рассказ в первом лице, чем ясно указывает на свое участие в походе[2]. В отличие от Строгановской летописи, приписывавшей организацию похода Строгановым, в казачьем «Написании» инициатива похода принадлежит казакам. «Написание» очень хорошо рисует казацкую среду, ее своеобразный демократизм, отмечает мелкие бытовые черточки. Здесь рассказывается о подвиге не «угодников божьих», а обыкновенных людей, труды которых еще свежи в памяти. «Казачье написание» было по существу произведением народной, демократической литературы, тесно связанным в освещении событий с песенным народным творчеством о Ермаке.

Среди исторических повестей особенно выделяется своими литературными достоинствами «Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков», созданная в 40-х годах XVII в. войсковым подьячим донской канцелярии Федором Порошиным, беглым холопом в прошлом, одним из участников описываемых событий. В ее основе лежит «Документальная повесть об Азовском сидении». Поэтическая редакция этой повести, впитавшая в себя как книжные, так и фольклорные мотивы, принадлежит к числу лучших памятников литературы XVII в. Ее популярность была обусловлена высокой патриотичностью содержания, яркостью рассказа

---

[1] См. «Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV в.— начало XVII в.», М., 1955, стр. 604—615.

[2] «Краткая Сибирская летопись (Кунгурская)», СПб., 1880, статьи 5—8, 49—52, 73—80, 99—102, стр. 1—4, 12—14, 19—20, 26—28.

о необычайном воинском подвиге донских казаков, с малыми силами (в 5 тыс. воинов) устоявших против огромной рати «турского царя Ибрагима». Все это определило эпический склад рассказа, использование песенного и былевого фольклора, гиперболизацию как художественный прием. Образный, живой, сочный язык повести об Азове хорошо характеризует вкусы и интересы вольного понизового казачества, в котором она возникла[1].

В XVII в. возникали исторические повести и иного типа, в основу которых положены фольклорно-легендарные мотивы; таковы, например, повести о начале Москвы[2], или «Повесть о тверском Отроче монастыре», представлявшие собой сочетание церковно-легендарных мотивов с любовной интригой.

* * *

Если историческая повесть в XVII в. смогла включить в себя новые фольклорные мотивы и сохранить свою прежнюю форму, то этого нельзя сказать о житии. В XVII в. старая форма жития ломается, наполняется новым содержанием и превращается в биографию не святых, а простых людей, в повесть о них или в автобиографию-исповедь. Таким своеобразным произведением, насыщенным большим количеством бытовых подробностей, является «Житие Юлиании Лазаревской»[3], написанное ее сыном, муромским дворянином Каллистратом (Дружиной) Осорьиным, в первой четверти XVII в. Обычные традиционные элементы жития, в частности рассказ о чудесах, лишь в незначительной степени присутствуют в этом произведении. Оно резко отличается от обычной житийной литературы. Юлиания совершала свой «подвиг» не в иночестве, а в миру, в повседневных заботах о ближнем. «Житие Юлиании Лазаревской» не было одиноким в ряду других повестей с религиозной окраской. «Сказание о явлении Унженского креста»[4], излагая биографию двух сестер, Марфы и Марии, сообщает много деталей чисто русского быта, дает яркие картины русских обычаев.

На примере обеих повестей можно убедиться в том, что старые жанры в XVII в. изживают себя. Они стали тесны для нового содержания и новых идей, и в сущности эти произведения не жития святых, а зародыши русской бытовой повести как самостоятельного жанра со всеми присущими ему особенностями.

---

[1] *А. Н. Робинсон.* Поэтическая повесть об Азове.— «Труды Отдела древнерусской литературы Ин-та русской литературы АН СССР», т. VI, М.—Л., 1948, стр. 58; «Воинские повести древней Руси», М.—Л., 1949, стр. 166—243.

[2] *М. Н. Тихомиров.* Сказания о начале Москвы.— «Исторические записки», № 32, стр. 233—241; *Л. Н. Пушкарев.* Повесть о зачале Москвы.— «Материалы по истории СССР», вып. II, М., 1955, стр. 211—244.

[3] Иначе это житие называется «Повестью об Улиании Осорьиной». См. *М.О. Скрипиль.* Повесть об Улиании Осорьиной.— «Труды Отдела древнерусской литературы Ин-та русской литературы АН СССР», т. VI, стр. 256—323.

[4] Иначе (по именам главных действующих лиц) это сказание называется «Повестью о Марфе и Марии».

«Житие» протопопа Аввакума (автограф).
Библиотека Академии наук СССР в Ленинграде

Еще в меньшей степени, чем предыдущие литературные произведения, похожа на традиционное житие автобиография протопопа Аввакума, наиболее талантливого и плодовитого писателя, выдвинутого расколом. «Житие» Аввакума[1], написанное им в Пустозерской ссылке (1667—1682),— один из замечательнейших памятников древней русской литературы, язык и стиль которого, по словам А. М. Горького, «остаются непревзойденным образцом пламенной и страстной речи бойца». Понятно, почему автобиография, да еще названная житием, могла появиться только в XVII в., когда ломался старый быт и усилилось внимание к человеческой личности, к ее судьбе и переживаниям. А судьба и жизненные перипетии протопопа Аввакума и его жены Настасьи Марковны так драматичны и сложны, проникнуты такой глубокой целеустремленностью, что эта первая в русской литературе автобиография и по сей день читается с неослабевающим интересом.

«Житие» написано Аввакумом живым и образным русским языком или, как он сам называет, «просторечием». Свой рассказ Аввакум сопровож-

[1] «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное».— РИБ, т. 39, Л., 1927. стб. 1—240.

дает примерами, диалогами, лирическими отступлениями. По манере письма и мышления Аввакум был писателем-новатором.

Аввакум превосходно пользуется русским языком. Краткими и резкими штрихами он достигает полноты художественного впечатления, рисует живые картины русского быта. В качестве примера можно привести описание сплава леса по р. Ингоде в Забайкалье: «Лес гнали хоромной и городовой. Стало нечева есть; люди учали з голоду мереть и от работныя водяныя бродни. Река мелкая, плоты тяжелые, приставы немилостивые, палки большие, батоги суковатые, кнуты острые, пытки жестокие — огонь да встряска — люди голодные: лишо станут мучить — ано и умрет! Ох времени тому!»[1]. Аввакум дал предельно точное описание условий труда и быта на сплаве. Насыщенность сочинений Аввакума картинами русского быта, а также образный и эмоциональный язык делали его сочинения не только поучительным, но и занимательным чтением, т. е. они являлись литературным чтением в подлинном смысле этого слова.

«Житие» протопопа Аввакума дает богатый и интересный материал для выяснения таких характерных для литературы XVII в. явлений, как проникновение живого народного языка в рукописную традицию и фольклорных элементов в рукописную литературу, ломка традиционных жанровых канонов и др. Весьма значителен также в «Житии» и сатирический элемент, вообще свойственный литературе второй половины XVII в. Свои сатирические выпады против никониан и царя Алексея Михайловича Аввакум облекает в форму народного сказа, пересыпает речь пословицами и народными оборотами, намеренно огрубляющими фразу. Вспоминая о мучениях, какие причинял ему воевода Афанасий Пашков, Аввакум рассказывает, что он постоянно обращался с молитвой к богородице: «Владычице, уйми дурака тово!» Бог у Аввакума — «старой чюдотворец от небытия в бытие приводит...»[2]. Многие страницы из ветхозаветной истории он описывает с натуралистическими подробностями, взятыми из жизни.

Своеобразие «Жития» протопопа Аввакума заключается в том, что по своим идейным установкам это произведение страстно и самозабвенно защищает старину. Но это консервативное по идее произведение оказывается глубоко новаторским по художественной форме, по неповторимо индивидуальной манере письма. Эту внутреннюю противоречивость можно наблюдать во всем. Борясь за старину и используя традиционный жанр жития, Аввакум дерзко разрушает форму жития. Будучи одним из «столпов благочестия», Аввакум в то же время доходит до того, что нескромно описывает сам свою собственную святость. Борясь за церковь, за ее господство, он в то же время, сам того не желая, дает ярчайшие сатирические картины церковной жизни, в чем невольно смыкается с сатирической литературой XVII в.

---

[1] РИБ, т. 39, стб. 26.

[2] Там же, стб. 26, 64.

В его трудах причудливо перемешались резкое порицание живописи школы Симона Ушакова, отступавшей от старого уставного письма[1], с непринужденными беседами и совершенно реалистическими описаниями, начетничество и недоверие к науке — с задушевным лиризмом и сердечностью.

Протопоп Аввакум как писатель резко отличается от Аввакума — апологета старообрядчества. Аввакум-старообрядец — это защитник старины, идущий ради нее на муки и смерть. Аввакум-писатель — это новатор языка и стиля, проникнутый глубоким интересом к родному русскому языку.

«И аще что реченно просто,— пишет Аввакум в предисловии к «Житию», — и вы... не позазрите просторечию нашему, понеже люблю свой русской природной язык, виршами философскими не обык речи красить,... того ради я и не брегу о красноречии и не уничижаю своего языка русскаго»[2].

* * *

Сатирическая литература, посадская по преимуществу, составляет большой и своеобразный раздел литературы XVII в., дающий возможность охарактеризовать вкусы, запросы и литературные интересы демократической прослойки читателей[3]. Основной смысл этой литературы — резкое сатирическое обличение пороков людей, принадлежащих к господствующему классу, правдивое изображение безысходной нищеты и бесправия простого человека. Основной прием, которым пользуется сатира XVII в., это пародирование церковной обрядности и церковной литературы («Служба кабаку», «Сказание о попе Саве», «Повесть о бражнике», «Сказание о крестьянском сыне», «Сказание о куре и лисице»), а также приказного делопроизводства («Калязинская челобитная»). Суд и церковь, как главные силы, поддерживающие государство, как непосредственные угнетатели бедного люда — вот кто в первую очередь были объектом сатиры XVII в.

Авторами этих повестей были приказные люди и низшее духовенство, сумевшие не только подметить типичные явления общественной жизни, но и отобразить их в доходчивой и понятной форме. Пользуясь простым народным языком, снабдив свои повести большим количеством бытовых деталей, отразив в повестях наиболее острые противоречия социальной жизни,— они обеспечили им тем самым широкое распространение и длительную популярность. Многие из этих произведений переписывались и переделывались в течение всего XVII в., перешли в лубок и стали достоянием устного народного творчества (например, сказки о Шемяке, о бражнике и т. д.).

---

[1] См. об этом подробнее в § 6 настоящей главы.

[2] РИБ, т. 39, стб. 151.

[3] Более подробную характеристику сатирической литературы см. в книге «Русская демократическая сатира XVII века», М.—Л., 1954.

Одно из выдающихся сатирических произведений XVII в. — «Азбука о голом и небогатом человеке». Формой этого произведения является «толковая азбука», где каждая строка начинается с очередной буквы алфавита.

«Азбука о голом и небогатом человеке» рисует печальную судьбу разорившегося человека, скитающегося «меж двор». Ряд причин довел его до такого положения: «от сродников зависть, от богатых насильство, от сосед ненависть, от ябедников продажи». Особенно озлоблен герой этого произведения против богатых людей. Он вспоминает одного из богатых мужиков и мечтает о расправе с ним: «Охнул бы у меня богатый мужик, как бы я ево дубиною по спине ожег, чтобы впредь на меня зла не мыслил». Есть в повести рассуждения, свидетельствующие о классовой ненависти к богатым: «Люди, вижу, что богато живут, а нам, голым, ничево не дают, чорт знаит их, куда и на што деньги берегут». Эти выступления против богатых сопровождаются горькой иронией по собственному адресу: «Ферези были у меня хорошия, рагоженныя, а завяски были долгия мачальныя, и те лихия люди за долг стащили, а меня совсем обнажили». Доведенный до отчаяния, голый человек не видит иного выхода, кроме смерти. Есть для этого и подходящий путь: «уйти воровать, так скорея меня повесят»[1].

«Азбука о голом и небогатом человеке»— произведение, вышедшее из среды городских низов. Его социальная направленность ясна: это описание тяжелой судьбы полуголодного обнищавшего труженика и призыв к борьбе с посадскими богатеями.

Не менее острой и злой сатирой является «Служба кабаку» — литературное произведение, созданное в Сольвычегодске в середине XVII в. «Служба кабаку» пародирует церковную службу. Острие сатиры направлено против царевых кабаков, против государственной организации пьянства.

В этой пародии проводится параллель между мучеником, раздающим свое имение бедным, и пьяницей, дошедшим до полной нищеты в кабаке. Кабак — «людям обнажение велие». Он не только разоряет «питухов», от кабака идут все пороки и преступления. Пьяница теряет человеческий образ.

Кончается «служба» тем, что «питуха» из тюрьмы, куда он в конце концов попал, ведут «ко злой смерти»[2].

Сохранилось несколько сатирических повестей, написанных в форме пародий на судопроизводство XVII в. Такова сатирическая «Повесть о Шемякином суде», которая зло высмеивает взяточничество, жадность и корыстолюбие судей. Автор, повидимому подьячий или посадский человек, очень хорошо знает судебные порядки. Повесть пользовалась

---

[1] *В. П. Адрианова-Перетц.* Указ. соч., стр. 21—26; «Русская демократическая сатира XVII века», стр. 30—37.

[2] «История русской литературы», т. II, ч. 2, стр. 190—193; «Русская демократическая сатира XVII века», стр. 46—65.

популярностью и сохранилась в значительном количестве списков и в нескольких вариантах. Сатирическая «Повесть о Шемякином суде» бичует продажность судей, которые решают дела в пользу давшего взятку[1].

Пародией на духовенство являются повести «Сказание о куре и лисице» и «Сказание о попе Саве и о великой его славе». Первая из них представляет священника-исповедника в образе лукавой лисицы. Во второй повести рисуется жадность и корыстолюбие духовенства. Известно и место происхождения последней повести — Кадашевская слобода в Москве. Написана повесть рифмованной прозой, живым народным языком[2].

Недостойную жизнь монахов бичует сатирическая повесть «Калязинская челобитная». Автор, повидимому, лицо светское, он иронически относится ко всему монастырскому быту[3]. В обычной форме челобитной автор излагает жалобу монахов на своего архимандрита, у которого «смыслу не стало: сухой хлеб жует, мед весь перекис, а он воду пьет, мыши с хлеба опухли», а монахи с голоду мрут. Очень метко и остроумно изображает автор темный быт монахов, их пьянство и распущенность. Автор хорошо знает язык приказного делопроизводства, который он умело пересыпает острыми прибаутками, заимствованными из практики скоморохов.

Наконец, следует сказать о повестях, где острие сатиры направлено против заносчивости иностранцев и их презрительного отношения к русским обычаям. Среди московских иноземцев были врачи и аптекари. Во второй половине XVII в. аптека обслуживала уже не только царский двор, но и «всяких чинов людей». Соприкосновение с иноземцами, знакомство с их приемами врачевания, порой граничившими с шарлатанством, вызвали сатиру, представленную в форме лечебника. «Лечебник» должен помочь немцам «от живота [жизни] избавиться», «без обеих рук остаться» и т. п. «Лечебник» содержит пародию на те средства, которые рекомендовались иностранными врачами и не всегда были понятны русским. «Лечебник» рекомендует средства, не существующие в природе («комаровое сало»), предлагает отпускать на вес «блохин скок», «сердечное прижиманье», «свиной визг». Больной должен «потеть на морозе», закрываться от палящих лучей солнца «неводными мережными крылами в однорядь» и т. д.[4]

---

[1] «История русской литературы», т. II, ч. 2, стр. 193—198; «Труды Отдела древнерусской литературы Ин-та русской литературы АН СССР», т. VI, стр. 60—99.

[2] «История русской литературы», т. II, ч. 2, стр. 198—202; *В. П. Адрианова-Перетц.* Указ. соч., стр. 235—238; «Русская демократическая сатира XVII века», стр. 70—73.

[3] «История русской литературы», т. II, ч. 2, стр. 202, 203; «Русская демократическая сатира XII века», стр. 65—70.

[4] «История русской литературы», т. II, ч. 2, стр. 203, 204; *В. П. Адрианова-Перетц.* Указ. соч., стр. 239—251; «Русская демократическая сатира XVII века», стр. 121—123.

Наличием бытовых черт, образным языком, большим количеством фольклорных образов и мотивов сатирические повести сближаются с бытовой повестью XVII в., в свою очередь включающей в себя элементы сатиры. Такова повесть о Карпе Сутулове, основное содержание которой раскрыто в ее заглавии: «Повесть о некотором госте богатом и о славном о Карпе Сутулове и о премудрой жене его, како не оскверни ложа мужа своего». Истинным героем повести является не сам Сутулов, а его жена Татьяна, ловко сумевшая избавиться от притязаний своих поклонников и поставить их в смешное положение. Сатиричность повести заключается в том, что среди поклонников купеческой жены находятся поп и даже сам архиепископ. Очень остро звучат в устах веселой купеческой жены Татьяны церковные поучения, которыми она старается образумить церковнослужителей. Вся повесть проникнута свободомыслием, откровенным третированием духовных особ, фривольной издевкой; в повести хорошо показана купеческая среда того времени, думающая больше о выгоде, чем о душевном спасении. Повесть возникла в конце XVII в., несомненно, в посадской среде[1].

Интересны бытовые повести XVII в., посвященные теме борьбы нового со старым. На первом месте среди них стоит одно из оригинальных созданий древнерусской литературы — «Повесть о Горе-Злочастии, как Горе-Злочастие довело молодца во иноческий чин». Тема повести — судьба молодца, пренебрегшего родительскими советами, захотевшего жить своим умом и поплатившегося за это нищетой и трагической развязкой: душевное опустошение приводит молодца в монастырь.

В центре повести — образ человека с его личной судьбой и переживаниями. Автор сочувственно относится к его несчастной судьбе. Все злоключения, которые выпали на его долю, являются следствием не козней дьявола, не действием потусторонних сил, а его пьяного разгула и похвальбы. В образе молодца дано художественное обобщение, типический собирательный образ человека в борьбе со своей «судьбой». Образ судьбы, Горя-Злочастия, необыкновенно цельный по своей обобщающей силе и трагичности, идет от народного творчества. Безвестный молодец, нарушивший заповеди старины, успокаивается только в монастыре. Иноческий чин — не цель стремлений молодца, а печальная необходимость, до которой довело его Горе.

Образ Горя, вошедший в повесть из народного творчества, должен быть отнесен к числу таких обобщающих фольклорных образов, как Илья Муромец, Василиса Прекрасная, Микула Селянинович и др. Образ Горя перекликается с образом доли, судьбы человека. Он символизирует собой не только внешнюю силу, тяготеющую над человеком, но и его внутренний духовный мир, неумение человека найти себя в жизни, противостоять ударам судьбы. Победа Горя в повести есть вместе с тем и поражение чело-

---

[1] «История русской литературы», т. II, ч. 2, стр. 228—230; «Русская демократическая сатира XVII века», стр. 114—120.

века, которое вызывает у автора не осуждение своего героя-грешника, а теплое сочувствие к нему.

Не только самый образ Горя («босо, наго, нет на Горе ни ниточки, еще лычком Горе подпоясано»), но и образ молодца, коварного «друга милого», и весь язык повести, вся ее ритмическая структура глубоко фольклорны. Народный песенный стих повести, близкий к фольклорным песням о Горе и к русским былинам, большое количество повторов, тавтологических оборотов («кручиноват, скорбен, нерадостен»), постоянных эпитетов и т. д. заставляет видеть в «Повести о Горе-Злочастии» литературное произведение, возникшее на основе устнопоэтического народного творчества.

Та же тема независимого поведения молодца вдали от родного дома трактуется и в «Повести о Савве Грудцыне», появившейся в конце XVII в.[1] Действие повести относится к первой трети XVII в. В повести рассказывается, как купеческий сын Савва Грудцын, отправленный отцом по торговым делам из Казани к Соли Камской, предался там разврату, продал свою душу дьяволу, затем бежал, попал в солдаты, принял участие в Смоленском походе 1633—1634 гг., с помощью чудотворной казанской иконы богоматери освободился от дьявола и провел остаток своих дней в монастыре. В отличие от «Повести о Горе-Злочастии», «Повесть о Савве Грудцыне» наполнена бытовыми подробностями из посадского быта, называет ряд действительных лиц и, несомненно, отразила реальную историю богатого купеческого рода Грудцыных-Усовых. Занимательность интриги повести, ее живой разговорный язык позволяют видеть в «Повести о Савве Грудцыне» крупное произведение древнерусской беллетристики[2].

Не менее интересна и «История о российском дворянине Фроле Скобееве», появившаяся в самом конце XVII в.— начале XVIII в. Новая эпоха подсказала и иное решение сюжета этой повести. В «Истории» рассказывается, как «плут» и «ябедник» бедный новгородский дворянин Фрол Скобеев устраивает свое жизненное благополучие. Он обманом проникает в дом богатого стольника Нардын-Нащокина, соблазняет его дочь Аннушку и увозит ее из родительского дома. Тайно обвенчавшись с ней, он своими плутовскими проделками добивается у ее родителей прощения, признания этого брака и получает богатое наследство.

Повесть зародилась в приказной или мелкодворянской среде. Язык повести живой, разговорный[3].

Повести о Савве Грудцыне и Фроле Скобееве сохранились в большом количестве списков, что свидетельствует об их популярности.

---

[1] В последнее время высказано мнение, что эта повесть написана в начале XVIII в. См. *Н. А. Бакланова.* К вопросу о датировке «Повести о Савве Грудцыне».— «Труды Отдела древнерусской литературы Ин-та русской литературы АН СССР», т. IX, М.— Л., 1953, стр. 443—459.

[2] «История русской литературы», т. II, ч. 2, стр. 222—227.

[3] Там же, стр. 235—239.

* * *

Наряду с оригинальной литературой в Русском государстве XVII в. бытовало значительное количество переводных повестей, главным образом западного происхождения. Русские книжники так переделывали западноевропейские оригиналы, вносили в них так много своего, что от оригинала оставалась лишь сюжетная схема, да и она по большей части находила себе соответствие в русском фольклоре.

Если проанализировать памятники, которые проникли на Русь в XVII в., то легко убедиться в большом сходстве тем, сюжетов и приемов между русской оригинальной литературой и частью переводных средневековых повестей. Переводные повести с их светским миросозерцанием и мироощущением, наполненные новым для русской литературы понятием «рыцарства», проникнутые сильным любовным элементом, усиливали светскую направленность литературы XVII в. Однако все эти новые черты были уже подготовлены предыдущим развитием русской литературы, в оригинальной русской литературе уже заложены были основы нового светского стиля. Значительная часть повестей была занесена устным путем в виде сказок (повести о Бове Королевиче, Еруслане Лазаревиче, бражнике и др.), и уже на Руси они были литературно оформлены в рукописные повести. Их популярность усиливалась еще и тем, что они по своим сюжетам были близки интересам читателей, отвечали запросам идейной борьбы посада с церковью. Одновременно с устным усвоением шло проникновение в литературу переводных повестей через рукописи. Многие повести переводились с польского.

Переводы некоторых повестей польского происхождения (а также и чешского, например повести о Василии Златовласом, о Брунцвике) распространялись в высших слоях общества. Для этих повестей характерны усиленная психологизация событий (повесть о Петре Златых ключах), интерес к рыцарству, турнирам и т. д. Они проникли на Русь в последней четверти XVII в. и отличались гораздо бóльшей «литературностью», сложностью композиции по сравнению с повестями, появившимися в первой половине века.

Повести, возникшие на Руси как результат литературной обработки устного сказания, труднее всего поддаются анализу. Такова, например, повесть о Еруслане Лазаревиче, хотя и испытавшая влияние персидской поэмы «Шах-Намэ», но в значительно бóльшей степени сближающаяся с русским сказочным эпосом, с былинами. Повесть содержит множество деталей русского быта, русской жизни XVII в. и т. д. Она стала достоянием посадского читателя уже в 40-х годах XVII в., а в конце XVII — начале XVIII в. попадает в лубочные листы и лубочные книжки.

Не менее интересна судьба и другой повести, также перешедшей в лубок. Это — Повесть о Бове Королевиче, бытовавшая на Руси в устной форме еще в XVI в., а в 40-х годах XVII в. известная уже среди повестей, интересовавших посадского читателя.

Рукописная иллюстрированная книга для чтения—«Александрия», список XVII в.
Государственный Исторический музей

Повесть о Бове, как и предыдущая повесть, вскоре приобрела все черты русской народной сказки.

На примере повестей о Бове и Еруслане можно проследить как сохранившиеся списки их первоначально распространялись в посадско-приказной среде, затем перешли в купеческую, оттуда к служилому дворянству (где они были переработаны в рыцарский роман), и к концу XVII — началу XVIII в. в самые верхи общества (в 1693 г. повесть о Бове упоминается среди «потешных книг» царевича Алексея Петровича), где они приобрели черты авантюрно-галантной «гистории». Вместе с тем повести продолжали читаться и переделываться в посадской (а позже и крестьянской) среде, перешли в лубок и стали в конце концов народными сказками.

В XVII в. вместе с усилением экономических и политических связей русская литература и ее тематика приобретают известную популярность за рубежом, главным образом в балканских странах, издавна тяготевших к России. Так, на румынский язык в 1642 г. заново переводится «Повесть о Варлааме и Иосафе»[1]. В конце XVI—XVII вв. сербская литература также испытывает сильное влияние русской литературы. В XVII в. в Сербии переводятся с русского: Хронограф русской редакции 1512 г., повесть

[1] «Slavia», 1939, R. XVI, S. 2—3, 339.

о создании и падении Царьграда, сборники «Цветы дарований» и «Пчела», некоторые «Слова» Кирилла Туровского, «Историческая Палея», «Синоксарь великий» [1].

В Англии в XVI—XVII вв. также заметно знакомство с русской литературой; именно через нее английская драматургия знакомится с событиями периода интервенции и использует их как источник для своих сочинений («Верноподданный» Флетчера, русская тема в сонетах о «московитах» Ф. Сиднея, стихотворных посланиях Дж. Гербервиля, русские эпизоды в пьесах Шекспира и т. д.) [2].

* * *

Своеобразный стихотворный склад речи существовал в русском языке с момента его образования. В письменную литературу эпический стихотворный склад начал проникать со времени появления письменности; его следы можно заметить в проповедях и поучениях, в притчах и пословицах. Особенно сильно народный песенно-стихотворный склад отразился в «Слове о полку Игореве», в котором фольклорная и книжная традиция слились в единое органическое целое.

В XVII в. проникновение эпического стихотворного склада в литературу стало еще более заметным, что было связано с выдвижением посадского демократического читателя и писателя. Такие памятники, как записи песен для Ричарда Джемса, песни Квашнина, и особенно «Повесть о Горе-Злочастии», убедительно свидетельствуют о влиянии фольклорного стиха на письменную литературу. Если к этому прибавить большое количество ритмизованных и рифмованных строк в прозаических повестях XVII в., то можно будет сделать вполне обоснованный вывод не только о влиянии фольклорного стихотворного склада на письменную литературу, но и о высокой художественности песенных фольклорных жанров того времени.

Однако в XVII в. писатели из верхов общества составляли свои стихи не по образцу народных песен, а в форме вирш (стихов), что все же не обеспечило последним первенства перед стихом народным: и с идейной и с художественной стороны вирши XVII в. стоят неизмеримо ниже русского фольклорного стиха.

Вирши XVII в. были досиллабическими и силлабическими [3]. О существовании первых известно с XVI в.; они связаны с именами Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого. Досиллабические вирши встречаются и в некоторых прозаических произведениях XVII в., чаще всего в начале или в конце его. Таковы «Повесть» 1606 г., «Летописная книга» (иначе —

---

[1] *М. Н. Сперанский.* Деление истории русской литературы на периоды и влияние русской литературы на югославянскую. Варшава, 1896 (отд. оттиск из «Русского филологического вестника» за 1896 г., № 3—4, стр. 193—223).

[2] *М. П. Алексеев.* Очерки из истории англо-русских литературных отношений (XI—XVII вв.). Л., 1937, стр. 3. (Тезисы диссертации на степень доктора филологических наук).

[3] Т. е. имеющими равное число слогов в стихотворной строке и так называемую «женскую рифму»— ударение на предпоследнем слоге.

Симеон Полоцкий.
Гравюра.

«Повесть книги сея от прежних лет»), приписываемая князю Катыреву-Ростовскому, «Сказание Авраамия Палицына», труды Ивана Наседки и т. д.

В «Летописной книге», в частности, встречается впервые и самый термин «вирши». Расцвет досиллабических вирш падает на первую половину XVII в. Они характеризуются разнообразием рифмовки и вольностью стиха.

Зачинателем силлабического стихосложения на Руси был полоцкий ученый монах Симеон Полоцкий (1629—1680). После переезда в Москву в 1663 г. он преподавал в Заиконоспасской школе, был проповедником, а позднее стал придворным и наставником царских детей. Общественное положение определило характер его поэтического творчества. Большинство его стихотворений отражает придворную жизнь того времени. Стихи Полоцкого объединены им самим в два больших сборника: «Рифмологион» и «Вертоград многоцветный». В них, кроме панегириков, немало и шуточных и сатирических произведений, в которых автор касается бытовых сторон жизни, обличает купечество и монашество, но все это делается им для укрепления «поисшатавшейся старины», а не для изменения ее.

В 1680 г. Полоцкий переложил в стихи Псалтырь. «Рифмотворная Псалтырь» впоследствии пользовалась большой популярностью и была, в частности, одной из тех книг, которые стали для Ломоносова «вратами учености»[1].

Ученики Полоцкого — Сильвестр Медведев и Карион Истомин продолжали дело своего учителя, однако не в таких масштабах и не с таким талантом. Медведев писал преимущественно панегирики, Истомин больше известен как автор стихотворного букваря.

К XVII в. относятся и первые опыты тонического стихосложения, заимствованного из русской народной песни. Таковы, например, лирические стихи московского дворянина П. А. Квашнина (80-е годы XVIIв .).

---

[1] *Симеон Полоцкий.* Избранные сочинения. М.—Л., 1953.

Его стихотворение «К милой» имеет черты тонического стихосложения

Свет, моя милоя, дорогая,
Не дала мне на себя наглядетца,
На хорошой прекрасной лик насмотретца...[1]

* * *

Бо́льшая часть исследователей справедливо отмечала, что по своему содержанию, характеру, жанровому разнообразию литература XVII в. сильно отличается от всей предшествовавшей литературы и что поэтому со второй половины XVII в. можно начинать уже новый период в истории русской литературы. Действительно, во многом литература XVII в. своеобразна. Основным ее отличием является то, что она перестает быть достоянием только верхов русского общества — боярства, духовенства, служилой знати. Литературные памятники этого времени начинают усиленно читаться, переписываться и создаваться заново в посадской среде, мелким служилым и приказным людом, низшим духовенством.

Посад уже в первой половине XVII в. был значительной культурной силой. Показателен самый подбор бытовавших в посадской среде памятников. Среди них изредка встречаются рукописи богословского характера, чаще — памятники исторического содержания и в большом количестве сочинения светского содержания — повести, сказания, сатирические произведения и т. д. Читательские интересы посада, несомненно, отличались от запросов высших слоев феодального общества.

Показательно, что в светских повестях XVII в., оригинальных и переводных, посадский читатель отбирал лишь то, что ему было близко и понятно. В процессе такого отбора возникли особые демократические, посадские редакции повестей XVII в.

Появление в литературе XVII в. демократического читателя и писателя в первую очередь выразилось в изменении идейного содержания литературы. Рукописные сборники середины и второй половины XVII в. существенно отличаются от сборников XV—XVI вв. преобладанием исторической и светской повести над книгами богословского характера. Посад XVII в. интересовался религиозными вопросами, но они не стояли в центре внимания русских книжников XVII в. В традиционных исторических жанрах зарождается новый исторический стиль, для которого характерны поиски новых путей объяснения истории помимо воли провидения.

Авторы все свое внимание начинают уделять личной судьбе своих героев, воинским и деловым перипетиям в их жизни, особенно интересуясь их душевными переживаниями.

Литература XVII в. начинает освобождаться от оков религиозного догматизма. Стремление к правдивости изображения порой приводит ав-

[1] «История русской литературы», т. II, ч. 2, стр. 362.

торов к натуралистичности повествования (например, многие страницы из «Жития» протопопа Аввакума). Интерес к живому человеку, стремление показать его личную жизнь заметно даже в таком жанре, как житие (см. «Житие Юлиании Лазаревской»). Но вполне понятно, что старая форма не могла полностью вместить новое содержание, перераставшее рамки традиционных жанров. В XVII в. появляются новые жанры, не известные до того русской литературе или бывшие в зачаточном состоянии. Таковы светская повесть с любовной тематикой, драматургия, стихотворство.

Новые черты в литературе XVII в. в значительной степени обязаны могучему воздействию народного творчества, реалистического по своему характеру.

Однако литература XVII в. во многом оказалась бессильной порвать со старой литературной традицией. Попрежнему в литературе отсутствует автор. Это значит, что каждый переписчик повести мог вносить в нее свои изменения и дополнения, мог переделывать и текст и идею произведения. Темы и идеи, господствовавшие в литературе XI—XVI вв., продолжают существовать и в литературе XVII в. и переходят в литературу XVIII в.

Велика познавательная ценность литературы XVII в. Насыщенность бытовыми деталями сообщает произведениям этой эпохи значение документальных произведений, отразивших быт, нравы и обычаи того времени. Сила и большой «учительный» пафос литературы XVII в. вытекают из ее злободневности, публицистичности. Литература не только бесстрастно изображает события, но и оценивает их, учит жизни.

XVII в. в истории русской литературы был ознаменован появлением новых жанров. Это — различные виды сатирических пародий, вирши, драматические произведения, бытовые повести и т. д. Многообразие жанров русской литературы XVII в. оказало влияние и на особенности литературного процесса в XVIII в.

Велика также роль литературы XVII в. и в истории развития русского языка. И здесь особое место занимают произведения историко-повествовательного жанра. В XVII в. уже были заложены основные элементы характеристики литературного героя. Большое значение для развития русского литературного языка имеет тот факт, что в XVII в. «просторечие» получило доступ в литературу.

В литературе XVII в. нашел отражение живой русский язык того времени, из которого впоследствии вырос язык Пушкина, Тургенева, Толстого, Горького.

Литература XVII в. ценна и сама по себе, как своеобразный показатель уровня культуры и просвещения XVII в. Являясь художественным преломлением исторической действительности, литература той эпохи имеет важное познавательное значение. Сквозь литературные образы ярко выступают многие характерные черты XVII в., с которого начинается «новый период» русской истории.

6

ИСКУССТВО

Архитектура

В русской архитектуре XVII в. продолжали развиваться традиции сложившиеся в предшествующем столетии. Достижения русской архитектуры в XVI в. были обусловлены ее глубокой связью с народным творчеством. В лучших образцах архитектуры того времени с большой полнотой выражены особенности народного зодчества. Вышедшие из народных низов гениальные русские зодчие обращались в своем творчестве к неисчерпаемой сокровищнице деревянного зодчества, творчески перерабатывая его художественное наследие в монументальной каменной архитектуре. Архитекторы XVI в. создали новые композиционные приемы, архитектурные типы и формы, которые оказали глубокое влияние на последующее развитие русского зодчества.

В XVII в. вырабатывались новые формы самостоятельного национального стиля. Усилившееся дворянство и торговая верхушка посадского населения принесли свои архитектурные вкусы, нашедшие яркое отражение как в гражданском, так и в церковном зодчестве.

* * *

Несмотря на довольно большое развитие каменного строительства, деревянная архитектура преобладала в XVII в. даже в столице. Что же касается сел и деревень, то там, как и прежде, строительство велось почти исключительно из дерева.

Русские мастера-плотники издавна приобрели ряд совершенных, вполне самобытных композиционных и конструктивных приемов. С помощью простых, экономичных средств они добивались увеличения полезной площади сооружения либо путем объединения нескольких срубов, либо применения восьмиугольных и крестообразных в плане срубов. В продолжение столетий постепенно создавались различные типы сооружений: односрубные и трехсрубные жилые дома, крепостные ограды и башни, клетские[1] и шатровые церкви. Средства достижений художественной выразительности в деревянном зодчестве были органически связаны со свойствами дерева. Здесь особенно отчетливо можно видеть органическую связь общей композиции здания с его утилитарным назначением и художественной ролью в окружающем ансамбле, природе. Русская деревянная архитектура на всех этапах ее развития была архитектурой реалистической, тесно связанной с потребностями быта.

Квадратный сруб, или клеть, является основным элементом древнерусского жилого дома. Наиболее распространенным было сочетание двух клетей,

[1] Клетская церковь — деревянная церковь, в основе которой лежит четырехугольный бревенчатый сруб («клеть»).

Владимирская церковь в селе Белой Слуде Архангельской области, 1642 г.

поставленных рядом и связанных друг с другом сенями. Обычно жилые помещения располагались на втором этаже, а в нижнем этаже, называемом подклетом, устраивались хозяйственные помещения и кладовые. К жилому дому обычно примыкали сараи, амбары, помещения для скота и птицы, которые образовывали внутренний двор. В зависимости от природных условий северный тип крестьянского жилья существенно отличался от центральных и особенно южных областей страны. Для первого характерны высокие подклеты и крытые дворы, для второго — одноэтажное жилье, часто с земляным полом и открытым двором. Богатые дворянские и купеческие хоромы представляли собой по существу развитие и усложнение системы отдельных клетей, соединенных сенями и переходами.

Вследствие частых пожаров и недолговечности дерева как строительного материала, деревянные жилые постройки XVII в. до нас не дошли, и о них можно судить только по письменным источникам и немногим сохранившимся чертежам и рисункам того времени. Значительно лучше сохранились памятники культового зодчества, хотя их осталось также сравнительно немного, главным образом на Севере. Крестьянские зодчие создали здесь исключительно своеобразные архитектурные сооружения, ярко отразившие неисчерпаемое творческое богатство народной фантазии. Городское каменное зодчество XVII в. широко использовало и перерабатывало эти художественные формы, бережно поддерживая их своеобразный национальный колорит.

Деревянные культовые сооружения этого времени отличаются композиционным разнообразием при наличии ограниченного количества основных типов зданий. Последние мало изменились по сравнению с деревянными постройками XVI в., но достигают исключительно большой изобретательности и художественного совершенства в разработке архитектурных форм, завершающих основное здание. Главные типы церковных

Ильинская церковь в селе Чухчерьме Архангельской области, 1657 г.

построек—квадратная или прямоугольная в плане «клетская» церковь, крытая высокой двускатной кровлей или «кубоватым» покрытием; восьмигранный сруб, крытый шатром, и, наконец, крестообразный в плане сруб с более сложным завершением. Иногда эти основные типы и их элементы живописно сочетались друг с другом в одном сооружении.

Стройная и динамичная по композиции Владимирская церковь в селе Белая Слуда Архангельской области (1642) является примером шатровой церкви XVII в., в величавой простоте архитектурных форм развивающей лучшие традиции шатровой архитектуры предшествующего времени. К восьмигранному срубу примыкают два прируба, перекрытых «бочками». Ильинская церковь в селе Чухчерьма близ Холмогор (1657) представляла простой кубический объем, к которому примыкали два прируба, тоже перекрытых бочками. Квадратное в плане здание имело пологую четырехскатную кровлю с невысоким увенчанным главой шатром в центре, окруженным восемью главами, поставленными по краям основного сруба. Успенская церковь в селе Варзуге Мурманской области (1674) имеет крестообразный в плане сруб, на который поставлен восьмерик, завершенный шатром. К основному срубу примыкают четыре прируба, покрытые тремя возвышающимися одна над другой бочками. Монументальная композиция здания гармонично сочетает разнообразные архитектурные формы, строго подчиненные единому художественному целому. В деревянной церкви села Юромского Архангельской области (1685) наблюдается дальнейшее усложнение архитектурных форм в композиции объемов здания. Высокий, квадратный в плане, сруб завершается стройным восьмигранным шатром, который как бы вырастает из перекрытия в форме крещатой бочки основного сруба. Архитектурная композиция деревянных церквей все более усложняется к концу XVII в., как, например, в церкви села Богословского близ Ростова (1687), где центральный, квадратный в плане, сруб завершается двумя восьмериками. В церкви села Ширкова Кали-

Успенская церковь в селе Варзуге Мурманской области, 1674.

нинской области (1697) создается новая высотная композиция (высота здания 45 м) в виде нескольких поставленных один на другой, квадратных в плане срубов, постепенно уменьшающихся вверх и перекрытых восьмискатными кровлями[1].

В XVII в. продолжалось также деревянное крепостное строительство. Сохранилась часть рубленых стен и башня Якутского острога (1683) с навесными бойницами и парапетами из бревен, а также надвратная башня Николо-Карельского монастыря на Северной Двине (1691—1692), перевезенная на территорию подмосковного музея села Коломенского[2].

Наиболее выдающимся сооружением русского деревянного зодчества XVII в. был дворец в подмосковной царской усадьбе в селе Коломенском, построенный под руководством мастеров Семена Петрова и Ивана Михайлова в 1667—1668 гг., известный по чертежам и рисункам, выполненным перед тем, как постройки дворца были разобраны «за ветхостью» в 60-х годах XVIII в. Коломенский дворец состоял из большого количества разнообразных деревянных сооружений, объединенных между собой сенями и крытыми переходами и составлявших несколько самостоятельных архитектурных комплексов, сгруппированных вокруг внутренних дворов.

---

[1] «История русской архитектуры», краткий курс, М., 1951, стр. 96—99.

[2] Там же, стр. 102—104; *Е. А. Ащепков*. Русское народное зодчество в Восточной Сибири. М., 1953, стр. 13—22.

Надвратная башня стены Николо-Карельского монастыря, 1691—1692 гг.
Музей «Село Коломенское».

Отдельные группы помещений включали хоромы царя, царевичей, царицы и царевен, различные служебные и хозяйственные помещения, к которым примыкала каменная придворная церковь.

Народные мастера, строившие дворец, показали высокое художественное мастерство и неистощимую изобретательность в разнообразном сочетании архитектурных форм, бытовавших в народном деревянном зодчестве, а также в богатстве резных узоров, которыми они украсили фасады дворца, горевшие на солнце позолотой и яркими красками. Резное убранство дворца выполнялось белорусскими мастерами — резчиками по дереву[1].

Современники восхищались архитектурой и декоративным убранством Коломенского дворца, сравнивали его с драгоценной игрушкой и называли восьмым чудом света[2]. Вместе с одним из наиболее выдающихся памятников монументального зодчества XVI в. — церковью Вознесения (1532) — дворец представлял сказочно-живописный архитектурный ансамбль, свободно раскинувшийся в зелени садов на высоком берегу Москвы-реки.

---

[1] *И. Е. Забелин.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетии, ч. I, М., 1895, стр. 446.

[2] *Симеон Полоцкий.* Избранные сочинения, стр. 105.

* * *

Троицкая башня Московского Кремля. Современный вид.

Интервенция и длительная экономическая разруха начала столетия отрицательно сказались в области монументального строительства, которое возобновляется только в 20-х годах XVII в. Восстановление разрушений, причиненных интервентами Московскому Кремлю, было одной из первых забот нового правительства. Одновременно с восстановлением крепостных стен и башен в 1625 г. главные ворота Кремля украшаются высокой шатровой надстройкой, совершенно изменившей первоначальный суровый крепостной характер Спасской башни. Нарядный верх башни, где были установлены «куранты», создал новый, торжественно-праздничный облик парадного въезда в Кремль со стороны Красной площади.

Как и раньше, в первой половине XVII в. культовые постройки продолжают занимать преобладающее место в монументальном каменном строительстве. Они повторяют в основном плановые и композиционные приемы церковной архитектуры предшествующего столетия. Такова церковь Покрова в Рубцове (1619—1626), построенная в подмосковной царской усадьбе в память победы над интервентами. Это скромное по размерам сооружение, простой кубический объем которого завершается главой, поставленной на пирамиду из кокошников, напоминает собор Донского монастыря, выстроенный в 1593 г.

Старым образцам каменной шатровой архитектуры следуют выстроенный в Нижнем-Новгороде Архангельский собор в Кремле (1631), построенная князем Д. М. Пожарским в своей подмосковной усадьбе селе Медведкове церковь Покрова (1620-е годы), Успенская церковь в Угличе (1628). Вместе с тем уже в этих ранних постройках XVII в. можно видеть новые тенденции к нарядности внешнего облика и некоторой камерности, интимности внутреннего пространства. Каменные шатры этих

Успенская «Дивная» церковь Алексеевского монастыря в Угличе, 1628 г.

построек отличаются стройностью и изяществом, особенно в трехшатровой Успенской церкви в Угличе, исстари получившей название «Дивной». Шатры постепенно приобретают чисто декоративное значение в архитектурной композиции здания. Грани шатра получают нарядную декоративную обработку, и вместо строго конструктивных шатров XVI в., создающих величественные внутренние помещения храма, в «Дивной» церкви все три шатра являются декоративными надстройками, совершенно не связанными с интерьером здания.

В церкви села Медведкова применен новый конструктивный прием перехода от основного четверика здания к восьмерику шатра путем устройства ступенчатых арок по сторонам четверика. Это дало возможность значительно уменьшить площадь восьмерика и сделать кирпичный шатер более стройным и изящным по пропорциям, чем шатры XVI в. Высота шатра в медведковской церкви в два с половиной раза больше диаметра его основания, в то время как шатры XVI в. имели высоту не более двух диаметров основания. Снаружи на свободных углах четверика поставлены четыре главки, которые вместе с центральной главой отвечали требованиям традиционного пятиглавия храма и придавали большую живописность его силуэту.

Новые черты заметны также и в традиционном типе пятиглавых церквей, как, например, Николы Надеина в Ярославле (1620—1621), где повторяются плановые и композиционные приемы культовой архитектуры XVI в. Характерно, что система покрытия по сводам используется в данном случае для устройства небольших тайников для хранения ценностей, а нижний этаж (подклет) церкви строится как склад для товаров крупного ярославского купца Надеи Светешникова — строителя этой церкви. Таким образом, церковное здание одновременно используется в качестве надежной кладовой для хранения ценностей и как удобное помещение для торговых операций. Подобное использование церковных построек получает широкое распространение в XVII в.

В сооружениях светского, гражданского характера заметно выступает стремление к живописности и нарядности декоративного убранства, как это имело место в надстройке Спасских ворот Московского Кремля. Эта тенденция получает дальнейшее развитие в архитектуре кремлевских «теремов» (1635—1636), построенных известными мастерами Антипой Константиновым, Баженом Огурцовым, Трефилом Шарутиным и Ларионом Ушаковым[1].

Вознесенская церковь в Устюге Великом, 1648 г.

Расположенное на вершине кремлевского холма над Москвой рекой трехэтажное здание Теремного дворца было выстроено на высоком подклете, сохранившемся от старого дворца начала XVI в. Фасады теремов были богато украшены резным белым камнем и цветными изразцами. Здание Теремного дворца с высокой золоченой кровлей, окруженное группой златоглавых придворных церквей и выстроенных ранее приемных палат, господствовало над кремлевским «хоромным строением» и составляло неотъемлемую часть живописного кремлевского ансамбля. Верхний этаж теремов представлял собою обширный светлый зал с двусторонним освещением, окруженный открытой площадкой-гульбищем, с которой открывался вид на город. Небольшие, перекрытые сводами комнаты жилого этажа, одинакового размера, с тремя окнами, примыкали одна к другой наподобие клетей в деревянных хоромах. Их стены и своды были покрыты росписью, оконные проемы и порталы дверей отделаны тонкой белокаменной резьбой; облицованные цветными изразцами печи дополняли красочное и нарядное внутреннее убранство жилых комнат. Однако и после постройки теремов постоянные жилые покои царской семьи оставались деревянными и располагались поблизости от нового каменного дворца. Здесь особенно наглядно сказалась живучесть древней традиции деревянного жилья, сложившейся в течение многих столетий. Богатство

[1] *И. Е. Забелин.* Указ. соч., ч. I, стр. 57—59.

Церковь Ильи пророка в Ярославле, 1647—1650 гг.

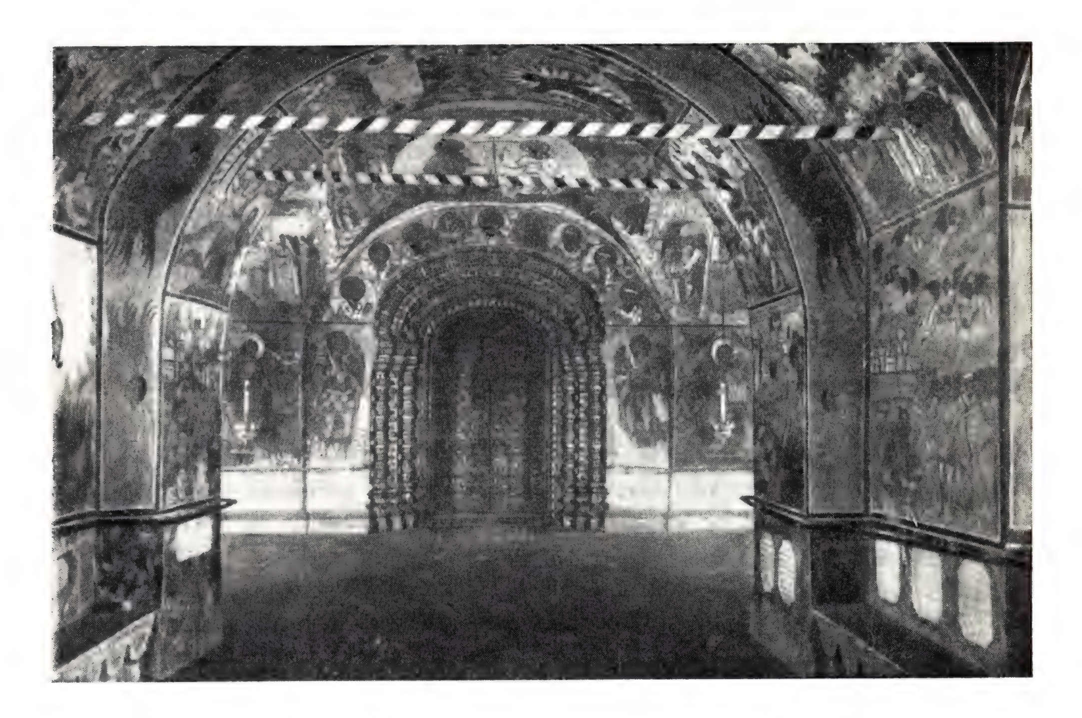
и живописность архитектуры Теремного дворца сказались на дальнейшем развитии церковного и гражданского каменного зодчества.

Нарядные церковные здания, живописные по композиции, с крытыми галлереями, шатровыми крылечками и высокими стройными колокольнями особенно характерны для купеческого строительства середины XVII в. Таковы московские церкви Троицы в Никитниках (1628—1653) и Рождества в Путинках (1649—1652), постройки Троицкого монастыря в Муроме (1642—1648), Вознесенская церковь в Великом Устюге (1648) и т. д. Изощренная узорчатость и красочная нарядность этих сооружений отражали художественные вкусы богатых заказчиков и в плане архитектурного ансамбля были тесно связаны с окружающей городской жилой застройкой.

Особенно замечательны по художественному мастерству ярославские церкви этого времени, как, например, Ильи пророка (1647—1650), Иоанна Златоуста в Коровниках (1649—1654), Иоанна Предтечи в Толчкове (1671—1687). Талантливые ярославские мастера, наряду с исключительным разнообразием и богатством декоративного убранства, создали величественные архитектурные ансамбли, значительно превосходящие по масштабу, красочному богатству и монументальности московские постройки этого стиля [1]. Синтез архитектуры и живописи в интерьерах церквей достигает здесь высокого совершенства.

На примере ярославских построек можно видеть художественное разнообразие русской архитектуры середины XVII в. В это время образо-

[1] *И. Э. Грабарь.* История русского искусства, т. II, М., 1909, стр. 151.

Церковь Иоанна Предтечи в Ярославле. Портал западной паперти 1671—1687 гг.

вались местные архитектурные школы, крепко связанные как с местными особенностями быта и природы, так и с художественными традициями народного искусства. Но в то же время все эти архитектурные школы, свидетельствующие о наличии местных культурных центров, были тесно связаны с ведущей архитектурой столицы. Московская архитектура впитывала в себя все яркое и оригинальное, появлявшееся на местах, творчески перерабатывала эти местные достижения и в свою очередь влияла на местную архитектуру. Так создавалась единая русская национальная архитектура. Ведь не случайно то обстоятельство, что среди ведущих, наиболее одаренных каменных дел подмастерьев — русских архитекторов XVII в. — наряду с москвичами Антипой Константиновым, Дмитрием и Осипом Старцевыми, Иваном Неверовым, Иваном Кузнечиком и другими были кашинцы Бажен Огурцов, Трефил и Никита Шарутины, белозерцы Дмитрий и Леонтий Костоусовы, калязинец Аверкий Мокеев, крестьянин Нижегородского уезда Терентий Макаров, крепостной крестьянин из дмитровской вотчины Татищева Яков Бухвостов, крепостной крестьянин из владимирской вотчины князей Черкасских Петр Потехин и др.[1] Сохраняя свою творческую индивидуальность, каждый из них был представителем единой русской архитектуры XVII в.

---

[1] *Н.Н Воронин.* Очерки по истории русского зодчества XVI—XVII вв., М.—Л., 1934, стр. 34.

Официальная церковь, особенно в лице патриарха Никона и его преемников, делала безуспешные попытки приостановить «обмирщение» церковной архитектуры, вернуть ей строгость и лаконичность «освященных» церковных форм, что отвечало стремлению патриарха возвысить политическую роль церкви в государстве. В это время значительно расширяется Патриарший двор в Кремле (1643—1656), где устраивается огромный, площадью около 300 кв. м, приемный зал с двусторонним освещением — первый бесстолпный зал таких размеров в русской архитектуре[1]. После этого Никон развертывает грандиозное строительство Нового Иерусалима — своей подмосковной резиденции (1656—1694), которое ему не удалось довести до конца.

Отдельные сооружения новоиерусалимского комплекса должны были, по мнению Никона, воссоздать на русской почве наиболее почитаемые святыни старого Иерусалима. С этой целью он направил своего представителя в Палестину для получения чертежей и модели Иерусалимского храма[2]. Однако за исключением плана главного собора, который довольно точно воспроизводит план своего образца, архитектурный облик новоиерусалимских сооружений не имеет ничего общего с их палестинскими образцами. Сохраняя традиционные черты древнерусской культовой архитектуры, русские мастера и здесь широко применяют отдельные красочные декоративные детали в отделке фасадов и интерьеров различных сооружений комплекса. Грандиозные постройки, законченные уже после смерти Никона, были прекрасным образцом единого художественного замысла и оказали большое влияние на дальнейшее развитие архитектурного ансамбля. Они были также школой высокой строительной техники и художественного мастерства в архитектуре второй половины XVII в. В строительстве Нового Иерусалима, выполненном под общим руководством каменных дел подмастерья Аверкия Мокеева в середине века и Якова Бухвостова в конце века, большую роль играли белорусские мастера, с большим совершенством выполнившие сложные резные работы по дереву и превосходные изразцы для внутренней и наружной отделки здания.

Другим образцом единого по художественному замыслу архитектурного ансамбля является также митрополия в Ростове (1670—1683), обычно называемая Ростовским кремлем. Окруженная высокими стенами и башнями, резиденция ростовского митрополита была построена в центре города, на месте древнего кремля. Однако центральный городской собор был оставлен вне стен митрополии. Резиденция митрополита представляла собой сложный комплекс жилых, культовых, служебных и хозяйственных построек, соединение монастыря и богатой помещичьей усадьбы,

---

[1] *И. Е. Забелин.* История города Москвы, ч. I, М., 1905, стр. 503, 512.

[2] *И. Э. Грабарь и С. А. Торопов.* Архитектурные сокровища Нового Иерусалима.— Сб. «Памятники искусства, разрушенные немецкими захватчиками в СССР». М., 1948, стр. 177.

которой только внешне был придан архитектурный облик древнерусского кремля. Некоторая театральность характерна для наружного и внутреннего убранства построек Ростовского кремля, в особенности домовой церкви митрополита — Спаса на Сенях (1675). Небольшая, квадратная в плане церковь наполовину занята высокоподнятой солеей (амвоном), отделенной от церковного зала сквозной аркадой, опирающейся на позолоченные фигурные столбы. Сплошная роспись стен и сводов, выдержанная в голубых и золотистых тонах, усиливает нарядный, праздничный характер интерьера.

Развитие торгово-промышленной деятельности вызывало потребность в промышленном строительстве, расширении и перестройке существовавших гостиных дворов и строительстве новых городских торговых центров. В 1660—1665 гг. строится новый московский Гостиный двор в Китай-городе. Постройки Гостиного двора составляли в плане замкнутый четырехугольник, окруженный высокими каменными стенами, со сторожевыми башнями по углам. Каменные склады и торговые помещения располагались по периметру внутреннего двора, примыкая непосредственно к стенам[1]. Еще более обширным и сложным архитектурным комплексом был новый Гостиный двор в Архангельске — центре внешнеторговых связей Русского государства, выстроенный на берегу Северной Двины в 1668—1684 гг. под наблюдением московского каменных дел подмастерья Дмитрия Старцева по чертежам, присланным из Москвы. Высокие каменные стены с башнями по углам и над проездными воротами окружали огромную территорию двора, где было выстроено свыше 200 отдельных, примыкавших друг к другу торговых помещений, образовавших внутри отдельные торговые дворы для русских и иноземных купцов[2].

В 1658—1661 гг. капитально перестраивается и расширяется Хамовный (полотняный) двор в Замоскворечье. Производственный корпус был выстроен в глубине прямоугольного двора, окруженного высокой каменной оградой с круглыми башнями по углам и монументальными проездными воротами, симметрично завершенными тремя декоративными башенками. Двухэтажный производственный корпус по своему плану напоминает жилые палаты: в центре сени, по сторонам от которых в каждом этаже располагались просторные «мастерские палаты» с трехсторонним освещением[3].

К XVII в. относится строительство первых чугунолитейных, железоделательных, кожевенных, стекольных и других заводов и, таким образом, зарождение русской промышленной архитектуры. Наряду с боярином Морозовым, именитыми людьми Строгановыми, которые развернули обширное

[1] *Н.А. Бакланова.* Постройка нового Гостиного двора в Москве в 1660—1665 гг.— Сб. «Академику Б. Д. Грекову ко дню 70-летия», М., 1952, стр. 190—199.

[2] ДАИ, т. VI, СПб., 1857, № 5, стр. 32—41; № 21, стр. 112—153; ЦГАДА. Приказные дела старых лет, 1670 г., д. 109, лл. 1—547.

[3] *Р. Подольский.* Государев Хамовный двор в Кадашевской слободе в Москве.— «Сообщения Ин-та истории искусств», вып. 1, М.—Л., 1951, стр. 84—111.

промышленное строительство в своих вотчинах, царь Алексей Михайлович проявлял практический интерес к этому делу. Во второй половине XVII в., под непосредственным наблюдением царя, создается огромный по масштабу того времени сельскохозяйственный и промышленный комплекс в подмосковной царской усадьбе Измайлово.

На обширной территории, которая включала поля, леса, луга, сады и огороды, в сравнительно короткий срок были выстроены разнообразные хозяйственные, промышленные и технические сооружения, в том числе каменные риги и токи для сушки, обмолота и хранения зерна, плотины с водяными мельницами и несколько заводов: льняной, стекольный, винный, маслобойный[1].

Расположенный в центре усадьбы, прямоугольный в плане, Государев двор был обстроен с трех сторон каменными служебными и хозяйственными помещениями с двумя проездными парадными воротами. Четвертую, южную сторону двора замыкали деревянные царские хоромы и каменная церковь, соединенная с хоромами крытыми переходами. Сложный и разнообразный комплекс Измайловской усадьбы, от которого сохранилась только небольшая часть сооружений, является интересным примером архитектурного ансамбля XVII в., в котором традиционные для древнерусского зодчества художественные формы и приемы сочетаются с элементами новой ордерной архитектуры в декоративном убранстве зданий с преобладанием геометрически правильной планировки и строгой симметрии в композиции отдельных сооружений.

Во второй половине XVII в., после постройки Теремного дворца, каменное жилое строительство все шире распространяется среди торговых людей и дворянства. Каменные палаты первоначально строятся как парадные, приемные помещения. Владельцы их попрежнему предпочитают жить в деревянных хоромах, расположенных рядом с каменными, либо составлявших их верхний деревянный этаж, предназначенный для постоянного жилья. Каменные жилые дома по своей планировке не отличаются от деревянных хором: это обычно две клети, поставленные рядом и разделенные сенями. Так же как и в деревянном зодчестве, жилой этаж каменных палат обычно ставился на подклет, в котором находились хозяйственные и служебные помещения. Размещение жилых комнат в верхних этажах вызывало необходимость устройства наружных лестниц с высокими крылечками, завершенными декоративными шатрами, что придавало живописный характер наружному облику жилого дома.

Палаты торговых людей Поганкиных в Пскове, построенные около 1645 г., сохраняют традиционные для псковской архитектуры черты суровой простоты и монументальности. Три каменных корпуса в один, два и три этажа замыкают внутренний двор. Гладкие стены фасадов, обращенные на улицы, не имеют входов и оживляются только небольшими окон-

---

[1] *А. Г. Чиняков.* Архитектурные памятники Измайлова.— «Архитектурное наследство», т. II, М., 1952, стр. 193—220.

Дом Коробова в Калуге, XVII в.

ными проемами, расположенными несимметрично в верхних этажах здания. В нижнем этаже находились склады для товаров, верхние этажи были заняты торговыми помещениями, куда вела наружная лестница, устроенная со двора. Жилые помещения располагались, повидимому, в верхних, деревянных этажах палат, которые не сохранились до настоящего времени[1]. Двухметровая толщина каменных стен использована для устройства тайников, междуэтажных лестниц и уборных, оборудованных гончарными канализационными трубами.

Прочность, суровая простота и замкнутость от внешнего мира характеризуют полукрепостной облик городской усадьбы богатого псковского купца. Во второй половине XVII в. традиционная простота и строгость псковской архитектуры начинают изменяться под влиянием «узорочной» московской архитектуры. Это сказалось в появлении нарядных наличников оконных проемов, декоративном обрамлении крылец и порталов дверей у некоторых псковских жилых домов того времени.

Каменные жилые дома, сохранившиеся в Ярославле, Гороховце, Калуге, Нижнем-Новгороде и других городах, отличаются богатым декоративным убранством фасадов при однотипной планировке в виде просторных сеней в центре, к которым примыкают с одной стороны большая светлая

[1] *Ю. Спегальский.* Памятники зодчества в Пскове.— Сб. «Памятники искусства, разрушенные немецкими захватчиками в СССР», стр. 164.

горница, а с другой — жилые комнаты. Сложные карнизы, затейливые наличники окон, декоративные лопатки и колонки украшают фасады верхних жилых этажей зданий, в то время как нежилые помещения нижнего этажа сохраняют простое и скромное архитектурное убранство. Крылечки с фигурными столбиками и нарядными шатрами (дом Коробова в Калуге, Иванова в Ярославле) или с небольшой «светлицей», устроенной на столбах крыльца (дома Серина и Шумилиной в Гороховце), придают жилому дому не только нарядный, но и приветливый уютный внешний облик.

Значительно испорченные позднейшими перестройками палаты думного дьяка А. С. Кириллова (ранее — гостя) в Москве (1656—1657) дают некоторое представление о городской усадьбе крупных торговых людей во второй половине XVII в. В центре усадьбы, расположенной по берегу Москвы-реки, близ Каменного моста, стояли трехэтажные каменные палаты и домовая церковь, соединенные между собой крытыми переходами на столбах. Церковь и палаты имели богатое декоративное убранство, выполненное из резного белого камня, фасонного кирпича, цветных изразцов, и составляли единый архитектурный ансамбль, вокруг которого были расположены многочисленные хозяйственные и служебные постройки — людские, поварни, погреба, кладовые, бани и хозяйственные дворы с садом и огородом.

Такой же характер имела усадьба Крутицкого митрополита,— так называемое Крутицкое подворье, расположенное на высоком берегу Москвы-реки. Особенно богато были украшены главные ворота усадьбы с небольшой «палаткой»— теремком над проездом. Наружный фасад теремка, выстроенного в 1693 г. под наблюдением каменных дел подмастерья Осипа Старцева[1], сплошь облицован цветными изразцами, специально выполненными для этого сооружения. Нарядность и красочность архитектурного убранства достигают здесь предельной насыщенности.

К концу XVII в. жилые дома богатых горожан приобретают все бо́льшую пышность в наружном и внутреннем убранстве, увеличиваются оконные проемы, расширяются площади жилых и парадных комнат, в фасадах зданий заметно стремление к симметрии архитектурных форм. Это можно видеть в московских палатах князя В. В. Голицына (1689) и боярина И. Б. Троекурова (1696), выстроенных в центре города, в Охотном ряду[2]. Главный фасад голицынского дома выходил на передний, или красный, двор, окруженный оградой с парадными каменными воротами. Так же как и в палатах А.С.Кириллова, дом соединялся крытым переходом с расположенной поблизости церковью. В центре нижнего этажа дома был устроен проезд, соединявший красный двор с задним, хозяйственным двором. Внутреннее убранство палат отличалось необычайной роскошью. Стены парадных комнат, расположенных во втором этаже, были обиты

[1] *А. Н. Сперанский.* Очерки по истории Приказа каменных дел Московского государства. М., 1930, стр. 217.

[2] «История русской архитектуры», краткий курс, стр. 121—124.

Дом Серина в Гороховце, XVII в.

цветным сукном, тисненой кожей и фряжскими шпалерами (обоями), а потолки украшены живописью. Облицованные цветными изразцами печи, пестрые восточные ковры и резная мебель из ценных пород дерева дополняли богатое внутреннее убранство палат.

Новые черты симметрии особенно заметно выступают в здании «Чертогов» Троице-Сергиева монастыря, построенных в конце XVII в. для размещения царской семьи и свиты на время пребывания их в монастыре. Монументальное двухэтажное здание Чертогов включало анфиладу парадных комнат вверху и различные служебные помещения в нижнем этаже. Чертоги имели открытую террасу-гульбище вдоль всего главного фасада здания, обращенного на соборную площадь монастыря. На террасу, устроенную на уровне второго этажа здания, вели две широких парадных лестницы. Большие прямоугольные парные окна, расположенные строго симметрично по фасаду, имели богатое обрамление из резного белого камня. Цветные изразцы в изобилии украшают плоскость стены, которая первоначально была раскрашена «в шашку». Здание Чертогов по своей правильной планировке, анфиладному расположению парадных комнат и строгой симметрии архитектурных форм является прообразом дворцов XVIII в.

К концу XVII в. все более явственно выступает тенденция к четкой симметрии в планах и фасадах зданий, к лаконичному и выразительному

Церковь Покрова в селе Филях под Москвой, 1693 г.

построению объемной композиции, к некоторой стандартизации декоративного убранства фасадов. В последнем все более заметную роль начинают играть элементы западноевропейской ордерной архитектуры в своеобразной трактовке древнерусских мастеров. Возросший интерес русских архитекторов к достижениям европейской архитектуры, их активная строительная деятельность на Украине — все это творчески обогащало и благотворно влияло на развитие русской архитектуры конца XVII в.

Московские архитекторы неоднократно приглашались для выполнения особо важных построек на Украине. Так, например, каменных дел подмастерье Осип Старцев строит Никольский собор (1682—1687) и собор Братского монастыря (1695) в Киеве. Другие московские зодчие работают не только в Киеве, но и в Чернигове, Стародубе, Глухове, Новгород-Северске[1].

Настойчивые поиски новых художественных образов в архитектуре, отвечавших изменениям в жизни и эстетических воззрениях общества, приводят к сложению нового художественного направления в архитектуре конца XVII в., в котором нашли гармоничное сочетание традиционные приемы древнерусской архитектуры и творческая переработка отдельных элементов классической архитектуры. Церкви в подмосковных усадьбах, принадлежавших Л. К. Нарышкину, — Покрова в Филях

[1] «История архитектуры Украинской ССР», т. I (рукопись), стр. 280.

Иосифов Волоколамский монастырь. Общий вид.

(1693) и Троицы в Троицком-Лыкове (1698—1703) являются наиболее совершенными созданиями нового стиля, который иногда называют «нарышкинским» или «московским» барокко[1]. Стройный, башнеобразный тип церкви «со звоном» на верху был известен в русской архитектуре еще с XVI в. В XVII в. здесь с большим мастерством использовано традиционное в русской архитектуре красочное сочетание кирпича и белого камня в обработке фасадов и необычайное изящество декоративного убранства, в котором существенную роль играют своеобразно трактованные элементы западной, ордерной архитектуры.

Светские влияния в культовом зодчестве отчетливо сказались и в архитектуре городских и монастырских соборов, где особенно прочно держались традиции, идущие от кремлевского Успенского собора. Среди построек этого типа особенно примечательны Успенский собор в Рязани, построенный в 1693—1699 гг. крепостным архитектором Яковом Бухвостовым, а также собор Введенского монастыря в Сольвычегодске, построенный в 1689—1693 гг. на средства Строгановых.

Архитектурный ансамбль, в котором весь комплекс разнообразных сооружений обладает художественным единством, где отдельные части гармонически подчиняются идейному и художественному замыслу целого, достигает большого совершенства в русской архитектуре XVII в. В это время получает свое завершение замечательный по своему художественному единству и живописности ансамбль Московского кремля, в котором нельзя что-либо отнять, не нарушив художественной гармонии целого, а также ряд монастырских ансамблей, среди которых особенно выделяются высокими архитектурными достоинствами Новодевичий и Симонов в Москве, Троице-Сергиев в Загорске, Спасский в Суздале и Иосифов близ Волоколамска[2]. Суровые крепостные стены и башни монастырей дополняются нарядной декоративной обработкой, в которой живописно сочетаются красный кирпич, белый камень, а иногда цветные изразцы.

Скромные монастырские трапезные палаты перестраиваются и приобретают вид парадных дворцовых зал: их богатая наружная отделка не уступает дворцовым сооружениям. Трапезные палаты Троице-Сергиева монастыря (1686—1692) или Симонова монастыря (1680—1683) резко отличаются от более ранних аналогичных построек своими светлыми, просторными бесстолпными залами, открытыми гульбищами-террасами с широкими парадными лестницами. Богатая декоративная отделка фасадов дополняется яркой раскраской стен и архитектурных деталей. Главные ворота монастырей приобретают подчеркнуто торжественный, парадный характер, в монастырском ансамбле появляется новый элемент — стройная вертикаль колокольни. Эти своеобразные

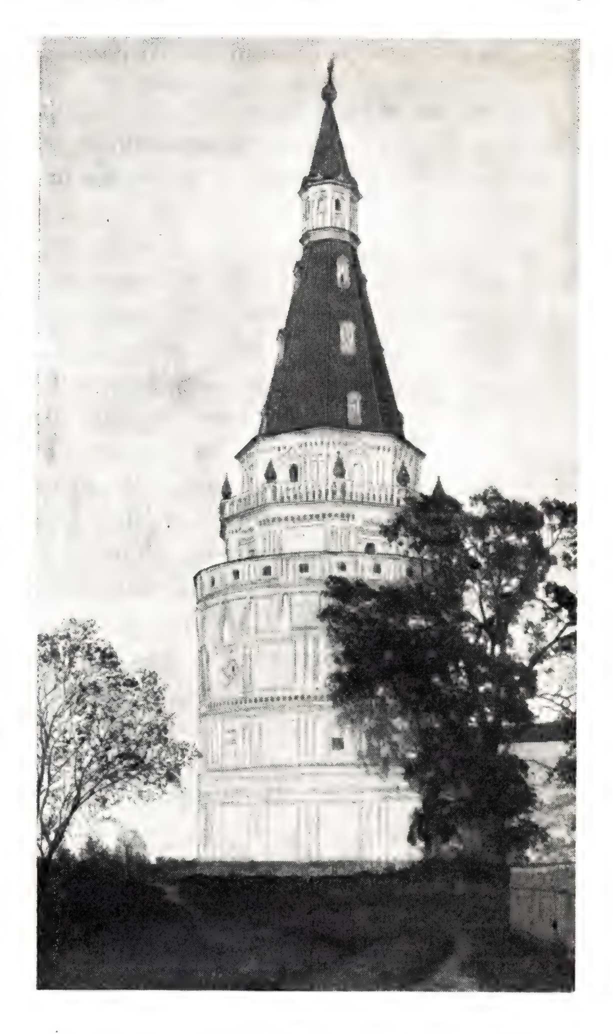
---

[1] «История русской архитектуры», краткий курс, стр. 127.

[2] *А. В. Бунин.* История градостроительного искусства, т. I, М., 1953, стр. 274—278.

высотные сооружения в древнерусской архитектуре, прообразом которых явился Иван Великий Московского кремля, широко распространяются не только в строительстве монастырских ансамблей, но и в городском и сельском строительстве последующего времени.

Наиболее характерная черта русского зодчества XVII в. — развитие светских реалистических тенденций как в гражданском, так и в культовом зодчестве. Ни один другой период в истории древнерусской архитектуры не создал такого разнообразия новых типов зданий, новых приемов архитектурной композиции, такого красочного и пластического богатства в декоративном убранстве фасадов. В идейно-художественном содержании архитектуры того времени нашла выражение борьба новых светских идей против церковности. Этот процесс борьбы с изжившими себя традициями в архитектуре за светское, реалистическое искусство ярко воплощен в сложившемся к концу столетия новом стилистическом направлении — так называемом «нарышкинском», которое одновременно и завершает развитие древнерусской архитектуры и несет в себе элементы того нового, что получит дальнейшее блестящее развитие в русской архитектуре XVIII в.

Кузнечная башня Иосифова Волоколамского монастыря, XVII в.

Необходимо отметить также характерную черту, свойственную издревле русской архитектуре и особенно наглядно выступающую в архитектуре этого времени, — ее исключительное национальное своеобразие. Творчески перерабатывая и осваивая достижения западной и мировой архитектуры, русская архитектура полностью сохраняла свои художественные особенности и специфические черты.

Живопись

На почве объединения отдельных княжеств и земель в единое государство к концу XVI в. складывается общерусский стиль в живописи. Устойчивость композиции и стремление к повествовательности характеризуют живопись XVI в.

В самом конце XVI в. в станковой живописи наметилось новое художественное течение, отличное от основной линии развития живописи,— так называемое «строгановское письмо». Установлено, что в большинстве случаев авторами «строгановских» икон были московские иконописцы, писавшие по заказу Строгановых. Большое распространение получает маленькая комнатная икона, не связанная с традициями монументального искусства. Ее характерной особенностью является мелкое каллиграфическое письмо. Строгановская школа живописи — довольно распространенное в первой половине XVII в. течение в русской живописи, в котором главное внимание уделяется тщательной разработке деталей. Наиболее видными представителями строгановской школы были Прокопий Чирин, Никифор Савин, Емельян Москвитин. Художники этой школы — лучшие царские «изографы» овладели опытом своих предшественников и довели техническое мастерство до величайшего совершенства. Утонченность рисунка, разнообразная красочная гамма, сильно обогащенная золотом, всегда дается выдержанной в общем тоне. Все внимание художника сосредоточено на внешней стороне композиции. Если учесть сравнительно небольшие размеры икон, то эти произведения надо рассматривать как тончайшие произведения ювелирного искусства.

Яркое представление о характерных особенностях икон строгановского письма дал Павел Алеппский, один из спутников антиохийского патриарха Макария, посетившего Москву в 50-х годах XVII в. «Иконописцы в этом городе [Москве], — пишет он, — не имеют себе подобных на лице земли по своему искусству, тонкости кисти и навыку в мастерстве: они изготовляют образки, восхищающие сердце зрителя, где каждый святой или ангел бывает величиной с чечевичное зернышко или с османи [мелкая монета]. При виде их мы приходили в восторг.., мы видели маленькую икону из трех дощечек, т. е. с дверцами: фигуры ангелов на ней величиною с мух — работа изумительная. Жаль, что люди с такими руками тленны!»[1].

Характерные черты строгановской школы сказались в равной степени как в изображении лиц, так и пейзажа, например на известной иконе «Предтеча в пустыне» Никифора Савина (начало XVII в.)[2].

Некоторые черты влияния этой школы можно отметить в живописи конца XVII в. Это влияние сказывалось в четкости рисунка и обилии золота, особенно при изображении одежд.

---

[1] *Павел Алеппский.* Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в., вып. 4.— «Чтения ОИДР», 1898, кн. 4, отд. II, стр. 43.

[2] Находится в Государственной Третьяковской галлерее, № 12107.

Но в то же время в живописи XVII столетия, особенно с середины века, намечаются новые черты, стремление к реализму. Это новое художественное направление связано с именем крупнейшего из русских художников XVII в. Симона Федоровича Ушакова (1626—1686). Мастер Оружейной палаты С. Ф. Ушаков стоял во главе художников, объединявшихся этим государственным учреждением. Он имел многочисленных учеников, впоследствии крупных мастеров живописи — Ивана Максимова, Михаила Милютина и др.

Из кругов, близких к Ушакову, вышло и теоретическое произведение сторонников реалистического направления в искусстве — «Послание» изуграфа (художника) Иосифа Владимирова к Ушакову. Владимиров резко протестует против ремесла в искусстве, против «грубописателей», которые в погоне за наживой пишут иконы небрежно, а затем продают их, что «щепье по сту и по тысяче». Такие живописцы не должны заниматься искусством: было бы лучше, если бы они занялись гончарным ремеслом. Владимиров требует красоты в искусстве. «Где таково указание изобрели несмысленные любоприттели, которые одною формою, смугло и темновидно, святых лица писать повелевают? Весь ли род человеческий во едино обличье создан? Все ли святые смуглы и тощи были?.. Кто из благомыслящих не посмеется такому юродству, будто бы темноту и мрак паче света предпочитать следует?». Искусство должно радовать человека, а не подавлять его мрачными религиозными образами. Искусство должно быть близким к природе. «Премудрый художник» что́ «видит или слышит, то и начертывает в образах или лицах, и согласно слуху или видению уподобляет»[1]. Это был разрыв со стариной, борьба за новое направление в искусстве.

Послание Иосифа Владимирова написано в 1664 г. Оно имеет полемический характер и направлено против сербского архидиакона Ивана Плешковича, порицавшего новые «световидные» иконы. В ответ на послание Владимирова С. Ф. Ушаков написал свое сочинение «Слово к люботщателем иконного писания». В этом произведении Ушаков излагает теоретические основы искусства. Он дает общую характеристику всех искусств и особенно подчеркивает значение живописи[2]. Необходимость реализма в живописи, стремление к точности изображения Ушаков обосновывает сравнением с тем, как в зеркале отражаются все предметы: «Всякая бо вещь, аще представится зерцалу, а в нем свой образ написует... иже движущуся человеку — движется, стоящу — стоит, смеющуся — смеется, плачущу — плачеть, и что-либо ино деющу — деет, всячески жив является, аще ни телесе, ниже́ души имать человеческия». Предметы отражаются не только в зеркале, но и на мраморе и другой гладкой поверхности. Они представляются как бы написанными. Сле-

---

[1] *Ф. И. Буслаев.* Русская эстетика XVII в.—Соч., т. II, СПб., 1910, стр. 423—434.

[2] «Вестник Об-ва древнерусского искусства при Московском публичном музее», 1874, № 1—3, отд. II, стр. 22—24.

довательно, живопись, по мнению Ушакова, должна, как зеркало, отражать действительность[1].

Вместе с тем Ушаков подчеркивает, что художником должно руководить стремление к красоте и живому, реалистическому изображению того, что он пишет. Художник должен давать такие изображения, которые производили бы настолько сильное впечатление на зрителей, что не требовалось бы никаких словесных объяснений. В то же время он признает, что современная ему русская иконопись еще далека от этого идеала. «Мнози от нас, — пишет он, — имуще искусство художества, смеху паче, нежели благоговеинства и умиления достойная пишут». Чтобы помочь своим собратьям по искусству в усвоении ими живописного мастерства, Ушаков и решил составить свой «Алфавит художества». Он считает это своей обязанностью, так как имеет «талант иконописательства» и не должен зарывать его в землю. Передача своего опыта другим — лучшее применение этого таланта[2].

«Слово к люботщателем иконного писания» является теоретическим введением к задуманному, но, к сожалению, не осуществленному автором практическому руководству для живописцев. Это руководство, названное Ушаковым «Алфавит художества», должно было состоять из изображений человеческого тела, выгравированных на медных досках и отпечатанных.

«Алфавит художества» С. Ф. Ушакова принципиально отличается от обычных иконописных подлинников, дававших застывшие традиционные образцы икон. Включающий в себя изображения различных частей человеческого тела и в разных положениях, «Алфавит» должен был прокладывать пути реализму в русском искусстве.

Стремление к реализму в XVII в. наблюдается в монументальной и станковой живописи и в появлении новых жанров — портретной живописи и пейзажа.

Наиболее ярким памятником русской монументальной живописи середины XVII в. являются стенные росписи в церкви Троицы в Никитниках в Москве, в Китай-городе, расчищенные от позднейших записей в 1939 г.[3]. В 1652—1653 гг. внутренние стены церкви были сплошь покрыты фресками. С точки зрения техники эти фрески отличаются тем, что поверх красочного слоя, написанного по сырой штукатурке, они прописаны темперой (т. е. краской на яйце), что придает им большую прочность, яркость и дает более богатую красочную гамму. Что касается композиции, то совершенно очевидна большая талантливость автора росписей, сумевшего в отчетливом и последовательном построении передать сложность тем, присущих живописи XVII в. Необыкновенно удачно использованы

---

[1] «Вестник Об-ва древнерусского искусства при Московском публичном музее», 1874, № 1—3, стр. 23.

[2] Там же, стр. 24.

[3] *Е. С. Овчинникова.* Стенопись церкви «Троицы в Никитниках», в Москве, середины XVII в. — «Труды Гос. Истор. музея», вып. XIII, М., 1941, стр. 147—166.

Фреска церкви Троицы в Никитниках в Москве: «Брак в Кане Галилейской», 1652—1653 гг.

автором архитектурные композиции, являющиеся как бы границами между различными сценами, а иногда и связующим звеном между ними. В трактовке фигур художник показал себя чрезвычайно опытным мастером, не останавливающимся перед самыми смелыми и трудно передаваемыми раккурсами. Вся живопись весьма реалистична и выполнена в очень разнообразной красочной гамме. Не без основания существует предположение, что возможным автором этих росписей является выдающийся художник середины XVII в. ярославец и земляк владельца церкви Никитникова Иосиф Владимиров, друг Симона Ушакова. Возможно, что в этой работе принимал участие и сам Ушаков, тем более что он написал для Никитниковской церкви несколько икон. Тематика росписей церкви Троицы заимствована из библии, главным образом из Нового завета. Но в эти далекие сюжеты автор привносит бытовые черты русской действительности XVII в. Особенно это следует сказать о фреске «Брак в Кане Галилейской». Участники пира изображены в русских кафтанах и шапках XVII в.[1].

Еще ярче эти черты нового направления в русской живописи сказались в стенной росписи ярославских храмов второй половины XVII в. Роспись церкви Ильи пророка исполнена по заказу строителей — гостей Скрипиных в 1680 г. большой артелью мастеров во главе с костромичами Гурием Никитиным и Силой Савиным; роспись церкви Иоанна Предтечи в Толчковской слободе (1694—1695) создана артелью из 16 «добрых»

[1] *Е. С. Овчинникова*. Указ. соч., стр. 158—164.

Фреска церкви Иоанна Предтечи в Ярославле, 1694—1695 гг.

мастеров во главе с «кормовым иконописцем первой статьи» переяславцем Дмитрием Григорьевым. Несравненное красочное богатство и узорочность уподобляют эти росписи яркому цветистому ковру, затягивающему стены и своды светлых и просторных храмов и их широких папертей. Художники блещут многообразием изображенных сюжетов и их детальной и сложной разработкой. Они выступают как занимательные и неистощимо изобретательные рассказчики различных церковных и мирских притч, действие которых развертывается часто в русской бытовой обстановке, с русскими костюмами и предметами. Мастера не боятся включить в церковную роспись элементы острой политической или бытовой сатиры, живо изобразить фривольные сцены и показать обнаженное тело блудниц или прекрасной Сусанны, застигнутой старцами. Оптимистический дух народного творчества проникает сверкающую яркими красками роспись и вносит в трагические сцены Страшного суда или Апокалипсиса легкий юмор и скептицизм, а в церкви Иоанна Предтечи место Страшного суда занимает жизнерадостная сюита изображений на темы «Песни песней».

В ряде поздних росписей конца XVII в. церковная фреска сближается с формами народного лубка[1].

Памятником монументальной живописи XVII в. являлись и внутренние стенные росписи деревянного дворца царя Алексея в селе Коломенском. Эти росписи производились под общим руководством С. Ф. Ушакова. Тематика росписей в основном светская—сюжеты исторические, разные аллегории, пейзажи, «травы», т. е. орнамент из цветов. На сводах были изображены «беги небесные»: солнце, луна, кометы и звезды. В стихотворном приветствии царю Алексею по поводу его вселения в Коломенский дворец Симеон Полоцкий характеризует богатство содержания и мастерство исполнения стенных росписей нового дворца[2].

---

[1] «История русской литературы», г. II, ч. 2, стр.177—180.

[2] *Симеон Полоцкий* Избранные сочинения, стр. 104.

В станковой живописи новые черты реализма сказываются прежде всего в работах самого С. Ф. Ушакова. Наиболее ранней из его работ считается икона «Великий архиерей», написанная в 1657 г. для церкви Троицы в Никитниках. В этом произведении очень ясно выступают реалистические устремления художника, ищущего новых путей в живописи. С этой иконы ведет свое начало новый «ушаковский» период русской живописи.

«Нерукотворенный спас», икона работы Симона Ушакова, 1673 г.
Государственный Исторический музей

Поскольку С. Ф. Ушаков был «знаменщиком», т. е. мастером, составлявшим общую композицию иконы, и, кроме того, писал лица (другие части иконы писали его ученики), то именно человеческое лицо привлекало его главное внимание. Любимое изображение Ушакова — «Нерукотворный спас», изображение лица Христа на полотне. Образ Христа под его кистью приобретает «плотский», человеческий характер. Мягкая красочная лепка лика, правильная светотень и близкие живым краскам тона — все это создавало резкую противоположность старым иконописным шаблонам. Впрочем, эти новые черты в живописи сочетались с условной плоскостной трактовкой фигур и традиционной композицией.

В 1668 г. С. Ф. Ушаков пишет одно из выдающихся своих произведений «Древо государства Российского»[1]. Эта композиция является своего рода генеалогическим древом русских князей и иерархов, поднимающимся из Успенского собора. Из-за стены видны с левой стороны фигура Алексея Михайловича, с правой—царицы Марии Ильинишны Милославской с царевичами Алексеем и Федором. Внизу со всеми подробностями вид Кремля от Красной площади. Совершенно точно передана стена с башнями, причем особенно подробно написана Спасская башня со знаменитыми часами, рвом, отделяющим площадь от Кремля, и т. д. Лица

[1] Находится в Государственной Третьяковской галлерее.

фигур в медальонах, расположенных среди ветвей дерева, написаны в такой же реалистической манере, о которой говорилось выше.

Традициям «ушаковского стиля» следовали и другие художники, как русские, так и иностранцы, приглашенные на русскую службу. Такими мастерами были смоленский шляхтич Станислав Лопуцкий, армянин Иван (Богдан) Салтанов и их русские ученики Иван Безмин, Карп Золотарев и др. Ярославские храмы, расписанные костромскими и переяславскими мастерами, свидетельствуют о том, что эти мастера являлись продолжателями того направления в живописи, которое связано с именем С. Ф. Ушакова. Распространению нового направления в живописи содействовало то обстоятельство, что местные иконописцы постоянно вызывались на работу в столицу[1]. Сюда они приносили свой опыт, приобретенный на местах, здесь знакомились с новыми приемами живописного искусства и разносили их по всей стране. Некоторые из местных мастеров надолго, а иногда и навсегда оставались в Москве, являясь крупнейшими живописцами столицы: ярославец Иосиф Владимиров, казанец Яков Тихонов Рудаков, Степан Рязанец и др.

Новое направление в русской живописи встретило резко отрицательное отношение как со стороны господствующей церкви в лице патриарха Никона, так и со стороны ревнителей старины — старообрядцев. Патриарх Никон видел в иконах, вышедших из школы С. Ф. Ушакова, нарушение греческого иконописного стиля, издавна принятого русской церковью. Он отдал распоряжение собрать и уничтожить иконы нового письма. Это мероприятие вызвало волнение в столице[2]. Старообрядцы видели в новой живописи нарушение исконных традиций, бытовавших в русской иконописи. Наиболее яркий представитель старообрядчества, протопоп Аввакум в специальной «Беседе об иконном писании» резко критиковал иконы нового письма: «Пишут спасов образ Еммануила — лице одутловато, уста червонная, власы кудрявые, руки и мышцы толстые, персты надутые, такожде и у ног бедры толстыя, и весь яко немчин брюхат и толст учинен, лишо сабли той при бедре не писано»[3].

Но эти осуждения и протесты, раздававшиеся с двух сторон, не могли остановить развитие нового течения в русской живописи. Робкое и недостаточно последовательное само по себе, оно до известной степени задерживалось мероприятиями церковной и светской власти. Восточные патриархи, приехавшие в Москву на церковный собор 1666—1667 гг. для суда над патриархом Никоном, имели совместно со вновь избранным московским патриархом суждение по вопросам иконописи. Так появилась грамота трех патриархов — Паисия Александрийского, Макария Антиохийского и Иоасафа Московского от 12 мая 1668 г. В грамоте под-

---

[1] *Н. В. Устюгов.* Ремесло и мелкое товарное производство в Русском государстве XVII в.— «Исторические записки», № 34, стр. 169—170.

[2] «История Москвы», т. I, М., 1952, стр. 600—601.

[3] РИБ, т. 39, стб. 282—283.

черкивается серьезное значение живописи, отмечается наличие не только хороших, но и плохих иконописцев и рекомендуется организовать контроль за иконописью. Этот контроль должен осуществляться наиболее искусными и опытными живописцами[1]. Непосредственным следствием этой патриаршей грамоты явилось царское распоряжение об организации контроля за иконописью. В царской грамоте от 1669 г. рекомендовалось писать иконы в соответствии с давно установившейся иконописной традицией. Вместе с тем иконописцы должны заботиться о тщательности письма и красоте изображений[2]. Патриаршая и царская грамоты являются компромиссом между новым течением в русской живописи и старой иконописной традицией. Конечно, боязнь разойтись с древней традицией должна была сдерживать реалистические устремления иконописцев. Творчество самого С. Ф. Ушакова, поставленного во главе контроля за иконописью, было неизбежно компромиссным.

Стремление к реализму сказывается и в портретной живописи, так называемых парсунах. Более ранние парсуны (конца XVI — начала XVII в.) написаны в обычной иконописной манере. Таковы, например, парсуны царя Федора Ивановича (1600) и князя М. В. Скопина-Шуйского (1610). В парсуне царя Федора желание художника придать лицу большую жизненность и близость к оригиналу привело к подчеркнутой объемности лица, нарочито преувеличенным глазам, трактованным в иконописной манере; тот же иконописный прием виден в плоскостной передаче расшитого жемчугом и драгоценными камнями воротника его одежды[3]. Князь М. В. Скопин-Шуйский изображен в три четверти, лицо круглое, несколько одутловатое, князь кажется значительно старше своих лет (он умер 24 лет). Низанный жемчугом высокий воротник написан плоскостно и по-иконописному[4].

Парсуны середины и конца XVII в. свидетельствуют о стремлении художников уловить портретное сходство и дать реалистическое изображение. Правда, все это совмещалось с плоскостной трактовкой фигур и чертами общей иконописной манеры письма. Такова парсуна Алексея Михайловича, писанная Станиславом Лопуцким. Наиболее ярко черты реализма в парсунном письме сказались в парсуне царя Федора Алексеевича, писанной Иваном (Богданом) Салтановым[5].

Представители господствующих классов иногда обращались к услугам и иностранных художников, находившихся на русской службе. Сохранились портреты патриарха Никона, писанные Иваном Детерсоном и Даниелем Вухтерсом. На обоих портретах Никон изображен

---

[1] *П. П. Пекарский.* Материалы для истории иконописания в России.— «Известия Археол. об-ва», т. V, вып. 5, СПб., 1865, стб. 320—325.

[2] Там же, стб. 326—329.

[3] Находится в Государственном Историческом музее.

[4] Находится в Государственной Третьяковской галлерее.

[5] Находится в Государственном Историческом музее.

«Парсуна» царя Федора Алексеевича работы И. Салтанова, 1685 г.(копия).
Государственный Исторический музей

в реалистической манере, напоминающей приемы западноевропейской портретной живописи XVII в.

Новым жанром, получившим достаточно широкое развитие в живописи XVII в., является пейзаж. Правда, русский пейзаж XVII в. не имеет самостоятельного значения. Он представляет собой фон той или иной иконы. Но этот фон настолько тщательно разработан, что можно специально говорить о пейзаже. Лучшим мастером такой «пейзажной» живописи конца XVII в. был Тихон Филатьев. Одним из известных произведений Тихона Филатьева является икона «Предтеча в пустыне». Наибольший интерес в этой иконе представляет изображение «пустыни»,данное в левой нижней части иконы. Густой бор, зеленые полянки, озеро с плавающими лебедями, различные звери в лесу и птицы на деревьях — вот черты, какими рисуется пустыня на иконе Филатьева. На правой стороне иконы изображены здания типа дворца. Икона как бы объединяет дикий пейзаж с величественными архитектурными сооружениями[1]. Не меньший интерес в этом же плане представляет и икона «Вертоград заключенный», написанная Никитой Павловцем в конце XVII в.[2] На ней

[1] Находится в Государственной Третьяковской галлерее.
[2] Находится в Государственной Третьяковской галлерее.

изображена богоматерь с младенцем на руках на фоне сада, окруженного балюстрадой, на переднем плане заканчивающейся ступеньками у воды. По углам балюстрады поставлены вазы с цветами, по преимуществу гвоздики и тюльпаны, внутри сада насажены деревья, цветущие кусты. На заднем плане волнистые горы, покрытые деревьями. Сочетание цветущего сада, заканчивающегося спуском к воде, пейзаж заднего плана, реалистическая передача всей композиции делают эту икону одним из редких памятников пейзажной живописи конца XVII в. Красочная гамма, напоминающая русскую народную роспись, очень разнообразна, ярка, радостна. То обстоятельство, что за этой иконой утвердилось название «Ветроград заключенный», с несомненностью свидетельствует, что главное внимание художник обратил на изображение именно сада.

Реалистические элементы в творчестве Тихона Филатьева и Никиты Павловца сказались прежде всего в их пейзажах, в их стремлении возможно точнее передать живую и неживую природу.

В качестве пособия при усвоении реалистических приемов живописи русские художники XVII в. пользовались библией, изданной амстердамским книгопродавцем Иоганном Пискатором (Фишером). Первое издание библии Пискатора вышло в 1650, второе — в 1674 г. Эта библия представляла собой альбом из 277 гравюр с картин на библейские темы, принадлежащих кисти лучших итальянских, голландских и немецких художников. Пластичность изображения фигур и тщательная разработка деталей — основные характерные черты гравюр библии Пискатора — давали представление о главных линиях развития западноевропейской живописи. Библия Пискатора служила хорошим пособием по рисованию. Русские художники XVII в. и использовали ее в этом отношении. Экземпляры библии были у крупнейших живописцев—С. Ушакова, И. Безмина, И. Салтанова. Художники заимствовали из них отдельные детали и перерабатывали их в соответствии с собственной манерой письма[1].

* * *

Новые черты русской живописи сказываются не только в иконописи и парсунном письме, но и в гравюре и в иллюстрациях рукописных книг.

Введение книгопечатания в XVI в. естественно значительно сократило надобность в дорогостоящих переписанных книгах и значительно расширило круг людей, пользовавшихся книгами. Появление печатных книг, сравнительно доступных, украшенных миниатюрами и заставками, выполненными гравюрой, имело чрезвычайно большое значение в истории русского искусства не только книжного, но, в частности, и декоративной резьбы по дереву.

Первые гравюры обычно выполнялись одной линией контура с резко наложенными тенями. Такой вид имели заставки, концовки и ини-

---

[1] «История Москвы», т. I, стр. 666.

циалы первых русских печатных книг. Это были гравюры на дереве. В XVII в. появляются гравюры на металле.

Прекрасным мастером рисунка и гравером проявил себя С. Ф. Ушаков. Чрезвычайно интересна гравюра на меди, выполненная Ушаковым в 1680 г. для титульного листа в книге «Повесть о Варлааме и Иосафе»[1]. Титульный лист оформлен в виде схематически решенного портала, по сторонам которого расположены две аллегорических фигуры — женщины и мужчины. Женщина опирается ногами на панцырь и шлем. В одной руке у нее рог изобилия, в другой — музыкальный инструмент и пальмовая ветвь, сзади нее ягненок и над головой надпись: «Мир». Мужчина — воин в броне с шлемом на голове и копьем в правой руке, стоящий на черепахе. Над головой надпись: «Брань». Оба изображения нарисованы с знанием строения человеческого тела и умением его правильно передать. Известно и несколько специалистов-граверов: Л. Тарасевич, А. Трухменский. Иногда в качестве граверов работали крупные мастера серебряного резного дела. Так, в последней четверти XVII в. Василий Андреев выполнял гравюры по рисункам С. Ф. Ушакова. Другой крупный мастер серебряного резного дела Леонтий Кузьмин Бунин делал гравюры для иллюстрированного букваря Кариона Истомина, напечатанного в 1694 г.

На иллюстрациях рукописных книг XVII в. сказывается влияние печатного орнамента. Сочетание черного и белого цвета в растительном орнаменте дополняется золотом, а иногда и многокрасочной расцветкой.

Большое значение для развития книжной иллюстрации имела деятельность золотописцев Посольского приказа. Основной работой золотописцев было украшение царских грамот, отправляемых иностранным государям, с которыми русское правительство поддерживало дипломатические отношения. Золотом и красками писались заставки, концовки, инициалы и украшения на полях грамоты. Иногда золотом писался и весь текст. Обычно в штате Посольского приказа состояли четыре золотописца. Старшим из них, как правило, бывал крупный художник живописец. Такими были Григорий Антонович Благушин в середине XVII в. и Карп Иванович Золотарев в конце века.

Золотописцы нередко привлекались к работам в области книжной иллюстрации. При их участии в Посольском приказе в 70-х годах XVII в. «строились», т. е. создавались, рукописные книги, которым правительство придавало большое политическое значение. Вместе с тем они имеют и большую художественную ценность. Таковы «Большая государственная книга», или «Корень российских государей», называемая иначе «Титулярник», и «Книга об избрании на царство Михаила Федоровича». Обе книги роскошно иллюстрированы и по составу своей орнаментации близки между собой.

---

[1] *А. А. Сидоров.* Древнерусская книжная гравюра. М., 1951, рис. 110 (стр. 259).

«Титулярник» представляет собой собрание портретов русских государей от Рюрика до малолетнего Петра I включительно, патриархов московских и вселенских, а также современных иностранных государей, западных и восточных. Кроме того, в «Титулярнике» были помещены русский государственный герб, 33 областных герба русских городов и гербы иностранных государств.

Портреты написаны в обычной иконописной манере, особенно русских князей и царей, но в то же время сказывается стремление дать живое лицо, что свидетельствует о влиянии новой живописной школы и на книжную иллюстрацию.

Такой же характер имеют иллюстрации и «Книги об избрании на царство Михаила Федоровича». Миниатюры этой рукописи ценны тем, что тщательность передачи в них архитектурных форм дает возможность судить о многих сооружениях Московского кремля и Костромы, не дошедших до наших дней. Они изобилуют многочисленными бытовыми подробностями.

Орнамент обеих книг представляет собой сочетание разнообразных цветов как фантастических, так и реальных (тюльпанов и гвоздик), данных в ярких красках и расположенных то на золотом, то на серебряном фоне.

Работа по составлению «Титулярника» была выполнена золотописцами Посольского приказа и иконописцами Иваном Максимовым и Дмитрием Львовым под общим руководством Г. А. Благушина[1]. Те же лица принимали участие и в составлении «Книги об избрании на царство Михаила Федоровича»; кроме них, над этой книгой работали живописцы Сергей Рожков, Анания Евдокимов и Федор Юрьев[2].

Наряду с такими парадными книгами иллюстрировались и книги самого разнообразного содержания. Стилистически миниатюры на бытовые темы оставались на уровне книжного искусства XVII в. Несмотря на трактовку тем бытового характера, эти миниатюры остаются плоскостными, но не лишенными некоторых реалистических и бытовых черт.

* * *

Русская живопись, успешно развивавшаяся в XVII в. в направлении к реализму, не могла не оказать соответствующего влияния на искусство братских народов—украинского и белорусского, а также Молдавии и христианских стран Балканского полуострова и Закавказья. Выше уже упоминалось, что русские каменных дел подмастерья (архитекторы) возводили здания на Украине. Русские иконописцы, особенно во второй

---

[1] ЦГАДА. Приказные дела старых лет, 1672, д. 123, лл. 1—225; ДАИ, т. VI, № 43/V, стр. 189; «Титулярник» издан Петербургским археологическим институтом под названием: «Портреты, гербы и печати Большой государственной книги 1672 г.», СПб., 1903.

[2] «Книга об избрании на царство Михаила Федоровича». М., 1856.

половине XVII в., также посылались для работы на Украину. В свою очередь они использовали в своей работе достижения украинского живописного и графического искусства. Известно, что мастера, расписывавшие фресками церковь Троицы в Никитниках, пользовались украинским изданием «Бесед» Иоанна Златоуста с гравюрами мастера «Т. П.». Из этой книги русские мастера заимствовали некоторые сюжеты росписей и композиционные схемы изображений[1].

Русские мастера-иконописцы неоднократно посылались для художественных работ и в Молдавию. Так, в 1641—1642 гг. по просьбе молдавского господаря Василия Лупу русское правительство направило в Яссы русских иконописцев Сидора Поспеева и Якова Гаврилова с товарищами, которые расписали фресками стены храма Трех святителей и затем возвратились на родину[2].

Павел Алеппский, подробно описывая свое путешествие из Алеппо в Москву, сообщает интересные данные о виденных им произведениях русского искусства. При посещении Константинополя он отмечает, что в патриаршей церкви Георгия он видел «иконостас весьма величественный и большия иконы над царскими вратами обширных размеров и писаны в Москве»[3]. Продолжая свой дневник, он пишет, что в Яссах в монастыре «иконостас весьма благолепен: все иконы ценныя, московской работы. Колонны у алтарных дверей украшены резьбой в виде виноградных лоз: ветви золотыя, гроздья зеленые и фон ярко красный. Алтарные двери все резныя, позолоченныя, как и в других церквах». В Яссах же в монастыре Параскевы, находившемся в ведении синайских монахов, он замечает, что «весь иконостас, алтарныя двери и образа апостолов — русской работы». Наконец, при посещении монастыря в Торгашту (Валахия) он также отмечает «иконостас русской работы»[4]. Из этих нескольких замечаний нетрудно установить, что в первой половине XVII в. не только русская живопись была распространена далеко за пределами Русского государства, но и резьба по дереву. Очевидно, что целые артели русских иконописцев и резчиков работали в Константинополе, Валахии, Молдавии. Едва ли сам Павел Алеппский мог определить принадлежность иконописи и резьбы русским мастерам, вероятно, монахи этих монастырей обращали его внимание на эти произведения, которые они сами высоко ценили. Несомненно, что эти произведения русского искусства не могли не оказать влияния на местное искусство.

Неоднократно посылались русские иконописцы и в Грузию. Как только установились дипломатические отношения Грузии с Русским государством, грузинские цари стали обращаться к русскому правительству с просьбой о присылке иконописцев. В состав одного из первых рус-

---

[1] *Е. С. Овчинникова.* Указ. соч., стр. 160—162.

[2] «История Молдавии», т. I, Кишинев, 1951, стр. 255.

[3] *Павел Алеппский.* Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в., вып. I.— «Чтения ОИДР», 1896, кн. 4, отд. II, стр. 19.

[4] Там же, стр. 68, 79, 114.

ских посольств в Грузию, посольства князя С. Звенигородского (1589) входило несколько иконописцев. Вместе с посольством И. Нащокина (1601—1603) были направлены в Кахетию иконописцы Первуша Барышников и Трофим Ларионов, а также четверо плотников «для церковного дела». Иконописцы Семен Савин и Иван Данилов поехали в Грузию в составе посольства князя Ф. Ф. Волконского (1637—1640)[1]. Интересно отметить, что, отправляя мастеров, русское правительство заботилось, чтобы они там долго не задерживались. Обычно они должны были возвращаться вместе с посольством и только в исключительных случаях, по просьбе кахетинских царей, им разрешалось оставаться на более долгий срок. Грузинское правительство, напротив, стремилось задержать русских мастеров на возможно длительный срок, если не навсегда. Вот почему русское правительство включало в наказы своим послам обязанность требовать от грузинских царей возврата русских мастеров. Русский посол князь Е. Ф. Мышецкий, посетивший Кахетию в 1641—1643 гг., должен был добиваться возврата на Русь иконников Семена Савина и Ивана Данилова, а также оконничного мастера Никифора Григорьева, оставленных в Кахетии посольством князя Ф. Ф. Волконского в 1637—1640 гг.[2]. На неоднократные требования князя Е. Ф. Мышецкого возвратить русских мастеров кахетинский царь Теймураз неизменно отвечал, что мастера в настоящее время находятся не у него, а у его зятя имеретинского царя Александра, причем однажды Теймураз даже с некоторой досадой заметил послам: «Что де вы о тех иконникех и об оконничном мастере часто говорите? Прежде сего при прежних грузинских царех прислано было в Грузи иконников 12 человек, и те иконники все в Грузех и померли, а ныне прислано всего 3 человека». Этим самым Теймураз подчеркнул, что он вообще не собирается возвращать русских мастеров. Послы, специально расследовав это дело, установили, что «те государевы иконники и оконичной мастер у Теймураза царя поженены, и дано им на прокорм по двору по крестьянскому да под пашню дана земля». При приезде послов царь спрятал мастеров и не отдал их послам[3]. Послы заметили, что во многих кахетинских храмах есть иконы русского письма, видели они работу и оконничного мастера[4]. В Грузии известны многие места, где работали москвичи, среди них особенно интересен алавердский «Егорьевский монастырь», который был центром их работы. Сохранилась икона Георгия из Алавердского монастыря; судя по ее стилю и в особенности изображению Троицы вверху, икона, несомненно, русской работы, а оклад с грузинскими надписями

---

[1] *М. Полиевктов.* Новые данные о московских художниках XVI—XVII вв. в Грузии. Тбилиси, 1941, стр. 7 и сл.

[2] *М. Полиевктов.* Посольство князя Мышецкого и дьяка Ключарева в Кахетию в 1640—1643 гг. Тифлис, 1928, стр. 53—54.

[3] Там же, стр. 138, 142, 152, 160.

[4] Там же, стр. 140—141, 156—157.

и орнаментом — местного происхождения[1]. Московские художники, работавшие долгое время в Грузии, создавшие много произведений живописи не только станковой, но и монументальной, не могли не воздействовать в той или иной мере на местное искусство.

Устанавливались связи в области искусства и с Арменией. Одним из крупнейших русских художников второй половины XVII в. был армянин Иван (Богдан) Салтанов, выехавший на русскую службу в 1667 г.[2].

ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО

Резьба по дереву

Русский народ, создавая для своего повседневного обихода самые простые, необходимые предметы, проявлял художественную одаренность. Любая вещь крестьянского быта всегда орнаментирована. Наиболее распространенным видом народного искусства являлась резьба по дереву. Прекрасная техника, глубокое знание материала и его свойств, руководимые безупречным вкусом и чувством меры, — вот характерные черты русской деревянной резьбы XVII в. Это одинаково относится как к фасаду избы, так и передку телеги и предметам бытового обихода. Русский художник-резчик, создавая тот или иной предмет, решал его художественную сторону в полном соответствии со своим собственным пониманием как конструктивной, так и декоративной задачи. В тех случаях, когда заказчиками давались те или иные образцы, будь то гравюра или рисунок, они творчески перерабатывались так, что создавалась новая художественная ценность.

Искусство резьбы по дереву нашло наиболее широкое применение в декоративном оформлении наружных и внутренних стен жилища. Различаются два основных типа народной деревянной резьбы — северная резьба и резьба центральных уездов Русского государства. Северная резьба, как правило, сквозная, скромного рисунка, очень часто использует геометрические мотивы. Резьба центральных уездов отличается большей пышностью. В ней преобладает так называемая «корабельная резь» или «глухая резьба», т. е. барельеф, выпуклые изображения на сплошном фоне. Основные мотивы — растения и животные, часто фантастические.

В северных избах наружные резные украшения помещались в верхней части здания. Резьбой украшались «причелины» — доски, прикрывающие торцы слег, на которых укреплялась кровля, «ветреницы», или «кисти» — вертикальные доски, помещавшиеся на стыке «причелин», торцы «охлупней» — бревен, прикрывавших наверху стык тесин кровли.

---

[1] *М. Полиевктов.* Новые данные о московских художниках... Воспроизведение иконы Георгия.

[2] «История Москвы», т. I, стр. 575—576.

Кроме того, резьбой обрабатывались балконы и крыльца, иногда наличники окон. В избах центральных уездов главное применение резьбы — на наличниках окон, дверных проемах и фронтонах зданий[1]. Резьбой украшались мебель и предметы бытового обихода — посуда, прялки и т. д.

Широко применялась деревянная резьба в культовых зданиях, главным образом в устройстве резных иконостасов и так называемых «царских» и «святительских» мест в храмах.

Одним из наиболее ярких памятников русской деревянной резьбы XVII в. являются царское и патриаршее места в церкви Николы Мокрого в Ярославле, построенные в 50-х годах XVII в. По своей шатровой конструкции они близки друг к другу и отличаются лишь декоративными деталями. Сравнение этих памятников XVII в. с аналогичными произведениями деревянной резьбы XVI в. показывает, что в памятниках резьбы XVI в. более отчетливо прослеживается архитектурная композиция, в памятниках же XVII в. преобладает декоративное убранство, как бы оттесняющее на задний план конструктивную часть сооружения[2].

Кроме плоской резьбы, в конце XVII в. наблюдается пышный расцвет круглой, прорезной золоченой резьбы, состоящей по преимуществу из переплетающихся виноградных лоз, иногда отягощенных синими гроздьями, и применявшейся в композициях иконостасов — этих грандиозных архитектурно-декоративных созданий конца XVII в. Одним из несомненных источников для резчиков были гравюры из печатных книг и, в частности, из евангелий, в которых изображения евангелистов помещались в сложном архитектурном обрамлении.

К составлению рисунков, дававших общую композицию иконостаса, часто привлекались крупные художники-живописцы.

Одним из замечательных примеров деревянной сквозной резьбы считается иконостас Смоленского собора Новодевичьего монастыря, построенный в 1683—1685 гг. столярами и резчиками Оружейной палаты под общим руководством мастера-резчика Клима Михайлова, в свое время руководившего резными работами в Коломенском дворце. Поскольку смета на покупку материалов иконостаса подписана Иваном Безминым, одним из крупнейших художников конца XVII в., то есть основание предполагать, что рисунок для этого иконостаса составлялся им[3].

Иконостас Смоленского собора Новодевичьего монастыря представляет собой стену из ряда массивных колонн нижнего яруса с пышно обработанным обрамлением царских дверей в центре, с последующими ярусами, разделенными выступающими карнизами, которые состоят из колонн, постепенно утончающихся кверху. Несмотря на прозрачность резьбы, виноградные листья, гроздья и сама лоза — все скомпоновано так, как будто эти колонны, завершающиеся капителями, сделаны из

---

[1] *Е. А. Ащепков.* Русское деревянное зодчество. М., 1950, стр. 23—27, 32—34.
[2] *Н. Н. Соболев.* Русский орнамент. М., 1948, стр. 12—13, 113—114.
[3] *Н. Н. Соболев.* Русская народная резьба по дереву. М.—Л., 1934, стр. 173—178.

сплошного материала, а орнаментация нанесена на его поверхность. В целом эта огромная золотая стена воспринимается как ювелирное произведение.

Не менее сильное впечатление производят ярославские иконостасы XVII в., в которых наблюдается иная трактовка колонн, построенных из виноградной лозы. Виноградная лоза обвивает жердь, а листья, гроздья и сама лоза свободно располагаются, выступая за поверхность колонны. Такую «живописную» трактовку резьбы можно видеть в церкви Ильи пророка в Ярославле.

Немало сохранилось деревянных ковшей, блюд, ложек и т. п., украшенных резьбой. Богатство фантазии и умение в дереве воплотить творческий замысел художника — вот что характеризует памятники русской деревянной резьбы XVII в.

Железо

Творческая фантазия русского человека не останавливалась перед трудностями обработки такого материала, как железо. Из металла с таким же вкусом, с каким обрабатывалось дерево, создавались замечательные произведения.

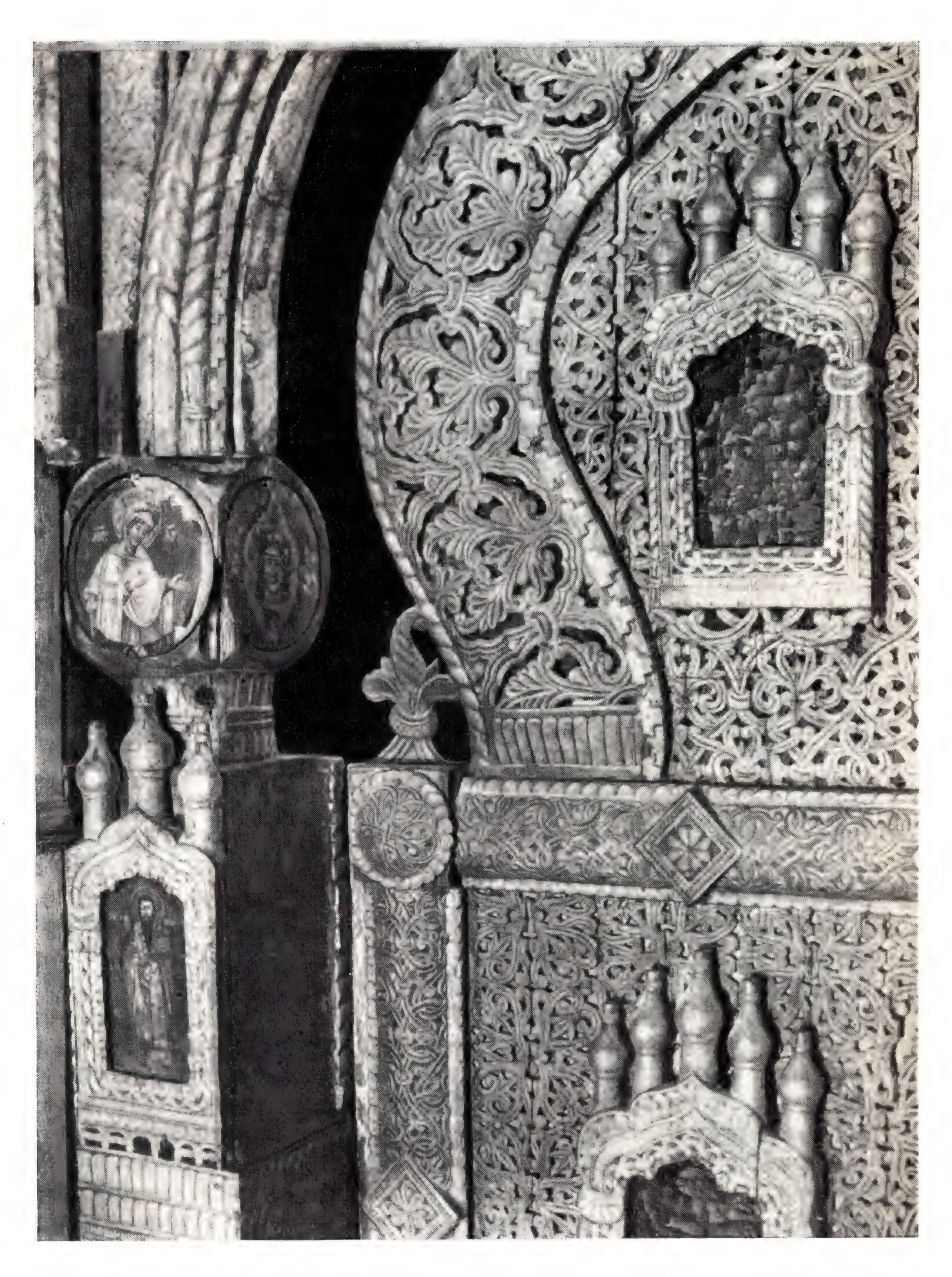
Достаточно вспомнить произведения из железа, бытовавшие некогда в крестьянском обиходе, например светцы для лучины. Простой железный прут превращался в стройное, конструктивное произведение искусства. На таком же высоком художественном уровне делались обыкновенные сечки. Широкое применение в народном искусстве прорезного железа создавало множество ценных художественных предметов.

Интересна орнаментация железных дверей, например западных железных кованых дверей церкви Иоанна Предтечи в Толчкове в Ярославле, сооруженных в 1687 г. Двери состоят из толстых железных пересекающихся полос, образующих между собой как бы небольшое панно. В местах пересечения полос помещены круглые бляхи, так называемые «жуки», с литыми прочеканенными зверями — львами, единорогами, грифонами, орлами и т. п. Полосы соединены между собой заклепками с шляпками в виде пирамидки, на панно написаны цветы в очень обобщенных декоративных формах. Все эти элементы, вместе взятые, придают дверям монументальный характер[1].

Аналогичные украшения, но с более строгим рисунком и орнаментом, выполненным насечкой, имеют и железные кованые двери западного входа церкви Троицы в Никитниках в Москве, сооруженные в середине XVII в.

Декоративное решение железных дверей середины XVII в. в соборной церкви Гороховца дано иначе. Украшения дверей состоят из круглых больших прорезных накладок, подложенных цветной фольгой, взаимно соприкасающихся, кроме того, сверху наложены узкие полосы с прорез-

[1] *Н. Н. Соболев.* Русский орнамент, стр. 145—148.

Деталь резного иконостаса в церкви Ильи пророка в Ярославле, XVII в.

ными розетками в местах пересечения. Обрамлены двери широкой, прорезной полосой[1]. Благодаря тонкому орнаменту, четко выделяющемуся на цветном фоне, и узким полосам, подчеркивающим конструкцию дверей, создается впечатление плоского графического узора на расцвеченном фоне.

На этих примерах можно проследить два стиля в художественной обработке дверей: железные двери в церквах Троицы в Никитниках и Иоанна Предтечи в Толчкове обработаны в живописно-объемном стиле, дверь Гороховецкого собора — в графическом.

Прорезным железом обивались так называемые «укладки» (сундуки); в данном случае такая обивка была необходима для прочности, и в то же время она служила украшением и чрезвычайно обогащала внешний вид этих простых бытовых предметов[2].

Приведенные примеры использования железа в прикладном искусстве XVII в. убеждают в том, что и в этой области русский мастер показал себя настоящим художником и сделал драгоценный вклад в сокровищницу русской культуры.

Шитье

Вышивкой издавна украшались одежды, обиходные вещи и предметы, связанные с культом. Вышиванием занимались в избе крестьянина, хоромах бояр и кельях монастырей. Древние народные вышивки как украшения предметов бытового обихода, выполненные на холсте крашеными льняными нитями, не дошли до настоящего времени; вышивки, изготовленные в «светлицах» боярских хором из шелка, золота, серебра и жемчуга, сохранились и представляют собой одну из очень интересных сторон русской художественной культуры. Все предметы древнего шитья, создаваемые людьми, находившимися в зависимости от феодалов, хранят черты народного искусства.

Если в предшествующие эпохи шитье шелками можно было сравнить с живописью по богатству и яркости цветов, то шитье XVII в. по преимуществу пользуется золотыми и серебряными нитями, жемчугом и драгоценными камнями, что сближает его с ювелирным искусством.

Золотые и серебряные нити никогда не проходили через ткань, а накладывались на ее поверхность и прикреплялись тончайшим шелком к основной материи, причем цвет нити придавал тот или иной оттенок серебру или золоту. Этот сам по себе простой прием давал большой простор для творческой фантазии вышивальщиц. Примером такого шитья является покров с изображением Сергия и отдельных сцен из его «Жития», вложенный в 1671 г. Строгановыми в Троице-Сергиев монастырь (Загорский музей). Лицо вышито шелком настолько тонко и графично, что производит впечатление почти офорта.

---

[1] *Н. Н. Соболев*, Русский орнамент, стр. 149—150.

[2] Там же, стр. 155.

Серебряная чеканная братина думного дьяка Михайла Данилова, XVII в.
Государственный Исторический музей

Применение в ювелирном искусстве чеканного орнамента распространялось и на шитье, где оно осуществлялось золотыми и серебряными нитями, которыми сплошь обшивался шнурок, наложенный по линиям орнамента на ту или иную ткань; при этом фон часто зашивался золотом или серебром. Цветы выполнялись при помощи подкладывания ваты, сукна и т. п. материала, что придавало им необходимую выпуклость. В целом такая вышивка действительно напоминала чеканную орнаментацию, выполненную по золоту или серебру. Часто вышивальщицам в качестве образцов служили привозные ткани, золотные бархаты, атласы, объяри и т. п. С присущей им изобретательностью вышивальщицы необыкновенно своеобразно перерабатывали узор и облекали его в привычные формы, близкие к народному искусству.

Надо упомянуть также чрезвычайно интересную разновидность шитья — так называемое «низание», состоящее в том, что тот или иной предмет украшается орнаментом, выполненным из жемчуга, драгоценных камней, металлических пластинок (дробниц) и т. п. Низанием украшались пелены и одежды как женские, так и мужские. Наибольшей пышностью отличались царские одеяния и облачения высшего духовенства. В Оружейной палате хранятся всевозможные виды одежд, украшенных низанием. Изучение их показывает, что русские вышивальщицы сумели прекрасно использовать для самых разнообразных композиций такой, казалось бы, неподатливый материал, как жемчуг. Красочный элемент в низание вносят золото, самоцветы и эмалевые запоны. Низанием обычно украшались воротники или оплечья, рукава, подолы и т. п. В качестве примера низания можно привести саккос патриарха Никона в Оружейной палате, сшитый из драгоценной ткани, так называемого «аксамита», и украшенный жемчугом.

Ювелирное искусство

Ювелирное искусство XVII в. явилось продолжением художественных традиций предшествующей эпохи. Как особенность искусства XVII в.,

Серебряная золоченая резная кружка работы мастера Оружейной палаты Василия Андреева, конец XVII в.

Государственный Исторический музей

надо отметить обилие и богатство украшений из драгоценных камней, эмалей и жемчуга. В Москву привозились самоцветы из Индии, Цейлона, Бирмы и Сиама[1].

Примером обильного применения драгоценных камней, почти закрывающих золотую держащую их поверхность, могут служить венцы с коронами и цатами (ожерельями) первой половины XVII в. на окладе иконы Троицы письма Рублева (Загорский музей). Весь драгоценный оклад иконы Троицы представляет собой большой художественный и исторический интерес, будучи целым комплексом предметов, относящихся к периоду XVI—XVIII вв. Наиболее замечательной частью этого оклада являются украшения около лиц. Сюда относятся венцы, короны и цаты. Венцы — золотые пластинки, обнизанные жемчугом и покрытые крупными драгоценными камнями в золотых оправах; среди них, в венце среднего ангела, большой шестиугольный изумруд с вырезанным на нем изображением Троицы. Надо заметить, что изумруды были египетского происхождения и попадали на Русь через Индию[2]. Венцы служат как бы основанием, к которому прикреплены короны, состоящие из плоских золотых чеканных пластинок с вырезанными трехлопастными зубцами. Поверхность корон покрыта чеканным орнаментом, поверх которого ювелир расположил драгоценные камни, чередующиеся с крупными жемчужинами. Завершаются венцы жемчужинами, помещенными на цветных камнях. Сочетание чеканного фона с разнообразной цветовой гаммой камней и крупного жемчуга составляет единое, вполне уравновешенное, благодаря их симметричному расположению, художественное целое.

Центром русского ювелирного искусства была московская Оружейная палата с ее отделениями — Золотой и Серебряной палатами. Здесь получили наибольшее развитие различные виды ювелирного искусства — резное, чеканное, литейное, басменное, сканное, черневое и финифтяное

---

[1] *В. И. Крыжановский.* Самоцветы Сергиевского историко-художественного и бытового музея.— «Природа», 1930, № 7—8, стб. 773 и сл.

[2] Там же, стб. 780.

Серебряная позолоченная с черню «келейная» (домашняя) чаша нижегородского митрополита Трефилия; московская работа 1699 г.

Государственный Исторический музей

дело[1]. В финифти — цветной эмали — преобладали цвета зеленый, синий и белый, иногда с добавлением желтых и коричневато-красных оттенков.

Одним из наиболее интересных памятников, где можно видеть сочетание золота и цветных эмалей, является тарелка царя Алексея Михайловича[2]. В центре по золотому фону изображен черныю двуглавый орел, окруженный растительным орнаментом. Края тарелки украшены зеленой эмалью.

Чернь в ювелирном искусстве рассматриваемой эпохи применялась в иных соотношениях с золотым фоном, чем в XVI в., где преобладало золото над чернью. Во второй половине XVII в. наблюдается равновесие в распределении золотых и черневых поверхностей. К такого рода произведениям относится тарелка, принадлежавшая Б. М. Хитрово[3].

Серебряный оклад евангелия И. Б. Репнина, 1695 г.

Загорский Историко-художественный музей

Если в середине или, точнее, в третьей четверти XVII в. большую роль в декоративном убранстве играли драгоценные камни, придававшие ему многоцветность, то в самом конце века наблюдаются противоположные художественные решения. Основная поверхность того или иного предмета, почти сплошь утопавшая под обилием драгоценных камней, жемчуга и эмали, приобретает самостоятельное значение. Например, оклад евангелия князя И. Б. Репнина 1695 г. состоит из гладкой серебряной доски, украшенной по углам и в середине розовыми китайскими турма-

[1] Басма — выдавливание рисунка на тонких серебряных пластинках. Скань — рисунок из крученой золотой или серебряной проволоки. Чернь — рисунок на золоте и серебре, нанесенный серой и затем обработанный огнем.

[2] Находится в Оружейной палате.

[3] Находится в Оружейной палате.

линами с вырезанными изображениями евангелистов и воскресения, окруженными прорезным орнаментом с росписной эмалью. Такой художественный прием, придающий строгость и простоту, типичен для русского ювелирного искусства конца века.

ТЕАТР

Начало русского драматического искусства следует искать в фольклоре. Игра присутствует в русском народном творчестве с самых древних времен. Игровой элемент находится в обрядах — свадебных, похоронных, в хороводах, в народных праздниках, связанных со святками, масленицей, Ивановым днем и т. д. Многие игры и обряды очень сложны и драматичны и требуют большого мастерства исполнителей.

Народное творчество, кроме того, знает и специфически-драматические жанры. Таковы народная драма, театр Петрушки и театр актера-импровизатора. Они существовали на Руси с давних времен. Древняя русская литература и история сохранили упоминание как о самых этих жанрах, так и о людях, увеселявших народ представлениями, — о бродячих народных потешниках, скоморохах. Это были музыканты, плясуны, песенники, кукольники, акробаты и т. д., все, кто развлекал народ — «глумы деюще и позоры некакы бесовские творяшу». Вполне понятно, что все эти народные развлечения шли вразрез с аскетическими идеалами русской церкви, и последняя подвергала скоморохов гонению, угрожала вечным мучением не только им самим, но и их слушателям. Но ни обличения, ни угрозы не могли изменить народный быт. К XVI в. скоморохи, судя по Стоглаву, составляли иногда большие артели до 100 человек, ходили по селам и городам и давали представления. В конце XVI — начале XVII в. некоторые улицы Москвы в районе современной Красной Пресни были заселены скоморохами.

Народное «лицедейство» в XVII в. переживало пору творческого подъема и оживления, о чем свидетельствуют прежде всего царские указы. В 1648 г. Алексей Михайлович разослал по всем городам царские грамоты с подтверждением читать их неоднократно. В них предписывалось песен не петь, на «позорища» (зрелища) не сходиться, в ладони не бить, смехотворцам, гусельникам и песенникам не петь, личины и платье скоморошеское на себя не накладывать и т. д. За ослушание на первый раз били батогами, а затем ссылали в украинные города, а «хари» (маски) и «бесовские гудебные сосуды» ломали и жгли «без остатку». Прошло всего девять лет, и в 1657 г. последовало новое подтверждение этого строжайшего запрета, наложенного царской и духовной властью на народные увеселения. Митрополиты рассылали грамоты, в которых грозили ослушникам отлучением от церкви. Так, например, в памяти митрополичьих дел приставу Матвею Лобанову от 1656 г. говорится следующее: «...А велено на Устюге на посаде... учинить заказ крепкой, чтоб отнюдь скомрахов и медвежьих поводчиков не было, и в гусли б, и в домры, и

в сурны, и в волынки, и во всякия бесовския игры не играли, и песней сатанинских не пели, и мирских людей не соблажняли»[1]. Протопоп Аввакум рассказывает, как он встретил скоморохов с медведем и с возмущением их разогнал[2].

Итак, во второй половине XVII в. на Руси продолжала существовать прочная народная демократическая традиция, против которой были бессильны стремления церкви запретить или уничтожить любовь народа к игре, к драматизованному представлению. А. М. Горький так охарактеризовал деятельность скоморохов той эпохи: «У нас до начала XVIII в. тоже были свои „лицедеи“ — скоморохи, свои мейстерзингеры — „калики перехожие“, они разносили по всей стране „лицедейства“ и песни о событиях „великой смуты“, об „Ивашке Болотникове“, о боях, победах и о гибели Стеньки Разина»[3].

При выяснении причины возникновения придворного театра в царствование Алексея Михайловича нельзя обойтись указаниями лишь на западные влияния и образцы. Бесспорно, придворный театр XVII в. был создан иноземцами, находившимися на русской службе; в нем ставились немецкие пьесы или переводы их на русский язык; обучали актеров иноземцы, в составе труппы были иноземцы. Однако вряд ли только одно «увлечение» Алексея Михайловича любительскими спектаклями в Немецкой слободе да рассказы побывавших за границей русских о западном театре побудили царя затратить громадные по тому времени суммы, построить специальное здание, пожертвовать тысячи аршин дорогой материи на костюмы и создать театр узко придворного характера, нерегулярно ставивший пьесы и требовавший постоянных больших затрат. Указывают и другую причину, которую, несомненно, нельзя упускать из виду: это общий рост культуры, сближение с Западом во всех областях жизни. Однако без учета внутренних социальных причин решать эту проблему нельзя. Возросшей активности народных демократических представлений должно быть что-то противопоставлено. Был создан придворный театр, и народному скоморошьему лицедейству и театру Петрушки были противопоставлены пьесы на библейские или историко-героические сюжеты, вольному народному языку, подчас грубоватому и резкому, — тяжеловесно-напыщенный язык придворных пьес, исполненный патетики и ораторского красноречия. Вот образчик любовного признания: «Не зришь ли, прекрасная богиня, яко сила красоты твоея мя уже отчасти преодолевает? Смотрю на тя, но уже и видети не могу; хощу же говорити, но языком больши прорещи не могу; хощу, хощу, но не могу же; не тако от вина, яко от силы красоты твоея аз низпадаю» («Юдифь»)[4]. Имеющиеся

---

[1] ААЭ, т. IV, № 98, стр. 138.

[2] «Житие протопопа Аввакума».— РИБ, т. 39, стб. 11.

[3] Цит. по книге: *Я. Гринвальд.* Три века московской сцены. М., 1949, стр. 14.

[4] *Н. С. Тихонравов.* Русские драматические сочинения 1672—1725 годов, т. I, СПб., 1874, стр. 194.

в таких пьесах шутовские эпизоды и интермедии написаны, правда, совсем другим языком, но они имеют лишь подсобное развлекательное значение. Стремление показать свою дворянскую утонченную культуру и заставляло тратить на костюмы гамбургское сукно, турецкий атлас, горностаевые меха, сусальное золото. Для театра специально покупались венцы, трубы, искусственные цветы и т. д.

Правительство царя Алексея сделало попытку пригласить из-за границы иностранных режиссеров, но эта попытка не увенчалась успехом, и в 1672 г. организация придворного театра была поручена пастору лютеранской церкви в Немецкой слободе Иоганну Готфриду Грегори, который был знаком с этим делом. Грегори набрал из детей служилых и торговых иноземцев труппу в 60 человек и начал с ними репетировать комедию на библейскую тему об Эсфири и Мардохее. Иноземец Газенкруг руководил костюмерной частью, для которой были куплены шелковые материи разных цветов; другой иноземец, Энглис, писал «перспективного письма рамы», т. е. декорации. На постройку театрального здания, обучение и костюмирование артистов ушло четыре с половиной месяца, и 17 октября 1672 г. состоялось первое представление пьесы об Эсфири, или «Артаксерксово действо». Грегори и артисты были щедро награждены. Спектакль был повторен, но, повидимому, царь не был удовлетворен тем, что артисты-иноземцы играли на непонятном немецком языке. Решено было составить труппу из русских артистов. Для этой цели было набрано 26 молодых людей из подьячих и жителей Мещанской слободы, и они были отданы на обучение тому же пастору Грегори. Опыт оказался удачным, и русские актеры сыграли «жалостную комедию» о Товии. После этого русских артистов набрали уже 50 человек, и Грегори принялся с ними готовить к постановке сложную пьесу об Юдифи и Олоферне. Придворный театр не мог обойтись без участия русских, и чем дальше, тем больше возрастал удельный вес и русских мастеров и русских актеров. Театр в Преображенском был построен умелыми руками русских плотников, расписан русскими художниками Андреем Абакумовым, Леонтием Ивановым, Елисеем Алексеевым, Осипом Ивановым, отделан русскими «столярами и ларешниками».

Весьма показательны цифровые данные об артистах. Первоначально, в 1672 г. вся труппа состояла из иноземцев (60 человек). В июне 1673 г. в постановке «Товия» уже участвовало 26 «мещанских детей». К январю 1676 г. удельный вес русских актеров увеличился еще больше: 60 мещанских детей и 18 подьячих, всего 78 человек.

Положение русских актеров в труппе было очень тяжелым. Царь тратил громадные суммы на костюмы и декорации, раздавал чины и подарки иноземцам-режиссерам, платил иноземцам-актерам по 4 деньги в сутки, в то время как русские актеры получали только по 2 деньги. Немудрено, что 6 октября 1675 г. они обратились к царю с такой челобитной: «Собраны мы, холопи твои,... и по се число по вся дни учимся, а твоего государева жалованья корму нам, холопем твоим, и по се число не

дано ни по чему. И нам, холопем твоим, будучи в ученье, пить есть нечево, помираем з голоду...»[1]. Дела Посольского приказа, ведавшего театром, пестрят челобитными подобного рода. О том же просят и плотники, и художники, и столяры, и жестяники.

Инициатором придворного театра был русский человек, боярин А. С. Матвеев. Он имел большое влияние на царя; вторая жена царя, Наталья Нарышкина, выросла в доме Матвеева. Боярин принимал горячее и деятельное участие в организации театра и спектаклей, являлся «душой» театра. Грегори, постановщик и первый режиссер, не был создателем придворного театра, но был лишь исполнителем данных ему указаний [2].

Лист из «Комедии... притчи о блудном сыне». Гравюра, 1685 г.

О репертуаре театра XVII в. нет полных сведений, так как сохранились лишь четыре пьесы из девяти, да и то две в отрывках. После первой пьесы «Эсфирь» были поставлены и другие пьесы на библейские сюжеты: «Комедия о Товии младшем» (1673), «Юдифь» (1674), «Егорьева комедия» (1675), «Комедия об Адаме и Еве» (1675), «Малая прохладная комедия об Иосифе» (1675), «Комедия о Давыде с Галиафом» (1676). Из пьес на светские сюжеты известны «Комедия о Тамерлане и Баязете», или «Темир-Аксаково действо» (1675), и «Комедия о Бахусе с Венусом» (1676), о содержании которой можно судить очень приблизительно. Однако и светские комедии не далеко ушли от пьес на библейские сюжеты; так, основная

---

[1] *С. К. Богоявленский.* Московский театр при царях Алексее и Петре I.— «Чтения ОИДР», 1914, кн. 2, отд. I, стр. 59 и др.

[2] См. *Я. Гринвальд.* Указ. соч., стр. 17—24.

идея «Темир-Аксакова действа» — та же, что и в «Юдифи»: «гордым бог противится, а смиренным дает благодать».

С литературной стороны наибольший интерес в сохранившихся пьесах представляет не столько их содержание, сколько шутовские интермедии, в которых пространных монологов почти не встречалось, а действие развертывалось в легкой диалогической речи, в перекрестных репликах, построенных большей частью на резких смысловых и языковых контрастах. Следует отметить, что главное действующее лицо шутовских эпизодов — «дурацкая персона» — зачастую не имело писанного текста и импровизировало. Живое просторечие, проявлявшееся в этих эпизодах, шло, несомненно, не от тех оригиналов, по которым переводчики Посольского приказа составляли пьесы, а от живой русской речи, от народной драматической традиции, от народных представлений.

Театр был закрыт в 1676 г. после смерти Алексея Михайловича. Трудно сказать, в какую сторону пошло бы развитие театра, если бы он существовал долее. Вполне вероятно, что он стал бы более светским, о чем свидетельствует постановка комедии о Бахусе и Венусе. Заметного влияния на культуру XVII в. театр не оказал. Театр XVII в. интересен больше с исторической стороны, как факт увлечения придворных кругов западноевропейским театром, а не как преддверие московского театра Петра I, созданного совсем на другой основе и не связанного своим происхождением с театром Алексея Михайловича.

На примере театра XVII в., как и на многих других фактах культуры той эпохи, отчетливо прослеживается разница между культурой правящих кругов и культурой народа. Это были две различных культуры с отличными друг от друга путями развития.

Придворный театр не оставил после себя заметного следа, народный же театр нашел свое продолжение в «простонародном» театре 1765 г. на Девичьем поле и продолжал жить в течение многих лет, наполнившись новым содержанием, приняв новые формы[1].

[1] «История Москвы», т. II. М., 1953, стр. 594—595.

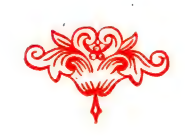

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ИСТОРИЯ НАРОДОВ СССР в XVII в.

ВОССОЕДИНЕНИЕ УКРАИНЫ С РОССИЕЙ

ВВЕДЕНИЕ

В XVII в. в населении многонационального Русского государства значительную долю составляли нерусские народности, общую численность которых в настоящее время еще нельзя определить. Они вошли в Русское государство в разное время, некоторые из них сотни лет назад, но в XVII в. нерусская часть населения возросла в первую очередь за счет украинцев, а также населения Сибири, часть территории которой (от среднего течения Оби до Тихого океана) была освоена в этом столетии.

Включение нерусских народов в состав Русского государства в XVII в., как и раньше, происходило в силу различных причин и при различных условиях. Воссоединение Украины с Россией было обусловлено близостью этих двух братских народов «...и по языку, и по месту жительства, и по характеру, и по истории»[1] и угрозой порабощения украинского народа магнатско-шляхетской Польшей и султанской Турцией. Освоение огромных пространств Сибири было связано с движением русской колонизационной волны на восток и почти полным отсутствием сопротивления со стороны отсталых и разъединенных племен и народностей Сибири.

Уровень общественного и культурного развития нерусских народностей был неодинаков. Население Украины не уступало по своему уровню русскому, но темпы его развития тормозились магнатско-шляхетским гнетом. Племена и народности Сибири находились на различных ступенях переходного состояния от родо-племенного строя к полупатриархальному и полуфеодальному. На крайнем северо-востоке русские застали почти в полном смысле слова каменный век. Народности, ранее присоединившиеся к Русскому государству, в большей или меньшей степени уже подверглись влиянию более высокой русской экономики и культуры.

Объективно-прогрессивным было влияние более высокой экономики Русского государства, которое выражалось в некотором ускорении социально-экономического развития всех нерусских народностей. Для Украины воссоединение ее с Россией устранило тормозящее действие магнатско-шляхетского гнета и открыло для нее возможность более свободного развития в условиях слагавшегося всероссийского рынка. Для самых отсталых народностей крайнего северо-востока включение их в состав России означало переход от каменного века к веку металла. Вообще присо-

---

[1] *В. И. Ленин.* Соч., т. 25, стр. 74.

единение Сибири к России сопровождалось ускорением разложения родо-племенного строя у сибирских народностей.

В некоторых случаях присоединение народов к России создавало бо́льшую безопасность существования, способствовало защите их от угрозы агрессивных соседей, например для украинцев, или содействовало прекращению ожесточенной межплеменной и внутриплеменной борьбы, например у якутов.

Включение нерусских народов в состав Русского государства было выгодно для него в экономическом и политическом отношениях, так как увеличивало его материальные ресурсы и укрепляло безопасность его границ.

Нерусские народности под властью царизма подвергались тяжкому феодально-колониальному угнетению. Господствующий класс феодалов эксплуатировал народные массы нерусских народностей путем тяжелых налогов и повинностей, закрепощения и закабаления. Представители правительственной власти видели в них источник обогащения, которое они осуществляли средствами прямого насилия и ограбления.

Трудовое русское население, в первую очередь крестьянство, иначе относилось к нерусским народностям. Само страдая от феодально-крепостнического гнета, оно тесно общалось, мирно уживалось и роднилось с ними. Трудовому русскому населению, в особенности крестьянству, принадлежит заслуга распространения опыта и навыков более высокой культуры среди отсталых народностей, что, хотя и медленно, сказывалось на всем их хозяйственном и бытовом укладе.

В длительном мирном сожительстве трудовых слоев русских и нерусских народностей созревало сознание единства их классовых интересов в борьбе против царизма и феодалов-крепостников как русских, так и нерусских. Уже в XVII в. происходили первые совместные выступления угнетенных трудовых масс русского и нерусских народов против их угнетателей.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

УКРАИНА И БЕЛОРУССИЯ. ВОССОЕДИНЕНИЕ УКРАИНЫ С РОССИЕЙ

1

ХОЗЯЙСТВЕННОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ УКРАИНЫ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

Бо́льшая часть Украины — территория от Карпат и среднего течения Днестра до Путивля и верховьев левых притоков Днепра— Сулы и Самары — во второй четверти XVII в. была под властью панской Польши. Здесь в первой четверти XVII в. жило подавляющее большинство населения Украины. В причерноморских и приазовских областях, а также в бассейне р. Донца население было немногочисленно. В подвластной Польше части Украины в это время жило около 4 млн. человек[1].

Основным занятием населения было земледелие. Господствовала трехпольная система. Землю обрабатывали плугами, ралами, боронами. Высевались озимая рожь, значительно меньше пшеницы, яровые — овес, гречиха, ячмень, просо, горох, иногда пшеница и рожь[2]. Из огородных культур выращивались лук, морковь, петрушка, пастернак, капуста, огурцы, свекла[3].

Наряду с земледелием было развито скотоводство — разводили крупный рогатый скот, лошадей, свиней, овец. В районах к югу от Орели и Тясмина, в Запорожье, скотоводство было главной отраслью хозяйства.

Важными отраслями хозяйства являлись пчеловодство, а также рыболовство и рыбоводство. Пчеловодство было бортное и пасечное. В западных областях Украины в предыдущие века было создано много прудов, в которых разводили рыбу; прудовое хозяйство Украины XVI и начала XVII в. велось для того времени на высоком техническом уровне.

Земля принадлежала феодалам-крепостникам, ее обрабатывали зависимые от них крестьяне, имевшие свои орудия производства и хозяй-

---

[1] *А. И. Баранович.* Население предстепной Украины в XVI в.— «Исторические записки», № 32, стр. 206—212; *О. Баранович.* Залюднення України перед Хмельниччиною. Волинське воєводство. Київ, 1931, стр. 20.

[2] «Архив Юго-Западной России» (далее — «Архив ЮЗР»), ч. VI, т. I, Киев, 1876, стр. 462—465, 476—479, 484—488; ч. VII, т. I, Киев, 1886, стр. 328, 329, 331.

[3] Там же, ч. VI, т. I, стр. 485.

ство. Владеть землей имел право только шляхтич (дворянин). Господствовали на Украине крупные феодалы-магнаты, владевшие громадными землями. Часть из них была украинские, белорусские, литовские княжата — Рюриковичи, Гедиминовичи — князья Вишневецкие, Заславские, Збаражские, Чарторыйские, Четвертинские, Корецкие, Сангушки и др.; другие были поляками — Потоцкие, Калиновские, Тарновские и др. Благодаря своим громадным латифундиям на Украине и отчасти в Белоруссии магнаты господствовали не только на Украине, но и во всей Речи Посполитой. Большинство средней и мелкой шляхты находилось от них в полной зависимости. В борьбе с крестьянством феодалы Украины, в первую очередь магнаты, все более тесно сливались с польской шляхтой. Они говорили и писали по-польски, принимали католическую религию, считали себя поляками, отрекались от своего народа.

Некоторое представление о размерах крестьянских хозяйств дают те немногочисленные села, в которых крестьянская земля была измерена «волоками», т. е. участками, равными 20—21 гектарам. Например, в с. Радомысле Волынского воеводства в 1631 г. было волочных хозяйств 16, полуволочных — 40, четверть-волочных — 29, загородников (имевших небольшие земельные наделы — менее $^1/_4$ либо $^1/_8$ волоки) — 35, коморников (не имевших своей усадьбы) — 31[1]. Такая же неравномерность наделов наблюдается и в тех селах, где земля не была измерена волоками.

Зависимость крестьян была большей в северных и западных областях, где была распространена отработочная рента. На юге господствовала рента продуктами и денежная.

Основная масса изготовленных продуктов потреблялась в своем хозяйстве, но часть продуктов продавалась на внутреннем и внешнем рынках. На рынок шли мед, воск, рыба, меха. Нередко продавали скот, особенно крупный. Поступал на рынок и хлеб, хотя значительная его часть потреблялась в тех хозяйствах, которые его производили[2]. За границу шли в большом количестве лес и поташ.

В период феодализма домашняя промышленность выступала как подсобное производство при земледелии. Но были в деревнях лица, для которых ремесленный труд стал основным: сапожники, кузнецы, горшечники, бочары.

На Украине еще в XVI в. общественное разделение труда, вызывавшее товарный обмен, достигло для того времени значительного развития. В XVII в. здесь было много городов и среди них немало для того времени крупных, с торгово-промышленным населением. В 1629 г. был уплачен налог в Остроге с 1655 жилых строений, в Кременце — с 1224, в Корце — с 1124, в Острополе — с 1100, в Липовце —

---

[1] «Архив ЮЗР», ч. VI, т. I, стр. 476—479.

[2] Там же, ч. VII, т. III, Киев, 1905, стр. 57, «Źródla dziejowe» (далее— «Źr. dz.».), t. V, Warszawa, 1877, str. 3—4.

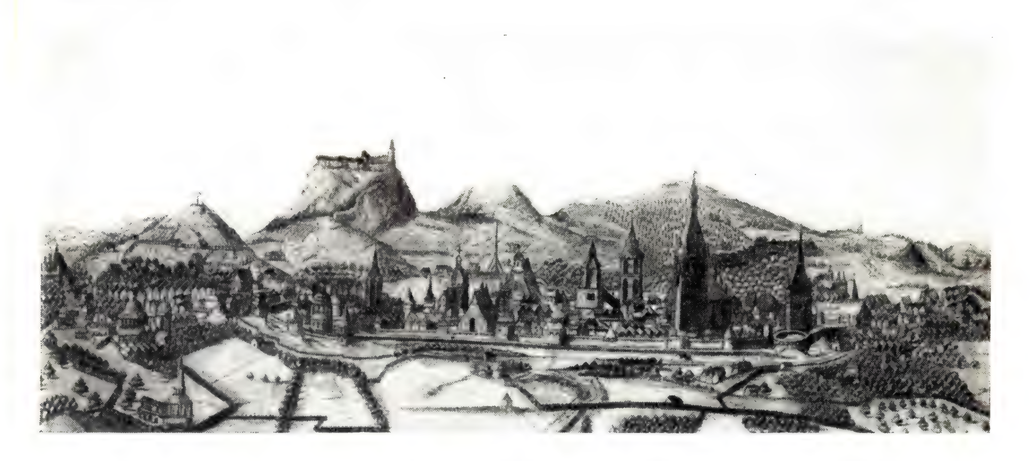

Вид г. Киева. С рисунка А.

›исунка А. Вестерфельда 1651 г.

Вид г. Львова. Гравюра, XVII в.

с 1100, в Ставищах (Любомире) — с 1200[1]. Несомненно, более 1000 домов было во Львове, Киеве и еще нескольких городах Украины[2]. Десятки городов в 1629 г. уплатили налог с 500 и более жилых строений[3].

Существование таких крупных городов показывает, что на Украине в первой половине XVII в. было много людей, основным занятием которых являлась не земледельческая, а промышленная деятельность. Действительно, в городах Украины того времени жило много ремесленников. Возьмем три города Волыни — большой, средний и малый. В 1635 г. в г. Остроге уплатили налог 558 цеховых ремесленников; из них 25 скорняков, 91 дубильщик, 145 сапожников, 30 шорников, четыре седельника. В г. Бережнице, находящемся к северу от Ровно, в 1629 г. значилось 423 дома налогоплательщиков. В 1635 г. там уплатили налог 98 цеховых ремесленников. Небольшой городок Барановка имел в 1629 г. 282 дома, плативших налог. В 1635 г. там значилось 128 цеховых ремесленников, из них 27 колесников, 22 токаря, два бочара, два гребенщика[4]. Сосредоточение в одном городе большого количества ремесленников одной специальности свидетельствует о значительных размерах товарного производства и сбыте готовых изделий на достаточно широком рынке.

Среди мещан встречались крупные землевладельцы, владельцы «хуторов» и «пасек», в которых работали эксплуатируемые ими крестьяне и горожане. Среди горожан были богатые купцы. Завещание, составленное бурмистром и мещанином Луцка С. В. Солтаном в 1621 г., показывает, что он был владельцем нескольких усадеб в Луцке, обладал значительной суммой денег, имел торговое помещение, в котором находились

---

[1] *А. И. Баранович.* Указ. соч., стр. 207—209, 211; Киевский центральный архив древних актов, теперь Центр. гос. архив УССР (далее — ЦГАУ), кн. 15.

[2] Люстрация 1629 г. отметила в Киеве 1750 домов.— «Źr. dz.», t. V, str. 130.

[3] *А. И. Баранович.* Указ. соч., стр. 207—209, 211; ЦГАУ, кн. 15.

[4] *О. Баранович.* Указ. соч., стр. 114, 131; ЦГАУ, кн. 2468, лл. 415, 552, 554.

принадлежавшие ему товары, в том числе сукна, серебро, золото, одежда[1]. В Бродах в 1640-х годах были крупные купцы: Иван Машицкий, Петр Коцельский, Крань Сеневич, Аслан Эмирович, которые торговали сотнями пудов аниса, баржами пшеницы, десятками бочек поташа, десятками волов; покупали разных товаров на десятки тысяч злотых[2]. Некоторые из мещан занимались ростовщичеством. Из завещания 1628 г. луцкого мещанина Парфена Галузки видно, что он давал под залог деньги разным лицам[3]. Должниками Самуила Солтана были дворяне, с которых он брал в залог драгоценные вещи, дорогую одежду[4].

В городах было много бедноты — «халупников убогих», «коморников», «лузьных» («бродячих», не имевших определенных занятий)[5]. В 1635 г. уплатили налог: в Остроге 91 коморник, в Полонном — 56, в Бережнице — 18, в Горохове — 12 коморников[6].

Феодалы увеличивали эксплуатацию и усиливали крепостную зависимость. Во второй половине XVI в. большинство сел западной и отчасти северной Украины принуждено было отбывать еженедельную барщину. Ко второй четверти XVII в. магнаты и шляхта, подавляя народное сопротивление, значительно увеличили размер барщины. С 70-х годов XVI до 30-х годов XVII в. барщина с волоки возросла примерно вдвое[7].

Очень много средств феодалы выжимали из зависимого населения, устанавливая свои монополии и вводя дополнительные поборы. Крупнейшими монополиями были продажа спиртных напитков, монополия на перемол зерна. Была введена плата за проезд через мост, плотину, за право въехать в город, за право продать тот или иной продукт в городе. Эти монополии и косвенные поборы сдавались на откуп — в «аренду», и откупщики, как правило, усиленно грабили население в свою пользу. Феодальная эксплуатация к середине XVII в. возросла до таких размеров, что для многих крестьян стала непосильной. Более крупные крестьянские хозяйства — волочные, в которых была не одна семья и много рабочих рук, еще способны были выдерживать этот гнет; средние и мелкие крестьяне разорялись и бросали свое хозяйство.

В 1633 г. в селе Хрипаличах было 17 крестьянских хозяйств, а пустых волок — четыре; в селе Микуличах было 17 крестьянских хозяйств, а пустых волок — 10[8]. В Брацлавском воеводстве и южной половине Киевского крестьян эксплуатировали преимущественно всякого рода данями, панскими монополиями и косвенными поборами. Но и в этих

---

1 «Архив ЮЗР», ч. I, т. VI, Киев, 1883, стр. 504—510.

2 *Иван Сованський.* З минувшини м. Бродів.— «Записки Наукового товариства імени Шевченка», т. 98, Львів, 1911, стр. 10—30.

3 ЦГАУ, кн. 2139, л. 1647.

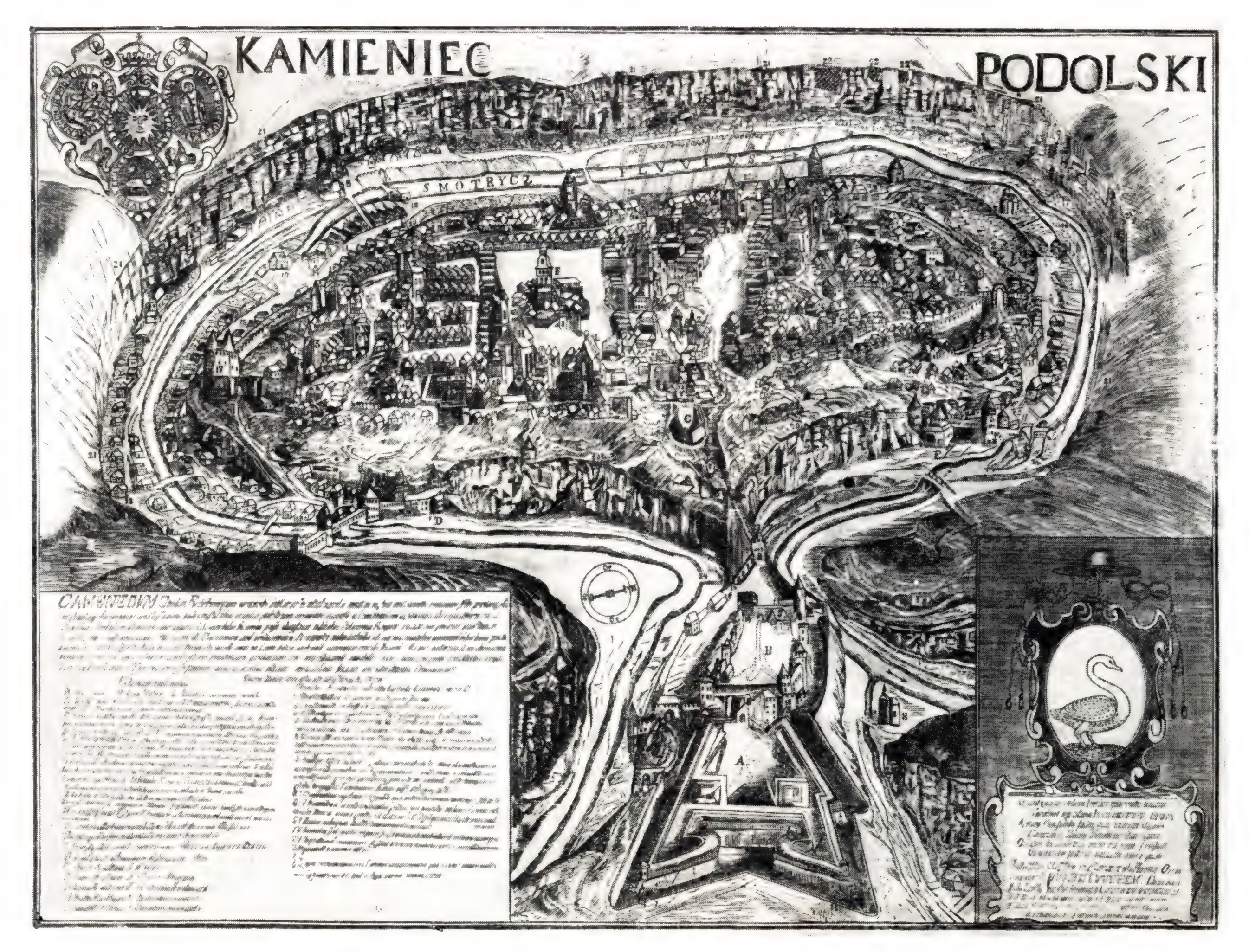
4 «Архив ЮЗР», ч. I, т. VI, стр. 504—510.

5 «Archiwum Mniszchów». Хранился в Киевском центральном историческом архиве (далее — «Arch. Mn.»).— Фонд Grodek, Fas. 3.

6 ЦГАУ, кн. 2468, лл. 415—416, 552—555.

7 «Архив ЮЗР», ч. VII, т. I, стр. 240; ч. VI, т. I, стр. 480.

8 Там же, ч. VI, т. I, стр. 424, 488—491.

План г. Каменец-Подольска. Гравюра по рисунку художника Томашев..ча, 1672 г.

Печать портновского, сапожного, скорняжного и слесарного цехов г. Киева, 1616 г.
Государственный Исторический музей

южных районах в первой половине XVII в. эксплуатация крестьян быстро увеличивалась. Черкасское староство в 1616 г. давало доход 1312 злотых 15 грошей, в 1629 — 3497 злотых, в 1636 г. — 4 тыс. злотых[1].

Магнаты и шляхта грабили и разоряли не только деревню, но и город. Они облагали городскую промышленность и городскую торговлю многочисленными прямыми и косвенными налогами, монополизировали продажу и производство предметов массового потребления. Некоторые феодалы привозили в свое имение те промышленные изделия, которые крестьянин покупал в городе, и принуждали крестьян покупать их. Многие помещики принуждали крестьян те продукты, которые они везли для продажи в город, сдавать в имение по установленной ими цене. Помещики стремились к тому, чтобы деньги из села не уходили в город, чтобы в их деревнях были ремесленники разных специальностей, которые обслуживали бы в порядке выполнения барщинных повинностей барское имение и у которых жители деревни заказывали бы необходимые им промышленные изделия[2]. Предметы панского обихода — одежда, обувь, оружие, мебель и др.— были заграничные. Феодалы создавали благоприятные условия для ввоза и распространения в стране заграничных изделий. Промышленность городов Украины в конкуренции с промышленностью заграничной и в борьбе с деревенским ремеслом была поставлена в такое положение, которое приводило ее к упадку. Городские ремесленники были объединены в цехи. Феодалы принуждали цеховых ремесленников даром работать в замке, барском имении, устанавливали таксы на ремесленные работы и изделия. Среди господствующего класса было течение за уничтожение цехов, монополий и привилегий цеховых мастеров[3]. Магнаты и шляхта разоряли своей торговлей, своими

---

[1] «Źr. dz.», t. V, str. 106, 107, 185, 214, 224. Литовско-польский денежный счет начала XVII в. состоял из следующих единиц: копа — 60 грошей, или 2,5 злотых; злотый — 24 гроша (польский грош — около 3,5 копеек серебром).

[2] *J. Baranowski.* Wieś i folwark. «Gospodarstwo» Azelma Gostomskiego. Warszawa, 1914, str. 30.

[3] Постановление сеймика в Вишне.— «Akta Grods. i Ziems. we Lwowie», t. XX, str. 486.

Украинские казаки. Рисунок А. Вестерфельда, 1651 г.

монополиями, таксами и налогами также и городского торговца. У городского патрициата они отнимали имения.

Зная враждебное отношение к себе горожан, феодалы стремились создать в городах группы, на которые они могли бы опереться в борьбе со всей массой горожан. В городах Украины такие группы создавались из мещан — католиков и униатов. Право занимать должности в городском управлении предоставлялось только католикам и униатам. Православная церковь после введения унии была поставлена вне закона. Ограничения в правах, национальное угнетение усиливали озлобление основной массы мещан против панской Речи Посполитой.

Украинское казачество сложилось еще в XVI в., и тогда же польское правительство пыталось часть его поставить на службу Речи Посполитой, для чего был создан так называемый «казацкий реестр», т. е. список казаков, состоящих на государственной службе[1]. Казаков, не попавших в реестр, паны превращали в крепостных крестьян. Озлоблено было против польско-украинского панства и привилегированное реестровое казачество. Рядовые казаки имели свои хозяйства, за службу в казачьем войске они освобождались от всех повинностей, но крепостники требовали от них платежа дани[2]. Среди казаков были и крупные землевладельцы. Из завещания 1600 г. Тышко Волевача, чигиринского казака,

[1] Более подробно об украинском казачестве см. «Очерки истории СССР. Период феодальный. Конец XV — начало XVI в.».

[2] «Jakuba Michałowskiego. Księga pamiętnicza». Nakładem C. K. Towarzystwa Naukowego. Kraków, 1864, str. 74—75.

видно, что он владел многими «хуторами», лесами, буераками, сенокосами, пахотными полями, стадами крупного рогатого скота и овец, табунами лошадей и пасеками; имел 50 бочек меда, 2 тыс. коп грошей, да должны были ему разные лица свыше 1050 коп грошей[1]. В те времена за 400—600 коп грошей можно было купить село с крепостными крестьянами[2]. Волевач был богаче многих шляхетных панов того времени, владевших несколькими селами. В имениях казаков, крупных землевладельцев, жили зависимые от них крестьяне[3]. Из казацкой старшины многие были крупными землевладельцами. Крыштоф Косинский был владельцем Рокитна. Гетман Григорий Лобода владел селом Сотниками[4]. В описании Днепра, составленном в 1697 г., упоминаются урочище, перевоз и плавни Барабаша, луга с пристанью Сагайдачного[5]. Полковник Иван Сулима владел имениями на левом берегу Днепра[6]. Наследственное имение Богдана Хмельницкого занимало пространство от Лебедина и Субботова на севере до устья р. Каменки, впадающей в Ингул, на юге[7]. Большинство из этих казаков, владельцев имений, не было шляхтичами, дворянами, а по законам панской Польши не-шляхтич не имел права быть собственником имения. Поэтому казаки—владельцы имений постоянно были под угрозой конфискации своих владений. В первой половине XVII в. был ряд случаев таких конфискаций[8].

Недовольна была магнатами и мелкая украинская шляхта. В 1648 г., когда войска Речи Посполитой были разгромлены, многие шляхтичи перешли на сторону победителей и вступили в казацкое войско. Весьма многие из мелких шляхтичей (а реестровые казаки — все) были православными, поэтому были ограничены в правах, испытывали национальный гнет.

На Украину распространялись общегосударственные учреждения Речи Посполитой (воеводства, староства и т. д.), при помощи которых магнатско-шляхетская Польша угнетала украинское население. Кроме того, польское правительство держало на Украине немало войск. Отдельные магнаты также имели отряды вооруженных людей.

---

[1] *И. М. Каманин.* Материалы по истории казацкого землевладения.— «Чтения в Истор. об-ве Нестора Летописца», кн. 8, Киев, 1894, отд. III, стр. 13—15.

[2] *И. М. Каманин.* К вопросу о казачестве до Богдана Хмельницкого.— Там же, отд. II, стр. 92—93.

[3] *И. М. Каманин.* Материалы по истории казацкого землевладения, стр. 16—17. Иван Волевач (повидимому, сын Тышка Волевача) в 1615 г. был «значным реестровым казаком», а приблизительно в 1630 г.— «обозным войска Запорожского».

[4] *И. М. Каманин.* Материалы по истории казацкого землевладения, стр. 18.

[5] *И. М. Каманин.* К вопросу о казачестве до Богдана Хмельницкого, стр. 89.

[6] «Сулимовский архив», Киев, 1884, стр. III—IV.

[7] *И. М. Каманин.* К вопросу о казачестве до Богдана Хмельницкого, стр. 90.

[8] Там же, стр. 86.

Украинские трудящиеся активно боролись против социального и национального гнета; известны крупные народные восстания против панской власти в XVI и начале XVII в.

В своем наступлении на широкие массы украинского народа — крестьян и горожан — крепостники, встречая упорное сопротивление, расходились между собой в мерах проведения унии. Некоторые из них даже склонялись к восстановлению православной иерархии и проведению унии более мягкими методами[1]. Против грубо насильственного введения унии выступали не только паны, остававшиеся православными, но и некоторые сторонники унии и даже отдельные паны католики. Разрешая этот вопрос, паны в 1633 г. издали «пункты успокоения обывателей» греческой религии, «не находящихся в унии»: было дозволено законное существование в Белоруссии и на Украине православной церкви, православным была возвращена часть храмов и церковных имений. Митрополитом — главой православной церкви — на Украине и Белоруссии был поставлен тесно связанный с магнатскими родами Петр Могила.

Феодалы вели между собой непрерывную борьбу за имения, вырывали их друг у друга силой, производили на имения «врага» «наезды». Для наездов паны привлекали большие вооруженные отряды из своих крепостных. Так, например, Екатерина Замойская 16 апреля 1640 г. послала на село Мощоную отряд до 1500 «слуг и подданных своих», вооружив их всяким оружием[2]. От наездов больше всего страдали, конечно, крестьяне.

Феодально-крепостнический гнет панской Польши вызвал на Украине во второй четверти XVII в. ряд новых больших крестьянско-казацких восстаний. Первым из них было восстание 1625 г., которое окончилось заключением Куруковского соглашения, содержавшего некоторые уступки казачеству. В 1630 г. вспыхнуло восстание под предводительством Тараса Федоровича. Восстание охватило оба берега среднего течения Днепра. Руководитель верхушки реестрового казачества, проводивший соглашательскую политику с польским правительством, гетман Григорий Черный был захвачен восставшими и казнен. Находившееся в Корсуне польское войско было разгромлено. Второе большое поражение восставшие нанесли польскому войску под Переяславом. Армия безуспешно пыталась взять казацкий лагерь, на третьей неделе казаки сами атаковали польскую армию и нанесли ей поражение. Партизанские отряды крестьян наносили удары польской армии в ее близком и далеком тылу, перерезали коммуникации, громили отдельные отряды. Польское правительство получило сведения о желании казаков перейти в подданство России. Все это принудило шляхетскую Польшу пойти на уступки

[1] «Архив ЮЗР», ч. I, т. VI, стр. 611—612; ч. II, т. I, Киев, 1861, стр. 66—81, 82—84, 85—102, 130—149, 150—161, 200—207, 208—214; «Akta Grodzkie i Ziemskie.», t. XX, str. 216.

[2] «Україна перед визвольною війною 1648—1654 рр. Збірка документів», Київ, 1946, № 12, стр. 28; № 78, стр. 161—164.

казакам — пообещать увеличение реестра, расширение казацких привилегий. Часть повстанцев ушла в Запорожье и на Дон[1].

В 1635 г. перед Кодацким порогом польское правительство построило крепость Кодак и поставило в ней свой гарнизон. Кодацкий гарнизон должен был следить за Запорожьем и путями, связывавшими его с Украиной. В том же году отряд нереестровых казаков, возглавляемый Иваном Сулимой, напал на Кодак, крепость разрушил, а гарнизон уничтожил. Восстание было подавлено в самом его начале; предводитель восстания Иван Сулима и некоторые его сподвижники были захвачены и подвергнуты жестокой казни[2].

В 1637 г. произошло крупное восстание под предводительством Павлюка. Гетман реестровых казаков Кононович был схвачен восставшими и казнен как изменник. Часть реестровых казаков присоединилась к восставшим. Восстало население Правобережья, жившее к югу от Киева, и Левобережья. Восставшие не скрывали намерения признать власть русского правительства. Под селом Кумейками (к югу от Канева) польская армия нанесла поражение главным силам восставших. Павлюка поляки захватили и казнили. Затем польская армия ринулась в Левобережье, жестоко подавляя восстание[3]. Разбитому казацкому войску панское правительство навязало новый устав (ординацию). Эта новая «Ординация войска реестрового Запорожского» была в начале 1638 г. утверждена сеймом. Число реестровых казаков не должно было превышать 6 тыс. Право казаков иметь свой суд и избирать старшину было отменено. Во главе реестровых казаков поставили назначенного правительством комиссара, «урожденного шляхтича». Полковники назначались из шляхтичей, сотники — из казаков. Решили отстроить Кодак и поставить в нем гарнизон из 600 пехотинцев и 100 наемных казаков. Весной 1638 г. вновь началось восстание под предводительством Якова Острянина и Карпа Скидана. Восставшим запорожцам помогали донские казаки. После нескольких вооруженных столкновений с польской армией Острянин принужден был отступить. Преследовавшая его польская армия встретила отряд около «500 донцов», шедший на помощь Острянину[4]. Этот отряд вступил в неравный бой с польской армией, погиб, но задержал ее наступление. Несколько тысяч казаков во главе с Острянином перешло на службу к русскому правительству, основало г. Чугуев[5]. Многие тысячи жителей Украины уходили в Россию[6].

[1] «Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы», т. I, М., 1953, № 63, стр. 109—111.

[2] Там же, № 92 и 93, стр. 158—160.

[3] Там же, № 113—116, стр. 185—195.

[4] Дневник Симеона Окольского.— «Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси», вып. 2, Киев, 1896, стр. 229.

[5] «Воссоединение Украины с Россией», т. I, № 128, стр. 215; № 153, стр. 261.

[6] «Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России», т. III, СПб., 1861, № 8, стр. 15—16. См. также «Воссоединение Украины с Россией», т. I, №№ 49, 58, 59, 63, 65, 72, 74, 116, 122, 144, 146 и др.

После ухода Остряпина часть главных сил восставших отошла в низовья Сулы и на урочище Старец заложила укрепленный лагерь, где под предводительством Д. Т. Гуни около двух месяцев оборонялась от польской армии. Гуне и некоторым из осажденных удалось вырваться из окружения, они ушли на Дон [1].

Время после подавления восстаний 30-х годов до 1648 г. польская шляхта называла периодом «золотого покоя». Магнаты и шляхта путем жесточайшего террора подавляли активные выступления украинского народа. Крупных восстаний в это время не было, но местные волнения происходили непрерывно. Атмосфера накалялась. Народные массы продолжали борьбу. Созревали условия для народного восстания неслыханных на Украине размеров и силы.

В Буковине и северной Бессарабии украинский народ находился под тройным гнетом: крепостников украинских, молдавских и турецких. Жители этой области несли повинности и поборы в пользу своих феодалов, молдавского господаря и турецкого султана. Турецкое иго тяжело отражалось на хозяйственной, политической и культурной жизни края.

В Закарпатской Украине, находившейся под властью Венгрии, зависимость крестьян от помещиков была очень велика. В начале XVII в. и здесь усилилось национальное и религиозное угнетение, крепостники начали насильственно вводить унию. Население упорно боролось против унии, сопротивление доходило до восстаний. В восточной части Закарпатья уния была навязана всему населению только в XVIII в.

2

ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ ВОЙНА 1648—1654 гг. И ВОССОЕДИНЕНИЕ УКРАИНЫ С РОССИЕЙ

Восстание украинского народа против гнета панской Польши под предводительством Богдана (Зиновия) Михайловича Хмельницкого — видного представителя казацкой старшины — началось в 1648 г. В 1647 г. Богдан Хмельницкий был уже пожилым человеком, он родился около 1595 г. Хмельницкий был горячим патриотом; он понимал, что власть панской Польши несет Украине гибель, что единственным спасением является воссоединение Украины с Россией. Во время восстания 1637—1638 гг. Хмельницкий занимал высокий пост войскового писаря и, очевидно, был одним из руководителей восстания. При проведении «Ординации» 1638 г. он был смещен со своего поста и назначен чигиринским сотником.

[1] «Воссоединение Украины с Россией», т. I, № 139, стр. 236—238; № 143, стр. 244—246; № 188, стр. 311; *К. Г. Гуслистий.* Визвольна боротьба українського народу проти шляхетської Польщі в другій половині XVI і в першій половині XVII століття («Нариси з історії України», вип. III), Київ, 1941, стр. 131—158; *его же.* Крестьянско-казацкие восстания на Украине в 30-х годах XVII в.— «Воссоединение Украины с Россией. 1654—1954». Сб. статей, М., 1954, стр. 54—77.

Тем не менее он сохранил свое влияние в казацком войске; польское правительство считало его опасным человеком, и паны пытались организовать покушение на его жизнь. Б. Хмельницкий был владельцем сравнительно крупного имения.

В 1646—1647 гг. представители польской власти подвергли Хмельницкого ряду репрессий: имение его разгромили, обвинили его в измене и возмущении казаков, арестовали. Хмельницкому удалось выйти из-под ареста на поруки. В конце 1647 г. он бежал в низовья Днепра, где было «немалое число, подобным образом обиженных»[1]. Организовав из них небольшой отряд, Хмельницкий в конце января 1648 г. изгнал из Сечи правительственный гарнизон, здесь был провозглашен гетманом и обратился к населению с призывом к восстанию.

На Украину направился коронный гетман Николай Потоцкий с армией.

Объясняя, почему он двинулся с целой армией против небольшого числа повстанцев, Потоцкий писал королю: «Эти 500 подняли восстание в заговоре со всеми казацкими полками и всей Украиной»[2]. Использовав напряженные отношения Польши с Турцией и Крымом, Хмельницкий заключил союз с крымским ханом, чем обезопасил свой тыл от нападения со стороны Крыма и получил вспомогательный отряд татарской конницы для борьбы с панской Польшей. Многие из Украины бежали к Хмельницкому, чтобы вступить в ряды борцов против панского ига. Паны в начале апреля определяли силы Хмельницкого в 2500 бойцов, из них 500 татар[3]. В апреле польская армия двинулась на юг, в Запорожье. В Запорожье были посланы два отряда — один шел по суше, другой, состоявший из реестровых казаков, плыл в лодках по Днепру. За ними следовали главные силы польской армии. 19 апреля в урочище Желтые Воды Хмельницкий начал бой с отрядом, шедшим в Запорожье по суше. 24 апреля у Каменного затона восстали реестровые казаки, перебили преданных панской Польше командиров, присоединились к Хмельницкому и приняли участие в сражении у Желтых Вод. Перешли к Хмельницкому и реестровые казаки, бывшие в составе польских войск, сражавшихся у Желтых Вод. Бой у Желтых Вод закончился 6 (16) мая полным уничтожением польских войск. Главные силы польской армии отошли к Корсуню. Окруженные враждебным населением, в условиях разгоравшегося крестьянского восстания, польские войска не решились оставаться у Корсуня и начали отходить дальше на север, на соединение с войсками украинского магната И. Вишневецкого. Хмельницкий, которого горячо поддерживал народ, мог хорошо наладить разведку, и путь польской армии ему был известен. Выбрав удобное место, он 16 мая атаковал польскую армию и уничтожил ее. Гетманы — коронный Н. Потоцкий и польный М. Калиновский —

---

[1] «Jakuba Michałowskiego. Księga pamiętnicza», стр. 5–6.

[2] Там же, стр. 6—7.

[3] Там же, стр. 10.

были взяты в плен и переданы татарам[1]. В короткий срок вся посланная на Украину польская армия была уничтожена. Хмельницкий в этих боях показал себя выдающимся полководцем. Разгром польской армии привел к расширению восстания, оно начало охватывать всю Украину, перебрасывалось в Белоруссию. Массы крестьян и горожан взялись за оружие.

Возникло много отдельных отрядов восставших, в некоторых из них было по нескольку тысяч человек. Много людей влилось в основную армию Хмельницкого. Панов и их прислужников уничтожали. Все усадьбы были превращены в пепел[2]. Единственной значительной военной силой крепостников на Украине был отряд И. Вишневецкого, который с большим трудом пробивал себе путь с Левобережья через Полесье на запад, по дороге неслыханно жестоким образом расправляясь с восставшим населением. Максим Кривонос, предводитель крестьянских отрядов, гнал Вишневецкого на запад.

Восстание, начавшееся весной 1648 г. в Запорожье, летом того же года переросло в освободительную войну украинского и белорусского народов.

Основной силой в освободительной войне являлось крестьянство; крестьяне боролись не только против иноземного порабощения, но и против всей феодально-крепостнической системы. Активной движущей силой освободительной войны было также городское население. Наиболее организованной и обученной в военном деле силой восстания были казаки. По своему положению казаки, особенно нереестровые, были очень близки к крестьянам.

Примкнувшие к восстанию мелкие и средние шляхтичи, православное духовенство, казацкая старшина, верхушка горожан боролись не за уничтожение крепостного строя, а за освобождение от национального гнета.

Все разнородные силы восставших объединяла борьба против ига панской Польши, борьба за воссоединение с Россией.

Часть примкнувших к восстанию шляхты, казацкой старшины, духовенства, верхов города считала возможным добиться лучшего для себя положения, оставаясь в подчинении шляхетской Польше; поэтому они искали компромиссного соглашения с феодалами Польши.

К осени 1648 г. паны вновь собрали армию для подавления восстания; командование ею было поручено князю Д. Заславскому, Н. Остророгу и А. Конецпольскому. В сентябре у Пилявец Хмельницкий разгромил эту армию.

При отступлении среди потерпевшей поражение польской армии началась паника, разбитая армия позорно бежала. Войска Хмельницкого дошли до Замостья. Расширилось восстание в Белоруссии. Началось крестьянское движение и в самой Польше. Это движение охватило весь

---

[1] «Воссоединение Украины с Россией», т. II, М., 1953, № 9, стр. 22—24; № 12, стр. 32—34.

[2] «Jakuba Michałowskiego. Księga pamiętnicza», стр. 366.

юго-восток польских земель. Польские крестьяне выступали совместно с украинцами[1].

У Замостья армия восставших, пройдя с боями много сотен верст, оказалась в тяжелом положении: не хватало продовольствия, боеприпасов, началась эпидемия чумы. Польское правительство не имело возможности быстро создать новую армию для борьбы с восставшим народом. Обе стороны не в состоянии были вести активные боевые действия. Польский король Ян Казимир предложил Хмельницкому перемирие и переговоры о мире; Хмельницкий согласился. Армия восставших была отведена к Киеву.

Рассчитывая на поддержку русского правительства, Б. Хмельницкий в то же время принимал меры к созданию украинского войска. Организация вооруженных сил на Украине была тесно связана с созданием новой системы управления, которая возникла взамен ликвидированной польско-шляхетской. Эта система строилась на сочетании военной власти с административной и судебной: полковник командовал полком и управлял населением всей территории данного полка; сотник осуществлял те же функции в пределах сотни, в городах и селах были особые казацкие атаманы. Военно-административные органы способствовали мобилизации всех сил народа для борьбы против польской шляхты. В то же время эти органы власти, находившиеся в руках казацкой старшины и украинской шляхты, укрепляли крепостнические порядки на Украине.

Создание в ходе освободительной войны военных и административно-судебных органов на освобожденных украинских землях было в то же время и процессом складывания элементов украинской государственности.

Однако в тот период этот процесс не мог завершиться созданием суверенного украинского государства. В тех исторических условиях Украине угрожало поглощение или шляхетской Польшей, или султанской Турцией, и единственно правильным путем, обеспечивающим прогрессивное развитие украинского народа, было воссоединение с русским народом в едином Русском государстве. Богдан Хмельницкий, выдающийся государственный деятель и полководец, именно в таком направлении и проводил свою политику. Это является одной из его исторических заслуг[2].

Народ боролся за свержение ига панской Польши, за воссоединение Украины с Россией.

В июне, после Корсунской победы, Хмельницкий писал царю: «Зичили бихмо собі самодержца господаря такого в своей землі, яко ваша царская вельможность, православний хрестиянский царь». Хмельницкий просил помощи у царя в войне против Польши и высказывал пожелание «да їсправит бог з давних віков ознаймленное пророчество», подразумевая под этим воссоединение Украины с Россией[3]. Зимой с поруче-

---

[1] *И. С. Миллер.* Освободительная война 1648—1654 гг. и польский народ.— «Вопросы истории», 1954, № 1, стр. 99—102.

[2] «Воссоединение Украины с Россией», т. I, стр. XXI—XXII; «История Украинской ССР», т. I, Киев, 1953, стр. 255—258.

[3] «Воссоединение Украины с Россией», т. II, № 12, стр. 33.

Богдан Хмельницкий.
Портрет маслом работы неизвестного художника XVII в.
Копия.

Государственный Исторический музей

нием Хмельницкого ездил в Москву полковник Силуан Мужиловский. В мае 1649 г. в Москву поехала делегация от Хмельницкого, во главе ее был чигиринский полковник Федор Вешняк. Эта делегация привезла письмо от Хмельницкого к царю, в котором Хмельницкий вновь просил царя принять Украину в русское подданство[1]. В апреле к Хмельницкому прибыл посол русского правительства Г. Унковский. Русское правительство не было готово к войне с Польшей. К тому же война с Польшей в случае воссоединения Украины с Россией могла осложниться войной с Турцией и Крымом. В 1648—1650 гг. в Русском государстве происходили крупные антифеодальные движения. Хотя царское правительство и подавило эти движения, однако оно опасалось влияния восстания украинских народных масс на усиление антифеодальной борьбы в России. Кроме того, среди правящих кругов России были влиятельные лица, признававшие первоочередной задачей борьбу за выход к Балтийскому морю и стоявшие за сохранение мира с Речью Посполитой. Переговоры о воссоединении Украины с Россией продолжались несколько лет.

Вместе с тем русское правительство не оставалось безучастным к освободительной войне украинского народа, оно оказывало восставшему народу большую помощь с первого года восстания: русские дипломаты поддерживали и защищали перед польским правительством интересы Украины. Русское правительство разрешило ввоз на Украину продовольствия и вооружения, а также беспошлинную торговлю украинским купцам.

В феврале 1649 г. в Переяславе происходили переговоры между посольством польского короля, которое возглавлял украинской магнат Адам Кисель, и Богданом Хмельницким. Для польского правительства переговоры были лишь прикрытием военных приготовлений против восставшего народа. Кисель, обещая привилегии казакам, пытался расколоть лагерь восставших. Кисель уговаривал Хмельницкого «оставить чернь, чтобы крестьяне пахали, а казаки воевали». Хмельницкий понимал, что сила восстания в поддержке народных масс, и заявил: «Поможет мі то чернь всяя по Люблин ї Краков, которой я не одступлюсь, бо то права рука нашая». Народ внимательно следил за переговорами: бывшие в Переяславе казаки, мещане, крестьяне не скрывали своего враждебного отношения к посольству панской Польши и были против соглашения с панами[2].

Зимой 1648/49 г., во время перемирия, польские войска подавляли восстание в Белоруссии и на Западной Украине и готовились к войне с Хмельницким. В конце июня Хмельницкий окружил одну из польских армий в Збараже. На выручку спешил польский король с большой армией. С севера через Белоруссию на Киев наступала третья польская армия под командой Я. Радзивилла. У Лоева в бою с украинскими частями

[1] «Воссоединение Украины с Россией», т. II, № 74, стр. 177—178; № 88—90, стр. 205—209.

[2] Там же, № 47, стр. 108, 117—118; «Jakuba Michałowskiego. Księga pamiętnicza», str. 375—376.

армия Радзивилла понесла большие потери. Крупные народные восстания в районе Чичерска и Кричева не дали возможности Радзивиллу наступать на Украину. 5 августа возле Зборова Хмельницкий атаковал польскую армию, шедшую под командой короля на выручку армии, осажденной в Збараже, и нанес ей поражение. Король начал переговоры с крымским ханом о мире. Хан был заинтересован в продолжении войны, чтобы иметь возможность грабить и Украину и Польшу, либо в получении крупной денежной суммы. Поляки заплатили крупный выкуп. Хан подписал мирный договор и, угрожая войной, вынудил Хмельницкого заключить договор с польским королем[1].

8 августа 1649 г. был заключен Зборовский договор, по которому на территории воеводств Киевского, Черниговского и Брацлавского государственные должности могли занимать только православные (т. е. украинские) шляхтичи; на этой территории не должны были размещаться польские войска. Число реестровых казаков определялось в 40 тыс. человек. Изгнанные восставшим народом польские паны получили право возвратиться в свои имения. Крестьяне должны были вернуться под власть панов и выполнять барщинные повинности[2]. Татары, уходя в Крым, грабили население Украины и уводили людей в неволю.

Зборовский договор вызвал возмущение народных масс и обострил классовые противоречия на Украине. Русский гонец, посланный в Польшу, дьяк Григорий Кунаков сообщал царскому правительству: «И к Богдану де Хмельницкому приходили хлопи, собрався больши 50 000 человек, и хотели его убить: для де чего без нашего совету с королем помирился?»[3]. Сейм не утвердил Зборовского договора. Обе стороны стали готовиться к продолжению войны. Хмельницкий все более настойчиво добивался воссоединения Украины с Россией. В феврале 1651 г. русское правительство открыто заявило на Земском соборе о готовности принять Украину в подданство[4]. Это решение имело целью оказать давление на польское правительство и побудить его прекратить войну против Украины. Но польское правительство все же попыталось подавить освободительное движение.

В феврале 1651 г. польские войска начали войну в Подолии. Вновь разгорелись восстания в Западной Украине, Белоруссии, вспыхнули восстания в самой Польше[5]. Ожесточенный бой между украинскими войсками и польской армией произошел у Берестечка. Во время боя крымские татары, предательски открыв фронт, ушли с поля боя. Хмельницкий пытался

---

[1] «Воссоединение Украины с Россией», т. II, № 133, стр. 302—303; «Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России», т. III, № 301, стр. 395.

[2] «Воссоединение Украины с Россией», т. II, № 133, стр. 303—304; «Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России», т. III, № 301, стр. 395—396; № 303, стр. 415—416.

[3] «Воссоединение Украины с Россией», т. II, № 133, стр. 309; «Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России», т. III, № 301, стр. 401.

[4] «Воссоединение Украины с Россией», т. III, М., 1953, № 1, стр. 7—11.

[5] *И. С. Миллер.* Указ. соч., стр. 104—107.

Бой казаков на Днепре под Киевом с войсками Я. Радзивилла в 1651 г. С рисунка А. Вестерфельда, 1651 г.

уговорить татар возвратиться. Хан, уходя дальше, захватил Хмельницкого с собой и выпустил только через несколько дней за большой выкуп. Украинское войско под Берестечком 10 дней мужественно отбивало атаки превосходящих сил противника, но потерпело поражение. Иван Богун, руководивший обороной, сумел вывести из окружения часть войска. От Берестечка польская армия двинулась вглубь Украины. С севера проникла на Украину вторая польская армия под командованием Радзивилла и захватила Киев.

К югу от Киева наступление войск шляхетской Польши было задержано Хмельницким. Командование польской армии принуждено было пойти на мирные переговоры. Мир был заключен в сентябре 1651 г. в Белой Церкви. Зборовское соглашение отменялось, казакам предоставлялось право пребывать только на территории Киевского воеводства, казацкий реестр был ограничен 20 тыс. человек[1].

Белоцерковский договор вызвал решительный протест украинского населения, и возобновление войны было неминуемо.

Весной 1652 г. Хмельницкий предпринял поход в Молдавию, чтобы принудить господаря Василия Лупу расторгнуть союз с Польшей и заключить союз с Украиной. Польская армия преградила ему путь. Возле Батога, к югу от Брацлава, Хмельницкий разбил и уничтожил польскую армию. Это была одна из самых блестящих побед Хмельницкого. Население Брацлавского воеводства восстало против ига панской Польши. Лупу заключил с Хмельницким союз и выдал свою дочь замуж за сына Хмельницкого, Тимофея.

Русское правительство, учитывая укрепление внутреннего и международного положения Русского государства, признало, что к 1653 г. назрели условия воссоединения Украины с Россией, и стало действовать более энергично. С Украиной происходил постоянный обмен посольствами, подготавливался великий акт воссоединения. Русское посольство во главе с боярином князем Б. А. Репниным, отправленное в Польшу в начале 1653 г., почти ультимативно потребовало от Польши возобновления Зборовского договора с Украиной. Польское правительство не приняло этих требований[2]. Земский собор 1 октября 1653 г. принял решение о воссоединении Украины с Россией.

Осенью 1653 г. польская армия под командованием короля совершила новый поход на Украину. Хмельницкий окружил эту армию на Подолии в окрестностях Жванца. Польская армия таяла от голода и болезней; ее поражение было неизбежно. Но крымский хан, «союзник» Хмельницкого, снова договорился с королем о том, что он порвет с казаками, если ему уплатят крупную денежную сумму, будут ежегодно платить дань по Зборовскому договору, который они признáют. Король и польское

[1] «Воссоединение Украины с Россией», т. III, № 51—52, стр. 102—118; СГГиД, 3, М., 1822, № 143, стр. 462—464.

[2] «Воссоединение Украины с Россией», т. III, № 179, стр. 333—349.

Решение Земского собора 1 октября 1653 г. о воссоединении Украины с Россией (первый и последний листы).

Центральный государственный архив древних актов

командование на все эти условия согласились. Жванецкий договор был заключен без участия Хмельницкого и представителей казачества[1].

Очередное предательство крымского хана спасло короля и польскую армию. Татары, возвращаясь в Крым, вновь опустошили Украину. Русское правительство, во исполнение решения Земского собора о воссоединении Украины с Россией, отправило на Украину посольство во главе с боярином В. В. Бутурлиным.

8 января 1654 г. в Переяславе состоялась «открытая» рада, на которой были представители всех казачьих полков, многих городов и жители Украины, по своей инициативе прибывшие на раду. Присутствовали и русские послы. Хмельницкий обратился к собравшимся с речью, в которой напомнил о тяжелом пути борьбы и испытаний, какой прошел украинский народ под властью панской Польши, о разбойничьих набегах и вероломстве крымского хана, об угрозе порабощения Украины султанской Турцией и призвал принять решение о воссоединении Украины с Россией. Участники Переяславской рады единодушно, с большим подъемом высказались за воссоединение Украины с Россией, «чтоб есми вовеки вси едино были»[2].

«Решение Переяславской Рады явилось завершением общенародной борьбы за воссоединение Украины с Россией, выражением вековых стремлений и надежд украинского народа и знаменовало поворотный этап в его жизни»[3].

Хмельницкий и вся освобожденная Украина принесли присягу верности.

В марте 1654 г. в Москве представители Хмельницкого просили у русского правительства сохранить за казаками право избирать гетмана и старшину, иметь свой суд; установить количество реестровых казаков в 60 тыс.; признать право шляхты владеть имениями и организовать свой суд; сохранить самоуправление городов. Эти просьбы были удовлетворены[4]. Украинскому дворянству, духовенству и казацкой старшине были выданы грамоты на имения.

Освободительная война расшатала и ослабила феодально-крепостническую систему на Украине. Крестьяне добились права менять местожительство, права распоряжаться своей землей, строениями и движимым имуществом, а также значительного уменьшения повинностей в пользу феодалов.

На Левобережной Украине, свергнувшей иго панской Польши, весьма изменился состав владельцев имений. Были изгнаны польско-украин-

---

[1] «Воссоединение Украины с Россией», т. III, № 205, стр. 434—446; № 213, стр. 500; № 216, стр. 503—504; «История Украинской ССР», т. I, стр. 272.

[2] «Воссоединение Украины с Россией», т. III, № 205, стр. 459—466.

[3] «Тезисы о 300-летии воссоединения Украины с Россией (1654—1954 гг.). *Одобрены Центральным Комитетом Коммунистической партии Советского Союза*». Госполитиздат, 1954, стр. 10.

[4] «Воссоединение Украины с Россией», т. II, № 245, стр. 560—565

ские магнаты, бо́льшая часть связанной с панской Польшей шляхты, католическое духовенство.

Имения магнатов, католической церкви, бежавших панов перешли в распоряжение «Войска Запорожского», т. е. командования казацкими войсками. Некоторые из этих имений стали ранговыми: гетман, полковники, сотники и другие обеспечивались и владели ими по занимаемой должности. Доход от остальных «войсковых» имений шел в казну гетманского правления. Казацкая старшина, украинская шляхта и духовенство увеличивали свои личные имения прежде всего посредством захватов в наследственное владение «войсковых» имений; свои захваты они оформляли затем путем правительственных пожалований[1].

3

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ВОССОЕДИНЕНИЯ УКРАИНЫ С РОССИЕЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII В.

Народное хозяйство Левобережной Украины, несмотря на тяжелые войны с польскими и турецко-татарскими агрессорами, развивалось. Возникло много новых сел. Увеличивались посевная площадь и количество продуктов земледелия, росло скотоводство. Углублялся процесс отделения города от деревни, развивались товарность хозяйства и торговля. На Левобережной Украине были значительные города. Общее число их, по данным 60-х годов, достигало 89. Наиболее крупными из них были Стародуб, Нежин, Чернигов, Переяслав, Полтава, Батурин, Новгород-Северский и др., на правом берегу Днепра — Киев. Например, по переписным книгам 1666 г., в Батурине было 365 мещанских дворов, а «людей в них детей и братьи и племянников» — 679, в Конотопе — 474 мещанских двора; в Нежине — 642 двора, а мещан — 697, не считая войта, бурмистров, лавников. В Киеве — 684 двора, в них 759 мещан[2]. Кроме мещан, в городах жило много казаков.

Города Левобережной Украины были значительными для того времени промышленными и торговыми центрами. В 36 переписанных городах было 9976 дворов, из них занятия хозяев 1386 дворов не обозначены; из остальных 8590 дворов — 2598 (30%) ремесленных и 824 (9%) торговых людей[3]. Ремесленники больших городов объединялись в цехи. Так, в Чернигове были цехи кузнецов, серебреников, бондарей, плотников, портных,

[1] «История Украинской ССР», т. I, стр. 288—290.

[2] «Переписні книги 1666 року», Київ, 1933, Всеукраїнська Академія наук. Археографічна комісія, ред. В. О. Романовський, стр. 28, 118, 259. Для характеристики экономического развития Левобережной Украины использована, с согласия автора, неопубликованная работа В. А. Романовского «Очерки по истории государственного хозяйства Украины XVII в.».

[3] «Переписні книги 1666 року»; *В. А. Романовский.* Указ соч., стр. 313.

сапожников и др. Мастерство украинских ремесленников славилось далеко за пределами Украины[1].

Рос внутренний рынок. Развивались торговые связи Левобережной Украины со Слободской Украиной, Запорожьем, Россией. Из России ввозились соль, металлические изделия, меха и пр. Из Украины на Русь вывозились поташ, стеклянные изделия, селитра, продукты земледелия и животноводства. Крупную роль в торговом обмене играли ярмарки: Свенская (под Брянском), Киевская и Полтавская. Левобережная Украина прочно втягивалась во всероссийский рынок[2].

Казацкая старшина, духовенство, шляхта увеличивали свои земельные владения, усиливали эксплуатацию крестьян. Гетманская власть увеличивала обложение населения прямыми налогами и косвенными поборами. Сбор последних часто отдавался на откуп.

Крестьянские хозяйства в экономическом отношении были далеко не однородны. В Черниговском, Нежинском, отчасти Киевском полках крестьян, не имевших рабочего скота, было около 17%, имевших одну голову рабочего скота (вола или лошадь) — свыше 41%, две головы рабочего скота — 25,3%, более двух голов — 9,4%. В южной зоне крестьян, не имевших рабочего скота, было 11,4%, имевших одну голову — 6,5%, две головы — 56,8%, более двух голов — 25,1%. В южных районах Украины население было лучше обеспечено рабочим скотом[3].

Воссоединение Украины с Россией, укрепив связи украинского и русского народов, создало условия для совместной борьбы угнетенных классов против феодально-крепостнического строя. В войсках С. Т. Разина было много выходцев из Украины, в частности запорожских казаков[4].

По сравнению с той частью Украины, которая входила в состав Русского государства (Левобережьем, Слободской Украиной, Запорожьем), Правобережье, оставшееся под властью панской Польши, находилось в несравненно более тяжелом положении. Эта часть Украины была опустошена татарскими, турецкими и польскими войсками. Количество населения в ней весьма уменьшилось. Значительно сократилось число крестьянских хозяйств в Западной Украине[5]. Сильно убыло население в Полесье[6]. На юге подвластной панской Польше части Украины во многих местах исчезли села[7].

---

[1] «История Украинской ССР», т. I, стр. 302—304.

[2] Там же, стр. 304—305.

[3] *В. А. Романовский.* Указ. соч., стр. 359, 366.

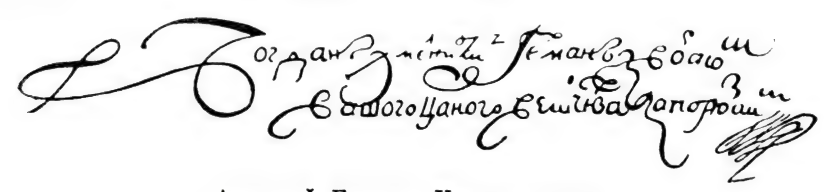
[4] См. главу II, § 7 настоящего издания; «История Украинской ССР», т. I, стр. 314—317.

[5] *В. И. Пичета.* Основные моменты исторического развития Западной Украины и Западной Белоруссии. М., 1940, стр. 83—84.

[6] «Архив ЮЗР», ч. VI, т. I, прилож., стр. 155—156, 205—208; ч. VII, т. I, стр. 550—553.

[7] Там же, стр. 152—154; «Pamiętniki Jana Chryzostoma Paska», Petersburg, 1860. str. 238; *Самійла Величка.* Сказаніе о войнѣ козацкой з поляками.— «Памят-

В Правобережной Украине у крестьян осталось мало рабочего скота, хозяйственного инвентаря. Посевная площадь значительно сократилась. Часто не хватало продуктов питания. В связи с общим разорением страны городские жители переходили к земледелию.

Автограф Богдана Хмельницкого.
Центральный государственный архив древних актов

Население уходило в Русское государство на Левобережье, в Слободскую Украину. В 1680-х годах в южной части подвластной Польше Украины было в несколько раз меньше населения, чем в 1648 г.

* * *

Весной 1654 г. началась война между Польшей и Русским государством за Украину и Белоруссию [1].

Гетман Б. М. Хмельницкий с украинским войском принимал участие в этой войне, оставаясь верным воссоединению Украины с Россией.

27 июля 1657 г. Богдан Хмельницкий умер. Украинские феодалы поставили на пост гетмана генерального писаря Ивана Выговского.

Среди украинской казацкой старшины была группа, которая рассчитывала, что панская Польша лучше, чем царская Россия, может обеспечить классовые интересы казацкой верхушки. Эта группа пыталась оторвать Украину от России и подчинить ее Польше. Иван Выговский принадлежал именно к этой группе казацкой старшины.

Приход Выговского к власти вызвал возмущение народных масс и той части старшины, которая была верна политике Богдана Хмельницкого и воссоединению Украины с Россией. В конце 1657 г. против Выговского восстало Запорожье, значительная часть Левобережной Украины и часть Правобережья. Восстание возглавили соратник Хмельницкого полтавский полковник Мартин Пушкарь и кошевой Запорожской Сечи Яков Барабаш. В восстании активное участие приняли крестьяне и городская беднота. Выговский не мог положиться на казаков, явно выражавших свои симпатии к восставшим. Он подавлял восстание отрядами наемных войск и татар. Летом 1658 г. Пушкарь погиб в бою, Барабаш был схвачен и казнен.

В сентябре 1658 г. в Гадяче Выговский подписал с уполномоченными короля договор («Гадячская уния») о передаче Украины под власть пан-

---

ки українського письменства», т. I, Київ, 1926, стр. 70—71, 97, 116; «Памятники, изданные Временной комиссией для разбора древних актов», т. III, Киев, 1852, стр. 175.

[1] См. главу IV, § 4 настоящего издания.

ской Польши. За это польское правительство признало его гетманом и назначило сенатором. По 100 казаков от каждого полка по представлению Выговского получали шляхетство. Число реестровых казаков сокращалось до 30 тыс. Панам возвращались имения, которыми они владели до 1648 г. Выговскому было обещано 10 тыс. наемных солдат. Старшина и украинские феодалы получали права и привилегии польской шляхты. Против Выговского восстал весь народ. В 1659 г. Выговский был свергнут и бежал в Польшу[1].

Чтобы успокоить народ, казацкая старшина выдвинула на пост гетмана сына чтимого народом Богдана Хмельницкого, Юрия. Но Юрий был только марионеткой в руках той группы казацкой старшины, которую до сих пор возглавлял Выговский.

Борьба этой группы за отрыв Украины от России продолжалась. Предательское поведение Юрия Хмельницкого и его окружения из казацкой старшины было главной причиной поражения русских войск под Чудновом в 1660 г. В том же году эта старшинская группа заключила с польским правительством Слободищенский трактат, предусматривавший подчинение Украины Польше[2].

Украинский народ не признал договора Юрия Хмельницкого с Польшей: при помощи польской армии Юрий мог удержать за собой только Правобережную Украину, но и здесь восстания против него не прекращались. В начале 1663 г. польские паны устранили Юрия Хмельницкого как не обеспечившего польского господства на Украине и поставили гетманом давнего своего агента Павла Тетерю[3].

На Левобережной Украине правил наказный гетман Яким Сомко. В июне 1663 г. избирали гетмана на Левобережье в Нежине на «черной раде», т. е. раде, в которой принимали участие не только казаки, но и крестьяне и городские низы. Казацкая старшина выдвигала кандидатуру Якима Сомка. Народ поддержал кандидатуру Ивана Брюховецкого, кошевого Запорожской Сечи, выступавшего против старшины. Гетманом был избран Брюховецкий.

Брюховецкий, выступая во время своего избрания против старшины и феодалов, обманывал народ. Он, как и его предшественники, проводил политику порабощения и ограбления масс казацкой старшиной. Народ видел, как казацкая старшина неоднократно предавала страну панской Польше либо султанской Турции, не доверял казацкой старшине и боялся, что она опять предаст страну иноземцам.

Против господства на Украине казацкой старшины зачастую открыто выступали горожане. Горожане имели и свои особые счеты с казацкой старшиной, которая, имея власть в своих руках, угнетала города

---

[1] «Volumina legum», t. IV, Petersburg, 1859, str. 297—300; «История Украинской ССР», т. I, стр. 296—297.

[2] См. главу IV, § 6 настоящего издания.

[3] «История Украинской ССР», т. I, стр. 298—299.

Серебряная миска Богдана Хмельницкого с его инициалами и гербом Войска Запорожского.

Государственный Исторический музей

налогами, захватывала городские земли. Полковники, сотники и другие представители гетманского управления принуждали городских ремесленников даром работать на себя. Городская торговля терпела ущерб от старшинской конкуренции. Войт г. Стародуба говорил царскому представителю Желябужскому вскоре после воссоединения, что горожане предпочитают управление царских воевод власти казацкой старшины [1].

Украинские крестьяне попадали в крепостную зависимость к казацкой старшине. Государственные налоги с крестьян поступали в войсковую казну, которой распоряжалась казацкая старшина. При сборе налогов допускались большие злоупотребления. Все это возбуждало недовольство украинского крестьянства и ослабляло положение гетмана Брюховецкого.

Царское правительство использовало эту ситуацию и предъявило Брюховецкому ряд требований, ведших к усилению вмешательства во внутренние отношения на Украине.

В 1665 г. царское правительство предъявило Брюховецкому решительное требование отказаться от сбора налогов и управления «поспольством», т. е. горожанами и крестьянами, и передать их сбор в царскую казну, а управление — воеводам. Воеводы были назначены в Киев, Чернигов, Нежин, Новгород-Северский, Переяслав, Полтаву, Кременчуг и другие города. Гетману оставляли командование казацким войском, судебную и административную власть над казаками. Брюховецкий и казацкая старшина вынуждены были согласиться на эти условия. Брю-

[1] РИБ, т. 8, СПб., 1884, стб. 1240.

ховецкий был вознагражден пожалованием в бояре, получил в наследственное владение Шептаковскую волость и другие имения; многие из старшин получили дворянство и имения.

Возвратившись из Москвы после подписания в 1665 г. «статей» о передаче Украины в «совершенное подданство» царю, гетман и старшина принялись взыскивать с населения максимум налогов, стараясь использовать время, пока у них воеводы не отнимут этого сбора. Народное возмущение против гетмана росло, появились отряды повстанцев против старшины. Один из них оперировал возле гетманской резиденции, Гадяча. Гетману удалось при помощи царских войск подавить движение. В 1666 г. была произведена перепись населения Украины, подлежащего обложению налогами в царскую казну, т. е. крестьян и горожан. Казаки переписаны не были, так как они обложению не подлежали[1].

Тетеря недолго удержался на посту гетмана из-за нового подъема борьбы населения Правобережья против панской Польши, поддержанного русскими войсками. Гетманом Правобережной Украины при помощи татар был поставлен казацкой старшиной Петр Дорошенко. Татарам и туркам союзник-гетман был нужен. Турция готовилась к открытой войне против Украины, России и Польши. На Украину вошли под видом помощи Дорошенко отряды не только татарских, но и турецких войск. В ноябре 1666 г. Дорошенко начал военные действия против Польши.

В январе 1667 г. в селе Андрусове было заключено перемирие между Россией и Польшей. Польша признала включение в состав Русского государства Левобережной Украины. Русское государство признало власть Польши над Правобережной Украиной. Киев с прилегающими районами оставался за Россией на два года, а потом должен был перейти к Польше. Запорожье должно было находиться под властью обоих государств. Договаривающиеся стороны обязались в случае турецкого нападения давать отпор общими силами[2].

Дорошенко, опираясь на помощь татар и турок, разгромил польские войска и овладел всем Правобережьем. В конце 1667 г. Дорошенко во время переговоров с представителями русского правительства выразил возмущение Андрусовским договором, разделившим Украину на две части, решительно высказался против подчинения панской Польше и соглашался принять русское подданство, но с условием быть гетманом «обеих сторон» Днепра и упразднить воеводское управление на Украине. Разорвать союз с татарами он отказался. Переговоры не дали результатов[3].

Углубление классовых противоречий и недовольство Андрусовским договором привели к восстанию на Левобережной Украине в 1668 г. На-

---

[1] «История Украинской ССР», т. I, стр. 300—301.

[2] См. главу IV, § 6 настоящего издания.

[3] *Д. Бантыш-Каменский.* История Малой России. Киев, 1903, стр. 265—268.

род поднялся против казацкой старшины и царских воевод. Казацкая старшина старалась направить народный гнев исключительно против царских воевод. Брюховецкий изменил России, стал договариваться с турецким султаном о подчинении ему Украины.

События на Левобережной Украине пытался использовать Дорошенко, он пришел сюда со своими войсками. Появление на Левобережной Украине Дорошенко вызвало восстание против Брюховецкого. Брюховецкий был убит восставшими казаками. Но народ, не желая идти в подданство к Турции и разрывать с Россией, не поддержал гетмана Дорошенко — турецкого вассала. Дорошенко должен был уйти с Левобережья, где в Глухове был избран в 1669 г. гетманом Демьян Многогрешный, заявлявший себя сторонником воссоединения с Россией[1].

При избрании Многогрешного были приняты новые статьи. Учитывая восстание 1668 г., царское правительство согласилось на то, чтобы воеводы и ратные люди были только в пяти городах Украины, чтобы они не вмешивались в местное управление, которое сохранялось за казацкой старшиной, как и право собирать доходы. Казацкая старшина получила право создать отряд наемных войск в 1000 человек; это давало ей возможность более решительно подавлять крестьянское сопротивление. В Глуховских статьях подчеркивались права старшины на имения и эксплуатацию крестьян. Казацкая старшина была недовольна Многогрешным. Ведя тайные сношения с Дорошенко, он мог вызвать военные столкновения с Польшей. Старшина была недовольна стремлением Многогрешного сажать на руководящие посты своих родственников, а также грубостью его самого. Русское правительство не было уверено, что он не вступит в связь с Дорошенко.

В 1672 г. Многогрешный был старшиной свергнут, арестован, отправлен в Москву и сослан царским правительством в Сибирь. Гетманом был избран Иван Самойлович (1672—1687).

С 1672 г. Турция при поддержке Дорошенко, открыто объявившего себя подданным султана, начала войну за захват Украины. Русские войска при поддержке Самойловича, признанного гетманом обеих сторон Днепра, дали отпор турецким войскам.

Дорошенко, от которого отошел весь народ, в 1676 г. сдался командующему русскими войсками князю Г. Г. Ромодановскому, отказавшись от гетманства. Чигирин, столица Дорошенко, был занят русскими ратными людьми и казаками Самойловича.

Польша в 1676 г. заключила сепаратный мир с Турцией[2]. Русское государство одно продолжало отражать турецкую агрессию[3].

---

[1] «История Украинской ССР», т. I, стр. 301—302.

[2] *Н. А. Смирнов.* Борьба русского и украинского народов против агрессии султанской Турции в XVII—XVIII вв. — «Воссоединение Украины с Россией. 1654—1954», Сб. статей, стр. 357—394.

[3] О русско-турецкой войне см. подробнее в главе IV, § 7 настоящего издания.

4

КУЛЬТУРА УКРАИНЫ В XVII В.

На Украине господствующей культурой была культура феодалов-крепостников; в то же время были элементы и культуры трудящихся и эксплуатируемых народных масс. Украинские паны, находясь в борьбе со своим народом в одном лагере с польскими крепостниками, сближались с последними все теснее и теснее, перенимая их религию, культуру, язык, и отрекались тем самым от своего народа.

Народные массы Украины, напротив, борясь против порабощения их родины панской Польшей, искали поддержки у близкого по языку и культуре русского народа.

В острой классовой борьбе для польских и украинских феодалов распространение их культуры было одним из средств подавления сопротивления угнетаемого украинского народа, отрыва его от России.

В XVII в. польскую панскую культуру на Украине насаждали главным образом иезуиты. В начале XVII в. они создали ряд своих школ для воспитания и обучения шляхетской молодежи. Иезуитские школы (коллегии) были во Львове, Луцке, Каменец-Подольске, Остроге, Баре, Виннице, Ксаверове (в 1680 г. переведена в Овруч), Киеве, Новгород-Северске.

Полная иезуитская школа имела обычную программу средневековых схоластических школ[1]. В иезуитских коллегиях обучение велось на латинском языке. Этот же язык был и разговорным. В качестве вспомогательного пользовались польским языком. Украинский язык был изгнан из этих школ. В учениках умело воспитывали фанатическую преданность католической церкви, нетерпимость ко всем другим религиозным культам, насаждали польский национализм.

Православное духовенство и феодалы, остававшиеся православными, в противовес католическим, польским школам создавали свои православные, украинские школы. Особенно активную роль в создании и поддержке украинских школ играли мещане. Большинство православных школ в XVII в. создавалось и содержалось основанными при городских церквах братствами. На Украине более известными из братских школ были Львовская, Луцкая, Винницкая, Немировская, Каменец-Подольская. В XVII в. на первое место среди братских школ выдвинулась Киевская, объединившаяся в 1632 г. с Киевской лаврской школой. Большинство членов братских организаций состояло из мещан.

Львовское братство пользовалось поддержкой князя Острожского. Членами Луцкого братства были крупные паны Волыни. Много шляхтичей состояло в Киевском братстве. В члены Киевского братства вступила казацкая старшина — гетман П. С. Конашевич-Сагайдачный «со всем

[1] «Ratio et institutio studiorum societatis Jesu» (конец XVI в.).— «Monumenta Germaniae paedagogica», Berlin, 1887.

войском Запорожским». В Луцком братстве шляхтичи назывались «старшими» братьями, мещане — «младшими». Среди братчиков-мещан руководство принадлежало представителям городской верхушки. В братских школах господствовала феодальная идеология. Поэтому подавляющее большинство вышедших из братских школ ученых, литераторов, общественных деятелей были защитниками крепостничества.

Учились в братских школах дети шляхты, духовенства, богатых горожан. Отстаивая православие против унии и католичества, братства сыграли положительную роль в борьбе против гнета панской Польши. Поэтому братства и их школы пользовались поддержкой со стороны украинского народа.

Печать Львовского братства, XVII в.
Государственный Исторический музей

По программе обучения и системе воспитания братские школы мало отличались от католических школ. Сначала основными языками братских школ были греческий и церковно-славянский; изучали «русский» язык — язык актов и литературы того времени, польский и латынь. В дальнейшем преподавание велось главным образом на латинском языке, особенно в Киевской школе. Киевская школа, имевшая наиболее широкую программу, получила название коллегии. Эта школа давала обширное филологическое и богословское образование, преподавались в ней также философия, геометрия и астрономия [1].

Православное духовенство создавало при церквах школы, очевидно низшего типа. Известно, что такие школы при церквах были в Киеве, Староконстантинове и других городах [2].

Работавшие в этих школах и подготовленные ими учителя, ученые, литераторы были тесно связаны с православной церковью.

Украинское православное духовенство в XVII в. боролось за украинскую культуру против иноземного угнетения, но боролось по-разному. Высшее православное духовенство, феодалы по происхождению и тесно связанное с феодалами, искало приемлемого для него соглашения с панской Польшей. Такую линию проводили епископ Мелетий Смотрицкий, киевские митрополиты Петр Могила, Сильвестр Коссов и др. Часть православного духовенства, ближе стоявшая к народным массам, тяготела к Русскому государству. Это тяготение иногда захватывало и отдельных представителей высшей церковной иерархии.

---

[1] «Памятники, изданные Временной комиссией для разбора древних актов», т. I, Киев, 1848, отд. I, стр. 1—252; там же, т. II, Киев, 1846, отд. I, стр. 1—276; там же, т. III, Киев, 1852, отд. I, стр. 1—96; «Архив ЮЗР», ч. I, т. X, Киев, 1904, стр. 57—60; «Акты, относящиеся к истории Западной России», т. IV, СПб., 1851, № 33, стр. 42—47; *С. Голубев.* История Киевской духовной академии, вып. 1, Киев, 1886.

[2] «Archiwum Rzewusskich, Inw. Starego Konstantynowa», 1650 A.

Ратуша в г. Львове. Реконструкция.

Исаакий Борискович, луцкий епископ, заявил в Москве в 1625 г. от имени главы православной церкви на Украине, митрополита Иова Борецкого: «Мы все под государевой рукою быть хотим»[1]. Необходимо указать, что Борецкий, Копинский, Борискович не происходили из родовитого панства, как Балабаны, Пузына, Могила и другие украинские архиереи. Монахи Густынского и монахини Ладинского монастырей в 1638 г. «от гонения лядского» эмигрировали в Русское государство[2].

---

[1] «Воссоединение Украины с Россией», т. I, № 22, стр. 46—48; *К. Г. Гуслистий.* Указ. соч., стр. 119; *В. Эйнгорн.* Очерки из истории Малороссии в XVII в. М., 1899, стр. 20—21.

[2] «Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России», т. III, № 3, стр. 6; № 8, стр. 16; № 16, стр. 25.

Некоторые из представителей православного духовенства выступали с полемическими сочинениями, посвященными защите православия и украинской культуры от притеснений со стороны панской Польши и католического духовенства. Таковы сочинения Мелетия Смотрицкого «Оправдание невинности», Иова Борецкого «Протестация», Захарии Копыстенского «Полинодия» и др. Было много и переводов с греческого. Эта литература сыграла известную положительную роль в защите украинской культуры [1].

«Лексикон славено-росский...» Памвы Берынды, напечатанный в киевской типографии в 1657 г.

В первой половине XVII в. украинские ученые достигли больших успехов в области языкознания. Мелетий Смотрицкий написал грамматику «славянского» языка. Эта грамматика на протяжении многих десятилетий была учебником церковно-славянского языка в школах Украины и Русского государства; по ней учился Ломоносов. Памва Берында, монах, типограф Киево-Печерской лавры, создал капитальную работу «Лексикон славено-росский и имен толкование». В своей работе Берында использовал литературный и народный язык того времени. Ряд учебников по языкознанию — букварь, грамматику, словарь — написал Лаврентий Зизаний. Были составлены учебники и по другим отраслям науки.

Во второй половине XVII в. были созданы крупные исторические произведения — «Синопсис» и «Летопись Самовидца».

Автором «Синопсиса» считают Иннокентия Гизеля, ректора Киевской братской школы, потом архимандрита Киево-Печерской лавры. Автор «Синопсиса» излагает историю Украины в тесной связи с историей России.

В «Летописи Самовидца» изложены события, происходившие на Украине с 1648 г. Автором «Летописи Самовидца» считают Романа Ракушку-Романовского, нежинского протопопа. «Самовидец» излагает исторические

---

[1] Мелетий Смотрицкий впоследствии принял унию и написал в оправдание своего поступка сочинение «Апология». В ответ на эту «Апологию» появилось несколько полемических произведений православных.

события с точки зрения казацкой старшины, украинских феодалов. Классовую борьбу крестьян против крепостников он либо замалчивает, либо изображает в извращенном виде. Причину восстания он видит только в национальном угнетении и в обидах казаков. Эксплуатацию украинских крестьян он сводит только к злоупотреблениям управляющих панскими имениями и арендаторов этих имений. Но в то же время «Летопись Самовидца» содержит большой фактический материал по освободительной войне 1648—1654 гг., по истории Украины во второй половине XVII в. Автор подчеркивает необходимость для Украины воссоединения ее с Россией[1].

Весьма распространенной формой произведений художественной литературы того времени были стихотворные панегирики. В панегириках с крайней лестью восхвалялись «добродетели» светских и духовных феодалов. Стихотворцы щеголяли затейливыми формами своих «вирш»: писали акростихи, раки (стихи, которые можно читать слева направо и обратно), стихи в форме куба, пирамиды, яйца, бокала, топора.

В XVII в. на Украине было создано много драматических произведений —«действий» на темы «священного писания», которые разыгрывали чаще всего ученики братских школ. В антрактах ставились «интермедии» — комические сцены из народного быта; действующими лицами «интермедий» были «простые люди». Был весьма популярен кукольный театр — «вертеп». Вертеп—ящик, который носили с собой, переходя из дома в дом. В верхней части вертепа показывали религиозные сцены, в нижней — бытовые комические сценки.

Широко распространены были жития святых, апокрифы и другие повествовательные сочинения. Было много переводных книг, подвергшихся значительной переработке на местной почве. Имели хождение рыцарские и исторические повести и романы («Александрия», о Трое, о Бове, о Тристане и Изольде).

Язык этих литературных произведений представлял собой смесь церковно-славянского, украинского, польского. Более простым, близким к народному, был язык интермедий. В интермедиях встречалась критика крепостнических общественных отношений.

Немало было на Украине церковных проповедников. Иоанникий Галятовский, ректор Киевской коллегии, архимандрит Новгород-Северского и Черниговского монастырей,—Антоний Радивиловский и др. издали сборники своих проповедей[2]. Это были образцы ораторского искусства того времени. Стремясь быть понятными народу, Галятовский и Радивиловский писали языком, близким к народному. Черниговский архиепископ Лазарь Баранович писал на мало понятном народу книжном языке того времени; стиль его вычурный, напыщенный.

---

[1] «Летопись Самовидца по новооткрытым спискам», Киев, 1878.

[2] «Ключ Разумения» Галятовского; «Сад Марии Богородицы» и «Венец Христов» Радивиловского.

Эти ученые и литераторы в борьбе феодалов с крестьянами являлись сторонниками феодалов. Баранович проповедовал, что крестьяне являются «овцами», которые должны приносить пану шерсть.

В части Украины, оставшейся под властью панской Польши, во второй половине XVII в. украинская культура клонилась к полному упадку — ее вытесняла польская феодальная культура. Украинские школы, типографии либо прекращали свое существование, либо захватывались униатами, католиками.

Наиболее крупными типографиями была Киевская лаврская и Львовская братская. Во Львове была долгое время в XVII в. и другая типография — Слезки. В конце XVII в. значительная типография была в Чернигове.

Героическую борьбу украинского народа против турецко-татарских захватчиков и польских и своих панов народ воспел в песнях, думах.

В народных песнях описаны татарские набеги и страдания попавших в неволю:

Село наше запалили,
І богатство розграбили.
Стару неньку[1] зарубали,
А миленьку в полон взяли.

Народ воспевал героических борцов с турками и татарами: безыменного «козака Голоту» (голяка), который «не боится ни огня ни меча», смело громит в степи татар и других врагов.

Большой подъем народного творчества вызвала освободительная война 1648—1654 гг. В песнях описаны блестящие победы у Желтых Вод, под Корсунем и т. д. Народ воспевал героев этой войны — Перебийноса (Кривоноса), Нечая.

В народных песнях Богдан Хмельницкий изображается как вождь народа в его борьбе с польским панством. В одной из песен говорилось: «Хмельницкий умер, а слава его не умирает».

Народ боролся с захватом власти той группой казацкой старшины, которая стремилась к соглашению с польским панством. В песне поется, что казаки выступали против выдвижения на должность гетмана Ивана Выговского:

Не хочем ми Івана Луговського
Іван Луговський близько ляхів, мостивих панів, живе,
Буде з ляхами, мостивими панами, накладати[2],
Буде нас, козаків, за невіщо мати[3].

О борьбе между казацкой беднотой («козаками нетягами»[4]) и панами казацкими старшинами («дуками срібляниками»[5]) говорит песня о

[1] Мать.
[2] Сговариваться, вместе действовать.
[3] Считать ничем, не считать.
[4] Бедняками.
[5] Дука — богатый и знатный; сріблянник — серебреник, имеющий серебро.

Украинская набойка, XVII в.
Государственный Исторический музей

«Хвеське Гандже Андыбере». Казаки «нетяги», обращаясь к казацкой старшине, говорили:

Гей дуки... ви дуки.
За вами всі луги [1] і луки,
Нігде нашому брату, козаку — нетязіі, стати
і коня попасти.

Думы и исторические песни народные певцы исполняли под аккомпанемент кобзы либо бандуры. Если стихи составителей книжных вирш XVII в. скучны, бедны воображением и неподдельным чувством, то народные песни весьма поэтичны. А. М. Горький писал: «Народная поэзия Украины — апофеоз красоты».

* * *

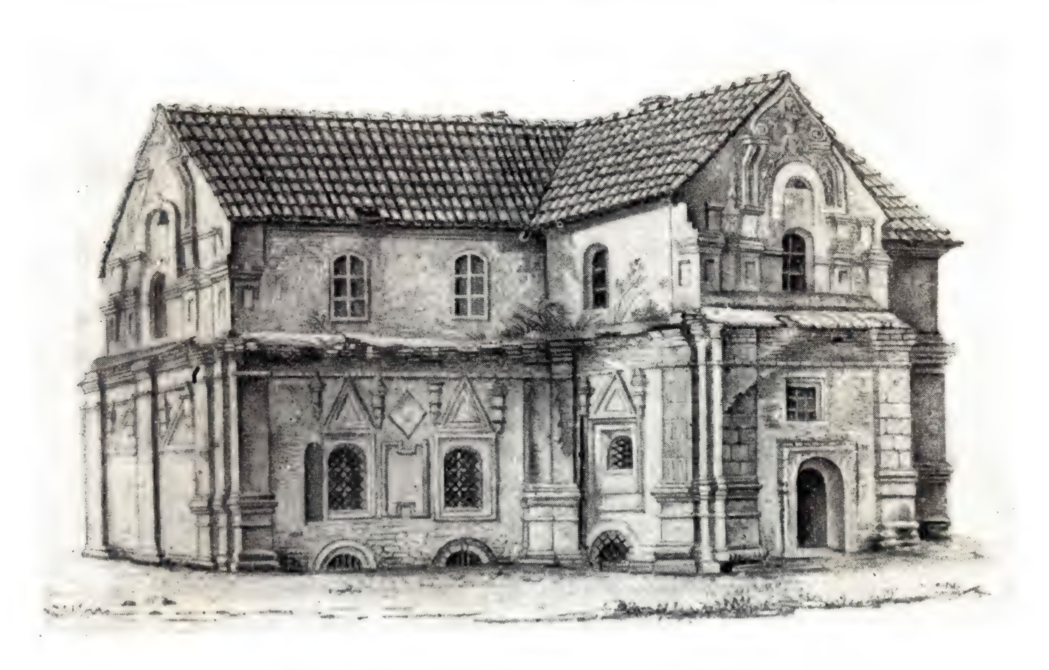
Народ создавал предметы высокой художественной ценности и в области изобразительных искусств. Украшали одежду, жилища, домашнюю утварь. Мотивы для орнамента мастерицы и мастера народного искусства черпали главным образом из природы своей страны. На белом фоне рубашек вышивали красным, синим и другими цветами растительный или геометрический орнамент, реже стилизованных животных. Внутри дома разрисовывали печи и стены. Снаружи обрамляли орнаментом окна и двери, реже выводили орнаментальный пояс под крышей. Ткали

[1] Луга.

Украинская народная вышивка, XVII в.

Государственный Исторический музей

«Артемихин дом» на Подоле в Киеве, XVII в.

ковры разных сортов: кылымы — гладкие ковры без ворса, на них стилизованный, растительный узор; коцы — стриженые ковры с густым и высоким ворсом, узор чаще геометрический.

Посуду покрывали глазурью — коричневой, зеленой, желтой, белой. Балки, поддерживающие в доме потолок (сволоки), деревянную утварь украшали резьбой: вырезывали геометрический орнамент и стилизованные цветы.

Народные мастера строили и украшали панские дома, церкви. Церкви в большинстве были деревянные, чаще однокупольные и трехкупольные, реже пяти- и девятикупольные. Однокупольные и трехкупольные церкви состояли из трех срубов. В трехкупольной церкви купола были над каждым срубом, в однокупольной — над средним, остальные два сруба имели двухскатную крышу. Срубы делали прямоугольные и многогранные. Каменные церкви были двух типов. Первый тип повторял конструкцию трех- и пятикупольных деревянных церквей. Второй тип — тип базилик, часто с несколькими нефами и абсидами. При постройке каменных церквей в XVII в. начали широко применяться барочные украшения: фронтоны, щиты, пилястры, колонны, резной и лепной орнамент.

В XVII в. в Киеве реставрировали ряд старых церквей—Софии в Выдубицком монастыре, Спаса на Берестове, Троицкую. В XVII в. построили много новых каменных церквей: Никольский собор в Киеве и др. О построенном в украинском стиле богатом доме XVII в. дает представление дом Хмельницкого. На фронтоне была нарисована картина —

Никольский собор в Киеве, 1694 г. Архитектор Осип Старцев.

медведь, разбивающий ульи в пасеке и подкрадывающийся к нему пасечник с топором. Над окнами находились гипсовые изображения бегущих лошадей, дымящихся пушек. Широкое на 12 резных столбах крыльцо (рундук) вело в дом. Печи в доме были изразцовые, на изразцах были изображены скачущие казаки. Балки потолка и мебель были украшены резьбой.

В живописи XVII в. проявляется больший, чем раньше, интерес к живому человеку. В XVII в. получила развитие портретная живопись. Писали в XVII в. и жанровые картины; обычными сюжетами их были легендарный казак Мамай, сцены из казачьей жизни. Из церковных изображений особенный интерес вызывают картины «страшного суда», где среди грешников изображались мельник, обвешивающий крестьян, шинкарь, спаивающий их водкой, паны и расфранченные барыни.

Значительных успехов в XVII в. достигло граверное искусство. Стремление к реализму видно и здесь в изображении лиц и фигур. Большими мастерами граверного искусства XVII в. были Александр Тарасевич, монах и гравер Киево-Печерской лавры, Леонтий Тарасевич, Иннокентий (до монашества Иван) Щирский.

Началась музыкальная обработка народной песни. Первые образцы такой обработки дает музыка интермедий «вертепа»[1]. В XVII в. на

[1] Вертеп — народное театральное представление с использованием сюжетов из библейской истории.

Украине распространяется вместо одноголосного гармоническое, партесное пение. В XVII в. уроженец Киева Н. П. Дилецкий, видный композитор и музыкальный теоретик, написал учебник «Идеа всея Мусикии», по которому учились украинские и русские композиторы.

После воссоединения Украины с Россией русская и украинская культура развивалась в более тесном взаимодействии. Украинские ученые Епифаний Славинецкий, Арсений Сатановский, Дамаскин Птицкий принимали активное участие в исправлении богослужебных книг в Москве и в переводах с греческого и латинского языков на русский. В Москве создавались школы по образцу украинских братских школ. Много украинцев работало в Москве преподавателями. В Русском государстве учились по учебникам, написанным на Украине, изучали грамматику Смотрицкого, «Синопсис» и др. С Украины в Русское государство проникли элементы барочного архитектурного стиля, многоголосное (партесное) пение. На Русь ездили работать украинские мастера граверного искусства, резьбы, стекольного и поташного дела.

Русские мастера работали на Украине, украинские мастера многому учились в России и заимствовали у русских мастеров приемы русского деревянного зодчества. Выдающиеся памятники архитектурного искусства — Никольский собор и Братскую церковь — строили в Киеве в конце XVII в. русский зодчий О. М. Старцев и русские каменщики[1]. В Глухове постройку монастыря вел московский мастер Матвей Ефимович. Складывался архитектурный стиль, общий в основных принципах композиции для всего восточного славянства. Многому учились у русских мастеров живописи украинские живописцы. Художественно сделанный «Деисус», подаренный гетманом Самойловичем в Киево-Печерскую лавру, носит на себе явные следы влияния Ушакова[2].

5

БЕЛОРУССИЯ

Основным занятием населения Белоруссии в XVII в., как и раньше, было земледелие. Господствовала трехпольная система. Из озимых хлебов сеяли преимущественно рожь, очень мало пшеницы, из яровых — больше всего овес, затем ячмень и гречиху, в небольших количествах просо, лен и коноплю. Кроме земледелия, крестьяне Белоруссии занимались скотоводством, пчеловодством, охотой. В многочисленных водоемах ловили рыбу. Феодалы заготовляли в своих имениях дерево и золу для продажи за границу, хищнически истребляя леса.

На протяжении первой половины XVII в. крепостники Белоруссии значительно увеличили доход от своих имений за счет роста крестьянских повинностей, которые в Белоруссии, как на Украине и в Лит-

---

[1] *А. Н. Сперанский.* Очерки по истории Приказа каменных дел Московского государства. М., 1930, стр. 217.

[2] «История Украинской ССР», т. I, стр. 321—326.

ве, к середине столетия возросли примерно вдвое по сравнению со второй половиной XVI в.[1].

Крестьянские хозяйства дробились. Все реже и реже встречались наделы по полной волоке. Подавляющее большинство крестьян имело наделы от $^1/_2$ до $^1/_8$ волоки. Кроме того, было много «огородников», имевших еще более незначительные наделы. Среди крестьян-хозяев много было безлошадных и однолошадных. Крепостники и те должны были констатировать бедственное положение крестьян. В наказе 1623 г. полесской шляхты своим депутатам на сейм читаем: «...Поданные наши от нищеты еле живут, от голода повсюду помирают»[2].

Увеличилась зависимость крестьян от крепостников: в XVII в. крестьяне, имеющие право перехода («похожие»), встречаются очень редко.

В начале XVII в. в областях, расположенных у границы с Русским государством, феодальная эксплуатация была слабее. Здесь население было менее порабощено и сохранило более сильную общинную организацию.

Эксплуатация крестьян в восточных областях стала резко усиливаться во второй четверти XVII в., когда Речи Посполитой удалось захватить западные области Русского государства и отодвинуть границу к востоку. В 1630—1640-х годах и здесь в значительных размерах была проведена волочная реформа, увеличена барщина и другие повинности крестьян.

Налоги, повинности, монополии на торговлю и производство, покровительство ввозу иностранных промышленных изделий, поддержка панами деревенских ремесленников в их конкуренции с городскими ремесленниками привели к середине XVII в. к застою белорусских городов и вызвали отлив из них населения, особенно в западных воеводствах[3].

Городское население состояло из групп, говоривших на разных языках, исповедовавших разную религию. Более сильная политически и экономически часть городского населения (поляки и евреи), особенно в Западной Белоруссии, не была связана с местным населением. Различные по своему этническому составу, горожане Белоруссии постоянно враждовали между собой.

Крестьяне, поставленные в невыносимое положение, оставляли свои дома и бежали. Бегство носило массовый характер.

История Белоруссии тесно связана с историей России и Украины. Во время Крестьянской войны начала XVII в. и польско-шведской интервенции в Белоруссии происходили восстания крестьян против крепостников, против ига панской Польши.

Эта борьба крестьян Белоруссии против панского крепостнического гнета не прекращалась и в более позднее время. В 1629 г. в Троцком воеводстве действовали крестьянские отряды, громившие барские поме-

---

[1] *Д. Л. Похилевич.* Государственные крестьяне Великого княжества Литовского в XVI—XVIII вв. (Рукопись докторской диссертации), 1950, стр. 321, 323, 395.

[2] Там же, стр. 585.

[3] Там же, стр. 544.

стья. В 1632 г. паны решили создать во всех воеводствах Великого княжества Литовского специальные отряды для борьбы «с внутренними врагами». Война 1633—1634 гг. Речи Посполитой с Русским государством показала, что население Белоруссии воевать с русскими не только не хочет, а, напротив, им помогает[1].

Белорусские крестьяне. Деталь Минской иконы, XVII в.

Государственный Исторический музей

Одним из средств подавления «духа сопротивления» белорусского народа было насильственное насаждение унии и католичества. Борьба против феодального гнета велась иногда под знаменем борьбы за свою веру, против католичества и унии.

В 1623 г. восставшие жители Витебска убили униатского архиерея Иосафата Кунцевича[2]. В 1633 г. в Полоцке, после отхода русских войск, было совершено покушение на униатского архиерея Селяву. Покушавшиеся были схвачены, но вооруженная толпа сбежавшихся жителей Полоцка отбила их у стражи.

Паны террором подавляли сопротивление народных масс, но народ не прекращал борьбы. К середине XVII в. классовые, национальные, религиозные противоречия в Белоруссии были обострены до крайности.

В 1648 г. вместе с украинским народом восстал против панской Речи Посполитой и белорусский народ. Крестьяне и мещане ожидали прихода казаков. Они отказывались выполнять барщину, выступали против панской администрации. Паны убегали из имений и прятались в укреплен-

---

[1] *Д. Л. Похилевич.* Указ. соч., стр. 582—583.

[2] «Витебская старина», сост. А. Сапунов, т. I, Витебск, 1883, №№ 116, 118, 119, стр. 216—239.

ных замках. На помощь белорусскому народу пришли казацкие отряды под предводительством Головацкого, Горкуши, Небабы, Кривошапки и др. Основную массу повстанцев, действовавших в Белоруссии, составляло местное население. Восставшие изгоняли и избивали панов и их прислужников, жгли и разоряли панские усадьбы. Современник писал: «По дороге до Кобрина опустошены костелы, все шляхетские усадьбы... разрушены...». Шляхта бежала за Вислу «от внутренних врагов — казаков, крепостных крестьян и своих свинопасов... оставив все свое имущество»[1]. К осени 1648 г. восстание охватило почти всю Белоруссию.

Вместе с крестьянством восстали массы городского населения. В условиях мощного подъема освободительной борьбы к восстанию примкнули белорусская православная шляхта и духовенство, верхушка городского населения, интересы которых были ущемлены польскими феодалами.

Паны прилагали все усилия, чтобы устранить угрозу слияния восстания в Белоруссии с возникающими восстаниями в самой Польше. Наемным войскам удалось подавить восстание в Бресте, который подвергся разрушению. Особенно упорная борьба происходила в Пинске и его окрестностях. Восстанием в Пинске руководили местные ремесленники. Жители Пинска объединились с окрестными крестьянами и казацким отрядом Антона Небабы. Жители героически обороняли город — дрались на улицах, в домах; во время обороны погибло около 14 тыс. восставших. Панские войска взяли город и почти полностью сожгли его.

Жители Бобруйска отразили панские войска, пытавшиеся его захватить; восставшее население разгромило крупные отряды панских войск.

В январе 1649 г. в Белоруссию двинулось большое панское войско под командой Януша Радзивилла, стремившегося отрезать Белоруссию от восставшей Украины. Войска Радзивилла встретили ожесточенное сопротивление жителей Турова, Мозыря, Бобруйска и Речицы. В конце концов Радзивиллу удалось взять эти города. Жители были истреблены.

Зимой 1648/49 г. Б. Хмельницкий отправил в Белоруссию 10-тысячный отряд под начальством Ивана Голоты. К этому отряду присоединилось много белорусских крестьян, численность войск выросла до 30 тыс. человек. Три месяца панские войска вели бои с отрядами Голоты и только в июне 1649 г. нанесли им поражение.

Летом 1649 г., когда в Западной Украине вновь развернулись военные действия между войсками Хмельницкого и Польши, Радзивилл, вследствие крестьянского восстания в Белоруссии, не смог нанести удар Украине с севера.

В 1651 г., когда возобновилась война панской Польши с Украиной, восстания в районах Горволя, Гомеля, Чечерска, Пропойска задерживали в Белоруссии армию Радзивилла. Лишь подавив эти восстания, в июле Радзивилл смог вторгнуться на Украину и захватить Киев. В то время,

[1] *Д. Л. Похилевич.* Крестьяне Слонимщины в XVI—XVIII вв. и их борьба против феодального угнетения.— «Наукові записки Львівського державного університету імени Івана Франка», т. XVII, 1949, Серія історична, вип. 4, стр. 148.

Г. Речица. Рисунок А. Вестерфельда, 1651 г.

когда Радзивилл был на Украине, в тылу у него вспыхнули восстания в районах Брагина, Кричева; восстание охватило все Мстиславльское воеводство.

Удар, нанесенный в 1651 г. польскими панами на Украине, укрепил позицию польского панства и в Белоруссии. Становилось все более ясным, что своими силами освободиться от ига панской Речи Посполитой не в состоянии ни Украина, ни Белоруссия, что они могут это сделать только при помощи Русского государства[1]. В 1654 г. Украина воссоединилась с Россией.

Польские паны не могли примириться с потерей Украины. В 1654 г. началась война между Польшей и Россией[2].

Белорусское население радостно встречало русские войска. По словам автора одного письма из Вильно, «мужики молят бога, чтобы пришла Москва...»[3]. Об отношении белорусского крестьянства сообщалось и в другом письме из Вильно: «Неприятель этот здесь, в этих краях, берет большой перевес. Куда бы ни пришел он, везде собираются к нему мужики толпами, и уже, как мне известно, десять уездов, где собиралось наиболее податей, обращено в ничто...»[4]. Крестьяне и горожане помогали русским войскам: они громили имения панов, захватывали в плен польских панов и шляхту, несли разведывательную службу в русской армии. Население многих укрепленных городов помогало русским войскам изгонять польские гарнизоны.

В Белоруссии возникла инициатива создать свои белорусские казачьи войска. Такой отряд белорусских казаков был создан в Могилеве. В отряде было много шляхтичей, богатых горожан и более тысячи крестьян. Крестьяне относились с недоверием к шляхетскому командованию, к его намерениям бороться с панской Польшей.

---

1 «История Белорусской ССР», т. I, Минск, 1954, стр. 139—156.

2 Описание военных действий в Белоруссии см. главу IV, §§ 4 и 6 настоящего издания.

3 «Витебская старина», т. IV, Витебск, 1885, ч. 2, стр. 357.

4 Там же, стр. 361.

На освобожденной территории деятельность униатской церкви воспрещалась, национально-религиозный гнет был уничтожен.

Вместе с тем царское правительство сохранило прежние привилегии панов, шляхты, духовенства, городов, перешедших на сторону русского правительства. У шляхты остались имения, свои сеймики, суды. В городах представители зажиточных групп удержали в своих руках управление по Магдебургскому праву[1]. В коренном для белорусской шляхты вопросе о сохранении крепостного права царское правительство оказывало шляхте безусловную поддержку.

Борьба крестьян против крепостнического гнета поэтому не прекращалась. Восстания с большой силой разгорелись в 1656—1658 гг. Они охватили районы Минска, Борисова, Новогрудка и других городов. Источники отмечают, что предводителем восставших крестьян был Денис Мурашко. К лету 1657 г. крестьянское движение распространилось на восточные районы Белоруссии, а осенью затронуло и некоторые местности Полесья. Шляхта бросила все свои силы на подавление восстания. Судьба Мурашко неизвестна[2].

Перемирие в селе Андрусове в 1667 г. положило конец войне между Речью Посполитой и Русским государством. Белоруссия осталась под властью Речи Посполитой.

По мере того, как русские войска оставляли города и поветы Белоруссии, в них немедленно возвращались польские власти и униаты. Униаты вновь занимали в городах господствующее положение, отбирали православные храмы, возобновляли свои насилия над городским и сельским населением. Население Белоруссии боролось с этим насилием. Униаты потерпели неудачу в Пинске, где магистрат весь состоял из православных, и король Ян Казимир должен был признать за не-униатами право свободного отправления их культа[3]. Ожесточенная борьба между православными и униатами происходила в Витебске и Полоцке, где православным, вследствие резких запретительных мер правительства, не удалось отстоять своих позиций[4].

Более осторожной была церковная политика польского правительства по отношению к Могилеву, где уния все еще не пустила глубоких корней. В 1666 г. Ян Казимир разрешил жителям Могилева строить православные церкви, но в 1667 г. православные были лишены права участвовать

---

[1] «Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России», т. XIV, СПб., 1889, № 8, стр. 265—266; № 9, стр. 355; «Беларускі архіў», т. III, Менск, 1930, № 123, 129, 131, 145; ЦГАДА. Разряд. Столбцы Московского стола, № 263, л. 190—191.

[2] *А. П. Пьянков.* Восстание Дениса Мурашки.— «Известия Академии наук БССР», Минск, 1949, № 1, стр. 43—50.

[3] «Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею», т. VIII, Вильна, 1875, № 88, 89, стр. 184—186.

[4] «Витебская старина», т. V, Витебск, 1888, № 127, стр. 237; № 128, стр. 241; «Историко-юридические материалы», под ред. А. Сазонова, вып. 6, Витебск, 1875, стр. 257—260, 266—267.

Горожане Лоева. Деталь гобелена XVIII в., сделанного по рисунку XVII в.

в городском магистрате. Все же Могилев, по выражению униатского епископа Киприана Жоховского, оставался «столицею и гнездом схизмы», т. е. православия[1].

Несмотря на все усилия, правительству Речи Посполитой не удалось принудить православных мещан примириться с униатской церковью. Еще меньше успеха имела уния среди крестьянского населения.

* * *

Во второй половине XVII в. народное хозяйство Белоруссии резко упало. Инвентари имений показывают большое сокращение посевов, разорение крестьян. Разорение крестьян привело к уменьшению барских доходов; крепостники, стремясь поднять свои доходы и опасаясь усиления борьбы крестьян против феодальной эксплуатации, вынуждены были в отдельных случаях предоставлять крестьянам льготы.

Во второй половине XVII в. в Белоруссии значительно упала городская промышленность и торговля. Разоренная деревня все меньше покупала и заказывала промышленных изделий. Паны монополизировали ряд отраслей торговли. Доступ в цехи закрывался. Купцы замыкались в гильдии, братства, чтобы не допустить конкуренции в торговле посторонних[2]. Братства имели собственную кассу — «скрыню». На обязанности особого «инстигатора» лежала защита интересов братчиков против нарушителей со стороны. Членами братства считались только лица, записанные в

[1] «Археографический сборник документов, относящихся к истории северо-западной Руси», т. II, Вильна, 1867, прилож., стр. XXII.

[2] *З. Даўгяла.* Могілеускі купецкі дом ў 1680—1685 гг. Менск, 1929 (отд. оттиск).

реестр (список) и вносившие членские взносы. Ярким примером такой организации является братство прасолов в Могилеве[1].

В городах Белоруссии евреи составляли общины (кагалы). Заправилы еврейских общин в Бресте, Пинске, Гродно, Вильно поставили все прочие еврейские общины Белоруссии в экономическую и юридическую от себя зависимость и эксплуатировали их. В каждой общине еврейская верхушка эксплуатировала бедноту. Кагальную старшину избирали только богатые евреи, большинство евреев в выборах старшины не имело права голоса. Для покрытия расходов общины кагальная старшина облагала сборами предметы массового потребления — мясо, молоко, хлеб, мед, водку. Кагальная старшина распределяла между евреями государственные налоги и собирала их.

* * *

Культура белорусского народа в XVII в. продолжала развиваться в условиях иноземного порабощения и феодального гнета.

Просвещение, литература, наука, книгопечатание развивались в кругах феодальной аристократии, высшего духовенства, частично шляхты и верхушки горожан. Развитию белорусской культуры способствовало то, что в Белоруссии на протяжении XVII в. официальным языком правительственных канцелярий оставался белорусский, или, как его называли, «руський» язык.

В Белоруссии были школы при церквах, монастырях, церковных братствах. Особенно активную деятельность в развитии школ проявили православные братства в городах Могилеве, Орше, Мстиславле, Слуцке, Минске, Несвиже, Витебске, Новгородке, Кричеве и др. В православных школах учились дети шляхты, духовенства, богатых горожан. Масса закрепощенного крестьянства и городская беднота оставались неграмотными. Отстаивая православие против унии и католичества, развивая школьное дело на близком народу языке, братства играли положительную роль в борьбе со стремлением панской Польши ополячить, поработить белорусский народ.

Правительство Речи Посполитой притесняло братства и их школы, поддерживало школы католические, иезуитские и униатские. Иезуиты создали ряд коллегий в городах Белоруссии. При своих монастырях униаты также создавали школы. Правительству Речи Посполитой удалось добиться закрытия многих православных братств и их школ. В XVII в. было много белорусских типографий (в Могилеве, Минске, Полоцке, Гродно, Ошмянах, Пинске и др.). Книгопечатание достигло высокого технического уровня. Однако в конце XVII в. белорусское книгопечатание замерло, и только Могилевская братская типография продолжала

---

[1] «Беларускі архіў», т. I, Менск, 1927, № 108, стр. 169—173; № 116, стр. 183—190.

Белорусская народная вышивка, XVII в.

Государственный Исторический музей

свою деятельность. Обострилась литературная полемика с униатами и католиками. Сохранились памятники проповеднической литературы, образцы ораторского искусства того времени. В широком обиходе были жития святых, повествовательные сочинения. Из апокрифов наиболее распространены были «Сон богородицы», «О двенадцати муках» и др.

Белорусские летописи XVII в. в основном близки общерусским сводам, но содержат также записи о местных событиях. Более всего такого рода сведений включает в себя так называемая Барколабовская летопись, составленная жителем села Барколабова, находившегося в Восточной Белоруссии.

Ярким памятником политической сатиры XVII в. является «Ліст да Абуховіча». Письмо это адресовано Филиппу Абуховичу, начальнику гарнизона Смоленска, сдавшему в 1654 г. город русским войскам. Автор высмеивает воинственный пыл польской шляхты, ее быт и нравы, разложение польского войска.

В XVII в. в Белоруссии была развита так называемая виршевая поэзия — книжное силлабическое стихосложение.

Выдающимся писателем XVII в. был Симеон Полоцкий (Петровский-Ситнианович, 1629—1680). Он учился в Киево-Могилянской академии, в 1656 г. стал монахом и преподавателем Полоцкой братской школы. Уже в этот период своей деятельности Полоцкий написал много стихов на белорусском языке. Особенный интерес представляют стихотворения Полоцкого, написанные им в связи с освобождением Полоцка от власти поляков русскими войсками. Стихотворения эти выражали радость белорусского народа по поводу избавления от польского ига и воссоединения с братским русским народом. В 1661 г. Полоцк был вновь захвачен польскими войсками. Опасаясь репрессий за свои симпатии к русским,

Полоцкий покинул родной город и переселился в Москву, где и протекала вся его последующая деятельность.

Дальнейшее развитие литературы на старобелорусском языке со второй половины XVII в. заметно замедлилось вследствие вытеснения белорусского языка из литературного обихода и замены его польским, ставшим в конце XVII в. языком государственных учреждений на территории Белоруссии. Господствующий класс с презрением относился к языку крепостного крестьянина-белоруса.

Упорная антифеодальная, освободительная борьба народных масс определяла идейное содержание устного народного творчества. Разнообразие и богатство народного творчества проявлялось в устной народной литературе и прикладном искусстве — в ткачестве, керамическом, гончарном производстве, деревянных изделиях. Несмотря на запрещение правительства Речи Посполитой, продолжалось строительство православных храмов, главным образом деревянных, возводимых народными мастерами. Интересна церковь в г. Волковыйске, построенная из дуба. Уцелели памятники деревянной скульптуры (распятия, статуи святых) работы белорусских резчиков.

В XVII в. в Белоруссии достиг известных успехов школьный театр. В интермедиях иногда высмеивались народные угнетатели, как, например, в диалоге белорусского крестьянина со «студиозусом» иезуитской коллегии. Распространена была в XVII в. «батлейка» — народный кукольный театр.

Белорусская графика, достигшая большого расцвета в XVI в., в XVII в. приходит в упадок вследствие сокращения книгопечатания. Все же старопечатные книги XVII в., главным образом могилевской печати, украшены хорошими гравюрами. Среди могилевских граверов были особенно известны Василий и Антон Ващанки, Федор Ангилайко, Спиридон Соболь. В живописи развивались светские элементы, появилась портретная живопись. Много живописцев-белорусов, резчиков по дереву и других ремесленников во второй половине XVII в. работало в Москве. Вырабатывался общий — белорусский и русский — архитектурный стиль (храм Николая в Могилеве).

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

МОЛДАВИЯ

В результате захватов на юге, произведенных турками в XV—XVI вв., территория Молдавского государства значительно уменьшилась.

К 1642 г. от Бендер граница между Молдавией и турецкими владениями поднималась вверх по Днестру, затем шла по рекам Колачин, Серафинец и Черемуш, отделявшим молдавские земли от владений Польши[1]. Горная цепь Трансильванских Альп являлась границей между Молдавией и Трансильванией, а р. Милков — между Молдавией и Валахией[2].

Точных данных о количестве населения Молдавии в XVII в. нет. Материалы переписи, проведенной в Молдавии в 70-х годах XVII в., не сохранились. Сопоставление различных источников позволяет сделать вывод, что в Молдавии жило около 300 тыс. человек[3].

Подавляющая часть населения состояла из молдаван. Помимо них, в XVII в. в Молдавии проживали украинцы, русские, венгры, армяне (главным образом в городах), цыгане, турки и татары.

* * *

В XVII в. в Молдавии продолжал господствовать феодальный способ производства. Феодальное хозяйство носило в основном натуральный характер.

Процесс общественного разделения труда, наметившийся в более раннее время, в XVII в. получил дальнейшее развитие. Однако на пути быстрого и свободного развития Молдавии стояло столь серьезное препятствие, как турецкое иго. Своей грабительской политикой турки задерживали экономическое развитие страны.

Ведущей отраслью хозяйства Молдавии оставалось земледелие. В XVII в. в Молдавии сеялись пшеница, рожь, овес, ячмень, просо, гречиха и кукуруза. Введенная в XVII в. культура кукурузы получила широкое распространение в крестьянских хозяйствах. Крестьяне, лишенные рабочего скота, с трудом могли обрабатывать свои клочки земли

---

[1] *T. Bălan.* Documente bucovinene, v. I, Cernăuţi, 1933, p. 232—233.

[2] *E. Hurmuzaki.* Documente privitoare la istoria Românilor, v. I, partea I, Bucureşti, 1885, p. 368.

[3] *Gh. Ghibănescu.* Surete şi izvoade, v. XII, Iaşi, 1923, p. XVIII.

под посевы колосовых. Между тем кукуруза допускала мотыжную обработку земли. Кукурузная мука употреблялась для приготовления мамалыги — этого, по образному выражению молдаван, «хлеба бедноты». Из технических культур встречались лен и конопля.

Значительную роль в экономике крестьянского хозяйства играло огородничество. Распространены были и бахчевые культуры — арбузы и дыни.

В Молдавии было много фруктовых садов, в которых росли черешни, вишни, орехи, яблоки, сливы и другие фрукты. Особенно большую роль в хозяйственной жизни играли виноградарство и виноделие. Некоторые районы Молдавии (Котнарский, Хушский, Баньский) специализировались на виноделии. Молдавия в XVII в. экспортировала крупные партии вина.

Второй по своему значению отраслью хозяйства Молдавии являлось животноводство, которое достигло в это время особого развития в междуречьях Прута и Днестра. Одних лишь овец в Молдавии к концу XVI и началу XVII в. было свыше миллиона голов. Несмотря на то, что огромные стада крупного рогатого скота отправлялись в качестве обязательных поставок в Турцию, молдавские феодалы в XVII в. экспортировали большое количество скота и в страны Центральной Европы.

Посевы и стада принадлежали главным образом молдавским феодалам— господарям, боярам и монастырям. Молдавские феодалы, светские и духовные, не без выгоды для себя использовали развивавшиеся товарно-денежные отношения. Они приспосабливали свое хозяйство ко все возраставшим потребностям рынка.

Увеличение крупного землевладения в Молдавии шло в XVII в. прежде всего за счет широкой экспроприации общинных земель. Обман, вымогательство и ничем не прикрытое насилие — вот средства, которыми пользовались феодалы для расширения своих земельных угодий.

Документы, исходившие из господарской канцелярии или от городских властей, прикрывали процесс экспроприации благовидной ссылкой на продажу или куплю земли.

Сельские общинники — резеши строго следили за тем, чтобы продаваемые общинниками земли не попадали в руки не членов общины. Этим ограничением они старались воспрепятствовать экспроприации общинных земель, которую осуществляли молдавские феодалы. Несмотря на это, феодалы продолжали расхищать резешские земли. Например, в 1654 г. господарь Георгий Стефан признал за своим боярином права на резешское село Коржешты, хотя резеши на основе документов доказывали свои права на землю, отнятую у них боярином силой. Господарь забрал у резешей все их документы на право владения землей, лишив их тем самым возможности бороться за землю[1].

---

[1] *T. Codrescu.* Uricarul, sau colecţiune de diferite acte, care pot servi la istoria Românilor, v. XXIII, iaşi, 1895, p. 241—243; *Gh. Ghibănescu.* Ispisoace şi zapise, v. III, Partea II, Iaşi, 1912, p. 1—3.

Стилизованный герб Молдавии. Резьба по камню, XVII в.

Большинство молдавских городов было расположено на государственной земле, считалось городами господарскими. В XVII в. в городах Молдавии отмечается рост ремесленного производства. В городах документально засвидетельствованы многочисленные ремесленники: суконники, сапожники, шляпники, шорники, кузнецы, колесники, гончары, каменщики, плотники, маляры, дегтярники, пушкари, золотых дел мастера, мыловары, свечники, пирожники, бражники, пивовары, мясники, портные и др. В XVII в. существовала цеховая организация ремесленного производства[1]. Ремесленники молдавских городов уже переходят от работы на заказчика к работе на рынок, что означает переход к мелкому товарному производству.

Особое значение для Молдавии имело производство винных бочек и ведер. Бондарным ремеслом, с целью продажи своей продукции на рынке, занимались также и сельские ремесленники. В грамотах XVII в. встречается упоминание о селах, где жили бондари.

Дальнейшее отделение ремесла от земледелия привело к некоторому оживлению торговой жизни в стране. Развивался внутренний обмен между различными областями Молдавии, постепенно специализировавшимися на производстве определенной продукции как сельского хозяйства, так и ремесла. В рыночные отношения втягивались все бóльшие массы населения.

Городской рынок в Молдавии был тесно связан с округой. Налоговый гнет и возрастание различного рода повинностей вынуждали крестьян продавать на рынке не только излишки, но и самое необходимое для их существования.

Древнейшие города Молдавии — Килия, Белгород (Аккерман), Хотин, Роман, Сучава, Байя и др.— являлись значительными торговыми центрами. В грамотах XVII в. появляются упоминания о новых городах, выросших

---

[1] *E. Pavlescu.* Economia breslelor în Moldova. Bucureşti, 1939, p. 96, 105.

Серебряная пряжка от пояса молдавской работы, XVII в.
Государственный Исторический музей

на основе древних сел. Так, например, к 1666 г. относится первое упоминание о горожанах Кишинева[1]. Как отмечает Павел Алеппский, побывавший дважды в Молдавии в середине XVII в., Молдавское государство было разбито на 24 судебных округа, центрами которых являлись торговые города[2].

Продолжали существовать в Молдавии и владельческие города. Таковым, например, был Требеш. Некоторые феодалы владели частью городов. Так, Путнянскому монастырю принадлежала в XVII в. большая часть г. Серета.

Самым крупным торговым центром Молдавии был г. Яссы, в котором в 50-х годах XVII в. насчитывалось 2060 мелких торговых предприятий. Показательным для роста значения городского рынка является широкое развитие торговли продуктами питания. В 60-х годах этого столетия в Яссах одна из улиц была полностью занята мучными лавками[3].

Купцы были организованы в гильдии. В одной из грамот господаря Василия Лупу от 1641 г. упоминается гильдия ясских купцов[4].

Особое значение в торговой жизни страны имели ярмарки, устраивавшиеся по нескольку раз в году в различных городах — Сучаве, Байе, Хотине и др. На ярмарках велась крупная торговля рогатым скотом, продуктами сельского хозяйства и ремесленными изделиями.

Молдавия поддерживала торговые связи с украинскими городами Львовом и Киевом, с Польшей и Трансильванией. Продолжались экономические отношения и с русскими землями, связь с которыми, однако, значительно затруднялась из-за отсутствия общих границ.

Для нужд внутренней торговли в Молдавии, несмотря на запрет турок, чеканилась мелкая серебряная и медная монета. Как и прежде, в обращении находилось много иностранной монеты. Пестрота денежной системы вызвала развитие касс по обмену денег. В Яссах даже существовала целая улица менял, которые занимались ростовщичеством.

---

[1] «Труды Бессарабской губернской ученой архивной комиссии», т. II, Кишинев, 1902, стр. 237.

[2] *Павел Алеппский.* Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в. Перевод Г. Муркоса, вып. 1. — «Чтения ОИДР», 1896, кн. 4, отд. II, стр. 47.

[3] *E. Pavlescu.* Op. cit., p. 275.

[4] *Gh. Ghibănescu.* Ispisoace şi zapise, v. II, p. I, Iaşi, 1909, p. 225—226.

* * *

Подавляющую часть молдавского населения в XVII в. продолжало составлять крестьянство. Молдавское крестьянство состояло из двух разрядов: крестьян, живших на земле светских и духовных феодалов, и так называемых «свободных» крестьян, живших общинами на государственной земле. К числу частновладельческих относились также и господарские крестьяне, жившие в селах, лично принадлежавших молдавским господарям.

Юридически свободные крестьяне, носившие в Молдавии название резешей, жили сельскими общинами на земле, принадлежавшей общине. Частью угодий — лесами, лугами, выгонами, сенокосами и водами — резеши пользовались сообща. Пашни, сады, виноградники и приусадебные участки находились в личном владении каждого резеша. Резеши свободно распоряжались своей землей, вплоть до отчуждения ее путем продажи или дарения.

Резешские общины пользовались некоторым самоуправлением. Налоги и разного рода повинности, которыми государство облагало общину, раскладывались среди общинников мирским сходом. В отношении уплаты налогов и несения повинностей в пользу государства резеши были связаны круговой порукой.

Обязанности резешей перед государством сводились к уплате налогов и выполнению различных повинностей, среди которых особо выделялась военная. Резеши по зову господаря обязаны были принимать участие в военных походах.

С течением времени земельные участки резешей дробились между членами их семей. Внутри общины шел процесс расслоения резешей. Бо́льшая часть из них разорялась и, не будучи в силах самостоятельно вести хозяйство, платить налоги и выполнять повинности, выходила из общины, продавая за бесценок или отдавая за долги свои участки земли. Меньшая часть общинников, пользуясь тяжелым положением своих собратьев по общине, приобретала их земли и богатела, приспосабливая свое хозяйство к растущим потребностям рынка.

Все возраставший процесс закрепощения молдавского крестьянства — одна из характерных черт социальных отношений в молдавском феодальном обществе XVII в.

Крепостные, носившие название «вечин» («суседи» в славяно-молдавских грамотах), жестоко эксплуатировались феодалами. Крепостной платил своему господину натуральный оброк — десятину, которую называли дижма, а также доставлял феодалу изделия домашнего промысла. Крепостные платили десятину также и государству. Двойная десятина разоряла крестьян.

Помимо оброка, крепостные обязаны были отбывать барщину на полях феодала и выполнять различные работы в барской усадьбе. Размеры и виды барщинных работ не были определены. Закрепляя

за тем или иным феодалом право владения крепостными крестьянами, господари в своих грамотах указывали, что крепостные должны во всем слушаться своего господина и выполнять все работы, которые он от них потребует[1].

Феодал имел право отчуждать своих крепостных только вместе с землей, на которой они сидели. Крепостных передавали по наследству, дарили, обменивали, закладывали и продавали[2] вместе с землей. Частые жалобы крепостных свидетельствуют о том, что крепостники отчуждали их и без земли[3]. Нередки бывали также случаи, когда одни феодалы переманивали или силой захватывали крепостных у других феодалов и переводили их на свои земли[4].

На землях молдавских феодалов в XVII в. продолжали проживать также крестьяне, пользовавшиеся правом выхода. Этой прослойке молдавского крестьянства в основном соответствуют «похожие» люди Великого княжества Литовского. В наличии или отсутствии права выхода и состояло главное различие между указанными категориями частновладельческих крестьян в Молдавии. В остальном отмечается полная тождественность в их обязанностях в отношении оброка и барщины. Препятствия, чинимые феодалами, делали почти невозможным выход крестьян, юридически свободных. Со временем и эти крестьяне попадали в разряд крепостных, если они просидели на земле феодала более 12 лет.

Кроме крепостных, бояре и монастыри, а также и господари владели и холопами. Среди последних было очень много цыган[5], которые в Молдавии находились чуть ли не на положении рабов, как их и называют молдавские документы[6]. Продажа холопов не была ничем ограничена и в XVII в. достигла широких размеров. Феодалы использовали холопов при своих усадьбах, главным образом в качестве ремесленников и дворовых.

Произвол и грабительское хозяйничание молдавских бояр пагубно сказывалось и на молдавских городах XVII в. В качестве слуг господаревых крупные феодалы все больше вмешивались во внутригородскую жизнь. Города постепенно утрачивали свое право на самоуправление;

---

[1] *R. Rosetti*. Pământul sătenii şi stăpânii in Moldova. T. I. Dela origini până la 1834, Bucureşti, 1907, p. 228; «Revista istorică», N 10—12, 1926, p. 319—320; *A. Sava*. Documente privitoare la târgul şi ţinutul Lăpuşnei. Bucureşti, p. 99—100.

[2] *T. Bălan*. Op. cit., v. II, p. 103; v. III, p. 24,42—43; *Gh. Ghibănescu*. Ispisoace şi zapise, v. VI, p. II. Iaşi, 1933, p. 159; *Gh. Ghibănescu*. Surete şi isvoade, v. XXI. Iaşi, 1929, p. 169—170; v. XXII, Iaşi, 1929, p. 9—10; v. V, Iaşi, 1908, p. 86—87; Idem, Ispisoace aşi zapise, v. VI, p. II, p. 156—159; v. III, p. II, p. 83, 129; *A. Sava*. Documente privitoare la târgul şi tinutul Orheiului. Bucureşti, 1944, p. 105.

[3] *R. Rosetti*. Op. cit., p. 264; *N. Iorga*. Studii şi documente, v. V, p. I. Bucureşti, 1903, p. 221.

[4] *Gh. Ghibănescu*. Surete şi izvoade, v. IV, Iaşi, 1908, p. 293.

[5] Idem. Uricarul, v. XVIII, Iaşi, 1892, p. 338.

[6] Idem. Surete şi izvoade, v. IV, p. 177.

функции городских выборных должностных лиц — шолтуза и пыргарей[1] переходили к боярам-кормленщикам — пыркалабам, дворникам и урядникам[2].

Цеховая и купеческая верхушка, связанная с муниципальными властями и господарскими слугами — боярами, наживалась на разорении городских низов.

* * *

Внутреннее управление Молдавии не претерпело каких-либо качественных изменений по сравнению с предшествующим временем. Во главе Молдавского феодального государства продолжали стоять господари — ставленники Турции, осуществлявшие управление страной через бояр — членов господарской рады — и многочисленных слуг на местах.

Значительный рост экономической мощи молдавского боярства привел к усилению господства боярской олигархии. Крупное молдавское боярство неуклонно проводило политику усиления своей власти за счет ослабления центральной власти. Молдавские господари, лишенные действенной помощи со стороны маломощных служилых людей и экономически слабых городов, не могли успешно бороться с боярской оппозицией.

Результатом усиления молдавского боярства явилось значительное возрастание роли боярской рады, которая активно вмешивалась во все отрасли управления страной.

Возросшее влияние боярства сказалось также и на молдавском войске, командование которым в это время находилось в руках думного боярина — гетмана. Осуществляя командование войском, основной костяк которого составляли вооруженные дружины феодалов, бояре располагали еще одним действенным средством утверждения своего господствующего положения в государстве.

Молдавские феодалы стремились охватить своими щупальцами и города с их торгово-ремесленным населением, эксплуатация которого являлась существенной статьей их дохода. Прикрываясь авторитетом государственной власти, молдавские феодалы нещадно грабили народ. Этому в значительной мере способствовала и система кормлений.

Если до середины XVII в. в Молдавии не существовало писаных законов, и судопроизводство велось на основе обычного права, то в 1646 г. господарь Василий Лупу издал первый печатный свод феодального законодательства Молдавии. Уложение Василия Лупу, так называемые

---

[1] Шолтуз — выборный управитель города, который являлся председателем совета, состоявшего из 12 советников — пыргарей. Все эти должностные лица выбирались из среды наиболее богатых горожан.

[2] Пыркалаб — представитель господаря в городах. Дворники и урядники — помощники пыркалаба.

«Правила», призванное силой закона освятить права и привилегии господствующего класса, стояло на страже интересов феодалов. Малейшая провинность непосредственных производителей материальных благ сурово каралась законом, который ограждал феодалов от проявлений возмущения эксплуатируемого большинства населения, переходившего к открытой борьбе со своими эксплуататорами.

* * *

Основными классами-антагонистами в Молдавском феодальном государстве XVII в. оставались, как и прежде, эксплуататоры-феодалы и эксплуатируемые ими крестьяне.

Против все более ощутимого произвола феодалов выступало также и торгово-ремесленное население молдавских городов. Горожане поддерживали попытки некоторых молдавских господарей укрепить центральную власть и силой подавить боярскую оппозицию.

Обострение классовых противоречий в деревне вылилось в XVII в. в открытые антифеодальные выступления крепостных.

Крестьяне отказывались выполнять работу в пользу своих господ. Господари в специальных грамотах грозили крестьянам суровыми карами за отказ от работы[1].

Антифеодальные выступления крепостных проявлялись не только в отказе от работы. Крестьяне производили самочинные запашки на господской земле, потравы, косили господские луга[2]. Однако феодалам удавалось подавлять сопротивление крепостных.

На репрессии со стороны феодалов крепостные и холопы отвечали массовым бегством[3]. Некоторые из них переходили от одних владельцев к другим, большей частью от мелких землевладельцев к крупным вотчинникам и монастырям, которые, пользуясь широкими иммунитетными правами, привлекали крестьян обещаниями различных льгот.

С целью воспрепятствовать новым побегам крепостники широко применяли среди крестьян своих сел систему круговой поруки[4].

Часто крепостные бежали из Молдавии в соседние страны — Польшу, Валахию, Трансильванию.

Польские короли и валашские господари разрешали иногда молдавским феодалам производить поиски беглых крепостных, поселившихся на польских или валашских землях[5].

---

[1] *R. Rosetti*. Op. cit., p. 262; *J. Bianu*. Documente românești. Tomul I, Fasc. 1—2, București, 1907, p. 75—76; «Documente privind istoria României», veacul XVII, A. Moldova, v. III (1611—1615). Ed. Ac. RPR, 1954, p. 94.

[2] *Gh. Ghibănescu*. Surete și izvoade, v. IV, p. 54.

[3] Ibidem, v. XXII, p. 130; v. III, p. 77—78.

[4] *Gh. Ghibănescu*. Ispisoace și zapise, v. III, p. I p 79; p. II, p. 39—40.

[5] Idem. Surete și izvoade, v. III, p. 79.

Многие крепостные крестьяне уходили из Молдавии в казаки на Украину. На рубеже XVI—XVII вв. начинается заселение беглецами из Молдавии земель левобережья Днестра[1].

Однако, обосновываясь на землях польских феодалов и татарских мурз, молдавские крестьяне попадали в новую кабалу.

Широкие размеры крестьянского выхода сильно затрагивали интересы господствующего класса феодалов. С целью закрепить крепостных за их феодалами, а также воспрепятствовать дальнейшему их бегству, были изданы господарские указы о сроках сыска беглых.

Господарь Стефан Томша во второе свое правление (1622—1623) специальным указом предписывал возвращение беглых крепостных, сбежавших после правления господаря Константина Могилы (1608—1611). Крепостные, ушедшие от своих господ раньше указанной даты, закреплялись за владельцами тех сел, в которых они поселились, а прежние их владельцы лишались права требовать их возвращения[2].

Новое уложение о сыске крепостных крестьян, изданное господарем Мироном Барновским 13 января 1628 г., предусматривало, что все беглые крестьяне, независимо от того, когда они бежали, подлежали возврату их владельцам. Только крестьяне, бежавшие за границу до 1621 г. и возвратившиеся обратно в Молдавию, не подлежали возвращению своим старым владельцам[3].

В 1646 г. свод законов Василия Лупу — «Правила» — официально запретил самовольный переход крепостных. Закон обязывал всех тех, у кого укрывались беглые крепостные, возвращать их законным владельцам. Укрытие беглых крепостных каралось большими штрафами. На укрывателя падало также возмещение издержек, связанных с водворением крепостного[4]. Но и этот закон не приостановил бегства крепостных. Жестокая эксплуатация крестьян феодалами порождала новые массы беглецов.

Помимо этих пассивных форм классовой борьбы, молдавское крестьянство прибегало и к активным формам — восстаниям и объединению в гайдукские отряды.

Скудные данные молдавских летописей и современного актового материала не дают пока возможности восстановить во всей полноте картину крестьянских восстаний в Молдавии XVII в.

В 30-х и 70-х годах XVII в. по Молдавии прокатилась могучая волна антигреческих, но по существу антифеодальных восстаний. Богатые ростовщики Константинополя — греки в качестве кредиторов молдавских

---

[1] «Letopiseţul Tărji Moldovei până la Aron Vodă (1359—1595)», Camisia istorică a României, Bucureşti, 1916, p. 252—253.

[2] *M. Roller.* Istoria RPR. Editura de stat. did. şi ped. 1952, p. 199.

[3] *Gh. Gibănescu.* Surete şi izvoade, v. XV. Iaşi, 1926, p. 66.

[4] «Carte românească de învăţătură dela Pravilele Jmpărăteşti şi dela alte giudeţe cu zisa şi toată cheltuiala a lui Vasile Voevodul şi domnul Tării Moldovei», Ed. Gh. Sion, Botoşani, 1875, p. 6.

господарей и доверенных Турции прочно обосновались в стране, занимая командные высоты в экономической и политической жизни страны[1]. Грабительская политика бояр-греков порождала сильное возмущение народных масс. Ненависть социальных низов против греческих эксплуататоров пытались использовать в собственных интересах молдавские бояре, боровшиеся за укрепление своей власти в стране.

Так, в 1633 г. в Яссах вспыхнуло сильное антигреческое восстание. На первых порах боярам удалось использовать ненависть городских низов к греческим эксплуататорам. Мелкие ремесленники и торговцы, чернорабочие и много беглых крестьян, укрывавшихся в городе, начали наступать на господарский дворец, в котором находился господарь и бояре-греки. В ходе движения городские низы и беглые крестьяне перешли в наступление против своих эксплуататоров — бояр как местных, так и греков. Во время борьбы был ранен глава молдавского боярства, будущий господарь В. Лупу[2].

В 1653 г. в качестве непосредственного отклика на освободительную войну украинского народа в Яссах вспыхнуло новое восстание городских низов[3].

В 1671—1672 гг. крестьяне начали расправу с ненавистными феодалами как греками, так и молдаванами. Воспользовавшись напряженной обстановкой, вызванной враждой между господарем и восставшими против него и его греческого окружения боярами, крестьяне начали расправляться с феодалами Хотинского и Черновицкого уездов[4]. Бояре — члены господарской рады бежали в Валахию, захватив с собой государственную казну. Вступив в Яссы, крестьяне, мелкие ремесленники и торговцы начали громить боярские дома и расправляться с купеческой верхушкой столицы. Это восстание было жестоко подавлено карательной экспедицией господаря, на помощь которому пришли турки и татары[5].

Классовая борьба молдавских крестьян и горожан в XVII в. вылилась в форму гайдуцкого движения. Гайдуки боролись как против местных бояр и купцов-ростовщиков, так и против греков и турок. Действуя малыми отрядами, гайдуки нападали на караваны купцов, на господарских стражников, на боярские усадьбы. Отобранное у эксплуататоров добро гайдуки раздавали крестьянам. Пользуясь широкой поддержкой народных масс, видевших в гайдуках своих защитников и мстителей, гайдуки наводили ужас на господствующий класс страны.

Все попытки властей подавить гайдучество не увенчались успехом. Один только господарь Василий Лупу за 20 лет своего правления казнил

---

[1] О проникновении греков в Молдавию и Валахию см. *Н. С. Державин.* Сборник статей и исследований в области славянской филологии. М.— Л., 1941, стр. 68—74.

[2] *N. Costin.* Letopiseţul Ţărăi Moldovei. Bucureşti, 1943, p. 146—149.

[3] *Павел Алеппский.* Указ. соч., вып. 1, стр. 88—89.

[4] *E. Hurmuzaki.* Documente..., v. I, Sup. I, Bucureşti, 1886, p. 258.

[5]. *N. Costin.* Letopiseţul ţărei Moldovei, M. Kogălniceanu, Cronicele Romaniei şeu letopiseţele Moldaviei şi Valahiei, Bucureşti, 1872, p. 7.

более 14 тыс. гайдуков[1]. Огромное количество казненных говорит о широком размахе гайдучества в XVII в.

Известны некоторые руководители молдавских гайдуков XVII в. Так, в начале XVII в. в актовом материале упоминается гайдуцкий главарь Д. Попоця[2], в 20-х годах в юго-западной Молдавии действовал гайдуцкий отряд под командованием Яноша Рацу[3], а в 50-х годах в северных уездах Молдавии — отряд гайдука Детинки. Власть в Черновицком и Хотинском уездах перешла в руки Детинки и его гайдуков[4].

Огромной силы гайдуцкое движение достигло в 80-х годах XVII в. Власти вели ожесточенную борьбу против гайдуков. Пойманных гайдуков сжигали живьем, четвертовали, сажали на кол[5]. Но, несмотря на кровавую расправу, властям не удалось уничтожить гайдучество. Наоборот, отряды гайдуков росли.

Как и в Русском государстве, руководители крестьянских восстаний в Молдавии, будучи царистами, выступали против бояр, но за «хорошего господаря». Это предопределяло исход восстаний темного и забитого, неорганизованного и плохо вооруженного молдавского крестьянства, которому противостоял сильный класс феодалов, опиравшийся на военную силу государства, а в особо критических для него случаях — на турецко-татарские орды.

* * *

Трудящиеся массы молдавского народа испытывали не только социальный гнет местных феодалов, но и иноземный — гнет турецких захватчиков. Несмотря на попытки свержения турецкого ига, предпринятые в XVI в., Молдавия все еще продолжала находиться под пятой турецких поработителей.

Послушные турецкому султану, молдавские господари и боярство за редкими исключениями мирились с турецким господством.

Служилые люди, мелкое торгово-ремесленное население городов и резеши продолжали выступать в качестве движущих сил национально-освободительной борьбы. Однако предательская политика господствующего класса срывала возможность ведения успешной борьбы против турецких захватчиков.

Свободные крестьяне и низшие слои горожан не призывались более в ряды войска. Основу вооруженных сил страны в XVII в. составляли боярские дружины и полки наемников. Характерно и красноречиво

---

[1] *Павел Алеппский.* Указ. соч., стр. 69.

[2] «Documente privind istoria Romîniei», veacul XVII, A. Moldova, v. II (1606—1610), Ed. Ac. RPR, 1953, p. 136—137.

[3] *Gh. Ghibănescu.* Surete şi izvoade, v. XXII, p. 134—135.

[4] *M. Costin.* Op. cit., p. 249.

[5] «Cronica lui I. Neculce», Ed. III, Craiova, 1942, p. 120—123.

в этом отношении следующее признание молдавского господаря Георгия Стефана: «Наемное войско мы не можем отправить от себя, так как мы держим его для нашей охраны. Если бы этого не было при нас, то тогда чернь прогнала бы нас из-за многочисленных податей ..., которыми мы ее облагаем» [1]. Более того, молдавские господари даже прибегали к услугам турецко-татарских полчищ для того, чтобы подавлять возмущение народа и держать его в повиновении.

В свою очередь и международная обстановка мало благоприятствовала созданию мощной военно-политической коалиции европейских стран, которая могла бы повести борьбу с турками. Соседние страны — Трансильвания и Валахия, так же, как и Молдавия, находились под властью Турции. Что же касается Польши, то польские короли, магнаты и шляхта в XVII в. продолжали свои попытки подчинить себе Молдавию.

Единственную надежду на помощь молдаване возлагали на Русское государство, дружественные связи с которым в XVII в. еще более упрочились. Столь же дружественными и братскими были связи Молдавии с Украиной. Боевое содружество молдаван и украинского казачества, отмечавшееся уже в XVI в., сказалось в XVII в. еще более ярко. Молдаване и украинские казаки в XVII в. продолжали совместную борьбу против общих врагов — султанской Турции и панской Польши.

На рубеже XVI—XVII вв. Молдавия была превращена в арену ожесточенной борьбы между Польшей и Турцией. В развернувшейся борьбе молдавские бояре — сторонники пропольской политики боролись в рядах польских войск, бояре же, сторонники Турции, боролись плечом к плечу с турками за поддержание турецкого господства в стране.

Раскол боярства на два лагеря, каждый из которых опирался на одну из воюющих сторон — Польшу или Турцию, привел к новым ожесточенным феодальным войнам, тесно переплетавшимся с борьбой иностранных захватчиков за овладение Молдавией. Каждая из боярских группировок, опираясь на внешние силы, стремилась посадить на господарский престол своего ставленника. Господари в этот период сменялись с невероятной быстротой в соответствии с тем, какая из борющихся боярских группировок брала верх. За период с 1595 по 1634 г., на который падают феодальные войны, на молдавском престоле сменилось 15 господарей [2].

После междоусобной борьбы и опустошительных польско-турецких войн в Молдавии при господарстве Василия Лупу (1634—1653) наступил сравнительно продолжительный период мира. Умело лавируя между Польшей и Турцией, Лупу, поддерживая хорошие отношения с ними, все силы бросил на подчинение Валахии. Последние годы его правления совпали с освободительной войной украинского народа под руководством Богдана Хмельницкого против панской Польши.

---

[1] «Revista istorică», № X—XII, 1926, p. 318.

[2] О феодальных войнах и польско-турецкой борьбе подробнее см. *M. Costin*. Op. cit., p. 66—160; см. также монографию: *А. А. Новосельский*. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.— Л., 1948, стр. 80—82, 99—100.

Гетман Богдан Хмельницкий предложил господарю заключить союз и скрепить его брачными узами дочери господаря с сыном Хмельницкого — Тимофеем. Однако Лупу, по своим классовым интересам тяготевший к панской Польше, затягивал переговоры. Более того, в первый период борьбы Хмельницкого с Польшей он даже помогал польским панам против украинского казачества. В ответ на это казаки в 1650 г. пошли походом против Молдавии.

Господарь вынужден был согласиться с предложением Хмельницкого[1]. Однако после поражения казаков в битве у Берестечка (1651) Лупу, по наущению поляков, расторг соглашение с Хмельницким. Поляки пытались вовлечь господаря в открытую борьбу против ненавистного феодалам казачества.

В противовес двуличной политике господаря и молдавских феодалов социальные низы Молдавии стояли на стороне казачества. Многие из них принимали участие в вооруженной борьбе украинского народа против польских панов. Так, например, при осаде Львова в 1648 г. в рядах украинского войска боролся и молдавский полк[2]. В битве под Берестечком на стороне украинцев сражалось 4 тыс. молдаван[3].

После разгрома Хмельницким польского войска в битве у Батога (1652) господарь Лупу окончательно принял предложение Хмельницкого. Это диктовалось также и критическим положением Лупу, против которого выступали валашский господарь и трансильванский князь, поддерживавшие претендента на молдавский престол Георгия Стефана. В борьбе против Валахии на стороне Лупу выступил Тимофей Хмельницкий со своими казаками. Эта борьба кончилась неудачно для господаря. После гибели Тимофея Хмельницкого в осажденной крепости Сучаве Лупу вынужден был покинуть страну, найдя свой конец в заточении в Константинополе.

Новый господарь Георгий Стефан (1653—1658) поддерживал дружественные связи с Польшей, Трансильванией и Валахией. Аккуратно выполняя обязанности данника Порты, господарь все же предпринял серьезные дипломатические шаги, направленные на избавление страны от турецкого ига. После воссоединения Украины с Россией, столь радостно встреченного в Молдавии[4], надежды молдаван на избавление с помощью русских из-под власти Турции значительно окрепли.

Еще господарь Василий Лупу пытался установить постоянные связи с Русским государством. Он считал необходимым ставить русское правительство в известность обо всем, что делалось в Турции и Крыму. Как

---

[1] «Летопись Самовидца по новооткрытым спискам», Киев, 1878, стр. 23—24.

[2] «Жерела до історії України — Руси». Видае Археографічна Комісия наукового товариства імени Шевченка, т. VI, Львов, 1913, стр. 39.

[3] *N. Iorga.* Acte şi fragmente cu privire la istoria Românilor, v. I, Bucureşti, 1895, p. 206.

[4] *С. А. Белокуров.* Арсений Суханов.— «Чтения ОИДР», 1891, кн. 2, отд. IV. стр. 337.

только Турция понесла поражение в войне с Венецией (1647), Лупу сейчас же отправил в Москву посольство с известием об этом. После поражения Турции Молдавия, Валахия и Венгрия стали готовиться к вооруженному выступлению против Турции. Лупу счел нужным сообщить в Москву и об этом. Очень характерна грамота Лупу, отправленная в том же 1647 г. царю Алексею Михайловичу относительно крымских дел и подготовки враждебных выступлений крымцев против Русского государства. «А помыслы их [крымцев], — писал молдавский господарь, — будем знати: имеем наших людей в Крыму, и какую весть к нам принесут, зело вскоре имеем возвестити вашему царскому величеству, якож ближней слуга вашего величества».

Василий Лупу в этой грамоте называет себя слугой русского царя. Нет никакого сомнения в том, что все эти разведывательные данные сообщались в Москву в надежде при помощи Русского государства добиться освобождения Молдавии от турецкого ига[1].

Вскоре после получения в Молдавии известия о воссоединении Украины с Россией преемник Василия Лупу молдавский господарь Георгий Стефан 18 марта 1654 г. обратился в Москву с просьбой принять Молдавию в русское подданство, как принята Украина. Русское правительство дало свое согласие. Вместе с тем Георгий Стефан просил разрешения «вступить в дружбу и приязнь» с украинским гетманом Б. Хмельницким. Гетман соглашался на дружественные отношения с Молдавией, но при одном непременном условии, чтобы господарь порвал всякие связи с Речью Посполитой. Георгий Стефан принял это условие.

Но молдавский господарь оказался в очень двусмысленном положении. Оставаясь данником Турции, он установил подданнические отношения с Русским государством и дружественные связи с Украиной, заняв в то же время враждебную позицию по отношению к Речи Посполитой. Между тем польский король Ян Казимир вел дипломатические переговоры с Турцией и добился от султана распоряжения дунайским княжествам — Молдавии и Валахии — поддержать Польшу в ее борьбе против Русского государства и Украины. Невыполнение этого распоряжения грозило Георгию Стефану низложением и разорением Молдавии турецкими войсками. Поэтому господарь был вынужден послать свои отряды в польскую армию.

Непосредственным следствием такого поведения молдавского господаря было недоверие к нему в Москве. Русское правительство отказалось вести с ним дальнейшие переговоры. Только ходатайство восточных патриархов и гетмана Б. Хмельницкого заставило русское правительство согласиться на продолжение переговоров[2]. 16 апреля 1656 г. Георгий Стефан

---

[1] Данные о сношениях господаря Василия Лупу заимствованы с согласия автора из неопубликованной работы Н. Ю. Кишкиной «Сношения России с Молдавией в XVII в.», стр. 14—15.

[2] *Н. Ю. Кишкина*. Указ. соч., стр. 25—32.

Молдавский господарь Георгий Стефан. Гравюра XVII в.

прислал в Москву новое посольство с просьбой о принятии Молдавии в русское подданство. Царь Алексей Михайлович дал на это свое согласие[1].

12 мая 1656 г. между русскими и молдавскими представителями было достигнуто соглашение, в котором содержались следующие пункты: 1) порядки в Молдавии будут такими, какими они были до установления турецкого господства; 2) господарем Молдавии может быть только коренной житель страны; 3) турки и татары подлежат изгнанию из пределов Молдавии, а захваченные ими крепости должны быть возвращены Молдавскому государству; 4) Молдавия освобождается от уплаты дани, обязуясь посылать царю ежегодные дары; 5) Молдавия обязуется принимать участие в походах русского войска против турок и татар; 6) молдавские купцы получают право свободного передвижения по

[1] ПСЗ, т. I, № 180, стр. 369—371.

территории Русского государства, беспрепятственного ведения торговли привозимыми ими товарами, обязуясь в свою очередь информировать русское правительство о положении в турецком и татарском стане; 7) Георгий Стефан обязался сообщать все, что ему будет известно о Крыме[1].

Однако турки помешали претворению в жизнь этого соглашения. В ответ на выступление господаря против Польши, в это время союзника Турции, а также в ответ на переговоры с царем Алексеем Михайловичем турецкий султан весной 1658 г. низложил господаря Георгия Стефана.

Неудачной оказалась в 70-х годах XVII в. и попытка господаря Стефана Петричейку присоединить Молдавию к Русскому государству.

После разгрома турок под стенами Вены в 1683 г. польское правительство возобновило попытки подчинить себе Молдавию. Победив турок под Веной, польский король Ян Собеский считал, что обстановка в Европе вполне благоприятствует этому. В результате длительных дипломатических переговоров Русскому государству и Польше удалось в 1686 г. создать антитурецкую лигу европейских государств для борьбы с Турцией[2].

Несмотря на благоприятную международную обстановку, а также поддержку части молдавских феодалов — сторонников Польши, походы Яна Собеского, предпринятые им в Молдавию в 1686—1687 и 1691 гг., не привели к поставленной королем цели — изгнанию турок и присоединению Молдавии к Польше. По Карловицкому мирному договору, подписанному 26 января 1699 г., Польша вынуждена была освободить оккупированные ею несколько уездов Молдавского государства.

* * *

Литературное творчество трудящихся масс Молдавии нашло свое замечательное воплощение в образном и колоритном фольклоре. В многочисленных дойнах, балладах, легендах и сказках отображены горькая участь угнетенного народа, борьба его против местных и иноземных поработителей, героические подвиги молдавских гайдуков.

С особой силой в фольклорных произведениях молдаван выражены ненависть народа к своим угнетателям, его непоколебимая вера в лучшую жизнь.

Авторов и распространителей фольклорных произведений, изобличавших феодалов, власти сурово наказывали[3].

Молдавская литература XVII в. развивалась на прочной и богатой основе славяно-молдавской литературы XIV—XVI вв. В XVII столетии появились множество оригинальных летописей, написанных на молдавском языке, стихотворные произведения Мирона Костина и митрополита

---

[1] ПСЗ, т. I, № 180, стр. 371—376; *Н. Ю. Кишкина.* Указ. соч., стр. 33.

[2] «История дипломатии», т. I, под ред. В. П. Потемкина, М., 1941, стр. 230.

[3] «Carte românescă de învăţătură ...», p. 129—131.

Досифея, многочисленные молдавские книги церковного содержания. Все эти произведения принадлежали перу молдавских феодалов — светских и духовных, которые и пером служили интересам своего класса.

Летописание и книги церковного содержания — таковы два основных направления молдавской литературы XVII в.

Авторы летописей XVII в. уже не церковники, как это было в предыдущих веках, а бояре. Бояре-летописцы выступают на страницах своих летописей как ярые противники сильной центральной власти, как ревностные поборники боярских вольностей, как идеологи крупного молдавского боярства, интересы которого они защищают. О тяжелой участи народных масс, стонавших под пятой эксплуататоров — феодалов, молдавские летописцы не вымолвили ни слова. Иноземное иго и тирания господарей — вот в чем, по словам летописца, причина всех бед страны. Молдавские летописи XVII в. написаны с классовых позиций крупного молдавского боярства. И все же, несмотря на это, молдавские летописи XVII в. имеют несомненную ценность как исторические источники и памятники древней молдавской литературы и языка.

Виднейшими молдавскими летописцами XVII в. были крупные бояре Григорий Уреке — автор летописи, описывающей события 1359—1595 гг., и Мирон Костин, продолживший летопись Уреке и доведший свое повествование до описания событий 1662 г. Перу М. Костина принадлежат и другие произведения на молдавском и польском языках, в которых он пытается, правда тщетно, разрешить вопрос о происхождении молдавского народа.

На поприще церковной литературы, особенно в области переводов книг богослужебного содержания, видную роль сыграли в XVII в. митрополиты Варлаам и Досифей.

Варлаам, организатор Ясской типографии, автор первой печатной книги на молдавском языке «Казания», по праву считается пионером молдавского книгопечатания и одним из основоположников молдавского литературного языка. Продолжателем Варлаама является Досифей, наиболее плодовитый переводчик на молдавский язык богослужебных книг. При помощи Русского государства Досифею удалось развернуть широкую переводческую деятельность. Желая выразить свою глубокую признательность за помощь, оказанную Русским государством в развитии книгопечатания в Молдавии, Досифей начинает одно из своих произведений следующими многозначительными словами: «Свет к нам идет с Востока». В этом выражении подчеркивается тот факт, что просвещение в Молдавию всегда шло в первую очередь от великого русского народа.

Благотворное влияние Москвы и Киева на развитие молдавской культуры XVII в. проявилось главным образом в насаждении книгопечатания и просвещения в Молдавии.

Дружественным культурным связям с Киевом обязана Молдавия и открытием своей первой школы. В 1640 г. при помощи Петра Могилы в Яссах была открыта так называемая Славяно-греко-латинская акаде-

Титульный лист первой печатной книги в Молдавии —«Казания» Варлаама, 1643 г.

мия, которая была организована наподобие известной в то время Киево-Могилянской академии.

Открытие высшей школы в Яссах являлось значительным культурным событием в жизни страны.

Говоря о развитии школьного дела в Молдавии, следует, однако, отметить, что школа была доступна лишь для детей феодалов и зажиточных купцов. Народные же массы стояли в стороне от книжной культуры.

Тесными были также культурные связи с братствами некоторых украинских городов, в первую очередь Львова. Многие молдаване — выходцы из бояр и зажиточных горожан — учились в школе Львовского братства. В типографии братства были отлиты шрифты для Ясской типографии[1], а также печатались книги на молдавском языке[2]. Тесные связи с украинскими братствами способствовали дальнейшему развитию молдавской культуры.

Среди выдающихся деятелей молдавской культуры, способствовавших установлению более тесных культурных связей между Молдавией и Русским государством, в XVII в. особо выделяется Николай Спафарий Мелеску. Полиглот и образованнейший человек своего времени, Николай Спафарий с 1671 г. обосновался в Москве, где и прожил до конца своей жизни, работая переводчиком Посольского приказа с волошского и греческого языков. Автор многих оригинальных произведений на русском, молдавском, греческом и латинском языках, а также переводчик многочисленных книг, Спафарий стяжал себе широкую известность своими сочинениями о Китае[3].

---

[1] *Hurmuzaki—Bogdan.* Documente, v. III, Sup. II, Bucureşti, 1900, p. 1.

[2] Ibid., p. 84.

[3] См. главу V, § 3 настоящего издания.

Художественное шитье по бархату, 1609 г.

В XVII в., как и в предыдущее столетие, молдавское искусство наиболее полно представлено памятниками зодчества. Если до настоящего времени не дошло ни одного памятника светского молдавского зодчества XVII в., то церковная архитектура представлена весьма богато[1]. Крестообразный храм и стрельчатые проемы дверей и окон, столь характерные для молдавского архитектурного стиля, сформировавшегося еще в XV в., сохраняются и в XVII в. Характерным для архитектуры этого века новшеством, введенным в Молдавии под влиянием русского искусства, является узорчатая обработка камней, которые как кружевом покрывают стены храма от основания до самой крыши.

Замечательный памятник молдавского зодчества XVII в.— ясская церковь Трех святителей, выстроенная в 40-х годах по распоряжению господаря В. Лупу. Храм сооружен из тесаного камня и украшен снаружи высеченными фигурами и различными изваяниями. Богато представлена в нем внутренняя стенная живопись[2]. В росписи храма принимало участие несколько русских иконописцев, отправленных царем Михаилом Федоровичем в Яссы по просьбе господаря[3].

Русские иконописцы, приезжавшие в Молдавию из Москвы, были учителями молдавских мастеров.

Крупных успехов достигло изобразительное искусство Молдавии в художественном оформлении книг. С большой силой влияние народного искусства проявляется в произведениях молдавских резчиков по дереву и металлу. Народное искусство блестяще представлено в широко известном за пределами страны ткачестве ковров и различных вышивках золотом и серебром по бархату и атласу. Произведения художественного шитья вывозились из Молдавии в Русское государство.

Все это говорит о том, что, несмотря на турецкое иго, тяготевшее над Молдавией, молдавская культура, преодолевая препятствия, неблагоприятные внутренние и внешние условия, все же развивалась.

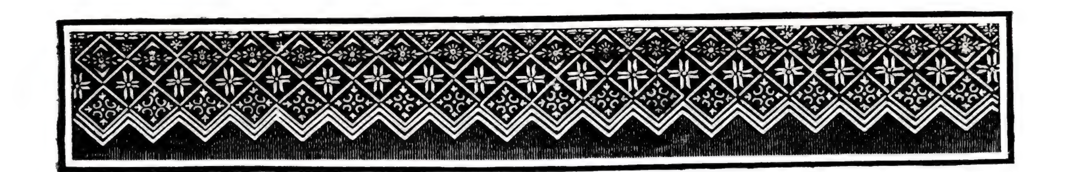
---

[1] См. *В. А. Войцеховский*. Памятники архитектуры Молдавии XIV—XVIII веков.— «Краткие сообщения ИИМК АН СССР», 1954, вып. 56, стр. 40—50.

[2] Подробное описание храма см. *Павел Алеппский*. Указ. соч., стр. 62—64.

[3] *S. Dragomir*. Contribuţii privitoare la relaţiile bisericii româneşti cu Rusia în veacul XVII. Bucureşti, 1912, p. 92—98.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

НАРОДЫ ПРИБАЛТИКИ

1

ЛИТВА

Литва, как и Польша, с середины XVII в. вступила в полосу хозяйственного упадка, причиной которого являлась задержка в развитии производительных сил, обусловленная тормозящим влиянием феодально-крепостнических производственных отношений. Социально-экономическое развитие определялось в Литве господством феодального землевладения.

Перейдя со второй половины XVI в. посредством волочной реформы к фольварочному барщинному хозяйству, литовские феодалы пытались увеличить свои доходы путем усиления эксплуатации крестьян.

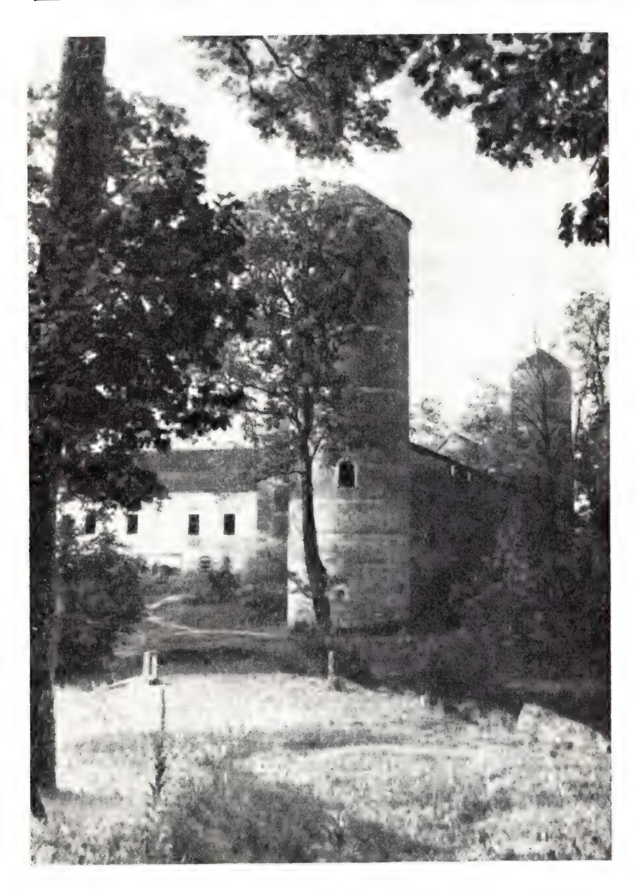
Класс литовских феодалов состоял из магнатов (крупных землевладельцев) и шляхты (мелких землевладельцев). Сюда же следует отнести и католическое духовенство, владевшее иногда крупными имениями. Среди феодалов количественно преобладала шляхта. Но политическое господство принадлежало магнатам, владевшим огромным количеством земель.

Пользуясь правом собственности на крестьянские земли и средствами внеэкономического принуждения, феодалы постоянно увеличивали барщину, денежные и натуральные повинности крестьян. Если волочная реформа в середине XVI в. установила барщину в размере двух дней в неделю с волоки, то в середине XVII в. барщина уже достигала шести, а иногда даже восьми человеко-дней в неделю с волоки[1]. Увеличение барщины достигалось, во-первых, путем простого добавления нескольких дней и, во-вторых, дроблением крестьянских хозяйств до половины, трети или даже четвертой части волоки при сохранении почти тех же повинностей, какие отбывались с целой волоки.

В 1637 г. в имении Найкаймис (Расейняйская волость) требовалось: от самого крестьянина, владельца надела, работать четыре дня, а от его помощника, члена семьи,— три дня барщины, что составляло всего семь барщинных дней в неделю. В 1652 г. от крестьян деревни Граужай имения Раудондвариса требовалось летом по два работника четыре дня в неделю с волоки[2]. Такие же барщинные повинности несли и крестьяне

[1] Литовская волока — земельная площадь, равная 21,5 га.

[2] *K. Jablonskis.* Lietevi̇̃ki žodžiai senosios Lietuvos raštinų kalboje, I dalis, tekstai, Kaunas, 1941, стр. 139—140.

Развалины феодального замка XVII в. в Гелгаудишкис.

других имений [1]. Увеличивалось также количество толок, спешных работ (гвалтов), вводились разнообразные обязанности по охране имения. В течение столетия крестьянские повинности в целом увеличились более чем в два раза. Усиление эксплуатации приводило к обнищанию крестьян.

Крестьянин, не имевший рабочего скота, не представлял большой ценности для помещика. Поэтому помещики стали содержать в фольварках большое количество рабочего скота, особенно волов, и давать их крестьянам для пахоты. За пользование волом крестьянин должен был платить деньгами или зерном, хотя с помощью этого самого вола он обрабатывал главным образом помещичью землю. За использование одного вола на летних работах крестьянин должен был давать помещику бочку ржи или платить деньгами ее стоимость [2].

Предметов домашнего хозяйства, не говоря уже об орудиях труда, феодал не покупал, а требовал их от крестьян или зависимых от него ремесленников [3]. Несмотря на то, что часть продукции имения предназначалась для рынка, в основном хозяйство оставалось еще натуральным, замкнутым.

Вместе с усилением барщины крестьяне все больше терпели от прямого грабежа наемных войск. Почти постоянные агрессивные походы против Русского государства наполнили Литву всякого рода проходимцами-грабителями. Они отбирали у крестьян скот, уводили лошадей, уничтожали урожай, снимали в садах плоды, брали мед и вылавливали рыбу

---

[1] «Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею», т. VIII, Вильна, 1875, № 133, стр. 281—282.

[2] *K. Jablonskis.* Liet. žodžiai, стр. 150—152. Литовская бочка—мера сыпучих тел, равная 1,5 русским четвертям, для XVII в.— около 9 пудов ржи.

[3] *K. Jablonskis.* Liet. žodžiai, стр. 271.

из прудов. Они облагали крестьян контрибуцией, вынуждая вносить с каждой волоки по 10 коп. грошей[1].

Произвол феодальных насильников в значительной мере объяснялся тем, что центральная власть была очень слабой. Ничем не сдерживаемый произвол отдельных феодалов перерастал в настоящую вооруженную борьбу одних магнатов с другими. Очень часты бывали случаи, когда феодал со своими вооруженными слугами нападал на крестьян другого феодала, избивал их или даже убивал, а их имущество забирал себе[2]. Вместе со светскими феодалами грабило население и католическое духовенство[3].

Длительные войны Речи Посполитой весьма ускорили хозяйственный упадок Литвы. Большое количество фольварков было разрушено, разоренное население вело жалкое хозяйство на запущенных землях и к тому же при огромной недостаче инвентаря, владельцы и казна не имели денег для восстановления хозяйства. Государственная казна была пуста и обременена долгами. Перевод крестьян на денежную ренту (чинш) стал применяться как единственная более или менее надежная система ведения хозяйства[4].

Такой переход от натуральных повинностей к денежным не свидетельствовал об успехах экономического развития. Это было попыткой восстановить разоренное хозяйство силами одних крестьян, без всяких затрат со стороны феодалов.

С увеличением населения и некоторым оживлением сельского хозяйства с середины XVIII в. помещики вновь вернулись к барщине.

* * *

Крестьяне во всех частях Литвы упорно сопротивлялись ухудшению своего положения. В деревне постоянно шла классовая борьба в самых разнообразных формах.

Массовой формой борьбы являлись жалобы крестьян собственникам имений на экономов и держателей поместья, на самовольное увеличение повинностей, несоблюдение установившихся норм, на притеснение крестьян. Одновременно с этим крестьяне прибегали и к отказу идти на барщину и выполнять увеличенные повинности. Такое сопротивление крестьян в некоторых имениях продолжалось по нескольку лет.

---

[1] Основная денежная единица Литвы XVII в.— грош. Реальная ценность гроша XVII в. составляла 4,63 коп. на русские деньги конца XIX в. В копе считалось 60 грошей, следовательно, копа грошей = 2 р. 78 к.

[2] *Wolff*. Panowie, Senatorowie i Kniaziowie Litewscy. Petersburg, 1885, стр. 70—71.

[3] «Опись документов Виленского центрального архива древних актовых книг», вып. IX, Вильна, 1912, № 13891, док. 20, стб. 347; № 13892, док. 10, стб. 394; № 13889, док. 83, стб. 205.

[4] *St. Kosciałkowski*. Ze studjów nad dziejami ekonomji królewskich na Litwie. Rocznik Tow. Przyj. Nauk w Wilnie, t. V, Wilno, 1914, стр. 129—130; *Д. Л. Похилевич*. Перевод государственных крестьян Великого княжества Литовского с отработочной ренты на денежную в XVII в.— «Исторические записки», № 37, стр. 146.

Крестьяне часто нападали на имения феодалов, поджигали барские дома. Поэтому к концу XVII в. не было уже ни одного имения, которое днем и ночью не охраняла бы вооруженная стража.

Не вынося нищеты и притеснения, крестьяне в одиночку или группами бросали свои селения и убегали. Шляхта на своих сеймах требовала от государства все более решительных мер против побегов крестьян. В 1685 г. было издано постановление о выдаче беглых крестьян[1].

За принятие к себе в дом чужих людей, за предоставление им ночлега крестьянину угрожали жесточайшие наказания. О появлении в деревне чужого человека требовалось немедленно сообщить властям. Принятые на сеймах постановления строго воспрещали помещикам поселять на своих землях беглых крестьян. За это помещику угрожал штраф в 100 коп грошей и возмещение убытков от побега. Помещик имел право силой отнять своих беглых крестьян.

Некоторые феодалы угрожали телесным наказанием каждому, кто знал о предстоящем бегстве крестьянина и не удержал его от побега или не сообщил об этом администрации имения. Соседи бежавшего крестьянина, если они даже ничего не знали о бегстве, принуждались отрабатывать барщину за бежавшего.

По Литовскому статуту, смертная казнь назначалась за нападение на феодала, его дом, двор, хлев или клеть и вообще в случае покушения на его имущество. Широко применялись также телесные наказания, которые назначались самим помещиком или его тиуном: розги, привязывание к столбу, накладывание колодок. Хотя эти наказания часто заканчивались смертью или тяжелым увечьем, однако это не считалось незаконным убийством. В 1650 г. из деревни Глубокай Акмянской волости бежал крестьянин. Его сосед Рудайтис, боясь кары за то, что не помешал бегству соседа, явился к помещику этой деревни Адаму Рибскому и попросил: «Только не уничтожь нас теперь совсем». Помещик счел эту просьбу крестьянина за дерзость и колом убил его на месте[2].

Крепостного наказывали обычно в общественных местах, очень часто по воскресеньям на церковном дворе, чтобы держать в страхе остальных крестьян. Священник в таких случаях объявлял, за что наказан крестьянин, для устрашения всех присутствующих[3].

Несмотря на жестокий террор, крестьяне часто прибегали к коллективным мерам сопротивления. В 30-х годах XVII столетия волнение крестьян в государственных имениях в Барчайской волости на юге Литвы продолжалось несколько лет. Крестьяне подавали жалобы королю, но это, конечно, им не помогло. Тогда крестьяне прекратили выполнение оброчных и барщинных повинностей. В 1636 г. крестьяне убили волостного

---

[1] «Volumina legum», t. V, Petersburg, 1860, стр. 340, 367.

[2] Библиотека Вильн. ун-та. Рукописный отдел, ЖБ 124, лл. 183а, 184, № 3/227.

[3] «Описание рукописного отделения Виленской публичной библиотеки», вып. 2, Вильна, 1897, прилож., стр. 152.

наместника Станкевича. В 1637 г. специальная комиссия, прибывшая для подавления крестьянского волнения, прежде всего казнила тех крестьян, которые принимали участие в убийстве, а от других потребовала в течение восьми дней ссыпать оброчное зерно, не доставленное за прошлые годы, и выполнить другие повинности. От одного крестьянина, заподозренного в подстрекательстве, комиссия отобрала все имущество, а самого его изгнала из волости[1].

Иногда феодалы вынуждены были считаться с требованиями крестьян и уступать им. Ярким примером являются крестьянские волнения в Варейкской и Пукштонской волостях Упитского и Укмергского уездов в 1634—1637 гг. Крестьяне этих волостей упорно сопротивлялись увеличению повинностей: когда были присланы ревизоры, крестьяне не явились к ним для объяснения. Сопротивляясь служащим имения, они сильно избили некоторых из них и угрожали другим. Суд вынес решение: 16 крестьян казнить через повешение, а остальных высечь розгами. Однако этим решением суда дело не закончилось. Крестьяне скрывали осужденных в течение трех лет и продолжали сопротивляться. Такое единодушие крестьян заставило власти пойти на уступки. В 1637 г. было объявлено, что помещик согласился помиловать осужденных крестьян, обещал барщину заменить оброком и часть земли фольварка отдать крестьянам за денежную плату[2].

Большинство крестьянских выступлений носило местный характер и направлялось чаще всего лишь против владельца данного имения или его наместников; по своему размаху эти выступления были очень ограниченными. Во время освободительной войны украинского народа в 1648—1654 гг. обострилась классовая борьба и в Литве. Крестьянские выступления принимали более широкий масштаб, выходя за пределы отдельных волостей. 26 октября 1650 г. крестьяне трех волостей Жемайтии обратились с жалобой на своих управляющих. Вслед за общей жалобой последовало открытое выступление крестьян. О широте этого движения говорит тот факт, что в 1652 г. сам король обращался к крестьянам Берженской волости, побуждая их успокоиться и подчиниться местной администрации. В 1654 г. на суде решались дела крестьян Акмянской волости и были определены их повинности в пользу имения[3].

Восставшие крестьяне иногда составляли отряды «уравнителей», которые нападали на поместья и раздавали помещичье имущество крестьянам. В своих воспоминаниях помещик Цедровский писал, что в окрестностях его имения в 1657 г. действовал «вождь разбойников» Мурашка, создавший в Кеменай военный отряд. Мурашке удалось привлечь не только крестьян, но и слуг имения, все они ушли в лес, некому было даже

[1] «Материалы для хрестоматии истории Литвы», ч. 1.— Библиотека Вильн. ун-та. Рукописный отдел. Решение ревизоров от 24 марта 1634 г.

[2] «Материалы для хрестоматии истории Литвы», ч. 1.— Библиотека Вильн. ун-та. Рукописный отдел. Письмо Тризны от 12 августа 1637 г.

[3] Библиотека Вильн. ун-та. Рукописный отдел. ЖБ 124, лл. 180—190.

обрабатывать землю помещика. Отряд Мурашки действовал довольно долго, однако все же был настигнут войсками и разбит. С отрядом погибли и крестьяне Цедровского [1].

Крестьянские волнения XVII в. вследствие неорганизованности крестьян не переросли в крупные восстания.

* * *

Наиболее крупными городами Литвы были столица Вильно и Ковно. Значительное число городов и местечек Литвы находилось в частном владении, что ставило цехи в зависимость от феодалов. Особенно крупные владения в городах принадлежали епископам. Феодалы разрешали своим подданным быть членами цехов, но от феодальной зависимости их не освобождали и предъявляли цехам свои требования [2].

Членам цехов предоставлялось право надзора за работой ремесленников, не входивших в цехи, конфискации их изделий и сырья [3].

В ремесленных цехах происходила борьба между мастерами и учениками, эксплуатация которых ничем не ограничивалась. Единственным средством протеста учеников против невыносимых условий жизни было бегство. Уставы почти всех цехов запрещали мастерам принимать беглых учеников. Бежавших учеников часто ловили как преступников.

Между мастерами и подмастерьями нередко возникали конфликты, которые подчас превращались в открытое сопротивление со стороны подмастерьев. Такое сопротивление оказали в Вильно в 1667 г. подмастерья цеха портных [4].

Цеховое устройство ремесла в городах поддерживалось властью шляхты, магистратами, магнатами и высшим духовенством, так как они получали от цехов доходы. Шляхте, потребителям изделий ремесленников, было важно, чтобы эти изделия были дешевы. Поэтому на своих сеймах и сеймиках она устанавливала цены на ремесленные товары. Принудительное снижение цен тяжелым бременем ложилось на ремесленников.

Магнаты избегали покупать товары ремесленников Литвы и предметы широкого потребления привозили из-за границы. Ремесленники Литвы должны были довольствоваться небольшим, постоянно суживавшимся рынком.

---

[1] *Baliński.* Pamiętniki historyczne do wyjaśnienia spraw publicznych w Polsce w XVII wieku. Wilno, 1859, стр. 147—148.

[2] *Lowmiański.* Akty cechów wileńskich. Wilno, 1939, № 53, стр. 115; «Акты, издаваемые Виленскою комиссиею для разбора древних актов», т. XX, Вильна, 1893, стр. 294, 296, 502—506.

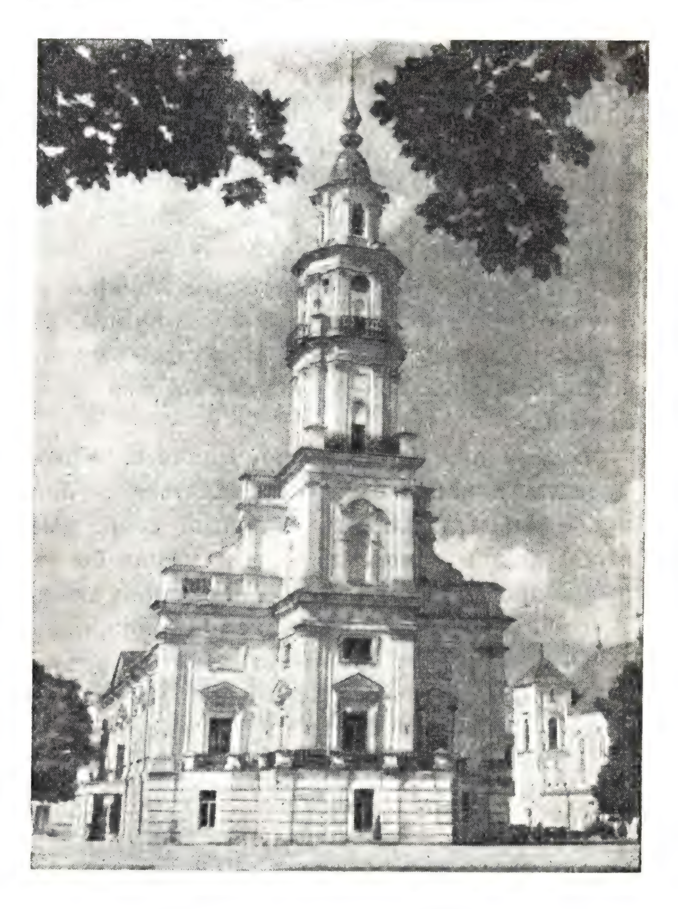
[3] *P. Dubiński.* Zbiór praw y przywilejów. Wilno, 1788, стр. 34; *Rodkiewiczówna.* Cech introligatorski w Wilnie. Wilno, 1929, стр. 9.

[4] «Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею», т. X, Вильна, 1879, стр. 350.

Работа на заказ пришла в упадок, так как заказов было мало. Для того чтобы заказ не попал к другому ремесленнику, члены цехов разделяли город на районы обслуживания, которые были наследственными.

Число членов цехов уменьшалось, мастера всевозможными мерами старались оберегать себя от конкуренции и всеми способами затрудняли принятие новых членов.

* * *

Ратуша г. Каунаса, XVII в.

Для развития торговли большим препятствием была система сбора пошлин. Государственные пошлины сдавались в аренду[1]. Высокие литовские пошлины отрицательно сказывались на торговле с Русским государством и Западной Европой. Русские купцы неоднократно жаловались на высокие пошлины и искали более дешевых торговых путей. Виленские купцы уже в 1621 г. жаловались великому князю, что из-за высоких пошлин торговля с Москвой совсем замерла[2].

В Литве действовали и частные пошлины — сборы за дороги, мосты, броды, переправы. Феодалы были обязаны по закону наблюдать за пролегавшими по их землям дорогами, ремонтировать их, строить мосты. Частные пошлины и сбор превратились в прямой грабеж. Дорог никто не чинил, они были трудно проходимы, но зато сборы с купцов взимались чуть ли не на каждом шагу. Например, виленский епископ требовал пошлины за плоты, плывшие по р. Нерис мимо его имений

---

[1] «Русско-еврейский архив», т. I. Документы и регесты, СПб., 1882, № 66, стр. 89.

[2] *A. Prochaska.* Protest kupców wileńskich z r. 1621.— «Kwartalnik Historyczny», Rocznik VII, 1897, стр. 438.

в Веркяй[1], а настоятель в Рудининкай — за проезд через его приход[2]. Купцы Вильно и других крупных городов имели так называемое право склада, по которому приезжим купцам запрещалось вести торговлю между собой. Приезжие купцы свои товары должны были продавать со склада местным купцам и не могли вести торговлю в розницу. Для того чтобы приезжие купцы могли остановиться и сложить свои товары, в городах устраивались гостиные дворы. Запрещалось также производить в пути торговые операции. Лишь во время ежегодных ярмарок переставали действовать различные торговые ограничения: все купцы, как приезжие, так и местные, могли торговать свободно. Несмотря на эти льготы, ярмарки в городах Литвы пользовались дурной славой у заграничных купцов и мало привлекали их.

В деревнях торговля запрещалась. Крестьяне, желавшие что-нибудь продать, должны были отправляться в ближайшее местечко, имевшее право рынка, и платить рыночный сбор. Феодалы строго следили за тем, чтобы рынок одного из них не мешал бы рынку другого. Иногда право рынка принадлежало трудно доступному местечку где-нибудь в захолустье, а вновь формировавшиеся экономические центры такого права не имели.

Организация торговцев каждого города стремилась стать замкнутой и не принимать в свои ряды новых членов. Сохранение монопольных прав за небольшим количеством купцов позволяло им, особенно тем из них, кто являлся членом магистрата, богатеть, несмотря на незначительность торговли Литвы. Капиталы купцов создались путем ростовщичества.

Во главе крупнейших, имевших право самоуправления, городов стояли самые богатые семьи патрициев. Они занимали выборные должности в городском управлении и не только управляли доходами города, но и сами пользовались ими. Они притесняли и эксплуатировали бедных горожан и крестьян, живших на принадлежавших городу землях[3].

Такое хозяйничанье патрициев вызывало к жизни оппозицию со стороны бедных горожан. Бедняки требовали облегчения налогового бремени, контроля над доходами города и права участия в управлении. Горожане часто отказывались подчиняться магистрату[4].

Вследствие развала городского хозяйства горожане были принуждены искать средства к жизни в занятии сельским хозяйством. Они брали участки земли у феодалов и за пользование ими платили чинш и несли другие повинности. Переход горожан к сельскому хозяйству означал не развитие производительных сил и общественного разделения труда, а регресс[5].

---

[1] «Собрание древних грамот и актов городов», ч. 1, Вильна, 1843, № 38, стр. 70—71.

[2] «Volumina legum», t. IV, Petersburg, 1859, стр. 57.

[3] «Собрание древних грамот и актов городов», ч. 1, № 85, стр. 160.

[4] Библиотека Академии наук Литовской ССР, Рукописный отдел, VPR 1, лл. 10—62.

[5] *Dubiński*. Указ. соч., стр. 58, 59, 202, 203; «Собрание древних грамот и актов городов», ч. I, № 45, стр. 90.

* * *

Люблинская уния запрещала созывать в Литве отдельные от Польши сеймы феодалов, хотя иногда и делались попытки созыва таких сеймов. Так было в 1665 и 1671 гг.[1]. Во второй половине XVII в. Литва уже не имела и отдельного высшего правительственного органа, рада панов перестала действовать во второй половине XVI в., а сейм — на сто лет позже. Некоторые из бывших членов рады панов, епископы и высшие должностные лица великого князя попали в сенат Речи Посполитой, а представители шляхты — в общий сейм Речи Посполитой.

В Литве правительственная власть представлялась отдельными должностными лицами, назначенными королем (канцлеры, казначеи, гетманы и др.). В своей деятельности в Литве они не были связаны друг с другом, часто враждовали между собой, а иногда и воевали. Чтобы уменьшить эту вражду, обычно на все эти должности назначались члены какой-нибудь одной из знатных семей.

Магнаты имели собственное наемное войско, часто многочисленное. Так, например, войско магнатов Радзивиллов к концу XVII в. было в три-четыре раза больше наемного войска всего Литовского государства[2].

Общие литовско-польские сеймы также теряли свое значение. Усилилось влияние воеводств и поветовых сеймиков. Решения и законы Речи Посполитой стали зависеть от поветовых сеймиков шляхты, которые давали инструкцию своим представителям, посылаемым в сейм. Представитель сеймика, защищая интересы своего повета, мог, пользуясь правом «вето», сорвать любое решение сейма. Создавалась децентрализация власти. Все государство распалось на множество полусамостоятельных воеводств и поветов, в каждом из которых феодалы стремились отстоять свои узко групповые интересы. Сеймики также часто расходились, не придя ни к какому решению. Нередко случались драки на заседаниях сеймиков. Драки возникали даже из-за таких пустяков, как право первому говорить или сесть[3].

Хотя в поветах были должностные лица, назначенные королем, их исполнительная власть была слаба. Это давало возможность не только магнатам, но и шляхте, своевольничать, производить грабежи и вооруженные нападения.

В XVII в. Литве пришлось перенести ряд опустошительных войн. В начале XVII в. литовские феодалы принимали активное участие в интервенции в Русское государство, поддерживая самозванцев[4]. Вместе

---

[1] «Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею», т. IV, Вильна, 1870, стр. 125.

[2] *Matuszewicz.* Pamiętniki, wyd. A. Pawiński, t. III. Warszawa, 1876, стр. 84—87; *E. Kotłubaj* Galerja Nieświeżska portretów Radziwiłłowskich. Wilno, 1857, стр. 423—432.

[3] *Chrapowicki.* Dyaryusz, wyd., J. Rusiecki. Warszawa, 1845, стр. 150; *Poczobut Odlanicki*, Pamiętnik 1640—1684, Warszawa, 1877, стр. 116.

[4] «Żywot Lwa Sapiehy», wyd. Turowskiego, Sanok, 1855—1856, стр. 50, 56.

с другими интервентами они потерпели решительное поражение от русского народного ополчения. Войска литовского гетмана К. Ходкевича были наголову разбиты Д. М. Пожарским под Москвой в октябре 1612 г.

После изгнания интервентов в 1612 г. из Москвы польско-литовские феодалы не отказались от своих захватнических намерений по отношению к Русскому государству. Войну 1632—1634 гг. вели совместно польские и литовские феодалы. Походы литовских феодалов против Русского государства в войне 1632—1634 гг. разрушали хозяйство Литвы, обрекали массы литовской бедноты на еще большие бедствия, нужду и голод.

Во время освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. литовские магнаты оказали активную помощь польским феодалам, так как у них были имения на Украине и в Белоруссии, нанимали войска на собственные средства, посылали шляхетское ополчение[1].

Начавшаяся в 1654 г. война между Русским государством и Украиной, с одной стороны, и Речью Посполитой — с другой, охватила всю Литву. Литовские феодалы, стремясь удержать Белоруссию в своей власти, выступили против Русского государства. Шляхетское ополчение и наемное войско Литвы показали свое полное бессилие и терпели одно поражение за другим. 31 июля 1655 г. в столицу Литвы Вильно торжественно вступило русское войско во главе с царем Алексеем Михайловичем. Вскоре русское войско заняло и Ковно. В войну вмешалась Швеция. В критический для Литвы момент литовские феодалы разделились на группы. Мелкая шляхта под руководством Винцента Орды, ненавидевшая магнатов, которые ее всячески унижали, вступила в союз с Русским государством и признала великим князем литовским царя Алексея Михайловича[2].

Другая группа литовских феодалов, во главе которой были крупные магнаты Януш и Богуслав Радзивиллы, Гонсевский, виленский епископ Тышкевич, пошла по пути открытого предательства. В 1655 г. в Кейданах (Кедайняй) между группой литовских магнатов и шведскими генералами был подписан договор о расторжении унии Литвы с Польшей и соединении ее такими же связями со Швецией[3]. Великим князем Литвы объявлялся шведский король Карл X Густав. После заключения договора шведское войско без всякого сопротивления оккупировало оставшуюся часть литовской территории.

Третья группа литовских феодалов под руководством Павла Сапеги стояла за короля Яна Казимира и за сохранение унии с Польшей. Эти группы феодалов враждовали между собой. Прогрессивную позицию

---

[1] *K. Kognowicki.* Życie Sapiehów i listy od monarchów, książąt i rożnych panujących do tychże pisane, t. III, Warszawa, 1792, стр. 162; «Археографический сборник документов», т. VIII, Вильна, 1870, № 80, стр. 361.

[2] «Акты, издаваемые Виленскою комиссиею для разбора древних актов», т. XXXIV, Вильна, 1909, № 68, стр. 79; *Wolff.* Senatorowie i dygnitarze W. Ks. Litewskiego 1386—1795. Kraków, 1885, стр. 145.

[3] *Šinkūnas.* Kedainių miesto istorija. Kaunas, 1929, стр. 91—96 (текст договора).

занимала группа мелкой шляхты, которая искала миролюбивого сожительства с Русским государством, что помогло бы восстановить пришедшее в упадок хозяйство Литвы и избежать дальнейших опустошений. Но последующий ход войны вернул Литву к унии с Польшей.

* * *

Тяжелое экономическое положение и крепостнический гнет задерживали развитие литовской культуры, что отражалось прежде всего на быте народных масс. Наиболее распространен был в Литве в XVII в. деревянный крестьянский дом-изба, состоявший из жилой части и сеней. Третья часть строения («комора») представляла собой пристройку к сеням, иногда «комора» занимала часть сеней.

Крестьяне носили домотканную одежду из льна и конопли. Праздничная одежда украшалась вышивками. Верхней одеждой крестьянина служили сермяги из домотканного сукна и овчинные тулупы, обувью были лыковые лапти.

Дома зажиточных горожан строились в два этажа: нижний каменный, верхний деревянный. В первом этаже находились товарные склады или мастерские ремесленников, а во втором — жилое помещение. Только дома самых богатых купцов и феодалов были целиком каменными. Такие дома в Вильно были обеспечены водопроводом, который начали строить в конце XV в.

При церковных приходах создавались школы для детей горожан и крестьян ближайших деревень, где их обучали только чтению[1]. Лишь в некоторых из таких школ обучение велось на литовском языке, в остальных обучались на польском.

Кроме этих начальных школ, в Литве было несколько средних школ. Их руководителями и организаторами обычно бывали представители католических монашеских орденов[2]. Иезуиты имели такие школы в Вильно, доминиканцы — в Вержболово и т. д. Литовские протестанты-кальвинисты также имели свою школу в Кейданах. В этих школах было по несколько классов, в них изучали латынь и польский язык, учили письму, красноречию и философии[3].

Уровень обучения в школах был очень низкий. Самое большое внимание обращалось на религиозное воспитание и соблюдение религиозных обрядов.

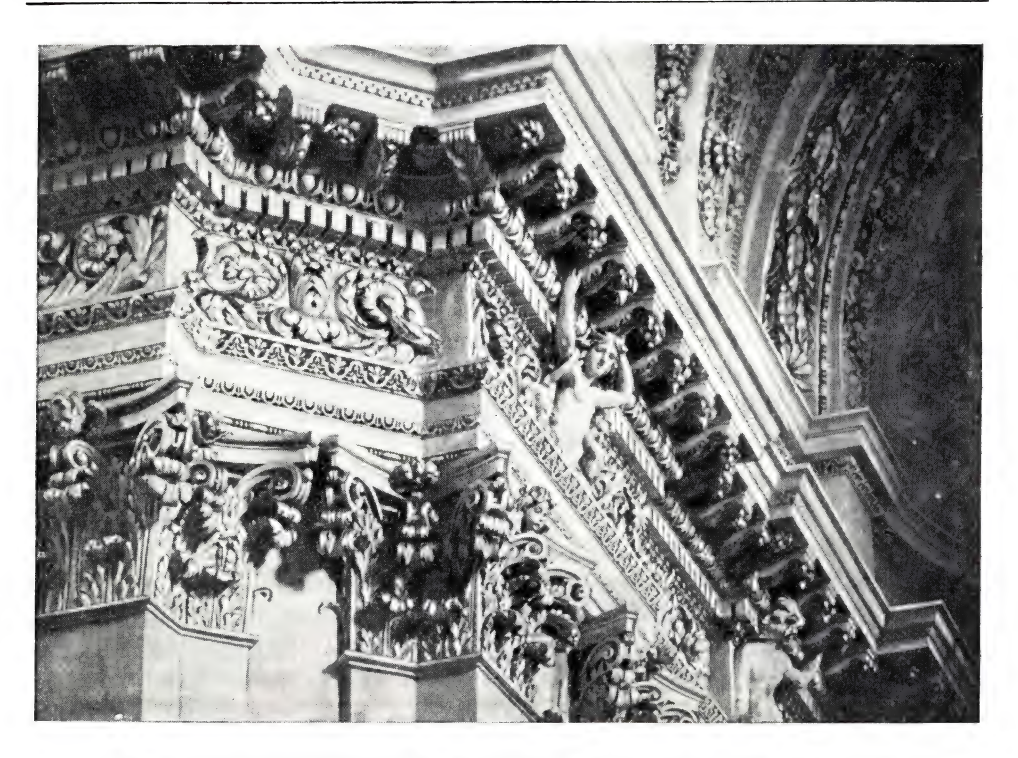
Иезуиты основали высшую школу — Виленскую академию (1579) с определенной целью: вести борьбу против реформации и православия. В ней преподавались только богословие и философия, гражданское

---

[1] *Lukaszewicz.* Historya szkół w Koronie i Wielkiem Księstwie Litewskiem od najdawniejszych czasów aż do roku 1794, t. I. Poznań, 1849, стр. 139.

[2] *Brückner.* Dzieje kultury Polskiej, t. I, Kraków, 1831, стр. 369.

[3] *Wolonczewskis.* Zemajtju Wiskupiste, t. II. Vilnius, 1948, стр. 30—125; *Lukaszewicz.* Historya szkół, t. IV, Poznań, 1851, стр. 116.

Деталь скульптурной отделки костела Петра и Павла в Вильно, XVII в.

и каноническое право[1]. Точные и прикладные науки долгое время считались ненужными и на кафедры академии не допускались.

Несмотря на то, что академия находилась в руках реакционеров иезуитов и любое проявление передовой мысли каралось самыми жестокими мерами инквизиции, все-таки и в ее стены проникали прогрессивные идеи того времени, что иллюстрируется делом студента Лищинского. Он высмеивал догматы католической церкви и критически высказывался по некоторым вопросам религиозной идеологии. Обвиненный в атеизме, он был вынужден уйти из академии.

В 1688 г. иезуиты обвинили Лищинского в безбожии, и он был как еретик, вместе со своими рукописями, сожжен на костре.

С середины XVII в. начался упадок литовской письменности. Переиздавались ранее напечатанные книги, но уже с большими искажениями в языке. Книги светского содержания на литовском языке совершенно не издавались. Печатались лишь переводные небольшие книги религиозного содержания.

Как важный факт в истории литовской культуры, следует отметить полонизацию литовской знати, полное забвение ею родного языка.

В XVII в. магнаты, обрекая народ на величайшую нужду, строили богатые церкви и монастыри.

---

[1] *Michał Baliński.* Dawna Akademia Wileńska. Petersburg, 1862, стр. 174—175.

Среди таких построек XVII в. самым замечательным является костел Петра и Павла в Вильно. Это произведение свидетельствует о художественных способностях трудового народа — планировщиков, строителей и декораторов и об их изумительном мастерстве. Костел Петра и Павла соединяет в себе архитектурное и скульптурное искусство. Внутри костела скульпторами декорированы стены, своды и купол. Только человеческих фигур из белого камня здесь создано было более двух тысяч.

Монастырь в Пажайслис около Ковно, построенный в 1668—1712 гг., является одним из самых красивых ансамблей Прибалтики в стиле барокко. Весь ансамбль скомпонован строго симметрично по продольной оси. В костеле монастыря имеются замечательные монументальные фрески художника Делбене, композиция которых соответствует эпохе Ренессанса.

Кроме монументальной живописи, художники создали в то время немалое количество портретов магнатов, из которых, однако, сохранились лишь немногие.

2

ЭСТОНИЯ И ЛАТВИЯ

С начала XVII в. территория Эстонии и Латвии, как и в XVI в., становится объектом шведско-польской борьбы, продолжавшейся с перерывами вплоть до заключения Альтмаркского перемирия в 1629 г. В 1621 г. шведы взяли Ригу, а в 1625 г.— Тарту (Дерпт). После этого до начала XVIII в. Западная Двина служила южной границей шведских владений в Ливонии, и только юго-восточная часть Лифляндии (Латгалия), получившая название польской Лифляндии (Инфлянты), оставалась за Речью Посполитой до ее первого раздела в 1772 г.

Курляндское герцогство в продолжение всего XVII в. находилось в вассальной зависимости от Польши. Политическая раздробленность страны помешала образованию общелитературного языка и способствовала оформлению особого латгальского диалекта.

Эстония не была разделена между разными государствами. После Альтмаркского перемирия вся континентальная часть Эстонии перешла под власть Швеции. Правда, Дания владела Сааремаа и другими островами Балтийского моря у берегов Эстонии до войны 1643—1645 гг., но по мирному договору в 1645 г. она была вынуждена отказаться в пользу Швеции от всех своих ливонских владений.

В результате продолжительных войн и частых эпидемий сильно сократилось население. Многие крестьянские дворы совсем остались без людей, а в остальных количество работоспособных уменьшилось больше чем наполовину. Повсеместно наблюдался недостаток лошадей и крупного рогатого скота. Значительно уменьшилась посевная площадь как в имениях, так и на крестьянских землях. Лишь в 40-х годах XVII в. Латвия и Эстония оправились от последствий страшных военных опустошений.

* * *

Основным занятием населения Эстонии было земледелие. Высевались зерновые культуры, главным образом рожь, из технических — лен. На побережье Балтийского моря и Финского залива было развито рыболовство. Обрабатывающая промышленность была слабой. В эстонской деревне она почти не выходила за рамки домашней промышленности. Крестьяне занимались производством предметов бытового обихода и достигли известных успехов в деревообработке, ткачестве и окраске материй. Некоторые из изделий крестьянской промышленности поступали и на рынок. Особенно это следует сказать о прядильном и ткацком производстве в окрестностях Нарвы. Здесь изготовлялась парусина для нужд морского флота. В XVII в. делались попытки поставить и более крупное производство парусины в Таллине и Нарве, но они не увенчались успехом.

Городское ремесло было организовано в цехи, объединявшие главным образом немецких ремесленников. Замкнутые организации, цехи очень неохотно шли на расширение своего состава, поэтому эстонцам-ремесленникам доступ в эти цехи был почти совершенно закрыт. Внутри цехов шла острая борьба между бедными ремесленниками и богатыми мастерами, препятствовавшими самостоятельной работе ремесленников. Сурово преследовались ремесленники, не входившие в цехи, так называемые «зайцы».

Слабо был развит и торговый обмен между городом и деревней, особенно в первой половине XVII в., когда страна подверглась значительному разорению во время польско-шведской войны. Со второй половины XVII в. наблюдается некоторое оживление внутренней торговли, усиление торговых связей между городом и деревней. Несколько оживилась и внешняя торговля. Через эстонские порты Таллин, Нарву, Пярну и др. вывозился главным образом хлеб, а через Пярну и Нарву, кроме того, и лес.

Недостаточное развитие ремесла и торговли неблагоприятно отражалось и на росте городов. Большинство мелких городов находилось в частном феодальном владении, что препятствовало их росту как ремесленно-торговых центров. Тарту захирел вследствие прекращения нормальных торговых связей с Русским государством. Некоторый рост наблюдался лишь в Таллине и особенно в Нарве[1].

* * *

В Латвии, как и в Эстонии, основная масса населения занималась земледелием. Главной зерновой культурой была рожь. Из других хлебов высевались овес, ячмень, пшеница. В южной Латвии — Курляндии и Земгалии (Курземе и Земгале) в XVII в. получили большое распростра-

[1] «История Эстонской ССР (с древнейших времен до наших дней)», под ред. Г. И. Наана, Таллин, 1952, стр. 99—100, 102, 107, 109.

нение посевы пшеницы. В наиболее плодородных районах, например в окрестностях Бауски, к середине века пшеницы уже сеяли больше, чем ржи. Обычный же урожай в Прибалтике XVII в. для всех культур был не выше сам-три. Из технических культур сеялись лен и конопля.

Было развито и животноводство, особенно разведение молочного скота. В Курляндии делались попытки улучшить местную породу скота. В имения курляндского герцога ввозились голландские коровы, испанские овцы, повсюду производился откорм свиней.

Промышленными изделиями латышская деревня обеспечивалась главным образом за счет местного производства крестьян, крестьянской домашней промышленности. Крестьяне в собственном хозяйстве производили необходимые им предметы бытового обихода.

Было распространено и вотчинное ремесло. Помещики имели в своих поместьях большое число ремесленников разных специальностей.

Кубок латышского цеха перевозчиков, XVII в.
Государственный Исторический музей в Риге

Однако для XVII в. можно отметить углубление процесса общественного разделения труда, отделения промышленности обрабатывающей от добывающей. Деревенские ремесленники, специализировавшиеся на обработке льна и пеньки, кожи и дерева, постепенно забрасывали сельское хозяйство и переселялись в города. Этому содействовало и то обстоятельство, что таким путем крепостной крестьянин мог получить свободу. По привилегии, данной г. Риге польским королем Стефаном Баторием в 80-х годах XVI в. и подтвержденной шведским королем Густавом Адольфом в XVII в., крепостной крестьянин, проживший два года в городе, становился свободным.

Обрабатывающая промышленность была сосредоточена преимущественно в городах и особенно в крупнейшем из городов Латвии — Риге. Рижские ремесленники, как и ремесленники других городов, были объединены в цехи. В XVI в. большинство рижских ремесленников было по национальности немцами и почти не допускало в свою среду латышей.

В XVII в. наплыв деревенских ремесленников в города обострил борьбу среди ремесленного населения Риги. Усилилась замкнутость рижских немецких цехов, которые в борьбе с конкуренцией деревенских ремесленников окончательно закрыли доступ в цехи латышам и другим не-немцам. Но изгнать латышей-ремесленников из Риги они не могли. В Риге было организовано свыше 20 новых цехов, и общее число цеховых объединений возросло до 40. При этом ремесленники делились на цехи не только по производственному признаку, но и по национальному. Были немецкие цехи и не-немецкие, преимущественно латышские. К концу XVII в. в Риге существовало около 20 латышских цехов — портных, сапожников, ткачей, кузнецов, плотников, пильщиков, портовых рабочих и т. д.

То же наблюдалось и в других городах Латвии, только в меньшем масштабе.

К XVII в. относится и организация первых мануфактур в Латвии. Мануфактуры были основаны главным образом в Риге и Курляндии. В Риге были крупная лесопильня, судостроительная верфь, мыловарня, маслобойня и канатная мануфактура. Вопрос о социальной природе этих мануфактур остается открытым.

В Курляндии мануфактуры создавались прежде всего в имениях герцога. Обслуживались они принудительным трудом крепостных крестьян. В 1638 г. герцог Яков пригласил голландских корабельных мастеров и основал судостроительную верфь в Виндаве (Вентспилсе). В своих имениях герцог основал до 17 небольших железоделательных мануфактур. Сырьевой базой служила местная болотная руда. Производились якоря, гвозди и железные части для кораблей, а также оружие. Несколько предприятий было создано и в области деревообрабатывающей промышленности — лесопильные заводы, бондарные и токарные мастерские, смолокуренные заводы. Кроме того, в Курляндии было основано несколько стекольных мануфактур, а также предприятий по производству селитры и пороха, наконец, была сделана попытка поставить производство обоев, парчи и гобеленов. Но в целом это были мелкие предприятия, обслуживаемые, как уже упоминалось, крепостным трудом.

Изделия этих мануфактур шли как на внутренний, так и на внешний рынок. Центрами торговли были города или местечки, поселения городского типа, официально не считавшиеся городами. Кроме того, торговля производилась на ярмарках, городских и деревенских. В столице Курляндского герцогства Митаве (Елгаве) ежегодно было четыре ярмарки. Участниками торговли в небольших городах и ярмарках были преимущественно крестьяне — земледельцы и рыбаки, продававшие свои продукты и покупавшие промышленные изделия. Для середины XVII в. несомненен рост внутреннего рынка.

Крупнейшим из торговых городов Латвии в XVII в. была Рига. В ней насчитывалось в XVII в. 10—12 тыс. жителей. Торгово-ремесленное население Риги было объединено в две гильдии бюргеров — Большую,

Рижский порт. Картина маслом, XVII в.
Государственный Исторический музей в Риге

объединявшую торговцев, и Малую — объединение ремесленников, со смешанным этническим составом, но с преобладающим влиянием немцев как в той, так и другой гильдиях. Торговля Риги, как внутренняя — с отдельными частями Латвии, так и внешняя, была распределена между отдельными группами рижских торговцев — бюргеров. Рижские купцы скупали у помещиков и крестьян лен, пеньку, льняное и конопляное семя, хлеб, кожи, сало, поташ, корабельный лес. Продавали же импортные товары, главным образом соль и сельди. Это право торговать с определенными районами поддерживалось широко оказываемым кредитом — деньгами и товарами и позволяло рижским купцам держать в зависимости

Торговый амбар XVII в. в г. Риге (ул. Вецинясетас, д. 10)

от себя окрестное население[1].

В начале 40-х годов XVII в. в Риге было организовано особое «Московское подворье» («Moskowitisches Haus») для псковских и других купцов, подданных Русского государства. Во время русско-шведской войны подворье было закрыто. Оно было восстановлено в 1659 г. после перемирия в Валиесаре. Русские купцы были поставлены под надзор арендатора подворья. Они постоянно жаловались на грубость обращения с ними, на чрезвычайно высокую плату за содержание в подворье и за торговые услуги арендатора.

Русские купцы привозили лен, пеньку, поташ и юхть, а покупали в Риге сукно, сельди, вино и другие товары. Торговые обороты Московского подворья в Риге были относительно небольшими (28—48 тыс. талеров в год)[2].

Во второй половине XVII в. шведское правительство в полном соответствии с основными принципами меркантилизма стало регламентировать рижскую торговлю: в 1661, 1666, 1674, 1681 и 1684 гг. был запрещен экспорт хлеба, другие статьи экспорта часто отдавались привилегированным торговым компаниям или отдельным лицам. Правительство пыталось установить твердые цены на отдельные товары, например на соль в 1660 г. Импорт отдельных товаров, например железа, в угоду привилегированным компаниям шведских мануфактуристов подвергался всяким ограничениям или даже запрещению.

---

[1] Общая характеристика хозяйства Латвии в XVII в. заимствована из книги: «История Латвийской ССР», т. I, Рига, 1952, стр. 232—239, 244—247.

[2] *Г. Енш.* Московское торговое подворье в Риге в XVII в.— «Вопросы истории», 1947, № 11, стр. 74—79. Талер расценивался на русские деньги в полтину.

Однако подчинение Риги общегосударственной регламентации торговли не привело к экономическому объединению Лифляндии со Швецией, для которой прибалтийские владения оставались только заморскими колониями и источниками дохода.

Другие города Видземе (Северо-Западной Латвии) не имели крупного торгового значения. Наиболее важным из них был Кокнес (Кукенос, Кокенгузен), где была удобная переправа через Даугаву (Западную Двину), и скрещивались пути, ведущие из Латгалии, Белоруссии и Литвы в Ригу. Особенное значение этот город приобрел во время русско-польской войны, когда он был занят русскими и через него осуществлялись торговые связи Прибалтики с Русским государством. После оставления Кокнеса русскими в 1661 г. начался хозяйственный упадок города вследствие сокращения торговли с Русским государством.

Остальные города Видземе (Цесис и Валмиера) были отданы шведским правительством в частное владение. Ремесло и торговля в них были развиты слабо. Многие из горожан занимались земледелием.

В Латгалии (Восточной Латвии) более или менее крупным городом был только Двинск (Даугавпилс). Это торговый и таможенный пункт, через который проходили суда из городов, расположенных в верхнем течении Западной Двины (Витебск, Полоцк). Другие города Латгалии — Резекне и Лудза — были мелкими торговыми пунктами около замков и в XVII в. официально еще не считались городами.

Более крупными как по числу жителей, так и по торгово-промышленному значению были города Курземе (Курляндии). Столица герцогства Митава имела до 5 тыс. населения. Крупными городами были и морские порты Виндава и Либава (Лиепая). Немало в Курляндии было и небольших местечек — центров ремесла и торговли. Одни из них принадлежали герцогу, другие находились в частном владении отдельных феодалов.

По этническому составу значительную часть населения городов Латвии составляли немцы. Чтобы города могли быстрее расти и развиваться, курляндские герцоги не препятствовали притоку латышей в города. Латышское население городов комплектовалось главным образом за счет беглых крестьян. Много было в городах и евреев, переселившихся из Литвы. В некоторых городах Курляндии и Земгалии евреи составляли до трети населения[1].

* * *

Феодальная собственность на землю определяла общественные отношения в Эстонии и Латвии. Основная масса населения Эстонии и Латвии — крестьяне — находилась в XVII в. в крепостной зависимости от помещиков-немцев. Главными повинностями крестьян были барщина и натуральный оброк, взимаемый хлебом. В начале XVII в. обычно каждый

---

[1] «История Латвийской ССР», т. I, стр. 240—243, 247—251.

крупный двор должен был ежедневно в течение всего года посылать на барщину одного человека с лошадью или парой волов. К концу века количество барщинных дней было удвоено. В летнее время крестьяне, кроме того, были обязаны посылать на барщину еще и пеших работников. Натуральный оброк достигал иногда половины урожая с крестьянских полей [1].

После завоевания Видземе и Эстонии Швецией и превращения их в шведские провинции — Лифляндию и Эстляндию — здесь, кроме немецких, появились и шведские помещики.

Шведское правительство выработало особую систему мероприятий, которые обеспечивали широкие возможности военно-феодальной эксплуатации заморских колониальных владений в Восточной Прибалтике. Около двух третей земель было роздано шведскому дворянству, особенно аристократии. Хотя в самой Швеции отсутствовало крепостное право, но шведские аристократы, став лифляндскими помещиками, быстро усвоили крепостнические способы эксплуатации и в деле угнетения крестьян не отставали от немецких баронов. Кроме того, шведский король Густав II Адольф значительно увеличил в Эстляндии и Лифляндии прежние налоги, введенные польским правительством, и ввел новые государственные налоги и пошлины: лиценцию — таможенный налог со всех ввозимых и вывозимых товаров, в размере 3—5%, литовскую пошлину на товары, привозимые в Ригу из Белоруссии и других польских владений, морскую пошлину. Высокие торговые пошлины являлись серьезной помехой для развития транзитной торговли прибалтийских городов. Особенно неблагоприятно таможенная политика шведского правительства повлияла на торговлю с Россией.

Основная тяжесть государственных налогов ложилась на крестьян. Во время покорения Лифляндии с крестьян взималась контрибуция, которая впоследствии превратилась в постоянный налог и известна под названием стационной подати. В счет уплаты стационной подати крестьяне поставляли государству большое количество ржи, ячменя, овса, а также лен и сено. Часть этого налога взималась деньгами. Впоследствии ввели еще новые налоги на содержание конницы, на постройку крепостей и др. Очень разорительной для крестьян была гужевая повинность, устройство и содержание в порядке почтовых дорог и станций.

С целью исчисления и усиления налогового обложения крестьян производились так называемые ревизии гаков, или единиц поземельного обложения. В зависимости от размеров высева, от количества работоспособных людей и тягловой силы определяли доход с крестьянского двора в размере одного, $^1/_2$, $^1/_4$ или $^1/_8$ гака. Гак стал единицей исчисления государственных налогов, уплачиваемых крестьянами, но еще задолго до этого гак был единицей исчисления крестьянских повинностей в пользу помещика. Нормальный доход с полного гака исчислялся в 60 талеров

[1] «История Эстонской ССР», стр. 101.

в год. Шведское правительство с каждой новой ревизией увеличивало количество гаков с целью повышения государственных доходов, вместе с этим увеличивались также и крестьянские повинности — барщина и оброк в пользу помещика.

В созданной системе военно-феодальной эксплуатации вновь завоеванных провинций шведское правительство опиралось на местное немецкое дворянство. В XVII в. сложились и окончательно оформились привилегии прибалтийского дворянства, из которых многие сохранились вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г.

Классовую политику, проводимую шведским правительством в прибалтийских провинциях, ярко характеризует судебная реформа 1630—1632 гг. Законом о земских судах было вновь подтверждено существовавшее крепостное право. Земским судьям строго предписывалось оказывать помещикам необходимое содействие в деле поимки и возвращения беглых крепостных. Этим же законом была признана вотчинная власть помещиков над крепостными. За каждым помещиком признавалась полицейская власть и право домашнего наказания до 10 пар розог. Судебная реформа лишила помещиков приобретенного в польский период права уголовной юрисдикции над крестьянами, но они сохранили свое влияние в новых судебных учреждениях. Хотя крестьяне и добились права подачи жалоб на помещиков в земские суды (ландгерихты) и верховный суд (гофгерихт), однако судебные акты XVII в. показывают, что после продолжительной судебной волокиты крестьянские жалобы на помещиков, как правило, признавались необоснованными.

Классовое господство дворянства еще более усилилось в результате законодательного оформления сословной организации эстляндского и лифляндского рыцарства.

В первой половине XVII в. ландтаги как в Лифляндии, так и в Эстляндии превратились в собрания дворян, которые периодически созывались генерал-губернатором. Города окончательно лишились права посылать своих представителей, и только впоследствии, когда Рига выступила в качестве собственника привилегированных дворянских имений, а рижский магистрат особым указом шведского короля получил право дворянства, на ландтагах появились депутаты г. Риги. Однако они никогда не составляли отдельного сословия горожан, а наравне со всеми остальными помещиками выступали только представителями привилегированной феодальной земельной собственности. На ландтагах даже арендаторы государственных имений были лишены права голоса, если они не принадлежали к местному дворянскому сословию. В то же время все постановления ландтагов, по утверждении их генерал-губернатором, приобретали обязательную силу для всего населения.

Сословная организация лифляндского дворянства получила прочную материальную базу, когда в 1637 г. была организована особая «касса рыцарства», куда поступали средства, собираемые дворянством в порядке самообложения.

Дворянство добилось дальнейшего расширения и углубления крепостного права. Патентом 1639 г. запрещалось всем крестьянам в Лифляндской губернии, в том числе и безземельным батракам и бобылям, уходить из пределов имения. В юридическом оформлении крепостного права важное значение имели Полицейские правила 1645 г. для Эстляндии и 1671 г. для Лифляндии. Эти правила по существу являются кодексом крепостного права. В них подробно указано, кто считается крепостным человеком, как свободные люди становятся крепостными, но ничего не говорится о том, как выйти из крепостного состояния. Крепостным становился: 1) человек, родившийся от крепостного; 2) поселившийся на помещичьей земле, откуда бы он ни пришел; 3) воспитанный в крестьянской семье подкидыш и т. д. Если кто-нибудь из них покинул имение, то по закону подлежал выдаче со всем имуществом и семьей помещику. Для обеспечения своего долга и для уплаты ежегодных процентов по приговору суда помещик имел право предоставить в распоряжение кредитора своих крестьян-хозяев. Эти крестьяне должны были погашать ежегодные проценты по долговой сумме помещика, отбывая барщину и платя оброк, которые исчислялись по установленной законом таксе. Таким образом, шведские Полицейские правила почти приравнивали крепостных крестьян к рабам, личностью и имуществом которых распоряжался помещик.

Усиление военно-феодальной эксплуатации колоний и рост крепостного права обострили классовую борьбу в деревне. Усилились побеги крестьян, в пограничных областях принимавшие массовый характер. Особенно участились побеги крестьян в Россию. Крестьяне пользовались всяким удобным случаем для открытых выступлений против помещиков и шведских властей. Во время Тридцатилетней войны латышские крестьяне начали разорять и жечь имения своих угнетателей. Крестьянские волнения распространялись в районах, расположенных вдоль Западной Двины, а также возле русской границы. Волнения были подавлены при помощи шведских войск. Новое обострение классовой борьбы в деревне произошло во время русско-шведской войны 1656—1658 гг., когда русские войска заняли значительную часть территории Латвии. Спасаясь от крепостных крестьян, помещики в панике бежали в Ригу и другие укрепленные города. После ухода русских войск вместе с ними ушли и многие крестьяне. В 60-х годах XVII в. лифляндские помещики не переставали жаловаться на массовые побеги крестьян, которые уходили в Россию, а возвращались оттуда вооруженными отрядами в 15—30 человек. Эти отряды нападали на имения, терроризируя помещиков и шведские власти. В 1671 г. произошло вооруженное восстание эстонских крестьян в окрестностях Хаапсалу. Осенью 1677 г. эстляндский генерал-губернатор был вынужден послать отряд драгун на подавление восставших крестьян в Кярдла, но через год крестьяне восстали снова.

* * *

Резкий перелом в шведской политике наступил с переходом к абсолютизму Карла XI. Победа абсолютизма не могла быть полной, пока не было сломлено сопротивление шведской знати. В XVII в. шведская военно-служилая аристократия завладела огромными земельными богатствами в Лифляндии. От этого значительно сократились государственные доходы. Произошло образование оппозиционного блока, состоявшего из прибалтийских сепаратистов и шведской аристократии, одинаково враждебных сильной королевской власти.

Представители государственных крестьян в риксдаге открыто выражали свое беспокойство по поводу того, что в самой Швеции начинают распространяться «лифляндские обычаи», т. е. крепостное право и барщина. Количество помещичьих крестьян в коренных областях Швеции в 1652 г. достигало 54—69%.

Шведский абсолютизм не ставил и не мог ставить своей целью ликвидацию класса дворян. Карл XI лишь воспользовался недовольством шведских крестьян и других сословий (горожан, низшего духовенства), чтобы сломить сопротивление оппозиционно настроенных кругов дворянства, из узко групповых интересов сопротивлявшихся мероприятиям по усилению финансового и военного могущества государства. Со своей стороны лифляндское и эстляндское дворянство не участвовало в шведском риксдаге и на этом основании отказывалось подчиняться постановлениям о редукции, т. е. возвращении частновладельческих земель государству.

27 апреля 1681 г. Карл XI обратился к лифляндскому дворянству с предложением: 1) в целях усиления военных сил государства согласиться на редукцию имений, ранее принадлежавших Ордену и епископам, но потом перешедших в руки частных лиц; 2) назначить ревизию имений для оценки земель и доходов и 3) упразднить крепостное право.

Отказ лифляндского ландтага принять эти предложения не изменил общего направления политики правительства. В том же году начала свою деятельность комиссия по редукции имений. К 1687 г. около $^5/_6$ всех имений в Лифляндии были возвращены государству. В Эстляндии за дворянами осталось около 60%, т. е. редукции подверглись лишь 40% всех имений.

Начиная с 1683 г. в Лифляндии работала другая комиссия, по измерению и оценке земель в государственных имениях. Результаты земельного кадастра заносились в так называемые вакенбухи, в которых записывались также крестьянские повинности (барщина, оброк). Между доходами и повинностями каждого крестьянского хозяйства устанавливалось определенное соотношение. Таким образом, держатели наделов получали гарантию против произвольного повышения барщины или оброка. Крестьянские повинности, оцениваемые по казенной таксе в 60 талеров, составляли ревизионный гак (гакеп), который стал единицей обложения государственными налогами и исчисления общественных повинностей. Во всей

Лифляндии насчитывалось 7236 ревизионных гаков, из них 6215 в государственных и 1021 в частновладельческих имениях. При исправном платеже повинностей крестьянин становился наследственным держателем своего надела.

Следует отметить, что шведские аграрные реформы гарантировали имущественные и личные права только для крестьян-хозяев (держателей наделов). Их батраки и бобыли остались вне поля зрения шведских законодателей.

Буржуазные фальсификаторы истории латышского и эстонского народов прославляли аграрные реформы шведского короля Карла XI, умалчивая о том, что они проводились с целью повышения государственных доходов путем усиления феодальной эксплуатации.

В 90-х годах XVII в. в связи с введением новых норм барщины и оброка во многих местах начались серьезные крестьянские волнения. Только в одном 1695 г. эстляндский губернатор был вынужден пять раз посылать войско для подавления восставших крестьян. На этой же почве крестьянские волнения продолжались и в следующих годах. Волнения лифляндских крестьян, вызванные неурожаем, голодом и усилением эксплуатации, все возрастали и особенно усилились во второй половине 90-х годов. Были случаи нападения крестьян на помещиков, убийства управляющих имениями. За вооруженное сопротивление крестьян наказывали раскаленными щипцами и колесованием, а их трупы выставлялись на перекрестках для устрашения остальных крестьян. Таким образом, в результате аграрных реформ усилилась классовая борьба крестьян против помещиков.

Несмотря на классовую ограниченность и преходящий характер аграрных реформ Карла XI, следует отметить, что они имели и прогрессивное значение, поскольку расшатывали устои феодально-крепостнического общества и этим подготовляли условия для развития капиталистических отношений. Шведские горожане, как указывает Маркс, «...соединившись со своим экономическим оплотом — крестьянством, поддерживали королей, насильственно отбиравших у аристократии награбленные ею коронные земли (начиная с 1604 г. и затем позднее, при Карле X и Карле XI)»[1].

В XVII в. шведское правительство строго придерживалось политики меркантилизма. Высокими таможенными пошлинами, а также запрещением ввоза иностранных промышленных изделий оно пыталось создать благоприятные условия для сбыта промышленных товаров, привозимых из Швеции. В этих же целях считалось нежелательным развитие капиталистической мануфактуры в Лифляндии и Эстляндии.

Шведское правительство было заинтересовано лишь в увеличении вывоза хлеба и других продуктов сельского хозяйства, а эстляндскими и лифляндскими городами интересовалось только с точки зрения государ-

[1] *К. Маркс.* Капитал, т. I, Госполитиздат, 1955, стр. 728.

ственного фиска, обращая мало внимания на развитие торговли и промышленности.

* * *

В Курляндии и Латгалии также происходил в XVII в. процесс дальнейшего усиления крепостничества и рост дворянских привилегий. В особо выигрышном положении оказалось курляндское дворянство. Польско-литовские власти, постоянно вмешиваясь во внутренние дела Курляндии, обычно поддерживали курляндское дворянство против герцога. Курляндские крепостники вскоре приобрели такие политические привилегии, которые оказались недоступными даже для лифляндских и эстляндских помещиков, находившихся под сильной властью шведских королей. В связи с распространением права наследования женщин и отдаленных родственников ленные имения превратились в почти неограниченную дворянскую собственность. Курляндские помещики получили не только низшую, но и высшую судебную власть над крепостными.

С образованием герцогства Курляндского резко ухудшилось положение крестьян. Большинство имений Ордена перешло в руки частных лиц — дворян. Хозяйственная деятельность крепостных крестьян подверглась сильным ограничениям в пользу помещиков. Крестьяне лишились старинных прав варить пиво, заниматься охотой. Им было запрещено заниматься торговлей, даже продукты своего хозяйства они могли продавать лишь на месте, не отвозя их в большие города, где цены были выше. Имущество крестьян считалось полной собственностью помещиков. В ответ на массовые побеги крестьян ландтаг в 1636 г. принял постановление, что при повторной попытке бежать крепостной наказывается отсечением ноги.

В лучших условиях находились крестьяне в имениях герцога. Хотя они также являлись крепостными, но их имущество и право наследования дворов охранялись особыми правилами по управлению имениями, ограничивавшими произвол арендаторов и чиновников. Барщина и оброк в имениях герцога заносились в особые списки (инвентари), в то время как в частных имениях повинности крестьян определялись по усмотрению помещика.

В крепостной деревне наблюдалось значительное имущественное расслоение крестьянства. В герцогских имениях преобладали так называемые полные крестьянские дворы, в среднем по 25—30 десятин пахотной земли, не считая сенокосов, лугов и лесных участков. В частновладельческих имениях более распространенными были половинные крестьянские наделы. В количественном отношении значительную прослойку сельского населения составляли безземельные крепостные крестьяне — батраки (калпы). Они работали летом и зимой у дворохозяев и исполняли за них в имениях барщинные работы, получая вознаграждение натурой, или же им отводились хозяином небольшие участки земли с правом содержания коровы и нескольких овец. Еще в более тяжелых условиях нахо-

дились бобыли, так называемые «vaļenieki» («вольные»), которые, вопреки своему названию, оставались крепостными. В эту категорию попадали безземельные крестьяне, не находившие постоянной работы у дворохозяев.

Привилегии защищали помещиков от какого бы то ни было вмешательства герцога в их административно-полицейскую или хозяйственную деятельность. Помещики в качестве продавцов сельскохозяйственных продуктов или промышленных изделий совершенно освобождались от уплаты налогов или пошлин. В случае войны герцог мог получить финансовую помощь от дворян в размере, предусмотренном постановлением ландтага. К этому следует добавить, что любое распоряжение герцога могло быть обжаловано дворянством польскому королю.

По конституции 1617 г. власть герцога оказалась сильно ограниченной коллегией из четырех обер-ратов, избираемых дворянством.

Коллегия обер-ратов, дополненная четырьмя представителями областной администрации, являлась высшей судебной инстанцией, называемой гофгерихтом или обер-гофгерихтом.

Высшим органом власти в «земской» или дворянской Курляндии был ландтаг, с 1617 г. созывавшийся в Митаве, по конституции, раз в два года. На ландтагах XVII в. присутствовали только депутаты дворянства от 27 приходов Курляндии. Приход являлся низшей организацией дворянского сословия. На приходских собраниях дворянства обсуждались все вопросы, включаемые в повестку предстоящего ландтага, и выбирались депутаты ландтага.

В отличие от немецких князей XVII—XVIII вв. курляндские герцоги не имели в своем распоряжении ни чиновников, ни армии. Несмотря на слабость своей политической власти, они были крупнейшими землевладельцами своего времени, благодаря чему возвышались над остальными курляндскими помещиками. В финансовом отношении государственные и личные доходы герцога полностью сливались, так как в XVI—XVII вв. домен не отделялся от личной собственности герцога или членов его семьи. Рост хлебных цен и усиление экспорта продуктов сельского хозяйства, а также все повышавшийся спрос на кораблестроительный лес и другие материалы обусловили хозяйственный подъем Курземе в середине и второй половине XVII в. и создали благоприятные условия для политики меркантилизма при герцоге Якове (1642—1682).

В отличие от политики меркантилизма в Западной Европе промышленная и торговая политика Якова не была связана с использованием средств городской буржуазии, которая в Курляндии была малочисленна и бедна капиталами. В торговые и промышленные предприятия курляндского герцога вкладывались главным образом доходы, получаемые из его имений, в первую очередь от продажи сельскохозяйственных продуктов, осуществлявшейся через курземские порты — Виндаву (Вентспилс) и Либаву (Лиепаю). Применение крепостного труда практиковалось также во всех промышленных предприятиях и во флоте.

Герцог Яков стремился к экономическому и политическому сближению с Россией. К союзу с Россией его толкали также непрекращавшиеся конфликты с Речью Посполитой и агрессивная великодержавная политика Швеции.

В 1645 г. Яков направил в Москву особое посольство во главе с обергауптманом И. Ф. фон дер Реке, целью которого являлось выяснение возможного участия Курляндии в торговле персидским шелком. Посольство возвратилось, не добившись результатов, но торговые договоры с Россией продолжались вплоть до русско-шведской войны 1656—1658 гг., во время которой Курляндия сохраняла нейтралитет[1].

С конца 1657 г. между герцогом и русским правительством велись переговоры об условиях, «на каких курляндский князь может быть принят в совершенное российское защищение или подданство», причем имелось в виду, что Алексей Михайлович будет избран польским королем, чему герцог обещал всячески содействовать[2].

Проект остался неосуществленным из-за отступления русских войск из Лифляндии и шведской оккупации Курляндии, но к концу XVII в. усилилась русская транзитная торговля через Лиепаю и Вентспилс, содействовавшая дальнейшему сближению Курляндии с Россией, которым потом воспользовался Петр I.

Не имея в своем распоряжении достаточно военных сил, Яков не сумел во время шведско-польской войны отстоять нейтралитет Курляндии, через которую проходили польские и шведские войска, производя сильные опустошения. В 1658 г. шведы оккупировали всю Курляндию, а герцога потом отправили в Ивангород, где он содержался в строгом заточении вплоть до заключения мира в Оливе (1660). Упадок торговли и промышленности наступил при его сыне герцоге Фридрихе Казимире (1682—1698), истратившем сбережения отца на устройство и содержание роскошного двора в Елгаве.

* * *

По условиям Альтмаркского перемирия в 1629 г. Латгалия осталась под властью польских феодалов. Процесс развития барщинного хозяйства в Латгалии несколько задержался по сравнению с Лифляндией и Курляндией. Поскольку Латгалия оказалась политически отделенной от Лифляндии и Риги, условия сбыта продуктов сельского хозяйства для латгальских помещиков оказались более затруднительными, нежели в Лифляндии или Курляндии. С другой стороны, Латгалия была расположена на стыке польской, русской, шведской и курляндской границ. На все попытки латгальских помещиков увеличить барщину крестьяне отвечали

---

[1] Русско-курляндский договор о нейтралитете 1655 г. Напечатан у *von Ziegenhorn*. Staatsrecht der Herzogthümer Kurland und Semgallen. Königsberg, 1772, прилож. 181.

[2] *Н. Н. Бантыш-Каменский*. Обзор внешних сношений России, ч. III, М., 1897, стр. 657.

побегами, укрываясь на территории соседних государств. Особенно частыми были побеги в Россию.

В XVII в. латгальские крестьяне делились на барщинных и чиншевых. В период польского господства в Латгалии служба заменила прежний гак, являясь такой же хозяйственной единицей, как и последний. Очень редко встречались крупные хозяева дворов в размере полной службы; обычным размером была половина, четверть, треть службы и т. д. От каждой службы еженедельно посылался в имение один конный работник, а с Юрьева дня весной до Мартынова дня осенью — еще один пеший. Кроме того, барщинные крестьяне выполняли чрезвычайную барщину — вывозили навоз, убирали сено и выполняли ряд других работ. Тяжелой повинностью для крестьян была доставка из имений в Ригу или Вильно продуктов имения. Барщинные крестьяне платили помещику также оброк, обычно натурой и в незначительной мере деньгами.

Чиншевые крестьяне платили оброк продуктами и деньгами. Они были освобождены от обычной барщины, но обязаны были участвовать в толоках на господских полях, особенно во время уборки и молотьбы урожая. На них ложилась также подводная повинность.

Польские власти рассматривали Латгалию как колонию Речи Посполитой. Государственные подати платили не помещики, а крестьяне и горожане. В XVII в. платили так называемые подымные — налог с каждого крестьянского двора, или с «дыма». С середины XVII в. ввели еще новую подать на содержание войска, так называемую гиберну, в размере одного талера с дыма.

В 50-х годах XVII в. Латгалия стала ареной военных действий между Россией, Польшей и Швецией. Уже в октябре 1654 г. русские заняли бо́льшую часть Латгалии, включая Резекне и Лудзу. После упорной борьбы со шведами русские войска 30 июля 1656 г. овладели также Двинском (Даугавпилсом). Продвигаясь затем вниз по Даугаве, они заняли Кокнес и подошли к Риге. Латгалия оставалась под властью русских до Андрусовского перемирия с Польшей в 1667 г.

За весь десятилетний период, пока Латгалия находилась в руках русских, военные действия здесь не прекращались. Тем не менее русское управление заметно повлияло на экономическую и социальную жизнь Латгалии. Крестьяне относились к русской администрации благожелательно и стали на ее сторону. Опасаясь этой русской ориентации крестьянства, многие латгальские помещики бежали к шведам.

Тотчас после занятия Резекненского и Лудзенского уездов в 1654 г. была составлена писцовая книга этих территорий. Писцовая книга в основном имела целью выявить численность и состав сельского населения. Управлением вновь завоеванных земель ведал особый Лифляндский приказ в Москве. Приступая к восстановлению разрушенного хозяйства в занятых областях, русское правительство обратило внимание и на развитие латгальских городов. В этой области главным деятелем был А. Л. Ордин-Нащокин, которому, как псковскому дворянину, были

хорошо известны экономические условия Латгалии и Видземе. Будучи сторонником политики меркантилизма, Ордин-Нащокин особенно заботился о развитии торговли. Этим объясняется настойчивость в попытках превратить находившиеся в руках русских города Кокнес и Резекне в значительные торговые центры[1].

* * *

В культуре Эстонии и Латвии в XVII в. можно отметить обособление культуры господствующих классов немцев и шведов и культуры трудящихся масс, эстонского и латышского крестьянства.

Грамотность среди крестьянского населения Эстонии и Латвии была распространена слабо. В Эстонии было небольшое число церковных школ, где преподавали лютеранские пасторы. Но такие школы были лишь в городах. Сельское население было почти поголовно неграмотным. Еще в XVI в., во время владычества Речи Посполитой, польские иезуиты пытались воздействовать на население Эстонии через школу. С этой целью они в 1583 г. основали гимназию в г. Тарту. С переходом Эстонии под власть Швеции шведское правительство стремилось распространить протестантское образование, видя в нем средство борьбы против польского влияния. Поэтому в 1630 г. в Тарту и в 1631 г. в Таллине были основаны протестантские гимназии, а в 1632 г. гимназия в Тарту была преобразована в протестантский университет. В эти школы принимались лишь дети помещиков и пасторов. Число студентов было невелико, и в середине XVII в. университет был закрыт. Его восстановили в 1690 г., а в 1699 г. перевели в Пярну. Высшая и средняя школы, созданные лишь для детей господствующего класса, ничего не дали для распространения образования среди угнетенных масс эстонского крестьянства.

Протестантское духовенство стремилось подчинить массы своему идеологическому влиянию. Это выражалось в пропаганде протестантства и борьбе с остатками старых языческих верований эстонского народа. С этой целью было выпущено несколько книг религиозного содержания на эстонском языке.

В XVII в. образовалось два эстонских литературных языка — таллинский и тартуский. Оба они по существу были чужды народному разговорному языку.

В самом конце XVII в. была сделана попытка устроить крестьянские, так называемые кистерские школы, где должны были преподавать кистеры — помощники пасторов. Но эти школы не получили распространения.

Об архитектуре Эстонии можно сказать мало. Крестьянское население жило в деревянных курных избах и ригах, которые не сохранились

[1] Для характеристики социальных отношений в Эстонии и Латвии, а также политической жизни использованы «История Эстонской ССР», стр. 99—107 и «История Латвийской ССР», т. I, стр. 252—273.

до настоящего времени. В городах строились каменные здания, жилые, торговые и культовые, господствовал архитектурный стиль барокко, с богато украшенными скульптурными порталами. В XVII в. заново были построены каменные городские стены в Нарве, Таллине и Юрьеве (Тарту)[1].

Как и в Эстонии, в Латвии крестьянское население было почти поголовно безграмотно. Правда, в Риге в середине XVII в. было создано две приходские школы, где латышских детей обучали элементарной грамоте. К концу века число таких школ выросло до восьми.

В латышской деревне вообще не было никаких школ. Только в конце XVII в. в некоторых приходах стали открывать кистерские школы, но количество таких школ было ничтожно, и их роль в распространении грамотности была невелика.

Господствующие классы стремились использовать протестантскую церковь для укрепления своего господства. Отдав школу в руки духовенства, они вместе с тем старались распространять и литературу только религиозного содержания. В XVII в. были опубликованы на латышском языке книга проповедей пастора Манцеля (1654 и 1699), Латышский молитвенник (1672), Библия в переводе Глюка (1682) и др. В этих книгах, особенно в проповедях, подчеркивалась необходимость повиновения крестьян своим господам. Из книг светского содержания можно назвать лишь словарь латышского языка, изданный пастором Манцелем в 1638 г. под заглавием «Lettus» («Латыш»), и латышскую грамматику, автор которой скрыл свое имя под псевдонимом пастора Адольфия (1685). Эти книги лингвистического содержания издавались главным образом для пасторов-немцев, чтобы помочь им усвоить латышский язык и успешнее вести религиозную пропаганду.

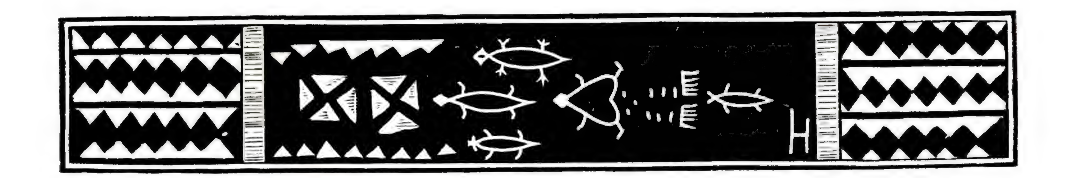
Латышские крестьяне боролись против навязываемой им немецкой церковной культуры, держались своих старых обычаев, отразившихся в богатом фольклоре. В народных сказаниях и песнях проявилось отношение латышского народа к существующему социальному строю, господствующим классам, соседним народам: «Пусть черт заботится о господине, я о господине не забочусь, я топчу голову господина под копытами жеребца». Вместе с тем в народных песнях нашло отражение дружеское отношение латышских крестьян к трудящимся классам других народов, особенно русского: «Русские, русские, литовцы, литовцы — все мои друзья-родственники. Русскому отдал свою сестрицу, сам взял литовскую девушку».

Об архитектуре латышского народа, как и эстонского, сведения чрезвычайно скудны. Народное творчество сказалось и в прикладном искусстве[2].

---

[1] «История Эстонской ССР», стр. 109—112.

[2] «История Латвийской ССР», т. I, стр. 370—379.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

НАРОДЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА

1

КАРЕЛЫ

Исторические судьбы западной Приладожской Карелии в XVI—XVII вв. тесно связаны с борьбой русского народа с агрессией шведских феодалов. Упорная борьба России за Прибалтику во второй половине XVI в. завершилась Тявзинским миром 1595 г., согласно которому г. Корела (Кексгольм) с уездом перешел к Русскому государству. В состав Корельского уезда входило семь погостов, расположенных к западу и северу от Ладожского озера.

В 1609 г. Россия была вынуждена снова возвратить Корельский уезд Швеции якобы за помощь, оказанную Василию Шуйскому в борьбе против Лжедмитрия II[1].

Столбовский мир 1617 г. закрепил Корельский уезд за Швецией. Территория отошедшей к Швеции части Карелии стала объектом колонизаторской политики шведского дворянства, которому правительство жаловало здесь крупные имения. Карельское крестьянство попадало в кабалу к шведским помещикам. Когда шведское правительство в результате пересмотра землевладельческих прав в 1682—1683 гг. отобрало в казну крупные поместья шведских баронов, в них появились казенные приказчики или же арендаторы, бравшие эти земли с торгов. На карельское население всей тяжестью легли всевозможные подати: подушная, дымовая, судейская, подать за поденщину по укреплению Кексгольма, подать за освобождение от доставки лошадей и подвод для чиновников и пр.[2]

Другим последствием перехода западной Карелии под власть Швеции был ряд мероприятий шведского правительства, направленных к усилению финского влияния среди карельского населения — усиленное насаждение в Карелии финского языка и пропаганда лютеранства. Несмотря на все это, король Густав Адольф в 1623 г. и граф П. Браге в 1630 г. должны были признать, что «в Ижории население жило в большей своей части

---

[1] АИ, т. II, СПб., 1841, № 272, стр. 327—330.

[2] *С. С. Гадзяцкий.* Ижорская земля в начале XVII в.— «Исторические записки», № 21, стр. 17.

по русскому язычеству и ереси» и что «русская закваска в Кексгольмской провинции увеличивалась, а не уменьшалась»[1].

Ответом на грабеж западной Карелии шведскими баронами и правительственную политику национального и религиозного гнета было энергичное участие населения Карелии в борьбе со шведскими захватчиками на стороне России и массовое переселение карел в пределы Русского государства. Во время шведской интервенции после свержения царя Василия Шуйского карельское население оказывало вооруженное сопротивление войскам Делягарди, а в 1610—1611 гг. совместно с русским гарнизоном героически защищало г. Карелу от превосходящих по численности и лучше вооруженных сил Швеции[2].

Хотя русское правительство и обязано было по Столбовскому договору возвращать карельских выходцев, но русское население скрывало перебежчиков и решительно препятствовало их сыску[3].

В 1649 г. русское правительство отправило в Стокгольм специальное посольство в составе окольничего Б. И. Пушкина, дворянина А. О. Прончищева и дьяка А. Иванова для решения вопроса о перебежчиках. Русское правительство предложило свое толкование статьи о перебежчиках, которое сводилось к следующему: возврату подлежат только лица, совершившие преступление, а пашенные крестьяне могут свободно переходить границу в ту или иную сторону. Русское посольство 1649 г. и должно было убедить шведское правительство в правильности такого понимания этой статьи. В то же время русское правительство соглашалось на будущее время возвращать всех перебежчиков без исключения. Шведское правительство не согласилось с такой трактовкой. Тогда русское посольство предложило денежную компенсацию в 50 тыс. руб. и обещало возвратить всех перебежчиков, перешедших границу за год до посольства. Шведское правительство потребовало компенсацию в 500 тыс. руб. и возврата перебежчиков за восемь лет. С 25 августа по 19 сентября 1649 г. происходили споры по этому поводу между русским посольством и представителями шведской королевы. Наконец была достигнута договоренность относительно суммы в 190 тыс. руб. и о возврате перебежчиков за два года[4].

Таким образом, карельское население, перебежавшее из Швеции в пределы Русского государства, было выкуплено русским правительством.

В конце 50-х годов XVII в. русское правительство сделало попытку возвратить утраченный Приладожский край. Во время русско-шведской войны (1656—1658) карельское население целиком оказалось на стороне русских войск, действовавших против Швеции, что давало возможность

---

[1] *В. Крохин.* История карел.— «Русская старина», 1908, № 6, стр. 590.

[2] *Р. Б. Мюллер.* Очерки по истории Карелии XVI—XVII вв. Петрозаводск, 1947, стр. 93—94.

[3] Там же, стр. 99.

[4] *К. И. Якубов.* Россия и Швеция в первой половине XVII в.— «Чтения ОИДР», 1897, кн. 3, отд. I, стр. 202—239.

русскому командованию достигнуть больших успехов при наличии немногочисленных правительственных войск[1]. Кардисский мир 1661 г. закрепил границы между Русским государством и Швецией в том виде, как они были установлены в 1617 г. в Столбове. После русско-шведской войны произошел новый выход карельского населения из-за «Свейского рубежа» под власть России.

Борьба карельского населения против захватчиков и их массовое переселение в пределы Русского государства были наглядным доказательством дружбы его с русским народом, развивавшейся на протяжении столетий совместной жизни.

* * *

В результате массового передвижения карел значительное их число оказалось на территории Верхнего Поволжья.

Здесь карелы впервые появились, повидимому, во второй половине XVI в. Одним из последствий многолетней борьбы за Прибалтику было оседание карельских беженцев в поместьях и вотчинах русского дворянства и монастырей центральных районов. Следующая колонизационная волна из западной Карелии в область Новгородского края и Замосковья приходится на 1617—1650 гг., а третья — на 1656—1658 гг.

Некоторые исследователи суммарно определяют численность переселенцев из западной Карелии до начала 60-х годов XVII в. примерно в 50 тыс. человек[2].

Восстановление феодального хозяйства, расстроенного в годы интервенции начала XVII в., вызывало потребность в рабочей силе. Частные землевладельцы старались путем ссуд удержать в своих имениях пришлых карел, лишенных инвентаря и рабочего скота. Но правительство стремилось взять карел «на государево имя» и зачислить в разряд дворцовых крестьян[3].

К 80-м годам XVII в. распределение карел по отдельным категориям владельцев было следующим: 90,7% карел относилось к разряду дворцовых крестьян, 7% было помещичьими и 2,3% — во владении монастырей[4].

После Кардисского мира бегство карел в пределы Русского государства не прекратилось полностью, и этот вопрос был предметом дипломатических переговоров со Швецией. Русско-шведское соглашение 1684 г.

---

[1] См. главу IV, § 5 настоящего издания.

[2] *Ю. В. Готье.* Замосковный край в XVII в. М., 1937, стр. 194—195; *А. Н. Вершинский.* Очерки по истории верхневолжских карел в XVI—XIX вв.—«Исторический сборник» (Труды Исторической комиссии АН СССР), т. 4, М.—Л., 1935, стр. 83; *А. Жербин.* Переселение карел на русские земли в первой половине и середине XVII в. Петрозаводск, 1951, стр. 5, 9, 11.

[3] *А. Жербин.* Указ. соч., стр. 11—13.

[4] *А. Н. Вершинский.* Указ. соч., стр. 85.

подтвердило, что западная Карелия остается попрежнему за Швецией, и запретило переход шведских подданных в русские пределы. Это вызвало большое недовольство карельского населения. Оно стало подавать челобитные русскому правительству с жалобами на «великие тягости и разорения» от «свейских людей», которые «в правеже... поборов многих крестьян замучили до смерти, и жен овдовили, и детей осиротили, и младенцов голодною смертию поморили».

Челобитчики просили освободить их «ис-под ига немецкого» и разрешить перейти «для житья в Олонецкие и в Новгородцкие и во Псковские страны»[1]. Формально русское правительство могло отвечать лишь требованием от жителей неуклонного исполнения Кардисского договора 1661 г. и советами «надеяться на милость божию» и ждать «обороны впредь в удобное время»[2]. Однако в 1685 г. из Москвы был специально отправлен «за свейский рубеж» правительственный агент гость Иван Семенов с тайным поручением расследовать положение православного населения в Корельском уезде. Собранные И. Семеновым сведения послужили основанием для отправки в Швецию 7 августа 1685 г. царской грамоты с протестом против притеснения православных жителей Карелии[3].

Таким образом, тяжелые испытания, которым подверглось население Карелии в XVII в., укрепили дружбу и тесные связи его с русским народом.

* * *

Входившая в состав Русского государства Карелия по природным и экономическим особенностям может быть подразделена на четыре района. Первый из них — собственно Корельский уезд, расположенный к западу и северу от Ладожского озера. Второй — южная часть — территория между Ладожским и Онежским озерами и вокруг последнего. В этих двух районах почва и климат несколько лучше. Третий район — Лопские погосты, расположенные на крайнем севере по границе с «каенскими немцами» (Финляндией), самый бедный район Карелии. Основное занятие населения — охота, рыболовство, обработка железа. Четвертый район — западное Поморье — входил в состав одного из самых северных погостов, Выгозерского, и был расположен по низовьям рек, впадающих в Белое море (Выга, Сума и др.)[4]. На этом большом пространстве в некоторых местах сплошными массивами, а кое-где незначи-

---

[1] *А. И. Андреев.* К истории Ингрии и Карелии в конце XVII в.— «Доклады АН СССР за 1927 г.», серия В, № 8, стр. 179.

[2] Там же, стр. 178.

[3] *А. И. Андреев.* Грамота 1685 г. царей Иоанна и Петра Алексеевичей шведскому королю Карлу XI. — «Летопись занятий Археографической комиссии», вып. 33, Л., 1926, стр. 333—362.

[4] *Р. Б. Мюллер.* Указ. соч., стр. 13—15.

тельными островками среди русского населения были расположены поселения карельских черносошных крестьян. В Каргопольском уезде было мало карельских поселений. Беломорские карелы встречались также в пределах Кольского уезда (на побережье Кандалакшской губы).

Природа Карелии мало способствовала развитию земледельческой культуры.

Приходилось иметь дело с неудобной для хлебопашества «песчаной и гнильной» (болотистой) неплодородной землей. Преждевременные заморозки часто губили посевы, оставляя крестьян без хлеба. Карелы вели подсечное или лядинное земледельческое хозяйство[1]. Даже при наиболее благоприятных условиях карелам никогда не хватало собственного хлеба, в неурожайные же годы наступал «великий голод», приводивший крестьян «к отчаянию», вызывавший «совершенную скудость» и «изнеможение»[2]. Развитию скотоводства мешало отсутствие хороших пастбищ. Документы конца XVII в. свидетельствуют, что население кормилось «травою вахкою и сосновою коркою и рыбою... а скотом де в Олонецком уезде скудно, и битое мясо никуда в государские городы нейдет..»[3]. Более было развито земледелие в южных частях Карелии.

В силу указанных неблагоприятных для земледелия условий население Карелии издавна обращалось к другим занятиям. По рекам и морским заливам жители карельских деревень занимались ловлей рыбы (семги, сельдей, сигов и пр.). Осенью по морским заливам происходила охота за нерпами (тюленями). Многие карелы уходили на мурманские рыбные промыслы, в редких случаях на собственных судах, большей же частью «из покруты» (доли) и «из найму»[4].

Лесные богатства Карелии обусловили занятие охотой и развитие лесных промыслов — заготовки древесины, смолокурения, плотничных работ и речного судостроения.

В речках Заонежья и беломорской Карелии население добывало жемчуг.

Природные условия Олонецкой Карелии благоприятствовали развитию здесь горной промышленности. Карельское население издавна занималось добычей руды из озер и болот, выплавкой кричного железа в сыродутных горнах и выделкой на продажу железа и стали[5]. Этот железоделательный промысел карельских крестьян в XVII в. уже перерос рамки ремесла и превратился в мелкое товарное производство. Тихвинские таможенные книги XVII в. содержат очень ценные материалы о торговле крестьян Заонежских погостов, в том числе и карел, на тихвинском рынке. Из Заонежских погостов вывозились в Тихвин в большом количестве как полуфабрикаты — кричное и прутовое железо и уклад,

---

[1] *Р. Б. Мюллер.* Указ. соч., стр. 105.

[2] Сб. РИО, т. 123, СПб., 1907, стр. 30.

[3] АИ, т. V, СПб., 1842, № 138, стр. 238—239.

[4] Сб. РИО, т. 123, стр. 37.

[5] *С. М. Левидова.* История Онежского завода, вып. 1, Петрозаводск, 1938, стр. 7—8.

так и железные изделия — сохи, топоры и ножи. На тихвинском рынке появлялись и непосредственные производители железных изделий Заонежья и скупщики[1].

Основная масса карельского крестьянства вследствие отдаленности погостов от торговых центров могла продавать продукты своего ремесла и покупать необходимые им товары только на «маленьких деревенских торжишках». Богатые крестьяне скупали эти товары и вывозили их в более крупные торговые пункты внутреннего рынка Карелии. Такими местными торговыми центрами были в XVII в. Сумский и Кемский посады, Повенецкий рядок, Шунгский и Толвуйский погосты, а после постройки г. Олонца в 1649 г. и Олонецкий посад. Через эти центры внутренний рынок Карелии был связан с Новгородом, Тихвином, Ладогой, Архангельском и другими городами и таким образом втягивался во всероссийский рынок.

В XVII в. на территории Карелии было создано и крупное металлургическое производство. В 1666 г. новгородский гость Семен Гаврилов взялся разыскать в Заонежье медную руду и организовать выплавку меди. Завод был построен в Фоймогубской волости Шунгского погоста. Вопрос о рабочей силе для этого завода был разрешен правительством в том смысле, что Гаврилов должен был набирать «охочих людей» из местных крестьян, а если «охочих не будет, и велено имать с волостей»[2]. Крестьяне добывали для заводов медную руду, заготовляли дрова и уголь, работали плотниками, кузнецами и т. д., получая поденную плату 3—4 коп.

В 1675 г. Фоймогубский медеплавильный завод был передан иностранцам П. Марселису и А. Бутенанту.

Характерно, что западная шведская Карелия в XVII в. зависела в торговом отношении от торговых людей восточной Карелии и Поморья. По словам холмогорского епископа Афанасия, в Кексгольм приезжали купцы из Олонца, Ладоги, Сумского посада, Кеми и привозили туда юхть, пеньку, лен, холсты, сукна, сало говяжье, масло коровье и «заморские товары», приобретаемые у голландских и английских купцов в Архангельске[3]. С другой стороны, шведские и карельские купцы приезжали с торговыми целями в Олонец, где в 1649 г. для них был устроен гостиный двор.

* * *

В социальном отношении карельское крестьянство в XVII в. не было однородной массой. Из его среды выделялась зажиточная верхушка, державшая в кабале деревенскую бедноту. Для Олонецкой Карелии XVII в., как и для всего Поморья, характерна концентрация большого количества земельных участков у отдельных состоятельных крестьянских

---

[1] *К. Н. Сербина.* Очерки из социально-экономической истории русского города. Тихвинский посад в XVI—XVIII вв. М.—Л., 1951, стр. 213—227, 231—238.

[2] «Крепостная мануфактура в России», ч. II, Л., 1931, стр. 74.

[3] «Журнал мин. внутр. дел», 1838, ч. 29, стр. 285.

семей. Хорошую социальную характеристику богатого олонецкого крестьянина-мироеда оставил один из правительственных агентов середины XVII в., В. Д. Золотарев. По его словам, деревенский богатей «как похочет кого выжить, и он не токмо что деревню всю купит, иной пять-шесть деревень купит мочью своею». Встречались и такие деревенские «прожиточные торговые люди», которым было ни по чем «хотя половину погоста откупить и за росты участки к себе все взять». Такой крестьянин-ростовщик «бедных выживет всех вон», а сам «останется по своей мочи один на просторе»[1].

* * *

Политика царского правительства в отношении карел, как и всего черносошного крестьянства, проявлялась главным образом в усилении фискального гнета[2].

Значение Карелии в качестве пограничной области Русского государства тяжело сказывалось на положении местных жителей.

В середине XVII в. русское правительство в целях «обeрегания» пограничных со Швецией мест превратило карел Заонежских и Лопских погостов в пашенных солдат и приступило к обучению их военному строю. В 60-х годах система обращения в солдаты целых поселений была заменена набором оттуда солдат и отсылкой их поочередно для обучения и службы в Олонец и Новгород. Солдатская повинность тяжело отражалась на хозяйстве массы карельского сельского населения[3]. В 1666 г. институт пашенных солдат был отменен. Вместо этого на крестьян было наложено «тройное тягло», просуществовавшее до 1673 г.[4]

Усиление феодального гнета в Карелии вызывало массовые побеги крестьянства из карельских районов в соседние области. Крестьяне бежали во владения монастырей, новгородского митрополита, в дворянские поместья и вотчины. В конце 40-х годов правительство было вынуждено направить в Карелию особых лиц во главе с В. Д. Золотаревым для сыска беглецов[5].

Посылка Золотарева была вызвана массовым запустением тяглых участков[6]. Сохранились некоторые цифровые данные 1651 г., характеризующие размеры крестьянских побегов. «Роспись сошлых крестьян Заонежских погостов» называет 580 крестьянских и бобыльских семей,

---

[1] *М. М. Богословский.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в., т. I, М., 1909, стр. 190.

[2] АИ, т. V, СПб., 1842, № 13, стр. 21—24; ААЭ, т. IV, СПб., 1836, № 250, стр. 345—351. Более подробно см. главу III, § 7 настоящего издания.

[3] ДАИ, т. IV, СПб., 1851, № 146/II, стр. 394—397; «Акты Московского государства», т. III, № 588/I, стр. 497—498.

[4] *Р. Б. Мюллер.* Указ. соч., стр. 138.

[5] ДАИ, т. III, СПб., 1848, № 67, стр. 243—249; № 82, стр. 286—297.

[6] ЦГАДА. Приказные дела старых лет, 1648—1649 гг., д. 162, л. 71.

«которые сошли в прошлых годех». Сумма взимавшихся с них ежегодно доходов превышала 8680 руб. Из Лопских погостов разбежались 110 семей[1].

Феодальное наступление на земли карельского крестьянства предпринимали Палеостровский, Муромский и другие монастыри-феодалы. Крестьяне встречали этот натиск активным сопротивлением[2]. Борьба за землю продолжалась в течение всего XVII столетия.

Выступления крестьян вызывались не только земельными захватами, но и другими предприятиями правительства, ухудшавшими их положение. Когда в 1662 г. архимандрит Иверского монастыря захотел увеличить количество барщинных повинностей посредством привлечения карел к работам на кирпичном заводе, они выдвинули угрозу побега: «Будет де станет с нас великий государь имать детей наших в кирпичное дело, и мы де розбредемся розно, что нам такое дело не за обычай»[3]. На приписку к заводам П. Марселиса и А. Бутенанта в 1694 г. крестьяне Кижского погоста ответили крупным восстанием в 1695 г. Крестьяне оказали вооруженное сопротивление правительственным войскам, присланным для того, чтобы принудить их работать на Олонецких заводах.

* * *

Основная масса карел с конца XV в. была христианами, исповедовала православие. Но грамота новгородского архиепископа Макария 1534 г. свидетельствует о том, что язычество было еще очень сильно в Карелии в XVI в. Карелы поклонялись священным деревьям и камням («молятца деи по скверным своим мольбищам древесом и каменью по действу диаволю»), исполняли языческие обряды перед принятием пищи («жертву деи и питьи жрут и пиют мерзким бесом»), хоронили умерших «по курганом и по коломищем», признавали языческих жрецов («арбуев чудцкых»). Характерно, что под влиянием языческих верований и обрядов находилась и значительная часть русского населения. Языческие жрецы — «арбуи» «смущают... христианство своим нечестием» и «развращенные [их] учением те христиане» начинали «многая злочинья творити»[4]. Эти пережитки языческих верований сохранились и в XVII в.

Со второй половины XVII столетия население Карелии испытывало сильное влияние раскола, который пустил глубокие корни в Поморье. С 80-х годов, в связи с церковной политикой патриарха Иоакима, протест против насильно навязываемого православного культа выразился в массовом участии карел в расколе[5].

---

[1] ЦГАДА. Приказные дела старых лет, 1651 г., д. 29, лл. 12—18.

[2] «Олонецкий сборник», вып. 2, Петрозаводск, 1886, отд. I, стр. 114—115.

[3] РИБ, т. 5, СПб., 1878, № 152/2, стб. 381.

[4] «Хрестоматия по истории Карелии с древнейших времен до конца XVII в.», Петрозаводск, 1939, стр. 87.

[5] «Карельская деревня в XVII в.», сборник документов, сост. Р. Б. Мюллер, Петрозаводск, 1941, № 223, стр. 317—321.

Правительство принимало против раскольников крутые меры. Олонецкий воевода В. Долгоруков получил в 1687 г. предписание из центра «смотрить накрепко, чтоб церковных раскольников нигде не было», если же они где-либо объявятся, то разорять их «пристанища», а самих уговаривать отстать от «той своей богомерской ереси»[1].

Настойчивая и упорная борьба с расколом, принудительная приписка черносошных крестьян к железоделательным заводам — все это было проявлением наступления феодального государства на крестьян Карелии.

* * *

История Карелии в XVII в.— один из самых ярких примеров теснейшей связи между народами, ныне входящими в состав СССР. С конца XVI и на протяжении всего XVII столетия карелы обнаруживали упорное стремление вернуться в состав Русского государства.

Как указано выше, хозяйство Карелии на протяжении XVII в., несмотря на значительное своеобразие природных условий, все теснее втягивалось в слагавшийся всероссийский рынок и достигло заметных успехов в своем развитии. Таково первое объективно прогрессивное воздействие общероссийской экономики на Карелию.

Совместная жизнь двух народов выработала у них сознание единства их интересов в борьбе с угнетением, которому подвергало их феодальное государство и отдельные феодалы; русские и карелы вместе выступали против феодально-крепостнического гнета.

Народная культура Карелии XVII в. свидетельствует о том же мирном и дружественном взаимодействии.

В Карелии сохранились в большой полноте памятники старинного русского народного творчества — исторические песни и былины и не менее замечательные памятники народного творчества карельского народа — руны Калевалы.

До нас дошли памятники деревянного зодчества, созданные местными мастерами: церкви шатрового типа (например, церковь в Челмужах, Повенецкого района).

В произведениях прикладного искусства (резьба по дереву, изделия из металла) ярко отражается взаимодействие творчества обоих народов.

2

САAМЫ (ЛОПАРИ)

Саамы (лопари) в пределах Русского государства жили на Кольском полуострове. Кольская дозорная книга 1608—1611 гг. насчитывает в Кольском уезде всего 136 саамских веж (шалашей), в которых жило

---

[1] «Карельская деревня в XVII в.», № 186, стр. 262.

383 человека мужского пола[1]. Более поздних данных о количестве саамов в XVII в. нет.

Основными занятиями саамов были рыбная ловля и охота. Писцовые книги, описывая угодья саамов, главным образом реки и озера, постоянно подчеркивают, что саамы «ловят в тех речках и ручейках красную рыбу семгу заборы [т. е. при помощи особых приспособлений, перегораживающих реку]. А на озерах ловят белую рыбу про свою нужду..., да на лесу и на тундре зверь бьют, тем ся кормят»[2]. Саамы занимались в небольших размерах и оленеводством. Некоторые саамские погосты платили часть дани оленьими кожами и отбывали подводную повинность на оленях.

Прочной оседлости кольские саамы не имели и вели полукочевой образ жизни. Часть своих рыболовных угодий саамы сдавали в аренду местным и приезжим промышленникам и монастырям. Местные кольские монастыри — Печенгский и Кандалакшский — захватывали саамские угодья, превращая саамов в своих крестьян, а затем получали царские жалованные грамоты на эти угодья, утверждавшие их права и на угодья и на саамов[3].

Захватывали саамские рыболовные и охотничьи угодья не только местные монастыри, но и иногородние. На Кольском полуострове имели свои рыбные промыслы Троице-Сергиев монастырь, Антониев Сийский, Соловецкий, Крестный, Воскресенский (Новый Иерусалим). Некоторые из них, например, Антониев Сийский, широко практиковали аренду саамских угодий, иногда осложнявшуюся кабальными займами с обязательством саамов работать на монастырских рыбных промыслах вместо уплаты долга[4].

Путем прямого захвата саамских угодий, а также царских пожалований, заклада, вкладов, покупок и аренд монастыри сосредоточили в своих руках значительное количество этих угодий, превратив саамов в подневольную рабочую силу. Не отставали от монастырей и кольские и двинские рыбные промышленники. Промышленники давали саамам в долг деньги и хлеб, за что саамы расплачивались ловлей рыбы. Эта кабальная зависимость тянулась из года в год, потому что взаимные расчеты были построены таким образом, что саамы всегда оставались в долгу у промышленников.

Несомненно, среди саамов существовало имущественное неравенство. Об этом можно судить на основании распределения лежавшего на них

---

[1] *Н. Н. Харузин.* Русские лопари, М., 1890, прилож. 2, стр. 430—458.

[2] «Сборник материалов по истории Кольского полуострова в XVI—XVII вв.», Л., 1930, № 5, стр. 30.

[3] «Сборник грамот Коллегии экономии», т. II, Л., 1929, № 136, стб. 437—442; «Сборник материалов по истории Кольского полуострова», № 27, стр. 55—57.

[4] «Сборник материалов по истории Кольского полуострова», № 30, стр. 66—67; № 32, стр. 68; № 49, стр. 83—85.

тягла «по животом и по промыслом». Встречаются и прямые указания источников о существовании «лучших» саамов[1].

В XVII в. Кольский полуостров являлся спорной землей, которую и Русское государство и Дания считали своей. Саамы были обложены двойной данью. Некоторые из саамских погостов, расположенных у шведской границы, платили еще третью дань — Швеции. С 1601—1602 гг. датские власти перестали пропускать русских данщиков в датскую часть Лапландии. В ответ на это местные русские власти перестали пропускать датских данщиков в Кольский уезд. Но вместе с тем царское правительство не освобождало саамов от уплаты датской дани, только эти деньги стали поступать в московскую казну[2].

Сбор дани сопровождался всевозможными притеснениями и насилиями со стороны данщиков. Нередки были случаи вторичного сбора дани. Так, в 1642 г. понойские и еконгские саамы жаловались, что «зимою и летом приезжают к ним в погосты ис Кольского острогу даньщики и стрельцы и с продажным с кабацким питьем человек по десяти и больши, по дважды и по трожды годом, неведомо по какому указу; и их бьют на правеже немерно, и правят на них другой дани и себе посулов и подвод, и их вяжут и, связав, мечют зимою на мороз, а летом сажают на ледники, и жон их и детей позорят, емлют к себе на постели, и кабацкое продажное питье на них наметывают сильно ж»[3].

Такое же обращение встречали саамы и со стороны датских данщиков, которые не только собирали дань, но и вели торговые операции на Кольском полуострове, требуя от населения бесплатных подвод как для себя, так и для перевозки своих товаров. На это, например, жаловались старцы Печенгского монастыря, кольский посадский мир и саамы пяти западных погостов в своей общей челобитной, поданной кольскому воеводе Я. М. Стрешневу 5 марта 1665 г.: «Под те, государь, товары и под себя емлют у нас, богомольцев и сирот твоих, и у лопарей многие подводы, и проводников наших, дорогою едучи, бьют и шпагами колют, и лопаришек бьют же и к дереву вяжут; и от того их насильства мы, богомольцы и сироты твои, в конец погибли, и твои государевы лопаришка все врознь розбрелись»[4].

Кроме дани, на саамах лежала еще подводная повинность. Эта повинность была очень обременительной, так как подводы приходилось гонять на сотни верст.

Порой саамы привлекались и к несению других повинностей, в частности к ремонту укреплений Кольского острога[5].

---

[1] ЦГАДА. Приказные дела старых лет, 1670 г., д. 467, лл. 504—507, 511—517, 523.

[2] «Сборник материалов по истории Кольского полуострова», № 27, стр. 55—64.

[3] Там же, № 27, стр. 59; № 46, стр. 80—81.

[4] ЦГАДА. Приказные дела старых лет, 1664 г., д. 213, ч. 2, лл. 201—202.

[5] Там же, 1670 г., д. 467, лл. 502—503.

Иногда на саамов возлагались и более тяжелые службы. Так, в 1654/55 г., во время русско-польской войны за Украину, царское правительство привлекло к военной службе и саамов. 3 августа 1654 г. кольский воевода И. Я. Соловцов получил распоряжение «собрать в Кольском остроге кончанские и терские, и лешие, и понойские лопи, которые ходят в самояцком платье, ста три или четыре, или сколько мочно собрать, и выслать... к Москве с их лопским боем, а для подъему велено им дать царского жалованья по рублю человеку»[1].

Повинности саамов Кольского полуострова в основном оставались без изменения в течение XVII в. как в номенклатуре повинностей, так и в их размере. Так, саамы Понойского и Еконгского погостов ежегодно платили в 20-х годах XVII в. «луковой» дани — 21 рубль 3 алтына 4 деньги и поголовной дани 18 рублей 30 алтын, итого 40 рублей 2 деньги[2]. В 1686—1691 гг. эти саамы платили ту же луковую и поголовную дань, первую в сумме 21 рубля 3 алтын $3^1/_2$ денег, вторую — в прежнем размере, всего 40 рублей $1^1/_2$ деньги[3].

При недостаточном развитии производительных сил края эти повинности были тяжелы для промыслового хозяйства саамов, и постоянно накапливалась недоимка. Так, саамы Терского берега не доплатили за 1684—1685 и 1685—1686 гг. по 29 рублей 8 алтын 3 деньги, итого 58 рублей 17 алтын, саамы Понойского и Еконгского погостов не уплатили полностью всей окладной суммы. Эта недоимка переходила из года в год[4].

Тяжесть повинностей, захват угодий и жестокая эксплуатация со стороны кольских монастырей, особенно Печенгского, и кольских и двинских рыбопромышленников питали постоянное недовольство саамов, которое порой прорывалось наружу. Саамы обращались с жалобами к центральному правительству на земельные захваты, насилия и обиды со стороны монастырей.

Почти в течение всего XVII в. продолжалась тяжба саамов Нотозерского и Соньяльского погостов с Печенгским монастырем из-за рыбных ловель по р. Туломе и других рыболовных угодий. Несмотря на большое упорство в отстаивании своих интересов, саамы были вынуждены лишиться значительной части своих угодий в пользу монастыря[5].

Эта тяжба показывает, что легальный путь борьбы тяглых людей с феодалом неизбежно приводил к победе феодала.

[1] ЦГАДА. Приказные дела старых лет, 1654 г., д. 105, л. 185; 1655 г., д. 13, лл. 1—19.

[2] «Сборник материалов по истории Кольского полуострова», № 31, стр. 67.

[3] ЦГАДА. Городовые книги по Новгороду Великому, № 117, л. 279; № 123, лл. 419—419 об.; № 128, лл. 473—473 об.

[4] Там же, № 117, лл. 276—278; № 123, л. 415 об.; № 128, л. 439 об.

[5] ЦГАДА. Приказные дела старых лет, 1670 г., д. 467, лл. 501—523, 658—666; «Сборник материалов по истории Кольского полуострова», № 70, стр. 113—115.

Не выдерживая гнета феодалов и феодально-крепостнического государства, саамы иногда выступали и с активными протестами, которые носили стихийный характер.

Так, саамы оказали сопротивление вызову их на военную службу в 1654/55 г. во время русско-польской войны. Кольский воевода И. Я. Соловцов послал к саамам кольского стрелецкого пятидесятника Андрея Лангуя с шестью стрельцами для набора саамов на военную службу. «И лешие, государь, лопи Ребольского, Кимозерского, Ловозерского, Костомозерского, Вокнаволоцкого погостов лопари, — писал воевода в январе 1655 г.,— твоего государева указа не послушали, учинились сильны, на твою государеву службу не пошли, и пятидесятника стрелецкого Ондрюшку Лангуя и стрельцов ис погостов выбили». Саамы угрожали бегством за границу: «Мы де государева указа не слушаем, а будет де учнете имать на государеву службу сильно, и мы де знаем дорогу бежать за рубеж в свийские немцы»[1].

Такие выступления против политики царизма носили случайный и разрозненный характер и ни в какой мере не меняли положения саамов и не ослабляли экономического и фискального гнета, который лежал на них в течение всего XVII в.

3

КОМИ

В административном отношении территория народа коми в XVII в. была разделена между несколькими уездами. Основная часть современной Коми АССР составляла Вымский уезд, административным центром которого был Яренск (Еренский городок). Юго-западная часть территории Коми, расположенная по верхнему течению р. Лузы, входила в состав Сольвычегодского уезда под названием отписной сошки — Лузской Пермцы. Северная часть территории, имевшая своими центрами слободки Усть-Цильму и Ижму, входила в состав Пустозерского уезда. Общее количество населения коми в XVII в. не поддается точному учету.

Дозорщики Василий Ларионов и подьячий Андрей Горохов насчитали в Вымском уезде в 1608 г. 2330 дворов крестьян, бобылей и духовенства с населением в 2589 человек[2]. Этот подсчет, безусловно, не полон. Он не дает общего количества населения, так как дозорщики интересовались только тяглецами.

Переписная книга 1646 г. дает значительно бо́льшую цифру населения Вымского уезда, что было обусловлено более подробными сведениями о населении, содержащимися в переписных книгах[3].

---

[1] ЦГАДА. Приказные дела старых лет, 1654 г., д. 105, лл. 186—188.

[2] *А. М. Гневушев.* Акты времени правления царя Василия Шуйского, М., 1914, № 103, стр. 267—354.

[3] Более подробно см. главу III, § 7 настоящего издания.

По данным 1646 г., в Вымском уезде оказалось всего 3425 дворов и 6935 душ мужского пола[1].

Переписная книга 1678 г. отмечает некоторое увеличение дворов, но небольшое сокращение населения: всего в Вымском уезде переписчики насчитали 3542 двора «всяких чинов людей», в которых жило 6435 душ мужского пола[2].

Более однородные данные имеются по Лузской Пермце, входившей в состав Сольвычегодского уезда. По писцовой книге 1625 г., в Лузской Пермце было 440 дворов крестьянских и 12 бобыльских с населением в 569 крестьян-тяглецов и 13 бобылей[3].

Резкое уменьшение населения происходит в середине XVII в. По писцовой книге 1645 г., в Лузской Пермце осталось всего 210 дворов крестьянских и четыре двора бобыльских с населением в 306 крестьян-тяглецов и четыре бобыля[4]. К середине века Лузская Пермца запустела более чем наполовину. Само население объясняло эту пустоту тяжестью фискального гнета царского правительства и приемами взимания разного рода платежей и повинностей[5].

К концу века количество дворов в Лузской Пермце несколько увеличилось, но оно далеко не достигло той цифры, какую отметили писцы для 20-х годов. По писцовой книге 1678—1682 гг., в Лузской Пермце было всего 314 дворов и три кельи. Что же касается населения, то, учитывая все мужское население, книга дает более крупную цифру — 729 человек мужского пола[6].

В Усть-Цилемской и Ижемской слободках населения было совсем мало. В жалованной грамоте царя Василия Шуйского от февраля 1610 г. упоминается, что в Усть-Цильме всего 18 дворов[7]. Не заметно значительного увеличения и в середине века. В 1638 г. пустозерский воевода А. Ощерин писал в Москву, что в обеих слободках было 63 двора[8].

По переписным книгам 1678—1679 гг., в обеих слободках значилось 68 крестьянских дворов[9].

Открытым остается вопрос о том, все ли население являлось по национальности коми, и какой был процент русских. Но большинство было коми.

Эбергард Избранд, посол русского правительства в Китай, проезжая через территорию Коми в 1692 г., сделал ряд наблюдений над населением края. По его свидетельству, местные люди по своим бытовым условиям не отличаются от русских. Они имеют такие же дома, «платье их, почитай,

---

[1] ЦГАДА. Писцовые книги, № 143, лл. 420—420 об.
[2] Там же, № 15057, лл. 589 об.—590.
[3] Там же, № 446, л. 627.
[4] Там же, № 452, л. 182.
[5] ЦГАДА. Приказные дела старых лет, 1656 г., д. 32, л. 132.
[6] ЦГАДА. Писцовые книги, № 505, лл. 513—513 об.
[7] *А. М. Гневушев.* Указ. изд., № 44, стр. 49.
[8] *А. И. Яковлев.* Приказ сбора ратных людей. М., 1917, стр. 437.
[9] ЦГАДА. Приказные дела старых лет, 1678 г., д. 358, л. 2.

с российским сходно, в домех же они живут... как и российские». Они платят такие же подати и отбывают те же повинности, что и русское население. Но они существенно отличаются по языку. «Язык сего народа от российскаго весьма отличается, а с ливонским имеет некоторое сходство»[1].

В конце XVII в. сами крестьяне Сысольских волостей писали, что они «руского языку не разумеют, что у них язык пермской»[2].

Народ коми, вошедший в состав Русского государства еще в XIV в., тогда же получил собственную «пермскую азбуку», составленную для него Стефаном Пермским. Тесное общение народа коми с русским народом привело к тому, что «пермская азбука» была заменена русской. В XVII в. следов применения «пермской азбуки» не встречается. Делопроизводство волостных земских изб в Коми-крае велось на русском языке. Ряд волостей Яренского уезда, населенных почти исключительно коми, был изъят из ведения яренского воеводы и управлялся выборными земскими судейками. Среди этих судеек, по этнической принадлежности, несомненно, коми, встречаются люди грамотные по-русски[3].

* * *

Население Коми-края занималось земледелием, скотоводством, охотой, рыбной ловлей, лесными промыслами.

Несомненными земледельцами были жители Лузской Пермцы. Они имели в среднем около $4^1/_2$ десятин на хозяйство, сеяли рожь, овес и коноплю[4]. Рыбная ловля и охота являлись их подсобным занятием[5].

Иное распределение занятий наблюдается в Вымском уезде. Было земледелие и здесь, но большее значение имели скотоводство и охота[6]. Дозорная книга 1608 г. указывает на специальные охотничьи приспособления: слопцы (капканы), плашки горностайные и перевесья (сети для ловли птиц)[7].

Русское правительство учитывало эту разницу в хозяйственной деятельности населения и в Лузской Пермце производило обложение налогами по пашне, а в Вымском уезде — по дворам.

В официальных документах пашня в Вымском уезде делилась на три поля. Но это только привычный для русских писцов трафарет, так как коми в XVII в. едва ли имели правильный трехпольный севооборот на всей территории края. Академик И. И. Лепехин, наблюдавший хозяйство коми

---

[1] «Путешествие и журнал, по указу великих государей, царей и великих князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича, отправленного из Москвы в Китай господина Эбергарда Избраннедеса посланником в 1692 г. марта 14 дня».— «Древняя Российская Вивлиофика», ч. VIII, М., 1789, стр. 362—364.

[2] РИБ, т. 12, СПб., 1890, № 255, стб. 1220.

[3] ЦГАДА. Приказные дела старых лет, 1655 г., д. 36, лл. 54—54 об.

[4] ЦГАДА. Писцовые книги, № 505, лл. 309—512.

[5] Там же, № 452, лл. 175 об.— 176.

[6] *А. М. Гневушев*. Указ. изд., № 103, стр. 308, 322, 331, 349.

[7] Там же, стр. 267—354.

во второй половине XVIII в., обнаружил у них широкое распространение подсечного земледелия[1]. Трудно допустить, что трехпольное хозяйство XVII в. заменилось в XVIII в. подсечным земледелием.

Больше, чем земледелие, было развито скотоводство. Дозорная книга 1608 г. зарегистрировала на 2330 дворов всех разрядов населения 42 405 копен сена[2]. Чисто промысловый характер носило хозяйство населения Усть-Цилемской и Ижемской слободок.

Ежегодно в июне пустозерцы, усть-цилемцы и ижемцы ходили в устье Печоры и в Болвановскую губу «для рыбных и белужьих промыслов». Продукты морских промыслов они отправляли в Устюг Великий, Соль-Вычегодскую и другие торговые пункты. Иногда они даже пускались по морю на далекие промысла в Обскую губу и далее на р. Таз и в Мангазею[3].

Кроме охоты, рыбной ловли и скотоводства, население Ижемской и Усть-Цилемской слободок занималось сплавом леса по Ижме и Печоре в Пустозерск[4].

* * *

Население Коми-края было в социальном отношении приравнено к черносошному крестьянству русского Севера. Здесь почти не было частного феодального землевладения. Самым крупным из частных землевладельцев являлся вологодский и великопермский архиепископ. В середине XVII в. он владел в Вымском уезде вотчиной Усть-Вым, где насчитывалось 145 крестьянских и бобыльских дворов с населением в 304 человека мужского пола[5].

В частном владении в середине XVII в. находилась и волость Лена[6]. По переписной книге 1646 г., за князем И. С. Прозоровским записано в волости Лене 99 крестьянских, бобыльских и половничьих дворов с населением в 264 человека мужского пола[7].

На территории Коми-края было еще несколько мелких монастырьков, владевших ничтожным количеством дворов (от одного до 10) и эксплуатировавших труд половников и вкладчиков[8].

---

[1] «Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Академией Наук», т. V. Окончание записок академика И. И. Лепехина. СПб., 1822, стр. 210—211.

[2] *А. М. Гневушев.* Указ. изд., № 103, стр. 352—354.

[3] *С. В. Бахрушин.* Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. М., 1927, стр. 71; см. также: Научные труды, т. III, ч. 1, М., 1955, стр. 79—80.

[4] ЦГАДА. Городовые книги по Новгороду Великому, № 96, л. 121; № 14, л. 501; № 15, л. 883; № 16, ч. 2, л. 723; № 28, л. 760; *А. М. Гневушев.* Указ. изд., № 45, стр. 50.

[5] ЦГАДА. Писцовые книги, № 143, лл. 214 об.— 238.

[6] *А. М. Гневушев.* Указ. изд., № 103, стр. 276—278; ЦГАДА. Городовые книги по Новгороду Великому, № 14, л. 367; *С. В. Бахрушин.* Торговые крестьяне в XVII в.— «Ученые записки Ин-та истории РАНИОН», т. V, М., 1928, стр. 261; см. также: Научные труды, т. II, М., 1954, стр. 125.

[7] ЦГАДА. Писцовые книги, № 143, л. 99.

[8] *А. М. Гневушев.* Указ. изд., № 103, стр. 309—310; ЦГАДА. Писцовые книги, № 143, лл. 134—137.

Черносошное крестьянство Коми-края не было социально-однородной массой. По источникам довольно легко прослеживается выделение экономически сильной верхушки, захватывавшей охотничьи и земельные угодья и эксплуатировавшей труд менее обеспеченных слоев крестьянства. Переписная книга 1646 г. позволяет установить, как шел процесс этого расслоения в вымской деревне. Одни крестьяне покидали свои участки и скитались «меж двор», либо переселялись на чужой участок и обрабатывали его в качестве половников. Другие, наоборот, сосредоточивали в своих руках более или менее крупные участки земли и эксплуатировали труд половников [1].

Несомненно, что в хозяйстве деревенской верхушки был товарный хлеб, поступавший на рынок. В Вымском уезде это можно было наблюдать главным образом в волостях, расположенных по берегам Вычегды, где было наибольшее количество половников. Но в целом вымский крестьянин-земледелец был еще очень слабо втянут в рыночные отношения. Большего развития земледелие достигло в Лузской Пермце, где население сбывало часть хлеба на рынке. Развитие хлебного торга в Лузской Пермце можно отметить еще в XVI в., но в период интервенции оно сократилось. Сольвычегодские писцы 1625 г. отметили, что в Ношульском погосте было «жилых с хлебом 8 анбаров... а пустых 18 анбаров» [2]. На падение хлебной торговли указывает большое количество пустых амбаров, превышающее число жилых, т. е. занятых хлебом.

Таможенные книги Ношульской и Объячевской таможен 30-х годов XVII в. свидетельствуют, что в это время хлебная торговля начала оживать. В деревнях и погостах Лузской Пермцы стали появляться скупщики хлеба, приезжавшие из Устюга Великого и Двинского уезда [3].

В конце XVII в. на территории Лузской Пермцы существовало два таможенных пункта — в погосте Объячевском и в деревне Якушево, принадлежавшей к Ношульскому погосту, где собирались «пошлинные деньги с хлебные продажи» [4].

Но переоценивать хлебного сбыта крестьян Лузской Пермцы не следует, так как операции по хлебной продаже были не велики [5].

Связь непосредственного производителя с рынком можно отметить и в области скотоводства. Основными товарами, продававшимися на ярмарках в погосте Туглиме на Вычегде, были сало говяжье и масло коровье [6], поступавшие главным образом от окрестных крестьян.

---

[1] ЦГАДА. Писцовые книги, № 143, лл. 71, 73 об.— 74, 139, 146 об., 148 об., 161 об., 179 об., 180 об., 217 об. и др.; ЦГАДА. Приказные дела старых лет, 1659 г., д. 137, л. 39.

[2] ЦГАДА. Писцовые книги, № 446, л. 632.

[3] «Таможенные книги Московского государства XVII в.», т. I, под ред. А. И. Яковлева, М.—Л., 1950, стр. 362—363, 369.

[4] ЦГАДА. Писцовые книги, № 505, лл. 416 об., 468 об.— 469.

[5] «Таможенные книги», т. I, стр. 370, 406.

[6] *И. С. Макаров.* Волостные торжки в Сольвычегодском уезде в первой половине XVII в.— «Исторические записки», № 1, стр. 209.

Более тесно было связано с рынком промысловое хозяйство крестьян Коми-края. На местные рынки, волостные торжки соседнего Сольвычегодского уезда, а также на более крупные рынки Соли-Вычегодской и Устюга Великого поступали рыба и меха, преимущественно белка, заяц, медвежьи и волчьи шкуры. Несомненно, большую роль играли скупщики — местные и иногородние. К числу таких скупщиков, безусловно, принадлежал Григорий Ерофеев Приезжего, крестьянин погоста Вожема, входившего в состав Усть-Вымской вотчины вологодского и великопермского архиепископа[1].

О скупочных и торговых операциях Григория Приезжего свидетельствует тот факт, что когда в 1628/29 г. яренский воевода покупал «на государев обиход» 18 565 беличьих мехов, самую крупную партию в 5400 штук на 108 руб. он приобрел у Григория Приезжего. Кроме того, белка была куплена еще у шести человек, из которых только один — Михаил Филиппов, продавший 25 штук, может быть признан непосредственным производителем, остальные пять — несомненные скупщики, так как они продали крупные партии белки, от 1500 до 3200 штук в каждой[2]. Из крестьянских торговых семей самой крупной по своим торговым операциям представляется семья Осколковых. Братья Осколковы сосредоточили в своих руках значительное количество земельных участков в разных волостях Вымского уезда и эксплуатировали труд половников[3]. Но их богатство выросло на сибирских торгах и промыслах. По собственному свидетельству Андрея Осколкова с братьями, изложенному в их челобитной 1640 г., их торговые и промысловые операции охватывали большинство сибирских городов[4]. В 1653 г. братья Осколковы были взяты в гостиную сотню[5].

Другой крупной торговой семьей были крестьяне волости Лены — Шангины. Как и Осколковы, Шангины имели земельные участки в Вымском уезде и эксплуатировали труд половников[6]. В то же время они вели большие сибирские торги, которые и доставили им богатство[7].

Крупное значение в хозяйстве крестьян Коми-края имел отход на промыслы. Когда торговые люди Русского государства, в погоне за ценной сибирской пушниной, стали приступать к организации промысловых экспедиций для ловли соболя, они находили в Коми-крае опытных

---

[1] *А. М. Гневушев.* Указ. изд., № 103, стр. 295; ЦГАДА. Писцовые книги, № 143, лл. 58, 215 об.— 216.

[2] ЦГАДА. Городовые книги по Новгороду Великому, № 18, лл. 1178 об.— 1180.

[3] ЦГАДА. Писцовые книги, № 143, лл. 6 об., 56 об., 58 об.—59 об., 82 об.

[4] *С. В. Бахрушин.* Торговые крестьяне в XVII в., стр. 262; см. также: Научные труды, т. II, стр. 126.

[5] ЦГАДА. Приказные дела старых лет, 1653 г., д. 114, лл. 71—72.

[6] ЦГАДА. Писцовые книги, № 143, лл. 35, 59, 85, 89 об., 94 об., 96, 130 об.— 131, 187 об.— 189 об.

[7] *С. В. Бахрушин.* Указ. соч., стр. 261; см. также: Научные труды, т. II, стр. 126—127.

охотников, готовых принять участие в таких экспедициях в далекие места Сибири [1].

Много вымичей ходило на сибирские промыслы и по собственной инициативе [2].

Отход на сибирские промыслы являлся результатом не только промысловой предприимчивости крестьян Коми-края, крестьяне уходили на заработки и вследствие разорения своего хозяйства.

* * *

Сведения о развитии ремесленного труда в Коми-крае очень скудны. Например, в переписной книге 1646 г. по Вымскому уезду имеется всего 20 указаний на ремесленные профессии. Переписчики насчитали девять кузнецов, одного серебреника, трех портных, двух овчинников, двух шерстобитов, двух плотников и одного иконника. Из них на посаде указан только один кузнец, все остальные ремесленники жили по деревням. Несомненно, ремесленников было больше, особенно плотников и кузнецов. В 1653 г., по распоряжению правительства, яренский воевода А. П. Акинфов собрал всех кузнецов, живших на Яренском посаде и в уезде, и отправил их в Москву «для кузнецких скорых дел», «опричь тех, которые кузнецы в Еренском городке у... государевых дел» [3]. Вызов яренских кузнецов в Москву свидетельствует о том, что кузнечное ремесло в Яренском уезде имело известное распространение.

Местные кузнецы использовали болотную руду, из которой добывали кричное железо [4]. На территории коми имелись благоприятные условия для развития плотничного дела — хоромного и судового [5]. Был и специальный центр речного судостроения на территории Коми-края — деревня Якушево, или Якунинская, приписанная к Ношульскому погосту Лузской Пермцы. Каждую зиму здесь строились суда для весеннего сплава по Лузе [6].

Краткие указания источников свидетельствуют об отсутствии или во всяком случае очень слабом производстве на рынок. Из Коми-края вывозились главным образом продукты земледелия, скотоводства, рыбной ловли и охоты. Указаний на вывоз ремесленных изделий не встречается. Судовые плотники тоже работали на заказ. В писцовой книге 1678—1682 гг. прямо подчеркнуто, что «барки делают на торговых людей» [7].

---

[1] *С.В. Бахрушин.* Покрута на соболиных промыслах XVII в.— «Труд в России», Л., 1925, № 1, стр. 72—81; см. также: Научные труды, т. III, ч. I, стр. 198—211.

[2] ЦГАДА. Писцовые книги, № 143.

[3] ЦГАДА. Приказные дела старых лет, 1653 г., д. 114, лл. 167—168.

[4] ЦГАДА. Городовые книги по Новгороду Великому, № 107, л. 145.

[5] *Н. В. Устюгов.* Ремесло и мелкое товарное производство в Русском государстве VXII в.— «Исторические записки», № 34, стр. 182.

[6] ЦГАДА. Писцовые книги, № 505, лл. 468 об.— 469.

[7] Там же, л. 469; *Н. В. Устюгов.* Указ. соч., стр. 183.

Было в Вымском уезде и промышленное предприятие, которое в конце XVII в. достигло довольно значительных размеров. Это соляной промысел Панкратьевых на р. Выми около деревни Сереговой. В конце XVII в. этот промысел давал до 300 тыс. пудов соли ежегодно[1].

Кроме Панкратьевых, пытались организовать соляные промыслы на Выми Соловецкий монастырь и гость О. И. Филатьев. Но их промыслы не достигли крупных размеров. И. Д. Панкратьев упорно боролся со своими конкурентами, и победа осталась за ним[2].

* * *

Географическое положение Коми-края содействовало развитию транзитной торговли. Коми-край находился на большой Сибирской дороге, проходившей по Вычегде, Выми и Печоре. С другой стороны, путь от вятского хлебного рынка к Архангельскому порту пролегал через территорию Лузской Пермцы.

Торговое движение по Сибирской дороге втягивало в торговый оборот и население Коми-края. О росте торговли можно судить по увеличению суммы ежегодных таможенных сборов по Вымскому уезду. Если в 1619/20 г. было собрано 359 рублей 16 алтын 2 деньги, то в 1626/27 г. сумма таможенного сбора составила 946 рублей 19 алтын 1 деньгу, т. е. за семь лет сбор увеличился почти втрое[3].

В 1644 г. в Яренске числилось 10 лавок, в посаде Турье — семь лавок и один амбар[4]. Крупное торговое значение имел также погост Туглим на р. Вычегде. В Туглиме было две ярмарки — одна «на Богоявленьев день» (6 января), другая — «на Благовещенье» (25 марта)[5].

Были достаточно крупные торговые пункты и на территории Лузской Пермцы. Рекой Лузой этот район связывался с Устюгом Великим, а через него с Сухоно-Двинским водным путем. К пристаням на Лузе, прежде всего к Ношульской, стягивалось достаточно хлеба из окрестных деревень. Но в то же время Ношульская пристань начинает играть роль транзитного пункта, связывавшего Вятскую землю с морским портом — Архангельском.

В последней четверти XVII в. Ношульская пристань превратилась в транзитный пункт для перевозки казенного хлеба. С 1675 г. в Ношуль-

---

[1] Более подробно о соляном промысле Панкратьевых см. главу I, § 3 настоящего издания.

[2] *А. А. Савич.* Соловецкая вотчина XV—XVII вв. Пермь, 1927, стр. 84—85; ЦГАДА. Городовые книги по Новгороду Великому, № 156, л. 474 об.; № 157, л. 5; Писцовые книги, № 15057, лл. 336—336 об.; ***В. Г. Гейман.*** Соляной промысел гостя И. Д. Панкратьева в Яренском уезде в XVII в. — «Летопись занятий Археограф. Комиссии», вып. 35, Л., 1929, стр. 28—30.

[3] ЦГАДА. Городовые книги по Новгороду Великому, № 14, лл. 367 об.— 368; № 18, лл. 1175 об.— 1176.

[4] Там же, № 28, лл. 553 об., 565 об.

[5] ЦГАДА. Приказные дела старых лет, 1659 г., д. 137, л. 60.

ском погосте стали строить казенные амбары, и к 1682 г. их было уже 24. Эти амбары имели специальное назначение: «В них сыплют, привозя с Вятки, великого государя всякой хлеб... и отсылаетца де тот хлеб х Комагорам на жалованье стрельцом»[1].

Интенсивное движение хлебных грузов по Лузе давало заработок местному населению, работавшему на судах в ярыжных (бурлаках) и занимавшемуся поставкой судового леса и судостроением[2].

Усть-Цилемская и Ижемская слободки не имели собственного крупного торга. В них были организованы таможенные заставы, где регистрировалось торговое движение в Сибирь и из Сибири и взималась проезжая пошлина с торговых людей.

* * *

С середины XVI в. во главе местного управления Коми-края стояли выборные земские судейки, которые собирали казенные денежные доходы с местного населения и отправляли их в Москву, а также решали судебные дела между крестьянами. В начале XVII в. в Вымском уезде появился местный представитель центральной власти — воевода. Административным центром края сделался Яренск (Еренский городок).

Самый характер воеводского управления рождал вполне законное желание освободиться от подчинения воеводе. Тяжесть фискального гнета царского правительства усиливалась еще произволом местных воевод, которые, заехав в отдаленный край, подобный Вымскому уезду, не страшились царской опалы и чувствовали себя полными хозяевами положения.

Население Сысольских волостей и волости Ужги в 1628—1629 г. добилось независимости от яренского воеводы[3]. К середине XVII в. того же добилось население Глотовой слободки, Удорской и Вишерской волостей[4].

Аналогичную независимость от сольвычегодского воеводы получили и крестьяне Лузской Пермцы. По их настоянию, старая уставная земская грамота середины XVI в., предоставлявшая им право непосредственного сношения с Москвой, была переписана на имя царей — Михаила и Алексея Романовых[5].

Центральное правительство, изымая отдельные волости из воеводского управления, рассматривало это как определенную привилегию и при всякой неисправности поступления денежных сборов угрожало возвращением к старому порядку[6].

---

[1] ЦГАДА. Писцовые книги, № 505, л. 464.

[2] *Н. В. Устюгов.* Работные люди на Сухоно-Двинском водном пути в первой половине XVII в.— «Исторические записки», № 6, стр. 180—181.

[3] ЦГАДА. Городовые книги по Новгороду Великому, № 18, л. 1178.

[4] ЦГАДА. Приказные дела старых лет, 1653 г., д. 114, лл. 167—168.

[5] Там же, 1656 г., д. 32, лл. 105—119.

[6] Там же, 1655 г., д. 36, лл. 111—112, 241—245.

Население Коми-края, как и черносошное крестьянство русского Севера, «тянуло тягло», т. е. вносило денежные платежи и отбывало службы в пользу государства[1].

В отступление от общего порядка обложения черносошных крестьян население Вымского уезда и Ижемской и Усть-Цилемской слободок платило данные деньги не по сошному письму, а по полуполтине с двора.

Для сбора стрелецких денег все население Коми-края было положено в сошное письмо, причем во всем Яренском уезде считалось около $4^1/_2$ больших сох[2].

Прямые налоги и таможенные и кабацкие сборы ложились тяжелым бременем на население. Изъятие прямых налогов из рук воевод и передача их в ведение выборных мирских органов давали известное облегчение, и население пыталось распространить это право и на сбор таможенной пошлины и кабацкой прибыли. После упорной борьбы население некоторых волостей этого добилось[3].

Но к 1665 г. накопилась большая недоимка по кабацким сборам — 956 рублей 14 алтын 5 денег. 15 декабря 1655 г. из Москвы была отправлена царская грамота с категорическим требованием прислать деньги «без недобору все тотчас, безо всякого мотчанья». В противном случае было обещано строгое наказание и подчинение их яренскому воеводе[4].

Судя по тому, что Сысольские волости не были переданы в ведение яренского воеводы, надо думать, что они заплатили кабацкий недобор. Но порядок взимания таможенных и кабацких доходов был изменен: правительство передало эти сборы «на веру», т. е. поручило их выборным головам и целовальникам Яренского уезда. Уже в 1658 г. поступила челобитная от земских судеек Сысольских волостей, чтобы им было разрешено таможенный сбор вносить в форме постоянного оклада по 200 руб. в год. Эта просьба была удовлетворена[5].

Особенно обременительной для населения Коми-края была ямская гоньба. В летнее время население было обязано поставлять гребцов и ярыжных на суда, перевозившие служилых людей или казенный груз, зимой требовались подводы. Разбросанность волостей уезда и огромные расстояния между ними создавали дополнительные трудности при выполнении этой повинности.

Многообразные платежи и повинности были тяжелы, и не всегда население имело возможность своевременно внести все, что было положено

---

[1] Более подробно см. главу I, § 6 и главу III, § 7 настоящего издания.

[2] *С. Б. Веселовский.* Сошное письмо, т. I, М., 1915, стр. 8—9, 54, 193, 200.

[3] ЦГАДА. Городовые книги по Новгороду Великому, № 14, лл. 367 об.— 368, 370; № 13 в, лл. 218—218 об., 220; № 15, лл. 577—577 об.,579—579 об.; № 16, ч. 2, лл. 502 об.— 505; № 18, лл. 1175 об.— 1176; № 22, лл. 236—236 об.; № 23, лл. 430 об.— 432; № 28, лл. 552, 571—572; Приказные дела старых лет, 1655 г., д. 36, лл. 111—112; 1661 г., д. 23, лл. 1—3.

[4] ЦГАДА. Приказные дела старых лет, 1655 г., д. 36, лл. 111—112.

[5] Там же, 1661 г., д. 23, лл. 1—3.

по окладу. Приходные книги Новгородской четверти постоянно отмечают недоимки по различным взносам, причем эти недоимки иногда затягивались на несколько лет[1].

Тяжесть повинностей усиливалась неравномерностью раскладки, что характерно для Поморья в целом. Крестьяне-бедняки, не выдержав фискального гнета, «метали свои деревнишки впусте» и шли «безвестно», либо отправлялись на промыслы в Сибирь, а затем перевозили туда и семьи, окончательно порывая связь с прежним местом жительства.

Но еще больше население Коми-края страдало от произвола и насилий воевод. Если воеводы нисколько не стеснялись с русскими крестьянами, то легко себе представить, какой жестокой эксплуатации подвергались коми, которые часто не знали русского языка и не могли пожаловаться, куда следует. Особенного разгула достигал воеводский произвол в волостях, наиболее отдаленных от уездных центров. Так, коми Ижемской и Усть-Цилемской слободок подвергались ежегодным разорительным наездам пустозерских воевод. Пустозерск отстоял от этих слободок на расстоянии 500 верст. Тем не менее воеводы каждое лето наезжали в слободки и грабили население, отбирая у него все, что можно было взять. Яркая характеристика воеводских насилий содержится в деле, возникшем в начале 1661 г. по челобитью земского целовальника Ижемской и Усть-Цилемской слободок Г. И. Терентьева. Челобитчик подвел и денежный итог насилиям и поборам со стороны двух пустозерских воевод — Дмитрия Жеребцова и Федора Неелова. Жеребцов в первое лето своего воеводства взял деньгами, мягкою рухлядью (мехами), кормами и подводами 193 руб., во второе лето — 225 руб. «А што с нас, сирот твоих,— прибавляет челобитчик,— имано особного загрозами, и мы тому и промеру не ведаем». Воевода Федор Неелов в первое лето взял 178 руб. и со своими стрельцами съел за лето 17 быков и коров и 25 баранов. Кроме того, Ф. Неелов взял бесплатно 18 ведер казенного вина и тем самым оставил кружечные дворы без продажного питья[2].

* * *

Фискальный гнет и колониальные приемы эксплуатации нерусского населения ложились тяжелым бременем на трудящиеся массы Коми-края.

Наиболее распространенной формой классовой борьбы были побеги. Но иногда коми выступали и с активными протестами. Широкого размаха такие движения не получали. Так, в 1633 г. коми Сысольских волостей, Ужги и Глотовой слободки, не уплатили за два года денег, которые полагались с них вместо отправки сибирских хлебных запасов, и

[1] ЦГАДА. Городовые книги по Новгороду Великому, № 22, лл. 234 об., 236—236 об.; № 28, лл. 550—551, 565, 776, 778, 785; Приказные дела старых лет, 1656 г., д. 32, лл. 128—135.

[2] ЦГАДА. Приказные дела старых лет, 1660 г., д. 129, лл. 505—525.

не выслали необходимого количества людей для участия в постройке укреплений г. Яренска. К ним был послан из Москвы специальный пристав Иван Борыков для взыскания недоимки, причем население было обязано уплатить ему прогоны. Когда И. Борыков приехал в названные волости, «тех волостей старосты и все крестьяне государеву указу не послушались и ему, Ивану, во всем отказали и прогонов править на себе не дали и учинились сильны, и ево, Ивана, лаяли и розсыльщиков били». За это сопротивление правительство распорядилось послать «на тех непослушников» 10 стрельцов от Соли Вычегодской, которые должны были наиболее виновных наказать кнутом и «посадить в тюрьму на три дни, чтобы на то смотря, вперед им так неповадно было воровать — государеву указу ослушатца». Десяти стрельцов оказалось достаточно, чтобы подавить сопротивление[1].

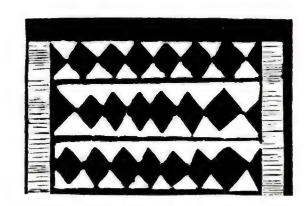
Столь же незначительны были выступления крестьян Удорской волости в 1648—1649 гг.[2] и Лузской Пермцы в 1654—1656 гг.[3] против взимания питейных сборов[4].

[1] ЦГАДА. Приказные дела старых лет, 1633 г., № 4, лл. 226—228.

[2] Там же, 1655 г., д. 36, лл. 115—120.

[3] Там же, 1656 г., д. 32, лл. 95—97, 105—119, 128—135.

[4] При составлении настоящего раздела использован материал гл. 4 издания: «Очерки по истории Коми АССР», г. I, Сыктывкар, 1955, стр. 97—146.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

НАРОДЫ ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ

1

НАРОДЫ ПОВОЛЖЬЯ

Хозяйственный быт местного поволжского населения (татар, мордвы, чувашей, мари, удмуртов) с подчинением русской власти не подвергся резким изменениям.

В хозяйстве татар первое место занимало земледелие. Земледелием занимались и другие народы Поволжья. Однако, как общее правило, писцовые книги отмечают сравнительно небольшую запашку, причем, судя по данным писцов, земли часто представляли собой пустоши, лежали под перелогом. Очень энергично шла расчистка леса под «покосы». Луга, сенокосы, «большие и малые полянки» упоминаются в значительном числе. Очень крупное место в хозяйстве народов Поволжья занимали промыслы, особенно бортный. «Бортные ухожаи» иногда составляли частную собственность отдельных бортников, которые высекали на бортных деревьях принадлежавших им лесных участков свои «знамена» (тамги). Иногда «ухожай» принадлежал группе бортников, но и в этом случае часто наблюдалась тенденция к разделу общих бортных владений на индивидуальные «юрты». Из других промыслов большое значение имело рыболовство. Различные виды рыбных ловель постоянно встречаются во владении целых деревень и отдельных лиц. О распространении охотничьих промыслов свидетельствует обилие охотничьих угодий: «бобровых гонов», «перевесьев», лесных вотчин[1]. В целом следует отметить, что хозяйство поволжских народов в XVII в. далеко еще не утратило своего промыслового характера.

В жизни сельского населения Поволжья сохранялись общинные порядки. Многие дела решались на сельских сходах. Официальным представителем общины являлся выборный староста. Следы общинного владения угодьями выступают в отсутствии точных границ между отдельными промысловыми «вотчинами», в совместной эксплуатации их всеми «вотчинниками» и т. д.[2]

---

[1] ЦГАДА. Фонд Инсарского уездного суда 1672—1707 гг., № 69, л. 21.

[2] *С. Мельников.* Акты исторические и юридические и древние царские грамоты Казанской и других соседственных губерний, т. I, Казань, 1859, № XXV, стр. 47—48.

Сенокос. Деталь карты Поволжья из книги А. Олеария, изд. 1656 г.

Однако происходило разложение общины, выражавшееся в имущественном расслоении. «Ясаки» (т. е. участки, с которых платили ясак) и промысловые «вотчины» были неравномерны. Из ясачного населения выделялась более зажиточная часть, которая вела хозяйство при помощи зависимых от них людей[1].

Ремесло среди народов Поволжья было развито слабо. Правда, писцовые и переписные книги поволжских городов XVII в. позволяют отметить некоторый рост городского населения, т. е. ремесленников и торговых людей, но этнический состав этих горожан трудно поддается выяснению. В связи с построением новых укрепленных линий, в частности Закамской, возникают новые города. Несомненно, что среди посадского населения преобладали русские. В деревнях была развита промышленность по обработке продуктов скотоводства — кожевенное производство (юхотный товар), скорняжное дело, выделка валенок. Крупного производства на рынок не было. Эти промышленные изделия производились в крестьянском хозяйстве, и самое их производство едва ли выходило за рамки домашней промышленности. В лучшем случае можно говорить о специалистах-ремесленниках, работавших на заказ. На рынок их изделия попадали при посредстве скупщиков.

* * *

Русская колонизация территории бывшего Казанского ханства, начиная со второй половины XVI в., не могла не отразиться на судьбах приволжских народов — татар, мордвы, мари, удмуртов и чувашей.

---

[1] Сб. РИО, т. 115, стр. 315—316.

Мари. Гравюра из книги А. Олеария, изд. 1656 г.

За Волгой, в собственно Казанском уезде, по берегам Волги, Камы и Вятки, русская колонизация начала интенсивно развиваться в XVII в. Русское население двигалось сюда по двум направлениям: с запада, из центра страны, и с востока, из Вятского края.

Одновременно со строительством Симбирской оборонительной линии происходило ее заселение военными людьми, как русскими, переведенными из других мест, так и татарскими, мордовскими и марийскими князьями и мурзами, устроенными здесь «на вечное житье».

В более южных районах, лежавших за Симбирской оборонительной чертой, в 60-х годах XVII в. были расположены целые деревни служилых новокрещенов из числа свияжских и казанских татар, поселенных правительством большими группами для обороны от нападений ногайцев.

В 50-х и 60-х годах XVII в. правительство поселило в значительном количестве по рекам Утке и Майне пленную смоленскую, а затем полоцкую шляхту, оставшуюся на русской службе[1].

Поселенные по рекам Утке и Майне служилые люди обеспечивались не только землей, но и рабочей силой. Так, в 1668 г. царское правительство распорядилось перевести на земли, отданные полоцкой шляхте,

[1] *Г. Перетяткович.* Поволжье в XVII и в начале XVIII в. Одесса, 1882, стр. 261.

крестьян из дворцовых сел соседних Казанского, Свияжского, Царевококшайского и Яранского уездов[1]. В результате были закрепощены сотни крестьянских семейств. Указ был приведен в исполнение, повидимому, не без сопротивления со стороны подлежащих набору крестьян. Это видно из того, что будущих крепостных полоцкой шляхты пришлось передать на «береженье» крестьянам тех сел и деревень, «с кого они взяты»[2].

Серьезная опасность грозила землевладению поволжских народностей, служилому и ясачному, со стороны русских феодалов. Энергичную колонизацию в Поволжье развивала церковь.

В середине XVII в. по рекам Майне и Утке образовались огромные патриаршие владения. Одной пашенной земли насчитывалось до 15 тыс. десятин. Патриаршие приказчики привлекали в эти вотчины крестьян из соседних уездов. В конце 50-х — начале 60-х годов отсюда было возвращено прежним владельцам до 1000 беглых крестьян, в том числе значительное количество мордвы и чувашей Свияжского и Казанского уездов[3].

У свияжского Троицкого монастыря было в конце XVI в. три сельца вблизи Свияжска, которые в XVII в. выросли в большие села. В вотчинах Преображенского монастыря в Казанском уезде количество крестьянских дворов увеличилось за первые четыре десятилетия XVII в. почти втрое, а пашня — даже более чем в три раза[4].

Значительны были успехи дворцовой колонизации. Так, около самой Казани выросли дворцовые село Борисоглебское и деревня Караваева.

На территории Среднего Поволжья водворялись русские помещики. Под видом «порозжих» участков они захватывали пашни, сенные покосы, промысловые угодья местных жителей[5]. В 1644 г. посланные казанцем Данилой Злобиным в чувашскую деревню Ажермы люди изрубили ворота и увезли к себе разломанные прясла, уничтожили и перепахали грани и межи, посеяли на захваченной у чувашей земле хлеб, а в чувашских полях и лугах стали травить хлеб и траву своей скотиной. В результате расследования посланными из Казани подьячими спорная земля отошла к Д. Злобину, несмотря на веские аргументы противной стороны, ссылавшейся на отводные книги XVI в. и на то, что спорные покосы были некогда расчищены из-под леса самими чувашами[6].

В Нижнее Поволжье шла колонизация как русского крестьянства, так и нерусского населения Поволжья — татар, чувашей, мордвы и мари.

---

[1] *Г. Перетяткович.* Указ. соч., стр. 259.

[2] Там же, стр. 261.

[3] *А. А. Новосельский.* Побеги крестьян и холопов и их сыск в Московском государстве второй половины XVII века.— «Труды Ин-та истории РАНИОН», т. I, М., 1926, стр. 336—337.

[4] *И. М. Покровский.* К истории казанских монастырей до 1764 г.— «Известия Об-ва археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те», т. XVIII, вып. 1—3, Казань, 1902, стр. 17—22.

[5] ЦГАДА. Поместный приказ. Отказные книги по Казани, № 1, лл. 564, 566 и 569.

[6] Там же, лл. 565, 566, 569.

Вслед за смоленской и полоцкой шляхтой на реках Майне и Утке стали обосновываться мордовские выходцы из Нижегородского и других уездов. Поселения мордвы в данном районе и далее к югу чередовались с деревнями русских крестьян, пришедших из уездов Нижегородского, Тетюшского, Симбирского, Саранского и Темниковского. По р. Уреню селились рядом друг с другом русские крестьяне, мордва и татары[1]. На р. Кандале образовалось большое поселение Кандала, представлявшее собой яркий образец того, как со всех сторон стекалось население в этот край. По писцовой книге, в этом селе значатся «сходцы» из 22 различных уездов.

* * *

Бывшие вассалы казанских ханов, татарские князья и мурзы, чтобы сохранить свое господствующее положение, должны были признать новую власть. Из местных феодалов был образован в 1638 г. особый отряд служилых мурз и татар, в количестве 300 человек, под командой головы из русских служилых людей. В состав этого отряда вошли и «новокрещены». Позже число служилых татар значительно увеличилось ввиду необходимости усилить оборону русских границ со стороны степи. В службу были поверстаны и «служилые мордовские мурзы». Когда в поволжских уездах были организованы рейтарские полки, они также пополнялись татарами, мордвой и другими народностями Поволжья.

Служилые мурзы и татары всячески стремились добиться обеспечения, какое давалось русским служилым людям «по отечеству», и неоднократно ссылались на свои военные заслуги[2].

В 1652 г. служилым людям «по отечеству» из числа татар и других народов Поволжья были установлены поместные и денежные оклады, как русским служилым людям[3]. Служилым людям «приборных чинов» из татар, мордвы, мари и чувашей отводились небольшие участки земли и других угодий не индивидуально, а группами, в общей меже.

Среди служилых татар некоторая часть принадлежала к крупным землевладельцам. В числе их владений писцовые книги упоминают земли, бортные ухожаи, бобровые гоны, мельницы. У многих были крепостные крестьяне; у большинства были холопы — «закладные люди» и взятые во время войн «полоняники».

Несмотря на тяжесть, военная служба создавала для татарских и мордовских феодалов привилегированное положение, которым они широко пользовались в целях укрепления своих социальных позиций за счет ясачных людей. Не довольствуясь своими вотчинами и поместьями, они стремились путем захвата земель ясачного населения расширить свои владения, а некоторые татарские феодалы присваивали себе даже право собирать

[1] *Г. Перетяткович.* Указ. соч., стр. 298.

[2] *С. Мельников.* Указ. изд., т. I, № XXXVIII, стр. 67; ЦГАДА. Поместный приказ. Отказные книги по Казани, № 6/6486, л. 633.

[3] ПСЗ, т. I, № 86/III, стр. 269—271.

«украдом» ясак с местного крестьянства[1]. Нерусское население Поволжья активно выступало против отвода земель как русским помещикам, так и местным феодалам[2].

В частную феодальную зависимость попала лишь незначительная часть местного населения Поволжья. Основная масса крестьянства эксплуатировалась непосредственно государством. Повинности, поступавшие до покорения Казани в ханскую казну, стали затем поступать в царскую казну[3].

Для большинства нерусского населения Поволжья ясак и в XVII в. являлся основной государственной повинностью. Часть земель вместе с их населением была взята в дворцовое ведомство. Дворцовые села не платили ясака, с них взимался натуральный оброк или хлебом («посопный хлеб»), или медом в зависимости от характера хозяйства — земледельческого или промыслового.

Ясак первоначально собирался пушниной — белкой и куницей. В XVII в. он был переведен на деньги. «Ясачные» и «куничные» деньги взыскивались с земли и других угодий, принадлежавших той или иной деревне. В Свияжском уезде единицей обложения служил «ясак» или «жеребей», соответствовавший русской выти. На него приходилось пашни «по 10 чети в поле, а в дву потому ж, сена по сту копен»[4]. В поселениях Симбирского уезда, где жили ясачные чуваши, татары и мордва, в 1665—1667 гг. на отдельный двор падало от половины до целого ясака[5].

Посопный хлеб взимался с мордвы в размере по «две чети ржи, овса тож» с выти пашни[6]. В 1663 г. вместо посопного хлеба в дворцовых селах была введена государева десятинная пашня. Она обрабатывалась крестьянским инвентарем, причем весь урожай поступал в царскую казну[7]. В последней четверти XVII в. «за посопный и десятинный хлеб» с населения стали брать деньги.

Вследствие тяжести обложения в поволжских уездах там из года в год накапливались недоимки по денежным платежам и натуральным взносам в казну.

Тяжелой повинностью для населения Поволжья явилось «валовое дело», т. е. работы и службы, связанные с устройством и охраной оборо-

---

[1] *С. Мельников.* Указ. изд., № XXV, стр. 49.

[2] ЦГАДА. Поместный приказ. Отказные книги по Казани, № 5/6485, л. 670; № 34/6514, л. 816.

[3] ПСРЛ, т. XIII, первая половина, стр. 282.

[4] *С. Мельников.* Указ. изд., № VI, стр. 12.

[5] «Архив Симбирского окружного суда», вып. 2, Симбирск, 1905, стр. 92—93; *А. Н. Зерцалов.* Материалы для истории Симбирска и его уезда (Приходо-расходная книга Симбирской приказной избы 1665—1667 гг.). Симбирск, 1896, стр. 49—85.

[6] *А. А. Гераклитов.* Арзамасская мордва по писцовым и переписным книгам XVII—XVIII вв.— «Ученые записки Саратовского гос. ун-та», т. VIII, вып. 2, Саратов, 1930, стр. 54.

[7] *И. Я. Гурлянд.* Приказ великого государя тайных дел. Ярославль, 1902, стр. 354.

нительных линий Симбирской и Закамской черты. К участию в «валовом деле» привлекались русские люди в количестве по одному человеку с пяти дворов, ясашные — с трех дворов. Количество пеших и конных «деловцов», участвовавших ежегодно на строительстве одной только Симбирской черты, достигало 4 тыс. [1]

Тяжелы были для ясачного населения Поволжья ямская повинность, постои и поборы со стороны проезжавших приказных людей.

Несколько в ином положении находилось нерусское население северной части бывшего Казанского ханства — удмурты. После включения удмуртов в состав Русского государства правительство приравняло их к черносошному крестьянству русского Севера как в отношении землепользования, так и в отношении повинностей. У удмуртов было то же долевое землевладение, какое характерно для русского черносошного крестьянства, земельные участки путем купли-продажи концентрировались в руках экономически сильной верхушки, деревенская беднота, лишаясь своих земель, была вынуждена работать в качестве половников на землях своих односельчан. Удмурты несли те же повинности, что и русские крестьяне, т. е. платили данные и оброчные деньги в течение первых трех четвертей XVII в. и стрелецкие деньги с 20-х годов до конца XVII в., а также отбывали ямскую гоньбу в натуре. Мирская организация у удмуртов ничем принципиально не отличалась от такой же организации у русских крестьян.

* * *

Одним из средств, способствовавших внедрению в Поволжье крепостнического режима, было обращение нерусского населения в христианство. Строя церкви и монастыри, правительство применяло самые разнообразные способы обращения в христианство. Новокрещенам предоставлялся ряд льгот и наград: временное освобождение от податей, денежные ссуды и выдача одежды. Для феодальной верхушки местного общества крещение было путем к получению различного рода привилегий. Там, где все перечисленные выше способы насаждения христианства оказывались недостаточными, власти прибегали к прямому насилию. Насильственное крещение широко применялось в мордовских областях во времена патриарха Никона [2].

Чтобы побудить феодалов Поволжья к переходу в христианство, при царе Федоре Алексеевиче последовало запрещение некрещеным татарским помещикам владеть христианами. Многие мурзы пошли на перемену веры, чтобы сохранить свои привилегии [3].

---

[1] «Книга строельная г. Симбирска», Симбирск, 1897, стр. 93.

[2] «Документы и материалы по истории Мордовской АССР», т. I, Саранск, 1940, № 69—70, стр. 297—300.

[3] «Известия Об-ва археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те», т. XI, вып. 3, Казань, 1893, стр. 283.

За служилыми татарами, оставшимися в мусульманстве, были сохранены права на некрещеное крестьянское население их земельных владений.

* * *

Рост феодальной эксплуатации как со стороны местных, так и русских феодалов, а также политика царизма вызывали неоднократные и разнообразные по форме выступления угнетенных масс в Поволжье. Наиболее распространенной формой классовой борьбы были побеги, которые иногда приобретали массовый характер. Известен ряд стихийных разрозненных выступлений против феодалов. Иногда эти движения выливались в крупные восстания, которые обычно совпадали с массовыми выступлениями русских крестьян. В движениях поволжских народов следует отличать антифеодальный протест трудящихся масс от позиции феодальных верхов. Непосредственные производители боролись против феодально-крепостнического гнета как со стороны местных, так и русских феодалов. Совершенно иные цели преследовали принимавшие участие в восстаниях и даже иногда возглавлявшие их татарские, мордовские и другие феодалы. Пытаясь использовать недовольство крестьян политикой царского правительства, они иногда направляли движение социальных низов по пути борьбы за восстановление независимости Казанского ханства. Таким образом, в своих выступлениях татарские и мордовские феодальные верхи руководствовались реакционными политическими мотивами. Они выдвигали чуждые местному крестьянству лозунги отторжения Поволжья от Русского государства на правах отдельного самостоятельного ханства.

Так, в 1615 г., при известии о начале сбора запросных денег велась агитация среди мари против сбора этих денег[1]. Мари и чуваши вели «меж собою» разговоры: «по ся места де мы заодно не стояли за себя, а ныне де дождались на себя сверх ясаков лишних наметов..., и мы де розбежимся по лесом или, собрався, станем за собя и денег не дадим, а русским де людем ныне и самим до себя»[2]. Феодальная верхушка нерусских народностей, таким образом, подчеркивала, что Русское государство в данный момент переживает очень тяжелые дни, и это время является благоприятным для всякого рода сепаратистских тенденций. Правительство, учитывая подобные настроения, было вынуждено отменить экстренные сборы с коренного населения Поволжья[3]. В том же 1615 г. в Казанском крае вспыхнула «Еналеевщина»,—восстание, организованное татарскими феодалами под начальством «изменника» — служилого татарина Джан-Али Елыхметева.

---

[1] *С. Б. Веселовский.* Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича. М., 1909, № 47, стр. 157.

[2] Там же, № 49, стр. 160.

[3] Там же, № 48, стр. 158.

В Крестьянской войне под предводительством С. Т. Разина принимали деятельное участие татары, чуваши, мари, мордва, удмурты. Поднялись все крестьяне, русские и нерусские. «Прелестные письма» Разина были обращены ко всей «черни» Казанского края: к «руским людем, и татаром, и чюваше и мордве». Одно из таких прелестных писем привез в Цивильск свияжский татарин Алмакай. Чуваши Свияжского уезда Иштерекабыз с товарищами поднимали жителей Луговой стороны на восстание, чтобы они «с ними же, Нагорные стороны с татарами и чювашею, были заодно с... Разиным». Свияжский воевода Петр Годунов был убит. Отряды Разина беспрепятственно проходили по мордовской территории, пополняясь большим количеством вливавшегося в них мордовского населения. Движение захватило и часть служилых татар. Не случайно Разин призывал в своих прелестных письмах население: «Мурз и татар, и чернь... не тронуть, и домов их не разорять...»[1]. Но местная феодальная знать в своем большинстве осталась верной царскому правительству и весьма решительно помогала ему подавлять восстание Разина. Служилые татары Горной стороны даже бежали с семьями «от воровских казаков, от разоренья... покаместо смятенное время минетца»[2]. В 1680 г. и позднее мордовские и татарские мурзы ставили себе в заслугу, что они активно боролись с восстанием С. Т. Разина[3].

Антифеодальная война русского крестьянства и крестьянства нерусских поволжских народов под предводительством С. Т. Разина свидетельствует о проявлениях дружбы народов СССР, скрепленной борьбой против царизма и господствующих классов.

2

БАШКИРИЯ

Под народами Приуралья в XVII в. разумелись башкиры и то нерусское население, которое в XVI—XVII вв. переселилось на территорию Башкирии из Поволжья и Сибири.

Башкирия в XVII в. занимала обширную территорию, в состав которой входили весь Южный Урал, значительная часть Предуралья и Зауралья и степи по среднему течению Яика (Урала) и верховьям Тобола с их притоками. Плодородная почва этого края открывала широкие возможности для занятия земледелием, привольные степи, покрытые сочной травой, создавали благоприятные условия для развития скотоводства, девственные леса обоих склонов Урала и лесные массивы Предуралья и Зауралья позволяли заниматься всякими лесными промыслами, в частности бортничеством (лесным пчеловодством) и собиранием дикого хмеля. Леса и

---

[1] *С. И. Порфирьев.* Разинщина в Казанском крае. Казань, 1916, стр. 13, 25.
[2] *С. Мельников.* Указ. изд., № XXIX, стр. 53.
[3] ЦГАДА. Поместный приказ. Отказные книги по Казани, № 6/6486, л. 633.

степи Башкирии были богаты пушными и другими зверями, в Уральских горах таились богатые залежи полезных ископаемых.

Общее количество населения края не поддается точному учету, так как писцовых и переписных книг по Башкирии не составлялось. Коренное население Башкирии не отбывало тягла, оно платило ясак. Но ясачные книги, по которым взимался ясак, не сохранились. Свидетельства более поздних источников (XVIII в.) позволяют придти к заключению, что в ясачные книги вносились лишь лица, ответственные за сбор ясака. В документах XVIII в. сохранились сведения о ясачном окладе 1631/32 г., по которому в ясачные книги было включено 6188 человек[1].

Казанский губернатор А. П. Волынский в своей записке о башкирском вопросе, составленной в 1730 г., считал, что лет за 20 до этого времени, т. е. в самом начале XVIII в., «не было прямых башкирцов больше 35 000 или по крайне мере 40 000, а ныне з беглецами стало больше 100 000»[2].

Первый начальник Оренбургского края И. К. Кириллов считал в начале 1737 г., что собственно башкир всего около 40 тыс.[3]

По переписи 1739 г., в Башкирии оказалось 84 655 душ обоего пола. В это число вошли и башкиры и то пришлое население, которое поселилось на их землях[4].

В свете этих данных можно предположить, что в XVII в. собственно башкир было около 25—30 тыс. мужского пола, или 50—60 тыс. обоего пола.

Основным занятием населения Башкирии было кочевое и полукочевое скотоводство и охота. В башкирских стадах преобладали лошади и овцы, меньше было крупного рогатого скота, коз и верблюдов. Башкирский скот круглый год находился на подножном корму. Постепенно башкиры перешли к сенокошению и заготовке сена на зиму. Под влиянием русского и нерусского населения, проникавшего из Поволжья в Башкирию, размеры сенокошения увеличились[5].

Основным районом кочевья башкир была территория, непосредственно прилегающая к Уфе, и горы Южного Урала. Степные просторы южной и юго-восточной Башкирии использовались главным образом как охотничьи угодья, где устраивались облавные охоты. В лесах горной Башкирии население занималось бортничеством и собиранием дикого хмеля.

В северной части Башкирии было земледелие и, повидимому, издавна. Были посевы и в западной Башкирии, что обусловливалось плодородной почвой и благоприятным климатом. Несомненно, что крупную роль в развитии здесь земледелия сыграло влияние в первую очередь земледельче-

---

[1] ЦГАДА. Дела Правит. Сената по Соляной конторе, кн. 368/2861, лл. 371об.—372.

[2] «Материалы по истории Башкирской АССР», ч. 1, М.—Л., 1936 (далее — «Материалы»), № 134, стр. 302.

[3] ЦГАДА. Дела Правит. Сената по Кабинету, кн. № 87/1164, л. 72—72 об.

[4] Там же, кн. № 106/1183, лл. 538—539.

[5] Например, «Материалы», ч. 1, № 41, стр. 160; ЦГАДА. Столбцы Сибирского приказа, № 663, л. 10.

ского населения Поволжья и Прикамья, которое с конца XVI в. стало переселяться в Башкирию.

Таким образом, в хозяйственном отношении Башкирия XVII в. не представляла собой единого целого. Степень развития производительных сил в разных частях Башкирии была неодинаковой. Всю территорию края можно разделить на две крупных хозяйственных области: земледельческо-скотоводческую (северо-западная и западная части Башкирии) и скотоводческую (восточная и южная). Северо-западная части Башкирии, т. е. территория Осинской дороги и часть Казанской [1], была районом оседлого земледелия [2]. Судебные дела XVII в. о спорных землях между башкирами Осинской дороги обычно касаются пашен и сенных покосов [3].

Достаточно развито было земледелие и в пределах Казанской дороги [4]. Правда, башкиры Казанской дороги летом выезжали на кочевки, но эти кочевки они совмещали с оседлым земледелием, и их скотоводство было полукочевым — зимой скот содержался в стойлах.

В южной и восточной частях Башкирии преобладало кочевое скотоводство. Земледелие было развито недостаточно. Но и здесь в течение XVII в. оно достигло некоторых успехов. Если в 1635 г. уфимский воевода Н. Д. Вельяминов писал в Москву, имея в виду башкир Ногайской дороги, что «хлеба де они, башкирцы, не пашут» [5], то для второй половины XVII в. источники уже отмечают земледелие и здесь, правда, в небольших размерах [6]. Зауральские башкиры в 80-х годах XVII в. сеяли хлеб и косили сено на берегах р. Синары [7].

Производство промышленных изделий в Башкирии не выходило из рамок домашней промышленности. Башкиры производили в своем хозяйстве предметы бытового обихода, одежду и оружие — охотничье и боевое, делали холст и войлок. Знали башкиры и употребление железа. Они изготовляли топоры, железные наконечники для стрел, сабли и копья. Производство предметов бытового обихода лежало главным образом на женщинах.

Русское правительство интересовалось природными богатствами Башкирии, в частности, полезными ископаемыми. Но широко поставленных

[1] Башкирия делилась на четыре дороги. Возможно, что это русская переделка монгольского слова «даруги», как назывались административные округа, на которые делилась Монгольская империя и ее часть—Золотая орда. Западная часть Башкирии называлась Казанской дорогой, центр и южная — Ногайской, восточная — Сибирской. Четвертая дорога—Осинская, тянулась узкой полосой к северу от Уфы. Каждая дорога делилась на волости.

[2] Хозяйственная характеристика отдельных частей Башкирии заимствована, с согласия автора, из неопубликованной кандидатской диссертации Т. Б. Бельской «Земельные отношения в Башкирии в XVII в.».

[3] *Т. Б. Бельская.* Указ. соч., стр. 28—29.

[4] Там же, стр. 29.

[5] ЦГАДА. Столбцы Оружейной палаты, № 41395, л. 50.

[6] ЦГАДА. Калмыцкие дела, К-12, д. 1663 г., л. 123; «Материалы», ч. 1, № 71, стр. 204.

[7] «Материалы», ч. 1, № 75, стр. 209.

разведок не производилось. Обследовались лишь случайно обнаруженные месторождения. Так, в 1671 г. два слюдяных мастера, крестьяне Керецкой волости Савва Сухоруков и Мирон Тоболкин, были отправлены в Уфу «для досмотру слюдяных призначных мест»[1].

Существовал и торговый обмен. Башкиры продавали скот, кожи, мед, воск, хмель, меха. Этот обмен был довольно слаб, и русское правительство, желая поощрить торговые операции башкир, освободило их от платежа таможенных пошлин с продаваемых ими товаров. Пошлины взимались с покупателей[2]. В торговле участвовала главным образом башкирская патриархально-феодальная знать, располагавшая большим количеством скота. Башкирский скот, особенно лошади, пользовался известностью в Русском государстве[3].

Процесс втягивания непосредственных производителей Башкирии в рыночные отношения в XVII в. прослеживается чрезвычайно слабо. Хозяйство носило замкнутый, натуральный характер. В лучшем случае башкиры продавали излишки, случайно оказавшиеся в их хозяйстве.

В первое время башкирского подданства Русскому государству сохранялась у башкир одна из характерных черт экономики кочевого общества — набеги на соседей с целью грабежа имущества, отгона скота, захвата пленных.

* * *

Несмотря на некоторые успехи развития производительных сил Башкирии, особенно в ее северо-западной части, общий их уровень продолжал оставаться низким, что обусловило отсталость и производственных отношений. Процесс разложения родового строя и формирования феодальных отношений начался у башкир еще до присоединения их к Русскому государству. Но шел он очень медленно. Пережитки родового строя были еще очень сильны и тормозили процесс феодализации.

Башкиры-кочевники имели коллективную собственность на землю, которая принадлежала целым общинам, отдельным племенным волостям, образовавшимся в результате разложения родового строя. Русское правительство, сразу же после присоединения Башкирии, т. е. в середине XVI в., признало за башкирскими общинами вотчинное право на занимаемые ими земли. Но земля не являлась единственным средством производства в кочевом обществе. Земля не могла быть освоена без скота, который наряду с землей тоже являлся средством производства. К. Маркс, характеризуя хозяйство кочевого общества, указывал, что «*Присваивается и воспроизводится* здесь на самом деле только стадо, а не земля, которую, однако, на каждом месте стоянки временно используют *сообща*», и далее:

---

[1] ЦГАДА. Приказные дела старых лет, 1670 г., д. 467, лл. 115, 777—778.
[2] «Материалы», ч. 1, № 5, стр. 74—75.
[3] ЦГАДА. Приказные дела старых лет, 1669 г., д. 25, лл. 1—8.

«... у пастушеских народов собственность на естественные продукты земли — на овец например — это одновременно и собственность на луга, по которым они передвигаются»[1].

Таким образом, право собственности на землю осуществляется посредством скота, для которого земля служит пастбищем. Но в отличие от земли — коллективной собственности башкирских общин, скот находился в частной собственности отдельных общинников. Частная собственность на скот создавала имущественное неравенство внутри кочевых общин. Патриархально-феодальная знать, потомки родовых старейшин, владела большими стадами скота и претендовала на значительную и лучшую долю общинных пастбищ. Она присвоила себе право распоряжаться районами кочевий. Захватывая лучшие пастбища для своего скота, она отводила места для кочевок остальным общинникам. Феодальная собственность на землю в кочевом обществе осуществлялась в форме права распоряжаться кочевьями.

Такой порядок землепользования вполне соответствовал хозяйственному уровню башкир при господстве кочевого скотоводства. Каждому члену общины отводился определенный район для кочевки. Но и в этом случае часть угодий находилась в индивидуальном пользовании общинников — это бортные ухожаи и бобровые гоны. С распространением земледелия и сенокошения такой порядок должен был измениться. Вкладывая свой труд в участок, отведенный для пашни и сенокоса, башкир привыкал смотреть на него как на свою собственность.

Тот участок, который отводился башкиру для кочевки, обычно назывался в русских источниках XVII в. «повытьем». С переходом к земледелию и сенокошению, особенно в северной и северо-западной частях Башкирии, название «повытье» заменяется названием «вотчина». Наряду с этим понятие «вотчина» встречается и в приложении к общинной земле. Башкир — хозяин индивидуальной вотчины припускал в нее посторонних людей, сдавал ее в аренду, оставлял по наследству своим детям, отдавал вместо калыма тестю, продавал. В первой половине XVII в. такие действия, совершенные без согласия всей общины, как правило, вызывали протест однообщинников. В конце XVII в. таких протестов почти не встречается. Но и в этих условиях башкирская волость в целом сохраняла свое вотчинное право на всю волостную землю[2].

Процесс оседания башкир на землю и переход к земледелию содействовали углублению феодальных отношений. В целом же башкирские общественные отношения можно охарактеризовать как патриархально-феодальные. Распоряжение кочевьями, принадлежавшее патриархально-феодаль-

---

[1] *К. Маркс.* Формы, предшествующие капиталистическому производству.— «Пролетарская революция», 1939, № 3, стр. 165.

[2] Характеристика башкирских земельных отношений и тех изменений, какие в них происходили в XVII в., заимствована из упомянутой работы Т. Б. Бельской, стр. 177—202.

ной знати, создавало зависимость рядовых общинников от знати, вносило элементы внеэкономического принуждения. Но в то же время сохраняли силу пережитки старых родовых отношений, что до известной степени затушевывало остроту классовых противоречий.

Верхний слой башкирского общества составляли потомки родовых старейшин и лица, достигшие богатства и влияния путем захвата общинных угодий и подчинения себе башкир-общинников. В русских источниках эти феодалы называются князьями, баями, гораздо чаще старшинами или просто «лучшими башкирцами». К башкирским феодалам нужно причислить и мусульманское духовенство—мулл, которые пользовались значительным богатством, властью и влиянием.

Основная масса непосредственных производителей в башкирском обществе XVII в. состояла из рядовых общинников, носивших в русских документах название «черных людей» и находившихся в зависимости от башкирской патриархально-феодальной знати.

Часть башкирских феодалов еще до присоединения Башкирии к Русскому государству получала тарханство, т. е. освобождение от повинностей, отбываемых в пользу казанского и сибирского ханов и ногайских князей. Освобождение от повинностей обязывало тархана нести службу в пользу хана. Практику пожалования тарханства продолжало и русское правительство.

Башкирские тарханы и старшины широко использовали общинное землевладение башкир и связанные с ним патриархально-родовые пережитки с целью сохранить свои многочисленные стада и увеличить количество скота.

Одним из видов использования патриархально-родовых пережитков был «саун», т. е. отдача скота на выпас беднякам. Скот этот подлежал возвращению феодалу вместе с приплодом. Но бедняк пользовался молоком и шерстью от этого скота. Таким образом, традиционная родовая помощь маломощным скотоводам превращалась в одну из форм феодальной эксплуатации. Классовый смысл «сауна» заключался в том, что он давал феодалу возможность держать в экономической зависимости от себя всех менее состоятельных членов своей волости.

Широко использовались и другие патриархально-родовые пережитки. Например, был распространен старинный обычай, известный под названием «аш». Это был обычай угощения сородичей независимо от их общественного положения. В условиях патриархально-феодальных отношений XVII в. этот обычай превратился в один из способов вымогательства скота у трудового населения, так как члены волости принимали материальное участие в организации этих угощений.

«Черные люди» отбывали натуральные повинности в пользу патриархально-феодальной знати. Уход за скотом феодала тоже составлял одну из повинностей башкир-общинников. Существовали и прямые поборы скотом и медом. Кроме того, башкиры-общинники должны были являться вооруженными в отряды своих феодалов. Эта повинность особенно была

распространена в кочевых районах Башкирии. Несомненно также участие рядовых башкир в облавных охотах, устраиваемых феодалами [1].

Будучи фактическими хозяевами земельных угодий общины, тарханы и старшины принимали так называемых припущенников из других народностей Прикамья и Поволжья — татар, мари, мишарей, удмуртов, мордвы и чувашей. Припущенник, таким образом, или входил в состав башкирской общины как ее равноправный член, или обязывался платить вотчинникам оброк, или брал на себя уплату некоторой части ясака, лежавшего на вотчинниках, или отдавал половину своей охотничьей добычи, или обязывался отбывать подводную повинность, освобождая от нее башкир-вотчинников [2].

Как уже упоминалось, тарханы и другие феодалы принимали участие в торговле. Кроме того, они занимались ростовщичеством [3].

Такими путями осуществлялось накопление всякого рода материальных благ в руках тарханов, старшин и «лучших башкирцев».

В XVII в. шел процесс дальнейшего развития и углубления феодальных отношений. Он особенно отчетливо прослеживается в земледельческих районах Башкирии, в кочевых районах патриархально-феодальные отношения были более устойчивы. Вместе с земледелием развивалась и феодальная собственность на землю, причем в качестве собственников выступали главным образом старшины-феодалы. В земледельческих районах менялся и характер эксплуатации. Положение непосредственных производителей приближалось к положению крепостных. Особенно отчетливо это сказалось в XVIII в. Процессу закрепощения содействовали и ростовщические операции феодалов.

Часть башкир, притесняемая своими феодалами, впадала в неоплатные долги и разорялась. Эти обедневшие люди часто поступались последним, что у них оставалось: личной свободой и свободой членов своей семьи. Так создалась в башкирском феодальном обществе особая социальная категория — туснаки, лица, стоящие на самой низкой общественной ступени, почти рабы [4]. Туснаки, как правило, выполняли всякую домашнюю работу в хозяйстве своих владельцев.

Ниже туснаков стояли только ясыри, пленники, которыми башкирские феодалы распоряжались как рабами: продавали их на среднеазиатские невольничьи рынки, меняли на лошадей, обменивали на башкир, попавших в плен, дарили друг другу [5].

---

[1] ЦГАДА. Калмыцкие дела, К-1, д. 1, 1623 г., лл. 1—9; К-6, д. 1, 1648 г., лл. 52—53, 134 и др.

[2] «Материалы», т. III, М.—Л., 1949. В данном томе собраны все записи на припуск, сохранившиеся в фондах Уфимской приказной избы и Уфимской провинциальной канцелярии за первую половину XVIII в., но они дают представление об условиях припуска и в XVII в.

[3] ЦГАДА. Столбцы Оружейной палаты, № 41395, лл. 3—8.

[4] Там же, № 41395, л. 50.

[5] ЦГАДА. Калмыцкие дела, К-6, д. 1, 1648 г., лл. 1—18; «Материалы», ч. 1, № 21, стр. 122; № 64, стр. 196—197 и др.

Присоединение Башкирии к Русскому государству, имевшему более развитые феодальные отношения, ускоряло процесс углубления феодализации башкирского общества.

* * *

Приток пришлого населения в Башкирию начался сразу же после присоединения края к Русскому государству. Русские служилые люди и крестьяне, полоцкая шляхта, получившая поместья в районе Закамской черты, служилые татары и мишари (мещеряки), ясачные и тяглые татары, мари, мордва, чуваши, удмурты — таков этнический состав пришлого населения, которое жило на башкирских землях к концу XVII в.

Положение пришлых людей было неоднородно. Русские служилые люди, а также полоцкая шляхта получали поместья, иногда вотчины, с которых они несли «государеву службу». Служилые татары и мишари получали только денежное жалованье. Они жили на башкирских землях и платили за них оброк башкирам-вотчинникам. Русские крестьяне или попадали в крепостную неволю на землях русских помещиков (либо в монастырских вотчинах, так как монастырское землевладение стало проникать и в Башкирию), или селились в «государевых» слободах, дворцовых и казенных.

Русские крестьянские поселения были расположены главным образом по границам Башкирии. Особенно много их было в Зауралье. За 30 лет (1659—1689) здесь по рекам Исети, Тече и Миясу было основано девять новых слобод и острогов, насчитывавших в общей сложности 1417 дворов и 4615 человек населения мужского пола — беломестных казаков, крестьян и бобылей[1]. Но и в центре Башкирии стали селиться крестьяне и посадские люди.

По данным 1678 г., в Уфе считалось 17 посадских дворов, в Уфимском уезде крестьянских дворов «государевых дворцовых —431 двор, да в монастырских вотчинах и на церковных землях — 56 дворов, да за помещики — 195 дворов»[2]. Здесь заводились те же порядки, какие господствовали в центре страны. Гнет феодально-крепостнического государства настигал русских крестьян и в Башкирии.

В источниках пришлое нерусское население называется тептярями и бобылями. Разница между этими группами заключалась лишь в оформлении условий, на которых они селились на башкирских землях. Тептяри (от персидского слова «дэфтэр» — запись) заключали с башкирами-вотчинниками письменные условия, определявшие количество полученных угодий и размер повинностей, бобыли селились без письменных условий[3].

---

[1] «Материалы», ч. 1, № 15, стр. 95.

[2] ДАИ, т. VIII, СПб., 1862, № 40/I, стр. 131.

[3] *А. И. Добросмыслов.* Материалы по истории России, т. I., Оренбург, 1900, стр. 21, 105.

Взаимоотношения между башкирами-вотчинниками и их припущенниками не всегда были мирными. Припущенники жаловались на притеснения и обиды со стороны вотчинников, требовавших с них лишних оброков или обременявших их подводной повинностью. Башкиры-вотчинники жаловались на то, что припущенники захватывают угодья, не оговоренные в записях, или не платят оброка.

Точных данных о количестве тептярей и бобылей нет.

Кроме тептярей и бобылей, в Башкирии XVII в. жили еще мишари — татарское племя, переселившееся в Башкирию после ее присоединения к Русскому государству. В конце XVII в. их считалось 748 дворохозяев. Как и другие припущенники, они платили башкирам-вотчинникам оброк за земли, которыми пользовались[1].

Приток пришлого населения в Башкирию имел прогрессивное значение для экономики и культуры края. Русские и нерусские крестьяне, прибывшие из районов развитого земледелия, садились в Башкирии на пашню и тем самым содействовали развитию производительных сил края, более полному использованию его природных богатств. Появление большого количества земледельческого населения влияло на ускорение процесса перехода башкир к земледелию. Башкиры заимствовали у русских сельскохозяйственные орудия, учились у них приемам обработки почвы, посевам хлеба, уборке урожая и переработке продуктов зернового хозяйства, в частности устройству мельниц. Усваивали башкиры и русские приемы обработки животного сырья, например приемы выделки кож.

Между русскими крестьянами и трудящимися башкирами устанавливались добрососедские связи, общность классовых интересов. Русские крестьяне приносили с собой ненависть к тем порядкам, от которых они бежали и которые нашли в Башкирии. В источниках XVII в. сохранилось мало фактов, прямо свидетельствующих о завязывании дружбы между русскими и башкирами. Но они есть. Накануне башкирского восстания 1681—1683 гг. рядовые башкиры предупреждали русских крестьян о начавшемся брожении среди башкирских феодалов. Приказчик Аятской слободы Верхотурского уезда Фрол Арапов, посетивший Кунгурский уезд в конце 1678 г., узнал от местного нерусского населения, что готовится нападение на Кунгур и зауральские слободы. При этом «ему, Фролку, они, башкирцы, говорили, чтоб он из Аятской слободы выехал, потому что де он, Фролко, им свой, татарской и башкирской язык знает»[2].

Летом 1681 г. башкиры Сибирской дороги, жившие по р. Синаре, предупредили беломестных казаков Арамильской слободы Федота Алексеева с товарищами о готовящемся башкирском восстании, сказав им: «Живите в слободах с великим бережением, а у башкирцов де есть великое собранье»[3].

---

[1] ЦГАДА. Дела Правит. Сената по Соляной конторе, кн. 368/2851, лл. 370—374 об.

[2] АИ, т. V, № 40, стр. 63.

[3] ДАИ, т. VIII, № 15/XXI, стр. 52.

* * *

Политика царского правительства по отношению к нерусским народностям, в частности к восточным народам, вошедшим в состав централизованного Русского государства, определялась классовой структурой государства и внешнеполитическими задачами, стоявшими перед ним на Востоке (охрана и расширение границ государства).

Процесс феодализации в среде нерусских народностей Поволжья и Приуралья ко времени присоединения их к Русскому государству достиг уже известных результатов. Царское правительство обычно не разрушало общественных отношений, которые оно заставало у нерусских народностей. Правительство искало опоры прежде всего в феодализировавшейся и феодальной верхушке нерусских народностей. После присоединения новых земель оно стремилось заручиться симпатиями и поддержкой местной знати. Уже жалованной грамотой Ивана IV башкирам предоставлялись вотчинные права на занимаемые ими земли. Местная знать привлекалась на службу русскому государю, так как потребность в охране юго-восточных границ государства от ближайших степных соседей и в дипломатических сношениях со степными кочевниками была очень значительна. За эту службу новые служилые люди получали жалованье — поместное и денежное. Жалованная грамота башкирам на их земли тоже служила этой цели.

Для закрепления своей власти во вновь присоединенных областях царское правительство строило города, посылало туда воевод с отрядами русских служилых людей, которые составляли гарнизоны этих городов. В Башкирии в 1586 г. был построен первый русский город Уфа. Нарушая жалованную грамоту башкирам, правительство насильственно изымало часть башкирских земель и раздавало их в качестве поместного жалованья русским служилым людям.

В течение XVII в. служба башкирских феодалов росла количественно и изменялась качественно. В первой половине века, когда калмыки, прикочевавшие к границам Башкирии, постоянно совершали набеги на ее территорию, служба башкир использовалась преимущественно на месте, для обороны границы. После того как на рубеже 50—60-х годов XVII в. калмыки-торгоуты окончательно приняли русское подданство, напряженность на калмыцко-башкирской границе несколько уменьшилась, и башкир стали посылать в дальние походы. Башкирские феодалы получали тарханные грамоты за участие в Крымском и Азовском походах конца XVII в. и в Северной войне начала XVIII в.[1]

Башкирские тарханы в XVII в. — непременные участники всех посольств, которые посылались из Уфы к кочевникам среднеазиатских и сибирских степей.

Кроме службы, правительство интересовалось еще получением ясака. Если службы оно требовало главным образом от местной знати, то ясак

[1] *В. В. Вельяминов-Зернов.* Источники для изучения тарханства, жалованного башкирам русскими государями.— Приложение к IV т. «Записок Академии наук», № 6, СПб., 1864, стр. 13, 43.

был повинностью, которая ложилась на все население за исключением тарханов и служилых мишарей. Признание за нерусскими народностями права на их земли имело целью не только обеспечить несение службы феодальной знатью, но и исправное поступление ясака.

Известен ясачный оклад 1631/32 г., не подвергавшийся изменениям в течение ста лет — до 1734 г. По этому окладу ежегодная сумма ясачного сбора с башкир определена в 1508 р. 86 $^{1}/_{2}$ к. Этот оклад взимался с 6188 старшин и ответственных глав семей, т. е. на плательщика в среднем приходилось около 25 коп. Это было гораздо меньше, чем платило тяглое население соседних русских уездов.

Ясак платили также тептяри и бобыли. По окладу 1631/32 г. было учтено 8355 тептярских и бобыльских дворов, которые ежегодно должны были вносить по 5212 р. 63 $^{1}/_{2}$ к., т. е. в среднем около 60 коп. с двора. Кроме того, тептяри и бобыли платили подымные деньги по 4 коп., а бобыли еще и ямские деньги по 5 коп. с двора[1].

Эти цифры показывают, что средний размер платежа, падавший на отдельный двор, а также общая сумма ясака была выше у припущенников, чем у башкир-вотчинников. Царское правительство не хотело упускать своих старых плательщиков и облагало их повинностями и на новом месте жительства. В целом положение припущенников было тяжелее, чем башкир-вотчинников. Эта неравномерность обложения, повидимому, объясняется тем, что башкиры несли военную службу, достаточно тяжелую в пограничных районах, и, конечно, должны были получить облегчение в платеже денежных и натуральных повинностей.

Захват некоторой части башкирских земель и раздача их в поместье служилым людям иногда сопровождались тем, что местное население попадало в феодальную зависимость от этих новых помещиков. Сюда же следует присоединить и злоупотребления местной администрации, проявлявшиеся в сборе ясака и отбывании других повинностей. Все это делало господство царизма тяжелым для нерусских народностей, вызывало их недовольство, а порой и открытое возмущение.

Вместе с тем правительство, заинтересованное в исправном поступлении ясака, принимало некоторые меры к сохранению ясачных угодий у населения и требовало от местной администрации «не жесточить» ясачных людей.

В наказах, выдававшихся уфимским воеводам из Приказа Казанского дворца — центрального правительственного учреждения, ведавшего Поволжьем и Башкирией, наряду с требованием исправного поступления ясака, постоянно рекомендовалось следить за тем, чтобы никто ни по каким крепостям не захватывал ясачных угодий. Эти угодья не могут служить обеспечением долговых обязательств. Все такие сделки подлежат немедленному расторжению без какого бы то ни было вознаграждения заимо-

[1] ЦГАДА. Дела Правит. Сената по Соляной конторе, кн. 368/2851, лл. 370—372.

давцев. Русские служилые люди и местные феодалы не только захватывали угодья; иногда они кабалили и самих ясачных людей по разного рода долговым обязательствам. Такие сделки правительство признает недействительными. За нарушение этого требования виновным угрожает смертная казнь[1].

Кроме того, запрещалось держать туснаков из опасения, что количество ясачных людей сократится. Туснак, потерявший личную свободу, выпадал из ясачного оклада.

Однако все эти меры правительство не считало достаточными для обеспечения полной покорности ясачных людей и запрещало ясачному населению иметь оружие. Это обстоятельство отметил еще Д. Флетчер для конца XVI в.[2] Такое же запрещение сохраняло силу в XVII и XVIII вв.[3]

Царское правительство имело дело главным образом с башкирскими феодалами и через них проводило свою политику. Все обращения представителей администрации обычно адресовались местным феодалам[4]. От них правительство ждало удовлетворения своих требований.

Включение Башкирии в состав Русского государства имело прогрессивное значение для развития производительных сил Урала и Приуралья. Распространение земледелия, а также углубление феодальных отношений в связи с переходом к оседлости было крупным шагом вперед по сравнению с кочевым и полукочевым хозяйством и патриархально-феодальными общественными отношениями.

* * *

Для того чтобы яснее представить положение Башкирии в XVII в. и уяснить характер правительственной политики по отношению к башкирам, необходимо остановиться на внешнем окружении Башкирского края, обратить внимание на степных соседей башкир.

В течение почти всего XVII в. около юго-восточной границы Башкирии кочевали сибирские царевичи-Кучумовичи, сыновья, внуки и правнуки последнего сибирского хана Кучума, враждебно настроенные по отношению к Русскому государству. Они не раз совершали грабительские набеги на территорию Башкирии. Русское правительство пыталось парализовать набеги Кучумовичей как путем привлечения царевичей на свою сторону, так и организацией походов против них.

Сами по себе Кучумовичи не представляли серьезной опасности, так как не располагали достаточными вооруженными силами. Но они заключили союз с калмыками и вместе с ними совершали опустошительные на-

---

[1] ЦГАДА. Дела и приговоры Сената по Оренб. губ., кн. 1/132, лл. 121 об.— 122, 126—126 об. Наказ стольнику Ф. И. Сомову, отправленному на уфимское воеводство 15 мая 1664 г. (в копии 1733 г.).

[2] *Д. Флетчер.* О государстве Русском. СПб., 1906, стр. 73.

[3] ПСЗ, т. IX, № 6887, стр. 738; № 6890, стр. 742.

[4] ЦГАДА. Калмыцкие дела, К-6, д. 1, 1648 г., лл. 49—79.

беги на территорию Башкирии. Время от времени к царевичам отъезжали отдельные группы башкирских феодалов, так или иначе задетых политикой русского правительства[1].

Не была спокойной и южная граница Башкирии. В начале XVII в. некоторые из калмыцких племен, в частности торгоуты и дербеты, прикочевали к самым границам Русского государства. Начались пограничные стычки и взаимные набеги между калмыками и башкирами. На протяжении всего XVII в. шла острая и напряженная борьба за кочевья. Русское правительство до 1661 г. неизменно поддерживало интересы своих старых подданных — башкир против калмыков и сквозь пальцы смотрело на их набеги на калмыцкие улусы. Привольные степи южной Башкирии привлекали калмыков как удобные районы кочевий. Калмыцкие тайши (князья) не теряли надежды завладеть не только этими кочевьями, но и самими башкирами, подчинив их своей власти.

Близкое соседство со степными кочевниками создавало напряженную обстановку на южной и юго-восточной границах Башкирии. Иногда местные воеводы предпринимали крупные походы, во время которых удавалось наносить поражения кочевникам. Так, в 1635 г. соединенные русские и башкирские отряды наголову разбили двух сибирских царевичей Аблая и Тявку, подступивших под Уфу, причем царевичи были захвачены в плен[2].

Зимой 1643/44 г. крупный отряд, состоявший из русских и башкир, под командованием уфимского воеводы Л. А. Плещеева, разгромил калмыцкие улусы[3].

В этой борьбе со степными кочевниками башкиры выступали совместно с русскими.

* * *

Несмотря на то, что русское правительство в своей политике опиралось на башкирскую патриархально-феодальную знать, в XVII в. произошло два восстания башкирских феодалов. Восстаниями отмечены 1662—1664 и 1681—1683 годы.

Основные причины восстаний нужно искать в характере социально-экономического развития Башкирии XVII в. В момент присоединения Башкирии к Русскому государству общественные отношения башкир были патриархально-феодальными. Присоединение к Русскому государству способствовало развитию производительных сил и некоторому изменению производственных отношений в Башкирии. Однако эти изменения происходили медленно и неравномерно и наблюдались главным образом в северо-западной части Башкирии. В политике царского правительства заключалось противоречие, состоявшее в том, что, опираясь на местных фео-

---

[1] *Н. В. Устюгов*. Башкирское восстание 1662—1664 гг.— «Исторические записки», № 24, стр. 45—48.

[2] ЦГАДА. Калмыцкие дела, К-3, д. 2, 1639 г., л. 56.

[3] Там же, К-5, д. 4, 1664 г., л. 19; д. 2, 1664 г., л. 45.

далов, правительство в известной мере консервировало патриархально-феодальные отношения, а переводя башкирских феодалов на положение служилых людей, иногда болезненно задевало их интересы.

Медленность развития производительных сил и торгового оборота, связанная с наличием еще сильных пережитков патриархальных отношений, была причиной того, что для башкирских феодалов набеги на соседей с целью грабежа имущества, отгона скота и захвата пленных продолжали сохранять значение важного источника получения доходов. Башкирские феодалы нападали друг на друга и на своих кочевых и оседлых соседей.

Русское правительство не поддерживало башкирских феодалов в их набегах на степных соседей, но до начала 60-х годов XVII в. не вело и активной борьбы с такими набегами. Оно требовало только охраны территории Башкирии от набегов калмыков.

На рубеже 50—60-х годов XVII в. царское правительство решило использовать вооруженную силу калмыков в борьбе против Крыма. Калмыки потребовали прекращения башкирских набегов на их улусы и возврата ранее захваченных пленных. Царское правительство удовлетворило эти требования[1].

Такая мера сильно задела башкирских феодалов. Она лишала их привычного способа получения доходов в форме военной добычи и пленников. Эта мера дала непосредственный повод к активному восстанию башкирских феодалов. Впоследствии царское правительство в своих официальных переговорах с калмыками выставляло изъятие калмыцких пленных у башкирских феодалов как основную причину восстания в Башкирии в 1662—1664 гг.[2]

Запрещение набегов на соседей задевало экономические интересы башкирских феодалов, а злоупотребления при изъятии калмыцкого полона еще более усилили их недовольство этим мероприятием. Башкирские феодалы выступили с активным протестом и, подняв восстание против русского правительства и русских, стали нападать на русские поселения на территории Башкирии и соседних с ней уездов.

Приводя в пример Грузию, И. В. Сталин пишет, что там существовал «...так называемый дворянский „национальный вопрос", когда — после „присоединения Грузии к России" — грузинское дворянство почувствовало, как невыгодно было для него потерять старые привилегии и могущество, которое оно имело при грузинских царях, и, считая „простое подданство" умалением своего достоинства, пожелало „освобождения Грузии"... Это был феодально-монархический „национализм"»[3].

Таким же по существу феодально-монархическим движением было и выступление башкирских феодалов в 1662—1664 гг. Они так же боролись

[1] ЦГАДА. Калмыцкие дела, К-11, д. 4, 1660 г., лл. 67—69; д. 5, 1660 г., лл. 105—106; *Н. В. Устюгов.* Указ. соч., стр. 55.

[2] ЦГАДА. Калмыцкие дела, К-13, д. 3, 1664 г., л. 65; д. 5, 1664 г., л. 21.

[3] *И. В. Сталин.* Соч., т. 1, стр. 32.

за сохранение своих старых привилегий, не мирились с превращением их в рядовых служилых людей русского правительства, хотели получить в свои руки распоряжение судьбой всего башкирского народа. В этом была основная причина башкирских феодальных движений. Отсюда и их программа — отказ от русского подданства и поиски себе других государей, других ханов, которым они могли бы служить. Наибольшее развитие это движение получило в юго-восточной Башкирии, в пределах Ногайской и Сибирской дорог, хотя им были охвачены и другие дороги Башкирии.

Феодалы Ногайской дороги искали связи с калмыцкими тайшами, феодалы Сибирской дороги — с Кучумовичами.

В наказе уфимскому воеводе стольнику Ф. И. Сомову от 15 мая 1664 г. четко формулировалась сущность «измены» башкирских феодалов. По прибытии в Уфу Сомов должен был обратиться к башкирским феодалам с призывом принести повинную и при этом упрекнуть их в том, что они «великому государю изменили — покиня свои искони вечные домы и пожитки, учинили сами себе великое раззорение и пристали к вечным своим недрузьям х калмыкам и х Кучюку царевичу, и приходили в Уфинской и Казанской уезды и в иные места, и многое раззорение и кровопролитие учинили, и многих людей в полон поимали»[1].

Во главе повстанцев Ногайской дороги стояли крупнейшие феодалы Кипчакской волости—Иш-Мухаммед, Конкас и Девеней Девлетбаевы. В пределах Сибирской дороги движение возглавляли башкирские феодалы «выходцы», бежавшие за несколько лет до восстания к сибирским царевичам и в 1661 г. вышедшие из степи «на государево имя», т. е. вернувшиеся в русское подданство[2].

В источниках, относящихся к восстанию феодалов в 1662—1664 гг., имеются данные о том, что башкирское движение поддерживалось калмыцкими тайшами и Кучумовичами.

Чрезвычайно существенным является вопрос об участии широких масс трудящихся башкир в движении феодалов. Разумеется, без участия подвластных им башкир феодалы не смогли бы поднять никакого восстания. Феодалы заставляли массы идти за собой, используя силу патриархально-феодальных пережитков. Не останавливались они и перед прямым насилием, чтобы заставить массы принять участие в своем движении[3]. Некоторую самостоятельность рядовые башкиры проявляли только тогда, когда, убедившись в том, что движение феодалов приносит им только разорение, начинали отходить от него. Движение башкирских феодалов вылилось в разорение русских поселений, захват военной добычи и пленных. Львиная доля этой добычи доставалась феодалам. Участие в

[1] ЦГАДА. Дела и приговоры Сената по Оренб. губ., кн. 1/132, л. 135 об.

[2] «Материалы», ч. 1, № 42, стр. 161—163; № 52, стр. 177—179; ЦГАДА. Калмыцкие дела, К-12, д. 1663 г., л. 182; ЦГАДА. Столбцы Сибирского приказа, № 663, лл. 11, 45, 276—278.

[3] «Материалы», ч. 1, № 42, стр. 162.

постоянных вооруженных столкновениях разоряло собственное хозяйство башкир. Отсюда естественный вывод для рядовых башкир — отказ от поддержки движения, возглавляемого феодалами[1].

Это недовольство политикой феодалов поддерживалось еще и тем, что от карательных экспедиций, которые посылало царское правительство, в первую очередь страдали не феодалы, а массы рядовых башкир, так как на разгром русских поселений царские войска отвечали разгромом башкирских кочевий и аулов. Башкирский посол Актай Досмухаммедов вынужден был отметить в беседе с уфимским воеводой,— что на последнем этапе движения «ево Иш-Маметя [Иш-Мухаммеда Девлетбаева] своя братья — молодые люди не слушают»[2]. Рядовые башкиры отказывались от участия в движении феодалов, но не поднимались на борьбу против них. Пережитки патриархальных отношений, обусловливавшие «послушание» рядовых башкир своим старшинам, были еще очень сильны и мешали активной борьбе против феодальной знати.

Движение феодалов охватило всю Башкирию. Отряды башкирских феодалов нападали на русские города и деревни и громили их, русские крестьяне активно защищались от этих нападений. Ввод в Башкирию крупных отрядов правительственных войск вызвал прекращение движения. Башкирские феодалы пошли на примирение с царским правительством и принесли повинную.

Реакционная сущность башкирского феодального движения 1662—1664 гг. очевидна. Патриархально-феодальная знать боролась за свое право безраздельно эксплуатировать башкирские трудящиеся массы путем использования патриархально-феодальных пережитков, за сохранение возможности беспрепятственно совершать набеги на соседей. Объективно башкирская знать боролась против новых форм хозяйства, за сохранение патриархально-феодальных отношений. В основе своей это движение было бесперспективно, оно защищало хозяйственный застой. Реакционна была и программа башкирских феодалов. Отрыв башкир от Русского государства и подчинение их калмыцким тайшам или Кучумовичам — это шаг назад в экономическом, политическом и культурном развитии башкирского народа. Условий для создания самостоятельной государственности у башкир XVII в. не было.

В процессе борьбы против русских обнаружилось, что те степные феодалы, на поддержку которых рассчитывала башкирская феодальная знать, не были в состоянии оказать ей помощи: и калмыцкие тайши и Кучумовичи были недостаточно сильны для борьбы с Русским государством.

Лишним доказательством реакционного характера движения 1662—1664 гг. служит тот факт, что башкиры не принимали участия в крупнейшем антифеодальном движении XVII в. — Крестьянской войне под предводительством С. Т. Разина, хотя она охватила все Нижнее и Среднее Поволжье, район, соседний с Башкирией.

[1] «Материалы», ч. 1, № 48, стр. 172.

[2] Там же, стр. 171.

* * *

Второе восстание в Башкирии (1681—1683), поднятое башкирским старшиной Сеитом, было столь же реакционно. Немногие документы, сохранившие сведения об этом восстании, позволяют придти к выводу, что между обоими феодальными движениями XVII в. много общего. Как и в 1662—1664 гг., восстание 1681—1683 гг. было движением феодалов. И на этот раз была попытка отказаться от русского подданства и отдаться под покровительство калмыцкого тайши Аюки. Фактические действия повстанцев, как и в 1662—1664 гг., вылились в набеги на русские поселения, разорение русских сел и деревень, грабеж имущества, отгон скота, захват пленных.

Таково сходство между движениями 1662—1664 и 1681—1683 гг. Но есть и разница. Отличается прежде всего непосредственный повод выступления башкирских феодалов. В 1662—1664 гг. таким поводом было запрещение набегов на калмыков и изъятие калмыцкого полона, в 1681 г.— мероприятия правительства по насильственной христианизации нерусских народностей [1]. В документах, касающихся движения 1662—1664 гг., нет указаний, что какая-то часть башкирских феодалов противодействовала движению. Создается впечатление, что выступили все феодалы. В 1681—1683 гг. признала власть калмыцкого тайши Аюки только половина башкирских феодалов [2]. Объясняется это, очевидно, тем, что за 20 лет некоторые из феодалов более прочно осели на землю и не видели смысла в откочевке к калмыкам.

Как и в движении 1662—1664 гг., трудовые массы башкир в известной мере поддерживали движение феодалов. Очевидно, феодалы и на этот раз использовали силу патриархально-родовых пережитков и принудили рядовых башкир идти за собой. Сохранились документы, свидетельствующие о том, что Сеит рассылал своих агентов, которые «призывали народ в закон», и к борьбе против русских. В «Татарской гистории» Мустафы Мухамметева, написанной полвека спустя после Сеитовского восстания, имеются сведения о провале агитации Сеита: «Башкирский народ оного Сеита Сафара-хана ханом не почитали и по ево велению не поступали и, оставя ево, приехали в Россию» [3]. Как только стало известно о движении, начавшемся в Башкирии, царское правительство официально объявило о запрещении насильственной христианизации и послало об этом соответствующую грамоту в Башкирию [4]. Широкие массы башкирского народа не поддержали войны против Русского государства, а правительство своим официальным заявлением сумело парализовать агитацию ее сторонников.

---

[1] ДАИ, т. VIII, № 89/I, стр. 310—311; № 89/II, стр. 311; № 89/III, стр. 312; ПСЗ, т. II, № 867, стр. 312—313; АИ, т. V, № 75, стр. 108—110; СГГиД, ч. IV, М., 1826, № 128, стр. 392; ЦГАДА. Дела Правит. Сената по Кабинету, кн. 87/1164, л. 901.

[2] ДАИ, т. X, СПб., 1867, № 25/I, стр. 70.

[3] ЦГАДА. Дела Правит. Сената по Кабинету, кн. 87/1164, л. 901 об.

[4] ЦГАДА. Дела по Оренб. губ., кн. 1/132, л. 38 об.

* * *

Древнейшим жилищем башкир была конусообразная кибитка с деревянной решетчатой основой и войлочным верхом. Такой вид жилища преобладал в степной части Башкирии. В горной Башкирии жилищем служил аласык — конусообразный шалаш из жердей, покрытых берестой. Переход к оседлости и земледелию, особенно в северо-западной Башкирии, обусловил необходимость постоянных жилищ. Это были бревенчатые избы с плоской крышей и маленькими окнами, затянутыми бычьим пузырем. Отапливалась изба печью, напоминавшей камин (сувал). Внутри избы устраивались нары, которые заменяли и стол, и скамьи, и кровать. В таких избах ютилась башкирская беднота. Феодалы строили себе более просторные дома по русскому образцу.

О духовной культуре башкирского народа дает представление устное народное творчество. В нем нашли отражение древние, доисламские, верования башкир, народный быт, социальные отношения. Сказки, легенды, песни, кубаиры (эпические поэмы), пословицы, поговорки — вот далеко не полный перечень жанров башкирского фольклора.

Башкирские сказки делятся на две основные группы — сказки волшебные и сказки бытовые. Волшебные сказки отражают космогонические представления древних башкир. Главными персонажами волшебных сказок являются чудовища, подобные змеям (аждаха), с которыми борется человек. При сражениях людей с аждахой обычно свирепствует буря, гремит гром, льется дождь. Эти грозные явления природы башкиры и представляли себе в образе названных чудовищ. В волшебных сказках действуют горные и лесные духи — пери, див, джин, а также месекяй (баба-яга). Все они враждебны людям. В борьбе с ними людям помогают добрые существа — летучий конь Тул-пар, гигантская орлица Семере-кош. Герой, вступавший в борьбу с чудовищами, пользовался волшебными предметами: мечом-самосеком, топором-саморубом и др. Волшебные сказки, как правило, кончаются победой героя.

Бытовые сказки имеют резко выраженную социальную окраску. Они направлены против господства сильных. В них подчеркнута любовь к простым людям и их труду. Главным героем бытовых сказок является Таз (буквально «паршивый»). Он напоминает Иванушку-дурачка русских сказок. Униженный и презираемый в начале сказки, он в конце концов, благодаря своим высоким нравственным качествам, оказывается победителем. Тазу в сказках противостоят «умные» и богатые люди, отличающиеся лживостью и вероломством.

Немало в башкирском устном творчестве легенд, в основе которых лежат действительные события. Такие легенды часто связаны с определенными местами — горами, озерами, курганами. Например, на территории бывшего Стерлитамакского уезда есть гора под названием Калмык-Кырган-тау («Гора побоища калмыков»). В легенде, связанной с ней, рассказывается о поражении, нанесенном башкирами калмыкам вблизи этой горы.

Одним из наиболее древних и бытовавших в XVII в. жанров устной поэзии являются так называемые кубаиры, эпические поэмы, рассказывающие о героическом прошлом башкирского народа. Так, кубаир «Иркбай» повествует о борьбе башкирского народа с монголо-татарскими завоевателями.

Следует сказать, что не все башкирские эпические произведения могут быть признаны подлинно народными. Есть среди них и такие, которые нужно отнести к феодально-ханскому эпосу. Такова, например, эпическая поэма «Идукей и Мурадым», прославляющая «подвиги» хана Эдигея.

Немало у башкирского народа и бытовых песен. Наиболее распространены были песни, посвященные тяжелой женской доле. При господстве экзогамных отношений девушка выдавалась замуж в чужой род. В песнях звучит тоска по родной стороне, ненависть к нелюбимому мужу, горестное воспоминание о любимом человеке, с которым ее разлучили, и т. д.

Особую группу бытовых песен составляют так называемые сенгляу — обрядовые песни невесты. В этих грустных песнях девушка обращается с упреками к отцу, матери и брату, которые из корыстных интересов выдают ее за нелюбимого.

Из веселых бытовых песен нужно назвать песню «Кара-юрга» («Вороной иноходец»), рассказывающую о побеге двух влюбленных на быстроногом иноходце. Самый ритм этой песни напоминает стремительный бег коня.

Древнейшим музыкальным инструментом башкир, сохранившимся и до настоящего времени, является курай — разновидность прямой флейты, преимущественно мужской инструмент. Женский музыкальный инструмент — кубыз — представляет собой разновидность губного варгана. На курае башкиры-музыканты подражали пению птиц.

Башкирское пение — сольное, одноголосое. Многоголосья до присоединения к Русскому государству башкиры не знали, но уменье подражать пению птиц помогло им выработать двухголосье, подражание кураю. Так родилось своеобразное и исключительное искусство — узляу, когда при сольном пении одновременно слышатся монотонный звук низкого регистра и вариации более высокого тона.

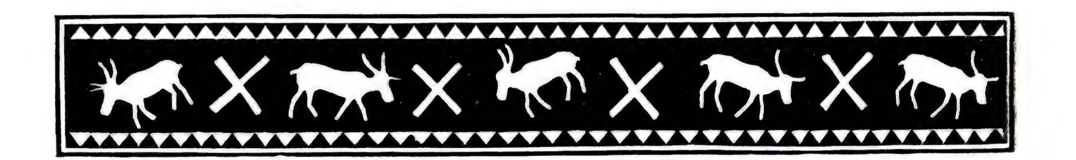
Письменности на башкирском языке не было до Великой Октябрьской социалистической революции. С XV—XVI вв. башкиры пользовались письменным языком, который ныне условно называется «тюрки» (общий письменный язык тюркских народностей). На этом языке велась вся гражданская переписка. Сохранившиеся от XVII в. башкирские документы (купчие, челобитные, летописи-шажере и др.) позволяют сделать интересное наблюдение, что их язык, оставаясь в основе языком «тюрки», имеет отдельные башкирские слова, обороты, характерные для башкирской устной речи; встречаются и слова, заимствованные из русского языка.

В Башкирии существовали школы двух основных типов: мектебе (начальная школа) и медресе (школа повышенного типа). Все они находились в ведении мусульманского духовенства. Обучение велось главным образом на арабском языке и на языке «тюрки» и носило схоластический

характер. В мектебе преподавалась арабская грамота и основы мусульманского вероучения по священным книгам ислама. В медресе, кроме религиозных книг ислама, изучались мусульманское законоведение и арабская философия. В этих школах учились только мальчики, преимущественно из семей феодалов и состоятельных башкир. Срок обучения и в мектебе и в медресе был пятилетний. Закончив медресе, бывший ученик мог сделаться муллой и преподавать в школах[1].

[1] При составлении очерка о культуре башкир использованы разделы, посвященные культуре башкирского народа в печатающихся «Очерках по истории Башкирии», т. I.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

НАРОДЫ СИБИРИ

1

НАРОДЫ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

а) Самоеды (ненцы, энцы, нганасаны)

На громадной территории от Мезени и Канина носа на восток до низовьев Оби и Енисея кочевали самоеды — предки современных ненцев, энцев и нганасанов. Тундровые самоедские народы Европейского Севера и Сибири в XVII в. входили в три уезда: ненцы—в Пустозерский и Березовский, энцы и нганасаны—в Мангазейский.

Основным занятием кочевавших по тундре самоедских народов было оленеводство, продуктами которого, как и охотой на диких оленей, они почти исключительно и жили. Оленьи шкуры служили им для одежды и устройства жилья. Кроме оленеводства, самоеды кормились также «от промыслов и от рыбных ловель» на побережье Ледовитого океана и в низовьях впадающих в него рек.

Важнейшим для ненцев промыслом была охота, зимой на водившихся в большом количестве в тундре песцов и летом на водяных птиц. Мясо диких оленей и птиц (гусей), а также рыба составляли обычную их пищу.

Продукты охоты, главным образом пушнина, служили предметом торговли между ненцами, хантами и русскими. Ханты выменивали пушнину у ненцев, приезжавших в Обдорск, на рыбу, русские служилые люди — на муку. Между собой ненцы тоже пользовались для обмена соболиными и бобровыми шкурками и ими же выплачивали калым за жен. Ясак ненцы платили не только шкурами соболей, но и песцов (белых и голубых), горностаев и других пушных зверей и даже изделиями (одеждой, обувью и проч.) из оленьих шкур.

Ненцы делились на многочисленные патриархальные роды, в свою очередь распадавшиеся на ряд больших и малых семей. Большая семья, кроме родичей — агнатов, включала иногда родственников по свойству (шурьев и зятьев) и вскормленников, т. е. воспитанников, живших с главой семьи «в одном чуму». К большой семье присоединялись и рабы, захваченные во время войн, преимущественно женщины и дети. Глава большой семьи обычно был фактически самым старшим по возрасту. В случае смерти его сменял следующий по возрасту сородич — брат. За отсутствием брата положение главы семьи переходило к его сыну.

Упряжка оленей. Гравюра из книги К. де-Бруина, изд. 1714 г.

Существовали и более крупные объединения племенного характера, иногда достигавшие нескольких сот человек. «Большие Карачейские земли (в Березовском уезде) князец лучший Пось Хулеев кочевал со всем своим родом и с братьями и с кочевными людишками».

В быту ненцев в XVII в. очень крепко держались характерные для родового строя институты. «Родовиков» связывал между собой принцип кровной мести. От мести можно было откупиться головщиной[1]. Допускалось многоженство, причем жены приобретались покупкой.

У ненцев существовала известная социальная дифференциация. Наряду с «прожиточными людьми», владельцами больших оленьих табунов, встречались «худые» и «бедные люди», у которых «животов никаких нет» и которые даже ездили на чужих оленях. Такой безоленный ненец должен был искать заработка на стороне, нередко «наймовался оленей пасти» у богатых хантов. Многие жили «захребетниками» в чужих чумах. Бедность отражалась и на правовом положении: «худой человек» при дележе военной добычи получал меньше тех, кто «сильнее».

Родовой строй отразился и на религиозном культе ненцев. Если верить спутнику Ченслера — Ричарду Джонсону, посетившему северную Россию в середине XVI в., он застал у ненцев еще родовую организацию культа: «Каждый род, — пишет он,— приносит жертву в своей собственной палатке; старейший по возрасту бывает у них жрецом»[2]. Существовали и специалисты — шаманы.

«Князец» (глава рода) пользовался правом жизни и смерти каждого своего «родовика». Энецкий князец Итилида велел убить своего племянника Совку «за его воровство», что он «своровал, из тюрьмы [русской] ушел и сторожа зарезал», «и его де [Совку] самоядь, два человека, того же часу при нем, перед Итилидом, удавили ременьем и бросили под гору»[3].

[1] ЦГАДА. Столбцы Сибирского приказа, № 1533.

[2] «Английские путешественники в Московском государстве в XVI в.», Л., 1938, стр. 4.

[3] ЦГАДА. Книги Сибирского приказа, № 127, лл. 599 об.— 601.

Юрты самоедов. Гравюра из книги К. де-Бруина, изд. 1714 г.

Отношения разных групп самоедских народов между собой не всегда были мирными. В 1688 г. ненцы, жившие по Тиунскому берегу, жаловались на югорских (т. е. сибирских) и низовых (т. е. пустозерских из Большеземельской тундры) ненцев, которые грабили их кочевья, отнимали промыслы, захватывали пленных[1].

В 1671 г. немирные сибирские ненцы нападали на пустозерских и фактически лишили их кочевий и охотничьих угодий. Во время этого столкновения пострадало и несколько русских, застигнутых ненцами в тундре[2].

Раньше других вошли в состав Русского государства ненцы, кочевавшие между Печорой и Северной Двиной.

Ненцы севера Европейской России, кочевавшие к востоку от Печоры, находились в ведении пустозерского воеводы. Они были обложены ясаком, который в начале XVII в. частично выплачивался соболями, но главным образом песцами, особенно в конце века[3]. От начала XVIII в. сохранились специальные ясачные окладные книги пустозерских ненцев[4].

Сибирские ненцы в течение всего XVII в. сохраняли некоторую независимость. Они даже не были обложены окладным ясаком и платили очень немного, сколько сами хотели, «без окладу» и без списков.

Энцы платили ясак по твердо установленным окладам и значительно больше ненцев. Тундровые энцы платили по одному-два соболя, лесные — по два-три, иногда даже по четыре соболя с человека.

Нганасаны первоначально были обложены соболиным ясаком. Так как соболя на территории нганасанов, в тундрах Таймыра, не было, то они сперва платили ясак, покупая соболей у русских промышленных людей,

---

[1] Рукописный отдел Б-ки им. В. И. Ленина. Румянц. фонд, № 51, лл. 14—15.

[2] ЦГАДА. Приказные дела старых лет, 1670 г., д. 467, лл. 721 и сл.

[3] ЦГАДА. Городовые книги по Новгороду Великому, № 13 в.— Приходная окладная книга Новгородской четверти за 1620—1621 гг., л. 218—218 об.; Приказные дела старых лет, 1691 г., д. 246, лл. 66—69, 184—187, 279—281.

[4] ЦГАДА. Городовые книги по Новгороду Великому, № 156.

Самоед. Гравюра из книги К. де-Бруина, изд. 1714 г.

а со второй половины XVII в. им разрешено было платить ровдугами, т. е. выделанными в замшу оленьими кожами. Платили нганасаны по окладу и по спискам. Рядовые нганасаны платили по три ровдуги в год, более зажиточные — по четыре.

Царское правительство, эксплуатировавшее самоедские народы главным образом путем сбора ясака, было заинтересовано в сохранении мирных отношений между самоедскими родами и племенами, так как их вражда отражалась на сборе ясака. Обеспокоенное движением сибирских ненцев в 1671 г., оно отдало распоряжение об усилении гарнизона в Пустозерске. В том же и в следующем 1672 г. количество стрельцов было увеличено более чем вдвое. Интересно отметить, что к несению стрелецкой службы были привлечены и ненцы[1]. Это в значительной степени объясняется тем, что к XVII в. европейские ненцы прочно вошли в состав Русского госу-

[1] ЦГАДА. Приказные дела старых лет, 1678 г., д. 358, л. 1.

Самоедка. Гравюра из книги К. де-Бруина, изд. 1714 г.

дарства. Сибирские ненцы тогда были фактически полунезависимы; окончательно и полностью сибирские ненцы подчинились Русскому государству позже, в XVIII в.

б) Манси и ханты

Манси (вогулы) в XVII в. жили среди русского населения по обоим лесистым склонам Среднего Урала, по рекам, впадающим в Тобол и Иртыш—в Азии, и левым притокам Камы—в Европе. Ханты (остяки) жили по нижнему течению Оби [1]. Основным занятием хантов было рыболовство. Рыба доставляла не только пищу, но и материал для одежды — рыбьи кожи выде-

---

[1] *С. В. Бахрушин.* Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII вв. Л., 1935, стр. 6. Эта работа использована и в дальнейшем изложении.

лывались на кожаны, сапоги и т. д. Звериные промыслы играли в хозяйстве приобских хантов меньшую роль, чем рыболовство. Населению, жившему в тундровых районах нижней Оби, негде было промышлять соболя, и оно ходило за пушниной далеко на р. Вах; только берега Казыма славились белкой. Богаче зверем были леса в землях сургутских хантов. Большое сравнительно значение имела охота на водяных птиц. У хантов живших в тундрах, прилегающих к Обской губе, были довольно большие оленьи стада. Ханты занимались выделкой кож и ткали полотно из крапивы.

Основой хозяйства манси были лесные промыслы: охота (в частности, на лосей и оленей) и бортничество в южных районах. На Туре и Тавде у манси существовало в отдельных местах примитивное земледелие «наездом» и скотоводство.

У манси и хантов очень долго сохранялись черты, характерные для родового строя. Однако у них еще до вхождения их земель в состав Русского государства отмечаются и признаки разложения родовых отношений. Хантыйское население Коды и примыкавших к ней волостей в XVII в. делилось на служилых хантов, обязанных военной службой своим князьям, ясачных хантов и сравнительно немногочисленных рабов. Хотя служилые ханты формально были свободны от ясака, но и они обязаны были платить своим князьям «поминки», т. е. фиктивно добровольные приношения мехами. Однако общественные отношения у отдельных племен развивались далеко не равномерно. Среди сургутских хантов процесс дифференциации в начале XVII в. только еще намечался.

В основе религиозных верований манси и хантов лежал тотемизм, выражавшийся в культе зверей и птиц, предполагаемых предков родов и фратрий. Особенным почитанием пользовался медведь, на шкуре которого в XV в. и позже произносились самые страшные клятвы.

Существовали и племенные культы. Племенные культы более могущественных племен приобретали общенародное значение.

Русские застали манси и хантов разбитыми на ряд племенных объединений (волостей), которые русские называли княжествами. Наиболее крупными у манси были княжества Пелымское и Кондинское, у хантов — Кодское, Казымское, Обдорское на нижней Оби и др. В некоторых из них (Пелымско-Кондинском, Кодском, Обдорском) власть племенных «князцов» имела тенденцию к усилению за счет подчинения массы рядовых членов племени, и вместе с тем усиливалось значение военной знати племени — «служилых остяков», «мурз и сотников».

Эти племенные объединения («княжества») продолжали существовать некоторое время и под властью русского правительства, которое использовало потомков самостоятельных «князцов» для более прочного подчинения племен и более эффективной организации сбора ясака. Дольше всего сохраняли свое положение кодские князья, особенно князь Алач и его потомки, владения которых были расположены по Оби несколько выше Березова. Чтобы упрочить свое владельческое положение, потомки Алача приняли христианство.

Семья манси. Гравюра из книги Н.-К. Витсена, изд. 1692 г.

После того как власть царского правительства утвердилась на нижней и средней Оби, Кодское княжество превратилось в помеху, поскольку ясак с кодских хантов попадал не в царскую казну, а в руки их князей. Поэтому начиная с 1628 г. царское правительство последовательно ограничивало владельческие права кодских князей. Попытка взыскивать с «служилых остяков» ясак и другие насилия со стороны князя Дмитрия Алачева вызвали в 1636 г. открытое возмущение в Коде. Ханты отправили царю Алексею Михайловичу челобитную с просьбой освободить их из-под власти князей Алачевых и принять их под «государскую руку», выражая согласие платить ясак непосредственно в государеву казну. В 1643 г., воспользовавшись жалобами хантов на притеснения князя Дмитрия, правительство вызвало его со всей семьей в Москву. Он был щедро пожалован денежным и поместным окладом, но прожил недолго и умер в почетном звании московского дворянина. Кодские ханты были приравнены к прочим ясачным людям и обложены ясачным окладом в пользу государевой казны.

в) Селькупы и кеты

Селькупы (остяко-самоеды) жили в Нарымском и Кетском уездах и в северной части Томского уезда. Три их волости входили также в Сургутский уезд.

Русские селькупов называли, так же как и хантов, остяками, хотя селькупы говорили на языке, родственном самоедскому, а не на языке

угорской языковой группы, к которой относится (вместе с мансийским) язык хантов. Сходство материальной культуры и быта хантов и селькупов, очевидно, явилось причиной распространения названия «остяки» также и на последних. В конце XVI — начале XVII в. селькупов называли также «Пегой ордой».

Селькупы жили оседло по берегам Оби от устья р. Чулыма на юге до устья р. Тыма на севере и по притокам Оби в ее среднем течении.

Основным занятием селькупов было рыболовство. Наибольшее значение имели летний и осенний промыслы, которые обеспечивали селькупов запасами рыбы на весь год. Недоплату ясака селькупы в своих челобитных объясняли обычно именно недостатком рыбы[1].

Немалую роль в хозяйстве селькупов играла охота как на пушных зверей — соболя, лисицу, бобра, россомаху, выдру, так и на лося, дикого северного оленя и особенно на боровую и водоплавающую птицу.

Томские и нарымские селькупы платили по 10 соболей, а кетские — даже по 12 соболей с человека в год. Это были самые высокие оклады в Сибири XVII в. Соболь в селькупских волостях быстро истреблялся, и селькупам приходилось уходить на охоту в соседние уезды — Мангазейский и Енисейский, что вызывало трения с населением этих уездов и жалобы на селькупов, промышлявших в чужих угодьях[2].

Проникновение селькупов в Енисейский уезд имело характер медленного и мирного просачивания. В бассейнах же рек Таза и Турухана селькупы сталкивались с энцами и вытесняли последних на Крайний Север в низовья Енисея.

Побоища между ясачными людьми обеспокоили русскую администрацию. В 1656 г. мангазейский воевода Игнатий Корсаков сделал попытку примирить энцев и селькупов[3].

Селькупы состояли из нескольких волостей, возглавлявшихся «князцами». Некоторые волости (в Нарымском, Томском и Сургутском уездах) и назывались по рекам — Парабельские, Чаинская, Тымская и т. д. В Кетском уезде волости носили названия, образованные от имен возглавлявших их лиц. Иногда власть «князцов» была наследственной. Численность населения этих волостей была различной, колеблясь от 10 до 60 взрослых мужчин-охотников в волости. Ясачных людей, т. е. взрослых мужчин, у селькупов в 1629 г. было 606 человек.

Кеты (енисейские остяки) жили в Енисейском и Мангазейском уездах. Русские называли их, как и селькупов, остяками. Все кеты Мангазейского уезда и некоторые в Енисейском вели кочевой образ жизни.

В языковом отношении кеты принадлежали к особой изолированной языковой группе, по своему основному словарному фонду и грамматическому строю резко отличавшейся от окружавших кетов языков уральской

---

[1] ЦГАДА. Книги Сибирского приказа, № 1448, л. 68 об.
[2] ЦГАДА. Столбцы Сибирского приказа, № 12, л. 420
[3] Архив АН, ф. 21, оп. 4, № 21, л. 253.

Ханты. Гравюра из книги Э. Избранда, изд. 1706 г.

и алтайской языковых семей. Только на юг от кетов в Красноярском уезде жили родственные им по языку народы котты, арины и др.

Главными занятиями кетов были охота и рыболовство. Кеты Кузнецкой волости занимались добыванием железа из руды, выделывая из него разные изделия, которые они сбывали соседним племенам.

Кеты Мангазейского уезда платили в среднем по пяти соболей в год с ясачного человека. Ясак кетов Енисейского уезда, как и ясак селькупов, был самым высоким в Сибири. Они платили по 12 соболей в год.

В XVII в. кеты Мангазейского уезда распространились по Енисею вплоть до устьев Нижней Тунгуски и Турухана. Некоторые из них проникли также в бессейн Турухана и там смешались с селькупами.

Кеты Кузнецкой волости к концу XVII в. по большей части крестились и почти слились с русскими. В 1629 г. ясачных людей у кетов было 333 (в Мангазейском уезде — 237 и в Енисейском — 96).

Кетские роды (или волости) состояли из людей, связанных кровным родством по отцовской линии. Брак внутри этих родов был запрещен.

Между кетами и селькупами существовало большое сходство в материальной культуре. Жили кеты и селькупы зимой в землянках примерно одинакового устройства, летом — в конических берестяных чумах. Кеты и селькупы славились умением изготовлять луки, которые находили широкий сбыт у соседних народов.

По религии кеты и селькупы были шаманистами.

2

ТЮРКСКИЕ НАРОДЫ ЗАПАДНОЙ И ЮЖНОЙ СИБИРИ

а) Сибирские татары

В XVII в. основным занятием сибирских татар, живших в Тобольском, Туринском, Тюменском и Тарском уездах, попрежнему оставались промыслы — «зверовые добычи и рыбные ловли». Рыба и рыбий жир был основным питанием татар, живших по Иртышу и около больших богатых рыбой озер. Для охоты татары ходили «на степи зверовать» и «на лес для соболиного и всякого звериного промыслу»[1]. Из других промыслов довольно большое значение в хозяйстве имел сбор хмеля.

Несколько труднее установить удельный вес скотоводства. В Барабинской степи скотоводство играло крупную роль.

Земледелие у татар существовало издавна. В XVII в. оно занимало определенное, хотя и небольшое, место в татарском хозяйстве Тобольского и близлежащих уездов. Еще не изжиты были примитивные формы обработки земли, свойственные полукочевому быту: пахали наездом, на время полевых работ выезжали на свои пашни и жили в «летних юртах у ячменей». Размеры запашки у тарских татар были невелики. Даже у служилых татар на 20—30 дес. нераспаханной земли приходилось всего 2—3 дес. пашни в поле. Обычный надел состоял из 0,5—1 дес. и не более 2 дес. В XVII в. у них наблюдаются некоторые успехи земледелия, в чем, несомненно, сказалось влияние русских[2].

Производство промышленных изделий не выходило за рамки домашней промышленности. Существовали обработка кожи, скорняжное дело, изготовление войлока, выделка холодного оружия. Внутренний обмен был чрезвычайно слаб, но некоторое значение имела транзитная торговля. Кочевья сибирских татар находились на пути из Средней Азии в Москву, и часть татар принимала участие в транзитной торговле в качестве торговых посредников.

* * *

Общество сибирских татар не было однородным. Еще до прихода русских у татар уже начался процесс феодализации. Общественные отношения их можно характеризовать как патриархально-феодальные. Выделившаяся из общины патриархально-феодальная знать стремилась расширить свои земельные владения за счет соплеменников.

Татарская знать, потомки кучумовских мурз и беков, сохранив и при царской власти свои стародавние иммунитеты, в частности свободу от

[1] ЦГАДА. Книги Сибирского приказа, № 11, л. 184.

[2] *В. И. Шунков.* Очерки по истории земледелия Сибири (рукопись докт. диссертации), стр. 18—22.

ясака, продолжала занимать сравнительно обеспеченное экономическое положение. С другой стороны, среди ясачных татар создавалась большая группа бедноты, состоявшей в кабале у своих более зажиточных собратьев или у состоятельных русских. «А иным за скудостью для ясачного промысла вдаль ехать не на чем,—говорится в челобитной тюменских татар в 1689 г.,— потому что нужны и бедны, жен и детей и ружья и платья и дворов и всяких угодий нет, работают у русских людей и у татар для корму. Да иные скитаются у города Тюмени в подгородных юртах у служилых татар и у захребетных татар и в острожках и в слободах и в деревнях у русских людей, и от того многого разоренья стали нужны и бедны...»[1].

Живя «за хребтом» более состоятельных соплеменников, татары были обязаны отбывать повинности в пользу патриархально-феодальной знати: «Коли де им (феодалам) лучится быть на государевой службе, и они де [захребетные татары] дворы их берегли». Надо думать, что они работали на пашне своих господ.

Наиболее состоятельные татары вели хозяйство, частично применяя рабский труд. Право владеть рабами было привилегией, утвержденной за ними уже в самом начале покорения Сибири. Когда при царе Борисе русским служилым людям было запрещено вывозить и держать у себя полонянников из сибирских жителей, для татар было сделано точно оговоренное исключение: «А которые будут полонянники полон юртовских служилых татар, и у них тех полонянников имать не велеть»[2].

Царское правительство, особенно на первых порах, нуждалось в военной силе для покорения и объясачения жителей Сибири и с этой целью использовало татарскую знать, сохранив за ней некоторые привилегии. Эта знать составила особый разряд так называемых «юртовских служилых татар», выделенных из общей массы ясачных людей, плативших ясак на общих основаниях. Служилых татар в XVII в. числилось в Тобольске около 250, в Тюмени — от 75 до 100, в Таре — от 40 до 60 человек. Происхождение татарского служилого сословия в Сибири от прежних феодалов — «тарханов» явствует из ряда примеров. Сюда вошли, во-первых, местные князья (беки), владельцы самостоятельных уделов, далее простые мурзы и некоторые из племенных князцов.

Звание служилого татарина было наследственным. Юртовские татары в первую очередь несли военную службу русскому царю. Вместе с русскими служилыми людьми они участвовали в походах, посылались в «проезжие станицы и на отъезжие караулы»; стояли в волостях, подвергавшихся опасности калмыцких набегов; помогали в постройке городов; отправлялись ежегодно на Ямыш-озеро за солью. В служебном отношении юртовские татары составляли в каждом городе особый отряд, во главе которого стоял назначенный правительством «татарский голова».

---

[1] ЦГАДА. Столбцы Сибирского приказа, № 1066, лл. 58, 61, 62.
[2] ЦГАДА. Книги Сибирского приказа, № 2, лл. 121 об., 124 об.

На юртовских татарах лежала также ямская гоньба. Фактически они по большей части перелагали эту повинность на зависимых от них захребетников и младших родственников. Особенно часто служилые татары выполняли обязанности толмачей при сношениях с восточными народами. Постепенно они превращались в служилых людей «по прибору», получавших небольшое денежное и хлебное жалованье.

Лишь ничтожная группа их удержала в своих руках довольно значительные земельные владения или благодаря участию в торговле сблизилась с бухарскими торговыми людьми Тобольска и других городов.

Однако администрация не вполне доверяла служилым татарам и даже брала у них аманатов. Основания для такого недоверия были, так как на окраинах бывшего Кучумова царства (особенно в скотоводческих районах) родовые связи держались крепче. Здесь и при русских в известной мере сохранялись старые улусно-племенные организации, возглавляемые племенными князьками и ясаулами. Эти князьки сохраняли некоторую независимость. Иногда они совершали набеги на соседей.

Основная масса татарского населения — ясачные люди — в ходе общего экономического развития страны в XVII в. постепенно переходила к оседлости и земледелию, и «многие ясачные люди, живя промеж русских людей [становились] русскому обычаю навычны»[1].

б) Алтайские народы

В верховьях Оби и по ее верхним притокам, в Алтайском горном районе, обитали многочисленные тюркоязычные племена: шорцы, кумандинцы, тубалары, челканцы и еуштинцы (юшта). Это северные алтайские племена.

Южнее жили телесы и тенгуты (телеуты), которых русские называли «белыми калмаками». С настоящими калмыками, говорившими по-монгольски, эти племена в родстве не состояли, но находились в известной зависимости от «черных калмаков» (западных монголов или джунгар), чем и объясняется данное им русскими название.

Племена, населявшие горно-таежные районы северных предгорий Алтая, вели оседлую жизнь и занимались охотой и сбором орехов. Женщины собирали в пищу съедобные коренья — сарану, кандык, а также стебли черемши (дикого лука) и т. д. Северные алтайцы занимались кузнечным промыслом, выплавляя первобытными средствами железо из руды, изготовляя оружие и другие железные изделия: «И в тех горах емлют кузнецкие есачные люди каменье,— говорится в русских известиях — да то каменье розжигают на дровех и розбивают молотами намелко, а розбив, сеют решетом, а просеев, сыплют понемногу в горн, и в том сливаетца железо, и в том железе делают пансыри, бехтерцы, шеломы, копьи,

---

[1] *В. Н. Шишонко.* Пермская летопись с 1263—1881 г. Второй период с 1613 по 1645 г. Пермь, 1882, стр. 387; *З. Я. Бояршинова.* К вопросу о развитии русского земледелия в Томском уезде в XVII в.— «Материалы по истории земледелия СССР», сб. 1, М., 1952, стр. 246—278.

рогатины и сабли и всякое железное, опричь пищалей... и все те кузнецкие люди горазды делать всякое кузнецкое дело»[1]. Русские называли жителей этих волостей, известных ныне под именем шорцев, «кузнецкими татарами». Железные изделия служили предметом обмена с соседями; железными изделиями и пушниной «кузнецкие татары» платили «алман» (дань) джунгарам.

Телеуты, а также телесы и другие жители южной части Алтая, были кочевниками-скотоводами, местами — по рекам Чулышману, Чуе — были знакомы и с земледелием. Их князьки, собирая дань с оседлого горно-таежного населения, в свою очередь зависели от джунгарского хун-тайджи, центр владений которого был на юге, в Джунгарии. Скотоводческие кочевые племена южного горного Алтая сравнительно с оседлым горно-таежным охотничьим населением северно-алтайских предгорий стояли на более высокой ступени развития: если среди охотников еще целиком господствовал родовой строй, то у кочевников уже складывались патриархально-феодальные отношения.

Материальная культура этих двух основных групп населения также была различна. У северных горно-таежных племен жилищем служили конический шалаш из коры, рубленая юрта и полуземлянка; у южных горно-степных скотоводов жилище состояло из разборной решетчатой, крытой войлоком юрты монгольского типа. Северные племена, в отличие от южных, знали ткачество, ручной мельничный жернов (южные кочевники растирали зерно на плоских камнях — «паспах»), кузнецкие татары занимались гончарным делом[2].

в) Народы Верхнего Енисея

В бассейне Верхнего Енисея в границах Красноярского уезда и за его пределами жили племена, принадлежавшие к трем различным языковым группам. На кетских языках говорили котты, асаны, арины, байкотовцы и др., на самоедских — камасинцы, карагасы, кангаты, а также, вероятно, эудинцы и кайсоты. Наиболее многочисленную группу населения бассейна Верхнего Енисея составляли тюркоязычные племена — качинцы и кашинцы. Сюда же можно отнести и группу племен и родов Томского уезда на Чулыме. Хотя географически они не принадлежали к бассейну Енисея, но этнографически и исторически были связаны с населением последнего[3]. В дальнейшем из этих групп образовалась одна из составных частей хакасского народа — кызыльцы.

Племена, жившие в лесо-степи, занимались скотоводством, обладали значительными стадами лошадей, рогатого скота и овец. Племена, жившие в Саянах, — камасинцы, карагасы, кайсоты и др.— имели домашних

[1] «Сборник князя Хилкова», СПб., 1879, № 68, стр. 191.

[2] *Л. П. Потапов.* Очерки по истории алтайцев. М.— Л., 1953, стр. 122—134.

[3] *Л. П. Потапов.* Краткие очерки истории и этнографии хакасов (XVII—XIX вв.). Абакан, 1952, стр. 63—97 и др.

оленей и одновременно занимались охотой[1]. Охота на пушного зверя позволяла им удовлетворять постоянные требования ясака со стороны эксплуатировавших их соседей—киргизов, тубинцев, монголов и бурят. Кроме охоты, занимались и рыбной ловлей. Существовало примитивное (мотыжное) земледелие. Еще до появления русских качинцы и арины сеяли понемногу курлык (род гречихи) и ячмень. Питались также кореньями дикорастущих растений, в частности сараны[2]. Котты плавили железо из руды и выделывали из него разные изделия, которыми, как и шорцы, платили дань.

Котты, арины, качинцы, камасинцы, кашинцы и другие племена делились на улусы (роды), во главе которых стояли «лучшие люди». Племена возглавляли князцы.

До прихода русских качинцы, арины и другие племена были кыштымами (ясачными людьми) соседних киргизов.

В XVII в. киргизы жили между Обью и верховьями Енисея. На правом берегу Енисея, на Упсе или Тубе, жили тубинцы, образовавшие особое племя, в XVII в. в бытовом отношении мало отличавшееся от прочих киргизов.

На запад киргизы распространили свою власть на верховья Оби. После основания Томска и Кузнецка киргизы продолжали ездить собирать ясак с кызыльцев. Кыштымами тубинцев были, в частности, котты, байкотовцы и некоторые другие племена.

В Киргизской степи с ее обильными пастбищами главным средством существования являлось скотоводство[3]. Скот круглый год находился на подножном корму[4].

Подсобными занятиями были охота и рыбная ловля.

Хлебопашество киргизам в описываемое время было совершенно неизвестно[5].

Народы Верхнего Енисея, как и другие народы Сибири, были язычниками-шаманистами.

Киргизы испытывали культурное влияние соседних народов, в частности монголов. Некоторое распространение получила у них монгольская письменность; дипломатическую переписку с русскими киргизские князцы вели на монгольском языке. Некоторые подписи тубинских князцов сделаны монгольским письмом[6]. Среди простых киргизов также попадались люди, умевшие писать «по мунгальски».

Киргизы делились на три аймака (племени): «верхних киргизов», или алтырцев, «нижних» — алтысаров и «средних»— озерцев, или исаров.

---

[1] ЦГАДА. Столбцы Сибирского приказа, № 513, л. 7; № 446, лл. 99—100.

[2] Сарана — горная лилия, сладковатые луковицы которой идут в пищу.

[3] ЦГАДА. Монгольские дела, 1616 г., л. 44.

[4] ЦГАДА. Столбцы Сибирского приказа, № 380, л. 89; Монгольские дела, 1616 г., л. 4.

[5] ЦГАДА. Столбцы Сибирского приказа, № 712, л. 47.

[6] Там же, № 1417, л. 6; № 380; *Л. П. Потапов.* Краткие очерки..., стр. 54—55.

Во главе каждого аймака стояло несколько князцов, из которых один считался главным.

Более мелкими подразделениями были улусы отдельных князцов и других лучших людей, насчитывавшие иногда свыше 200 воинов. Эти улусы в свою очередь разбивались на более мелкие. В основе этого деления лежала, повидимому, патриархальная родо-племенная организация, но уже подвергшаяся значительному разложению.

Принцип родового старшинства очень почитался у киргизов. Присягу приносили, по их собственным словам, «братья и дядья их, которые постарее, за себя и за них».

Политически Киргизская земля делилась по племенному составу на три княжества: Алтысарское, Алтырское и Исарское, или Езерское (Ызерское); Туба составляла четвертое княжество. Во главе трех собственно киргизских княжеств стояли многочисленные князцы, принадлежавшие, вероятно, к одному княжескому роду. На каждого князца приходилось примерно 40 ясачных людей, но были князцы, у которых их было несколько сот, плативших ясак по 10 соболей с человека[1]. В положение таких «черных людей», обязанных платить ясак, попадали, повидимому, кроме соплеменников, и покоренные народы. Некоторые племена кыштымов находились, если можно так выразиться, в общем владении всего княжеского рода. Сбор ясака сопровождался большими жестокостями. Киргизские князцы «правят ясак с кыштымов, привязав к дереву, и стреляют по них из луков»[2].

Из всех многочисленных князцов один являлся общепризнанным главой всей Киргизской земли.

В первой половине XVII в. «лучшим киргизским князцом» был старик Кочебай, «который у них в Киргизской земле... старее всех, и почитают его»[3]. Важнейшие вопросы, касавшиеся всей Киргизской земли, например взаимоотношения с соседями, решались на общем совете князцов и лучших улусных людей[4].

Народы, жившие на Верхнем Енисее, неоднократно попадали под власть соседних монгольских государей — алтын-ханов и джунгарских хун-тайджи.

В период расцвета своей державы (в первой четверти XVII в.) алтын-ханы распространили свою власть на Киргизскую и Тубинскую земли и даже на бассейн р. Качи[5].

Позже, когда царство алтын-ханов стало колебаться под ударами джунгар, их влияние на киргизов стало слабеть и поддерживалось лишь

---

[1] ЦГАДА. Столбцы Сибирского приказа, № 886, л. 73, стр. 244—245.
[2] Там же, № 802, л. 190; № 623.
[3] Там же, № 252, л. 163; № 886, лл. 192, 290.
[4] Там же, № 886, лл. 165—166, 189; Портфели Миллера, № 478, III, № 51.
[5] ЦГАДА. Столбцы Сибирского приказа, № 623; см. об алтын-ханах главу IV, 9 настоящего издания.

периодическими набегами на их территорию, пока в 1666 г. алтын-хан Лубсан не был разбит джунгарами.

Фактически зависимость киргизов и тубинцев от алтын-ханов сводилась к уплате ими и их кыштымами ясака и «запросов». В середине XVII в. дань платилась с большими перерывами. Дань состояла из пушнины, лошадей, рогатого скота и сараны[1].

Кроме ясака, на киргизах лежали еще некоторые другие повинности. Во время войны алтын-ханы требовали военной помощи. Киргизы поставляли также подводы для послов, ехавших через их земли к алтын-хану.

Для поддержания своей власти над киргизами алтын-ханы прибегали к обычным в практике среднеазиатских кочевых государств приемам: периодическим карательным экспедициям и держанию заложников.

Зависимость от алтын-ханов была тягостна для киргизов. Особенно тяжело отзывались их периодические разорительные набеги на Киргизскую землю. Под влиянием такого набега в 1657 г. они готовы были принять русское подданство. Многие бежали под защиту красноярских укреплений и согласились платить ясак.

Одновременно с зависимостью от алтын-ханов киргизы еще с 20-х годов XVII в. платили ясак джунгарским владетелям. Но когда в 60-х годах джунгары разгромили алтын-ханов, киргизы подпали всецело под власть победителей, сперва Сенгэ-тайши, а когда он был убит,— его брата,— знаменитого Галдана, принявшего титул хун-тайджи и «Бошокту» (благословенного). Внешним выражением вассальной зависимости киргизских князцов являлись их регулярные поездки в ставку сперва Сенгэ, потом Галдана. Галдану (1671—1697) киргизы платили соболями с себя и своих кыштымов. Кроме дани пушниной, джунгары брали с киргизов и тубинцев поборы скотом — «добрыми коньми».

Киргизы были обязаны джунгарскому хун-тайджи военной службой[2].

Власть над Киргизской землей хун-тайджи осуществляли через посредство своих посланцев, назначаемых из числа джунгарских дворян (зайсангов) или духовных лиц (гелюнов). Они собирали дань (албан) и следили за внутренним порядком в стране. Таким образом, зависимость Киргизской земли от хун-тайджи была гораздо более сильной, чем от алтын-ханов.

Постоянное стремление одних племен Верхнего Енисея превратить другие племена в своих кыштымов, сильное давление, оказываемое на них алтын-ханами и хун-тайджи, заставляли отдельные племена искать облегчения своего положения в подчинении русским. Часть киргизских князьков относилась враждебно к русским.

На южной границе Красноярского уезда в течение всего XVII в. происходили постоянные столкновения русских с киргизами.

[1] ЦГАДА. Столбцы Сибирского приказа, № 513, лл. 41, 127; № 513, лл. 30, 42, 128; № 380, лл. 69—70, 79; № 886, л. 66; № 623; ЦГАДА. Монгольские дела, 1616 г., л. 46.

[2] ЦГАДА. Столбцы Сибирского приказа, № 1052, л. 107.

Алтысарский князец Иренак Ишеев и другие во второй половине XVII в. часто вторгались в русские пределы. Как писали красноярские служилые люди, не проходило года без «сполохов», вызванных нападениями киргизов. От наездов киргизских отрядов страдали и перешедшие в русское подданство — качинцы, арины, котты и другие племена. Тяжело было и киргизским кыштымам, которых господствующая верхушка киргизского общества вовлекала в военные авантюры. Киргизские князцы, поощряемые феодалами Джунгарии, пытались насильственным путем сохранить за собой монопольную эксплуатацию кыштымов и помешать их сближению с русским народом[1].

Но в 1703 г. это напряженное положение неожиданно разрешилось: «1703 года октября в 15 день приходил де в Караульный острог кызылский ясачной татарин. А в вестях сказывал: приехали де 2500 калмыков в Киргискую землицу и киргиз де к себе загнали всех. И ныне де в Киргиской землице киргиз никого нет». Посланные проверить это сообщение красноярские служилые люди «Иван Злобин с товарыщи в Киргискую землю ездили и киргиских князцов никого не изъехали. А изъехали прежде остальцов тубинцов семи человек»[2]. Причиной этого переселения был сговор джунгарского хун-тайджи и киргизских князей, опасавшихся лишиться власти и возможности эксплуатировать своих кыштымов[3].

На опустевшую территорию киргизов переселились русские подданные — качинцы, арины, ярынцы и другие племена. Сюда же переселились бывшие киргизские кыштымы, ставшие теперь русскими подданными, — кызыльцы, байкотовцы и др. Вместе с жившими в верхнем течении р. Абакана тоже бывшими киргизскими кыштымами (тюркоязычными), сагайцами и бельтирами все эти племена в дальнейшем слились в одно этническое целое и составили основу образовавшейся уже в советское время хакасской народности.

3

ЭВЕНКИ

Эвенкийские (тунгусские) племена в XVII в. населяли обширную территорию между Енисеем на западе, Охотским морем на востоке, почти подступая к тундровой полосе на севере и Приамурью и Монголии на юге.

На побережье Охотского моря, наряду с «оленными», жили и «пешие» эвенки — оседлые рыболовы и охотники на морского зверя; в степях Монголии, в южной части Прибайкалья и Забайкалья, а также по некоторым притокам Амура кочевали «конные» и «скотные» эвенки. На всей остальной территории документы XVII в. отмечают «оленных тунгусов»[4].

---

[1] *Л. П. Потапов.* Краткие очерки..., стр. 60—61.
[2] «Памятники Сибирской истории XVIII века», кн. I, П., 1882, стр. 232—235.
[3] *Л. П. Потапов.* Краткие очерки..., стр. 98—100.
[4] ЦГАДА. Книги Сибирского приказа, № 346, л. 556; № 19, л. 699.

Эвенк-охотник. Гравюра из книги Э. Избранда, изд. 1706 г.

Охота и рыболовство были основными занятиями эвенков. Охотились главным образом на лосей, диких оленей и медведей. Рыболовством занимались преимущественно летом, заготовляя на зиму запасы сушеной рыбы[1].

Граница оленеводства проходила довольно далеко на юге. Оленеводство являлось в основном подсобной отраслью хозяйства. Из показаний самих эвенков в XVII в. видно, что олени служили им обычно транспортной силой для перекочевок от «зверовий» к «рыбным местам».

Летом эвенки жили в чумах конической формы, покрытых оленьими и лосиными шкурами, зимой — в полуземлянках, называвшихся у казаков «балаганами». Все запасы пищи и одежды хранились в свайных амбарах — «лабазах».

Техника соболиного промысла была крайне примитивной. Западни — «кулемы», применяемые русскими промышленниками, были неизвестны эвенкам, и они стреляли соболей из луков[2]. Из звериных шкур эвенки шили одежду и изготовляли предметы бытового обихода: медвежьи и лосиные одеяла, лосиные половики для чума и т. д.

---

[1] Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, № 22, л. 530.

[2] Там же, № 30, л. 304; *М. П. Алексеев*. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей, т. I, ч. 2, Иркутск, 1936, стр. 39.

Есть основание утверждать, что в XVII в. эвенки хотя и знали кузнечное дело, но не умели выплавлять железо из рудных пород. Значительную часть железных орудий и оружия они доставали путем обмена у соседей. Повидимому, от тех же соседей эвенки получали и кричное железо (кусками), из которого ковали различные орудия[1].

В отдельных районах встречались у эвенков, наряду с железными, орудия из кости и камня.

В обмен на пушнину эвенки от якутов получали скот на мясо, а также железо и железные изделия (в том числе и оружие); от бурят — скот, зерно (просо), железные изделия («братцкие котлики»); от дауров и китайцев — хлеб, материи (кумачи, камки и др.), медные изделия (котлы, чаши), наконец, изделия из серебра; последние попадали к эвенкам также через монголов и бурят, получавших их из Китая. Серебряные изделия ценились эвенками как предметы украшения.

Несомненно, больше разнообразных товаров получали эвенки от русских. Русские торговые люди везли к эвенкам железные изделия (котлы, сковороды, топоры, иголки), ткани (холсты и сермяжные сукна), кожи и т. д.

* * *

Эвенкийские племена в XVII в. распадались на патриархальные роды; в некоторых племенах роды назывались по именам старших мужчин, стоявших во главе их.

Роды состояли из патриархальных семей. В состав семьи Эрбиканка, охотского оленного эвенка Киларского рода, в 40-х годах входили «дети, три сына женатых, да... брат ево Талылани, да у него ж детей семь сынов, шесть женатых, а седьмой холост»[2].

Документы XVII в. пестрят указаниями на «холопов», или «боканов», бывших у эвенков различных районов. Источником рабства являлись межплеменные и межродовые столкновения. Эвенки отдавали рабов в заклад и продавали их за соболиные шкурки. Имеются сведения, что хозяева «посылают боканов, по-русски холопей, промышлять с собаченки на соболиный промысел»[3]. Можно думать, что труд рабов использовался и на других работах. Мужчины, видимо, участвовали в военных предприятиях своих хозяев. Владельцами рабов обычно являлись главы родов и их ближайшие родственники.

В патриархально-родовом обществе эвенков XVII в. уже отчетливо прослеживается имущественная дифференциация. Наряду с «лутчими людьми» и «добрыми мужиками» документы отмечают «худых мужиков»,

---

[1] И. Гмелин в 1739 г. обследовал здесь древние плавильные печи. (*I. Gmelin.* Reise durch Sibirien, B. III, Göttingen, 1752, S. 299); ЦГАДА. Дела Якутского областного правления, № 48, стр. 27.

[2] Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, № 30, л. 322 об.

[3] Там же, л. 304.

«бедных» и «нужных» людей; у последних не только отсутствовал запас пушнины — это были люди «безоленные»[1]. Бедные и «нужные» эвенки в XVII в. часто скитались «меж русскими людьми и иноземцы», иногда работали у бурят, якутов, у русских крестьян и своих соплеменников.

Каждый род занимал определенную территорию. Родовое право на определенную территорию четко отразилось в документах XVII в.[2] Это право складывалось на основе пользования «старыми зверовьями» и «вековыми жирами», т. е. на основе пользования промысловыми угодьями «по старине».

Члены рода были связаны общими брачными нормами. Эвенкийский род в XVII в. в неприкосновенности сохранял экзогамию[3]. Внутри племени создавалась близость между родами, которые были «в сватовстве». В 1689 г. эвенки, аманаты Майского зимовья, рассказывали, что «ламские де мужики с майскими тунгусами многие сродники, друг у друга женятца»[4]. Брак у эвенков в XVII в. происходил не только путем «сватовства», т. е. взаимной договоренности, но и путем умыкания. У зажиточных эвенков было и многоженство, но больше двух жен у одного эвенка документы не отмечают. Сохранялся левират, т. е. вдова становилась женою брата умершего мужа.

Существовала у эвенков кровная месть. Однако в XVII в. наряду с кровной местью практиковалась и головщина, т. е. выкуп за убитого.

Члены племени и большого рода были связаны единым управлением. Во главе племен и родов стояли вожди, называемые в русских источниках «князьями» и «князцами».

Однако феодальная терминология русских источников не соответствует социально-экономическому строю эвенков. Тунгусский «князь» был главой рода и не обладал феодальной властью над своими «улусными людьми». Рядом с «князем» — племенным и родовым вождем — и даже выше его стояло племенное или родовое собрание[5]. Большим авторитетом на этих собраниях пользовались старики — «старые мужики», по терминологии источников.

Племенной или родовой вождь был представителем своего племени или рода в сношениях с другими родами, а также с воеводской администрацией. Он был и руководителем военных сил племени или рода[6].

В XVII в. у эвенков существовала племенная организация — волость, согласно официальной русской терминологии. Эвенкийская волость охватывала большую территорию.

---

[1] Отдел древних рукописей и актов Ин-та истории АН СССР в Ленинграде. Якутский ф., картон 209, лл. 46—47.

[2] Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, № 22, лл. 198—199.

[3] Отдел древних рукописей и актов Ин-та истории АН СССР в Ленинграде. Якутский ф., картон 190, стб. 39, л. 100; картон 223, стб. 1.

[4] Там же, картон 224 (не нумерован).

[5] Отдел древних рукописей и актов Ин-та истории АН СССР в Ленинграде. Якутский ф., картон 188, стб. 13, лл. 41—42; Архив АН СССР, ф. 21, оп. 4, № 30, л. 81.

[6] Архив СССР, ф. 21, оп.4, № 22, лл. 199—200.

Шаман в селении эвенков. Гравюра из книги Н.-К. Витсена, изд. 1692 г.

Картину кровавых межродовых и межплеменных войн у эвенков застали русские, когда впервые попали в Восточную Сибирь. В силу новых условий, в которых оказались эвенкийские племена после вхождения в состав Русского государства, период межплеменных войн ушел в прошлое.

В религиозном отношении эвенки были язычниками-шаманистами. В тайге сооружались довольно примитивные святилища, около которых стояли вытесанные из дерева изображения духов. Каждый род имел одного или нескольких шаманов, якобы ведших борьбу с шаманами враждебных родов и племен, а также «лечивших» членов своего рода и «охранявших» их от всяких «опасностей» со стороны вредящих человеку духов. Шаманам приписывалась способность «диавольскою силой» причинять смерть.

4
ЯКУТЫ

Ко времени прихода русских главная масса якутов жила по обоим берегам среднего течения Лены и ее притокам, преимущественно в междуречье Лены — Амги. Небольшая обособленная группа якутов обитала на верхней Яне. Во второй половине XVII в. поселения якутов появились по Нижней Лене и другим рекам, впадающим в Ледовитый океан: Оленеку, Яне, Индигирке, Алазее и Колыме.

Основным занятием якутов в момент прихода русских было скотоводство; они разводили и лошадей. Земледелия они не знали. Главное питание составляли молочные продукты и мясо, летом пили кумыс.

Якут. Гравюра из книги Н.-К. Витсена, изд. 1692 г.

Лошади и коровы служили единицами обмена: ими платили головщину в случае убийства, калым при сватовстве, штраф за кражу. Русские ценили якутов как скотоводов и отдавали им пасти свой скот; служилые люди покупали у них лошадей для походов.

Количество скота у отдельных хозяев в XVII в. не поддается исчислению. У некоторых оно было очень значительно. Так, в одном случае (70-е годы XVII в.) враги отогнали у богатого якута «лошадей и кобыл с 300, да рогатого скота — коров и быков прикололи 110 скотин», а в другом случае рассказывается, что у князца Ярканской волости было 186 лошадей и 130 голов рогатого скота[1]. Наряду с богатыми владельцами было, однако, и много бедняков, совсем не имевших скота или имевших только несколько голов.

Уже в XVII в. якуты заготовляли сено на зиму. Из-за покосов нередко происходили столкновения. После прихода русских эта борьба усилилась. Якуты снабжали сеном и русских, потому что, «опроче якутов, сено купить не у кого»[2].

Промыслы для якутов, владевших скотом, являлись лишь подсобным средством существования. Но для бесскотной бедноты они имели более важное значение. Среди промыслов первое место занимало рыболовство, бедняки им главным образом и жили и назывались поэтому «балыксыты» (рыбаки). Среди орудий рыбной ловли упоминаются «морды», «волосяные сети» (из конского волоса) и др. Охотничий промысел играл, повидимому, второстепенную роль в хозяйстве. Охотились главным образом на пушного зверя, особенно соболя; высоко ценились хорошие собаки, «чем соболи промышлять», покупавшиеся и у русских за дорогую цену. Кроме того, якуты привозили в Якутск на продажу зайцев и всяких птиц. Беднота заготовляла на зиму сосновую кору — «заболоку», которую сушили, толкли в муку и подмешивали в похлебку. Еще до прибытия русских якуты умели выделывать вещи из металла, в частности оружие — копья, наконечники стрел и «пальмы», т. е. длинные и массивные ножи, насаживавшиеся на древки; эти «пальмы» употребляли русские и тунгусы. Якутские куяки (железные панцыри) имели спрос у русских

[1] *С. В. Бахрушин.* Исторические судьбы Якутии.— Сб. «Якутия», Л., 1927, стр. 288; «Якутия в XVII веке (Очерки)», Якутск, 1953, стр. 68.

[2] *С. В. Бахрушин.* Указ. соч., стр. 288.

Способы передвижения якутов зимой. Гравюра из книги Н.-К. Витсена, изд. 1692 г.

служилых людей, бравших их у якутов в случае похода. Упоминаются и «конные куяки», или «железные доски»,— броня для коня. Искусно изготовляли якуты также сети и прочие предметы из конского волоса, ремни и разную утварь из кожи скота. Посудой у них служили деревянные сосуды и берестяные бураки, в которых хранились запасы, в частности масло.

Торговлю якуты вели меновую. Единицей обмена служили, кроме скота, меха.

Якуты делились на большое число отдельных крупных и мелких, племенных и родовых групп, по-якутски — «джон». Во главе племени или рода стоял князец — «тойон». Тойоны составляли слой родовой аристократии якутского общества. Они были военными вождями племен[1].

В общественном быту якутов оставалось еще много пережитков родового строя. У якутов сохранялся институт родовой мести. Впрочем, от мести чаще всего откупались уплатой «головщины», обычно скотом (от 40—45 до 100 голов и свыше). За кражу следовало мстить как за убийство, но и в этом случае можно было откупиться, обратившись к «третьему» — посреднику, по заключению которого обе стороны мирились, и обидчик возвращал краденое, а иногда, сверх того, уплачивал штраф; посреднику обычно платилась одна голова скота. При отыскании украденного скота якуты прибегали к приему, который в древнем русском праве назывался

[1] *С. А. Токарев.* Общественный строй якутов XVII—XVIII вв. Якутск, 1945, стр. 135—168.

«гнать след», т. е. ехали по следам до чьего-либо жилья, и если хозяин не мог оправдаться, то его считали виновным.

За невесту у якутов платили калым. В уплату шел скот — лошади и коровы — и мясо (последнее, вероятно, на угощенье); стоимость среднего калыма определялась в 70-х годах XVII в. в 75 руб., но порой достигала и более значительной суммы. Родня невесты со своей стороны готовила приданое. Иногда имело место и умыкание невест. Многоженство допускалось, но фактически в XVII в. составляло редкое явление. По смерти мужа жену брал его брат или ближайший родственник, или она возвращалась в свой род; в последнем случае должен был быть возвращен и калым.

Владение скотом было индивидуальным; по смерти владельца его скот делился между его вдовой и детьми или братьями. В XVII в. у якутов все больше укреплялось также право индивидуальной собственности на покосы и рыбные ловли, которые прежде находились, видимо, в общинной собственности; их стали продавать и покупать, отдавать в аренду и передавать по наследству.

Имущественная дифференциация среди якутов была уже очень сильной. Существовала значительная группа «худых людишек» — бесскотных или малоскотных якутов. Такой бедняк «кормился рыбою и сосною». Бедняки нанимались к более состоятельным соплеменникам в качестве работников.

Особо следует отметить «вскормленников», т. е. приемных детей, которых состоятельные якуты охотно брали со стороны с расчетом эксплуатировать в будущем мальчика как рабочую силу, а расходы по содержанию девочки покрыть с лихвой калымом. Кроме того, вокруг могущественных и богатых тойонов скапливалось много клиентов. От клиентов следует отличать работников, которые на известных условиях нанимались временно работать у богатых единоплеменников, например косить сено за плату в несколько лисьих шкур. Наконец, у якутов существовало и рабство. Рабы приобретались покупкой и войной. У некоторых тойонов встречается много рабов; они не только косили сено и пасли стада, принадлежавшие их господам, но и ходили с ними на войну, участвовали в отгоне чужого скота, словом, были не простыми слугами, а составляли боевую дружину тойона. Родовой строй у якутов находился в стадии разложения. Складывались патриархально-феодальные отношения.

Достоинство князца (тойона) переходило в XVII в., как правило, по наследству от отца к сыну, причем дядья оказывались иногда в подчиненном положении у племянников. Обычно в одном племени было несколько князцов, представлявших, вероятно, отдельные линии разросшегося некогда единого рода[1].

Улусные дела разрешались на общем совете. Так, ярканский князец Балтуга, которому русские в 70-х годах предъявляли требование о выдаче аманата, призвал своего дядю Быкы Куреякова «на совет, что аманатов

[1] *В. Л. Серошевский.* Якуты, т. I, СПб., 1896, стр. 466.

дать или нет, а Кангалаской волости к якуту к Талыгыру [своему клиенту] и к родникам его... послал родника своего Балунчю... для совету ж; и те де якуты... к нему, Балтуге, приехали, и жили де они все вместе человек с 40»[1].

В религии якутов отражался уже отживавший родовой быт, но намечались и новые формы верований, связанные с идеологией военной аристократии — тойонов. Сохранялся древний шаманский культ. Шаманы не составляли наследственной группы, однако считалось, что шаманом можно сделаться только по «призванию» со стороны духов предков. Шаманам приписывали способность сноситься с духами, побеждать и изгонять тех, которые приносят зло, и призывать на помощь добрых. Обычные действия шамана состояли в «камлании» — экстатической пляске с пением и ударами в бубен, во время которой шаман якобы совершает путешествие к духам или вселяет их в себя. Главной целью камланий было «лечение» больных (людей и животных), а иногда гадание о будущем, о пропавших вещах и пр. За это шаманы получали определенное вознаграждение, обычно скотом[2].

Кроме того, у якутов сохранялись тотемические верования: каждый род считал своим священным покровителем какое-нибудь животное или птицу: гуся, ворона, лебедя, орла, жеребца и пр.

С древним родовым устройством были связаны религиозные обряды — летние «кумысные праздники» («ысыах»), справлявшиеся обычно в июне и состоявшие в общественных молениях, питье кумыса и разных играх. Смысл этих праздников заключался в обращении к божествам, покровителям скотоводства, с просьбами о ниспослании благополучия. Почитание божеств — покровителей скота — было у якутов вообще сильно развито.

Существовали и верования, связанные с охотничьим промыслом.

Народная поэзия якутов чрезвычайно богата. Особенно интересны художественные богатырские сказания «олонхо», язык которых образен и поэтичен.

После вхождения Якутии в состав Русского государства якутские племенные и родовые объединения были превращены в ясачные волости, а их население обложено ясаком, взимавшимся мехами.

Непосредственное общение с русскими отразилось на хозяйстве и общественных отношениях якутов. Якуты начали заниматься земледелием. Сохранились данные о заведении пашен отдельными якутами в 70—80-х годах XVII в.[3] В области общественных отношений в это время наблюдается ускорение процесса феодализации.

---

[1] ДАИ, т. VII, СПб., 1859, № 3/V, стр. 18.

[2] *С. А. Токарев.* Очерки истории якутского народа. М., 1940, стр. 33; *его же.* Шаманство у якутов в XVII в.— «Советская этнография», 1939, № 2, стр. 88—103.

[3] *Ф. Г. Сафронов.* Материалы о возникновении земледелия среди якутов. — «Исторический архив», т. V, М.—Л., 1950, стр. 50—73; *С. А. Токарев.* Несколько данных XVII в. о якутах и их соседях.— «Сборник материалов по этнографии якутов», Якутск, 1948, стр. 15— 6.

5

БУРЯТЫ

Западной границей расселения бурят, или, как их называли русские, «братов», «братских людей», в начале XVII в. были реки Бирюса и Чуна. Главная же масса их жила далее к востоку, по Ангаре и ее притокам. Особенно густое население было сосредоточено в долине р. Унги, в Балаганско-Унгинской степи, этом своеобразном участке лесо-степи среди преобладающей кругом горно-таежной зоны. Здесь кочевали «большие браты».

Поселения бурят находились также в верховьях Лены и ее притоков и по берегам Байкала и впадающих в него речек [1].

Буряты делились на несколько больших и малых, независимых друг от друга племен. Одним из самых крупных племен были булагаты, жившие по Ангаре и ее притокам, в частности в Балаганской степи. К северо-западу от булагатов, ниже по течению Ангары, кочевали икинаты. С юга с булагатами соседили конгодоры, обитавшие на левом берегу Ангары. К западу от булагатов, по р. Уде, жили ашехабаты. Другая часть ашехабатов в качестве рода входила в состав кудинских булагатов. На Верхней Лене жили эхириты, а на северо-западном берегу Байкала и на острове Ольхоне — хоринцы и батулинцы. Есть предположение, что на правом берегу Селенги по низовьям Хилка и Чикоя жили табунуты и часть хоринцев. Наконец, на левом берегу нижней Селенги кочевали монгольского происхождения роды: атаганы, сартолы и хатагины [2].

В конце XVII в. произошла некоторая передвижка населения. Так, перешли в Забайкалье некоторые группы булагатов и эхиритов. Хоринцы и батулинцы еще в середине XVII в. ушли с верховьев Лены. Конгодоры в самом конце XVII в. переселились в Аларские степи.

Основным занятием бурят было кочевое скотоводство: «А коней и коров и овец и верблюдов [у них] бесчисленно» [3]. Скот пасся круглый год на подножном корму.

Второе место в бурятском хозяйстве издавна занимала охота. Распространена была облавная охота. В XVII в. охотничий промысел сохранял свое значение преимущественно в лесистых местностях.

---

[1] См. «История Бурят-Монгольской АССР», т. 1, Улан-Удэ, 1954.

[2] *С. А. Токарев.* Расселение бурятских племен в XVII в.— «Записки Бурят-Монгольского гос. н.-и. ин-та языка, литературы и истории», вып. 1, Улан-Удэ, 1939, стр. 101—130; *его же.* О происхождении бурятского народа.— «Советская этнография», 1953, № 2, стр. 37—52; *Б. О. Долгих.* Расселение народов Сибири в XVII в.— «Советская этнография», 1952, № 3, стр. 76—84; *его же.* Племена и роды коренного населения Забайкалья и южного Прибайкалья в XVII в.— «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», 1952, № XVII, стр. 29—39; *его же.* Некоторые ошибочные положения в вопросе об образовании бурятского народа.— «Советская этнография», 1954, № 1, стр. 57—62.

[3] Донесение атамана Перфильева в 1627 г., цит. по кн.: *Ф. А. Кудрявцев.* История бурят-монгольского народа. М.—Л., 1940, стр. 8.

У некоторых бурятских племен в XVII в. существовало примитивное земледелие. Сеяли быстро созревающие растения — просо, гречу, ячмень. Земля обрабатывалась мотыгой либо плугом с примитивным лемехом. По производительности земледелие резко уступало скотоводству и было лишь подсобным занятием, наряду с собирательством. Прибайкальские буряты занимались рыболовством.

Судя по археологическим данным, буряты в некоторых районах добывали железо. Бурятские мастера славились выделкой металлических украшений для одежды и сбруи; большим спросом пользовались даже у русских «братские пояса» с серебряной насечкой. Есть сведения о добыче бурятами соли. Домашняя промышленность бурят была связана главным образом со скотоводством.

В северо-западных районах буряты переходили к полуоседлому образу жизни, проводя зиму в деревянных юртах.

На основе некоторых различий в хозяйственной деятельности бурят разных районов между отдельными племенами развивалась меновая торговля.

В XVII в. в Бурятии получили широкое распространение русские товары. Буряты вели также торговлю с соседними монгольскими племенами, Китаем и охотничьими племенами тайги, обменивая меха и скот на серебро, китайские и бухарские товары. Бурятская торговля велась главным образом лишь бурятской знатью и мало затрагивала хозяйство основной массы бурятского населения.

* * *

К XVII в. классовое расслоение у бурят привело к разложению первобытно-общинного строя. Обособленную группу в бурятских племенах составляли рабы. Положение раба резко отличалось от положения свободного, что видно из записи обычного права бурят конца XVII в.[1]

Одновременно с разложением родового строя зарождались и феодальные отношения. Бурятские племена разделялись на более мелкие группы — роды, улусы. Во главе племен и родов стояли князцы — шуленги[2]. В Забайкалье, где на базе крупного кочевого скотоводства процесс феодализации шел быстрее, бурятская знать — князцы различных рангов — носила монгольские звания нойонов, тайшей, зайсангов, даруг, шуленг; рядом с ними у некоторых племен упоминаются «лутчие люди». В руках этой верхушки сосредоточивались скот, пушнина, земли. Основная часть населения носила название «улусных людей» или «ясачных мужиков». Богачи присваивали труд улусных людей, давая им скот на выпас, возлагая на них стрижку овец, выделку кожи и другие работы. Существовали общинные сходы, но знать держала в своих руках управление всем племенем, отстраняя

---

[1] *С. А. Токарев.* Памятник обычного права бурят XVII в.— «Исторический архив», т. II, М.—Л., 1939, стр. 45.

[2] ДАИ, т. III, СПб., 1848, № 28, стр. 106—107.

от него рядовую массу — «черных людей»[1]. Домашние работы в хозяйстве нойонов исполняли рабы (барлаг). Таким образом, патриархально-родовые отношения в бурятском обществе в XVII в. уступали место отношениям патриархально-феодальным[2].

В XVII в. бурятские князцы подчиняли своей власти соседние племена, стоявшие на более низкой ступени хозяйственного и общественного развития, и собирали с них ясак как со своих кыштымов[3]. Своими кыштымами буряты считали племена, жившие на Кане, и прибайкальских эвенков. Сами буряты, особенно забайкальские, попадали в подчинение монгольским феодалам и должны были платить им ясак. Эксплуатация состорони монгольских феодалов была особенно тяжелой; рядовое население стремилось избавиться от нее путем перехода в русское подданство.

Подобно другим народам Сибири, буряты были шаманистами. Возникнув при родовом строе, шаманство к XVII в. приобрело черты, свойственные религии патриархально-феодального общества. Был создан сложный пантеон с иерархической лестницей божеств. Своим многочисленным божествам буряты приносили жертвы. Большим влиянием пользовались шаманы, объединявшие жреческие функции со знахарством. Обогащаясь за счет приносимых богам жертв и путем вымогательства, шаманы по своему положению сближались с феодальной верхушкой бурятского общества и служили интересам нойонов.

Среди старинных форм народного творчества бурят наиболее выдающееся место принадлежит героическому эпосу. Образцы этого эпоса — сказания о богатырях, так называемые «улигеры» — записаны в более позднее время, но они, несомненно, бытовали и в XVII в. Самым популярным из героев бурятского эпоса является Гэсэр (песни и сказания о нем известны также у монголов и тибетцев). Герои Айдурай-Мэргэн, Аламжи-Мэргэн — олицетворение мужества, силы; они защищают народ от злых чудовищ. Бурятские улигеры известны в многочисленных вариантах; одни из них (особенно у эхиритов) сохраняют старинный чисто народный отпечаток, на других (например, на улигерах забайкальских бурят, где были более развиты феодальные отношения) сказалось влияние господствующего нойонского слоя, а частью и влияние шедшего из Монголии буддизма.

6

НАРОДЫ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Северо-восточный угол Азиатского материка в XVII в. был заселен племенами, принадлежащими к так называемым палеазиатам: юкагирами, коряками, чукчами и ительменами (камчадалами).

Русские застали у этих народов каменный век. Железо большинству из них было неизвестно. Чукчи и ительмены употребляли лук из китового

[1] *Ф. А. Кудрявцев.* Указ. соч., стр. 24.
[2] «История Бурят-Монгольской АССР», т. I, стр. 66—73.
[3] Там же, стр. 73—75.

уса, каменные и костяные наконечники для стрел и копий, отравляя их смертоносным ядом[1].

На Камчатке ительмены знали гончарство. Из дерева выдалбливали чашки, корыта и лодки. Чукчи и некоторые другие приморские народы пользовались байдарами, сшитыми из тюленьих кож.

Жилищем оседлых чукчей были землянки с надстройкой из китовых костей. У ительменов существовали «посады» из многих юрт и деревянных балаганов на столбах.

Главным продуктом питания для ительменов служила рыба. Ее ели вареную и сырую в мерзлом виде и запасали на зиму в особых ямах[2]. Чукчи и коряки, жившие по морскому берегу, питались мясом морских животных. Чукчи и ительмены употребляли в пищу корни растений, молодую траву и ягоды, которые собирали в тундре; из мухомора выделывали сильно опьяняющий напиток, от которого по наблюдениям русских, «иные скачут, иные пляшут, иные плачут, и в великом ужасе находятся»[3].

У юкагиров главным источником существования была охота на диких оленей. По показанию русского казака Владимира Атласова, ительмены охотились на соболей и лисиц, шкуры которых употребляли на одежду[4].

В отдельных местах, где ительмены граничили с коряками, развитию пушного промысла способствовал начинавшийся процесс обмена между ними. Атласов сообщает, что коряки «соболей не промышляют, потому что о соболях ничего не знают» (т. е. не знают их цены), а про ительменов говорит, что «они никуды ясаку не плачивали». Обмен этот носил характер взаимного отдаривания.

Народы, жившие в тундре, охотились также на водяных птиц.

У кочевавших в тундре коряков и чукчей (так называемых «оленных» в отличие от «пеших», живших оседло по берегам морей), повидимому, в значительных размерах существовало оленеводство.

Оседлые чукчи и коряки, ительмены и часть юкагиров имели из домашних животных только собак.

У народов крайней северо-восточной части Сибири русские застали ранние стадии развития патриархального родового строя. У чукчей сохранялись пережитки еще более ранних форм родового быта, в частности следы группового брака.

По словам Атласова, пенжинские «коряки» «начального человека над собою не знают»[5]; точно так же «камчадалы» «державства великого над собою не имеют»[6]. Однако из числа отдельных старшин постепенно выделил-

---

[1] «Скаска» Вл. Атласова, 1701 г.— «Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII в.», Л., 1935, стр. 27.

[2] Там же, стр. 31.

[3] *С. П. Крашенинников.* Описание земли Камчатки. М.—Л., 1949, стр. 427—428.

[4] «Скаска» Вл. Атласова, стр. 26—27.

[5] Там же, стр. 25.

[6] Там же, стр. 31.

ся «лучший», т. е. наиболее богатый, князец. У юкагиров во главе отдельных родов стояли шаманы.

К образованию более крупных соединений побуждали главным образом военные соображения, не только заставлявшие объединяться одноплеменников, но и вызывавшие союзы между различными племенами. Те же военные цели способствовали образованию у этих народов укрепленных центров — острогов. Такие остроги русские встречали всюду. На Алазее в 1650 г. у двух князцов был поставлен «острог велик» с воротами и башнями, вмещавший «с 200 человек больших мужиков, которые луком владеют, опричь подростков, и олени у них у всех собраны в том же острожке»[1]. Атласов пишет: «А остроги де они делают для того, что меж собою у них бывают бои и драки род с родом почасту»[2].

Религией народов северо-востока Сибири был первобытный анимизм, наполнявший мир целым сонмом злых и добрых духов. Несомненно, существовала зоолатрия, в частности культ медведя, свойственный почти всем сибирским народностям.

Особенностью шаманства чукчей, коряков и ительменов было то, что у них мог шаманить каждый, а не только профессиональные шаманы[3].

Приход русских на Камчатку и Чукотку означал довольно крутую ломку всего быта. Совершился переход от неолитического периода к металлическому, усваивался русский быт — избы, одежда[4].

7

НАРОДЫ ПРИАМУРЬЯ

Согласно русской терминологии XVII в., территория бассейна Амура делилась на четыре «земли»: Даурскую, Дючерскую, Натскую и Гиляцкую.

Поселения дауров начинались ниже слияния рек Шилки и Аргуни и тянулись по берегам Амура до устья Зеи, а также занимали долину Зеи в ее среднем и нижнем течении и ее левого притока Селемджи.

Сплошные поселения дючеров были расположены по среднему Амуру и в долине р. Сунгари в ее нижнем течении. Ниже дючеров по Амуру, начиная от р. Дондона, жили натки, предки современных нанайцев. Часть натков, пограничную с гиляками (видимо, предков современных ульчей), русские в XVII в. называли очанами.

Ниже натков жили гиляки (нивхи). Кроме того, гиляки жили на Сахалине, на островах Амурского лимана и заходили для промысла морского

---

[1] ДАИ, т. III, № 80, стр. 284.

[2] «Скаска» Вл. Атласова, стр. 27.

[3] Там же, стр. 31.

[4] *Н. Н. Степанов.* Историческое значение присоединения народностей Крайнего Севера к России.— «Вопросы истории», 1952, № 7, стр. 77, 79, 80, 81, 85 и др.

зверя на Шантарские острова. На Амуре гиляки занимали оба берега, и им принадлежала часть побережья Татарского пролива к югу от Амурского лимана. К 1645 г. относится наиболее раннее известие об айнах. Повидимому, они жили в XVII в. не только на Сахалине, но и на побережье материка к югу от устья Амура[1].

Дауры были в XVII в. народом с уже старой земледельческой культурой: они принесли ее из глубины Маньчжурии, откуда до конца XV в. выселились на Амур. О языке дауров ленский воевода П. Головин в отписке царю писал, что «язык... у них свой, с якутцким и с тунгуским языком не сходитца»[2], а в инструкции того же Головина В. Д. Пояркову дауры названы «братами», т. е. бурятами. Поэтому вероятнее всего, что даурский язык был диалектом монгольского языка.

Дауры жили оседло, небольшими улусами, в бревенчатых рубленых юртах, «по десять юрт и больше вместе»[3]. К даурам проник также маньчжурский тип жилища. В этих жилищах дым и тепло из печи проходят по трубам под нарами, а для выхода дыма служит высокая деревянная труба, вынесенная за пределы дома и поднимающаяся от уровня земли. Стены были глинобитные, крыша покрывалась травой или тростником. Дома эти имели окна с раздвижными бумажными окончинами[4].

Земледелие в Даурии давало большие урожаи. Излишек хлебных запасов хранился в особых ямах, вырытых на полях. Дауры сеяли ячмень, овес, просо, коноплю, гречу, горох, пшеницу, рожь. Зерно перемалывалось в муку и крупу на мельницах и крупорушках. Из хлеба курили вино, из конопли жали масло и приготовляли веревки и канаты для плотов. Дауры разводили также табак, огурцы, мак, чеснок, бобы, арбузы, дыни; в садах у них росли фруктовые деревья. Дауры имели много лошадей, коров, овец, свиней и кур. Кроме земледелия и скотоводства, которые были главным их занятием, дауры занимались рыболовством и охотой на пушного зверя. В качестве охотничьего оружия употреблялись луки и лучковые самострелы[5]. Даурам не было знакомо ткачество. Мужчины и женщины носили халаты китайского покроя из покупных китайских тканей[6].

Была развита у дауров и торговля. Главным предметом сбыта была мука. Хлеб (мука) покупался эвенками бассейна Зеи, шел на Верхний Витим и в Восточное Забайкалье. В Китай продавалась пушнина, а из Китая получали металлы (олово, железо, медь, серебро), оружие, котлы, разные ткани и украшения. Кроме того, дауры были торговыми посредниками между маньчжурами и эвенками.

---

1 ЦГАДА, Якутская приказная изба, оп. 1, ст. 43, л. 361.
2 ДАИ, т. II, СПб., 1846, № 96, стр. 258.
3 Там же, стр. 260.
4 «Древняя Российская Вивлиофика», ч. VIII, М., 1789, стр. 442—444.
5 ДАИ, т. III, № 12/II, стр. 57.
6 Зарисовку одежды дауров можно видеть у Э. Избранда и Н.-К. Витсена.

Даур. Гравюра из книги Н.-К. Витсена, изд. 1692 г.

* * *

Социальные отношения у дауров были патриархально-феодальными. Во главе земледельческих общин стояли старейшины, или «князцы», по терминологии русских источников. В составе даурских общин можно различить, с одной стороны, родовичей, с другой — чужеродцев, представителей других племен, чаще всего эвенков. Существовало также патриархальное рабство. Среди князцов были «лутчие» и «младшие», которые находились «под рукою лутчих». «Лутчим» князцом, например, был на Верхнем Амуре князь Лавкай, который был признанным главой среди своих братьев. Эти князья находились в политической зависимости от Китая и платили ему дань. Даурские князцы жили в хорошо укрепленных городках. В эти городки в минуту опасности собирались все подручные князцы и все население.

Торговый обмен находился в руках князцов, они же ведали сбором и уплатой китайской дани, а позднее — русского ясака.

Дючеры или «джючеры» отличались от дауров главным образом по языку, представлявшему собой наречие маньчжурского языка [1].

Дючерские поселения — улусы—были крупнее даурских. Е. П. Хабаров сообщает, что все улусы дючеров «великие», «юрт по штидесят и по семидесят в улусе» [2]. Как и дауры, дючеры были земледельцами, занимались охотой, вели торговлю хлебом и пушниной и находились в политической зависимости от Китая. Их социальная организация также была, повидимому, аналогична даурской [3].

Ниже Дондона по Амуру прекращалась земледельческая область и начинались поселки натков и гиляков — рыболовов, таежных охотников и охотников за морским зверем. Для перевозки грузов и людей здесь ис-

[1] *А. Н. Липский.* Краткий обзор маньчжуро-тунгусских племен бассейна Амура.— «Первый туземный съезд ДВО», Хабаровск, 1925, стр. XXXIII; «Записки о Нингуте».— «Записки Русск. геогр. об-ва», 1857, СПб., кн. XII, стр. 92.

[2] ДАИ, т. III, № 102, стр. 364.

[3] Наказ А. Ф. Пашкову на воеводство в Даурской земле.—РИБ, т. 15, СПб., 1894, отд. V, стр. 5; ДАИ, т. III, № 122, стр. 525.

пользовалась чаще всего собака. Основным питанием были вяленая на солнце и в дыму «провесная» и сырая рыба и тюлений жир. Натки и гиляки жили большими группами (улусами) оседло и не зависели от богдыхана: «А... ясаку они никому не дают»,— замечает В. Д. Поярков[1].

По Амуру натки, так же как и гиляки, плавали в больших дощатых орнаментованных лодках с выступающим в носовой части днищем: «А струги у них,— сообщает Е. П. Хабаров,— большие и с выходами, и краски навожены, а в один струг садятся человек по пятидесят и по штидесят»[2]. Были у них и легкие берестяные байдарки, в которых гребли двухлопастным веслом.

Натки вели меновую торговлю с дючерами и маньчжурами; пушнину они меняли на муку, шерстяные ткани, одежду, утварь (котлы), бусы и бисер[3]. Торгуя с маньчжурами, натки и гиляки платили пошлину соболями и получали подарки от маньчжурской администрации в виде различной одежды. Сами натки изготовляли одежду из рыбьей кожи, но приобретали кафтаны с вышитыми золотом драконовыми кругами, а также парчу, вышитые шелком материи и канифасы (льняные) разных цветов. От гиляков в обмен на соболей натки получали товары японского происхождения.

Натки делились на кровные патрилинейные роды, имели выборных старейшин, а может быть, и общего племенного вождя[4].

Гиляки жили зимой в деревянных рубленых «юртах» (наземных), а летом — в «клетях» (очевидно, на сваях) без окон. Около юрт находились «вешала» для провесной рыбы[5] и срубы, в которых «кормили» медведей. Медведь почитался в качестве священного животного и выкармливался для общественного праздника, когда его убивали из луков на особой ритуальной площадке. Русские, не зная ритуального значения этих медведей, полагали, что их «кормят в улусах для работы»[6].

Основой хозяйства гиляков были рыболовство и охота в море и лимане на морского зверя. Охота на пушного зверя имела меньшее значение, чем у натков. Соболей гиляки приобретали в обмен на тюлений жир, шкуры морских ластоногих и ремни. Гиляки держали много собак (по 500—1000 в улусе), которых употребляли для упряжки. Они одевались в одежду из звериных (например, тюленьих) шкур, а зимой носили шкуры на собачьем, лисьем, а старшины даже и на собольем меху.

Гиляки жили родовым строем. Во главе родов (улусов) стояли вожди, которых В. Д. Поярков называет «князцами».

---

[1] ДАИ, т. III, № 12, стр. 55.

[2] Там же, № 102, стр. 365.

[3] *Г. Ф. Миллер.* История о странах, при р. Амуре лежащих, когда оные состояли под российским владением. СПб., 1757, стр. 4—5.

[4] «Записки о Нингуте», стр. 91—92.

[5] ДАИ, т. III, № 100, стр. 354.

[6] *Н. Г. Спафарий.* Сказание о великой реке Амуре.— Сб. «Сибирь в XVII в.», М., 1890, стр. 105—113.

Материковые гиляки вели оживленные сношения с гиляками Сахалина, с айнами и, может быть, непосредственно с японцами[1].

Кроме гиляков, на Сахалине в XVII в. жило еще малочисленное оленеводческое кочевое племя орис (или орил) и племя куви (или айны).

О племени орис (предках современных ороков) источник сообщает, что оно находилось в постоянной вражде с даурами и кочевыми эвенками. Кроме оленеводства, это племя занималось рыболовством и охотой на морского зверя[2].

О куви (айнах) — древнейшем населении Японских и Курильских островов — сохранилось мало данных. Из китайской надписи эпохи династии Мин, высеченной около 1413—1432 гг. на камне в низовьях Амура, видно, что в начале XV в. куви (айны) уже жили на Сахалине[3].

В 1669 г. эвенки Тугарского зимовья сообщили окольничему и воеводе князю И. П. Барятинскому, что среди «иноземцев разных родов» «близ устья Амура реки по обе стороны» живут также и куви (айны), у которых эвенки выменивают «на соболей и на лисиц серебро слитками и прутьями»[4]. Наличие поселений айнов в нижнем течении Амура в XVII в. подтверждается также антропологическими и этнографическими данными второй половины XIX в.

8

ПРИСОЕДИНЕНИЕ И КОЛОНИЗАЦИЯ СИБИРИ. ЭКСПЛУАТАЦИЯ СИБИРИ ЦАРИЗМОМ. РУССКОЕ НАСЕЛЕНИЕ СИБИРИ

Первым этапом русского продвижения на восток Сибири в XVII в. был переход с Оби на Енисей. Это движение за Обь к Енисею и дальше проходило по двум путям. Старые пути морем и по Печоре с ее притоком Усой в Нижнее Пообье нашли свое продолжение в северном пути с Оби на Енисей. Более поздние пути по Каме и ее притокам к среднему течению Оби послужили началом южного пути. Первый из этих путей шел морем из устья Оби в Обскую губу и восточное ее разветвление — Мангазейское море, потом вверх по р. Тазу. Отсюда волоком перебирались на р. Турухан, приток Енисея. На рубеже XVI и XVII вв. в низовьях Таза был основан Мангазейский острог. Новый город быстро превратился в «златокипящую государеву вотчину», куда стекались промышленные и торговые

[1] *Н. Г. Спафарий.* Описание первые части вселенныя, именуемой Азии, в ней же состоит Китайское государство. Казань, 1910, стр. 199.

[2] *Б. А. Васильев.* Основные черты этнографии ороков.— «Этнография», 1929, № 1, стр. 3—22.

[3] *П. Попов.* О тырских памятниках.— «Записки Восточного отдел. Русск. археол. об-ва», т. XVI, СПб., 1906, стр. 012—020.

[4] «Сказка казака Якутского острога Степ. Щербакова».— «Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в.», Л., 1936, № 87, стр. 148.

люди из русских городов в поисках ценной пушнины. Через Мангазею ежегодно проходила пестрая толпа искателей наживы в несколько сот человек, рассыпаясь по Мангазейскому уезду для промысла и торговли. Потом этот люд снова собирался с добычей в Мангазее, чтобы отсюда пуститься в обратный путь на Русь. В первой половине XVII в. мангазейская таможня собирала десятой пошлины (сбор в размере одной десятой стоимости провозимого товара) с промышленной и покупной мягкой рухляди до 10—17 тыс. руб. в год по мангазейской цене. Отдельные операции были довольно крупными. Так, гость Надея Светешников выслал в 1637 г. в Мангазею для закупки пушнины своего приказчика с 5500 рублями.

Основанное в XVII в. при впадении Турухана в Енисей Туруханское зимовье послужило базой для дальнейшего продвижения на Лену. С Нижней Тунгуски мангазейские служилые люди по указанию царских воевод к началу 30-х годов XVII в. перешли на Вилюй и достигли Лены. Уже в 1633 г. мангазейский воевода А. Ф. Палицын представил в Москву план захвата «угодной и пространной реки» и приложил к своему проекту роспись и чертеж. Палицыну Лена была известна от верховьев до впадения в «полунощный окиян», известны были и пушные ресурсы, благодаря которым, по его словам, «будет та Лена река другая Мангазея». Палицын предлагал послать на Лену ратных людей с «вогненным боем» и устроить острожки на р. Чоне, у устья Вилюя и острог «доброй» на устье Алдана, опираясь на которые можно было бы производить разведки вверх и вниз по Лене.

На Лене северный путь на восток сомкнулся с другим, более южным, шедшим по Оби и ее правому притоку Кети, на которой в самом начале XVII в. был построен Кетский острог. В 1618 г. постройкой Маковского острожка был закреплен волок с Кети на Енисей. Годом позже на Енисее был основан Енисейский острог. С постройкой Енисейского острога южный путь на Енисей стал основным. Как только соболь в Мангазейском уезде «испромышлялся», приток торговых и промышленных людей в Мангазею приостановился; он начал падать уже в 40-х годах XVII в. и почти прекратился в 50-х годах. В 1654 г. в Мангазею приехало всего шесть человек, в 1656 г. — семь, в 1658 г.— ни одного. Некоторую роль в этом сыграли запретительные мероприятия царского правительства, завершившиеся распоряжением тобольского воеводы П. И. Годунова в 1667 г. о полном прекращении морских поездок в Мангазею[1]. В 60-х годах Мангазея запустела. С этих пор русская колонизация пошла южным путем от Енисейска на восток Верхней Тунгуской, Илимом, Ленским волоком и Кутой на Лену.

Сведения о Лене были получены в Енисейске в год его основания, т. е. в 1619 г., но только в 1631 г. енисейскими служилыми людьми был построен первый острог на Лене у устья Куты — Усть-Кутский. В 1632 г.

---

[1] *С. В. Бахрушин.* Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. М., 1927, стр. 123; см. также: «Научные труды», т. III, ч. I, М., 1955, стр. 121.

Башня Якутского острога, 1683 г.

сотник Петр Бекетов основал Якутск, несколькими годами позднее перенесенный на его теперешнее место. После основания Якутска отряды тобольских, енисейских, мангазейских и томских служилых людей двинулись на Лену.

Царское правительство учредило в Якутске самостоятельное воеводство, в котором и было сосредоточено руководство дальнейшим продвижением на северо-восток Сибири. Постройкой Олекминского и Жиганского зимовий были закреплены пути вверх и вниз по Лене. Зимовья, поставленные енисейскими и мангазейскими служилыми людьми, способствовали освоению притоков Лены—Вилюя, Алдана, Олекмы и др. Смелые морские экспедиции Ильи Перфильева (1633), Ивана Реброва (1633), Елисея Бузы (1636), во время которых были открыты устья Лены, Яны, Индигирки, Оленека, положили начало ознакомлению с восточной частью северных берегов Азии. В начале 40-х годов, после проникновения на Индигирку, были обследованы бассейны Алазеи и Колымы, по которой в 1643 г. Михаилом Стадухиным было поставлено три зимовья. От Колымы шло дальнейшее освоение восточных берегов Ледовитого океана. В 1646 г. была открыта Чаунская губа, а в 1648 г. это продвижение было завершено блестящей по своим результатам экспедицией, организованной приказчиком устюжских торговых людей Усовых, холмогорцем Федотом Алексеевым Поповым при участии казака Семена Дежнева. Из устья Колымы вышло шесть кочей; один из них — коч Дежнева — обогнул Большой Каменный нос и был выброшен на берег, «прошед Анадырское устье». Таким образом, был пройден пролив, отделяющий Азию от Америки. Дежнев зазимовал в низовьях Анадыря, основав в 1649 г. в среднем течении этой реки Анадырский острог. Здесь он встретился со Стадухиным, пришедшим на Анадырь сухим путем через Становой хребет. В 1651 г. Стадухин перешел на Пенжину и Гижигу, впадающие в Пенжинское (Охотское) море, на берегу

которого еще в 1648/49 г. был построен Косой острожек (будущий Охотск). К половине XVII в. русские дошли до Тихого океана — по «край и конец Сибирской земли». Продвижение в этом направлении для XVII в. закончилось экспедицией Атласова (1697—1699), положившей начало проникновению на Камчатку и Курильские острова и выходу русских в Америку.

Продвижение русских было осуществлено под общим руководством правительства и его агентов немногочисленными отрядами служилых людей, которых часто опережали такие же мелкие партии промышленников. Отдельные операции выполнялись десятками людей. Енисейский служилый человек Посник Иванов в 1637 г. с отрядом в 30 человек прошел с Енисея на Лену и от Якутска через Верхоянский хребет на Яну и Индигирку, где обложил ясаком юкагиров. Д. Копылов, отправленный из Томска в 1636 г., с группой в 50 человек достиг Лены, основал Бутальское зимовье на Алдане выше устья Маи. 20 человек из его отряда поднялись в 1638 г. по Мае, перевалили хребет, вышли в Улью, достигли Охотского моря и поставили острог. Якутск был основан Бекетовым с отрядом в 20 человек. Зимовавший на Анадыре Дежнев собирал ясак с отрядом в 12 человек. В только что открытом крае Василий Бугор в 1630 г. оставил у Киренги четырех казаков и в устье Куты — двух, и т. д. Отряды в 200—300 человек были исключением и предполагали осуществление громадных предприятий. Так, Палицын предполагал освоить все течение Лены отрядом в 200 ратных людей. Такой поход был бы возможен лишь при очень слабом сопротивлении местного населения. Отсутствие крупных политических организаций, кроме Кучумова «юрта», разноплеменность населения не создавали предпосылок для сопротивления.

Напротив, межплеменная рознь приводила отдельные группы к стремлению использовать в своей борьбе помощь русских отрядов. Отряд Копылова «воевал» алданских якутов при активной поддержке накарцев, мегинцев и кангаласов. При этом русские казаки в объединенном отряде едва ли составляли более десятой части. Объясачивание аринов русские проводили с помощью сымских и касовских хантов. В момент продвижения русских в Бурятии против бурят активно выступали канские князцы и т. д.

Межплеменная рознь усиливалась в некоторых местах Сибири наличием временного и непрочного подчинения одних племенных групп другим. Эта рознь не только ослабляла сопротивление, но и приводила к добровольному подчинению отдельных племен русским. Подобно тому как в Западной Сибири ханты и манси, входившие на основе подчинения в состав Кучумова юрта, покинули Кучума и «поклонились» ясаком русским, в Восточной Сибири добровольно перешли на сторону русских кыштымы бурят, испытывавшие большие притеснения со стороны последних; также подчинилась русским часть забайкальских бурят, спасаясь от маньчжурских и монгольских феодалов и т. д. Эти факты раскрывают одну из причин быстрого продвижения немногочисленных русских служилых отрядов.

Другой не менее важной причиной было использование представителями царского правительства в Сибири классовых интересов верхушки сибирского населения.

Сибирские воеводы усиленно поддерживали зарождавшиеся у части народов Сибири тенденции феодального развития, находя для себя опору в слагавшейся знати. Некоторые из местных князьков предпочитали не входить в конфликты с пришельцами, у которых они встречали полную поддержку.

Была и прямая экономическая заинтересованность некоторых народов Сибири в признании русской власти: возможность получать от русских в обмен на меха необходимые товары на более выгодных условиях, чем из далекого Китая и еще более далекой Средней Азии. Непосредственное соседство с русскими делало обмен с ними тем более легким, что в начале XVII в., в силу осложнившейся на юге политической обстановки, торговые пути для сношения бурят со Средней Азией и Китаем были нарушены. Так, добровольно согласились дать русским ясак многие бурятские князцы. Правда, иногда южные владетели насильно уводили с русской территории племена, ранее платившие им дань. Иногда местные племена, выступая против злоупотреблений воеводской администрации, сами уходили на юг. В Монголию ушла часть бурят и эвенков. Те и другие, попав в условия жесточайшей эксплуатации, затем возвратились на свои прежние «породные» места. Так, в XVII и первой половине XVIII в. происходил переход в русское подданство бежавших из Монголии бурят и эвенков.

Иной характер носило продвижение на юг. Русские встретили здесь движение сильных кочевых племен на север. В Барабинской степи русские, преследуя Кучума, сразу же натолкнулись на калмыков, от которых поспешно ушел в Тару тарский воевода, нанесший решительное поражение Кучуму. В начале XVII в. к русским границам двинулись калмыцкие племена — торгоуты, дербеты и хошоуты[1]. С этим наступлением связано и движение кучумовских царевичей, потомков Кучума, которые еще во второй половине XVII в. предпринимали набеги на южные окраины русских владений. В течение XVII в. удалось создать лишь укрепленную линию из острогов Ялуторовского, Тарханского, Вагайского, Тебендинского и Ишимского. Крайним укрепленным пунктом по Иртышу попрежнему оставался г. Тара.

Было также задержано движение русских вверх, по Оби и Енисею. Крайним пунктом по Томи был поставленный в 1618 г. Кузнецкий острог. Попытка проникнуть вглубь Алтайских гор привела в 1627 г. к поражению русских служилых людей от телессов. По Енисею продвижение на юг закончилось постройкой в 1628 г. в земле качинцев и аринов Красноярского острога. В верховьях Енисея и Оби русские вступили в область, где со-

[1] ЦГАДА. Столбцы Сибирского приказа, № 83, лл. 795—798.

бирали свой алман (дань) монгольские «державцы», в частности алтын-ханы. Окраинным русским острогам не раз приходилось выдерживать натиск монголов и зависимых от них енисейских киргизов. Несколько позднее, после ожесточенной борьбы с джунгарами алтын-ханы потеряли былую силу, что ослабило их натиск на север. Зато русские столкнулись с не менее сильными джунгарскими хун-тайджами, в вассальную зависимость от которых попали ближайшие соседи Красноярска — киргизы. Дальнейшее продвижение на юг в Западной Сибири сделалось возможным для русских только в XVIII в.

Продвижение русских на юго-восток в бассейн Амура шло двумя путями: одним — через земли бурят к Байкалу и в Забайкалье из Енисейска и Красноярска, другим — с Лены из Якутска. Из Енисейска русские двигались вверх по Ангаре, на которой были построены остроги Братский (1631), Балаганский (1654) и Иркутское зимовье (1652). В 1646—1648 гг. русские достигли восточных берегов Байкала и построили Баргузинский острог. Постройка Селенгинского острога (1665), Удинского зимовья (Улан-Удэ) и острожков по Селенге и Иргеню обеспечили путь на Шилку, закрепленный впоследствии постройкой Нерчинска.

В 40-х годах из Якутска были сделаны попытки проникнуть в Приамурье, или Даурскую землю, слухи о природных богатствах которой очень рано были распространены между русскими промышленниками. Движение на Амур из Якутска пошло по Алдану. В 1643 г. из Якутского острога был отправлен отряд во главе с В. Д. Поярковым для объясачения народов Амура. Экспедиция прошла по Алдану, его притоку Учуру, по притоку последнего Гонаму и, перевалив Яблоновый хребет, по р. Брянте, спустилась в Зею. Пояркову удалось пройти до устья Амура. Весной 1645 г. он вышел в Охотское море, достиг устья р. Ульи и в 1646 г., перевалив Становой хребет, Маей, Алданом и Леной вернулся в Якутск с остатками своего отряда и собранным ясаком. На основании сведений, полученных от Пояркова, в 1649 г. был организован большой поход торговым человеком устюжанином Е. П. Хабаровым-Святицким при содействии якутского воеводы Дмитрия Францбекова. Собранный Хабаровым значительный отряд «охочих» людей прошел по Амуру. На Амуре русские натолкнулись на сопротивление маньчжурского правительства.

Поход Хабарова делеко выходил за пределы частного предприятия. Поэтому рано или поздно правительственная администрация должна была вмешаться в начатое им дело. Хабаров ввиду многочисленных жалоб, поступивших на него, был отозван, и на его место назначен был Онуфрий Степанов. Степанов не смог из-за недостатка продовольствия удержаться со своим отрядом в опустошенной и покинутой жителями стране. В 1658 г. его небольшой отряд потерпел поражение от маньчжурского флота, после чего остатки хабаровского ополчения покинули Приамурье. Отказавшись от военной экспедиции на Амур, царская администрация приступила к подготовке планомерного наступления. В 1658 г. у впадения р. Нерчи в

Шилку был построен Нерчинский острог, который должен был служить базой для дальнейших действий в Приамурье[1].

Таким образом, в конце XVII в. восточные границы Русского государства, передвинувшись с Уральского хребта до берегов Тихого океана, совпали с естественными географическими границами северной и восточной частей Азиатского материка. На юге русское продвижение столкнулось с наступлением монгольских и маньчжурских феодалов и было приостановлено.

К концу XVII в. русские достигли в этом направлении приблизительно линии Ялуторовск — Тара — Кузнецк — Красноярск — южный угол Байкала — Аргунь — Яблоновый и Становой хребты.

Присоединение Сибири было для русских эпохой крупных географических открытий, ими были обследованы громадные территории, неведомые ранее ни русской, ни европейской науке[2].

Эксплуатация Сибири царизмом

Основной формой эксплуатации местного населения Сибири в течение всего XVII в. был ясак, носивший первоначально черты военной добычи — дани. В отдельных местностях, плохо освоенных русскими, ясак собирался путем прямого грабежа. В большинстве же случаев ясак сразу же превращался в ежегодную поголовную подать. Население захваченных областей переписывалось и вносилось в ясачные книги, которые время от времени проверялись повторными переписями.

Ясак не был новостью для населения Сибири. Наличие ясака в Кучумовом юрте отмечает сибирский летописец[3]. Несомненно, ясак до прихода русских существовал и у других народов Сибири. Буряты и киргизы собирали ясак с своих кыштымов, т. е. покоренных соседних племен. Калмыцкие тайши облагали алманом (данью) население будущих Томского, Кузнецкого и Красноярского уездов. Таким образом, для известной части сибирских народов подчинение Русскому государству означало лишь смену господства.

В значительной мере царизмом была воспринята и прежняя организация ясачного сбора. Ясачные волости, на которые было разбито население, воспроизводили в большинстве случаев прежнее дорусское деление, сохранялись даже прежние названия волостей, городков, деревень, сотен, десятков и т. д. Лишь постепенно прежние крупные единицы дробились, мелкие объединялись, исчезали одни и возникали новые. Во главе многих из этих волостей оставались прежние князьки, перешедшие на службу

---

[1] Более подробно о русско-китайских отношениях в XVII в. см. главу IV, § 9 настоящего издания.

[2] Более подробно см. главу V, § 3 настоящего издания.

[3] «Сибирские летописи», СПб., 1907, стр. 321.

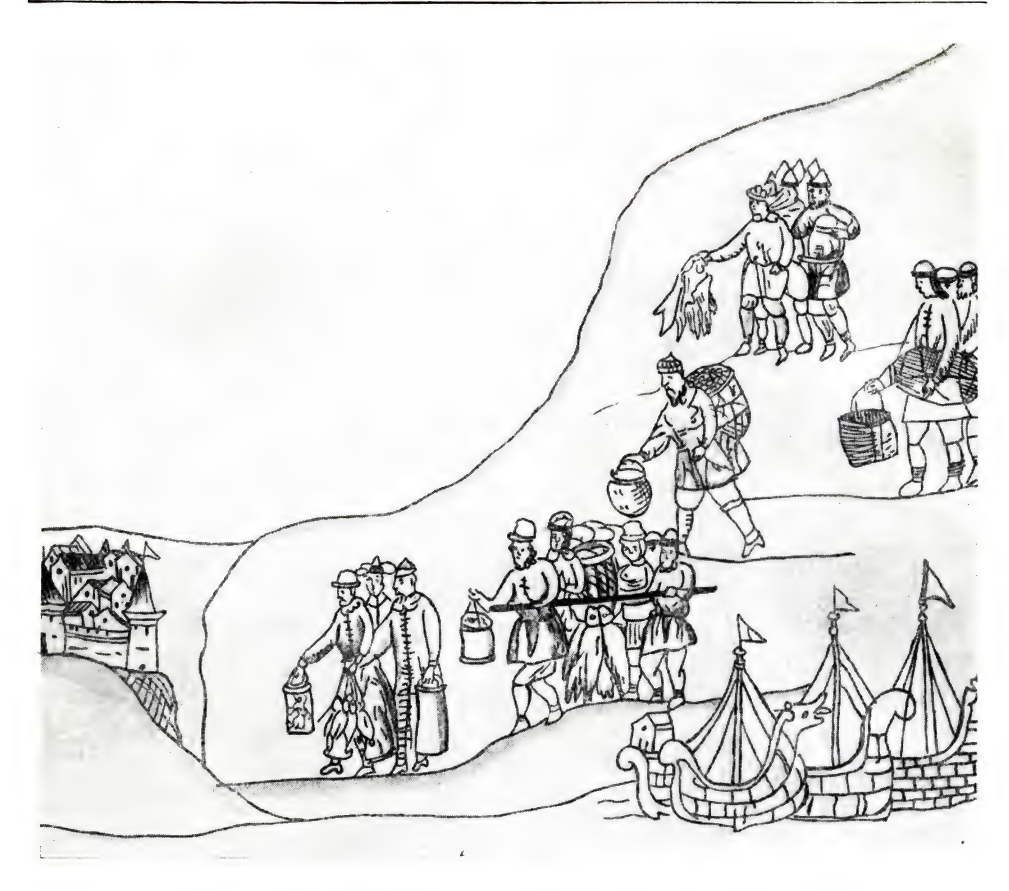

Г. Кузнецк. Гравюра из книги Н.-К. Витсена, изд. 1692 г.

русскому правительству и нередко сохранившие прежние названия сотников, ясаулов, князцов и т. д. Правда, уже в XVII в. часть этих прежних владетелей уступает место новым «лучшим» людям, которых «ясачные люди промеж себя излюбили».

Так начинает создаваться низовая ясачная администрация из коренного населения, более тесно связанная с царским правительством, нередко даже назначаемая воеводами.

Основным предметом ясачного сбора, естественно, стала пушнина — главное богатство новых земель. Именно она влекла дворянское правительство и торговых людей в страну, где соболи «черны вельми и велики, шерсть живого соболи по земли ся волочит». Как правило, ясак собирался шкурками соболей, бобров, лисиц, белок. Хотя уже в XVI в. было известно о наличии в Сибири металлов, в частности серебра, и организовывались поиски их, попытки собирать ясак, например, железными изделиями известны лишь как редкие исключения, так как для большинства местного населения добыча металла была «не за обычай». По той же причине не получила развития попытка перевода части населения на пашню с обязательством, вместо уплаты ясака мехами, вносить хлеб в государевы

Сбор ясака. Миниатюра из Кунгурской летописи, XVII в.

амбары. Иногда ясак вносился скотом, рыбой, лесом, рыбьим зубом, т. е. моржовой костью.

Ясачный оклад исчислялся первоначально количеством вносимого меха (преимущественно соболя). Его размер резко колебался по разным местностям. Так, в начале XVII в. в большинстве волостей Верхотурского уезда вносили по пять соболей с человека; в Туринском уезде пять соболей брали только с холостых, оклад женатых равнялся 10 соболям; в Кондинских волостях взимали с человека семь соболей и т. д. Эта неравномерность могла быть следствием и дорусских традиций и отсутствия единой нормы.

Неудобство такой неопределенной единицы измерения, как соболь, начало чувствоваться рано. Постоянные недоразумения возникали при переводе счета с одного зверя на другого. Поэтому в самом начале второй четверти XVII в. оклад стал определяться «денежною ценою». Однако провести повсеместно перевод ясака на денежный оклад не удалось.

Приблизительно с этого же времени поголовный оклад начал устанавливаться для обложения волости в целом, распределение же оклада внутри волости проводилось самими ясачными людьми, «смотря по людям

и по животом и по промыслом». При установлении величины волостного оклада учитывалось, «которая волость прожиточна, и угодья подошли лучше». Поэтому невозможно дать единого определения величины оклада. Попытка унифицировать оклад не увенчалась успехом. Стремление взять как можно больше наталкивалось на снижавшуюся в течение XVII в. платежеспособность местного населения.

Таким образом, ясак сближался с обычной для Русского государства податью как повинность, отбываемая с земли, «с ясачных вотчин». Из ясака выключалась часть местного населения, потерявшего связь с ясачными вотчинами и, обратно, в него включались русские люди, завладевшие ими. Наконец, сближению ясака с податью способствовала частичная замена натурального ясака денежным сбором.

Наряду с ясаком взыскивались государевы и воеводские поминки, те и другие поступали в казну. Первоначально добровольный дар, поминки скоро превратились в дополнительное обложение, вносимое в ясачные росписи вместе с ясаком.

Средством понуждения к уплате ясака была шерть (присяга), сопровождавшаяся магическими шаманскими обрядами. Более радикальным средством был захват аманатов (заложников). Очень рано царская администрация стала прибегать к подкупу племенной знати государевым жалованьем, т. е. подарками, состоявшими из дешевых металлических изделий и различных безделушек (ножи, иголки, топоры, котлы, колокольчики, куски олова, отрезы материй, бисер, бусы и т. д.), и угощеньем, в частности вином.

Во многих волостях местные князьки сами доставляли ясак в город в расчете на подарки и угощенье. В отдаленные волости ежегодно ездили сборщики ясака, везя с собой аманатов. Они располагались в ясачных зимовьях, куда собирались сородичи аманатов с ясаком.

В значительной части областей, где администрация не смогла поставить правильный учет населения, сохранялся так называемый неокладной ясак. На Нижней Тунгуске первое время эвенки протягивали на копье или швыряли в окно избушки соболиные шкурки, принесенные в ясак, а ясачные сборщики в окно же бросали им бисер и другие подарки. С укреплением правительственной власти в Сибири неокладной ясак переходит в ясак окладной.

Помимо ясака, местное население Сибири выполняло еще ряд повинностей, среди которых особенно тяжела была ямская гоньба на лошадях или собаках; летом тянули бечевой лодки. На тяжесть ямской повинности ясачное население постоянно жаловалось в своих челобитных. При приеме ясака пушнина, как правило, оценивалась ниже ее стоимости. Если же учесть многочисленные злоупотребления ясачной администрации, то реальная стоимость вносимого ясака окажется значительно выше номинального денежного оклада. Таким образом, ясак требовал значительного напряжения примитивного хозяйства объясаченного населения. Между тем с приходом русских это хозяйство попадало в новые более трудные условия.

Положение ясачных людей ухудшалось тем, что с наплывом русских колонистов в ряде мест охотничьи угодья значительно сократились. Русские крестьяне иногда вырубали и выжигали леса и распугивали зверя. Промышленные люди, применявшие более усовершенствованные методы охоты, например кулемы (ловушки), истребляли «соболиный корень». Отражалась на хозяйстве жителей также эксплуатация со стороны русских торговых людей, которые спаивали их и выкачивали ценную пушнину в обмен на безделушки. Продажа нужных в хозяйстве коренного населения железных изделий была ограничена правительством, опасавшимся вооружать ясачных людей.

Все это вело к упадку хозяйственного благосостояния объясаченного населения, так как новые формы хозяйства еще только зарождались и не давали достаточных результатов. Оскудение ясачных людей выражалось в непрерывном росте недоимки, которая к концу столетия почти повсеместно стала постоянным явлением. Несмотря на все усилия сибирской администрации, ясак неуклонно уменьшался в своем размере. Если к середине XVII в. по Тобольскому уезду каждый ясачный человек реально вносил в среднем по 1 рублю 18 алтын 5 денег, то к концу века — уже только 20 алтын 2 деньги. Жалобы на оскудение и невозможность полной уплаты ясака шли из самых отдаленных местностей. Не только в Тобольском уезде, но и у Якутска, на Лене, на Яне, Индигирке ясак во второй половине XVII в. собирался с «великою нужею».

Царское правительство, заинтересованное в сохранении платежеспособности населения, пыталось остановить намечавшееся разорение ясачных хозяйств. Оно стремилось предотвратить переход ясачных угодий в руки русских людей, настойчиво требуя, чтобы русские селились только на свободных землях, ставило ряд стеснительных мер для торговой эксплуатации коренного населения, устанавливая сроки торговли, изымая из продажи отдельные виды пушнины и т. д. Оно неоднократно указывало на необходимость осторожного обращения с «иноземцами», чтобы их не «ожесточить» и «не отогнать от государевой милости»; запрещало взимание ясака правежом, ограничивало применение смертной казни, почти отказалось от христианизации населения и т. д. Правительство принимало меры к ограничению в Сибири рабства, так как рабы выпадали из ясачного обложения. Разрешение «татар и татарченков... в Сибири покупать», данное Уложением в 1649 г., было ограничено указом 1684 г. Но когда все эти мероприятия не достигали ожидаемого результата, царское правительство упорно продолжало требовать сбора прежнего оклада и недоимок. Отменив правеж, оно угрожало воеводам и сборщикам взять недобор на них самих, толкая, таким образом, местную администрацию на путь репрессий.

Налоговый гнет, неразрешенные противоречия интересов русской колонизации и промыслового хозяйства объясаченного населения, злоупотребления сибирской администрации приводили к упорной и длительной борьбе населения Сибири против эксплуатации. Чтобы не платить ясак, люди

уходили с насиженных мест и откочевывали в отдаленные районы. Эта форма протеста наблюдается повсеместно. Так, в 60-х годах «отъехали в поле» несколько волостей Верхотурского уезда. В те же годы не платили ясака эвенки по Индигирке, уйдя в «глухие места». В 1665 г. откочевали от Красноярска арины и качинцы. В 1658—1659 гг. от притеснений балаганского приказчика Ивана Похабова бежали в Монголию балаганские и окинские буряты и т. д. Многочисленны случаи убийства ясачных сборщиков и погрома государевой соболиной казны. Наряду с мелкими выступлениями происходили восстания, достигавшие значительных размеров.

Герб Сибири. Рисунок из «Титулярника» 1672 г.

Центральный государственный архив древних актов

Сильное движение якутов имело место в 1642 г.; оно было вызвано переписью у них скота якутским воеводой Головиным и его суровым обращением с ясачным населением. Восстание было подавлено с исключительной жестокостью: 23 человека были повешены, а другие биты «кнутьем без пощады». В течение всего века вспыхивали выступления местного населения против угнетателей — русской воеводской администрации, опустошавшей страну своими поборами.

Наряду с борьбой населения Сибири против колониальной политики царизма имели место и реакционные движения, ставившие целью полное изгнание русских, уничтожение русских поселений и восстановление власти местной знати. Так, ряд восстаний и заговоров в Западной Сибири, направленных на восстановление старых порядков («как было при Кучюме царе»), был связан с деятельностью Кучумовичей. Во время восстания, охватившего в 60-х годах Западную Сибирь, часть тобольских служилых татар, сносившихся с Кучумовичами, мечтала о реставрации независимого ханства во главе с одним из потомков Кучума. В те же годы князцы Березовского уезда соглашались платить ясак царевичу из рода Кучума, считая, что последний сумеет захватить Тобольск. В своей борьбе они искали поддержки зарубежных «немирных» народов. Так, в 1644 г. в тюменской съезжей избе стало известно, что изменники передают «колмыцким тайшам» сведения о русских военных гарнизонах и на «сибирские городы и ясачные волости войной приводят»[1]. В борьбе против Кучумовичей приня-

[1] ЦГАДА. Столбцы Сибирского приказа, № 53—54, лл. 130—132.

ли участие и представители местных племен, вошедших в состав Русского государства. В Бурятии претензии монгольского Очирой-хана на подчинение балаганских и верхоленских бурят не нашли поддержки у бурятского населения.

Русское население в Сибири

Русское правительство строило на территории Сибири укрепленные города и остроги. Сначала гарнизоны этих крепостей состояли из участников первых походов в Сибирь и служилых людей, переведенных туда на жительство из русских городов. В дальнейшем для пополнения этих гарнизонов, особенно в XVI и первой половине XVII в., практиковался «прибор» служилых людей в русских, главным образом, поморских городах из охочих людей и поверстание сыновей и других родственников сибирских же служилых людей. Другим источником пополнения кадров сибирских служилых людей была ссылка. Последняя практиковалась уже в XVI в. и достигла больших размеров в XVII в. Значительная часть ссыльных версталась в низшие рязряды служилых людей (казаки), а иногда и в дети боярские. Особенно широко включались в число служилых людей ссыльные иноземцы, «черкасы (украинцы) и литва». Верстались в службу нередко и представители местной знати. К концу века в Сибири числилось всякого чина служилых людей более 11 тыс. человек[1].

Противоречивые интересы различных групп служилых людей приводили иногда к острым столкновениям. В 1668 г. якутские казаки отчетливо указали причины их «розни» с детьми боярскими. По их словам, дети боярские заставляли их работать на себя, получали полностью большие оклады, в то время как казакам не выплачивались их малые оклады, ожесточали якутов и т. д. К этому присоединялись тяжелые условия жизни казаков (сторожевые службы, походы, перевозки хлебных запасов, ясачной казны и т. д.), произвол администрации и дворянства. Недовольство иногда переходило в открытый бунт против воевод, как это было в Томске, Красноярске, и т. д. Внутренняя борьба сибирского служилого люда порой переплеталась с борьбой местного населения (Томское восстание 1637—1638 гг.) и посадского люда и направлялась своим острием против общей политики царского правительства — политики дальнейшего наступления на низы населения. В таких случаях местные сибирские волнения сливались с общим ходом классовой борьбы в государстве (так, например, было в Томске в 1648 г.) и, несмотря на своеобразие сибирских условий, напоминали аналогичные выступления низов служилого населения в центре государства.

Громадные пушные богатства вновь открытой земли привлекали предприимчивых лиц, шедших за Урал для промысла и торговли. Русские торговые и промышленные люди, не задерживаясь в городах, устремлялись

---

[1] ЦГАДА. Столбцы Сибирского приказа, № 589.

вглубь уездов, часто опережая правительственные отряды, и сами открывали новые «неведующие» земли. По их следам шли правительственные экспедиции и закрепляли «за государем» вновь открытый край. Отправляясь в уезды, возвращаясь из них, промышленные люди в большом количестве скапливались в городах с таможенными центрами, где вносили пошлины, иногда на очень крупную сумму. Среди них встречалась и беднота, отправлявшаяся искать удачи в качестве «покрученников», и представители крупнейших торговых домов вроде Светешниковых, Никитиных и т. д. Эти люди, стремившиеся постоянно в места наиболее богатой добычи, возвращавшиеся с этой добычей на Русь и лишь частично оседавшие на постоянное жительство, придавали своеобразный характер сибирским городам.

Постоянное посадское население образовывалось в Сибири крайне медленно. В конце XVII в. посадских людей по всей Сибири насчитывали лишь 2500 человек, т. е. почти в пять раз меньше, нежели военного населения. В некоторых городах посада не было совсем. Занимаясь мелкой торговлей, иногда земледелием и промыслами, население сибирских посадов не только уступало количественно служилому населению, но в некоторых городах отодвигалось на второй план пришлым торгово-промышленным людом, захватившим в свои руки фактически все сибирские торги и промыслы.

Необходимость содержать относительно большие военные силы в стране, почти не знавшей земледелия, выдвигала на очередь вопрос о продовольствовании сибирских гарнизонов. Отдельные очаги примитивного земледелия некоторых племен Сибири не могли играть какой-либо роли в деле снабжения хлебом русского населения, так как они не обеспечивали продовольствием даже эти племена.

Первое время потребность в хлебе удовлетворялась исключительно привозным хлебом, так называемыми «сошными запасами», поставляемыми в порядке особой повинности населением городов и уездов Соли-Камской, Чердыни, Кайгородка, Вятки, Устюга, Соли-Вычегодской и Выми-Яренской. Сошные запасы шли в раздачу служилым людям Сибири в виде хлебного жалованья. Дальняя доставка сильно удорожала стоимость хлеба и утяжеляла повинность поморских городов[1]. Попытка закупать хлеб в поморских городах и отправлять его в Сибирь путем сдачи подрядов частным лицам, показала, что доставка от Устюга до Верхотурья четверти хлеба, стоившей в Устюге 32 алтына, обходилась от 2 рублей 11 алтын до 3 рублей 19 алтын. Иногда сошные запасы за дальностью и трудностью доставки не поступали своевременно в Верхотурье, и тогда сибирские служилые люди оставались без «хлебных дач». Все это заставляло царское правительство торопиться с устройством пашни в самой Сибири.

Организация сибирской пашни в условиях феодально-крепостнического государства приняла форму принудительного переселения крестьян из

[1] РИБ, т. 8, СПб., 1884, № 11/VII, стр. 356—357.

поморских уездов в Сибирь, переселения «по указу». Одновременно в тех же уездах набирались для переселения в Сибирь вольные «охочие» люди, что называлось переселением «по прибору». Переселяемые устраивались с помощью выдаваемых из казны ссуд и подмог в сибирских уездах с обязательством пахать «государеву десятинную пашню». Переселение крестьян в Сибирь «по указу» и «по прибору» из поморских уездов не получило широкого распространения и довольно скоро было оставлено. Причиной этого была малая эффективность данного мероприятия и его дороговизна. Не дало большого результата и устройство на пашню ссыльных. Особенно усиленно прибегали к этой мере при заселении восточных уездов Сибири. Сосланные частично действительно оседали на пашне, но большинство их не удержалось в пашенных крестьянах. Основным источником создания земледельческого населения в Сибири явилось добровольное переселение крестьян из уездов старой территории государства.

Усиление феодально-крепостнического гнета в Русском государстве вызывало побеги крестьян из Европейской части государства. В Сибири они образовали довольно многочисленную группу так называемых «гулящих» людей. Из их среды правительство и набирало «охочих» людей, выдавая им из казны «подможные деньги на подъем, на дворовое строенье, на платье, и на всякий обиход», хлеб «на семена и емена (еду)», а также скот и инвентарь (сошники, косы, серпы) и отводя участки земли для их «собинного» (собственного) хозяйства. Одновременно с устройством определялась и величина «тягла» — размеры десятинной пашни, которую поселенец должен был пахать на «государя». Из поселенцев добровольных и недобровольных образовывались пашенные слободы.

Наблюдение за работой крестьян на «государевой» пашне поручалось слободским приказчикам, назначаемым из служилых людей. Последние сосредоточивали в своих руках власть хозяйственную, административную, фискальную и отчасти судебную. В общем вся организация слобод напоминала собой организацию дворцовых волостей, крестьяне которых пахали «государеву десятинную пашню». Кроме того, отдельные крестьяне по собственной инициативе захватывали заимки и заводили хозяйство с казенной подмогой или «изо льготы», т. е. под условием неплатежа повинностей в течение нескольких лет. Среди вольных поселенцев были крупные предприниматели, которые за свой счет заводили пашню и призывали крестьян, снабжая их в долг всем необходимым. Однако эта деятельность не привела к образованию частных владений в Сибири. Эти крестьяне также попадали в разряд государевых крестьян. Частный предприниматель или удовлетворялся временной эксплуатацией призванных им крестьян, или превращался в «государева слугу», получая назначение слободчика.

Крестьянское население Сибири в XVII в. создавалось главным образом из людей, самостоятельно переходивших Уральский хребет. Практика этого переселения сильно разошлась с первоначальными предположениями правительства. Последнее предписывало набирать в крестьяне лиц, пришедших из районов черносошного крестьянства, т. е. стремилось не

затрагивать районов дворянского поместного землевладения. В отношении же поморских крестьян оно усиленно требовало, чтобы в сибирские крестьяне принималось лишь затяглое население «от отца сын и от брата брат и от дядь племянники и от сусед суседы». Переписи сибирского населения второй половины XVII в. показали, что в Сибирь переселялись крестьяне и из центральных и из поволжских уездов, причем частновладельческие. Таким образом, был нарушен и географический и социальный принципы, положенные правительством в основу его деятельности по устройству сибирского крестьянства.

Помещики засыпали правительство челобитьями о сыске бежавших в Сибирь их крепостных крестьян. Власти поморских уездов жаловались на то, что «многие посацкие люди и уездные крестьяне, не хотя великих государей податей платити и служеб служити, бежат в сибирские городы»[1]. Правительство иногда удовлетворяло эти просьбы и предписывало производить сыски бежавших крестьян. Позднее, когда эти мероприятия не дали желаемых результатов, издан был ряд общих указов, стеснявших переселение в Сибирь. Но и во время действия этих указов бегство крестьян в Сибирь не прекращалось.

Помещичье землевладение не получило в Сибири распространения, хотя отдельные примеры владения поместьями с крепостными душами имелись, особенно с XVIII в. Единственным крупным землевладельцем в Сибири была церковь. В Сибири она занимала в XVII в. несколько особое положение. Церковь в Сибири нужна была правительству главным образом как средство воздействия на русское население. В этих целях во всех городах строились церкви, при которых состояли причты, получавшие казенную ругу (жалованье). Духовенство комплектовалось, так же как и все другие разряды колонистов, путем принудительного набора, ссылки и частично из добровольцев. В тех же целях правительство поощряло основание монастырей. В первой половине XVII в. в Сибири была устроена в Тобольске архиепископская кафедра. Как архиепископская кафедра, так и монастыри получали от правительства земли. Для устройства хозяйства на пожалованных землях сибирские монастыри и архиепископский тобольский дом пользовались теми же средствами, что и государева администрация. Теми же методами они заводили пашню, устраивая на ней крестьян из пришлых людей. К концу XVII в. на монастырских землях имелось около 1500 крестьянских дворов.

Необходимо отметить устройство так называемых ямских охотников. Транспортный вопрос в Сибири при ее громадных пространствах был вопросом, быть может, не менее острым, чем вопрос продовольственный. Сначала правительство возложило ямскую повинность на татар за счет освобождения их от ясака. Это мероприятие, невыгодное для казны, вызвало многочисленные протесты местного населения. Поэтому при Борисе Годунове татары были освобождены от ямской повинности, и было присту-

---

[1] ЦГАДА. Столбцы Сибирского приказа, № 878.

лено к устройству ямских слобод на Верхотурье и в Туринске, а в царствование Михаила Федоровича были устроены Демьяновский и Самаровский ямы близ Тобольска.

Ямские «охотники» «прибирались» как из местных крестьян, так и из «прихожих людей»; они получали земельные участки и небольшое жалованье и должны были содержать лошадей и подводы для перевозки лиц, ехавших с «государевыми проезжими грамотами». Там, где не было ямских слобод, подводная повинность исполнялась ясачными людьми без освобождения их от ясака. С образованием русского крестьянского населения ямская гоньба была переложена в значительной мере на него.

Общее количество постоянного русского населения Сибири достигло к концу XVII в. приблизительно 25 тыс. семей. Около половины этого количества (11 тыс.) составляли крестьянские семьи. Интенсивность колонизации не была повсюду одинаковой. Последнее особенно относится к крестьянскому населению. Естественно, что оно оседало в полосе, пригодной для земледелия и расположенной вдоль основного южного пути с запада на восток. Наиболее земледельческими к концу XVII в. были уезды Верхотурский, Туринский, Тюменский, отчасти Тобольский, Енисейский, Красноярский, Илимский, Иркутский. В меньшей степени земледелие развивалось в уездах Томском, Кузнецком, Якутском, Нерчинском.

Лесные массивы Севера были мало затронуты русской колонизацией не только в XVII в., но и значительно позже. Однако и сельскохозяйственная полоса заселялась неравномерно. Земли Тобольского разряда, освоенные ранее других, стояли в этом отношении на первом месте. В районе уездов Тобольского разряда в конце XVII в. находилось около трети сибирских служилых людей, почти половина людей посадских и более двух третей крестьян[1]. Э. Избранд, проезжавший через Западную Сибирь в 90-х годах XVII в., отметил, что «здесь на каждую четверть мили встречаются прекрасные поселения»[2].

Значительно медленнее росло население в более удаленных уездах. Так, в Якутском уезде к концу XVII в. насчитывалось только 225 пашенных крестьян, якутский же посад в это время имел лишь около 50 постоянных жителей. Многочисленнее был контингент служилых людей Якутска, но и он к концу века немногим превышал 500 человек[3].

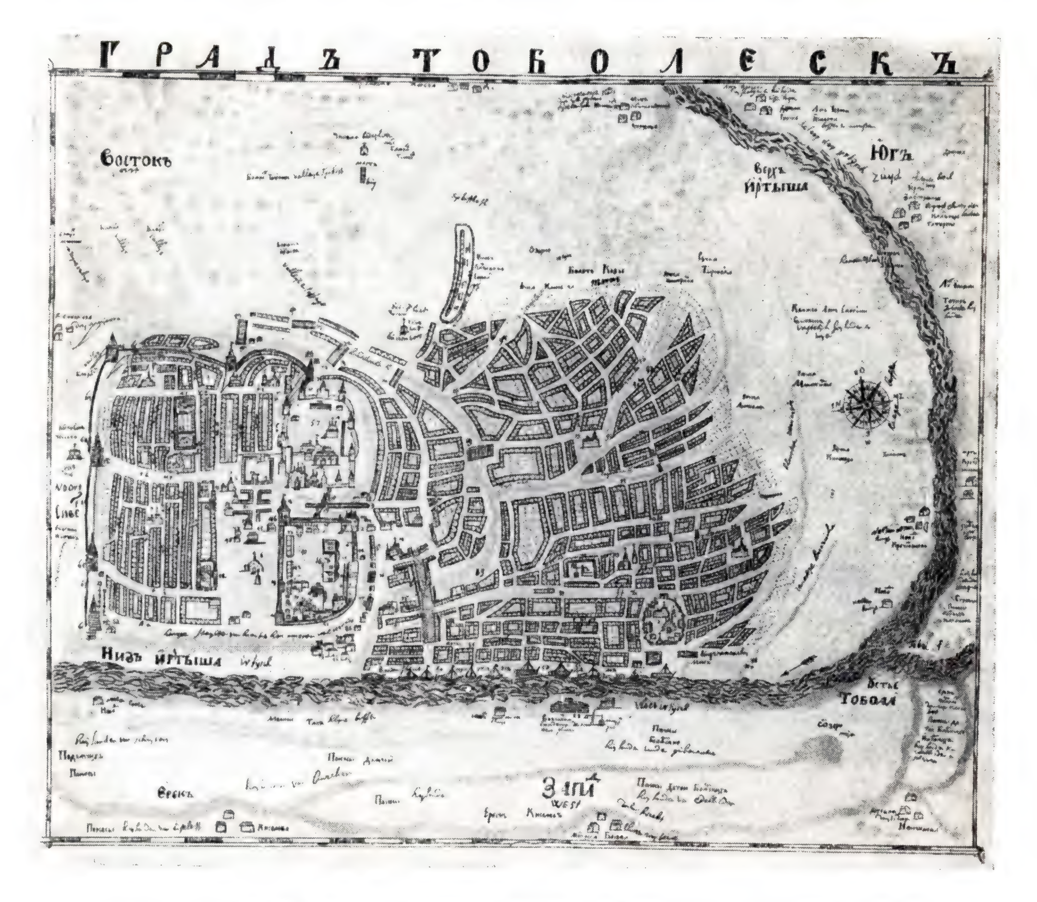
Население поморских и центральных уездов, уходя от феодально-крепостнического гнета, оседало в сибирских уездах в качестве «государевых» крестьян или городского населения сибирских посадов. Но тяжесть положения основной массы русского населения Сибири была едва ли меньше, чем в Поморье. «Государева десятинная пашня» или «государев» оброк,

---

[1] ЦГАДА. Книги Сибирского приказа, № 1354.

[2] «Relation du voyage de m-r E. Isbrand... par le sieur Adam Brand», Amsterdam, 1699.

[3] *В. И. Шунков.* Географическое размещение сибирского земледелия в XVII в.— «Вопросы географии», сб. 20, М., 1950, стр. 203—238.

План г. Тобольска. Из «Чертежной книги Сибири 1701 г.», составленной С. У. Ремезовым.

огромные и разнообразные «государевы изделия», произвол воевод в городах и приказчиков в слободах и волостях — все это в Сибири вызвало те же формы социального протеста крестьянского населения, какие наблюдались в это время в центральной части страны. В новой «государевой отчине» население также начинало «брести розно». От тяжелых повинностей крестьянство разбегалось, стремясь или уйти в другие сословные группы (низшие разряды служилых людей), или просто переменить место и осесть в новых более восточных местах в условиях хотя бы временных льгот. Иногда это пассивное сопротивление переходило в открытое выступление против воеводской и слободской администрации. Последнее выражалось в отказе пахать «государеву» пашню, выполнять многочисленные повинности, а иногда и в убийстве представителей администрации, как это имело место в 1654 г. в Красной слободе на р. Нице, где крестьяне убили приказчика Молчанова.

Если деятельность служилых, промышленных и торговых людей сводилась в основном к выкачиванию из Сибири пушнины путем взимания дани — ясака, хищнического истребления зверя, грабительской торговли,

Охота на тюленей. Гравюра из книги Н.-К. Витсена, изд. 1692 г.

часто путем прямого грабежа, то русское крестьянское население приносило с собой в Сибирь земледельческие навыки и уже этим содействовало развитию производительных сил страны. Сибирская пашня в XVII в., как и в последующие века, была пашней крестьянской. Запашка служилых людей, несмотря на их многочисленность, была незначительной. Население сибирских посадов хотя и пахало землю, но уже в силу своей малочисленности не могло играть существенной роли в развитии сибирского земледелия. Несколько большее значение имели монастыри и тобольский софийский дом, обрабатывавший пашню силами монастырских крестьян. В течение XVII в. размеры сибирской пашни очень выросли. Поступление сибирского хлеба в казну в виде сбора с десятинной пашни, оброчного хлеба и других форм податных хлебных сборов в конце века достигло 50 тыс. четвертей. Правда, этих сборов и в конце века не хватало для выдачи полностью хлебного жалованья. И все же в конце XVII в. правительство имело возможность отказаться от привоза хлеба в Сибирь из поморских уездов и целиком перейти на довольство населения местным хлебом. Недостаток казенного хлеба для дачи окладов покрывался либо казенными хлебными закупками в Сибири же, либо дачей служилым людям вместо хлебного жалованья денежного и, следовательно, самостоятельными закупками последними хлебных запасов на местных сибирских рынках.

Рыбный промысел в Сибири. Гравюра из книги Н.-К. Витсена, изд. 1692 г.

Спрос на русский хлеб начинает предъявляться в XVII в. нерусским населением Сибири. Успехи земледелия дали возможность С. Ремезову заметить, что в «преславной» Сибири «земля хлебородна, овощна и скотна. Опричь меду и винограду ни в чем скудно»[1].

К XVII в. относится также знакомство русских с сибирскими месторождениями рудных богатств и начало их разработки. В 1623 г. была предпринята попытка добывать железо в Туринске, а в 1631 г. по р. Нице. Особенно усиленно стали искать руду со второй половины XVII в. (специальные экспедиции Я. Т. Хитрово в 1672 г. и грека А. Левандиана в 1676 г.). Указание на необходимость поисков рудных богатств с этого времени включается в воеводские наказы. В результате были открыты железные руды на Нейве (1670), золото в Нерчинском уезде (1677), серебро на Камчатке (1698) и т. д. В 1696 г. началась постройка Невьянского железоделательного завода, положившая начало развитию уральской промышленности.

В XVII в. стали эксплуатироваться и другие природные богатства Сибири. В далекой Якутии уже в 30-х годах в устье Куты началась добыча соли из «озерка». Был открыт знаменитый Компендяйский источник на Вилюе, из которого получалась соль «бела как снег, солка и привкусна зело, а человеку не вредит». Были обнаружены слюда, «белой камень хрусталь», «камень сердолик и иные подобные каменья», а также было установлено, что в Сибири «жемчуг родитца» и т. д.

Сосредоточение в сибирских городах служилого люда, среди которого встречаются имена крупных деятелей, наезжих торговых и промышлен-

[1] Ленингр. публ. б-ка им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Эрмитажное собрание, № 237, л. 12.

ных людей, ссыльных и т. д., способствовало повышению культуры городского русского населения. При постройке значительных деревянных и каменных построек (в Тобольске, Томске, Якутске и т. д.) переносились в Сибирь строительные навыки и архитектурные вкусы населения центра государства. В сибирских городах, особенно в столице Сибири — Тобольске, было немало образованных людей. В Тобольске, между прочим, велась большая работа по географическому описанию страны. Некоторую роль в распространении просвещения сыграла и церковь. Первый сибирский архиепископ Киприан положил начало сибирскому летописанию[1].

Совместная жизнь русского народа и народов Сибири в составе многонационального Русского государства уже в XVII в. оказала плодотворное влияние на развитие хозяйства и культуры Сибири. Русский крестьянин и ремесленник, принеся из центральной России свои производственные навыки, не только положили начало развитию русского земледелия в Сибири, но и передавали эти навыки местному населению.

Для многих народов Сибири отмечены в XVII в. отдельные факты перехода ранее промысловых или скотоводческих хозяйств к земледелию. В XVII в. можно говорить о русском влиянии, способствовавшем дальнейшему развитию земледелия у сибирских татар, появлению земледелия у якутов и некоторых других народов Сибири. Русские ремесленники также содействовали развитию ремесла у сибирских народов, познакомив их с более усовершенствованными орудиями труда. Якутами были заимствованы у русских пила, долото, стамеска, струг и т. д. Исконные занятия местного населения (охота, рыболовство, скотоводство) также претерпевали изменения под влиянием совместной жизни с русским населением. Отмечены случаи внедрения в местное хозяйство занесенных русскими орудий, приемов лова пушного зверя (западни-кулемы), ловли рыбы (переметы), сенокошения и т. д.

Близость положения низов сибирских народов и низов русского населения порождала и классовую солидарность. Выступления местного населения против правительственной политики объясачивания и злоупотреблений воеводской администрации стали смыкаться с протестами низов русского населения против феодально-крепостнического строя.

Уже в выступлении 1658 г. против Ивана Похабова принимали участие наряду с бурятами и низы русского населения. Протест против произвола приказчика с одинаковой силой звучал не только в челобитьях ясачных бурят и русских крестьян, но и в совместном заявлении от 5 июня 1658 г. пашенных крестьян старосты Тимофея Савельева «с товарыщи» и братских людей князца Бахайка с братом Тыкосханком с их улусами.

Еще яснее это сближение угнетенных масс местного населения с угнетаемыми низами населения русского сказалось в событиях конца XVII в. В 90-х годах в ряде сибирских городов — Красноярске, Нерчинске, Илимске, Братском Остроге и других вспыхнули антифеодальные восста-

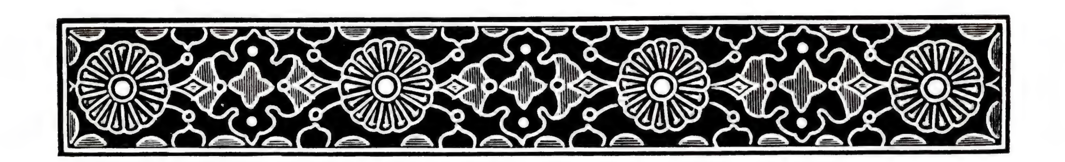
---

[1] Более подробно см. главу V, § 3 настоящего издания.

ния. Движущими силами этих восстаний явились служилые приборные люди, русские пашенные крестьяне, казаки, ясачные люди, в частности буряты. С большим трудом правительству удалось подавить эти движения [1]. Эти случаи объединения коренных сибирских жителей с русскими поселенцами в общей борьбе с угнетавшей их царской администрацией отчетливо намечали естественный путь дальнейшего развития сибирских народов.

[1] «Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в.». М., 1954, стр. 230—240.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

НАРОДЫ КАЗАХСТАНА И СРЕДНЕЙ АЗИИ

КАЗАХСТАН

Территория Казахстана в XVII в. простиралась от предгорий Тянь-Шаня на юго-востоке до верховьев рек Иргиза и Илека на северо-западе, граничила на северо-востоке с Сибирью, на юго-западе — со среднеазиатскими ханствами.

Данные о хозяйстве казахов и общественно-политическом строе казахских ханств в XVII в. чрезвычайно скудны. Главной отраслью хозяйства казахов было кочевое скотоводство. Содержание скота круглый год на подножном корму требовало регулярных перекочевок. При сезонном чередовании пастбищ скот передвигался с зимовок на север, питаясь молодой травой, появившейся после таянья снега. При переходе же с летовок на юг скотоводы пасли скот на пастбищах, посвежевших от осенних дождей.

Одна из трудностей кочевого скотоводства заключалась в том, что сезонные пастбища обычно располагались на большом расстоянии друг от друга, а продолжительные кочевые маршруты совершались со всем имуществом (скот, юрта, предметы домашнего обихода). Длительные перекочевки сопровождались большими потерями скота. Весной, когда скот еще не успел оправиться после трудной зимовки, перекочевки совершались обычно медленнее, чем осенью. Для состоятельных хозяйств, обеспеченных средствами передвижения, были доступны перекочевки на большие расстояния (700—900 верст). Кочевья жузов[1], крупных родов и их отделений располагались в основном на одной и той же территории. Перекочевывали аулами и группами аулов.

Казахи держали лошадей, верблюдов и овец преимущественно курдючных, отличавшихся жирным мясом и густой шерстью; эти овцы могли питаться и солоноватыми травами. Казахские лошади были очень выносливы. В хозяйстве казахов южных и юго-восточных районов большую роль играл

[1] Жуз — название части территории Казахстана. Всего было три жуза: Старший, Средний и Младший. Старший жуз состоял из казахских кочевий, расположенных в Семиречье, в восточных районах Сыр-Дарьи и к югу от р. Чу. Средний жуз составился из кочевий в низовьях Сыр-Дарьи, по р. Сары-су, по Тургаям, Иртышу, Ишиму и Тоболу. Младший жуз — по Илеку, Иргизу и Яику (Уралу).

верблюд, преимущественно двугорбый, наиболее пригодный для длительных переходов и перевозки больших тяжестей. Экстенсивное скотоводство значительно ограничивало возможности разведения молочного рогатого скота. В небольшом количестве казахи держали коз.

Периодически повторявшийся массовый падеж скота от гололедицы, буранов и т. д. (джут) наносил огромный ущерб казахскому хозяйству.

Во время летнего зноя обычно не хватало пресной воды: озера, образовавшиеся после таянья снега, и небольшие речки пересыхали, а степных колодцев было недостаточно. Кроме того, вода в них нередко была горько-соленой. Кочевая система скотоводства приводила к разорению прежде всего тех скотоводов, у которых не было хороших пастбищ.

Слабо развитое земледелие, сохранившееся к концу XVII в. после вторжений джунгар лишь в немногих, главным образом южных и юго-восточных районах (по Сыр-Дарье, в Семиречье), сопутствовало кочевому скотоводству и было связано с ним. Небольшие поля обычно располагались около зимовок. Посеяв хлеб, скотоводы перекочевывали на летние пастбища. Земледелием занимались преимущественно бедняки (джатаки). Русский посол Ф. Скибин, посетивший южные районы Казахстана в конце XVII в., отметил, что казахи «живут для пашенных земель по кочевьям», а «пахоти их скудны»[1].

В XVII в. земледелие еще не выделилось в самостоятельную отрасль хозяйства. Техника земледелия была примитивной. При обработке земли употреблялись мотыга, соха без сошников, деревянная борона, а нередко просто вязанка хвороста, которую волочили по пашне. Во время жатвы нередко выдергивали стебли руками. Молотьба производилась лошадьми и быками, которых гоняли на веревках по сжатому хлебу.

В южных районах земледелие было поливным. Полив посевов производился посредством водоподъемного сооружения — чигиря, приводимого в действие с помощью животных, или посредством архаического ручного чигиря. При исправных арыках поливное земледелие могло обеспечить хорошие урожаи. Однако значительная доля урожая изымалась в пользу феодальной верхушки в форме натуральной ренты. Низкий уровень развития производительных сил обусловливал застой в земледелии казахов.

До присоединения Казахстана к России казахское натуральное хозяйство разлагалось очень медленно. Скот давал казаху сырье, необходимое для изготовления пищи, одежды и предметов домашнего обихода. В XVII в. ремесло у казахов еще не выделилось в самостоятельную отрасль хозяйства. Производство промышленных изделий существовало в форме домашних промыслов, тесно связанных со скотоводческим хозяйством. Наиболее распространенной была обработка шерсти и кожи; промыслы валяльный, кожевенный и ткацкий. Из овечьей шерсти выделывали кошмы

[1] «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР» (далее— «Материалы»), ч. I, Л., 1932, стр. 265.

(войлок), грубые материи для верхней одежды, широкие полосы для обтягивания карниза юрты (бау) и т. д.

Из верблюжьей шерсти на примитивном станке выделывали плотную ткань для верхней праздничной одежды. Овечьи и козьи шкуры служили материалом для зимней мужской и женской одежды. Из козьей кожи делали также обувь. Верблюжья кожа употреблялась для изготовления больших сосудов, в которых хранилось молоко. Техника обработки кожи была крайне отсталой. В лесных районах существовала обработка дерева. Здесь выделывались главным образом деревянные части юрты (остов — кереге и верхний круг — шанрак), а также деревянная посуда.

Слабо развивалась и обработка металла (кузнечный промысел). Кузнецы делали металлические части конской сбруи, орудия земледелия (мотыги, серпы), мелкие предметы домашнего обихода и холодное оружие. В некоторых районах были кузнецы, которые ходили по аулам со своим несложным инвентарем в поисках заказов. Но таких ремесленников было немного. Валяльное производство, ткачество и вся работа по изготовлению продуктов питания лежала на женщинах. В кожевенное производство были вовлечены как мужчины, так и женщины.

Казахи занимались примитивной металлургией, умели архаическим способом плавить свинцовые руды; из свинца отливали пули, изготовляли порох и растительные краски.

Важную роль в хозяйстве казахов играл охотничий промысел. В степи добывали в большом количестве лисиц, корсаков, волков, сайгу, зайцев и пр. В степной охоте на лису широко применялась длительная гоньба на лошадях с гончей собакой и ловчими птицами (беркутами). Ружья, даже фитильные, были редкостью. Совсем незначительным было рыболовство, которым занимались преимущественно бедняки.

Меновая внутриаульная торговля развивалась очень слабо. Она производилась во время летних перекочевок. Главным объектом обмена был скот. Овца являлась своеобразным эквивалентом, заменявшим деньги: стоимость товаров определялась в переводе на овцу. Казахи меняли скот на хлеб (зерно) в аулах, занимавшихся земледелием. Слаба была внутриаульная торговля изделиями казахского ремесла.

Ассортимент товаров, получаемых казахами из Хивы и Бухары, был невелик. Бухарские и хивинские купцы время от времени появлялись в казахских аулах и меняли хлопчатобумажные ткани и готовое платье на казахский скот[1]. Небольшое количество продуктов земледелия поступало в казахские кочевья во время менового торга с каракалпаками, которые возделывали пшеницу, ячмень и просо[2]. Но эта торговля также не могла удовлетворить растущие потребности обмена. Уже в конце XVII в. усилилось тяготение казахов к русским рынкам. Устойчивость меновой тор-

---

[1] *П. И. Рычков.* Топография Оренбургская, ч. 1, СПб., 1762, стр. 317.

[2] *А. И. Добросмыслов.* Материалы по истории России, т. I, Оренбург, 1900, стр. 41.

говли у казахов свидетельствует о медленном разложении натурального хозяйства.

Значительная часть скота трудящихся масс в качестве натуральной ренты попадала в руки феодальной верхушки. Это расширяло возможности феодалов вести меновую торговлю скотом и продуктами скотоводства. Но кочевая система скотоводства вследствие массовых падежей делала неустойчивой базу меновой торговли.

Городов на территории Казахстана было мало. В XVII в. сыр-дарьинские города неоднократно подвергались военным нападениям джунгар. Уцелевшие города утратили свое былое значение. Город Туркестан был ставкой казахских ханов и не имел торгового значения. Небольшие «городки» в его окрестностях, о которых упоминает Ф. Скибин, побывавший в ханской ставке, были, повидимому, небольшими глинобитными укреплениями, также не имевшими торгово-ремесленного значения, а кроме того, в них жили главным образом бухарцы[1].

Разрушения городской культуры надолго затормозили развитие ремесла и торговли. Общественное разделение труда развивалось очень медленно. Производительность труда была низкой. Хозяйство казахов переживало в XVII в. длительный период застоя (кочевое скотоводство) и упадка (земледелие).

В условиях кочевого скотоводства, при слабом развитии земледелия и ремесленного производства в Казахстане XVII в. господствовали патриархально-феодальные отношения. Основную массу населения аулов составляли кровно-родственные семьи, принадлежавшие к одному роду или его отделению. Время от времени в аул вливались чужеродцы, отколовшиеся от своего аула (крме), и семьи рабов, отпущенных на волю.

Земля считалась общинною, что было обусловлено характером пастбищно-кочевого скотоводства. Формой присвоения феодалами основного средства производства земли-пастбища было существовавшее издавна право распоряжаться кочевьями.

Феодал был заинтересован в сохранении общинных форм землепользования, так как в качестве привилегированного члена общины он мог присваивать обширные угодья и быть собственником их до тех пор, пока они были ему нужны.

Поскольку общинники-скотоводы кочевали на земле, фактически принадлежавшей феодалу, они обязаны были платить ему земельную ренту — двадцатую часть скота в скотоводческих районах (зякет) и десятую часть урожая в районах земледельческих (ушур), а также нести различные повинности.

Таким образом, аульная община была экономически зависимой от феодала, но в ней устойчиво сохранялся патриархально-родовой быт (родовые традиции, авторитет старших, ответственность рода за преступле-

[1] «Материалы», стр. 265.

ния, родовая генеалогия и пр.), что объясняется прежде всего отсталостью основной отрасли хозяйства — кочевого скотоводства.

В составе казахского общества XVII в. было два основных класса 1) феодалы, к которым принадлежали султаны, баи, бии, ходжи, и 2) феодально зависимое население (шаруа). Особую группу составляли рабы (кулы).

Стоявшие на верху феодальной лестницы султаны являлись членами ханского рода (торе), ведшего свое происхождение от Чингис-хана. Из числа султанов избирались ханы — правители казахских ханств. Составляя особый род торе, султаны не входили в состав казахских родов.

Крупнейшие феодалы, казахские ханы и султаны распоряжались кочевьями всего ханства, владели десятками тысяч голов скота, держали в экономической зависимости значительную часть населения своих ханств и потому располагали большими доходами. Эти доходы в основном состояли из ставших обязательными в конце XVII в. зякета и ушура. Ханы брали в свою пользу при окончательном решении судебного дела ханлык — судебную пошлину в размере $^1/_{10}$ суммы иска, совершали поборы скотом (сугум[1], сбор скота для выплаты султанского калыма и пр.), требовали выполнения постойной повинности. Хан и султаны взимали также пошлины с караванов, проходивших через их кочевья. Крупным источником их доходов во время феодальных войн была военная добыча (ясырь и скот).

Ярким примером крупного феодального хозяйства является ставка хана Тауке в г. Туркестане. Освоив в районе среднего течения Сыр-Дарьи лучшие зимовки, Тауке окружил свою ставку кочевьями батыров и небольшими «городками»-укреплениями[2], что было обусловлено усилившейся феодальной властью хана и задачами обороны от внешнего врага.

Привилегированную группу, наследственную феодальную верхушку «рода» составляли бии (родоправители). Им принадлежало право распоряжаться кочевьями в пределах территории подвластных им аульных общин. Это право давало возможность биям присваивать лучшие пастбища общин. Как феодалы и потомки родовых старейшин, они управляли обычно многочисленными родами. Объединение некоторых немногочисленных родов в более крупные (например, Жети-ру — Семиродцев), совершившееся в конце XVII в., приводило к усилению экономического господства и власти биев. На феодальной лестнице некоторые бии (например, Толебий) стояли не ниже хана. В конце XVII в. стала обязательной судебная пошлина в пользу бия — бийлык, составлявшая $^1/_{10}$ иска[3]. Бии были наделены в известной мере законодательными функциями.

В конце XVII—начале XVIII в., в годы борьбы с Джунгарией, возро-

---

[1] Сугум — сбор наиболее упитанного скота, предназначенного для осеннего убоя.

[2] «Материалы», стр. 265.

[3] «Материалы по казахскому обычному праву», сб. I, Алма-Ата, 1948, стр. 21.

сла роль феодалов, называвшихся батырами[1]. Некоторые из них были военачальниками отдельных частей ополчения. В числе батыров были крупные феодалы (Букенбай, Кабанбай и др.). Звание батыра и опора на вооруженную силу (отряды джигитов) усиливало власть этих феодалов. Батыры стремились узурпировать функции биев (старшин), захватить управление прежде всего теми родами, которые они возглавляли во время военных походов.

В конце XVII в., главным образом в южных районах Казахстана, прилегающих к г. Туркестану, усилилась роль привилегированной группы мусульманского духовенства — ходжей: они стали участвовать в широких собраниях казахской знати[2]. В их пользу поступала значительная часть зякета и ушура. Широко используя свое положение, мусульманское право (шариат) и реакционную идеологию ислама, ходжи всевозможными способами обирали трудящееся население.

Самой многочисленной группой феодалов были баи, входившие в состав общин как представители богатой верхушки. Фактически баи были владельцами пастбищ, на которых кочевали экономически зависимые от них общины. Лучшие зимовки, принадлежавшие баям, назывались их именами. При перекочевках они занимали наиболее удобные стоянки, в первую очередь пользовались степными колодцами.

Основную массу феодально зависимого населения аульных общин составляли рядовые скотоводы и частично земледельцы. Это были мелкие производители, имевшие хозяйство, основанное на личном труде. Их имущественное положение и степень зависимости от феодалов были различны. Феодально зависимые скотоводы были обязаны ежегодно платить продуктовую земельную ренту (зякет), делать приношения феодалу скотом (сугум) и мясом (сыбыга), нести постойную повинность (содержать хана и султанов во время их разъездов по степи), поставлять воинов, обеспечивать их военным снаряжением.

Наиболее распространенной формой эксплуатации был саун — «родовая помощь», выражавшаяся в отдаче феодалами своего скота на выпас беднякам. Этот скот подлежал возвращению с приплодом, но бедняк имел право пользоваться молоком и шерстью. Таким путем феодалы обеспечивали свое хозяйство рабочими руками, превращая так называемую «родовую помощь» в средство эксплуатации сородичей-бедняков.

Джатаки — земледельцы, не обеспеченные рабочим скотом и сельскохозяйственным инвентарем, вынуждены были также прибегать к «помощи» богатых сородичей. За это им приходилось отдавать феодалу часть своего урожая, а также работать в его хозяйстве.

В еще большей зависимости от феодалов находились консы — бедняки, лишившиеся средств к существованию, вынужденные кочевать вместе с баями и работать в их хозяйстве в качестве пастухов и домашних слуг.

---

[1] В быту батырами называли людей, отличившихся военными подвигами.

[2] ДАИ, т. X, СПб., 1867, № 80/XIII, стр. 380.

За работу (пастьба и доение скота, стрижка овец, обработка шерсти и кож) консы получали скудную пищу и нищенскую одежду.

Наряду с различными формами зависимости самостоятельных и полусамостоятельных производителей существовало рабство. Рабы приобретались феодалами в качестве военной добычи и путем обмена на скот. Труд рабов использовался в пастьбе скота, в устройстве степных колодцев и в домашних работах. Поскольку основными производителями являлись феодально зависимые крестьяне, труд рабов не был определяющим в процессе материального производства. Попытка хана Тауке установить бесправное положение рабов[1] фактически не изменила патриархального характера рабства. Нередко раб по истечении определенного срока получал от своего хозяина юрту, небольшое количество скота и превращался в феодально зависимого от своего владельца. В бездетных семьях имело место усыновление рабов.

В Казахстане в условиях патриархально-феодальных отношений определились специфические формы классовой борьбы. Большую роль в развитии классовых противоречий играли земельные отношения, о чем свидетельствуют земельные споры и разбирательства их в суде биев. Широко распространенной формой классовой борьбы была откочевка шаруа от «своих» феодалов. Своеобразным способом классового протеста являлся отгон байского скота бедняками, который карался обычным правом как «воровство» скота. Статьи «Законов Тауке», устанавливающие кун в семикратном размере за убийство султана или ходжи[2], говорят об усилившемся классовом протесте против этих представителей феодальной знати.

Недостаточная острота классовой борьбы обусловливалась медленным развитием производительных сил и сильными пережитками патриархально-родового быта[3].

* * *

Казахские ханства XVII в. по своему типу представляли собой политически раздробленное патриархально-феодальное государство. Являясь аппаратом господства патриархально-феодальной знати, казахское государство состояло из нескольких феодальных владений (ханств), входивших в состав трех жузов — Старшего, Среднего и Младшего[4], в основе которых были три обособившихся кочевых района.

---

[1] Одна из статей «Законов Тауке» гласит: «Над рабами владельцы имеют неограниченное право жизни и смерти. Жалоба раба на господина нигде не приемлется». («Материалы по казахскому обычному праву», сб. I, стр. 21).

[2] «Материалы по казахскому обычному праву», сб. I, стр. 20.

[3] При составлении раздела, посвященного социальным отношениям в Казахстане, использованы работы: *М. П. Вяткин.* Батыр Срым. М.—Л., 1947, стр. 84—143 и *Н. Г. Аполлова.* Присоединение Казахстана к России в 30-х годах XVIII в. Алма-Ата, 1948, стр. 53—91, а также решения Ташкентской сессии, состоявшейся в начале февраля 1954 г.

[4] В русских источниках XVII—XIX вв.— Большая, Средняя и Малая Орда.

При слабом развитии производительных сил, а также товарно-денежных отношений, в условиях непрерывных феодальных усобиц в Казахстане не могло образоваться централизованное государство. Феодально раздробленные казахские ханства, не имевшие развитого государственного аппарата, были неустойчивыми, рыхлыми государственными образованиями.

Во главе каждого ханства стоял хан, управлявший подвластным ему населением через султанов и биев. Установился следующий порядок наследования ханской власти: хану наследовали братья, затем его сыновья и, наконец, сыновья братьев. Но этот порядок нарушался; так, после смерти Джангира ханом сделался его сын Тауке (1680—1718). Обычно султан получал ханскую власть после «избрания» на широком съезде казахской знати. Значение выборов заключалось в том, чтобы признать власть законного преемника. Таким образом, выборы должны были санкционировать в каждом отдельном случае традиционный порядок наследования ханской власти[1]. Они завершались обрядом поднятия хана на белой кошме.

Хан был формально неограниченным правителем ханства; он соединял в своем лице функции административные, судебные, законодательные (в конце XVII в.) и возглавлял войско во время походов. Но фактически проявление этих функций лишь свидетельствовало о неразвитом государственном аппарате и слабости ханской власти. Административные выезды хана в степь с целью наведения порядка в султанских владениях были эпизодическими и совершались главным образом по случаю родовых усобиц, а кроме того, эти выезды нередко обостряли взаимоотношения хана не только с султанами и биями, но и с трудовым населением аулов. Хану принадлежало право судить султанов и биев, выносить окончательные судебные решения. Но хан не довольствовался этим: нередко он сам приводил в исполнение свои решения, расправляясь с непокорными вассалами и населением их аулов. Личная дружина хана, состоявшая из воинов, называвшихся тюленгутами, пестрая по социальному и этническому составу, не могла быть надежной опорой хана. Войско, собиравшееся по требованию хана, представляло собой ополчение, состоявшее из феодально зависимого населения; оно создавалось на время военных походов. Законодательная компетенция хана была очень ограничена, поскольку действующим правом в Казахстане было обычное право (адат). «Законы Тауке» были единственным опытом кодификации обычного права. Султанские владения состояли из крупных родов и их отделений с населением в несколько тысяч семей (кибиток). В пределах подвластных родов султанам принадлежала административная и отчасти судебная власть. Султаны управляли «своими» родами через биев, созывавших собрания казахской знати для решения важных вопросов.

В казахских ханствах в XVII в. существовал с довольно широкой компетенцией суд биев[2], а также суд султанов, разбиравший всякого рода

---

[1] *М. П. Вяткин.* Указ. соч., стр. 145—147.

[2] В процессе развития феодальных отношений функции прежнего третейского суда перешли к суду биев.

тяжбы между крупными родами, и суд хана. Однако трудящееся население не могло обжаловать неправильные приговоры, так как все суды были судами первой инстанции.

* * *

Еще в XVI в. делались попытки объединения феодально раздробленных казахских ханств в одно государство (ханы Касым, Хакк-Назар, Тевеккель). Но в Казахстане XVI в. и в дальнейшем не было предпосылок для образования прочного государства. Медленное развитие производительных сил и производственных отношений не могло обеспечить прочного объединения феодально раздробленных жузов.

Казахское право, укреплявшее феодальный базис, феодальную собственность и различные формы феодальной эксплуатации трудящихся, в основе своей было обычным правом. Адат, обогащаясь другими правовыми нормами («эреже» — решения собраний биев, судебные решения и пр.), осваивая и нормы религиозного мусульманского права (шариат), все более приспосабливался к требованиям феодальной экономики и интересам феодальной верхушки. Так, например, размер куна определялся социальным положением потерпевшего. Одна из статей «Законов Тауке» гласит: «Кто убьет султана или ходжу, тот платит родственникам убитого кун за семь человек. Обида султана или ходжи словами наказывается пенею в девять скотин»[1]. В случае неуплаты куна феодал имел право произвести «барымту», т. е. захватить скот ответчика и его родственников. Человек, оскорбивший бия словами, обязан был заплатить штраф в пользу бия.

Вместе с тем в казахском обычном праве устойчиво сохранялись пережитки патриархально-родового быта: ответственность рода за преступления, кровная месть[2], экзогамия, левират, общие поминки по умершим сородичам.

* * *

Экономическая и политическая история казахских ханств в XVII в. тесно связана с историей оседлых районов Средней Азии. Продолжая политику Хакк-Назара и Тевеккеля, хан Есим пытался закрепить за собой Ташкент и сыр-дарьинские города. Но для осуществления этих планов у Есима не было опоры: в процессе усиливавшейся феодальной раздробленности казахские султаны становились все более независимыми от Есима. Не подчинился Есиму и султан Турсун, ставший правителем Ташкента.

В начале XVII в. усилились взаимные набеги узбекских и казахских

---

[1] «Материалы по казахскому обычному праву», сб. I, стр. 20.

[2] Весь род считал себя обязанным мстить за отгон скота у одного из членов рода, за оскорбления, нанесенные сородичу (*А. И. Левшин.* Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей, ч. III, СПб., 1832, стр. 87—88).

феодалов, разорявшие сыр-дарьинские города и земледельческие оазисы. Хану Есиму пришлось вести войну с Моголистаном, под властью которого оказалась часть казахского населения. В это трудное время было заложено начало дружественных связей казахского народа с киргизами, оформившимися в народность в результате длительного и сложного процесса. Часть киргизских родов оказалась подвластной Есиму.

Внешнеполитическая обстановка Казахстана в начале XVII в. была осложнена военными вторжениями западных монголов — ойратов, называвшихся в дальнейшем джунгарами и калмыками. В 1618 г. ойратские племена торгоутов и дербетов совершили массовую перекочевку через территорию современного Казахстана к русским границам, в частности к низовьям Яика (Урала).

После Есима ханом был избран Джангир. Преемником Джангира был его сын Тауке. Тауке пытался упрочить казахское государство путем объединения жузов. К этому времени усилилось значение биев и батыров. В борьбе с султанами они хотели добиться господствующего положения.

Предание говорит о том, что Тауке вместе с семью биями составил свод обычного права, называемый «Жеты жарга» («Законы семи судей»), известный в истории как «Законы Тауке».

В годы ханства Тауке совет семи биев сделался постоянно действующим учреждением, направлявшим деятельность хана. С усилением политической роли биев это учреждение превратилось в орган управления патриархально-феодальным государством.

Наряду с советом биев большую роль в годы ханства Тауке играли собрания старшин, которые Тауке регулярно созывал весной (в мае) и осенью (в октябре — ноябре)[1]. В собраниях могли участвовать представители военной знати (батыры) и те воинские люди, которые составляли родовое ополчение. Таким образом, регулярные собрания являлись в известной мере смотром военных сил государства.

Но попытка Тауке укрепить ханскую власть, опираясь на биев, не имела прочного успеха. Бии по мере усиления своей власти и прав становились носителями феодального распада.

Тауке не удалось также создать прочное объединение жузов под властью одного хана. Уже в конце его ханства началась борьба за положение главного хана, усилившая вражду в султанской среде. Сама структура государства Тауке, в основе патриархально-феодальная, не могла обеспечить объединение жузов. Изменения в социально-экономическом положении биев не прекратили феодальной усобицы, мешавшей развитию государственности.

---

[1] *А. И. Левшин.* Указ. соч., ч. III, стр. 177. Одна из статей «Законов Тауке» гласит: «Чтобы сам хан, равно как и все султаны, старейшины и правители родов, собирались осенью в одно место, в средине степи, для рассуждения о делах народных» («Материалы по казахскому обычному праву», сб. I, стр. 22). О собраниях биев (старшин) см.: *Н. Г. Аполлова.* Указ. соч., стр. 104—111.

Продолжая внешнюю политику своих предшественников, Тауке стремился овладеть торгово-ремесленными центрами в районе Сыр-Дарьи. Город Туркестан сделался постоянной ханской ставкой Тауке. Но в конце XVII в. джунгары, овладев Семиречьем, возобновили наступление на южный Казахстан, намереваясь овладеть городскими центрами. Эта борьба была очень трудной. Только после трехлетней осады в 1684 г. джунгарам удалось взять Сайрам и другие города.

Внешняя политика Тауке была направлена также к тому, чтобы устранить военную угрозу Джунгарии. С целью усиления обороноспособности Казахстана Тауке пытался упрочить мир с Бухарой, обеспечить военную помощь Русского государства и укрепиться в районе Сыр-Дарьи. Переговоры Тауке с русским правительством о военной помощи в борьбе с джунгарами и о мире с Россией, вопреки противодействию реакционной группы феодалов, сыграли большую роль в ходе развития экономических и политических связей Казахстана с Россией.

* * *

Культура казахов в XVII в., сохранявшая в своей основе наследие предшествующего периода, представляла собой культуру сформировавшейся казахской народности. Самобытная по существу культура в условиях отсталого кочевого хозяйства, при господстве патриархально-феодальных отношений развивалась очень медленно. Кочевой быт обусловливал определенный тип жилища, форму одежды, хозяйственные и бытовые предметы, прикладное искусство и устное творчество казахского народа.

Уже в XVII в. культура казахов не была единой: в ней выступала культура народная и культура феодальная. Развиваясь неравномерно, культура казахов в южных районах Казахстана формировалась в общении с культурой народов Средней Азии; завязывались экономические и политические связи с Русским государством.

Но в XVII в. воздействие культуры оседлых народов на культуру казахского народа было еще слабым. У казахов устойчиво бытовал кочевой тип жилища — переносная юрта с деревянным остовом, состоящим из решетки (кереге) и обруча (чанрак), покрытая снаружи войлоком домашнего производства.

Материальная культура казахов отражала имущественное расслоение казахского аула: бедняки нередко ютились в своеобразных шалашах (курке), сделанных из двух решеток; просторная юрта богача с резными двухстворчатыми дверями, покрытая белым войлоком, отличалась богатым внутренним убранством. В некоторых районах Казахстана зимовали в землянках.

Устойчиво сохранялись традиционные формы одежды, сшитой из материалов домашнего производства, в частности мужской: шуба из овчины шерстью внутрь, бешмет и чекмень из сермяжного сукна, сапоги из козловой

кожи (ичиги), кожаные галоши (кебис). Большой устойчивостью покроя отличались головные уборы, например зимняя мужская шапка «тумак» из лисьего или овечьего меха с длинными наушниками и назатыльником, закрывающим шею, женский головной убор «кимешек» из белой материи, спускающейся на плечи, и т. д. Более разнообразной была богатая одежда феодально-байской верхушки.

О самобытном характере и творческих потенциях культуры казахского народа свидетельствует довольно разнообразное прикладное искусство: художественная обработка кошм для внутреннего убранства юрты («текеметы» с вваляным растительным орнаментом, «тускиизы» с нашивным узором), художественное ткачество (изготовление ковров — «алаша» и узких полос для стягивания остова юрты — «бау»), художественная обработка металла (украшения для женского костюма, для сбруи лошади и холодного оружия), резьба по камню на могильных памятниках, резьба по дереву (сундуки — «кебеже», двери юрты и др.) и кости (украшения музыкальных инструментов и некоторых предметов домашнего обихода), тиснение по коже и роспись по дереву и камню.

В условиях кочевого быта зодчество было развито очень слабо. Оно представлено немногими сооружениями над могилами знати: Кок-Кесене (около станции Тюмени-Арык), Шек-Нияз (близ ст. Джусалы) в Кзыл-Ординской области, Козы-Корпеш (около ст. Тыснак) в Семипалатинской области и др. Сохраняя черты самобытного зодчества, сооружения со сферическими перекрытиями своеобразно претворили архитектуру монументальных купольных зданий Средней Азии.

Господство патриархально-родового быта особенно сказывалось в семейно-брачных отношениях и различных празднествах, связанных с бытом семьи. Многоженство (преимущественно в зажиточных семьях), ранние браки, калым и другие пережитки, переплетавшиеся с нормами адата и шариата (казахи приняли ислам в XIV в.), усиливали прежде всего приниженное положение казахской женщины в семье. В семейных празднествах имели место пережитки домусульманских верований (шаманизм).

Арабский алфавит, появившийся в Казахстане вместе с исламом, не отвечавший полностью требованиям фонетики казахского языка и трудный по начертанию, очень тормозил развитие письменности. Поскольку грамотными были главным образом муллы и ходжи, обучение детей носило религиозный характер, причем обучаться грамоте могли лишь дети состоятельных родителей.

Самобытным и разнообразным было устное творчество казахов: свадебные, обрядово-бытовые и другие песни, героический и лирико-бытовой эпос, сказки, легенды, пословицы, поговорки и пр.

Значительное место в песенном творчестве казахов занимали свадебные песни ритуально-бытового характера: «жар-жар» — о разлуке девушки с родным домом и аулом, исполнявшиеся поочередно хором девушек и джигитов во время свадьбы, «бет-ашар» — наставления невесте по ее приходе в дом мужа, требовавшие от нее безусловной покорности, и др.

В героическом и лирико-бытовом эпосе отразились как чаяния трудовых масс, так и хищнические стремления господствующего класса. Акыны, перерабатывая произведения народного творчества в интересах феодалов, воспевали их грабительские набеги и войны и идеализировали патриархально-родовой быт.

В лучших произведениях героического эпоса: «Комбар-батыр» и «Ер-Таргын»[1], воспеваются любовь к родине, вдохновляющая на борьбу с джунгарскими завоевателями, стремление к объединению народных сил и мужество в борьбе с врагом («Комбар-батыр»), разоблачаются грабительские походы феодальной знати на соседние страны и в противовес им выражается горячее сочувствие народа защитникам его интересов («Ер-Таргын»).

В памятниках лирико-бытового эпоса, романтичных по своему характеру, утверждается право на личное счастье («Козы-Корпеш и Баян-Слу»)[2], повествуется о борьбе с деспотизмом отца-феодала и патриархально-феодальными обычаями, стоящими на пути к личному счастью («Кыз-Жибек»).

Наряду с чаяниями о счастливой, обетованной земле («Асан-Кайгы») некоторые легенды путем острой сатиры высмеивают различные пороки феодалов («Алдар-Косе»).

О повседневной трудовой деятельности народа повествуют образным языком бытовые сказки о животных — друзьях человека. Трудовой опыт кочевника-скотовода запечатлелся в дидактическом творчестве, в многочисленных пословицах и поговорках.

Неотъемлемой частью духовной культуры казахского народа было музыкально-инструментальное искусство, обычно сочетавшее песенное творчество (нередко импровизацию) в форме речитативного распева повторяющейся мелодии с игрой на народном инструменте — домре. В этой форме музыкального искусства родилось немало замечательных памятников фольклора.

2

СРЕДНЯЯ АЗИЯ

В XVII в. на территории Средней Азии существовало три ханства — Бухара, Хива и Каракалпакия. В территорию Средней Азии входили южные районы Казахстана. Здесь располагались зимовки Младшего и Среднего жузов.

Население Средней Азии обитало главным образом в плодородных долинах Зеравшана (правый приток Аму-Дарьи), Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи.

Опоясанная степью на юго-востоке (казахские кочевья Старшего жуза) и на юго-западе (кочевья туркмен), Средняя Азия отделялась на севере

---

[1] Здесь имеются в виду варианты, созданные творчеством народных акынов.

[2] Поэма «Козы-Корпеш и Баян-Слу» известна в 17 вариантах. Краткое содержание этой поэмы на русском языке имеется в материалах А. С. Пушкина. Бо́льшая часть опубликованных вариантов ее является народными.

от Казахской степи (кочевья Среднего жуза) Аральским морем, по южному побережью которого в низовьях Сыр-Дарьи жили каракалпаки. На юге среднеазиатские ханства граничили с Восточным Туркестаном (Малая Бухария), Персией и Афганистаном.

В этническом отношении население Средней Азии было очень пестрым. Значительную часть его составляло оседлое население — таджики. Сильной этнической группой в долине Зеравшана являлись узбеки, занимавшиеся земледелием и отчасти скотоводством. В Хивинском ханстве в районе Ургенча жили полукочевые аральские узбеки[1]. В долине Зеравшана жили также персы, афганцы, арабы, лезгины, армяне и евреи. В западной части Средней Азии кочевали туркменские племена.

С середины 70-х годов XVI в., когда Аму-Дарья, окончательно изменив направление главного рукава, повернула свое русло от Каспийского моря к Аральскому, плодородная равнина в окрестностях Ургенча, одного из главных городов Хивинского ханства, превратилась в безводную пустыню.

Главным занятием населения среднеазиатских ханств было сельское хозяйство — земледелие и садоводство.

Долина Зеравшана являлась хлебной житницей Средней Азии. Здесь возделывались исключительно яровые культуры: пшеница, сорочинское просо (рис), ячмень и джугара, из которой делали муку. Сеяли и технические культуры: коноплю, кунжут и лен, дававшие волокно и масло[2]. Большое место в сельском хозяйстве занимал хлопок[3].

Техника земледелия была примитивной. Плуг (омач) служил для вспашки земли; боронили деревянной бороной или же бороной с железными зубьями. В некоторых районах Хивинского ханства приходилось бороновать землю по нескольку раз, чередуя эту работу с орошением земли. При очистке арыков (каналов) и при окучке растений употреблялся кетмень — железная мотыга подковообразной формы с деревянной рукоятью. Хлеб жали серпом, молотили скотом, зерно кунжута вытрясывали вручную, веяли лопатой.

Земли Зеравшанской долины и долины Аму-Дарьи орошались системой арыков, которые доставляли воду самотеком. В нижнем течении Аму-Дарьи условия орошения были сложнее. Отводные арыки проходили глубоко в земле, вода не могла поступать на поля самотеком. Полив производился посредством чигирей, что требовало гораздо большей затраты труда, чем в районах с самотечным орошением[4]. Главной магистралью Хивинского

---

[1] Летом кочевала в степи и часть городского населения (РИБ, т. 15, СПб., 1894, отд. VI, стр. 38).

[2] Статейный список русских послов в Бухару, Балх, Хиву и Ургенч Б. А. и С. И. Пазухиных (1669—1673 гг.).— РИБ, т. 15, отд. VI, стр. 46.

[3] «Материалы», стр. 334.

[4] При вращении колеса кувшины поднимали воду из глубокого арыка и выливали в канавы, по которым она текла на орошаемое поле.

оазиса во второй половине XVII в. был Шах-Абатский арык протяженностью в 135 верст[1]. Искусственное орошение давало возможность снимать несколько урожаев в год.

Поливная система земледелия являлась наиболее уязвимым местом сельского хозяйства Средней Азии, так как арыки нередко разрушались разливами Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи (происходившими три-четыре раза в году), а также во время феодальных войн. Эти разрушения были большим бедствием для тех районов, где располагались поливные поля. В низовьях Аму-Дарьи многие земледельцы во время наводнений лишались своих посевов и вынуждены были разыскивать новые пашни или заниматься только скотоводством. Русские послы Б. А. и С. И. Пазухины и В. А. Даудов, посетившие Среднюю Азию в 60-х и 70-х годах XVII в., отмечали огромный недостаток хлеба и другого продовольствия в стране вследствие непрерывных войн среднеазиатских феодалов[2].

Устройство сети искусственного орошения при отсталой технике требовало большого количества рабочих рук и упорного труда.

Кроме поливных, существовали богарные земли, орошаемые только дождем.

Крупную роль в хозяйстве Средней Азии играло садоводство. Сады занимали значительную площадь орошаемых земель. В садах выращивались яблоки, груши, сливы, гранаты, абрикосы, грецкие орехи, фисташки и пр. Между плодовыми деревьями разводился виноград. Немало земельных угодий было занято под бахчи, где выращивались лучшие сорта дынь и арбузов.

В долине Аму-Дарьи существовало шелководство, но во второй половине XVII в. оно пришло в упадок.

Важное значение в хозяйстве Средней Азии имело овцеводство. В Бухаре разводились каракульские овцы, мерлушка которых имела широкий спрос на внешнем рынке и славилась далеко за пределами Бухары[3], а также курдючные овцы; их шерсть шла на изготовление войлока, ковров и шерстяных тканей. Баранина была основным продуктом питания населения Средней Азии.

Население Средней Азии занималось и коневодством. В западной части разводились туркменские лошади (аргамаки) для верховой езды, в северной — узбекские и кокандские. В сельскохозяйственных работах употреблялись более выносливые лошади, которые выменивались у казахов и калмыков.

Верблюд наряду с лошадью и волами использовался в сельскохозяйственных работах и в караванной торговле. Меньше разводилось молочного рогатого скота, который к тому же не отличался хорошей породой.

---

[1] *Г. И. Данилевский.* Описание Хивинского ханства. — «Записки Русского географического общества», кн. V, СПб., 1851, стр. 82—83.

[2] РИБ, т. 15, отд. VI, стр. 61; «Материалы», стр. 339.

[3] «Материалы», стр. 346—347, 352—353.

Тормозом в развитии скотоводства были те же условия, которые задерживали развитие земледелия: низкий уровень развития производительных сил, отсталая система хозяйства[1], не хватало кормов, что особенно сказывалось на разведении молочного рогатого скота.

Натуральный характер хозяйства Средней Азии в XVII в. обусловливал тесную связь ремесла с сельским хозяйством. Некоторые ремесленные производства (ткацкое, кожевенное) перерабатывали местное сельскохозяйственное сырье (хлопок, шелк, шерсть, кожу).

Важнейшей отраслью промышленности было производство текстильных изделий, особенно хлопчатобумажных тканей. Данные тобольских и тарских таможенных книг, а также росписи товаров, привозимых бухарскими купцами и послами, свидетельствуют о широком ассортименте хлопчатобумажных тканей, производившихся в Бухаре. Здесь перечислены десятки тысяч аршин зенденей одноцветных и узорных, бязей, киндяков, китаек, выбоек, бурметей, кисеи и других тканей[2]. В Хиве выделывались преимущественно простые хлопчатобумажные ткани и в меньшем ассортименте[3].

Менее было развито производство шелковых тканей. В Бухаре вырабатывались камки, дороги, фаты[4]. Льняные и пеньковые ткани (пестряди и мели)[5] производились только для внутреннего употребления и почти не поступали на внешний рынок. Из шерсти в городах и селениях выделывали войлок и ковры.

Ремесленные производства, связанные с обработкой металла, были развиты главным образом в Бухарском ханстве. Здесь в каждом городе были ремесленники, занимавшиеся производством сельскохозяйственных орудий (кетмени, серпы) и предметов домашнего обихода (ножи, топоры, посуда и пр.). В больших городах были целые кварталы ремесленников, выделывавших холодное и огнестрельное оружие (мечи, сабли, кинжалы, пищали, наконечники для копий и стрел), военное снаряжение (латы, щиты, шлемы)[6], бронзовую посуду художественной работы, которая широко употреблялась в быту феодальной знати.

---

[1] Преобладало экстенсивное скотоводство; конюшни были только в хозяйствах ханов и крупных феодалов.

[2] «Материалы», стр. 142—143, 334, 337, 342—345, 350—353. Зендень — хлопчатобумажная ткань вроде миткаля; выбойка — хлопчатобумажная ткань с набивным одноцветным рисунком; бурметь — грубая хлопчатобумажная ткань вроде холста.

[3] По словам русского посла И. Федотьева, в Хиве делают «бязи и зеньдени простые, а не чаровные» («Материалы», стр. 334).

[4] «Материалы», стр. 337. Камка — цветная шелковая ткань с узорами и разводами; дорога — полосатая шелковая ткань; фата — шелковая прозрачная ткань из тонких некрученых ниток.

[5] «Материалы», стр. 342—343, 350—351. Пестрядь — грубая пеньковая ткань с крашеной основой и белым утком или белой основой и крашеным утком; мель — льняная ткань.

[6] *М. Ф. Гаврилов.* Рисоля сартовских ремесленников. Ташкент, 1912, стр. 34—36. Это военное снаряжение мог наблюдать русский посол Б. А. Пазухин на приеме у хана

Наряду с производством дорогой металлической посуды существовала выделка посуды глиняной — поливной и неполивной. Некоторые города, в частности Самарканд, продолжали играть крупную роль в производстве керамики.

Местного сырья не хватало. Шелк-сырец нередко покупали в Хиве[1]. Кожу-сыромять выменивали у казахов, туркмен и калмыков. Железо, свинец и медь в небольшом количестве добывали в районе Ферганы. Дорогой материал для ювелирного дела (золото и серебро в слитках, драгоценные камни) поступал из Восточного Туркестана и Индии (Империи Великого Могола)[2]. Из-за отсутствия сырья в Бухаре не производилась деревянная посуда. Вот почему она была одним из основных предметов русского ввоза в Бухару и Хиву[3].

Ремесленники в Бухаре объединялись в «такйя» — цехи, построенные по производственному признаку. Существовали цеховые уставы — «рисоля», статуты, определявшие права и обязанности ремесленников той или иной специальности. Во главе каждого цеха стоял главный мастер, на обязанности которого лежало обучение учеников данному мастерству, испытание их, а также присвоение звания мастера. Ученик, сделавшись мастером, должен был отдавать часть своего заработка учителю. Зависимость ученика от учителя не прекращалась и после превращения ученика в мастера, работающего в собственной мастерской[4].

Рисоля свидетельствуют о приниженном положении ремесленников. Почти в каждом из них содержится требование уделять часть своего заработка на милостыню, т. е. в распоряжение мусульманского духовенства[5]. Отражая реакционную идеологию ислама, рисоля, засоренные всякого рода религиозными наставлениями, являются яркой иллюстрацией того, как представители мусульманского духовенства старались подчинить ремесленное производство своим интересам. Так, например, в этих статутах были обещания всевозможных наград в будущей жизни, если ремесленник обязуется отдавать часть своих доходов мусульманскому духовенству. Процесс закабаления ремесла возрастал по мере усиления экономического господства феодалов. Ремесленники должны были подчиняться и светским феодалам. В некоторых рисоля предъявляется требование изъявлять покорность «лучшим людям» (рисоля хлебопеков)[6]. С ремесленников взыскивался промысловый налог, который выплачивался готовыми изделиями.

Абдулазиза: «А у царя [Абдулазиза],— писал Б. Пазухин,— ... перед ним положено было его сабля, да саадак, да щит булатной...». Ясаулы хана были вооружены пищалями (РИБ, т. 15, отд. VI, стр. 52—53).

[1] РИБ, т. 15, отд. VI, стр. 68—69.

[2] «Материалы», стр. 337.

[3] Там же, стр. 364—375; *Б. Г. Гафуров.* История таджикского народа в кратком изложении, т. I, М. 1952, стр. 357.

[4] *М. Ф. Гаврилов.* Указ. соч., стр. 13—59; «Сборник материалов по мусульманству», СПб., 1899, стр. 31—33.

[5] *М. Ф. Гаврилов.* Указ. соч., стр. 21.

[6] Там же, стр. 47.

По предположению исследователей, рисоля появились в среде таджикского населения Бухары[1].

В Бухарском и Хивинском ханствах велась внутренняя торговля. Часть продукции ремесла служила предметом обмена между отдельными районами, а также между городом и деревней. В Хиву заезжали торговать бухарские купцы. Некоторое количество тканей, поступавших главным образом на внешний рынок, продавалось на рынках в Бухаре, Хиве и других среднеазиатских городах. Рассказывая о состоянии торговли в Хивинском ханстве в 60-х годах XVII в., русский посол И. Федотьев отметил, что в городах этого ханства «всяких чинов люди меж себя торгуют зенденьми и выбойки и бумагою хлопчатою и пестредьми и шолком-сырцом»[2]. Сельское население иногда покупало на городском рынке ткани, предметы домашнего обихода и др.

О некоторой организации городского рынка свидетельствует рынок Бухары в первой половине XVII в. с его торговыми помещениями, сооруженными на перекрестках базарных улиц, где размещались преимущественно ремесленники, продававшие свои изделия: предметы домашнего обихода, ювелирные украшения и пр.

Но социальным заказчиком и потребителем продуктов ремесленного производства был в первую очередь феодал. Ткани лучшего качества и другие изделия производились прежде всего для «ханского обихода» и для феодальной знати. Город — резиденция феодальной верхушки — должен был обслуживать прежде всего быт феодальной знати, а потому не хватало изделий ремесла для удовлетворения насущных потребностей широких масс.

Тормозом в развитии внутренней торговли Средней Азии в XVII в. было еще недостаточно глубокое общественное и территориальное разделение труда.

Во второй половине XVII в. внутренняя торговля Бухары и Хивы значительно ослабла в связи с феодальными войнами. Сократился заезд в Хиву бухарских купцов, что было замечено и вышеупомянутым русским послом И. Федотьевым, побывавшим в Хиве в 1669 г.[3]. Упала торговля Самарканда, славившегося своими керамическими изделиями, Ходжента и особенно Ургенча, что неблагоприятно сказалось на торговле с казахами и туркменами, так как Ургенч был главным пунктом обмена с кочевой степью. Отмечая создавшийся продовольственный кризис в Хивинском ханстве, В. А. Даудов, вернувшийся из Хивы в 1677 г., жаловался на дороговизну продуктов: «В Хиве покупали хлеб и всякой харчь самою дорогою ценою»[4].

Феодальные войны были большим бедствием для хозяйства Средней Азии. Так, во время похода хивинского хана Ануши на Бухару пашни

---

[1] *М. Ф. Гаврилов.* Указ. соч., стр. 7, 12.
[2] «Материалы», стр. 334—335.
[3] Там же, стр. 334.
[4] Там же, стр. 339.

были заброшены, арыки заросли травой. Упадок сельского хозяйства вызывал застой в ремесленном производстве.

Выхода из хозяйственных затруднений узбекская и туркменская кочевая знать искала в набегах на соседей с целью грабежа имущества и захвата пленных[1]. Набеги хивинских и бухарских феодалов на кочевья казахов и туркмен во второй половине XVII в. стали обычным явлением.

Более интенсивно развивалась внешняя торговля Средней Азии. Существовал обмен с кочевой степью: бухарские, хивинские и ташкентские купцы выменивали у казахов и туркмен лошадей и сырые кожи. В свою очередь в кочевую степь поступали из Средней Азии сельскохозяйственные продукты, главным образом рис, а также хлопчатобумажные и шелковые ткани, металлическая посуда, холодное оружие и т. д.

Оживленный торг среднеазиатские купцы вели с Персией, Восточным Туркестаном, Индией и Русским государством. Торговля производилась не только местными товарами. Азиатские купцы являлись торговыми посредниками между странами, с которыми Бухара и Хива поддерживали торговые связи. Вывозились преимущественно продукты бухарского ремесленного производства, ввозились предметы роскоши. Ассортимент товаров русско-бухарской торговли был более разнообразен[2]. Из Бухары ввозились в Русское государство дешевые хлопчатобумажные ткани, в меньшем количестве шелковые ткани, бухарская мерлушка (каракуль), дорогое оружие (холодное), отчасти ковры, одежда, шелк-сырец. Из Русского государства в Бухару направлялись кожи русской выделки, металлические изделия (гвозди, замки, топоры), галантерея, меха, иностранные сукна и особенно много «щепного товара — деревянной посуды»[3] Царское правительство было заинтересовано в том, чтобы шелк непрерывно ввозился из Средней Азии в Россию. Об этом свидетельствуют статейные списки русских послов, отправлявшихся в Хиву и Бухару в XVII в.[4]. Феодальная верхушка в свою очередь требовала привоза дорогой пушнины. Так, бухарский посол Фаррух, заверяя, что в Бухаре шелка-сырца много, заявил думному дворянину А. С. Матвееву, что бухарцам нужны «соболи добрые, лисицы черные, горностаи, сукна, кость рыбья зубу [моржевые клыки]»[5].

В русско-бухарской торговле участвовали как торговые люди, так и правительства обеих стран. Удельный вес русской казенной и ханской торговли был достаточно велик. Царская и ханская торговля обычно освобож-

---

[1] РИБ, т. 15, отд. VI, стр. 61.

[2] Об этом свидетельствуют таможенные книги Астрахани, Тобольска и Тары.

[3] «Материалы», стр. 342—375; *А. А. Преображенский.* Из истории сношений Русского государства со Средней Азией в XVII в.— «Исторические записки», № 36, стр. 269.

[4] РИБ, т. 15, отд. VI, стр. 85.

[5] «Материалы», стр. 337.

Лавка зеленщика. Миниатюра Гератской школы, 1606 г.

Институт Востоковедения народов УзССР в Ташкенте

далась от торговых пошлин. Ханская торговля производилась через доверенных лиц — «купчин». Посредниками в царской торговле были русские торговые люди — «гости».

Неблагоприятно отражалось на торговле Русского государства со Средней Азией отсутствие безопасных торговых путей [1]. Во второй половине XVII в. хозяйство Бухары сильно пошатнулось: на нем неизбежно сказались разрушительные последствия феодальных войн. Уменьшилось число ремесленных мастерских, вследствие чего сократился вывоз товаров, а ассортимент их сделался более однообразным. Торговые обороты Бухарского ханства уменьшились и по вывозу сырья. Поэтому посольствам, отправлявшимся из России в Бухару и Хиву в XVII в., пришлось договариваться о ввозе шелка-сырца в Астрахань.

Военными вторжениями хивинского хана Ануши в пределы Хорасана были нарушены торговые связи с Персией и Индией. Караваны, отправлявшиеся из Персии в Бухару во второй половине XVII в., очень редко останавливались в Хивинском ханстве. Упала торговля и с Балхом вслед-

[1] См. главу IV, § 9 настоящего издания.

ствие того, что Ануша вынужден был оказать военную помощь бухарскому хану Абдулазизу и, таким образом, вмешаться в войну с Балхом[1].

Вместе с тем в Хиве и Бухаре усилилась торговля рабами, так как во время феодальных войн в среднеазиатских ханствах скопилось большое количество пленных, особенно в Хиве. Кроме того, хивинские и бухарские феодалы скупали пленных персов и калмыков в Туркмении и Казахстане и отправляли их большими партиями на торг в Хиву и Бухару. Таким образом, феодальные войны способствовали развитию работорговли. По наблюдениям русских послов Пазухиных, в числе ясыря, продававшегося на среднеазиатских рынках, были и русские пленные, которые перепродавались феодалами из рук в руки по 40 руб. и выше[2]. Так феодалы обеспечивали рабочей силой свое обширное хозяйство.

Хозяйственная разруха сказалась прежде всего на положении трудящегося населения. Усилившаяся политически узбекская и туркменская знать стремилась восстановить потери своего хозяйства, понесенные во время войн, путем усиления феодального гнета по отношению к основным производителям — крестьянам и ремесленникам. Гнет усиливался и в процессе развития феодального землевладения в Хиве и Бухаре.

* * *

Основой экономического и политического господства феодалов в Средней Азии в XVII в., как в оседлых районах, так и в районах полукочевых, было их землевладение. В XVII в. продолжали существовать государственные земли. Верховными собственниками земли в Бухаре и Хиве являлись ханы, которые распоряжались всеми землями своего ханства.

Основную часть государственных земель составляли хараджные земли, которые обрабатывались феодально зависимыми крестьянами (узбеками, таджиками и др.), платившими за пользование этими землями харадж. Участки этих земель передавались по наследству, продавались и покупались. Выморочными участками распоряжалась ханская казна. Харадж, представлявший собой натуральную земельную ренту, взимался или в виде подати установленного размера с определенного участка земли, или в виде определенной доли урожая. Фактически размеры хараджа были неодинаковы в различных местах Бухары и Хивы, поскольку урожаи в значительной мере были обусловлены состоянием оросительной системы. Этот налог составлял от $^1/_5$ до $^1/_8$ урожая[3].

---

[1] РИБ, т. 15, отд. VI, стр. 60. Во время пребывания русского посла И. Федотьева в Хиве в 1669 г. хан Ануша, обвиняя своего посла в ложной информации, заявил, что в Хивинском ханстве «всяких чинов люди верблюжьею шерстью и индейскими товары не торгуют и складов с ындейцы не имеют» («Материалы», стр. 334). Это сообщение подтвердилось наблюдениями Федотьева, сделанными в других городах (там же, стр. 335).

[2] РИБ, т. 15, отд. VI, стр. 58—60.

[3] *А. А. Семенов.* Очерк поземельно-податного и налогового устройства б. Бухарского ханства.— «Труды Средне-Азиатского гос. ун-та», серия II, Orientalia, вып. 1, Ташкент, 1929, стр. 22.

Игра в поло. Миниатюра Гератской школы, 1506 г.

Институт Востоковедения народов УзССР в Ташкенте

В результате феодальных войн в XVII в. значительно увеличилась территория заброшенных, неорошаемых земель, составлявших фонд так называемых амляковых земель. Ханы раздавали их мелкими участками безземельным и малоземельным крестьянам на кабальных условиях. Крестьяне, пользуясь амляковой землей, обязаны были сделать ее поливной, т. е. провести на ней арыки, и платить ежегодно высокий налог с урожая хлеба и хлопка (10—40% валового сбора). Таким образом, амляк закабалял бедняков.

Значительную часть фонда частновладельческих земель в Бухаре и Хиве в XVII в. составляли так называемые мульковые земли, находившиеся в полной собственности феодалов. Это были захваченные феодалами общинные земли, а также земли, пожалованные ханами феодалам. Нередко эти земли освобождались от всяких государственных повинностей.

Разновидностью мульковых земель были десятинные земли (ашрийя, или мульк-и-ушри)[1]. Население, обрабатывавшее эти земли, должно было платить ушр, составлявший $^1/_{10}$ урожая. По сравнению с хараджем и особенно амляком это был менее тяжелый налог. Но территория десятинных земель была невелика.

Другим видом феодального землевладения было земельное пожалование, которое с начала XVI в. называлось персидским термином «танхо». В отличие от мульковых земель, земли танхо предоставлялись ханом феодалу во временное пользование, как вознаграждение за службу. При этом феодал получал право в течение некоторого времени взимать в свою пользу земельную ренту с крестьян, обрабатывавших землю танхо. Таким образом, фактически феодалу жаловались повинности населения, обрабатывавшего землю[2].

В XVII в. феодалам была роздана бóльшая часть государственных земель. Вот почему русский посол Б. А. Пазухин, характеризуя состояние государственных финансов в Бухаре и Балхе в 70-х годах XVII в., отметил: «Денежныя казны в их государьствах в казне у царей мало, потому что росписаны все деревни на жалованье ратным и всяких чинов людем»[3].

По мере усиления влияния мусульманского духовенства при дворе хана и в рядах светской знати возрастал фонд так называемых вакуфных земель[4]. Юридически это были дарственные земли мечетям, медресе (школам) и другим религиозным учреждениям, фактически же вакуфные земли являлись крупными феодальными владениями мусульманского духовенства.

Ежегодно узбекским крестьянам отдавались в распашку мелкие участки ханской земли с обязательством, чтобы от $^1/_3$—$^1/_5$ урожая, смотря по качеству земли, поступало в житницы хана.

---

[1] Так назывались земельные владения потомков первых арабских завоевателей Средней Азии.

[2] *А. А. Семенов.* Указ. соч., стр. 28—33.

[3] РИБ, т. 15, отд. VI, стр. 61.

[4] *А. А. Семенов.* Указ. соч., стр. 36—40.

Мелкие земельные участки обычно не обеспечивали сколько-нибудь нормального существования крестьянина, особенно при недостатке воды для полива и высоких налогах. Положение крестьян на амляковых землях было особенно тяжелым. Нередко крестьяне были вынуждены арендовать у феодалов орошаемую землю на кабальных условиях. Немало было в Средней Азии и безземельных крестьян, которые целиком вели свое хозяйство на арендованной земле из определенной доли урожая. Условия издольной аренды были различны. Издольщик, который обрабатывал землю ома́чем (сохой) и тягловым скотом феодала, а также пользовался его семенами, получал лишь $^1/_{10}$ или $^1/_{12}$ урожая, причем это не освобождало издольщика от уплаты хараджа.

По совершенно справедливому земечанию А. Ю. Якубовского, «в условиях, когда все хозяйство страны строилось на базе искусственного орошения, и сельская община не могла предоставить крестьянину необходимого количества орошаемой земли, издольная аренда для крестьянина средних веков являлась экономической необходимостью, а для крупного землевладельца — наиболее выгодной формой эксплуатации крестьянина»[1].

При издольной аренде существовала и барщина. Принудительный, барщинный труд использовался не для обработки земли, а главным образом для поддержания в порядке и расширения оросительной системы, а также при дорожных, мостовых и крепостных работах.

Наряду с платежом продуктовой ренты феодально зависимые крестьяне отбывали всевозможные повинности: 1) сбор на содержание администрации ирригационной сети; 2) повинность по устройству сети искусственного орошения и по очистке арыков, по ремонту дорог, крепостных стен и пр.; 3) повинность по перевозке, приему и содержанию послов и различных чиновников; 4) повинность по продовольствию проходящих войсковых частей и по содержанию войск во время военных походов; 5) промысловый налог, который взыскивался со всех отраслей ремесла, и др.

Все указанные повинности в основном представляли собой поземельные налоги, которые выплачивались главным образом продуктами земли. Наряду с ними существовала подать зякет, или зекат, взимавшаяся в размере $^1/_{40}$ движимого имущества. Зякет учитывался отдельно и не смешивался с другими налогами[2].

Многочисленные поборы с крестьянского хозяйства в общей сложности составляли нередко две трети урожая. Таким образом, феодал захватывал львиную долю прибавочного продукта.

Среди полукочевого населения Узбекского ханства (аральские узбеки, туркмены, каракалпаки) господствовали патриархально-феодальные отношения. Концентрируя в своих руках средства производства — лучшие пастбища и скот, узбекская и туркменская знать всевозможными способами эксплуатировала феодально зависимое население. С житолей Хивин-

[1] *А. Ю. Якубовский.* Серьезное исследование по истории таджикского народа.— «Коммунист», 1953, № 1, стр. 108.

[2] *А. А. Семенов.* Указ. соч., стр. 6—8, 35, 43—44.

ского ханства, занимавшихся скотоводством, взыскивалась ежегодная подать — зякет в размере $^{1}/_{40}$ наличного скота. В 20—30-х годах XVII в. (в правление хана Исфендиара) туркмены пяти родов должны были платить ежегодно около 60 тыс. баранов. Сбором податей в северной части Хивинского ханства ведал мектер, в южной — кушбеги [1]. При сборе податей допускались всякого рода злоупотребления, причем хивинские власти широко использовали в своих интересах и патриархально-родовые пережитки. Так, например, феодалы прибегали к «родовой помощи» («саан» у туркмен, «сютын» у каракалпаков).

Феодальный гнет усиливал экономическую разруху, обострял классовые противоречия.

С развитием феодального землевладения не прекращался спрос на даровую рабочую силу. Непрерывные феодальные войны доставляли феодалам большое количество пленных, которых они превращали в рабов. Крупные феодалы покупали и продавали рабов.

Рабский труд использовался в домашнем хозяйстве и в наиболее трудоемких работах, главным образом при сооружении и очистке оросительной сети, в поливе посевов. Русский посол Б. А. Пазухин, наблюдая изнурительный труд рабов в поливном хозяйстве Средней Азии XVII в., записал: «Пашенныя земли поливают напускною водою, и от того зельная работа бывает пленным людем» [2]. Положение рабов в Хиве было очень тяжелым.

Использование труда рабов в Хивинском ханстве не изменяло, однако, феодальной основы производственных отношений. Основными производителями в хозяйстве Средней Азии XVII в. были феодально зависимые крестьяне, положение которых в некоторых формах зависимости (издольщина) приближалось к положению крепостных.

* * *

Бухарское ханство представляло собой феодальное государство, состоявшее из отдельных феодальных владений. Упадок хозяйства, феодальные усобицы и войны еще более усилили его феодальную раздробленность. Об этом свидетельствуют стремления некоторых беков — правителей городов — стать независимыми от бухарского хана [3].

Выборы хана совершались на широком собрании узбекской знати, но они имели лишь формальное значение. По существу выборы хана являлись торжественным признанием наследника правящей династии. Прерогативами ханской власти были: чеканка монеты и провозглашение пятничной хутбы (молитвы) с именем хана.

---

[1] «Материалы по истории туркмен и Туркмении», т. II, М.—Л., 1938, стр. 324, 332 (из соч. Муниса и Агехи).

[2] РИБ, т. 15, отд. VI, стр. 61.

[3] Так, например, аральские беки неоднократно пытались отделиться от Хивинского ханства, приглашая к себе ханов либо из Бухары, либо из числа казахских султанов (*Н. И. Веселовский*. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего. СПб., 1877, стр. 147).

В конце XVI в. со смертью хана Абдулмумина пресеклась династия Шейбанидов. В 1599 г. на бухарский престол был избран потомок астраханских ханов Баки-Мухаммед, положивший начало новой династии Аштарханидов, последним представителем которой был хан Субханкули (1680—1702).

При дворе бухарского хана состоял многочисленный штат чиновников из рядов военной знати, светских и духовных феодалов. В ближайшем окружении хана был его наместник, брат хана или старший представитель влиятельного рода — «инак»[1]. Звание инака было наследственным. Во главе администрации бухарского хана стоял аталык — дядька, воспитатель, «ближний и первый человек». Аталык возглавлял и командование войском. Крупную роль в управлении Бухарой играл диван-беги, наделенный финансовыми и дипломатическими функциями. Двором хана заведовал михтарь (дворецкий — в русских источниках), канцелярией — парванчей (парванчи). Налоговый аппарат, занимавшийся сбором пошлин, составляли особые чиновники: «марахор», «дарага» и др. Сбором налогов в городах ведали арбабы (выборные представители горожан)[2].

Большим влиянием при дворе Бухарского хана пользовалось мусульманское духовенство, в частности ходжи. Они вмешивались во все дела внутренней и внешней политики, принимали послов и пр.

Постоянное войско в Бухарском ханстве было небольшим. Оно состояло из отрядов стрельцов и пехоты, находившихся под командованием топчибаши, которого русские источники называют командиром стрелецкого полка. Основную часть войска составляло феодальное ополчение. По сообщению русских послов Пазухиных, в Бухарском ханстве в случае войны собиралось до 150 тыс. воинов, вооруженных преимущественно холодным оружием[3].

Политический строй Хивинского ханства, по существу не отличавшийся от политического строя Бухары, представлял собой своеобразную удельную систему. Старшему брату хана назначался в удел сначала г. Везир, затем Ургенч. Сыновья и братья хана обычно получали крупные владения (несколько городов)[4]. В XVII в. (1603—1687) ханский престол в Хиве занимали Шейбаниды. Но в конце 80-х годов в Хиве укрепилась власть бухарского хана Субханкули, назначившего своим наместником в Хиве Шах-Нияза, получившего впоследствии звание хана.

Власть инаков в Хивинском ханстве была более значительной, чем в Бухаре. Эти потомки родовых старейшин, возглавлявшие четыре родоплеменных объединения, фактически руководили политикой хана. Большим весом пользовался инак самого крупного Кият-Конградского рода, а также беки — представители полукочевой и оседлой узбекской знати.

---

[1] Инак в переводе И. Березина — «поверенный, любимец».

[2] «Сборник князя Хилкова», СПб., 1879, № 107, стр. 398; РИБ, т. 15, отд. VI, стр. 46.

[3] РИБ, т. 15, отд. VI, стр. 48, 61.

[4] *Н. И. Веселовский.* Указ. соч., стр. 141.

За военные заслуги многие беки были пожалованы землями с правом взимать в свою пользу подати с их населения. Усилению власти беков способствовало их назначение на посты наместников хана. «Каждый влиятельный бек,— по словам Абулгази,— сделался правителем какой-либо области». Правителями городов и отдельных частей их были также беки[1]. Крупную роль в политической жизни Хивинского ханства играла туркменская знать. Особенно усилились туркменские феодалы, господствовавшие в северо-западной части Хивинского ханства, вследствие чего подвластные им туркменские племена находились в слабой зависимости от хивинского хана[2].

Попытка хивинского хана Исфендиара (1623—1642), получившего престол с помощью туркменской знати, освободиться от засилья узбекских беков не имела успеха. Всевозможные репрессии по отношению к этим представителям власти в Хиве лишь обострили их взаимоотношения с ханом. Недовольство узбекских феодалов властью Исфендиара в Хиве было своевременно использовано его братом Абулгази. Опираясь на узбекскую знать, Абулгази сделался правителем Хивы (1645—1663), а затем, устранив туркменскую знать, назначил на все административные должности узбекских феодалов[3].

В Хивинском ханстве, как и в Бухаре, войско состояло из феодального ополчения, но его собиралось меньше, чем в Хиве,— от 12 до 15 тыс. человек[4]. Оно было вооружено также холодным оружием.

* * *

Внешнеполитическая обстановка Бухары и Хивы в XVII в. была очень сложной. Феодалы Бухарского и Хивинского ханств вели непрерывные войны с соседями: каракалпаками, туркменами, казахами и между собой.

Уже в первой четверти XVII в. бухарский хан Имамкули, организовав поход на Каракалпакию, достиг низовий Сыр-Дарьи. В 1612 г. ему удалось взять Ташкент[5]. Эта победа досталась дорогой ценой: огромны были потери среди мирного населения.

В середине XVII в. обострились взаимоотношения Бухары с казахскими ханствами. Поводом для этого послужили взаимные набеги. Но попытка сына бухарского хана Абдулазиза подчинить казахов своей власти не увенчалась успехом. Бухарское ханство, расшатанное феодальными усобицами, не представляло серьезной военной опасности и для кочевников.

---

[1] «История народов Узбекистана», т. II, Ташкент, 1947, стр. 88—90; РИБ, т. 15, отд. VI, стр. 45.

[2] «Сборник князя Хилкова», № 107, стр. 390—391.

[3] *Н. И. Веселовский.* Указ. соч., стр. 144—145.

[4] РИБ, т. 15, отд. VI, стр. 61. Русские послы Пазухины, утверждавшие, что войска в Хиве может собраться 30 тыс. человек, имели в виду ополчение, включавшее в себя не только земледельческое население сел, но и торгово-ремесленное население городов.

[5] *В. С. Гаевский.* Историческая справка о городе Ташкенте. Ташкент, 1907, стр. 3.

Во время одного из походов Абдулазиз был провозглашен ханом Бухары, после чего его отец Надир-Мухаммед укрепился в Балхе. Борьба Надир-Мухаммеда с сыном дала повод для вторжения в Балх войск Великого Могола и персидского шаха. Феодальная борьба на этот раз завершилась тем, что Надир-Мухаммед признал власть сына и получил от него Балх[1].

После смерти Надир-Мухаммеда Балх сделался объектом многолетней борьбы между его сыновьями Абдулазизом и Субханкули. Не видя возможности победить брата, престарелый Абдулазиз в конце концов добровольно уступил ему в 1680 г. свой престол в Бухаре. Но феодальные усобицы значительно ослабили ханскую власть.

Внутренней слабостью Бухарского ханства пользовались хивинские ханы, непрерывно совершавшие грабительские набеги на Бухару, особенно во время правления Абулгази и его сына Ануши. Абулгази неоднократно вторгался в кочевья туркмен, намереваясь привести их под власть Хивы[2]. Феодальными смутами разрушалось хозяйство.

В течение XVII в. продолжались торговые и дипломатические сношения Бухары и Хивы с Русским государством. Уже к концу XVI в. караваны азиатских купцов («купчин») стали обычным явлением на путях, которые связывали Русское государство с Хивой и Бухарой. Караванные дороги, направлявшиеся от берегов Каспия в Хиву, проходили через степи, простиравшиеся от Яика до Аральского моря. Существовал и морской путь, ведший через Астрахань, Каспийское море и туркменскую степь в Хиву («Хивинская дорога»). Хивинские купцы приезжали на Кабалыклейскую пристань на восточном побережье Каспийского моря, откуда их товары переправлялись в Астрахань и другие города[3]. Но уже в 40-х годах XVII в. главным местом торга сделалось Караганское пристанище на полуострове Мангышлаке. Оживленная торговля со среднеазиатскими ханствами производилась и через сибирские города Тару и Тобольск. В XVII в. очень оживился караванный путь из Бухары по Сары-су, через центральные районы Казахстана в Тобольск и оттуда в Поволжье и внутренние районы Русского государства. Иногда среднеазиатские купцы ездили из Русского государства в Среднюю Азию через Персию[4].

На протяжении XVII в. состоялось восемь русских посольств в среднеазиатские ханства. Еще чаще приезжали послы из Средней Азии: за тот же период в России было 13 бухарских посольств, три балхинских и 25 хивинских[5].

Торговые связи определялись взаимной заинтересованностью в получении различных товаров. Вопрос о бесперебойном проезде торговых

---

[1] «Материалы», стр. 320—321, 325.

[2] «Материалы по истории туркмен и Туркмении», т. II, стр. 329—330.

[3] *В. А. Уляницкий*. Сношения России с Средней Азией и Индией в XVI—XVII вв. М., 1889, стр. 7—8.

[4] *А. А. Преображенский*. Указ. соч., стр. 267.

[5] «Материалы», стр. 400—417.

людей из Русского государства в Среднюю Азию и обратно составлял главную тему переговоров посольств как в Русском государстве, так и в среднеазиатских ханствах. В 60—70-х годах XVII в. царское правительство интересовалось поступлением шелка-сырца на русский рынок[1].

Обострение внутренней и внешнеполитической обстановки в Средней Азии неблагоприятно сказалось и на развитии торговых связей Русского государства со среднеазиатскими ханствами. Русский посол В. Даудов, объясняя причину затруднений в торговле и рост цен в Хиве, отметил, что в Бухаре и Хиве «междоусобство великое»[2].

* * *

В области просвещения, литературы и искусства Бухара в XVII в. продолжала жить традициями предшествующего XVI в., но, по мере возраставшей раздробленности ханства и непрестанных феодальных набегов кочевников на древние культурные центры, обнаруживается известный упадок как в науке и литературе, так и в искусстве. Но этот упадок произошел не сразу. О состоянии науки в XVII в. свидетельствуют обширные труды по истории и мусульманскому праву, в которых выступает основательное знакомство авторов с сочинениями прежних ученых.

Исторические сочинения в прозе и стихах, написанные в эту эпоху авторами, принадлежавшими к придворному феодальному кругу, естественно, отражали лишь взгляды и идеологию правящего класса — хана и его окружения. Исполненные подобострастия к носителям верховной власти, эти авторы излагали все события своего времени чрезвычайно напыщенным языком, что нередко сочеталось с убожеством мысли и полным игнорированием положения народных масс.

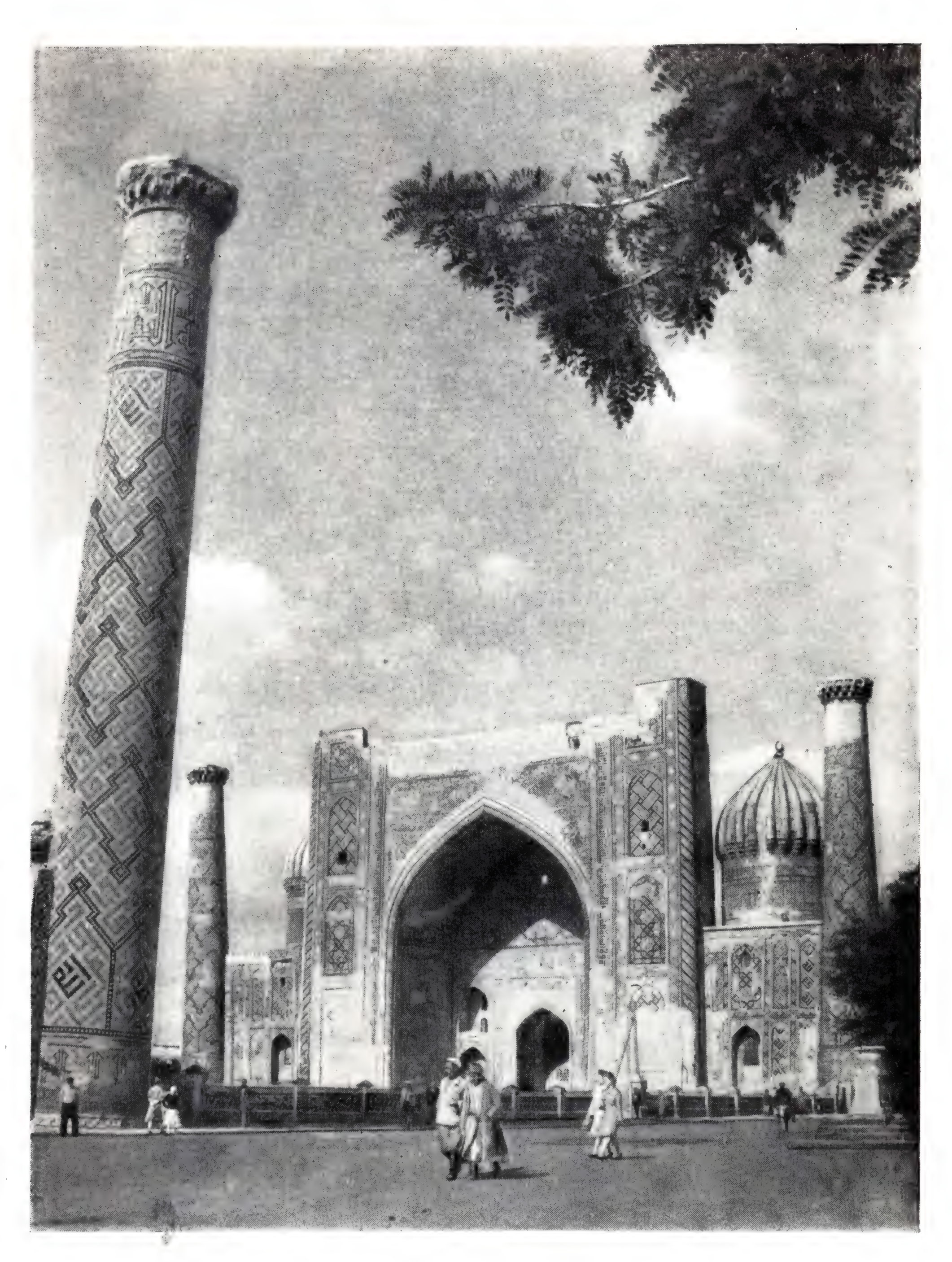
Известный интерес, по практическим соображениям, проявлялся к медицине. Субханкули-хан построил в Бухаре больницу, где лечились больные, изучалась медицина и имелась специальная медицинская библиотека.

В художественной литературе начали выступать требования различных слоев городского населения. На рубеже XVII—XVIII вв. среди бухарских поэтов наиболее прославленными были: Сайид Несефи, «князь на троне бухарских поэтов», по выражению автора «Убайдулла-намэ»; Касым-Ходжа, самаркандец по происхождению; студент бухарской медресе Мулла Сарафраз; самаркандец Фитрат, по профессии вышивальщик золотом, кормившийся своим ремеслом, и, наконец, Мулла Мульхам,

---

[1] РИБ, т. 15, отд. VI, стр. 17. Б. Пазухину велено было узнать цены на шелк, привезти его образцы, а также внушать среднеазиатским купцам, чтобы они привозили его в Астрахань и Москву.

[2] «Материалы», стр. 339. Посольство В. Даудова в Бухару и Хиву состоялось в 1675—1678 гг. (см. «Русский архив», 1889, кн. 2, стр. 5—20). Более подробно о дипломатических сношениях Русского государства со Средней Азией см. главу IV, § 9 настоящего издания.

Самарканд. Медресе Ширдор, 1619—1636 гг. Общий вид.

мастер по отделке внутренней части зданий, живший также на собственные заработки.

Творчество этих поэтов отличается своеобразием. Произведения Сайида Несефи привлекают простотой языка и яркой образностью. Многие из них говорят о ремесленниках и городской жизни. Из скудных автобиографических данных Сайида можно заключить, что поэт подвергался преследованиям и терпел нужду.

Искусство Бухары XVII в. всего ярче сказалось в каменном зодчестве. Если для более раннего времени можно говорить о высоком уровне архитектуры отдельных зданий, то для XVII в. характерно создание архитектурных ансамблей. Наиболее значительным из таких ансамблей является оформление главной площади в Самарканде. Построенное в 1613 г. медресе Ширдор (медресе со львами) против медресе Улуг-бека на противоположном конце площади, с повторением его основных архитектурных форм— портала, куполов, минаретов, как бы замыкало площадь между этими двумя медресе. С третьей стороны площади было сооружено медресе Тиллякари («отделанное золотом»), являвшееся соборной мечетью Самарканда. Это медресе отличается богатым цветным орнаментом внутренних стен, с обильным применением золота. Интересен архитектурный ансамбль и в Бухаре, построенный в первой половине XVII в. Этот ансамбль состоит из мечети, искусственного пруда и медресе.

Из отдельных построек, возведенных во второй половине XVII в., наибольшую художественную ценность имеет медресе в Бухаре. Большое по размерам, оно поражает роскошью отделки. Нижние части стен отделаны мраморными панелями. Стены украшены резной изразцовой мозаикой; изумительна внутренняя роспись стен мечети, аудитории и некоторых других помещений. Здесь встречаются и золоченые узоры по «кундалю»[1] и узоры синей краской по белому полю. Однако эти росписи и по богатству красок и по материалу исполнения уступают росписям медресе Улуг-бека. В отделке архитектурных произведений Бухары ярко сказалось богатство фантазии мастеров из народа, авторов и исполнителей стилизованного растительного орнамента, резьбы по камню, цветной мозаики, красочных росписей[2].

* * *

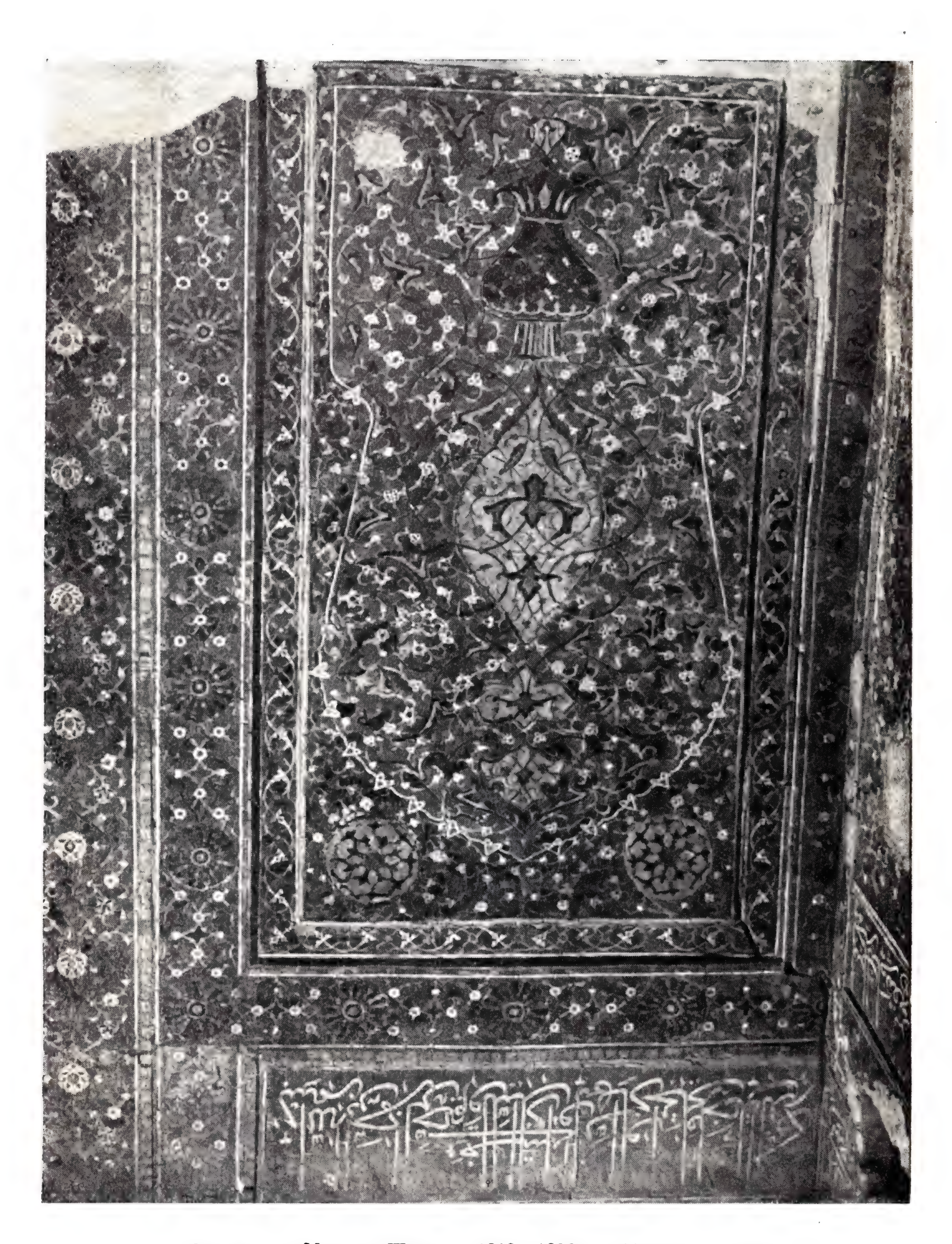
Упадок культуры в Хивинском ханстве в XVII в. был значительно сильнее, чем в Бухарском.

Характеристикой культурного уровня правящей бюрократической и клерикальной верхушки населения Хивы служит свидетельство Абулгази-хана. Когда он решил написать историю своего народа, то оказалось,

---

[1] Кундаль — невысокий узорный рельеф, наложенный толстым слоем особой красноватой краски.

[2] Для составления раздела, посвященного культуре Бухары, использован соответствующий раздел «Истории народов Узбекистана», т. II, Ташкент, 1947, гл. III, § 3, стр. 93—98.

Самарканд. Медресе Ширдор, 1619—1636 гг. Мозаичное панно.

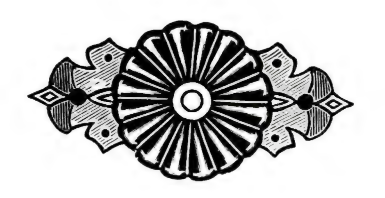
что у себя на родине он не имел предшественников, так как в эту пору в Хиве не было ни ученых, ни лиц, занимающихся литературной деятельностью.

Приобщение к книжной культуре позволило Абулгази создать два замечательных исторических произведения: «Родословное древо тюрков» и «Родословное древо туркмен». Оба труда были написаны на узбекском языке, и в этом заключается большая заслуга Абулгази перед его народом. Труды Абулгази были продолжены при его сыне и преемнике Ануша-хане.

К архитектурным памятникам XVII в., сохранившимся в Хиве, относится медресе Араб Мухаммеда, построенное в 1616 г.; с южной стороны к этому зданию примыкала мечеть, не сохранившаяся до нашего времени. Ануша-хан построил мечеть и бани.

Эти постройки не могут быть сопоставлены в какой-либо мере с теми пышными и великолепными зданиями, которые возводились при Аштарханидах в Бухаре и Самарканде; они бедны по своим художественным формам, не имеют богатой декоративной отделки, присущей архитектурным памятникам Бухарского ханства[1].

[1] Для составления раздела, посвященного культуре Хивинского ханства, использован соответствующий раздел «Истории народов Узбекистана», т. II, гл. III, § 4, стр. 104—105.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

НАРОДЫ КАВКАЗА

1

НАРОДЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Разнообразие экономических и социальных укладов, в особенности же отличие в социально-экономическом развитии народностей, занимавших предгорья и степи, и народностей и племен высокогорной части Кавказского хребта характерно для истории народов Северного Кавказа в XVII в., как и в более ранний период.

Застойность социально-экономического развития и слабость экономических связей препятствовали консолидации народностей и племен и сложению на Северном Кавказе сколько-нибудь значительных и сильных государств.

Не объединились в одно государство многочисленные племена адыге. Среди западных адыге выделяются в XVII в. абадзехи, шапсуги, бжедухи, жанэ, кемиргой и откочевавшие на запад из Кабарды еще в предшествующие века бесленеевцы. Все эти племена занимали Таманский полуостров, северо-восточное побережье Черного моря и земли к югу и западу от Кубани[1].

В XVII в., особенно с 40-годов, адыгейские племена, жившие за Кубанью, были оттеснены к предгорьям калмыками и ногайцами.

Основными занятиями западных адыге были скотоводство и земледелие.

Отсталость экономического развития сказывалась в низкой земледельческой технике, в отсутствии городов и неполной оседлости поселений. Основной сельскохозяйственной культурой было просо.

Торговля носила меновой характер. Главным предметом вывоза были рабы, пленники, захваченные беками в набегах. Сбывались также кожи зверей и быков и воск диких пчел. Близость турецких портов на Черноморском побережье и в Крыму обеспечивала сбыт пленников на восточные рынки.

---

[1] «Путешествие турецкого туриста вдоль по восточному берегу Черного моря».— «Записки Одесского об-ва истории и древностей», т. IX, Одесса, 1875, стр. 177—178; ЦГАДА. Посольский приказ, Кабардинские дела, 1633 г., № 1, лл. 54, 56, 61; 1634 г., № 1, л. 39; Ногайские дела, 1626 г., № 1, л. 74 и др.

В обмен поступали восточные ткани и дорогое оружие[1].

Еще для конца XV в. и для XVI в. можно отметить у ряда адыгейских племен процесс феодализации. Источники XVII в. называют князей, беков и мурз у бесленеевцев, кемиргой, жанэ и бжедухов, подчеркивая обособленность «благородных» от простого народа. В восточных источниках говорится о крепостных — райя, обитающих в черкесских деревнях и составляющих собственность беков. Многочисленны указания на пленных-рабов у черкесских владельцев. Однако позднейшие данные позволяют утверждать, что бо́льшая часть феодально зависимого крестьянства еще не была на положении крепостных[2].

Для Адыгеи XVII в. характерно отсутствие объединяющей власти и постоянные междоусобицы среди знати, разрушавшие производительные силы и являвшиеся источником работорговли. Нередко беки искали помощи против своих противников у крымских ханов, под условием выдачи им нескольких сот невольников, и сами вызывали опустошительные татарские набеги[3].

То же состояние раздробленности и постоянных княжеских междоусобиц характерно и для Кабарды. В XVII в. оформилось разделение Кабарды на Большую и Малую. Первое прямое упоминание о делении Кабарды на Большую и Малую находится в источнике 1648 г[4]. Большая Кабарда, как и позднее, была расположена по левым притокам Терека, Малая — по правым, к востоку и югу от Терека. Обе Кабарды делились на ряд владений разных княжеских ветвей. Около середины XVII в. наиболее крупным владением в Большой Кабарде были так называемые Алегукины или Казыевы кабаки (т. е. группа поселений), которые были расположены за р. Балк, левым притоком Терека. В «Алегукиной Кабарде» было около 50 кабаков, а в них «узденей добрых с 1000 с лишком конных да черных людей с 2000 с лишком». Тогда же в Малой Кабарде выделялось владение Ибаковых из рода Таусалтана — около 40 кабаков, «а людей в них узденей конных с 700 да черных людей с 1000 и больши». Но были владения и совсем небольшие[5]. Между кабардинскими владельцами происходили постоянные вооруженные столкно-

---

[1] «Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин Жана де Люка, монаха доминиканского ордена (1625)».— «Записки Одесского об-ва истории и древностей», т. XI, Одесса, 1879, отд. III, стр. 473—493; *Л. И. Лавров.* Развитие земледелия на северо-западном Кавказе с древнейших времен до середины XVIII в.— «Материалы по истории земледелия СССР», сб. I, М., 1952, стр. 212—222.

[2] *Д'Асколи.* Описание Черного моря и Татарии, 1634 г.— «Записки Одесского об-ва истории и древностей», т. XXIV, Одесса, 1902, отд. II, стр. 125 и сл.; *В. Д. Смирнов.* Крымское ханство под верховенством Оттоманской порты до начала XVIII в. СПб., 1887, стр. 347—348, 555—556; Донские дела.— РИБ, тт. 18, 24, 26, 29, 34.

[3] *В. Д. Смирнов.* Указ. соч., стр. 555—556; *Д'Асколи.* Указ. соч., стр. 125.

[4] ЦГАДА. Кабардинские дела, 1648 г., № 3, лл. 199—200.

[5] Там же, 1641 г., № 1, л. 138; *С. А. Белокуров.* Сношения России с Кавказом.— «Чтения ОИДР», 1888, кн. 3, стр. 4—5, 7, 8.

Черкесы. Гравюра из книги Стрейса, изд. 1676 г.

вения, в которые нередко втягивались и соседние народы — кумыки, ногайцы, калмыки.

Большую роль в хозяйстве кабардинцев играли коневодство, скотоводство и земледелие. Кабардинские кони (аргамаки) высоко ценились на Руси[1]. Скот держали преимущественно мелкий. Княжеские стада овец исчислялись тысячами[2]. Но держали и крупный скот для пахоты. Основной сельскохозяйственной культурой было просо. Вследствие примитивной техники урожаи были очень неровны[3].

[1] ЦГАДА. Кабардинские дела, 1648 г., № 3, л. 216 и др.

[2] Там же, 1634 г., № 2, л. 233 и др.

[3] *J. Tavernier*. Les six voyages en Perse..., v. I, Utrecht, 1712, p. 371; ЦГАДА. Кабардинские дела, 1621 г., № 3, лл. 1—4.

Выделка кожаных и деревянных изделий войлока, сукна носила характер домашней промышленности. Из руды добывали железо, свинец, серебро, выделывали домашнюю утварь и оружие. В этом деле уже заметна специализация, «черкасские мастера панцырного и сабельного дела» славились и на Руси[1].

Через Кабарду проходили пути к перевалам в Закавказье и основной торговый северокавказский путь — из Закавказья через Дагестан в Крым и Азов. Кабардинские феодалы втягивались в торговлю, которую вели через своих «людей». Но предметами торговли были главным образом пленники или же покупные восточные товары, которые шли через Кабарду транзитом[2]. О торговле с Русским государством будет сказано ниже.

Социально-экономические отношения в Кабарде XVII в. можно определить как патриархально-феодальные с устойчивыми пережитками родового быта. Привилегированными слоями населения были князья — пши и «лучшие и средние» уздени, которые составляли вооруженные конные отряды князей. «Лучшие уздени» владели «своими кабаками». Уздени имели право переходить от одного князя к другому. Так, в 1634 г. князю Келмамету Черкасскому «били челом... в уздени» «4 брата черкасы», выехавшие от Алегуки Шеганукина, и Келмамет их принял[3].

Высокое положение кабардинских князей было отмечено уже в XVII в. обычным правом, отражавшим под патриархальной оболочкой процесс феодализации. Княжеские дети «от прямых жен» отличались в правовом отношении от детей, родившихся от наложниц[4].

Основным слоем феодально зависимого крестьянства в Кабарде были «черные люди», не закрепощенные крестьяне-общинники (тльфокотли). Русские источники XVII в. называют, кроме того, «деловых людей», т. е. крепостных (чагаров), и бесправных рабов (ясырей), которых можно было продавать и покупать[5].

Сведения о характере феодальных повинностей кабардинского крестьянства XVII в. очень скудны. Натуральный характер хозяйства позволяет предполагать, что основной повинностью «черного» крестьянства, как и позже, в XVIII—XIX вв., была натуральная рента[6]. «Деловые люди» выполняли и «изделье», т. е. барщину, пахали пашню, косили сено, заготовляли дрова[7].

---

[1] *J. Tavernier*. Указ. соч., т. I, стр. 380; АИ, т. IV, СПб., 1842, № 147, стр. 291—292; № 155, стр. 301—302; Отдел древних рукописей и актов Ин-та истории АН СССР в Ленинграде, Собрание Гамеля.

[2] ЦГАДА. Кабардинские дела, 1634 г., № 2, лл. 121—123, 128—131, 132, 233 и др.

[3] *Ш. Б. Ногмов*. История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. Нальчик, 1947, стр. 108; *В. Н. Кудашев*. Исторические сведения о кабардинском народе. Киев, 1913, стр. 117—120; ЦГАДА. Кабардинские дела, 1634 г., № 2, л. 244.

[4] ЦГАДА. Кабардинские дела, 1634 г., № 2, л. 125; 1648 г., № 3, л. 195; ср. *В. Н. Кудашев*. Указ. соч., стр. 147.

[5] ЦГАДА. Кабардинские дела, 1634 г., № 2, лл. 123, 150, 233, 245.

[6] *Ш. Б. Ногмов*. Указ. соч., стр. 113—115.

[7] *С. А. Белокуров*. Указ. соч., стр. 561; *J. Tavernier*. Указ. соч., т. I, стр. 361.

Кабардинская феодализирующаяся знать получала доходы не только с местного зависимого населения. Некоторые из горных племен зависели от Кабарды, так как кабардинцы владели зимними пастбищами, в которых нуждались горцы. Так, в середине XVII г. осетинские общества Дигор и Сюрдигор, жившие в ущелье р. Урюха, платили ясак мурзам Казыевой Кабарды скотом и хлебом. Повидимому, зависимость от кабардинских мурз была нелегкой: при проезде в 1651 г. московских послов через Кабарду и Осетию к ним приходили дигорцы и просили принять их в русское подданство и обложить ясаком. Этим путем они надеялись освободиться от ясака кабардинским князьям[1].

В XVII в. в феодальной и крестьянской среде сохранялась патриархальная большая семья. Пользовалась в семье уважением и мать-вдова — «матушка»[2]. Был распространен обычай аталычества и молочного родства.

Административный аппарат в княжеских владениях был не развит, и дядьки-аталыки и молочные братья постоянно выступали в качестве доверенных лиц князей и исполнителей их поручений. Отдавали на воспитание в узденские семьи и княжеских дочерей[3]. В источниках XVII в. постоянно встречаются указания на обычай левирата — вдова выходила замуж за брата покойного мужа[4]. Наконец, оставался в полной силе обычай кровной мести.

Данные XVII в. о классовой борьбе в Кабарде и у адыгейских племен отрывочны и глухи, что объясняется скудостью источников и наличием патриархальных пережитков, которые препятствовали открытым проявлениям классовой борьбы. Можно определенно сказать, что уже в XVII в. развилось явление, которое приняло широкие размеры в XVIII в.: бегство холопов-ясырей в русские поселения[5]. О возмущении княжескими насилиями рассказывается в предании о князе Кайтуке Тохтамышеве, который поступал с народом «гордо» и вынужден был вместе с княгиней скрываться в шалаше в лесу, боясь расправы; там его нашли посланные «народа», которым он дал клятву быть с другими князьями и народом «обходительным, благосклонным, учтивым и никого не обижать»[6].

* * *

Как и в Кабарде, в Северном Дагестане[7] в XVII в. не сложилось объединенного государства, и процесс раздробленности углублялся здесь

[1] «Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию в 1650—1652 гг.». Тифлис, 1926, стр. 119—120.

[2] *В. Н. Кудашев.* Указ. соч., стр. 35—36; ЦГАДА. Кабардинские дела, 1634 г., № 2, л. 141.

[3] ЦГАДА. Кабардинские дела, 1634, г., № 2, лл. 128—131, 140; 1646 г., № 2, л. 52; 1648 г., № 3, л. 100; Ср. *Ш. Б. Ногмов.* Указ. соч., стр. 32; *М. О. Косвен.* Аталычество.— «Советская этнография», 1935, № 2, стр. 41—60.

[4] *С. А. Белокуров.* Указ. соч., стр. 5, 7, 8.

[5] Донские дела.— РИБ, т. 24, стб. 19, 199; т. 29, стб. 877; т. 34, стб. 457 и др.

[6] *Ш. Б. Ногмов.* Указ. соч., стр. 72—73.

[7] О южном Дагестане, где в XVII в. находилось персидское Дербендское наместничество, см. § 4 настоящей главы.

неоднородностью этнического состава населения и особенностями природных условий. В то время как в высокогорных частях Кавказского хребта сохранялись патриархально-родовые отношения, на плоскости, в предгорьях, на горных плато шел отчетливо обнаружившийся уже в XVI в. процесс феодализации. В XVII в. он усиливается.

Хунзахское плато было занято Аварским ханством. Основное его население составляли авары, во главе ханства стояли владельцы — нусалы. В южной части Северного Дагестана находилось уцмийство Кайтагское. К западу от Кайтага в горах, населенных лаками,— владение Казыкумухское, где уже в конце XVI в. был особый владелец — Алибек. В северо-восточном Дагестане — владение шамхалов, населенное кумыками. Отчетливо наметившийся уже во второй половине XVI в. процесс феодального распада шамхальства продолжался. В XVII в. на территории шамхальства имелось более 10 юртов или уделов, которыми правили владельцы из родственных между собой линий шамхальского дома. Важнейшими из них были: Эндерийское владение («Андреева деревня» русских источников), Тарковское, Кафыр-Кумыкское и др.[1]

Владельцы дагестанских ханств постоянно враждовали друг с другом.

Достоинство шамхала было в XVII в. еще выборным и «давалось» одному из старших князей шамхальского рода на собраниях князей, мурз и «лучших людей» всей Кумыкской земли[2]. Одновременно с шамхалом намечался обычно его преемник — «крымшамхал». Как можно заметить, шамхальство в XVII в. не соединялось с каким-либо особым шамхальским владением, и влияние и сила того или другого шамхала зависели главным образом от того, сколько владельцев было с ним «в одиначестве». Сходный порядок выбора уцмия наблюдался и в Кайтаге XVII в. Порядок владения по старшинству не был прочным и вел к кровавым распрям, как было, например, в 80—90-х годах XVII в.[3] Самый титул владетеля Казыкумуха, известный по позднейшим источникам,— халклаучи (избранник народа) показывает, что достоинство это было выборным.

Чертами, отличавшими хозяйство Дагестана от Кабарды, были: оседлость поселений, которая не нарушалась перекочевками скота с зимних на летние пастбища, и более развитое земледелие. В плоскостной части Дагестана феодальные отношения были более оформлены, и сложился более развитой административный строй. Здесь имелись «села и деревни многие», сады, виноградники, пашни, в том числе и поливные (в низовьях

[1] ЦГАДА. Посольский приказ. Кумыцкие, Кайтацкие, Кабардинские, Аксайские дела, дела Андреевой деревни.

[2] ЦГАДА. Кабардинские дела, 1615 г., № 1, лл. 103—105; 1621 г., № 1, лл. 10, 21—31; Кумыцкие дела, 1635 г., лл. 28—29.

[3] Постановления Кайтагского уцмия Рустем-хана.— «Сборник сведений о кавказских горцах», вып. 1, Тифлис, 1868, отд. II, стр. 80—88; *А. Бакиханов*. Гюлистан-Иран. — «Труды Об-ва обследования и изучения Азербайджана», вып. 4, Баку, 1926, стр. 100—101.

Г. Тарки. Гравюра из книги А. Олеария, изд. 1656 г.

рек). Если в горах преобладало овцеводство, то на плоскости разводили коней и быков, применявшихся для пахоты и транспорта[1].

Крупных городов с ремесленным и торговым населением в Дагестане почти не было, если не считать Дербенда. Проезжавший через Тарки в 1632 г. русский купец Ф. А. Котов писал, что в «Тарках посад невелик»[2]. Значительные ремесленные центры были среди аулов Дагестана, из которых особенно выделялся производством оружия и ювелирных вещей Кубачи[3]. Изделия эти частично поступали в продажу. Через Дагестан шла довольно оживленная транзитная торговля, находившаяся в руках тезиков (т. е. восточных купцов — персидских, шемахинских, дербендских) и русских купцов. Дагестанские феодалы также принимали в ней участие через своих «купчин» или доверенных лиц — холопов, используя для торговых оборотов не только покупные товары, но и товары, полученные от сборов натурой пошлины — тамги[4]. Торговый путь через Дагестан был далеко не безопасен; торговые караваны и суда, прибитые непогодой к берегу, подвергались нападениям и грабежу.

Для феодально зависимых слоев населения Дагестана в более поздних источниках встречаются наименования кара-уздени, райяты, чагары, кулы, караваши. Несомненно, что эти категории зависимых людей существовали и в XVII в. Наиболее распространенным видом повинностей была натуральная рента с посевов и рента с летних горных пастбищ и с зимних пастбищ на плоскости[5]. О характере барщинных повинностей можно судить только по более поздним известиям. Рабы использовались преимущественно в домашнем хозяйстве, а также как пастухи. Записанные уже в XIX в. предания свидетельствуют о тенденции сажать рабов на землю; таково было происхождение некоторых крепостных райятских селений. Обычен был захват людей для продажи — при столкновениях дагестанских владельцев между собой, в русских поселениях Северного Кавказа, при набегах на Грузию и Кабарду, при нападениях на проезжавших. Крупными невольничьими рынками были Эндери, Дербенд, Шемаха[6].

«Черное» крестьянство было основным слоем феодально зависимого населения Дагестана. Оно объединялось в сельские общины — джамааты.

---

[1] *С. А. Белокуров*. Указ. соч., стр. 400—401, 405; «Посольство кн. Мышецкого и дьяка Ключарева в Кахетию. 1640—1643», Тифлис, 1928, стр. 107—114.

[2] «Хождение на восток Ф. А. Котова в первой четверти XVII в.».— «Известия Отделения русского языка и словесности Ак. Наук», 1907, т. XII, кн. 1, стр. 79.

[3] *Е. М. Шиллинг*. Кубачинцы и их культура. М.—Л., 1949.

[4] ЦГАДА. Кумыцкие дела, 1632 г., л. 93; «Хождение на восток Ф. А. Котова...», стр. 80.

[5] *С. В. Юшков*. К вопросу об особенностях феодализма в Дагестане. Свердловск, 1938.

[6] ЦГАДА. Кумыцкие дела, 1650 г. и др.; «Посольство кн. Мышецкого и дьяка Ключарева в Кахетию», стр. 123, 149, 158, 165; Донские дела, кн. 1.— РИБ, т. 18, стб. 556—557; кн. IV.— РИБ, т. 29, стб. 499—512; *А. Суханов*. Проскинитарий.— «Палестинский сборник», т. VII, вып. 3, СПб., 1889, стр. 119; «Хождение на восток Ф. А. Котова...», *Я. Я. Стрейс*. Три путешествия. М., 1935, стр. 236—238 и др.

Джамааты сохраняли черты родового строя и старых родовых организаций. Административная самостоятельность общин, роль старшин и право общинного суда обеспечивали им известную независимость от феодала. Некоторые общества в горных частях Дагестана совсем не знали ханской власти и были затронуты процессом феодализации лишь в слабой степени[1].

Феодальную знать в Дагестане составляли князья (ханы) и члены их семей — мурзы и беки. Дети «непрямых» жен, т. е. неравных по происхождению мужу, называвшиеся «чанками», имели меньшие права. За ними следовали «лучшие, владетельные уздени», которые владели кабаками и имели военные дружины[2]. Были зачатки феодальной администрации в лице визирей, казначеев, приказчиков, толмачей, абызов[3]. Высшими духовными лицами были мусульманские шейхи. Однако надо подчеркнуть примитивность администрации; кумыкские владельцы сами отправлялись в поездки по аулам для сбора ясака.

Значительными фактами социально-экономической и политической жизни Дагестана XVII в. были записи обычного права. От первой половины века сохранились «свод законов» аварского нусала[4] и постановления уцмия[5].

Постановления уцмия являются ярким памятником феодализирующегося общества, в котором еще сильны патриархально-родовые пережитки, и община ведет борьбу против притязаний феодала-бека. В статьях упоминаются беки, чанки, уздени, крестьяне, рабы, т. е. налицо общество уже классовое. Одна из статей напоминает, что «в государстве без правителя, в обществе — без суда, в стаде — без пастуха, в войске — без разумного, в селе — без головы добра не будет». С невыехавшего на тревогу с беком установлен штраф в 10 раз больший, чем с невыехавшего «с обществом». С другой стороны, постановления говорят о силе «тохума» — рода и сельской общины. Подробнейшим образом фиксируются

---

[1] «Освобождение бесправных рабов в Дагестане».—«Сборник сведений о кавказских горцах», вып. I, отд. VIII, стр. 47—53; Постановления кайтагского уцмия Рустем-хана.— Там же, отд. II, стр. 80—88; *М. М. Ковалевский.* Закон и обычай на Кавказе. т. I—II, М., 1890.

[2] *Ф. И. Леонтович.* Адаты кавказских горцев, вып. 1—2, Одесса, 1882—1883; *Мамай Алибек.* Адаты кумыков. Махач-Кала, 1927; «Адаты жителей Кумыкской плоскости». — «Сборник сведений о кавказских горцах», т. VI, 1872, отд. I, стр. 1—20; «Адаты Дагестанской обл. и Закатальского округа». Тифлис, 1890.

[3] *А. Суханов.* Указ. соч., стр. 117; ЦГАДА. Персидские дела, 1626 г., № 4, л. 138.

[4] *Х. М. Хашаев.* Кодекс законов Умму-хана Аварского. М., 1948.

[5] А. Бакиханов сообщает, что «Уложение законов» было «написано» уцмием Султан-Ахмедом, умершим в конце XVI в.; в 1868 г. текст «Постановлений кайтагского уцмия Рустем-хана» был издан как памятник XII в. («Сборник сведений о кавказских горцах», вып. 1, отд. II; стр. 80—88). В рукописи, которой пользовался М. М. Ковалевский и, которая в конце XIX в. хранилась в окружном управлении Кайтаго-Табасаранского округа, происхождение ее приписывалось уцмию Рустем-хану, вступившему «во владение Кайтагом... в 1601 г.» (*М. М. Ковалевский.* Закон и обычай на Кавказе, II, М., 1890, стр. 233—234); *Р. Г. Маршаев.* Сношения Кайтага и Казыкумуха с Русским государством в первой половине XVII в. М., 1954.

обычай кровной мести и число кровных врагов («канлы») в том или ином случае. Постоянны ссылки на очистительные присяги родственников. Упоминание «общественного стада» указывает на то, что пастбища находились в пользовании общины, но «пашня» фигурирует наравне с «домом» как находящаяся в индивидуальном владении. Все штрафы и пени в статьях постановления — натуральные (в одном случае — лошадь, во всех других — то или иное количество грубой местной материи)[1].

Большой интерес представляют те статьи постановлений, в которых отражается стремление защититься от наступления на права общины со стороны феодалов-беков. Особая статья оговаривает, что «если бек будет притеснять какое-либо селение, то остальные селения должны... остановить бека». Устанавливается штраф с бека в пользу общества, если он предпринимает поход, «не посоветовавшись о том с благоразумными» и т. д.

Одним из постоянных предметов переписки дагестанских владельцев с русскими воеводами Терского города был вопрос о бегстве «тяглых людей» и «ясырей» из Дагестана в Терский город[2].

* * *

Разноязычные племена, жившие в высокогорных частях Кавказского хребта, отставали в своем развитии от черкесских племен, от народов Кабарды и Дагестана.

Среди племен высокогорной части Кавказского хребта более развитыми в социально-экономическом отношении были осетины, оттесненные в горы сравнительно поздно — в начале второго тысячелетия н. э. Сведения XVII в. об осетинах очень немногочисленны, и о характере осетинского общества можно судить в значительной степени по более поздним известиям — XVIII—XIX вв. и по сделанным в XIX в. записям обычного права.

Осетины жили по левым притокам Терека, в ущельях. Основным занятием населения здесь было скотоводство. В составе ясака, который в половине XVII в. осетины-дигорцы платили кабардинским феодалам, большую часть составлял скот — овцы, коровы, быки, лошади[3]. Занимались и земледелием, сеяли пшеницу, просо, ячмень, но пашен было мало, хлеба никогда не хватало на весь год. Подспорьем служила охота, которая носила общественный характер[4].

Выделившаяся феодализирующаяся верхушка получала от зависимого населения натуральную ренту, преимущественно скотом и продуктами

---

[1] Указания некоторых статей на штрафы в рублях являются позднейшими дополнениями.

[2] ЦГАДА. Кабардинские дела, 1644, г., № 5, л. 179 и др.

[3] «Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию в 1650—1652 гг.», стр. 119—120.

[4] *А. М. Дирр.* Божества охоты и охотничий язык у кавказцев. — «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. 44, Тифлис, 1915, отд. IV, стр. 1—16.

скотоводства (сыром, мясом), которая взималась за пользование пастбищами и их «охрану». Отработочная рента и позднее была очень слабо развита, а денежной, при господстве натурального хозяйства, не было и в XIX в.

Осетинские феодалы жили в замках — галуанах, рассчитанных на «большую семью». Никакой объединяющей власти в Осетии не было, и владения были раздробленными и мелкими: по источнику XVII в. известен дигорский «владелец» Карабгоев, владевший четырьмя селениями.

Осетинские феодалы владели рабами, которые входили и в состав ясака, выплачиваемого осетинами кабардинским феодалам[1]. Осетинский фольклор отражает борьбу осетинского народа с насилиями кабардинских феодалов.

Характерной чертой социального строя осетин была устойчивость патриархальных пережитков, которые дожили до XX в. Наиболее устойчивыми патриархальными чертами были большая семья, роль старших в семье, культ семейного очага и кровная месть. Под этой патриархальной оболочкой и развивались феодальные отношения в Осетии. Проявления классовой борьбы ярко отражены в источниках уже XVIII в. и в осетинском фольклоре[2].

* * *

Обзор социально-экономических отношений у народностей и племен Северного Кавказа показывает, что господство натурального хозяйства вело к экономической раздробленности и отсутствию сколько-нибудь прочных политических связей не только между различными племенами и народностями, но и между отдельными феодальными владениями на территории одной народности. Между тем уже с XVI в. началась агрессия султанской Турции, ханов Крыма и шахской Персии в сторону Северного Кавказа. Установившиеся в этой международной обстановке связи народов Северного Кавказа с Русским государством в XVII в. углубляются.

Еще в XVI в. на Северном Кавказе по инициативе и при поддержке местных сил строились русские крепости, по Сунже и Тереку появилось вольное казачье население, пополнявшееся беглыми крестьянами и холопами из центральных русских областей и с Волги. В XVII в. особое значение для сношений России с народами Северного Кавказа, Закавказья и с Персией приобрел Терский город, построенный при устье Терека в 1588—1589 гг. по просьбе Кабарды и Кахетии. В течение XVII в. несколько раз возобновлялся так называемый Сунженский острог на р. Сунже, недалеко от ее впадения в Терек в очень важном в стратегическом отношении месте «на перевозе», где Сунжу пересекал важнейший северокавказский

[1] «Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева...», стр. 119—120.

[2] *Коста Хетагуров*. Публицистика. Орджоникидзе, 1941, стр. 29—64; *М. М. Ковалевский*. Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении, т. I—II, М., 1886.

путь[1]. Казачьи городки были расположены в «Гребенях» по левому берегу Сунжи и по правому берегу Терека. Казаки, обосновавшиеся здесь как вольные поселенцы, были обращены в служилых казаков, получавших на 500 человек денежные и хлебные оклады из Терского города. В конце XVII в. на Северный Кавказ бежали от преследования правительства раскольники, оседавшие в тех же казачьих городках и на Куме[2].

Однако Терский город был не только крепостью и центром политических связей; очень рано около русского города появилось многочисленное местное население. В 90-х годах XVI в. на Терек «прибежали» из Кабарды князья Куденет Канбулатов и Сунчалей Янглычев со своими узденями, спасаясь от своих «недругов»; после поездки в Москву в 1603 г. Сунчалей остался служить в Терском городе[3]. Так под стенами Терского города было положено основание Заречной (за р. Тюменкой) Черкасской слободы, которая была укреплена острогом. Рядом с нею возникли слободы Новокрещенская, населенная выехавшими в Терский город и крестившимися северокавказскими жителями, и слобода Окоцкая, основанная в конце XVI — начале XVII в. племенем окочан (ако), бежавшим от притеснений кумыцких мурз[4].

Среди служивших по Терскому городу кабардинских князей особое значение получили Сунчалей и его потомки. За оказанные русскому правительству услуги по сношениям с различными северокавказскими владениями и по приведению их «под государеву руку» Сунчалей был пожалован в 1615 г. князем «над окочаны и над черкасы», служившими по Терскому городу[5]. Жалованной грамотой создавалось под Терским городом особое вассальное «Черкасское» княжество. В дальнейшем оно переходило по прямой линии к потомкам Сунчалея. На всем протяжении XVII в. Сунчалей и его потомки продолжали служить русскому правительству[6].

Нерусское население Терского города было значительно; Ф. А. Котов писал в 1623 г., что слободы Терского города «велики». Около города было «садов много и в садах всяких овощев много»[7]. Под городом были и частично орошаемые пашни городских и слободских жителей. В гребенских казачьих городках уже тогда начало развиваться виноделие — сначала

---

[1] АИ, т. IV, № 52, стр. 156—158; *А. Ржевусский.* Терцы. Сборник исторических, бытовых и географическо-статистических сведений о Терском казачьем войске. Владикавказ. 1888, стр. 47.

[2] ЦГАДА. Портфели Миллера, № 757/30— «О гребенских казаках»; ЦГАДА. Кумыцкие дела, 1623 г.; АИ, т. V, № 215, стр. 369—372; № 221, стр. 377.

[3] *С. А. Белокуров.* Указ. соч., стр. 4.

[4] Там же, стр. 553—561.

[5] ЦГАДА. Кабардинские дела, 1614 г., № 6, л. 38 об.

[6] ПСЗ. т. I, № 308, стр. 537—538; т. II, № 743, стр. 185—186; *А. Олеарий.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906, стр. 369.

[7] «Хождение на восток Ф. А. Котова...», стр. 77.

из дикорастущего винограда, затем стали разводить и виноградные сады. Были попытки наладить на Тереке шелководство[1].

Расположенный на пути из Закавказья к Астрахани и волжскому пути, Терский город рано приобрел значение, прежде всего как пункт транзитной торговли. Здесь была учреждена таможня. В городе были русские ряды и гостиные дворы — старый, новый и гилянский[2].

В рядах и на базаре торговали главным образом привозными восточными и русскими товарами, но надо подчеркнуть и привоз в город продуктов и изделий местного происхождения. Так, хлебные запасы для гарнизона покупались в иные годы в Кабарде и «в Кумыках»; любопытно случайно сохранившееся известие о том, что в 30-х годах один из кайтагских беков — Бадархан — прислал в Терский город на продажу 30 кулей пшеничной муки[3]. Во второй половине XVII в. расширяется торговля мареной, которая вывозилась в Астрахань и Москву[4]. К изделиям местного производства надо отнести такие товары, как ковры, попоны, овчины, шубы бараньи[5]. На этот базар пригоняли скот и приводили на продажу лошадей.

Экономические связи не ограничивались сферой торговли. В 1628 г. в Москву от кабардинского князя Пшимахи Канбулатовича приехал посол с сообщением, что в Кабарде обнаружены серебряная руда и свинец. Сообщение это вызвало большой интерес, и из Москвы на Терек были посланы «рудознатцы» Фрич и Гарольд. Доставленная руда была признана рудознатцами «неполезной»[6]. Эта экспедиция, не давшая результатов, интересна как первая экспедиция по изучению рудных богатств Кавказа[7].

Необходимость усиленного производства вооружения в связи с русско-польской войной 50—60-х годов побудила обратиться к опыту «черкасских», т. е. кабардинских, мастеров панцырного и сабельного дела. В 1660 г. такие мастера работали в Астрахани, к ним присылали местных учеников и даже «робят» из Москвы. В следующем году в Астрахани был получен указ о присылке в Москву «черкас пансырного дела самых добрых мастеров да булатного сабельного дела сварщиков самых добрых мастеров»[8].

---

[1] АИ, т. IV, № 40, стр. 138—140; № 63, стр. 177—179.

[2] ПСЗ, т. I, № 514, стр. 848; Отдел древних рукописей и актов Ин-та истории АН СССР в Ленинграде. Астраханский фонд, картон № 20, 1658 г.; ПСЗ, т. III, № 1585, стр. 311—319; «Хождение на восток Ф. А. Котова...», стр. 77; *Я. Я. Стрейс.* Указ. соч., стр. 214; ЦГАДА. Кабардинские дела, 1645 г., лл. 28—31.

[3] ЦГАДА. Кайтацкие дела, 1635 г.

[4] АИ, т. IV, № 40, стр. 141—143.

[5] ЦГАДА. Кабардинские дела, 1644 г., № 5, л. 20 об.

[6] «Mines d'argent dans la Cabardie».— «Journal de St. Pétersbourg», 1829, № 79; 1830, № 38; Отдел древних рукописей и актов Ин-та истории АН СССР в Ленинграде, Собрание Гамеля.

[7] *Ф. Бублейников.* История открытий ископаемых богатств нашей страны. М., 1948, стр. 162; *А. В. Хабаков.* Очерки по истории геолого-разведочных знаний в России, ч. I, М., 1950, стр. 49.

[8] АИ, т. IV, № 147, стр. 291—292; № 155, стр. 301—302.

С другой стороны, послы дагестанских и кабардинских владельцев просили и получали разрешение купить в Москве «заповедный товар» — пищали, сабли, панцыри, покупали также железные и медные котлы, кубки, сукна, меха.

Эти сведения показывают, что появление русских на Северном Кавказе повело к возникновению экономических отношений с местным населением. Большее значение имели политические и военные связи народов Северного Кавказа с Русским государством[1].

* * *

В начале XVII в. международная обстановка на Северном Кавказе, по сравнению с концом XVI в., значительно изменилась. В 1603 г. возобновилась война между Персией и Турцией в Закавказье, окончившаяся в 1612 г. победой шаха Аббаса, в результате которой турки были вытеснены из Восточной Грузии, Азербайджана и Дербенда. В непосредственном соседстве с северодагестанскими ханствами было образовано Дербендское наместничество. Начался период агрессии шахской Персии в сторону Северного Кавказа, особенно Дагестана.

Шах Аббас предпринял попытку овладеть Дарьяльским проходом со стороны Грузии, подчинить себе весь Северный Кавказ, следовательно, и принявшую еще в XVI в. русское подданство Кабарду. Некоторые из кабардинских князей выразили покорность. Вассалом шаха сделался кабардинский князь Мудар Алкасов, владение которого было расположено при выходе из Дарьяльского ущелья[2].

Сохранились предания осетинского народа, которые рассказывают о борьбе против шахских войск в горах Осетии. На северокавказскую плоскость войска шаха не вышли — шах на Кабарду «не нашел дороги»[3].

Действуя со стороны Дербенда, шах стремился поставить в зависимость от себя дагестанские владения, включая Эндери, что, однако, встречало сильное сопротивление под религиозным лозунгом со стороны суннитов, боровшихся с «безверным бусурманом», каким был для них шах — шиит[4]. Но решительное сопротивление не могло быть оказано вследствие разрозненности сил[5]. Как раз с конца XVI в. началась тянувшаяся через

---

[1] О сношениях Русского государства с народами Северного Кавказа во второй половине XVI в. см. также *Е. Н. Кушева*. Политика Русского государства на Северном Кавказе в 1552—1572 гг.— «Исторические записки», № 34, стр. 249—259, 268—287.

[2] ЦГАДА. Кабардинские дела, 1615 г., № 1, лл. 28—29; «Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией», под ред. Н. И. Веселовского, т. II, СПб., 1892, стр. 381; т. III, СПб., 1898, стр. 125.

[3] *В. Ф. Миллер*. Осетинские этюды, ч. 1, М., 1881, стр. 140—141; *С. А. Белокуров*. Указ. соч., стр. 540—541; *Н. И. Веселовский*. Указ. изд., т. II, стр. 381.

[4] Сунниты и шииты — сторонники двух направлений в исламе. Первые, кроме Корана, признавали еще Книгу преданий — Суну, содержащую толкования Корана, приписываемые как самому Мухаммеду, так и его первым преемникам — халифам. Шииты отвергали Суну.

[5] *Н. И. Веселовский*. Указ. изд., т. II, стр. 381.

весь XVII в. ожесточенная борьба тарковских владельцев с их «великим недругом»—эндерийским владельцем Султан-Махмудом. Боясь разорения Дагестана, тарковские владельцы Эльдар и Гирей и поддерживавшие их ханы признали себя вассалами шаха[1]. Сохранить независимость удалось только некоторым владельцам в самой северной части Дагестана во главе с Султан-Махмудом, к которым примкнул и шамхал Андий.

Кумыки правильно видели причину своего бессилия во внутренних распрях. Терские воеводы не раз получали сведения о собиравшихся в Кумыцкой земле «съездах» (в 1615, 1617, 1618, 1621, 1633 гг.), целью которых было распределение между владельцами юртов очереди на «шевкальство» и прекращение междоусобиц. Но все эти попытки примирения или давали недолговременный результат, или совсем не удавались. Так, в 1633 г. Эльдар помирился с Султан-Махмудом «на время, непрямою правдою», опасаясь кумыцких князей и мурз и населения собственных владений[2].

Наряду с попытками объединить силы для борьбы за независимость, население Дагестана и некоторые из его владельцев в XVII в. старались заручиться поддержкой России против агрессии персидских шахов[3].

Еще в 1610 г. во время польско-шведской интервенции тарковские владельцы Гирей и Эльдар Сурхаевы и бывшие с ним «в одиначестве» семь князей и мурз шертовали перед терским воеводой на верность русскому царю. В 1614 г. шерть была повторена, и тогда же от Гирея тарковского было отправлено первое посольство в Москву. Посольством устанавливалась вассальная зависимость тарковских земель от Русского государства. В 1615 г., когда ожидался поход персидских войск на Кабардинскую и Кумыцкую земли, из Москвы к шаху Аббасу был послан специальный гонец с грамотой, в которой, наряду с заступничеством за Грузию, писалось и о том, чтобы шах «на Кабардинскую и на Кумыцкую землю не наступал» как на земли русских подданных. Когда в 1616 г. по Дагестану разнесся слух о намерении шаха ставить город в Тарках, кумыцкие люди ждали помощи из Москвы[4]. За 28 лет (1614—1642) в Москве побывало 13 посольств от тарковских ханов и два от соседних с ними таркаловских. Так как в это время тарковские ханы уже были вассалами шаха, они оказались в двойной вассальной зависимости — от Персии и России. В первой половине XVII в. шахи Аббас I и Сефи II, заинтересованные в том, чтобы запереть для крымско-турецких войск «дагестанскую дорогу», не препятствовали дагестанским посольствам к русскому царю. В Москве внима-

---

[1] ЦГАДА. Кабардинские дела, 1614 г., № 1, лл. 46, 47, 74.

[2] Там же, 1615 г., № 1, лл. 103—105; 1616—1617 г., лл. 85—86; 1621 г., № 1, лл. 10, 21—31; 1634 г., № 1, лл. 19—33; Ногайские дела, 1619 г., № 1, лл. 87—97.

[3] *Е. Н. Кушева.* Русско-дегестанские отношения в XVI—XVII вв. (Даг. филиал АН СССР), 1954 (на правах рукописи).

[4] *Н. И. Веселовский.* Указ. изд., т. II, стр. 353; т. III, стр. 125.

тельно следили за отношениями дагестанских владельцев и шаха, но, избегая конфликтов с ним, резко вопроса о Дагестане не ставили. Однако в официальных сношениях с Дагестаном и Персией московские дипломаты всегда называли кумыков «искони вечными холопами» русского царя и оформляли грамоты к ним «как к подданным».

В 10—20-х годах XVII в. особой поддержкой русского правительства пользовались тарковские ханы, получавшие в помощь русские военные отряды из Терского города для борьбы с эндерийским ханом Султан-Махмудом. В 1623 г. тарковскому владельцу Эльдару была дана из Москвы жалованная грамота на шамхальство, а в 1626/27 г. и годовое жалованье.

Однако, когда в 1630/31 г. у шаха Сефи возникли планы постройки «шаховых городов» на Сунже, Тереке и «Елецком городище» под Кабардой и когда шамхал Эльдар по приказанию шаха обещал помощь крымскому царевичу Шагин-Гирею, стороннику шаха, русское правительство изменило политике поддержки Тарков против Эндери. В июле 1631 г. сын Султан-Махмуда Айдемир, вызванный в Терский город, присягнул на верность русскому правительству за отца и все владение Эндери и обещал совместно с русскими войсками противодействовать шаху в постройке городов на Северном Кавказе[1]. Около 1635 г. по просьбе Султан-Махмуда на Сунже, т. е. именно там, где шах предполагал поставить город, был возобновлен русский острог. Планы шаха закрепиться на Северном Кавказе и на этот раз были расстроены.

По смерти Эльдара в 1635 г. снова встал вопрос о шамхальстве. Кумыки избрали шамхалом Айдемира[2]. Шах Сефи выдвинул на шамхальство своего ставленника — тарковского владельца Сурхая Гиреева. В 1637 г. в Москву прибыло посольство от Сурхая с челобитьем о шамхальстве, которое подкреплялось грамотой шаха Сефи к царю, сообщавшей, что шах «учинил» Сурхая шамхалом,— «и вам бы для нашего прошенья ево ж шевкалом учинить по нашему братству и дружбе и любви». Но в Москве не поддержали ходатайства шаха; вопреки его желанию шамхалом остался Айдемир до своей смерти в 1641 г.[3]. В 1642 г. Сурхай возобновил в Москве просьбу об утверждении его шамхалом и получил, подобно Эльдару, жалованную грамоту русского царя на шамхальское достоинство[4].

В первой половине XVII в. установились связи Москвы и с уцмийством Кайтагским. И здесь, как и в кумыкских ханствах, эти связи объяснялись стремлением найти в Москве поддержку для освобождения от шахской зависимости[5].

---

[1] ЦГАДА. Ногайские дела, 1632 г., № 1, л. 79.

[2] ЦГАДА. Кумыцкие дела, 1635 г., лл. 28—29.

[3] Там же, 1637 и 1642 гг.

[4] Известия об этих событиях в труде А. Бакиханова «Гюлистан-Иран» (стр. 99) очень неточны.

[5] *Р. Г. Маршаев.* Указ. соч.

С 40-х годов XVII в. в Дагестане усилилось влияние Персии, которое распространялось на все ханства, кроме Эндери. Посольства дагестанских владельцев в Русское государство временно прекратились. Русское правительство было вынуждено покинуть Сунженский острожек.

С упадком Персии к концу XVII в. ослабела и власть шахов в Дагестане. В 1678 г. в Москве снова появились посланцы шамхала Будая и кайтагского уцмия, с которыми дагестанским владельцам было послано жалованье[1]. Сношения же Дагестана с Терским городом и Астраханью, как политические, так и экономические, не прекращались и в пору перерыва посольств в Москву; в Терском городе постоянно находились аманаты из Кумыцкой и Кайтагской земель.

Обзор сношений народов Дагестана с Русским государством в XVII в. показывает, что установившиеся связи имели крупное значение и для Кавказа и для Руси. В первые десятилетия XVII в., в период наибольшего усиления персидского государства и его агрессии на Кавказе, эти связи помешали захвату шахами Северного Кавказа и планам постройки здесь шахских крепостей-городов.

* * *

Как и в XVI в., агрессия Турции и Крыма в сторону Северного Кавказа в XVII в. продолжалась. В наибольшей зависимости от Турции и Крыма находились в XVII в. западноадыгейские племена. Их связи с Русским государством, где они искали поддержки против Турции и Крыма, оборвались еще в 60-х годах XVI в. Турция стремилась удержать адыгейцев в зависимости, чтобы обеспечить свое господство на северо-восточном берегу Черного моря и особенно на Таманском полуострове, прикрывавшем Азов.

Турецкие гарнизоны находились в Анапе, Тамани, Темрюке и крепости Копыл на Кубани, построенной в 1607—1608 гг. крымским ханом Казы-Гиреем[2]. Однако степень зависимости в разное время и у разных племен была далеко не одинаковой: в полной зависимости от Турции и Крыма находились только черкесы жанэ. Другие черкесы, жившие по направлению к Кабарде, в прямой зависимости не находились. Сюда турки и крымцы совершали набеги за пленниками. От этих набегов черкесы откупались данью, которая уплачивалась невольниками. В конце XVII — начале XVIII в. черкесская дань каждому из вновь вступающих на престол крымских ханов состояла из 300 невольников[3]. Для сбора дани — «за ясырем» — ханы или крымские царевичи отправлялись в Адыгею с многочисленным войском; часто бывали и прямо грабительские

---

[1] *С. Н. Кологривов.* Материалы для истории сношений России с иностранными державами в XVII в. — «Вестник археологии и истории», вып. XX, СПб., 1911, отд. II, стр. 16.

[2] ЦГАДА. Ногайские дела, 1608 г., № 1, л. 37; *Н. А. Смирнов.* Кабардинский вопрос в русско-турецких отношениях XVI—XVIII вв. Нальчик, 1948, стр. 26.

[3] *В. Д. Смирнов.* Указ. соч., стр. 225, 247, 347—398.

набеги «за корыстью», когда крымцы уводили пленных и угоняли скот. Сохранились многочисленные известия о таких походах на кемиргойцев, бесленеевцев и другие адыгейские племена[1]. Иногда вмешательство крымцев облегчалось распрями адыгейских князей и беков[2].

Одним из способов укрепить зависимость адыгейцев от Крыма и Турции было насильственное распространение между ними мусульманства. Судя по сохранившимся от XVII в. известиям о принесении присяги на Коране, как западноадыгейская, так и кабардинская знать в то время уже приняла мусульманство. Однако среди простого народа и тогда и позже крепко держались языческие верования, с одной стороны, и неясные воспоминания о христианских обрядах и верованиях — с другой[3].

Если в Адыгее русское влияние в XVII в. было утеряно, то в совсем ином положении находилась в это время Кабарда. Для значительной части Кабарды, а по временам и для всей ее территории русское подданство сохранялось в течение всего XVII в.

Выше уже говорилось о Черкасской слободе под Терским городом. Тесные связи с Русским государством поддерживались и частыми кабардинскими посольствами в Москву. Характерным явлением был выезд отдельных представителей той или иной княжеской семьи к московскому двору для крещения и службы. Некоторые из таких выехавших «черкасских» князей занимали очень высокое положение в Русском государстве, войдя в круг московской феодальной знати[4].

В самой Кабарде русское правительство и воеводы Терского города сталкивались с ожесточенной борьбой различных группировок. Используя челобитья кабардинских князей о помощи против «недругов» как внутренних, так и внешних, русское правительство стремилось прежде всего обеспечить подданство «старшего» кабардинского князя путем принятия от него шерти, торжественной выдачи ему жалованной грамоты за золотой печатью на «большое княженье» и посылки ежегодного денежного и хлебного жалованья[5].

Несмотря на тесные связи кабардинцев с Москвой в течение XVII в., крымские ханы и турецкие султаны не оставляли притязаний на влияние как в средней, так и в восточной части Северного Кавказа. Предания ярко отражают борьбу кабардинского народа против крымской агрессии. Борьба эта ослаблялась внутренними раздорами. Как и в Адыгее, так и в Ка-

[1] ЦГАДА. Ногайские дела, 1626 г., № 1, л. 74 и др.; *А. А. Новосельский.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.—Л., 1948, стр. 137, 143, 246, 346—347; Донские дела, кн. II.— РИБ, т. 24, стб. 120 и др.

[2] *Д'Асколи.* Описание Черного моря и Татарии, 1634 г., стр. 125; *В. Д. Смирнов.* Указ. соч., стр. 555—556.

[3] *Ш. Б. Ногмов.* Указ. соч., стр. 35, 37—40; «Описание» перекопских и ногайских татар, черкесов... Жана де Люка...»; *J. Tavernier.* Указ. соч., т. I, стр. 375—376.

[4] «Русский биографический словарь»; *П. И. Иванов.* Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах. М., 1853; *С. К. Богоявленский.* Приказные судьи XVII в. М., 1946.

[5] *С. А. Белокуров.* Указ. соч., стр. 4—5.

барде набеги ханов не раз вызывались приглашением одной из враждующих между собой княжеских группировок[1].

Политика Турции и Крыма в отношении народов Северного Кавказа вызывалась не только стремлением к добыче и местными интересами, но преследовала и более широкие цели: обеспечение северокавказского пути для турецко-крымских войск во время войн с Персией. Установление сношений народов Северного Кавказа с Русским государством оказало существенное влияние на ход турецко-персидских войн уже во второй половине XVI в. и ослабило успехи Турции в Закавказье. В первой половине XVII в. турецко-персидские войны продолжались. В 1606, 1608, 1616, 1629 и 1635 гг. предполагались походы крымских сил в Закавказье северокавказским путем. Крымцы не раз переправлялись через Керченский пролив на Таманский полуостров[2]. Ни один из намеченных походов не состоялся: войска крымских ханов неоднократно принимали участие в турецких походах против Персии, но всякий раз шли не сухопутной дорогой, а перевозились в Синоп на турецких судах[3]. Сложившиеся на Северном Кавказе условия — наличие сильного гарнизона в Терском городе, связи с Россией кабардинцев и дагестанцев — не позволяли ханам совершить поход северокавказской дорогой. Крымцы не раз грозили разорить Терский город, о чем терские воеводы сообщали в Москву, но угрозы эти остались неосуществленными.

* * *

Во время Смоленской войны 1632—1634 гг. кабардинские князья со своими дружинами участвовали в походе против Малых Ногаев и тем самым в известной мере облегчили положение русских войск под Смоленском. В 1646 г. кабардинские отряды вместе с русскими войсками воевали против азовских татар, Малых Ногаев и крымцев. Кабардинские отряды под предводительством князя Каспулата Муцаловича Черкасского принимали участие в Чигиринских походах 1677—1678 гг.

Война Русского государства с Турцией и Крымом в последние десятилетия XVII в. обострила положение на Северном Кавказе; Турция и Крым стремились направить против Русского государства часть местных сил, применяя методы религиозной пропаганды. Уже тогда крымско-турецкие агенты на Северном Кавказе широко пользовались лозунгом «священной войны» против «неверных», «гяуров», но серьезных успехов не добились.

---

[1] *А. А. Новосельский.* Указ. соч., стр. 95, 143; ЦГАДА. Кабардинские дела, 1672 г.; Донские дела, кн. V.— РИБ, т. 34, стб. 22, 130, 394, 556; *Ш. Б. Ногмов.* Указ. соч., стр. 90.

[2] *А. А. Новосельский.* Указ. соч., стр. 94, 246.

[3] *А. А. Новосельский.* Указ. соч., стр. 87, 99, 113, 171, 176, 246.

Народы Северного Кавказа, экономически слабые и разрозненные, в XVII в. не имели базы для сложения своей прочной государственности. Сношения с Русским государством, занявшим на Северном Кавказе достаточно прочные позиции, помогли борьбе местных народов против персидской, крымской и турецкой агрессии, а также имели значение как в ходе персидско-турецких войн за Закавказье, так и в развернувшейся в XVII в. борьбе Русского государства с Крымом и Турцией. События XVII в. на Северном Кавказе являлись одним из этапов в процессе образования Русского многонационального государства.

* * *

Культура народов Северного Кавказа, имея ряд общих особенностей, носит вместе с тем черты яркой индивидуальности, характерные именно для того или иного народа.

В XVII в. народы Северного Кавказа не имели письменности на родных языках. Но устное народное творчество успешно развивалось. Продолжал бытовать возникший в глубокой древности нартский эпос, сохраненный особенно хорошо осетинами, но имевший широкое распространение и у других народов Северного Кавказа[1]. Сложившиеся уже к XII—XIV вв. нартские сказания в последующие века, сохраняя свою восходящую ко времени господства родового быта основу, приобретают некоторые черты, характерные уже для классового феодального общества. Интересы трудовых слоев населения отражают такие сказания, как сказание об Ацамазе и алдаре Мысыра, или песня о бедняке-батраке Куйцуке, или характеристика одного из главных героев эпоса — Сослана (Сосруко), сына пастуха.

Наоборот, феодальная идеология выступает в ряде дагестанских и кабардинских песен о набегах.

Исторические предания и песни о событиях и лицах, известных по источникам XVI—XVII вв., сложились, несомненно, в этот период. Кабардинские предания и песни, записанные впервые в первой половине XIX в. Ш. Б. Ногмовым, позднейшие записи кабардинского и адыгейского фольклора рассказывают о героической борьбе западноадыгейских племен и кабардинцев с крымскими ханами и о постоянных столкновениях кабардинцев с тургутами (торгоутами) — калмыками. Известны сказания о борьбе адыгейского племени жанэ с крымскими ханами, о победе адыгейцев над ханом Девлет-Гиреем, о борьбе с этим же ханом князя Темрюка. События XVII в. отражены в преданиях о битвах кабардинцев с тургутами, в которых назван известный по русским документам первой половины XVII в. князь Шолох, о его сыне Хорошае и др. Эти сказания и песни

[1] «Нартские сказания. Осетинский народный эпос». М., 1949; «Нарты. Кабардинский эпос». М., 1951.

возникли в обстановке военного быта конных дружин, отражавших нападения внешних врагов, и вместе с тем в обстановке кровавых феодальных столкновений[1].

Народный фольклор сохранил память и об установившихся с XVI в. сношениях Кабарды с Русским государством: о присяге, данной «царю Ивану», об отсылке детей Темрюка на воспитание в Москву[2].

Другие предания связаны с борьбой народов Северного Кавказа в XVII в. против шахской агрессии. Так, у жителей укрепленного кайтагского аула Ицари сохранилось сказание о том, как было отражено нападение шаха Аббаса[3]. Вероятно, в начале XVII в. возникли осетинские сказания о борьбе с шахом в горах Осетии, приуроченные к тем или иным аулам и ущельям[4].

Записи фольклора народов Северного Кавказа дают многочисленные образцы обрядовых песен, игр, плясок, связанных с сельскохозяйственными работами. Исследователи отмечают языческие корни этих обрядов. Автор XVII в. Тавернье говорит об обрядах у кабардинцев при начале сенокошения. Несомненно, тогда существовали и адыгейские обряды при начале пахоты и празднества «выхода плуга в поле», прочно державшиеся позднее у различных народностей Дагестана[5].

Народные песни и пляски сопровождались игрой на музыкальных инструментах, раннее возникновение которых на Северном Кавказе засвидетельствовано, например, нартским сказанием об изобретении фандыра — осетинского народного струнного инструмента — нартом Сырдоном.

Фольклор северокавказских народов имеет ряд ярких образцов народных песен о классовой борьбе против феодалов. Еще в XVII в. могли возникнуть песни о притеснении осетин кабардинскими феодалами, об убийстве кабардинского князя — пши. Ненависть трудового народа к феодалам — пши отразилась в эпитете, данном песней исторически известному кабардинскому князю XVII в. Карашаю Тотлостанову — «лютый пши»[6].

Адыгейские феодалы пользовались в дипломатической переписке или татарским языком, или — в сношениях с Россией — также русским, дагестанские феодалы — тюркским или персидским языками. Мусульманское духовенство было носителем арабской письменности, непонятной народным

---

[1] *Ш. Б. Ногмов.* История адыгейского народа. Нальчик. 1947, стр. 80—82, 87—88, 99—101 и др.; *Д. Г. Жантиева.* Мотивы исторического эпоса северокавказских горцев.— «Записки Северокавказского горского н.-и. ин-та», 1929, т. II.

[2] *Ш. Б. Ногмов.* Указ. соч., стр. 80, 81, 82.

[3] *Е. М. Шиллинг.* Кубачинцы и их культура, стр. 40.

[4] *В. Ф. Миллер.* Осетинские этюды, т. I, М., 1882, стр. 140—141.

[5] *J. Tavernier.* Указ. соч., т. I, стр. 375; *Г. Чурсин.* Праздник «выхода плуга» у горских народов Дагестана. Тифлис, 1917.

[6] *Б. В. Скитский.* Хрестоматия по истории Осетии, ч. I, Дзауджикау, 1949, стр. 122—125, 130—133.

массам. В XVII в. в Дагестане уже существовали центры богословской мусульманской арабистской литературы, например в Аварском ханстве, где в XVII в. жил арабист—богослов Магомед-Мусалав Кудутлинский. Арабская письменность использовалась также для надгробных памятников, иногда — для записи частноправовых актов.

Пропаганда мусульманства на Северном Кавказе сталкивалась с прочно укоренившимися среди народных масс языческими представлениями, а также с влиянием христианства, проникавшим в Осетию и горные области Дагестана из Грузии, а в Кабарду — из Русского государства. В Терском городе была Новокрещенская слобода: выезжавшие на службу в Россию кабардинские князья, сохранявшие связи с родиной, обязательно крестились; по источникам XVII в. известны случаи крещения в Москве и рядовых кабардинцев[1].

Интересно отметить единичные попытки письма на родном языке с использованием различных алфавитов. В Дагестане указывается надпись 1673 г. на аварском языке арабским шрифтом в аварском ауле Корода[2]. В Кабарде известны две надписи на надгробных памятниках на кабардинском языке греческими буквами. Одна надпись датирована 1581 г., дата другой спорна: одни исследователи относят ее к 1623 г., другие — к XII в. Наконец, известна греческая надпись с Таманского полуострова 1590 г., в которую вставлены также написанные греческими буквами адыгейские слова[3].

Адыгейцы, как указывалось выше, не практиковали каменного строительства. У народов нагорной полосы и во всем Дагестане каменное строительство, наоборот, было издавна распространено, и, несомненно, к XVII в. уже сложились и архитектура многоярусных горных аулов, и различные типы боевых башен, и разнообразная архитектура жилых домов, и самая техника каменной кладки, чаще всего сухая, без известкового раствора. Общая черта архитектуры Северного Кавказа эпохи средневековья — ее соответствие величавому горному пейзажу, монументальность.

В одном из селений Аварии — в ауле Корода — сохранился жилой дом, построенный, как указывает надпись на внутреннем столбе, в 1673 г. местным ремесленником. К тому же времени относят очень близкий ему по архитектуре жилой дом в аварском селении Руxджа. Эти два двухэтажных дома строгой по формам архитектуры замечательны тем, что их фасады украшены художественной резьбой по камню, а внутренность жилого помещения — резными деревянными столбами. Резьба по камню была в Дагестане широко распространена. Для XVII в. можно также указать дати-

---

[1] *Н. Яковлев.* Новое в изучении Северного Кавказа.— «Новый Восток», 1924, кн. V, стр. 238—254.

[2] *Н. Б. Бакланов.* Архитектурные памятники Дагестана, вып. I. Л., 1925, стр. 40—43.

[3] *Г. Ф. Турчанинов.* Эпиграфические заметки.— «Известия Отделения литературы и языка АН СССР», 1947, т. VI, вып. 6, стр. 509—520.

рованные стелы с арабскими надписями кладбища шамхалов в Кумухе или кладбища уцмиев в Кайтаге[1].

Для народов Северного Дагестана характерно исключительное богатство форм прикладного искусства, уходящих корнями в далекое прошлое. Здесь можно сказать о резьбе по дереву, украшавшей столбы внутренних помещений, мебель, хозяйственную утварь. Деревянная резьба была особенно развита в горном Дагестане и в Осетии, ее орнамент включал архаические элементы, отражавшие языческие представления и приемы языческой магии[2]. В Дагестане, в Черкесии и Кабарде производилось оружие, что для XVII в. засвидетельствовано и сообщением де Люка 1625 г., и известиями русских документов, и наличием «черкасских» панцырей и шлемов в коллекциях Оружейной палаты. Ножны сабель, шишаки орнаментировались. Эвлия Челеби, путешествовавший по Дагестану в первой половине XVII в., не раз говорит о производстве там «серебрянных ремней», т. е. ременных поясов с ювелирными серебряными украшениями[3]. К XVII в., конечно, были уже вполне развиты различные отрасли художественного металлического производства аула Кубачи, которое имело к тому времени многовековую давность. Современный исследователь называет среди изученных им орнаментов кубачинских изделий «москов-накыш» — московский рисунок — и высказывает предположение о проникновении его мотивов в Кубачи «примерно с XVI в.»[4].

Если металлическое производство выполнялось мастерами мужчинами, то женским широко распространенным видом прикладного искусства было вышивание. Свой орнамент и расположение его на одежде создали женщины-кабардинки[5]. Женские золотошвейные работы и ковроткачество были распространены в Дагестане. Древность женского гончарного производства дагестанского аула Балхар доказывается чрезвычайно архаическим стилем балхарских орнаментов[6].

---

[1] *Н. Б. Бакланов*. Художественная культура Дагестана.— «Новый Восток», 1924, кн. V, стр. 255—265; *его же*. Архитектурные памятники Дагестана, вып. I, стр. 40—43; *А. С. Башкиров*. Искусство Дагестана. Резные камни. М., 1931; *Л. И. Лавров*. Некоторые итоги работы Дагестанской экспедиции 1950—52 гг.— «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», т. XIX, М., 1953, стр. 6—7; *Б. Дорн*. Отчет об ученом путешествии по Кавказу. СПб., 1861, стр. 34, 65.

[2] *А. А. Миллер*. Древние формы в материальной культуре современного населения Дагестана.— «Материалы по этнографии» (Этнограф. отдел. Гос. Русского музея), т. IV, вып. I. Л., 1927, стр. 15—75.

[3] Рукоп. отдел Дагест. н.-и. ин-та, № 1157. Перевод отрывков из путешествия Эвлия Челеби, лл. 18—25; «Гос. Оружейная палата Московского Кремля», М., 1954, стр. 86, 113.

[4] *Е. М. Шиллинг*. Кубачинцы и их культура, стр. 111, 212 и др.

[5] *Е. Н. Студенецкая*. Украшение одежды у кабардинцев.— «Ученые записки Кабардинского н.-и. ин-та», т. V, Нальчик, 1950, стр. 163—194.

[6] *Е. М. Шиллинг*. Изобразительное искусство народов горного Дагестана.— «Доклады и сообщения истор. фак-та МГУ», кн. IX, 1950, стр. 46—86; *Н. Б. Салько*. Ковры южного Дагестана. — «Советская этнография», 1951, № 2, стр. 204—213.

Развитие разнообразных видов прикладного искусства, украшавшего предметы повседневного быта широких слоев населения, свидетельствует о художественной одаренности народов Северного Кавказа.

2

ГРУЗИЯ

К концу XVI — началу XVII в. внешнеполитическая обстановка, в которой развивалась история Закавказья, изменилась. Огромная Турецкая держава именно с этого времени начала клониться к упадку[1]. На протяжении XVI в. в Турции было несколько антифеодальных восстаний. По имени шейха Джелала, вождя восстания 1518 г., в Токатском районе (Малая Азия), участников всех таких восстаний стали именовать «джелали». Упадок сельского хозяйства повел к разорению мелких феодалов — тимариотов, отбывавших военную службу и наделенных за это ленами (тимар). Проверка личного состава армии, при которой множество тимариотов было исключено из рядов войск и вместе с тем лишилось своих ленов, вызвала грандиозное восстание под предводительством Кара Языджи, охватившее восточные области Азиатской Турции (1599—1603 гг.)[2]. Вскоре к тимариотам примкнули крестьяне, кочевники, беглецы из войска (фирари) и другие.

В начале XVII в. джелали, которых персидские историки называют «чернью» и «сбродом», распространились по Южному Азербайджану и Ширвану[3].

Кызылбашская держава в это время окрепла и усилилась благодаря реформам, проведенным шахом Аббасом I (1587—1628). Эти реформы привели к созданию постоянной, хорошо вооруженной армии и реорганизации управления.

Велась борьба с феодальной раздробленностью, и государство стало более централизованным. После кратковременной оккупации стран Закавказья османскими турками шахские войска завоевали Закавказье в 1603—1606 гг. В борьбе с Персией Турция по мирным договорам 1612, 1618 и 1639 гг. вынуждена была признать право Персии на Закавказскую Армению, остальная часть Армении осталась под властью Турции.

Разорительное кызылбашское владычество установилось в Закавказье более чем на сто лет (1607—1722).

---

[1] См. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. X, стр. 61.

[2] О восстании Кара Языджи см. монографию *А. С. Тверитиновой.* Восстание Кара Языджи-Дели Хасана в Турции. М.—Л., 1946.

[3] *Искандер-бек Туркеман (Мунши).* Тарих-и'алем арай-и Аббаси. Литограф. издание персидского текста. Техран, 1314 г. хиджры (в дальнейшем — «Искандер Мунши»), стр. 440—442.

Пашущий крестьянин. Рисунок Кастелли, XVII в.

* * *

Персидское завоевание привело к значительному разрушению производительных сил Грузии. Особенно пострадала восточная часть Грузии — Кахетия и Картлия, меньше Западная Грузия — Имеретия и Мингрелия, находившиеся в сфере влияния Турции, враждовавшей с кызылбашской Персией.

Основным занятием населения Грузии, как и в более раннее время, было сельское хозяйство: земледелие, скотоводство, виноградарство и виноделие, пчеловодство, шелководство.

Русский посол князь Е. Ф. Мышецкий, посетивший Кахетию в начале 40-х годов XVII в., отметил, что пашенная земля в Восточной Грузии «середняя, супесок», пахали ее плугом на быках, высевались пшеница, ячмень, чечевица, бобы. Много было в Кахетии плодовых и ягодных деревьев и овощей. В большом количестве собирались яблоки, груши, виноград, сливы, изюм, винные ягоды, вишня, кизил. Из огородных культур выращивались дыни, арбузы, редька, морковь, репа, капуста[1].

Климат Западной Грузии мало отличался от Восточной. Русские послы— стольник Н. М. Толочанов и дьяк Алексей Иевлев, побывавшие в Имеретии

[1] «Посольство князя Мышецкого и дьяка Ключарева в Кахетию в 1640—1643 гг.», Тифлис, 1928 (в дальнейшем — «Посольство кн. Мышецкого»), стр. 160—161.

в 1650—1652 гг., указывали на высокое плодородие ее почвы и теплый климат, позволявшие снимать по два урожая хлеба в год. Кроме тех хлебов, какие отмечены в статейном списке Е. Ф. Мышецкого для Кахетии, они назвали полбу, просо, коноплю, горох, ярицу. Обратили они внимание и на обилие лесов в Имеретии, в которых, наряду с местными деревьями, характерными для всего Закавказья, растет и «всякий русский лес». Имеретия богата теми же плодовыми деревьями, какие растут и в Кахетии. Много добывалось меду. Из домашнего скота в Имеретии разводили лошадей, коров, буйволов, овец, свиней. В лесах были бобры, лисы, рыси, олени, козы, кабаны.

В Имеретии, кроме столичного города Кутаиси, не было больших поселений. Села и деревни были разбросаны по долинам и ущельям и на горах. Все они были небольшого размера — от двух до 20 дворов. «Где водные источники, туто их и селитьба и пашня», — замечают русские послы. Много было в Имеретии городков-крепостей, принадлежавших царю и феодалам. Эти городки располагались в «крепких местах» на горах и между горами[1].

Картлия и особенно Кахетия в XVII в. после нескольких разорительных походов персидских войск на их территорию находились в состоянии хозяйственного упадка. Е. Ф. Мышецкий не нашел в Кахетии никаких городов. Все укрепления были разрушены персами до основания. Крестьянского населения в Кахетии сохранилось до 3 тыс. дворов. Царь Кахетии Теймураз не имел постоянной резиденции. По словам Е. Ф. Мышецкого, он «живет, переезжая по деревням и по пустым местам, а в одном месте не живет». Во время этих переездов царь располагал свой стан около леса, чтобы была возможность скрыться в случае внезапного нападения врага.

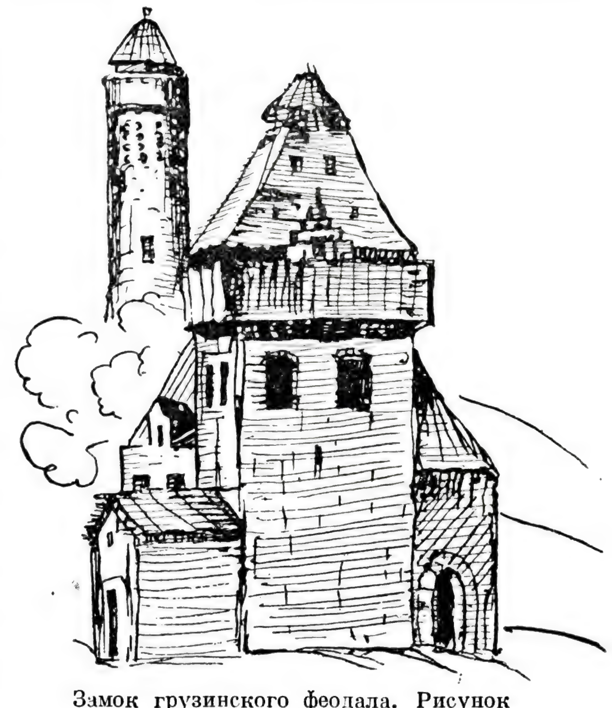
Торговля в Кахетии совершенно замерла. Русский посол не смог собрать сведений о ценах на различные продукты в Кахетии, так как там «бозаров и съезжих ярмонок нигде нет, и ничего не продают». Правительство, обязанное, по дипломатическому этикету, доставлять корм послам, с большим трудом справлялось с этой задачей: посольству присылали продовольствие «как прилучитца, где что сыщут»[2]. Даже когда Е. Ф. Мышецкий был приглашен к царскому столу, угощение было очень скромное: один раз — баранина и говядина жареная и вареная и вареный гусь, на десерт были поданы виноград, яблоки и дыни, другой раз угощение состояло из баранины и говядины и пшенной каши с коровьим маслом[3].

Не в лучшем состоянии находилась и внешняя торговля. Узорочных товаров, т.е. дорогих тканей, русские послы в Кахетии не видели. Правда, в Кахетию приезжали из Тбилиси и Персии армяне, но «с худым товарищ-

[1] «Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию в 1650—1652 гг.», Тифлис, 1926 (в дальнейшем — «Посольство стольника Толочанова»), стр. 184—188.

[2] «Посольство князя Мышецкого», стр. 158—161.

[3] Там же, стр. 144—145, 152.

Замок грузинского феодала. Рисунок Кастелли, XVII в.

ком — с киндяки и с кумачи, с пестредью, з бязью»[1]. В разоренной Кахетии спрос был только на дешевые хлопчатобумажные ткани.

В Картлии и Имеретии уровень хозяйства был выше, особенно в Имеретии, менее пострадавшей от вражеских нашествий. В этих частях Грузии сохранились города с ремесленным населением, объединенным в цехи по отдельным производствам. Но, как и в более раннее время, значительная часть городских ремесленников и купцов находилась в феодальной зависимости от царя и духовных и светских феодалов. В Имеретии при развитом земледелии, плодоводстве и скотоводстве, составлявших главное занятие населения, были развиты виноделие и шелководство. Шелководством, по наблюдению русских послов, промышлял каждый. Отсутствие источников не позволяет осветить с необходимой полнотой процесс общественного разделения труда и рост внутреннего рынка. Но продажа отдельных продуктов сельского хозяйства и городского ремесла несомненна. Обилие шелка-сырца обусловило его дешевизну. По свидетельству Н. М. Толочанова и А. Иевлева, в Имеретии пуд шелка-сырца можно было приобрести за 16—17 руб. на русские деньги, пуд меда — за 2 гривны (20 коп.).

Существовал и торговый обмен между отдельными частями Грузии: тбилисские купцы появлялись со своими товарами в Кутаиси. Некоторое развитие имела и внешняя торговля. В Тбилиси и Кутаиси приезжали купцы из Персии, Турции и Азова. Ввозились в Имеретию главным образом дорогие шелковые ткани—атлас, камка, дороги, парча, а также хлопчатобумажные — киндяки. Русские послы отметили, что эти товары продавались по дорогой цене, не дешевле, чем на Руси [2].

В северо-западной части Грузии — Мингрелии (Дадианской земле) уровень хозяйства был ниже, чем в соседней Имеретии. Здесь также были посевы пшеницы, ячменя, овса, проса, конопли, разводили тутовые деревья

---

[1] «Посольство князя Мышецкого», стр. 161.

[2] «Посольство стольника Толочанова», стр. 187—188.

и виноград. Много было в Мингрелии меду, овощей и разного домашнего скота. Жители занимались виноделием, шелководством и выработкой посконных полотен и посконной пряжи, из которой делали рыболовные сети. Мингрельский посол священник Гавриил, приехавший в Москву в 30-х годах XVII в., говорил, что раньше Мингрелия не торговала с другими странами и лишь при царе Леване (Леонтии), приславшем Гавриила в Москву, установилась торговля с Турцией и Персией, причем из Мингрелии вывозили шелк, мед, воск и полотна[1]. Посол кахетинского царя Теймураза митрополит Никифор, бывший в Москве одновременно с Гавриилом, отметил, что в Мингрелии существует лишь меновая торговля: «А денег де у них нет, торгуют полотны и всякими товары, которые у них есть, меняют»[2]. Натуральный характер хозяйства Мингрелии из этих показаний выступает вполне отчетливо. Жители «едят все кашу просяную, а хлебов не пекут»[3].

* * *

Производственные отношения в Грузии XVII в. были феодальными. Правящий класс феодалов состоял из тавадов — князей, которые в русских источниках называются боярами, и азнауров — дворян. К феодалам относилось и высшее грузинское духовенство (епископы и монастыри).

Грузинские тавады владели большим количеством земель. Феодальное землевладение обусловливало их могущество и власть. По свидетельству русских послов, тавады имели от 500 до 5 тыс. крестьянских дворов, а иногда и больше. Число тавадов было невелико: в Имеретии, например, их было всего 100 человек. Тем не менее грузинские цари опирались именно на тавадов. Лишенный поддержки князей, царь терял свою власть.

Гораздо больше было рядовых дворян — азнауров, которых русские послы сравнивали с русскими детьми боярскими. Феодальная иерархия в Грузии XVII в. была довольно сложна. Различались азнауры «добрые» и азнауры «меньших статей». В Имеретии, например, «добрых» азнауров было всего 1100 человек. Бо́льшую часть своих азнауров, главным образом азнауров «меньших статей», грузинские цари помещали на тавадских землях. На землях отдельных тавадов таких царских азнауров было от пяти до 50 человек. Пользуясь землей тавадов, азнауры несли службу царю и обязаны были принимать участие только в царских походах.

Кроме того, у грузинских царей были отряды вооруженных людей — тюфянчеев, которых русские послы приравнивали к стрельцам. У имеретинского царя таких тюфянчеев было 3 тыс. человек. Получая жалованье

---

[1] «Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений 1615—1640 гг.», Тбилиси, 1937 (далее — «Материалы»), стр. 143—149.

[2] Там же, стр. 143—145.

[3] Там же, стр. 144.

от царя, тюфянчеи постоянно находились при царском дворе. Если своих азнауров грузинские цари помещали на землях тавадов, то для содержания тюфянчеев привлекались «добрые» царские азнауры, владевшие вотчинами и поместьями, полученными непосредственно от царя. Каждый из таких азнауров обязан был содержать от пяти до 20 царских тюфянчеев, иногда и больше.

Тавады имели собственных тюфянчеев, которые находились на их содержании и служили им. Таких тюфянчеев у отдельных тавадов было от пяти до 50 человек. На царскую службу тавады были обязаны являться со своими тюфянчеями.

Таким путем у грузинских царей создавалось довольно значительное феодальное ополчение. В Имеретии, например, число служилых людей достигало 40 тыс. человек[1].

Основным производящим классом грузинского феодального общества были глехи — крестьяне. Почти все они находились в крепостной зависимости либо непосредственно от грузинских царей, либо от светских и духовных феодалов. Обрабатывая землю феодалов, крестьяне отбывали в их пользу разного рода повинности. Главной формой феодальной ренты была продуктовая, наряду с ней существовала и барщина. Различные виды натурального сбора и барщины, трудно поддающиеся точному учету, должны были обеспечивать феодалам и продовольствие и накопление богатств, так как часть продуктов и изделий вотчинных ремесленников, поступавших феодалам в качестве натурального оброка, продавалась. Изредка взимались и денежные платежи. Но денежная рента, при слабом развитии товарно-денежных отношений в стране, не могла получить широкого распространения.

Из многообразных крестьянских повинностей особо следует выделить «лашкроба» (участие в походах), ямскую повинность, а также «мушаоба»— повинность по возведению крепостных и городских стен, прокладке дорог и т. п.

Крестьянская масса не была однородной. Документы о сборе государственных налогов позволяют отметить четыре категории крестьян. Одни из них платили полную сумму налога, другие — половину, третьи — четверть и, наконец, четвертые, так называемые «безмискини» (буквально «очень бедный человек»), не платили ничего из-за бедности[2].

Соседство с Турцией, предъявлявшей большой спрос на рабов, породило так называемое «пленопродавство» — работорговлю, особенно в Западной Грузии.

Здесь торговали не только пленниками, но и крепостными. Феодалы присвоили себе право сбывать своих крепостных на иностранные рынки.

---

[1] «Посольство стольника Толочанова», стр. 186.

[2] «Документы по социальной истории Грузии». 1. Крепостнические отношения (XV—XVIII вв.). Под ред. Н. А. Бердзенишвили. Тбилиси, 1940 (на груз. яз.), № 507, стр. 361—362.

Таким путем накапливались значительные денежные средства, шедшие на покупку предметов роскоши[1].

На тяжесть феодальной эксплуатации грузинские крестьяне отвечали главным образом побегами.

Городское население Грузии также было социально неоднородно. Городскую верхушку составляли царские купцы и ремесленники. Эти богатые слои горожан преследовали княжеских, дворянских и церковных ремесленников и торговцев, видя в них конкурентов[2].

* * *

В политическом отношении Грузия XVIII в. представляла собой феодально раздробленную страну. Еще в конце XV в. единое некогда Грузинское царство распалось на три: Картлию, Кахетию и Имеретию. Во главе каждого из этих царств стояли цари из династии грузинских Багратидов. Царская власть во всех частях Грузии опиралась на князей — тавадов, крупных феодалов. Правда, отдельные цари, особенно в Картлии и Кахетии, пытались искать поддержки у своих азнауров против тавадов, но эти попытки не увенчались успехом. В течение всего XVII в. основной опорой царей оставались тавады. Подчинение Грузии кызылбашской Персии имело своим следствием то, что персидские шахи вмешивались в династическую борьбу в Грузии и по существу назначали и сменяли грузинских царей. Среди грузинских тавадов была сильная персидская партия, влиявшая на подбор кандидатов в грузинские цари.

Экономическое разорение и политическая раздробленность страны, бесконечные феодальные войны — вот что характерно для общественного и политического строя Грузии XVII в. Усиление тавадов и ослабление царской власти очень затрудняли борьбу за независимость страны, за освобождение от власти Персии.

Крупные феодалы — тавады мало считались с царской властью и управляли своими землями на правах самостоятельных князей. Особенно это следует сказать о некоторых владетелях отдельных частей Западной Грузии — Мингрелии и Гурии, которые считали себя независимыми от Имеретии. Так, в 1618 г., когда из Грузии направлялось посольство в Москву, грузинский посол игумен Харитон привез отдельные грамоты от кахетинского царя Теймураза, имеретинского царя Георгия и от владетеля Гурии Мамия (Мануйла), который в своей грамоте тоже называл себя царем и выступал как независимый владетель[3]. Мингрельский владетель Леван тоже считал себя совершенно независимым государем. Уже упоминавшийся его посол Гавриил говорил в Москве: «Леонт царь на Дидиянской земле лет з двадцать, а живет собою, а не в подданстве ни у ково, и дани он

---

[1] «Материалы», стр. 144.

[2] *Д. Гавритишвили, Ш. Месхия.* История Тбилиси. Тбилиси, 1952, стр. 183 и сл. (на груз. яз.).

[3] «Материалы», стр. 43—48.

турскому не давывал»[1]. Несомненно, что Леван фактически был независим от других грузинских царей. Зависимость же от Турции сохранялась и, по словам митрополита Никифора, заключалась в ежегодном платеже дани, состоящей из «100 человек мусково полу и женсково, да 80 000 полотен всяких на год»[2].

Игра всадников «трокус». Рисунок Кастелли, XVII в.

В Восточной Грузии, в частности в Кахетии, тоже были сильные князья, часто занимавшие враждебную позицию по отношению к царям, и последним не всегда удавалось привести в покорность таких князей. Летом 1638 г., когда в Кахетию направлялось русское посольство князя Ф. Ф. Волконского и дьяка Артемия Хватова, оно не могло пройти прямым путем из Кабарды в Кахетию, так как дорога шла через владения князя Эристави (Аристопа) Арагвинского. Отношения между этим князем и царем Теймуразом настолько обострились, что дело дошло до открытой войны. По словам кабардинского мурзы Мундара, «у Теймураза с Аристопом брань, и миру у них скоро не будет», причем, по мнению Мундара, Теймураз недостаточно силен, чтобы сломить сопротивление Эристави[3].

Восточная Грузия (Картлия и Кахетия) до XVI в. делилась на семь военно-административных округов — эриставств. Соединяя в своих руках все полномочия центральной власти по управлению страной — военные, административные, финансово-экономические и судебные, эриставы постепенно и неуклонно, по мере упрочения крепостнических отношений, превращались в самостоятельных властителей, лишь номинально оставаясь должностными лицами.

---

[1] «Материалы», стр. 149.

[2] Там же, стр. 144.

[3] Там же, стр. 240—243.

В конце XVI в. в Кахетии была произведена реформа. Вся страна была разделена на множество мелких административных единиц — моуравств во главе с моуравами (буквально «попечителями»). Полномочия моуравов были несравненно у́же, чем эриставов; из их компетенции были полностью изъяты военные функции эриставов. В военном отношении страна была разделена на четыре «садрошо» (военный округ). Во главе каждого садрошо был поставлен епископ. Епископу-воеводе подчинялись в военном деле и феодалы и моуравы данного округа. Грузинский историк и географ XVIII в. Вахушти относит эту реформу к концу XV в. и указывает, что царь Георгий этими мерами снискал себе верность множества средних и мелких феодалов [1]. Следовательно, при проведении реформы кахетинская царская власть пыталась опереться на широкие слои класса феодалов. Моуравства сохранились и в XVII в., но после завоевания Грузии персами в начале XVII в. вновь усилилось положение грузинских князей — тавадов.

* * *

Столетняя борьба Грузии против Турции и Персии за сохранение национальной свободы и самобытности вступила в XVII в. в новую и решающую фазу. И Персия и Турция стремились теперь к полному поглощению занятых ими грузинских областей: Персия — Восточной Грузии, Турция — Западной.

После завоевания Восточной Грузии шахом Аббасом были поставлены царями с согласия шаха — в Картлии — Луарсаб II, в Кахетии — Теймураз.

В 1614 г. шах Аббас с огромным войском двинулся на Кавказ, стал в Карабахе и отправил к Теймуразу гонцов с требованием прислать заложников, так как шах начинал войну с Турцией. По настояниям феодальной знати Теймураз послал шаху сперва мать и сына, а затем, при вторичном требовании, и второго сына вместе со многими детьми тавадов. Но когда шах после этого вызвал его самого, Теймураз решительно отказался поехать в Исфагань и стал готовиться к обороне. В Кахетии было немало тавадов, азнауров, крестьян и даже пастухов, подкупленных шахом [2]. Кахетинцы не захотели воевать, и Теймураз с горстью приверженцев бежал. Разбив шахский отряд, посланный захватить его, Теймураз прибыл к царю Картлии. Однако и в Картлии много тавадов без ведома и позволения Луарсаба поспешило к шаху, а оставшиеся не решились воевать. Оба царя бежали в Западную Грузию под покровительство имеретинского царя Георгия. Шаху удалось захватить Луарсаба [3].

В походе 1614 г. в числе других грузин, находившихся на шахской службе, сопровождал шаха и бывший моурав Тбилиси Георгий Саакадзе. Бу-

[1] *Вахушти*. История Грузии. СПб., 1854, стр. 103 (на груз. яз.); *Wakhoucht*. Histoire de la Géorgie (франц. перевод М. Броссе). СПб., 1856, стр. 148.

[2] Там же, стр. 116; франц. перевод М. Броссе, стр. 162.

[3] Там же, стр. 38; франц. перевод М. Броссе, стр. 50—51.

Георгий Саакадзе. Рисунок Кастелли XVII в.

дучи не тавадского происхождения, семья Саакадзе в последней четверти XVI в. достигла высокого положения. Отец и дядя Георгия Саакадзе, как и сам Георгий, являлись ближайшими советниками царя. Георгий Саакадзе находился в родстве с сильными феодалами, владел крепостью, монастырем и территорией, населенной азнаурами и крестьянами.

Закреплению достигнутого Саакадзе положения способствовала женитьба царя Луарсаба на его сестре. Противники Саакадзе, тавады, восстали против «безродного временщика» и потребовали у Луарсаба сделать выбор между ними и моуравом.

У Саакадзе были свои приверженцы, преимущественно из азнауров. Во внешней политике «партия» Саакадзе держалась персидской ориентации. Противники Саакадзе были несравненно сильнее. Царь решил развестись с женой, сестрой Георгия, и погубить самого моурава. Саакадзе бежал в Персию и оказался не только участником, но и ближайшим советником шаха в грузинском походе 1614 г.

Возвращение в Картлию Саакадзе, пользовавшегося покровительством шаха, не сулило его противникам ничего хорошего[1].

Теймураз остался в Имеретии. Шах назначил правителем Кахетии мусульманина Иса-хана, двоюродного брата Теймураза. Назначение мусульманина не оставляло сомнений в политической линии шаха. В стране быстро назревало восстание. Иса-хан заблаговременно уехал к шаху, а его ближайшие советники стали во главе движения. В Кахетию прибыл Теймураз и начал с избиения персидских купцов. Шах Аббас выслал сильное войско против Теймураза. Однако в решительной битве Теймураз с шеститысячным войском наголову разбил 15-тысячный отряд врага. Шах

---

[1] *Вахушти.* Указ. соч., стр. 38—39; франц. перевод М. Броссе, стр. 50—51; *Бери Эгнаташвили.* Новая история Грузии. Под ред. Джавахишвили. Тбилиси, 1940, стр. 129 (на груз. яз.); *Иосиф Тбилели.* Дидмоуравиани («Книга о великом моураве»). Под ред. Г. Леонидзе, Тбилиси, 1939, гл. 8, четверостишия 167—169 (на груз. яз.).

Аббас, тщательно подготовившись, весной 1616 г. появился в Тбилиси.

Неожиданное появление шаха с отборным войском лишило большинство сторонников Теймураза возможности сопротивляться. Теймураз опять удалился в Имеретию.

Шах Аббас назначил царем Картлии мусульманина, царевича Баграта, а затем двинулся в Кахетию. Он задумал выселить всех жителей Кахетии в Персию и занять их место полукочевыми туркменскими племенами, которые должны были стать верным оплотом шаха.

В результате этих мер Кахетия потеряла свыше 230 тыс. человек убитыми, пленными или «добровольно» выселенными[1]. Едва треть населения спаслась в малодоступных горных ущельях.

В опустошенной стране шах Аббас оставил правителем Пейкар-хана с заданием заселить страну туркменскими племенами. Тем временем война между Турцией и Персией возобновилась (1616). Противники шаха в Грузии во главе с Теймуразом не теряли надежды отомстить врагу. Теймураз поехал к турецкому султану. Одновременно он просил у московского царя защиты и посредничества перед шахом (1618)[2]. Шах отклонил заступничество Русского государства, сославшись на приверженность Теймураза к их общему врагу — Турции[3].

Теймураз, обманувшийся в своих надеждах на поддержку Турции, в 1623/24 г. вновь отправил посольство в Москву с настойчивой просьбой принять его в русское подданство и оказать военную помощь[4].

Между тем назревали бурные события в Картлии. Ставленник шаха Баграт не пользовался поддержкой тавадов. В 1619 г. он умер, и картлийский престол перешел к его сыну Симону. Шах Аббас утвердил Симона правителем Картлии, а ближайшим его советником назначил моурава Георгия Саакадзе. В Картлию же было отправлено большое войско во главе с Карчиха-ханом.

По планам шаха, кызылбашское войско должно было помочь Пейкар-хану заселить Кахетию туркменами. В дальнейшем и в Картлии предполагалось произвести выселение грузин, заселение страны туркменами и распространение ислама.

С 1620 г. моурав Саакадзе, пользуясь большим доверием шаха, фактически являлся правителем Картлии.

Меры, принятые шахом для обуздания картлийских тавадов и внедрения ислама в широкие слои грузинского общества, объединили на время и тавадов, и азнауров, и крестьян. Моурав, правильно оценив политическое положение, стал во главе антиперсидского движения. Об этом донесли шаху, который отдал тайный приказ об убийстве Саакадзе. Приказ,

---

[1] *Вахушти.* Указ. соч., стр. 117; франц. перевод М. Броссе, стр. 163—164; *Бери Эгнаташвили.* Указ. соч., стр. 142; Искандер Мунши (XVII в.) в выдержках у *Brosset.* Histoire de la Géorgie, t. II, livraison II, Addition V, p. 486.

[2] «Материалы», стр. 43—46, 49—52.

[3] Там же, стр. 77—80.

[4] Там же, стр. 69—71, 75—77.

однако, попал в руки моурава, и он удачно воспользовался им для агитации; в приказе, кроме умерщвления моурава, шах предписывал Карчиха-хану немедленно начать истребление кахетинцев и выселение картлийцев[1].

В 1623 г. картлийцы подняли восстание. Войско Карчиха-хана было полностью уничтожено, сам он пал от руки моурава[2]. После этого Саакадзе двинулся в Тбилиси и взял город. Кызылбашский гарнизон удержался лишь в цитадели. Часть повстанцев во главе с Саакадзе выступила против Пейкар-хана и преследовала его до Карабаха. Другая часть вошла в Мцхети и отняла у кызылбашей г. Ахалцих. Царем Кахетии провозгласили Теймураза.

Шах Аббас, чтобы спасти положение, направил в Грузию войско под начальством корчи-баши (начальника стрелков) Иса-хана. Грузины собрали все силы. В июне 1624 г. при деревне Марабда (30 км к югу от Тбилиси) произошла битва, в которой с обеих сторон полегло более 23 тыс. воинов. Сражение грузины проиграли, но и победители так сильно пострадали (одними убитыми враг потерял более 14 тыс. воинов), что подавление восстания оказалось им не под силу.

В начавшейся междоусобной борьбе Саакадзе потерпел поражение (1626) и бежал в Турцию, где в 1629 г. был казнен за участие в политическом выступлении[3].

* * *

После бегства Саакадзе бо́льшая часть Кахетии и Картлии признала царем Теймураза, который после кратковременного подчинения Персии возобновил борьбу за освобождение Грузии от персидского владычества, совершая нападения на пограничные с Грузией владения шаха. Преемник Аббаса шах Сефи II направил большое войско в Грузию. Теймураз вновь бежал в Имеретию. Царем в Картлии шах поставил грузинского царевича Ростома, принявшего ислам. Правителем Кахетии был назначен Селим-хан.

Ростом, сохраняя верность шаху, стремился обуздать тавадов и усилить царскую власть. Он пытался опереться на азнауров и верхушку торгово-ремесленного населения Картлии.

Теймураз с помощью восставших против Ростома картлийских тавадов в 1636 г. опять вернулся в Кахетию, изгнав оттуда Селим-хана. С этого времени нити всех заговоров против Ростома ведут к Теймуразу. Картлийские тавады предполага́ли снова посадить Теймураза на престол. Теймура-

---

[1] *Вахушти.* Указ. соч., стр. 40—41; франц. перевод М. Броссе, стр. 53.

[2] Там же; см. также *С. Джикия.* Ибрагим Печеви (XVI—XVII) о Грузии.— «Известия Ин-та языка, истории и материальной культуры», кн. V—VI, Тбилиси, 1940, стр. 384—385 (на груз. яз.).

[3] *С. Джикия.* Известие (Цноба) о последних днях великого моурава (Саакадзе) в Турции.— «Известия Ин-та языка, истории и материальной культуры», т. XIII, Тбилиси, 1943, стр. 207—217 (на груз. яз.).

Арчил, царь Имеретии, и Николай Давидович, царь Кахетии. Гравюра из книги Н.-К. Витсена, изд. 1692 г.

раза поддерживали также имеретинский царь Георгий и владетельный князь Гурии. С своей стороны Ростом заключил союз с владетелем Мингрелии Леваном, бывшим вассалом царя Георгия.

В 1635 г. Теймураз снова отправил в Москву посольство с просьбой принять его в русское подданство и оказать военную помощь[1].

В ответ на эту просьбу в Грузию прибыло русское посольство князя Ф. Ф. Волконского и дьяка А. Хватова. После долгих переговоров Теймураз с сыном и высшими вассалами присягнули на верность русскому царю (1639)[2].

В 1639 г. Персия и Турция заключили мир и Теймураз лишился надежды на активную помощь со стороны Турции.

В 1648 г. Ростом при поддержке азербайджанских вассалов напал на Теймураза, разбил его и занял Кахетию. Теймураз опять бежал в Имеретию.

С этого времени до 1656 г. Ростом-хан управлял Картлией и Кахетией. В 1656 г. правителем Кахетии шах Аббас II назначил вновь Селим-хана.

Ростом ввел в государственном устройстве Картлии персидские институты, но он не упразднил и старых, грузинских. Со временем те и другие слились, сохранив в большей части новые, персидские названия.

---

[1] «Материалы», стр. 108—120.

[2] Там же, стр. 303—328.

Наряду с этим персидская культура проникла в среду грузинского феодального общества. Персидский язык, манеры, утварь, одежда, кушанья вошли в обиход грузинских феодалов[1].

В 1658 г. умер бездетный Ростом-хан, и шах назначил правителем Картлии Вахтанга V, представителя боковой ветви картлийских Багратидов. Из Исфагани Вахтанг вернулся мусульманином под именем Шах-Наваз-хана.

Внешнеполитическое положение Картлии при Вахтанге почти до конца его правления оставалось без изменений. Вахтанг старался не отступать от политической линии Ростома.

В конце 50-х годов Вахтанг воспользовался раздором, возникшим в имеретинском царском доме, и с согласия шаха занял страну. В Мингрелии он посадил правителем Левана III, сторонника Персии, а царем Имеретии — сына своего Арчила. По требованию Турции шах приказал вывести Арчила из Имеретии, вынудил его принять ислам и назначил его правителем Кахетии (1664).

* * *

Теймураз и после 1648 г. продолжал борьбу против Персии. Он старался привлечь на свою сторону правителя Мингрелии Левана и Ростома. С этой целью он приложил усилия помирить Левана с имеретинским царем, чтобы соединенными силами выступить против Ростома и Персии. Наряду с этим Теймураз активно поддерживал дипломатические шаги Русского государства в Закавказье. В 1651 г. при его деятельном участии имеретинский царь Александр со всеми своими феодалами присягнул на верность русскому государю[2]. Этот акт значительно укрепил картлийских и кахетинских сторонников Теймураза в борьбе с Персией.

Шах оставил без внимания повторное дипломатическое представление русского правительства (1650) о возвращении Кахетии Теймуразу и старался изгнать его из пределов Грузии. В 1652 г. Теймураз послал своего внука Ираклия в Москву в залог своей верности и просил у русского царя помощи войском, чтобы вернуть потерянное царство[3]. Не получив просимого, Теймураз в 1657 г. сам направился в Москву, так как находил момент подходящим, чтобы при «самой маленькой помощи» из Москвы осуществить свою мечту — изгнать персов из Грузии.

Но внешнеполитическое положение Русского государства — войны с Речью Посполитой (1654—1656) и Швецией (1656—1658), истощение казны — не позволило русскому правительству оказать военную помощь Теймуразу. Теймураз после захвата Имеретии Вахтангом в 1661 г. был

---

[1] *Бери Эгнаташвили.* Указ. соч., стр. 171, 181—182; *Вахушти.* Указ. соч., стр. 46; франц. перевод М. Броссе, стр. 66.

[2] «Посольство стольника Толочанова», стр. 189—195.

[3] «Переписка на иностранных языках грузинских царей с российскими государями от 1639 г. по 1770 г.», СПб., 1861, стр. LX—LXI.

вынужден отправиться к шаху, который заключил его в Астрабадскую крепость. В 1663 г. Теймураз, неутомимый борец за независимость Грузии, умер в неволе.

* * *

С назначением правителем Кахетии сына Вахтанга Арчила обе основные части Восточной Грузии фактически объединились. Отец с сыном повели согласованную политику, направленную к усилению государственной власти в стране. Поддержка христианства против мусульманства и расширение церковного землевладения должны были создать опору царской власти в борьбе со светскими феодалами и притязаниями мусульманской Персии. Наконец, принимались меры к восстановлению хозяйства Картлии и Кахетии путем привлечения крестьян на пустовавшие земли. Во всех этих мероприятиях Вахтанг и Арчил имели известный успех.

Цари официально исповедовали мусульманство, аккуратно платили дань и посылали дорогие подарки шаху, стараясь показать преданность шахскому престолу, но продолжали отнимать у тавадов вотчины, утвержденные за ними самим шахом, уничтожали угодных шаху тавадов, изгоняли из Кахетии туркмен. Все это ставило под подозрение и все остальные мероприятия этих грузинских царей.

В 1674 г. шах Сулейман, наконец, решил принять более жесткие меры против своих грузинских вассалов. Он послал саблю и грамоту внуку Теймураза Ираклию (Николаю), который с 1653 г. находился в Москве, а с 1661 г. не раз тщетно пытался силой и вопреки желаниям Персии занять престол Кахетии. Не получив от русского царя помощи войском, Ираклий все более склонялся к мысли отъехать к шаху. Получив в Астрахани шахскую грамоту, Ираклий без позволения русского правительства отправился в Кахетию.

Когда Ираклий поехал в Исфагань, Арчил бросил Кахетию и бежал в Имеретию.

Ираклию предложили принять мусульманство. Царевич отказался. Он надеялся при содействии русской дипломатии получить от шаха Кахетию, не переходя в ислам. Тогда в Кахетию назначили правителем некоего Бежан-хана, а Картлию после умершего в 1676 г. Вахтанга получил его сын Георгий (в мусульманстве Шах-Наваз-хан II), который пытался продолжать политику отца по укреплению царской власти в Картлии. Вопреки воле шаха он помог брату своему Арчилу занять Имеретию. Турецкие войска изгнали Арчила из Имеретии, и он уехал в Москву.

Попытка Георгия организовать выступление против Персии не удалась. Шах лишил его власти и в 1688 г. назначил царем Картлии Ираклия, принявшего к тому времени ислам. Георгий скрылся в Имеретию.

После назначения Ираклия, ганджинский беглербег (правитель) Абас-кули-хан должен был обеспечить ему помощь в борьбе с царем Геор-

гием. Опорой правителя Картлии служили кызылбашские гарнизоны крепостей Тбилиси, Гори, Сурами и др. Ираклий, воспитанный в Москве, хорошо усвоивший порядки Русского централизованного государства, стремился создать в Картлии более или менее твердую центральную власть. Доверие и помощь шаха казались ему достаточным средством, чтобы обуздать своеволие тавадов. Ираклий начал с того, что сместил сильнейших светских и церковных должностных лиц из феодалов. На место смещенных Ираклий выдвигал их же сородичей. Но и им Ираклий, как видно, не вполне доверял.

По словам Вахушти, Ираклий «был внимателен к мелким и унизитель великих»[1]. Основную свою опору Ираклий искал в грузинском дворянстве — азнаурах.

Попытки Ираклия усилить царскую власть в Картлии встретили сопротивление со стороны тавадов, и через каких-нибудь три года тавады призвали обратно в Картлию изгнанного ими же Георгия.

Почти семь лет продолжалась борьба между Георгием и Ираклием за власть в Картлии. В самом конце XVII в. шах назначил Георгия правителем этой области. Ираклий был отозван в Персию и назначен на должность куларагаса (начальника дворцовой гвардии). Он упросил шаха назначить правителем Кахетии царевича Давида, своего сына, который и правил страной с 1703 г.

Таким образом, вся политическая история Грузии XVII в. характеризуется непрерывной борьбой между Персией и Турцией за Закавказье, а также попытками отдельных грузинских деятелей отстоять независимость страны.

* * *

В течение всего XVII в. продолжались и крепли взаимоотношения Грузии и Русского государства. Кахетинский царь Теймураз, имеретинские цари Георгий, Александр и Арчил, владетели Мингрелии — Леван и Гурии — Мамия (Мануйло) обращались к русским царям с просьбой принять их земли в русское подданство и оказать им помощь в борьбе против Персии и Турции. В 1653 г. внук Теймураза Ираклий, будущий царь Картлии и Кахетии, прибыл в Москву и прожил в ней около 20 лет, получив воспитание при царском дворе. В 1658 г. приезжал в Москву сам царь Теймураз. Имеретинский царь Арчил с 1684 г. прочно связал свою судьбу с Русским государством и умер в России. Его дети остались на русской службе.

Русское правительство благожелательно относилось к представителям Грузии: защищало их интересы перед персидскими шахами, оказывало им материальную помощь, посылало в Грузию ремесленников и живописцев, но, занятое разрешением других внешнеполитических задач, связанных

[1] *Вахушти.* Указ. соч., стр. 60; франц. перевод М. Броссе, стр. 88.

с борьбой с Польшей, Швецией, Турцией и Крымом, не имело возможности оказывать военную помощь Грузии.

Неоднократно отправлялись в Грузию и русские посольства: в 1637—1640 гг. — князя Ф. Ф. Волконского и дьяка А. Хватова в Кахетию, в 1639—1640 гг. — Ф. В. Ельчина в Мингрелию, в 1641—1643 гг.— князя Е. Ф. Мышецкого в Кахетию, в 1650—1652 гг.— Н. М. Толочанова и дьяка А. Иевлева в Имеретию, в 1655 г. — В. С. Жидовинова и дьяка Ф. Порошина в Кахетию.

Вместе с тем закладывались основы прочных хозяйственных и культурных связей между Грузией и Русским государством. Не лишено интереса то обстоятельство, что первые книги на грузинском языке стали печататься в Москве.

* * *

В XVII в., когда Грузия была порабощена шахской Персией и султанской Турцией и народу угрожала опасность физического уничтожения, обострилась борьба за самое существование народа и сохранение созданных им материальных и культурных ценностей.

Патриотическая тема является господствующей в грузинской литературе XVII в. Это сказывается прежде всего в творчестве Иосифа Тбилели, написавшего историческую поэму «Дидмоуравиани», посвященную героической борьбе и трагической судьбе моурава Тбилиси Георгия Саакадзе. Патриотическая тема звучит и в лирических стихах царя Теймураза («Жалоба на жизнь» и др.).

В конце XVII в. в грузинской литературе намечаются реалистические черты. Это направление связано с именем царя Арчила II, писавшего стихи и поэмы исторического и дидактического содержания («Спор Теймураза с Руставели», «О нравах Грузии» и др.). Арчил боролся с персидским влиянием на грузинскую литературу, выступал против своих современников, увлекавшихся персидской слащавой поэзией.

В грузинской архитектуре XVII в. наблюдается продолжение старой архитектурной традиции, нашедшей выражение в кресто-купольных храмах из тесаного камня. В то же время можно отметить и некоторые новые черты. Это касается прежде всего строительного материала — в XVII в. широко употребляется кирпич, в чем некоторые историки видели проявление персидского влияния на грузинское зодчество. Но кирпич применялся в грузинской архитектуре еще до монгольского завоевания. Широкое распространение кирпича как строительного материала можно отметить только с середины XVI в. Наиболее известным памятником кирпичного зодчества XVII в. является Анчисхатская колокольня в Тбилиси, построенная в 1675 г.

Из гражданских сооружений этого времени сохранились лишь остатки дворцовой бани в Земочала.

В этих зданиях применяется стрельчатая арка, характерная для персидского искусства XVII в. Но в целом, несмотря на заимствование отдель-

ных архитектурных форм, грузинское зодчество XVII в., поскольку об этом позволяют судить сохранившиеся культовые здания, следует традиции грузинского искусства, как в решении общих композиционных задач, так и в оформлении отдельных деталей[1].

В грузинской живописи XVII в. наблюдается упадок. В красочной гамме преобладают темные тона: серо-коричневые и черновато-синие. Рисунок схематичен и сух. Композиция фигур неумела. Эти черты заметны и в монументальной и в станковой живописи. К наиболее интересным памятникам церковной монументальной живописи XVII в. следует отнести росписи главного храма Гелатского монастыря в Западной Грузии. В качестве примера можно назвать изображения «Благовещения» и «Вход в Иерусалим» в этом храме[2].

В кафедральном соборе Свети-Цховели (в Мцхети) среди росписи стен выделяются изображения трех женщин в грузинских костюмах XVII в., танцующих грузинский танец «самайя». В росписи Георгиевского монастыря (в Кахетии) принимали участие русские иконописцы, присланные из Москвы по просьбе кахетинских царей. Русские мастера написали как стенное письмо, так и иконостас. Все эти изображения имеют характерные черты, свойственные русской живописи XVII в.[3].

Почти единственным памятником светской монументальной живописи XVII в. является наружная роспись северной стены церкви в селении Лаштхвери в Верхней Сванетии. В этой росписи дано изображение борьбы мифического героя Амирана (грузинского Прометея) с драконом и дивом[4].

Значительное место в грузинском искусстве XVII в. занимает иллюстрация рукописей как духовного, так и светского содержания. В грузинских миниатюрах этого века прочно сохраняются традиции древнего грузинского искусства, в то же время можно отметить некоторые черты западного и иранского влияния. Западное влияние ярче всего сказывается в изображении воинов, батальных сцен, крепостных сооружений. Персидское влияние прослеживается в композициях миниатюр, изображении деревьев, деталей костюмов.

Наиболее распространенным видом церковных рукописей, иллюстрированных миниатюрами, являются так называемые «гулани» (сборники церковных чтений на каждый день), жития святых и др. Светские миниатюры сохранились как иллюстрации к поэме Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Иллюстрации к этой поэме тесно связаны с историей грузинского искусства и отражают различные его этапы. Рукописи поэмы, относящиеся к XVII в., представляют три типа миниатюр. Одни рукописи имеют только орнамент — геометрический и стилизованний расти-

---

[1] *Ш. Я. Амиранашвили.* История грузинского искусства, т. I, М., 1950, стр. 265—268.

[2] Там же, табл. 179—180.

[3] Там же, стр. 272—275. О работе русских мастеров в Грузии см. главу V, § 6 настоящего издания.

[4] *Ш. Я. Амиранашвили.* Указ. соч., стр. 275—276.

тельный. Такова, например, рукопись первой половины XVII в., хранящаяся в Музее Грузии в Тбилиси. Другой тип представлен рукописью 1646 г. (хранится там же), иллюстрированной писцом и миниатюристом имеретинского царя Александра, Мамукой Таыкарашвили. Характерной особенностью миниатюр этой рукописи является обилие бытовых деталей, взятых художником из современной ему грузинской жизни. По стилю исполнения миниатюры свободны от всяких иноземных влияний. Третья группа миниатюр, представленная рукописями середины XVII в., имеет определенные черты персидского влияния.

3
АРМЕНИЯ

Армянские феодалы, духовенство и купечество после персидского завоевания открыто перешли на сторону шаха. В борьбе с турками войска шаха Аббаса I совершенно опустошили долину Аракса. Десятки тысяч армян и азербайджанцев по приказу шаха должны были оставить насиженные места и переселиться в Персию. Армянские историки это переселение называют «великим выселением» («великий сургун»).

Основной мотив выселения заключался в том, что шах стремился ослабить завоеванные области, подорвать экономику городов и гуще заселить центральные области Персии. Армянский народ был оттеснен в высокогорные районы.

В Армении XVII в. основной отраслью производства было сельское хозяйство. Араратская долина была очень плодородна, и там хорошо росли зерновые хлеба. Мягкий климат позволял заниматься в широких масштабах разведением плодовых деревьев, виноградников, риса и хлопка. Армения— засушливый район, и потому здесь применялось искусственное орошение. Основным орудием обработки почвы была соха. Встречается упоминание и о тяжелых плугах, требовавших от пяти до семи пар волов или буйволов. Удобрение почти не применялось из-за недостатка скота у крестьян. По свидетельству армянского историка XVII в. Захарии Саркавага (диакона), продукты земледелия и скотоводства вывозились из Армении в соседние страны[1].

Различалось четыре основных вида феодального землевладения — земли государственные, лично принадлежавшие шаху, церковные (вакуфные) и частновладельческие.

Положение крестьян и повинности, которые они несли, были примерно одинаковыми.

---

[1] «Mémoires historiques sur les Sofis, par le diacre Zakaria».— «Collection d'historiens arméniens», traduits par M. Brosset, t. II, SPb., 1876 (в дальнейшем — «Collection», t. II), p. 93. Имеется несколько ее переизданий на армянском языке; последнее (3-е) издание в Вагаршапате в 1896 г.

В армянской деревне существовала сельская община, ведавшая распределением земли и воды, а также повинностей. Луга и пастбища находились в общинном владении; пашни, садовые участки, усадьбы и оросительная вода распределялись между отдельными крестьянскими хозяйствами. Существовали и переделы, главным образом пахотных земель.

Крестьянин имел право продать свой надел, сад, дом и принадлежавшую ему долю оросительной воды, но лишь в пределах своей общины. Наблюдался и рост имущественного неравенства среди армянского крестьянства. Возможность продать и заложить свой участок приводила к концентрации земельных участков в руках наиболее обеспеченной крестьянской верхушки и к обезземелению части бедняков, которые были вынуждены работать в чужом хозяйстве из той или иной доли урожая.

Земли государственные, а отчасти и шахские, правительство раздавало кызылбашским и армянским феодалам на правах союргала и тиула, реже мюлька.

Союргал — собственно пожалование не земли, а повинностей, которые платило население в шахскую казну. Это пожалование имело наследственный характер и тем отличалось от тиула — пожалования повинностей за службу на время службы. Впрочем, встречались и пожизненные тиулы. Мюльк—наследственное частное землевладение. Иногда казенные земли жаловались и в мюльк.

Обычно при таких пожалованиях часть повинностей крестьяне продолжали нести в пользу государства, и лишь в редких случаях феодал получал полное освобождение своих земель от государственных повинностей[1].

Церковные учреждения — монастыри и епископские кафедры получали земли на правах мюлька и союргала.

Господствующий класс в Армении состоял из патриархально-феодальной знати кызылбашских племен, из потомков аристократии армянского происхождения и из духовенства — христианского (армянского) и мусульманского.

Патриархально-феодальная знать вела лишь скотоводческое хозяйство. Она получала значительный доход от податей, которые поступали с подчиненного населения.

В сефевидской Армении сохранялись остатки некогда многочисленной армянской феодальной знати, преимущественно на территории нынешнего Нагорного Карабаха и Зангезура с окружающими высокогорными районами. Армянское население находилось под властью своих меликов (князей); из них выделялись мелики Хачена-Асан-Джалаляны, резиденция которых была в селении Ванк. Здесь находился монастырь Гандзасар — местопребывание албанского католикоса (патриарха), должность

[1] Более подробно о феодальном землевладении в Армении и Азербайджане см. в следующем параграфе.

которого являлась наследственной в роде Асан-Джалалянов и который считался политическим и духовным главой меликов этой страны.

Все эти мелики имели еще подвассальных дворян — «паронтэров». Шахское правительство официально рассматривало меликов как назначенных сверху правителей областей. На самом же деле мелики — местные феодалы, управлявшие своими территориями наследственно, но каждый раз утверждавшиеся шахом.

В пределах владений армянских меликов, также и духовенства сохранялись крепостнические отношения. Армянские монастыри вели крупное хозяйство с применением труда крепостных крестьян (монастыри Эчмиадзин, Гандзасар, Татев и др.). Они пользовались покровительством сефевидских шахов и местных правителей.

После того как пало последнее армянское государство в Киликийской Армении, престол армянского католикоса был перенесен в 1441 г. из Сиса в монастырь Эчмиадзин, который с этих пор сделался столицей «католикоса всех армян».

Через своих многочисленных агентов («гордзакал») и нунциев («нвирак») эчмиадзинский католикос поддерживал связь с зарубежными армянскими колониями Турции, Персии, Индии, Европы и т. д. Пожертвования и повинности крепостных крестьян обогащали Эчмиадзин и давали монастырю возможность широко развернуть хозяйственную деятельность[1].

* * *

Значительными городами Армении в XVII в. являлись Ереван, Карин (Эрзерум), Ван, Карс, Багеш, Себастия и др. Но в этих городах усиливался аграрный элемент, и они большей частью представляли собой крупные деревни.

Население городов состояло из ремесленников, купцов и ростовщиков. Но рядом с ними было немало обнищавших людей («фахла»), которые за низкую плату нанимались поденщиками и слугами у богатых купцов и ремесленников. Большинство жителей городов имело свои посевы, виноградники и фруктовые сады и мелкий и крупный рогатый скот. Нередко сельскохозяйственным трудом занимались и многочисленные поденщики.

Армянские города с давних времен являлись центрами развитого ремесла. Ремесленники были объединены в цехи, называвшиеся в Персии амкарствами, в Турции — эснафствами. Каждое ремесленное объединение имело свой устав и знамя. Ремесленники разделялись на три группы: мастера (варпет), подмастерья (каргах) и ученики (ашкерт). Подмастерье мог получить звание мастера только после того, как он овладел своим мастерством. Ученики, по окончании срока обучения, должны были еще проработать у своего мастера от 6 до 12 лет.

---

[1] *Б. М. Арутюнян.* Крупное монастырское хозяйство в Армении в XVII—XVIII вв. Ереван, 1940, Passim.

Три группы можно отметить и среди городского купечества. Первое место среди купцов занимали так называемые ходжи, ведшие транзитную оптовую торговлю. Далее шли оптовые торговцы, скупавшие товары на внутреннем рынке и перепродававшие их мелким торговцам-лавочникам. Лавочники — это третья категория городских торговых людей. В их руках находилась розничная торговля. Армянское купечество, особенно крупное, широко занималось и ростовщичеством.

Следует еще указать сарафов, или менял. При широком размахе персидской торговли в страну стекалось большое количество денег в монетах разных государств. Сарафы производили валютные операции с этими деньгами и наживали на обмене их большие состояния[1].

Торговля в сефевидской Персии находилась преимущественно в руках армянских ходжей, пользовавшихся покровительством персидских шахов, которые вели борьбу с Турцией за монополизацию торговли шелком с Западной Европой и Россией.

Основными предметами торговли были шелк, коконы, шелковые изделия, ковры, краски, пряности и драгоценные камни Индии, Аравии и Персии.

Из России провозили в Армению меха, сукно, кожи и другие товары; из Западной Европы — венецианские и флорентинские сукна, предметы роскоши, мебель, посуду, зеркала и т. д.

По свидетельству Захарии Саркавага, из Армении вывозились как сельскохозяйственное сырье,так и некоторые изделия ремесленной промышленности.

Караваны купцов, прибывавших из Тавриза, закупали в Ереване и его районе рис, хлопок, растительное масло, оливки, воск, сыр, кожи сырые и выделанные[2].

Центром армянской торговли до 1603 г. являлся г. Джульфа и окрестные торговые местечки. Шах Аббас I, воспользовавшись войной с Турцией, эвакуировал население, а город сжег. Джульфинские купцы-армяне были поселены в предместье персидской столицы Исфагани. Это предместье стало называться Новой Джульфой. Джульфинцы сделались предметом особого внимания шаха Аббаса I.

Новая Джульфа быстро выросла в большой город, где жили армянские купцы-оптовики, имевшие обширные торговые связи с Индией, Европой и особенно с Русским государством. В XVII в. Астрахань сделалась одним из крупных торговых центров, который через Дербенд и Шемаху был связан с Новой Джульфой. Русское правительство в течение всего XVII в. предоставляло армянским купцам большие привилегии и давало им дипломатические поручения[3].

[1] «История армянского народа», ч. I, под ред. Б. Н. Аракеляна и А. Р. Иоаннисяна, Ереван, 1951, стр. 231—233.

[2] «Collection», t. II, p. 93.

[3] «Армяно-русские отношения в XVII в.», сб. документов, Ереван, 1953, № 1—6, стр. 3—41.

Наиболее значительная из таких привилегий была предоставлена русским правительством армянской торговой компании, представители которой Степан Ромодамский и Григорий Лусиков подписали 31 мая 1667 г. соответствующий договор с русским правительством[1].

Договор 1667 г. давал крупные выгоды торговой компании, концентрировавшей в своих руках всю европейскую торговлю персидским шелком. Он был выгоден и русскому правительству, пользовавшемуся правом преимущественной покупки шелка и получавшему значительные доходы в форме таможенных пошлин.

* * *

При шахе Аббасе I власть Сефевидов надолго утвердилась в Закавказье. Восточное Закавказье получило новое административное деление на беглербегства (наместничества), из которых Ереванское беглербегство и Нахичеванское ханство охватывали большую часть армянских земель. В руках беглербегов была сосредоточена административная и военная власть.

Селения с азербайджанским или смешанным населением поручались в управление наибу, а чисто армянские селения — мелику[2].

Другая значительная часть Армении входила в состав Османской Турции. Турецкая Армения была разделена на военно-административные области — пашалыки. Каждый пашалык, или вилайет, в свою очередь делился на более мелкие единицы — санджаки.

Господствовавшие в этих вилайетах различные курдские и туркменские шейхи и беки могли безнаказанно чинить всевозможные злоупотребления и насилия над армянским населением. С другой стороны, постоянные войны между отдельными курдскими аширетами (кланами) и их восстания против центрального правительства имели своим следствием разорение и обезлюдение целых районов.

Все трудовое население как персидской, так и турецкой Армении было обложено тяжелыми налогами. Основная тяжесть этих повинностей ложилась на крестьянское оседлое население, называвшееся райя или райят.

Система налогового обложения базировалась исключительно на обычном праве, что открывало широкий простор для произвола местных чиновников, жадность которых не знала предела. Обычно сбор налогов казна отдавала на откуп пашам, ханам и различным дельцам и ростовщикам.

Когда правительство жаловало повинности с той или иной территории какому-либо феодалу или чиновнику на правах тиула, такой феодал очень часто предпочитал получить стоимость этих повинностей у ростовщика, передоверив последнему право сбора повинностей.

---

[1] СГГиД, ч. 4, IV, М., 1826, № 56, стр. 204—208; «Армяно-русские отношения в XVII в.», № 10, стр. 44—64. Более подробно о договоре с армянской торговой компанией см. главу I, § 4 настоящего издания.

[2] Этих меликов не следует смешивать с наследственными владетелями — меликами Карабаха и Сюнии.

Основным видом феодальной ренты как в персидской, так и в Турецкой Армении была продуктовая. Главным налогом была «бахра», представлявшая собой долю с урожая. Размер бахры колебался от трети до половины урожая, а у арендаторов-издольщиков достигал и двух третей урожая.

Кочевые скотоводческие племена отдавали из каждых ста голов скота одну («чоп-пули»).

Существовало множество других податей и сборов с различных статей дохода. Сельское население обязано было содержать хана и его чиновников.

В сефевидском государстве в каждом беглербегстве господствовала своя налоговая система, но всюду христианское население было обложено особой подушной податью — «джизья», размеры которой колебались от 2 до 4 руб. на русские деньги того времени. Выявление налогоплательщиков сопровождалось большими жестокостями и пытками[1].

Большим бедствием для народа являлись всякого рода «добровольные» подношения хану и его чиновникам и меликам — «пешкеши», ставшие обязательными, и многочисленные штрафы, взимаемые по всякому поводу. Характерно, что из общей суммы доходов Ереванского беглербегства в XVII в. треть составляли именно пешкеши и штрафы. Армянский историк XVII в. Аракел Тавризский рисует яркие картины разорения крестьянского хозяйства от непосильных шахских налогов[2].

Значительны были и натуральные повинности. Армянские крестьяне, как и все крестьянское население Персии и Турции, отбывали натуральные повинности кор и бекар. Кор — барщина, работы в хозяйстве феодала. Если собственная запашка феодала была невелика и не требовала поголовного участия всех трудоспособных крестьян, то крестьяне, не участвовавшие в барщинных работах, должны были давать денежный выкуп как за себя, так и за свой рабочий скот. Бекар — государственная трудовая повинность, особенно во время войны, т. е. постройка укреплений, мостов, проведение дорог, устройство оросительных каналов и т. д.

Кроме всех этих платежей и работ, крестьянское население Армении несло еще одну тяжелую повинность: время от времени шах особыми указами обязывал податное население поставлять в его распоряжение юношей и девушек. Такие же наборы производились и в Турецкой Армении. Юноши обращались в ислам и зачислялись либо в янычары (в Турции), либо в корпус гулямов — шахских телохранителей (в Персии). Девушек отправляли в гаремы шаха и султана или раздавали в жены придворным, телохранителям шаха и вообще военным людям. Единственным способом избежать этой повинности для армянских девушек было раннее замужество[3].

---

[1] «История Захарии Саркавага», т. I, Вагаршапат, 1870, стр. 66—67 (на арм. яз.).

[2] «Livre d'histoires composé par le vartabied Arakel de Tauriz».— «Collection d'historiens arméniens», traduits par M. Brosset, t. I, SPb., 1874, p. 351—355.

[3] «Collection», t. II, p. 147—148; *И. П. Петрушевский.* Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX в. Л., 1949, стр. 293—294.

Все торговые люди — ремесленники и крестьяне, продававшие продукты своего труда, уплачивали таможенные пошлины с продажи и дорожные пошлины за перевозку своих товаров[1].

Христианское население Армении не пользовалось равными правами с мусульманами. Особенно это сказывалось в судебных делах. Тяжба христианина с мусульманином решалась всегда в пользу мусульманина.

* * *

Невыносимый гнет вызывал протесты со стороны трудящихся масс, выливавшиеся в большие повстанческие движения. В начале XVII в. большое движение началось среди крестьян Гандзасарского монастыря. Его возглавил бывший монах этого монастыря, известный под прозвищем Мехлу-вардапет или Мехлу-баба. Крестьяне, вооруженные дубинами и косами, громили монастыри. Движение Мехлу-баба было направлено главным образом против армянской церкви[2].

Такое же движение возникло в Новой Джульфе. Его основной движущей силой являлись ремесленники — подмастерья и ученики.

В Западной Армении большое участие приняли армянские крестьяне в восстании Абаза-паши (1622—1624), начавшемся в Эрзеруме и распространившемся во всех армянских областях.

В 1673 г. восстали армянские и азербайджанские крестьяне в Нахичеванском ханстве против ханов, чиновников и монастырей[3].

Тяжелые условия существования заставляли армянское население выселяться из пределов Армении.

Армяне-ремесленники, наряду с греками, играли преобладающую роль в турецкой кустарной промышленности. Из армянских эмигрантов выходили искусные мастера — ремесленники, объединенные в цехи (уснафы).

Армянское купечество, покинувшее родную страну, с давних пор обосновалось в Константинополе, Смирне и других малоазиатских городах. Здесь особенно рельефно выступало классовое разделение среди армян-эмигрантов. Благодаря своему богатству армянская торгово-ростовщическая буржуазия пользовалась большим влиянием в Турции[4].

* * *

Некоторое участие в движении за национальное освобождение принимало и армянское купечество. Социальное и политическое угнетение вызвало у армянских купцов и духовенства стремление заинтересовать запад-

---

[1] *И. П. Петрушевский.* Указ. соч., стр. 294.

[2] Более подробную характеристику движения Мехлу-баба см. в следующем § настоящей главы.

[3] Об этом движении см. также в следующем параграфе настоящей главы.

[4] «История Аракела вардапета Тавризского», Вагаршапат, 1896, стр. 338—339 (на арм. яз.).

ноевропейских политических деятелей в судьбе Армении и побудить их оказать активную помощь армянам в борьбе с Турцией и Персией.

Одновременно купечество и духовенство сделали попытку завязать соответствующие переговоры и с Русским государством. Прочные торговые связи армянской компании с русским правительством вызывали надежду на установление и политических связей. В 1672 г. армянский купец Григорий Лусиков вторично прибыл в Москву уже в качестве дипломатического представителя Персии с поручением от имени шаха вести переговоры с царем о создании русско-польско-персидской коалиции против Турции.

Католикос Яков послал царю Алексею Михайловичу секретное обращение с просьбой вступить в посредничество с шахом, чтобы последний облегчил тяжелое иго и положил конец притеснениям армян. Однако в этот период еще не назрели те условия, которые подготовили присоединение Восточной Армении к Русскому государству. В XVII в. связи армянского народа с русским поддерживались главным образом в области торгового обмена и культуры.

* * *

В культуре армянского народа в XVII в., как и в культуре всякого классового общества, следует различать элементы демократической культуры народных масс и господствующую культуру эксплуататорских классов.

Культура народных масс всего ярче сказалась в творчестве народных певцов — ашугов, отразивших тяжелое положение армянского народа под гнетом иноземных завоевателей и собственных феодалов и горячую надежду на лучшее будущее. Элементы демократической культуры нашли отражение и в архитектуре, и в живописи, и в народных мотивах орнамента — архитектурного и книжного. Сказались они и в борьбе за создание нового литературного языка на базе классического грабара (древнеармянского языка) и араратского диалекта армянского разговорного языка.

Школа находилась в руках духовенства. Господство кочевых племен и непрерывные войны за обладание Арменией в XV—XVI вв. привели к закрытию армянских монастырских школ. В первой четверти XVII в. вновь возникли школы при монастырях как в Восточной, так и в Западной Армении. Крупнейшее значение из них имели школа в Аранце, недалеко от Татевского монастыря, и школа около Багеша в Западной Армении. Эти школы явились рассадниками просвещения для всей Армении. Крупный центр просвещения представляла школа в Новой Джульфе, где в 1639 г. была открыта и армянская типография. В XVII в. армянские типографии существовали также во Львове, Милане, Риме, Венеции, Ливорно и Амстердаме. Во всех этих типографиях было напечатано 130 книг разного содержания.

В XVII в. в Армении можно отметить интерес к естественным и точным наукам, хотя занятия ими и преследовались армянскими церковниками. Известен математик-самоучка Аветик Тигранокертский, который в конце

XVII в. написал книгу по математике «Девтер гирк» («Книга записей»). В этой работе значительное место отведено и вопросам астрономии.

От XVII в. сохранилось до 170 рукописных лечебников, из которых 15 составлено в этом столетии. Повидимому, эти лечебники представляют собой обобщение опыта народной медицины[1].

В XVII в. появилось несколько работ по истории, содержащих ценный материал для изучения феодальных отношений в Армении и Азербайджане. Крупнейшими из армянских историков XVII в. были Аракел Тавризский (1595—1669) и Захария Саркаваг (1626—1699).

Аракел бо́льшую часть своей жизни провел в Эчмиадзинском монастыре. Около 1650 г. он, по поручению католикоса, начал составлять историю своего времени и закончил ее в 1662 г. Труд Аракела «Гирк пармутянц» («Книга историй») охватывает период истории Кавказской Армении и Нахичеванского края с 1601 по 1662 г. Наряду с этим Аракел делает обширные экскурсы в область истории Южной Армении и армянских колоний, расположенных как в Азии, так и в Европе.

Представитель армянского духовенства, Аракел оценивает события истории Армении с церковно-феодальной точки зрения. Тем не менее автор сообщает много фактов, характеризующих экономические и социальные отношения в Армении XVII в. Противник турецкого господства в Закавказье, Аракел указывает, какие группы армянских феодалов, духовенства и купечества держались персидской ориентации. Да и сам Аракел предпочитает персидское господство турецкому, хотя к шаху Аббасу I он относится отрицательно. Очень ценны сведения Аракела о налоговой системе Кызылбашского государства и о том невыносимом гнете, какой испытывало армянское население под властью этого государства. Много данных у Аракела и о движении джелали, хотя он враждебен этому движению. С большими подробностями Аракел рассказывает о взаимоотношениях эчмиадзинского католикоса с шахским правительством. Аракел критически использует как те сведения, которые он слышал от других, так и те, которые он собрал сам. В целом труд Аракела является ценнейшим источником по истории Армении XVII в. Книга Аракела была напечатана по-армянски в Амстердаме в 1669 г. еще при жизни автора[2].

Захария Саркаваг по происхождению — крестьянин деревни Канакер Ереванской области. Духовной карьеры Захария не сделал. Он не поднялся выше скромного сана диакона (саркавага).

Захария Саркаваг составил книгу «Патмутюн» («Историю»), состоящую из двух частей. Труд Захарии представляет собой хронику событий из истории Армении со времени ее завоевания шахом Аббасом I до 1699 г. В отличие от Аракела, Захария совершенно некритически относится к излагаемому материалу. Материал подан без системы. Рассказ о событиях

---

[1] «История армянского народа», ч. I, стр. 273, 277—278.

[2] «Collection», t. I, pp. 267—608.

Александр преследует Дария. Миниатюра начала XVII в. из «Истории Александра Македонского». Художник Акоп Джугаеци.

Матенадаран в Ереване

постоянно прерывается отступлениями порой анекдотического порядка. Захария, как и Аракел, стоит на церковно-феодальной точке зрения, но Захария принимал близко к сердцу интересы крестьянства и в своей хронике дает яркие картины угнетения крестьян персидскими завоевателями. С большими подробностями он описывает и сектантско-крестьянское движение, во главе которого стоял Мехлу-баба. Острие этого движения было направлено против армянского духовенства, и Захария относится к этому движению отрицательно, но его подробные сведения дают возможность раскрыть подлинный антифеодальный характер движения[1].

Мирное время, наступившее в Армении после 1639 г., ознаменовалось некоторым оживлением и в области литературы, главным образом поэзии. Наиболее крупным поэтом Армении XVII в. является Нагаш Овнатан (1661—1722). Он был лирическим поэтом и одновременно художником.

Социальные мотивы творчества Нагаша Овнатана особенно ярко сказываются в его сатирических песнях. В них он высмеивает сельское духовенство и мелких торговцев-коробейников.

В XVII в. происходит частичное возрождение архитектуры. Восстанавливались разрушенные города, монастыри, мосты, караван-сараи и другие здания. Среди архитектурных памятников этой эпохи наиболее крупными являются храмы Могни и Эчмиадзин, которые носят печать упадка и эклектизма.

Преобладающий тип жилых построек в это время — здания из нетесаного камня, но с художественной отделкой порталов, балконов и внутренних частей.

Новый расцвет переживала живопись. Миниатюристы украшали рукописи миниатюрами, а художники расписывали стены храмов и ханских дворцов. Живописью украшались дома и новоджульфинских купцов. Из армянских художников XVII в. большой популярностью пользовался во всей Персии художник Минас. В Новой Джульфе работал также художник Акопджан.

В самой Армении были широко известны художник и поэт Нагаш Овнатан и художник и философ Стефан Львовский, которым принадлежит стенная роспись Эчмиадзинского главного храма.

Нередко армянские художники покидали родину и искали счастья в других странах, в частности в Русском государстве. В 1667 г. был принят на службу в московскую Оружейную палату живописец армянин Иван (Богдан) Салтанов. Крупный художник, Иван Салтанов навсегда связал свою судьбу с новой родиной и имел многочисленных учеников. Некоторые из его учеников, например К. И. Золотарев, выросли в крупных мастеров живописи[2].

---

[1] «Collection», t. II, pp. 1—154; *И. П. Петрушевский.* Указ. соч., стр. 48—51.

[2] *Е. М. Тальман.* Ремесленное ученичество Москвы в XVII в.— «Исторические записки», № 27, стр. 91—92.

Большое развитие получила в XVII в. народная музыка. Для записи народных песен в это время употреблялись армянские ноты — хазы.

Существовал в Армении и народный театр. Бродячие труппы и актеры-одиночки выступали на улицах и площадях армянских городов[1].

4
АЗЕРБАЙДЖАН

Как и в XVI в., основным занятием большинства населения Азербайджана было сельское хозяйство — земледелие и кочевое скотоводство.

В производственных отношениях в Азербайджане XVII в. и при владычестве кызылбашей сохранялись те же специфические черты, какие были характерны для более раннего периода: устойчивость сельской общины, обычно подневольной и зависимой от феодала или казны, применение ирригации в земледелии и садоводстве, слабое развитие или полное отсутствие собственного (господского) хозяйства у феодалов. Как и при монголах, в среде кочевых племен сохранялись крайне медленно разлагавшиеся полупатриархальные отношения.

И. В. Сталин назвал общественный строй Азербайджана, даже начала XX в., патриархально-феодальным[2]. Кочевая (точнее, полукочевая) знать, наделенная землями с оседлым земледельческим населением, попрежнему составляла видную прослойку класса феодалов. Эта знать эксплуатировала преимущественно подвластных ей оседлых крестьян-земледельцев, взимая с них ренту, больше всего продуктовую. Но сами кочевые феодалы не жили в земледельческих селениях и не заводили там собственного хозяйства, нередко продолжая летом кочевать со своими племенами (иль, эль). Другие прослойки класса феодалов состояли из высшей бюрократии, мусульманского (шиитского) и отчасти христианского духовенства.

Существовало четыре вида феодального землевладения: 1) земли казны — дивани, 2) собственные домены шахской фамилии — хассэ[3], 3) земли религиозных учреждений — вакуф, 4) частное землевладение — мюльк. Часть казенных и шахских земель передавалась феодалам на разных условиях: тиула, союргала, мюлька и вакуфа.

Тиулы жаловались на разные сроки или пожизненно; некоторые тиулы были присвоены определенным должностям. Известны два вида тиула: собственно тиул, когда владелец тиула — тиулдар жил и хозяйничал на пожалованной территории, лично взимая ренту с подвластных крестьян,

---

[1] Сведения о культуре армянского народа в XVII в. в основном заимствованы из «Истории армянского народа», ч. I, стр. 273—281.

[2] См. *И. В. Сталин.* Соч., т. 5, стр. 25.

[3] Об управлении землями первых двух категорий подробно рассказывает историк XVI—XVII вв. Мухаммед Тахир Вахид. См. рукопись Госуд. публ. б-ки, им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, каталог Дорна, № 303, ч. 2, лл. 273б—274а (перс. текст).

и хамэсалэ (перс. буквально «всегоднее»), когда жаловалось только право на получение определенной доли доходов с известной земли, причем пожалованное лицо получало этот доход через чиновников финансового ведомства.

Союргал, известный со второй половины XIV в., был наследственным леном. Шахи из династии Сефевидов старались жаловать в союргал преимущественно небольшие территории, а более крупные утверждать за их владельцами на правах тиула. Владелец союргала был обязан в военное время поставлять войско с пожалованной ему территории. Он пользовался правом налогового и административного иммунитета, взимая с населения все государственные подати в свою пользу. Как видно из грамот шахов на имя шейха мазара (мавзолея) Биби-Эйбат близ Баку, это была общая привилегия для всех союргальных земель[1].

Термин «мюльк» встречается в документах в трояком значении: 1. Всякого недвижимого имущества, также и крестьянского (усадьба, виноградник, сад, мельница и т. д.). 2. Населенного имения, принадлежавшего частному лицу без обязательства нести службу государству. Мюльк, как населенное имение, могло перейти во владение мюлькдара путем шахского пожалования, покупки и коммендации со стороны крестьян. В отличие от тиула и союргала, мюльк мог быть свободно продан, передан в другие руки или завещан по наследству. 3. В значении ренты, вносимой крестьянами имения (мюлька) его владельцу — мюлькдару. Мюльк как рента составлял от 10 до 20% валового урожая крестьян, сидевших на земле мюлькдара, если последний не получал от шаха права взимать в свою пользу также и государственные доходы. Мюльком могла быть не только земля, но и вода: если оросительный канал был сооружен на средства частного лица — феодала, он становился его мюльком, и мюлькдар мог взимать в свою пользу ренту со всех крестьян, пользовавшихся водой из данного канала.

Основное различие между мюльком, с одной стороны, и тиулом и союргалом —с другой, заключалось в том, что первый был частным владением безусловным, вторые же — обусловленным службой государству.

Вакуфных имуществ в Азербайджане было много. Ими могли быть населенные и ненаселенные земли, пастбища, сады, виноградники, мельницы, ремесленные мастерские и лавки в городах. Самым богатым считался вакуф погребальной мечети шейха Сефи-ад-дина Ардебильского в г. Ардебиле. Земли этого вакуфа в большей своей части были заняты арендаторами-издольщиками[2]. Богатства вакуфа составлялись из пожертвований

---

[1] *N. Khanykov.* Lettre de M. Khanykov à M. Dorn précédée d'un rapport de cet Académicien.— «Melanges Asiatiques», 1857, t. III, livraison I, pp. 71—74 (перс. текст указа шаха Хусейна 1113 г. хиждры — 1701 г. н. э.); Рукописный отдел ИВАН, из архива № 4/584/8, док. № 1, 7.

[2] *Хусейн ибн шейх Абдал Захиди*, шейх. Сильсилят-ан-насаб-и Сефевийэ. Перс. рукопись Ленингр. публ. б-ки, каталог Ханыкова, № 92, лл. 174—179; *Я. Я. Стрейс.* Три путешествия, М., 1935, стр. 293—294.

шахов и феодалов. Крестьяне, сидевшие на землях этого вакуфа, доставляли в ардебильское святилище в огромном количестве зерно, рис, мясо, масло, овощи, фрукты, мед и т. п.

Шахи жаловали вакуфы и армянским христианским монастырям. Гандзасарский монастырь в Нагорном Карабахе, служивший резиденцией католикоса албанского — главы армянской церкви в Северном Азербайджане, был одним из крупнейших землевладельцев страны. Вакуфные имущества не могли быть проданы или заложены.

Все представители класса феодалов были лично освобождены от податей и повинностей. Податными сословиями считались горожане, если они не были освобождены от податей шахскими грамотами, и крестьяне.

Крестьянская масса делилась прежде всего на кочевников — илят, элят (буквально «племена») и земледельцев — райят. Первые обязаны были служить в шахском войске, из них составлялись феодальные ополчения, подати и повинности их были гораздо меньшего размера, нежели с райятов. Процесс оседания кочевников на землю происходил очень медленно ввиду недостатка орошенных земель. Кроме того, положение кочевника было более легким по сравнению с райятом; поэтому на оседлость переходили немногие и притом наиболее бедные кочевники, лишившиеся скота.

Юридически райяты не считались крепостными. Но в действительности формы их зависимости и повинности были настолько тяжелы, что положение их приближалось к положению крепостных. В купчих грамотах феодального Азербайджана в отличие от Грузии, никогда не говорится о продаже крестьян, а только о продаже земли.

В азербайджанской деревне сохранялась сельская община — джамаат. Пахотная и пастбищная земля считалась общим имуществом всех крестьян. Существовали и переделы земли. Усадьбы же, сады и виноградники находились в частном владении райятов. Но без согласия общины и мюлькдара райят не мог продать усадьбу или сад ни односельчанину, ни выходцу из другого селения. Община была зависимой. Сельские старосты — кедхуды выбирались общиной, но утверждались в своем звании шахскими правителями областей, взимавшими с них за это особый сбор[1]. Шахские чиновники и феодалы стремились превратить старост в свою агентуру в деревне, возлагая на них функции раскладки и сбора податей[2].

Райяты уплачивали прежде всего ренту-налог (мал-у-джихат), вносившуюся, в зависимости от категории земли, то целиком в диван (казну), то целиком частному владельцу, то делившуюся между диваном и владельцем в определенной пропорции.

---

[1] Гос. хранилище Армянской ССР «Матенадаран» в Ереване. Персидские официальные документы XVI—XVIII вв. Эчмиадзинского архива Армянской ССР, № 3/49.

[2] Mémoires historiques sur les Sofis par le diacre Zakaria.— «Collection d'historiens arméniens», traduits par M. Brosset (в дальнейшем — «Collection») t., II, SPb., 1876, p. 60.

Форма ренты была смешанная; налоги с крестьян в наибольшей своей части собирались продуктами: пшеницей, ячменем, рисом, шелком, шерстью, маслом, сыром и т. д. Размер ренты-налога составлял в разных районах 20—30% валового урожая. Кроме того, крестьяне платили разные дополнительные сборы: за пастьбу скота, с садов, «праздничные приношения» и т. д. Барщинные работы — бигар — в пользу землевладельца занимали у райятов три-шесть дней в году, так как размеры господских хозяйств были очень невелики. Чрезвычайно тяжелы для райятов были различные натуральные повинности в пользу государства, также обозначавшиеся термином «бигар»: сооружение и ремонт крепостей, прокладка дорог и т. д.

Одной из самых обременительных повинностей считалась постойная — коналга. Райят обязан был предоставлять как своему землевладельцу, так и всем проезжим чиновникам, военным и знатным людям с их свитой помещение, продовольствие и корм для лошадей[1]. Столь же тяжелой была и подводная повинность.

Как и в Армении, время от времени особые шахские указы обязывали население из податных сословий поставлять красивых юношей для шахской гвардии и девушек для гаремов.

В 90-х годах XVII в., по сообщению Захарии Саркавага, в Армении и Азербайджане был объявлен сбор 7 тыс. девушек, предназначенных для раздачи в жены 7 тыс. узбеков, перешедших на службу к персидскому шаху Хусейну. Шахские чиновники отбирали только самых красивых девушек, но дочерей зажиточных родителей отпускали домой за взятки, а дочерей бедняков отправляли по назначению[2].

* * *

В Азербайджане было немало торговых городов, которые одновременно были центрами ремесленной промышленности. Можно назвать несколько городов с значительным населением: Шемаха — 5 тыс. домов (до 25 тыс. жителей), Шеки — 3 тыс. домов (до 15 тыс. жителей) и др. В городах, в частности в Шемахе, была развита ткацкая и прядильная промышленность — шелковая и хлопчатобумажная. Ремесленники были объединены в цехи. В Баку и его окрестностях добывали нефть. В 80-х годах XVII в. город был невелик и находился уже в состоянии упадка.

Е. Кемпфер, секретарь шведского посольства в Персию в 60-х годах XVII в., видел нефтяные колодцы Апшерона и дал довольно подробное описание их. Как и раньше, здесь различали два сорта нефти: «белую», употреблявшуюся почти исключительно при изготовлении политуры, и «черную», более темную, густую и непрозрачную; ее употребляли исключительно для освещения. Колодцев, по словам Кемпфера, было множество, но далеко не все разрабатывались. «Глубиной они бывают с 30 и более (круглым счетом говорят 40) локтей, не потому, что жилы идут на такой

---

[1] *А. Олеарий.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906, стр. 468—469, 478—479.

[2] «Collection», t. II, pp. 147—148.

глубине, а потому, что делается выемка глубже их, чтобы жидкость, просачиваясь ночью, могла в ней задержаться, пока с наступлением нового дня ее не извлекут рабочие». Нефть вычерпывалась ручным способом или при помощи незатейливого ворота, приводимого в движение двумя лошадьми. При добыче нефти, повидимому, применялся труд крепостных.

Ежедневно нефть вывозилась с промыслов на 80 подводах, следовательно, добывалось до двух тысяч пудов в день. Нефтяные колодцы в большинстве принадлежали шахской казне. Казна получала с нефтяных колодцев до 7 тыс. туманов (15 тыс. руб.) чистого годового дохода. С места добычи нефть вывозилась в Баку, Шемаху и окрестные страны, из Баку ее везли морем в прикаспийские области Персии, Узбекистана, в Дагестан и «Черкасию» (Северный Кавказ)[1].

Внутренняя торговля Азербайджана была слаба, но транзитная была достаточно развита, так как через Азербайджан проходили важные торговые пути. Волго-Каспийский путь связывал Азербайджан с Русским государством. Одним из главных узлов караванных путей была Шемаха. Через нее проходили караваны из Индии в Сирию и Константинополь и во внутренние районы Персии[2].

В азербайджанских городах торговали шелком, пестрыми бумажными тканями, серебряной и золотой парчой, луками, стрелами, саблями по недорогим ценам. Русские купцы останавливались в Шемахе в шахском караван-сарае; они торговали оловом, медью, юхотным товаром и соболями. Лезгинские и другие дагестанские торговцы останавливались в лезгинском караван-сарае; они торговали лошадьми и рабами. Работорговля была, повидимому, значительна. По словам Стрейса, на невольничий рынок однажды вывели до 500 рабов, среди которых были поляки, русские, грузины и черкесы[3].

Главным предметом вывоза был шелк-сырец. Кроме Шемахи, им торговали в городах Ареш, Шеки, Ганджа и др.

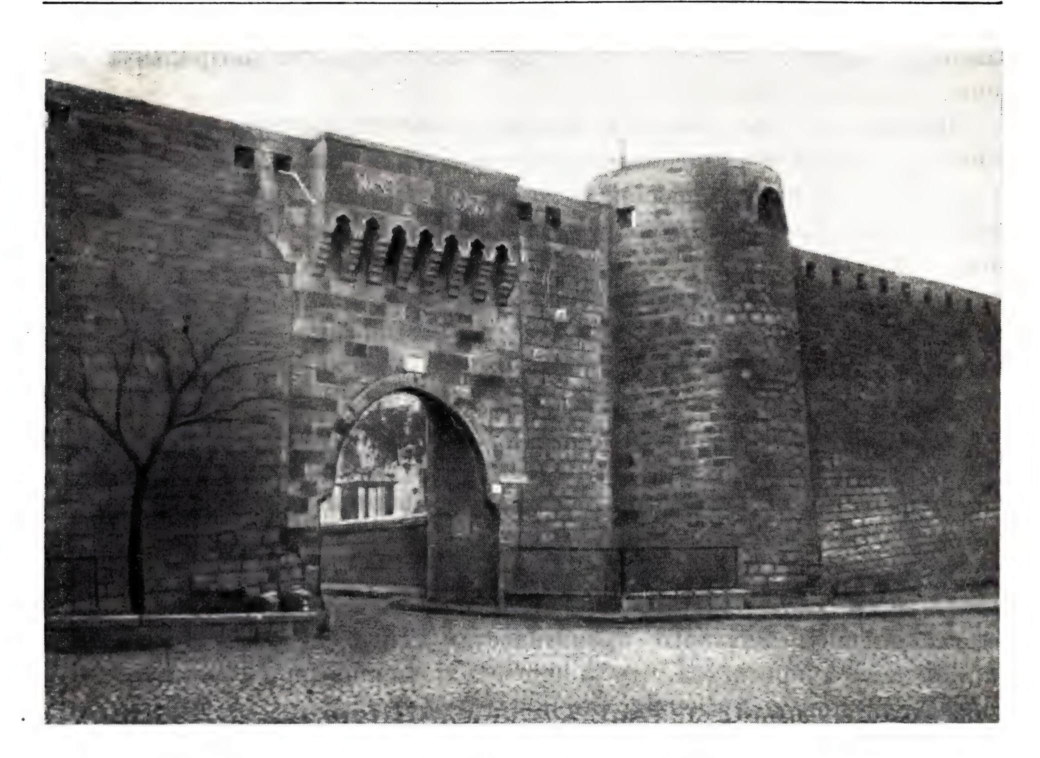
Города Северного Азербайджана находились под властью наместников Сефевидского шаха и местных владетельных феодалов — ханов, султанов и меликов, официально считавшихся также шахскими чиновниками. Самоуправление существовало лишь в рамках сословных групп: были старшины купцов, главные мастера ремесленных цехов. Купцы нередко играли роль контрагентов шаха и крупных феодалов Азербайджана, принимавших участие в торговых операциях, особенно во внешней торговле. Известно, что шахская казна принимала большое участие в торговле с Русским государством. Из рассказа Арсения Суханова, русского монаха, проезжавшего в середине XVII в. через Азербайджан, видно, что беглербег

---

[1] В настоящей работе использовано извлечение из книги Кемпфера — латинский текст и перевод, подготовленные к печати С. А. Аннинским, пагинация рукописи не приводится.

[2] *J. B. Tavernier*. Les six voyages de J. B. Tavernier en Perse, t. I, Paris, 1676, p. 342.

[3] *Я. Я. Стрейс*. Указ. соч., стр. 274.

Ворота Шах-Аббаса в Баку, XVII в.

ширванский (г. Баку) был заинтересован в сохранении нормальных торговых сношений с Русским государством и даже отправлял послов от себя в Астрахань и Москву[1].

Начиная с последней четверти XVII в. азербайджанские города стали испытывать влияние перемещения главных путей европейско-азиатской торговли и в связи с этим сокращения транзита через страны Закавказья.

* * *

После завоевания Азербайджана шах Аббас I принял суровые меры по отношению к враждебным Сефевидскому государству элементам. По словам Искандера Мунши, здесь были произведены массовые казни[2]. Аббас не доверял местной знати и при малейшем подозрении истреблял ее представителей[3].

Шах Аббас I поощрял насаждение в Азербайджане новой знати из кызылбашских военных и гражданских служилых людей и жаловал им земли.

Политика массовых выселений продолжалась. Из Азербайджана были выселены сотни тысяч жителей как христиан-армян, так и мусульман-

[1] *А. Суханов.* Проскинитарий.— «Палестинский сборник», вып. 21, СПб., 1898, стр. 114—116 и сл.

[2] *Искандер Мунши,* стр. 622 и сл.

[3] Там же, стр. 573—576.

азербайджанцев. Обычно их выселяли в Мазендеран или центральную Персию, в район Исфахана.

Шах Аббас I преследовал суннитов и насаждал шиизм в Азербайджане. Он видел в этом не религиозный, а политический смысл: сунниты, которых было много в северо-западной части Азербайджана, подозревались в туркофильстве. Преследование суннитов прекратилось только при преемниках Аббаса I.

Все христианское население обязано было платить особую подать — джизья, и его положение порой было невыносимо тяжело. Епископы и монастыри часто освобождались от нее шахскими указами; нередко освобождались они и от всех видов податей[1]. Мало того, иногда шах или отдельные кызылбашские ханы сами выступали в роли основателей армянских монастырей и щедро одаривали их[2]. Такая политика Сефевидов вызывалась двумя причинами: 1) тесными связями Сефевидов с армянским крупным купечеством, занимавшимся торговыми операциями со странами Запада, Русским государством и Турцией, нередко по поручению шаха и в свою очередь связанным с армянским духовенством, и 2) стремлением шахского правительства использовать влияние высшего армянского духовенства, чтобы держать в повиновении массу армянского населения как в Армении, так и в Азербайджане.

Связи Сефевидов с крупным купечеством, в частности азербайджанским и армянским, державшим в своих руках караванную торговлю, в первой половине XVII в. были довольно прочны. Шахское правительство само выступало в роли организатора внешней караванной торговли, давая купцам средства, а купцы чаще всего играли роль его контрагентов и нередко дипломатических агентов. Заинтересованность шахской власти в доходах от караванной торговли побуждала Аббаса I дать ряду азербайджанских городов привилегию налогового иммунитета — маафи[3].

Долгий период мира дал возможность Азербайджану в XVII в. несколько оправиться от опустошений и погромов XVI — начала XVII в.[4]. Что же касается экономической политики Сефевидов, то она выражалась в покровительстве лишь привилегированным компаниям крупнейших купцов, связанных с шахским двором и заграничной торговлей. Привилегированные купцы получали от шаха права монопольной торговли с заграницей, освобождение от податей и другие льготы. Остальное же купечество Азербайджана сильно страдало от произвола и жадности шахских чиновников и феодалов, высоких налогов и особенно дорожных пошлин на многочи-

---

[1] Гос. хранилище Армянской ССР «Матенадаран» в Ереване. Персидские официальные документы XVI—XVIII вв. Эчмиадзинского архива Армянской ССР, № 3/28, 3/39, 3/47.

[2] См., например, у Аракела Тавризского — «Collection», t. I, pp. 301, 411.

[3] *N. Khanykov.* Mémoires sur quelques inscriptions du Caucase. Paris, 1863, стр. 94—95 (перс. текст); *Искандер Мунши*, стр. 508.

[4] *Esai Hasan-Dchalaliants.* Histoire d'Aghovanie.— «Collection», t. II, p. 202.

Опечатка

Первую строку на странице 961 следует читать:
сленных внутренних таможнях. Эти пошлины взимались не в зависимости

от ценности провозимых товаров, а по количеству навьюченных верблюдов и ослов[1].

Хронисты, говорящие о процветании этого периода, имеют в виду прежде всего процветание торговых городов (в значительной степени благодаря росту посреднической торговли) и феодалов, в частности мусульманского духовенства и армянских монастырей. Но положение крестьянства в XVII в. оставалось тяжелым, феодальная эксплуатация возрастала[2].

Северный Азербайджан входил в состав трех областей, управляемых шахскими наместниками, или беглербегами: 1) Ереванской, или Чухур-Садской, обнимавшей Армению и часть Нахичеванского края; 2) Карабахской, или Ганджинской, включавшей часть Северного Азербайджана между реками Курой и Араксом; 3) Ширванской, или Шемахинской, в которую входили все районы к северу от Куры.

В областях Северного Азербайджана, считавшихся пограничными, были расположены войска, и беглербеги соединяли в своих руках административную власть и военное командование. Беглербеги номинально считались государственными сановниками, назначаемыми и сменяемыми шахом. Но, благодаря старому феодальному обычаю наследственности должностей, беглербеги фактически превращались в своего рода владетельных феодалов. Примером могут служить карабахские беглербеги (с резиденцией в Гандже), из знатного семейства Зийяд-оглы, державшие власть в Карабахе более 200 лет (с середины XVI до начала XIX в.)[3].

Беглербеги носили титул ханов. Шахи нередко стремились уничтожить наследственность беглербегов, но в конечном счете успеха не добились. Зато шахи, чтобы ограничить огромную власть беглербегов, окружали их разными чиновниками, не зависевшими от беглербегов и подчиненными непосредственно центральной власти.

Беглербеги располагали своим двором, созданным по образцу шахского, и многочисленными мулязимами (военными слугами, вассалами), слугами и челядинцами. Содержание всех их тяжелым бременем ложилось на население. Произвол и жадность беглербегов и их подчиненных вошли в поговорку.

По словам путешественника Рафаэля дю Ман (около 1660 г.), об этих правителях обычно не спрашивали, кто управляет такой-то областью, а спрашивали, кто объедает такую-то область[4].

К. Маркс отметил, что государственный аппарат восточной деспотии имел в основном три ведомства — финансовое (ограбление собственного населения), военное (грабеж внутри и в чужих странах) и общественных работ[5].

---

[1] *J. Tavernier.* Указ. соч., стр. 55, 310.

[2] *Аракел Тавризский.*— «Collection», т. I, стр. 553—554.

[3] «История фамилии Зийяд-оглы до 1664 г., изложена Мухаммед-Ма'сумом, Хуласет ас-сийяр». — Рукопись Госуд. публ. б-ки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, каталог Дорна, № 303, ч. 1, лл. 125б и сл.

[4] *R. du Mans.* Éstat de la Perse en 1660. Paris, 1890, p. 152.

[5] См. *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Соч., т. XXI, стр. 494.

Сефевидская администрация, в частности и в Азербайджане, занималась только выкачиванием средств из подвластного населения и подавлением сопротивления при помощи вооруженной силы; суд находился в руках шиитского духовенства. Функции поддержания оросительных каналов и управление ими во времена Сефевидов государство уже не выполняло: водное дело было децентрализовано, и проведение и поддержание каналов и подземных галлерей для вывода подпочвенной воды наружу находились в руках землевладельцев или сельских общин.

Произвол и насилия при взимании податей были такими же, как и в Армении.

* * *

Антифеодальные движения, охватывавшие крестьянские массы Азербайджана, Армении и соседних стран, занимают почти весь XVII век. История этих движений совсем не изучена. Можно, однако, отметить две основных полосы этих движений. Одна из них относится к периоду, совпадающему с персидско-турецкими войнами 1603—1639 гг. на территории стран Закавказья, и связана с протестом азербайджанского крестьянства против разорявших страну чужеземных завоевателей и поддерживавших их группировок местной знати. Вторая полоса восстаний началась с 70-х годов и являлась ответом крестьянства на огромный рост налогового бремени и эксплуатации. В этих движениях выявилось обострение противоречий между двумя основными антагонистическими классами страны.

Как уже упоминалось, движение джелали, потрясавшее около столетия турецкую Малую Азию и особенно усилившееся во время восстания Кара-Языджи, в 1608—1610 гг. распространилось и на находившиеся под властью Кызылбашского государства Армению и Азербайджан[1]. Здесь движение, освободившись от тимариотских элементов, перешедших на службу к шаху Аббасу I, приняло чисто крестьянский характер. Джелали разбились на множество отрядов, ведших партизанскую войну с шахскими беглербегами и знатью на территории Армении, Южного и Северного Азербайджана, особенно же Нахичеванского края. Отряды состояли из азербайджанских крестьян, живших также и в Армении, из беглецов из Турции и из туркменских племен, пришедших из внутренней Персии. Аракел Тавризский старается представить это движение чисто мусульманским, антихристианским и антиармянским. Но и он вынужден был признать, что «даже некоторые христиане [т. е. армяне], не боясь бога, видя то, что делали чужеземцы [джелали], принялись им подражать»[2]. Армянские монастыри, являвшиеся крупными землевладельцами, разумеется, сильно пострадали от джелали.

Среди вождей отрядов джелали были и эмигранты из Малой Азии, и азербайджанцы. Это ясно из приводимых Аракелом Тавризским имен этих

---

[1] *Искандер Мунши*, стр. 539—548, 556—558, 559—561, 566—569.

[2] *Аракел Тавризский*.— «Collection», т. I, стр. 310.

предводителей — например, Мамед (Мухаммед)-Канакерлу, происходивший из селения Канакер в Ереванской области[1]. Аракел Тавризский, настроенный крайне враждебно по отношению к джелали, что вполне понятно для стоящего на церковно-феодальной точке зрения хрониста, все же признает, что «это были люди выдающиеся, счастливые и храбрые на войне, никогда не побежденные»[2]. Аракел приводит имена 23 вождей отрядов джелали, насчитывавших по тысяче и более бойцов в каждом[3]. Среди этих имен в памяти азербайджанского народа особенно запечатлелись два: Кер-оглу и Мустафа-бек Гзир-оглу. На протяжении столетий ашугами слагались песни о Кер-оглу. Ашуги пели о его ненависти к богачам и угнетателям, любви к обездоленным и угнетенным, слагали красивые элегии, посвященные его смерти. Сказители эпопеи о Кер-оглу широко известны в Азербайджане, Армении, Грузии. Имя Кер-оглу очень популярно в песнях тюркских народностей и племен на широком пространстве от Малой Азии до Туркменистана.

Восстание джелали не было вполне подавлено и в форме партизанской борьбы продолжалось даже после смерти шаха Аббаса I. Захария Саркаваг упоминает о джелали на территории Армении после 1630 г.[4]

Около 1624 г. среди армянских крестьян Северного Азербайджана началось движение под религиозной оболочкой, нашедшее отклик и среди азербайджанцев. Протест против феодальной эксплуатации крестьян монастырями принял в среде армянского крестьянства форму протеста против официальной церкви и монастырского землевладения, форму сектантского движения.

Об этом движении, начавшемся вскоре после завоевания Азербайджана шахом Аббасом I, подробно рассказывает Захария Саркаваг[5], относящийся к этому движению враждебно. Во главе движения стал некий удин[6] родом из Ганджи. Он был монахом Гандзасарского монастыря. Но затем он стал проповедовать против монахов и церковных богатств и вообще богатых людей. Существо его учения мало известно.

Проповедник стал ходить по деревням, собрал вокруг себя толпу до 500 верных последователей, состоявшую из армян и мусульман-азербайджанцев и ходившую за ним из селения в селение. Он одевался в грубую шерстяную одежду, к которой около сердца было прикреплено два гвоздика в воспоминание о гвоздях распятия Христа, почему азербайджанцы прозвали его Мехлу-баба, т. е. старец с гвоздями. Повидимому,

---

[1] *Аракел Тавризский.* — «Collection», т. I, стр. 307.

[2] Там же, стр. 310.

[3] Там же, стр. 311.

[4] «Collection», т. II, стр. 48.

[5] Там же, стр. 33—37.

[6] Удины — мелкая народность в Северном Азербайджане — древней области Ути (в настоящее время удины сохранились в трех селениях в числе нескольких тысяч человек), говорящая на особом удинском языке, принадлежащем к группе дагестанских языков; удины были христианами.

Мехлу-баба не признавал церковной обрядности, так как, придя в селение, он входил в армянскую церковь и, усевшись на престоле и свесив ноги, начинал проповедовать против богатства вообще, и против богатства церкви и монахов в частности. Из районов Ганджи и Карабаха движение докатилось до Армении, и Мехлу-баба с толпой своих последователей подошел к Еревану. Но здесь местный беглербег Амиргуна-хан схватил его с ближайшими сторонниками и разогнал толпу. Мехлу-баба, правда, был помилован, но был изгнан из страны и, удалившись в Турцию, пропал без вести.

В этом движении важным моментом было объединение армянских и азербайджанских крестьян против землевладельцев.

Результатом подавления этих восстаний было укрепление власти военно-феодальной знати, рост закрепощения и эксплуатации крестьян. К этому присоединялся гнет чужеземных завоевателей, переложивших бремя налогов и податей в основном на крестьянство.

Усиление феодальной эксплуатации во второй половине XVII в. вызвало новую волну крестьянских движений. Одним из главных очагов антифеодальных восстаний в этот период становится Нахичеванский край. В начале 70-х годов в Северном Азербайджане был неурожай, причем особенно остро голод ощущался в Нахичеванском крае. Соседние ханы Южного Азербайджана, опасаясь распространения голода и на их округа, поспешили наложить запрет на вывоз зерна. Голодающие крестьяне устремились в города. Последовало запрещение крестьянам покидать свои районы. Тогда в Нахичеванском крае вспыхнули голодные бунты. Крестьяне громили склады зерна, принадлежавшие государству, знатным лицам и купцам, и нападали на армянские монастыри. Крестьянскими волнениями в Нахичеванском крае отмечается весь период 70-х годов.

Около 1671 г. началось большое крестьянское восстание в Нагорном Карабахе, направленное как против мусульманских феодалов, так и против местных армянских меликов. Восстание выражалось в борьбе крестьянских разрозненных отрядов, действовавших в горах и лесах, и растянулось почти на 20 лет[1].

* * *

Тяжелое положение народных масс Азербайджана и их борьба против угнетателей нашли свое отражение в народном творчестве. Ашуги создавали рассказы в стихах и поэмы, выражавшие освободительные идеи и чаяния народа.

Одним из самых выдающихся памятников народного творчества той эпохи является поэма о Кер-оглу, рисующая борьбу азербайджанцев против

---

[1] *И. П. Петрушевский.* Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI— начале XIX вв. Л., 1949, стр. 331—332.

иноземных захватчиков и местных феодалов. Ненавистью к угнетателям — феодалам — проникнуты слова героя поэмы:

«Я сам Кер-оглу, на войне я суров,—
Есть много несрубленных ханских голов».

Весьма распространенной формой народной поэзии были четверостишия, передававшие чувства и думы широких масс и оказавшие влияние на все области азербайджанской поэзии.

В XVII в. появились любовно-романтические поэмы. В поэме «Асли и Керем» воспевается пламенная любовь азербайджанского юноши Керема к армянской девушке Асли. Это произведение народного творчества является выражением дружбы и братства азербайджанцев и армян.

Азербайджанские поэты XVII в. продолжали традиции Физули, используя прогрессивные элементы его творческого наследия. Перу Говси Тавризского принадлежит сборник стихов на азербайджанском языке. Поэт Масихи писал литературные произведения различных форм. Его поэма «Варга и Гюльша» — первое крупное произведение, созданное после Физули на азербайджанском языке.

В XVII в. жил один из видных азербайджанских историков — Искандер Мунши (1560—1633 гг.), писавший по-персидски. В качестве придворного историографа Аббаса I, он написал труд «Тарих-и-алем-арайи Аббаси» («История украсителя мира Аббаса»). Мунши выражал взгляды феодальной знати и в своей книге восхвалял деспота — шаха. Вместе с тем его труд представляет большую ценность как один из первоисточников по истории Азербайджана XVI—XVII вв.[1]

[1] При составлении раздела культуры использованы материалы «Истории Азербайджана», подготовляемой к печати Институтом истории АН Азербайджанской ССР.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

НАЧАЛО ФОРМИРОВАНИЯ РУССКОЙ НАЦИИ

Высказывания В. И. Ленина и И. В. Сталина представляют прочную основу для решения вопроса о начале складывания русской нации. В целом этот процесс совпал с новым периодом русской истории, начинающимся «примерно с XVII века»[1]. И. В. Сталин, цитируя «замечательные слова Ленина по вопросу о возникновении наций», точно так же имеет в виду длительный период «...подымающегося капитализма, когда буржуазия, разрушая феодализм и феодальную раздробленность, собирала нацию воедино и цементировала ее», когда слагался национальный рынок с его экономическими и культурными центрами[2].

В отличие от предшествующего столетия, в применении к XVII в. можно говорить о наличии всех четырех признаков нации в их связи и взаимодействии: общность языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры[3]. Все эти признаки, существуя вместе, воздействуют друг на друга. Из потенции, из зачаточного состояния все признаки нации начинают превращаться в действительность.

Основная территория русского народа определилась уже давно, но только примерно с XVII столетия она начинает сплачиваться в единое экономическое целое.

Исследования советских историков доказывают этот факт с полной очевидностью. Нет также никакого сомнения в том, что этот начавшийся процесс создания национальных связей был «...ничем иным как созданием связей буржуазных»[4]. В XVII в. можно констатировать лишь начальную стадию указанного процесса, протекавшего в условиях очень крепкого феодально-крепостнического строя, далеко еще не исчерпавшего всех своих возможностей. Но тем не менее, хотя и медленно, неравномерно и в борьбе с господствующим строем, в его недрах начинается буржуазное развитие.

Предпосылками этого развития служат начавшийся еще ранее процесс превращения ремесла в товарное производство, рост товарности сельского

---

[1] См. *В. И. Ленин.* Соч., т. 1, стр. 137.

[2] См. *И. В. Сталин.* Соч., т. 11, стр. 335—337.

[3] См. *И. В. Сталин.* Соч., т. 2, стр. 296.

[4] *В. И. Ленин.* Соч., т. 1, стр. 138.

хозяйства, а также рост эксплуатации наемного труда как в мелких, так и крупных предприятиях. Появляется и рынок рабочей силы. Средние по достатку и беднейшие посадские люди ищут заработка в чужом хозяйстве, т. е. работы по найму. Это особенно сказывается в крупных промышленных центрах, таких, как Москва, Ярославль, Нижний-Новгород, Соль Камская.

Беднейшие крестьяне, иногда совершенно лишенные средств существования, начинают продавать свою рабочую силу. Они работают по найму в хозяйстве своих богатых односельчан, иногда переходят на сельскохозяйственные работы в другие деревни как своего, так и соседних уездов. Крестьяне ищут заработка и в отхожих промыслах — в промышленности, на обслуживании водного транспорта и т. п.

Успехи развития промышленности и сельского хозяйства обусловили рост торгового обмена, создание крупных областных рынков. Вологда, Устюг Великий, Соль Вычегодская, Вятка, Соль Камская — в Поморье, Ярославль, Нижний-Новгород, Макарьевская ярмарка — в Поволжье, Новгород, Псков, Смоленск, Свенская ярмарка — на западной и юго-западной границах, Орел и Воронеж — на юге, Ирбитская ярмарка в Сибири, наконец, два крупных внешнеторговых порта — Архангельск и Астрахань — таковы крупнейшие из рынков областного значения в XVII в. Между этими рынками развивались теснейшие торговые связи; нарождался класс купечества, осуществлявший эти связи. От всех этих рынков тянулись хозяйственные нити к столице государства — Москве, являвшейся рынком общегосударственного значения. Закладывались прочные основы единого всероссийского рынка. Страна превращалась в единое хозяйственное целое.

Процесс оформления экономической общности как одного из признаков нации по самому своему существу не может быть, естественно, датирован точно. Предпосылки его обнаруживаются еще в XVI в., в следующем столетии он продолжается, все более ускоряясь.

Экономическое сплочение русского народа в нацию в XVII в. достаточно наглядно отразилось и на вызревании двух остальных признаков нации — национального языка и психической общности, проявляющейся в общности культуры. Русский литературный язык XVII в., отражавший совершенно очевидное и очень сильное воздействие общенародной устной речи, явно приобретал новый вид, новый стиль. Язык деловой переписки, имеющий в основе своей южно-русский диалект, одним из говоров которого был московский, уже приобретает значение государственного языка. В этом языке иногда чувствуются особенности местных говоров, но требования единых грамматических правил считались обязательными, а погрешности против фонетики, обусловленные диалектными особенностями говоров, не ставились в вину тем, кто их допускал[1]. Этот язык деловой переписки, наряду с общенародной устной речью, оказывал значительное

[1] ДАИ, т. VIII, СПб., 1862, № 108, § 8, стр. 339.

влияние на язык исторической и художественной литературы, публицистики, бытовых и сатирических повестей и произведений других жанров.

Некоторые из политических памфлетов времени Крестьянской войны и интервенции начала XVII в. написаны уже на этом языке делопроизводственных документов. Таково, например, «Послание дворянина к дворянину»[1], резко отличающееся по языку от некоторых других произведений начала XVII в., написанных «высоким стилем». «Высокий стиль», господствовавший в литературе XVI в., был близок к церковно-славянскому языку. Он, конечно, еще существовал в XVII в. и применялся в некоторых случаях, но сфера его применения все более сужалась. Из художественных произведений, написанных под несомненным влиянием делопроизводственного языка, следует отметить «Повесть об Азовском осадном сидении», которая использовала для своего рассказа казачьи отписки.

Появляются произведения «среднего» стиля, где, при наличии элементов литературного языка более раннего периода, вступает в свои права живой разговорный язык — «просторечие». Наиболее ярко этот стиль сказался в произведениях протопопа Аввакума: в его «Житии», «Книге бесед» и письмах. Введение «просторечия» в литературные произведения — очень важный этап в формировании общерусского литературного языка.

Нельзя не отметить сознательный элемент во введении «просторечия» в литературный язык Аввакумом: «Не позазрите просторечию нашему, понеже люблю свой русской природной язык»,— писал он[2]. Такое сознательное обращение к национальным чувствам читателя было возможно лишь в XVII в. и само по себе является подтверждением роста национального единства.

Очень важным показателем начавшейся выработки национального языка служит прекращение образования новых диалектных различий и устойчивость местных диалектов в XVII в. Вырабатывался национальный русский язык, питавшийся из общенародной устной речи и в основных своих чертах свидетельствовавший о единстве русской языковой системы в целом[3].

Совершенно очевидно, что такого рода явления были связаны с деятельностью народных масс и усилением в общественной и культурной жизни роли посадского населения, пополнявшего в некоторой части среду приказных людей, и рядового дворянства. Весьма важным фактором переплавки различных диалектов русского языка в национальный язык были передвижения огромных масс трудового населения в процессе колонизации ими новых территорий юга, Поволжья, Приуралья и Сибири, а также внутри центральных районов. Подобного рода массовых передвижений

---

[1] *И. И. Смирнов.* Восстание Болотникова. М., 1951, прилож., стр. 540—541.

[2] РИБ, т. 39, Л., 1927, стб. 151.

[3] *П. Я. Черных.* Язык Уложения 1649 года. М., 1953, стр. 141, 144, 185, 190, 93, 372 и др.

населения, которые в XVII в. могут быть показаны совершенно наглядно. раньше не происходило. Этот колонизационный процесс углубляет наши представления о том, как происходило формирование русской нации, в частности сложение национального языка.

Наконец, вполне естественно и необходимо должно было происходить сплочение психического единства русского народа и перерастание его в национальное единство.

Во всех областях культуры, в одних ярче, в других слабее, в XVII в. можно заметить новые явления, означающие одно и то же — начало процесса сложения русской нации. Всего ярче этот процесс обнаруживается в литературе. Художественная литература теперь достигает гораздо бóльшей зрелости, что сказывается и в разнообразии новых жанров и в идейном содержании.

Существенное отличие литературы XVII в. от предшествовавших периодов состоит в том, что именно в это время появляются произведения, предназначенные только для чтения, для удовлетворения эстетических потребностей читателя, и лишенные нравоучительности и морализации, столь характерных для более ранних периодов развития литературы.

В процесс создания и распространения литературных произведений включаются широкие народные массы. Среди переписчиков литературных повестей в XVII в. встречаются представители посада, торговые люди, а к концу века и крестьяне. Повести XVII в. продолжают давнюю традицию русской литературы — укрепления национального самосознания, подчеркивания роли Руси и русского народа в изображаемых событиях. Таково «Сказание о киевских богатырях», повествующее о русских богатырях, победивших цареградских и тем самым обеспечивших безопасность Русского государства. Еще более показательна недавно обнаруженная «Повесть о Сухане», в которой прославляются высокие патриотические идеалы служения родине, государству: эта служба есть высшая обязанность человека; достигнуть «человечности» можно лишь отдавая всего себя родине, не жалея для нее даже жизни [1]. Новые представления о службе на благо государства, которые не были раньше так ясно выражены в народном творчестве и в литературе, появились в связи с ростом национального самосознания народа.

Сознание национального единства русского народа сказалось и в повышенном интересе к народному творчеству в XVII в. Народное творчество начинает заметно проникать в литературу, театр, архитектуру, живопись. Несмотря на все гонения со стороны церкви и правящего класса, литература XVII в. продолжает непрерывно обращаться к народному творчеству как источнику новых тем и художественных образов. Народные

---

[1] *В. И. Малышев.* Повесть о Сухане (неизвестное произведение русской литературы XVII в.).— «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», т. XIII, вып. 3, М., 1954, стр. 284.

песни записываются для памяти или сочиняются и представителями правящего класса[1].

Уже раньше наметилось глубокое воздействие народного творчества на архитектуру. Вырабатывавшиеся в крупных центрах, прежде всего в Москве, архитектурные стили распространялись затем по всей стране. С другой стороны, и местная архитектура оказывала влияние на столичную. Так, родиной шатровых храмов было Поморье. Богатое декоративное убранство внутренних и наружных стен каменных зданий наиболее ярко сказалось в ярославском и владимирском зодчестве, а затем было перенесено в Москву и другие города, как одна из особенностей русского архитектурного стиля XVII в.

Еще в XVI в. московская школа иконописания начинала впитывать достижения местных школ и приобретать значение господствующей. Но важнее то, что в XVII в. происходят изменения в самом стиле живописи, связанные с именами С. Ушакова и его последователей и учеников. Эти новые реалистические тенденции вступают в конфликт с традиционными приемами живописи. В то же время они получают широкое распространение. Фрески ярославских храмов, выполненные ярославскими, костромскими и переяславскими мастерами, отражают те же тенденции к реализму, какие характеризуют и московскую живопись XVII в.

Изучение истории русской архитектуры и живописи XVII в. показывает, что в это время в стране сложились не только местные экономические, но и культурные центры. Города, которые являлись крупными рынками областного значения, были в то же время и местными культурными центрами. Об этом можно судить по их достижениям в области зодчества и живописи, а также и по вызовам мастеров из этих городов в столицу. Вологда, Устюг Великий, Соль Камская, Ярославль, Нижний-Новгород, Новгород, Псков были как раз теми городами, из которых чаще всего вызывались в Москву живописцы и каменных дел подмастерья.

Очевидно, что эти кратко намеченные признаки начавшегося формирования русской нации отражали всестороннее влияние прежде всего творчества трудовых масс русского народа.

---

[1] *И. М. Кудрявцев.* Две лирические песни, записанные в XVII в.— «Труды Отдела древнерусской литературы Ин-та русской литературы АН СССР», т. IX, М.—Л., 1953, стр. 380—386.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Маркс Карл — 16, 19, 20, 43, 165, 167, 171, 182, 221, 395, 396, 498, 552, 553, 756, 798, 799, 961
Энгельс Фридрих — 17, 18, 43, 221, 225, 229, 318, 395, 396, 498, 552, 553, 961
Ленин Владимир Ильич — 11, 13—16, 18, 20, 22, 23, 26, 43, 113, 139, 140, 171, 182, 190, 221, 223, 224, 311, 345, 462, 553, 665, 996
Сталин Иосиф Виссарионович — 11, 14, 18, 21, 22, 24, 26, 221, 282, 311, 368, 396, 808, 954, 966

Абаза-паша, предводитель крестьянского восстания в Армении — 950
Абакумов Андрей, живописец — 660
Аббас I, персидский шах — 541, 916, 917, 923, 926, 934, 936, 937, 944, 947, 948, 952, 958—960, 962, 963, 965
Аббас II, персидский шах — 938
Аббас-кули-хан, ганджинский правитель — 940
Абдулазиз, бухарский хан — 886, 890, 896, 897
Абдулмумин, бухарский хан — 895
Аблай, калмыцкий тайша — 589
Аблай, сибирский царевич — 807
Аблин С., посол в Китай — 548
Абулгази, хивинский хан — 274, 896, 897, 900
Абухович Филипп, начальник гарнизона г. Смоленска — 711
Аввакум, протопоп — 159, 160, 314—316, 318, 319, 324, 599, 603—605, 615, 642, 659, 968
Август, римский император — 346
Аверкиев Иван, донской атаман — 295
Аветик Тигранакертский, армянский математик — 951
Авриль Ф., француз-иезуит — 583
Аггеев Тимофей, дьяк — 216
Агеха, псевдоним хивинского историка XIX в. Мухаммеда Ризы — 894
Адашев Алексей Федорович, окольничий — 349
Адольский Григорий, живописец XVII века — 89
Адольфий, пастор — 762
Адриан, казанский митрополит — 272
Адрианова-Перетц * *Варвара Павловна*, историк древне-русской литературы — 597, 599, 606, 607
Азанчеев Василий, служилый человек — 570
Айдемир, шамхал тарковский — 918
Акема Филимон, голландский купец — 88—92
Акинфиевы, дворяне — 158
Акинфов Андрей Павлович, яренский воевода — 781
Акопджан, армянский живописец XVII в.—953
Аксаков Константин Сергеевич, публицист славянофил — 6
Алач, князь хантов — 820
Алачевы, князья — 821
Алегука Шеганукин, кабардинский владетель — 906
Александр, имеретинский царь — 649, 939, 941, 944
Александров Вадим Александрович, историк — 142, 143, 544
Алексеев Елисей, живописец — 660
Алексеев Михаил Павлович, историк литературы — 612, 832
Алексеев Федот, казак Арамильской слободы — 803
Алексеев Федот. См. Попов Федот Алексеев
Алексей Алексеевич, царевич — 300, 301, 641

---

* Фамилии авторов, упоминаемых в тексте работ, выделены курсивом.

Алексей Михайлович, царь — 6, 8, 21, 24, 40, 41, 54, 56, 98, 99, 149, 151, 162, 165, 169, 224, 229, 232, 236, 248, 255, 258, 259, 263, 300, 312, 314—316, 319, 320, 342, 343, 346, 347, 351, 352, 354—358, 360, 370, 383, 402, 413, 421, 425, 431, 435, 454, 456, 458, 460, 482, 485, 488, 496, 498—500, 502, 515, 544, 561, 563, 565, 592, 604, 627, 640, 641, 643, 657—662, 726—728, 742, 759, 783, 821, 951

Алексей Петрович, царевич — 611

Алена, старица, атаман — 309

Алибек, казыкумухский владелец — 908

Аллегрети, посол Священно-Римской империи — 355, 497, 500

Алмазов Андрей Ерофеев, гость — 381

Алмазов Дмитрий Ерофеев, дьяк — 381

Алмазов Семен Ерофеевич, стряпчий — 382, 534

Алмазовы, дворяне — 382

Алмакай, свияжский татарин — 795

Алфимов М., московский посол в Турцию — 466

Амиранашвили П. Я., искусствовед — 943

Амиргун-хан, беглербег Еревана — 964

Ананьин Тихон, «алхимист» — 575, 576

Анастасия Марковна, жена протопопа Аввакума — 603

Анастасия Романовна, первая жена Ивана Грозного — 346

Ангилайко Федор, гравер — 712

Андий, шамхал тарковский — 917

Андреев Александр Игнатьевич, историк — 139, 428, 581, 588, 766

Андреев Василий, гравер, серебряных дел мастер — 646, 656

Андреев Иван, дворянин — 410

Андреев Константин, крестьянин Соденской волости — 107

Андреев М., историк — 548, 551

Анкудинов Тимофей, самозванец, выдававший себя за сына Василия Шуйского — 255

Анкудинова Л. Е., историк — 317, 320

Аннинский Сергей Александрович, историк — 958

Антропов Леонтий, крестьянин, позднее торговый человек гостиной сотни — 191

Ануша, хивинский хан — 887, 889, 890, 897, 902

Аполлова Наталия Геннадиевна, историк — 27, 876, 879

Апраксины, дворяне — 149

Апрелев А., воевода — 510

Араб Мухаммед, хивинский хан — 902

Аракел Тавризский, армянский историк XVII в.—949, 950, 952, 953, 960—963

Аракелян Б. Н., историк — 947, 954

Арапов Фрол, приказчик Аятской слободы — 803

Аргамаков Г., рязанский помещик — 279

Аргамаков Т. Г., воевода г. Доброго — 335, 336

Аристов Никита, торговый человек гостиной сотни — 91

Аристов Николай Яковлевич, историк — 326

Аристотель — 560

Арсений, старец, справщик Печатного двора — 318

Арсеньев Юрий Васильевич, историк — 168, 169, 174, 185, 386

Артемий, монах, русский рационалист XVI века — 313

Арутюнян В. М., историк — 946

Архангельский Сергей Иванович, историк — 185

Арчил II имеретинский царь, позднее правитель Кахетии — 938—942

Атилла (Атыла) Угорский, предводитель угров — 591

Атласов Владимир, казак — 843, 851

Ауренгзеб (Эвреинзеп), великий могол — 543, 544

Афанасий, холмогорский архиепископ — 576—578, 768

Аштраханиды, династия — 895

Ашурков В. Н., историк — 59

Ащепков Е. А., искусствовед — 619, 651

Аюка, калмыцкий тайша — 811

Бабур, основатель государства Великих Моголов — 543

Бабушкина Генриетта Карповна, историк — 538

Багалей Дмитрий Иванович, историк — 33, 528

Баграт, картлийский царь — 936

Багратиды, грузинская царская династия — 932, 939

Бадархан, кайтагский бек — 915

Базилевич Константин Васильевич, историк — 13, 27, 50, 54, 74, 75, 77, 78, 99, 120, 129, 136, 219, 237, 239, 259, 262, 263, 343, 421, 435, 515

Байков Федор, сын боярский, посол в Китай — 548, 581, 583
Баканов Петр Федорович, историк — 166, 184
Баки-Мухаммед, бухарский хан — 895
Бакиханов А., историк — 908, 911, 918
Бакланов Николай Борисович, историк — 924, 925
Бакланова Наталия Аполлинариевна, историк — 27, 64, 72, 74, 92, 104, 105, 130, 213, 609, 627
Бакши-Шербет Тургенев, калмыцкий батыр — 283
Балабаны, украинская магнатская фамилия — 696
Балатри Филиппо, итальянский певец — 593
Балаш, предводитель крестьянско-казацкого движения в период Смоленской войны — 178, 275, 278, 339, 473
Балтуга, ярканский князец (Якутия) — 838
Балунчя, якут — 839
Бантыш-Каменский Дмитрий Николаевич, историк — 692
Бантыш-Каменский Николай Николаевич, историк — 481, 498, 499, 514, 519, 520, 759
Барабаш Яков, кошевой атаман Запорожской сечи — 674, 689
Баранович Алексей Иванович, историк — 27, 667, 669
Баранович Лазарь, черниговский архиепископ — 563, 698, 699
Барановский И., историк — 672
Барновский Мирон, молдавский господарь — 721
Бароний, церковный историк — 591
Барсов Елпидифор Васильевич, историк — 593
Барсук, полковник, командир отряда — 523
Барышников Первый, живописец — 649
Барятинские, князья — 302, 349
Барятинский Андрей, князь, полковой воевода — 509
Барятинский Дмитрий Никитич, князь, полковой воевода — 310, 401
Барятинский Иван Петрович, якутский воевода — 848
Барятинский Юрий Никитич, князь, окольничий, полковой воевода — 303, 305, 306, 308, 310, 495
Баскаков Евдоким, дворянин — 410
Баташовы, металлургические заводчики — 67
Баторий Стефан, польский король — 747
Бахайк, бурятский князец — 868
Бахрушин Сергей Владимирович, историк — 27, 76, 80, 112, 119, 126, 127, 136, 191, 194, 208, 219, 226—228, 233, 234, 246, 276, 388, 544, 548, 549, 551, 557, 587, 588, 778, 780, 781, 819, 836, 849
Башкин Матвей, русский рационалист XVI века — 313
Башкиров А. С., археолог — 925
Башмаков Афанасий, дьяк Земского приказа — 258
Башмаков Дементий Минич, думный дьяк, судья Тайного и Разрядного приказов — 381
Бежан-хан, кахетинский правитель — 940
Безмин Иван, живописец — 642, 645, 651
Безобразов Автоном, керенский воевода — 304
Безобразов Андрей Ильич, стольник — 40, 44—46, 77, 167—171, 187, 188, 190
Безобразов П. В., историк — 508
Безобразов Яков Иванович, астраханский воевода — 286
Бекетов Петр, сотник — 850, 851
Беклемишев, московский дворянин — 364
Беклемишев Семен Назарович, черноярский воевода — 284, 285
Белов Михаил Иванович, историк — 157, 537, 538, 540
Белокуров Сергей Алексеевич, историк — 312, 562, 586, 725, 904, 906, 907, 910, 914, 916, 920
Белогубов, симбирский посадский человек — 293
Белоусов Иван, атаман — 277
Белоцерковский Г. М., историк — 59
Бельская Тагзиля Батыровна, историк — 35, 797, 799
Бельский Мартин, польский хронист — 591
Беляев Иван Дмитриевич, историк-юрист — 9, 458
Беляев Иван Степанович, историк — 65, 98
Бент-Горн, шведский уполномоченный в переговорах о Кардисском мире —514
Бердзенишвили Николай Александрович, историк — 27, 931

Бережков Николай Георгиевич, историк — 27
Березин Илья Николаевич, востоковед — 895
Берроу Стифен, английский шкипер — 68, 69
Берында Памва, монах, типограф Киево-Печерской лавры — 697
Бибиков Григорий Николаевич, историк — 144
Благушин Григорий Антонович, старший золотописец Посольского приказа — 646, 647
Блеу Вильгельм, географ — 577, 584
Блеу Иоганн, географ — 577, 584
Блюмберг, имперский посол — 533
Боба, запорожский атаман — 287
Боборыкин Роман, козловский воевода — 240
Бобрищев-Пушкин И., дворянин — 52
Бобровницкий, командир польских отрядов — 512
Богатырев П. Г., литературовед — 600
Богословский Михаил Михайлович, историк — 36, 197, 200, 201, 370, 769
Богоявленский Сергей Константинович, историк — 27, 94, 95, 99, 113, 140, 158, 161—163, 202, 326—328, 331, 333, 353, 372—374, 379, 381, 382, 453, 542, 555, 590, 661, 920
Богун Иван, казацкий полковник — 507, 684
Боденицын Кузьма, крестьянин, участник курского восстания — 243
Болотников Иван Исаевич, предводитель крестьянской войны 1606—1607 гг.— 13, 21, 221—223, 278, 339, 593, 659, 968
Болотов Иван, торговый человек гостиной сотни — 72
Борецкий Иов, митрополит киевский — 696, 697
Борин Кузьма, дьяк, заводовладелец — 91, 92, 379
Борис Федорович Годунов, царь — 54, 205, 265, 266, 825, 863
Борискович Исаакий, луцкий епископ — 696
Бормосов Тимофей, дьяк, московский посол в Турцию — 463—465
Борыков Иван, пристав — 786
Борыков Михаил, дворянин — 409
Босой Алексей Юрьевич, гость — 128
Босой Василий Алексеевич, гость — 128
Босой Кирилл Алексеевич, гость — 128
Босые, гости, торговые люди г. Устюга Великого — 50, 74, 126, 128, 129, 191
Бошокту. См. Галдан
Бояршинова Зоя Яковлевна, историк — 35, 39, 40, 826
Браге П., шведский граф — 763
Броссе Марий Иванович, академик, востоковед — 934—937, 939, 941, 944, 949, 952, 953, 956
Бруин де Корнелий, путешественник — 816—818
Брюховецкий Иван Мартынович, украинский гетман — 289, 290, 516, 690, 691, 693
Бублейников Ф., геолог — 915
Бубнов Василий, устюжский посадский человек — 219
Бугор Василий, сибирский служилый человек — 851
Будай, шамхал тарковский — 919
Будан-хан, правитель г. Решта — 288
Буза Елисей, сибирский служилый человек — 850
Букенбай, батыр, крупный феодал Казахстана — 875
Булыгин Илья Андреевич, историк — 180, 280, 516
Бунаков Илья, томский воевода — 245
Бунин А. В., архитектор — 634
Бунин Леонтий Кузьмин, мастер серебряного резного дела — 646
Бурков Кузьма, посадский мальчик г. Устюга Великого — 557
Бурх Альберт, голландский посол — 132
Бурцев Василий, подьячий — 558
Буслаев Федор Иванович, историк литературы — 637
Бутенант фон Розенбуш Александр, заводовладелец — 90, 92, 768, 770
Бутурлин, алатырский воевода — 303
Бутурлин А. В., полковой воевода — 482, 486
Бутурлин Василий Васильевич, боярин— 244, 490, 491, 495, 496, 686
Бутурлин Емельян, сыщик — 241
Бутурлин Иван, стряпчий — 364
Бутурлин Иван Васильевич, русский посол в Вену — 520, 529, 532
Бутурлин Федор Васильевич, полковой воевода — 490
Бухвостов Яков, каменных дел подмастерье — 625, 626, 634
Буцинский Петр Никитич, историк — 39, 43, 56

Бушуева Варвара Леонтьевна, историк — 37, 186

Валк Сигизмунд Натанович, историк — 186
Ван-ден-Теппель Давыд, голландец, купец — 73
Варлаам, митрополит молдавский — 729, 730
Варфоломей, архимандрит Соловецкого м-ря — 322
Василий III, великий князь — 198, 543
Василий Иванович Шуйский, царь — 147, 176, 255, 416, 572, 763, 764, 775, 776
Васильев Архип, носник — 215
Васильев Борис Александрович, этнограф— 27, 848
Васильев Наум, донской войсковой атаман — 267
Васильев Самко, сотник, руководитель Соловецкого восстания — 323
Вахтанг V (Шах-Наваз-хан), правитель Картлии — 939, 940
Вахушти, грузинский историк и географ XVIII в.— 934, 935—937, 939, 941
Ващанка Антон, гравер — 712
Ващанка Василий, гравер — 712
Велепольский — польский посол во Франции — 534
Величко Самуил, украинский летописец — 490, 688
Вельяминов Никита Дмитриевич, уфимский воевода — 797
Вельяминов С., дворянин — 52
Вельяминов-Зернов Владимир Владимирович, историк-востоковед — 804
Веневитов Афанасий Федорович, гость — 107, 108
Венедиктов Анатолий Васильевич, юрист — 395
Венедиктов Иван, лекарь — 576
Венюков Никифор, подьячий посольского приказа — 581, 582
Верстов, полковник, командир отряда — 523
Вершинский Алексей Николаевич, историк — 765
Верюжский В., церковный историк — 576—578
Веселовский Николай Иванович историк-востоковед — 894, 895, 916, 917
Веселовский Степан Борисович, академик, историк — 27, 36, 50, 55, 106, 145, 155, 161, 171, 185, 207, 361, 382, 383, 413—418, 420, 421, 424, 438, 784, 794
Вестерфельд-фан Авраам, голландский художник XVII в. Работал при дворе гетмана литовского Януша Радзивилла — 673, 683, 707
Вешняк Федор, чигиринский полковник — 681
Видерос, стрелецкий полковник — 292
Виниус Андрей Андреевич, думный дьяк — 519
Виниус Андрей Денисович, голландский купец — 88—90
Виноградов Павел Гаврилович, историк — 12
Вирачев Алексей Шумилов, устюжский кузнец — 80, 570
Вирачев Ждан, устюжский кузнец — 80, 570
Вирачев Шумило Жданов, устюжский кузнец — 80, 570
Витсен Николай, амстердамский бургомистр — 539, 583, 821, 835—837, 845, 846, 855, 866, 867, 938
Вишневецкие, князья — 668
Вишневецкий Иеремия, князь, украинский магнат — 471, 678, 679
Владимир Святославич, князь киевский— 346, 593
Владимиров Иосиф, живописец — 637, 639, 642
Владимирский-Буданов Михаил Флегонтович, историк-юрист — 409, 410
Владислав IV, польский король (ранее королевич) — 147, 471, 474, 475, 481
Власов И. Е., нерчинский воевода — 87
Водарский Ярослав Евгеньевич, историк — 27
Воейков, подполковник, командир отряда — 523
Воейков М., могилевский воевода — 489
Возницын Прокопий Богданович, думный дьяк — 380
Войцеховский В. А.— 732
Волевач Иван, казак — 674
Волевач Тышко Федорович, чигиринский казак — 673
Волк Степан Степанович, историк — 6
Волконский князь, воевода г. Чугуева — 242
Волконский Петр, князь, воевода — 472
Волконский Федор Федорович, князь — 236, 251, 495, 649, 933, 938, 942

Волконский Я., приказный человек г. Чугуева — 391
Володимиров Иван, пятидесятник — 245
Волынский Артемий Петрович, казанский губернатор — 796
Волынский В. С., полковой воевода — 508
Вонифатьев Стефан, протопоп, настоятель кремлевского Благовещенского собора — 314, 315, 356
Воронин Владимир, гость — 91, 134
Воронин Исаак, руководитель Соловецкого восстания — 323
Воронин Николай Николаевич, археолог, искусствовед — 625
Воронины, братья, кожевники Толчковской слободы г. Ярославля — 73
Воротынская Н., боярыня — 187
Воротынские, князья — 348
Воротынский Иван Алексеевич, князь, боярин — 158, 517
Вухтерс Даниель, живописец — 355, 643
Выговский Данило, украинский полковник — 511
Выговский (Луговской) Иван, гетман Украины — 507, 509—511, 689, 690,699
Вышинский Андрей Януариевич, академик, юрист — 407, 408
Вяткин Михаил Порфирьевич, историк — 876, 877

Габсбурги, австрийская династия — 463, 464, 529, 531—534
Гавренев Иван Афанасьевич, думный дьяк, затем окольничий — 349, 381
Гавриил, священник, мингрельский посол в Москву — 930, 932
Гаврилов М. Ф., историк — 885—887
Гаврилов Семен, новгородский гость — 768
Гаврилов Яков, атаман отряда донских казаков — 308
Гаврилов Яков, живописец — 648
Гавритишвили Д., историк — 932
Гагарин Иван, князь, полковой воевода — 468, 471
Гаден Даниил, врач — 328, 329
Гадзяцкий Сергей Сергеевич, историк — 147, 502, 505, 763
Гаевский В. С., историк — 896
Газенкруг, костюмер придворного театра — 660
Галдан (Бошокту), джунгарский владетель (Хун-тайджи) — 830
Галилей, Галилео — 577
Галузка Парфен, мещанин — 670
Галятовский Иоанникий, ректор Киевской Коллегии — 698
Гамель Иосиф Христианович, историк — 452, 906, 915
Ганделиус, имперский представитель при переговорах России с Польшей (1615 г.) — 463
Гафуров Б. Г., историк — 886
Гевелий Иоганн, данцигский астроном — 577
Гедимин, великий князь Литовский — 327, 348
Гедиминовичи — потомки Гедимина, великого князя Литовского — 668
Гейман Василий Георгиевич, историк — 27, 112, 116, 782
Георгий (в мусульманстве Шах-Наваз-хан II), правитель Картлии — 940, 941
Георгий, имеретинский царь — 932, 934, 938, 941
Георгий Стефан, молдавский господарь — 714, 724—728
Гераклитов Александр Александрович, историк — 792
Гербервиль Дж., английский писатель — 612
Герольд, рудознатец — 915
Геронтий (Рязанцев Григорий Иванович) казначей Соловецкого м-ря, идеолог Соловецкого восстания — 322
Герритс, картограф — 583
Гиббенет Н. А., историк — 318, 359
Гизель Иннокентий, архимандрит Киево-Печерской лавры — 562, 591, 697
Гильфердинг, гравер — 260
Гиммельфарб Александр Яковлевич, архитектор — 27
Гиппиус Евгений Васильевич, музыковед — 600
Гирей Сурхаев, тарковский владелец — 917
Гладков Василий, донской казак—283
Гладков Иван, атаман — 298
Глотовы, торговые крестьяне — 126, 191
Глюк, переводчик — 762
Гмелин, путешественник XVIII в. — 833
Гневушев Андрей Михайлович, историк — 416, 775—778, 780
Гнинский, Я. — польский посол—532
Говси Тавризский, азербайджанский поэт — 965

Годунов Борис Федорович, царь. См. Борис Федорович Годунов, царь
Годунов Петр, свияжский воевода — 795
Годунов Петр Иванович, тобольский воевода — 385, 849
Годунов Федор Борисович, царевич. См. Федор Борисович Годунов, царевич
Голицын Борис Алексеевич, князь — 149
Голицын Василий Васильевич, князь — 149, 159, 276, 330, 379, 383, 460, 533, 535, 537, 538, 540, 541, 561, 587, 630
Голицын Иван Андреевич, князь, боярин — 149, 216
Голицыны, князья — 348, 350
Головацкий, предводитель казацких отрядов — 706
Головей Христофор, английский часовой мастер — 80, 568
Головин, якутский воевода — 845, 859
Головин И. С., преподаватель Славяно-греко-латинского училища — 567
Головин Федор Алексеевич, русский посол в Китай — 549
Головины, дворяне — 158
Голосов Лукьян Тимофеевич, думный дьяк Посольского приказа — 349, 380, 531, 565
Голосов Тимофей, дьяк — 216, 380
Голота Иван, полковник — 706
Голубев С., историк — 695
Гольдберг Н. М., историк — 543, 544
Гондиус Вильгельм, голландский гравер XVII в. — 469, 479, 509
Гонсевский, польский воевода — 470, 484, 487, 488, 497, 508, 509, 742
Гордон Патрик, генерал — 259—261, 525, 527, 528, 537
Горкуша, предводитель казацких отрядов — 706
Горн, шведский уполномоченный в мирных переговорах с Россией — 511
Горохов Андрей, подьячий, дозорщик — 775
Горохов Иван Саввич, дьяк приказа Калмыцких дел — 283
Горский Александр Васильевич, профессор Московской духовной академии —565
Горчаков Михаил Иванович, историк — 161—163
Горький Алексей Максимович, писатель — 592, 603, 615, 659, 700
Готье Юрий Владимирович, академик, историк — 31, 32, 39, 40, 46, 50, 69, 147, 148, 169, 188, 190, 765
Грабарь Игорь Эммануилович, академик, искусствовед — 624, 626
Градовский Александр Дмитриевич, историк-юрист — 384, 386
Грегори Иоганн Готфрид, пастор — 660, 661
Греков Борис Дмитриевич, академик, историк — 50, 108, 179, 185, 189, 284, 422, 627
Греков Игорь Борисович, историк — 27
Гречанин Константин, дворянин — 581
Грибов Анисим, торговый человек — 542
Грибоедов Семен, стрелецкий полковник — 326, 525
Грибоедов Федор, дьяк Разрядного приказа — 236, 346, 586
Григорьев Дмитрий, живописец — 640
Григорьев Никифор, оконничный мастер — 649
Гримультовский К., польский посол — 532, 535
Гринвальд Я., историк театра — 659, 662
Грудцыны, торговые люди — 50
Грязев Мина Кириллович, дьяк — 216
Грязной Василий, воронежский воевода — 241, 242
Губин Григорий, устюжский посадский человек — 219
Гудзий Николай Калинникович, историк литературы — 599
Гуляницкий, польский полковник — 510
Гуня Дмитрий Тимофеевич, предводитель крестьянско-казацкого восстания — 677
Гурлянд Иван Яковлевич, историк — 370, 792
Гурьев Андрей, гость — 275
Гурьев Михаил, гость — 126, 199, 219, 275, 276
Гуслистый Константин Григорьевич, историк — 677, 696
Густав II Адольф, шведский король— 464, 747, 752, 763

Давид (сын Ираклия), правитель Кахетии — 941
Давыдов Д., рязанский помещик — 279
Давыдов Максим, священник — 304
Давыдов Ф., рязанский помещик — 279
Дагоберт, французский король — 591
Дайчин, калмыцкий тайша — 274, 283
Даниил, протопоп г. Костромы — 314, 315
Данилевский Г.— 884

Данилевский К. В.—277
Данилов Иван, живописец — 649
Данилов Михайла, думный дьяк Поместного приказа — 655
Д'Асколи, итальянец, путешественник — 904, 920
Даўгяла З., историк — 709
Даудов Василий Александрович, посол в Среднюю Азию — 518, 884, 887, 898
Девлет-Гирей, крымский хан — 922
Девлетбаев Девеней, башкирский феодал — 809
Девлетбаев Иш-Мухаммед, башкирский феодал — 809, 810
Девлетбаев Конкас, башкирский феодал— 809
Деге Курменен, французский посол — 464
Дегтеревы, тихвинские кузнецы — 67
Дежнев Семен Иванович, сибирский служилый человек — 580, 583, 850, 851
Делагарди Магнус, шведский полководец — 493, 504, 505, 764
Делбене, живописец — 745
Демидов Гаврило, псковский земский староста — 253—256
Демидов Никита, горнозаводчик — 91, 92
Демидовы, горнозаводчики — 67, 92
Демков М. И., педагог — 566
Демулин К., голландец — 104
Державин Н. С., академик, историк — 722
Детерсон Иван, живописец — 643
Детинка, гайдук — 723
Джавахишвили Иван Александрович, академик. историк — 935
Джаган-Сааджага, великий могол — 543
Джангир, казахский хан — 877, 879
Джелал, шейх — 926
Джикия С., историк — 937
Джонсон Ричард, английский путешественник — 816
Дзинковский Иван, полковник — 305
Дилецкий Н. П., композитор и музыкальный теоретик — 702
Дионисий, константинопольский патриарх — 357, 359
Дирр, А. М. этнограф — 912
Дмитриев М., валуйский воевода — 391
Дмитрий, митрополит Ростовский — 564
Дмитрий, хантский князь — 821
Дмитрий, царевич — 585
Доброклонский Александр Павлович, историк — 166, 170, 171, 173, 174, 190, 191
Добролюбов Николай Александрович — 7, 8
Добросмыслов Александр Иванович, оренбургский врач, любитель истории — 802, 872
Довнар-Запольский Митрофан Викторович, историк — 214
Долгий, атаман, участник движения Разина — 304
Долгих Борис Осипович, этнограф — 27, 840
Долгоруков В., олонецкий воевода — 771
Долгоруков Владимир Дмитриевич, князь, полковой воевода — 537
Долгоруков Михаил Юрьевич, князь — 328
Долгоруков Петр Алексеевич, полковой воевода — 512
Долгоруков Юрий Алексеевич, князь, боярин — 193, 211, 217, 248, 279, 303, 305, 309, 310, 319, 502, 508, 509, 512, 513
Долгоруков Яков Федорович, князь — 537
Дондуа Варлам Дариспанович, историк — 27
Дорн Борис Андреевич, академик, востоковед — 925, 955, 661
Дорошенко Петр Дорофеевич, гетман Правобережной Украины — 290, 518, 692, 693
Досифей, иерусалимский патриарх — 567
Досифей, митрополит молдавский — 729
Досмухаммедов Актай, башкирский посол — 810
Дохтуров Герасим Семенович, думный дьяк — 215
Дружинин Василий Григорьевич, историк — 266, 269, 324
Дубенский Матвей, дворянин — 409
Дубенский Федор, дворянин — 408
Дьяковы, тамбовские дворяне — 159
Дьяконов Михаил Александрович, историк — 176, 181, 185, 186, 188, 189

Евдокимов Ананий, живописец — 647
Евдокимов Герасим, московский посол на Дон — 295
Евстафиев Спиридон, грек, рудознатец — 581
Екатерина II, императрица — 5
Елизаров Федор Кузьмич, думный дьяк— 381

Елизаровы, дворяне — 158
Елисеев Степан Борисов, подьячий съезжей избы у Соли Камской — 208
Елыхметев Джан-Али, служилый татарин — 794
Ельчин Ф. В., русский посол в Мингрелию — 942
Емельянов Федор, псковский посадский человек — 219, 250, 251
Енш Г., историк — 750
Епифаний, инок, расколоучитель — 324
Еремеев Парфен, донской казак, атаман— 297
Еремян Сурен Тигранович, историк — 27
Ермак, покоритель Сибири — 271, 587—589, 601
Ермилов А., староста с. Апушки — 279
Еропкин М. И., стольник — 54
Есим, казахский хан — 878, 879
Есипов Савва, архиепископский подьячий — 588
Ефименко Александра Яковлевна, историк — 192
Ефимов Матвей, мастер строитель — 703

Жан де Люк, монах доминиканского ордена — 904, 920
Жантиева Диляра Гиреевна, литературовед — 923
Жданковы, торговые люди — 133
Жеглов Иван, сын боярский — 251, 252
Жедринский Мартьян, нижегородец, участник Московского восстания — 259
Желябужские, дворяне — 158
Желябужский, дворянин, ездивший на Украину — 691
Желябужский, московский дворянин—364
Жербин А. С., историк — 504, 765
Жеребцов, историк — 7
Жеребцов Дмитрий, пустозерский воевода — 785
Жеромский Константин, командир польско-литовского отряда — 493
Жидовинов В. С., русский посол в Кахетию — 942
Жировский, имперский посол — 533
Житкой Лука, московский посадский человек — 259
Жолкевский Сигизмунд, польский гетман — 475
Жоховский Киприан, униатский епископ — 709

Забелин Иван Егорович, историк — 63, 65, 565, 567, 620, 623, 626
Заболоцкий А. С., сыщик беглых крестьян — 280
Заборовский Семен Иванович, думный дьяк, впоследствии боярин — 349
Задорин Семен, торговый человек гостиной сотни — 74, 260, 262
Замойская Екатерина, польская панна — 675
Замысловский Егор Егорович, историк — 519
Замыцкий Дорофей, староста Мещанской слободы — 330
Заозерская Елизавета Ивановна, историк — 92, 110, 191
Заозерский Александр Иванович, историк — 27, 39—42, 54, 56, 71, 72, 168—170, 183, 187, 263, 353, 363, 370, 371, 388, 570
Заруцкий Иван Мартынович, предводитель казацких отрядов — 272, 273
Заславские, князья — 668
Заславский Доминик, князь, польский магнат — 679
Засулич Вера Ивановна — 43
Захария Саркаваг, армянский историк XVII в.— 944, 947, 949, 952, 953, 956, 957, 963
Захаров, полковник, переписчик Яицкого войска — 277
Збаражские, князья — 668
Звенигородский, Семен Григорьевич, князь, посол в Грузию — 649
Зеленин Д. К., этнограф — 41
Зеркальников Порфирий, ученик школы Ф. М. Ртищева — 565
Зерцалов Александр Николаевич, историк — 241, 245, 257, 259, 262, 364, 792
Зизаний Лаврентий, украинский писатель — 612, 697
Зийяд-оглы, семейство азербайджанских феодалов — 961
Злобин Данила, служилый человек — 790
Злобин Иван, красноярский служилый человек — 831
Змеев Богдан, сын боярский — 272, 275
Змеев Венедикт Андреевич, тамбовский воевода — 450, 525
Змеев Л. Ф., 575, 576
Змеев Яков Андреевич, устюжский воевода — 390
Золотарев Василий Данилович, сыщик — 769
Золотарев Карп Иванович, золотописец — 642, 646, 953

Золотаренко Василий, казачий полковник — 494, 512
Золотаренко Иван Никифорович, наказный гетман Украины — 482, 484, 486—492, 494, 496
Зотов Никита Моисеевич, посол в Крым— 530
Зутис Ян Яковлевич, историк — 27

Ибаковы, кабардинские владельцы — 904
Ибрагим-Паша, турецкий главнокомандующий в войне 1677—1681 гг.—521, 523, 602
Иван III Васильевич, великий князь московский — 198, 457
Иван IV Васильевич (Грозный), царь — 157, 265, 346, 347, 350, 354, 396, 459, 594, 598, 804, 923
Иван, протопоп г. Романова — 239
Иван,сын царя Михаила Федоровича—561
Иван Алексеевич, царь — 326, 328, 330, 766, 777
Иванов, житель г. Ярославля — 630
Иванов Алмаз (Ерофей Иванович), думный дьяк — 192, 379—382, 460, 764
Иванов Герасим, крестьянин — 334
Иванов Илья, атаман в войске С Разина — 309
Иванов Илья, предводитель казацкого движения на Дону в 1682 г.—336
Иванов Курбат, сибирский служилый человек — 580
Иванов Ларион Иванович, думный дьяк— 328, 381
Иванов Леонтий, живописец — 660
Иванов Осип, живописец — 660
Иванов Петр Иванович, историк — 40, 42, 142, 920
Иванов Посник, енисейский служилый человек — 851
Иванов Федор, дьякон Благовещенского собора в Москве — 314, 316, 318, 324
Иванов Фома, красноселец — 262
Иевлев Алексей, дьяк, русский посол в Имеретию — 907, 912, 927—929, 942
Избранд (Избранд-Идес, Избраннедес) Эбергард, посол русского правительства в Китай — 547—549, 776, 777, 823, 832, 845, 864
Избрант Елизар, заводовладелец — 92
Измайлов Артемий Васильевич, окольничий, полковой воевода — 468, 475
Иконников Владимир Степанович, историк — 356
Илларион, рязанский архиепископ — 360
Ильин Петр, живописец — 80
Илья, архимандрит Соловецкого м-ря — 320, 321
Имамкули, бухарский хан — 896
Иоаким, патриарх московский — 156, 159, 163, 323, 326, 770
Иоанисян Абгар Рубенович, историк — 947, 954
Иоасаф, патриарх московский — 359, 642
Иосиф, астраханский митрополит — 297
Иосиф, патриарх московский — 159, 161, 255, 313—315
Ираклий (Николай Давыдович) кахетинский царевич, царь Картлии — 938—941
Иренак Ишеев, алтысарский князец — 546, 831
Иса-хан, правитель Кахетии — 935, 937
Искандер Мунши, азербайджанский историк XVII в.— 926, 936, 959, 960, 962, 965
Истомин Карион, монах Чудова монастыря — 558, 559, 578, 613, 646
Исупов Иван, городовой дворянин (арзамасец) — 232
Исфендиар, хивинский хан — 896
Итилида, энецкий князец — 816
Иштерек-абыз, чуваш — 795
Кабанов А. К., историк — 166, 171, 304, 364
Казы-Гирей, крымский хан — 919
Калиновские, князья — 668
Калиновский М., польный гетман — 678
Калка, мордовский мурза — 310
Каманин Иван Михайлович, историк—674
Канбулатов Куденет, кабардинский князь — 914
Кантакузин Фома, грек, турецкий посол — 267, 465
Каптерев Николай Федорович, историк — 312, 313, 315, 316, 358—360, 563, 565
Кара-Мустафа, турецкий визирь — 524, 525, 527, 528
Кара-Языджи-Дели Хасан, предводитель восстания в Турции — 926, 962
Карабанов, коллекционер — 308—309
Карабгоев, дигорский владелец — 913
Карамзин Николай Михайлович, историк — 5—7, 588
Карамышев, русский воевода на Дону — 267
Карандеев Александр, стрелецкий полковник — 326

Карашай Тотластанов, кабардинский князь — 923
Карл I, английский король — 137, 591
Карл X Густав, шведский король — 493, 496, 497, 506, 742, 756
Карл XI, шведский король — 755, 756, 766
Карпов А. Б., историк — 271—277
Карчиха-хан, предводитель персидского шаха — 936, 937
Касимов Василий, атаман — 276
Касимов М., русский посол к великому моголу — 543
Кастелли, итальянец, путешественник — 933, 935
Касым, хан казахский — 878
Касым-хаджа, бухарский поэт — 898
Катаев И. М., историк — 166, 171
Катанбай, крупный феодал Казахстана — 875
Каторжной Алексей, атаман отряда донских казаков — 287
Катырев-Ростовский Иван Михайлович, князь — 601, 612, 613
Кауфман Александр Аркадьевич, экономист — 36
Кафенгауз Борис Борисович, историк — 92, 593
Квашнин Петр Андреевич, поэт, зачинатель тонического стихосложения — 512, 613
Квашнин Федор, воевода — 388
Келмамет, кабардинский князь — 906
Кемпфер Енгельберт, секретарь шведского посольства в Персию — 957
Кёпрюлю, семья турецких визирей — 518
Кер-оглу, предводитель крестьянского восстания в Азербайджане — 963, 964
Кереитов Кузьма, астраханский посадский человек — 284
Кильбургер Иоганн, член свиты шведского посольства — 103, 119, 436, 583
Киприан, сибирский архиепископ — 587, 588, 868
Кирилл, епископ туровской — 612
Кириллов Аверкий Степанович, думный дьяк — 184, 328, 332, 379, 380, 630
Кириллов Иван Кириллович, начальник Оренбургского края — 796
Кисель Адам, украинский магнат — 681
Кит Вилим, полковник, иноземец на русской службе — 470
Кишкина Надежда Юрьевна, историк — 726, 728
Клетка Никифор, член Земского собора 1648 г.—246
Клюев Федор, крестьянин — 192
Ключарев Иван, дьяк, посол в Кахетию — 649, 910, 927
Ключевский Василий Осипович, историк — 10—12, 14, 151, 200, 348, 351, 353, 354, 579
Кмитич, предводитель польских отрядов — 512
Кобузев Софон, житель г. Козлова — 240
Ковалевский Максим Максимович, историк — 911
Коет Петр, шведский королевский секретарь — 95
Коет Юлий, швед, пушечный мастер — 95
Коет Елисей, швед, заводовладелец — 104
Козмин Кондрат, псковский протопоп— 258
Колбецкий Прохор, дворянин — 364
Коллинс Самуил, английский врач — 132, 583, 594, 597
Кологривов Сергей Николаевич, историк — 919
Кокорев Григорий Иванович, мангазейский воевода — 388
Конашевич-Сагайдачный Петр Степанович, кошевой атаман Запорожского войска — 674, 694
Кондратьев Г., сумской полковник — 305
Кондратьев Давыд, пушечный мастер — 95
Кондырев Ждан Васильевич, полковой воевода — 270, 481
Кондырев Иван, донской атаман — 281, 286
Кондырев Иван, московский посол в Турцию — 463—465, 468
Конецпольский Александр, сын польского гетмана — 679
Кононович, гетман реестровых казаков — 676
Константинов Антипа, каменных дел подмастерье — 84, 623, 625
Копанев Александр Ильич, историк — 177
Коперник Николай, польский астроном — 577
Копинский Исаия, епископ перемышльский — 696
Копреева Т. Н., историк — 517
Копылов Д., сибирский служилый человек — 851

Копыстенский Захария, православный епископ на Украине — 697
Корецкие, князья — 668
Корнилович Александр Осипович, декабрист — 6
Коробов, житель г. Калуги — 629, 630
Корсаков Игнатий, мангазейский воевода — 822
Корсаков Петр, дворянин — 409, 410
Косагов Григорий Иванович, генерал — 271, 308, 450, 523, 525, 537
Косвен Марк Осипович, этнограф — 907
Косинский Крыштоф, украинский шляхтич, предводитель казацкого восстания — 674
Косой Кузьма, кузнец — 324
Косой Феодосий, русский рационалист XVI века — 313
Косс Г., датский майор — 498
Коссов Сильвестр, киевский митрополит — 695
Костин Мирон, молдавский летописец — 722—724, 728, 729
Костомаров Николай Иванович, историк — 48
Костоустов Дмитрий, каменных дел подмастерье — 625
Костоустов Леонтий, каменных дел подмастерье — 625
Котельников Дмитрий, устюжский посадский человек — 219
Котов Ф. А., купец — 910, 914, 915
Котошихин Григорий Карпович, подьячий Посольского приказа — 98, 151, 258—260, 262, 402, 403
Коцельский Петр, купец г. Броды — 670
Кочебай, киргизский князец — 829
Кошкины, новгородские торговые люди — 119, 127
Краббе Иверт, датский посланник — 251
Кравков Матвей Осипович, генерал, командир выборного полка — 326—328, 447, 523, 526
Кравцов Д. Е., историк — 308
Крамер, хронист — 591
Красинский Ян, полоцкий воевода—500
Крашенинников Степан Петрович, академик, географ — 843
Крекшин Петр Никифорович, историк — 329
Кривой Сергей, атаман восставших казаков, соратник С. Разина — 287, 288
Кривонос (Перебийнос) Максим, предводитель крестьянских отрядов — 679, 699
Кривоносов Филипп, новгородский земский староста — 246
Кривошапка, предводитель украинского казацкого отряда — 706
Кривушин Герасим, полковой казак — 241, 242
Крохин В., историк — 764
Крыжановский В. И., искусствовед — 656
Крылова Татьяна Корниловна, историк — 496
Крюков Василий, подьячий — 69
Крюковский Еремей, трубник — 263
Ксенофонтов Михаил Петров, подьячий съезжей избы Соли Камской — 270
Кудашев В. Н., историк — 906, 907
Кудрявцев И. М., историк — 592, 970
Кудрявцев Тимофей, дьяк — 586
Кудрявцев Ф. А., историк — 840, 842
Кудряшов Константин Васильевич, историк — 27
Кузнечик Иван, каменных дел подмастерье — 625
Кузьмин Иван, сын боярский — 296
Кунаков Григорий, дьяк — 586, 682
Кунцевич Иосафат, полоцкий униатский архиепископ — 705
Куракин Федор Семенович, князь — 149
Куракины, князья — 348
Куреяков Быкы, якут — 838
Курицын Всеволод Михайлович, юрист — 27
Куро Тамара Ивановна, историк педагогики — 559
Курц Борис Георгиевич, историк — 119
Кучук, царевич, правнук Кучума — 809
Кучум, сибирский хан — 589, 806, 851, 852, 859
Кучумовичи, сибирские царевичи — 806, 809, 810, 859
Кушева Екатерина Николаевна, историк — 27, 186, 916, 917

Лавкай, даурский князь — 846
Лаврентьев Никифор, новгородский земский староста — 246
Лаврентьев Самойла, донской атаман — 324
Лавров Леонид Иванович, этнограф — 904, 925
Лазарев Андрей, командир солдатского отряда — 233
Лазаревская Юлиания (Осорьина Улиания) — 602, 615

Лазарь, протопоп г. Романова — 314, 318, 324

Лангуй Андрей, кольский стрелецкий пятидесятник — 775

Лапицкий И. П., историк литературы — 599, 600

Лаппо-Данилевский Александр Сергеевич, историк — 419, 424

Ларионов Василий, дозорщик Вымского уезда — 775

Ларионов Григорий, дьяк Разряда — 233

Ларионов Семен, дворянин — 258

Ларионов Трофим, иконописец — 649

Ласковский Ф. Ф., историк — 471

Латкин Василий Николаевич, историк — 241

Лачинов Елисей, пензенский воевода — 305

Лебедев Дмитрий Михайлович, географ — 548, 550, 580—582, 584

Леван III (Леонт, Леонтий), мингрельский владетель — 930, 932, 933, 938, 939, 941

Левандиан, грек, рудознатец — 867

Левенец, полковник, командир отряда — 523

Левидова С., историк — 767

Левшин Алексей Ираклиевич, чиновник Министерства иностранных дел — 878, 879

Ледяев Василий Андреевич, историк — 27

Леонидзе Г., историк — 935

Леонтович Федор Иванович, историк права — 911

Леонтьев Гаврила, дьяк — 236

Леонтьев Замятня Федорович, стольник, полковой воевода — 491

Леонтьев Федор Иванович, полковой воевода — 309, 310

Лепехин Иван Иванович, академик — 777, 778

Лесли Александр, полковник, иноземец на русской службе — 470, 475

Лжедимитрий I, самозванец — 267, 585

Лжедмитрий II, самозванец — 585, 763

Липницкий, командир польских отрядов—512

Липский А. Н., этнограф — 846

Лисовский, командир польско-литовских отрядов — 478, 489

Лихарев, темниковский воевода — 309

Лихачев Федор Федорович, думный дьяк — 381, 460

Лихачевы, дворяне — 327

Лихуд Иоаникий, преподаватель Славяно-греко-латинского училища в Москве — 567

Лихуд Софроний, ученый грек, преподаватель Славяно-греко-латинского училища в Москве — 567

Лищинский, студент Виленской академии — 744

Лобанов Матвей, пристав митрополичьих дел — 658

Лобанов-Ростовский, командир отряда — 509, 510

Лобода Григорий, гетман — 674

Ловягин Александр Михайлович, историк — 70, 380

Логгин, протопоп г. Мурома — 314

Лозанова А. Н., историк литературы — 598

Ломоносов Михаил Васильевич — 613, 697

Лопухины, бояре — 149

Лопуцкий Станислав, смоленский шляхтич, живописец — 346, 642, 643

Лорбах, посол Священной Римской империи — 355, 497

Луарсаб II, царь Картлии — 934, 935

Лубсан-Эренцин, алтын-хан — 546, 830

Лугинины, металлургические заводчики — 67

Луговской Иван — см. Выговский Иван

Лукомский, командир польско-литовских отрядов — 487, 489

Лукьянов П. М., химик — 576

Лупу Василий, молдавский господарь — 648, 684, 716, 719, 721, 722, 724—726, 732

Лусиков Григорий, армянский купец — 948, 951

Лыков Борис Михайлович, князь — 178, 216

Лыковы, князья — 349

Лыткин В. Ф., стольник — 153

Львов, князь, участник Соловецкого восстания — 320

Львов Алексей Михайлович, князь, боярин — 233

Львов В. П., князь, псковский воевода — 251

Львов Дмитрий, живописец — 647

Львов С. П., полковой воевода — 510

Львов Семен Иванович, князь, астраханский воевода — 286, 287, 289, 290, 297

Львовский Стефан, армянский живописец и философ XVII в.—953

Львовы, князья — 349
Любавский Матвей Кузьмич, историк — 94, 113, 155, 226, 304
Любовецкие, торговые люди — 133
Любомиров Павел Григорьевич, историк — 177, 360
Любомирский Е., коронный гетман — 513, 517
Людовик XIV, французский король — 530, 534

Магомед-Мусалав Кудутлинский, арабист-богослов — 924
Мазепа Иван Степанович, гетман Украины — 538
Мазлык Федос Лукьянов, устюжский кузнец — 68
Мазлыков Елфим, устюжский кузнец — 68
Мазлыков Петр, устюжский кузнец — 68
Майков Леонид Николаевич, академик, историк литературы — 597
Майкова Татьяна Сергеевна, историк —27
Макарий, антиохийский патриарх — 76, 82, 124, 316, 358, 359, 568, 636, 642, 648, 716
Макарий, новгородский архиепископ — 770
Макарий, псковский архиепископ — 250, 253
Макаров Иван Сергеевич, историк — 46, 47, 76, 77, 118, 119, 381, 779
Макаров Терентий, каменных дел подмастерье — 625
Максимов Иван, живописец —94, 637, 647
Макухина Надежда Павловна, историк—6
Маленькой Семен, торговый человек гостиной сотни, посол в Индию—544, 545
Малиновский Александр Федорович, историк — 543, 544
Малышев Владимир Иванович, историк литературы — 969
Мальцев Александр Николаевич, историк — 27, 480, 482, 490, 491, 493
Мамай Алибек, издатель — 911
Мамед (Мухаммед) Канакерлу, предводитель крестьянского восстания в Азербайджане — 963
Мамия (Мануйло), владетель Гурии — 932, 941
Мануил, грек, учитель Славяно-греко-латинского училища в Москве — 566
Манпель, латышский пастор, проповедник — 762
Марселис Петр Гаврилович, датский купец — 88—92, 110, 768, 770
Мартелли, папский нунций в Польше — 530
Мартенс Федор Федорович, историк — 499
Марфа Матвеевна, царица, жена царя Федора Алексеевича — 329
Маршаев Рамазан Гамидович, историк — 911, 918
Масихи, азербайджанский поэт — 965
Масса Исаак, голландский купец и дипломат — 131, 583
Матвеев Артамон Сергеевич, боярин — 261, 263, 328, 349, 350, 379, 485, 561, 661, 888
Матюшкины, дворяне — 158
Машицкий Иван, купец г. Броды — 670
Медведев Сильвестр (Семен), подьячий Приказа тайных дел, впоследствии ученый и писатель — 326—330, 332, 333, 566, 590, 591, 613
Медынский Евгений Николаевич, педагог — 559
Мейерберг Августин, посол Священной Римской империи в Русское государство — 53, 54, 145, 173, 229
Мельников С., историк — 787, 791, 792, 795
Менезиус, русский посол в Вену — 519
Мергень, калмыцкий тайша — 286
Мерзон, Александр Цезаревич, историк — 122
Мерик Джон, английский посол — 136
Меркатор, географ — 584
Меркурьев Матвей, сольвычегодский таможенный голова — 118
Месхия Ш., историк — 932
Мехлу-Баба — (Мехлу-вардапет), монах, предводитель крестьянского движения в Армении — 950, 953, 963, 964
Мещеринов Иван, полковой воевода— 323
Мещеряков, атаман — 309
Миклашевский Иван Николаевич, историк — 38, 39, 42, 47, 51
Милицин Карп, пушкарь — 240
Миллер А. А., историк — 925
Миллер Всеволод Феодорович, историк литературы — 916, 923
Миллер Герард Фридрих, историк — 829, 847, 914
Миллер Илья Соломонович, историк — 680, 682, 684
Милованов И., посол в Китай — 548

Милославская Анна Ильинична. См. Морозова Анна Ильинична
Милославская Мария Ильинична, первая жена царя Алексея Михайловича — 326, 641
Милославские, бояре — 149, 157, 326, 330, 348, 383
Милославский Иван Богданович, боярин, воевода — 72, 303, 306, 308, 450
Милославский Иван Михайлович, боярин — 260, 383
Милославский Илья Данилович, боярин— 54, 90—92, 166, 248, 260, 343, 356, 383
Милюков Павел Николаевич, историк — 200, 419, 424, 431, 432, 438
Милютин Михаил, живописец — 637
Мин, китайская династия — 848
Минаев Флор, донской атаман — 300, 525, 537
Минас, армянский живописец XVII в.— 953
Минин Кузьма Захарович, глава второго подмосковного ополчения — 32
Мисаил, белгородский митрополит — 335
Митяев Константин Григорьевич, историк — 72, 119, 123, 133
Михаил Федорович, царь — 32, 54, 126, 140, 143, 144, 148, 153, 156, 160, 177, 178, 265, 266, 268, 275, 337, 339, 340, 345, 346, 349, 352, 356, 361, 362, 383, 399, 407, 412, 413, 417, 441, 458, 461, 542, 543, 561, 563, 577, 578, 584—586, 646, 647, 732 783, 794, 864
Михайлов Борис, дьяк, посол в Данию и Швецию — 537
Михайлов Викула, подьячий съезжей избы г. Доброго — 208
Михайлов Иван, плотник — 619
Михайлов Клим, мастер-резчик — 651
Михайлов Онисим, автор «Устава ратных, пушечных и других дел...»— 455, 572, 573
Михайлов Онисим, подьячий с приписью, в Устюге Великом — 238
Михаловский Яков, польский магнат — 673, 678, 679, 681
Мнишек Марина, жена Лжедмитрия I и II — 272, 273
Многогрешный Демьян Игнатьевич, гетман Левобережной Украины — 693
Могила Константин, молдавский господарь — 721
Могила Петр, митрополит киевский — 563, 675, 695, 696, 729
Мокеев Аверкий, каменных дел подмастерье — 625
Молодой Дмитрий Васильев, кузнец — 62
Молчанов, приказчик Красной слободы— 865
Мончак, калмыцкий тайша — 283
Морж, монах, один из руководителей Соловецкого восстания — 323
Морозов Борис Иванович, боярин — 17, 40—45, 52—54, 90, 91, 112, 126, 149, 155, 159, 166—172, 174—176, 182—185, 187, 190, 191, 217, 224, 228—235, 237, 248, 260, 343, 383, 425, 627
Морозова (урожденная Милославская) Анна Ильинична, жена боярина Б. И. Морозова — 44, 229
Морозова Феодосия Прокопьевна, боярыня — 317, 328
Морозовы, бояре — 348
Москвитин Емельян, живописец — 636
Мосоловы, металлургические заводчики — 67
Мстиславские, князья — 348
Мубарек-Гирей, крымский царевич — 471, 472
Мудар Алкасов, кабардинский князь—916
Мужиловский Сулуан, полковник — 681
Мульхам, бухарский поэт — 897
Мундар, кабардинский мурза — 933
Мунис, псевдоним хивинского историка XIX в. Шир-Мухаммеда сына Эвезбия — 894
Мурад IV (Мурат-Салтан), турецкий султан — 267, 466
Мурашко (Мурашка) Денис, предводитель крестьянского восстания в Белоруссии и Литве — 708, 737, 738
Муркос Г., филолог, арабист — 716
Мустафа-бек-Гзир-оглу, предводитель крестьянского восстания в Азербайджане — 963
Мухаммед-Ма сум Хуласет ас-сийяр, автор «История фамилии Зийяд-Оглы до 1664 г.»—961
Мухамметев Мустафа, хронист — 811
Мыльник Семен, устюжский посадский человек — 47
Мымрин Кондратий, подмастерье каменных дел и мастер резного дела — 84
Мымрин Михаил, подмастерье каменных дел и мастер резного дела — 84
Мышецкий Данила Ефимович, князь, воевода — 317, 497, 498, 515

Мышецкий Ефим Федорович, князь, посол в Кахетию — 649, 910, 927, 928, 942
Мюллер Раиса Борисовна, историк — 764, 767, 769, 770

Наан Густав Иоганнович, историк — 746
Нагаев Кузьма, стрелец — 259
Нагово Богдан, полковой воевода — 468, 470, 474
Надир-Мухаммед, бухарский и балхский хан — 897
Нарышкин Афанасий Кириллович, боярин — 328
Нарышкин Иван Кириллович, боярин — 328
Нарышкин Кирилл Полуектович, боярин — 328, 350
Нарышкин Лев Кириллович, боярин — 91, 632
Нарышкина Наталья Кирилловна, вторая жена царя Алексея Михайловича — 326—329, 332, 661
Нарышкины, бояре — 149, 157, 326—328, 330, 348
Наседка Иван, украинский писатель — 612
Нащокин Иван, русский посол в Кахетию — 649
Небаба Антон, предводитель украинского казацкого отряда — 706
Неверов Иван, каменных дел подмастерье — 625
Невилль, француз, путешественник — 583
Неволин Константин Алексеевич, историк — 143
Неелов Федор, пустозерский воевода — 785
Нектарий, иерусалимский патриарх — 359
Неплюев Леонтий, курский воевода — 335, 537, 538
Неронов Иван, протопоп Казанского собора в Москве — 314—316, 356
Несефи Сайид, бухарский поэт — 898, 900
Нестеров Афанасий, стольник, посол в Турцию — 518
Нетесов Дмитрий, городовой дворянин (арзамасец) — 232
Нечаев Панкрат, городовой дворянин (арзамасец) — 232, 233
Нечай, яицкий атаман — 274
Нечай Иван, украинский казацкий полковник — 494, 509, 699
Нечкина Милица Васильевна, историк — 14
Никанор, архимандрит, один из руководителей Соловецкого восстания — 322
Никитин Афанасий, тверской купец — 543
Никитин Владимир, протопоп Успенского собора в г. Устюге Великом — 160
Никитин Гаврила Романович, гость — 119, 136, 548, 551
Никитин Гурий, живописец — 639
Никитин И., торговый человек — 543
Никитин Иван, устюжский живописец — 80
Никитин Р., торговый человек — 543
Никитин Т., староста с. Куликов Тамбовского у.— 280
Никитинский Яков, казачий атаман —310
Никитины, торговые люди — 861
Никитников Григорий Леонтьевич, гость — 111, 126, 134, 639
Никифор, митрополит, кахетинский посол в Москву — 933
Никодим, чернец, составитель иконописного подлинника — 574
Николай Давидович. См. Ираклий, царь Картлии
Никольский Владимир Капитонович, историк — 156, 366
Никольский Николай Михайлович, историк — 317, 324
Никон, патриарх московский — 160, 162, 163, 218, 251, 255, 300, 312—319, 321, 322, 324, 332, 343, 354—360, 430, 561, 563, 565, 626, 642, 643, 793
Новиков Николай Иванович, просветитель конца XVIII в.— 598
Новицкий, полковник, командир русского отряда — 523
Новицкий В. И., историк — 153
Новицкий Георгий Андреевич, историк — 244
Новомбергский Николай Яковлевич, историк-юрист — 150, 406—408, 592
Новосельский Алексей Андреевич, историк — 27, 33, 41, 43, 45, 46, 51—53, 77, 116, 124, 151—153, 155, 159, 162, 165 — 170, 172, 174, 176, 179, 180, 182, 183, 187, 188, 268—271, 280, 350, 353, 363, 391, 465, 467, 468, 472, 473, 476, 477, 479, 481, 516, 724, 790, 920, 921

Ногмов Шора Бекмурзин, историк — 906, 907, 920—923
Нордман Н. Н., историк — 36
Нумменс Логин, шведский агент по закупке хлеба — 250

Оболенский Михаил Александрович, князь — 587
Образцов Григорий Николаевич, историк— 36, 41, 42, 181
Обухов Меркурий, устюжский посадский человек — 219
Обухович Михаил, польский полководец — 511
Овнатан Нагаш, армянский поэт и живописец XVII в.— 953
Овцын Григорий Дмитриевич, стольник — 69
Овчинникова Екатерина Сергеевна, искусствовед — 638, 648
Огинский М., польский посол — 535
Оглоблин Николай Николаевич, историк — 245
Огурцов Бажен, каменных дел подмастерье — 623, 625
Одоевский Никита Иванович, князь, боярин — 54, 168, 169, 233, 236, 349, 356, 482, 500, 532
Одоевский Яков Никитич, князь, боярин и воевода — 158
Озеров Иван, ученик школы Ф. М. Ртищева — 565
Озеров Федор, боярский сын — 335
Окольский Симеон, польский ксендз — 676
Олеарий Адам, голштинский посол — 70, 232, 380, 570, 578, 597, 788, 789, 909, 915, 957
Олисов Афанасий, гость — 134
Омбо-Эрдени, алтын-хан — 546
Опалинский К., предводитель шляхетского ополчения — 497
Опарин Ф., староста в Кашинской вотчине А. И. Безобразова — 190
Орда Винцент, шляхтич — 742
Ордин-Нащокин Афанасий Лаврентьевич, боярин — 139, 349, 356, 379, 460, 491, 492, 497, 499, 507, 511, 514, 517, 561, 760, 761
Осипов Максим, атаман, участник движения С. Т. Разина — 303, 304
Осколков Андрей, крестьянин Вымского у.—780
Осколковы братья, торговые крестьяне Вымского у. — 780
Осорьин Каллистрат (Дружина), муромский дворянин — 602
Осорьина Улиания. См. Лазаревская Юлиания
Остафьев Дорофей Емельянович, соликамский воевода — 555
Островская М. А., историк — 36, 40, 42
Острожский Константин Константинович, князь — 694
Остророг Николай, польский магнат — 679
Острянин Яков, предводитель восстания на Украине — 676, 677
Охримовы, тихвинские кузнецы — 67
Очирой, монгольский хан — 860
Ощерин Афанасий, пустозерский воевода — 776

Павел, коломенский епископ — 359
Павел, митрополит крутицкий — 360
Павел Алеппский, архидиакон — 76, 82, 83, 124, 568, 636, 648, 716, 722, 723, 732
Павленко Николай Иванович, историк — 92
Павлищев Николай Иванович, историк — 515
Павлов Виктор, скорняк — 207
Павлов Макар Емельянов, каргопольский посадский человек — 207
Павлов Роман, скорняк — 207
Павлов Федор, дворянин — 581
Павлов-Сильванский Николай Павлович, историк — 11, 105, 143
Павловец Никита, живописец — 644, 645
Павлюк (Павел Бут), предводитель казацкого восстания — 676
Пазухин Борис Андреевич, посол в Среднюю Азию — 543, 883—885, 890, 892, 894, 898
Пазухин Семен Иванович, посол в Среднюю Азию — 543, 883, 884
Пазухины, русские послы — 895, 996
Паисий, александрийский патриарх — 359, 642
Паисий, константинопольский патриарх— 316
Палицын Авраамий, келарь Троице-Сергиева м-ря — 159, 585, 601, 613
Палицын Андрей Федорович, мангазейский воевода — 388, 849, 851
Палицыны, дворяне — 159
Пальмквист Эрик, военный атташе швед-

ского посольства — 107, 347, 403, 442, 448, 451, 569
Пальмов Николай Иванович, историк — 272
Панин, полковой воевода — 310
Панкратова Анна Михайловна, академик, историк — 108, 110
Панкратьев Григорий, дьяк — 379
Панкратьев Данила Григорьевич, гость, в дальнейшем дьяк — 111, 379
Панкратьев Иван Данилович, гость — 112. 782
Панкратьевы, гости — 782
Парчевский, жмудский епископ — 497
Пасынков Гаврила, казачий голова — 391
Патокин Яким Сергеевич, гостиной сотни торговый человек — 111
Патокины, торговые люди— 50
Патрикеев Борис, дьяк — 245
Пахомий, старец Соловецкого м-ря — 323
Пац, польский магнат — 516
Пашков Афанасий Филиппович, даурский воевода — 604, 846
Пейкар-хан, правитель Кахетии — 936
Пекарский Петр Петрович, академик, историк литературы — 643
Пекин, нижнеломовский воевода — 304
Перебийнос. См. Кривонос Максим
Перетяткович. Георгий Иванович, историк — 789—791
Перфильев, сибирский казачий атаман — 840
Перфильев И., служилый человек — 548
Перфильв Илья, служилый человек — 580, 850
Песочинский А., польский посол — 478
Петлин Иван, сибирский казак, посол в Китай — 546, 547, 581, 583
Петр I, император — 5—9, 11, 92, 106, 110, 143, 146, 157, 191, 200, 276, 277, 318,, 326—330, 350, 354, 366, 397, 409, 431, 432, 439, 448, 454, 515, 541, 593, 646, 661, 662, 759, 766, 777
Петрикеев Дмитрий Иванович, историк — 149, 159
Петричейку Стефан, молдавский господарь — 728
Петров Афанасий, живописец — 80
Петров Владимир Алексеевич, историк — 580
Петров Иван, дворянин — 410
Петров Семен, плотник — 619
Петровский-Ситнианович Симеон Емельянович. См. Симеон Полоцкий
Петрушевский Илья Павлович, историк-востоковед — 27, 949, 950, 953, 964
Печеви Ибрагим — 937
Пимен, священник, участник похода С. Т. Разина — 309
Пискатор (Фишер) Иоганн, амстердамский книгопродавец — 645
Пичета Владимир Иванович, академик, историк — 688
Платонов Сергей Федорович, историк — 186, 227, 233
Плешанов Дмитрий, тихвинский посадский человек — 219
Плешановы, тихвинские кузнецы — 67
Плешкович Иван, сербский архидиакон— 637
Плещеев Богдан, дворянин — 52
Плещеев Лев Афанасьевич, уфимский воевода — 807
Плещеев Леонтий Степанович, судья Земского приказа — 229, 232, 233
Плещеев М. Л., стольник — 350
Плещеев Ф. Я., стольник — 54
Плотников Михаил, серпуховский посадский человек — 65
Плохово Леонтий, астраханский жилец — 292
Поганкин Сергей, псковский посадский человек — 74
Поганкины, псковские торговые люди — 133, 628
Погодин Михаил Петрович, историк — 329, 592
Подольский Р.— 627
Пожарские, князья — 349
Пожарский Дмитрий Михайлович, князь, глава второго подмосковного ополчения — 32, 52, 361, 362, 374, 456, 474, 621, 742
Пожарский Семен Романович, князь, полковой воевода — 502, 510
Позняков С., казацкий человек — 242
Поклонский, шляхтич, перешедший на русскую службу — 488
Покровский И. М., историк — 790
Покровский Михаил Николаевич, историк — 12—14
Полиевктов Михаил, историк — 649, 650
Поликарпов Федор, преподаватель Славяно-греко-латинского училища — 567
Полоцкий Симеон (Петровский-Ситнианович), ученый монах, придворный поэт— 563, 566, 599, 613, 620, 640, 711, 712

Полтев Семен, стрелецкий полковник — 261, 263, 305
Полубенский, командир польско-литовских отрядов — 512, 516
Поммеренинг К., шведский резидент — 132
Попадья Ф., тюремный сиделец — 592
Попов Василий, носник — 215
Попов П., археолог — 848
Попов С., вологодский посадский человек — 557
Попов Федот Алексеев (Алексеев Федот), организатор полярной экспедиции — 580, 583, 850
Попоня А., руководитель гайдуцких отрядов — 723
Поросуков А., посол в Турцию — 524
Порошин Ф., дьяк, посол в Кахетию — 942
Порошин Федор, донской войсковой подьячий — 601
Порфирьев С. И., историк — 795
Поршнев Борис Федорович, историк — 114, 463, 464
Посников Василий Тимофеевич, дьяк Посольского приказа — 537, 567
Поспеев Сидор, живописец — 648
Постников Петр Васильевич, доктор медицины Падуанского университета — 567
Пось Хулеев, ненецкий князец — 816
Потапов Леонид Павлович, этнограф — 827, 828, 831
Потапов Никита Савинович, московский посадский человек — 211
Потемкин, дворянин — 317
Потемкин Владимир Петрович, историк — 460, 728
Потемкин Петр Иванович, посол во Францию — 530
Потемкин Петр Семенович, полковой воевода — 504
Потехин Петр, каменных дел подмастерье — 625
Потоцкие, князья — 668
Потоцкий Николай, коронный гетман — 678
Потоцкий С., польский полководец — 513
Похабов Григорий, подьячий устюжской съезжей избы — 238
Похабов Иван, балаганский приказчик — 224, 859, 868
Похилевич Дмитрий Леонидович, историк — 704—706, 735
Поярков Василий Данилович, письменный голова — 580, 845, 847, 853
Преображенский Александр Александрович, историк — 50, 115, 542, 889, 897
Преображенский А. В., музыковед—600
Преображенский Валериан Дмитриевич, историк — 508
Привалова Надежда Ивановна, историк — 77
Приезжего Григорий Ерофеев, крестьянин вологодского и великопермского архиепископа— 780
Приклонский Федор, сборщик недоимок в Сольвычегодском уезде — 236, 237
Приселков Михаил Дмитриевич историк — 388
Проворовский Дмитрий Иванович, историк — 572
Прозоровский Иван Семенович, князь, боярин, астраханский воевода — 285, 287, 289, 290, 292, 297, 298, 385, 514, 517, 778
Прозоровский Михаил Васильевич, князь, стольник — 350
Прозоровский Михаил Семенович, князь, стольник — 298
Прозоровский Петр Семенович Меньшой, князь, стольник — 350
Прозоровский Семен Васильевич, князь— 236
Прозоровский Семен Михайлович, окольничий князь, полковой воевода — 377, 468, 470, 474
Прокофьев Вадим Александрович, историк — 27
Прокофьев Савва, красноселец — 262
Пронский Михаил Петрович, князь — 233, 235, 318
Прончищев Афанасий Осипович, дворянин, посол в Польшу — 764
Прончищев Иван Афанасьевич, думный дворянин — 262
Протокин Алексей, атаман — 287
Пруссак Анна, историк — 56, 273
Птицкий Дамаскин, справщик Печатного двора — 313, 563, 703
Птоломей, египетский ученый — 577
Пугачев Емельян Иванович, предводитель крестьянской войны 1773—1774 гг.— 14, 311, 598
Пузына, украинский архиерей — 696
Пустосвят Никита, священник — 332

Пушкарёв Лев Никитич, историк — 27, 602
Пушкарь Мартин, украинский казацкий полковник — 689
Пушкин Александр Сергеевич — 615
Пушкин Борис Иванович, окольничий— 764
Пушкин Григорий Гаврилович, боярин, воевода — 393
Пушкин М. С., стольник — 358
Пушкин Петр, олонецкий воевода — 504
Пушкины, дворяне — 158
Пущин Федор, сын боярский — 245
Пшимаха Канбулатович, кабардинский князь — 915
Пьянков А. П., историк — 708
Пясецкий, польский хронист — 591

Радзивилл Богуслав, литовский магнат — 497, 742
Радзивилл Христоф, литовский польный гетман — 470, 472
Радзивилл Януш, литовский гетман — 483, 484, 486—489, 493, 494, 497, 681—684, 706, 707, 742
Радзивиллы, магнаты — 741
Радивиловский Антоний, игумен Киевского Николо-Пустынского монастыря — 698
Радилов Епиха, атаман донского казачества — 265
Радищев Александр Николаевич — 6
Раевский Д., воевода г. Гремячего — 391
Райков Борис Евгеньевич, астроном — 577
Районов Тимофей Иванович, историк — 574, 577
Ракушка-Романовский Роман, нежинский протопоп — 697
Разин Степан Тимофеевич, предводитель Крестьянской войны 1670—1671 гг.— 10, 13, 14, 21, 27, 222—224, 270, 276, 277, 280, 282—298, 300—306, 308, 309, 311, 312, 319, 324, 336, 337, 342, 401, 449, 454, 516, 593, 597, 598, 600, 659, 688, 795, 810
Разин Фрол Тимофеевич, брат С. Т. Разина — 295, 300, 305, 308
Разум Иван, верхотурский стрелец — 62
Рапу Янош, руководитель гайдуцких отрядов — 723
Распопа Иван, тюремный сиделец — 592
Рафаил, коломенский епископ — 255
Рафаэль дю Май, путешественник — 961
Ребров Иван, сибирский казак — 580, 850
Ревякины, торговые люди г. Устюга-Великого — 50, 74, 126, 191
Реке фон-дер И. Ф., обергауптман, курляндский посол в Москву — 759
Рембовский, издатель — 474, 475
Ремезов Семен Ульянович, сын боярский, географ и историк Сибири — 581, 589, 865, 867
Ремезов Ульян, сибирский служилый человек — 589
Репнин Иван Борисович, князь — 657
Репнин Петр Александрович, князь, боярин — 216
Репнин-Оболенский Борис Александрович, князь — 149, 216, 480, 684
Ржевский И. И., воевода, комендант г. Чигирина — 525, 527
Ржевусский А., историк — 914
Рибский Адам, литовский помещик — 736
Ричард Джемс, английский ученый — 592, 612
Робинсон А. Н., историк литературы — 602
Ровинский Д. А., историк культуры — 559
Родес де Иоаганн, шведский резидент — 103, 119, 129, 130, 132, 133
Рожков Николай Александрович, историк — 11—13, 52, 54
Рожков Сергей, живописец — 647
Розенбуш, датский посол — 329
Роман, дьякон Чудова монастыря — 587
Романов Иван, тяглец Дмитровской сотни — 330
Романов Иван Никитич, боярин — 187, 218
Романов Никита Иванович, боярин — 126, 191, 218, 226, 229, 233, 235, 240, 245, 246
Романовский Виктор Александрович, историк — 687, 688
Романовы, бояре — 199, 202, 228, 248, 348
Романовы, царская династия — 337, 345, 346, 353, 584—586
Романчуков Савва, дьяк — 380, 460
Ромодамский Степан, армянский купец — 948
Ромодановский Григорий Григорьевич, князь, воевода, командующий русскими войсками на Украине — 305, 328, 346, 385, 456, 510, 516, 522—527, 576, 693
Ромодановский Иван Григорьевич, князь, стольник — 238

Ромодановский Юрий Иванович, князь, боярин — 54, 261, 356
Ростовщиков Александр Васильев, соликамский посадский человек — 220
Ростовщиков Осип Иванов, соликамский посадский человек — 561
Ростом-хан, картлийский царь — 937—939
Ротенберг С. С., историк — 344
Ртищев Михаил, полковой воевода — 512
Ртищев Федор Михайлович, окольничий — 260, 314, 315
Ртищевы, дворяне — 158
Рубан В. Г., издатель — 572
Рублев Андрей, живописец — 656
Рудайтис, крестьянин, литовец — 736
Рудаков Григорий Андреевич, казак, атаман восставших яицких стрельцов— 286
Рудаков Яков Тихонов (Яков Казанец), живописец — 642
Руднев К., воевода г. Доброго — 336
Рудницкий Е. В., историк — 277
Русиновы, торговые люди — 133
Руссев Евгений Михайлович, историк — 27
Руставелли Шота, грузинский поэт — 943
Рустем-хан, кайтагский уцмий — 908, 911
Рычков Петр Иванович, историк — 272, 872
Рюрик, князь — 348, 646
Рюриковичи — княжеский род — 345, 346, 668
Рябинин А., историк — 277
Рязанец Степан, живописец — 642
Рязанцев Григорий Иванович — см. Геронтий

Саакадзе Георгий, моурав г. Тбилиси — 934—937, 942
Саблуков Гордий Семенович, историк — 274
Савва, священник, участник похода С. Т. Разина — 309
Савва Владимир Иванович, историк — 108, 436
Савеловы, дворяне — 159
Савельев А., атаман, участник Крестьянской войны 1670—1671 гг.—310
Савельев Тимофей, староста русских крестьян в Прибайкалье — 868
Савин Никифор, живописец — 636
Савин Семен, живописец — 649
Савин Сила, живописец — 639
Савич Александр Антонович, историк — 69, 114, 116, 173, 426, 493, 782
Садиков Петр Алексеевич, историк — 371
Сазанский Иван, историк — 670
Сазонов А., историк — 708
Сакмышев Б., стрелецкий голова — 286
Салтанов Иван (Богдан), живописец — 642—645, 650, 953
Салтыков Борис Михайлович, боярин —37
Салтыков Михаил Михайлович, боярин — 149
Салтыков Петр Михайлович, боярин — 158, 356
Салтыковы, бояре — 149, 348
Салько Н. Е., этнограф — 925
Самаренин (Самарин) Михаил, донской казачий войсковой атаман — 288, 298, 525
Самойлов К., колокольный мастер — 94
Самойлович Григорий Иванович, полковник — 537
Самойлович Иван, гетман Украины — 522—527, 537, 538, 693, 703
Самсоновы, торговые люди — 133
Сангушки, князья — 668
Сандерсон, англичанин, полковник —475
Сапега Лев, польский канцлер — 741
Сапега Павел, гетман, польский полководец — 495, 508, 509, 511—513, 742
Сапожниковы, соликамские посадские люди — 557
Сапунов Алексей Парфенович, историк — 705
Сарафраз, бухарский поэт — 898
Сатановский Арсений, справщик Печатного двора — 313, 563, 703
Сатин И., рязанский помещик — 279
Сафар-хан. См. Сеит
Сафат-Гирей, крымский царевич — 477
Сафронов Федор Григорьевич, историк — 839
Светешников Надея Андреевич, гость — 111, 112, 126, 622, 849
Светешниковы, торговые люди — 861
Свечник Кузьма, вологодский посадский человек — 557
Свирин Алексей Николаевич, искусствовед — 27
Святский Д. О., астроном — 578
Седашев В. Н., межевой инженер — 144, 148, 149

Сеит (Сафар-хан), башкирский старшина, предводитель восстания 1681—1683 гг.— 811
Селим-хан, правитель Кахетии — 937, 938
Селява, полоцкий униатский архиепископ — 705
Семен, трубный мастер — 572
Семенов Александр Александрович, историк, востоковед — 890, 892
Семенов Иван, гость — 766
Семенов Иван, живописец — 80
Семенов Матвей, казачий атаман — 308
Сенгэ, джунгарский тайша — 830
Сеневич Крань, купец г. Броды — 670
Сербин В., воевода г. Доброго — 391
Сербина Ксения Николаевна, историк — 61, 65, 68, 119, 120, 122, 133, 194, 199, 219, 272, 579, 768
Сергеев, крестьянин дмитровских вотчин А. И. Безобразова — 46
Сергеев Федор, слуга Велико-Устюжского Архангельского монастыря — 75
Сергий, архимандрит Ярославского Спасского м-ря — 322
Сергий, игумен Троице-Сергиева м-ря — 654
Серин, житель г. Гороховца — 631
Серошевский В. Л., этнограф — 838
Сефевиды, персидская династия — 955, 960, 962
Сефи II, персидский шах — 917, 918, 937
Сефи-ад-дин, ардебильский шейх — 955
Сивцов Никита, стрелецкий сотник — 286
Сигизмунд III, польский король — 176, 358, 467
Сидней Ф., английский писатель — 612
Сидоров Алексей Алексеевич, искусствовед — 646
Сильвестр, игумен Саввина-Сторожевского м-ря — 335
Симон, картлийский царь — 936
Симони П. К., литературовед — 574, 592, 594
Сирко Иван, кошевой атаман Запорожского войска — 507
Скибин Федор, тобольский казак, посол к хану Тауке — 871, 873
Скидан Карп, предводитель украинского казацкого восстания 1637—1638 гг.— 676
Скитский Б. В., историк — 923
Скопин-Шуйский Михаил Васильевич, князь — 643
Скрипиль М. О., историк литературы — 602
Скрипины, гости — 639
Скрипицын Никита, галицкий служилый человек — 289
Славинецкий Епифаний, переводчик, справщик Печатного двора — 313, 358, 363, 577, 703
Слепой Томила, староста площадных подьячих в Пскове — 253
Слободин Владимир Михайлович, агроном — 32, 38, 41
Сменцовский М. Н., историк литературы — 598
Смирнов В. Д., историк — 904, 919—921
Смирнов Иван Иванович, историк — 968
Смирнов Николай Александрович, историк — 518, 519, 521—523, 527, 528, 693, 919
Смирнов Павел Петрович, историк — 27, 74, 136, 138, 155, 161, 162, 179, 198—200, 203, 205, 206, 215—219, 227, 228, 230—236, 246, 248, 249, 426, 558
Смирнов Петр Семенович, историк — 319
Смоленский С. В.— 600
Смотрицкий Мелетий, епископ, украинский ученый — 558, 559, 612, 695, 697, 703
Смывалов Михайла, гость — 577
Собакин Никифор Сергеевич, псковский воевода — 250, 251
Собесский Ян, польский король — 521, 529, 531—535, 728
Соболев Николай Николаевич, искусствовед — 651, 654
Соболевский Алексей Иванович, академик, историк, филолог — 555, 592
Соболь С. Л.— 577
Соболь Спиридон, гравер — 712
Соваж Жан, Диеппский, француз, посетивший Русское государство в конце XVI в.— 68
Совин А., московский посол в Турцию — 466
Совка, энец — 816
Соковнин Алексей Прокопьевич, боярин—317
Соковнин И., помещик — 37
Соковнины, дворяне — 158
Соловцов Иван Яковлевич, кольский воевода — 774, 775
Соловцов Яков, стрелецкий полковник — 263

Соловьев Сергей Михайлович, историк — 8, 9, 136, 156, 255, 329, 330, 332, 356, 401, 456, 463, 473, 481, 492, 497, 498, 501, 515, 538, 570, 588
Солом-Серень, калмыцкий тайша — 283
Солтан Самуил Васильевич, бурмистр г. Луцка — 669, 670
Сомко Яким, наказный гетман Левобережной Украины — 690
Сомов Федор Иванович, уфимский воевода — 806, 809
Сонцов Д., зарайский помещик — 279
Софья Алексеевна, царевна—157, 326,327, 329—333,343,383,431,538, 540, 541, 590
Спафарий-Милеску Николай Гаврилович, переводчик Посольского приказа — 548, 581—583, 730, 847, 848
Спегальский Ю. — 629
Сперанский Александр Николаевич, историк — 27, 83—86, 227, 250, 370, 400, 630, 703
Сперанский Михаил Нестерович, историк литературы — 592, 612
Срым Батыр, казахский феодал — 576
Ставрович А. М., историк — 588
Стадухин Михаил, сибирский служилый человек — 580, 850
Станкевич, наместник Барчайской волости в Литве — 737
Старцев Дмитрий, каменных дел подмастерье — 625, 627
Старцев Осип Михайлович, каменных дел подмастерье—84, 625, 630, 632, 702, 703
Сташевский Евгений Дмитриевич, историк — 32, 178, 179, 467
Стемпковский Г., польский посол — 479
Степанов Иван Васильевич, историк — 48, 109, 117, 181
Степанов Николай Николаевич, историк — 27, 844
Степанов Онуфрий, сибирский служилый человек — 853
Степанов Тимофей, тяглец московской Мещанской слободы — 560
Стефан Баторий, польский король. См. Баторий Стефан
Стефан Пермский — 777
Сторожев Василий Николаевич, историк — 43
Стояновы, новгородские гости — 74, 133, 219, 246, 251
Стрейс Яган, голландец, путешественник — 49, 135, 283, 289, 291, 297—300, 453, 905, 910, 915, 955, 958
Стрешнев Семен Лукьянович, боярин — 126, 262, 317, 356, 481
Стрешнев Яков Максимович кольский воевода — 773
Стрешневы, дворяне и бояре — 149, 157, 348
Строганов Григорий Дмитриевич, именитый человек — 588
Строганов Данила Иванович, именитый человек — 427
Строгановы, именитые люди — 107, 111, 116, 193, 237, 413, 558, 588, 601, 627, 634, 636, 654
Струмилин Станислав Густавович, академик, экономист — 92
Стрыйковский, польский хронист — 591
Студенецкая Е. Н., этнограф — 925
Стукалов Александр, соборный старец Соловецкого м-ря — 321
Субботин Николай Иванович, историк — 315, 321
Субханкули, бухарский хан — 895, 896, 898
Сукачев Г., сын боярский — 242
Сукин, курмышский воевода — 407
Сукин Осип, полковой воевода — 508
Суднин Федор, яицкий казак — 276, 284
Сулейман-шах, персидский шах — 940
Сулешев Юрий Яншеевич, князь, боярин — 55, 126, 191, 216, 385
Сулима Иван, украинский гетман, предводитель казацкого восстания — 674, 676
Султан-Ахмед, кайтагский уцмий — 911
Султан-Махмуд, эндерийский владелец — 917, 918
Сумбулов Максим Исаев, дворянин—326
Сунчалей Янглычев, кабардинский князь — 914
Супинский А. К., историк — 37
Суровцов Федот Иванов, соликамский посадский человек — 212
Суровцовы, соликамские посадские люди — 220
Сурхай Гиреев, тарковский владелец, шамхал — 918
Суханов Арсений, монах Троице-Сергиева м-ря — 312, 725, 910, 911, 958
Сухоруков Савва, слюдяной мастер — 798
Сухотин Федор, полковой воевода — 468
Сырдан, нарт — 923
Сыроежин Никита, казанский посадский человек, посол к великому моголу — 543

Таверньe И. (Tavernier, J.), французский путешественник в Персии — 905, 906, 923, 958, 961
Тавкарашвили Мамука, писец и миниатюрист — 944
Талыгыр, якут — 839
Талылани, эвенк — 833
Тальман Евгения Моисеевна, историк — 72, 73, 76, 80, 100, 557, 560, 953
Таптыков С., жилец — 280
Таптыков Ф., жилец — 280
Тарасевич Александр, монах и гравер Киево-Печерской лавры — 702
Тарасевич Леонтий, гравер — 646, 702
Тарлыков, стрелецкий сотник — 286
Тарновские, князья — 668
Татищев, помещик Дмитровского у.— 625
Татьяна Михайловна, царевна — 332
Тауке, казахский хан — 874, 876, 877, 879, 880
Таусалтан, кабардинский владетель — 904
Тбилели Иосиф, грузинский писатель — 935, 942
Тверитинова Анна Степановна, историк-востоковед — 926
Тевеккель, хан казахский — 878
Теглев Константин, стрелецкий голова в Курске — 243, 244
Теймураз, кахетинский царь — 649, 928, 930, 932—942
Телепнев, Ефим Григорьевич, думный дьяк — 460
Тельберг Г. Г., историк-юрист — 407, 408
Темкин-Ростовский М. М., князь, полковой воевода — 482
Темрюк, кабардинский князь — 922, 923
Терентьев Григорий Игнатьев, земский целовальник Ижемской и Усть-Цилемской слободок — 785
Терентьев Моисей, часовник в с. Измайлове — 570
Терский Иван, донской атаман — 300, 336
Тетеря Павел, украинский гетман — 516, 690, 692
Тимофей, монах, главный учитель Славяно-греко-латинского училища в Москве — 566
Титов Василий Поликарпович, дьяк, композитор — 599
Тихомиров Михаил Николаевич, академик, историк — 27, 219, 250—252, 255, 256, 602
Тихонов Юрий Александрович, историк — 50, 115
Тихонравов Николай Саввич, историк литературы — 594, 600
Тоболкин Мирон, слюдяной мастер — 798
Токарев Сергей Александрович, историк — 27, 837, 839, 840
Толебий, казахский бий — 874
Толочанов Никифор Матвеевич, стольник, русский посол в Имеретию — 907, 912, 927—929, 931, 939, 942
Толстой Лев Николаевич — 615
Томашевич, живописец — 671
Томашевский В. В., историк — 378
Томша Стефан, молдавский господарь — 721
Торопов Сергей Александрович, историк архитектуры — 626
Тотскин Семен Исаков, мастер-плавильщик — 87
Тохтамышев Кайтук, князь — 907
Траханиотов, Петр Тихонович, окольничий — 229, 232, 233, 235
Трейден Яган, полковник — 258
Тренин Иван Осипов, посадский человек Соли Галицкой — 62
Третьяков Петр, верхотурский таможенный подьячий — 62
Трехлетов Г., издатель — 571
Троекуров Иван Борисович, боярин —630
Троицкий Василий Иванович, историк — 97
Трубецкой Алексей Никитич, князь, полковой воевода — 52, 199, 262, 356, 482, 484, 491, 492, 495, 501, 502, 510
Трубецкой Дмитрий Тимофеевич, князь— 361, 362
Трутовский В. Ф., собиратель русских песен — 598
Трухменский А., гравер — 646
Тумашев Александр Иванов, мастер-плавильщик — 87
Тумашев Дмитрий Александрович, заводчик, 87
Тумашев Иван Александрович, заводчик—87
Тумашев Ф., полковой воевода — 522
Тургенев Иван Сергеевич — 615
Тургенев Тимофей Васильевич, царицинский воевода — 296
Туренин Василий, князь, воевода — 472

Турсун, казахский султан — 878
Турчанинов Г. Ф., этнограф — 924
Тухачевский И. Г , брянский дворянин — 279
Тушканов В., астраханский житель — 543
Тхоржевский Сергей Иванович, историк — 42, 266
Тыкосханк, бурятский князец — 868
Тышкевич, виленский епископ — 742
Тявка, сибирский царевич — 807
Тяпкин В. И., посол в Крым — 530
Тяпкин Василий М., посол в Турцию — 349, 518

Уваров, Алексей Сергеевич, граф, археолог — 36, 166
Уварова Прасковья Сергеевна, графиня, председатель Московского археологического общества — 98
Украинцев Емельян Игнатьевич, думный дьяк — 380, 381, 519,
Уляницкий Владимир Антонович, историк — 543, 544, 897
Умму-хан, хан аварский — 911
Унковский Андрей Дементьевич, царицинский воевода — 293, 295
Унковский Григорий, посол русского правительства на Украину — 681
Уреке Григорий, молдавский летописец—729
Урлюк, калмыцкий тайша — 542
Урусов Петр Семенович, князь, казанский воевода — 302
Урусов Семен Алексеевич, князь, полковой воевода — 495
Урусова Евдокия Прокопьевна, боярыня, княгиня — 317, 328
Ус Василий Родионович, атаман донских казаков — 282, 288, 296—298, 300
Усов, полковой воевода в Смоленской войне — 471
Усов-Грудцын Василий Иванов, гость — 219
Усовы-Грудцыны, устюжские торговые люди — 74, 126, 191, 609, 850
Устрялов Николай Герасимович, историк — 7, 8,
Устюгов Николай Владимирович, историк — 27, 42, 50, 57, 61, 62, 65, 80, 87, 105, 115, 120, 163, 193, 194, 207, 215, 414, 422, 570, 642, 781, 783, 807, 808
Устюгова Александра Николаевна, составитель именного и географического указателя — 27
Ушаков Ларион, каменных дел подмастерье — 623
Ушаков Симон Федорович, живописец — 26, 605, 637—643, 645, 646, 703, 970

Фаворов Иван, подьячий Посольского приказа, картограф — 581, 582
Фальковский Николай Иванович, историк — 93, 94, 568, 570
Фаррух, бухарский посол — 888
Федор Алексеевич, царь — 149, 159, 326, 328—330, 383, 413, 422, 519, 561, 564, 590, 641, 643, 644, 793
Федор Борисович Годунов, царевич — 579, 583—585
Федор Иванович, царь — 138, 264, 346, 586, 643
Федоров Василий, атаман, участник похода С. Т. Разина — 305, 309
Федоров Илья, серебряник — 331
Федоров Максим, живописец — 587
Федоров Савва, атаман, участник похода С. Т. Разина — 304
Федорович Тарас, предводитель крестьянско-казацкого восстания на Украине — 675
Федотов-Гусельников Афанасий, гость — 126
Федотов-Гусельников Василий, гость — 126
Федотовы-Гусельниковы, гости — 126, 191
Федотьев Иван, русский посол в Хиву — 887, 890
Фелтдриль Иоганн, голландский посол — 132
Феодора, игуменья Троицкого монастыря г. Курска — 243
Феодосий, монах, один из руководителей Соловецкого восстания — 323
Фетиев Гаврила, гость — 209
Фигуровский Н. А., историк естествознания — 574
Физули, азербайджанский поэт — 965
Филарет, патриарх московский — 161, 267, 337, 354, 362, 465, 468, 585, 586
Филатьев Остафий (Евстафий) Иванович, гость — 126, 134, 136, 548, 782
Филатьев Тихон, живописец — 644, 645
Филипп, посадский человек г. Горохова — 287

Филиппов Михаил, крестьянин — 780
Фимбрант, иностранец, заводовладелец — 103
Финдейзен Николай, музыковед — 600
Фирсов Герасим, соборный старец Соловецкого м-ря — 321
Фитрат, бухарский поэт — 898
Флетчер Джильс, английский посол — 612, 806
Фомин Иван, переводчик Посольского приказа — 572
Форстен Георгий Васильевич, историк — 263, 498, 499, 511, 514
Фосс В. Е., историк — 276
Францбеков Дмитрий, якутский воевода — 853
Фридрих Казимир, курляндский герцог— 759
Фрич, рудознатец — 915
Фронспергер Леонард, автор «Krigsbuch» —572, 573

Хабаков А. В., геолог — 915
Хабаров-Святицкий Ерофей Павлович, устюжанин, торговый человек — 580, 846, 847, 853
Хакк-Назар, казахский хан — 878
Ханыков Н. (Khanykov, N.), востоковед — 955, 960
Харитон, игумен, грузинский посол в Москву — 932
Харитонов Михаил, атаман, участник похода С. Т. Разина — 303—305, 309
Харламов Иван, дьяк — 379
Харламовы, тотемские торговые люди — 50
Харузин Николай Николаевич, этнограф — 772
Хачена-Асан-Джалаляны, мелики (армянские князья) — 945, 946
Хашаев Х. М., историк-юрист — 911
Хватов Артемий, дьяк, русский посол в Кахетию — 933, 938, 942
Хворостинин Иван Андреевич, князь —64
Хвостов Трофим, сотский Андреянова стана Двинского у.—192
Хетагуров Коста, осетинский писатель — 913
Хилков, князь, издатель «Сборники князя Хилкова» — 274, 827, 895, 896
Хилков Иван Андреевич, князь, боярин, астраханский воевода — 285
Хилков Федор Андреевич, князь, новгородский воевода — 251, 279
Хитрово, воевода — 309
Хитрово Богдан Матвеевич, начальник Оружейной палаты — 158, 657
Хитрово Яков Тимофеевич, думный дворянин — 309, 867
Хлепятины, соликамские посадские люди — 557
Хмельницкий Богдан (Зиновий) Михайлович, гетман Украины — 312, 480, 482, 486, 490—492, 495, 496, 507, 674, 677—682, 684, 686, 689, 690, 691, 699, 701, 706, 724, 725, 726
Хмельницкий Тимофей Богданович, сын Б. Хмельницкого — 684, 725
Хмельницкий Юрий Богданович, гетман Украины — 511, 513, 514, 521, 522, 690
Хованские, князья — 149
Хованский Андрей Иванович, князь — 333
Хованский Иван Андреевич, князь, начальник стрелецкого приказа — 260, 317, 327—329, 332—334, 505, 511—514, 516
Хованский Иван Никитич, князь — 251, 252, 254, 255
Ходкевич Казимир, литовский гетман — 742
Холкины, соликамские посадские люди — 557
Хомуцкий Аникей, самарский служилый человек — 294
Хорошай, кабардинский князь — 922
Христиан V, датский король — 498
Хрущев Еремей, стряпчий — 193
Хрущев Иван, помещик — 279
Хусейн ибн шейх Абдал Захиди, шейх — 955
Хусейн, персидский шах — 955, 957

Цедровский, литовский помещик — 737, 738
Цин, маньчжурская династия — 547

Чаадаев Иван Иванович, русский посол в Вену и в Польшу — 520, 531
Чаев Николай Сергеевич, историк — 27, 311
Чаплины, тихвинские кузнецы — 67
Чарнецкий Стефан, польский полководец — 506, 512, 513
Чарторыйские, князья — 668
Чеботарь Василий, пушкарь — 240
Чевкин Б., помещик — 279

Ченакал В. Л., астроном — 578
Ченслер, английский путешественник — 816
Чепурный Трофим, крестьянин с. Заячьего Белгородского у.— 335
Черепнин Лев Владимирович, историк — 27, 180, 335, 336, 346, 585—587
Черкасские, князья, бояре — 203, 228, 248, 625
Черкасский Григорий Сунчалеевич, князь — 279, 283
Черкасский Дмитрий Мамстрюкович, князь, боярин — 233, 374
Черкасский Иван Борисович, князь — 157, 383
Черкасский Каспулат Муцалович, князь, кабардинский владетель — 293, 525, 526, 921
Черкасский Келмамет Куденетович, князь, кабардинский владетель — 906
Черкасский Яков Куденетович, князь, боярин — 54, 149, 158, 166, 171 218, 226, 229, 235, 245, 246, 248, 260, 304, 343, 482, 483, 493, 494, 501, 502, 517
Черменский Петр Николаевич, историк — 52
Чернов Анатолий Васильевич, историк — 27, 515
Черноусенко, атаман, участник похода С. Т. Разина — 304
Черный Григорий, украинский гетман — 675
Черных Павел Яковлевич, лингвист — 968
Чертенский Смага, атаман донского казачества — 265
Чертопруд Анисим, казачий атаман, участник движения Балаша — 473
Четвертинские. князья — 668
Чижов С. И., археолог — 98
Чингис-хан — 874
Чиняков Алексей Григорьевич, архитектор — 27, 628
Чирин Прокопий, живописец — 636
Чистый Аникей, дьяк — 379
Чистый Назарий, думный дьяк — 231, 233, 379
Чистякова Елена Викторовна, историк — 74, 119. 123, 133, 138, 139, 242, 282
Чичерин Борис Николаевич, историк — 9, 10, 12
Чохов Андрей. пушечный мастер — 95
Чубаров, курмышский воевода — 407
Чубулов Тимофей, стрелец — 241
Чурсин Г., этнограф — 923
Шагин-Гирей, крымский царевич — 918
Шакловитый Федор Леонтьевич, начальник Стрелецкого приказа — 157
Шангины, торговые крестьяне волости Лены Вымского у.— 780
Шарутин Никита, каменных дел подмастерье — 625
Шарутин Трефил, каменных дел подмастерье — 623, 625
Шастина Нина Павловна, историк-востоковед — 547
Шах-Наваз-хан. См. Вахтанг V, правитель Картлии
Шах-Нияз, наместник Хивинского хана — 895
Шевелев Стефан, тихвинский посадский человек — 219
Шеин Алексей Семенович, боярин, полковой воевода — 537
Шеин Михаил Борисович, боярин, воевода — 275, 444, 456, 468, 470, 473—475
Шеины, бояре — 348
Шейбаниды, бухарская и хивинская династии — 895
Шекспир — 612
Шелковник Андрей, член Земского собора 1648 г.— 246
Шелудяк Федор, яицкий атаман — 300
Шепелев Аггей Алексеевич, генерал — 262, 447, 523, 526, 527
Шереметев Василий Борисович, полковой воевода — 482, 490, 510, 511, 513, 514
Шереметев Василий Петрович, боярин, полковой воевода — 481, 485, 492, 494, 495
Шереметев Иван Петрович, боярин — 149
Шереметев Михаил Васильевич, полковой воевода — 492
Шереметев Федор Иванович, боярин — 383
Шереметевы, бояре — 228, 248, 348, 350
Шерстобоев Вадим Николаевич, агроном— 35, 37, 39, 40, 42, 43, 56
Шестовский Никифор, дворянин — 407, 408
Шиллинг Евгений Михайлович, этнограф — 910, 923, 925
Шляпкин Илья Александрович, историк литературы — 564
Шмелев Григорий Николаевич, историк — 142

Шолой Убаши, алтын-хан — 546
Шолох, кабардинский князь — 922
Шорин Василий Григорьевич, гость — 74, 111, 126, 134, 219, 233, 260, 262, 284
Шпилькины, торговые люди — 133
Шуйский Василий Иванович, царь. См. Василий Иванович Шуйский, царь
Шульгин Денис, тяглец московской Семеновской слободы — 557
Шульгин П., историк — 149
Шумаков Сергей Александрович, историк — 145, 153
Шумилина, жительница г. Гороховца — 630
Шумливый Прокопий, донской атаман — 296
Шунков Виктор Иванович, историк — 27, 34, 35, 39, 40, 42, 43, 46, 51, 56, 72, 115, 116, 198, 201, 824, 864
Шустов Василий Федорович, гость — 126
Шустов Григорий Федорович, гость — 126, 184
Шустовы братья, гости — 111

Щавинский В. А., химик — 574
Щепоткин Федор, тяглец московской Мясницкой полусотни — 71
Щербаков Степан, казак Якутского острога — 848
Щербатов Константин Осипович, князь, воевода — 303, 309
Щербатов Михаил Михайлович, князь, историк — 5, 6
Щербатов Осип Иванович, князь, воевода г. Томска — 245
Щирский Иннокентий (Иван), гравер — 702

Эберс, шведский агент — 263
Эвлия Челеби, путешественник по Дагестану — 925
Эгнаташвили Бери, историк — 935, 936, 939
Эйнгорн Виталий Осипович, историк — 696
Эльдар Сурхаев, тарковский шамхал — 917, 918
Эмирович Аслан, купец — 670
Энглис, декоратор придворного театра — 660
Эрбиканк, эвенк Киларского рода — 833
Эристави (Аристоп) Арагвинский, князь — 933

Юдин Л., купец — 543
Юргинис Юовас Матович, историк — 27
Юрьев Иван, грек, лекарь — 581
Юрьев М. переводчик Посольского приказа — 572
Юрьев Федор, живописец — 647
Юшков Серафим Владимирович, историк-юрист — 342 344, 360, 910

Языков Иван Максимович, боярин — 328
Языковы, дворяне — 327
Якимов Алексей, пушечный мастер — 95
Яков, армянский католикос — 951
Яков, герцог курляндский — 748, 758, 759
Яков, поп в г. Козлове — 240
Яковлев Алексей Иванович, историк — 410, 458, 477, 776, 779
Яковлев Корнилий, донской войсковой атаман — 285, 288, 293, 295, 308
Яковлев Н.—924
Якубов Константин Иванович, историк—95, 232, 250, 764
Якубовский Александр Юрьевич, востоковед — 893
Ян-Казимир, польский король — 481, 497, 500, 506, 511, 515, 516, 680, 708, 726, 742

Arakel de Tauriz. См. Аракел Тавризский
Aron Voda — 721
Bălan T.—713, 718
Balinski M. — 738, 744
Bianu J.—720
Bogdan — 730
Brand Adam — 864
Brückner — 743
Chrapowicki J.—741
Codrescu T.—714
Costin M. См. Костин Мирон
Dragomir S.— 732
Dubinski,— 738, 740
Ghibănescu Gh.—713, 714, 716, 718, 720, 721, 723
Gmelin. См. Гмелин
Hasan — Dchalaliants, Esai — 960
Hurmuzaki E.— 713, 722, 730
Iorga N.—718, 725
Jablonskis K.—733, 734

Kognowicki — 742
Khanykov N. См. Ханыков Н.
Koscialkowski St.—735
Kotlubaj — 741
Lowmianski — 738
Lukaszewicz — 743
Matuszewicz — 741
Micahlowski Jakub. См. Михайловский Яков
Pavlescu E.— 715, 716
Pawinski A.—741
Prochaska A.—739
Rodkiewiczowna — 738
Roller M.—721
Rosetti R.—718, 720
Rušie^ki J.—741
Sava A.—718
Sinkunas — 742
Tavernier J. См. Таверньe И.
Wolff — 735, 742
Wolonczewskis — 743
Zakaria le diacre. См. Захария Саркавагь

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ[1]

Абакан, р., приток Енисея — 831
Аварское ханство (Авария) — 908, 924
Австрия. См. Империя
Агования (Aghovanie), Албания, Северный Азербайджан — 960
Адыгея — 904, 919, 920
Ажермы, д. чувашская — 790
Азербайджан — 460, 908, 916, 926, 945, 949, 952, 954—960, 962, 963—965. См. также Северный Азербайджан
Азиатская Турция — 926. См. также Турция
Азия — 25, 541, 551, 580, 583, 819, 843, 848, 850, 854, 952
Азов — 53, 264—268, 270, 273, 281, 363, 364, 477, 522, 602, 906, 919, 929
Азовское море — 264, 268, 281, 283, 472
Аккерман, г. См. Белгород, г.
Акмянская волость в Литве — 736, 737
Аксайское владение — 908
Алавердский м-рь — 649
Алазея, р.— 835, 844, 850
Аларские степи — 840
Алатырский у.— 44, 310
Алатырь, г.—303, 310
Алдан, р., приток Лены — 849—851, 853
Алегукина Кабарда — 904
Алегукины (Казыевы) кабаки, группа поселений — 904
Александровская пустынь на р. Свири — 122
Алексеевский м-рь в г. Угличе — 622
Алексин, г.— 373, 478
Алексинский у.— 32, 59, 92, 149, 472
Алеппо, г. в Сирии — 648
Алтай (Алтайские горы) — 34, 826, 827, 852
Алтырское княжество в Киргизии — 546, 829
Алтысарское княжество в Киргизии — 546
Амга, р., приток Алдана — 835
Америка — 580, 850, 851
Амстердам, г.— 129, 561, 583, 951, 952
Аму-Дарья, р.—882—884
Амур, р.—549, 580, 582, 831, 844—848, 853
Амурский лиман — 845
Анадырский острог — 850
Анадырь, р.— 580, 850, 851
Анапа, г.—919
Анатолия — 266
Ангара (Верхняя Тунгуска), р., приток Енисея — 840, 849, 853
Англия — 130, 459, 461, 463—465, 518, 519, 537, 612
Андреева деревня. См. Эндери, дагестанское владение
Андреевский м-рь в Киеве — 565
Андреянов стан Двинского у.—192
Андрусово, с. под г. Смоленском — 517, 532, 692, 708
Анисимовский погост Чердынского у.— 69
Антониево-Сийский м-рь — 36, 181, 193, 309, 772
Апраксино, с. Арзамасского у.—310
Апушки, с. на Мещере — 280
Апшерон, п-ов — 957
Аравия — 947
Аракс, р., приток Куры — 944, 961
Аральское море — 883, 897
Арамильская слобода Тобольского у.— 803
Аранц, г.— 951
Аргунь, р.— 549, 844, 854
Ардебиль, г.— 955
Ареш, г.— 958
Арзамас, г.— 202, 305, 310
Арзамасские поташные заводы (будные станы) — 108, 436
Арзамасский у.— 42, 44, 109, 149, 175, 177, 230, 235, 305
Армения — 460, 650, 944—954, 957, 960—964. См. также Армянская ССР, Во-

[1] Принятые сокращения: г. — город, г-к — городок, г-во — государство, губ. — губерния, д.— деревня, м-ко — местечко, м-рь — монастырь, обл. — область, оз.— озеро, о-в — остров, п-ов — полуостров, р.— река, с.— село, у.— уезд.

сточная Армения, Западная Армения (Турецкая Армения)
Армянская ССР — 956, 960. См. также Армения
Архангельск, г.— 50, 53, 65, 70—72, 77, 103, 112, 114, 118, 119, 122, 125, 129, 131—134, 202, 215, 320, 323, 386, 424, 428, 429, 578, 627, 768, 782, 967
Архангельская обл.— 617—619
Архангельская ярмарка — 128, 131
Астрабат, г.— 288
Астрабатская крепость — 940
Астраханское ханство — 373, 459
Астрахань, г.— 47, 72, 109, 118, 129, 134—136, 246, 263, 268, 272—274, 281, 283—286, 289—291, 293, 294, 296—300, 308, 311, 376, 385—387, 394, 402, 453, 454, 542—544, 598, 889, 897, 898, 915, 919, 940, 948, 959, 967
Атемар, г.— 310
Афганистан — 883
Афон, гора — 566
Ахалцих, г.— 937
Ахматово, м-ко на Украине — 490
Ахтырка, г.— 537
Аятская слобода Верхотурского у.— 803

Багеш, г.— 946, 951
Байкал, оз.— 580, 840, 853, 854
Байя, г.— 715, 716
Баку, г.— 288, 544, 955, 957 — 959
Балаганский острог — 853
Балаганско-Унгинская степь — 840
Балахна, г.—109, 200
Балк, р., приток Терека — 904
Балканский п-ов — 532 — 534, 647
Балтийское море — 25, 123, 132, 356, 457—459, 493, 497, 498, 500, 507, 532, 681, 745, 746
Балх, провинция Бухары — 883, 889, 890, 892, 897
Балхар, аул в Дагестане — 925
Баньский район Молдавии — 714
Бар, г.— 694
Барабинская степь — 544 824, 852
Барановка, г.— 669
Баргузинский острог — 853
Барколабово, с. в Белоруссии — 711
Барминские поташные заводы (будные станы) — 108, 436
Барчайская волость в Литве — 736
Басарга, рыбные промыслы при устье Волги — 289
Басманная слобода в Москве — 202
Батог, м-ко на Подолии — 684, 725
Батурин, г.— 687
Бауска, г.— 747
Бахчисарай, г.— 530
Башкирия — 34, 35, 373, 795—814
Башкирская АССР — 568
Бежецкий у.— 46
Белая, г.— 122, 148, 468, 475, 483, 517
Белая Россия. См. Белоруссия
Белая Слуда, с. См. Белослудский стан
Белая Церковь, г.— 495, 684
Белгород, г.— 54, 116, 385, 386, 393, 456, 471, 490
Белгород (Аккерман), г.— 715
Белгородская черта — 33, 37, 38, 180, 393, 462, 476, 477, 482, 529
Белгородский у.—39, 335
Белев, г.—124, 393
Белевский у.— 32, 44, 77, 472, 473
Белое море — 47, 49, 69, 204, 320, 355, 454, 766
Белое озеро — 48, 235
Белозерка, р. на пути к Перекопу — 541
Белозерский у.— 37, 122, 148, 177
Белоколодск, г.— 51
Беломорско-Двинский торговый путь—194
Белоозеро, г.— 121, 177, 202
Белоруссия (Белая Россия) — 356, 455, 457, 459, 480—482, 484—487, 489, 490, 493—497, 500, 501, 507—512, 514—517, 563, 667, 668, 675, 679, 681, 689, 703, 704, 706—712, 742, 750, 752. См. также Белорусская ССР, Западная Белоруссия
Белорусская ССР — 707. См. также Белоруссия
Белослудский (Белая Слуда) стан Устюжского у.—62, 617— 618
Белые Пески, м-ко под г. Брестом — 495
Белый город в Астрахани — 298
Белый город в Москве — 70
Белый Колодец, р., приток Воронежа — 91
Белый Яр, г.— 478
Бендеры, г.— 713
Бережница, г.— 669, 670
Березина, р., приток Днепра — 486, 488, 489, 492, 501
Березов, г.— 820
Березовский у.— 815, 816, 859
Березопольский стан Нижегородского у.— 44
Берестечко, м-ко на Украине — 682, 684, 725

Берженская волость в Литве — 737
Берингов пролив — 583
Бессарабия — 677
Биби-Эйбат, мавзолей близ г. Баку — 955
Бирма — 656
Бирюса, р., приток Ангары — 840
Благовещенская ярмарка на р. Ваге — 77
Ближний Восток — 281
Бобруйск, г.— 489, 706
Богемия — 430
Богородицк, г.— 170
Богордск, г.— 104
Богословское, с. близ г. Ростова — 618
Богоявленский м-рь в Москве — 567
Божедомская слобода в г. Курске — 243
Болвановская губа (залив Северного Ледовитого океана) — 778
Болдин м-рь в г. Доргобуже — 473
Болдинское устье Волги — 291
Болховский у.— 32, 472
Большая Кабарда — 904
Большая Карачейская земля в Березовском у.— 816
Большая Конюшенная слобода в Москве — 202
Большая Ногайская орда. См. Ногайская орда Большая
Большая Орда. См. Старший Казахский жуз
Большеземельская тундра — 817
Большой каменный нос, мыс — 850
Борисов, г.— 482, 484, 491, 509, 512, 708
Борисоглебск, г. См. Двинск, г.
Борисоглебское, с. под г. Казанью — 790
Боровск, г.— 373, 393
Боровский у.— 40, 92
Брагин, г.— 707
Бранденбург, немецкое княжество — 497, 499 501, 506, 520, 534, 537
Братский м-рь в Киеве — 563
Братский острог в Сибири — 853
Брацлав, г.— 684
Брацлавское воеводство — 670, 682, 684
Брейтово, с. Ярославского у.— 72, 101, 103
Брест, г.— 491, 495, 511, 706, 710
Броды, г.— 670
Бронная слобода в Москве — 331
Брянск, г.— 72, 117—119, 122, 124, 148, 482, 491, 584, 688
Брянский у.— 149
Брянта, р., приток Зеи — 853
Буг (Южный), р.— 513, 528, 530
Бужин, г.— 522, 523
Бузань, проток Волги — 285
Бузулук, р., приток Дона — 269, 281
Буковина — 677
Бурцово, с. Курмышского у.— 172
Бурят-Монгольская АССР — 842
Бурятия — 224, 841, 851, 860
Бутальское зимовье на р. Алдане — 851
Бутырская слобода в Москве — 202
Бухара (Бухарское ханство) — 134, 276, 542, 543, 872, 880, 882—890, 892, 894—897, 900, 902
Бухара, г.— 898, 900, 902
Быстрая Сосна, р. приток Дона — 33
Быхов, г.— См. Старый Быхов.

Вага. См. Важская Земля
Вага, р., приток Северной Двины — 70, 77, 114
Вагайский острог — 544, 852
Важская земля (Вага, Важский у.) — 70, 77, 114
Валахия — 648, 713, 720, 722, 724—727
Валдай, г.— 199
Валдайское оз.— 199
Валиесари, д. в Ливонии — 507, 749
Валки, г.— 55, 504
Валмиера, г.— 751
Валуйки, г.— 391, 393, 471
Валуйский у.— 51
Ван, г.— 946
Ванк, с. в Армении — 945
Вановье, с. Верхоценской волости — 279
Варейская волость в Литве — 737
Варзуга, с. Мурманской обл.— 618, 619
Варшава, г.— 355, 479, 493 494, 496, 497, 506, 529, 531, 532
Васильков, г.— 530
Васильсурск, г.— 109, 303
Вах, р.— 820
Веденяпино, с. Темниковского у.— 309
Ведерников, г-к на Дону — 294
Ведменский завод в Каширском у.— 92
Везир, г.— 895
Векшенгская волость, Тотемского у.— 69
Векшенский городок на Дону — 336
Велиж, г.— 492, 517
Великая Россия. См. Слободская Украина
Великие Луки, г.— 393, 481, 484, 490, 492, 494, 514
Великий океан. См. Тихий океан

Великое княжество Литовское. См. Литовское княжество
Великолуцкий у.— 255
Вена, г.— 519, 520, 529, 532, 538, 728
Венгрия — 677, 726
Венеция (Венециане), г.— 479, 518, 532, 534, 538, 726, 951
Вентспилс. См. Виндава, г.
Вепревский завод в Алексинском у.— 92
Верейский у.— 31
Верея, г.— 148, 393
Вержболово (Вирбалис), м-ко в Литве — 743
Верки, с. в Литве — 508
Веркяй, м-ко в Литве — 740
Версаль, г.—534
Верхнее Поволжье — 765. См. также Поволжье
Верхне-Тулицкий завод в Тульском у.— 92
Верхнеудинский острожек — 549
Верхне-Усольский погост Соликамского у.— 107
Верхний Ломов, г.— 33, 305, 310, 476
Верхний Чусовский городок в Соликамском у.— 199
Верхняя Сванетия — 943
Верхняя Тунгуска, р. См. Ангара, р
Верховичи, д. Брестского у.— 495
«Верхотурский волок», перевал через Урал — 195
Верхотурский у.— 34, 42, 803, 856, 859, 864
Верхотурье, г.— 68, 118, 861, 864
Верхоценская волость, Тамбовского у.— 279
Верхоянский хребет — 851
Ветлуга, р., приток Волги — 50, 309
Ветлужско-Унженский край — 122
Видземе (Ливония) Северо-Западная часть Латвии — 751, 752, 761
Виленское воеводство — 500
Вилия (Нерис), р., приток Немана — 508, 739
Вильно (Вильнюс), г.— 489—495, 500, 507—509, 512, 515, 577, 707, 710, 737, 740, 742—745, 760
Вилюй, р., приток Лены — 849, 850, 867
Вилядь, р., приток Вычегды — 47
Виндава (Вентспилс), г.— 748, 751, 758, 759
Винница, г.— 694
Вирбалис. См. Вержболово, м-ко
Висла, р.— 506, 706
Витебск, г.— 481, 484, 485, 487, 494, 501, 513, 516, 705, 708, 710, 751
Витебский у.— 492
Витебское воеводство — 481
Витим, р., приток Лены — 845
Вишерская волость Яренского у.— 783
Вишня, г.— 672
Владимир, г.— 230, 236, 239
Владимирская губ.— 41
Владимирский у.— 148
Вогульские княжества — 819
Вожем, погост Яренского у.— 780
Воздвиженское, с. под Москвой — 333
Вокнаволоцкий погост на Кольском п-ве— 775
Волга, р.— 48—50, 70, 72, 109, 111, 115—118, 149, 191, 205, 219, 239, 246, 264, 265, 270—275, 281, 282, 284—289, 291—297, 300, 302, 303, 308, 373, 393, 476, 478, 598, 789, 913
Волжско-Каспийский водный путь — 454, 958
Волковыйск, г.— 712
Волмер, г.— 492
Вологда, г.— 47, 71, 72, 74, 75, 77, 78, 104, 112, 114—116, 119, 120, 122, 125, 184, 220, 387, 426, 557, 967, 970
Вологодский у.— 32, 37, 50, 114, 148, 169
Волоколамск, г.— 634
Волоколамский (Волоцкий) у.— 32, 170
Волоколамский м-рь — 633—635
Волынское воеводство — 668
Волынь — 501, 513, 669, 694
Вольный, г.— 55, 477
Воронеж, г.— 33, 38, 54, 115, 204, 241, 242, 282
Воронеж р,.— 91, 92
Воронежский у.— 279, 445
Воротынск, г.— 148, 392
Воротынский у.— 473
Ворскла, р., приток Днепра — 477, 537
Ворсма, с. Нижегородского у.— 304
Воря, р.— 92
Воскресенский (Новоиерусалимский) м-рь под Москвой — 162, 355, 357, 358, 626, 772
Воскресенское, с. Московского у.— 104
Восток — 122, 274, 354, 357, 373, 543, 729, 804
Восточная Армения — 951
Восточная Грузия (Картлия и Кахетия)— 916, 927, 933, 934, 940. См также Грузия

Восточная Европа. См. Европа Восточная (Европейская Россия)
Восточная Прибалтика — 520. См. также Прибалтика
Восточная Пруссия — 499. См. также Пруссия
Восточная Сибирь — 56, 619, 835, 851. См. также Сибирь
Восточное Забайкалье — 845. См. также Забайкалье
Восточное Закавказье — 948. См. также Закавказье
Восточный Туркестан (Малая Бухария)— 883, 886, 888
Вотложемская волость Устюжского у.— 389
Выг, р.— 766
Выгозерский погост в Заонежье — 766
Выдубицкий м-рь в Киеве — 701
Вымский (Яренский) у.— 755—783
Вымь, р.— 782
Вымь Яренская — см. Яренск, г.
Вычегда, р.— 46, 47. 50, 111, 194, 237, 779, 782
Вязники, г.— 324
Вязьма, г.— 71, 72, 119, 123 148, 231, 350, 393, 468, 482
Вятка, р.— 115, 789
Вятская земля (Вятка) — 50, 68, 115, 196, 197, 309, 350, 782, 783, 789, 861, 967

Гадяч, г.— 689, 692
Галицкий у.—32, 44, 67, 108, 148 159, 229
Галич, г.— 61, 122, 200, 309
Ганджа, г.— 958, 961, 963, 964
Ганджинская обл. См. Карабахская обл.
Гандзасарский (Кандзасарский) м-рь в Армении — 945, 946, 950, 956, 963
Гданск, г.— 500
Гдов, г.— 254, 256, 504, 505
Гдовский у.— 254, 504
Гелатский м-рь в Западной Грузии — 943
Гелгаудишкис, м-ко в Литве — 734
Георгиевский м-рь в Кахетии — 943
Германия — 17 18, 132, 225, 229, 318. См. также Восточная Германия
Гижига, р.— 850
Гилян, г.— 134, 288
Гиляцкая земля — 844
Глотова слободка Яренского у.— 783, 785
Глубокай, д. Акмянской волости в Литве — 736
Глуск, г. в Белоруссии — 489
Глухов, г.— 516, 632, 693, 703
Голландия — 88, 463, 459, 481, 498, 501, 512, 519, 537, 577
Гомель, г.— 484, 485, 706
Гонам, р., приток Учура — 853
Гончарная слобода в Москве — 82, 202
Горбица, р. в Забайкалье — 549
Горволь, г.— 706
Гори, г.— 941
Горицкий м-рь — 199
Городецкий у.— 119
Городище, с. Белгородского у.— 39
Горохов, г.— 670
Гороховец, г.— 629, 631, 654
Горы, г. в Белоруссии — 484
Горынь, р., приток Припяти — 495
Гребенские города (Гребени) — 287, 914
Гремячий, г.— 391
Гридино, с. Нижегородского у.—304
Гродненский у.— 500
Гродно, г.— 491, 494, 495, 510, 710
Грузинское царство. См. Грузия
Грузия (Грузинское царство) — 25, 460, 648—650, 808, 910, 916, 917, 924, 926, 929, 930—932, 934—944, 956, 963. См. также Западная Грузия, Восточная Грузия
Гурия — 932, 938, 941
Гурьев (Яицкий Каменный город, Яицкий городок, Яик), г.— 199, 273, 275, 276, 284—286, 289, 598
Густынский м-рь — 696
Гюлистан-Ирам, г. в Азербайджане — 908, 918

Давыдов (Давидгородок), г.— 495
Дагестан — 541, 906—908, 910—912, 916—919, 923, 924, 958. См. также Северный Дагестан
Дадианская земля. См. Мингрелия
Дания — 130, 463, 497, 499, 501, 507, 512, 519, 520, 537, 745, 773
Дарьяльское ущелье — 916
Даугава, р. См. Двина Западная, р.
Даугавпилс, г. См. Двинск, г.
Даурия (Даурская земля) — 324, 548, 549, 844—846, 853
Двина Западная (Даугава), р.— 482—486, 492, 501, 512, 745, 750, 751, 754, 760
Двина Северная, р.— 50, 62, 68, 131, 194, 215, 619, 627, 817
Двинск (Даугавпилс, Динабург, Борисо-

глебск), г.— 484, 485, 491, 492, 497, 502, 750, 751, 760
Двинский (Двина) у.— 68, 192, 193, 196, 387, 779
Дедиловский у.— 59
Дединово, с. Коломенского у.— 126, 454
Дедовщина, м-ко на Украине — 530
Демьяновский ям (слобода) близ г. Тобольска — 864
Дербенд, г.— 134, 288, 910, 916, 947
Дербендское наместничество — 916
Дерпт, г. См. Юрьев Ливонский, г.
Джульфа, г.— 947
Джунгария — 546, 827, 831, 874, 880
Джусала, станция в Казахстане — 881
Дигор (Дигория), часть Осетии — 907
Динабург, г. См. Двинск, г.
Дисна, г.— 484, 487, 514
Дмитровский у.— 169, 188
Днепр, р.— 70, 456, 466, 470, 474, 482—484, 486, 487, 489, 491, 492, 510, 521—526, 528, 530, 537, 538, 540, 579, 667, 674, 675, 678, 683, 687, 692, 693
Днестр, р.— 534, 667, 713, 714, 721
Добрый, г.— 33, 51, 208, 335, 391
Дон, р.— 47, 48, 53, 70, 116, 124, 208, 222, 233, 264—270, 272—274, 281, 282, 284, 285, 287—295, 300, 302, 305, 308, 312, 324, 325, 336, 473, 476, 522, 525, 579, 582, 676, 677
Дондон, р., приток Амура — 844, 846
Донец, р. См. Северный Донец
Донское Войско (Дон) — 116, 124, 266, 268—271, 281
Донской м-рь в Москве — 571, 621
Дорогобуж, г.— 71, 72, 119, 122, 148, 393, 468, 483, 517
Друя, г.—484
Дубровенка, р. в Белоруссии — 489
Дубровна, г.— 484, 489, 491
Дугненский завод в Алексинском у.— 92
Дунай, р.— 521, 530, 534
Дуроватица, д. Векшенгской волости Тотемского у.— 69
Дуровичи, м-ко на Украине — 516
Духанинский стекольный завод — 104
Духовщина, г.— 72, 119
Дючерская земля — 844

Европа Восточная (Европейская Россия) — 130, 164, 583, 817
Европа Западная (Запад) — 5, 11, 25, 26, 32, 88, 118, 122, 128—131, 133, 134, 311, 451, 458, 460, 461, 463, 519, 520, 533, 568, 570, 577, 583, 714, 728, 739, 758, 819, 946, 947, 952
Европа Центральная — 464, 529
Европа Юго-Восточная — 464, 529, — 531, 533, 536
Европейский север. См. Поморье
Езерское (Ызерское) княжество. См. Исарское княжество
Еконгский погост на Кольском п-ве — 774
Елатьма, г.— 376
Елгава, г. См. Митава, г.
Елец, г.— 42, 54, 116, 242
Елецкий у.— 279, 467
Елецкое городище близ Кабарды — 918
Елтнинский завод в Каширском у.— 92
Емь, р. См. Эмба, р.
Енисей, р.— 546, 815, 822, 823, 827—831, 848, 849, 851, 852
Енисейск (Енисейский острог), г. — 386, 849, 853
Енисейский у.— 55, 546, 822, 823, 864
Енисейско-Красноярский земледельческий район — 34
Ереван, г.— 946, 947, 964
Ереванская (Чухур-Садская) обл.— 961, 963
Ереванское беглербегство (наместничество) — 948
Ереванское ханство — 949
Еренский городок. См. Яренск, г.
Ерзика, г.— 946
Ефремов, г.— 476

Жаворонки, с. под г. Смоленском — 374
Жаворонкова гора под г. Смоленском — 475
Жареные бугры, урочище под г. Астраханью — 298
Жванец, м-ко на Подолии — 684
Желтые Воды, урочище на Украине — 678, 699
Жемайтия (Жмудь) северная часть Литвы — 493, 737
Жиганское зимовье на р. Лене — 850
Жмудь. См. Жемайтия
Журавна, м-ко — 521

Забайкалье — 580, 604, 831, 853, 840, 841. См. также Восточное Забайкалье
Заболотье, д. Шацкого у.— 279
Заволжье — 205, 309
Загорск, г.— 634
Закавказская (Кавказская) Армения — 926, 952

Закавказье — 541, 647, 906, 915, 916, 921, 926, 928, 939, 941, 948, 952, 962. См. также Восточное Закавказье
Закамская черта — 34, 285, 478, 788, 793, 802
Закарпатская Украина (Закарпатье) — 677
Закатальский округ — 911
Закудемский стан Нижегородского у.—44
Замоскворечье, часть Москвы — 101, 627
Замосковный край (Замосковье) — 31, 32, 35, 37, 50, 52, 61, 82, 110, 123, 147—149, 168, 169, 188, 190, 202, 204, 239, 765
Замостье, г.— 679, 680
Зангезур, часть Армении — 945
Заонежские погосты (Заонежье, Заонежский край, Олонецкий край, Онежский край) — 32, 60, 61, 65, 88, 90, 92, 122, 194, 200, 201, 446, 766—769
Западная Армения (Турецкая Армения)— 948—951
Западная Белоруссия — 688, 704. См. также Белоруссия (Белая Россия)
Западная Грузия — 927, 931, 932, 934, 943. См. также Грузия
Западная Двина (Даугава), р. См. Двина Западная
Западная Европа. См. Европа Западная (Запад)
Западная Монголия — 547. См. также Монголия
Западная Сибирь — 46, 580, 824, 851, 859, 864. См. также Сибирь
Западная Украина — 681, 688, 706. См. также Украина
Запорожская Сечь (Запорожье) — 517, 530, 531, 537, 667, 676, 678, 679, 688, 689, 690, 692
Зарайск, г.— 199, 279
Зарайский у.— 472
Заречная Черкасская слобода близ г. Терки — 914
Засечная черта — 204
Зауралье — 197, 795, 802
Заячье, с. Белгородского у.— 39, 335
Збараж, г.— 681, 682
Зборов, г.— 682
Звенигородские заводы — 91
Звенигородский у.— 31, 91, 92, 159
Звягино, д. Тверского у.— 170
Зеленая Долина, урочище на пути к Перекопу — 540
Земгалия (Земгале) — 746, 751
Земляной город в Москве — 202, 204, 233
Земочала, г.— 942
Заревшан, р.— 882, 883
Зея, р., приток Амура — 844, 845, 853
Зимовейский городок на Дону — 283
Змиев, г.— 55, 305
Знаменский м-рь в г. Курске — 242, 243
Золотая орда — 797
Зубцов, г.— 393
Зубцовский у.— 119
Зырянка, р., приток Камы — 116
Зырянские усолья, соляные промыслы Соликамского у. — 107, 108, 116, 211, 435

Ивангород, г.— 457, 759
Ивангородский у.— 505
Иверский м-рь на Волдайском оз.— 162, 199, 355, 770
Иерусалим, г.— 626
Ижевское, с. Рязанского у.— 279
Ижемская слободка Пустозерского у.— 775, 776, 778, 783—785
Ижма, р., приток Печоры — 778
Ижорская земля (Ижора) — 309, 501, 504, 505, 763
Изборск, г.— 254, 492
Изборский у.— 254
Измайлово, с. под Москвой — 104, 202, 570, 628
Измайловский завод — 104
Изюмская засечная черта — 529
Изюмский шлях — 33, 467, 471, 476
Илек, р., приток Яика — 271, 870
Илим, р., приток Ангары — 39, 43, 849
Илимо-Ангарский земледельческий район 34
Илимск, г — 868
Илимский у.— 37, 864
Иловля, р., приток Дона — 270, 284
Ильинский погост Сольвычегодского у.— 47, 77
Ильинское, с. Чареможской волости Ярославского у.— 334, 335
Имеретия — 907, 912, 927—932, 935—940, 942
Империя великих моголов — см. Индия
Империя (Священно-Римская империя германской нации) — 355, 463—465, 481, 497, 501, 506, 518—520, 528—534, 538
Ингерманландия — 494, 511
Ингода, р., приток Шилки — 604
Ингрия — 766

Ингул, р.— 674
Индерские горы — 273
Индигирка, р.— 580, 835, 850, 858, 859
Индия (Империя великих моголов) — 134, 543, 544, 583, 656, 886, 888, 889, 897, 946, 947, 958
Инсар, г.— 304
Инфлянта, польская Лифляндия — 745
Иоахимсталь, г. в Богемии — 430
Ипатьевский м-рь в г. Костроме 39, 43
Ирбит, г.— 118, 119
Ирбитская ярмарка — 118, 119, 124
Иргень, р. в Забайкалье — 853
Иргиз, р.— 870
Иркутск (Иркутское зимовье), г.— 119 853
Иркутский у.— 864
Иртыш, р.— 34, 134, 544, 819, 824, 852, 870
Исарское (Езерское, Ызерское) княжество в Киргизии — 546, 829
Исеть, р., приток Тобола — 802
Искер, г.— 589
Испания — 519
Истинский завод — 92
Исфагань, г.— 288, 544, 939, 940, 947, 960
Ицари, кайтагский аул — 923
Ишим, р., приток Иртыша — 134, 544, 870
Ишимский острог — 544 852

Кабалаклыцкая (Кабалыклейская) пристань — 542, 897
Кабарда (Кабардинская земля) — 903, 904, 906—908, 910, 912—925, 933. См. также Большая Кабарда и Малая Кабарда
Кабул, г.— 544
Кавказ — 27, 268, 518, 541, 903, 904, 911, 912, 915, 919, 925, 934, 960. См. также Северный Кавказ
Кавказская Армения. См. Закавказская Армения
Кавказский хребет — 903, 908, 912
Кагальник (Кагальницкий городок), г-к — 294, 308
Кадашевская слобода в г. Москве — 64, 72, 86, 101—103, 202, 607, 627
Кадом, г.— 305, 309
Кадомский у.— 305
Казанская губ.— 787
Казанская дорога, часть Башкирии — 35, 797
Казанский у.— 789, 790, 809
Казанское ханство — 373, 459, 788, 793—795
Казань, г. — 70, 74, 88, 120, 122, 200, 205, 263, 284, 292, 300, 305, 306, 373, 376, 386 394, 451, 598, 609, 790—792, 795
Казахская степь — 134, 883
Казахстан — 870, 871, 873, 875—880, 882, 890, 897
Казачий город на Кош-Яике — 272
Казминский завод под Москвой — 92
Казыева Кабарда — 907
Казы-Кермен, г-к — 526, 538
Казы-Кумух, княжество в Дагестане — 908, 911
Казым, р.— 820
Казымское княжество у хантов — 820
Каирка, р., приток Днепра — 540
Кайгородок, г.— 68, 108, 196, 201, 861
Кайтаг (Кайтагская земля), княжество в Дагестане — 908, 911, 919, 925
Кайтаго-Табасаранский округ — 911
Каланчак, с. около Перекопа — 540
Калининская обл.— 619
Калиш, г.— 493, 506
Калишское воеводство — 497
Калмиусский шлях — 33, 476
Калмык-Кыргантау, гора — 812
Калуга, г.— 71, 72, 74, 119, 124, 184, 200, 204, 373, 392, 393, 435, 468, 629, 630
Калужский у.— 472
Калязин м-рь — 83
Кама, р.— 69, 70, 107, 111, 115, 116, 194, 789, 819, 848
Каменец-Подольск, г.— 279, 518, 521, 535, 671, 694
Каменка, р., приток Ингула — 674
Каменный затон, урочище на Украине — 678
Камчатка, п-ов — 843, 844, 851, 867
Камышенка, р., приток Волги — 293
Камышин, г.— 284
Кан, р., приток Енисея — 842
Канакер, д. Ереванской обл.— 952, 963
Кангалаская волость в Якутии — 839
Кандагар, г.— 544
Кандала, с. в районе Закамской черты — 791
Кандала, р.— 791
Кандалакшская губа Белого моря — 767
Кандалакшский м-рь — 258, 772
Кандаратка, р. в Поволжье — 310
Кандзасарский м-рь. См. Гандзасарский м-рь

Канев, г.— 676
Канин нос, п-ов — 815
Канский у.— 546
Карабах, провинция на Кавказе — 934, 937, 945, 948, 956, 961, 964
Карабахская (Ганджинская) обл.— 961
Караваева, д. под г. Казанью — 790
Каравайные горы, урочище под г. Саратовом — 284
Караганская пристань (пристанище) на п-ве Мангышлаке — 542, 897
Каракалпакия — 882, 896
Карасу-базар, г.— 267
Каратебень, урочище на Украине — 537
Карачакрак, р. у Запорожской Сечи — 538
Карачарово, с. Муромского у.— 171, 191
Карачевский у.— 467
Каргашино, с. Шацкого у.— 279
Каргополь, г.— 201, 236
Каргопольский у.— 193, 200, 767
Кардис, г.— 514
Карелия — 309, 494, 501, 502, 504, 763—771. См. также Приладожская Карелия
Карин, г. См. Эрзерум г.
Карла, р. в Поволжье — 306
Карпаты, горы — 667
Карпов, г.— 47, 55, 477
Карповский у.— 51
Карс, г.— 946
Картлия — 927, 929, 932—941
Касимов, г.— 77, 376
Касимовский у.— 77, 149
Каспийское (Хвалынское) море — 134, 264, 271, 272, 274, 281, 284, 285, 288, 289, 293, 294, 454, 542, 598, 883, 897
Каунас, г. См. Ковно, г.
Кафа (Феодосия), г.— 268
Кахетия — 649, 910, 913, 927—929, 932—940, 942, 943
Кача, р.— 829
Кашинский у.— 169
Кашира, г.— 373, 472
Каширские заводы — 89, 90
Каширский у.— 59, 89, 92, 472
Кеврольский у.— 193
Кейданы (Кедайняй), г.— 493 494, 497, 512, 742, 743
Криксгольм. См. Корела, г.
Кеменай, м-ко в Литве — 737
Кемская волость на Кольском п-ве — 323
Кемь, г.— 768
Кенигсберг, г.— 498
Керенск, г.— 304, 305, 308, 310
Керенский у.— 305
Керепеть, г.— 492
Керецкая волость на Кольском п-ве — 111, 798
Керженец, р., приток Волги — 324
Кесь, г.— 492
Кетский острог — 34, 849
Кетский у.— 821, 822
Кеть, р., приток Оби — 849
Керченский пролив — 921
Кзыл-Ординская обл.— 881
Киев, г.— 486, 487, 490, 495, 510, 511, 513, 514, 521, 536, 563, 565, 591, 632, 669, 676, 680, 681, 683, 684, 687, 688, 691, 692, 694, 695, 701—703, 706, 716, 729
Киево-Печерская лавра — 562, 697, 702, 703
Киевская Русь — 593
Киевское воеводство — 670, 674, 682, 684
Кижский погост в Заонежье — 61, 92, 770
Киликийская Армения — 946
Килия, г.— 715
Кимозерский погост в Заонежье — 775
Кипчакская волость в Башкирии — 809
Киргизская земля — 828—831
Киргизская степь — 828
Киренга, р., приток Лены — 851
Кириллов м-рь на Белом оз.— 235
Киструс, с. Рязанского у.— 170
Китаева, д. Рязанского у.— 170
Китай (Китайское государство) — 25, 119, 136, 459, 546—549, 551, 581, 582, 730, 776, 777, 833, 841, 845, 846, 848, 852
Китай-город в Москве — 565, 627, 638
Кишенев, г.— 716
Клемовая, д.— 279
Клецк, г.— 495
Ключищи, с. Нижегородского у.— 309
Кобрин, г.— 706
Кобылино, с. Вологодского у.— 184
Ковно (Каунас), г.— 491, 494, 495, 510, 737, 739, 742, 745
Кода (Кодское княжество) — 820, 821
Кодак, крепость на Днепре — 676
Кодацкий порог на р. Днепре — 676
Кожеозерский м-рь — 315
Козельск, г.— 72, 148, 392
Козельский у.— 473
Козлов, г.— 204, 240, 241, 279, 300, 302, 304, 476

Козловский у.— 33
Козье болото, слобода в Москве — 219
Козьмодемьянск, г.— 303, 310, 401
Кокенгузен, г. См. Кокнес, г.
Кокнес, г. (Кукенос, Кокенгузен) — 498, 502, 750, 751, 760, 761
Кокшайский у.— 109
Колачин, р. в Молдавии — 713
Коломак, р., приток Ворсклы — 529, 537
Коломенский у.— 126, 309, 454, 472
Коломенское, с.— 80, 257, 259—263, 333, 619, 620, 640
Коломна, г.— 200
Колыма, р.— 580, 835, 850
Кольский острог (Кола), г.— 114, 202, 258, 773, 774
Кольский п-ов — 194, 771—774
Кольский у.— 193, 767, 771, 773
Комагоры, г. См. Холмогоры, г.
Комарицкая волость Севского у.— 445, 477
Комарицкий стан Устюжского у.—80, 126
Коми АССР — 775, 786
Коми-край — 775—785
Компендяйский соляной источник на р. Вилюе — 867
Кондинские волости — 856
Кондинское (Пелымское) княжество — 820
Конобеево, с. Щацкого у.— 305, 308
Конотоп, г.— 510, 511, 687
Конские Воды, р., приток Днепра — 537
Константинополь г.— 264, 313, 463, 464, 466, 518, 524, 648, 721, 725, 950, 958
Коньково, д. Московского у.— 40
Копенгаген, г.— 498, 507
Копорье, г.— 457
Копыл, крепость — 919
Копысь, г.— 393, 483, 489, 491, 517
Корела (Кексгольм), г.—504, 763, 764, 768
Корельский у.— 763, 766
Корец, г.— 668
Коржоуцы, с. в Молдавии — 714
Коровники, слобода в Ярославле — 624
Корода, аварский аул — 924
Королевская слобода, м-ко в Белоруссии — 489
Коротолк, г.— 116, 242, 305, 477
Короча, г.— 476
Корсунская черта — 303
Корсунь, г.— 304, 310, 675, 678, 699
Косой острожек. См. Охотск, г.
Костомозерский погост на Кольском п-ве — 775
Кострома, г.— 39, 43, 71, 122, 200, 647
Костромской у.— 32, 169, 188
Котельная слобода в Москве — 202
Котельны, м-ко на Украине — 513
Котлин, о-в — 504
Котнарский район Молдавии — 714
Кош-Яик, о-в — 271, 272
Крайний Север. См. Поморье
Краков, г.— 355, 497, 681
Красная Слобода в Москве — 309, 865
Красное, с. Смоленского у.— 470, 471
Красноярск (Красноярский острог), г.—205, 546, 830, 852—854, 859, 860, 868
Красноярский у.— 546, 823, 827, 830, 854, 864
Красный, г.— 517
Красный бор, с. Устюжского у.— 114, 617, 618
Красный Кут, г.— 537
Кременец, г.— 668
Кременки, с. Арзамасского у.— 305
Кременчуг, г.— 691
Крестный м-рь на побережье Белого моря — 162, 355, 772
Крит, о-в — 518
Кричев, г.— 512, 682, 707, 710
Кромский у.— 44, 151
Крым (Крымское ханство) — 25, 53, 79, 264— 267, 270, 290, 355, 363, 393, 456—459, 461, 465, 466, 476, 478—481, 491, 530, 532—538, 540, 541, 678, 681, 682, 686, 725, 726, 728, 808, 903, 904, 906, 913, 919—922, 942
Крымский (Крым) полуостров — 579
Крысадаки, татарская д. в Поволжье — 306
Ксеверово, г.— 694
Кубань, р.— 903, 919
Кубачи, аул в Дагестане — 910, 925
Кувечинский перевоз через Днепр — 526
Кузнецк (Кузнецкий острог), г.— 546, 828, 852, 854, 855
Кузнецкая волость — 823
Кузнецкий у.— 546, 854, 864
Кукенос, г. См. Кокнес, г.
Кулалынский о-в — 287, 292
Кулики, с. Тамбовского у.— 280
Кулуй, посад в Поморье — 201
Кума, р.— 287, 289, 325
Кумейки, с. на Украине близ г. Канева — 676

Кумух, княжество в Дагестане — 925
Кумыкская земля (Кумыки) — 908, 914, 915, 917, 919
Кунгур, г.— 118, 120, 201, 803
Кунгурский у.—34, 50, 115, 197, 200, 803
Кура, р.— 961
Курземе. См. Курляндия
Курильские о-ва — 848, 851
Курляндия (Курляндское герцогство, Курземе) — 491, 745—748, 751, 756—759
Курмыш, г.— 303, 309, 310
Курмышский у.— 44, 172
Курск, г.—54, 204, 223, 242—244, 249, 335
Курский у.— 112, 141, 243
Кутаиси, г.— 928, 929
Куть (Кута), р., приток Лены — 849, 851, 867
Кучумов юрт — 851, 854
Кучумово царство. См. Сибирское ханство
Кушликовы горы, д. в Белоруссии — 514
Куштозерская волость в Заонежье — 61
Кызылбашская земля. См. Персия
Кызылбашское гос-во. См. Персия
Кярдла, г.— 754

Лавуйский острог в Ижорской земле — 504
Лавуя, р. в Ижорской земле — 504
Лагор, г.— 544
Ладога, г.— 122, 768
Ладожское озеро — 48, 763, 766
Лальский посад Сольвычегодского у.— 77
Лапландия — 773
Латвийская ССР — 750, 751, 761, 762. См. также Латвия
Латвия — 745—751, 754, 760—762. См. также Латвийская ССР
Латгалия, юго-восточная часть Лифляндии, Восточная Латвия — 745, 750, 751, 757, 759—761
Лаштхвери, с. в Верхней Сванетии —943
Лебедин, г.— 674
Лебедянский у.— 33, 52, 150, 199, 445, 477
Лебедянь, г.—33, 52
Левант, восточное побережье Средиземного моря — 530
Левобережная Украина — 41, 290, 450, 514, 516, 517, 521, 528, 530, 536, 676, 679, 686—689, 690, 692. См. также Украина
Левобережье. См. Левобережная Украина
Лена, волость Вымского (Яренского) у.— 778, 780
Лена, р.—580, 835, 840, 849—851, 853, 858
Ленкура, р. в Персии — 288
Ленский волок — 849
Лесной Воронеж, р., приток Дона — 240
Летка, р., приток Вятки — 115
Летский волок — 115
Либава (Лиепая), г.— 751, 758, 759
Ливенский у.— 467, 472
Ливны, г.— 467
Ливония. См. Лифляндия
Ливорно, г.— 951
Лидский у.— 500
Лиепая, г. См. Либава, г.
Лимешский погост Чердынского у.— 69
Липовец, г.—668
Липовки, д. Ярославского у.— 184
Лисино, д. Волоцкого у.— 170
Лиска, р., приток Дона — 288
Литва — 176, 177, 352, 455, 493, 496, 497, 500, 506, 508, 510, 703, 704, 733—737, 739—743, 750, 751. См. также Литовская ССР
Литовская ССР — 577, 740. См. также Литва
Литовское княжество (Великое княжество Литовское) — 489, 491, 493, 494, 500, 514, 704, 705, 718
Литовско-Русское государство. См. Литовское княжество
Лифляндия (Ливония) — 356, 481, 484, 485, 491—494, 496, 498, 502, 512, 515, 745, 750—756, 759
Лихвин, г.— 148, 393
Лихвинский у.— 37
Ловозерский погост на Кольском п-ве — 775
Лодинский м-рь — 696
Лоев, г.— 681, 709
Лондон, г.— 132, 594
Лопские погосты в Заонежье — 766, 769, 770
Лудза, г.— 751, 760
Лудзенский у.— 760
Лужа, г.— 485
Луза, р., приток Юга — 69, 115, 775, 781—783
Лузская Пермца, отписная сошка Сольвычегодского у.— 775—777 779, 782, 783, 786
Луки Великие, г. См. Великие Луки, г.

Луполовская слобода в г. Могилеве — 489
Луцк, г.—669, 694
Лысково с. Нижегородского у.— 91, 171, 185, 304, 309
Львов, г.— 495, 513, 669, 694, 696, 699, 716, 725, 730, 951
Любар, м-ко на Волыни — 513
Люблин, г.— 681
Любомир, г.— см. Ставищи, г.
Люцин, г.— 485, 487
Ляховичи, м-ко в Белоруссии — 495, 511, 512

Мазендеран (Центральная Персия) — 960
Майна, р.— 789, 790, 791
Майское зимовье в Забайкалье — 834
Макарьевская ярмарка — 118—120, 124, 967
Макарьевский Желтоводский м-рь — 123, 124, 304
Маковский острожек на р. Кети — 849
Малая Азия — 926, 962, 963
Малая Бухария. См. Восточный Туркестан
Малая Кабарда — 904
Малая Орда. См. Младший Казахский жуз
Малая Россия. См. Украина
Малороссия. См. Украина
Малоярославецкий у.— 92
Малчи, м-ко близ г. Бреста — 511
Малые Ногаи (Малая Ногайская орда). См. Ногайская орда Малая
Малый Ярославец, г.— 373
Мангазейский у.— 815, 822, 823, 849, 850
Мангазейское море — 848
Мангазея (Мангазейский острог), г.— 388, 778, 848, 849
Мангышлак, п-ов — 897
Маньчжурия — 845
Марабда, д. в Грузии — 937
Мариенбург, г.— 502
Марьина Роща, д. под Москвой — 202, 203
Мая, р., приток Алдана — 851, 853
Маяцкий острог на южной границе Русского гос-ва — 305
Медведица, р., приток Дона — 33, 269, 281, 294, 324
Медведково, с. под Москвой — 621, 622
Медное, с. Тверского у.— 173
Межибож, г.—513
Межиречье, г.— 486
Мезенский у.— 194
Мезень, р.— 815
Мензелинск, г.— 285, 478
Мещанская слобода в Москве — 330, 331, 555, 560, 563, 660
Мещевский у.— 32
Мещевск, г.— 148, 373
Мжа, р. в районе Изюмской черты — 529
Микулинское, с. Вологодского у.— 170
Микуличи, с. на Украине — 670
Милан, г.— 951
Милков, р. в Молдавии — 713
Мингрелия (Дадианская земля) — 927, 929, 930, 932, 938, 939, 941, 942
Минск, г.— 491—493, 708, 710
Минское воеводство — 482, 500
Минусинская котловина — 34
Миргородок, г.— 495
Митава (Елгава), г.— 499, 748, 751, 758, 759
Михайлов, г.— 240
Мияс, р., приток Исети — 802
Младший Казахский жуз (Малая Орда)— 870, 876, 882
Могилев, г.— 484, 486—489, 512 514, 516, 517, 707, 708—710, 712
Могни, с. в Армении — 953
Моголистан — 879
Можайск, г.— 148, 239, 373, 393, 468
Можайский у.— 31, 188
Мозырь, г.—706
Молдавия — 25, 460, 647, 648, 684, 713—730, 723
Молочные воды, урочище на Северном Кавказе — 283
Монастырский городок, столица Войска Донского — 266
Монголия (Мунгальская земля) — 459, 546—548, 831, 842, 852, 859. См. также Западная Монголия
Монгольская империя — 797
Мордасово, с. Рязанского у.—279
Мордовская АССР — 793
Мосальск, г.— 72
Мосальский у.— 32
Москва, г.— 18, 31, 32, 38, 40, 45, 47, 52—54, 59, 60, 62—65, 68, 70—72, 76, 78, 80—82, 84, 85, 87, 92, 94—102, 104, 115, 117—119, 122—126, 129, 132, 134, 136, 147, 148, 152—156, 167—170, 172—174, 177—179, 187, 199, 200, 202—205, 207—209, 213, 214, 217—219, 223, 225, 226, 228—238 240—256, 258—260,

262, 263, 265—268, 272, 273, 276, 277, 282, 285, 290, 293—297, 300, 302, 303, 308, 309, 313—316, 318—322, 324—326, 328—336, 338, 340—342, 347, 351—357, 359, 361—363, 364, 366, 368, 371, 373—376, 387, 392—394, 399, 406, 421, 423, 424, 427, 435, 442, 447, 448, 468, 470—472, 475—478, 480, 483, 486, 496—498, 502, 515, 520, 531, 533—535, 538, 543, 544, 548, 552, 555, 557—562, 563—571, 575—577, 580, 584, 590, 591, 593, 602, 607, 613, 621, 623, 624, 626, 627, 630, 631, 634, 636, 638—642, 652, 656, 658, 662, 681, 686, 692, 693, 696, 703, 712, 726, 727, 729, 730, 732, 739, 742, 759, 760, 766, 774, 776, 777, 781, 783, 784, 786, 797, 821, 824, 849, 898, 914—921, 923, 924, 930, 932, 936, 938—943, 951, 953, 959, 967, 970
Москва, р., приток Оки — 62, 233, 620, 623
Московия. См. Русское государство
Московская Русь. См. Русское государство
Московский у.— 92, 104, 159, 169, 188, 398, 471, 472
Московское государство. См. Русское государство
Московское царство. См. Русское государство
Мощоная, с. на Украине — 675
Мстиславль, г.— 482, 484, 509, 512, 710
Мстиславльское воеводство — 482, 707
Мстиславский у.— 470
Мунгальская земля. См. Монголия
Мунганская степь — 136
Муравский шлях — 33, 467, 476
Мурашкино, с. Нижегородского у.— 171, 304, 309—311
Мурманская обл.— 618, 619
Муром, г.— 624
Муромский м-рь — 770
Муромский у.— 191
Мценск, г.— 393
Мценский у.— 467
Мцхети, г.— 937, 943
Мшага, р., приток Шелони — 107
Мышь, г.—495

Надеено Усолье, соляной промысел близ г. Сызрани — 111, 335
Найкаймис, имение в Расейняйской волости в Литве — 733
Нарва, г.—131, 505, 507, 746, 762
Нарвский у.— 505
Нарова, р.— 505
Нарым, г.— 34, 245
Нарымский у.— 821, 822
Натская земля — 844
Нахичеванское ханство — 948, 950, 952, 961, 962, 964
Нева, р.— 504
Невель, г.— 468, 481, 484, 517
Невьянский железоделательный завод — 91, 867
Нежин, г.— 512, 516, 687, 690, 691
Нейва, р., приток Ницы — 867
Нейгаузен, г.— 502
Неман, р.— 494, 509
Немецкая слобода в Москве — 261, 564, 659, 660
Нерис, р. См. Вилия, р.
Нерча, р., приток Шилки — 853
Нерчинск (Нерчинский острог), г.— 35, 87, 119, 547—549, 853, 854, 868
Нерчинский у.— 864, 867
Несвиж, г.— 710
Ниеншанц, г.— 504
Нижегородский у.— 62, 72, 91, 105, 109, 112, 149, 160, 169, 185, 230, 235, 303, 304, 309, 315, 319, 625, 791
Нижне-Тулицкий завод — 92
Нижнее Поволжье — 48, 109, 205, 237, 281, 385, 790, 810. См также Поволжье
Нижний Ломов, г.— 33, 305, 310, 476, 478
Нижний Новгород, г.— 61, 62, 64, 70, 72, 74, 105, 109, 116, 118, 123, 124, 126, 185, 191, 200, 202, 213, 281, 300, 304, 305, 309, 310, 314, 361, 435, 621, 629, 967
Нижний Чусовский городок — 199
Нижняя Тунгуска, р., приток Енисея — 823, 849, 857
Низовая, пристань на Каспийском море — 134
Николо-Карельский м-рь на Северной Двине — 619, 620
Никольское, с. Костромского у.— 46
Нингута, г.— 847
Ница, р., приток Туры — 865, 867
Ницинский завод на Урале — 87
Новая Джульфа, г.— 134, 947, 950, 951, 953
Новгород Великий, г.— 40, 64, 70—72, 84, 116, 119, 122, 129, 132, 133, 200, 204, 219, 246, 249—254, 256, 258, 315,

380, 384, 386, 387, 393, 417, 424, 436, 437, 481, 490, 501, 504, 766, 768, 769, 774, 778, 780—785, 817, 967, 970
Новгород-Северский, г.— 148, 149, 393, 516, 632, 687, 691, 694, 698, 914, 924
Новгородок, г.— 710
Новгородский у.— 119, 122, 324, 355
Новобогородская крепость — 538, 540
Новогрудок, г.— 708
Новогрудское воеводство — 500
Новодевичий м-рь в Москве — 634, 651
Новое Усолье, слобода Соликамского у.— 106, 115, 116
Новоселки, с. Солотчинского м-ря — 190
Новосиль, г.— 393
Новосильский у.— 467
Новоспасский м-рь в г. Козлове — 240
Новоспасский м-рь в Москве — 52, 314, 315
Новоторжский у.— 384
Новый Быхов, г.— 484, 487—489
Новый Иерусалим, м-рь. См. Воскресенский (Новоиерусалимский м-рь)
Новый Оскол, г.— 55, 393, 477
Ногайская дорога, часть Башкирии — 35, 797, 809
Ногайская орда Большая (Большие Ногаи) — 386, 472, 476, 541
Ногайская орда Малая (Малые Ногаи)— 472, 476, 921
Нотозерский погост на Кольском п-ве — 774
Ношульский погост (Ношульская пристань) Сольвычегодского у.—69, 115, 779, 781—783

Обвенское поречье Соликамского у.— 50
Обдорск, г.— 815
Обдорское княжество — 820
Обжанская волость в Заонежье — 61
Оболенский у.— 90, 92, 472
Обоянь, г.— 477
Обская губа — 778, 820, 848
Объячевский погост Сольвычегодского у.— 779
Обь, р.— 69, 546, 665, 815, 820—822, 826, 828, 848, 852
Овечьи Воды, урочище между Доном и Перекопом — 537
Овруч, г.— 694
Овчинная слобода в Москве — 202
Огородная слобода в Москве — 202
Ока, р.—48, 115—117, 149, 392, 457, 471, 472, 476, 477
Окологородная волость Тотемского у.—43
Окоцкая слобода близ Терского города — 914
Олекма, р., приток Лены — 850
Олекминское зимовье — 850
Оленек, р.— 835, 850
Олива, г.— 759
Олонец, г.— 504, 768, 769
Олонецкие заводы — 770
Олонецкий край. См. Заонежские погосты
Ольхон, о-в на Байкале — 840
Ольшанск, г.— 305
Онежский завод — 767
Онежский край. См. Заонежские погосты
Онежское озеро — 766
Опочецкий у.— 514
Опочка, г.— 254
Опошня, г.— 305
Орел, г.— 52, 115, 393, 435, 476
Орел-городок Соликамского у.— 106, 116, 199
Орель, р., приток Днепра — 537, 667
Оренбургская губ. (Оренбургский край) — 272, 796, 872
Орешек, г.— 504
Орловский у.— 44, 467
Орша, г.— 471, 483, 489, 491, 710
Оршанский у.—470
Осетия — 907, 913, 916, 923, 925
Осинская дорога, часть Башкирии — 35, 797
Оскол, г.— 54
Оскол, р.— 529
Оскольский у.— 47, 51
Османская Турция. См. Турция
Останкино, с под Москвой — 203
Осташков, г.— 199
Остров, г.— 254
Островский у.— 254
Острог, г.— 486, 668—670, 694
Острогожск, г.— 115, 116, 305
Острополь, г.— 668
Остяцкие княжества — 819
Оттоманская порта. См. Турция
Охотск (Косой Острожек), г.— 851
Охотское (Пенжинское) море — 580, 831, 850, 853
Очаков, г.— 267
Ошмяны, г.— 710

Павлово, с. Нижегородского у.— 62, 304
Павловский завод в Звенигородском у.— 91, 92, 572

Павловское, с. Звенигородского у.— 53, 91, 182
Пажайслиский м-рь около г. Каунаса (Ковно) — 745
Палеостровский м-рь на Онежском оз.— 770
Палестина — 566, 626
Панкратьевская слобода в г. Москве — 76
Паншин, г-к на Дону — 283, 284, 291, 292
Парабельские волости у селькупов — 822
Пелымский у.— 55
Пелымское княжество. См. Кондинское княжество
Пенджаб, персидская провинция — 544
Пенжина, р.— 850
Пенжинское море. См. Охотское море
Пенза, г.—294, 305, 310
Пензенский у.— 112
Перекоп, перешеек — 539—541
Переяслав (Переяславль) — 510, 516, 675, 681, 686, 687, 691
Переяславль-Залесский, г.— 200
Переяславль-Рязанский (Рязань), г.— 204, 240, 350, 392, 634
Пермский край (Пермская земля) — 69, 115, 194, 197, 588
Персидский залив — 544
Персия (Кызылбашская земля, Кызылбашское государство) — 70, 118, 134, 136, 264, 268, 271, 281, 288, 289, 380, 466, 541, 543, 544, 568, 597, 598, 883, 888, 889, 897, 913, 915—919, 921, 926—930, 932, 934—942, 944, 946, 947, 949, 951—953, 957—960, 962
Петербург, г.— 572
Печенегский м-рь — 772—774
Печерский м-рь — 254
Печора, р.— 118, 778, 782, 817, 848
Пешка, д. Тверского у.— 170
Пилявцы, м-ко на Украине около г. Старого Константинова — 679
Пинск, г.—495, 706, 708, 710
Повенецкий погост в Карелии — 771
Повенецкий рядок в Карелии — 768
Поволжье — 17, 19, 33, 35, 53, 70, 109, 110, 112, 116, 123, 181, 191, 205, 264, 269, 296, 300, 302, 309, 310, 324, 336, 391, 459, 787—797, 801, 804, 897, 967, 968. См также Верхнее Поволжье, Среднее Поволжье, Нижнее Поволжье
Подмосковье — 282
Поднепровье — 457, 532
Подолия (Подол) — 501, 518, 521, 535, 682, 684, 701
Познанское воеводство — 497
Познань, г.— 493—506
Поклоуш, татарская д. в Поволжье — 306
Покровская гора под г. Смоленском — 471, 474
Полесье — 679, 688, 708
Половодово, погост Соликамского у.— 107
Полонный, г.— 670
Полоцк, г.— 481, 484, 485, 487, 494, 501, 502, 509, 513, 705, 708, 710, 711, 751
Полоцкое воеводство — 481, 484
Полтава, г.— 687, 688, 691
Польша (Речь Посполитая) — 24, 25, 47, 53, 147, 148, 164, 258, 260, 267, 278, 312, 341, 355, 356, 366, 382, 393, 415, 432, 446, 447, 449, 452, 455, 457—459, 461—467, 478—481, 494, 496—501, 505—507, 511, 514—521, 524, 528—536, 538, 587, 665, 667, 675, 677—682, 684, 686—690, 692—695, 697, 699, 704, 706, 707, 710, 713, 716, 720, 724—726, 728, 733, 741—743, 745, 760, 942
Померания — 496
Поморье (Север, Русский Север, Европейский Север, Крайний Север) — 48, 62, 65, 68, 80, 87, 106, 107, 110, 111, 114—116, 122, 129, 192—194, 196—198, 200—202, 207, 213, 236, 239, 315, 323—325, 370, 383, 384, 386, 388, 389, 392, 396, 411, 412, 414, 415, 420, 437, 459, 520, 556, 557, 567, 570, 617, 619, 766, 768—770, 778, 785, 793, 815, 822, 844, 864, 865, 967, 970
Понойский погост на Кольском п-ве — 774
Пообье — 849
Поречье, г.— 72, 119
Поротовский завод — 92
Порта. См. Турция
Порхов, г.— 254
Порховский у.— 254
Почеп, г.— 148, 468
Пошехонский у.— 148
Пошехонье, г.— 324
Правобережная Украина — 290, 450, 514, 517, 521, 676, 688—690, 692. См. также Украина
Правобережье. См. Правобережная Украина
Предуралье — 795
Преображенский м-рь в Казанском у.— 790

Преображенское, с. под Москвой — 660
Приамурье — 548, 831, 844, 853, 854
Прибайкалье — 831, 841
Прибалтика — 456, 499, 733, 745, 747, 750, 752, 763, 765. См. также Восточная Прибалтика
Придонье — 282
Прикамье — 205, 797, 801
Прикарпатье — 506
Приладожская Карелия — 763. См. также Карелия
Приладожский край (Приладожье) — 503, 504, 764
Припять, р.— 491, 495
Приуралье — 34, 205, 787, 795, 804, 968
Пронск, г.— 240
Пронский у.— 472
Пропойск, г.—706
Пруссия — 164, 506, 512, 519. См. также Восточная Пруссия
Прут, р.— 714
Псков, г.—40, 60, 71, 72, 74, 119, 122, 123, 129, 133, 138, 139, 200, 204, 210, 219, 223, 249—256, 258, 386, 387, 393, 481, 490, 501, 502, 504, 505, 628, 629, 967, 970
Псково-Печерский м-рь — 504
Псковский у.—71, 119, 223, 226, 254, 324, 384, 766
Псковско-Новгородская земля — 593
Птичь, р.—489
Пузо, с. Арзамасского у.— 305
Пукштонская волость в Литве — 737
Путивль, г.— 117, 124, 129, 393, 471, 482, 511, 516, 667
Путивльский у.— 149
Пустозерск г.— 324, 778, 785, 818
Пустозерский у.— 194, 775, 815
Пusторжевский у.— 514
Путнянский м-рь в Молдавии — 716
Пушкарская слобода в г. Козлове — 240
Пушкарская слобода в г. Курске — 204
Пыскорский завод в Соликамском уезде — 87, 88, 107
Пыскорский м-рь — 61, 62, 70, 75, 77, 107, 116 120
Пярну, г.— 746, 761
Пятиизбенск (Пятиизбенный городок), г-к на Дону—288, 294

Радомысль, г. Волынского воеводства—668
Радомышль, м-ко под Киевом — 530
Раудонварис, магнатское имение в Литве — 733
Ребольский погост на Кольском п-ве 775
Ревель, г.— 191, 505
Ревельский у.— 505
Регенсбург, г.— 534
Редикорский погост Чердынского у.— 69
Резекне (Речица), г.— 485, 491, 706, 707, 751, 760, 761
Резекненский у.— 760
Рейн, р — 529, 530, 534
Речица, г. См. Резекне, г.
Речь Посполитая — 255, 267, 290, 312, 318, 355, 356, 468, 471, 475, 480—482, 484, 486, 487, 491—493, 496, 500, 501, 506, 507, 509, 513, 514, 516, 517, 519, 521, 529, 531, 532, 534, 536, 668, 673, 674, 681, 704, 705, 707—710, 712, 726, 735, 741, 742, 745, 759, 760, 761, 939
Решма, слобода Суздальского у.— 71
Решт, г.— 134, 288
Ржева-Володимерова (Ржев), г.—71, 72, 468
Ржевский у.— 32, 72, 119, 169
Рига, г.— 356, 456, 485, 492, 494, 497, 499—503, 745, 747—750, 752—754, 759—761
Рига (Рыгин городок) у р. Иловли — 270, 281
Рим, г.— 313, 532, 561, 951
Римская империя. См. Империя
Ровно, г.— 486, 669
Рождественский м-рь — 174
Роздоры, г-к, столица Войска Донского — 264, 266
Рокитно, с. на Украине — 674
Роман, г.— 715
Романов, г.— 47, 168, 170, 239, 376
Романово городище Лебедянского у.— 199
Романовский у.— 91
Рославль, г.— 122, 148, 393, 468, 482, 484, 509, 510
Россия. См. Русское государство
Ростов, г.— 71, 121, 122, 618, 626
Ростокино, с. под Москвой — 178
Рубцово, подмосковное дворцовое село — 621
Рудининкай, м-ко в Литве — 740
Рудня, г.— 72
Руза, г.— 148, 373
Рузский у.— 31
Румелия — 266
Русское государство (Россия, Русь, Московское государство, Московия, Московская Русь, Московское цар-

ство) — 5—12, 14—17, 20—22, 24—26, 29, 31, 33, 38, 40—42, 48, 50—52, 55—57, 59, 61, 62, 64, 65, 68—71, 76, 82, 86—92, 95, 98, 101—104, 108, 110, 112—115, 120, 123, 124, 127—132, 134, 136, 138, 139, 142, 144, 147, 150, 151, 155, 156, 159, 163, 164, 176, 177, 180, 181, 185, 186, 192, 194, 196—201, 203, 205, 219, 221—224, 229, 232, 236, 241, 243, 244, 249, 250, 255, 260, 263, 265, 267—271, 273—275, 280, 281, 290, 293, 297, 311—313, 317, 318, 329, 334, 342—344, 346, 348, 355, 356, 359—361, 363, 364, 366, 367, 370, 371, 373—375, 378, 380, 382, 384, 385, 388, 391, 395, 398—402, 407, 408, 410, 415, 419, 424, 425, 428, 430, 431, 436, 438, 439, 442, 444, 446, 447, 449, 450, 452—468, 470—472, 476, 478—482, 484, 486—488, 490—502, 504, 506—512, 514—522, 524, 527—536, 538, 541—544, 546, 549—551, 552, 554, 555, 557, 559, 561—564, 570, 573, 576—584, 586—589, 591, 593, 594, 597, 600, 602, 610, 611, 613, 627, 630, 636, 641—643, 648—650, 656, 658, 663, 665—667, 675—677, 679—682, 684—690, 692—698, 703—705, 707, 708, 716, 723—730, 732, 734, 739, 741—743, 746, 750—752, 754, 759, 760, 763—769, 771, 773, 777—781, 790, 793, 794, 798, 800, 802—804, 806—808, 810, 811, 813, 816—820, 835, 839, 844, 848, 849, 854, 857, 860—862, 868—870, 871, 876, 880, 888, 889, 897, 898, 904—906, 911, 913, 915—917, 919—921, 923, 924, 929, 936, 939, 941, 942, 947, 951, 953, 957—959, 969

Русь. См. Русское государство
Руxджа, аварское с.— 924
Рыльск, г.— 117, 124
Рыльский у.— 149
Ряжск, г.— 52, 240
Ряжский у.— 33, 52
Рязанский у.— 33, 52, 149, 168, 170, 180, 279, 280, 472, 516
Рязань, г. См. Переяславль-Рязанский

Сааремаа, о-в на Балтийском море — 745
Саввин Звенигородский м-рь — 111, 333, 335
Садовая слобода в Москве — 202
Сайрам, г.— 880
Самара, г.— 134, 273, 274, 285, 300, 394
Самара, р., приток Днепра — 537, 538, 667
Самарканд, г.— 886, 887, 899, 900—902
Самаровский ям, слобода близ г. Тобольска — 864
Самарская лука на Волге — 111, 112
Сан, р., приток Вислы — 506
Сапожок, г.— 392
Сарайчик, г. столица Ногайской орды — 271
Саранск, г.— 303—305, 310
Саранский у.— 310, 791
Саратов, г.— 284, 285, 300
Сары-су, р.— 870, 897
Сахалин, о-в — 844, 848
Саяны, горный хребет — 827
Свенская ярмарка — 118, 124, 125, 129, 688, 967
Свиной остров на Каспийском море — 288—290
Свислочь, р., приток Березины — 494
Свияга, р., приток Волги — 306
Свияжск, г.—306, 310, 790
Свияжский у.—109, 790, 792, 795
Святозерская волость в Заонежье — 61
Священно-Римская империя германской нации. См. Империя
Себастия, г.—946
Себеж, г.—468, 514
Север. См. Поморье
Северная Африка — 530
Северная Двина, р. См. Двина Северная, р.
Северный Азербайджан — 959, 961—964. См. также Азербайджан
Северный Дагестан — 907, 908, 925. См. также Дагестан
Северный Донец, р., приток Дона — 53, 264, 269, 529, 667
Северный Кавказ (Черкасия) — 47, 541, 903, 910, 913, 914, 916, 918, 920, 922—924, 926, 958. См. также Кавказ
Северный Ледовитый океан — 47, 69, 580, 815, 835, 850
Северская земля — 482, 517
Севск, г.—393, 477
Севский у.—445
Сейм, р., приток Десны — 33, 141
Селемджа (Селенба), р., приток Зеи — 844
Селенга, р.—840, 853
Селенгинск (Селенгинский острог), г.— 136, 548, 549, 853
Селецкая слободка Рязанского у.— 44, 168
Семеновская слобода в Москве — 557
Семипалатинская обл.—881

Семиречье — 870, 871, 880
Серафинец, р. в Молдавии — 713
Сербия — 611
Сергачские поташные заводы (будные станы) — 108, 436
Серегова, д. Вымского у. (соляной промысел Панкратьевых) — 112, 782
Середняя, д. Елецкого у.—279
Серет, г.— 716
Серпейск, г.— 72, 148, 468, 475
Серпейский у.— 32
Серпухов, г.— 392, 471
Серпуховский у.— 59, 472
Сиам — 656
Сибирская дорога (Сибирский торговый путь) — 117, 194, 782
Сибирская дорога, часть Башкирии — 35, 797, 803, 809
Сибирское ханство — 373, 459, 544, 826
Сибирь (Сибирская земля) — 17, 25, 27, 34, 35, 37—40, 42, 48, 50, 54, 55, 77, 115—119, 122, 126—128, 130, 134, 136, 188, 194, 197—199, 201, 205, 223, 244—246, 263, 271, 325, 373, 376, 383—386, 391, 393, 394, 402, 412, 433, 544, 547—549, 551, 580—582, 587—589, 619, 665, 666, 693, 778, 781, 783, 785, 795, 815, 822—825, 828, 832, 835, 840, 842, 843, 848—852, 854, 855, 857—868, 870, 968. См. также Западная Сибирь, Восточная Сибирь
Силезия — 497
Симбирск, г.— 109, 285, 303—310, 394, 478, 792, 793
Симбирская черта — 34, 285, 303, 393, 789, 793
Симбирский у.— 303, 791, 792
Симонов м-рь в Москве — 334, 634
Симса, залив на Северном Ледовитом океане — 118, 195, 582
Синара, р., приток Исети — 797, 803
Синоп, г.— 921
Сирия — 958
Сис, г. в Армении — 946
Скопин, г.— 170, 199
Скопинский у.— 42
Слободищи, м-ко на Украине — 513
Слободская Украина (Великая Россия) — 38, 300, 309, 376, 529, 688, 689
Слоним, г.— 491, 495
Слонимский у.— 500, 706
Слуцк, г.— 491, 492, 494—496, 710
Смирна, г.— 950
Смоленск, г.— 40, 60, 71, 72, 119, 122, 123, 129, 133, 148, 184, 272, 275, 386, 393, 435, 451, 456—458, 462, 467—474, 479, 480, 482—485, 491, 492, 501, 509, 510, 512, 517, 530, 597, 711, 921, 967
Смоленский у — 119, 482, 486, 501, 518
Смоленское воеводство — 482
Смоленское княжество — 376
Соденская волость, одна из Устьянских волостей — 107
Сож, р., приток Днепра — 482
Сокольск, г.—33, 51
Соленый городок, казачий г-к на Яике — 273
Соликамский у.—50, 107, 115, 194, 196, 435
Соловецкая вотчина — 114, 116, 173, 782
Соловецкие о-ва — 320, 322, 323
Соловецкий м-рь — 69, 111, 114, 116, 173, 283, 315, 320—323, 426, 772, 782
Соломенская дворцовая волость — 90
Соломыковский завод в Каширском у.— 92
Солотчина, д. Рязанского у.— 170
Солотчинский м-рь в Рязанском у.— 166, 170, 171, 190
Соль Большая, посад — 199
Соль Вычегодская (Сольвычегодск), г.— 62, 67, 68, 76, 105, 117, 118, 196, 200, 201, 207, 223, 236, 237, 381, 557, 606, 634, 778, 780, 786, 861, 967
Сольвычегодская ярмарка — 117, 118
Сольвычегодский у.—32, 46, 69, 77, 128, 309, 775, 776, 779, 780
Соль Галицкая, г.— 61, 62
Соль Камская (Соликамск), г.—61, 62, 68, 70, 75, 77, 87, 105, 106, 108, 109, 112, 115, 116, 120, 161, 194—196, 208, 212, 220, 309, 416, 417, 435, 556, 609, 861, 967, 970
Сольцы, слобода Новгородского у.— 254
Соньяльский погост на Кольском п-ве — 774
Сорокинский завод под Москвой — 92
Сорошнево, с. Вологодского у.— 184
Сотники, с. на Украине — 674
Союз Советских Социалистических республик (СССР) — 14, 15, 32, 35, 92, 144, 559, 601, 615, 663, 771, 904
Спасский (Заиконоспасский) м-рь в Москве — 566
Спасский м-рь в Суздале — 634
Спасский м-рь в Ярославле — 76, 191, 322
Спасское, с. Боровского у.— 40

Среднее Поволжье — 205, 281, 790, 810. См. также Поволжье
Средний Казахский жуз (Средняя орда)— 870, 876, 882, 883
Средняя Азия — 118, 134, 276, 459, 542, 543, 824, 841, 852, 870, 878, 880—885, 887—889, 892—894, 897, 898
Средняя Орда. См. Средний Казахский жуз.
Сретенская сотня в Москве — 203
Сретенский м-рь в Москве — 232
Ставищи (Любомир), г.— 669
Ставропольская волость Старорусского у.— 446
Стайки, г.— 530
Стамбул, г.— 466
Становой хребет — 549, 850, 853, 854
Стародуб, г.— 148, 468, 517, 632, 687, 691
Стародубье (Стародубский у.)— 324
Старая Руса, г.— 71, 111, 119
Старец, урочище на Украине — 677
Старица, г.— 119, 393
Старицкий у.— 32, 169
Староконстантинов, г.— 695
Старо-Русский у.—119, 122, 446
Старший Казахский жуз (Большая орда) — 870, 876, 882
Старый Быхов (Быхов) — 279, 488, 491, 492, 494—496, 509, 510, 512
Стерлитамакский у.—812
Стокгольм, г.—133, 191, 764
Столбово, с. Новгородского у.— 765
Столин, г.—495
Столовичи, м-ко на Украине.— 495
Стрелецкая слобода в г. Курске — 204
Стрелицкий стан Нижегородского у.— 44
Субботово, с. на Украине под г. Чигирином — 674
Судачок, г.— 491
Суздаль, г.— 230, 236, 237, 634
Суздальский у.— 71, 169
Сула, р., приток Днепра — 667, 677
Сум, р.— 766
Сумский острог (посад) — 111, 323, 768
Сумерская (Сомерская) волость Старорусского у.— 446
Сумерский погост Новгородского у.— 254
Сумы, г.— 537
Сунгари, р., приток Амура — 844
Сунжа, р., приток Терека — 913, 914, 918
Сунженский острог — 913, 919
Сура, р., приток Волги — 303, 304
Сурами, г.—941
Сургут, г.— 245
Сургутский у.— 821, 822
Сурож, г.— 468
Сухона, р.— 50, 111, 194, 215, 238
Сухоно-Двинский водный путь — 69, 72, 105, 114—116, 122, 194, 207, 782, 783
Сучава, г.— 715, 716, 725
Сызрань, г.— 273
Сыр-Дарья, р.— 870, 871, 874, 880, 882—884, 896
Сыренск, г.— 456, 505
Сыренский у.— 505
Сыромятная слобода в Москве — 202
Сысольские волости Яренского уезда — 777, 783—785
Сюния, часть Армении — 948
Сюрдигор, часть Северной Осетии — 907
Сяськой рядок Новгородского у.— 122

Тавда, р., приток Тобола — 820
Тавриз, г.— 947
Таджикская ССР — 871, 883
Таз, р.— 778, 822, 848
Таймыр, п-ов — 817
Талецкий острог на Белгородской черте — 241, 242
Таллин, г.— 746, 762
Таманский полуостров — 903, 919, 921, 924
Тамань, г.— 919
Тамбов, г.— 33, 279, 300, 302, 304, 310, 476, 477
Тамбовский у.— 33, 112, 279, 280, 305
Тара, г.— 134, 205, 601, 825, 852, 854, 889, 897
Тарки, г.— 908, 917, 918
Тарнополь, г.— 487
Тарский у.— 55, 824
Тарту, г. См. Юрьев Ливонский, г.
Тарусский у.— 472
Тарханский острог Тобольского у.— 544, 852
Татария — 904, 920
Татевский м-рь в Армении — 946, 951
Ташкент, г.— 878, 896
Тбилиси, г.— 928, 929, 932, 934, 936, 937, 941, 942, 944
Тверская-Константиновская слобода в г. Москве — 72, 101, 103, 202
Тверской Отроч м-рь — 602
Тверской у.— 170
Тверь, г.— 119, 393
Тебендинский острог — 544, 852

Темников, г.— 305, 309
Темниковский у.— 44, 309, 791
Темрюк, г.— 919
Терек, р.— 284, 293, 904, 912—915, 918
Терки (Терский город), г.— 286—288, 909, 912—914, 918—921, 924
Терский берег Белого моря — 774
Тетерев, р., приток Днепра — 513
Тетюши, г.— 303
Тетюшский у.— 791
Теча, р., приток Исети — 802
Тиунский берег — 817
Тихвин, г.— 60, 61, 64, 67, 119, 120, 122, 133, 194, 199, 202, 207, 219, 767, 768
Тихвинский м-рь — 191
Тихий (Великий) океан — 25, 34, 459, 580, 665, 851, 854
Тишина, р., приток Дона — 284
Тобол, р.— 34, 544, 795, 819, 870
Тобольск, г.— 134, 205, 385—387, 394, 542, 548, 581, 587, 589, 825, 826, 859, 863—865, 868, 889, 897
Тобольский у.— 34, 55, 325, 824, 858, 864
Токатский р-н (Малая Азия) — 926
Толвуйский погост в Заонежье — 768
Толчковская слобода в Ярославле — 73, 74, 624, 639, 652, 654
Томск, г.— 87, 236, 244, 245, 386, 828, 851, 860, 868
Томский у.— 35, 546, 821, 822, 826, 827, 854, 864
Томь, р., приток Оби — 34, 546, 852
Торгашта, г.— 648
Торжок, г.— 393
Торопец, г.— 350, 393
Тотемский у.— 32, 43, 69, 196
Тотьма, г.— 62, 105, 106, 215, 326, 418, 557, 572
Трансильвания — 713, 716, 720, 724, 725
Трансильванские Альпы — 713
Требеш, г.— 716
Триполье, г.— 530
Троице-Сергиев м-рь — 31, 159, 178, 232, 248, 333, 359, 561, 631, 634, 654, 772
Троицкий м-рь в Астрахани — 297
Троицкий м-рь в Курске — 242, 243
Троицкий м-рь в Муроме — 624
Троицкий м-рь в Свияжском у.— 790
Троицкое-Лыково, с. под Москвой — 632
Троки, крепость в Литве — 494
Троцкая слобода в Курске — 243
Троцкое воеводство — 500, 704
Трубчевск, г.— 199, 468
Туба (Упса), р., приток Енисея — 828
Тубинское княжество (Туба, Тубинская земля) — 546, 829
Тугарское зимовье — 848
Туглим, с. Яренского у.—46, 114, 779, 782
Тула, г.— 52, 59, 67, 88, 91, 96, 120, 124, 179, 204, 282, 392, 471
Тулома, р. на Кольском п-ве — 774
Туломозерская волость в Заонежье — 65
Тульский оружейный завод — 452
Тульский у.— 32, 59, 92
Тульские заводы — 89, 90
Тульско-Каширские заводы — 91, 92
Тура, р., приток Тобола — 820
Тургай Большой и Малый, реки, притоки Иргиза — 870
Турецкая Армения. См. Западная Армения
Туринск, г.— 864, 867
Туринский у.— 34, 42, 55, 824, 856, 864
Туркестан, г.— 873, 874, 875, 880
Туркмения (Туркменистан) — 890, 894, 897, 963. См. также Туркменская ССР
Туркменская ССР — 871, 883. См. также Туркмения (Туркменистан)
Туркменский берег — 287
Туров, г.— 706, 495
Туронтаево, с. Вологодского у.— 184
Турухан, р., приток Енисея — 822, 823, 848, 849
Туруханское зимовье — 849
Турция (Турская земля, Порта, Османская империя, Оттоманская порта)—25, 264, 265, 267, 268, 270, 336, 355, 380, 415, 458—461, 463—466, 475, 476, 479, 491, 518—521, 528—530, 532—534, 536, 538, 541, 543, 544, 665, 678, 680, 681, 686, 690, 692, 693, 714, 719, 722, 724—726, 728, 904, 913, 916, 919—922, 926, 927, 929—931, 933, 934, 936—942, 946, 947, 949—951, 962, 964. См. также Азиатская Турция
Турья, посад Яренского у.— 782
Тым, р., приток Оби — 822
Тымская волость — 822
Тыснак, станция в Казахстане — 881
Тюменка, р., приток Терека — 914
Тюменский у.— 34, 42, 55, 824, 864
Тюмень, г.—134, 601, 825
Тюмень-Арык, станция в Казахстане — 881
Тянь-Шань, горный хребет — 870
Тясьмин, р., приток Днепра — 521, 525—528, 667

Убс, оз.— 546
Углич, г.— 74, 77, 621, 622
Угличский у.— 122, 188
Угодский завод — 92
Уда, р. в Прибайкалье — 840
Удинское зимовье (Улан-Удэ, г.) — 853
Удорская волость Яренского у.— 783, 786
Ужга, волость Яренского у.— 783, 785
Узбекистан — 543, 896, 900, 902, 958. См. также Узбекская ССР
Узбекская ССР — 871, 883. См. также Узбекистан
Укмергский у. в Литве — 737
Украина — 25, 33, 53, 199, 204, 293, 308, 312, 313, 315, 355—357, 432, 445, 446, 450, 455—457, 459, 460, 478, 480—483, 486, 487, 489—491, 493—495, 497, 500, 501, 507, 510, 511, 513—518, 521, 526, 529—532, 535—538, 563, 576, 632, 647, 648, 663, 667—670, 672—682, 684—694, 696—700, 702—707, 721, 724—726, 742, 774. См. также: Левобережная Украина, Правобережная Украина, Западная Украина
Украинская ССР — 632, 687, 688, 690—693
Улья, р.—851, 853
Унга, р., приток Ангары — 840
Унжа, р., приток Волги — 50, 309
Упа, р., приток Оки — 282, 392
Упитский у. в Литве — 737
Упса, р. См. Туба, р.
Урал — 87, 92, 128, 195, 197, 198, 271, 325, 795, 796, 819, 860
Урал, р. См. Яик, р.
Уральск, г.— 272. См. также Яицкий Казачий город
Уральский хребет — 854, 862
Ургенч, г.— 134, 274, 883, 887, 895
Ургень, г.— 310, 791
Урюх, р., приток Терека — 907
Уса, р., приток Печоры — 848
Усвят, г.— 484
Усерд, г.— 55, 476, 529
Усердский у.— 51
Усманский у.— 279
Усмань, г.— 279, 477
Успенский м-рь в г. Тихвине — 199
Успенский Свенский м-рь около г. Брянска — 124
Усть-Боровский погост Соликамского у.—107
Усть-Вым, с. Яренского у.— 778, 780
Усть-Кутский острог в Сибири — 849
Усть-Уренская слобода в Поволжье — 310
Усть-Цилемская слободка Пустозерского у. (Усть-Цильма) — 775, 776, 778, 783—785
Устье, м-ко в Польше — 497
Устьянские волости — 107
Устюг Великий, г.— 43, 46, 47, 50, 62, 64, 67, 68, 74, 77, 80, 87, 105, 115, 120, 122, 127, 128, 160, 196, 200—202, 208, 215, 219, 223, 236—239, 249, 425, 557, 570, 623, 624, 658, 778—780, 782, 861, 967, 970
Устюжна Железопольская (Устюжна), г.— 60, 61, 67, 119, 120, 202, 233
Устюжская полусотня в Москве — 203
Устюжский у.—32, 50, 62, 77, 80, 122, 126, 186, 193, 194, 196, 219, 238, 309, 389
Ути, древняя обл. в Северном Азербайджане — 963
Утка, р., приток Чусовой — 789, 790, 791
Уфа, г.—386, 796—798, 802, 804, 807, 809
Уфимский у.— 802, 809
Учур, р., приток Алдана — 853

Фаддея остров — 195
Фарабат, г.— 134, 288
Фастов, г.— 486
Федотовская, д. Тотемского у.— 43
Федякино, с. Рязанского у.— 279
Феодосия, г. См. Кафа, г.
Ферапонтов м-рь в Белозерском у.—359
Фербеллин, г.— 520
Фергана, г.— 886
Фили, с. под Москвой — 632
Финляндия — 766
Финский залив — 131, 204, 457, 465, 504, 746
Флоренция, г.— 537
Фоймогубская волость в Заонежье — 92, 768
Фоймогубский медеплавильный завод — 768
Франкфурт на Майне, г.— 572
Франция — 25, 461, 463—465, 481, 508, 511, 518, 519, 530, 531, 534, 537
Фрязиново, с. Вологодского у.— 184

Хаапсалу, г.— 754
Хамовники, часть г. Москвы — 101
Харпай, д. Тверского у.— 170
Хвалынское море. См. Каспийское море

Хива, г.— 895, 902
Хива (Хивинское ханство) — 134, 543, 872, 882—890, 892—898, 900, 902
Хивинская дорога, путь через Хивинское ханство — 897
Хилок, р., приток Селенги — 840
Хлынов, г.— 200, 201, 416
Ходжент, г.— 887
Холмогоры, г.— 66, 104, 131, 201, 202, 295, 618, 783
Хопер, р., приток Дона — 33, 269, 281, 287, 324
Хорасан, обл. в Персии — 889
Хотин, г.— 463, 715, 716
Хотинский у.— 722, 723
Хотмышск, г.— 55, 477, 537
Хрипаличи, с. на Украине — 670
Хунзахское плато в Дагестане — 908
Хутынский м-рь в Новгородском у.— 252
Хушский район Молдавии — 714

Царев-Борисов, г.— 305, 529
Царевичев-Дмитриев, г.— см. Кокнес, г.
Царевоборисов, г.— 529
Царевококшайский у.— 790
Царицин, г.— 281, 284, 287—289, 291—293, 296—298, 300, 302, 308
Царьград, г.— 593, 612
Цейлон, о-в — 656
Центральная Европа. См. Европа Центральная
Цесис, г.— 751
Цивильск, г.— 303, 310, 795
Цна, р., приток Мокши — 477

Чаган, р., приток Яика — 272, 274
Чаинская волость у селькупов — 822
Чаронда, г.— 201
Чаунская губа — 850
Чаусы, м-ко в Белоруссии — 487, 509
Чебоксары, г.— 109, 310
Челмужи, с. в Заонежье — 771
Челнавский острог на Белгородской черте — 241
Ченцовский завод в Каширском у.— 92
Чепца, р., приток Вятки — 37, 186
Червленное, с. Тамбовского у.— 310
Чердынский у.—69, 70, 115, 194
Чердынь, г.— 68, 196, 861
Череможская волость Ярославского у.— 334
Черемуш, р. в Молдавии — 713
Черея, м-ко в Белоруссии — 513
Черкасия. См. Северный Кавказ
Черкасово, с. Ярославского у.— 72, 101, 103
Черкасск, г.— 266, 268, 287, 288, 295, 308, 324
Черкасская слобода под Терским городом — 920
Черкасское княжество — 914
Черкасское староство — 672
Черкессия — 925
Черкизово, с. под Москвой — 203
Чермь, р.— 505
Чернавск, г. на Белгородской черте — 476
Черная Долина, урочище по пути к Перекопу — 540
Чернигов, г.— 517, 632, 687, 691, 699
Чернигово-Северская земля — 457
Черниговское воеводство — 682
Черновицкий у.— 722, 723
Черноголовская волость Богородского у.—104
Черное море — 264, 273, 281, 478, 530, 579, 582, 903, 904, 919, 920
Черный Яр, г.— 284, 292, 297
Чернь, г.— 393
Четыре бугра, о-в в устье Волги — 289
Чечерск, г.— 484, 682, 706
Чигирин, г.— 521—525, 527—529, 534, 536, 693
Чикой, р., приток Селенги — 840
Чир, р., приток Дона — 324
Чона, р., приток Вилюя — 849
Чу, р.— 870
Чугуев, г.— 242, 305, 391, 476, 676
Чудново, м-ко на Украине — 513, 514, 690
Чудов м-рь в Козлове — 240
Чудов м-рь в Москве — 52, 84, 203, 587
Чудское оз.— 504, 505
Чукотка, п-ов — 843, 844
Чулым, р., приток Оби — 822, 827
Чулышман, р.— 827
Чуна, р., приток Ангары — 840
Чусовские городки, соляной промысел в Соликамском у.—106, 115, 116. См. также Верхний и Нижний Чусовские городки
Чухур-Садская обл. См. Ереванская обл.
Чухчерьма, с. близ г. Холмогоры — 618
Чуя, р.— 827

Шантарские о-ва — 845
Шах-Абатский арык — 884

Шацк, г.— 305, 392
Шацкий у.— 149, 279, 305, 308, 309
Швеция — 25, 95, 114, 122, 127, 130, 132, 133, 232, 250, 263, 278, 355, 356, 393, 415, 446, 447, 449, 452, 456—458, 461, 463—466, 475, 481, 484, 491—494, 496—501, 506, 507, 509, 511, 512, 514, 519, 520, 534, 537, 742, 745, 751, 752, 755, 756, 758, 760, 761, 763—766, 769, 773, 939, 942
Шеки, г. в Северном Азербайджане — 957, 958
Шексна, р., приток Волги — 37
Шелонская пятина — 254
Шемаха, г.— 134, 544, 910, 947, 957, 958
Шемаханская обл. См. Ширванская обл.
Шептаковская волость — 692
Шилка, р.— 844, 853, 854
Шираз, г.— 544
Ширван, г.— 926
Ширванская (Шемахинская) обл.— 961
Широково, с. Калининской обл.— 618
Шклов, г.— 393, 483, 484, 488, 512, 517
Шунгский погост в Заонежье — 92, 768

Эмансуга, проток Волги — 286
Эмба (Емь), р.— 271, 542
Эндери (Андреева деревня) владение в Дагестане — 908, 910, 916, 918, 919
Эрзерум, г.— 946, 950
Эстляндия — 752—754, 756
Эстония — 745, 746, 751, 752, 760, 761, 762. См. также Эстонская ССР
Эстонская ССР — 746, 752, 761, 762. См. также Эстония
Эчмиадзинский м-рь в Армении — 946, 952

Юг, р.— 50, 115
Юго-Восточная Европа. См. Европа Юго-Восточная
Юромское, с. Архангельской обл.—618
Юрьев Ливонский (Дерпт, Тарту), г.— 501, 502, 745, 746, 761, 762
Юрьевец Поволжский, г.— 314
Юрьевец-Поволжский у.— 109

Яблонов, г.— 55, 476
Яблоновый хребет — 549. 853, 854
Ядрин, г.— 303, 310
Яик, г. См. Гурьев, г.
Яик (Урал), р.— 48, 134, 199, 219, 271—277, 285, 286, 291, 795, 870, 879, 897
Яицкий городок. См. Гурьев, г.
Яицкий Казачий город — 272, 273, 277. См. также Уральск, г.
Яицкий каменный город. См. Гурьев, г.
Якунинская д. См. Якушево, д.
Якутия — 836, 839, 848, 867
Якутск (Якутский острог), г.— 129, 386, 394, 619, 836, 848, 850, 851, 853, 858, 864, 868
Якутский у.— 55, 864
Якушево (Якунинская), д. Ношульского погоста Сольвычегодского у.—69, 779, 781
Якшеня, с. Арзамасского у.— 175
Ялуторовск (Ялуторовский острог), г.— 544, 852, 854
Ям, г.— 457, 505
Ямской у.— 505
Ямыш-озеро — 825
Яна, р.— 580, 835, 850, 858
Японские о-ва — 848
Яренск, г. (Еренский городок, Вымь Яренская) — 68, 196, 556, 775, 781—783, 786, 861
Яренский у.— 46, 112, 116, 777, 781, 782, 784, 790. См. также Вымский уезд
Ярканская волость в Якутии — 836
Ярославль, г.—40, 47, 60, 71—77, 120—122, 125, 200, 239, 334, 361, 506, 544, 622, 624, 625, 629, 630, 640, 651—653, 967, 970
Ярославский у.— 47, 101, 103, 120, 169, 184, 334
Яссы, г.—648, 716, 722, 729, 730, 732

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Чертеж г. Данкова с окружающими его земельными владениями приборных служилых людей, 1673 г. (вклейка) . . . . 32—33
2. Боронование. Деталь иконы Артемия Веркольского, XVII в. 41
3. Рыбная ловля на Волге. Гравюра из книги: J. J. Struys. Drio aanmerkolijke ĕn seer rampspoedige Reysen Door... Lijflandt, Moscovien, Tartarijen . . Amsterdam, 1676 49
4. Железные дверные петли, XVII в. 63
5. Серебряная чеканная братина князя И. А. Хворостинина московской работы, первая четверть XVII в. 64
6. Серебряный ковш серпуховского посадского человека М. Плотникова, 1660 г. 65
7. Медный чеканный кувшин, 1671 г. 66
8. Медное блюдце с расписной эмалью, сольвычегодской работы 1690-х годов (цветная вклейка) . . . . 66—67
9. Медная чеканная братина, XVII в. 67
10. Работа плотников. Миниатюра XVII в. 69
11. Набойка XVII в. (вклейка) . . . . 72—73
12. Набойка XVII в. (вклейка) . . . . 72—73
13. Резной ларец из моржовой кости, XVII в. 81
14. Черный глиняный лощеный кувшин, найденный в Москве при прокладке метро, XVII в. 82
15. Изразцовая облицовка окна здания Земского приказа в Москве, 1690-е годы. Фрагмент (цветная вклейка) . . . . 82—83
16. Художественные изразцы конца XVII в. (цветная вклейка) . . . . 82—83
17. Каменщик за работой. Деталь фрески из Калязина монастыря, XVII в. . . . 83
18. И. Е. Власов, воевода в Нерчинске в 1677 г. Слева изображена штольня и добыча руды. Портрет маслом работы Гр. Адольского, 1695 г. 89
19. Чертеж Пушечного двора в Москве, 60-е годы XVII в. (перерисовка) . . . 93
20. Ружье (пищаль) работы мастеров Оружейной палаты, середина XVII в. 97
21. План Хамовного двора в Кадашевской слободе в Москве, XVII в. 102
22. Фигурный штоф зеленого стекла, XVII в. Тип сосудов Духанинского стекольного завода 104
23. Соляная варница на р. Мшаге. Рисунок из альбома Пальмквиста, 1674 г. 107
24. Соляные варницы в Соли Камской, XVII в. 108
25. Соляной амбар в Соли Камской, XVII в. 109
26. Железные гири, XVII в. 117
27. Медный безмен, найденный на берегу залива Симса в 1940 г., начало XVII в. 118
28. Гербы городов Ростова, Ярославля и Белоозера. Рисунок из «Титулярника», 1672 г. 121
29. Нижний Новгород. Гравюра XVII в. 123
30. Архангельск. Чертеж 1694 г. Из дел Пушкарского приказа 131
31. Гостиный двор в Архангельске. Вид со двора. Деталь 133

32. Астрахань. Гравюра из книги: J. J. Struys. Drio aanmerkolijke ěn seer rampspoedige Reysen Door... Lijflandt, Moscovien, Tartarijen... Amsterdam, 1676 135
33. Чертеж чересполосных земельных владений на р. Сейме в Курском уезде, 1701 г. 141
34. Село Крестцы. Рисунок из альбома А. Мейерберга, 1661—1662 гг. . . . 145
35. Стольник В. Ф. Люткин. Портрет маслом работы неизвестного художника, 1695 г. 153
36. Серебряная резная чара князя И. Б. Черкасского, 1635 г. 157
37. Стул русской работы, конец XVII в. 158
38. Земляные работы. Миниатюра XVII в. 167
39. Патриаршее село Медное. Рисунок из альбома А. Мейерберга, 1661—1662 гг. 173
40. Деревянный ковш-скопкарь, XVII в. 183
41. Кафтан из сермяжного сукна, принадлежавший поморскому промышленнику начала XVII в. Из находок экспедиции на остров Фаддея и в залив Симса в 1945 г. 195
42. План Тихвинского посада, XVII в. Деталь 203
43. Гость Гаврила Фетиев. Портрет маслом работы неизвестного художника, XVII в. 209
44. «Поганкины палаты» во Пскове, около 1645 г. 210
45. Расписная крышка подголовка с надписью: «Подголовок Никиты Савиновича Потапова 196-го (1688) году месяца майя в 11 д.» 211
46. Деревянный ларец, окованный полосами из прорезного железа, XVII в . . . 212
47. Охабень женский шелковый, XVII в. (после реставрации), найденный в Московской китайгородской стене во время работ по проведению метро . . . 213
48. Уложение 1649 г. Начало главы XIX: «О посадских людех» 218
49. Вид Московского Кремля с Красной площади. Рисунок из альбома А. Мейерберга, 1661—1662 гг. (вклейка) . . . . . . 232—233
50. Лист из следственного дела об Устюжском восстании 1648 г. 239
51. План г. Пскова, 1694 г. (вклейка) . . . . . . 252—253
52. Дворец в селе Коломенском. Гравюра Ф. Гильфердинга, 1768 г. 261
53. С. Т. Разин. Деталь гравюры, 1672 г. 283
54. Отправление стрельцов против С. Т. Разина. Копия акварельного рисунка, XVII в. 287
55. Взятие Астрахани войсками Разина. Гравюра из книги: J. J. Struys. Drio aanmerkolijke ěn seer rampspoedige Reysen Door... Lijflandt, Moscovien, Tartarijen... Amsterdam, 1676 299
56. «Прелестное письмо» С. Т. Разина 301
57. Г. Симбирск. Гравюра, 1767 г. 307
58. Соловецкий монастырь. Деталь иконы начала XVIII в. 321
59. Стрелецкое восстание 15 мая 1682 г. Миниатюра из «Истории Петра Великого» П. Н. Крекшина. Список 30-х годов XVIII в. 329
60. Царь Алексей Михайлович. Портрет маслом работы С. Лопуцкого, 1657 г. . . . 346
61. Прием иностранных послов царем Алексеем Михайловичем в Грановитой палате Московского Кремля. Рисунок из альбома Пальмквиста, 1674 г. 347
62. Боярин Н. И. Одоевский. Портрет маслом работы неизвестного художника, XVII в. 349
63. Патриарх Никон. Портрет маслом работы Д. Вухтерса, около 1660 г. . . . 355
64. Заседание Земского собора 1613 г. Миниатюра из рукописной книги «Избрание на царство М. Ф. Романова», 1672 г. 363
65. Сцена в приказе. Деталь иконы, XVII в. 367
66. Печать Земского приказа, XVII в. 374

67. Русское посольство в Англию в 1662 г. во главе с боярином С. И. Прозоровским. Портрет маслом работы неизвестного художника, XVII в. . . . 377
68. Стольник И. И. Чемоданов, посол в Венецию в 1657 г. Портрет маслом работы неизвестного художника, XVII в. Копия (цветная вклейка) 378—379
69. Боярин А. С. Матвеев. Портрет маслом работы неизвестного художника, XVII в. Копия 379
70. Медная чернильница каргопольской приказной избы, 1690 г. 390
71. Кандалы, XVII в. 402
72. Наказание батогами. Рисунок из альбома Пальмквиста, 1674 г. 403
73. Писцовая книга г. Тотьмы, 1625 г. 419
74. Лист из таможенной книги Устюга Великого, 1634 г. 425
75. Серебряный перекованный ефимок, XVII в. 430
76. Серебряный «четвертак», XVII в. 431
77. Мелкая серебряная монета, XVII в. 432
78. Медная полтина царя Алексея Михайловича 433
79. Конный воин. Рисунок из альбома Пальмквиста, 1674 г. 442
80. Вооружение солдатских полков, XVII в. 443
81. Московский стрелец. Рисунок из альбома Пальмквиста, 1674 г. 448
82. Русская артиллерия в походе. Рисунок из альбома Пальмквиста, 1674 г. . . . 451
83. Корабль «Орел». Деталь гравюры «Астрахань» из книги: J. J. Struys. Drio aanmerkolijke ĕn seer rampspoedige Reysen Door... Lijflandt, Moscovien, Tartarijen... Amsterdam, 1676 453
84. Гравюра из книги «Учение и хитрость ратного строю пехотных людей», 1647 г. 455
85. Осада Смоленска русскими войсками в 1632—1634 гг. Деталь гравюры В. Гондиуса, 1636 г. 469
86. Устройство засек. Деталь гравюры В. Гондиуса «Осада Смоленска», 1636 г. 479
87. Чертеж г. Витебска, 1664 г. 485
88. А. Л. Ордын-Нащокин. Портрет маслом работы неизвестного художника, XVII в. 499
89. Осада Риги русскими войсками в 1656 г. Гравюра XVII в. 503
90. Наступление русской армии (стрельцы, копейщики и поместная конница). Деталь гравюры В. Гондиуса «Осада Смоленска», 1636 г. 509
91. Боярин В. В. Голицын. Портрет маслом работы неизвестного художника, XVII в. 535
92. Перекоп. Гравюра из книги: N.-C. Witsen. Noord en Oost Tartarye... Amsterdam, 1692 539
93. Индийский лист, данный торговому человеку Семену Маленькому, 1696 г. 545
94. Г. Нерчинск. Гравюра из книги: Isbrant Ides. Three years travels from Moscow over-land to Chine. London, 1706 547
95. Китайская стена и въезд русского посольства к богдыхану. Гравюра из книги: Isbrant Ides. Three years travels from Moscow over-land to Chine. London, 1706 548
96. Прием русского посольства богдыханом. Гравюра из книги: Isbrant Ides. Three years travels from Moscow over-land to Chine. London, 1706 549
97. Посольства в Китай И. Петлина, Ф. Байкова и Н. Спафария. Карта из книги: Д. М. Лебедев. География в России XVII в. М., 1949, стр. 163. . . 550
98. Рукоприкладства посадских людей Соли Камской на челобитной 7 декабря 1695 г. 556
99. Азбука Василия Бурцева, напечатанная на Московском Печатном дворе в 1637 г. 558
100. Мелетий Смотрицкий. Гравюра, XVII в. 559

101. Титульный лист Таблицы умножения, напечатанной на Московском Печатном дворе в 1682 г. 560
102. Московский Печатный двор. Акварель XVIII в. 562
103. Подъем колокола в Московском Кремле. Рисунок из альбома Пальмквиста, 1674 г. 569
104. Крепостное строительство без контрфорсов. Угловая башня и часть стены б. Донского монастыря в Москве, XVII в. 571
105. План Звенигородского Павловского завода с изображением водяного двигателя. Из дел Тайного приказа 60—70-х годов XVII в. 573
106. Фронтиспис рукописного лечебника, конец XVII в. 575
107. «Звездозаконник». Гравюра из букваря Кариона Истомина, 1694 г. 578
108. Солнечные компасные часы начала XVII в., найденные на берегу залива Симса 582
109. Русское мореходное промысловое судно XVII в. «коч». Реконструкция 583
110. Карта Восточной Европы, гравированная Г. Герритсом в 1614 г. для географического атласа Блавиана по чертежу, составленному Ф. Б. Годуновым (вклейка) . . . . 584—585
111. Предисловие к сборнику пословиц и поговорок, конец XVII— начало XVIII в. 595
112. «Житие» протопопа Аввакума (автограф) 603
113. Рукописная иллюстрированная книга для чтения — «Александрия», список XVII в. 611
114. Симеон Полоцкий. Гравюра 613
115. Владимирская церковь в селе Белой Слуде Архангельской области, 1642 г. 617
116. Ильинская церковь в селе Чухчерьме Архангельской области, 1657 г. 618
117. Успенская церковь в селе Варзуге Муромской области, 1674 г. 619
118. Надвратная башня стены Николо-Карельского монастыря, 1691—1692 гг. 620
119. Троицкая башня Московского Кремля. Современный вид 621
120. Успенская «Дивная» церковь Алексеевского монастыря в Угличе, 1628 г. 622
121. Вознесенская церковь в Устюге Великом, 1648 г. 623
122. Церковь Ильи пророка в Ярославле, 1647—1650 гг. 624
123. Церковь Иоанна Предтечи в Ярославле. Портал западной паперти, 1671—1687 гг. 625
124. Дом Коробова в Калуге, XVII в. 629
125. Дом Серина в Гороховце, XVII в. 631
126. Церковь Покрова в селе Филях под Москвой, 1693 г. 632
127. Иосифов Волоколамский монастырь. Общий вид. 633
128. Кузнечная башня Иосифова-Волоколамского монастыря, XVII в. 635
129. Фреска церкви Троицы в Никитниках в Москве: «Брак в Кане Галилейской», 1652—1653 гг. 639
130. Фреска церкви Иоанна Предтечи в Ярославле, 1694—1695 гг. 640
131. «Нерукотворенный Спас», икона работы Симона Ушакова, 1673 г. 641
132. «Парсуна» царя Федора Алексеевича работы И. Салтанова, 1685 г. Копия 644
133. Деталь резного иконостаса в церкви Ильи пророка в Ярославле, XVII в. 653
134. Серебряная чеканная братина думного дьяка Михайла Данилова, XVII в. 655
135. Серебряная золоченая резная кружка работы мастера Оружейной палаты Василия Андреева, конец XVII в. 656

136. Серебряная позолоченная с чернью «келейная» (домашняя) чаша нижегородского митрополита Трефилия, московская работа 1699 г.(вклейка) 656—657
137. Серебряный оклад евангелия И. Б. Репнина, 1695 г. 657
138. Лист из «Комедии... притчи о блудном сыне». Гравюра 1685 г. 661
139. Вид г. Киева. С рисунка А. Вестерфельда, 1651 г. (вклейка) . . . . 668—669
140. Вид г. Львова. Гравюра, XVII в. 669
141. План г. Каменец-Подольска. Гравюра по рисунку художника Томашевича, 1672 г. 671
142. Печать портновского, сапожного, скорняжного и слесарного цехов г. Киева, 1616 г. 672
143. Украинские казаки. Рисунок А. Вестерфельда, 1651 г. 673
144. Богдан Хмельницкий. Портрет маслом работы неизвестного художника, XVII в. Копия (цветная вклейка) . . . . 680—681
145. Бой казаков на Днепре под Киевом с войсками Я. Радзивилла в 1651 г. С рисунка А. Вестерфельда, 1651 г. 683
146. Решение Земского собора 1 октября 1653 г. о воссоединении Украины с Россией (первый и последний листы рукописи) 685
147. Автограф Богдана Хмельницкого 689
148. Серебряная миска Богдана Хмельницкого с его инициалами и гербом Войска Запорожского 691
149. Печать Львовского братства, XVII в. 695
150. Ратуша в г. Львове. Реконструкция 696
151. «Лексикон славено-российский» Памвы Берынды, напечатанный в Киевской типографии в 1657 г. Титульный лист 697
152. Украинская набойка, XVII в. 700
153. Украинская народная вышивка, XVII в. (вклейка) . . . . 700—701
154. «Артемихин дом» на Подоле в Киеве, XVII в. 701
155. Никольский собор в Киеве, 1694 г. Архитектор Осип Старцев 702
156. Белорусские крестьяне. Деталь Минской иконы, XVII в. 705
157. Г. Речица. Рисунок А. Вестерфельда, 1651 г. 707
158. Горожане Лоева. Деталь гобелена XVIII в., по рисунку XVII в. 709
159. Белорусская народная вышивка, XVII в. 711
160. Стилизованный герб Молдавии. Резьба по камню, XVII в. 715
161. Серебряная пряжка от пояса молдавской работы, XVII в. 716
162. Молдавский господарь Георгий Стефан. Гравюра, XVII в. 727
163. Титульный лист первой печатной книги в Молдавии — «Казания» Варлаама, 1643 г. 730
164. Художественное шитье по бархату, 1609 г. 731
165. Развалины феодального замка XVII в. в Гелгаудишкас 734
166. Ратуша г. Каунаса, XVII в. 739
167. Деталь скульптурной отделки костела Петра и Павла в Вильно, XVII в. 744
168. Кубок латышского цеха перевозчиков, XVII в. 747
169. Рижский порт. Картина маслом неизвестного художника, XVII в. 749
170. Торговый амбар XVII в. в г. Риге (ул. Вецинясетас, д. 10) 750
171. Сенокос. Деталь карты Поволжья из книги: Olearius Adam. Offt begehrte Beschreibung Der Newen Orientalischen Reise... Schlesswig, 1656 . . . 788
172. Мари. Гравюра из книги: Olearius Adam. Offt begehrte Beschreibung Der Newen Orientalischen Reise... Schlesswig, 1656 789
173. Упряжка оленей. Гравюра из книги: Bruins Cornelis. de Reisen over Moskovie door Persie, Amsterdam, 1714 816
174. Юрты самоедов. Гравюра из книги: Bruins Cornelis. de Reisen over Moskovie door Persie, Amsterdam, 1714 817

175. Самоед. Гравюра из книги: Bruins Cornelis. de Reisen over Moskovie door Persie, Amsterdam, 1714 818
176. Самоедка. Гравюра из книги: Bruins Cornelis. de Reisen over Moskovie door Persie, Amsterdam, 1714 819
177. Семья манси. Гравюра из книги: Witsen N.-C. Noord en Oost Tartarye... Amsterdam, 1692. 821
178. Ханты. Гравюра из книги: Isbrant Ides. Three years travels from Moscow over-land to Chine. London, 1706 823
179. Эвенк-охотник. Гравюра из книги: Isbrant Ides. Three years travels from Moscow over-land to Chine, London, 1706 832
180. Шаман в селении эвенков. Гравюра из книги: Witsen N.-C. Noord en Oost Tartarye.... Amsterdam, 1692 835
181. Якут. Гравюра из книги Witsen N.-C. Noord en Oost Tartarye... Amsterdam, 1692 836
182. Способы передвижения якутов зимой. Гравюра из книги: Witsen N.-C. Noord en Oost Tartarye... Amsterdam, 1692 837
183. Даур. Гравюра из книги: Witsen N.-C. Noord en Oost Tartarye... Amsterdam, 1692. 846
184. Башня Якутского острога, 1683 г. 850
185. Г. Кузнецк. Гравюра из книги: Witsen N.-C. Noord en Oost Tartarye... Amsterdam, 1692 855
186. Сбор ясака. Миниатюра из Кунгурской летописи, XVII в. 856
187. Герб Сибири. Рисунок из «Титулярника», 1672 г. 859
188. План г. Тобольска. Из «Чертежной книги Сибири 1701 г.», составленной С. У. Ремезовым 865
189. Охота на тюленей. Гравюра из книги: Witsen N.-C. Noord en Oost Tartarye... Amsterdam, 1692 866
190. Рыбный промысел в Сибири. Гравюра из книги: Witsen N.-C. Noord en Oost Tartarye... Amsterdam, 1692 867
191. Лавка зеленщика. Миниатюра Гератской школы, 1606 г. 889
192. Игра в поло. Миниатюра Гератской школы, 1606 г. 891
193. Самарканд. Медресе Ширдор, 1619—1636 гг. Общий вид. 899
194. Самарканд. Медресе Ширдор, 1619—1636 гг. Мозаичное панно 901
195. Черкесы. Гравюра из книги: J. J. Struys. Drio aanmerkolijke ĕn seer rampspoedige Reysen Door... Lijflandt, Moscovien, Tartarijen... Amsterdam, 1676 905
196. Г. Тарки. Гравюра из книги: Olearius Adam. Offt begehrte Beschreibung Der Newen Orientalischen Reise... Schlesswig, 1656 909
197. Пашущий крестьянин. Рисунок Кастелли, XVII в. 927
198. Замок грузинского феодала. Рисунок Кастелли, XVII в. 929
199. Игра всадников «трокус». Рисунок Кастелли, XVII в. 933
200. Георгий Саакадзе. Рисунок Кастелли, XVII в. 935
201. Арчил, царь Имеретии, и Николай Давидович, царь Кахетии. Гравюра из книги: Witsen N.-C. Noord en Oost Tartarye... Amsterdam, 1692 938
202. Александр преследует Дария. Миниатюра начала XVII в. из «Истории Александра Македонского». Художник Акоп Джугаеци (цветная вклейка) . . . . 952—953
203. Ворота шах-Аббаса в Баку, XVII в. 959

Подбор иллюстраций произведен Н. А. Баклановой.

СПИСОК КАРТ,
ПРИЛАГАЕМЫХ К ЭТОМУ ТОМУ

1. Русское государство в XVII в.
2. Крестьянская война под предводительством Степана Разина
3. Крестьянская война в Среднем Поволжье
4. Укрепленные линии и засечные черты Русского государства в XVII в. и Крымские походы
5. Русско-польская война 1654—1655 гг.
6. Освободительная война 1648—1654 гг.
7. Карта расселения народов Сибири в конце XVII в.
8. Кавказ в XVII в.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААЭ — Акты Археографической экспедиции
АДЮБ — Акты, относящиеся до юридического быта древней России
АИ — Акты исторические
Архив ЮЗР — Архив Южной и Западной России
ДАИ — Дополнения к актам историческим
ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения
ПДС — Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными
ПСЗ — Полное собрание законов
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
РИБ — Русская историческая библиотека
Сб. РИО — Сборник русского исторического общества
Сб. ОРЯС — Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук
Уложение 1649 г.— Соборное Уложение царя Алексея Михайловича, 1649 г. М. 1907
СГГиД — Собрание государственных грамот и договоров
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов
ЦГАУ — Центральный государственный архив Украинской ССР
ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив
Чтения ОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение (*А. А. Новосельский*) 5

Часть первая

НАЧАЛО СКЛАДЫВАНИЯ ВСЕРОССИЙСКОГО РЫНКА И БУРЖУАЗНЫХ СВЯЗЕЙ В РОССИИ. (ПЕРЕХОД К АБСОЛЮТИЗМУ (1618—1689 гг.)

Глава первая

Производительные силы и социально-экономический строй

1. Сельское хозяйство (*А. А. Новосельский*) 31
2. Ремесло и мелкое товарное производство (*Н. В. Устюгов*) 57
3. Мануфактура (*В. Г. Гейман, Н. В. Устюгов*) 87
4. Торговля (*К. В. Базилевич, Н. В. Устюгов*) 113
5. Феодальное землевладение. Боярство, дворянство и церковь (*А. А. Новосельский*) 139
6. Крестьяне и холопы (*А. А. Новосельский*) 164
7. Посадские люди (*П. П. Смирнов, А. Н. Сперанский*) 198

Глава вторая

Обострение классовой борьбы

1. Введение (*А. А. Новосельский*). 221
2. Городские восстания в Русском государстве в середине XVII в. Земский собор 1648—1649 гг. (*А. А. Новосельский, А. Н. Сперанский*) 224
3. Восстания в Новгороде и Пскове в 1650 г. (*М. Н. Тихомиров*) 249
4. Восстание в Москве в 1662 г. (*К. В. Базилевич*) 256
5. Донское казачество (*Н. С. Чаев*) 264
6. Яицкое казачество (*Е. Н. Кушева*) 271
7. Крестьянская война под предводительством С. Т. Разина (*А. А. Новосельский, Н. С. Чаев*) 277
8. Церковный раскол и Соловецкое восстание 1668—1676 гг. (*Н. С. Чаев*) . . . 312
9. Стрелецкое восстание 1682 г. (*С. К. Богоявленский, Н. В. Устюгов*) . . . 325

Глава третья

Государственный строй

1. Основные этапы внутренней политики в XVII в. (*А. А. Новосельский*) 337
2. Царская власть и Боярская Дума (*К. В. Базилевич, С. К. Богоявленский, Н. С. Чаев*) 344
3. Земские соборы (*А. И. Заозерский*) 360
4. Центральное управление. Приказы (*Н. В. Устюгов*) 366
5. Местное управление (*С. К. Богоявленский, С. Б. Веселовский*) 384
6. Право и суд (*В. М. Курицын*) 394
7. Финансы (*Н. В. Устюгов*) 411
8. Вооруженные силы (*А. В. Чернов*) 439

Глава четвертая

Внешняя политика

1. Введение (*А. А. Новосельский*) 457
2. Международное положение Русского государства в 20—30-х годах и Смоленская война 1632—1634 гг. (*В. А. Прокофьев, А. А. Новосельский*) 462
3. Русско-турецкие и русско-крымские отношения в 30—40-х годах (*А. А. Новосельский*) 476

4. Первый этап русско-польской войны за освобождение Украины и Белоруссии (1654—1656) (*А. Н. Мальцев*) 480
5. Международное положение Русского государства в 50-х годах и русско-шведская война 1656—1658 гг. (*А. Н. Мальцев*) 496
6. Продолжение и завершение русско-польской войны (1658—1667). Андрусовское перемирие. (*А. Н. Мальцев*) 506
7. Международное положение Русского государства и русско-турецкая война 1676—1681 гг. (*Я. Е. Водарский*) 518
8. Международное положение России в начале 80-х гг. «Вечный мир» 1686 г. и Крымские походы 1687 и 1689 гг. (*И. Б. Греков, А. Н. Мальцев*) 531
9. Сношения России со странами Азии (*А. А. Новосельский*) 541

Глава пятая

Русская культура

1. Введение (*Н. В. Устюгов*) 552
2. Просвещение и школа (*Н. В. Устюгов*) 554
3. Научная и техническая мысль (*С. В. Бахрушин, Н. В. Устюгов*) 568
4. Устное народное творчество (*Л. Н. Пушкарев*) 591
5. Литература (*Л. Н. Пушкарев*) 600
6. Искусство. 616
Архитектура (*А. Г. Чиняков*) 616
Живопись (*А. Н. Свирин*) 636
Прикладное искусство (*А. Н. Свирин*) 650
Театр (*С. К. Богоявленский, Л. Н. Пушкарев*) 658

Часть вторая

ИСТОРИЯ НАРОДОВ СССР В XVII В. ВОССОЕДИНЕНИЕ УКРАИНЫ С РОССИЕЙ

Введение (*А. А. Новосельский*) 665

Глава шестая

Украина и Белоруссия. Воссоединение Украины с Россией

1. Хозяйственное и социальное развитие Украины в первой половине XVII века (*А. И. Баранович*). 667
2. Освободительная война 1648—1654 гг. и воссоединение Украины с Россией (*А. И. Баранович*) 677
3. Экономические и политические последствия воссоединения Украины с Россией во второй половине XVII в. (*А. И. Баранович*) 687
4. Культура Украины в XVII веке (*А. И. Баранович*) 694
5. Белоруссия (*А. И. Баранович, Н. Г. Бережков*) 703

Глава седьмая

Молдавия (*Е. М. Руссев*) 713

Глава восьмая

Народы Прибалтики

1. Литва (*Ю. М. Юргинис*) 733
2. Эстония и Латвия (*Я. Я. Зутис*) 745

Глава девятая

Народы европейского севера

1. Карелы (*Л. В. Черепнин*) 763
2. Саамы (лопари) (*Н. В. Устюгов*) 771
3. Коми (*Н. В. Устюгов*) 775

Глава десятая

Народы Поволжья и Приуралья

1. Народы Поволжья (*В. А. Ледяев, Л. В. Черепнин, А. И. Яковлев*) 787
2. Башкиры (*Н. В. Устюгов*) 795

Глава одиннадцатая

Народы Сибири

1. Народы Северо-Западной Сибири 813
   а) самоеды (энцы, ненцы, нганасаны) (*С. В. Бахрушин, Б. О. Долгих*) . 815
   б) Манси и ханты (*С. В. Бахрушин*) 819
   в) Селькупы и кеты (*Б. О. Долгих*) 821
2. Тюркские народы Западной и Южной Сибири 824
   а) сибирские татары (*С. В. Бахрушин*) 824
   б) алтайские народы (*С. В. Бахрушин*) 826
   в) народы Верхнего Енисея (*С. В. Бахрушин*) 827
3. Эвенки (*Н. Н. Степанов*) 831
4. Якуты (*С. В. Бахрушин*) 835
5. Буряты (*С. А. Токарев*) 840
6. Народы Северо-Восточной Азии (*С. В. Бахрушин*) 842
7. Народы Приамурья (*Б. А. Васильев*) 844
8. Присоединение и колонизация Сибири. Эксплуатация Сибири царизмом. Русское население Сибири (*В. И. Шунков*) 848

Глава двенадцатая

Народы Казахстана и Средней Азии

1. Казахстан (*Н. Г. Аполлова*) 870
2. Средняя Азия (*Н. Г. Аполлова*) 882

Глава тринадцатая

Народы Кавказа

1. Народы Северного Кавказа (*Е. Н. Кушева*) 901
2. Грузия (*Н. А. Бердзенишвили, В. Д. Дондуа*) 926
3. Армения (*С. Т. Еремян*) 944
4. Азербайджан (*И. П. Петрушевский*) 954

Заключение

Начало формирования русской нации (*А. А. Новосельский, Л. Н. Пушкарев, Н. В. Устюгов*) 966

Указатель имен 971
Географический указатель 1000
Перечень иллюстраций 1023
Список карт 1029
Список сокращений 1029

Утверждено к печати Институтом истории АН СССР

Редактор издательства *В. А. Александров*. Технический редактор *А. А. Киселева*

РИСО АН СССР № 13-70В. Сдано в набор 26/IV 1955 г. Подп. в печать 17/X 1955 г. Формат бум. $70 \times 108^1/_{16}$. Печ. л. 88,36+13 вкл.+8 цв. карт *(в приложении)*. Уч.-издат. лист. 74,6+4,5 вкл. (79,1). Тираж 20000. Т-05993. Изд. № 839. Тип. зак. 1508.

Цена с картами 49 р. 80 к.

Издательство Академии наук СССР. Москва Б-64, Подсосенский пер., д. 21

2-я типография Издательства АН СССР. Москва, Шубинский пер., д. 10

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
50	6 сн.	, Ю. Готье	. Ю. Готье
153	подпись под рис.	Лыткин	Люткин
170	9 св.	Богородицкому.	Богородицком у.
244	1 св.	лучиево	лучи ево
335	17—18 св.	Неплеев	Неплюев
Между 584—585	подпись под рис.	Ф. Т. Годуновым	Ф. Б. Годуновым
908	2—3 сн.	Гюлистан-Иран	Гюлистан-Ирам
918	3 сн.	«Гюлистан-Иран»	«Гюлистан-Ирам»
990	20 сн.	Районов	Райнов
1014	19 сн.	Печенегский	Печенгский
1027	2 и 4 сн.	Cornelis. de	Cornelis de.

Очерки истории СССР, XVII в.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОЧЕРКИ
ИСТОРИИ
СССР

XVII в.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР